

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІХ

1895.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1895.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (31-го декабря 1894 года). *О присвоеніи Краснокутскому двухклассному городскому училищу наименованія „Краснокутское городское Герасима Дашкевича училище“.*

По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 29-й день іюля 1866 года, учрежденному въ городѣ Краснокутскѣ, Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, приходскому начальному училищу присвоено было наименованіе „Краснокутское Архангело-Михайловское приходско-народное училище Герасима Дашкевича“.

Нынѣ попечитель Харьковского учебнаго округа, по соглашенію съ наслѣдникомъ Герасима Дашкевича, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о преобразованіи означеннаго училища въ двухклассное городское по положенію 31-го мая 1872 года, съ отнесеніемъ его содержанія на 1.250 рублей процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, пожертвованнаго училищу Дашкевичемъ. 640 рублей изъ средствъ Краснокутскаго городского общества и 300 рублей изъ суммъ мѣстнаго мѣщанскаго и цеховаго обществъ, и о присвоеніи означенному училищу наименованія „Краснокутское городское Герасима Дашкевича училище“.

Разрѣшивъ вмѣстѣ съ симъ преобразовать упомянутое училище въ двухклассное городское, съ отнесеніемъ содержанія его на счетъ указанныхъ источниковъ, министръ народнаго просвѣщенія всенеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества

соизволеніе на присвоеніе преобразуемому училищу наименованія „Краснокутское городское училище Герасима Дашкевича“.

Государь Императоръ, въ 31-й день декабря 1894 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

2. (6-го февраля 1895 года). *О продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: За предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу, мнѣніемъ положилъ:

Отпускать изъ государственнаго казначейства въ пособіе Императорскому Русскому Историческому Обществу въ теченіе 5-ти лѣтъ, начиная съ 1-го января 1895 года, по *шести тысячъ* рублей въ годъ, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащее подраздѣленіе финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

3. (20-го февраля 1895 года). *Объ увеличеніи кредита на хозяйственные расходы Императорскаго Россійскаго историческаго музея.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи кредита на хозяйственные расходы Императорскаго Россійскаго историческаго музея, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи кредита на хозяйственные

расходы Императорскаго Россійскаго историческаго музея, мнѣніемъ положить:

I. Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному, 12-го іюня 1886 года, временному росписанію должностей и расходовъ на содержаніе Императорскаго Россійскаго историческаго музея (Собр. Узак. 1886 года № 73 ст. 700) отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1895 года, по *четыре тысячи* рублей въ годъ, на уплату городскихъ и земскихъ сборовъ и на мелкій ремонтъ зданій музея, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащее подраздѣленіе финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

II. Извлекаемые Императорскимъ Россійскимъ историческимъ музеемъ доходы отъ отдачи въ наемъ торговыхъ помѣщеній въ зданіи музея обращать съ 1895 года въ ресурсы казны, и

III. На покрытіе хозяйственныхъ расходовъ музея за предшествующее до 1-го января 1895 года время отпустить единовременно *шесть тысячъ триста* рублей, съ обращеніемъ сего расхода въ равныхъ частяхъ на счетъ остатковъ по ст. 1 §§ 6 и 7 дѣйствующей смѣты того же министерства 1894 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (20-го февраля 1895 года). *О назначеніи пособія Уральскому Обществу любителей естествознанія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о назначеніи пособія Уральскому Обществу любителей естествознанія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о назначеніи пособія Уральскому Обществу любителей естествознанія, мнѣніемъ положить:

1) Отпускать изъ государственнаго казначейства, съ 1-го Іюля 1895 года, въ пособіе Уральскому Обществу любителей естествознанія по *два тысячи* рублей въ годъ.

2) Потребный на выдачу означеннаго пособія, по расчету съ

1-го іюля 1895 года по 1-е января 1896 года, расходъ въ размѣрѣ одной тысячи рублей обратить на счетъ кредита, внесеннаго для сего, въ равной суммѣ, къ условному отпуску въ ст. 17 § 17 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1895 года, съ 1-го же января 1896 года вносить его, въ полной годовой суммѣ, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты того же вѣдомства.

Подлинное мѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами..

5. (10-го марта 1895 года). *Объ опубликованіи во всеобщее свѣдѣніе Высочайшихъ отмѣтокъ на отчетахъ Волинскаго и Тургайской области губернаторовъ.*

Во внесенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ за 1893 годъ, о состояніи Волинской губерніи и Тургайской области, послѣдовали нижеслѣдующія Высочайшія резолюціи:

1) Въ отчетѣ Волинскаго губернатора: а) по объясненію, что школа можетъ послужить однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ устраненію обособленности среди населенія Волинской губерніи, такъ какъ она не только должна вести своихъ питомцевъ съ самаго ранняго дѣтскаго возраста въ истинно русскомъ направленіи, но это же направленіе, при посредствѣ дѣтей, должно оказывать благотворное воздѣйствіе и на самихъ родителей: „*Совершенно вѣрно*“ и б) о желательности оказанія государственнымъ казначействомъ помощи въ дѣлѣ открытія народныхъ школъ: „*Къ Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ*“.

и 2) По объясненію военнаго губернатора Тургайской области: а) о необходимости для удовлетворенія спроса киргизовъ на русское образованіе открытія отвѣчающаго таковой потребности числа русскихъ школъ: „*Совершенно вѣрно*“ и б) о томъ, что приспособленнымъ къ условіямъ киргизскаго быта аульнымъ школамъ суждено развить русскую грамотность среди киргизовъ и дать массѣ киргизскаго народа средства къ усвоенію русскаго образованія: „*Надѣюсь*“.

Увѣдомля объ этомъ, г. управляющій дѣлами комитета министровъ присовокупилъ, что Высочайше утвержденнымъ, 10-го минувшаго марта, положеніемъ названнаго комитета предоставлено министерству народнаго просвѣщенія опубликовать приведенныя Высочайшія отмѣтки во всеобщее свѣдѣніе.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

15-го марта 1895 года *опредѣлены* на службу: лѣкарь *Корде*—штатнымъ ординаторомъ акушерской клиники Императорскаго Московскаго университета, на три года; лѣкарь *Доброхотовъ*—врачемъ Екатеринбургской мужской гимназіи; окончившіе курсъ наукъ: въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени. *Байковъ*, историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, *Корбелецкій* и горный инженеръ *Гартванъ*, первый—лаборантомъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета, второй—исправляющимъ должность воспитателя пансіона при Черниговской гимназіи и третій—сверхштатнымъ преподавателемъ техническихъ классовъ горнозаводскаго отдѣленія Красноуфимскаго промышленнаго училища; лѣкарь *Крымъ*—врачемъ Старокрымскаго городского училища; окончившіе курсъ наукъ: въ Θεодосійскомъ учительскомъ институтѣ, *Крыжановскій* и въ учительскихъ семинаріяхъ: Херсонской, *Филимоновъ* и Киржачской, *Пастуховъ*, первый—учительскимъ помощникомъ Симферопольскаго городского училища. второй—учителемъ Шабскаго приходскаго училища и третій—учителемъ Юрьевскаго, Владимірской губерніи, городского приходскаго училища; имѣющіе званіе учителей уѣзднаго училища: *Терентьевъ*, *Королевъ* и лѣкарь *Шекуновъ*, всѣ трое—въ школу ремесленныхъ учениковъ товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры, въ Москвѣ: первый—учителемъ-инспекторомъ, второй—учителемъ и третій—врачемъ; окончившій курсъ техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища съ званіемъ техника по сельско-хозяйственной специальности *Черновъ*—учителемъ Красноуфимской русско-башкирской низшей сельско-хозяйственной школы при названномъ училищѣ и окончившій курсъ наукъ въ духовной семинаріи *Оаворинъ*—помощникомъ класснаго наставника обще-образовательныхъ классовъ названнаго промышленнаго училища.

Назначены: лаборантъ при химическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета, коллежскій секретарь *Ландезенъ*—помощникомъ директора при томъ же кабинетѣ, согласно прошенію; кагульскій городской врачъ, лѣкарь *Костюринъ*—врачемъ Кагульскаго городского училища; сверхштатный учитель чистописанія, черченія и рисованія Киржачской учительской семинаріи *Щегловъ*—учителемъ рисованія Ефремовской, Тульской губерніи, прогимназіи.

Утверждены: почетный попечитель Феодосійской гимназіи, тайный совѣтникъ *Айвазовскій*—вновь, въ занимаемой имъ должности, на три года, согласно избранію; исправляющіе должности учителей: Бакинскои Маріинской женской гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Авонскій*, и Маякскаго городского училища, коллежскій регистраторъ *Горбатьюкъ*, оба въ исправляемыхъ должностяхъ, изъ нихъ первый—съ 1-го января 1894 года.

Уволенъ согласно прошенію, почетный попечитель Курскаго реального училища, состоящій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Крейнмихель*—отъ первой изъ означенныхъ должностей.

Уволенъ отъ службы, за неисполненіе принятыхъ на себя обязанностей, почетный смотритель Хотинскаго уѣзднаго училища, неимѣющій чина *Палій*, съ 25-го ноября 1894 года.

Уволены: отъ службы, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ уголовного права, статскій совѣтникъ *Микляшевскій*—за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; согласно прошеніямъ: сверхштатный лаборантъ медико-химической лабораторіи Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ *Матеевъ*; врачъ Пермскаго реального училища, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Серебрянниковъ*; сверхштатный ассистентъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, коллежскій ассессоръ *Натансонъ*; съ 4-го сентября 1894 г.; учитель Мещевскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Синичкинъ*; помощникъ директора при химическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета, кандидатъ химіи *Штолцъ*; почетный смотритель Константиноградскаго уѣзднаго училища, неимѣющій чина *Гриневицъ*; согласно прошенію, по болѣзни, письмоводитель Замостской мужской прогимназіи, неимѣющій чина *Алехинъ*.

Умершіе исключены изъ списковъ: наставникъ Пензенской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ *Кондратовъ*, съ 1-го января; врачъ Бобринецкаго городского училища, коллежскій ассессоръ *Куликъ*; учитель-инспекторъ Керенскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Ивановъ*, съ 28-го января.

Произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники, бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки *Бычковъ*—съ 1-го февраля 1895 г.; изъ коллежскихъ се-

кретарей въ *титularные совѣтники*, учитель Владивостокскаго городского училища *Кулаковичъ*—съ 14-го апрѣля 1892 года.

Московский учебный округъ. Изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*; учителя: Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II *Просвиринъ*—съ 19-го апрѣля 1892 г.; гимназій: Елецкой, *Первовъ*—съ 1-го іюля 1894 г. и *Вознесенскій*—со 2-го октября 1894 г., Коломенской, *Демидовъ*—съ 1-го сентября 1894 г., Московской 4-ой, *Стрѣльцовъ*—съ 1-го октября 1894 г., Рыбинской, *Староскольскій*—съ 1-го августа 1894 г., Серпуховской Александровской шестиклассной прогимназій *Петръ Смирновъ*—съ 1-го августа 1894 г.; реальныхъ училищъ: Зарайскаго, *Профтъ*—съ 1-го сентября 1894 года, Костромскаго, *Ушаковъ*—съ 10-го сентября 1894 г., Нижегородскаго Владимірскаго, *Реймондъ*—съ 1-го ноября 1894 г., Орловскаго Александровскаго, *Сыченковъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; наставники учительскихъ семинарій: Алферовской, Григорій *Смирновъ*—съ 16-го марта 1894 г., Киржачской, *Домовъ*—съ 13-го августа 1894 г. и воспитатель Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта, Вячеславъ *Смирновъ*—съ 21-го августа 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II *Вильпертъ*—съ 25-го октября 1894 г. и Андрей *Захаровъ*—съ 13-го декабря 1894 г., Елецкой гимназій *Мышцынъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; наставники Алферовской учительской семинарій: *Новлянскій*—съ 2-го августа 1894 г. и Александръ *Захаровъ*—съ 31-го октября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, помощникъ классныхъ наставниковъ Рыбинской гимназій *Копьевъ*—съ 17-го сентября 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощники классныхъ наставниковъ: Рыбинской гимназій *Малининъ*—съ 11-го сентября 1894 г. и Зарайскаго реального училища *Ильинскій*—съ 18-го сентября 1889 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: пиемоводитель Елецкой гимназій *Лукашовъ*—съ 1-го октября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 2-й прогимназій *Лукьяновъ*—съ 4-го іюля 1894 г.; учителя: приготовительнаго класса при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ *Нелидовъ*—съ 18-го августа 1892 г. и Одоевскаго уѣзднаго училища *Спаскій*—съ 3-го сентября 1890 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, учителя Крапивянскаго уѣзднаго училища *Федоровъ*—съ 26-го октября 1892 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*,

воспитатель пансіона Московской 4-й гимназіи *Александръ*—съ 21-го августа 1890 г.; *коллежскаго секретаря*, преподаватель Наблковскаго училища *Фидрусь*—съ 19-го апрѣля 1890 года.

Одесскій учебный округъ. *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: инспекторъ Екатеринославской гимназіи *Щербинскій*—съ 5-го декабря 1894 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи *Теодоровичъ*—съ 13-го октября 1894 г.; библиотекарь Императорскаго Новороссійскаго университета *Брунь*—съ 17-го іюля 1894 г.; астрономъ-наблюдатель Императорскаго Новороссійскаго университета *Цвѣтиновичъ*—съ 12-го октября 1893 г.; учителя: Ананьевской гимназіи *Шпаковский*—съ 16-го сентября 1894 г.; гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ *Гришинскій*—съ 9-го сентября 1894 г.; Евпаторійской прогимназіи *Стефановскій*—съ 17-го сентября 1894 г.; Елисаветградскаго реального училища *Флгель*—съ 5-го ноября 1894 г.; Одесскаго реального училища *Машкевичъ*—съ 9-го сентября 1894 г., Одесской Маріинской женской гимназіи *Ладновъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Севастопольской женской гимназіи *Вишневоцкій*—съ 7-го октября 1894 г., исправляющій должность воспитателя пансіона при Ришельевской гимназіи *Хердемовъ*—съ 18 февраля 1892 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Геричъ*—съ 30-го сентября 1891 г.; учителя: Ришельевской гимназіи *Знойко*—съ 1-го августа 1894 г., Оеодосійской гимназіи *Галабуцкій*—съ 1-го ноября 1894 г., Севастопольскаго реального училища *Пятницкій*—съ 23-го сентября 1894 г., Херсонскаго реального училища *Юрасовъ*—съ 17-го октября 1894 г., Елисаветградской женской гимназіи *Базилевичъ*—съ 3-го сентября 1894 г., Одесской Маріинской женской гимназіи *Бракетмейеръ*—съ 16-го августа 1894 г., Оеодосійской женской гимназіи *фонъ-Фиаровскій*—съ 15-го октября 1894 г., врачъ Севастопольскаго городского четырехкласснаго училища Лейзеръ *Вулицецъ*—съ 17-го октября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Немировский*—съ 10-го мая 1894 г.; учителя: Комратскаго реального училища *Денисчукъ*—съ 1-го октября 1893 г., Екатеринославской Маріинской женской гимназіи *Бублевъ*—съ 1-го декабря 1891 г.; Бахмутской женской прогимназіи *Сребницкій*—съ 20-го октября 1884 г.; наставникъ Байрамчской учительской семинаріи *Токаревъ*—съ 13-го августа 1893 г. исправляющій должность наставника Но-

вобугской учительской семинаріи *Черный*—съ 3-го сентября 1894 г.; врачи: Екатеринославской гимназіи *Зубаревъ*—съ 6-го ноября 1894 г., Ялтинской прогимназіи *Ботословскій*—съ 23-го апрѣля 1873 г.; учитель-инспекторъ Θεодосійскаго городского трехкласснаго училища *Корецкій*—съ 1-го іюля 1893 г.; учителя городскихъ училищъ: Измаильскаго четырехкласснаго, *Михайличенко*—съ 1-го августа 1894 г. и Болградскаго трехкласснаго, *Ветуховъ*—съ 8-го сентября 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: врачи еврейскихъ начальныхъ училищъ: Каховскаго, однокласснаго *Линшевскій*—съ 5-го декабря 1891 г.; Кишиневскаго *Гринбергъ*—съ 4-го августа 1890 г.; учитель Перекопскаго городского трехкласснаго училища *Василій Демяревъ*—съ 1-го ноября 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, учитель Θεодосійскаго городского трехкласснаго училища *Спиридонъ Демяревъ*—съ 21-го марта 1893 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*. наставникъ Байрамчской учительской семинаріи *Лисовскій*,—съ 17-го августа 1890 г., *коллежскаго секретаря*, помощникъ бібліотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Алексѣевъ*—съ 26-го августа 1893 г., по диплому 1-й степени того же университета.

24-го марта 1895 г. *Опредѣлены* на службу, изъ отставныхъ: губервскій секретарь *Цепфель*—учителемъ нѣмецкаго языка Воронежской прогимназіи; провизоръ коллежскій секретарь *Зуль*—почетнымъ смотрителемъ Мокшанскаго уѣзднаго училища.

Опредѣлены на службу: кандидаты химіи: *Лерхе* и *Миклашевскій*, оба—лаборантами химическихъ лабораторій Императорскихъ университетовъ: *Лерхе*—Юрьевского, а *Миклашевскій*—С.-Петербургскаго; окончившіе курсъ наукъ въ Императорскихъ университетахъ: съ дипломами 1-й степени: *Ключаревъ* и *Погребной* и съ дипломомъ 2-й степени *Кишкинъ*, всѣ трое учителями: *Ключаревъ*—Смоленской Маріинской женской гимназіи и *Погребной*—Темиръ-Ханъ-Шуринаскаго реальнаго училища, оба по математикѣ, а *Кишкинъ*—Владикавказской гимназіи, по древнимъ языкамъ; лѣкари: *Илькевичъ*—сверхштатнымъ лаборантомъ гигиеническаго института Императорскаго Московскаго университета, *Малѣевъ*, *Аммосовъ*, *Гобманъ* и *Кирьеръ*, всѣ четверо—сверхштатными ординаторами терапевтическй клиники Императорскаго Казанскаго университета: *Малѣевъ*—госпитальной, а остальные трое—факультетской; классный художникъ 3-й степени *Остроменцкій*—учителемъ чистописанія и рисованія Старобѣльской Алексан-

дровской гимназіи; окончившіе курсъ наукъ въ учительскихъ семинаріяхъ: Казанской, *Якимовъ*—учителемъ Чистопольскаго городского приходскаго училища и Вольской, *Алексеевъ*—учителемъ Саратовскаго 1-го городского мужскаго приходскаго училища.

Назначены: преподаватель Тифлискаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Стасенко* — исполняющимъ обязанности инспектора того же училища; помощникъ класснаго наставника Бакинскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Рыжовъ*—учителемъ приготовительнаго класса того же училища; ординаторъ акушерскаго отдѣленія факультетской клиники Императорскаго Казанскаго университета, приватъ-доцентъ того же университета, докторъ медицины *Столяпинскій* — сверхштатнымъ ассистентомъ при кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней названнаго университета; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ исторіи всеобщей литературы *Батюшковъ*—лекторомъ французскаго языка при томъ же университетѣ; сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ сравнительной анатоміи, Императорскаго Варшавскаго университета, кандидатъ естественныхъ наукъ *Рудневъ*—сверхштатнымъ лаборантомъ при кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи Императорскаго Московскаго университета; сверхштатный учитель Вятскаго городского училища, коллежскій секретарь *Петровъ*—штатнымъ смотрителемъ Глазовскаго уѣзднаго училища, съ 28-го января; помощники учителей: Спасскаго городского училища *Павловъ* и Старооскольскаго городского училища *Лихачевъ*. оба—учителями училищъ: Павловъ—Козьмодемьянскаго городского, съ 1-го февраля, а Лихачевъ—Новооскольскаго уѣзднаго.

Утверждены: исправляющіе должности учителей: древнихъ языковъ, Харьковской 1-й гимназіи, приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, кандидатъ историко-филологическихъ наукъ *Масловъ*, съ 4-го ноября 1894 г.; математики, Бакинской Маринской женской гимназіи, кандидатъ математическихъ наукъ *Лорткипанидзе*; математики и физики, Пензенской 1-й гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Левченко*. съ 19-го декабря 1894 г.; древнихъ языковъ: Алатырской прогимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Фроловъ*, съ 10-го сентября 1894 г., Бѣлгородскаго уѣзднаго училища, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 2-й степени *Лажинъ*, Хоперскаго, Донской области, окружнаго училища *Соколовъ*, Невель-

скаго приходскаго училища *Козловъ*; воспитатель пансіона при Пензенской 1-й гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Тарасовъ*, съ 1-го августа 1894 г.; всѣ восьмеро—въ исправляемыхъ ими должностяхъ.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, приставъ 4-й части гор. Иркутска, надворный совѣтникъ *Бяляевъ* — исправляющимъ должность надзирателя Иркутскаго промышленнаго училища.

Уволенъ, сверхштатный ординаторъ факультетской терапевтической клиники Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь *Тольскій* — отъ занимаемой имъ должности, за выслугою срока, съ 13-го февраля.

Уволены отъ службы: согласно прошеніямъ: учитель Петровскаго городского училища, титулярный совѣтникъ *Михеевъ*, съ 20-го февраля; преподаватель техническихъ классовъ горнозаводскаго отдѣленія Красноуфимскаго промышленнаго училища, горный инженеръ *Бауманъ*; учитель рисованія, черченія и чистописанія Задонскаго уѣзднаго училища *Пріймаковъ* и исправляющій должность архивариуса канцеляріи радомской учебной дирекціи *Стебловскій*; согласно прошеніямъ, по болѣзни: учитель Митавской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гижичскій*; учитель Тимскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Килимовъ* и учитель переплетнаго ремесла Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Ключинскій*, съ 1-го марта.

Произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Рижскаго учебнаго округа *Заюнчковскій* — съ 1-го октября 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Шульцъ* — съ 2-го апрѣля 1889 г.; директоръ народныхъ училищъ Тифлисской губерніи *Гроздовъ* — съ 1-го ноября 1893 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, *Шерцъ* — съ 18-го іюля 1886 г., Московскаго, *Корелингъ* — съ 15-го августа 1893 г., Томскаго, *Вернеръ* — съ 18-го февраля 1894 г. и Новороссійскаго, *Слешинскій* — съ 4-го декабря 1894 г.; экстраординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института *Садовскій* — съ 3-го августа 1894 г.; директоръ Новочеркасскаго атаманскаго технического училища *Утѣхинъ* — съ 14-го августа 1890 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета *Нев-*

зоровъ—съ 12-го августа 1894 г.; правитель канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа *Жоховъ* — съ 1-го сентября 1894 г.; исправляющій должность прозектора Императорскаго Томскаго университета *Чулуновъ*—съ 11-го января 1893 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Зънецъ*—съ 7-го июня 1889 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: статскаго совѣтника ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, *Дуньякъ*—съ 1-го мая 1892 г., Казанскаго, *Грегоровичъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Харьковскаго, *Буцанскій*—съ 16-го декабря 1893 г., *Собствіанскій*—съ 1-го апрѣля 1893 г. и сверхштатный ординарный профессоръ того же университета *Опенховскій* — съ 17-го августа 1893 г.; коллежскаго совѣтника: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ; Казанскаго, *Панормовъ*—съ 1-го іюля 1894 г. и *Каземъ-Бекъ*—съ 1-го августа 1894 г., Московскаго, *Зелинскій* — съ 1-го августа 1893 г., Новороссійскаго, *Яковлевъ* — съ 31-го марта 1894 г.; сверхштатные экстраординарные профессора Императорскаго Московскаго университета: *Голубовъ*—съ 15-го января 1893 г. и *Митропольскій*—съ 19-го мая 1893 года.

Департаментъ народнаго просвѣщенія. *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: дѣлопроизводитель VII класса: *Моревъ* и *Ковалевскій*, оба—съ 17-го октября 1894 г. и *Прозоровъ* — съ 1-го іюля 1894 г.; врачъ *Блюменау*—съ 11-го іюня 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, дѣлопроизводитель VIII класса *Сутковскій* — съ 7-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*, помощникъ дѣлопроизводителя *Хорошаинъ* — съ 10-го сентября 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, дѣлопроизводитель VIII класса *Яковлевъ*—съ 26-го іюня 1893 г.

Утвержденъ въ чинѣ, со старшинствомъ коллежскаго секретаря, помощникъ дѣлопроизводителя *Таберіо*—съ 11-го октября 1894 г., по диплому 1-й степени Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

30-го марта 1895 года. *Опредѣленъ* на службу, изъ отставныхъ, докторъ медицины *Дмитріевскій*, съ причисленіемъ къ министерству.

Опредѣлены на службу: лѣкаря: *Пароконный*, *Тюрморъзовъ*, *Чаусовъ*, *Поповъ*, *Витвицкій*, *Щеголевъ*, *Голяховскій*, *Макарскій*, всѣ восьмеро — сверхштатными ординаторами клиникъ Императорскаго Харьковскаго университета: *Пароконный*, *Тюрморъзовъ* и *Чаусовъ*—терапевтической факультетской, *Поповъ*, *Витвицкій* и *Щеголевъ* —

терапевтической госпитальной, Голяховскій—хирургической госпитальной и Макарскій—акушерской; лѣкари: *Быковъ* и *Успенскій*, оба—сверхштатными ординаторами: *Быковъ*—госпитальной хирургической клиники Императорскаго Московскаго университета, а *Успенскій*—при хирургическомъ отдѣленіи клиникъ въ Императорской Екатерининской больницѣ, въ Москвѣ; лѣкари: *Вершининъ*, *Харикъ* и *Гурвичъ*: первый—помощникомъ прозектора при кафедрѣ судебной медицины Императорскаго Томскаго университета, а послѣдніе двое—врачами начальныхъ еврейскихъ училищъ: *Харикъ*—Кишиневскаго, а *Гурвичъ*—Молодечневскаго; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Блюсовъ*—преподавателемъ естественной исторіи Харьковской женской гимназіи, имени Н. Я. Грегорцевичъ, съ 31-го декабря 1894 года; окончившіе курсъ наукъ въ учительскихъ семинаріяхъ: *Степановъ*—учителемъ Сары-чаганакской русско-туземной школы и *Кривошъ*—учителемъ Константиновскаго, въ городѣ Костромѣ, городского приходскаго училища; окончившій курсъ наукъ въ педагогическихъ классахъ при Казанскомъ уѣздномъ училищѣ *Кузнецовъ*—помощникомъ класснаго наставника Казанской 2-й гимназіи; имѣющій свидѣтельство на званіе учителя уѣзднаго училища *Молчановъ*—сверхштатнымъ учителемъ Новочеркаскаго, Донской области, окружнаго училища; личный почетный гражданинъ *Гобманъ*—письмоводителемъ Елисаветпольской гимназіи; окончившій курсъ наукъ въ учительской семинаріи *Григоревичъ*—учителемъ приготовительнаго класса Уманскаго городского училища; крестьянинъ *Вержицкій*—писцомъ высшаго оклада канцеляріи Ломжинской учебной дирекціи.

Назначены: членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ медицины, тайный совѣтникъ *Лазаревичъ*—непремѣннымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія; могилевскій уѣздный предводитель дворянства и председатель уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, статскій совѣтникъ *Василевскій*—почетнымъ попечителемъ Могилевской мужской гимназіи, на три года; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Оношковицъ-Яцма*, чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, коллежскій совѣтникъ князь *Волконскій*, причисленный къ министерству, надворный совѣтникъ *фонъ-Бенкендорфъ* и экзекуторъ департамента народнаго про-

свѣщенія, надворный совѣтникъ *Новицкій*, всѣ четверо — чиновниками особыхъ порученій при министрѣ: первые трое — V класса, а послѣдній — VI класса; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ уголовного права, коллежскій секретарь *Пионтковскій* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица; лѣкари: сверхштатный ординаторъ госпитальной терапевтической клиники Императорскаго Варшавскаго университета *Клейнъ* — штатнымъ ординаторомъ той же клиники, съ 19-го января, и врачъ Одесскаго технического желѣзнодорожнаго училища, коллежскій ассессоръ *Малько* — врачомъ народнаго училища на станціи „Одесса-Товарная“; учитель Инсарскаго городского училища, коллежскій секретарь *Чернышевъ* — учителемъ-инспекторомъ Керенскаго городского училища; ассистентъ по кафедрѣ физики и метеорологіи С.-Петербургскаго лѣснаго института, коллежскій секретарь *Любославскій* — хранителемъ кабинета физической географіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета, съ 20-го февраля, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; учителя городскихъ училищъ: Казанскаго, надворный совѣтникъ *Скуратовъ*, Бузулукскаго, коллежскій ассессоръ *Клавикордовъ* и Новоалександровскаго, титулярный совѣтникъ *Рублевскій*: первые двое — учителями-завѣдывающими городскими училищами: Скуратовъ — Спасскимъ, съ 13-го марта, Клавикордовъ — Ставропольскимъ, Самарской губерніи, съ 1-го января, и Рублевскій — штатнымъ смотрителемъ и учителемъ Кобринскаго уѣзднаго училища; штатный преподаватель С.-Петербургской 2-й гимназіи, надворный совѣтникъ *Егоровъ* — старшимъ наблюдателемъ Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи, въ городѣ Павловскѣ, съ 1-го апрѣля; учительскіе помощники: Луганскаго городского училища, коллежскій регистраторъ *Волковъ* — учителемъ Александровскаго городского училища; Варшавскаго городского ремесленнаго училища, имени М. Конарскаго, *Романенко* — сверхштатнымъ учителемъ Варшавскаго городского училища; письмоводитель Александровской старобѣльскаго гимназіи, коллежскій регистраторъ *Кузнецовъ* и учитель приготовительнаго класса Уманскаго городского училища *Миловановъ*, оба — помощниками классныхъ наставниковъ: Кузнецовъ — Александровской старобѣльскаго гимназіи, а Миловановъ — Уманской прогимназіи; учитель Ядринскаго уѣзднаго училища *Першевъ* — учителемъ Мамадышскаго городского училища, съ 14-го марта.

Утверждены: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, докторъ философіи, статскій совѣтникъ *Баклундъ* — директо-

ромъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, съ 4-го марта, и экстраординарный академикъ той же академіи, магистръ перемской словесности, статскій совѣтникъ *Залеманъ*—ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи наукъ по востоковѣдѣнію, съ 4-го февраля; Камышинскій уѣздный предводитель дворянства, титулярный совѣтникъ графъ *Олсуфьевъ* и присяжный повѣренный, дѣйствительный студентъ *Романовъ*, оба—почетными смотрителями городскихъ училищъ, на три года: графъ Олсуфьевъ—Камышинскаго, съ 15-го марта, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, а Романовъ—С.-Петербургскаго, Воздвиженскаго, съ 15-го февраля; исправляющіе должности: преподавателей женскихъ гимназій: Харьковской Маріинской, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Евдокимовъ* и инженеръ-технологъ *Немолодшицевъ* и курской, г-жи Красовской, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Павленко*, учителей: чистописанія и рисованія Павлоградской мужской гимназіи, классный художникъ 1-й степени *Бейеръ*, Керченской женской гимназіи, кандидатъ физико-математическихъ наукъ *Степаковъ* и воспитатель пансіона при Сибирской гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ *Романовъ*, всѣ шестеро—въ исправляемыхъ ими должностяхъ, изъ нихъ Романовъ съ 1-го февраля 1894 года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія приватъ-доцентъ Императорской Военно-медицинской академіи, чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Поновъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, по кафедрѣ фармакологіи.

Уволены, согласно прошеніямъ: почетный попечитель корочанской Александровской гимназіи, земскій начальникъ 5-го участка Корочанскаго уѣзда, коллежскій совѣтникъ *Авдеевъ*—отъ первой изъ означенныхъ должностей; почетный смотритель Хвалынскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Радищевъ*—отъ должности съ 31-го января.

Уволены отъ службы: согласно прошеніямъ: врачъ Моршанскаго реальнаго училища, лѣкарь, надворный совѣтникъ *Сокольскій*, съ 25-го января; учитель Холмскаго, Псковской губерніи, уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Павловскій*, съ 1-го марта; надзиратель общей ученической квартиры при Кіевской 2-й гимназіи, коллежскій

ассессоръ *Коробцовъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; причисленный къ министерству, титулярный совѣтникъ *Безобразовъ*; помощникъ класснаго наставника Екатеринославской мужской гимназiи, титулярный совѣтникъ *Шеттле*; учитель Касимовскаго женскаго городского приходскаго училища, губернский секретарь *Китарисовъ*, съ 1-го января; лѣкаря: штатные ординаторы клиникъ Императорскаго Московскаго университета: хирургической госпитальной, *Немировъ* и акушерской, *Бояркинъ*, сверхштатные ординаторы клиникъ Императорскаго Казанскаго университета: акушерской, коллежскій ассессоръ *Троицкій* и глазной, *Сычевъ* и ассистентъ клиники Казанскаго ветеринарнаго института, ветеринаръ *Минейко*, всѣ пятеро — за выслугою срока, изъ нихъ: Немировъ съ 5-го марта, Бояркинъ съ 13-го марта, Троицкій съ 9-го марта, Сычевъ съ 15-го марта и Минейко съ 1-го февраля; врачъ Кишиневскаго еврейскаго начальнаго училища, лѣкарь, титулярный совѣтникъ *Гриберъ*; согласно прошеніямъ, по болѣзни: учителя: Каменецъ-Подольской гимназiи, статскій совѣтникъ *Барсовъ* и Рославльскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Даниловъ*; помощникъ класснаго наставника Александровской старобѣльскаго гимназiи, надворный совѣтникъ *Прохоровичъ*; причисленный къ министерству, губернский секретарь *Михайловъ*; смотритель клиники Императорскаго Казанскаго университета, губернский секретарь *Николаевъ*, съ 15-го марта.

Умершіе исключены изъ списковъ: временный преподаватель Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ *Дамблъ*, съ 13-го февраля; директоръ Черниговской гимназiи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кизимовскій*, съ 15-го февраля; причисленный къ министерству, статскій совѣтникъ *Рошуткинъ*, съ 13-го ноября 1894 года; учитель Елисаветпольской гимназiи, статскій совѣтникъ *Синяевскій*, съ 13-го марта; врачъ Тифлискаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Рудковскій*, съ 12-го марта; помощникъ класснаго наставника Казанской 2-й гимназiи, надворный совѣтникъ *Галимскій*, съ 1-го марта; учитель, завѣдывавшій Спасскимъ городскимъ училищемъ, надворный совѣтникъ *Ячинъ*, съ 9-го марта; учитель Александровскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Герасимовъ*, съ 1-го февраля; журналистъ и архивариусъ канцелярiи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ *Белларминовъ*, съ 22-го февраля; учитель Мамадышскаго городского училища, коллежскій секретарь *Постыловъ*, съ 5-го марта; завѣдывавшій кузнечною мастерскою Императорскаго Московскаго техническаго учи-

лица, инженеръ-механикъ *Лукинъ*, съ 20-го января; помощникъ класснаго наставника Оренбургской гимназіи *Любомудровъ*, съ 4-го февраля; преподаватель Златопольской гимназіи *Красивскій*, съ 21-го февраля.

Произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, сотрудникъ археографической комиссіи *Титовъ*—съ 13-го іюля 1894 года.

С.-Петербургскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели гимназій: Гельсингфорской, *Петровъ*—съ 4-го октября 1894 года, и Псковской, *Собакинъ-Фаддѣевъ*—съ 13-го ноября 1894 года; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели С.-Петербургскихъ гимназій: второй: *Желобовскій*—съ 1-го августа 1894 года и *Еуровъ*—съ 1-го января 1895 года, и Ларинской, *Добошинскій*—съ 7-го апрѣля 1894 года; учитель С.-Петербургской второй гимназіи *Солодягинъ*—съ 14-го февраля 1894 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: городскихъ училищъ: Гатчинскаго, учитель *Высоцкій*—съ 1-го августа 1894 года, Псковскаго, врачъ *Вольфсонъ*—съ 5-го іюля 1894 года. Владимірскаго сверхштатный преподаватель *Бейтель*—съ 16-го ноября 1894 года и Новоладожскаго, почетный смотритель *Приваловъ*—съ 15-го іюля 1894 года; почетный смотритель Торопецкаго уѣзднаго училища *Скрядловъ*—съ 22-го іюля 1888 года; Гельсингфорской Александровской гимназіи: преподаватель *Бубрихъ*—съ 1-го декабря 1893 года и помощникъ классныхъ наставниковъ *Павловъ*—съ 17-го сентября 1894 года; преподаватель главнаго нѣмецкаго училища св. Петра *Штейнманъ*—съ 15-го сентября 1893 года; преподаватель Псковской женской гимназіи *Галлеръ*—съ 22-го іюля 1893 года; преподаватели училища при лютеранской церкви св. Анны: *Балашевъ*—съ 1-го мая 1894 года и *Рейманъ*—съ 1-го сентября 1894 года; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Коломенскаго, *Максимовъ*—съ 1-го іюля 1885 года, Гатчинскаго, *Ефимовъ*—съ 8-го августа 1894 года и Лужскаго: *Игнатьевъ*—съ 1-го іюля 1893 года и *Елецкій*—съ 3-го сентября 1893 года; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, учитель Охтенскаго ремесленнаго училища *Загребинъ*—съ 1-го іюня 1893 года; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель училища при лютеранской церкви св. Анны *Гиршовицъ*—съ 1-го мая 1893 года; почетный смотритель Архангельскаго городского училища *Анисимовъ*—

съ 8-го января 1895 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, домашній учитель *Тропольскій* (бывшій Яковлевъ)— съ 19-го ноября 1894 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, преподавателя гимназій: С.-Петербургской введенской, *Яковлевъ*— съ 1-го сентября 1890 г., Гельсингфорской, *Авербуръ*— съ 1-го октября 1890 г., С.-Петербургской пятой, *Архангельскій*— съ 12-го января 1891 г. и доктора Видемана, *Циммерманъ*— съ 1-го октября 1890 г.; преподаватели: Великолуцкаго реального училища, *Груздевъ*— съ 15-го августа 1890 г. и училища при лютеранской церкви св. Екатерины, *Бобиенскій*— съ 1-го мая 1890 г.; *губернскаго секретаря*, учитель Тотемскаго уѣзднаго училища *Бюословскій*— съ 1-го августа 1890 г.; *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Красновъ*— съ 1-го августа 1894 г., *Матвѣевъ*— съ 5-го октября 1894 г. и *Домашевъ*— съ 15-го октября 1894 года.

Варшавскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: исправляющій должность инспектора Варшавскаго реального училища *Быковъ*— съ 23-го августа 1894 г.; учителя мужскихъ гимназій: Варшавской пятой, *Ханецкій*— съ 19-го августа 1885 г., Калишской, *Георгиевскій*— съ 28-го сентября 1894 г., Радомской, *Яржинскій*— съ 3-го сентября 1893 г., Мариампольской, *Паевскій*— съ 1-го сентября 1894 г. и Плоцкой, *Столдожевичъ*— съ 15-го ноября 1892 г.; учителя мужскихъ прогимназій: Грубешовской, *Лавровъ*— съ 1-го іюля 1894 г., Замостской, *Новакъ*— съ 20-го января 1893 г. и Пултуской, *Домбровский*— съ 31-го августа 1894 г.; штатные учителя и завѣдывающіе женскими гимназіями: Петровской, *Старосивильскій*— съ 7-го августа 1894 г. и Сѣдлецкой, *Михальскій*— съ 25 іюля 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской первой, *Цептковъ*— съ 22 августа 1894 г., Лодзинской, *Карпинскій* и *Шумейко*, оба— съ 1-го августа 1894 г., и Кѣлецкой, *Зваръ*— съ 1-го мая 1894 г.; учитель Варшавскаго реального училища *Михаловскій*— съ 1-го сентября 1894 г.; штатный учитель Вейверской учительской семинаріи *Колоколовъ*— со 2-го августа 1890 г.: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской второй, *Соколовъ*— со 2-го ноября 1893 г., Варшавской пятой, *Войно*— съ 1-го августа 1893 г. и Калишской, *Клюновскій*— съ 16-го сентября 1891 г.; учитель Замостской мужской прогимназіи *Вольфензонъ*— съ 1-го мая 1893 г.; учителя женскихъ гимназій: Варшавской первой,

Бородичъ—съ 4-го декабря 1894 г., Кѣлецкой, *Ласкинъ*—съ 3-го октября 1891 г. и Плоцкой, *Зубовскій*—съ 30-го октября 1893 г.; учитель Варшавской учительской семинаріи *Клима*—съ 27-го апрѣля 1875 г.; штатный учитель Ленчицкой учительской семинаріи *Заринъ*—съ 1-го августа 1893 г.; учитель Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Скабаллановичъ*—съ 1-го октября 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій Лодзинской, *Николаевъ*—съ 1-го октября 1894 г., Сѣдлецкой, *Серединскій*—съ 1-го августа 1894 г. и Калишской, *Курцевскій*—съ 10-го ноября 1891 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе *ассессора*: штатный ординаторъ при хирургической госпитальной клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Борсукъ*—съ 29-го марта 1892 г.; старшій помощникъ секретаря совѣта и правленія Императорскаго Варшавскаго университета *Турчиновичъ*—съ 1-го ноября 1894 г.; учителя: Радомской мужской гимназіи, *Лисскій*—съ 19-го ноября 1888 г. и Варшавскаго реальнаго училища, *Ростовцевъ*—съ 1-го сентября 1893 г.; учитель-инспекторъ Томашовскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Кожоткевичъ*—съ 13-го сентября 1894 г.; учитель Солецкой учительской семинаріи *Бутусовъ*—съ 26-го августа 1894 г.; бывшій бухгалтеръ канцеляріи Сѣдлецкой учебной дирекціи *Пышковъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Калишскаго реальнаго училища, *Завадскій*—съ 1-го августа 1894 г., Варшавской второй мужской прогимназіи, *Лебединскій*—съ 1-го октября 1894 г. и Грубешовской мужской прогимназіи, *Лисинскій*—съ 1-го апрѣля 1894 г.; учителя пригособительныхъ классовъ: Калишской мужской гимназіи, *Пикъ*—съ 21-го іюля 1892 г. и Пултуской мужской прогимназіи, *Глинскій*—съ 9-го іюня 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской пятой, *Аптель*—съ 3-го августа 1892 г., и Калишской *Новакъ*—съ 8-го сентября 1883 г.; учитель Варшавскаго реальнаго училища *Косоротовъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; штатные учителя женскихъ гимназій: Варшавской третьей, *Тимашевъ*—съ 9-го октября 1890 г. и Варшавской четвертой, *Бялковскій*—съ 1-го августа 1891 г.; помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа *Сицинскій*—съ 14-го октября 1894 г.; учитель Андреевской учительской семинаріи *Стыранкевичъ*—съ 1-го апрѣля 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Радомской мужской гимназіи, *Петровскій*—съ 25-го декабря 1891 г. и Варшавскаго реальнаго училища, *Габшевичъ*—съ

1-го октября 1885 г.; учитель образцоваго, при Ленчицкой учительской семинаріи, училища *Артишевичъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: секретарь совѣта и правленія Императорскаго Варшавскаго университета *Капустинъ*—съ 1-го января 1895 г.; учителя: Варшавской третьей мужской гимназіи, *Лошевскій*—съ 1-го октября 1889 г. и Сандомирской мужской прогимназіи, *Захаровъ*—съ 26-го іюля 1890 г.; штатный учитель Варшавской второй женской гимназіи *Альбовъ*—съ 15-го сентября 1891 г., бывший учитель образцоваго училища при Андреевской учительской семинаріи, нынѣ старшій учитель однокласснаго Згержскаго городского № 1 мужскаго начальнаго училища *Львовскій*—съ 1-го іюля 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель Варшавской второй мужской гимназіи *Сверчковскій*—съ 1-го сентября 1893 г.; штатный учитель Варшавской четвертой женской гимназіи *Кояловичъ*—съ 1-го сентября 1891 г.; исправляющій должность архиваріуса Плоцкой учебной дирекціи *Злиницкій*—съ 1-го ноября 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавской учебной дирекціи *Гловацкій*—съ 1-го іюня 1890 г.; письмоводители Калишской мужской гимназіи, *Бычковскій*—съ 1-го мая 1892 г. и Варшавскаго реальнаго училища *Шевелюкъ*—съ 1-го іюня 1893 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской первой, *Покровскій*—съ 1-го января 1891 г. и Холмской, *Ярема*, штатный учитель Кѣлецкой женской гимназіи и завѣдующій сею гимназіею *Георгиевскій*, учитель Варшавскаго реальнаго училища *Клима*, всѣ трое—съ 1-го августа 1890 г.; *титularнаго совѣтника*, штатный ординаторъ при клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Войцъховскій*—съ 17-го января 1876 г., по степени дѣкаря: *коллежскаго секретаря*: учитель-инспекторъ Ленчицкаго трехкласснаго городского училища *Пуцаевичъ*—съ 1-го декабря 1891 г.; штатный учитель Ленчицкаго трехкласснаго городского училища *Лагутенюкъ*—съ 1-го сентября 1890 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской третьей мужской гимназіи *Фурманъ*—съ 11-го апрѣля 1890 г.; лаборантъ при кафедрѣ физики Императорскаго Варшавскаго университета *Бернацкій*—съ 15-го сентября 1892 г., по степени кандидата Императорскаго Варшавскаго университета; *губернскаго секретаря*: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской третьей, *Швачка*—съ 1-го сентября 1886 г. и Холмской, *Дружининъ*—съ 1-го сентября 1887 г.; учитель Варшав-

скаго реального училища *Домбровский*—съ 1-го сентября 1884 г.; штатный учитель Сѣдлецкой женской гимназіи *Смирновъ*—съ 15-го сентября 1890 г. и сверхштатный учитель Ломжинской женской гимназіи *Теодоровичъ*—съ 15-го августа 1890 г., всё пятеро по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго Варшавскаго университета.

Рижскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: исправляющій обязанности инспектора Юрьевского реального училища *Константиновскій*—съ 9-го сентября 1894 г.; учителя: Рижскаго городского реального училища, *Фотъ*—съ 22-го сентября 1894 г., Ревельской Александровской гимназіи, *Шмидтъ-фонъ-деръ-Лауницъ*—съ 29-го сентября 1894 г. и Рижской городской гимназіи, *Бокъ*—съ 23-го октября 1894 г. и *Вернеръ*—съ 1-го января 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Рижскаго учебного округа *Вембергъ*—съ 12-го сентября 1891 г.; учителя: Рижской Ломоносовской женской гимназіи, *Петровъ*—съ 1-го августа 1892 г., Аренбургской гимназіи, *Кельсонъ*—съ 11-го августа 1893 г., Рижскаго городского реального училища, *Пилеманъ*—съ 1-го іюля 1894 г. и *Нилендеръ*—съ 1-го января 1895 г. и Рижскаго реального училища императора Петра I, *Сивицкій*—съ 1-го сентября 1894 г.; исправляющій обязанности инспектора Митавскаго реального училища, *Шаровскій*—съ 20-го сентября 1894 г.; доцентъ русскаго языка и литературы Императорскаго Юрьевского университета *Мазинъ*—съ 1-го января 1895 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Венденскаго трехкласснаго городского училища *Грове*—съ 1-го января 1894 г.; учитель-инспекторъ Феллинскаго трехкласснаго городского училища *Веннеръ*—съ 1-го августа 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: врачи трехклассныхъ городскихъ училищъ: Митавскаго Александровскаго, лѣкаръ *Левенштейнъ*—съ 1-го января 1890 г. и Либавскаго, лѣкаръ *Гольдбергъ*—съ 26-го января 1890 г.; учителя-инспекторы трехклассныхъ городскихъ училищъ: Якобштадскаго, *Талантовъ*—съ 1-го іюля 1892 г. и Тальсенскаго, *Шако*—съ 1-го августа 1894 г.; врачъ Рижскаго четырехкласснаго городского училища императрицы Екатерины II, лѣкаръ *Нанурскій*—съ 1-го мая 1893 г.; учителя: Юрьевского четырехкласснаго городского училища, *Юшко*—съ 1-го августа 1893 г. и Рижскаго Петропавловскаго трехкласснаго городского училища, *Бобровъ*—съ 6-го сентября 1894 г.; преподаватель Рижскаго поли-

техническаго училища *Трей*—съ 8-го декабря 1893 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижскаго реального училища императора Петра I *Фельдманъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа *Горскій*—съ 1-го февраля 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: письмоводитель Либавскаго реального училища *Фейерабендъ*—съ 3-го сентября 1889 г.; бывший преподаватель Рижскаго политехническаго училища *фонъ Беръ*—съ 12-го марта 1890 г.; учитель-инспекторъ Венденскаго трехкласснаго городского училища *Овчиниковъ*—съ 1-го іюля 1890 г.; учителя: Вольмарскаго трехкласснаго городского училища, *Сійманъ* (онъ же *Сименъ*)—съ 1-го августа 1891 г., Рижскаго реального училища императора Петра I, Станиславъ *Величко*—съ 1-го іюля 1892 г., Феллинскаго трехкласснаго городского училища, *Зульке*—съ 1-го іюля 1892 г. и *Хаустовъ*—съ 17-го сентября 1894 г. и Рижской Александровской гимназіи, Иванъ *Величко*—съ 1-го августа 1892 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя: Иллектскаго трехкласснаго городского училища, *Рыбчинскій*—съ 16-го сентября 1892 г. и Рижской гимназіи императора Николая I, *Смирновъ*—съ 25-го іюля 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя городскихъ мужскихъ начальныхъ училищъ: Венденскаго, *Лецманъ*—съ 8-го августа 1889 г., Рижскаго Ильгемскаго, *Зеберъ*—съ 29-го іюня 1890 г. и Рижскаго Маврикіевскаго *Пфейфъ*—съ 3-го октября 1890 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго assessора*: учителя гимназій: Рижской императора Николая I, *Бастень*—съ 1-го января 1888 г., *Томиловъ*—съ 1-го іюля 1890 г. и *Петровъ*—съ 1-го августа 1890 г., Юрьевской, *Смирновъ*—съ 1-го іюля 1890 г., Рижской Александровской, *Смирнинъ* и *Клеверъ*—оба съ 1-го августа 1890 г. и Митавской, *Тохъ* и *Мюлленбахъ*, оба—съ 1-го августа 1890 г.; учителя Рижскаго городского реального училища: Фридрихъ *Вестбергъ*—съ 1-го августа 1890 г. и Павелъ *Вестбергъ*—съ 13-го ноября 1890 г.; *титуллярно советника*, учитель Аренсбургской гимназіи *Нагель*—съ 1-го августа 1889 г.; *коллежскаго секретаря* учителя: Юрьевскаго четырехкласснаго городского училища, *Юревичъ*—съ 1-го августа 1890 г. и Митавскаго Александровскаго трехкласснаго городского училища, *Бохонко*—съ 1-го октября 1890 г.; *губернскаго секретаря*, учитель Митавскаго реального училища *Розенталь*—съ 1-го августа 1890 года.

Забайкальская область. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища *Чтецовъ*—съ 23-го іюня 1894 г. и учитель Читинской мужской гимназіи *Габовичъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: Читинской мужской гимназіи, *Сарычевъ*—съ 10-го марта 1891 г., *Маршанъ*—съ 13-го декабря 1891 г. и Иванъ *Ивановъ*—съ 15-го іюня 1892 г. и Селенгинскаго городского двухкласснаго училища, *Чемцовъ*—съ 27-го іюня 1893 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, учитель завѣдывающій Селенгинскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Скрипко*—съ 12-го сентября 1892 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя: Троицкосавскаго четырехкласснаго городского училища, *Коноваловъ*—съ 30-го іюня 1887 г. и Нерчинскаго уѣзднаго училища, *Осиповъ*—съ 19-го сентября 1890 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, учитель Верхнеудинскаго уѣзднаго училища *Домрачевъ*—съ 19-го октября 1889 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя Троицкосавскаго четырехкласснаго городского училища, *Сутуровъ*—съ 7-го іюля 1889 г., Шалкинскаго приходскаго училища, *Дурсенева*—со 2-го іюня 1894 г. и Нерчинскаго Троицкаго городского приходскаго училища *Кожиковъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя: Селенгинскаго бурятскаго приходскаго училища, *Бавъ*—со 2-го марта 1891 г., Баргузинскаго бурятскаго приходскаго училища, *Большаковъ*—съ 9-го октября 1887 г. и двухкласснаго Александровскаго приходскаго училища, *Бородинъ*—съ 17-го іюня 1889 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, учитель Читинской мужской гимназіи *Алекстеевъ*—съ 10-го іюля 1889 г.; *коллежскаго секретаря*, учитель завѣдывающій Баргузинскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Петропавловскій*—съ 24-го іюня 1886 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель Читинскаго городского трехкласснаго училища *Громеко*—съ 1-го іюля 1889 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (11-го марта 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени коллежскаго секретаря Наполеона Николаевича Антоновича при Шавельской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго коллежскимъ секретаремъ Наполеономъ Николаевичемъ Антоновичемъ капитала, составляющаго вмѣстѣ съ наросшими на оный процентами сумму въ 5.300 руб., учреждаются при Шавельской гимназіи двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $\frac{0}{100}$ государственныхъ бумагахъ, хранится въ специальныхъ средствахъ Шавельской гимназіи и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ закрытія Шавельской гимназіи, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ, въ другое подобное учебное заведеніе, ближайшее къ г. Шавлямъ, по усмотрѣнію господина попечителя округа.

§ 4. Право выбора и назначенія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Шавельской гимназіи.

§ 5. Стипендіи предоставляются двумъ ученикамъ Шавельской гимназіи изъ родственниковъ фамиліи завѣщателя по мужской линіи,

§ 6. Если окажется нѣсколько лицъ, имѣющихъ одинаковое право по родству съ завѣщателемъ, на полученіе стипендій, то сіи послѣднія предоставляются бѣднѣйшимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшимъ по успѣхамъ и поведенію кандидатамъ.

§ 7. Если въ Шавельской гимназіи не окажется кандидатовъ изъ фамиліи завѣщателя, то стипендіи предоставляются бѣднѣйшимъ ученикамъ христіанскихъ исповѣданій, преимущественно круглымъ сиротамъ, оказавшимъ при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 8. Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5 $\frac{0}{100}$ въ доходъ казны, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, выдаются двумъ избраннымъ стипендіатамъ, въ половинномъ размѣрѣ каждому, по полугодіямъ впередъ.

§ 9. Стипендіать малоуспѣвающій или неодобрительнаго поведенія

можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта Шавельской гимназій.

§ 10. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей во все время своего пребыванія въ Шавельской гимназій.

§ 11. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 12. Объ открывшихся стипендіатскихъ вакансіяхъ дѣлается публикація, посредствомъ объявленія въ мѣстныхъ газетахъ, на счетъ стипендіальной суммы.

§ 13. Всякаго рода недоразумѣнія, могуція встрѣтиться при приѣзженіи на практикѣ сего положенія, разрѣшаются господиномъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

§ 14. Наличныя деньги 216 руб. 45 коп., полученныя по купонамъ съ означенныхъ % бумагъ, а равно могуція образоваться по какимъ либо причинамъ сбереженія отъ стипендіальной суммы, обращаются въ % бумаги и присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

2. (11-го марта 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина кяхтинскаго 1-й гильдіи купца Михаила Андреевича Хаминова при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго на вѣчное время потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ кяхтинскимъ 1-й гильдіи купцомъ Михаиломъ Андреевичемъ Хаминовымъ капитала въ восемь тысячъ руб. учреждаются при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственныхъ бумагахъ, хранится въ Вологодскомъ губернскомъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала за удержаніемъ государственнаго 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 г., вносится плата за ученіе стипендіатовъ, а остальная сумма выдается имъ ежемѣсячно по равнымъ частямъ на руки.

§ 4. Стипендіи назначаются, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, двумъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, преимущественно изъ уроженцевъ города Сольвычегодска, но если таковыхъ не окажется

то и изъ другихъ городовъ Вологодской губерніи, но непременно православнаго вѣроисповѣданія, изъ числа способныхъ изъ бѣднѣйшихъ и нравственныхъ семействъ.

§ 5. Стипендіаты избираются въ началѣ каждого учебнаго года только на одинъ годъ.

§ 6. Въ крайнихъ случаяхъ, за неодобрительное поведеніе и дурныя успѣхи, стипендіаты могутъ быть лишены назначенныхъ имъ стипендій и въ теченіе учебнаго года, а стипендіи ихъ могутъ быть переданы другимъ ученикамъ.

§ 7. Могущіе оказаться по какой либо причинѣ неизрасходованными проценты съ капитала обращаются въ государственныя бумаги и причисляются къ основному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (15-го марта 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Андреевича Хаминова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ четырехъста руб., завѣщаннаго Императорскому Московскому университету кяхтинскимъ 1-й гильдіи купцомъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Михаиломъ Андреевичемъ Хаминовымъ, учреждаются при семъ университетѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя, одна на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, другая— на медицинскомъ факультетѣ университета.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% билетахъ Государственной ренты за №№ 3278 и 3279 по 5.000 руб. каждый, за № 3645 въ 2.000 руб. и за №№ 1935, 1936, 1937 и 1938 по 100 руб. каждый, составляетъ неприкосновенную собственность университета и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета.

§ 3. Стипендіи должны быть назначаемы, на основаніи дѣйствующихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ, бѣднѣйшимъ студентамъ университета, преимущественно изъ числа уроженцевъ города Сольвычегодска или же другихъ городовъ Вологодской губерніи.

§ 4. Размѣръ каждой изъ стипендій опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ половины всего завѣщаннаго университету

стипендіальнаго капитала и за вычетомъ 5% государственнаго налога опредѣляется въ 235 руб. 60 коп. въ годъ.

§ 5. Могушіе оказаться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала должны быть присоединяемы къ самому капиталу, для увеличенія, изъ процентовъ съ нихъ, размѣра учреждаемыхъ стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (18-го марта 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Никитича Ганешина въ слесарно-ремесленномъ училищѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *два тысячи пятьсотъ сорокъ два* рубля, пожертвованнаго потомственными почетными гражданами Петромъ и Сергѣемъ Никитичами Ганешиными, учреждаются при слесарно-ремесленномъ училищѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній двѣ стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Никитича Ганешина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій изъ семи листовъ временныхъ свидѣтельствъ государственной 4% ренты (1894 г.), изъ коихъ два листа за №№ 424.420 и 424.421 по *тысячъ* рублей и пять листовъ за №№ 654.190, 675.266 по 675.269 включительно по *ста* руб.—всего на сумму *два тысячи пятьсотъ* руб. и *сорока двухъ* рублей наличными деньгами—хранится въ числѣ другихъ специальныхъ средствъ названнаго училища въ мѣстной конторѣ государственнаго банка, оставаясь навсегда не прикосновеннымъ.

§ 3. Доходъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ съ оного 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, долженъ быть употребляемъ на обученіе двухъ стипендіатовъ; могушія же оказаться, за сямъ, остатки отъ упомянутаго дохода должны быть употребляемъ на приобрѣтеніе для стипендіатовъ необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно потомственнымъ почетнымъ гражданамъ Петру и Сергѣю Никитичамъ Ганешинымъ. По смерти обоихъ названныхъ лицъ право избранія стипендіатовъ переходитъ къ женѣ потомственнаго почетнаго гражданина Надеждѣ Петровнѣ Ганешиной, а по смерти ея предоставляется

совѣту Московскаго общества распространенія техническихъ знаний. Обь освободившейся стипендіи директоръ училища извѣщаетъ означенныхъ въ семь пунктовъ лицъ своевременно.

§ 5. При выборѣ стипендіатовъ совѣтомъ общества отдается преимущество лучшимъ по успѣхамъ и поведенію и особенно нуждающимся ученикамъ училища. При очевидномъ нераденіи или дурномъ поведеніи стипендіатовъ, избранныхъ совѣтомъ, они могутъ быть лишены получаемыхъ ими стипендій.

§ 6. Въ случаѣ отсутствія въ какой-либо годъ учениковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ настоящаго положенія, предназначенные къ выдачѣ на обученіе стипендіатовъ, а также на приобрѣтеніе для нихъ учебныхъ пособій, проценты присоединяются къ основному капиталу стипендій.

§ 7. Стипендіи сохраняются и въ случаѣ преобразования названнаго слесарно-ремесленнаго училища въ другое ремесленное учебное заведеніе.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (23-го марта 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго одесскаго городского головы, тайнаго совѣтника Николая Александровича Новосельскаго при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 6.000 р. пожертвованнаго въ 1889 году одесскимъ мѣщаниномъ Петромъ Николаевымъ Поляновымъ и возросшаго въ настоящее время до 8.300 руб., учреждается при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени бывшаго одесскаго городского головы, тайнаго совѣтника Н. А. Новосельскаго.

§ 2. Стипендіатами имени Н. А. Новосельскаго могутъ быть недостаточные студенты Императорскаго Новороссійскаго университета всѣхъ факультетовъ по очереди, православнаго исповѣданія, уроженцы г. Одессы, оказавшіе хорошіе успѣхи и одобрительнаго поведенія.

§ 3. Право избранія стипендіатовъ предоставляется на общемъ основаніи правленію университета, а утвержденіе ихъ—Н. А. Новосельскому пожизненно, послѣ его смерти университету.

Примѣчаніе. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ со дня отсылки извѣщенія Н. А. Новосельскому объ избранномъ стипендіатѣ, студентъ, удостоенный этой стипендіи, долженъ считаться утвержденнымъ въ своихъ правахъ, хотя бы на это не было получено въ университетѣ письменнаго согласія со стороны Н. А. Новосельскаго.

§ 4. Избранному, порядкомъ указаннымъ выше, студенту стипендія выдается помѣсячно изъ оклада въ 300 рублей въ годъ.

§ 5. Незрасходованные проценты съ стипендіальнаго капитала должны быть обращаемы въ процентныя бумаги для увеличенія капитала и учрежденія новыхъ стипендій имени Н. А. Новосельскаго на изложенныхъ въ настоящемъ положеніи условіяхъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (31-го марта 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Пензенской первой гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Учрежденная на средства бывшаго Общества вспоможенія нуждающимся ученикамъ упраздненной Краснослободской прогимназій при той прогимназій стипендія имени Императора Александра II въ 800 руб., съ увеличеніемъ нынѣ капитала ея до 1.600 р. на счетъ неприкосновеннаго капитала Общества, передается въ первую Пензенскую мужскую гимназію съ прежнимъ наименованіемъ.

§ 2. Составляющій эту стипендію капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4⁰/₁₀₀ ренты, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность Пензенской первой гимназій и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ ея специальныхъ средствъ.

§ 3. Въ случаѣ преобразованія Пензенской первой гимназій въ учебное заведеніе другаго типа или упраздненія ея, стипендія переходитъ въ одну изъ ближайшихъ къ г. Краснослободску гимназій Харьковскаго учебнаго округа. по усмотрѣнію начальства округа, съ прежнимъ наименованіемъ.

§ 4. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года передачѣ въ казну, по мѣрѣ истеченія купоновъ, выдаются одному изъ ближайшихъ и по поведенію и успѣхамъ достойнѣйшихъ учениковъ гимназій, уроженцу г. Краснослободска или его уѣзда, безъ различія сословія и званія.

но православнаго вѣроисповѣданія, на расходы по приобрѣтенію одежды, учебныхъ руководствъ и пособій и вообще на содержаніе.

§ 5. Право избранія стипендіата на вышеизложенныхъ условіяхъ принадлежитъ педагогическому совѣту Пензенской первой гимназіи, который независимо отъ полученія стипендіи можетъ освобождать стипендіата отъ платы за ученіе, если онъ того заслуживаетъ.

§ 6. Въ соотвѣтствіе съ § 6 Положенія, утвержденного 13-го августа 1888 года, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ при выборѣ стипендіата отдается преимущество тому изъ учениковъ, который имѣетъ лучшіе успѣхи по древнимъ языкамъ и вообще обнаруживаетъ особое прилежаніе въ занятіяхъ этими языками.

§ 7. Проценты, неизрасходованные вслѣдствіе временнаго размѣщенія стипендіи, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 8. Если стипендіатъ въ теченіе гимназическаго курса по своему поведенію, прилежанію и успѣхамъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи будетъ признанъ незаслуживающимъ права на дальнѣйшее пользованіе стипендіей, то по опредѣленію педагогическаго совѣта онъ лишается ея и замѣняется новымъ.

§ 9. По усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи стипендія можетъ быть предоставлена и ученику, оставшемуся на второй годъ.

§ 10. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ и выдачей ихъ по принадлежности, а также за обмѣномъ купонныхъ листовъ и свидѣтельствъ на новыя въ случаѣ истеченія купонныхъ и выхода въ тиражъ, и за замѣной ихъ новыми процентными государственными бумагами, когда это потребуетъ, возлагается на директора Пензенской первой гимназіи.

§ 11. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 12. Настоящимъ положеніемъ замѣняется положеніе, утвержденное 13-го августа 1888 года.

7. (7-го апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени Густава Фридриховича Кребса, бывшаго смотрителя втораго Рижскаго узднаго училища, преобразованнаго въ реальное училище Императора Петра I.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, заключающагося въ свидѣтельствѣ государственной ренты на одну тысячу руб. и пожертвованнаго наследниками умершаго бывшаго смотрителя втораго Рижскаго

уѣзднаго училища Густава Фридриховича Кребса, учреждается при Рижскомъ реальномъ училищѣ Императора Петра I стипендія имени Густава Фридриховича Кребса.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ собственность Рижскаго реального училища Императора Петра I и хранится въ числѣ его специальныхъ средствъ въ рижскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ свидѣтельства государственной 4% ренты, въ которомъ заключается стипендіальный капиталъ, хозяйственный комитетъ училища немедленно приобретаетъ вмѣсто него новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ, по закону 20-го мая 1885 года, въ казну государственнаго 5% сбора, выдаются стипендіату директоромъ училища по полугодно впередъ, въ январѣ и августѣ.

§ 5. Если вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по какой-либо другой причинѣ проценты останутся невыданными, то они присоединяются къ стипендіальному капиталу и, по мѣрѣ возможности, обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 6. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища изъ недостаточныхъ по матеріальнымъ средствамъ учениковъ христіанскаго исповѣданія вышеозначеннаго училища. отличающихся хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами.

§ 7. Стипендіатъ лишается стипендіи, вопервыхъ, при оставленіи имъ училища и, вовторыхъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, за плохое поведеніе, а также за малоуспѣшность, если для послѣдней не было какихъ-либо уважительныхъ причинъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ особыхъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія училища стипендія передается въ одно изъ правительственныхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго учебнаго округа типа реальныхъ училищъ, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Грамматика современнаго церковно-славянскаго языка съ примѣрами для упражненій и задачами. Составилъ *И. А. Муратовъ*. Для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, для городскихъ и духовныхъ училищъ. Москва. 1894. Стр. 77. Цѣна 45 коп.“ — одобрить для училищъ, въ которыхъ не проходитъ древній церковно-славянскій языкъ, а также для казенныхъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „Теорія сочиненій, съ хрестоматіей. *И. Житецкаго*. Кіевъ. 1895. Стр. 132. Цѣна 1 рубль“ — одобрить какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности (въ двухъ томахъ). Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе восьмое. Москва. 1894. Стр. IV+457 и IV+481. Томъ I (отъ Петра Перваго до Карамзина). Томъ II (отъ Карамзина до Пушкина). Цѣна за два тома 2 р. 50 коп.“ — одобрить для употребленія въ видѣ пособія въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Luciani Mülleri. De re metrica poetarum latinorum praeter Plautum et Terentium libri VII. Accedunt ejusdem auctoris opuscula IV. Editio altera. Petropoli et Lipsiae, 1894, pag. XII+651*“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки гимназій и прогимназій.

— Книги: 1) „Сборникъ геометрическихъ задачъ на построеніе. Для среднихъ учебныхъ заведеній“ и 2) „Опытъ методики рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Приложение къ Сборнику геометрическихъ задачъ на построеніе. Пособіе для преподавателя (съ 280 чертежами въ текстѣ). Составилъ и издалъ *Г. З. Рыбковъ*, преподаватель Одесской второй городской женской гимназій. Одесса. 1894. Цѣна первой книги 1 рубль, стр. 178. Цѣна второй книги 2 руб., стр. 289“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній; а Сборникъ, сверхъ того, и какъ учебное пособіе для курса черченія въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Учебникъ сравнительной географіи шестаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія 1888 г., преподаватель Кіевскаго реального училища *И. П. Матченко*. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1894. Стр. 202. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ видѣ руководства для шестаго класса реальныхъ училищъ.

— Книгу: Докторъ *Ф. Эттель*. Практическое руководство для электрохимическихъ работъ. Переведено съ нѣмецкаго „*Anleitung zu electrochemischen Versuchen von Dr. Felix Oettel*“, подъ редакціей профессора *Д. П. Коновалова*, *В. И. Святскимъ*. Съ 26-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе *Ф. В. Шепанскаго*. С.-Пб. 1894. Стр. VIII+9. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Избранныя педагогическія сочиненія *Яна Амоса Коменскаго*. Часть II. Мелкія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго *Андрея Адольфа* и *Сергія Любомудрова*. Москва. 1894. Стр. 278. Цѣна 1 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

— Сочиненіе *г. Гончарова*: „Курсъ Астрономіи“ рекомендовать для мореходныхъ классовъ въ качествѣ руководства.

— Сочиненіе *г. Тица*: „Землемѣріе или какъ мѣрить землю и что для этого нужно знать“ одобрить для ученическихъ библиотекъ двухклассныхъ народныхъ училищъ.

— Сочиненіе *г. Цируля* при содѣйствіи *Касаткина*: „Систематическое руководство по ручному труду“ одобрить для учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ, по положенію 31-го мая 1872 г., въ которыхъ введено обученіе ручному труду, а также для учительскихъ библиотекъ начальныхъ училищъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Сочиненіе священника *Г. Ануурова*: „Какъ переплетаютъ книги“ одобрить для библиотекъ начальныхъ училищъ.

— Сочиненіе *В. Верша*: „Переплетчикъ“ рекомендовать какъ пособіе при преподаваніи переплетнаго дѣла въ ремесленныхъ классахъ городскихъ училищъ и въ ремесленныхъ училищахъ съ этой спеціальностью.

— Сочиненіе *В. И. Альбицкаго*: а) „Винтовое зацѣпленіе для случая взаимно-перпендикулярныхъ осей. Теоретическое изслѣдованіе. б) Винтовое зацѣпленіе, его теорія, расчетъ и вычерчиваніе.

Изданіе второе—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ вообще промышленныхъ училищъ.

— 7) Сочиненіе протоіерея *Блявскаго*: „Съ морякомъ христіанномъ бесѣды о спасеніи“ одобрить для библиотекъ мореходныхъ классовъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Казанскаго учебнаго округа, Покровское трехклассное училище, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи преобразовано 28-го ноября минувшаго года въ двухклассное сельское училище сего министерства по инструкціи 4-го іюня 1875 г.; а 2-го декабря того же года открыто Приваленское, тѣхъ же уѣзда и губерніи, такое же двухклассное сельское училище.

ПОЛОВНИКИ ПОМОРСКИХЪ УЪЗДОВЪ ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ.

Половничество, какъ особый видъ аренды пахотныхъ земель и угодій, было весьма распространеннымъ явленіемъ хозяйственнаго быта въ предѣлахъ сѣверной и частью средней полосы Россіи въ XIV—XVI вѣкахъ. Къ сожалѣнію упоминанія источниковъ XIV—XV вѣковъ о половникахъ такъ отрывочны, что по нимъ нельзя отмѣтить какія-либо особенности въ юридическомъ и экономическомъ положеніи половниковъ сравнительно съ прочими классами безземельнаго сельскаго населенія, снимавшаго въ аренду участки чужой земли. Единственная попытка свести „сущность половническаго права“ къ тому признаку, что половники платили землевладѣльцамъ въ видѣ арендной платы часть урожая, а крестьяне кромѣ того отбывали и личныя повинности, не можетъ считаться удачной, такъ какъ самъ авторъ этой попытки вынужденъ былъ признать, что существеннаго, сословнаго (!) различія между половниками и другими земледѣльцами не было ¹⁾.

Гораздо цѣннѣе сохранившіяся свѣдѣнія о половникахъ поморскихъ уѣздовъ. Важность этихъ данныхъ явствуетъ уже изъ того, что въ этой области половническая аренда оказалась особенно живою и просуществовала до нашихъ дней. Естественно поэтому, что „особливый родъ крестьянъ, называемыхъ половниками“, привлекъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей уже съ давняго времени и вызвалъ рядъ попытокъ объяснить ихъ историческое происхожденіе, прослѣ-

---

¹⁾ К. Поповъ, Половники (Памятная книжка Вологодской губерніи на 1862 и 1863 гг., вып. II, 66—71).

дять историческую судьбу и выяснитъ особенности ихъ быта. Въ числѣ трудовъ, посвященныхъ этой темѣ или ея касавшихся, безспорно самымъ важнымъ является изслѣдованіе *Александра Ефименки*—„Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“,—которое занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ литературѣ по исторіи русскаго права ¹⁾). Спасенный авторомъ отъ гибели обширный рукописный матеріалъ, впервые бросившій лучъ свѣта въ исторію поземельныхъ отношеній на сѣверѣ Россіи, къ сожалѣнію до сихъ поръ остается неизданнымъ. Лишь въ послѣднее время опубликованъ аналогичный матеріалъ въ двухъ томахъ „Актовъ Холмогорской и Устюжской епархій“, позволяющій изучить нѣкоторыя подробности въ исторіи землевладѣнія и сельскаго населенія сѣверной полосы Россіи въ XVI—XVII вѣкахъ. На основаніи главнымъ образомъ этихъ актовъ въ настоящемъ очеркѣ предлагается пересмотръ нѣсколькихъ не вполне выясненныхъ вопросовъ въ исторіи половничества. Слѣдуетъ однако замѣтить, что и наличный матеріалъ не даетъ полного отвѣта на всѣ вопросы, какіе придется здѣсь затронуть.

Наиболѣе важной и любопытной особенностью въ положеніи сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ безспорно является иная судьба его въ исторіи крѣпостнаго права на крестьянъ. Хорошо извѣстно, что многія бѣдствія крѣпостныхъ порядковъ не коснулись сѣвернаго крестьянина; но въ какой мѣрѣ проникли туда начала прикрѣпленія въ эпоху до-петровскихъ ревизій и въ какой формѣ тамъ отразились,—отвѣты на эти вопросы въ ученой литературѣ едва-ли можно признать вполне опредѣленными.

„Какимъ образомъ половническое право,—спрашиваетъ К. А. Поповъ,—удержалось въ Вологодской губерніи, когда въ остальной Рос-

¹⁾ Главы IV—VI названнаго труда въ книгѣ „Изслѣдованія народной жизни“, стр. 257—292 и до конца развѣт; см. еще: Записки путешествія академика *Лепезина*, въ Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, т. V, 264—266; Нѣкоторыя свѣдѣнія о крѣпостныхъ земляхъ и живущихъ на нихъ половникахъ, *Отечественныя Записки* Свиньина 1823 г., ч. XIII, 257—264; *Б. А. Поповъ*, Половники, Памятная книжка Вологодской губерніи на 1862 и 1863 гг., выпускъ II, 8—141; *В. И. Семевскій*, Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, гл. VI, Половники въ XVIII вѣкѣ, *Русская Старина* 1879 г., № 3; Половники Вологодской губерніи. Вологодскій Сборникъ, т. II, 1881 г., стр. 82—124; *А. А. Слицкинъ*, Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи, 1886 г., 29—32; *Ею-же*, Оброчныя земли на Вяткѣ, Казань 1892 г., 34—35; *А. С. Лапотно-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, 104—105; *П. Н. Миллюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, 80—81.

сіи всѣ крестьяне сдѣлались крѣпки землѣ послѣ уничтоженія крестьянскихъ выходовъ? Отвѣтъ не затруднителенъ,—говорить онъ:—потому что половники были черносошные крестьяне, и земля, на которыхъ они жили, черныя, а главное,—что владѣльцы этихъ земель были также люди черные... Вслѣдствіе сего владѣльцы земель, населенныхъ половниками, не могли воспользоваться указами объ уничтоженіи Юрьевыхъ дней, потому что указы эти до нихъ не касались; они были изданы собственно для служилыхъ людей, которые владѣли поземельною собственностью на вотчинномъ или на помѣстномъ правахъ¹⁾). Хотя это мнѣніе признано несомнѣннымъ даже такимъ знатокомъ исторіи крѣпостнаго права, какъ В. И. Семевскій²⁾, оно представляется и неяснымъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ неправильнымъ. На основаніи его можно даже придти къ заключенію, что прикрѣпленіе крестьянъ совсѣмъ не распространилось на поморскіе уѣзды.

Гораздо опредѣленнѣе и правильнѣе мнѣніе автора „Исслѣдованій народной жизни“. „Масса крестьянъ,—говоритъ онъ,—не имѣвшихъ собственной земли, сидѣла на чужихъ земляхъ въ качествѣ половниковъ послѣ всѣхъ законовъ о прикрѣпленіи точно также свободно, какъ и до этихъ законовъ. Значитъ эти законы въ силу какихъ-нибудь особыхъ условій и обстоятельствъ совсѣмъ не примѣнялись на сѣверѣ? И того нѣтъ: на сѣверѣ одновременно были и владѣльческіе крестьяне въ настоящемъ „центральному“ смыслѣ этого слова“. И дагѣ: „но было бы ошибочно думать, что масса монастырскихъ, то-есть, единственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ на сѣверѣ, образовалась черезъ прикрѣпленіе половниковъ. Главный процессъ закрѣпощенія шелъ не этимъ путемъ“... „Прикрѣплялись-ли половники къ землѣ?“ спрашиваетъ въ заключеніе авторъ и на этотъ вопросъ, „за невѣніемъ ясныхъ свидѣтельствъ ни за, ни противъ“, даетъ такой отвѣтъ: „если указы о прикрѣпленіи и примѣнялись къ половникамъ, то развѣ въ видѣ исключительныхъ случаевъ“³⁾.

Едва-ли, однако, можно примкнуть всецѣло и къ этому мнѣнію. Прежде всего было бы осторожнѣе совсѣмъ не касаться законовъ о прикрѣпленіи крестьянъ, такъ какъ подобныхъ указовъ не знаютъ не только сѣверъ, но и центральныя области Московскаго государства. Начала же прикрѣпленія появляются на сѣверѣ очень рано и

¹⁾ К. А. Поповъ, Назв. соч., 91—92.

²⁾ Русская Старина, 1879 г., № 3, 379.

³⁾ А. Ефименко, Назв. соч., 271—272 и 278.

не только по отношенію къ владѣльческимъ крестьянамъ, но прежде всего по отношенію къ крестьянамъ черныхъ волостей. Еще въ уставной Важской грамотѣ 1552 года предоставлено право посадскимъ и волостнымъ людямъ „старыхъ своихъ тяглицовъ крестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ *безсрочно и безошливно* и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того“. Дальнѣйшія указанія относительно черныхъ крестьянъ относятся уже къ началу XVII вѣка. Но это отнюдь не значитъ, будто отмѣченный фактъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Наоборотъ, правительственная политика закрѣпленія къ тяглу посадскихъ и волостныхъ людей сдѣлала въ теченіе второй половины XVI вѣка значительные успѣхи и въ поморскихъ уѣздахъ. Это подтверждается фактами, указывающими, какъ свободно распоряжалось правительство судьбой крестьянскаго населенія черныхъ волостей, жалуя земли съ населеніемъ въ вотчину частнымъ землевладѣльцамъ, преимущественно монастырямъ и церквамъ. Отъ 1591 года сохранилась жалованная грамота Соловецкому монастырю, выданная по челобитью монастырскихъ властей о передачѣ имъ во владѣніе второй половины Кемской волости; въ грамотѣ сказано, что царь пожаловалъ волостью „Кемью всею, и Пудожемскою, и Пебоозеромъ, и Маслоозеромъ, въ вотчину впрокъ *со крестьяны, и съ дворовыми мѣсты*“, и предоставилъ властямъ „крестьянъ вѣдати и судити, или кому они прикажутъ“¹⁾. Пожалованіе черныхъ земель въ вотчину явленіе очень древнее и широко распространенное въ XV и XVI вѣкахъ. Но во всѣхъ такихъ случаяхъ нѣтъ рѣчи о пожалованіи земель съ людьми или съ крестьянами²⁾. Передача же съ правомъ на землю и правъ на крестьянъ указываетъ, что практика въ ограниченія крестьянской свободы была прочно усвоена правительственными сферами.

¹⁾ А. Э., I, № 853.

²⁾ Прихѣры у П. Н. Миллюкова, Спорные вопросы, 34. Кромѣ приведеннаго факта, намъ извѣстны еще три случая передачи земель съ старожильцами или крестьянами: 1470 г. князь Андрей Васильевичъ промѣнилъ Сторожевскому монастырю свои деревни черныя и далъ льготную грамоту, гдѣ сказано: „а старожильцамъ, комъ язь промѣнилъ, и пришлымъ людямъ не надобѣ язь“ и проч. Грам. Коля. Экон., Звенигородскаго уѣзда № 2/1111; А. И. I, № 108 (1499): „Да и тѣ есмь люди далъ имъ старожилцовъ, которые живутъ на той землѣ“; Сборн. Мухан. № 280 (1538): жалованіемъ великаго князя кн. Фед. М. Мстиславскій пожаловалъ церкви Леонтія двѣ деревни „со крестьяны“ и предоставилъ „тѣмъ деревнямъ и пустоши, пашнею и укосомъ я крестьяны владѣть“.

Такими пожалованіями создавался соблазнительный примѣръ для другихъ вотчинниковъ, владѣвшихъ пожалованными землями. И естественно, что при подобныхъ условіяхъ въ составѣ сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ появился контингентъ владѣльческихъ крестьянъ у монастырей Соловецкаго, Кирилло-Бѣлозерскаго, Сійскаго, Николы-Корельскаго, Ростовской архіепископін и нѣкоторыхъ другихъ. По отношенію къ этимъ владѣльческимъ крестьянамъ уже въ XVI вѣкѣ практикуются тѣ же мѣры закрѣпощенія, слѣды которыхъ сохранились и въ практикѣ второй половины XVI вѣка другихъ областей Московскаго государства. Нагляднымъ тому подтвержденіемъ является грамота 1592 года, данная по челобитію властей Николы-Корельскаго монастыря о вывозѣ обратно за монастырь двухъ искони вѣчныхъ крестьянъ, выбѣжавшихъ безъ отказа, безпощинно и не въ срокъ; въ грамотѣ предписано, буде тѣ крестьяне „напередъ сего за Никольскимъ монастыремъ жили и выбѣжали *безъ отпуску*“, возвратить ихъ въ старыя деревни и дворы; „да и впредь бы есте,—сказано въ грамотѣ,—изъ Никольскіе вотчины крестьянъ въ заповѣдныя лѣта до нашего указу въ наши въ черныя деревни не волозили, тѣмъ ихъ Никольскіе вотчины не пустошили“¹⁾).

Въ первой половинѣ XVII вѣка начала прикрѣпленія по отношенію къ посадскимъ людямъ и крестьянамъ черныхъ волостей совершенно опредѣленно выразились въ правилѣ, по которому тяглые люди указанныхъ категорій не могли „покинуть впускъ“, то-есть, безъ жилья, своихъ тяглыхъ дворовъ и участковъ земли. Нарушители этого правила считались бѣглецами и могли быть водворены на прежнія мѣста жительства по иниціативѣ-ли заинтересованныхъ общинъ, или по распоряженію правительства. Наблюдаются лишь ко-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 135—137. Эта любопытная грамота уже обратила на себя вниманіе и сдѣлалась предметомъ особой статьи: С. А. Адриановъ, Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, № 1, 239—251. Въ жалованныхъ подтверждающихъ грамотахъ тому-же монастырю 1607, 1621 и 1623 гг., заключительная часть грамоты 1592 г. формулирована слѣдующимъ образомъ: „ихъ же монастырскихъ крестьянъ въ наши черныя деревни и въ сотни не примати, а которые крестьяне, изъ ихъ монастырскіе вотчины выбѣжавъ, живутъ въ черныхъ деревняхъ въ сотняхъ, а въ писцовыхъ вняжъ Васильевыхъ (Звенигородскаго) книгахъ написаны Николы Чюдотворца за Корельскимъ монастыремъ, и тѣхъ крестьянъ смскивая отдавати назадъ Николы Корельскаго монастыря въ вотчину на старыя деревни, гдѣ кто жилъ“. Русская Историческая Библіотека, XIV, 187; А. И. II, 105; т. III, 134—135 и 191.

лебанія относительно сроковъ, въ теченіе которыхъ можно было возвращать бѣглецовъ: срокъ опредѣляется или условно до такого-то года ¹⁾, или устанавливается общая давность для сыска бѣглыхъ крестьянъ (урочныя лѣта) ²⁾, или, наконецъ, срокъ вовсе не принимается во вниманіе, такъ что бѣглецовъ, повидимому, можно было сыскивать безсрочно ³⁾. Отъ половины XVII вѣка мы имѣемъ и общія распоряженія о порядкѣ возвращенія бѣглыхъ тяглыхъ людей, изложенныя въ писцовыхъ наказахъ для поморскихъ городовъ. Отъ 1645 года сохранились два такихъ неизданныхъ наказа на Тотму и въ Соль-Вычегодскую, почти дословно между собою схожихъ ⁴⁾. Въ нихъ неоднократно идетъ рѣчь о сыскѣ и выводѣ на прежнія мѣста жительства тяглыхъ людей. Такъ при описи церковныхъ и монастырскихъ земель писцамъ велѣно переписать и дворы всякихъ жилецкихъ людей съ обозначеніемъ рода занятій ихъ, при чемъ велѣно разузнать,

¹⁾ А. И. III, № 286 (1621 Чердынъ): „А бѣглыхъ людей велѣли бѣ естя сысквати до нынѣшняго 129 г. и велѣли ихъ свозити на старыя мѣста... и впередъ того велѣли беречи накрѣпко, чтобы крестьяне впередъ не бѣгали“.

²⁾ Тамъ-же, № 160 (1629. Вятка): „Будеть изъ тѣхъ городковъ (посадскіе люди и уѣздные крестьяне) вышли менши десяти лѣтъ, а не болши десяти лѣтъ... и ты бѣ тѣхъ крестьянъ велѣли подавати на вѣрникія поружь съ записми, что имъ жити на своихъ прежнихъ крестьянскихъ жеребьяхъ по прежнему“; Д. и А. М. III, № 32 (1647. Сумерская волость): „а выводилъ тѣхъ сошныхъ крестьянъ на прежніе ихъ участки, гдѣ кто жилъ, за 15 лѣтъ или малымъ чѣмъ болши“.

³⁾ *Крестининъ*, Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ, стр. 168—175: въ грамотахъ 1607 и 1613 указано: „которые жильцы отъ Архангельскаго города въ рознь разбрелись и у города не живутъ и ихъ сыскать приводить въ Архангельской городъ на житье“; см. А. Э. III, № 141 (1623. Устюжна).

⁴⁾ Первый изъ нихъ—Тотемскій—указанъ *П. Н. Милюковымъ*, Государственное хозяйство, стр. 69 примѣчаніе. Но этотъ наказъ безъ начала и конца и отнесенъ къ 1646 г. неправильно, такъ какъ въ текстѣ его стоитъ: Да въ нынѣшнемъ 163 году, апрѣля въ 19 день, указавъ государь царь и великій князь Михайлъ Ѳедоровичъ etc. (Архивъ Министерства Иностраныхъ дѣлъ Приказъ, Дѣла 1646. № 130, л. 23, ср. л. 13). Второй наказъ хранится въ тѣхъ же приказныхъ дѣлахъ подъ ошибочной датой 1626 г. № 25. Дѣло начинается челобитьемъ 162 г. „Солд-Вычегодцкіе всеуѣздныхъ челобитчиковъ“ о посылкѣ писцовъ, такъ какъ прежніе писцы писали въ 132 г. посадъ и уѣздъ „въ малые сошки неравно“. Вслѣдствіе этого челобитья въ 158 г. посланъ писецъ Богданъ Приклонскій и подьячій Осипъ Трофимовъ, которымъ изъ Устюжской чети за приписью дѣла Мини Грязева даны приправочныя книги, „а для мѣры дана имъ сажень на Москвѣ“, и затѣмъ данъ наказъ, черновая котораго и сохранилась цѣликомъ въ дѣлѣ. Приводимыя въ текстѣ выдержки вполне тождественны въ обояхъ наказамъ.

платять-ли они какіе-либо оброки съ монастырскими людьми, „и какіе люди тѣ люди бывали прежь сего, не изъ посадцкихъ-ли и не изъ волостныхъ-ли людей съ тягла тѣ люди, лготя себѣ на тѣ монастырскія и на церковныя земли жити пришли“. Еслибы по сыску дѣйствительно подтвердилось, что тѣ люди „прежь сего бывали тяглые государевы посадцкіе и волостные черныхъ деревень, а не старинны монастырскіе и церковныя, а изъ за государя будетъ вышли за монастыри и за церкви послѣ писцовъ, и писцомъ тѣхъ всѣхъ людей изъ за монастырей и изъ за церковей вывести по прежнему за государя на старые ихъ жеребьи, гдѣ хто жилъ напередъ сего, посадцкихъ людей на посадъ, а волостныхъ людей въ волости, и тѣмъ всѣмъ людямъ велѣти жити въ тяглѣ по прежнему на старыхъ жеребьяхъ, а въ житѣ и въ тяглѣ и во всякихъ податѣхъ по тѣхъ людехъ имати поручныя крѣпкія записи, а въ тягло велѣть ихъ выборнымъ людямъ положить, примѣряясь къ ихъ братья, къ посадцкимъ и къ волостнымъ крестьянамъ“. Далѣе при описи въ уѣздахъ государевыхъ черныхъ волостей должны были отмѣчать пустые дворы и пустовую землю, на которой нѣтъ жильцовъ, и о томъ сыскать „гдѣ тѣ люди, которые въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ жили, отчего тѣ села и деревни заустѣли“. И еслибы по сыску оказалось, что „изъ которой волости вышли крестьяне изъ за государя послѣ московскаго разоренья со 121 года по 131 годъ и послѣ писцовъ Паренья Мансурова и Ивана Благово и по нынѣшній 153 годъ ¹⁾, въ которые города, хъ которымъ городамъ усольскаго (то-темскаго) уѣзда который станъ или волость подошла, на посадки и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ и за монастыри и на церковныя земли, а *изъ жеребьи лежатъ нынѣ пусты*, или будетъ у которыхъ крестьянъ послѣ ихъ остались жены и дѣти, или братья или племянники, а вѣдомо про нихъ будетъ, что они живутъ за монастыри или за кѣмъ нибудь въ тѣхъ же городѣхъ или въ уѣздѣхъ, а изъ за государя будетъ вышли со 121 года и со 131 года (со 117 года или со 119 года и со 131 года) и писцамъ про тѣхъ крестьянъ и крестьянскихъ женъ и дѣтей и братью и племянниковъ, которые на тѣхъ мѣстахъ жия, сыскивати и распрашивати имянно, хто име-

¹⁾ Въ Тотемскомъ наказѣ сказано такъ: „вышли крестьяне изъ за государя до московскаго разоренья со 117 г. и послѣ московскаго разоренья со 119 г. по 131 г. и послѣ писцовъ Ооки Дурова да подьячего Остаея Колопанова и по нынѣшней 153 г.“.

немъ на которомъ жеребью жилъ и сколь давно споль и имати объ нихъ письмо въ волостяхъ за поповыми руками и велѣтъ ихъ вывозити въ тѣ волости и въ деревни и сажати ихъ на старыя ихъ жеребьи и лгота имъ давати смотря по разоренью и по пашнѣ. А будетъ которыхъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ вывезти имъ безъ государева указу изъ за кого не лѣтъ, и писцамъ писати о томъ къ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси. и государь велитъ о томъ указъ учинити“.

Приведенныя выдержки вполне опредѣленно рисуютъ, съ какой строгостью проводило московское правительство мысль о прикрѣпленіи къ мѣсту жительства тяглыхъ людей въ поморскихъ уѣздахъ, и эта мысль была вполне усвоена и самимъ населеніемъ, которое нерѣдко обращалось къ правительству съ просьбой вернуть старыхъ тяглецовъ на прежніе ихъ пустые жеребьи ¹⁾.

Только что сказанное вполне подтверждается и обычной формой волостныхъ порядныхъ, записей, по которымъ новые волостные жильцы, получая отъ волости участки земли, обыкновенно подъ условіемъ нѣсколькихъ лѣтъ льготы, всегда принимали обязательство послѣ льготныхъ лѣтъ „безъ жильца того повытъя не покинуть“ или „впустѣ того повытъя не покинуть“ ²⁾.

¹⁾ А. Э. III № 286 (1621): Чердынскаго уѣзда двухъ приходоу крестьяне жалуются, что „изъ тѣхъ де погорѣлыхъ деревень въ Сибирь и внизъ по Камѣ рѣкѣ, и въ Строгановыхъ слободы разошлося 37 семей тяглыхъ крестьянъ“; Русская Историческая Библиотека XIV, 971 (1657): воевода Яренскаго городка сообщалъ челобитье крестьянъ Княжь-Погодвой трети о томъ, что „въ прошломъ во 155 году, не хотя съ ними Княжь-Погодвой трети жити и государевыхъ доходовъ платити, выбѣжали отъ нихъ лучіе крестьяна (6 человекъ) зъ женами и зъ дѣтми и зъ животы, деревни свои покинули впустѣ и нинѣ де живутъ въ Устюжскомъ уѣздѣ за Троицкимъ и за Ивановскимъ монастыря“.

²⁾ Двѣ такіе порядныя 7141 сентября 1 и 7157 апрѣля 1 въ Русской Исторической Библиотекѣ, XIV, 367 и 400; и двѣ поручныхъ 7155 октября 6 и 7161 марта 26, Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Приказы. Дѣла № 86—1641 г. и Русская Историческая Библиотека, XIV, 412—414. Въ первой изъ поручныхъ между прочимъ сказано: „А будетъ оны Семень за нашею поружкою тою деревнею Зубаревымъ всею не учнегъ владѣти и государевыхъ податей, какъ лютныя годы отойдутъ, не учнегъ сполна платити и въ пустѣ покинегъ, а жильца добраю платезжачю въ свое мѣсто не посадити, ино на насъ etc.. Ср. владѣннужу на оброчную землю у А. А. Спицина, Земля и люди на Вяткѣ, 44—45. Въ Хлынсковой переписной книгѣ 1678 года записано, что крестьянину Чепецкаго стана Обухову по даинной велѣно: „на новомъ мѣстѣ подъ нашу и подъ сѣбныя покосы раменную землю и лѣсъ расчищать и дворами селитися, а съ того мѣста оброкъ и

Указанныхъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы оцѣнить значеніе догадки, будто черные крестьяне свободно могли переходить въ разрядъ половниковъ, и будто правительство не только снисходительно смотрѣло на такой переходъ, но даже поощряло его ¹⁾).

Но рядомъ съ указанными фактами, подтверждающими отсутствіе права переходовъ у тяглыхъ крестьянъ поморскихъ уѣздовъ, можно отмѣтить рядъ другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что среди разрядовъ сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ существовалъ значительный контингентъ бродячаго населенія, изъ котораго преимущественно и пополнялся классъ половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ. Свобода перехода, сохранившаяся у половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ и составляющая отличительную черту этого класса, больше всего поражаетъ изслѣдователя, уже присмотрѣвшагося къ общей картинѣ повсюду проникающаго и усиливающагося закрѣпощенія сельскаго и городского населенія. Объ этой свободѣ перехода до недавняго времени судили исключительно на основаніи позднѣйшихъ данныхъ XVIII вѣка. Автору статьи о половникахъ, К. А. Попову, извѣстна была всего одна только половническая порядная средины XVII вѣка. Г-жа Ефименко располагала, повидимому, уже значительнымъ количествомъ порядныхъ преимущественно XVII, отчасти XVI вѣка. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ ни общее число находившихся въ ея распоряженіи порядныхъ, ни число въ частности собственно половничьихъ порядныхъ въ отличіе отъ крестьянскихъ. Въ настоящее время въ актахъ Холмогорской и Устюжской епархій напечатано нѣсколько половничьихъ порядныхъ, такъ что въ общемъ намъ извѣстно до 15-ти актовъ этого рода ²⁾).

стрѣleckія деньги и всякіе доходы платить съ товарищи съ Чепецкими крестьяны вмѣстѣ и въ пустѣ безъ жилья не покинуть, и въ томъ по немъ поручная запись взята⁴. Нѣкоторыми данными вятскихъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ мы имѣли возможность воспользоваться по коніямъ, принадлежащимъ А. А. Сидчину, которому и приносимъ свою благодарность.

¹⁾ *Отечественныя Записки*, издаваемые *Свиньинными*, 1823 года, ч. XIII, 257—258.

²⁾ Вотъ ихъ перечень:

1) 7107, марта 13 (въ заголовкѣ 1619?) Гledenскаго монастыря поручная, Русская Историческая Библиотека XIV, 859—860.

2) 7108, октября 29. Устюжской соборной церкви порядная, тамъ-же, XII, 140—141.

3) 7130, генваря 10. Гledenскаго монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 876—878.

4) 7136, марта 25. Спасской церкви порядная, тамъ-же, XIV, 354—357.

Всѣ они, кромѣ одной поручной, являются условіями срочными съ точно обозначеннымъ срокомъ контракта. Въ семи случаяхъ срокъ установленъ трехлѣтній, въ трехъ — четырехлѣтній и по одному случаю выпадаетъ на двухлѣтній, пятилѣтній и десятилѣтній сроки; наконецъ, въ одномъ случаѣ срокъ опредѣленъ условно до возвращенія ссуды ¹⁾. Съ истеченіемъ срока для половника наступала возможность воспользоваться правомъ перехода. Почти во всѣхъ порядныхъ идетъ рѣчь о выходѣ или выѣздѣ съ полovia послѣ отживныхъ срочныхъ лѣтъ ²⁾. Мало того. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предусматривается и досрочный выходъ, который влечетъ за собой лишь обязанность уплатить неустойку (зарядъ) ³⁾.

5) 7142, марта 8. Гledenскаго монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 942—947.

6) 7143, декабря 10. Того-же монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 948—955.

7) 7156, церкви Аванасія Александрійскаго, *Москвитянинъ* 1853 г. № 12.

8) 7157, ноября 27. Устюжской соборной церкви порядная, Русская Историческая Библиотека XII 249—252.

9) 7159, октября 20. Гledenскаго монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 966—971.

10) 7171, декабря 12. Устюжской соборной церкви порядная, тамъ-же, XII, 367—369.

11) 7174, ноября 22. Той-же церкви порядная, тамъ-же, XII, 401—403.

12) 7186 декабря 1. Той-же церкви порядная, тамъ-же, XII, 464—467.

13) 7193, сентября 17. Кунгурскаго привазнаго подъячего, Кунгурскіе акты, 130—132.

14) 7193, ноября 7. Гledenскаго монастыря порядная, Русская Историческая Библиотека, XIV, 1135—1141.

15) 7203, апрѣля 24. Устюжской соборной церкви порядная, тамъ-же, XII, 1167—1169.

Кромѣ того напечатаны отрывокъ половничьей порядной 7113 марта 24 въ Русской Исторической Библиотекѣ XIV, 559—560, и договорное письмо 1719 г. (въ извлеченіи) у А. А. *Спицына*, Земля и люди на Вяткѣ, 31—32. Наконецъ, извѣстны по явкамъ и двѣ словесныхъ порядныхъ въ половничество 1617 и 1627 гг. Русская Историческая Библиотека, XIV, 627 и 675.

¹⁾ Кунгурскіе акты, 131: „И впредь намъ на него исполу пахать потомужъ противъ сей записи, по кѣхъ мѣсть тѣ ссудные деньги за нами исполниками по будутъ“.

²⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 946: „А отживемъ срочные годы и поѣдемъ вонъ“; *ibid.*, 954: „А отживемъ срочные годы и поѣдемъ вонъ изъ деревни“; *ibid.*, 970: „А отживу язь половникъ срочные годы и поѣду вонъ изъ полovia“.

³⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 356: „А не доживу язь на той деревни до срочного лѣта и изъ деревни съѣду.. и мѣя дати заставы по сей записи Спасу въ казну 10 рублевъ денегъ“.

Такое заключеніе о свободномъ переходѣ половниковъ, основанное на буквальныхъ словахъ значительнаго числа порядныхъ, подкрѣпляется и прямымъ свидѣтельствомъ самихъ хозяевъ-вотчинниковъ. Напримѣръ, когда въ Усольскомъ уѣздѣ по распоряженію государя отписаны были въ 1651 г. у монастырей и торговыхъ людей покупныя и закладныя черныя деревни, то вслѣдъ затѣмъ монастырскія власти Ивановскаго и Гledenскаго монастырей ходатайствовали объ оставленіи за ними ихъ владѣній, при чемъ указывали и на порядокъ ихъ эксплуатаціи: „А пашуть тѣ ихъ черныя покупныя деревни *наемные люди, договорясь на годъ и на два и на три*, недостаточные люди, а хлѣбъ всякой и сѣна дѣлать съ ними; себѣ емлютъ за работу половину, а другую даютъ имъ. А опроче того хлѣба, инаго ничего съ нихъ къ нимъ не идетъ. А что де отъ половниковъ имъ хлѣба достанетца, и съ того хлѣба, продавъ, платили они всякіе наши подати, да тѣмъ же строилось наше богомолье-церкви Божіи“ etc. ¹⁾.

Еще любопытнѣе указаніе гостя Кирилла Босова, владѣвшаго деревнями въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ его челобитной на сыщика, посланнаго на Устюгъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ заонежскихъ погостовъ: „А въ нашихъ, государь, мѣстѣхъ живутъ у насъ въ деревнишкахъ нашихъ крестьяне твои государевы волностью на урочные лѣта, кто на сколько лѣтъ уговорятца жить, иные на два и на три годы, какъ кому въ которыхъ мѣстѣхъ поживетца. А какъ, государь, имъ урочные годы отойдутъ, и они, государь, переходятъ въ иные деревни къ инымъ хозяевамъ; а кому, государь, не поживетца, и они и до урочныхъ лѣтъ отходятъ. А сильно, государь, у насъ никою не держатъ, а живутъ, что наймиты, а хлѣбъ, государь, пашуть на своихъ коняхъ исполу: намъ половина, а имъ другая. А твои государевы всякіе подати во всякіе поборы съ тѣхъ своихъ деревень платимъ мы, холопи твои, своими денгами съ черными крестьяны вмѣстѣ“ ²⁾. Значитъ и самимъ вотчинникамъ половническая аренда

¹⁾ Грамоты Колл. Экон., Усольск. у., № 13210: грамота къ воеводѣ Соль-Вычегодскому 16-го января 1652 г. по поводу челобитья властей Ивановскаго монастыря; тамъ же, № 13211: такая же грамота по челобитью властей Троицкаго Гledenскаго монастыря. Эта послѣдняя по списку напечатана въ Русской ист. библ., XII, 261—266.

²⁾ Архивъ Мин. Ив. Дѣлъ, Приказныя Дѣла, № 52, 1646—1647 г. Ср. еще Русск. Ист. Библ., XII, 198 (1634): „А пашуть де тѣ ихъ вотчины (Гledenскаго монастыря) исполу половники по уговору; а отживъ урочные годы, тѣ половники отходятъ отъ нихъ прочь“.

представлялась совершенно свободнымъ, добровольнымъ отношеніемъ, уподобленнымъ или приравниваемымъ къ вольному найму. Наймиты-же въ Московскомъ государствѣ считались вольными людьми. До насъ сохранился цѣлый рядъ „сказокъ“ людей, поступающихъ въ крестьяне или кабальные холопы. Многие изъ нихъ называютъ себя вольными людьми. Обычной чертой ихъ біографіи является указаніе, что они „жили въ наймѣхъ, кормились работою“, или—„ходили по наймѣ въ казакѣхъ“, или „жили въ наймѣхъ похода“¹⁾. Подобныя показанія нрѣдко дополнялись еще отрицательной чертой, что такіе вольные люди „во дворѣ въ холопѣхъ ни у кого не служивали и во крестьянѣхъ и въ бобылѣхъ ни за кѣмъ не живали“²⁾. Вольные люди всегда противопоставляютъ себя крестьянамъ, бобылямъ и холопамъ, какъ людямъ подневольнымъ, крѣпостнымъ, потому что они живутъ за государемъ, за церковными учреждениями и за частными лицами по крѣпостямъ. Совершенно подобнымъ образомъ и хозяева вотчинники противопоставляютъ половничковъ крѣпостнымъ крестьянамъ и бобылямъ.

Въ 1637 г. власти монастырей Гledenскаго, Телегова и Прилуцкаго подаютъ заявленіе, что у нихъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель нетяглыхъ нѣтъ, „а пашутъ де у нихъ тѣ монастырскіе земли изполу по уговору половники и наемные люди, а монастырскихъ крестьянъ и бобылей нѣтъ“³⁾. Еще отчетливѣе подобное указаніе въ челобитной, поданной въ 1687 г. устюжскому архіепископу всѣми монастырями и церквами Сольвычегодскаго уѣзда: „а которые за нами дворы по переписнымъ книгамъ написаны въ монастырскихъ и церковныхъ и крыласкихъ вотчинахъ, и въ тѣхъ дворѣхъ живутъ половничиска наши вольные погодно, а не вѣчные крестьяне, и тѣ наши дворы не сличны верховскимъ монастыремъ и

¹⁾ См., напримѣръ, Новгородскія кабальныя книги 7107 г., изд. С. О. Платоновымъ, стр. 6, 13, 16, 20, 28, 41, 43, 48, 49, 61, 66, 72 и 77.

²⁾ *Журналъ землевадѣл.* 1858 г., т. I, запись № 3; Архивъ историч. и практич. свѣдѣній 1859 г., в. 2, 94—96. Ср. еще въ Архивѣ Мин. Юст. книгу Вотчинной конторы по г. Пскову № 21/122, запись № 34: „человѣкъ волной, ни въ которомъ городѣ ни въ государевыхъ служилыхъ людяхъ, ни въ стрѣльцѣхъ, ни въ пушкарѣхъ, ни въ казакѣхъ, ни въ воротничѣхъ, ни въ которомъ городѣ ни въ посадскихъ людѣхъ, ни на государевой дворцовой, ни на монастырской, ни на церковной, ни на помѣщичьей земли въ деревни во крестьянѣхъ, ни въ бобылѣхъ, ни въ холопѣхъ не бывалъ“.

³⁾ Русск. Ист. Библ., XII, 200 — 201; ср. ib., 333 (1661): „а данныхъ де крестьянъ и земель у нихъ (монастырей) нѣтъ“.

церквамъ“¹⁾. Въ переписныхъ книгахъ, напримѣръ, Хлыновскихъ, о половникахъ сказано: „а тѣ половники живутъ по срочнымъ записямъ“, почему они и называются „срочными половниками или исполниками“.

Такое противоположеніе вольныхъ половниковъ крестьянамъ и даже *извѣстными* крестьянамъ свидѣтельствуеетъ прежде всего, что землевладѣльцамъ поморскихъ уѣздовъ была близко знакома порядки верховскихъ (центральныхъ) городовъ и уѣздовъ. Не разъ приходилось имъ въ своихъ челобитьяхъ отмѣчать существенное различіе вотчиннаго владѣнія на сѣверѣ и въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства. Это различіе отражалось, конечно, и на отношеніяхъ вотчинниковъ къ населенію ихъ вотчинъ. И по скольку противоположеніе половниковъ крестьянамъ не выходило за границы сравненія поморскихъ порядковъ съ верховскими, до тѣхъ поръ это противоположеніе не противорѣчатъ извѣстнымъ намъ даннымъ. Но въ этого сравненія особенности въ положеніи половниковъ предстоитъ еще выяснить.

У поморскихъ вотчинниковъ наряду съ половниками существовали арендаторы другаго вида, которые назывались крестьянами-порядчиками, такъ какъ поряжались „жить и работать во крестьянехъ“. Сравненіе этого типа аренды съ арендой половнической поможетъ намъ выяснитъ и характерныя особенности послѣдней.

Только что поставленный вопросъ уже обсуждался въ исторической литературѣ. Авторъ „Крестьянскаго землевладѣнія на крайнемъ сѣверѣ“ начинаетъ главу своего изслѣдованія, посвященную характеристикѣ половниковъ, слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Мы всюду, вслѣдъ за Бѣляевымъ и другими изслѣдователями, называли наше безземельное крестьянство, сидѣвшее по свободному договору на владѣльческихъ земляхъ, половниками, но должны здѣсь измѣнить терминологию. Удобнѣе употреблять термины такъ, какъ они употреблялись въ жизни. Въ предѣлахъ Архангельской губерніи крестьяне, садившіеся на владѣльческихъ земляхъ по свободному договору, „по рядѣ“, „по порядку“, всегда назывались порядчиками. Порядчики могли сидѣть изъ половины, изъ трети продукта, то-есть, могли быть половниками или третчиками, могли сидѣть и на другихъ условіяхъ, которыя были очень разнообразны и опредѣлялись каждый разъ договоромъ—все-таки это были порядчики. Такимъ образомъ половникъ

¹⁾ Тамъ же, 836; ср. XIV, 442 (1676 г. Черногорская пустынь).

быль лишь частнымъ видомъ порядчика“¹⁾). Отсюда можно было-бы заключить, что авторъ не видитъ какой-либо замѣтной грани, по крайней мѣрѣ, юридической, между половниками и крестьянами порядчиками. Дальнѣйшее изложеніе, гдѣ рѣчь идетъ о порядчикахъ вообще, какъ бы подтверждаетъ эту догадку. Но одно сопоставленіе порядчиковъ съ половниками бросаетъ овѣтъ на серьезное различіе въ ихъ юридическомъ и хозяйственномъ положеніи. „Крестьянинъ,—говоритъ авторъ,—который бралъ на порядъ землю, бралъ на себя и всѣ обязательства, лежащія на этой землѣ по отношенію къ государству. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отдавалась на порядъ не деревня или часть ея, а какой нибудь кусокъ, оторванный отъ деревни, владѣлецъ оставлялъ за собой отправленіе общественныхъ и государственныхъ повинностей“²⁾). Наоборотъ, „половникъ или третникъ обыкновенно не тяглецъ. Если это положеніе и не было закономъ, не допускавшимъ исключеній, то во всякомъ случаѣ оно было общимъ правиломъ“³⁾). Итакъ, по общему правилу порядчикъ крестьянинъ—тяглый человекъ, а половникъ не тяглецъ. Такому важному юридическому различію авторъ подыскалъ и экономическую основу: „порядчики чернотяглыхъ деревень сажались изъ-за опредѣленной платы денежной или хлѣбной. Мы не знаемъ такихъ случаевъ, чтобы на такой деревнѣ сажались изъ-за доли продукта (половины, трети). Половники или третники встрѣчаются на оброчныхъ деревняхъ и на тяглой землѣ лишь въ такихъ случаяхъ, когда эта земля не составляетъ особой деревни или доли ея, а представляетъ обособленный кусокъ, съ котораго самъ владѣлецъ тянетъ тягло... На тяглой землѣ, въ виду тяжести государственныхъ и общественныхъ повинностей, вѣроятно, не было возможности сидѣть изъ доли“.

Эта мысль до нѣкоторой степени нашла отраженіе и въ позднѣйшей исторической литературѣ, хотя къ сожалѣнію не въ достаточной мѣрѣ. Такъ А. С. Лаппо-Данилевскій отмѣтилъ, что „было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглой общины. такъ какъ повидимому не тянули тягла. Напротивъ, во второй половинѣ XVII вѣка они подлежатъ прямому обложенію“. Такая юридическая перемѣна въ положеніи половниковъ произошла, по мнѣ-

¹⁾ А. Ефименко, Исслѣдованія народной жизни, стр. 280—281.

²⁾ Въ примѣчаніи къ приведеннымъ словамъ авторъ дополняетъ, что и „на церковныхъ оброчныхъ деревняхъ церковь тоже брала на себя оброкъ“.

³⁾ Назв. соч., стр. 285 и 289.

нію автора, вслѣдствіе измѣненія въ хозяйственномъ положеніи подъ вліяніемъ землевладѣльческой ссуды, „которая превращала отношенія половника къ землевладѣльцу въ подневольныя“. „Такія измѣненія въ положеніи половника должны были повліять и на его податныя отношенія къ правительству. Какъ мелкій арендаторъ землешпецъ, онъ не принималъ на себя податныхъ обязанностей; въ одной порядной самага конца XVI вѣка встрѣчаемъ прямыя указанія на то, что „дань и оброкъ и всякіе государевы разметы ватаманскіе“ платитъ землевладѣлецъ мимо половника. Но когда началъ обнаруживаться процессъ смѣшенія половничества съ крестьянствомъ, половники стали тянуть тягло, платить по писцовымъ книгамъ всякіе платежи и четвертные доходы и службы служить наравнѣ и нерѣдко вмѣстѣ съ посадскими людьми и волостными крестьянами“ ¹⁾.

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и П. Н. Милюковъ. „Половникъ, рядившійся на короткій срокъ,—говоритъ онъ,—чаще всего на одинъ трехпольный сѣвооборотъ, со своею снастью, былъ случайнымъ гостемъ на владѣльческой землѣ, ничѣмъ съ ней не связаннымъ. кромѣ срока своей порядной. Если онъ и попадалъ въ писцовую книгу, то писался въ ней „въ особой статьѣ“, а не „со крестьяны вмѣстѣ“, „и платитъ велѣно“ было съ половничьихъ дворовъ „особо“. Это и понятно, такъ какъ вступая въ договоръ, половникъ вовсе не обязывался, подобно крестьянину, „всякіе великаго государя подати платить со сосѣдми вмѣстѣ или съ міромъ врьдъ, по сотной писцовой книгѣ“; онъ не обязывался также своего участка „впустѣ безъ жилища не покинуть“, то-есть, прискаты на свое мѣсто новаго нанимателя. Даже тогда, когда онъ садился на *тяглую* землю, онъ оставался тѣмъ же „наемнымъ человѣкомъ“, который пашеть „по уговору“; естественно, что онъ зналъ только своего хозяина, а послѣдній, въ качествѣ владѣльца тяглаго участка, „платилъ дань и оброкъ, всякіе разметы“ уже „мимо половника“. П. Н. Милюковъ согласился съ А. С. Лаппо-Данилевскимъ и въ томъ, „что въ концѣ (во второй половинѣ?) XVII вѣка половники несутъ тягло на ряду съ крестьянствомъ; иногда такіе половники прямо даже носятъ названіе „черныхъ тяглыхъ половниковъ“ и сами подраздѣляются на крестьянъ и бобылей“. Онъ только усумнился въ правильности истолкованія причинъ такой перемены ²⁾.

¹⁾ Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, 104—105.

²⁾ Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, 80—81.

Хотя оба послѣдніе автора не отмѣчаютъ съ точностью, о какого рода половникахъ они говорятъ, то-есть, разумѣютъ-ли они вообще порядчиковъ или имѣютъ въ виду только частный видъ послѣднихъ, но можно догадываться, что они желали указать особенности въ положеніи половниковъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть приняты только что указанные выводы. Начнемъ съ разбора основной юридической особенности въ положеніи половниковъ, благодаря которой они выдѣляются въ особую группу нетяглаго сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ въ теченіе всего-ли московскаго періода, или только до половины XVII вѣка.

Въ краткомъ отзывѣ о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго мы имѣли уже случай выразить сомнѣніе въ правильности предположенія, будто „было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглою общины, такъ какъ повидимому не тянули тягла“. Въ противовѣсъ указанному авторомъ факту отъ конца XVI вѣка тамъ приведены были два факта половины XV вѣка въ подтвержденіе того, что половники привлекались и къ отбыванію тягла¹⁾. Факты эти относятся къ Новгородской и Тверской землямъ. Можно отмѣтить еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ за время до начала XVI вѣка и относящихся къ уѣздамъ Ярославскому, Бѣлозерскому и Костромскому²⁾. Но въ виду того, что эти факты относятся къ

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г., № 8, 375—376, ср. А. Э. I №№ 32 и 34.

²⁾ *Амеросій*, История іерархіи, VI, 230—231: въ жалованной грамотѣ князя Вас. Давыд. Ярославскаго († 1345) Спасо-Ярославскому монастырю: „А кого перезоветь игумень изъ ныне волости то люди св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не вступати; а кто будетъ людей моихъ св. Спаса въ половницы, а тѣ потягнуть ко мнѣ данью и виною“ (грамота вторично напечатана въ протоколахъ Археографической комиссіи, вып. III, 481—482); тамъ-же VI, 676: въ жалованной грамотѣ князя Мих. Андр. Череповскому Воскресенскому монастырю: „пожаловалъ есмь его езовниковъ и половниковъ монастырскихъ череповскихъ, не надобе мнѣ моя дань, ни города дѣлати, ни тесу тесати, ни яныя ни которыя пошляны“; Сборникъ Троицко-Сергіева монастыря № 532, л. 1007: въ судномъ дѣлѣ Загѣшанъ и Березовчанъ съ Троицкимъ-Сергіевымъ монастыремъ о пустоши Оглоблинской живущій на этой пустоши Ивашко Одроновъ свазалъ: „отецъ мой, господине, пришолъ въ ту землю Оглоблино, а явъ съ своимъ отцомъ на того Степанкова отда мѣсто на Понаиду на полничество, а ужъ тому полпятьдесятъ лѣтъ, а половничю, господине, на монастырѣ, а дань даемъ, господине, великаго князя данщикамъ х Костромѣ, а службу служимъ съ востромяны, а къ ихъ, господине, къ загѣскому столцу не тянемъ ничѣмъ“. Ср. Акты Федотова-Чехонскаго, I, 36.

сравнительно раннему времени и имѣли мѣсто внѣ предѣловъ поморскихъ уѣздовъ, а именно въ уѣздахъ, гдѣ въ болѣе позднее время половники не упоминаются вовсе, будетъ, можетъ быть, осторожнѣе не придавать этимъ фактамъ рѣшающаго значенія, хотя и они должны найдти оцѣнку въ общей исторіи половничества. Однако и помимо этихъ фактовъ можно отмѣтить рядъ данныхъ, начиная съ половины XVI вѣка, всецѣло относящихся къ поморскимъ уѣздамъ и указывающихъ, что половники привлекаются къ отбыванію тягла въ той или иной формѣ. Первыми по времени изъ извѣстныхъ намъ данныхъ этой категоріи являются двѣ почти сходныхъ грамоты земскимъ судьямъ Устюжскаго уѣзда, обѣ отъ 12 іюня 1558 г., о ненарушеніи жалованныхъ грамотъ, выданныхъ Гledenскому монастырю въ 1539 г. и устюжской соборной церкви въ 1549 г., съ подтвердительными подписями на этихъ грамотахъ 1551 г. мая 17. Въ грамотахъ предписано земскимъ судьямъ съ деревень, записанныхъ за монастыремъ и за соборомъ въ писцовыхъ книгахъ Андрея Карамышева „на пречистенскомъ протопопѣ съ братією (на троїцкомъ игуменѣ зъ братъею) и на ихъ людѣхъ и на крестьянѣхъ и на *половникѣхъ*, которые въ тѣхъ ихъ деревняхъ живутъ, оброку за намѣстничъ доходы и за волостелинъ и за ихъ пошлинныхъ людей пошлны и за всякіе доходы не имати. а людей бы есте ихъ и крестьянъ и *половниковъ* не судити. А которые деревни за ними ново, въ Андреевыхъ книгахъ Карамышева тѣ деревни за протопопомъ съ братією не написаны, и вы бы съ тѣхъ деревень оброкъ за намѣстничъ и за волостелинъ доходъ и за ихъ пошлинныхъ людей пошлны и за всякіе доходы имали, и людей бы есте ихъ и крестьянъ и *половниковъ* судили потомужъ, какъ и иныхъ черныхъ волостныхъ людей“¹⁾. Значитъ, половники по общему правилу привлекаются къ платежу откупнаго оброка за намѣстничъ доходъ наравнѣ съ крестьянами черныхъ волостей и только по жалованной грамотѣ могутъ быть освобождены отъ него. Оброкъ-же за намѣстничъ кормъ является несомнѣнно составною частью тягла или однимъ изъ его видовъ. Нѣсколько позднѣе, именно отъ 1579 г., имѣется указаніе, что половники отбываютъ и другіе виды тягла. Въ описи Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора 1579 г. находится „перепись отписямъ-платежницамъ московскимъ и волостнымъ отписямъ“, въ числѣ кото-

¹⁾ Румовскій, Описаніе Велико-Устюжскаго собора 1862, Приложение № V, Русская Историческая Библиотека XIV, 823—827.

рыхъ упомянуть „въюкъ отписей платежницъ въ дань и въ оброкъ и во всякихъ податяхъ Пачезерскіе волости съ полудеревни Осолова, что Елизарій Елъка Прокопьевъ сынъ Букинъ платилъ по порядной, какъ половничалъ“¹⁾. Затѣмъ, совершенно очевиднымъ подтвержденіемъ участія половниковъ въ тяглѣ являются прямыя свидѣтельства волостныхъ разрубныхъ списковъ. Такъ отъ 1582 года сохранился разрубной списокъ Ухтостровской волости о раскладкѣ корма и подводъ государскому послу „на волостные верви и на церковныхъ половниковъ“ по 4 деньги съ верви²⁾. Наконецъ, отъ конца XVI вѣка сохранилось нѣсколько сотныхъ выписей на вотчины духовныхъ властей и монастырей, заселенныя почти сплошь половниками, которые однако положены въ выти и сохи и несутъ тягло, размѣры котораго иногда и обозначены. Напримѣръ, въ 1587 г. выдана сотная „владыки вологодскаго крестьянамъ, почему имъ государевы доходы платить опричь посадскихъ и волостныхъ людей“. Въ итогѣ сотной показано, что „всего владычныхъ селцо да семь деревень, а въ нихъ дворъ прикащиковъ, да 15 дворовъ, а въ нихъ половниковъ 15 человекъ, непашенныхъ 13 дворовъ, въ нихъ 14 человекъ. Пашни въ селцѣ и въ деревняхъ середніе земли 38 четвертей съ осмяною, да худые земли четыре четверти, а вытей три выти. А сошнаго письма по сотной Юрья Сомсонова во владычнѣ селѣ и въ деревняхъ соха и полтрети сохи. А по отписи даннаго цѣловальника Мелиха Забѣлина дани и запросу и ямскихъ и приметныхъ денегъ и за городовое и за засѣчное и за ямчужное дѣло и за пошшныя люди и соколя оброку и казначеевыхъ и дьячихъ и подьячихъ пошлинь 7 рублевъ и 3 алтына и 3 денги, пищальныхъ 12 ал-

¹⁾ П. Савваитовъ, Строгановскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ, стр. 83.

²⁾ Румянцевскій музей, рукописи Бѣляева, разрубъ № 168: „Лѣта 7090 сотникъ Ухтостровскіе волости Яковъ Васильевъ сынъ да пятидесяцкой Остаевъ Ивановъ сынъ Игнатъева идесяцкие Борисъ Фоминъ да Мина Яковлевъ да Яковъ Селивановъ..... Нахомовъ да Тарасъ Ивановъ да Василей Яковлевъ и всѣ крестьяне Ухтостровскіе волости Богоявленскаго приходу и Троецкаго разрубилъ есмь у себя въ Ухтостровскіе волости послу государскому Федору Андреевичу да боярину Грязному Ивановичу въ кормъ и въ подводы и на ватаманы и на нѣмецкіе подноды на волостные верви и на церковныхъ половниковъ и на выхожие по 4 денги съ верви; а на поновские и на дьяки и на пономари и на всѣ крыласы по 2 денги, а на нежковъ (? пешковъ) по двѣ денги съ рубля съ ихъ животвъ. А брати денги сотнику Якову. А разрубной писалъ богоявленскій дьячокъ Пятышъ Прокофьевъ сынъ лѣта 7090 мѣсяца іюля въ 4 день“.

тынъ; а оброкъ съ того селца и съ деревень съ вытей платять владыкѣ вологоцкому“ ¹⁾). Любопытно, что сотная выдана *крестьянамъ*, хотя въ составѣ населенія половину составляютъ половники, а другую ненашенные люди; половники, значить, не отличены отъ крестьянъ.

Позволимъ себѣ въ заключеніе отмѣтить нѣсколько подобныхъ фактовъ отъ начала XVII вѣка. Въ 1609 г. нѣкто Марко Кукшинъ пожертвовалъ въ домъ Срѣтенію Христову треть своего поля съ условіемъ „пахать та земля зятю его Кирилу исполу да половина хлѣба отдавати старостѣ церковному; а потугу давати съ тое земли старостѣ 12-я денга въ Кувшинову треть Демьяновскіе деревни. А отойдетъ та земля отъ Кирила, ино ему и потугу не класти: потугу класти тому, хто учнетъ половничать“ ²⁾). Здѣсь обязанность платить потугъ, то-есть, тягло, обозначена какъ-бы двойственно: она падаетъ и на церковнаго старосту, и на половника. Изъ данной ясно видно, что и половникъ не устраненъ отъ платежа потуга. Въ другомъ случаѣ это выражено еще яснѣе. Въ 1612 г. игумень Сефтренаго монастыря отдалъ свою деревню вкладомъ въ церковь Троицы Живоначальной и Благовѣщенія. До своей смерти онъ сохранилъ за собою право пользоваться деревнею, а послѣ смерти всю деревню распорядился раздѣлять на три части: треть старостѣ церковному и два жребья крылошанамъ и опредѣлилъ, что „потуги имъ платити господаревы съ тое деревни по доходамъ—старостѣ церковному треть, а попу и крылошанамъ два жребья, кои учнутъ у тое церкви служить“. Значить отбываніе тягла возложено на представителей церкви соотвѣтственно получаемымъ доходамъ. Но вслѣдъ за этимъ вкладчикъ выговорилъ еще такое условіе: „А половничать по моей смерти игуменовъ та Федоршинская деревня братіямъ моимъ роднымъ пополамъ, кои похотять... а потуги государевы всякіе съ тое деревни половина же платить половникамъ по хлѣбу“ ³⁾). Значить, въ данномъ случаѣ

¹⁾ Грам. Колл. Экон., Усольскій у. № ²/₁₃₂₉₃; ср. тамъ-же, Хлынновскій у. № ⁶/₁₃₁₁₉; сотная Успенскому Вятскому монастырю 7099 г., гдѣ въ деревенскихъ дворахъ упоминаются только монастырскіе половники и пашня половничья положена въ выти; тамъ-же, Хлынновскій у. № ¹²/₁₄₁₇₅, л. 52—61: книги письма и дозору 7109 г. Вятскаго Успенскаго монастыря въ уѣздахъ Хлынновскомъ и Слободскомъ, въ деревняхъ различныхъ становъ почти исключительно половники, на которыхъ въ монастырской казѣ хранятся записи, „а съ деревень и съ починковъ отъ половняковъ хлѣба идетъ треть“; пашня ихъ положена въ выти и сохи.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 204.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 216—218.

половникъ несетъ на себѣ половину тягла; другая же лежитъ на отвѣтственности хозяина. Наконецъ, можно указать и для начала XVII вѣка сотныя выписи, аналогичныя вышеприведеннымъ. Напримѣръ, изъ книги письма и дозору 1620 г. видно, что во владѣніи Устюжской соборной церкви состояло въ разныхъ волостяхъ и станахъ Устюжскаго уѣзда 14 деревень, въ которыхъ было 26 дворовъ, „а во дворахъ богородицкихъ половниковъ“ 28 человѣкъ. Пашня въ живущемъ было „6 вытей съ четью и полчети и полполчети и полполполчети выти“. По жалованнымъ грамотамъ прежнихъ государей и царя Михаила Ѳеодоровича и по отписямъ прежнихъ лѣтъ „платять они съ тое Богородицкіе вотчины въ государеву казну въ Устюжскую четъ оброковъ и пошлинъ и данныхъ и кормовыхъ денегъ“ 10 руб. 28 алт. 3 денги „кромѣ волостей“. „А кто нынѣ въ тѣхъ деревняхъ крестьянъ и которые впередъ учнутъ жити въ волости съ черными съ тяглыми людьми во всякіе ихъ проторы и разметы всякихъ податей“ не платять ¹⁾).

Приведенныхъ фактовъ, полагаемъ, достаточно для подтвержденія заключенія, что половники привлекаются къ отбыванію тягла въ однихъ случаяхъ наравнѣ съ крестьянами черныхъ волостей, въ другихъ—особо, „кромѣ волостей“. Эти послѣдніе случаи представляютъ лишь ту особенность, что вотчины или имѣнія, населенныя половниками, выдѣляются въ особый податный округъ, что нерѣдко обусловливалось или сопровождалось различными податными льготами. Но подобныя льготы, если только онѣ не влекли за собою полного обѣленія, не превращали еще населеніе привилегированныхъ мѣстностей изъ разряда тяглаго въ нетяглый.

На чемъ же основано господствующее въ литературѣ противоположное мнѣніе о томъ, что половники тягла не несутъ? Изъ вышеуказанныхъ мнѣній можно заключить о главнѣйшихъ основаніяхъ такого вывода. Самымъ важнымъ соображеніемъ въ его пользу является, повидимому, встрѣчающееся въ половничьихъ порядныхъ усло-

¹⁾ Грамоты Колл. Экономіа, Устюжскій уѣздъ № 128/1212; ср. Русская Историческая Библиотека, XII, 155—159 и 227—230. См. еще тамъ-же, XIV, 924—932: сотная 1630 г. на вотчины Гledenскаго монастыря, изъ которой видно, что за монастыремъ состояло 10 деревень и въ нихъ 22 двора половничьихъ; „а вытей въ живущемъ 7 вытей съ полувытью, а сошного висьма въ живущемъ соха безъ пол-пол-чети сохъ... А государева оброку съ вытей и съ пошлинами, и съ сохъ дани и ямскихъ и приметныхъ денегъ и всякихъ государевыхъ доходовъ 9 руб. 17 алт. 3 денги, съ выти по рублю по 9 алт.“

віе, по которому землевладѣлецъ обязывался платить всякіе государственные сборы „мимо половника“. Кромѣ такого прямого указанія, встрѣчающагося сравнительно рѣдко ¹⁾, во всѣхъ извѣстныхъ намъ половничьихъ порядныхъ ни разу не упомянуто объ обязательствѣ половника платить „всякія государевы подати“ сверхъ лежащихъ на немъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Это простое умолчаніе приобретаетъ значеніе положительнаго свидѣтельства при сопоставленіи съ показаніями вотчинниковъ, что съ своихъ деревень всякіе государскіе поборы платятъ они вотчинники „своими деньгами съ черными крестьяны вмѣстѣ“ ²⁾.

Наконецъ, тотъ-же фактъ подтверждается и купчими на деревни, въ которыхъ жили половники. Въ такихъ купчихъ встрѣчаются условія о платежѣ податей исключительно продавцами или покупателями, а о половникахъ при этомъ не упоминается, хотя относительно ихъ имѣются спеціальныя условія о выдачѣ имъ изъ посѣяннаго хлѣба, объ отношеніяхъ ихъ къ новымъ вотчинникамъ и проч. Напримѣръ, въ 1601 г. старецъ Ефремъ Лыццовъ продалъ въ домъ Благовѣщенія и Николы Чудотворца церковному старостѣ четверть деревни съ насѣяннымъ хлѣбомъ; въ купчей между прочимъ сказано: „и продалъ еси язь безъ половнича жеребья; а потянути мнѣ старостѣ подати, что ни разрубятъ въ волости, съ сякова дни, какъ ся купчая залегла, съ семи осмиивъ“ ³⁾.

Итакъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію фактъ, что за половниковъ въ очень многихъ случаяхъ уплачиваютъ подати хозяева. Быть можетъ, такой порядокъ былъ господствующимъ. Но все же этотъ фактъ отнюдь, по нашему мнѣнію, не подтверждаетъ мнѣнія, что половники не входятъ въ составъ тяглаго населенія поморскихъ уѣздовъ.

Прежде, однако, оцѣнки этого факта при сопоставленіи его съ

¹⁾ Изъ 15-ти порядныхъ въ двухъ стоитъ такое условіе. Русская Историческая Библіотека, XII, 141 (1599): „А дань и оброкъ и всякіе государевы разметы ватаманскіе платитъ протопопу съ братьею мимо половника“; тамъ же, XIV, 356 (1628): „И въ тѣ срочные дѣта съ тое деревни мнѣ Василью не платити никакихъ государевыхъ податей“.

²⁾ См. выше стр. 11, примѣчанія 1 и 2.

³⁾ Грам. Колл. Экон., Устюжскій у. № 66/13191; ср. тамъ же № 102/13221 (1616): устюжане насадскіе люди продаютъ четверть деревни Оглолицыны „и съ насѣяною рожью, кромѣ того, что доведетца половнику нашему Чернятку въ той ржѣ сняти съ полей напоу“. Продавцы обязываются платить подати до Ильина дня и отвѣчаютъ за старья невыплаты.

другими необходимо ознакомиться съ содержаніемъ крестьянскихъ порядныхъ поморскихъ уѣздовъ. Намъ извѣстны 32 такихъ порядныхъ на земли церквей и монастырей Холмогорскаго, Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ отъ половины XVI до конца XVII вѣковъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ ихъ перечень:

- 1) 7052 июня 26 Корельскаго монастыря (отпись), Русская Историческая Библиотека XIV, 37.
- 2) 7067, октября 15, порядная Коряжемскому монастырю, тамъ-же, XII, 129—130.
- 3) 7068, мая 5, порядная Спасской церкви, тамъ-же, XIV, 61.
- 4) 7080, июня 10, то-же, XIV, 90—91.
- 5) 7081, мая 25, то-же, XIV, 91—92.
- 6) 7083, апрѣля 13, то-же, XIV, 92—93.
- 7) 7083, мая 6, то-же, XIV, 93—94.
- 8) 7087, мая 10, то-же, XIV, 94—96.
- 9) 7088, ноября 20, то-же, XIV, 96—97.
- 10) 7088, марта 23, то-же, XIV, 97—99.
- 11) 7090, декабря 6, то-же, XIV, 99—100.
- 12) 7091, ноября 26, то-же, XIV, 100—102.
- 13) 7098, декабря 15, то-же, XIV, 102—104.
- 14) 7098, апрѣля 2, то-же, XIV, 104—106.
- 15) 7098, апрѣля 6, то-же, XIV, 106—108.
- 16) 7098, апрѣля 6, то-же, XIV, 108—110.
- 17) 7098, апрѣля 6, то-же, XIV, 110—112.
- 18) 7098, апрѣля 7, то-же, XIV, 112—115.
- 19) 7100, апрѣля 16, то-же, XIV, 138.
- 20) 7149, апрѣля 21, порядная Никольскому Корельскому монастырю, Русская Историческая Библиотека, XIV, 385—386.
- 21) 7160, апрѣля 16, Спасской пустыни, тамъ-же, XIV, 409—411.
- 22) 7168, февраля 10, Спасской пустыни, тамъ-же, XIV, 428—431.
- 23) 7173, ноября 4, Богомыленской церкви, Румянцевскій музей, Бѣляев. собр. порядныхъ празг. № 1.
- 24) 7184, апрѣля 10, Прилуцкому монастырю, Русская Историческая Библиотека, XII, 457—459.
- 25) 7186, июня 14, Корельскому монастырю (оброчная на рыбную ловлю), XIV, 446—447.
- 26) 7191, января 21, Никольской церкви, Румянцевскій музей, Бѣл. собр. порядн. празг. № 2.
- 27) 7195, августа 29, Прилуцкому монастырю, Русская Историческая Библиотека, XII, 893—894.
- 28) 7205, марта 17, то-же, XII, 1365—1367.
- 29) 7205, апрѣля 3, то-же, XII, 1378—1381.
- 30) 7206, февраля 6, Николаевской церкви, тамъ-же, XII, 116—120.
- 31) 7206, июня 6, Прилуцкому монастырю, тамъ-же, XII, 1433—1434.
- 32) 7207, апрѣля 3, то-же, XII, 1466—1470.

За исключеніемъ трехъ, всѣ эти порядныя, какъ и половничьи, заключены на срокъ. Въ трехъ порядныхъ не находимъ никакого условія о срокѣ, но въ одной изъ нихъ стоитъ обязательство участка „впустѣ безъ жилья не покинуть“¹⁾. Въ одной изъ остальныхъ 29 порядныхъ срокъ установленъ пожизненный—„жита на деревнѣ до живота безъ выряду“²⁾; во всѣхъ прочихъ обязательство заключено на опредѣленное число лѣтъ, хотя срокъ крайне разнообразенъ: отъ одного года до 30 лѣтъ. Можно, однако, отмѣтить, что въ порядныхъ болѣе раннихъ срокъ аренды короче, чѣмъ въ болѣе позднихъ. Въ 18 порядныхъ XVI вѣка срокъ не превышалъ 10 лѣтъ, а именно въ шести случаяхъ установленъ десятилѣтній, въ пяти—шестилѣтній и въ четырехъ—пятилѣтній срокъ (по одному случаю приходится на восьмилѣтній, трехлѣтній и годичный срокъ). Наоборотъ къ концу XVII вѣка срокъ аренды значительно возросъ. Въ семи порядныхъ послѣдней четверти XVII вѣка срокъ установленъ въ 20 (пять случаевъ), 30 (одинъ случай) и 10 лѣтъ (три случая), а въ одной изъ нихъ стоитъ обязательство—участка впустѣ безъ жилья не покинуть. Въ обезпеченіе условія о срокѣ въ большинствѣ порядныхъ стоитъ санкція въ троякой формѣ: въ видѣ простой неустойки³⁾ или въ видѣ обязанности уплатить всѣ причитающіеся платежи⁴⁾ за все время контракта, или, наконецъ, въ формѣ сложной изъ первыхъ двухъ видовъ⁵⁾. На случай выхода въ установленный срокъ стоитъ правило о сдачѣ участка съ постройками и объ уплатѣ всякихъ условленныхъ сборовъ.

¹⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 409—411 и 428—431; XII, 457—459.

²⁾ Это условіе выговорилъ вкладчикъ деревни, въ чемъ и получилъ отпись съ монастырскихъ властей. Русская Историческая Библиотека XIV, 37.

³⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 93: „недоживъ тѣхъ урочныхъ лѣтъ и выйдемъ вонъ, и на насъ... рубль денегъ“; ср. *ibid.*, 92, 95, 101; XII 394 (застава 30 р. за недоживку), 1367, 1381, 119, 1434, 1470.

⁴⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 97: „А не доживемъ мы тѣхъ урочныхъ лѣтъ на той деревни и пойдемъ вонъ изъ деревни и намъ дати по сей записе за урочные лѣта царя и великаго князя данъ и оброкъ и службу и земскіе разметы да за хоромы дати 2 р. денегъ“. Ср. *ibid.*, 98, 100, 106, 108, 110, 112, 114.

⁵⁾ Русская Историческая Библиотека XII, 119: „А будетъ они (порядчики) на той деревни до срочныхъ лѣтъ не доживуть и разрубовъ и прязги не вылаты, или служебъ не учнутъ служить по мірскимъ выборамъ,... и на нихъ и на поручивахъ ихъ за недожилые годы... въ церковную казну вяти заряды 20 р. денегъ и земная невмышка и дворовая непостройка и розрубная и прязговая невмышка и по мірскимъ выборамъ службы всѣ“...

Сравненіе разсмотрѣнныхъ условій крестьянскихъ порядныхъ съ половничьими не указываетъ на какія либо существенныя между ними различія, за исключеніемъ развѣ того, что въ половничьихъ порядныхъ ни разу не пришлось намъ встрѣтить столь продолжительныхъ сроковъ аренды, какъ 20 и 30 лѣтъ. Но крестьянскія порядныя, въ противоположность половничьимъ, содержатъ подробныя обязательства объ уплатѣ порядчиками государственныхъ сборовъ и волостныхъ разметовъ, то-есть, объ отбываніи тягла въ той или иной формѣ. Это обязательство выражалось въ обычной формулѣ: „а потути въ тѣ лѣта, государева дань и оброкъ, служба и всякіе разметы земскіе съ той деревни платити мнѣ“¹⁾; или: „и мнѣ съ того повытѣ всякіе великаго государя подати платити съ сосѣдми вмѣстѣ или съ міромъ врьдъ по сотной писцовой книгѣ или по развыткѣ“²⁾. Рядомъ съ этимъ стоитъ обыкновенно и обязательство платити въ пользу землевладѣльца празгу или оброкъ. Подобнаго обязательства вовсе не содержится въ изданныхъ половничьихъ порядныхъ, и это обстоятельство, можно думать, послужило новымъ подтвержденіемъ мысли о нетяглоомъ характерѣ половниковъ въ отличіе отъ крестьянъ-порядчиковъ, какъ тяглыхъ людей. И дѣйствительно указанное различіе прежде всего бросается въ глаза при сравненіи крестьянскихъ и половничьихъ порядныхъ. Полагаемъ, что это видимое различіе и побудило изслѣдователей подыскать для него какое нибудь объясненіе. Но прежде чѣмъ выводить то или иное заключеніе изъ этого сопоставленія, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ семи крестьянскихъ порядныхъ изъ числа 32 мы вовсе не встрѣчаемъ обязательства объ уплатѣ государственныхъ податей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (четырехъ) этотъ вопросъ обходится полнымъ молчаніемъ, такъ что приходится лишь догадываться о причинахъ, вызвавшихъ уклоненія отъ общаго порядка³⁾; въ другихъ, наоборотъ, ясно

¹⁾ Или: „и въ тѣ урочные лѣта съ тое деревни государевы подати, дань и оброкъ, и служба и всякіе становые разрубы съ крестьяны Спасскаго станку платити намъ“, Русская Историческая Библиотека XIV, 101 и 109; таковы всѣ порядныя Спасской церкви XVI вѣка.

²⁾ Таковы порядныя Прилуцкому монастырю, Русская Историческая Библиотека XII, 458, 1366, 1380, 1468. Въ одной порядной сказано: „А что государскихъ стрѣлецкихъ податныхъ и ямскихъ денегъ доведетца съ того повытѣ платити почему на годъ, и тѣ денги платити ему по расчету съ ихъ монастырскими крестьяны врьдъ“, *ibid.*, 894.

³⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 87: по отписи игумена вкладчикъ

сказано, что порядчики государевыхъ податей не платятъ, а взаменъ того уплачиваютъ монастырю или церкви оброкъ (празгу). Такъ порядчикъ Вотола въ 1558 году взялъ на 3 года на оброкъ деревню Конашевскую у Коряжемскаго монастыря съ обязательствомъ платить въ первый годъ полтину, а за два года два рубля денегъ; въ порядной сказано: „а тотъ оброкъ даю за дани и за проторы всякіе волостные и за царевъ государевъ оброкъ“. Въ 1589 году спасскій церковный приказчикъ порядилъ княжостровца Семена Глубокаго на пустую церковную деревню на 10 лѣтъ; они условились: „Спасу въ домъ и за всѣ государевы подати давати ему Семену съ тое деревни въ пять лѣтъ по полтора рубля на годъ да спасскому приказчику за боранъ по гривнѣ, а въ другіе пять лѣтъ давати мнѣ на годъ по рублю и по двадцати алтынъ да старостѣ за боранъ по гривнѣ. А государевы подати съ тое деревни платити мнѣ спасскому приказчику казенными денгами“. Наконецъ, въ 1595 году двое крестьянъ взяли на оброкъ у спасскаго приказчика на 6 лѣтъ поле на Коневѣ островѣ и обязались „оброку давати Спасу въ домъ отъ того поля на церковное строенье на всякой годъ по 12 алтынъ да спасскому приказчику за боранъ по алтыну; а государевыхъ податей намъ съ того поля въ тѣ срочные лѣта ни дани, ни оброку, никоторыхъ земскихъ розметовъ ни платити“¹⁾).

Эти послѣдніе случаи представляются особенно любопытными. Они доказываютъ, что, по частному соглашенію землевладѣльцевъ съ порядчиками, послѣдніе могутъ быть избавлены отъ тягла, отвѣтственность за которое принимаетъ на себя землевладѣлецъ. Конечно, соотвѣтственно этому возрастаетъ оброкъ порядчика. Значитъ въ этихъ случаяхъ крестьяне порядчики оказывались, по отношенію къ тяглу, въ положеніи совершенно сходномъ съ положеніемъ половниковъ, но перечислялись-ли они, только въ силу этого условія, въ разрядъ нетяглыхъ людей? Полагаемъ, что частное условіе, которое всегда можно было и измѣнить, не могло играть рѣшающаго значенія въ

обязуется платить лишь празгу въ монастырь съ правомъ жить въ деревнѣ безъ вырѣда; *ibid.*, 385—386: порядчикъ садится на деревню въ 1½ веревки, гдѣ жилъ прежде его отецъ, на 10 лѣтъ съ обязательствомъ платить празгу въ 45 алтынъ; *ibid.*, 409—411 и 428—431: въ обоихъ случаяхъ отдаются на порядъ починки съ обязательствомъ распахивать лѣсъ, „сколько сила сяжетъ“, и „здѣлье дѣлать на пустынь противъ иныхъ починковъ по 8 дней на годъ“; повидному, съ починковъ никакого тягла не отбывалось.

¹⁾ Русская Историческая Библиотека XII; 129—130; XIV, 102—104 и 138.

такомъ вопросѣ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого является судьба тѣхъ же половниковъ.

Писатели, настаивающіе на нетягломъ характерѣ половниковъ, сопровождаютъ это утвержденіе оговоркой (за исключеніемъ г-жи Ефименки), что съ половины XVII вѣка половники превращаются въ тяглыхъ людей ¹⁾. Но что же произвело такую существенную пере-мѣну въ положеніи половниковъ? Авторы не даютъ согласнаго отвѣта на этотъ вопросъ, остающійся открытымъ. Для насъ, однако, любопытенъ не этотъ вопросъ, въ своевременности котораго можно усумниться, а признанный фактъ, что во второй половинѣ XVII вѣка половники являются тяглыми людьми. Цѣлый рядъ прямыхъ указаній ставитъ указанный выводъ внѣ спора. Отмѣтимъ главнѣйшія изъ нихъ.

Въ 1651 году состоялось распоряженіе московскаго правительства объ отпискѣ у монастырей, церквей и торговыхъ людей на государя купленныхъ и закладныхъ деревень въ черныхъ тяглыхъ волостяхъ ²⁾. Это распоряженіе, повидному, вовсе не было приведено въ исполненіе. По крайней мѣрѣ, само правительство въ слѣдующемъ же году, по челобитьямъ заинтересованныхъ, допустило рядъ исключеній изъ этого правила. Такъ, монастырямъ Ивановскому и Троицкому Гledenскому, по грамотѣ 1652 года января 16-го, разрѣшено и впредь владѣть деревнями по купчимъ и закладнымъ подъ слѣдующимъ, однако, условіемъ: „Наши четвертные данные и оброчные, и стрѣлецкіе, и ямскіе наши денежныя доходы во всякіе поборы по розводу съ ихъ купленныхъ и закладныхъ деревень велѣлъ имъ платить съ черными съ тяглыми волостми по прежнему, и за пустоту, которая пустота нынѣ и впредь либо будетъ, велѣлъ съ тѣхъ купленныхъ и закладныхъ деревень въ наши во всякіе доходы денги по окладу платить сполна, по вытнымъ и по сошнымъ ихъ розводамъ съ чернослободцами тяглыми людьми врядъ, сколько по розводу на ихъ деревни доведетца, чтобы въ нашихъ данныхъ и въ оброчныхъ денгахъ и во всякихъ нашихъ податяхъ никто въ избылыхъ не былъ и недобору и убыли никакіе не было, и всякіе наши службы *половникомъ* ихъ и крестьяномъ служить съ волосными крестьяны врядъ, по вытню и по очередямъ, по выбору мірскихъ тяглыхъ людей“ ³⁾. Хотя здѣсь рѣчь идетъ о крестьянахъ и половникахъ, но

¹⁾ См. выше стр. 15, примѣчанія 1 и 2.

²⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 261, 910 и 932.

³⁾ См. стр. 11, примѣчаніе 1.

изъ челобитья монастырскихъ властей ясно видно, что за ними крестьянъ вовсе нѣтъ, а всѣ ихъ деревни пашутъ исключительно половники. Это распоряженіе было подтверждено и въ 1663 году, по поводу запрещенія выкупать у Гledenскаго монастыря проданныя и закладныя, но просроченныя деревни ¹⁾). Вслѣдъ за вышеприведеннымъ указомъ 1652 года января 16-го, въ томъ же году июня 18-го данъ указъ о возвращеніи устюжанамъ посадскимъ людямъ купленныхъ и закладныхъ деревень подъ тѣмъ же условіемъ, чтобъ „четвертные денежные доходы и стрѣлецкія деньги, и въ мірскіе разметы по мірскимъ разрубкамъ и спискамъ съ своихъ купленныхъ и закладныхъ деревень (платить имъ сполна) и всякія службы *половникамъ* ихъ и крестьянамъ служить съ волостными крестьяны въ рядъ“ ²⁾).

Въ 1656—1657 году послѣ смерти гостя Кирилла и брата его гостинной сотни Василья Босыхъ и Никифора Ревякина велѣно было вотчины ихъ въ Устюжскомъ уѣздѣ отписать на государя, „а половникомъ ихъ въ тѣхъ ихъ вотчинахъ велѣно жить по прежнему и всякіе наши великаго государя службы служить и подати платять съ мірскими людьми врьдъ“ ³⁾).

Въ 1678 г. по указу патриарха велѣно было собрать на жалованье ратнымъ людямъ съ монастырскихъ вотчинъ по полтинѣ съ двора. Это распоряженіе было примѣнено къ устюжскимъ и къ усольскимъ монастырямъ ⁴⁾). Но монастырскія власти обратились къ патриарху съ заявленіемъ, что взыскивать съ нихъ такой сборъ по примѣру „жалованныхъ верховскихъ монастырей“ отнюдь не слѣдуетъ,

¹⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 372—373: „На выкупъ тѣхъ просроченныхъ деревень отдавать и на сторону продавать и закладывать не велѣли, и наши великаго государя четвертные денежные доходы велѣли имъ игумену Оеонасью съ братьемъ платить и наши службы *половникомъ* ихъ и крестьяномъ служить съ волостными крестьяны врьдъ“.

²⁾ И. С. З. I № 79. Текстъ этого указа, повидимому, гораздо точнѣе воспроизводится изъ сенатскаго указа 1810 г. августа 4 въ статьяхъ К. Попова и неизвѣстнаго автора въ Вологодскомъ сборникѣ т. II, стр. 91 и 101. На основаніи этого указа послѣдній авторъ полагаетъ, что „денежныя подати несли владыцы, а натуральныя повинности половники“. Но такого раздѣленія таглыхъ обязанностей московское право не знаетъ.

³⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 391.

⁴⁾ Архангельскому, Троицкому Гledenскому, Ивановскому, Прилуцкому, Телегову, Соловецкой пустыни, Соли Вычегодской Введенскому, Коржемскому, Ратмеровскаго монастыря Устьендумской пустыни.

такъ какъ „у нихъ де въ монастырскихъ вотчинахъ жалованныхъ даныхъ крестьянъ нѣтъ и не бывало, а въ монастырскихъ ихъ вотчинахъ живутъ *тѣми половниками*, а по писцовымъ книгамъ всякіе платежи и четвертные доходы платятъ они и службы служатъ съ устюжаны и съ усолцы съ посадскими и съ волостными и съ черными людьми вмѣстѣ“. Сославшись на то, что и въ 1671 г. ихъ вотчины были освобождены отъ подобныхъ сборовъ, власти просили ихъ пожаловать „не велѣть прежнихъ великаго государя грамоты и писцовыхъ книгъ нарушить, и верховскихъ жалованныхъ монастырей съ вотчинами ихъ монастырскихъ вотчинъ *тѣмихъ черныхъ половниковъ* сверстать, чтобы съ ихъ монастырскихъ вотчинъ платежъ былъ не вдвое, и отъ того бѣ лишняго тягла половникомъ врозь не разбрестися“. Патріархъ отмѣнилъ сборъ полтинныхъ денегъ со всѣхъ упомянутыхъ монастырей, такъ какъ „тѣ ихъ крестьяне и бобыли въ вытномъ и въ сошномъ письмѣ написаны и великаго государя всякіе подати платятъ съ государевыми съ черными волостями“¹⁾.

Совершенно аналогичный случай произошелъ съ Устюжской соборной церковью. Въ 1680 г. велѣно было въ Устюгѣ на посадѣ и въ уѣздѣ переписать всѣхъ людей, которые „въ тяглѣ не написаны и въ государеву казну тягла и всякихъ податей не платятъ“ и половину изъ нихъ выслать въ солдатскую службу. Протопопъ съ братією подали на переписчиковъ жалобу, такъ какъ они „пишутъ въ Богородицкихъ церковныхъ деревняхъ половниковъ ихъ, которые пахутъ тѣ Богородицкія деревни“, тогда какъ по государевымъ грамотамъ тѣхъ половниковъ въ солдатской строй брать не велѣно, да и они власти „съ тѣхъ деревень въ великаго государя казну даные и оброчные денги и съ половническихъ дворовъ полтинные и полуполтинные денги платятъ безпереводно“. Вслѣдствіе этого грамотой 1681 г. марта 6-го воеводѣ предписано: „вы бѣ Устюга Великаго соборной церкви Успенія Пречистыя Богородицы половниковъ и бобылей, буде тѣ *половники* и бобыли *тѣми люди*, и подати съ нихъ въ нашу казну протопопъ съ братією платятъ по вся годы

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XII, 505—512. Повидимому, на основаніи этой грамоты П. Н. Милюковъ сдѣлалъ заключеніе, что половники, сдѣлавшись тяглыми, стали дѣлиться на крестьянъ и бобылей. Это, однако, простое недоразумѣніе. Такъ называлъ половниковъ патріархъ Адрианъ, какъ въ другихъ случаяхъ называло ихъ крестьянами московское правительство. Половники на крестьянъ и бобылей никогда не дѣлились.

и напредь сего, какъ были переписаны, и ихъ нынѣ переписывать и волочить и убытчить ни въ чемъ не велѣли¹⁾.

Съ 1658 г. возникаетъ особая вятская епископія. Архіерейскому дому отведены были на его содержаніе земли оброчныя, приписанъ котельничскій Предтеченскій монастырь и затѣмъ соборная церковь Николая Чудотворца съ ихъ вотчинами. Населеніе послѣднихъ однако весьма неохотно мирилось съ своимъ новымъ положеніемъ и добивалось зачисленія въ черные тяглые станы. Это дѣло, довольно долго тянувшееся, закончилось въ 1670 г., но возникло вновь при епископѣ Іонѣ, преемникѣ архіепископа Александра, и на этотъ разъ окончательно рѣшено въ 1681 г. Въ грамотахъ 1670 и 1681 гг., совершенно аналогичныхъ, предписано „крестьянамъ и бобылямъ, и *половникамъ*“ вятскому епископу „во всемъ послушнымъ быть и всякіе подати и оброки платить и ему ими владѣть и поборы съ нихъ всякіе и столовые запасы имать по его рассмотрѣнью“, „а великаго государя всякіе подати и оброки и всякіе доходы съ тѣхъ крестьянъ и бобылей и *половниковъ* имать по прежнему, по чему съ нихъ прежь сего имано“²⁾.

Наконецъ, когда по указамъ 1680 и 1682 годовъ велѣно было со всѣхъ городовъ, съ посадовъ и уѣздовъ за данныя, оброчныя и стрѣлецкія деньги и за иные мелкіе доходы собирать московскимъ стрѣльцамъ на жалованье по переписнымъ книгамъ съ двороваго числа указною статьею, то этотъ сборъ былъ распространенъ и на половничьи дворы, и всѣ хозяева-вотчинники противъ этого не возражали и не спорили. Шелъ споръ лишь о томъ, какимъ порядкомъ вотчинники должны были оплачивать эти новые сборы—„особь статьею“, „кромя волостныхъ крестьянъ“, или же „быть платежемъ вмѣстѣ съ крестьянскими деревнями“ и въ стрѣлецкихъ деньгахъ верстаться съ крестьянами. Ясно, что первый порядокъ былъ выгоднѣе для вотчинниковъ, и они добивались его санкціи; тогда какъ волостные крестьяне ходатайствовали о признаніи втораго. Этотъ довольно продолжительный споръ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что съ вотчинъ и съ ста-

¹⁾ Румовскій, Описаніе Велико-Устюжскаго собора, Приложение № XIII. Богородицкія деревни тяглою были отписаны отъ черныхъ волостей, ср. *ibid.*, № XII и выше стр. 20, прим.; Русск. Ист. Библ. XII, 518 (1679).

²⁾ Д. въ А. И. VI, № 14; Древніе акты Вятскаго края, № 133; *Никитниковъ*, Іерархія Вятской епархіи, 109—110, 114—115 и 121; А. *Спицынъ*, Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи, 37—41.

ринныхъ половничьихъ дворовъ, оказавшихся во владѣніи монастырей по старымъ писцовымъ книгамъ 134 года, платитъ денежные доходы и подати особо отъ волостныхъ крестьянъ и службъ съ крестьянами съ тѣхъ вотчинъ не служить; а съ новоприбылыхъ монастырскихъ половничьихъ дворовъ, какіе оказались за монастырями вновь послѣ 134 года, „всякіе доходы и мірскіе подати велѣно платитъ и службы служить по прежнему съ уѣздными крестьяны врьдъ, верстаясь по сошному и вытному тяглу и по деревенскимъ всякимъ угодыямъ и по дворовому числу“¹⁾).

Приведенные факты, кажется, не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ тягломъ характерѣ половниковъ. Какъ на тяглыхъ смотритъ на нихъ правительство; также ихъ называютъ и сами хозяева-вотчинники. Несомнѣнно, что эти факты заставили и вышеназванныхъ изслѣдователей признать половниковъ тяглыми хотя бы со второй половины XVII вѣка. Но что же такое произошло въ половинѣ этого вѣка, что такъ серьезно повліяло на положеніе половниковъ? Мотивированнаго отвѣта на этотъ вопросъ поименованные авторы не даютъ. Мы же полагаемъ, что его и дать нельзя, такъ какъ никакой юридической перемѣны въ положеніи половниковъ съ половины XVII вѣка нельзя подмѣтить. Выше приведенъ рядъ фактовъ, указывающій на тяглый характеръ половниковъ съ половины XVI до первой четверти XVII вѣка. Въ дополненіе къ нимъ можно отмѣтить и еще одинъ фактъ конца первой половины XVII вѣка. По переписнымъ книгамъ 1646 года въ Устюжскомъ уѣздѣ „въ митропольѣ стану и въ монастырехъ и въ монастырскихъ и гостей и гостинной сотни и устюжанъ торговыхъ людей въ вотчинахъ и въ разныхъ ставѣхъ и въ волостяхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и половничьихъ и всякихъ дворовъ 8630, а митрополя стану крестьяне и монастыри и монастырскіе крестьяне-жь и половники и гостей и гостинной сотни и устюжанъ торговыхъ людей въ вотчинахъ половники-жь платятъ всякіе государевы четвертные денежные доходы и стрѣлетцкіе денги и въ мірскіе поборы съ черными волосми врьдъ“²⁾).

Правда, выше было также указано, что имѣются, повидимому, нѣкоторыя данныя въ подтвержденіе мысли, что половники тягла не несутъ. Объ этомъ можно бы заключить, вопервыхъ, на ос-

¹⁾ Д. въ А. И. X, № 34; Русск. Ист. Библ., XII, 1046—1065 и 1188—1215; Румовскій, Описаніе Велико-Устюжскаго собора, приложение № XIV.

²⁾ А. Ю. В., III, № 315.

нованіи половничьихъ порядныхъ, въ которыхъ или вовсе не содержится никакихъ обязательствъ объ уплатѣ тягла, или же (въ рѣдкихъ случаяхъ) стоитъ условіе объ уплатѣ податей мимо половника самимъ хозяиномъ; въ вторыхъ, на основаніи прямыхъ свидѣтельствъ самихъ вотчинниковъ, что всякіе государственные сборы они уплачиваютъ собственными деньгами. Но этотъ порядокъ ни въ чемъ не измѣнился и во второй половинѣ XVII вѣка. Изъ 15-ти половничьихъ порядныхъ 7 относятся ко времени съ 1650 по 1695 годъ и ни въ одной изъ нихъ нѣтъ и намека на тяглый характеръ половниковъ; онѣ по прежнему перечисляютъ лишь обязательства половника къ хозяину въ обычной ихъ формѣ ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ и во второй половинѣ XVII вѣка подати за половниковъ уплачиваютъ по прежнему хозяева своими деньгами. Кромѣ отмѣченныхъ уже выше фактовъ этого рода ²⁾ можно привести цѣлый рядъ другихъ. Ограничимся наиболѣе любопытными.

Въ наказахъ церковнымъ старостамъ объ ихъ обязанностяхъ упоминается и о томъ, что они должны „половниковъ рядить съ мірскаго совѣту“, „надъ половниками смотреть и сямяна давать“; но рядомъ съ этимъ стоитъ предписаніе: „а подать изъ казны платить съ казенныхъ деревень и въ томъ имать отписи“ ³⁾. Когда въ 1687 году всѣ монастыри и церкви Сольвычегодскаго уѣзда обратились къ архіепископу устюжскому съ просьбой о неприравнаніи ихъ къ бѣлымъ верховскимъ монастырямъ и церквамъ, такъ какъ за ними живутъ „половничушки наши водные погодно, а не вѣчные крестьяне“—они отмѣтили въ своемъ челобитьи, что „съ тѣхъ своихъ *тмлыхъ черныхъ половничьихъ* дворяшковъ мы богомольцы и церковные старосты платимъ по вся годы государскіе стрѣлетцкіе денги и ямскіе и на всякіе земскіе издержки съ мірскими черными людьми врядъ, по ихъ мірскимъ непохѣрнымъ болшимъ окладамъ, и службы поочередно съ ними крестьяны служимъ“ ⁴⁾.

¹⁾ И. Н. Милюковъ самъ констатируетъ, что „условія половначескихъ порядныхъ остаются въ концѣ XVII вѣка совершенно тѣми же, какими были въ концѣ XVI вѣка“.

²⁾ См. выше стр. 11, примѣчаніе 1; стр. 26, прим. 3; стр. 27, прим. 1; стр. 29, прим. 1.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 829 (1686); ср. тамъ-же, 602—604 (1683).

⁴⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 836. Этотъ фактъ совершенно устраняетъ и недоразумѣніе А. А. Спицына, который полагалъ, что „половники очень проиграли со времени наложенія подворной подати, такъ какъ стали те-

Эта практика была хорошо известна московскому правительству и вполне имъ усвоена: отвѣтственность за половниковъ во всякаго рода сборахъ оно возлагало на хозяевъ вотчинниковъ. Нагляднымъ подтвержденіемъ только что сказаннаго является любопытное дѣло о передачѣ крестьяниномъ Ивашкой Ожеговымъ въ Соловецкій монастырь церкви Спаса на Красномъ-Бору съ прикупными деревнями. Изъ-за этихъ церковныхъ деревень возникъ споръ между Ожеговымъ и устюжскимъ всеуѣзднымъ земскимъ старостой въ 1676 году. Но въ маѣ 1679 года Ивашко Ожеговъ съ братьями тою вотчиною и землями со всякимъ церковнымъ строеніемъ поступились въ Соловецкій монастырь за просроченный долгъ въ 300 рублей. Эта сдѣлка была утверждена московскимъ правительствомъ, и въ грамотѣ 1679 года декабря 19-го на имя устюжскаго воеводы сообщено, что означенной церковью съ деревнями велѣно было владѣть Соловецкаго монастыря властямъ, „а которые половники живутъ въ тѣхъ деревняхъ, а хотятъ жить и нынѣ на той же землѣ, и за тѣхъ половниковъ въ нашу великаго государя казну всякіе денежные доходы велѣли платить изъ Соловецкаго монастыря по вся годы сполна безъ доимки, по чему тѣ половники тягла платили напередъ сего, и въ томъ платежѣ Соловецкаго монастыря по строителѣ старцѣ Ирнархѣ въ приказъ Устюжскіе чети поручная запись взята, а въ Соловецкой монастырь съ той земли платить половникомъ оброкъ по договору, а службы служить имъ съ волостными крестьяны виѣстѣ по очереди, чтобы отъ того волостнымъ крестьянамъ налоговъ, никакихъ убытковъ и обидъ не было“¹⁾.

Итакъ, тѣ самые порядки и отношенія, которые приводились въ доказательство нетяглаго характера половниковъ до половины XVII вѣка, какъ оказывается, вполне мирятся и живутъ рядомъ съ тяглымъ ихъ положеніемъ во второй половинѣ XVII вѣка совершенно такъ же, какъ и раньше.

Въ половинѣ XVII вѣка дѣйствительно положено было начало реформѣ, которая примѣнена была ко всему тяглому населенію Московскаго государства, въ томъ числѣ и къ половникамъ: мы разу-

---

перь платить и хозяину за землю и кромѣ того отдѣльно съ cadaго своего двора въ казну, тогда какъ оброчные и тяглые крестьяне платили только съ двороваго числа“. Оброчныя земли на Вяткѣ, стр. 35.

¹⁾ *Досиѣй*, Описание Соловецкаго монастыря, ч. III, 161—170; Русская Историческая Библиотека, XIV, 1153—1226.

нѣмъ переѣну взиманія тяглыхъ сборовъ, которые съ сошнаго письма перенесены были на дворовое число. Эта реформа завершилась введеніемъ стрѣлцкой подворной подати взаи́мъ прежнихъ различныхъ сборовъ. Въ переписныя книги половничьи дворы вносились наравнѣ съ крестьянскими и далеко не всегда отдѣлялись отъ нихъ въ общихъ итогахъ. Но писались ли половничьи дворы особо или вмѣстѣ съ крестьянскими, они всегда считались тяглыми дворами. Тѣ же самыя порядки однако наблюдаются и при взиманіи тягла съ сошнаго и вытнаго письма. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ встрѣчаются указанія, что земля, на которой жили половники, считалась тяглою. Такъ въ 1634 году власти Гledenскаго монастыря ходатайствовали объ освобожденіи ихъ отъ специальныхъ сборовъ съ монастырскихъ вотчинъ, такъ какъ „истаре де платяте они съ своихъ монастырскихъ вотчинъ данные и оброчные денги, и московскіе и стрѣлцкіе кормы, и сибирскіе запасы, и ямскіе отпуски и всякіе мірскіе подати по сотнымъ грамотамъ съ сотными людьми вмѣстѣ; а пашутъ де тѣ ихъ вотчины изполу половники по уговору“. По справкѣ въ Устюжской чети дѣйствительно подтвердилось, что съ монастырскихъ вотчинъ Устюжскаго, Сольвычегодскаго и Тотемскаго уѣздовъ „зъ живущихъ чети всякіе государевы подати иманы съ волосными крестьяны вмѣстѣ“¹⁾. Въ 1637 году власти монастырей Гledenскаго, Телегова и Прилуцкаго вновь подтверждаютъ, „что у нихъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель *нетяглыхъ нѣтъ*; а которая де четвертная пашня есть, и съ тое четвертныя пашни платяте они данные и оброчные денги и стрѣлцкіе и сибирскіе запасы и ямскіе денги съ сотными людьми вмѣстѣ; а пашутъ де у нихъ тѣ монастырскіе земли изполу половники и наемные люди, а монастырскихъ крестьянъ и бобылей нѣтъ“. Это заявленіе вновь было провѣрено и оказалось, что „Устюжской чети городовъ въ писцовыхъ книгахъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель четвертная пашня съ государевыми черными деревнями вмѣстѣ, а не особо, потому что за монастыри въ вотчинахъ нашихъ черныхъ волостей *деревни тяглые*“²⁾. Съ совершенно подобными заявленіями монастырскихъ властей Устюжской епархіи встрѣчаемся и въ 1661 году³⁾. Наконецъ, почти тѣми же словами характеризуетъ хозяйственное положеніе Черногорской пустыни Двинскаго

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 198.

²⁾ Тамъ-же, 200—202.

³⁾ Тамъ-же, 331—334; см. выше стр. 11, примѣчаніе 1.

уѣзда ея игумень въ 1676 году: „а пашня и сѣнные покосы на оброкѣ и въ черныхъ сохахъ, и тое пашню нашемъ наемными людьми и собою и тѣмъ питаемъ; а съ той пашенной земли въ великаго государя казну платимъ всякіе денежные доходы съ міромъ вмѣстѣ по одному окладу, а съ оброчныхъ мѣстъ платимъ оброкъ; а нетяглыхъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель, и вотчинныхъ крестьянъ и бобылей, а никакихъ угодій въ пустыни нѣтъ ¹⁾).

Если безспорнымъ является фактъ, что половничьи дворы считались тяглыми, то едва ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что половники жили изполу на тяглой землѣ. Вышеприведенныя сотныя выписи служатъ тому безспорнымъ подтвержденіемъ ²⁾. Въ виду этого мы не можемъ присоединиться къ мнѣнію г-жи Ефименки, будто половники и третники сидѣли только на оброчной землѣ, а на тяглой лишь по исключенію, на обособленныхъ кускахъ, не составлявшихъ особой деревни или доли ея, и что на тяглой землѣ, въ виду тяжести государственныхъ и общественныхъ повинностей, вѣроятно, не было возможности сидѣть изъ доли ³⁾. Половники, конечно, могли садиться и на оброчной землѣ ⁴⁾, но и въ этомъ они не отличались отъ крестьянъ порядчиковъ.

Но если половники принимали участіе въ отбываніи тягла, жили на тяглой землѣ и въ тяглыхъ дворахъ, то въ чемъ же отличіе ихъ отъ крестьянъ порядчиковъ? Юридическаго различія въ ихъ положеніи мы и не можемъ указать. Тѣ и другіе составляли одну общую группу мелкихъ срочныхъ арендаторовъ, снимающихъ участки земли у владѣльцевъ чернотяглыхъ вотчинъ поморскихъ уѣздовъ: монастырей, церквей и частныхъ лицъ. За пользованіе землей тѣ и другіе обязаны уплачивать сборы и отбывать повинности въ пользу землевладѣльцевъ. Специальное условіе крестьянскихъ порядныхъ—платить всякіе государственные сборы по мірской раскладкѣ, не встрѣчающееся въ порядныхъ половничьихъ, вовсе не обособляетъ крестьянъ, какъ полагали, въ группу тяглыхъ людей, такъ какъ съ участковъ земли и съ дворовъ, занятыхъ половниками, также уплачивались всѣ

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 442.

²⁾ См. выше стр. 19, примѣчаніе 1 и стр. 20, примѣчаніе 1.

³⁾ См. выше стр. 14.

⁴⁾ Въ Хлыновской переписной книгѣ 1678 г. въ Котельничскомъ оброчномъ стану упоминаются половники у крестьянъ, „прежъ сего жили въ оброчномъ же стану по половьямъ“.

государственные сборы. Правда, за половниковъ уплачиваютъ все сборы сами землевладѣльцы; но они же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уплачиваютъ тягло и за крестьянъ, какъ показано выше (см. выше стр. 25), и вообще отвѣтствуютъ за исправность отбыванія тягла ихъ крестьянами порядчиками, такъ какъ послѣдніе точно также ничѣмъ не были связаны съ арендуемыми участками и своими хозяевами, кромѣ срока своей порядной и условій о платежѣ перечисленныхъ въ порядной сборовъ. Эта податная отвѣтственность, отнюдь не составляющая особенности данного края, была необходимымъ слѣдствіемъ срочности крестьянскихъ порядныхъ и въ дѣйствительности привела къ тому, что въ обычномъ порядкѣ все государственные сборы уплачивали за своихъ крестьянъ сами землевладѣльцы, возмѣщая затѣмъ расходы этого рода сборами съ крестьянъ согласно условіямъ порядныхъ. Прямые указанія на такой порядокъ сохранились и для данного района. Такъ архіепископъ устюжскій Александръ, которому пожалованъ былъ въ 1684 году въ вотчину бывшій митрополій станъ, село Благовѣщенское съ деревнями, въ количествѣ 124 дворовъ, завелъ въ вотчинѣ „всякое деревеньское многое строеніе, и земли изнавозилъ, и крестьянъ ссужалъ денгами и хлѣбомъ и скотомъ и платилъ всякіе государскіе денежные доходы, стрѣльцкіе денги на Москвѣ, а ямскіе денги на Устюгѣ со всехъ со 124 дворовъ съ уѣздными крестьяны врьдъ“¹⁾.

Но отрицая всякое юридическое различіе въ положеніи половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны отмѣтить особенности экономическаго и хозяйственнаго положенія тѣхъ и другихъ. Различіе въ этомъ смыслѣ между крестьянами и половниками засвидѣтельствовано совершенно ясными указаніями памятниковъ. Краткость этихъ указаній позволяетъ сдѣлать лишь заключеніе, что положеніе половниковъ было хуже положенія крестьянъ, что лишь тяжелая нужда заставляла мѣнять крестьянское хозяйство на половническую аренду. Наоборотъ, для землевладѣльцевъ половническая аренда представлялась, повидимому, болѣе удобной и желательной въ сравненіи съ крестьянской. Вотъ эти свидѣтельства.

Въ царской грамотѣ чердынскому воеводѣ 1621 года марта 19-го приводится челобитье крестьянъ двухъ приходоу Чердынскаго уѣзда по поводу неправильнаго распредѣленія тягла между сохами, и въ этомъ челобитьи между прочимъ отмѣченъ слѣдующій фактъ: „ихъ де

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 934—935.

Косинскія и Гаенскія сошки у крестьянъ, Верхуролскія деревни Никита Строгоновъ поотнималъ половину вотчины, и съ хлѣбомъ и съ сѣнными покосы, прежь сошныя росписки лѣтъ за десять, и тѣ де крестьяне за великую нужу и нынѣ на тѣхъ вотчинахъ у нихъ половничаютъ¹⁾. Въ 1672 году крестьяне вотчины архіепископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго подали жалобу на бывшего приказчика Григорья Суворова и на сына боярскаго Семена Наумова, обвиняя перваго въ произвольныхъ поборахъ, а послѣдняго въ пристрастномъ разбирательствѣ возникшаго суднаго дѣла и въ вымогательствѣ. Свое челобитіе крестьяне заключаютъ слѣдующимъ указаніемъ: „Да сверхъ тѣхъ намученныхъ кабалъ говорилъ онъ Семень намъ сиротамъ твоимъ: будетъ де вамъ жить во крестьянѣхъ невозможно, и вы де подайте челобитную такую жъ, какову подалъ Иванъ Петровъ, чтобъ быть въ половѣ, а не во крестьянѣхъ. Милостивый государь пресвященный архіепископъ Симонъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели, государь, по своему святительскому разсмотрѣнію въ тѣхъ ихъ намученныхъ кабалахъ свой святительскій указъ учинить, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ отъ тѣхъ ихъ намученныхъ кабалъ въ конецъ не погинуть и отъ твоей святительской отчины отъ крестьянства не отбыть“²⁾.

Смыслъ этихъ двухъ фактовъ едва ли можетъ вызвать разногласія. Только великая нужда, невозможность жить въ крестьянахъ заставляетъ послѣднихъ поступать въ половники. Въ дополненіе къ этимъ фактамъ можно присоединить еще одно наблюденіе. По имѣющимся крестьянскимъ и половничьимъ поряднымъ видно, что половники по большей части заключали контракты съ подмогой; крестьяне же лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ это будетъ подробнѣе указано ниже.

Къ сожалѣнію мы не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ для болѣе подробной характеристики экономическаго положенія крестьянъ и половниковъ. Позволимъ себѣ, однако, высказать догадку, которая, быть можетъ, позволитъ выяснитъ основное различіе условій крестьянской и половничьей аренды. Разъясненіе вопроса, кто и при какихъ условіяхъ поступалъ въ половники и въ крестьяне-порядчики, поможетъ намъ отчасти обосновать нашу догадку.

¹⁾ А. И., III, № 286. Сошная росписка Чердынскаго уѣзда была произведена въ 1618 году, какъ сказано въ грамотѣ; по другимъ указаніямъ она произведена въ 1615 года А. Э., III, № 72.

²⁾ Русская Историческая Библиотека, XIV, 980—982.

Изъ вышеуказанныхъ 15-ти половничьихъ порядныхъ въ шести обозначено, что въ половники поряжаются волостные и становые крестьяне ¹⁾). Но что это за крестьяне,—тяглые ли, покинувшіе по нуждѣ свои волостные участки, или вышедшіе изъ тягла и оставившіе послѣ себя новыхъ тяглицовъ; или, наконецъ, отдѣлившіеся члены крестьянской семьи — отвѣта на эти вопросы порядныя не даютъ. Нѣкоторый свѣтъ, однако, проливаютъ на эти вопросы другія документальныя свидѣтельства. По поряднымъ можно отмѣтить лишь одно, что на половине идутъ по большей части не одинокіе люди: это отецъ съ сыновьями, братья или складники. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ въ половники поступаютъ и члены семей. Извѣстна одна поручная отца по сынѣ въ половиѣ ²⁾). По донесеніямъ сыщика Льва Микулина, отправленнаго для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Устюжскій уѣздъ, видно, что „иные крестьяне сысканы въ половникахъ за устюжаны за посадскими людьми и за соборными попами и въ стрѣльцахъ и въ ямщикахъ, а на старыхъ ихъ жеребьяхъ живутъ братья ихъ, а у иныхъ отцы и дѣти, и твои государевы доходы съ тѣхъ деревень платятъ сполна, а отпускаютъ де они отцы своихъ дѣтей, и братья братью, и дядья племянниковъ въ половники и въ ямскую гонбу и въ стрѣльцы для окупы твоихъ же государевыхъ доходовъ, а сказываютъ, что живучи имъ въ одномъ мѣстѣ до остатка оскудаты, и для того де они и отходятъ въ половники, которому поживетца и онъ примааетъ себѣ твоихъ государевыхъ земель тягла лишнево“ ³⁾). Въ этихъ случаяхъ половничество является какъ бы отхожимъ промысломъ въ воспособленіе скудному крестьянскому хозяйству. Несомнѣнно далѣе, что въ половникахъ оказывается значительный контингентъ тяглыхъ крестьянъ, пометавшихъ свои жеребьи вопреки государевымъ указамъ. Писцовые указы тотемскій и сольвычегодскій содержать выдержки изъ государственной грамоты 1645 года, апрѣля 19, по которой было предписано положить въ вытное и сошное письмо всѣ приобрѣтенныя разными владѣльцами тяглыя деревни и угодыя; о населеніи же этихъ деревень въ грамотѣ содержится слѣдующее распоряженіе: „а которые люди въ тѣхъ ихъ покупныхъ деревняхъ живутъ въ половникахъ и въ бобыляхъ, а напередъ сего тѣ всѣ люди живали на

¹⁾ См. выше стр. 19, прим. 2, №№ 2, 5, 8, 9, 10 и 13; ср. еще Русскую Историческую Библіотеку, XIV, 675.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 859.

³⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Приказныя дѣла № 52 1646—1647 года.

посадѣ и въ черныхъ деревняхъ въ тяглѣ, а въ писцовыхъ книгахъ тѣ люди написаны тяглыми людьми, и писцомъ тѣхъ всѣхъ людей по писцовымъ книгамъ изъ тѣхъ деревень имать за государя на посады и въ волости жъ и въ черныя деревни по прежнему¹⁾. Можно думать, что это распоряженіе очень плохо выполнялось; по крайней мѣрѣ, оно не разъ было подтверждено подъ угрозой жестокаго наказанья. Напрямѣрь, въ 1681 году особымъ указомъ предписано сыскать пометчиковъ пустыхъ жеребьевъ, призвать ихъ на старья мѣста и велѣть жить въ старыхъ дворахъ. „А будетъ кто,—заключаетъ указъ,—пустыхъ жеребьевъ пометчиковъ пустилъ къ себѣ въ подворники или въ третники и въ половники и въ захребетники, и тѣмъ людямъ за то быть въ жестокомъ наказаньѣ, и за тѣхъ пометчиковъ съ ихъ пустыхъ жеребьевъ государевы подати и ямскіе и мірскіе всякіе поборы на прошлые годы доправлены будутъ на нихъ, кто ихъ пустить къ себѣ жить“²⁾. Но еще въ концѣ XVII вѣка встрѣчаются жалобы волостныхъ крестьянъ на вотчинниковъ за то, что тѣ принимаютъ на свои земли тяглыхъ крестьянъ. Такъ крестьяне Устюжскаго уѣзда всѣхъ волостей въ 1696 году жаловались на архіепископа Александра, что онъ „изъ своихъ даныхъ домовыхъ вотчинъ у крестьянъ своихъ многіе деревни поималъ къ себѣ, а ихъ выметаль вонъ, а вмѣсто ихъ безъ твоего государева указа изсадилъ изъ твоихъ государевыхъ тяглыхъ крестьянъ и нынѣ пашутъ и хлѣбъ и сѣно снимаютъ и здѣля дѣлаютъ на него и даютъ къ нему многіе пожилые денги“³⁾. Если и въ центральныхъ уѣздахъ московскому правительству было очень трудно бороться съ повальнымъ бѣгствомъ земледѣльческаго населенія, то въ поморскихъ уѣздахъ подобная борьба была еще затруднительнѣе по географическимъ и социальнымъ особенностямъ края. Повидимому, волости предпочитали въ отдѣльныхъ случаяхъ оплачивать міромъ пустыя жеребьи, чѣмъ затѣвать каждый разъ продолжительныя и дорогіе процессы о возвращеніи бѣглыхъ тяглецовъ. По крайней мѣрѣ, можно указать, что въ волостяхъ выработаны были общія правила о порядкѣ уплаты сборовъ съ покинутыхъ участковъ⁴⁾. Тѣмъ безпрепятственнѣе при та-

1) См. выше стр. 6, прим. 4.

2) Русская Историческая Библіотека, XIV, 468.

3) Русская Историческая Библіотека, XII, 1316—1317.

4) Въ поручной по мірскомъ сборномъ старостѣ 1636 года указано такое правило: „А ково розрубной списокъ въ деревнѣ застанеть, и ему старостѣ денги имать на тѣхъ кресіянѣхъ; а буде розрубникъ застанеть, и ему (?) изъ деревни

кихъ условіяхъ совершался переходъ тяглыхъ крестьянъ въ половники.

Наконецъ, послѣдній элементъ въ составѣ половничества представляется особенно любопытнымъ. Въ него вошли тяглые крестьяне-собственники, переуступившіе свои участки въ другія руки, но продолжающіе сохранять связь съ землей, хотя уже не въ качествѣ собственниковъ, а только въ качествѣ половниковъ или крестьянъ-порядчиковъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма важнымъ процессомъ крестьянскаго обезземеленія, не достаточно еще изученнымъ въ нашей исторіи.

Мобилизація крестьянскаго землевладѣнія въ поморскихъ уѣздахъ наблюдается съ довольно ранняго времени и въ довольно широкихъ размѣрахъ. Возникшее на обломкахъ крупнаго боярскаго землевладѣнія сѣверное крестьянское хозяйство хотя и сохранило преобладающимъ типъ мелкаго землевладѣнія, не могло, однако, воспрепятствовать возникновенію и развитію крупныхъ формъ хозяйства, и въ теченіе московскаго періода за полнымъ почти отсутствіемъ въ этихъ уѣздахъ дворянскаго вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія единственными представителями крупнаго землевладѣнія явились тамъ монастыри, нѣкоторыя церкви (соборныя), архіерейскія каѳедры и, наконецъ, такъ называемые „деревенскіе владѣльцы“, преимущественно изъ среды посадскихъ торговыхъ людей. Только немногіе изъ монастырей и епископскія каѳедры оказались въ положеніи привилегированныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся пожалованными имѣніями. Большинство же остальныхъ болѣе или менѣе крупныхъ хозяйствъ сложилось постепенно путемъ медленнаго сосредоточенія въ однихъ рукахъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ. Московское правительство довольно рано замѣтило невыгодныя послѣдствія этого процесса для фискальныхъ интересовъ и съ начала XVII вѣка издало рядъ указовъ, запрещающихъ приобрѣтеніе нетяглымъ людямъ тяглыхъ имуществъ¹⁾. Но процессъ обезземеленія шелъ своимъ путемъ вопреки

выдѣтъ крестьянинъ изъ волости въ волость, и ему старостѣ самому платить, а крестьяномъ платежнымъ въ томъ убытка не привести никоторого; а буде до розрубниа изъ волости выдѣтъ крестьянинъ, и тѣ денги розрубать миромъ за бѣглово“, и проч. Русская Историческая Библиотека, XIV, 957—958.

¹⁾ Въ писцовыхъ наказахъ 1645 года предписано: „а впредь всякимъ нетяглымъ людямъ посадскихъ тяглыхъ дворовъ и лавокъ и анбаровъ и мельницъ и созиныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель и деревень и всякихъ земель и угодей опричь посадскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ людей въ закладъ не имати и не

московскимъ указамъ и въ значительной мѣрѣ подъ давленіемъ финансовой политики московскаго правительства. Тяжесть государственныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ земли, являлась одной изъ главныхъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства, а затѣмъ и окончательной его ликвидаціи. Въ цѣломъ рядъ сохранившихся отступныхъ-посильныхъ единственнымъ мотивомъ передачи крестьянскихъ жеребьевъ выставляется невозможность уплачивать государственные сборы и отбывать повинности. Обычнымъ выраженіемъ этихъ отступныхъ являются слова: „а не измогъ съ того владѣнья ни дани давати великаго князя, ни всякихъ разрубовъ волостныхъ платити, ни службы служити великаго князя, ни хлѣба въ житницы сыпати“¹⁾. Но отступная была послѣднимъ актомъ въ борьбѣ крестьянина за землю. Предварительно заключались инныя сдѣлки на землю, чаще всего закладъ. Онѣ, однако, только отсрочивали послѣдній актъ, отнюдь его не устраняя. Разъ успѣвъ захватить лоскутъ хотя бы $\frac{1}{16}$ доли деревни, землевладѣлецъ чаще всего монастырь, медленно, но твердо вытѣснялъ прочихъ складниковъ деревни, постепенно завладѣвая расчищенной ими землей²⁾.

Чтобы не быть оторваннымъ отъ земли окончательно, крестьянину оставался одинъ исходъ: поступить въ порядчики или половники, нрѣдко на свой же прежній участокъ.

Указанный процессъ обезземеленія и превращенія самостоятельныхъ хозяевъ въ срочныхъ арендаторовъ получилъ къ половинѣ XVII вѣка, повидимому, широкое распространеніе. Писцовые наказы 1645 года, касаясь перехода тяглыхъ земель въ руки нетяглыхъ людей, рядомъ съ половниками и бобылями, поселившимися въ такихъ покупныхъ деревняхъ и покинувшими свои тяглые участки, упоминаютъ и о такихъ арендаторахъ, „которые люди свои деревни продали имъ (нетяглымъ людямъ) и нынѣ живутъ за ними жъ“.

Можно отмѣтить и отдѣльные конкретные случаи, наглядно по-

покупати“.

За нарушение этого предписанія указано имущество отбирать на государя безденежно, а продавцамъ чинить наказанье. Это предписаніе подтверждено общими и частными указами въ 1651, 1637 и въ 1690 годахъ; Русская Историческая Библіотека, XIV, 261, 909—911, 932, 996—999.

¹⁾ См. посильныя-отступныя въ Бѣляевскомъ собраніи Румянцевскаго музея №№ 66, 67, 92, 193 и др.; Русская Историческая Библіотека, XIV, 41, 62, 75, 116, 121; Сборникъ Троицко-Сергіевой Лавры № 532, лл. 1121, 1122, 1132 и 1141.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 250. прим.

ясняющіе указанное превращеніе. Въ 1639 году братья Давыдовы заняли у Ѳедора Пыхова 100 руб. на двѣ недѣли безъ росту и заложили въ тѣхъ деньгахъ свою треть деревни въ Быкокурскомъ стану съ насѣяннымъ хлѣбомъ подѣ условіемъ „тотъ насѣянный хлѣбъ снимать намъ, Савѣ да Карпу, а дѣлать намъ съ Ѳедоромъ ржаныхъ сивеневъ, имавъ пополамъ отъ цѣла и до хвоста, а яровыя семена вынати намъ, Савѣ да Карпу, себѣ, а приполонъ дѣлать пополамъ съ Ѳедоромъ, а кормъ гуменной и яровая солома намъ на себя“. Ясно, что половина урожая постуцала въ пользу заимодавца взаменъ роста и устанавливала между сторонами отношенія, совершенно подобныя половничьему порядку. Залогодатели долга въ срокъ не уплатили, и согласно условію закладная кабала превращалась въ купчую и отводную. Ѳедоръ Пыховъ становился собственникомъ земли, а братья Давыдовы оказались его половниками. 1643 года 12-го декабря братья Давыдовы вынуждены были выдать на свою землю отступную, такъ какъ жена заимодавца съ его братомъ предъявили къ нимъ искъ объ очисткѣ земли или объ уплатѣ долга. Въ отступную, кромѣ двухъ братьевъ, вписанъ еще третій Григорій, который въ закладной кабалѣ не писанъ, потому что былъ въ отъѣздѣ; „и какъ пріѣхалъ я Григорей и жилъ въ половѣхъ зъ братьями своими у него жъ Ѳедора и у брата его по нынѣшней 152 годъ. И нынѣ безъ него Ѳедора жена его Марѣа и братъ его Данило редятъ на наше мѣсто иныхъ половниковъ“¹⁾). Значитъ, закладчики еще въ теченіе 4¹/₂ лѣтъ держались за бывшую свою деревню и жили въ ней въ качествѣ половниковъ, пока это терпѣли заимодавцы. По первому ихъ требованію должники были вынуждены выѣхать вонъ изъ деревни и дать на нее отступную.

Немного такихъ краснорѣчивыхъ иллюстрацій сохранили до насъ памятники. Гораздо чаще приходится встрѣчать въ нихъ лишь одни голыя указанія на результаты завершившагося процесса. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. По жалованной грамотѣ царя Грознаго 1555 года, выданной съ прежнихъ грамотъ прародителей его, и по жалованнымъ грамотамъ царя Михаила 1615 и 1622 годовъ, подтвержденнымъ и царемъ Алексѣемъ въ 1646 году, ростовскому архіепископу отдана въ Устюжскомъ уѣздѣ владичья волость съ деревнями и съ крестьянами и „вельно тою волостью и деревнями владѣть и вѣдать и во всякихъ дѣлахъ управу чинить во всемъ ростовскимъ

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XIV, 969—968.

архіереемъ" ¹⁾). Съ 1684 года эта волость или такъ называемый митрополій станъ отдана была устюжскому архіепископу, при чемъ обнаружилось, что нѣкоторыми деревнями успѣли завладѣть различные деревенскіе владѣльцы. Архіепископъ Александръ возбудилъ по этому поводу дѣло, которое тянулось довольно долго и было имъ въ концѣ концовъ выиграно. Изъ приведенныхъ по этому дѣлу справокъ оказалось, что по писцовымъ книгамъ 1623—1626 годовъ въ стану считалось 80 дворовъ крестьянскихъ и 44 половничьихъ ²⁾). Какъ появились эти половники, составляющіе болѣе трети въ составѣ сельскаго населенія, не видно; но можно думать, что при прародителяхъ Грознаго ростовской епископіи пожалованы были земли изъ черныхъ волостей, въ которыхъ такого количества половниковъ быть не могло. Мало того. Въ выпискѣ изъ старинныхъ писцовыхъ книгъ 7065 года, приведенной въ дѣлѣ, за архіепископомъ ростовскимъ въ деревняхъ числилось всего 9 дворовъ, „и владѣльцовъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ гостей и гостиной сотни и устюжскихъ подъячихъ и посадцкихъ людей, кромѣ домовыхъ крестьянъ, не написано“. Позднѣе „послѣ тѣхъ домовыхъ крестьянъ въ тѣхъ вышелисанныхъ деревняхъ владѣльцы были домовые жъ крестьяне и въ другихъ писцовыхъ Юрьевыхъ книгахъ Стромилова 128 году написаны иявно“. Но уже по писцовымъ книгамъ 1626 года въ трехъ деревняхъ оказалось 12 половничьихъ дворовъ, принадлежащихъ гостямъ братьямъ Босовымъ, посадскому человѣку Усову и церкви Дымковской слободы. Архіепископъ Александръ и обратилъ вниманіе на то, „что де есть въ томъ стану лутчихъ деревень и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей, и тѣми владѣютъ по купчимъ гости и гостиной сотни и сѣзжіей избы подъячіе и посадцкіе люди, и тѣ де владѣльцы многіе люди въ томъ стану деревни покупали за ихъ великихъ государей указы и безъ приказы пресвященнаго Іоны, митрополита ростовскаго и ярославскаго“. Несомнѣнно, что указанные деревенскіе владѣльцы скупили земли и угодья у домовыхъ крестьянъ митропольяго стану. Значить, послѣдніе продолжали еще смотрѣть на свои участки, какъ на собственные, и считали себя въ правѣ распоряжаться ими, какъ и крестьяне черныхъ волостей ³⁾). Но архіепископъ Александръ оспа-

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 578.

²⁾ Тамъ же, 581.

³⁾ Это любопытное явленіе уже отмѣчено въ исторической литературѣ. А. Я. Ефименко привела аналогичные факты распоряженія землей владѣльческихъ

риваль дѣйствительность такихъ сдѣлокъ на томъ основаніи, что „во всякихъ вотчинахъ продать что или заложить поволность имѣть вотчинникъ, а не крестьянинъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣтилъ, что новые деревенскіе владѣльцы пріобрѣли домовые деревни у крестьянъ „мочью своею и истѣсненіемъ, а домовыхъ крестьянъ изъ тѣхъ деревень изогнали“¹⁾). Хотя въ виду этого указанія и нельзя утверждать, что всѣ крестьяне, продавшіе свои участки, остались половничать у новыхъ владѣльцевъ, но несомнѣнно одно, что количество половничьихъ дворовъ увеличивалось на счетъ крестьянскихъ путемъ скупки у крестьянъ ихъ деревенскихъ участковъ.

Но разсмотрѣнный путь обезземеленія былъ не единственнымъ. Къ тому же результату приводила и добровольная уступка земли въ церкви и монастыри путемъ вкладовъ отчасти по религіознымъ побужденіямъ, отчасти по экономическимъ соображеніямъ. Крестьяне иногда сами сооружали монастыри, надѣляя его землей „для царскаго богомолія и душевнаго спасенія и на помянокъ родителей своихъ, и для постриганія безвкладныхъ нищихъ нужныхъ людей, которые ходя по міру скитаются“²⁾). Вкладчики, передавая земли въ церкви и монастыри, нерѣдко выговаривали въ пользу свою, своихъ дѣтей и родственниковъ право пользоваться участками передаваемой земли въ качествѣ порядчиковъ или половниковъ. Такой способъ обезпеченія землей могъ даже казаться болѣе прочнымъ, такъ какъ изъ рукъ крестьянина земля легко могла ускользнуть, а въ рукахъ сильнаго землевладѣльца она была несомнѣнно болѣе крѣпкой. Такіе расчеты далеко не всегда оправдывались; церкви и монастыри не стѣснялись выживать съ вкладной земли потомковъ вкладчика, поряжая на нее постороннихъ половниковъ. Но и такой исходъ не останавливалъ богобоязненныхъ

крестьянъ Холмогорской архіепископін, бывшихъ черныхъ Чухченемской волости. Но архіепископъ Аванасій запретилъ крестьянамъ „промежь себя землю продавать и покупать“. Тогда крестьяне обратились къ нему въ 1683 году съ слѣдующей просьбой: „Пожалуй насъ спроть твоихъ, благослови насъ межъ собою земли свои нужды ради продавать и закладывать для того, что у насъ хлѣбная скудость почасту бываетъ и морозомъ на всякій годъ повабаетъ и инымъ прокормиться нечѣмъ толки не продажею земляною или завладомъ“. Назв. соч., 274—275.

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 899—911, 926—939.

²⁾ А. Ефименко, Назв. соч., 263 — 264; Русская Историческая Библіотека, XII, 1218 (1695 года): крестьяне сямольскихъ волостей хлопочутъ объ устроеніи монастыря, такъ какъ „многіе крестьяне радѣють постригатца, а постригать некому, а монастырей бязко нѣту, а къ Русѣ ити многіе русково языку не разумѣють, языкъ у насъ пермской“.

жертвователей, которымъ все равно предстояла альтернатива—поступить землей въ чужія руки или передать ее для спасенія души въ церковь или монастырь. Нѣсколько примѣровъ всего лучше разъяснить только-что сказанное.

Въ 1593 году крестьянинъ Денисей Ефремовъ „положилъ“ въ церковь Введенія свою деревенскую землю съ тѣмъ, чтобы староста отдавалъ ее „пахати изъ жеребья“; а хлѣбъ, „что Богъ пошлетъ съ тое земли отъ дѣловца“, держать на церковные расходы. Къ этому условію жертвователь прибавилъ оговорку въ пользу своего потомства: „а чтобы господья мои, староста церковной и многой миръ, давали ту землю пахати дѣтямъ моимъ, а послѣ дѣтей внучятамъ изъ жеребья, а отъ храму Введенья Богородицы и святыхъ великомученикъ тые земли не отвести, ни продати, ни заложити, ни промѣнати никонми дѣлы и до вѣку“¹⁾. Дѣти и внуки жертвователя должны были пользоваться землей изъ жеребья, то-есть, на началахъ половнической аренды. Въ другомъ случаѣ нѣкто Кукшинъ, передавая землю церкви Срѣтенія Христова въ 1609 году, выговариваетъ, чтобы „пахать та земля зятю моему Кирилу исполу да половина хлѣба отдавати старостѣ церковному на воскъ да на темьянъ“. Но жертвователь предусматриваетъ, что та земля можетъ отойти отъ его зятя и на ней будетъ половничать кто нибудь другой²⁾. Точно также игумень Сефтренакаго монастыря положилъ вкладомъ въ 1612 году въ Троицкую церковь свою деревню подъ условіемъ не отчуждать ея: „а половничать по моей смерти игуменовъ та Ѳеодоршинская деревня братіямъ моимъ роднымъ, Калинниковымъ дѣтямъ, пополамъ, кои похотятъ, а сѣно все тое деревни и солома и махляны кормити половникамъ своему скоту, хто станеть половничать на той же деревни... А не похотятъ половничать братія мои, ино имъ и дѣла нѣту, и роду моему и племени дѣла же нѣту до тое деревни“³⁾. Въ другихъ случаяхъ вкладная земля должна быть сдаваема не исполу, а изъ празги, то-есть, на крестьянскій порядокъ. Напримѣръ, въ 1544 году власти Корельскаго монастыря дали отпись Роману Исаеву сыну Кузнецу въ томъ, что онъ далъ въ монастырь свою деревеньку, „ино ему жити въ той монастырской деревни до его живота безъ выряду, а давати ему въ монастырь празги съ году на годъ по гривнѣ де-

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 12—13.

²⁾ Тамъ-же, XIV, 204.

³⁾ Русская Историческая Библиотека, XIV, 216—218.

негъ“¹⁾. По духовной памяти 1585 года Неонила Созонтьева передала церкви Вознесенья Христова свой участокъ деревни подъ такимъ условіемъ: „А на тое деревни послѣ моей смерти держати пасынка моего Климентья Евсеева, доколѣ онъ живъ, а празгю, чимъ его оброчать староста вознесенской и волостные крестьяне, а празги съ нее давати, что рядять волостные крестьяне зъ году на годъ... А будетъ та деревня не понадобится моему пасынку Клементью, и старостѣ церковному тожъ иному отдати, хто возьметъ на празгу“. Или еще: въ 1608 году Анна Зелениныхъ отдала по духовной той-же церкви Вознесенья свою деревню съ условіемъ, что „тою деревнею и угодыя владѣти братьи моей Василью да Мартыну Зеленинымъ и ихъ дѣтемъ и во вѣки; а съ тое деревни дань и оброкъ и всякіе государевы подати и земскіе розрубы имъ-же платити, а Вознесенью Христову и Введенью Пречистые съ тое жъ деревни на всякой годъ въ казну давати по 10 алтынъ, да священникамъ на соборъ по 10 же алтынъ“²⁾.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ оба указанные процесса обезземеленія крестьянскаго могли взаимно встрѣчаться. Любопытный примѣръ такого совпаденія представляетъ челобитная царю 1657—1658 годовъ братія Печенгской пустыни. Въ ней сказано, что „въ прошлыхъ годахъ дали вкладу въ пустыню для нашего прокормленія и по обѣщанію своему твоей государевы дворцовой Верхъ-Кокшенской волости крестьяня свой жеребей деревню Дурневскую. Да въ той же деревнѣ Дурневской купили мы богомолцы твои жеребей пол-обжи на казенные денги и вкладные имъ вкладчикамъ за тѣ ихъ жеребьи вмѣсто денегъ дали; а на купленной жеребей взяли купчую на томъ, что имъ на то твое великаго государя богомолье на пустынное мѣсто пашню пахать и работу работать исполу. И онѣ по обѣщанью своему пашню на насъ богомолцовъ твоихъ пахали и работу работали, а мы, богомолды твои, за ихъ работу и за пашню съ той деревнишки Дурневской, съ ихъ и съ купленова жеребья, платили твои государевы

¹⁾ Тамъ же, XIV, 37.

²⁾ Тамъ же, 191 и 198. Въ 1614 году Артемій Цываревъ по духовной деревню съ угодыями передалъ сыновьямъ, а участокъ земли церкви Вознесенья съ тѣмъ, чтобы „тою землею владѣти дѣтямъ моимъ доколѣ имъ возможно, а давати имъ сверхъ податей, дани и оброковъ и всякихъ податей, Вознесенью Христову по двѣ гривны на годъ... А невозможно будетъ дѣтямъ моимъ тое земли держати, и имъ отказати та земля старостѣ церковному въ міръ“. Тамъ же, 231. Ср. А. А. Смицкихъ, Земля и люди на Вяткѣ, прилож. стр. 48—49, §§ 2 и 3.

данные и оброшныя денги и всякія подати и доходы многіе лѣта домовыми пустынными денгами“. Значить на вкладной и на купленной землѣ вкладчики, они же продавцы, остались половничать ¹⁾.

Когда же, во всѣхъ изъ указанныхъ случаевъ, оторванные отъ земли крестьяне попадали въ половники, когда въ крестьяне порядчики? Отвѣтъ на это въ памятникахъ едва-ли можно отыскать. Нельзя однако, сомнѣваться, что предпочтеніе того или иного вида аренды обусловливалось исключительно экономическими мотивами. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предположить, что половничья аренда предпочиталась крестьянскому порядку между прочимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ собственникъ доведенъ былъ до крайней нужды тяжестью государственныхъ сборовъ. Переходя затѣмъ въ половники онъ въ большинствѣ случаевъ ограждалъ себя на ближайшее время отъ этого податнаго гнета, такъ какъ всѣ сборы за половника обыкновенно уплачивалъ самъ землевладѣлецъ. Половникъ же могъ быть спокоенъ, что никакихъ экстренныхъ платежей, кромѣ половины урожая, онъ платить не долженъ, такъ какъ эта половина уплачивалась владѣльцу „на землю и на розрубъ“ ²⁾. Когда же крестьянинъ отступался отъ земли не исключительно по мотивамъ податнымъ, онъ затѣмъ могъ даже предпочесть крестьянскую аренду, какъ болѣе самостоятельную и выгодную, половничьей.

Указанные процессы крестьянскаго обезземеленія оказали весьма важнѣе вліяніе на судьбу сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ. Обезземеленіе крестьянъ всюду слѣдовало за проникновеніемъ и распространеніемъ владѣльческихъ элементовъ въ краѣ и завершало собою первую ступень въ исторіи возникновенія крѣпостнаго права на владѣльческихъ крестьянъ. Въ дальнѣйшей стадіи ходъ закрѣпощенія выражался вовсе не въ прикрѣпленіи къ землѣ только что оторваннаго отъ нея половника или крестьянина порядчика, а въ закрѣпленіи того и другаго владѣльцу, все болѣе и болѣе затягивающимся узломъ личной зависимости. Эта мысль давно уже высказана въ нашей литературѣ. „Центръ закрѣпостительнаго процесса, — говоритъ А. Ефименко, — двигался не въ направленіи прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, а въ направленіи постепеннаго отобранія правъ свободнаго человѣка и въ экономическомъ закабаленіи“. Въ иной формулировкѣ, широко обобщенная, та же мысль легла въ основу труда проф. Ключ-

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XIV, 417—418.

²⁾ А. Ефименко, Назв. соч., 289.

чевскаго „О происхожденіи крѣпостнаго права“, который, какъ извѣстно, доказывалъ мысль, что крѣпостное право, въ предѣлахъ Московскаго государства вообще, развилось не въ формѣ поземельнаго прикрѣпленія, а на началахъ личной крѣпости.

Изученіе отношеній половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ къ землевладѣльцамъ получаетъ поэтому двойкій интересъ. Помимо выясненія поземельныхъ отношеній въ поморскихъ уѣздахъ, оно можетъ дать матеріалъ для сравненія этихъ отношеній съ исторіей безземельнаго крестьянства въ центральныхъ уѣздахъ московскаго государства въ эпоху до втораго Судебника или до послѣдней четверти XVI вѣка и для выясненія многихъ неясныхъ и спорныхъ подробностей этой исторіи. Кромѣ постановленій судебниковъ и нѣсколькихъ грамотъ изслѣдователи не имѣютъ въ распоряженіи почти никакого бытоваго матеріала для исторіи владѣльческихъ крестьянъ центральныхъ уѣздовъ за указанный періодъ. Между тѣмъ простое сопоставленіе нѣкоторыхъ характерныхъ признаковъ половничества съ положеніемъ крестьянъ въ указанномъ районѣ обнаруживаетъ рядъ сходныхъ между ними чертъ. Тѣ и другіе являются безземельными арендаторами участковъ владѣльческой земли, снимающими эту землю по частному договору (порядъ), пользующимися правомъ перехода въ установленные сроки и отбывающими въ пользу государства, лично и чрезъ посредство землевладѣльцевъ, различные виды тягла. Сравнительное богатство сохранившихся крестьянскихъ и половничьихъ порядныхъ поморскихъ уѣздовъ (свыше 45 съ половины XVI до конца XVII вѣка) можетъ послужить, поэтому, любопытнымъ матеріаломъ для восполненія многихъ безслѣдно утраченныхъ чертъ въ отношеніяхъ между арендаторами и землевладѣльцами въ московскомъ государствѣ до прикрѣпленія крестьянъ.

Не задаваясь цѣлью исчерпать имѣющійся матеріалъ въ указанномъ смыслѣ, мы предлагаемъ опытъ сопоставленія лишь нѣкоторыхъ сторонъ въ бытѣ порядчиковъ поморскихъ уѣздовъ и переходящихъ крестьянъ другихъ мѣстностей Московскаго государства.

Извѣстно, что ограничительныя постановленія Судебниковъ о крестьянскомъ переходѣ редактированы односторонне: въ отличіе отъ правила Псковской Судной грамоты, ими ограждаются лишь интересы землевладѣльцевъ и не охраняются права крестьянъ противъ произвольныхъ отказовъ владѣльцевъ. Высказана мысль, что такая редакція соотвѣтствовала практическимъ потребностямъ, такъ какъ землевладѣльцы, вопреки своимъ интересамъ, не имѣли поводовъ разогнать

крестьянъ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы указали на возможность такихъ случаевъ, когда землевладѣльцамъ было выгодно воспользоваться правомъ отказа неисправнымъ арендаторамъ, и высказали догадку, что въ такихъ случаяхъ едва-ли землевладѣльцы стѣснялись постановленіями Судебниковъ о срокахъ отказа. Практика крестьянскихъ переходовъ въ поморскихъ уѣздахъ до извѣстной степени подтверждаетъ это предположеніе. Дѣйствіе Судебниковъ распространялось, конечно, и на поморскіе уѣзды. Между тѣмъ, съ половины XVI вѣка относительно крестьянскаго выхода тамъ установилась практика, не вполне соответствующая постановленіямъ Судебниковъ. Такъ прежде всего установленный въ судебникахъ срокъ перехода—Юрьевъ день является обычнымъ срокомъ выхода только во всѣхъ половничьихъ порядныхъ, въ которыхъ единообразно повторяется условіе: „рядъ и вырядъ Гергиевъ день осенной“ ²⁾. Наоборотъ, въ крестьянскихъ порядныхъ этотъ срокъ встрѣчается лишь по исключенію (всего въ 3 случаяхъ); въ большинствѣ же порядныхъ (въ 17-ти) установлены весенніе сроки перехода, въ промежутокъ съ 1-го марта по 10-е іюня, съ преобладаніемъ апрѣльскихъ сроковъ ³⁾. Затѣмъ, почти всѣ порядныя крестьянскія и половничьи заключены на опредѣленные сроки, какъ указано выше, но большей части отъ 3 до 10 лѣтъ. Это также составляетъ особенность данной мѣстности, такъ какъ изъ извѣстныхъ крестьянскихъ порядныхъ другихъ уѣздовъ, нѣтъ ни одной, заключенной на опредѣленный срокъ ⁴⁾.

Наконецъ, что особенно любопытно, порядныя въ поморскихъ уѣздахъ заключались на обоюдныхъ условіяхъ и писались въ двухъ экземплярахъ „по противнымъ“, которыми стороны размѣнивались при

¹⁾ В. И. Сергеевичъ, Русскія юридическія древности, I, 238; ср. J. Engelmann, Die Leibeigenschaft in Russland, 20—21.

²⁾ Исключеніе составляетъ одна порядная 1626 года, въ которой срокъ порядка и выряда установленъ на 25 марта. Русская Историческая Библиотека, XIV, 354—356. По указанію г-жи Ефименин, „Юрьевъ день на сѣверѣ сообразно климатическимъ условіямъ, постоянно замѣнялся Николинымъ днемъ: съ Николина дня *весинно* съ нынѣшняго такого-то года до срову до Николина же дня *вешняго* такого-то года—общая формула всѣхъ порядныхъ записей“. Названное сочиненіе, 289. Тѣмъ болѣе желательнo поскорѣ видѣть изданными порядныя, находящіяся въ распоряженіи автора.

³⁾ Эти сроки слѣдующіе: 1, 17 и 23 марта; 2, 3, 6, 7, 13, 16 и 21 апрѣля; 5, 6, 9 и 25 мая; 10 іюня, 1 сентября, 15 октября, 20 и 24 ноября, 6 декабря.

⁴⁾ Б. Н. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, 199 и 185; В. И. Сергеевичъ, назван. соч., I, 205—206.

заключеніи условія ¹⁾). Въ этихъ послѣднихъ иногда не оговаривается отвѣтственность землевладѣльца за нарушеніе условій порядка, но несомнѣнно, что выдача порядчику „противня“ или „данной противъ порядной“ обезпечивала ему возможность предъявленіемъ документа въ судъ доказать нарушеніе его правъ землевладѣльцемъ и потребовать вознагражденія ²⁾). Большею же частью въ порядныхъ этого вида прописывается отвѣтственность хозяина или его уполномоченнаго за высылку крестьянина до условеннаго срока. Такъ, напримеръ, половникъ Спасской церкви, порядившійся на 10 лѣтъ, выговариваетъ такое условіе: „А поставлю язь Василей въ той деревни всѣ хоромы по записи и до срочнаго году, и вышлють меня изъ той деревни, и спасскому церковному прикащику, хто будетъ вырядить меня изъ той деревни, дати мнѣ 10 рублевъ денегъ“ ³⁾). Иногда же къ этому главному обезпеченію правъ порядчика присоединяется отвѣтственность и за нарушеніе другихъ условій порядка; напримеръ, въ крестьянской порядной 1664 года на Богоявленскую церковную деревню сказано: „А будетъ онъ Огаеонъ или хто по немъ иные впредь (прикащики) будутъ и его Самойла до строку держать не учнутъ и хлѣба и сѣна давать не учнутъ, и въ томъ что ему Самойлѣ учинитца убытковъ взять на церковномъ прикащикѣ и на мірскихъ людехъ“ ⁴⁾); или еще въ порядной крестьянской Прилуцкому мона-

¹⁾ Такихъ порядныхъ намъ извѣстно до 10: одна половничья 1628 г. (Русская Историческая Библіотека, XIV, 354—357) и девять крестьянскихъ (Русская Историческая Библіотека, XIV, 92—93 (7083), 100—102 (7091), 102—104 (7098), 136 (7100), 409—411 (7160), 428—431 (7168); Бѣляевское собраніе порядныхъ празгов. № 1 (7173); Русская Историческая Библіотека, XII, 116—120 (7206) и 1446—1470 (7209).

²⁾ Такихъ порядныхъ три: Русская Историческая Библіотека, XIV, 198: „да въ томъ есмь межъ себя и записи написали по противнымъ и ровняли“; ib. 411 (отъ имени землевладѣльца): „въ томъ имъ отъ себя и порядную дали, а отъ нихъ къ собѣ запись на нихъ взяли“; ib. 431: „да въ томъ семъ на тотъ починокъ и даюу дали, а на нихъ порядную взяли такоу жъ слово въ слово“.

³⁾ Тамъ же, 356. Аналогичныя условія и въ крестьянскихъ порядныхъ: „а вышлю язь Дмитрей (церковный прикащикъ порядчика), не додержа тѣхъ урочныхъ лѣтъ, и на мнѣ на Дмитрен рубль денегъ“; „а язь Евсей Федора выражу изъ деревни вонъ, а не дажъ ему дожити тѣхъ урочныхъ лѣтъ, и Федору на мнѣ за Евсенъ взять по сей порядной пять рублевъ денегъ“. Тамъ же 93 и 101; ср. еще 103 и т. XII, 119.

⁴⁾ Румянцевскій Музей, Бѣляевское собраніе празгов. порядныхъ № 1. Любопытно, что въ порядной вовсе нѣтъ особаго условія давать крестьянину въ суду хлѣба и сѣна. Значитъ не всѣ условія записывались въ порядныя.

стырю отвѣтственность монастырскихъ властей формулирована такъ: „А будетъ они приказной старецъ зъ братьею начнутъ отъ владѣнья и отъ хлѣбной ссуды въ срочные годы отказывать, и взять тажъ вышеписанная застава (20 рублей денегъ и съ убытки) мѣ Аюнасъю“¹⁾. Такое обезпеченіе порядчиковъ отъ произвола хозяевъ выработано практикой и являлось прямымъ дополненіемъ односторонняго постановленія въ законѣ. Подобная практика могла возникнуть только въ виду настоятельныхъ къ тому поводовъ. Значитъ половникамъ и крестьянамъ нерѣдко приходилось терпѣть отъ произвола хозяевъ въ формѣ досрочнаго отказа отъ аренды. Прямымъ подтвержденіемъ этому служатъ двѣ сохранившіяся явки половниковъ на своихъ хозяевъ. Въ одной изъ нихъ, 1616 года, половникъ, порядившійся на годъ, объявляетъ, что хозяинъ его „не дождался срочново дня, отъ себя меня Васка изъ двора збилъ“ и не отдалъ причитающейся доли; въ другомъ случаѣ порядившійся на 3 года половникъ жалуется въ 1627 году, что хозяинъ не выдалъ ему половины изъ урожая третьяго лѣта: „и я, господа, учалъ у него прошать той своеіе половины... а оупъ учалъ меня бить, а бивъ и зъ двора сослазъ, а того мѣі половья моего повытъя и по ся мѣста не дасть“²⁾. Правда, въ обояхъ указанныхъ случаяхъ не было заключено письменныхъ условій: „а поряднал у насъ запись промежъ нами не была, вѣрлись съ нимъ Божіею правдою“ (въ другомъ случаѣ: „а порядной мѣі не далъ и я повѣрилъ его слову“). Но это обстоятельство нисколько не умаляетъ значенія фактовъ. Весьма вѣроятно, что до половины XVI вѣка большинство порядныхъ въ центральныхъ уѣздахъ заключались словесно и легко могли нарушаться землевладѣльцами. И противъ такихъ злоупотребленій Судебники ничѣмъ не ограждали крестьянъ.

Второй подробностью, на которой интересно остановиться, является вопросъ о санкціи правилъ и условій крестьянскаго выхода. Извѣстно, что Судебники не содержатъ санкціи своихъ постановленій по этому предмету, и это отсутствіе санкціи въ законѣ породило не мало разногласій между изслѣдователями при рѣшеніи вопроса, какія же послѣдствія наступали при выходѣ крестьянъ не въ срокъ, безъ отказа и безъ пошлинъ.

Наоборотъ, громадное большинство порядныхъ половничьихъ и

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 1470.

²⁾ Русская Историческая Библиотека, XIV, 627—628 и 675—676.

крестьянскихъ поморскихъ уѣздовъ, устанавливая порядокъ выхода по истеченіи срока аренды, содержать и санкцію за невыполненіе какъ этого, такъ и прочихъ условій контракта, если только за невыполненіе тѣхъ или иныхъ изъ послѣднихъ не установлено специальной санкціи. По общему правилу къ выходному сроку должны быть исполнены всѣ принятыя на себя порядчикомъ обязательства. Послѣднія же были довольно разнообразны, и здѣсь нѣтъ нужды перечислять ихъ. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что ни въ одной порядной нѣтъ указаній на то, что порядчикъ платилъ пожилое за пользованіе дворомъ или уплачивалъ особую пошлину при выходѣ (повозъ). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ порядныхъ специально указываются условія выхода, въ нихъ выставляются требованія о выполненіи важнѣйшихъ обязательствъ порядчика. Такъ въ половничьихъ порядныхъ довольно обычно условіе о возвращеніи при выходѣ подмоги, если таковая была выдана, и о выполненіи всѣхъ работъ по прияду¹⁾; въ крестьянскихъ же порядныхъ обыкновенно требовалось уплатить всѣ государственные и земскіе сборы и платежи землевладѣльцу, а также сдать въ исправности участокъ съ хозяйственными постройками²⁾; иногда же опредѣлялось только, въ какомъ видѣ порядчикъ долженъ сдать участокъ и дворъ³⁾. Самая санкція какъ этихъ, такъ и прочихъ условій, выражалась весьма разнообразно. Простѣйшими и самыми обычными ея формами являются неустойка (зарядъ, застава) или поручительство, или же то и другое совмѣстно. Можно различать неустойку общую и специальную. Послѣдняя назначалась за невыполненіе какихъ нибудь точно обозначенныхъ обязательствъ; напримѣръ, въ половничьихъ порядныхъ за невыполненіе какихъ либо частей услов-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 946: „А отживемъ срощные годы и подемъ вонъ, ино подможные денги заплатити и прирядъ весь здѣлати догодова“. Ср., ib., 954, 970; т. XII, 252 и 403: „И подемъ изъ деревни вонъ, доживемъ до срока, прирядъ здѣлатъ весь наготово безоухульно“.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 97: „а доживемъ по сей записѣ тѣ урочные лѣта и похотимъ вонъ итти изъ той деревни на срозъ, и намъ царя и великаго князя данъ и оброкъ, и службу и земскіе розметы, и спасская празга заплативъ сполна, и тѣ хоромы, и нашия, и огороды отвести и отдати приказщцу, тоже вонъ итти“. Ср. еще, ib., 98, 100, 103, 106, 108, 110, 112, 114, 138.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 1380: „И отживъ тѣ вышенаписанные срочные годы, 20 годовъ, то ихъ монастырское понытье съ хоромнымъ строеніемъ въ пол-держъ же и съ насіяннымъ хлѣбомъ съ рожью и не запустоша пашенной земли и не зароста сѣнныхъ покосовъ отдать ему приказному старцу противъ иримау своего все въ цѣлостя“.

леннаго приряда или работъ, какъ-то: за непоставку жердей на огородъ по 5 алт. за сто, за недоставку дровъ по полуполтинѣ за сажень, за невысѣчку новины 1½ р. или 4 р., за недоставку крупъ по 10 денегъ съ мѣры, за невывозку назма съ возу по 1 алт., за неявку на здѣльные работы по полтинѣ съ человѣка за день, за непоставку избы 6 руб., за непоставку сарая 1½ руб. и проч. ¹⁾); въ крестьянскихъ порядныхъ специальная неустойка нерѣдко назначалась за непоставку вновь избы и другихъ хозяйственныхъ построекъ и за непочинку старыхъ хоромъ ²⁾). Общая неустойка назначалась за невыполненіе совокупности обязательствъ; напримѣръ, за недоживъ до срока и за невыполненіе приряда въ дѣломъ или только за неисполненіе послѣдняго, какъ это встрѣчается въ большей части половничьихъ порядныхъ ³⁾). Гораздо чаще общая неустойка встрѣчается въ крестьянскихъ порядныхъ, гдѣ обычнымъ условіемъ является правило: „а не учну язъ въ той деревни жити и той деревни орати и сѣяти, или тѣхъ хоромъ не поставлю или не доживъ да найду изъ деревни вошь, и на мнѣ взяти по сей порядной записи“ столько-то ⁴⁾); или иначе: „А будетъ я подрядчикъ жить до сроку во крестьянствѣ не стану или въ чемъ противъ вышенисаннаго не устою, или подати съ того повытъя платить, или оброку въ монастырь, или здѣля монастырскаго противъ сей порядной записи не стану, и взятъ ему приказному старцу за неустойку“ столько-то ⁵⁾). Общая неустойка назначалась въ различныхъ суммахъ отъ 1 р. до 30 руб., при чемъ обыкновенно присоединялись сверхъ того еще и всѣ убытки по расчету. Иногда же неустойка опредѣлялась не въ установленной суммѣ, а по расчету недоплатъ по государственнымъ и земскимъ сборамъ и хозяйскаго оброка; напримѣръ: „и на насъ по сей порядной записи государевы подати, дань и оброкъ, и

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 466, 1169; XIV, 914—946, 951—952, 968—970, 1137—1138.

²⁾ Тамъ же, XIV, 97, 98, 106, 108, 410, 430.

³⁾ Тамъ же, XIV, 358: „А не доживу язъ до срочного гѣта и изъ деревни съѣду и не поставлю на тое деревни избы новыи и сарая, или вѣтки не перекрою и мнѣ дати заставы по сей записи 10 р. денегъ“; XII, 467: „буде мы того приряду не сдѣлаемъ, что писанъ въ сей порядной, и дать въ казну за прирядъ 10 р.“; ср., ib., 369.

⁴⁾ Русская Историческая Библиотека, XIV, 92; ср. еще 93, 95, 101.

⁵⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 1366; ср. еще ib., 119, 1380, 1434, 1470.

служба, и становые розметы, и спасской оброкъ впередъ до срочнаго года⁴⁾).

Порука вводилась также въ разнообразной формѣ. Или поручитель принималъ на себя отвѣтственность по всѣмъ обязательствамъ порядчика: „въ житьѣ, въ розрубѣ и въ службѣ, и въ празги, и въ деревенской пахоты“; или „въ подможныхъ денгахъ и въ хлѣбѣ, и въ прирядѣ, и въ недопашкѣ и во всякомъ воровствѣ“²⁾; или же только по нѣкоторымъ важнѣйшимъ условіямъ: „въ житьѣ крестьянства въ тѣ срочные годы до срока и въ дворовой постройкѣ“; или „въ ссудныхъ деньгахъ и въ пахотѣ“³⁾. Эта отвѣтственность поручителей выражалась обыкновенно въ той же формѣ, какъ и отвѣтственность неисправнаго порядчика; иногда-же, въ случаѣ невыполненія обязательствъ порядчикомъ, поручители цѣликомъ принимали на себя выполнение ихъ: „а не станетъ онъ за нашею порукою на той церковной деревни жити до срочнаго лѣта и намъ поручникомъ тою церковною деревнею владѣть до срочныхъ лѣтъ орати и сѣяти по сей порядной записи“⁴⁾).

Эти формы санкціи отнюдь не составляютъ особенности данной мѣстности и встрѣчаются обыкновенно во всѣхъ крестьянскихъ порядныхъ. Юридическое ихъ значеніе не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: порядчикъ, нарушившій условія порядной, или его поручитель были обязаны уплатить неустойку и этимъ самымъ освобождались отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Но за этой простой логической канструкціей скрывается цѣлая житейская драма. Дѣйствительно, заплатить неустойку было не легко. Если это было выполнимо, когда неустойка не превышала 1 — 3 рублей, то при размѣрахъ ея въ 10—30 рублей,—а такихъ порядныхъ большинство,—неисправный порядчикъ становился въ безвыходное положеніе. Въ нѣкоторыхъ порядныхъ случайно сохранились любопытныя указанія на порядокъ взысканія съ такихъ неисправныхъ порядчиковъ. Это правило взысканія формулировано въ лаконической, но многозначительной формулѣ: „А хто съ порядною ни станетъ, той и истецъ;

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XIV, 108; ср. еще 97, 98, 100, 106, 110, 112, 114.

²⁾ Румянцевскій Музей, Бѣляевское собр. порядн. № 1; Русская Историческая Библиотека, XVI, 970; ср., ib., 954, 946, 1139 и т. XII, 458.

³⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 1469; Кунгур. акты, 181.

⁴⁾ Румянцевскій Музей, Бѣляевское собр. порядн. № 2.

а гдѣ насъ половниковъ ся порядная ни застанеть, подѣ которымъ судомъ ни буди, тутъ по ней судъ и правезъ, и за прирядъ денги всѣ сполна“; или иначе: „гдѣ ся запись выляжетъ тутъ по ней судъ; а хто съ сею записью станеть, тотъ ей и истецъ; а который изъ насъ исполшиковъ или порутчика будетъ въ лицахъ, на томъ по сей записи ссудныя денги сполна и съ убытки“¹⁾. Отсюда видно, что право взысканія съ порядчиковъ могло быть передаваемо третьему лицу, и привлеченный къ отвѣтственности не могъ предъявить отводъ о неподсудности. При несостоятельности отвѣтчика ему грозила участь неисправнаго должника: выдача кредитору головой до отработки долга. Въ такомъ положеніи для него, конечно, было предпочтительнѣе отработывать свой долгъ на участкѣ земли въ качествѣ порядчика, а не во дворѣ хозяина въ качествѣ его временнаго холопа въ теченіе 2—6 лѣтъ²⁾. Отъ милости кредитора зависѣло согласиться на такую льготу. Но въ случаѣ такого согласія мы имѣли бы примѣръ возвращенія на прежній или иной участокъ неисправнаго порядчика. Повидимому, такая практика была извѣстна въ поморскихъ уѣздахъ. По крайней мѣрѣ, всего легче именно на почвѣ такой практики объяснить возникновеніе дополнительной санкціи въ порядныхъ конца XVII вѣка, согласно которой неисправный порядчикъ съ уплатой неустойки и причиненныхъ убытковъ не освобождался отъ принятыхъ на себя обязательствъ до истечения срока порядной. Такая дополнительная санкція гласить: „а ся запись до сроку и впредь въ заниси мѣсто“³⁾. Это значить, что ушедшій до срока порядчикъ и уплатой неустойки не освобождался отъ обязанности дожить до срока и, стало быть, подлежалъ возвращенію на свой прежній участокъ. Въ болѣе раннихъ порядныхъ тотъ-же результатъ достигался инымъ путемъ: землевладѣльцы выговаривали съ порядчиковъ обязательство выполнить всѣ главнѣйшія условія порядка „не выѣзжая изъ деревни“; на примѣръ: „а поѣдемъ вонъ изъ деревни

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 369; Кунгур. акт., 131. Ср. еще Русская Историческая Библиотека, XII, 403: „А гдѣ ся порядная насъ половниковъ застанеть подѣ которымъ судомъ ни буди, тутъ намъ судъ и управа; а хто за сею порядною станеть тотъ и истецъ“; и еще ib., 1169: „хто съ сею порядною въ судъ станеть, тотъ и истецъ“.

²⁾ Несостоятельные должники отработывали долгъ „по году за 5 рублей“. Улож., X, 266.

³⁾ Русская Историческая Библиотека, XII, 1881, 1434, 1470.

и намъ подмогъ заплатить весь сполна и прирядъ сдѣлать весь до- готова, не выѣзжая изъ деревни“¹⁾). Полагаемъ, что въ этихъ слу- чаяхъ вышедшій порядчикъ подлежалъ также возвращенію, если не исполнилъ указаннаго обязательства. Этими способами интересы зем- левладѣльца обезпечивались гораздо надежнѣе, чѣмъ неустойкой или порукой; но вмѣстѣ съ тѣмъ порядчикъ тѣснѣе связывался съ своимъ хозяиномъ и не только до конца своей аренды, но и на дальнѣйшіе сроки.

Это замѣчаніе приводитъ насъ къ послѣднему вопросу, на кото- ромъ умѣстно здѣсь остановиться, именно къ вопросу о томъ, какая судьба постигала порядчика въ случаѣ невыполненія имъ какихъ либо обязательствъ къ окончанію срока аренды. Конечно, не всѣ обя- зательства имѣли тутъ одинаковое значеніе. На первомъ мѣстѣ сто- яли такъ или иначе возникшія долговныя отношенія порядчика къ землевладѣльцу. Невыплаченная подмога, невыполненный прирядъ, недоимки по оброку и государственнымъ сборамъ, неуплаченная свое- временно денежная и хлѣбная ссуда и т. п.—таковы различныя по- воды задолженности половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ.

На это явленіе задолженности половниковъ уже было обращено вниманіе и было уже отмѣчено, что землевладѣльческая ссуда „пре- вращала отношенія половника къ землевладѣльцу въ подневоль- ныя“²⁾). Къ сожалѣнію, это замѣчаніе не было достаточно подкрѣп- лено. Правда, имѣющійся матеріалъ не содержитъ подробныхъ дан- ныхъ для полной оцѣнки этого интереснаго явленія. Но нѣкоторыя заключенія возможно сдѣлать и на основаніи того немногаго, что даютъ сохранившіяся порядныя.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что большинство половничьихъ порядныхъ (девять) заключены съ выдачей порядчикамъ подмоги хлѣбомъ и деньгами³⁾ въ размѣрѣ отъ полтины до 20 р. Наоборотъ,

¹⁾ Тамъ же, 252; ср., *ib.*, 1168: „а подможные денги заплатить, не вы- ѣзжая понъ изъ деревни“.

²⁾ А. С. Лаппо-Данилевскій, названное сочиненіе, 103—104.

³⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 876—878, 942—947, 948—955, 966—971, 1135—1141; т. XII, 249—252, 1167—1169; Кунгурскіе акты, 130—132. По договорному письму 1719 г. также назначена подмога 2 р. 10 алт., ло- шадь в 3 осмины ржи (*Спискомъ*, 32); по словесной порядной 1616 г. хозяинъ „на подмогу хотѣлъ дать полтину денегъ, да не далъ“, Русская Историческая Би- блиотека XIV, 628. Въ купчей 1617 г. на четверть деревни Пылаповскому мона- стырю продавецъ заявляетъ: „А что у меня порядная была на половника на

по крестьянскимъ поряднымъ подмога является рѣдкимъ исключеніемъ (всего въ двухъ случаяхъ ¹⁾). За то въ нѣсколькихъ изъ нихъ встрѣчаемся съ условіемъ: „а передъ новью или на сѣмена хлѣба, ржи и овса на ссуду въ долгъ давать“; или еще: „а озимовыхъ и вешнихъ сѣмянъ давать въ отсыпь, а не въ цыпѣ, а передъ новью таже хлѣбомъ сужать съ росписками“ ²⁾. Подмога по общему правилу подлежитъ возвращенію къ окончанію срока аренды при выходѣ или „не выѣзжая изъ деревни“. Это обыкновенно оговаривается въ порядныхъ. Въ одномъ лишь случаѣ взято „на распашку и на прирядъ не въ отдачу“ 4 рубля; но рядомъ же упоминается и о восьми рубляхъ подмоги „до своего срока“ ³⁾. Такимъ образомъ, подмога была обыкновенной ссудой, какъ она и названа въ одномъ случаѣ ⁴⁾.

Какія же послѣдствія наступали въ томъ случаѣ, если подмога не возвращалась къ выходному сроку? Нѣкоторыя половничьи порядныя даютъ на это опредѣленный отвѣтъ: при несостоятельности порядчика заключалась новая порядная на новый срокъ. Такъ въ

Василья Щокота да на сына его Флора, а по ней подмоги имъ была написано 5 р. денегъ, да ржи двѣ четверти, да овса четверть, и я тѣ подможныя деньги и хлѣбъ ваялъ у игумена и у всее братіи, а имъ въ монастырь тое порядиую отдахъ“. Грам. Колл. Эк., Устюжскаго уѣзда № 111/1322. По одной порядной видѣно подмоги предоставлено пользованіе пожней въ теченіе 5 лѣтъ „за лѣзное поставленіе“, Русская Историческая Библіотека XIV, 954—857.

¹⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 129—130; т. XIV, 428—430. Въ послѣднемъ случаѣ порядъ осложненъ личнымъ наймомъ, такъ какъ въ первый годъ крестьяне договорились „жить въ наймѣхъ“, и наемная плата выдается имъ впередъ „на заводъ на сѣмена и на ѣзу семьямъ ихъ, да имъ же дать ральники на нывѣшнее лѣто“. Сохранилась случайная записъ о деньгахъ деревни Константиновской 1648 г.: „сіе денги (9 р. 1 алт.) отданы въ подмогъ крестьяномъ Фералопту Волкину зъ дѣтми, что поражены въ тое деревню; да имъ же еще придало къ тому тое же деревни прошлыхъ же лѣтъ сѣнныхъ денегъ 3 р. безъ алтына“, Русская Историческая Библіотека XII, 253.

²⁾ Тамъ же, 1367, 1380, 1433 и 1469; см. выше стр. 49, прим. 4.

³⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 250. Въ одной порядной не было выговорено возвращеніе подмоги, но она была возвращена, какъ видно изъ приписей къ порядной. Новое доказательство, что въ порядныя заносились не всѣ условія. Тамъ же XIV, 876—878.

⁴⁾ Кунгурскіе акты, 131. По половнички сверхъ подмоги получали и ссуду по кабаламъ. Въ выборѣ церковныхъ старостъ Сольвычегодскаго уѣзда 1686 г. сказано: „а половничкамъ что хлѣба и сѣна въ долги роздадутъ, и то имъ имать на нихъ самитъ, а новымъ старостамъ, кромѣ подмогу, не переводитъ“. Русская Историческая Библіотека XII, 821.

приписи къ одной порядной читаемъ: „по сей порядной половники (такіе-то) перевели и переписали изъ сее порядные въ новую порядную подможные денги и подможной хлѣбъ, да и прирядъ здѣлали весь спола. По сей порядной до насъ половниковъ дѣла нѣтъ“¹⁾. Изъ трехъ другихъ порядныхъ видно, что онѣ являлись возобновленіемъ старыхъ контрактовъ, вслѣдствіе неуплаты своевременно подмоги, такъ какъ въ нихъ сказано, что „подможные денги и хлѣбъ переведены изъ старыя порядные въ сію порядную“²⁾. Въ одной изъ этихъ возобновленныхъ порядныхъ нѣтъ приписи о выполненіи приряда и здѣлья, но не упомянуто о возвращеніи подмоги, которая, вѣроятно, переведена вновь въ новую порядную. Вторая изъ возобновленныхъ порядныхъ, заключенная на 3 года въ 1684 г., содержитъ приписи, изъ которой видно, что еще въ 1692 г. половникъ продолжалъ додѣлывать свой прирядъ. При такой практикѣ срочность аренды оказывалась въ значительной мѣрѣ фиктивной и обуславливалась главнымъ образомъ исправностью порядчика. Надо думать, однако, что упомянутая практика отсрочки долга пустила глубокіе корни и подготовила почву для возникновенія новаго обычая, въ силу котораго аренды заключались не на опредѣленный срокъ, а подъ условіемъ: „по кѣхъ мѣсть тѣ ссудные денги за нами исполщиками побудуть“³⁾.

Было бы неправильно думать, что среди половниковъ не находилось исправныхъ арендаторовъ. Такіе несомнѣнно находились, и они по истеченіи срока аренды могли перейти на другой порядокъ. Они назывались „выходными половниками“⁴⁾, въ отличіе, конечно, отъ тѣхъ, которые, не будучи въ состояніи расчитаться съ землевладѣльцами, по нуждѣ заключали новые контракты на дальнѣйшіе сроки или безсрочно до уплаты долга. Эти „невыходные“ половники отнюдь не утратили еще права перехода. Они имъ иногда и пользовались, но едва ли къ своей выгодѣ. Имъ грозила въ такихъ случаяхъ участь несостоятельныхъ должниковъ, такъ какъ землевла-

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XIV, 955.

²⁾ Тамъ же, 968 и 1137. Въ третьей порядной этого прямо не сказано, но изъ суднаго дѣла видно, что половникъ поурядился пахать въ 190 г., а порядная писана въ 193 г., „а далъ де онъ отвѣтчикъ исполную запись съ старою исполной записи“. Кунгурскіе акты, 129.

³⁾ Кунгурскіе акты, 131.

⁴⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 955.

дѣльцы по общему правилу вовсе не были склонны поступаться своими правами надъ задолжавшими порядчиками. Сохранилось нѣсколько извѣстій, рисующихъ указанное настроеніе землевладѣльцевъ. Такъ въ 1602 г. власти Агапитовой пустыни били челомъ и являли, что у нихъ въ монастырской деревнѣ жилъ Исакъ Бурцовъ съ сыномъ, „да ималъ у насъ монастырской хлѣбъ да денги, да не хотя намъ монастырсково хлѣба ни денегъ платить, да и сѣхалъ изъ монастырскіе вотчины, а намъ не заплатилъ монастырсково долгу“¹⁾. Въ 1656 г. подалъ челобитную старецъ Печенгской пустыни о взысканіи по кабаламъ казенныхъ монастырскихъ денегъ и хлѣба на перечисленныхъ поименно крестьянахъ „и на иныхъ крестьянахъ, на комъ что взять, и тому слѣдуютъ кабалы и даные кабалы, и *порядные*, и записи. И сроки, государь, кабаламъ прошли, а займщики денегъ не платятъ“. На челобитье послѣдовала резолюція—срочить отвѣтчиковъ къ суду²⁾. Точно также въ 1687 г. обратились къ архіепископу холмогорскому съ просьбой священникъ и церковный староста Матигорской волости о взысканіи съ задолжавшихъ поридчиковъ денегъ и заявляли: „взяти намъ въ николаевскую церковную казну николаевскихъ церковныхъ *празовыхъ недоборныхъ* денегъ за прошлые за 190 и за 192 годы 75 р. 10 алт.“. Послѣдовала резолюція: тѣ денги доправить тотчасъ³⁾. Какъ велика была крестьянская задолженность, можно отчасти судить по слѣдующему указанію. Въ 1689 г. во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ во всѣхъ волостяхъ оказалось наличной церковной казны 2.097 р., въ долгу же денежной казны 7.560 р. и 2.206 четвертей разнаго хлѣба, „а тѣ де заемные денги и хлѣбъ давапы скуднымъ крестьяномъ на окупъ въ платежъ государскіе казны, въ стрѣлецкіе и въ ямскіе денги и въ иные нужные расходы“⁴⁾. Какъ и чѣмъ оканчивались такіе правежи, источники о томъ обыкновенно умалчиваютъ. Но можно съ вѣроятностью предполагать, что значительное число изъ задолжавшихъ оказывались несостоятельными. Только милость землевладѣльца могла освободить ихъ отъ мертвой петли долговой зависимости. Такъ въ 1696 г. архіепископъ холмогорскій указалъ въ своей епархіи „церковныхъ деревень у порядчиковъ по *поряднымъ* ихъ записемъ на прошлой 203 г. денежной

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XIV, 538.

²⁾ Тамъ же, XIV, 416—417.

³⁾ Тамъ же, XII, 97—101.

⁴⁾ Тамъ же, XII, 964—965.

и хлѣбной празги имать въ церковную казну треть, а двѣ доли празги денежной и хлѣбной имъ порядчикамъ отдать и впредь на нихъ той празги дву доль на тотъ 203 г. не спрашивать и въ домку не писать, ради государскаго многолѣтнаго здравія и ради скудости и нищеты ихъ порядчиковыхъ“¹⁾). Безъ этой хозяйской милости порядчикамъ грозила выдача головой до искупа. Для устранения тяжкихъ послѣдствій выдачи головой было, конечно, выгоднѣе заключить новый порядокъ. Едва ли, однако, и заключеніе новой порядной обходилось для порядчика безъ дополнительныхъ обязательствъ. Отсрочка долга была хозяйской милостью, и за эту милость надлежало такъ или иначе отблагодарить хозяина. Всякое же новсе обязательство лишь усиливало зависимость порядчика. Судное дѣло подъячего кунгурской приказной избы съ своимъ половникомъ и его порутчикомъ указываетъ, что землевладѣльцы не останавливались и передъ полнымъ разореніемъ задолжавшихъ исполщиковъ. Подъячій за половину ссуды продалъ у половника трехъ лошадей, вслѣдствіе чего тому не на чемъ было пахать, а подъячій привлекъ его къ отвѣтственности за недопашку²⁾). Конечно, не всѣ землевладѣльцы поступали такъ сурово и нерасчетливо. Изъ доклада сыщика Микулина, которому поручено возвратить на волостные участки вышедшихъ крестьянъ, узнаемъ, что онъ не могъ собрать поруки по многимъ живущимъ въ половникахъ „за ихъ скудость, что ихъ мочи нѣтъ въ пустыхъ волостяхъ лѣсъ разсѣкать и дворы ставить и пашня разпахать, а хлѣба у себя не сказываютъ, потому что *даютъ де имъ хлѣбъ помѣсячно хозяева*, у кого они въ половникахъ живутъ“³⁾). Ни въ одной половничьей порядной нѣтъ и намекъ на подобныя отношенія между хозяевами и порядчиками. Но въ достовѣрности факта нѣтъ основаній сомнѣваться. Зависимость же половниковъ отъ хозяевъ при такихъ условіяхъ становилась совершенно полной: изъ-за насущнаго хлѣба половники должны были соглашаться на какія угодно условія.

Въ одной возобновленной порядной сохранился, быть можетъ, намекъ на увеличеніе обязательствъ стараго половника. Въ этой порядной, помимо обычныхъ условій исполной аренды, стоитъ обязательство о платѣ пожилага. Это пожизное не имѣетъ ничего общаго съ пожилымъ Судебниковъ; оно уплачивается „по полтнѣ съ лошади

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XII, 115—116.

²⁾ Кунгурскіе акты, 128 и 136.

³⁾ Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ, Приказн. дѣла, № 52, 1646—1647.

на годъ". Въ другихъ порядныхъ о пожилыхъ не упоминается, но объ этомъ сборѣ съ половниковъ упоминаютъ нерѣдко другіе памятники ¹⁾. Предстоитъ выяснитъ, вѣдался ли онъ лишь при возобновленіи аренды за отсрочку долга или въ какихъ-либо иныхъ случаяхъ.

Во всякомъ случаѣ отсрочка и переводъ долга въ новую порядную лишь временно облегчали затруднительное положеніе несостоятельнаго порядника, но въ концѣ концовъ еще болѣе связывали его съ хозяиномъ. Фактически выходъ для него становился все болѣе и болѣе труднымъ. При такихъ условіяхъ была готова почва для примѣненія къ половникамъ понятій о старожильцахъ, которые правомъ перехода не пользовались. Повидимому, и эта идея успѣла уже пустить корни въ понятіяхъ современниковъ. Монастырскія власти въ послѣдней четверти XVII вѣка настояли на различеніи „старинныхъ ихъ половничьихъ дворовъ“, которые „учинились за ними изстари во владѣнны“, отъ „половичьихъ новоприбылыхъ дворовъ“ ²⁾. Съ этимъ различіемъ былъ пока связанъ лишь различный порядокъ отбыванія государственнаго тягла. Но на этомъ процессъ не могъ остановиться въ своемъ естественномъ ростѣ и долженъ былъ бы дойти до тѣхъ же или весьма подобныхъ явленій, какими характеризуется крѣпостное право на владѣльческихъ крестьянъ центральныхъ уѣздовъ московскаго государства.

Преградой естественному росту крѣпостнаго права на половниковъ явились петровскія мѣры противъ ихъ закрѣпощенія. Здѣсь нѣтъ нужды на нихъ останавливаться, такъ какъ онѣ не разъ уже разсматривались въ исторической литературѣ. Не слѣдуетъ только забывать, что въ петровскомъ указѣ получили преобладаніе казенные интересы надъ владѣльческими стремленіями. Владѣльцы на вопросы переписчиковъ объявили, „чтобы тѣхъ половниковъ укрѣпить за ними вовсе, какъ за помѣщиками“, и съ этими заявленіями согласились

¹⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 1137; ср. т. XII, 236 и 240, гдѣ говорится о вниманіи съ богородицкаго половника пожилыхъ денегъ въ 158 и 166 г. въ крупныхъ суммахъ 11 р. 50 к. и 9 р.; *ib.*, 707 (1686): „велѣно тое церкви Николаевскому попу въ деревню свою на церковный паи половниковъ рядить и пожилые денги и дрова и лучину съ нихъ имать“; *ib.*, 834: „порядная на половника на Сенку Иванова Щукиныхъ, по ней взять пожилыхъ денегъ за 3 годъ рубль съ полтиною, писана во 194 г.“; ср. еще *ib.*, 1005.

²⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 1193—1195, 1211; Д. къ А. И., X, № 34.

двое изъ трехъ переписчиковъ. Одинъ изъ нихъ предлагалъ, „чтобъ половниковъ въ другія мѣста не переводить, и имъ о переходѣ указами запретить“; а другой къ этому добавлялъ: „кто изъ деревни въ деревню выѣдетъ, такихъ бы никто не принимали, но поймавъ отвозили на прежнія мѣста“¹⁾. Почва для крѣпостнаго права на половниковъ, какъ видно, была уже вполне подготовлена.

М. Дьяконовъ.

Юрьевъ (Дерптъ)
14 февраля 1895 г.

---

¹⁾ *Максимовичъ*, Указатель Россійскихъ законовъ, ч. IV, стр. 525—526.

ЗАПИСКИ ЛЬВОВСКАГО АПТЕКАРЯ О СОБЫТІЯХЪ 1606 Г ВЪ МОСКВѢ.

Въ послѣдней книжкѣ издаваемаго во Львовѣ журнала *Kwartalnik Historyczny* (1894 г. IV) г. Вл. Лозинскій, извѣстный знатокъ Львовскаго прошлаго, напечаталъ краткій дневничекъ Львовскаго торговаго человѣка, сопровождавшаго Юрья Мнишка въ Москву въ 1606 году. Дневничекъ этотъ, добытый издателемъ изъ Львовскаго городскаго архива, является въ сущности лишь оправдательными записками по происходившему въ 1610 году судебному дѣлу автора ихъ, Станислава Колаткевича, съ его патропомъ, — аптекаремъ Мартыномъ Спыткомъ. Не смотря однако на такой спеціальный характеръ, документъ этотъ далеко не лишенъ и болѣе общаго интереса. Напрасно, впрочемъ, было-бы искать въ немъ новыхъ фактическихъ данныхъ относительно смутнаго времени; онъ слишкомъ лакониченъ, да и авторъ его — не воинъ и не шляхтичъ, а полу-аптекарь, полукондитеръ, поглощенный изготовленіемъ великолѣпныхъ „марципановъ“ къ свадьбѣ „царя Дмитрія Ивановича“, — мало могъ знать и понимать изъ событій того времени. За то онъ живо передаетъ свои несложныя впечатлѣнія и дѣлаетъ это такимъ образомъ, что рисуетъ очень пластично свой собственннй портретъ, типичный портретъ смѣтливаго мѣщанина, умѣющаго извернуться и постоять за себя не мечемъ, такъ хитростью, не заботясь о рыцарской удали и шляхетской чести, хотя бы даже такъ своеобразно понимаемой, какъ понимали ее Маскевичъ и Мархоцкій, крупные мемуаристы той же эпохи.

Тогдашній *Drang nach Osten* отразился, разумѣется, съ большею или меньшею силою въ различныхъ слояхъ населенія Литвы и Поль-

ши, но подвижное Львовское купечество сообразило одно изъ первыхъ выгоды вновь открывавшагося рынка. Знаменитый ювелиръ Николай Седмирадскій, а также русскій купецъ Семень Корунка поспѣшили присоединиться къ блистательному кортежу царской нареченной невѣсты. Аптекарь Спытекъ, въ лицѣ своего представителя, послѣдовалъ ихъ примѣру. Нѣкоторые краковскіе купцы, а именно Севастьянъ Лиффте и Геронимъ Паріоли, равно какъ и аугсбургскіе, сдѣлали то же самое. При второмъ самозванцѣ дорога была ужъ, конечно, проторенною; въ Тушинскомъ стапѣ, какъ извѣстно, польскіе купцы стояли особымъ лагеремъ и собиралось ихъ тамъ иногда до трехъ тысячъ человѣкъ; но они не оставили послѣ себя опредѣленныхъ письменныхъ слѣдовъ, и мы знаемъ о нихъ очень мало. Такимъ же незнакомцемъ остался бы для насъ и авторъ предлагаемыхъ здѣсь краткихъ записокъ, еслибы не судебное дѣло его, а именно обвиненіе въ недобросовѣстномъ исполненіи обязанностей, поданное на него въ Львовскій городской судъ патрономъ его Спыткомъ, по возвращеніи его изъ Москвы. Панъ Мартынъ Спытекъ, аптекарь, бывший, по обычаю тѣхъ временъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и кондитеромъ, поставщикомъ всевозможныхъ рѣдкостей, сладостей, удивительныхъ водокъ и настоекъ, отправляя съ своимъ помощникомъ товаръ въ столь дальніе края, считывалъ, конечно, на исключительные барыши и, оцѣнивая свое добро въ 4069 золотыхъ (что по тогдашнему еще высокому курсу золотыхъ—равнялось бы нынѣшнимъ 30—40 тыс. гульденовъ), превеличивалъ, по всей вѣроятности, его настоящую стоимость. Между тѣмъ уполномоченному его пришлось прежде всего убѣдиться, что московскія цѣны на пряности и сладкіе продукты были значительно ниже Львовскихъ, а затѣмъ крупныя и ничѣмъ не предвидѣнныя событія, разстроившія широкіе планы политиковъ того времени, разстроили и мирные планы нана Спытка и его представителя, лишая ихъ не только крупныхъ барышей, но даже и значительной части товара. Впрочемъ, патронъ отнесся, очевидно, съ недобвѣріемъ къ разказу своего уполномоченнаго о его злоключеніяхъ и, какъ сказано выше, принесъ на него жалобу въ городской судъ.

Какое-же впечатлѣніе разказъ этотъ производитъ на насъ, позднихъ его слушателей?

Кульминаціоннымъ пунктомъ этого лаконическаго повѣствованія являются безспорно переговоры автора съ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ и съ думными боярами послѣ кремлевской рѣзни. На первый взглядъ, непонятный интересъ, возбужденный сахарныхъ дѣлъ

мастеромъ и аптекарскимъ помощникомъ въ центральномъ лицѣ тогдашней Москвы и въ боярскомъ синклитѣ, кажется намъ простымъ хвастовствомъ и самохвалствомъ съ его стороны. Но, по мѣрѣ развитія разказа, это впечатлѣніе исчезаетъ, и мы приходимъ къ заключенію, что все сводится къ простому недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что будущій царь и бояре, очевидно, ошибаются въ профессіи Колачкевича и принимаютъ его за доктора. Они даже считаютъ полезнымъ оставить ученаго человѣка въ предѣлахъ Московскаго государства, на царской службѣ, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Годунова, такъ недавно еще оказывавшаго исключительный почетъ заѣзжимъ представителямъ медицины. Съ этой точки зрѣнія подробности повѣствованія теряютъ характеръ привирания и чванства и свидѣтельствуютъ лишь о наивности будущаго царя и бояръ и объ умѣнніи пользоваться ею львовскаго мѣщанина.

Въ качествѣ псевдо-доктора, онъ сопровождаетъ Мнишка и въ Ярославль, получаетъ тамъ особыя привилегіи; не довольствуясь продажей „малмазін“ и всякихъ диковинныхъ снадобій, онъ торгуетъ всякимъ случайнымъ товаромъ—серебряными вещами, блюдами, тарелками, саблями, парадной сбруей, парчею, соболями и постоянно разбѣзжаетъ между Ярославлемъ и Москвою. Не смотря на отношенія его къ Сандомірскому воеводѣ, онъ и тутъ не упускаетъ случая получить хорошій барышъ, какъ это видно изъ словъ его защитника въ Львовскомъ судѣ. Отвѣчая на обвиненіе его кліента въ неудачной продажѣ товаровъ, онъ говоритъ: „*citatus* продавалъ товаръ по такой высокой цѣнѣ, что поднять ее еще выше не было никакой возможности. Пусть папъ Спытекъ спроситъ его милость пана воеводу Сандомірскаго, какъ онъ ругался, жаловался, проклиналъ, когда *citatus* взялъ съ него 20 злотыхъ за фунтъ шафрана, между тѣмъ какъ въ Москвѣ стоилъ онъ въ то время 6 злотыхъ. Точно также и та настойка, которая называется *rossolis*, продается во Львовѣ по одному золотому за кварту, а *citatus* считалъ за нее по три злотыхъ. Водка на корицѣ, равно какъ и татарская, стоитъ во Львовѣ 12 грошей кварта, — а *citatus* бралъ за нее копу грошей. Далѣе, конфеты дѣлаютъ во Львовѣ по 1 золотому, въ Москвѣ по 15 грошей, а *citatus* клалъ за нихъ копу грошей. Изюмъ былъ въ то время во Львовѣ по четыре злотыхъ камень ¹⁾, а въ Москвѣ по 60 грошей,

¹⁾ Камень = 1/4 центнара.

status же считалъ его по 8 золотыхъ, такъ же и другіе товары считалъ онъ чуть не *in duplo* въ сравненія съ тѣмъ, какъ у насъ во Львовѣ они продаются“.

Изъ дальнѣйшаго хода дѣла узнаемъ мы, что ворвавшіеся въ квартиру Колачковича москвитяне захватили съ собой разныя разности, напримѣръ, нюренбергскій сахаръ, имбирь, бисквиты, небольшой боченокъ, въ 200 квартъ, анисовой наливки стоимостью въ 200 золотыхъ. Тогда же лишился онъ, отчасти благодаря своимъ соотечественникамъ, всего запаса водокъ. Названія ихъ и сорта не уступаютъ въ разнообразіи нынѣшнимъ продуктамъ этого рода, такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ мы въ этой коллекціи водку розовую, подорожниковую, свекловичную, медуничную, настойку на корицѣ и т. п. Большія оловянные фляги, изрубленные въ куски, служили осажденнымъ въ квартирѣ для заряда ружей, но мы не знаемъ, какая судьба постигла художественныя формы для марципановъ, заготовлявшихся къ свадьбѣ Дмитрія и Марины, которыхъ описаніе сохранилось въ бумагахъ занимающаго насъ дѣла. На нихъ были изображены цѣлыя исторіи. — напримѣръ, царь Давидъ, играющій на арфѣ, Сусанна между двумя старцами, нѣмецъ, обнимающій куртизанку. На другихъ находились лишь изображенія отдѣльныхъ фигуръ, напримѣръ, гайдука, трубача, женщины, орла, рыбы, пеликана, единорога. Но самою большою рѣдкостью, среди всего добра, посланнаго изъ Львова въ Москву, было перо какого-то феникса, проданное Колачковичемъ, къ великому неудовольствію его патрона, всего лишь за 20 золотыхъ. „Ни феникса, ни денегъ онъ мнѣ не отдаетъ“, жалуется панъ Спитекъ въ судѣ.

Какъ-бы то ни было, дѣла расторопнаго купца шли, очевидно, недурно, если онъ, выѣхавшій изъ Львова съ пятью, да и то чужими, червонцами въ карманѣ, вернулся туда щеголемъ, расхаживая „въ платьѣ въ нѣсколько сотъ золотыхъ и съ золоченною саблею, пируя, волочасъ и раздавая подарки“.

Не удовлетворившись однимъ путешествіемъ въ Московію, онъ вторично отправился туда же, на этотъ разъ, вѣроятно, по собственному почину; но эти новыя походы его прошли для насъ совершенно безслѣдно, и окончательная судьба его покрыта мракомъ не-извѣстности.

Предлагаемъ здѣсь переводъ записокъ Колачковича.

Tenor Diarii Gestorum in Moschovia.

Когда панъ Мартынъ посылалъ меня въ Москву съ его милостью паномъ воеводоу Сандомірскимъ въ 1606 году, отпуская со мною свѣщенный, но безъ опредѣленной таксы товаръ, по списку, писанному собственною моею рукою, съ двумя возницами и съ однимъ мальчишкой и давая мнѣ пять злотыхъ на харчи, то я, получивъ свѣщенный уже, но безъ таксы товаръ, отказывался ѣхать, опасаясь подобнаго бремени и сомнѣваясь, чтобы могъ справиться съ нимъ по молодости лѣтъ моихъ, не бывавъ еще никогда въ дѣлахъ такого рода, тѣмъ болѣе, что онъ отпускалъ меня одного, со скудными средствами, въ столь дальнюю дорогу, съ такой челядью и съ лошадьми. Послѣ долгихъ пререканій я убѣдился, что ничего не подѣлаешь. Вспомнявъ всѣ благодѣнія пана Мартына, у котораго я былъ на выучѣ, и желая ему во всемъ угодить, какъ слуга господину, выѣхалъ я изъ дому, обливаясь слезами, безпокоясь и раздумывая о дальней дорогѣ, что и панъ Мартынъ захочетъ, должно быть, подтвердить. Сколько опасностей испыталъ я на пути,—перечислять здѣсь не буду, равно какъ и затрудненій, причиненныхъ недостаткомъ денегъ на содержаніе лошадей, а также мое собственное и челяди.

Всѣ знакомые и панъ воевода оставили меня одного на пути. Какъ изъ Львова выѣзжалъ я одинъ, такъ и до Москвы дотянулся въ одиночествѣ, кое-гдѣ однако признавши денегъ на харчи, такъ какъ я не хотѣлъ продавать товаръ за безцѣнокъ. Доѣхалъ я до Москвы, рассчитавшись, по мѣрѣ возможности, съ заказчиками и продавая кое-что изъ товара въ Москвѣ, какъ только было возможно.

Отвели мнѣ на жительство дворъ, въ которомъ помѣщалась челядь пана Бучинскаго, называемый Глинскимъ (nazwany Glińskim), въ такомъ разстояніи, какъ отсюда до Св. Анны ¹⁾, а панъ воевода со всѣмъ дворомъ стоялъ въ замкѣ, въ хоромахъ Борисовыхъ.

Едва выложилъ я товаръ изъ возовъ въ погребъ (do sklepi), какъ получилъ уже черезъ пана Бучинскаго приказаніе отъ царя—готовить къ свадьбѣ марципаны, а такъ какъ внизу тѣсно было, то я перешелъ наверхъ, взявъ съ собою только то, что требовалось для марципановъ, товары же покрупнѣе остались въ погребѣ, а именно боченки съ наливками, водками, съ конфетами и другія тяжести въ мѣшкахъ. Готовлю я марципаны одинъ (sam jeden), такъ какъ не было у меня никакого помощника. Товара я не раскладывалъ, да и не для чего было, вслѣдствіе дешевизны въ Москвѣ подобныхъ товаровъ: приностей, сахарныхъ издѣлій и разныхъ сладостей. Я совѣтовался даже съ панами Бучинскими о томъ, что мнѣ дѣлать съ этимъ товаромъ, потому что я не могъ продавать его такъ, какъ въ Москвѣ всѣ покупаютъ. Они вели мнѣ ждать, пока царь не прикажетъ всего взять у меня и заплатить за все разомъ. Бояре осматривали у меня эти товары, сторговали ихъ на царское имя и хотѣли ихъ тутъ-же брать отъ меня. Удержавъ ихъ на минуту, я

¹⁾ Должно быть, считая отъ Кремля.

побѣжалъ сейчасъ къ пану Бучинскому, уважить-ли онъ давать сей товаръ на царское имя, или же нѣтъ, и онъ предостерегъ меня, какъ честный человекъ, чтобы ничего не давать безъ денегъ. Разсердились москвитяне, говоря, что я царю не вѣрю, за что: „будешь у царя въ опалѣ“.

Случилось это въ четвергъ передъ вечеромъ. Не забываясь объ этомъ нисколько, оканчиваю я свои марципаны и жду весь слѣдующій день. Никто не показывается за этимъ товаромъ, о которомъ былъ уже уговоръ. Затѣмъ наступилъ dies afflictionis, который все перепуталъ.

Въ субботу ударили въ набатъ. Не будучи знакомъ съ обычаями этихъ краевъ, я не знаю, что происходитъ, спрашиваю; одинъ, другой москвитянинъ бѣгутъ съ оружіемъ и кричатъ: „горить въ городѣ!“ Вышелъ я за ворота, чтобы основательно разузнать, въ чемъ дѣло; вижу—толпа людей бѣжитъ ко мнѣ, ограбивъ сосѣдніе дворы. Бросаюсь наверхъ, заваливаю ворота, а тутъ ужъ усмѣло прибѣжать ко мнѣ болѣе десяти человекъ, между ними Натанъ купецъ и Себастьянъ изъ Кракова, который былъ у него толмачемъ. Они убѣжали прямо изъ постелей, едва успѣвъ захватить оружіе. Завидѣвъ большую опасность, я велѣлъ сейчасъ же уничтожить лѣстницу и, воспользовавшись тѣмъ, что у меня было нѣсколько возовъ кирпича наверху, приготовленнаго для постройки печей, я заложилъ имъ входъ. Освѣдомившись, есть-ли у кого боевые снаряды, или же нѣтъ, я узналъ, что было ихъ крайне мало; но у меня было фунта три пороха, всего одиннадцать пищалей (rófnakí), свинцу и не спрашивай. Что дѣлать? Нужда паучить. Были у меня большія оловянные фляги, я поотрывалъ у нихъ ручки и, изрубивши ихъ въ мелкіе куски, заряжалъ ими пищали; но, не смотря на это, я сваясь только благодаря милосердію Господню, а не своей защитѣ. Господь Богъ меня хранилъ, потому что невозможно было бы защитить себя, въ виду такой значительной толпы.

Итакъ часть, или два часа спустя, прибѣжалъ къ моему двору Василій Шуйскій, нынѣшній царь, который зналъ хорошо про меня и про мое жилище, разогналъ народъ со двора и велѣлъ запретить его своимъ слугамъ. Онъ меня окликнулъ: „кто здѣсь стоитъ (живетъ)?“ Я выглянулъ къ нему изъ окошка, и онъ сказалъ мнѣ: „не бойся, ничего тебѣ не будетъ, потому что Пречистая Богородица указала ужъ намъ пастоящаго вора“. Я не понялъ, кого это называетъ онъ воромъ, но тутъ былъ нѣкто, убѣжавшій ко мнѣ въ тотъ же день, писарь пана Станислава Бучинскаго, тотъ понялъ, что это онъ самого царя обзываетъ воромъ, а не кого нибудь инаго. Я его спрашиваю: „что дѣлается въ замкѣ, панъ Шуйскій?“ Онъ сказалъ: „все будетъ хорошо, такъ какъ разстрига уже убитъ, панъ воевода и дочь его, „разстрижина“, со всѣми женками здоровы. Ты не безпокойся, будешь получать по прежнему содержаніе для челяди и для себя“.

Я поблагодарилъ его за это; уѣжая, онъ далъ мнѣ приставовъ, которые должны были защищать меня отъ „мира“, въ случаѣ же, еслибы онъ прислалъ за мною, я долженъ былъ идти немедленно въ замокъ.

Едва прошелъ часть, а ужъ явилось ко мнѣ двое москвитянъ съ приказаніемъ идти сейчасъ къ думнымъ панамъ въ замокъ. Я однако не торопился, такъ какъ смута еще не улеглась, и жаль мнѣ было погибать одному; я просилъ всѣхъ, чтобы хоть кто-нибудь шелъ со мною въ замокъ, въ сопровожденіи этихъ боярскихъ дѣтей,—ни одинъ не захотѣлъ, только меня

выпроваживали. Едва удалось мнѣ упросить вышеназваннаго писаря пана Станислава Бучинскаго, чтобы онъ шелъ со мною: вѣдь и тамъ умереть онъ точно такъ-же, какъ и здѣсь, если ужъ такъ Богъ судилъ. Простившись со всѣми, которые тамъ оставались, и съ своей челядью, отправился я. Пришли мы въ сѣни, передъ сенаторскою палатою въ замкѣ. Тамъ великое множество москвитянъ дѣлятся между собою польскимъ награбленнымъ платьемъ. Къ тому же я стоялъ въ крови по лодыжки (kostki). Тутъ я уже потерялъ надежду и позабылъ не только о своемъ страхѣ, но и о томъ живъ ли я еще. Оглядываюсь, идетъ ли за мною этотъ писарь пановъ Бучинскихъ,—исчезъ и онъ, не знаю куда его дѣвали; одинъ я остался уже полумертвый. Велятъ идти къ думнымъ панамъ; войдя въ палату, я перекрестился по-русски, и Шуйскій говоритъ боярамъ: „истинный христiанинъ, таковъ намъ въ царствѣ нуженъ“. Затѣмъ спрашиваетъ меня Шуйскій, желаю ли я остаться на царской службѣ: „получишь жалованье“. Я съ радостью отвѣчаю: „лишь бы мнѣ только живому остаться, то я не только царю, но и самому незначительному твоему холопу служить готовъ. Затѣмъ спрашивали они меня, женатъ ли я; я сказалъ, что не женатъ. Тогда они приняли меня утѣшать, обѣщали даровать жизнь, жалованье и женить меня. Я согласился на всѣ эти обѣщанія, обзавываясь служить имъ вѣчно и никогда не измѣнять. Потомъ они спрашивали, сколько у меня челяди, живы ли у меня въ Польшѣ отецъ и мать; я отвѣчалъ, что отецъ и мать живы, но что я тамъ буду жить, гдѣ мнѣ будетъ жить хорошо. Затѣмъ меня передали приставу, Дорогобужскому воеводѣ, чтобы онъ представилъ меня боярамъ.

На слѣдующее утро, въ воскресенье, привели меня въ замокъ, къ думнымъ панамъ. Они меня спросили, хочу ли я отправиться къ пану воеводѣ Сандомірскому, или же остаться у нихъ. Припавъ, съ великой радости, къ ихъ стопамъ, просилъ я, чтобы меня отвели къ его милости. Съ этимъ же самымъ бояриномъ я былъ отправленъ на Борисовъ дворъ, для передачи воеводѣ Сандомірскому, которому этотъ бояринъ сказалъ: „панъ воевода Сандомірскій! всѣ думные бояре жалуютъ тебя, прислали тебѣ твоего доктора, чтобы тебя лѣчили, чтобы ты не думалъ, что имъ жизнь твоя нужна, и обѣщаютъ при этомъ полную безопасность“. Его милость панъ воевода, припавъ отъ нихъ съ признательностью это жалованье, благодарилъ ихъ черезъ посредство этого боярина, а послѣ ухода боярина разспрашивалъ меня панъ воевода, какимъ образомъ спасся я, и я разказалъ ему все, что происходило.

Пробывъ нѣсколько дней у пана воеводы, когда ужъ все начало приходить въ порядокъ, написалъ я челобитную царю, прося его позволить мнѣ взять обратно товаръ, оставшійся отъ разгрома, указывая на то, что мнѣ нечѣмъ лѣчить больного пана воеводу. Но это не могло послѣдовать тотчасъ же; я долженъ былъ нѣсколько разъ писать челобитныя боярамъ и царю, обѣщая хорошо наградить тѣхъ, которые захотятъ похлопотать за меня у царя, когда добро мое будетъ возвращено. Одинъ изъ такихъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что указъ царя и всѣхъ бояръ таковъ, чтобы тебя пожаловать этимъ оставшимся товаромъ, такъ какъ ты пристаешь на царскую службу, и приказали бояре сказать, чтобы ты не заботился, если у тебя, кое-чего не хватаетъ: царь вознаградитъ убытки и бояре то же обѣщаютъ, если имъ будешь преданно служить. Онъ сообщилъ мнѣ веселую новость, но не скоро, на шестой

лишь день. Написавъ записку своему подростку, что я, по милости Божьей, здравствую, я отправилъ ее съ тѣмъ же одареннымъ мною москвитяниномъ, чтобы онъ передалъ ее кому-нибудь изъ моей челяди. Прочитавши записку, мой мальчишка говорить пребывавшамъ въ моей квартирѣ слугамъ разныхъ господъ: „господа, есть у меня письмо отъ пана, что онъ живъ“. Всѣ удивились, такъ какъ уже пронесся было достовѣрный слухъ о моей погибели; не вѣря подростку, они стали его бить, зачѣмъ лжетъ: „вѣдь нашъ приставъ видѣлъ его убитымъ подъ городомъ“! Не принесъ мнѣ москвитянинъ никакого отвѣта, разказалъ только, что тамъ мальчика поколотили. Я написалъ всѣмъ имъ записку, что до слѣдующаго утра лишь, никакъ не дольше, будете этимъ пользоваться. Прочтя это, стали нѣкоторые подкидывать то, что ужъ раньше было захватили, впрочемъ, только платье и сорочки; а наливки, водки, сладости, которыми они угощались за одно съ москвитянами, и съѣденныя конфеты,—то ужъ все пропало, потому что, если чего Москва не взяла, то паны украли и съѣли.

Взявши приставовъ, нанявъ нѣсколькихъ извозчиковъ, приѣхалъ я на седьмой день за этимъ оставшимся товаромъ на тотъ дворъ, гдѣ я жилъ, и взялъ тамъ то, что осталось.... Отправляясь къ пану воеводѣ, я ужъ не ссорился больше съ ними изъ-за этого, благодаря и за то Господа Бога. Желая узнать, сколько чего не хватаетъ, взялъ я списокъ, осмотрѣлъ товаръ—и вижу: пропасть вещей не хватаетъ; такъ я себѣ и отмѣтилъ. Когда уговоръ былъ съ послами его милости короля объ отпускѣ насъ на свободу, то, въ заключеніе, панъ воевода настаивалъ на вознагражденіи убытковъ, попесенныхъ нами во время разгрома. Намъ было приказано составить подъ присягою вѣрные списки убытковъ и передать ихъ на руки ихъ милости королю, а во время комиссій, черезъ годъ, по рѣшенію ихъ милостей пановъ пословъ, при постановленіи перемирья на четыре года, мы должны были быть удовлетворены.

Этимъ кончаются Записки. Содержаніе ихъ дополняется разными подробностями, извлеченными г. Лозинскимъ изъ актовъ по дѣлу Спытка съ Колачекевичемъ, сохраняющихся въ Львовскомъ городскомъ архивѣ, въ отдѣленіи *Inducta Judicii Civilis*, т. XXV.

Ромуальда Бодуэнъ де-Нуртенъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ МОНАСТЫРСКИХЪ ВОТЧИНЪ НА РУСИ ВЪ XVI ВѢКѢ.

Ни законодательство, ни литературная полемика XVI вѣка, направленные противъ монастырскаго землевладѣнія, не привели къ положительному результату. Не смотря на пронесшуюся надъ нимъ бурю полемики, принципъ монастырскаго землевладѣнія остался непоколебленнымъ, огражденный религіозно-нравственнымъ міросозерцаніемъ общества; оно придаю стойкость тѣмъ шаткимъ и натянутымъ каноническимъ основаніямъ, на которыя опирались защитники монастырскаго землевладѣнія. Противники послѣдняго въ своей полемикѣ перебрали всѣ возможныя точки зрѣнія, исчерпали весь возможный запасъ аргументовъ; для самихъ иноковъ земельныя владѣнія и сопряженныя съ ними житейскія заботы отдаляли достиженіе высоты аскетическаго идеала, въ глазахъ общества умаляли нравственно-учительное значеніе монастырей, какъ школъ нравственности и истинно-христіанской жизни, а у государства отнимали значительную долю тѣхъ средствъ, съ которыми оно создавало свою военную организацію. Но въ то время, какъ безпокойныя умы горячо обсуждали всѣ эти вопросы, религіозно-нравственными идеалами общества они рѣшены были въ благопріятномъ для монастырей смыслѣ. „Устроеніе“ души стало господствующею нравственною заботой общества, постриженіе и вѣчное поминованіе—необходимыми средствами душевнаго спасенія, монастырь—главнымъ посредникомъ между небесной и земной жизнью, а земельныя и денежныя вклады—лучшимъ обезпеченіемъ правльнаго дѣйствія этихъ средствъ.

Но съ принципиальнымъ вопросомъ—быть или не быть монастырскому землевладѣнію—связывался рядъ частныхъ вопросовъ, хотя и

не столь щекотливыхъ, но все-таки весьма важныхъ для интересовъ государства и общества.

Каждый монастырь, крупный вотчинникъ, связанъ былъ съ міромъ сложною сѣтью поземельныхъ отношеній, основанныхъ на своеобразномъ сочетаніи духовныхъ потребностей общества и его экономическихъ интересовъ. Припомнимъ вкратцѣ тѣ оригинальные способы, которыми забота объ устроении будущей жизни соединялась съ матеріальными хлопотами объ остающемся срокѣ жизни земной.

Духовное завѣщаніе въ древней Руси имѣло гораздо болѣе широкое значеніе и смыслъ, чѣмъ въ настоящее время. Древне-русскій человѣкъ въ своей „душевной грамотѣ“ не только ликвидировалъ свои житейскія дѣла, но и устраивалъ будущую жизнь. Въ числѣ обычныхъ мотивовъ къ составленію духовнаго завѣщанія—ожиданія смерти, тяжелой болѣзни, отравленія на опасное предпріятіе или службу—большое значеніе имѣло то одностороннее и своеобразное представленіе о средствахъ душевнаго спасенія, по которому правильное дѣйствіе этихъ средствъ должно было обезпечиваться матеріально. Если, такимъ образомъ, достиженіе душевнаго спасенія поставилось въ зависимость отъ того, какъ распорядится человѣкъ при жизни своимъ имуществомъ, то понятно, что онъ задолго до смерти старался обезпечить какъ можно болѣе средствъ для достиженія высшей цѣли своего существованія. Земля, отдаваемая монастырю „вѣчнаго ради спасенія и небесныхъ благъ наслажденья“, въ большинствѣ случаевъ не сразу поступала въ полное обладаніе и пользованіе монастыря. Отдавая часть своей вотчины на поминъ души, завѣщатель обыкновенно выговаривалъ себѣ право жить въ той вотчинѣ и владѣть ею до смерти, „до живота“, какъ выражаются памятники того времени. Духовныя, данныя, вкладныя и тому подобныя грамоты очень рѣдко указываютъ въ точности на то, какъ въ подобныхъ случаяхъ разграничивались права завѣщателя вотчинника и монастыря, было ли это владѣніе „до живота“ только пользованіемъ доходами съ вкладной вотчины, или въ немъ сохранялись еще какіе-нибудь элементы прежняго вотчиннаго права. Туманность обоюдныхъ отношеній монастыря и завѣщателя зависитъ, впрочемъ, не столько отъ скудости источниковъ, сколько вообще отъ той неопредѣленности и хаотичности, какія господствовали въ вотчинныхъ правахъ и поземельныхъ отношеніяхъ древней Руси. Можно думать, что и на самомъ дѣлѣ поземельныя владѣльческія отношенія, создаваемыя подобными завѣщаніями и вкладами, были очень разнообразны. Иногда

завѣщатель ставитъ себя какъ бы въ зависимость отъ милости и благоволенія монастырскихъ властей: „и игумену съ братіей меня пожаловати, изъ той моей вотчины меня не высылати до живота“; иногда онъ проявляетъ большую самостоятельность и прямо говоритъ о пожизненномъ *владѣніи* вкладной вотчиной, крестьянами и всякими угодыями. Имѣемъ и прямыя указанія на то, что это было дѣйствительно владѣніе, а не только пользование доходами; завѣщатель, оставившій за собой право жить въ отказанной монастырю вотчинѣ до живота, по старости отказывается отъ владѣнія ею, а себѣ выговариваетъ у монастыря уплату извѣстнаго ежегоднаго оброка, натурального и денежнаго.

Вкладъ земель на поминъ души обусловливался прежде всего побужденіями чисто нравственными. Но, помимо религіозно-нравственныхъ связей, между монастыремъ и міромъ существовали не менѣе крѣпкія и сложныя связи противоположнаго свойства. Въ XV—XVI вѣкахъ, въ эпоху быстрыхъ и глубокихъ перемѣнъ въ экономическомъ положеніи русскаго общества, экономическое положеніе монастырей не подвергалось такимъ рѣзкимъ и глубокимъ колебаніямъ. Въ XVI вѣкѣ, съ прикрѣпленіемъ крестьянства къ землѣ, средняго и высшаго классовъ къ службѣ, монастырь представлялъ самый чистый типъ землевладѣльца и капиталиста. Благодаря этому онъ сдѣлался для общества посредникомъ не только въ устройствѣ будущей жизни, но и въ превратностяхъ земной. Исполненіе его религіозно-нравственныхъ обязанностей зачастую тѣсно соединялось съ разными финансовыми операціями. Отдача вотчины въ монастырь на поминъ души часто соединялась съ сдѣлкой займа. Поправляя свое разстроенное состояніе займомъ у монастыря и закладывая свою вотчину, залогодатель не упускалъ изъ виду и интересовъ своей души, назначая заложенную вотчину монастырю на поминъ души послѣ смерти. Бывало и наоборотъ. Устраивая свою душу, отдавая вотчину монастырю, вкладчикъ бралъ за нее „скупъ“ или „сдачу“, извѣстную сумму денегъ для уплаты долга. Съ своей стороны монастырь также эксплуатировалъ свои земли, отдавая ихъ на разныхъ условіяхъ въ пожизненное владѣніе. Кромѣ земельныхъ вкладовъ въ обезпеченіе вѣчнаго поминовенія вносились также и денежные; такимъ вкладчикамъ монастырь уступалъ въ пожизненное владѣніе свои земли, часто налагая обязанность привести данную землю „изъ пуста въ живо“, въ культурное состояніе. Наконецъ, монастырь отдавалъ свои земли, преимущественно пустыя, въ пожизненное владѣніе

на оброкъ или безвозмездно, но съ обязательствомъ разработать и населить пустоши. Иногда этотъ трудъ и его результаты какъ бы замѣняли вкладъ, земельный или денежный, и монастырь, принимая обратно свою вотчину отъ временнаго владѣльца, обязывался помянуть его душу наравнѣ съ прочими вкладчиками ¹⁾).

Уже изъ этой краткой характеристики поземельныхъ отношеній монастыря XVI вѣка видно, что ихъ происхожденія нельзя объяснять такъ, какъ объясняли писатели современники, полемизировавшіе противъ монастырскаго землевладѣнія, принимавшіе слѣдствіе за причину. По ихъ мнѣнію, земельныя богатства монастырей росли потому, что иноки были алчны и распущены нравственно, тогда какъ въ дѣйствительности нравственный упадокъ монашества XVI вѣка былъ слѣдствіемъ, а не причиной его богатства. Корни разсмотрѣнныхъ отношеній лежали глубоко въ своеобразномъ нравственномъ идеалѣ общества и въ ненормальныхъ условіяхъ его экономическаго быта, сдѣлавшихъ монастырь самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ и капиталистомъ. Нельзя, поэтому, согласиться и съ проф. Павловымъ, который объясняетъ большое развитіе этихъ поземельныхъ отношеній вѣбшнюю и совершенно случайною причиной: страхомъ опалъ и казней въ извѣстную эпоху царствованія Грознаго. „Страхъ опалъ и казней,—говоритъ онъ,—побуждалъ вотчинниковъ вступать въ различныя тайныя сдѣлки съ монастырями, чтобы на черный день сохранить что нибудь себѣ или своимъ семействамъ. Всего чаще совершалась, кажется, купля-продажа подъ видомъ отказа по душамъ. предварительнаго вклада на постриженіе, займа подъ залогъ вотчинъ на потребности службы и т. п.“ ²⁾). Но всѣ подобныя сдѣлки были широко развиты и до эпохи казней и не прекратились вмѣстѣ съ нею.

Такимъ образомъ кругомъ монастыря устраивался рядъ пожизненныхъ владѣльцевъ, сидѣвшихъ или на земляхъ, отданныхъ ими монастырю, или на земляхъ, данныхъ имъ монастыремъ. При шаткости и невыработанности вотчинныхъ правъ XVI вѣка отношенія монастыря къ временнымъ владѣльцамъ его земель должны были доставлять много матеріала для поземельныхъ тяжбъ, которыя давали

¹⁾ Предполагая въ другой работѣ сдѣлать болѣе подробный разборъ поземельныхъ отношеній монастыря и міра въ XVI вѣкѣ, не цитируемъ источниковъ, изданныхъ и неизданныхъ, на которыхъ основаны настоящія строки.

²⁾ Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, ч. I, стр. 160.

сильное оружіе въ руки противниковъ монастырскаго землевладѣнія и заставили царя предложить стоглавному собору вопросъ: „а чернцы по селамъ живутъ да въ городѣ тяжутся о земляхъ, достойно ли то“? Въмѣстѣ съ тѣмъ отдача монастырю земли съ правомъ пожизненнаго владѣнія ею могла служить удобнымъ средствомъ для частныхъ землевладѣльцевъ выводить землю изъ службы, на что такъ жаловалось правительство XVI вѣка. Во всякомъ случаѣ совмѣщеніе правъ монастыря и служилаго человѣка на одну и ту же землю должно было сильно спутывать правительственную регистрацію службы съ земли.

Законодательство XVI вѣка, озабоченное преимущественно непомирнымъ ростомъ монастырскаго землевладѣнія въ ущербъ служилому, крайне неравномерно охватывало всю совокупность поземельныхъ отношеній монастырей и частныхъ лицъ; оно сосредоточивалось почти исключительно на самомъ фактѣ перехода частновладѣльческихъ земель въ руки монастырей, стремилось ограничить этотъ переходъ извѣстными предѣлами и мало обращало вниманія на образованіе вокругъ монастырей зависимаго, временнаго землевладѣнія частныхъ лицъ. Только при царѣ Федорѣ состоялся царскій указъ и боярскій приговоръ объ одной формѣ поземельныхъ сдѣлокъ между монастыремъ и частными лицами, именно, о дачѣ земель въ пожизненное владѣніе за денежный вкладъ. Указъ этотъ неизвѣстенъ изъ печатныхъ источниковъ и сохранился въ одной частной неизданной грамотѣ. Въ 1590 году нѣкто Василій Большой Никитинъ Пановъ далъ Троице-Сергіеву монастырю отпись, въ которой, между прочимъ, говоритъ: „что была за мною вотчина Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря въ Московскомъ уѣздѣ, въ Боховѣ стану, сельцо Якушкино съ деревнями, дана была мнѣ за вкладъ, а вкладу было моего у Троицы 100 рублей, и *нынѣшняго 98 году по государеву указу и по боярскому приговору тѣ вотчины Троицкія, которая даваны за вкладъ, вельно имати въ монастырь, а деньги отдавати назадъ, хто похочетъ*“... Троицкія власти возвратили Василю ради его скудости 80 рублей, а 20 удержали за помянанье. Василій обязуется привезти монастырю данную отпись на сельцо, которая хранится у него въ помѣстьѣ, въ Ярославль ¹⁾).

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія о поземельныхъ отношеніяхъ мона

¹⁾ Сборникъ Троице-Сергіевой Лавры № 630, л. 58 об. Еще подобный случай возвращенія монастырю вотчины, данной за вкладъ, *ibid.*, л. 584.

стыря XVI вѣка, мы можемъ обратиться къ разбору нѣкоторыхъ данныхъ о конфискаціи монастырскихъ вотчинъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, въ послѣднемъ десятилѣтіи этого вѣка. Въ первомъ томѣ „Писцовыхъ книгъ Московскаго государства XVI вѣка“, изданныхъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ подъ редакціей Н. В. Калачева, напечатанъ рядъ описаній вотчинъ Троице-Сергіева монастыря, произведенныхъ почти одновременно, въ 7101 и 7102 годахъ. Неизвѣстенъ только въ точности годъ составленія первой изъ этихъ книгъ Троицкихъ вотчинъ Московскаго уѣзда ¹⁾. Основываясь на сходствѣ этой книги съ другой, составленной въ 7102 году и представляющей дополнителныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ и сошномъ писемъ, можно думать, что она составлена до 7102 года и можетъ быть, въ предшествующемъ году, когда и другія описанія Троицкихъ вотчинъ, а вторая книга есть приправочная опись по отношенію къ первой. Специальное описаніе Троицкихъ вотчинъ въ 7101 и 7102 годахъ произведено было въ Московскомъ, Рузскомъ, Звенигородскомъ, Дмитровскомъ, Владимірскомъ, Переяславскомъ Залѣскомъ, Юрьево-Польскомъ, Суздальскомъ, Муромскомъ, Костромскомъ, Солигалицкомъ уѣздахъ. Описанія вотчинъ уѣздовъ Муромскаго, Суздальскаго, Юрьево-Польскаго, Владимірскаго произведены были одними писцами, Яковомъ Петровичемъ Вельяминовымъ и подъячимъ Ѳеодоромъ Андреевымъ.

Общность происхожденія всѣхъ этихъ книгъ явствуетъ не только изъ внѣшнихъ признаковъ, на примѣръ, одновременности составленія, но также изъ одного общаго характера и типа описанія. Съ какою же цѣлью произведена была эта общая одновременная перепись троицкихъ вотчинъ въ разныхъ уѣздахъ? Какъ извѣстно, обыкновенно при производствѣ переписей съ главной, специальной цѣлью, преслѣдовались и разныя другія. Разсматриваемыя писцовыя книги отличаются большимъ богатствомъ содержанія. Кромѣ обычныхъ свѣдѣній о населеніи и разныхъ категоріяхъ земель, онѣ сообщаютъ драгоценный матеріалъ для исторіи монастырскаго хозяйства, отношеній монастыря—вотчинника къ его крестьянамъ, копій съ разныхъ вотчинныхъ крѣпостей и, наконецъ, собственно интересующія насъ данныя объ описаніи монастырскихъ вотчинъ на государя.

Эта конфискація многихъ троицкихъ вотчинъ во время переписи 7101—7102 гг. почти совсѣмъ не подвергалась изученію въ ученой

¹⁾ Писц. кн., т. I, стр. 53—96.

литературѣ, и смыслъ ея остается совершенно невыясненнымъ. С. М. Середонинъ подтверждаетъ сообщеніе Горсея о секуляризаціи Іоанномъ Грознымъ монастырскихъ земель послѣ собора 1580 года нѣсколькими примѣрами изъ первой писцовой книги Троицкихъ вотчинъ Московскаго уѣзда и такъ объясняетъ ихъ: „отписаны вотчины, которыя монастырь далъ во владѣніе другимъ лицамъ, при чемъ иногда указанъ оброкъ, который эти лица платили въ монастырь, иногда не указанъ. Позволительно думать, что съ одной стороны правительство въ первые годы, по крайней мѣрѣ, строго слѣдило за исполненіемъ соборнаго приговора 1581 года ¹⁾, запретившаго богатымъ монастырямъ принимать новые земельные вклады, но съ другой стороны, такъ какъ отписывались иногда земли, занесенныя уже за монастыремъ въ предшествовавшую опись въ приправочныя книги, и такъ какъ отписаны только тѣ вотчины, которыя монастырь далъ отъ себя другимъ лицамъ на оброкъ, то можно думать, что правительство приказало отписывать излишнія монастырскія земли, которыми монастырь управлялъ не самъ, а отдавалъ ихъ на оброкъ, что могло служить показателемъ чрезмѣрности монастырскихъ земельныхъ богатствъ“ ²⁾.

Н. Д. Чечулинъ въ предисловіи къ вышедшему недавно указателю къ Писцовымъ книгамъ, изданнымъ Географическимъ Обществомъ, даетъ краткую характеристику данныхъ объ отписаніи монастырскихъ вотчинъ; „при бѣгломъ обзорѣ этихъ данныхъ,—говоритъ онъ,—ясно видны проявленія той заботы объ ограниченіи роста монастырскихъ земель, которая не покидала московское правительство въ теченіе второй половины XVI вѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что при этомъ возникало множество частныхъ, различнымъ образомъ разрѣшавшихся правительствомъ по причинамъ, намъ не всегда яснымъ“; „мы встрѣчаемъ тутъ внимательную и строгую провѣрку правъ монастыря на собиравшіяся у него земли“ ³⁾.

Когда же вотчинныя права монастыря признавались безусловно и въ какихъ случаяхъ происходила конфискація?

¹⁾ Г. Середонинъ вездѣ употребляетъ невѣрную хронологическую дату собора, 1581 годъ вмѣсто 1580 года, ссылаясь на испорченный и неполный текстъ приговора, напечатанный въ А. А. Э. I, № 308, а не на подлинникъ, напечатанный въ С. Г. Г. и Д., I, № 200.

²⁾ Сочиненіе Дж. Флетчера: *Of the Russe common Wealth*, какъ историческій источникъ, стр. 29—30.

³⁾ Писцовыя книги, изд. Имп. Рус. Геогр. Общ., ч. I, Указатель, 1895 г., XLIV—XLV.

Земля оставалась за монастыремъ прежде всего тогда, когда онъ могъ оправдать свои права на нее необходимыми документами. Такъ во Владимірскомъ уѣздѣ были описаны „Троицы жъ Живоначальныя Сергіева монастыря земли, которые въ прежнихъ писцовыхъ и въ дзорныхъ книгахъ писаны за вотчинники, и они тѣ свои вотчины давали къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь вкладу по своимъ душамъ, и данныя на тѣ вотчины дали, и по тѣмъ даннымъ тѣ вотчины велико писати за монастыремъ“¹⁾). Въ Переяславскомъ уѣздѣ права монастыря на вотчины провѣрялись на основаніи старыхъ приправочныхъ книгъ и документовъ, предъявляемыхъ на мѣстѣ монастырскими властями. Отсутствие послѣднихъ документовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣло послѣдствіемъ отписанія вотчины, если она была записана за монастыремъ въ старой приправочной книгѣ²⁾). Наоборотъ, отсутствие вотчины въ тѣхъ книгахъ и вотчинныхъ крѣпостяхъ, которыми были снабжены писцы, даже при наличности оправдательныхъ документовъ, предъявляемыхъ монастырскими властями, подвергало права монастыря серьезному сомнѣнію и влекло отписаніе вотчины. Такъ въ книгахъ Владимірскаго, Юрьева Польскаго, Муромскаго уѣздовъ находимъ слѣдующія рубрики: „Троицы жъ Живоначальныя Сергіева монастыря архимандритъ съ братьею владѣютъ землями по государевымъ жалованнымъ грамотамъ, иными по даннымъ и по купчимъ, а въ книгахъ и въ вотчинныхъ крѣпостяхъ, каковы даны Якову Вельямнову и подъячому Ѳедору Андрееву, тѣ земли за монастыремъ не написаны, и тѣ земли писаны за монастыремъ же, а до государева указа отписаны на государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Руси“³⁾). Спрашивается, чѣмъ вызвано было отписаніе этихъ вотчинъ, если монастырь имѣлъ такія несомнѣнныя доказательства своихъ правъ, какъ данныя, купчія и даже государевы жалованныя грамоты, и не стоитъ ли этотъ случай отписанія вотчинъ въ противорѣчіи съ тѣми вышеприведенными случаями, когда земля оставалась за монастырями по такимъ же даннымъ, вкладнымъ, купчимъ и другимъ документамъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно. Первое предположеніе, которое напрашивается само собою, заключается въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ примѣненіемъ закона, постановлен-

¹⁾ Писц. кн., т. I, стр. 789, 794; также 805, 876, 879.

²⁾ Ibid., стр. 827, 831, 832.

³⁾ Ibid., стр. 796, 855, 881.

наго на соборахъ 1580 и 1584 годовъ объ отобраніи у монастырей и церковныхъ властей всѣхъ земель, которыя будутъ приобрѣтены ими послѣ 1580 года ¹⁾. Но такое предположеніе должно быть отвергнуто, потому что отписаны были въ данномъ случаѣ вотчины, которыя приобрѣтены были монастыремъ и до 1580 года ²⁾. Не могло быть также основаніемъ конфискаціи и приобрѣтеніе монастыремъ вотчинъ безъ вѣдома государя, что неоднократно запрещалось указами XVI вѣка; отписаны были и тѣ вотчины, на которыя у монастыря были государевы жалованныя грамоты, выданныя изъ приказовъ (Большаго Дворца, Помѣстнаго) за приписыми дьяковъ ³⁾. Остается одно предположеніе, что конфискація въ разбираемомъ случаѣ вызвана была неисполненіемъ того общаго правила при укрѣпленіи правъ на приобрѣтенное имущество, по которому всѣ акты должны были удостовѣряться въ надлежащемъ приказѣ и тамъ записываться ⁴⁾. И дѣйствительно, въ разсматриваемомъ случаѣ вотчины были отписаны временно, до государева указа, только потому, что документы не были записаны въ тѣ книги и вотчинныя крѣпости, которыми были снабжены писцы. Если, такимъ образомъ, несоблюденіе сравнительно второстепенной формальности подвергало сомнѣнію вотчинныя права монастыря, то тѣмъ строже должна была отнестись перепись къ правамъ на тѣ вотчины, на которыя не оказывалось совсѣмъ крѣпостей. Такія вотчины, которыя не были записаны въ книги и вотчинныя крѣпости, имѣвшіяся у писцовъ, и на которыя сами монастырскія власти не могли положить никакихъ документовъ, разумѣется, отписывались ⁵⁾. Въ одномъ случаѣ, однако, такая вотчина записана за монастыремъ безъ всякой оговорки ⁶⁾. Наконецъ, отписаны были временно и земли, находившіяся въ спорѣ ⁷⁾.

Итакъ перепись 7101—7102 годовъ не имѣла цѣлью произвести конфискацію тѣхъ Троицкихъ вотчинъ, владѣніе которыми представ-

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. Т. I, №№ 200, 202.

²⁾ Писц. кн., т. I, стр. 798, и прим. 3, 799 и прим. 2, 801, и прим. 4, и слѣдующія страницы.

³⁾ Ibid., стр. 797, 800.

⁴⁾ А. Э. I, № 246. Л. II, I, № 154, IX; *Неволинъ*, Полн. Собр. Соч., IV, 53—54; *Энгельманъ*, О приобрѣтеніи права собственности на землю и т. д., стр. 57, 71 и слѣд., 74 и слѣд.

⁵⁾ Писц. кн., I, 71, 86, 891.

⁶⁾ Ibid., 806.

⁷⁾ Ibid., 65, 70.

ляло нарушение соборныхъ приговоровъ 1580 и 1584 годовъ. Государство не только признало дѣйствительными пріобрѣтенія, сдѣланныя монастыремъ послѣ 1580 г., но не разъ утверждало эти пріобрѣтенія своими жалованными грамотами ¹⁾. Писцы только проверяли крѣпости и законный порядокъ ихъ совершенія.

Обращаемся къ рассмотрѣнію тѣхъ случаевъ, когда писцамъ приходилось встрѣчаться съ монастырскими землями, находящимися во временноиъ и условноиъ владѣніи разныхъ лицъ. Посмотримъ прежде всего, какъ поступили писцы съ данными, вкладными вотчинами, оставленными во владѣніи вкладчиковъ „до живота“. Эти вотчины оставлены были въ покоѣ, то-есть, записаны за монастыремъ съ отмѣткой о владѣніи ими старыхъ вотчичей, если только въ данныхъ и вкладныхъ были выговорены вкладчиками такія условія. Напримѣръ, въ Жегаловской волости Владимірскаго уѣзда за Троицкимъ монастыремъ сельцо Симаново, данное Кузьмой Даниловымъ: „да въ томъ же въ сельцѣ дворъ стараго вотчинника Кузмы Данилова, и Кузьма Даниловъ сказалъ, что въ томъ сельцѣ дали ему изъ монастыря до его живота выть земли, потому что та его вотчина старинная, и государевы подати платитъ онъ съ монастырскими крестьяны вмѣстѣ“. Въ Костромскомъ уѣздѣ дана была монастырю въ 7087 году Василиемъ Родивонымъ треть села Кулигъ, въ моментъ переписи находившаяся во владѣніи Васильевой жены и сына, потому что таково было условіе, выговоренное вкладчикомъ: „а владѣть по данной Васильевѣ женѣ Оленѣ и сыну Васильеву Оеанасью до ихъ живота, а какъ Олены не станетъ, и сына Васильева Оеанасья, и та дача Васяля Родіонова въ домъ Живоначальны Троицы и чюдотворцу Сергію и Никону по прежней (sic) даной въ монастырь“. Такимъ образомъ перепись не нарушала условій, заключенныхъ монастыремъ съ вкладчикомъ ²⁾. Но монастырь и вкладчикъ, владѣвшій своей бывшей вотчиной до живота, должны были представить писцамъ документальныя доказательства заключеннаго условія. Въ противномъ случаѣ вотчина отписывалась на государя. Напримѣръ, въ книгѣ Муромскаго уѣзда находимъ: „Сергіева монастыря земли, которые въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ написаны за вотчинники, и они тѣ свои вотчины дали къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь вкладу по своимъ

¹⁾ Вотчинныя крѣпости послѣ 1580 г.—*ibid.*, 797, 800, 801, 805, 806, 882, 883, 884.

²⁾ *Ibid.*, 791, 901, 902, 918.

душамъ, и даные на тѣ земли дали, и по тѣмъ даннымъ тѣ вотчины велѣно писати за монастыремъ, а нынѣ тѣми землями владѣють старыя вотчинники, а до государева указа отписаны на государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи“. Почему эти вотчины отписаны, объясняется ниже; такъ объ одной изъ нихъ „въ обыску сказали: деревнею Пожариновою Василевымъ всею владѣють старыя вотчинники Ѳедоръ, да Микита, да Назимъ Бѣляницыны дѣти, да Иванъ Ивановъ сынъ Опраксыни, а тою не вѣдаютъ, почему владѣють, а Троицы Сергіева монастыря тою деревнею не владѣють ничѣмъ“; точно также и про другую вотчину „въ обыску сказали: треть сельца Кочкина-Копнина, была вотчина Ованасья Опраксина, а нынѣ тою третью владѣеть сынъ его Семень Опраксинъ, а того не вѣдаютъ, почему владѣеть; а Троицкіе Сергіева монастыря тою третью (не) владѣють“¹⁾. Точно также во Владимірскомъ уѣздѣ было отписано на государя сельцо Козлово съ деревнями, данное монастырю въ 7084 году Василиемъ Осорьиннымъ, „а владѣеть тѣмъ сельцомъ съ пустоши Иванъ Осорьянъ и живутъ въ немъ Ивановы люди Осорьяна, и то сельцо съ деревнями отписано на государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи до государева указа, потому что сельцо съ пустоши въ книгахъ дано за Троицкимъ монастыремъ, а владѣеть тою вотчиною Иванъ Осорьянъ, а крѣпости на тою вотчину и выкупные изъ монастыря не положилъ“²⁾. Ясно отсюда, что и въ этихъ случаяхъ конфискація была вызвана несоблюденіемъ формальныхъ условій при отдачѣ монастыремъ земель въ пожизненное владѣніе старымъ вотчачамъ, отсутствіемъ документовъ, крѣпостей. Самая же возможность и законность подобныхъ сдѣлокъ вкладчиковъ съ монастыремъ не отрицалась.

Болѣе другихъ отписано было у монастыря такихъ земель, которымъ „по дачемъ монастыря“ владѣли до живота не старыя вотчинники, а постороннія лица, при чемъ это владѣніе иногда было безвозмезднымъ, иногда соединялось съ платой оброка. Какой собственно мотивъ руководилъ конфискаціей этихъ земель, очень трудно рѣшить по тѣмъ примѣрамъ, которые находятся въ писцовой книгѣ Московскаго уѣзда, принципиальная ли незаконность подобныхъ сдѣлокъ, отсутствіе ли необходимыхъ документовъ или спорность правъ монастыря на отдаваемые имъ въ пожизненное владѣніе постороннимъ

¹⁾ Ibid., 879—880.

²⁾ Ibid., 794—795.

лицамъ земли. Ни одинъ изъ этихъ мотивовъ нельзя выдвинуть впередъ, сравнительно съ другими ¹⁾). Въ одномъ случаѣ монастырская вотчина, которою владѣлъ князь Андрей Телятевскій „по дачемъ монастыря“, была оставлена за нимъ по государственной грамотѣ, значить по особому специальному распоряженію, такъ какъ всѣ общія инструкціи писцамъ назывались государственными указами и наказами ²⁾).

Но не мало также было случаевъ въ Московскомъ и другихъ уѣздахъ, когда подобныя вотчины, отданныя въ пожизненное владѣніе, безвозмездно или съ платой оброка, разнымъ лицамъ, постороннимъ или вкладчикамъ, слугамъ, были оставлены въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ заставляла ихъ перепись, и избѣгали конфискаціи.

Какъ же были разрѣшены всѣ поднятые переписью вопросы и недоумѣнія, и какова была судьба отписанныхъ вотчинъ? Въ самомъ текстѣ писцовыхъ книгъ относительно одной группы отписанныхъ на государя вотчинъ въ Муромскомъ уѣздѣ сдѣлана приписка: „а нынѣ тѣ земли пожаловалъ государь въ Троицкой монастырь по прежнему“ ³⁾). Далѣе сохранился рядъ грамотъ 7104—7106 годовъ губнымъ старостамъ, городovýmъ приказчикамъ и подъячимъ владимирскимъ, переяславскимъ, муромскимъ, юрьевопольскимъ, суздальскимъ, русскимъ съ предписаніемъ возвратитъ Троице-Сергіеву монастырю тѣ вотчины, которыя были раньше отписаны у монастыря, и иногда тѣми самыми властями, которымъ адресованы эти царскія позднѣйшія грамоты. Большинство изъ возвращенныхъ монастырю вотчинъ названы въ рассмотрѣнныхъ нами писцовыхъ книгахъ. Двѣ грамоты въ Суздаль и Юрьевъ-Польскій 1592 и 1596 годовъ даютъ основаніе предполагать, что конфискаціи подвергались вотчины не одного Троице-Сергіева монастыря, но и другихъ, напримѣръ, Спасо-Евфимьева. Виѣстѣ съ тѣмъ онѣ разъясняютъ смыслъ рассмотрѣнныхъ конфискацій, показывая, что послѣднія были произведены съ цѣлью болѣе правильнаго устройства поземельныхъ отношеній между монастыремъ и частными лицами. Первая изъ этихъ грамотъ, послушная крестьянамъ двухъ деревень Суздальскаго уѣзда, объясняетъ: „что были тѣ деревни Спасо-Евфимьева монастыря, а владѣли тѣми деревнями

¹⁾ Ibid., 61—62, 65, 69—70, 77—78, 83—85, 282.

²⁾ Ibid., 59.

³⁾ Ibid., 881, примѣчаніе I.

Нечай да Иванъ Якимовы дѣти Булатова, а нынѣ отписаны на насъ. всѣмъ крестьянамъ, которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ. Пожаловалъ есми тѣми деревнями Спасо-Евфиміева монастыря архимандрита Левкея съ братьею, а Нечаю да Ивану Булатовымъ велѣли отдати денги по ихъ вкладной: и вы бѣ всѣ крестьяне, которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ, архимандрита Левкея съ братьею слушали во всемъ по прежнему, пашню на нихъ пахали и доходъ имъ платили". Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ примѣненіемъ уже знакомаго намъ царскаго указа и боярскаго приговора о запрещеніи давать изъ монастырей вотчины частнымъ лицамъ за денежные влады. Другая грамота въ Юрьевъ-Польскій губному старостѣ предписываетъ возвратить Спасо-Евфиміеву монастырю старинную его вотчину, два села и пустошь: „и прежней де архимандритъ Іовъ тѣ села и пустошь далъ владѣти, по свой животъ, Демиду Черемиснову, а нынѣ де тѣ села и пустошь отписаны на насъ, до нашего указу; и намъ бы его пожаловати, велѣти ему тѣ села и пустошь отдати назадъ“¹⁾. Итакъ, перепись монастырскихъ вотчинъ при Оедорѣ Ивановичѣ, сопровождавшаяся конфискаціей многихъ изъ нихъ, на сколько можно судить по сохранившимся даннымъ, ни въ чемъ не измѣнила поземельныхъ отношеній монастыря; отписанныя вотчины снова возвращались въ его владѣніе.

Мы разсмотрѣли по отдѣльнымъ группамъ всѣ тѣ поземельныя отношенія Троице-Сергіева монастыря, свѣдѣнія о которыхъ сохранили писцовыя книги 7101—7102 годовъ, и тѣ мѣры, которыя приняты были правительствомъ при переписи. Хотя нѣкоторые случаи конфискаціи монастырскихъ земель съ трудомъ поддаются точному объясненію, можно, по нашему мнѣнію, рѣшительно и безошибочно опредѣлить общій характеръ и значеніе разсмотрѣнной переписи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ секуляризацией монастырскихъ вотчинъ, а съ ревизіей вотчинныхъ правъ монастыря и временныхъ владѣльцевъ его земель, вызванной необходимостью выяснить и правильнѣе устроить тѣ сложныя поземельныя отношенія, которыя завязывались между монастыремъ и міромъ. Однако предпринятая ревизія была только подгото-

---

¹⁾ А. И., I, №№ 243, 249. Царскія грамоты мѣстнымъ властямъ другихъ уѣздовъ въ Сборникѣ грамотъ Троице-Сергіевой лавры, № 530, лл. 482, 657, 850 об., 934 об., 999 об.

вительной мѣрой, имѣла цѣлью только собрать необходимый матеріалъ для рѣшенія задачи; сама же по себѣ перепись не устанавливала никакого прочнаго порядка. Очевидно, что правительство само не могло дать писцамъ опредѣленныхъ инструкцій на всѣ сомнительные случаи поземельныхъ отношеній, какіе имъ предстояло встрѣтить. если отписывались вотчины на государя только временно, „до государеву указу“¹⁾).

С. Рождественскій.

---

¹⁾ Писцовыя книги, I, 796, 855, 879, 881, 891.

ЗАМѢТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКѢ.

I.

Вопросъ объ условіяхъ образованія и о судьбахъ звука *ж* въ славянскомъ языкѣ въ послѣднее время выдвинулся впередъ, благодаря статьѣ Уленбека въ XVI томѣ *Archiv für slavische Philologie*. Такъ какъ онъ еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія, то, кажется, будетъ не лишнимъ представить здѣсь нѣкоторыя относящіяся къ нему замѣчанія.

До сихъ поръ ученые, касавшіеся этого вопроса, не принимали во вниманіе возможности ассимиляціи звука *ж* съ послѣдующими согласными. Между тѣмъ извѣстно, что звукъ *и* въ рядѣ русскихъ словъ, внутри ихъ, ассимилировался съ послѣдующимъ *н*: *двинуть*, *тронуть* и т. п. ¹⁾; позволительно думать, что ассимиляція въ группѣ *ин* произошла не на русской, а на обще-славянской почвѣ, и что слова вроде *двинуть* нѣкогда были во всѣхъ славянскихъ языкахъ ²⁾. Равнымъ образомъ есть основаніе подозрѣвать, что звукъ *ж* также ассимилировался съ послѣдующимъ *н*: польск. *łuna* (заревъ) при *лучъ* и т. п., великорусскія областныя *торнуть*, *толнуть* рядомъ съ *торжнуть*, *толжнуть*, и что ассимиляція въ группѣ *жн* также принадлежитъ обще-славянской эпохѣ. А въ виду этого можно предполагать, что *ж* подверглось ассимиляціи съ послѣдующимъ *н*, и что группа *жн* превратилась въ *н*. Данные подтверждаютъ это предположеніе: славянское вѣно давно уже сопоставляется съ санскрит-

---

¹⁾ Наши „Лекціи по исторіи русскаго языка“ ³, стр. 31.

²⁾ Польское новообразование *łunać* *лунать* могло возникнуть изъ *lnać* лишь при условіи существованія рядомъ формъ *dwinąć и *dwiłnać* и т. п.

скимъ *vazias*, съ греческими *ῥῆνος, ῥῆνῆ*, съ латинскимъ *vēnum* (польское *wiano*, безъ *đ*, устраняетъ сопоставленіе съ *ῥῆνον*), а славянское чьрнъ — съ санскритскимъ *kr̥śnas* и съ прусскимъ *kr̥śnas* (Bogdan, Grundriss, I, 134, 446); мы можемъ вполне уяснить себѣ эти сопоставленія, допустивъ переходъ *с* въ *х* передъ *н* и ассимиляцію *х* съ *н*. Конечно, русскія *визмутъ, мазмутъ, пухмутъ* и т. п. могутъ быть признаны за новообразованія или, по крайней мѣрѣ, за подновленные фонетически, какъ *пузмутъ, толкмутъ* и т. п.

Кромѣ *этно* и *чьрнъ*, группа *хн* могла нѣкогда существовать въ обще-славянскомъ *ясемь* (сравни литовскія названія деревьевъ на *-smis*) и въ русскихъ здоровем(ь)ный, огромем(ь)ный и т. п. (сравни литовскія формы сравнительной степени на *-esmis*).

Точно также до сихъ поръ ученые вѣрили, что группы *нс* и *мс* не могутъ въ концѣ концовъ давать *х*¹⁾; они ссылались на формы аориста чрѣсь, грѣсь, чись, ясь и т. п. Но позволительно видѣть въ этихъ формахъ аориста нѣчто сравнительно новое. Древнія формы чрѣсь и т. п., прежде чѣмъ совершился переходъ *с* въ *х* (какъ въ другихъ формахъ аориста), могли подвергнуться вліянію родственныхъ формъ, сохранившихъ коренной согласный, и черезъ это возстановить въ себѣ утраченный губной или зубной, то-есть, превратиться въ чрѣисъ и т. д.; откуда съ теченіемъ времени, когда уже закончился переходъ *с* въ *х*, могло получаться опять чрѣсь и т. д. Если мы допустимъ возможность перехода группъ *нс* и *мс* въ *х*, то получимъ право сопоставлять народное названіе чехъ съ средне-верхне-нѣмецкимъ *kebse* (наложница), англо-саксонскимъ *cefes, cyfes* (наложница, дѣвка), древне-сѣвернымъ *kefsig* (рабъ)²⁾, народное названіе *ладъ³⁾ (при которомъ прилагательное *ладьскъ=польскій) съ ладо, ладина, русскія сваха, пряжа, перья⁴⁾ и т. п. съ сватать, прять, рять и т. д.

¹⁾ Сравни нашъ „Древній церковно-славянскій языкъ“, стр. 124.

²⁾ Сравни названія однихъ народовъ съ нарицательнымъ значеніемъ: рабъ и т. п. у другихъ: латинскія *geta, davus*, нѣмецкое *sklave*, французское *esclave* и т. п.

³⁾ Это названіе въ историческое время, повидимому, было утрачено польскимъ племенемъ, но потомъ опять получено имъ отъ русскихъ и чеховъ съ *а* вмѣсто *л*.

⁴⁾ Объяснить *х* въ этихъ словахъ вліяніемъ другихъ словъ нѣтъ возможности: слова на *ха* у насъ большая рѣдкость.

Одно слово появилось въ обще-славянскомъ языкѣ (можетъ быть, точнѣе: въ русскомъ говорѣ обще-славянскаго языка) сравнительно поздно, но тѣмъ не менѣе измѣнило древнюю группу *nc* въ *c*. Это названіе финскаго племени *вемсовъ* — *весь*, находящееся уже на страницахъ начальной лѣтописи. Оно позволяетъ думать, что *c* изъ *nc* получалось не только въ глубинѣ обще-славянскаго періода, но и въ ту эпоху существованія обще-славянскаго языка, когда славяне уже начали движеніе въ земли сосѣднихъ финновъ.

II.

Тредьяковскій пишетъ не *дрожать*, а *дрожжять*, на основаніи, очевидно, извѣстнаго ему произношенія этого слова. Дѣйствительно, есть великорусскіе говоры, имѣющіе *дрожжять*, а польскій языкъ знаетъ слово *drzeszcz*, которому у малоруссовъ соотвѣтствуетъ слово *дрощь*, у великоруссовъ же должно бы соотвѣтствовать слово *дрожжъ*. Этимологія приведенныхъ словъ довольно ясна: обще-славянское *дръжь* = литовское *drugis*. Такъ какъ русское двойное *жъ* можетъ восходить или къ группѣ *zd*, или къ группѣ *zi*, и такъ какъ группа *zd* на славянской почвѣ не испытываетъ измѣненій передъ мягкими гласными, то очевидно, въ приведенныхъ словахъ мы имѣемъ дѣло съ группою *zi*, въ которой *z* произошло изъ *i*; ипаче говоря, передъ нами ясный случай происхожденія группы *zi* изъ группы *zi*. Конечно, группа *zi* въ свою очередь можетъ происходить изъ группы *zi*.

Указанный нами случай образованія *zi* изъ *zi* — не единственный. Мы можемъ указать нѣсколько другихъ сходныхъ случаевъ; передъ нами слова:

обще-славянское *роза*; сравни церковно-славянское *рожьнь* (палка), *розоъ*, *розоикъ* *juncus*, русское *розожа*, греческое *ράχος*, *ρήχος* терновья вѣтвь, *розга*;

обще-славянское *дража*; сравни церковно-славянское *држгъ*, польское *draż* ¹⁾;

обще-славянское *визъ*, русское *виза*, *вижжять*; сравни сербское *вжати*;

русскія *вереза*, *верезжять*; сравни обще-славянское *вѣрчати*, русское *ворковать*, литовское *verkti* плакать;

¹⁾ Златоуструя XII вѣка: пустая мѣста я дражняная 77 (ж изъ i ?).

русское лозгъ лошина (Даль), при лозъ, ложбина;
 русское лязгъ (цѣпей), лязать; сравни греческое ἔλαχον, λάσχω
 (вмѣсто λαχ-αχω, звучу);

русское луза, вылуза; сравни чешское koželuh.

Вѣроятно, подвергнувъ тщательному анализу русскія бруза, брызгъ, брезать, мелюза, дребезя, мы найдемъ возможнымъ объяснить ихъ зъ также изъ иъ.

Если группа иъ перешла въ зъ, то группа жк (первое ж можетъ быть изъ ѣ) должна была перейти въ ск.

Дѣйствительно, рядомъ съ зъ въ родственныхъ словахъ мы имѣемъ ск и происшедшее изъ этой группы щъ:

церковно-славянское вѣшитати, русскія верескъ, верещать, польское wżask, при вереза;

русское ляскать (губами, Домострой), при лязгъ;

русское лущить, чешское luštiti, при луза.

Судя по тому, что начало измѣненія группъ *dd* и *tt* въ *zd* и *st* относится къ обще-индо-европейской эпохѣ, начало измѣненія группъ иъ и жк можетъ относиться также къ этой эпохѣ.

III.

Западно-славянскіе языки имѣютъ нѣсколько способовъ замѣны праславянскихъ сочетаній глухихъ гласныхъ съ плавными согласными. Между прочимъ, рядомъ съ замѣною древней группы *al* съ послѣдующимъ согласнымъ черезъ *e* и *o*, въ польскомъ языкѣ мы находимъ замѣну той же группы черезъ *iu* и *io*; а чешскій языкъ на мѣстѣ той же группы, рядомъ съ плавнымъ гласнымъ, имѣетъ еще *li* и *loi*. Покойный Потебня, первый обратившій серьезное вниманіе на сочетанія глухихъ гласныхъ съ плавными согласными, отмѣтилъ различіе замѣнъ группы *al* въ разныхъ западно-славянскихъ языкахъ и призналъ замѣну *al* черезъ *iu*, *io*, *li*, *loi* относительно новымъ явленіемъ („Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, I, 62). И дѣйствительно, разногласіе между западно-славянскими языками въ данномъ случаѣ столь велико, что образованіе *iu* и т. д. на мѣстѣ *al* должно считать имѣвшимъ мѣсто уже тогда, когда словацкій языкъ отдѣлился отъ чешскаго, то-есть въ историческое время. Но какъ возникли эти *iu* и т. д.?

Мы едва ли придемъ къ какому-нибудь рѣшенію вопроса, если будемъ смотрѣть на группы *iu* и т. д. какъ на происшедшія непо-

средственно изъ группы *эл* или изъ возникшаго изъ нея гласнаго *л*, но мы получимъ удовлетворительный на нашъ взглядъ отвѣтъ, предположивъ, что западно-славянскіе языки на мѣстѣ праславянской группы *эл* имѣли, подобно русскому языку, полногласную группу *эль*. Иначе говоря, намъ можетъ удасться объясненіе польскихъ *długi, tłusty, súp, słońce* и другихъ, и чешскихъ *pluk, tluciviti, tlustý, klobasa, dlouhý, sloup* и другихъ при помощи древне-русскихъ полногласныхъ *длъгъ, тлъстъ, слънце, пълънъ. мълвнѣти, стълпъ*.

Обратимъ вниманіе на удареніе словъ съ праславянскою группою *эл*. Тѣ изъ нихъ, которыя въ праславянской древности имѣли удареніе болѣе или менѣе часто на *э* передъ *л*: русск. *пѣлный, пѣлонъ, пѣлно, вѣлна* (шерсть), *пѣлзати*, ново-болг. *плѣно, влѣна, плѣнувамса*, ни въ польскомъ, ни въ чешскомъ не знаютъ *ѣ* и т. п.: полск. *pełny, wełna, pełzać*, чешск. *plný, vlna, plzniti*. Тѣ затѣмъ слова, которыхъ удареніе въ древности колебалось, смотря по падежнымъ и другимъ формамъ: русск. *хѣлмъ* — *холмъ, холмистый*, *пѣлкъ* — *полкъ, полковой, ополчаться*, имѣютъ *еѣ, оѣ* въ польскомъ языкѣ: *chełm, półk* и родственныя, и *ѣ* въ чешскомъ: *chlum, pluk* и родственныя. Наконецъ, слова, имѣвшія удареніе постоянно или болѣе или менѣе часто не на *э* передъ *л*, а на одномъ изъ послѣдующихъ слоговъ: великорусск. *областн. толстой, малорусск. товстий, русск. толщина, толстѣть, толмачъ, колбаса*, ново-болгарск. *слънцѣ-то*, и въ польскомъ, и въ чешскомъ знаютъ *ѣ* и т. д.: полск. *tłusty, tłumacz, słońce* и родственныя, чешск. *tlustý, slunce, klobasa* и родственныя; сравни также великорусск. *областн. долгой, долго, надолгъ, бѣлорусск. довгими ногами, Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, III, 276, долготъ, должати, столпъ—столпъ, столповой*, и польск. *długi, súp* съ родственными, чешск. *douhý, sloup* съ родственными.

Въ виду этого мы имѣемъ право предположить, что западно-славянскія слова развили свои *ѣ* и т. д. изъ *эль* такимъ образомъ. Первоначальное *тълмачъ*, когда началось исчезновеніе глухихъ, должно было сохранить лишь одинъ изъ нихъ, и такъ какъ не было препятствій ни въ ближайшихъ сочетаніяхъ согласныхъ, ни въ родственныхъ словахъ,—сохранило второй глухой: *тълмачъ* (сравни великорусск. *бревно* изъ *бръвьно*). Подобно тому, какъ въ русскомъ языкѣ (въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ) глухой послѣ плавнаго перешелъ не только въ *о*, но также (почти всегда при от-

существом ударенія) и въ другой гласный, въ *ы* (дрыва изъ дръва, глытати изъ глатати), такъ точно въ западно-славянскихъ языкахъ неударяемый *э* послѣ *л* перешелъ не въ *е*, а или въ *и*, или, рѣже, въ *о*.

Польскій языкъ, кромѣ *и* на мѣстѣ *эл*, имѣетъ также *и* на мѣстѣ *эр*: *шгигаś*; сравни русск. моргати, моргунъ; а въ чешскомъ языкѣ мы находимъ *и* въ нѣсколькихъ словахъ послѣ шипящихъ на мѣстѣ праславянской группы *эл*: *žlupa, žlutý, žluva, člup* и родственныя; сравни великорусск. желна (дятель), былинн. желты кудря. русск. желтѣть, желтокъ, желвакъ, великорусск. областн. челонъ — челна, челнокъ и т. п. Объясненіе *и* и *и* въ подобныхъ словахъ должно быть таково же, какъ и въ словахъ выше приведенныхъ, — изъ *эр*, *эл*.

Само собою разумѣется, послѣдовательность въ употребленіи *и* и т. п. во всѣхъ словахъ съ однимъ и тѣмъ же корнемъ — результатъ вліянія однихъ словъ на другія съ тѣмъ же корнемъ.

IV.

Формы родительнаго падежа единственнаго числа мѣстоименій уже давно интересуютъ ученыхъ, но нельзя сказать, чтобы предложенныя до сихъ поръ объясненія ихъ были сколько-нибудь удовлетворительны. По нашему мнѣнію, всѣ изслѣдователи дѣлаютъ крупную ошибку, желая видѣть въ кого и т. п. и въ чьсо падежныя окончанія *ю* и *со* и наставляя на сближенія *со* съ санскритскимъ *śa*, вмѣсто того, чтобы принять въ этихъ формахъ за падежное окончаніе лишь конечное *о*.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Основа *кoi-* и т. п. находится не въ одной формѣ родительнаго падежа: она является также въ нарѣчии *кoi-да*. Близкія къ ней по образованію основы извѣстны въ греческомъ языкѣ: *κανταχ-οῦ, ἀλλαχ-οῦ, ἑμαχ-οῦ, κανταχ-οῦ, κανταχ-όθεν, διχ-ως, τριχ-ως* и т. п., съ *χ* изъ обще-индо-европейскаго *gh*.

Основа *чьс-* имѣетъ еще болѣе многочисленныхъ родичей. Это санскритскія основы въ формахъ единственнаго числа дательнаго падежа *kas-mai*, мѣстнаго *kas-min*, отложительнаго *kas-mat*, которыхъ падежныя окончанія родственны съ славянскими окончаніями дательнаго единственнаго числа *му*, творительнаго и мѣстнаго единственнаго *мъ*, дательнаго множественнаго *мъ* и др.

Падежное окончание *os*, превратившееся на славянской почвѣ въ *o*,—обычное окончание мѣстоименныхъ формъ родительнаго единственнаго: греческихъ *παιτ-ός*, *τιν-ός*, латинскихъ *ej-us*, *cu-j-us* и др.

Очевидно, въ *ког-о*, *чѣс-о* передъ нами формы, отличающіяся отъ другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же мѣстоименій основой, то-есть, находящіяся къ нимъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся формы *мен-е*, *мѣн-ѣ* къ формамъ *ми*, *ма*, или формы *тѣс*, *тѣ* къ *тв-ός* и т. п.

Рядомъ съ обще-славянскою формою родительнаго падежа *чѣс-о* существуетъ старо-чешская форма того же падежа *чѣс-е (*čse*). Ея падежное окончание—то же, что въ *мен-е*, *словес-е* и т. п.

V.

Намъ когда-то приходилось говорить о великорусскихъ формахъ родительнаго-винительнаго падежей *тея*, *сея*=тебя, себя и дательнаго-мѣстнаго *теѣ*, *сеѣ*=тебѣ, себѣ¹⁾; мы тогда признали эти формы за специально-русскія новообразования. Новѣйшіе труды по западно-славянской діалектологіи показываютъ, что подобныя формы не чужды также моравскимъ, словацкимъ и польскимъ говорамъ.

Бартошъ въ своей „Моравской діалектологіи“ отмѣчаетъ формы родительнаго-винительнаго *teje*, *seje* (I, 118, 360) и дательнаго-мѣстнаго *teje*, *seje* и *se* (I, 118). Малиновскій въ описаніи опольскаго говора указываетъ на форму дательнаго падежа *se* (стр. 50), представляющую, очевидно, стяженіе *soje* или чего-нибудь подобнаго (съ твердымъ *s*); о той же формѣ, какъ встрѣчающейся въ нѣкоторыхъ старо-польскихъ текстахъ, говорить въ „Исторіи польскаго языка“ Калина: *wybij se to z głowy, daj se radę* (I, 336).

Какъ извѣстно, литовскія формы родительнаго единственнаго *ta-vez*, *savež* имѣютъ *v* и потому славянскія формы того же падежа *тебе*, *себе* признаются всѣми за заимствованныя свое *b* отъ формъ дательнаго падежа. Въ виду этого представляется возможнымъ предполагать, что на славянской почвѣ существовали нѣкогда формы родительнаго единственнаго *теве, *севе. Западно-славянскіе языки обнаруживаютъ нѣкоторую склонность къ опущенію *e* передъ *i*, *e* и замѣнѣ его *j*-томъ, особенно въ исходѣ словъ, и мы имѣемъ чешскія областныя, верхне- и ниже-лужицкія формы дательнаго единственнаго на *-oj* вмѣсто *-ovi*, верхне-лужицкія именительнаго множествен-

¹⁾ Въ „Исслѣдованіяхъ въ области русской грамматики“.

наго на -оjo вмѣсто -оv'о, -ове и т. п. Вслѣдствіе этого западно-славянскія формы родительнаго *teje, seje* могли бы быть объяснены изъ древнѣйшихъ *teve, seve*, а формы дательнаго *teje, seje* и *se=*soje*—какъ новообразовавшіяся подъ влияніемъ формъ родительнаго *падежа*; но великорусскія формы представляютъ затрудненія: русскій языкъ не знаетъ опущенія *e* передъ мягкими гласными, кромѣ немногихъ случаевъ, лишенныхъ значенія, въ родѣ *ишь* изъ *вижь* (нарѣчія *домой*, *долой* изъ *домовъ*, *доловъ* могутъ имѣть особое, вполне удовлетворительное объясненіе) ¹⁾.

Такимъ образомъ формы родительнаго *падежа* **teje, *seje* должны быть признаны за болѣе древнія, чѣмъ до сихъ поръ думали, хотя и неясныя по образованію.

VI.

Какъ извѣстно, древне-русскія и чешскія причастія настоящаго времени на *a*: *рѣка, ѣка, ида, jda* (= церковно-слав. *река, ядѣ*) и т. п., объясняются учеными различно. Они находятся въ языкахъ, утратившихъ носовые гласные, и ихъ *a* можетъ быть возводимо къ *a*. Но до сихъ поръ никто не обратилъ должнаго вниманія на польскія причастія. Нѣсколько лѣтъ назадъ открыты профессоромъ Брюкнеромъ въ нашей Публичной Библиотекѣ польскіе отрывки XIV вѣка, отличающіеся богатствомъ архаическихъ чертъ языка ²⁾, имѣютъ нѣсколько разъ причастную форму *гзека*, при которой лишь одинъ разъ находится форма *гзеке*. Г. Брюкнеръ видитъ въ ней чехизмъ, но безъ малѣйшаго основанія: памятникъ не имѣетъ несомнѣнныхъ чехизмовъ (кромѣ формы дательнаго *падежа* *пикотети* никому, о которой однако слѣдуетъ еще произвести изслѣдованіе); частое употребленіе этой формы и ея *e* говорятъ въ пользу ея вполне польскаго происхожденія; другія данныя также заставляютъ смотрѣть на нее, какъ на польскій архаизмъ. Она не составляетъ особенности петербургскихъ отрывковъ и не разъ встрѣчается въ Шаршпатацкой Библии XV вѣка: *гзека*, съ тѣмъ же *e*, рядомъ съ формою *гзе-*

¹⁾ Наши „Лекціи по исторіи русскаго языка“ ²⁾, стр. 90.

²⁾ Въ нихъ находится рядъ формъ *аориста* (изъ нихъ формы 3-го лица множественнаго числа съ окончаніемъ *ска*), форма *jeść* (=есть), формы именительнаго и винительнаго множественнаго числа средняго рода *іѣстоменіи* (*ta ista słowa*), формы *togo, tomu*. Отрывки („Kazania Świątokrzyskie“) изданы въ *Prace Filologiczne*, т. III, выпускъ 3-й, 1891 года.

Только при ея помощи можетъ быть объясненъ такой современный польскій потомокъ причастныхъ формъ, какъ *chocia* (церк.-слав. *хота*; сравни въ петербургскихъ отрывкахъ: *robudzaje*, *ramiętaje* и т. п.; въ Шарошпатацкой Библии: *winię*, *chcę*)¹⁾.

Польскія формы *gzeka* и *chocia* дѣлаютъ очевиднымъ, что *a* древне-русскихъ и чешскихъ причастій не можетъ быть объясняемо какъ *a* въ современныхъ русскихъ *идя*, *неся*, и что его надо ставить въ непосредственную связь съ *ы* въ церковно-славянскомъ *реку* и т. п.

Проф. Калина въ своей „Исторіи польскаго языка“ о причастныхъ формахъ на *a* не упоминаетъ.

VII.

Основы церковно-славянскаго имперфекта на *aa*, *ѣa* (изъ *aja*, *ѣja*) стоятъ особнякомъ въ ряду славянскихъ глагольныхъ основъ; но не совсѣмъ. Основа *имаа-* (изъ *имаја-*), кромѣ имперфекта, находится въ церковно-славянской формѣ настоящаго времени *имаа-мь*. Другія подобныя основы извѣстны намъ лишь въ двойномъ видоизмѣненіи: 1) со стяженіемъ двухъ *a* въ одно *ā* и *ъ* и *a* въ одинъ *ъ*—въ многочисленныхъ формахъ настоящаго времени сербскихъ, чешскихъ, польскихъ и т. д.: сербск. *имām*, *игрām*, чешск. *mām*, *hrām*, *znām*, *umām*, польск. *mam*, *znam* (въ нѣкоторыхъ говорахъ: *tom*, *znom*, съ *o* изъ *ā*), *umiesz*, и 2) съ опущеніемъ *j*-та и послѣдовавшей затѣмъ вставкою *a* (подъ вліяніемъ основъ съ древнимъ *a*: *бы-а-ти*, *шиа-ти* и т. п.)—въ многочисленныхъ формахъ всѣхъ временъ и склоненій церковно-славянскихъ, чешскихъ и т. д.: церк.-слав. *страдаа-ти*, *коньчаа-ти*, *вѣнчаа-ти*, *отвѣщаа-ти*, *недоумѣа-ти* (сравни русск. *вынива-ть*, *убива-ть*, *устаа-ть*, *знаа-ть*, *даа-ть*, *одѣа-ть*), чешск. *областн.* (съ фреквентативнымъ значеніемъ) *sédáva-ti*, *vid'éva-ti*. Но древніе памятники сохранили имперфектную основу въ ея неизмѣненномъ видѣ также въ нѣсколькихъ формахъ причастія на *лъ*. Одна изъ нихъ находится въ Зографскомъ Евангеліи: *сѣѣлъ* 37 (сравни въ Ассемановомъ Евангеліи: *биѣахъ*, *впиѣахъ*, *стоѣахъ* и т. п.); другія найдены нами въ средне-болгарскихъ текстахъ: еще

¹⁾ Того же происхожденія, вѣроятно, *a* въ *крошіа*, являющееся уже въ Флоріанской Псалтыри и въ Шарошпатацкой Библии. Повидимому, *a* въ русскомъ *окромѣ*, изъ *o* *кроль* (*o* предлогъ, *кроль*—форма мѣстнаго падежа) также своимъ появленіемъ обязано вліянію причастныхъ формъ.

ма бисте знаѣле и отьца моего знаааи бисте, Евангеліе Григоровича XII вѣка № 1690, л. 54 об.; аще ма бисте знаааи и отьца моего знаааи бисте, Карпинское Евангеліе XIII вѣка (Хлудова), л. 22; знаааи, Евангеліе Верковича XIII—XIV вѣка Q. I. 43, лл. 12, 12 об. (дважды); сравни ново-болгарское живеалъ (*Archiv für slavische Philologie* XIII, 545). Сверхъ того, молдавскія грамоты XV вѣка имѣють разнообразныя формы глагола пріяяти (между ними и форму неопредѣленнаго наклоненія; сборникъ *Уляницкаго*, стр. 37, 38, 40 и друг.), съ значеніемъ церковно-славянскаго пріяяти.

Столь широкое употребленіе имперфектныхъ основъ показываетъ, что намъ нѣтъ надобности придумывать хитрыя теоріи происхожденія славянскаго имперфекта, и что мы должны признать въ имперфектѣ одно изъ образованій сигматическаго аориста, не имѣющее значенія аориста вслѣдствіе того, что его основа имѣла сильно длительное видовое значеніе ¹⁾.

А. Соболевскій.

---

¹⁾ Сравни нашу замѣтку въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* 1882 года № 2.

МОЗАИКИ IV И V ВѢКОВЪ ¹⁾.

(Исслѣдованія въ области иконографіи и стіля древне-христіанскаго искусства).

Мозаики церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ ²⁾.

Совершенно новую страницу изъ исторіи искусства V вѣка представляютъ мозаики церкви S. Maria Maggiore на Эсквилинскомъ холмѣ въ Римѣ. Эти мозаики украшаютъ триумфальную арку и двѣ сто-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущей годъ.

²⁾ Первое печатное изданіе рисунка триумфальной арки, на сколько извѣстно, было дано въ сочиненіи: *De Angelis Paulus, Basilicae S. Mariae Majoris descriptio ac delineatio... Romae, 1621, lib. V, p. 91: Prospectus testudinis interior Liberianae basilicae cum musivo opere perfectus.* Рисунокъ до такой степени невѣренъ и несовершененъ, что представляетъ скорѣе фантазію рисовальщика, чѣмъ дѣйствительное изображеніе арки, и даетъ подтвержденіе извѣстіямъ, ниже приведеннымъ, о небреженіи, въ какомъ находились мозаики; композиція мозаикъ нельзя было видѣть вслѣдствіе грязи и пыли, ихъ покрывавшихъ. *Ciampini*, изданный рисунокъ *Fabretti* въ своемъ трудѣ *Vetera Monumenta. Romae, 1747, vol. I, tab. II*, впервые далъ совершенно ясный рисунокъ арки, до сихъ поръ не потерявшій своего значенія для археолога. *Bianchini*, *Anastasi Bibliothecarii de vitis Romae pontificum, III, p. 124* сл., также довольно удачно издалъ всю роспись арки, хотя и съ большимъ количествомъ ошибокъ, чѣмъ *Ciampini*. Въ сочиненіи *Agostino Valentini, La patriarcale basilica Liberiana, illustrata per cura A. V., 1839, tav. LXI*, рисунки отличаются особенной вѣрностью передачи нѣсколько грубаго стіля мозаикъ и, очевидно, сдѣланы опытной рукой; но у Валентини никогда не отмѣчается реставрація, рисунокъ же арки изобилуетъ многими ошибками. *Giacomo Fontana, Raccolta delle migliori chiese di Roma e suburbane, Roma, 1865, III, tav. XXVIII*, даетъ мелкій и изящный рисунокъ арки, но съ ошибками, которые повторяемъ *Robault de Fleury*. Одно изъ наиболѣе прав-

роны главнаго нефа надъ колоннадами. Реставраціи ¹⁾ почти не измѣнили ни композицій, ни характера мозаикъ, а потому изученіе

выданныхъ изданій рисунка далъ *Garrucci*, *Storia dell'arte cristiana*, *Mosaici*, tav. 211—общій видъ арки, tavv. 212, 213, 214—детали; въ сожалѣнію, не смотря на всѣ достоинства этого рисунка, сравнительно съ ранѣе указанными изданіями. рисунокъ арки у *Garrucci* изданъ съ нѣкоторыми новыми ошибками, поведшими къ прямымъ заблужденіямъ. *D'Agincourt*, *Histoire de l'art par les monuments*, Paris. 1811—1823. V, pl. XVI, fig. 4, приводитъ лишь одну сцену Благовѣщенія, но не вполне, отрѣзавши лѣвую сторону сцены. *Rohault de Fleury*, *La S. Vierge*, *Etudes archéologiques et iconographiques*, Paris, 1878, II, pl. 85, въ изданные рисунки внесъ большое количество новыхъ, совершенно непростительныхъ, ошибокъ. Особенно плохи рисунки Поклоненія волхвовъ и Поклоненія царя (Evangile, pl. XXX). Отдѣльные сцены Благовѣщенія, Срѣтенія, Поклоненія волхвовъ, встрѣчи Афродизія, изданы *Lehner*'омъ въ сочиненіи: *Die Marienverehrung in den ersten Jahrhunderten*, Stuttgart, 1881, taf. III. Рисунки скопированы съ изданія *Garrucci* и повторяютъ всѣ его ошибки. Сцена поклоненія Афродизія издана въ краскахъ, по рисунку издателя Шнитгвера, приготовившаго рисунокъ для извѣстнаго изданія *De-Rossi*, монсиньоромъ *De Waal*'емъ въ *Römische Quatralchrift* за 1887 годъ, taf. VIII—IX. Наконецъ, вышелъ въ 1893 году послѣдній выпускъ изданія *De Rossi*, посвященный папѣ Льву XIII, по случаю его епископскаго юбилея, *Mosaici cristiani e saggi dei pavimenti delle chiese di Roma anteriori al secolo XV*, tavole chromolitografiche con cenni storici del Commendatore *Giovanni Battista de Rossi*, fascicolo XXIV, XXV, содержащій 8 листовъ текста въ прекрасныхъ хромофотографіяхъ съ мозаикъ S. Maria Maggiore. Здѣсь нѣвѣрны лишь немногія детали и не указаны реставраціи.

¹⁾ Мозаики, какъ видно изъ разныхъ свидѣтельствъ, одно время были въ полномъ небреженіи. Чіампини говоритъ, что въ его время отъ пыли и древности мозаики едва были различаемы (*Vetera Monumenta*, I, p. 200). Макаріи (ранѣе 1605 года, когда окончено было его сочиненіе) также жалуется на это (*Hagioglypta*, p. 53). *De Rossi*, *Mosaici*, fasc. 14, 15, листъ 2 обор., указываетъ лишь на одну реставрацію кардинала Пинелли, который приказалъ возстановить опавшія мѣста посредствомъ живописи. Валентини указываетъ еще двѣ реставраціи. Одна изъ нихъ была произведена, столѣтіе спустя, монсиньоромъ Чіампини; другая реставрація относится ко времени папы Льва XII. Неизвѣстно, какимъ способомъ были произведены эти послѣднія реставраціи и въ чемъ онѣ состояли. Осматривая мозаики нефа очень близко (съ лариза надъ колоннадами), я убѣдился, что нѣкоторые сцены реставрированы были мозаичной. Мозаичскіе кубики золота представляютъ красное стекло съ пластинкой золота сверху. Такіе же точно кубики, равно какъ и мелкіе кубики иныхъ цвѣтовъ, употреблялъ Торрети, украсившій мозаиками абсиду. Византійскій золотой фонъ отличается отъ древне-христіанскаго. Золото, какъ въ миниатюрѣ, такъ и въ мозаикѣ, накладывается на красный грунтъ и, просвѣчивая, принимаетъ цвѣтъ почти червоннаго золота. Ранѣе золотые фонъ были блѣдны, такъ какъ золотые кубики представляють бѣлое стекло, иногда зеленоватое. Можно думать, что мозаики были реставрированы Яковомъ Торрети въ 1296 году.

ихъ покоятся здѣсь на наиболѣе твердыхъ данныхъ. На триумфальной аркѣ изображены сцены изъ Новаго Завѣта, а по сторонамъ нефа сцены изъ Ветхаго Завѣта.

Триумфальная арка. Первая сцена представляетъ Благовѣщеніе Маріи. Слева отъ зрителя изображенъ богатый домъ. Входъ въ него обставленъ двумя порфировыми колоннами съ коринтскими капителями. Золотая рѣшетчатая дверь его закрыта. Надъ дверьми изображенъ щитъ, въ родѣ герба, съ тремя синими пятнами на немъ. Части щита и дома около стѣны нефа осыпались и написаны красками. Въ центрѣ фронтона изображенъ кружокъ. Близъ дома сидитъ Марія въ царскихъ золотыхъ одеждахъ. Ея одежды, начиная отъ нижней части ожерелья до низу, частью осыпались и написаны красками. Ожерелье не имѣетъ драгоценныхъ камней ввидѣ привѣсокъ, обрамляющихъ грудь ея въ другихъ сценахъ; точно также косою разрѣзъ одежды на груди представленъ въ видѣ бѣлаго острога предмета подъ рукой Богородицы, а золотой цвѣтъ одежды замѣненъ желтымъ. Однако, поясъ сохранился на столько хорошо, что круглая пряжка его, осыпанная по бордюру жемчугомъ и имѣющая внутри голубой камень въ золотой оправѣ, никакъ не можетъ быть считаема за бляху на груди, въ родѣ ордена, какъ думаетъ Ленеръ, довѣрившись ошибочному рисунку Гарруччи ¹⁾). Коронка волосъ на головѣ украшена тремя жемчужинами; по жемчужинѣ вплетено и въ волосы надъ лбомъ и около ушей ²⁾). Обувь ея золотая. Марія сидитъ на тронѣ съ голубой подушкой; ноги ея покоятся на голубомъ четырехугольномъ подножій. Слева отъ нея стоитъ желтая плетеная корзина съ кокциновой (красной) пряжей, которая длинной полосой тянется черезъ руки Богородицы. Два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ и голубыхъ нимбахъ стоятъ сзади ея, оживленно жестикулируя пальцами, сложенными двуперстно.

¹⁾ *Garrucci*, l. c. tav. 218. *Lehner*, Die Marienverehrung, p. 300: „mit einem Kleinod auf dem Brust“. Также точно коронку волосъ онъ считаетъ за діадему. Это просто богатая прическа безъ діадемы, какую можно видѣть на донышкахъ сосудовъ у Агнесы и Маріи Оранты. Ср. *Wilpert*, Die Gottgeweihten Jungfrauen, Freiburg i B., p. 1892, 19; *Garrucci*, I, p. 121.

²⁾ Я не могъ различить здѣсь реставраціи, но долженъ замѣтить, что отсутствіе драгоценныхъ серегъ, какія носятъ Марія въ другихъ сценахъ, наводитъ на мысль о ней. Часть мозаики у стѣны потерѣла значительныя разрушенія и реставрированы. Часть храма, правая рука и рукавъ Богородицы, часть полосы шерстя реставрированы. Стриговскій ошибся, принявши предметъ, который держитъ Богородица, за веретено. Подъ рукой у нея плохо выраженный разрѣзъ платья, а веретена нѣтъ. *Strzygowski*, Byzantinische Denkmäler, I, Wien, 1891, p. 48

Второй поворачиваетъ голову къ первому. Вверху, въ радужныхъ облакахъ, слетаетъ третій ангелъ, протягивая ладонь правой руки и указывая на слетающаго бѣлаго голубя¹⁾. Четвертый ангелъ стоитъ прямо противъ Маріи, съ открытой у груди ладонью правой руки, выражая свое почтеніе. Два другіе ангела поворачиваются въ правую, то-есть, противоположную отъ Благовѣщенія, сторону и обращаются къ пожилому, стоящему у храма, человѣку. У него коричневая борода и такіе же волосы; одѣтъ онъ въ бѣлую подпоясанную тунику, поверхъ которой съ лѣваго плеча спадаетъ красный плащъ. Держа въ рукѣ короткій жезлъ, старецъ задумчиво подноситъ правую руку съ указательнымъ пальцемъ къ лицу. Храмякъ представляетъ небольшую базилику съ двумя колонками съ коринтскими капителями по сторонамъ входа, завѣшеннаго бѣлыми занавѣсами, подобранными по сторонамъ; надъ входомъ виситъ зажженная лампада, а колонны ниже капителей украшены какими-то красными четырехъугольниками.

Ни сцены, изрѣдка встрѣчаемыя въ катакомбахъ, ни болѣе позднія сцены на саркофагахъ не повторяютъ сцены Благовѣщенія въ такой сложной и торжественной обстановкѣ. Сцены Благовѣщенія въ катакомбахъ Присциллы, Марцеллина и Петра²⁾ и Домитиллы, представляютъ только дѣву Марію, задранированную въ паллу, сидящую на креслѣ съ высокой спинкой, и безкрылаго ангела, стоящаго передъ ней съ протянутой впередъ рукой. Сцена изъ катакомбы Домитиллы сложнѣе: тамъ изображено три ангела. Довольно позднія, не ранѣе V—VI вѣка, сцены на саркофагахъ и на диптихахъ изъ слоновой кости также передаютъ довольно кратко эту сцену, прибавляя корзину съ пряжей—подробность апокрифическаго характера, давая ангелу крестъ или посохъ, а за спиною Богородицы изображая храмъ. На римскихъ и галльскихъ саркофагахъ, однако, этой сцены нѣтъ. Равенскіе памятники и кругъ памятниковъ, группирующихся около нихъ, а равно и памятники сирійскіе, первые послѣ катакомбъ, представляютъ эту сцену. Равенскій саркофагъ (Gag. 344,4), часть равенн-

¹⁾ Часть неба, часть крыльевъ ангела и голубя—реставрированы красками.

²⁾ *Garrucci*, T. II, t. 75. *Schultze*, *Archäologische Studien*, Wien, 1880, p. 184, считалъ эту фреску, известную лишь по рисунку *Bottari*, за сцену изъ быденной жизни. Найденная Вильпергомъ подобная же сцена въ катакомбѣ Марцеллина и Петра, показываетъ, что это должна быть сцена Благовѣщенія. См. *Wülpert*, *Ein Cyclus d. christologischen Gemälde aus d. Katakombe d. III. Petrus und Marcellinus*, Freiburg im Breisgau, 1891, taf. III, IV, V, 2; p. 20.

скаго диптиха во владѣніи графа Г. С. Строганова ¹⁾, уваровскій диптихъ, эчміадзинскій и парижскій ²⁾ диптихи, примыкающіе къ кругу равеннскихъ памятниковъ, и рельефы кресла Максиміана въ Равеннѣ, изображаютъ Богородицу въ пенулѣ, занятую тканьемъ пряжи и сидящую то на плетеномъ креслѣ съ высокой спинкой, то на креслѣ безъ спинки и съ подушкой (на саркофагѣ). На одной восточной, быть можетъ сирійской, пиксидѣ, найденной въ Керчи, ангелъ изображенъ слетающимъ къ Дѣвѣ, а не стоящимъ передъ ней, какъ на всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ. Здѣсь Богородица, задрапированная въ пенулу, сидитъ на низкомъ креслѣ безъ спинки съ подушкой и точеными ножками, не въ профиль, какъ обыкновенно, а лицомъ къ зрителю, какъ и на мозаикѣ. Сзади нея также представленъ домъ съ двумя витыми колонками ³⁾. Слетающій съ неба ангелъ представленъ также на одномъ глиняномъ тисненномъ медальонѣ восточнаго происхожденія, въ ризницѣ собора Монцы, въ сценѣ Благовѣщенія у колодца. На сирійскомъ энколпн Оттоманскаго музея, изданномъ Стриговскимъ и отнесенномъ имъ къ VIII вѣку ⁴⁾, повторена та же поза Маріи en face. На равеннскомъ саркофагѣ изображенъ низкій тронъ Богородицы безъ спинки и фигура ангела, дѣлающаго шагъ по направленію къ Богородицѣ съ правой ноги. Послѣднюю черту повторяютъ уваровскій и строгановскій диптихи, а позже энколпн. Эти черты указываютъ на связи съ восточнымъ искусствомъ, которыя еще болѣе уясняются памятниками миланской школы, стоящими въ связи съ равеннскими. Дарохранительница изъ Вердена (Gagg. 447, 1) и миланскій диптихъ (Gagg. 454) изображаютъ Богородицу безъ пенулы въ томъ богатомъ костюмѣ, который мы видимъ на мозаикѣ. Этотъ костюмъ, позднѣе извѣстный у

¹⁾ См. мою статью: Пластинка диптиха изъ слоновой кости изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ. *Археологическія Извѣстія и Запѣтки*, 1893, № 6.

²⁾ *Е. К. Рудинъ*, Диптихъ Эчміадзинской бібліотеки. Отдѣльный оттискъ изъ V тома *Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*. С.-Пб., 1891, стр. 4, 5. Также *Strzygowski*, *Byzantinische Denkmäler*, I, p. 25 и сл., 42 и сл.

³⁾ См. мою статью въ V томѣ *Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*: „Три древне-христіанскіе сосуда изъ Керчи“, С.-Пб. 1891, стр. 202, табл. I.

⁴⁾ *Strzygowski*, *Byzantinische Denkmäler* I, p. 107, Taf. VII.

св. Цециліи ¹⁾ и Агнесы, а также на донышкахъ сосудовъ, имѣютъ святыхъ дѣвъ въ мозаикахъ VI вѣка Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ. Онъ повторяется тамъ до мелочей, но осложняется длиннымъ бѣлымъ покрываломъ, спадающимъ за спину и на лѣвую руку. Ангеловъ, окружающихъ Богородицу, мы находимъ впервые во фрескѣ Домитиллы IV вѣка ²⁾. Богородица тамъ сидитъ на креслѣ съ высокой спинкой, въ профиль. Три юныя фигуры безъ крыльевъ и въ нимбахъ стоятъ передъ ней; передній протягиваетъ къ ней правую руку. Корзины съ шерстью, прялки, дома не изображено.

Апокрифическія евангелія окружаютъ Богородицу и вообще святое семейство ангелами ³⁾; мы встрѣчаемъ ихъ наиболѣе часто на памятникахъ восточнаго происхожденія. На таблѣткѣ равеннскаго диптиха графа Г. С. Строганова ангелъ ведетъ подъ уздцы осли; на креслѣ Максимиана ангелъ присутствуетъ при испытаніи Богородицы водою обличенія, а въ сценахъ поклоненія волхвовъ, на томъ же креслѣ Максимиана, на мраморномъ рельефѣ изъ Каррагена ⁴⁾, на іерусалимскихъ ампуллахъ (Gag. 433,9) ангелъ приводитъ къ Дѣвѣ, сидящей съ Младенцемъ на рукахъ, волхвовъ съ дарами. Въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ четыре ангела, изображаемые во всѣхъ сценахъ на аркѣ, стоятъ за трономъ Богородицы.

Кромѣ этого сцена на нашей аркѣ представляетъ еще и Духа Святаго въ видѣ бѣлаго голубя—рѣдкая деталь, удержанная лишь византийскимъ искусствомъ въ сценахъ Благовѣщенія. Въ рукописи греческаго евангелія библиотеки св. Марка (Cod. VIII, Classis I) ⁵⁾, въ мозаикахъ собора Монреале ⁶⁾, Палатинской капеллы ⁷⁾, голубь въ лучѣ слетаетъ на Дѣву во время благовѣстія ангела.

Фигуры ангеловъ стройны и сильны, широко, но плоско модели-

¹⁾ *De Rossi*, Roma sotterranea, II, t. VI, p. 28. Св. Цецилія не имѣетъ короны на головѣ, а голубую повязку. Волосы убраны ниткой жемчуга. На груди и на нижней части одежды не видно разрывовъ, тѣмъ не менѣе общій характеръ одежды остается одинъ и тотъ же.

²⁾ *Bullettino*, 1879, p. 94, tav. I и II. *Liell*, Darstellungen d. Maria, p. 211, рис. 8.

³⁾ *Tischendorf*, Evangelia apocrypha, Evang. de Nativitate Mariae, cap. VII.

⁴⁾ *Bullettino*, 1884, 5, p. 49, t. I и II. *Liell*, l. c. p. 281, fig. 56.

⁵⁾ *Fleury*, Evangile, I, pl. IV, ошибочно отнесъ миниатюры этого евангелія къ VIII вѣку. Четыре миниатюры грубой техники XI—XII вѣка, никакъ не ранѣе.

⁶⁾ *Gravina*, Il Duomo di Monreale, Palermo, 1859, t. 17—A.

⁷⁾ *А. А. Павловскій*, Живопись Палатинской капеллы, С.-Пб. 1890, стр. 97, рис. 25.

рованы. Они одѣты въ бѣлыя одежды. Ихъ полныя лица покрыты теплымъ загаромъ и напоминаютъ лица юношей вѣнской библии. Курчавые короткіе волосы каштановаго цвѣта еще не сдавлены головными повязками. Въ рукахъ ангеловъ нѣтъ ни жезловъ, ни крестовъ; художникъ не стѣсняется поставить ихъ фигуры въ профиль, въ три четверти и en face, наклонить имъ головы и дать спокойную позу на ряду съ плавнымъ движеніемъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь второй ангелъ своей фигурой, опирающей тѣло на обѣ ноги, напоминаетъ церемониальную постановку фигуръ ангеловъ въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго, а два другихъ представлены въ плавномъ движеніи въ разныя стороны, какъ на уваровскомъ диптихѣ и на энколпії, безъ скрещиванія ногъ, что безобразитъ фигуру на парижскомъ и эчміадзинскомъ диптихахъ и на креслѣ Максиміана. Изящный изгибъ торсовъ этихъ фигуръ можетъ быть указанъ въ лучшихъ фигурахъ ящика изъ Вердена (Garr. 447, 1) и въ миниатюрахъ вѣнской библии. Неустойчивая поза въ профиль ангела, благовѣствующаго пожилой фигурѣ и стоящаго какъ бы на носкахъ, сближается съ характерной фигурой волхва на ящикѣ изъ Вердена (447, 2). Такъ же слабо стоитъ и фигура пожилаго человѣка: онъ ставитъ одну ногу носкомъ въ пятку другой и переднюю ногу изгибаетъ угломъ точно такъ-же, какъ и фигура евангелиста Матѳея на креслѣ Максиміана (Garr. 416, 1) и особенно фигура Авраама въ мозаикѣ св. Виталія (Garr. 262, 2). Эта поза повторена и въ сценѣ встрѣчи Афродизія у одного изъ его спутниковъ.

На ряду съ головкой ангела самаго общаго античнаго юнаго типа. Гавріиль имѣетъ квадратный профиль съ широкими скулами и тупымъ широкимъ носомъ—типъ, извѣстный въ свиткѣ Иисуса Навина и въ рукописи Космы Индиконлова. Крылья ангеловъ длинныя съ голубоватыми перьями. Голубой нимбъ прозраченъ, такъ какъ, лежа на крыло, онъ просвѣчиваетъ. Драпировки одеждъ правильны и свободны, широки, но плоски.

Рядомъ съ Благовѣщеніемъ Маріи представлена другая сцена Благовѣстія. Переходъ отъ одной сцены къ другой выраженъ указаннымъ поворотомъ фигуръ двухъ ангеловъ въ сторону пожилой фигуры. Эту фигуру принимаютъ то за изображеніе Захаріи, то—Іосифа ¹⁾. Дѣй-

¹⁾ *Valentini*, La patriarcale basilica Liberiana, p. 64 принимаетъ ее за Захарію; *Кондаковъ*, Ист. виз. иск., стр. 81. также за Захарію, Ср. *Woltmann*, Geschichte d. Malerei, p. 164. По *Garrucci*, t. 212 это Іосифъ, которому ангелъ

ствительно, фигура эта характеризуется слабо. Она имѣетъ ту же одежду, что и фигура Іосифа въ слѣдующей сценѣ Срѣтенія, но отличается отъ нея болѣе низкимъ ростомъ, темнымъ цвѣтомъ короткой бороды и волосъ и имѣетъ жезлъ. Фигура Іосифа въ нижней сценѣ встрѣчи Афродизія реставрирована, имѣетъ темные волосы и бороду, но не имѣетъ жезла. Подобный жезлъ имѣетъ жрецъ (Мельхиседекъ) на пиксидѣ изъ собранія Базилевскаго въ Эрмитажѣ (Garr. 440, 2), который точно также одѣтъ въ тунику и плащъ, имѣетъ короткіе волосы и окладистую бороду. Типъ Іосифа или жреца въ сценахъ испытанія Богородицы водою обличенія имѣетъ тѣ же черты на уваровскомъ, строгановскомъ диптихахъ и на креслѣ Максиміана, но на парижскомъ диптихѣ¹⁾ типъ этотъ приобретаетъ длинныя назорейскіе волосы и лишень жезла, какъ и на керченской пиксидѣ.

Присутствіе храма и характерный жестъ приближенія къ лицу указательнаго пальца говорятъ, повидимому, за то, что изображенъ жрецъ Захарія, пораженный нѣмотой. Приблизительно въ тѣхъ же чертахъ представлена сцена Благовѣстія Захаріи и на дверяхъ святой Сабинны въ Римѣ²⁾. Захарія стоитъ у входа въ храмъ, имѣетъ короткіе волосы и бороду, одѣтъ въ хитонъ и гиматій, но не имѣетъ жезла, а поднимаетъ руки, какъ оранта. Ангелъ здѣсь изображенъ сирава отъ зрителя вслѣдствіе недостатка мѣста.

является на яву, а не во снѣ, какъ говорится во всѣхъ извѣстныхъ источникахъ. Жезлъ въ рукахъ Захаріи сближаетъ его фигуру съ фигурой Іосифа на креслѣ Максиміана, уваровскомъ диптихѣ и tabletтѣ Строганова. Но въ этихъ случаяхъ указываемая фигура можетъ быть принимаема и за жреца. Парижскій, эчмиадзинскій диптихи и керченская пиксида представляютъ ту же фигуру безъ жезла. Пиксида изъ Вердена (Garr. 438, 1) представляетъ Іосифа съ высокимъ жезломъ и въ пастушеской эзоимидѣ. На саркофагахъ Іосифъ одѣтъ также въ эзоимиду, но держитъ короткій изогнутый посохъ (Garr. 320, 2; 326, 1; 334, 2; 365, 1; 380, 4; 398, 1, 2, 7; 399, 1). Стриговскій не всегда правильно принимаетъ фигуру въ сценахъ испытанія Богородицы водою обличенія за фигуру Іосифа (Byzantinische Denkmäler I, p. 44 сл.) особенно на парижскомъ, эчмиадзинскомъ диптихахъ и на керченской пиксидѣ. *Н. В. Покровский*, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, С.-Пб., 1892, стр. 9, принимаетъ эту фигуру за Іосифа, какъ и Garrucci, но не объясняетъ присутствія храма.

¹⁾ Garrucci, t. 458, 2; 417, 2; см. мою статью: Пластика диптиха изъ собранія графа Г. С. Строганова *Арх. Изв. и Зам.* 1893, № 6, рисунокъ на стр. 202.

²⁾ Garrucci, t. 500; Berthier, *La porte de S. Sabine à Rome, Fribourg*, 1892, p. 54. Стриговскій неправильно указываетъ на саркофагѣ Арля (399, 6) сцену благовѣстія Захаріи. Тамъ представлена сцена отреченія Петра. *Byzant. Denkm.* I, p. 70.

Красная черепица храмика и его базиличная форма близко напоминаютъ миниатюры рукописи Виргилия.

Сцена Срътненія. Дѣйствіе происходитъ близъ портика Іерусалимскаго храма, передъ входомъ въ самый храмъ. Богородица, неся младенца Христа, направляется впередъ. Золотой костюмъ ея, на этотъ разъ прекрасно сохранившійся во всѣхъ деталяхъ, представляетъ широкорукавную бѣлую тунику, поверхъ которой надѣта золотомъ шитая роскошная одежда, дважды окружающая ея станъ, образующая косыя полы на груди и по стану и перетянутая золотымъ поясомъ съ круглою пряжкой, въ гнѣздо которой вставленъ красный камень. Ожерелье состоитъ изъ двухъ рядовъ жемчуга; между этими рядами лежатъ на красной каймѣ три синихъ продолговатыхъ камня; отъ ожерелья висятъ привѣски изъ синихъ камней въ формѣ слезокъ. Волосы на головѣ представляютъ прическу, напоминающую прическу византійской царицы; они забраны наверху въ коронку. Въ ушахъ тяжелыя серьги изъ драгоценныхъ камней и жемчуга. За Богоматерью два ангела. Іосифъ идетъ впереди нея. Оборачивая къ ней голову, онъ жестомъ правой руки обращаетъ ея вниманіе на пророчицу Анну, которая, подходя, говоритъ, обращаясь двуперстно къ Богородицѣ. За Анною въ согбенной позѣ поспѣшно идетъ къ Богородицѣ старецъ Симеонъ, держа руками лоно (*ἀγκυρα*) своего гиматія для принятія младенца Іисуса, котораго поднимаетъ вверхъ Богородица, держа его за локти рукъ, чтобы передать Симеону. Анна одѣта въ коричневую пенулу и розоватый хитонъ, а Симеонъ въ бѣлую тунику и свѣтлосѣрый наплій. За Симеономъ видны жрецы и левиты. Два жреца имѣютъ синія наплечія (эпомиды), а левиты одѣты въ простые бѣлые (очевидно, льняные по закону) подпоясанные хитоны и имѣютъ высокую бѣлую съ красными повязками обувь, которую носятъ и Іосифъ и Захарія. Левиты стоятъ у небольшого храмика съ фронтономъ и четырьмя колонками. На ступенькахъ крыльца, ведущаго ко входу въ храмъ, завѣшенному бѣлыми завѣсами, съ зажженой лампадой надъ нимъ, видны два бѣлыхъ голубка и двѣ сѣрыя горлицы, подбирающія зерна. Рядомъ съ храмомъ представленъ ангелъ, наклоняющійся надъ какой-то лежащей фигурой, отъ которой сохранились лишь ноги ¹⁾).

Движеніе Іосифа, который, идя впереди Маріи, донускаетъ къ ней

¹⁾ Рисунокъ *De Rossi*, *Mosaici*, fasc. 14, 15 ТѢ опускаетъ эту фигуру и не отмѣчаетъ осмысленія въ этомъ мѣстѣ мозаики вплоть до стѣны. См. *Garrucci*, т. 212, гдѣ эта часть восстановлена по рисунку Барберини.

Анну, самое положеніе Анны, которая предупреждаетъ Симеона въ прѣѣствіи святаго семейства, поспѣшность Симеона, а также дѣйствіе, расположенное близъ аркадъ портика, толпа жрецовъ и ангелы, сопровождающіе святое семейство, всѣ эти черты даютъ намъ совершенно особый типъ композиціи, неизвѣстный въ византійской иконографіи. Здѣсь обыкновенно Симеонъ изображается въ одеждѣ первосвященника и стоитъ у киворія. Иосифъ и пророчица Анна отодвигаются на задній планъ за изображеніе Богородицы и присутствуютъ въ бездѣйствіи. Здѣсь не бываетъ ни толпы жрецовъ, ни ангеловъ, и такимъ образомъ сцена пріобрѣтаетъ смыслъ священнодѣйствія въ храмѣ, а не перваго чудеснаго явленія Мессіи въ Іерусалимскій храмъ и всенароднаго оглашенія о явленіи его въ міръ (Еванг. Луки II, 22—39), какъ это рисуетъ сцена на аркѣ. Композиція, какъ и раньше, составлена на основаніи повѣствованія евангелиста Луки и апокрифическихъ евангелій. Арабское евангеліе дѣтства, шире передавая повѣствованіе отъ Луки, упоминаетъ объ ангелахъ, которые окружали Христа и Марію, на подобіе царскихъ тѣлохранителей ¹⁾). Евангеліе отъ Луки и арабское евангеліе дѣтства отмѣчаютъ поспѣшность Симеона, съ которой онъ направился на встрѣчу святому семейству, но мозаика кромѣ того связываетъ эту поспѣшность съ полу-исчезнувшей сценой, которая была изображена около храма.

Въ самомъ дѣлѣ, толпа жрецовъ и левитовъ кажется оживленной. Ближній къ Симеону жрецъ говоритъ о чемъ-то, складывая двуперстно пальцы правой руки. Другой простираетъ ладонь правой руки впередъ и держитъ въ знакъ изумленія открытую лѣвую ладонь у груди. Третій указываетъ въ сторону храма. Рядомъ съ нимъ левитъ указываетъ рукой туда же, а крайній, стоящій у храма, обращаетъ въ ту сторону указательный палецъ; голова одного левита обращена въ ту же сторону. Это раздвоенное вниманіе жрецовъ и левитовъ должно указывать на два дѣйствія въ композиціи. Жрецы не только присутствуютъ при Срѣтеніи, но и видятъ еще явленіе ангела какой-то лежащей или сидящей фигурѣ близъ храма. Гарруччи думалъ, что здѣсь была изображена сцена бѣгства святаго семейства въ Египетъ и дополнилъ свой рисунокъ по сомнительному и ошибочному рисунку Барберини, который представляетъ въ данномъ мѣстѣ фигуру ангела, касающагося рукой плеча какой-то другой фигуры,

¹⁾ *Tischendorf*, *Evangelia* аросгурѣа, р. 183. *Д. Аймалосъ* и *Е. Рудинъ*, *Кіево-Софійскій соборъ*, стр. 143, прим. 2.

идушей впереди него. Въ этой фигурѣ Гарруччи хотѣлъ видѣть Богородицу, побуждаемую ангеломъ бѣжать въ Египетъ ¹⁾). Чіампини, при которомъ была произведена реставрація мозаики арки, и который издалъ сдѣланные въ это время рисунки Фабретти, представляетъ на своей гравюрѣ часть лежащей фигуры, какъ это дѣйствительно и есть на самомъ дѣлѣ ²⁾). Явленіе ангела спящему Иосифу не могло обратить на себя вниманіе жрецовъ, а потому здѣсь можно предполагать исчезнувшую фигуру Симеона Богопріимца, которому ангель возвѣщаетъ о пришествіи Мессіа, послѣ чего онъ послѣшнѣе идетъ на встрѣчу святому семейству. Это не только связывается съ жемами жрецовъ, но и съ самымъ способомъ развитія композиціи посредствомъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ, унаслѣдованнымъ христіанскимъ и византійскимъ искусствомъ отъ древности. Последняя сцена явленія ангела Симеону была представлена, очевидно, совершенно аналогично съ различными другими сценами явленій ангеловъ спящей, сидя или лежа, фигурѣ. Гомилія пресвитера іерусалимскаго Тимофея рассказываетъ объ этомъ событіи, но упоминаетъ не о явленіи ангела, а Святаго Духа, и говоритъ о явленіи его не около храма, а въ домѣ Симеона ³⁾). Мозаика приводитъ это событіе въ связь съ самымъ Срѣтеніемъ, какъ и разказъ пресвитера Тимофея, и кромѣ того изображаетъ его открыто и всенародно. Можно думать также, что ангель, являющійся Симеону, есть четвертый по числу изъ тѣхъ, которые окружаютъ святое семейство во всѣхъ сценахъ, такъ какъ въ сценѣ Срѣтенія около Богородицы находится всего тръ ангела, а четвертый для этой сцены изображенъ у храмника.

Изображеніе Іерусалимскаго храма здѣсь разнится отъ изображенія его въ сценѣ Благовѣстія Захаріи. Храмъ представленъ съ гораздо большими подробностями, почему де-Росси и хотѣлъ искать въ немъ воспроизведеніе Іерусалимскаго храма, возобновленнаго Иродомъ. Онъ указалъ на нѣкоторыя черты сходства храма на мозаикѣ съ храмомъ,

¹⁾ Онъ дѣлаетъ попытку сравнить эту часть рисунка Барберини со сценою, существовавшей на креслѣ Максиміана въ Равеннѣ, гдѣ, по словамъ Тромбелли, была представлена Марія, убѣгавшая отъ воина Ирода. *Garrucci*, VI, p. 21. *Е. К. Рудинъ* справедливо не довѣряетъ этому описанію и склоненъ видѣть въ этой сценѣ спасеніе Елизаветы. „Пластика отъ кресла епископа Максиміана въ Равеннѣ“, Харьковъ, 1893, отд. оттискъ изъ *Записокъ Императ. Харьковск. Универс.*, выпускъ III, 1893 г., стр. 2, прим. 4.

²⁾ *Chiamprini*, *Vetera monumenta*, T. I, tab. II.

³⁾ *Patr. graeca*, T. 86, p. 241—4.

изображеннымъ на донышкѣ сосуда изъ еврейскихъ катакомбъ. Тамъ и здѣсь (рис. 9) храмъ имѣетъ скатную крышу, фронтоны и четыре колонны передняго портика.

Колоннада, идущая за храмомъ, можетъ соответствовать, по мнѣнію де-Росси, одной изъ колоннадъ портиковъ Соломона, которыя онъ узнаетъ въ портикахъ, окружающихъ съ трехъ сторонъ храмъ на донышкѣ сосуда¹⁾. Можно указать далѣе, что тамъ и здѣсь стѣна храма золотая, но крыльцо имѣетъ на мозаикѣ три ступеньки, а не четыре, какъ на донышкѣ сосуда. Крыша выложена простыми, а не золотыми черепицами, дверь завѣшена бѣлой завѣсой и не имѣетъ золотыхъ дверей, какъ на донышкѣ сосуда; колонны бѣлыя, а не красныя, имѣютъ рѣзныя капители, а не ровныя;

тимпанъ фронтона свѣтло-голубой, а не золотой, и что самое главное, вмѣсто седмисвѣчника, который изображенъ на полѣ тимпана на донышкѣ сосуда, мозаика представляетъ цѣлую фронтонную композицію. Рисунокъ этого храма, изданный Гарруччи, ввелъ многихъ въ заблужденіе. Его рисовальщикъ представилъ въ тимпанѣ фронтона Христа съ бородою и назорейскими волосами, въ нимбѣ, сидящаго на облакѣ со сферой въ правой рукѣ и высокимъ железомъ въ лѣвой. По сторонамъ облака онъ изобразилъ бюсты Петра и Павла и придалъ имъ черты обонихъ апостоловъ (Гагг. IV, 212, 2). Въ дѣйствительности фигура сидитъ на тронѣ; она безбородая, съ короткими волосами и безъ нимба, а два боковыя изображенія даны такъ поверхностно, что въ нихъ съ трудомъ можно признать человѣческія головы. Фигура, сидящая на тронѣ, вся цѣликомъ выполнена золотой мозаикой, и только синіе контуры самаго общаго характера указываютъ, что она вся задрапирована, какъ женская фигура, въ

Рис. 9. Изображеніе Іерусалимскаго храма.

¹⁾ *Bulletino*, 1882, IV, 161.

одну одежду, закрывающую ея ноги и оставляющую непокрытыми и свободными ея руки, въ которыхъ она держитъ шаръ и высокій жезлъ. Въ виду этого во фронтоной группѣ можно видѣть лишь весьма сокращенную композицію, отдаленно передающую знакомыя и ходячія формы какой-то фронтоной группы. Наибольшее сходство эта композиція представляетъ съ фронтоными группами храмовъ Рима или Венеры на римскихъ монетахъ, гдѣ часто колеблется и самая форма храма и его детали вслѣдствіе употребленія новаго штемпеля. Фрэнеръ ¹⁾, наблюдая эти колебанія, отказывается говорить о точномъ воспроизведеніи на этихъ монетахъ вида храма, потому что здѣсь играла роль, принятая для штемпеля. схема. Онъ полагаетъ, что фигура во фронтоѣ храма представляетъ изображеніе статуи Рима, фигуру которой часто изображали римскіе императоры на своихъ монетахъ. Эта фигура обыкновенно сидитъ на тронѣ съ подушкой и безъ спинки, одѣтая то въ костюмъ амазонки, то Аенны, со шлемомъ на головѣ, или безъ него ²⁾. Она держитъ въ лѣвой рукѣ копье, опущенное внизъ остриемъ, а въ правой викторію на шарѣ или просто шаръ, какъ на монетѣ Галлы Плацидіи, или же шаръ съ крестомъ, какъ на монетѣ императрицы Евдокіи, жены Θεодосіа. На послѣдней монетѣ по сторонамъ трона изображены звѣзда и щитъ ³⁾. Мозаика, возникшая въ Римѣ въ то время, когда эта аллегорическая фигура приобрѣла христіанскіе атрибуты, въ интересной детали фронтона хранитъ, быть можетъ, воспоминаніе о статуй города Рима. Де-Росси, введенный въ заблужденіе рисункомъ Гарруччи, думалъ, что фронтоная группа представляетъ одинъ изъ примѣровъ христіанскаго украшенія храмовъ въ V вѣкѣ. Въ виду сказаннаго, а также и потому, что до насъ не дошло ни одного примѣра и ни одного извѣстія объ украшеніи христіанскихъ храмовъ фронтоными группами, нельзя согласиться съ де-Росси ⁴⁾.

Таковы и другія детали храма. Архитравъ его украшенъ семью головами, которыя Гарруччи принялъ за головы херувимовъ. Онъ не обратилъ, однако, вниманія на то, что онѣ не имѣютъ крыльевъ.

---

¹⁾ *Froehner*, Numismatique antique. Les médaillons de l'empire Romain, Paris, 1878, p. 62, 170, 171.

²⁾ *Ibid.*, на монетахъ Нерона рис. 14, Домиціана 19, Адриана 35, Проба 241, Константина Великаго 289, 290, 303, Валента 330, Галлы Плацидіи 342, Приска Атала 345, и проч.

³⁾ *Garrucci*, tav. 481, 38; 482, 3.

⁴⁾ *Musaici*, fasc. 14, 15, л. 4.

При существованіи фронтовой композиціи и при античныхъ формахъ самаго храма, эти головы представляютъ простое украшеніе архитрава въ родѣ масокъ. Они не отличаются цвѣтомъ отъ мрамора фронтона и архитрава, и потому представляютъ дѣльное украшеніе архитрава или рельефъ ¹⁾, какъ и орнаментація по краямъ крыши фронтона.

Низкая рѣшетка, которая изображена слѣва, напомнила де-Росси рѣшетку Иерусалимскаго храма, которую Иосифъ Флавій называетъ *τεῖχος* или *θρυαλίς*, и которая отдѣляла дворъ жрецовъ отъ двора народа ²⁾. Но это, можетъ быть, такая же рѣшетка, которая была въ употребленіи и въ христіанскихъ храмахъ, какъ это видно изъ описаній различныхъ зданій, построенныхъ Константиномъ Великимъ въ Иерусалимѣ.

Врядъ ли вообще описанія Иерусалимскаго храма у Иосифа Флавія могутъ быть привлечены для объясненія деталей изображенія его на мозаикѣ. Золотая стѣна храма, портики, рѣшетка не могутъ служить данными, въ которыхъ мы можемъ видѣть воспроизведеніе деталей храма Ирода. Золото художникъ расточаетъ для фоновъ, дѣлаетъ золотую фигуру на фронтонѣ. Въ золотой стѣнѣ храма можно видѣть лишь желаніе выразить легендарное богатство Иерусалимскаго храма. Самый храмъ лежалъ въ развалинахъ ³⁾, и описаніе его сохранилось лишь у историковъ. Портики и рѣшетка — необходимыя части всякой богатой христіанской постройки V вѣка.

Широтѣ замысла композиціи этой сцены, роскоши деталей зданій и одежды соотвѣтствуетъ и характеристика типовъ. Типъ Маріи далекъ отъ общаго античнаго типа катакомбной живописи. Здѣсь онъ напоминаетъ извѣстный сирійскій типъ въ рукописи сирійскаго евангелія Лаврен-

¹⁾ Иосифъ Флавій говоритъ, что по всему Иерусалимскому храму, выстроенному Иродомъ, была вывѣшена добыча, отнятая имъ у арабовъ. *Antiquitates Judaicae*, I. XV, с. XI, 35. Этотъ способъ украшенія храма принадлежитъ античной жизни. Изображенія щитовъ и вообще оружія среди скульптуръ, украшавшихъ храмы, имѣютъ въ основѣ этотъ обычай вѣшать отнятую добычу на стѣнахъ храмовъ. Мозаика, конечно, не изображаетъ добычи Ирода, а лишь предметы изъ рода тѣхъ, которые намекали на обычай вывѣшиванія щитовъ и проч. Изображенія херувимовъ были въ Иерусалимскомъ храмѣ внутри его, но не на внѣшнихъ частяхъ. Иосифъ Флавій упоминаетъ лишь виноградные лѣвки и кисти винограда подъ верхомъ храма. *Ant. Ind.* XV, сар. XI, § 3, 1—5.

²⁾ *Bulletino*, 1882, IV, p. 151.

³⁾ А. А. Оленичкій, *Ветхозавѣтный храмъ въ Иерусалимѣ*. Изд. Православнаго Палестинскаго Общества. Выпускъ 13, С.-Пб. 1889, стр. 536—541.

ціанской бібліотеки, но не одеждами, а складомъ лица, рѣзкими линиями темныхъ бровей и чернотой большихъ глазъ съ большими зрачками. Она несетъ младенца точно такъ, какъ несетъ отецъ сына на саркофагѣ Марсея (Garr. 368, 1). Младенецъ Христосъ одинъ на ряду съ ангелами имѣетъ голубой нимбъ, но поверхъ этого нимба изображенъ еще небольшой золотой равноконечный крестъ, который пемного спустя займетъ мѣсто внутри нимба и образуетъ крестчатый нимбъ въ мозаикахъ Равенны (Garr. IV, 244). Здѣсь мы имѣемъ еще первую попытку въ изображеніи этого нимба.

Симеонъ имѣетъ короткую бороду и волосы съ просѣдью, это — типъ старца. Типъ Іосифа указываетъ на византійскіе образцы. Онъ одѣтъ въ тунику и паллій и не имѣетъ жезла, какъ и въ сирійскомъ евангеліи (Garr. 130, 2), и на креслѣ Максиміана въ сценахъ Рождества и Поклоненія волхвовъ (417, 4; 418, 1)¹). Жрецы и левиты имѣютъ пышные и длинные сѣдые назорейскіе волосы и большія бороды. Это типъ античнаго бога Зевса или Посейдона, но упрощенный и представляющій лишь общую схему античной маститой головы.

И однако, нигдѣ болѣе, кромѣ Равенны, мы не встрѣчаемъ этого типа жреца, имѣющаго синюю хламиду — знакъ своего достоинства, назорейскіе волосы и большую бороду (Garr. 262,⁴ 1; 266, 5). Это черты Мельхиседека и того жреца, который сопровождаетъ Христа во время взятія Его въ Геесиманскомъ саду и передъ Пилатомъ въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ. (Garr. 251, 3, 4, 5; 256, 6). Въ этихъ сценахъ повторяется въ точности и высокая, бѣлая съ красными повязками, обувь жрецовъ. Этотъ типъ не извѣстенъ на памятникахъ первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. Изрѣдка встрѣчающееся изображеніе Мельхиседека и жреца на словенскихъ костяхъ характеризуется туникой и палліумомъ. Мельхиседекъ въ вѣнской библии одѣтъ въ костюмъ царя (Garr. 113, 3).

Сцена поклоненія волхвовъ до сихъ поръ окружена ореоломъ таинственности. Составъ композиціи ея совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что извѣстно изъ иконографіи этой сцены на древне-христіанскихъ памятникахъ. Обыкновенно изображается сидящая на креслѣ или на тронѣ Марія съ Младенцемъ; къ ней справа или слѣва под-

¹) На саркофагахъ Іосифъ изображается въ пастушеской визимидѣ и съ небольшимъ изогнутымъ посохомъ. Съ высокимъ жезломъ онъ изображенъ на пиксидѣ изъ Миндена V—VI вѣка (Garr. 437, 4) и на пиксидѣ изъ Вердена той же эпохи (438, 1).

ходятъ волхвы съ дарами, при чемъ ангель, стоя сбоку Маріи или летя надъ волхвами, какъ это изображено на нѣкоторыхъ ампуллахъ изъ Монцы (Garr. 433, 7, 9), приводитъ ихъ къ святому семейству. Иногда нѣкоторыя детали этой сцены мѣняются. Изображаются то два, то три, то четыре волхва; за кресломъ Богородицы помѣщается фигура Іосифа, какъ на саркофагахъ (Garr. 365,2; 380, 4) и на креслѣ Максиміана (Ibid. 418, 1). Основные элементы композиціи остаются, однако, одни и тѣ-же, то-есть, повсюду изображается Марія съ Младенцемъ на рукахъ (иногда въ ясляхъ), ангель, Іосифъ, волхвы ¹⁾. Совершенно иную композицію даетъ мозаика. Здѣсь (рис. 10) изображенъ большой и роскошный тронъ съ сидящимъ на немъ

Рис. 10. Центральная часть сцены поклоненія волхвовъ.

¹⁾ Эта сцена известна уже въ катакомбахъ. Наиболее ранніе примѣры находятся въ катакомбахъ Марцеллина и Петра (*Fleury, Evangile, I, pl. XVII, 1; Garr. t. 58, 1*) III вѣка. Здѣсь представлены два волхва по сторонамъ Богородицы. Затѣмъ—въ катакомбѣ Калликста, *Fleury, Ibid., XVII, 2*, съ тремя волхвами.

младенцемъ Христомъ ¹⁾. По сторонамъ трона сидятъ двѣ женскія фигуры, а за спинкой кресла стоятъ четыре ангела. Два волхва несутъ дары на большихъ подносахъ. Сзади нихъ изображенъ городъ Волхвы и городъ на нашемъ рисункѣ опущены.

Женская фигура нѣсколько отъ зрителя очень сильно реставрирована. Ея лицо, прическа, одежда написаны красками. Жестъ правой руки прослѣживается въ остаткахъ мозаики, а лѣвая рука съ книгой, опертая на сидѣніе, сохранилась вполне. Фигура направо сохранилась вся цѣликомъ.

Первообразы этихъ двухъ фигуръ извѣстны только на древнихъ саркофагахъ, что указываетъ на заимствованіе мотивовъ изъ скульптуры въ живопись. Двѣ мозаическія женскія фигуры какъ-бы скопированы съ тѣхъ изображеній Богородицы, которыя часто можно видѣть въ сценахъ адораціи вола и осла, изображаемыхъ самостоятельно, или соединяемыхъ съ поклоненіемъ волхвовъ. Здѣсь Марія сидитъ, опираясь лѣвой рукой на скалу, а правую прикладываетъ къ груди. На нѣкоторыхъ саркофагахъ она имѣетъ и голову, повернутую вправо (Gagг. 334, 2; 365, 1). Прямой оригиналъ для мозаической фигуры слѣва, за исключеніемъ одежды, можно указать на двухъ обломкахъ саркофаговъ Латеранскаго музея (Gagг. 398, 5, 7). Другая фигура повторяетъ до мелочей изображеніе Маріи въ тѣхъ же сценахъ адораціи вола и осла и поклоненія волхвовъ. На саркофагахъ Арія (Gagг. 310, 4), Мантуи (320, 2), Анконы (326, 1), Максимиана (334, 3), задумчивая поза Маріи сопровождается тѣмъ же положеніемъ руки у подбородка и тѣмъ же одѣяніемъ. Этотъ типъ задумчивой сидящей фигуры Маріи повторенъ въ сценѣ Рождества въ сирійскомъ евангеліи (Gagг. 130, 2). Затѣмъ Марія въ сценахъ Рождества на креслѣ Максимиана, на эчміадзинскомъ диптихѣ ²⁾ представляется уже лежащей, но расположеніе рукъ остается приблизительно то же (Gagг. 417, 4).

Все различіе отъ фигуръ на саркофагахъ состоитъ въ атрибутахъ. Фигурѣ нѣсколько дана книга, фигура направо имѣетъ платокъ и опираетъ локоть лѣвой руки на колонку. Эти атрибуты связываютъ обѣ фигуры съ извѣстными аллегорическими изображеніями цѣрквей въ мозаикѣ цѣркви

¹⁾ Для пониманія этой сцены весьма плохую услугу оказываетъ рисунокъ изъ Dictionary of christian antiquities I, n. с. Angels, p. 84, *Smith and Cheetham*. Рисунокъ взятъ изъ Виндзорскаго собранія древнихъ рисунковъ съ мозаикъ. Онъ въ высшей степени небреженъ и ошибоченъ.

²⁾ *Е. К. Ридинъ*, Эчміада. диптихъ, стр. 4.

св. Сабинѣ въ Римѣ. Флери и Кондаковъ признали въ этихъ фигурахъ изображенія церквей. Кондаковъ первый указалъ, что фигура Маріи на дверяхъ церкви св. Сабинѣ въ Римѣ представляетъ образъ церкви, оставленной Христомъ на землѣ¹⁾. Бертье указалъ далѣе, что на нѣкоторыхъ доньшкахъ сосудовъ Марія, изображаемая посреди апостоловъ Петра и Павла, прямо называется именемъ Маріи, какъ и апостолы. имѣющіе надъ собою надписи²⁾. Изображеніе Маріи сливается съ образомъ церкви на многихъ памятникахъ древне-христіанскихъ и византійскихъ. Образы церквей на мозаикѣ, копируя скульптурныя изображенія Маріи, принадлежатъ къ подобному же роду изображеній.

Жестъ возлаганія руки на грудь довольно часто встрѣчается на христіанскихъ памятникахъ, какъ у женскихъ, такъ и у мужскихъ фигуръ, и всегда сопровождается выраженіемъ смиренія и умиленія во всей фигурѣ, какъ это видно и на мозаикѣ³⁾.

Другая фигура погружена въ глубокую меланхолію. Ея поза и жестъ извѣстны въ памятникахъ античнаго и христіанскаго искусства. Во фрескахъ Помпей Пенелопа, задумчиво слушая Одиссея, подноситъ руку къ подбородку; Прозерпина, сидя въ подѣльномъ царствѣ, задумчиво склоняетъ голову и такъ-же приближаетъ къ подбородку руку. Петръ, слушая Христа или служанку, напоминающихъ ему объ отреченіи, впадаетъ въ меланхолію и подноситъ руку къ подбородку, а Пилать, опирая локоть правой руки въ ладонь лѣвой и поднося руку къ подбородку, глубоко задумывается объ участи Христа и отворачиваетъ отъ него голову⁴⁾. Колонка, на которую женская фигура

¹⁾ *Kondakoff*, *Sculptures de la porte de S. Sabine*, p. 8.

²⁾ *Berthier*, *La porte de S. Sabine à Rome*, p. 72 сл. *Liell*, *Die Darstellungen der Maria*, p. 180, дѣлаетъ сводъ всѣхъ объясненій образа оранты, какъ Маріи, стр. 173—197. Ср. *Айналовъ и Рудинъ*, Кіево-Софійскій соборъ, гдѣ этотъ вопросъ разобранъ подробно, стр. 29—31, 39—40. *Fleury*, *Evangile*, I, p. 67, 68, tab. XXI, приводятъ и ученіе отцовъ церкви на этотъ счетъ, но ошибается, принимая книгу въ рукахъ фигуры нахѣво за дощечку, а платокъ въ рукахъ правой фигуры считая за святою. Также см. статью *А. Н. Курничикова*, Иконографія Вознесенія: *Труды VI арх. съезда въ Одессѣ 1884*, III, стр. 388 и сл.

³⁾ *Garrucci*, 346, 4; 321, 2; *De Rossi*, R. S. II, tav. XXI; на креслѣ Максимиана *Garr.* 419, 3. Этотъ жестъ считался свойственнымъ рабамъ: τὴν γὰρ λατὴν περὶ στήθος εἶχον δουλοπρεπῶς. *Karl Sittl*, *Die Gebärden d. Griechen und Röm.* p. 162 сл. Это напоминаетъ выраженіе христіанъ δουλος Κυρίου, servus Dei.

⁴⁾ *Garrucci*, 354, 4; 358, 3; 445; 334, 3. Евангелисты Іоаннъ и Маттеей, сидящіе надъ своими рукописями также представляются въ глубокой думѣ, выражаемой художественно тѣми-же позами. См. еванг. Лавр. библ. *Plut.* VI, Cod. 18. Объ этомъ жестѣ см. *Garrucci*, I, p. 136—138.

опираетъ свою руку, не связана ни съ сидѣніемъ, ни съ подножіемъ. Это колонка бичеванія, о которой рано говорятъ паломники во святую землю ¹⁾). Она характеризуетъ фигуру какъ синагогу, бичевавшую Христа. Ея меланхолія, поэтому, вытекаетъ изъ думъ о младенцѣ мессіи. Синагога одѣта въ золотую тунику и лиловую пурпурную паллу, которая окутываетъ всю верхнюю часть ея фигуры и однимъ концомъ спадаетъ до земли. Обувь ея красная. Этотъ костюмъ имѣютъ обѣ фигуры церкви въ мозаикѣ св. Сабины, а въ византійскомъ искусствѣ лиловая палла становится специально одеждой Богородицы, начиная съ мозаикъ въ ц. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ. Ее имѣетъ она и тогда, когда образъ ея сливается съ образомъ церкви, и когда она собираетъ въ чашу кровь Христову въ сценахъ Распятія ²⁾).

Двѣ аллегорическія фигуры, привнесенныя въ историческую композицію поклоненія волхвовъ, указываютъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ одной изъ тѣхъ идеальныхъ сценъ, которыя были уже разобраны въ мозаикахъ ц. св. Констанцы и Пуденціаны. Не смотря однако на иносказательный смыслъ, который имѣютъ женскія фигуры, онѣ связаны съ общимъ дѣйствіемъ. Христосъ младенецъ сидитъ въ полуоборотѣ фигурѣ церкви и указываетъ правой рукой въ сторону синагоги. Онъ одѣтъ, какъ и ранѣе, въ бѣлую тунику съ синими клавами и въ бѣлый хитопъ. Внутри золотого нимба изображенъ крестъ—новая разновидность въ сравненіи съ изображеніемъ нимба въ сценѣ Срѣтенія. Крайній ангелъ открываетъ въ знакъ изумленія ладонь передъ грудью; другой рядомъ указываетъ на Христа; третій указываетъ въ сторону подходящихъ волхвовъ, а четвертый на синагогу, касаясь ея головы указательнымъ пальцемъ. Два ангела слѣва смотрятъ въ правую сторону на волхвовъ, два другіе склоняютъ головы въ сторону первыхъ. Четыре ангела въ извѣстной мозаикѣ ц. Аполлинарія Новаго (Gagg. 244, 2.) жестикуютъ приблизительно такъ-же, такъ что реставрація, очевидно, держалась тамъ сохранившихся контуровъ. Но тамъ господствуетъ полное однообразіе въ постановкѣ фигуръ: онѣ все смотрятъ на зрителя и кажутся безучастными. Между четырьмя фигурами ангеловъ на нашей мозаикѣ видны двѣ безкрылыя

¹⁾ *Tobler*, *Itinera*, p. 18. Бордосскій путникъ 333 г. указываетъ ее въ домѣ Каіафы. *Breviarij* Іерус., *Θεοδοσίη*, *Ιερονυμῶν* и *Αντωνίου Πιάδενσις* говорятъ о ней, ib. p. 33, 58, 66, 103, 106.

²⁾ *Schulz*, *Der Byzantinische Zellenschmelz*, *Erankfurt a. M.* 1890, *taf.* 19. *Д. Айналовъ*, *Икона изъ собранія гр. Г. С. Строганова: Археологическія Извѣстія и Записки*, 1893, №№ 9—10, отд. отискъ, стр. 9.

фигуры. Художникъ лишилъ ихъ крыльевъ, очевидно, по недостатку мѣста за трономъ; это доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что два крайнихъ ангела имѣютъ каждый по одному крылу. Такая вольность въ изображеніи ангеловъ могла быть допущена лишь вслѣдствіе близости этихъ типовъ ангеловъ къ безкрылымъ юношамъ каткомбной живописи и памятниковъ скульптурныхъ этого времени. Это отсутствіе крыльевъ у двухъ среднихъ ангеловъ указываетъ на колебаніе въ ихъ типѣ, который окончательно складывается лишь въ VI вѣкѣ ¹⁾.

Между ангелами изображена надъ Христомъ бѣлая восьмиконечная звѣзда въ голубомъ нимбѣ. Тронъ, на которомъ сидитъ Христосъ, очень великъ для его роста. Красная невысокая спинка обрамлена золотой рамой, украшенной синими четырехугольными камнями и жемчугомъ. Ножки кончаются вверху кругами, осыпанными жемчугомъ съ большимъ синимъ круглымъ камнемъ, сидящимъ въ золотомъ гнѣздѣ. Подножіе трона золотое и также осыпано драгоценными камнями. Высокая подушка трона обтянута лиловой пурпурной матеріей. Въ памятникахъ византийскаго искусства подобный тронъ дается Христу, какъ царю. На мозаикѣ онъ сохраняетъ продолговатую форму античнаго трона, на которомъ обыкновенно сидятъ боги, какъ это изображается часто въ рукописи Илиады Амброзіанской бібліотеки. Въ сирийскомъ евангеліи на такомъ тронѣ, только съ высокой рѣзной спинкой, сидитъ юный Соломонъ, занимая лишь одну треть этого большаго трона (Garr. 130, 2.). Золото и ряды драгоценныхъ камней, высокій помостъ для ногъ повторяются особенно въ равеннскихъ мозаикахъ арианскаго Баптистеріа (Garr. 241) въ изображеніи подобныхъ-же троновъ. Въ рукописи Косьмы Индикоплова Ват. библ. (л. 63, 72) на этомъ роскошномъ золотомъ тронѣ сидитъ Христосъ или Соломонъ и Давидъ. Христосъ, такимъ образомъ, занимаетъ царскій тронъ. Идеальный складъ компо-

¹⁾ *Ciampini*, Vet. Mon. I, p. 208, fig. 22, 23, считалъ этихъ двухъ безкрылыхъ ангеловъ за спутниковъ маговъ, но онъ не обратилъ вниманія на то, что они имѣютъ нимбы какъ и два другіе. Безкрылый ангелъ въ ватак. Петра и Марцеллина: *Wilpert*, Ein Cyclus d. christ. Gem. taf. III. IV; taf VI, 2. *Garrucci*, t. 75; на саркофагѣ изъ Пюи: *Edm. Le Blant*, Les sarcophages chrétiens, p. 75 и прим. 3, pl. XVII, 4; *Etudes sur les sarcoph. d'Arles*, pl. III. VI. XX. *Garrucci*, t. 365, 1 а; на диптихѣ Тривульчи (см. рис.). Изображеніе безкрылыхъ ангеловъ доходитъ до VII—VIII вѣка, но становится все рѣже. См. на диптихѣ Миланск. *Garr.* t. 450; также t. 459, 1. 3. 4 и множество другихъ.

зиціи проявляется и въ этой чертѣ. Роскошный тронъ указываетъ на царское достоинство Христа. О наследномъ тронѣ Давида, который займетъ Христосъ, говоритъ архангелъ Гавриилъ Маріи въ своемъ благовѣстіи: „И дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его; и будетъ царствовать надъ домою Іакова во вѣки, и царствію его не будетъ конца ¹⁾“. Волхвы, слѣдовательно, приносятъ ему дары, какъ царю, какъ объ этомъ говорится въ евангелии Маттея (II, 2) ²⁾. Сцена поклоненія волхвовъ, такимъ образомъ, представляетъ исполненіе пророчества архангела. Она и изображена поэтому подъ сценой Благовѣщенія. Дѣйствительно, еслибы роспись арки слѣдовала въ порядкѣ размѣщенія сценъ порядку событій въ евангелияхъ, то на томъ мѣстѣ, гдѣ изображена сцена поклоненія волхвовъ, должно было бы видѣть приходъ волхвовъ къ Ироду, отъ котораго они отправились въ Вилеємъ. Между тѣмъ приходъ волхвовъ къ Ироду изображенъ въ третьемъ ряду на противоположной сторонѣ арки.

На мозаикѣ изображены два волхва въ своихъ тиарахъ и шароварахъ, какъ называлъ это одѣяніе еще Тертуллианъ (*tiaras nec sababaga laeserunt*), говоря о трехъ отрокахъ въ пещи, костюмъ которыхъ обыкновенно тотъ же, что и у волхвовъ. Направление ихъ справа налѣво стоитъ въ зависимости отъ направленія группы въ слѣдующей сценѣ, которая движается въ обратномъ направленіи. Движеніе волхвовъ дано, такимъ образомъ, въ контрастѣ, а изображеніе Іерусалима, изъ котораго выходятъ волхвы, представлено въ симметріи съ городомъ слѣдующей сцены. И далѣе, если волхвовъ представлено только двое, то изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія, что третій волхвъ еще не успѣлъ выйдти изъ города, какъ это дѣлаетъ Гримуаръ де Сенъ-Лоранъ ³⁾, ибо почему не думать тогда, что оттуда выйдутъ и верблюды, и слуги, которые изображаются иногда на современныхъ мозаикѣ христіанскихъ памятникахъ. Чіампини указываетъ слѣва отъ фигуры церкви высоко поднятую руку какой-то фигуры, которая была во время реставраціи покрыта пилестромъ ⁴⁾. Здѣсь могъ быть волхвъ, такъ какъ на саркофагахъ

¹⁾ Καὶ δώσει αὐτῷ Κύριος ὁ Θεὸς τὸν θρόνον Δαβὶδ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, καὶ βασιλεύσει ἐπὶ τὸν οἶκον Ἰακώβ εἰς τοὺς αἰῶνας, καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ οὐκ ἔσται τέλος. Еванг. отъ Луки I, 32—33.

²⁾ Также въ евангелии Никодима. *Thilo*, Codex Apocryphus, I, p. 570.

³⁾ *Revue de l'art chrétien*, 1880, II, p. 110. Quelques singularités dans la représentation de la Nativité.

⁴⁾ *Vetere Mon.*, I, p. 208. Num. 15.

часто изображается передній волхвъ указывающимъ на звѣзду. Этой руки теперь не существуетъ, но что третій волхвъ здѣсь былъ, указываетъ косвеннымъ образомъ изображеніе трехъ волхвовъ въ нижней сценѣ направо, гдѣ они представлены передъ Иродомъ. Костюмы ихъ цвѣтные. Зеленые шаровары украшены длинными полосами, идущими по длинѣ ноги и усыпанными рядами драгоцѣнныхъ камней. Верхняя одежда у одного красная, у другаго зеленая. Такъ мѣняется и цвѣтъ ихъ остроковечныхъ колпаковъ—у передняго зеленый колпакъ или тіара, у задняго красный. На ихъ золотыхъ подносахъ лежатъ дары въ видѣ пирамидокъ. Изображеніе города дано въ обычной схемѣ, какъ и въ рукописяхъ вѣнской библии, Иисуса Навина на подобіе башни со стѣнами и съ высокими и узкими воротами. Внутри за стѣнами видѣются зданія.

Встрѣча Афродизія. Изъ большого города, обнесеннаго стѣнами и бойницами, вышла въ поле царская процессія. Ее открываютъ царь и рядомъ съ нимъ идущій старикъ, опирающийся на палицу. За ними слѣдуетъ толпа придворныхъ и войска. Задніе несутъ знамена, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 11) ¹⁾. Процессія эта встрѣчаетъ святое семейство, окруженное, какъ и ранѣе, четырьмя ангелами. Впереди идетъ младенецъ Христосъ, открывая ладонь въ знакъ привѣтствія. Два ангела встрѣчаютъ процессію, допускаютъ ее къ святому семейству и привѣтствуютъ ее жестами. Іосифъ, складывая именовсловно пальцы правой руки, говоритъ, а Богородица, идя вслѣдъ за младенцемъ, протягиваетъ правую руку къ младенцу, какъ бы охраняя его. За Богородицей стоитъ третій ангелъ, а за нимъ былъ еще четвертый, отъ котораго видна только рука. Фигура его закрыта пилястромъ, идущимъ у края стѣны. Реставрированъ красками хитонъ Іосифа, который былъ подноясанъ, правая рука Богородицы и коронка на ея головѣ.

¹⁾ De Waal принялъ по ошибкѣ эти знамена за носы кораблей, а полосу неба за рѣку Ниль. На хромофотографіи, которую онъ издалъ, знамена изображены очень неясно, такъ какъ снизу церкви видны очень плохо. *Römische Quartalschrift*, 1887, p. 190, tab. VIII. IX. На этомъ рисункѣ допущены многія неправильности: у Афродизія на спинѣ изображенъ лишній кусокъ матеріи; у философа изображены башмаки; Христосъ стоитъ сомкнувши ноги; Богородица держитъ свѣточъ, который представляеть на мозаикѣ приярѣшу — желѣзную пластинку. Рисунокъ Флѣри совершенно фантастиченъ. De Rossi былъ введенъ въ заблужденіе de Waal'емъ и видѣлъ въ мозаикѣ корабля и рѣку Ниль. См. *Musæici*, XIV, XV, т. 4 обор.

Рис. 11. Сцена вогрѣчи Афродія.

Эту интересную сцену долгое время считали за бесѣду Христа съ учителями въ Иерусалимскомъ храмѣ: Н. П. Кондаковъ первый указалъ на текстъ апокрифическаго евангелія, объясняющаго сцену ¹⁾. Въ евангелии псевдо-Маттея разказывается, какъ святое семейство пришло въ египетскій городъ Сотине. Марія съ Младенцемъ на рукахъ и Иосифъ вошли въ главный храмъ города. При появленіи Христа идолы, находившіеся въ храмѣ, пали на землю. Въ народѣ происходитъ волненіе. Вѣсть о паденіи идоловъ доходитъ до Афродизія, дуки города. Онъ собираетъ свое войско и высшихъ чиновниковъ и спѣшитъ въ храмъ. Увидѣвъ чудо, онъ обращается къ Маріи съ тѣмъ, чтобы почтить младенца. Обращаясь затѣмъ къ своимъ друзьямъ и войску, онъ говоритъ о могуществѣ истиннаго Бога ²⁾. Почти въ такихъ-же чертахъ рисуется это событіе и арабское евангеліе дѣтства Христа, которое упоминаетъ, между прочимъ, вкратцѣ еще и о встрѣчѣ святаго семейства съ фараономъ въ Мемфисѣ ³⁾.

На мозаикѣ нѣтъ ни храма, ни падающихъ идоловъ, которые упоминаются въ апокрифахъ. Мозаика изображаетъ лишь торжественную встрѣчу дуки Афродизія или фараона. Самая встрѣча обставлена чрезвычайно характерно деталями торжественнаго выхода византийскаго императора V вѣка.

Костюмъ царя чисто византийскій и извѣстенъ въ вѣпской библии (Gagg. 121,1) у Иосифа. Бритое безусое лицо царя округло и молодо. Волосы на головѣ короткіе, подстриженные и украшены узкимъ ровнымъ ободкомъ діадемы. Лиловая пурпурная длинная kappa, обыкновенная одежда императора во время торжественныхъ выходовъ, имѣетъ золотые табліоны на переднемъ и заднемъ полотнищѣ ея (χρυσόταβλον Χλαμίδιον) она застегнута большой круглой фибулой съ краснымъ камнемъ внутри, осыпаннымъ вокругъ жемчугомъ. Двѣ жемчужныя нити свѣшиваются внизъ отъ этой фибулы и заканчиваются двумя драгоценными большими жемчужинами. Нижняя бѣлая туника или дивитисій, съ золотыми и красными нашивками на плечѣ, по нижнему краю и рукавамъ, подпоясана краснымъ узкимъ поясомъ. На ногахъ узкая остроконечная обувь поверхъ штановъ (βράχια), обтягивающихъ ногу.

¹⁾ Н. Кондаковъ, Ист. виз. иск.—приложение въ концѣ книги.

²⁾ Thilo, Codex apocryphus, I, p. 400, cap. 22. 23.

³⁾ Tischendorf, о. с. Evang. Arab. infantiae Salvatoris, cap. XXV: „Inde Memphim descenderunt visoque Pharaone triennium in Egypto substiterunt“.

За нимъ идутъ двое комитовъ въ цвѣтныхъ (у одного свѣтло-голубая, у другаго свѣтло-сѣрая) туникахъ и цвѣтныхъ штанахъ и въ сандаляхъ. Туника задняго украшена на плечѣхъ и у края изображеніемъ трялистника. Они имѣютъ на плечахъ плащи, застегнутые у шеи простою фибулой.

Волосы ихъ довольно длинны и пушисты. Въ толпѣ видны такіе-же головы свиты. Всѣ лица—бритыя, какъ и лицо императора.

Эта сцена выхода весьма близка къ сценѣ въ мозаикахъ св. Виталія съ выходомъ Юстиніана, гдѣ у послѣдняго тотъ же, но болѣе роскошно украшенный костюмъ (Garr. t. 264, 1); она повторена почти до мельчайшихъ подробностей въ греческой рукописи Григорія Назіанзина Парижской Національной библиотеки, № 510, въ миниатюрѣ, представляющей выходъ Юліана на жертвоприношеніе. Юліанъ имѣетъ тотъ-же костюмъ, тотъ-же жестъ; рядомъ съ нимъ идетъ жрецъ. Сзади слѣдуетъ стража въ тѣхъ-же костюмахъ, но безъ плащей, со щитами и копьями ¹⁾. Движеніе фигуръ дано также слѣва направо. Исаія въ рукописи Космы Индикоплова представленъ въ той-же позѣ и съ тѣмъ-же жестомъ идущимъ направо. На немъ тотъ-же костюмъ (листъ 372). Старикъ на нашей мозаикѣ имѣетъ большую широкую бороду и большіе волосы. Гарруччи вѣрно указалъ, что черты его типа и одеждъ указываютъ въ немъ циническаго философа (Garr. t. 214). Его гиматій (*ἱμάτιον*, *tribon*), прикрывающій полуобнаженное тѣло, и сандали на ногахъ составляютъ весь его костюмъ. Идя, онъ опирается на толстую палку, также принадлежность философа циника. Его фигура не менѣе характерна, чѣмъ одѣяніе. Темнокрасное тѣло, грубое и сильное, мощная фигура, вздымающіеся мускулы напоминаютъ античнаго Геркулеса. Въ этомъ философѣ, идущемъ рядомъ съ царемъ, можно узнать друга царя, а не тѣлохранителя или жреца, какъ полагалъ Н. П. Кондаковъ.

Псевдо-Матоей упоминаетъ о друзьяхъ, къ которымъ обратился съ рѣчью Афродизій. Мозаика изображаетъ намъ философа, держась обычая царей приближать къ себѣ выдающихся людей, поэтовъ, ученыхъ и философовъ. Такъ извѣстно, что одинъ изъ циниковъ, ученикъ Діогена, сопровождалъ въ походахъ Александра Великаго и даже написалъ его романическую исторію ²⁾. Другой киликійскій ци-

¹⁾ *Bordier*, Description des peintures et autres ornements dans les manuscrits grecs de la Bibl. Nationale, Paris, 1885, p. 22.

²⁾ *Zeller*, La philosophie des Grecs, III, Paris, 1889, p. 264, прим. 1.

никъ Антиохъ былъ приближенъ ко двору Севера и Каракаллы, которые очень цѣнили его военныя доблести. Извѣстна и оппозиція со стороны циниковъ двору императоровъ Веспасіана и Тита, какъ объ этомъ разказываетъ Діонъ Кассій ¹⁾.

Преклоненіе царя и философа передъ Мессіей можетъ быть сопоставлено съ поклоненіемъ волхвовъ и со Срѣтеніемъ. Во всѣхъ трехъ композиціяхъ повторяется одинъ и тотъ-же мотивъ признанія Христа Богомъ.

Волхвы передъ Иродомъ. Фигура Ирода наполовину закрыта пилестромъ. Онъ сидитъ на тронѣ съ красной подушкой. Надъ его головой находилась синія полоса съ надписью бѣлыми буквами, называвшая его по имени. Сохранились лишь двѣ первыя буквы слова НЕ-(RODES). Подъ ногами у него подножіе, усыпанное драгоценными камнями, какъ и у Христа въ сценѣ поклоненія волхвовъ. На немъ воинскій нарядъ: золотыя латы и подъ ними бѣлая туника. Лице бритое и круглое; голова съ короткими волосами окружена голубымъ нимбомъ. Онъ протягиваетъ правую руку съ двуперстнымъ жестомъ, отдавая приказаніе. Сбоку видна фигура воина въ шлемѣ и съ копьемъ. Эта сцена встрѣчи Афродизіемъ св. семейства повторена въ рукописи XII вѣка акаѳиста Богородицѣ Московской Синодальной бібліотеки, № 429, какъ на это указалъ впервые Н. П. Кондаковъ. На миниатюрѣ представлена Марія съ Младенцемъ, приближающаяся къ Египту. Три идола падаютъ съ высоты крышъ храмовъ. Афродизій съ процессіей принимаетъ передъ воротами божественнаго Младенца ²⁾.

Сбоку трона Ирода стоятъ два жреца, одѣтые въ свои обычные бѣлые хитоны и синія наплечія, застегнутыя на груди большими фибулами съ драгоценнымъ камнемъ внутри каждой. Ихъ лица подверглись реставраціи: лысая голова одного и короткіе волосы другого не передаютъ типа жрецовъ съ длинными назорейскими волосами въ сценѣ Срѣтенія. Болѣе пожилой жрецъ разсуждаетъ, держа развернутый свитокъ. На свиткѣ изображены черточки и подобія буквъ. Надпись эта не читается. Три волхва медленно приближаются къ Ироду. Они всѣ молоды и одѣты въ такіе-же точно костюмы, какъ и ранѣе, за исключеніемъ того, что передній волхвъ имѣетъ красный плащъ, наброшенный на лѣвое плечо и окутывающій его

¹⁾ *Iacob Bernays*, *Lucian und Kyniker*, Berlin. 1879, p. 25—30.

²⁾ *N. Kondakoff*, *Histoire de l'art byzantin*, Paris, 1891, p. 129.

лѣвую руку. Первый волхвъ, подходя, обращается къ Ироду съ такимъ-же жестомъ, какъ и пожилой жрецъ; другой подноситъ руку къ подбородку и склоняетъ голову вправо, а третій протягиваетъ ладонь по направленію къ низу. За волхвами виденъ башнеобразный городъ съ воротами и зданіями внутри.

Это первая извѣстная въ христіанской иконографіи сцена, представляющая волхвовъ передъ Иродомъ¹⁾. У евангелиста Матѳея разказывается, что Иродъ, услышавъ о приходѣ волхвовъ, созвалъ всѣхъ первосвященниковъ и книжниковъ и спрашивалъ у нихъ, гдѣ должно родиться Христу, и что послѣдніе привели ему пророчество Михея о Вилеємѣ, изъ котораго произойдетъ вождь, который упасетъ Израиля (11, 3—6). Послѣ этого Иродъ тайно призываетъ волхвовъ и направляетъ ихъ въ Вилеємъ. Композиція сцены соединяетъ два эти момента въ одинъ, и волхвы приходятъ къ Ироду въ то время, когда первосвященники держатъ передъ нимъ свитокъ съ пророчествомъ Михея и объясняютъ его. Въ такомъ видѣ сцена эта

¹⁾ De Waal, написавшій статью о магахъ для словаря церковныхъ древностей *Krausa*, т. I, p. 349 и сл. повторилъ все, что сказано было другими о двухъ сценахъ съ изображеніемъ, будто-бы, волхвовъ передъ Иродомъ. Первая изъ нихъ открыта была въ 1874 году въ катакомбѣ Агнесы. Рисунокъ *Perret*, *Les catacombes de Rome*, II, pl. XLVIII, представляетъ странную композицію. Иродъ одѣтъ въ длинную, спадающую до пятъ неподходящую одежду и держитъ правую руку ниже груди. Надъ Иродомъ, сидящимъ въ креслѣ, изображена звѣзда, лучъ отъ которой падаетъ ему на грудь. Волхвы одѣты въ непонятныя одежды. Флѣри, изображая эту же фреску, *Evangile*, t. I, pl. XVI, fig. 2 и p. 63, представляетъ уже волхвовъ съ дарами. Сравненіе этой фрески съ двумя сценами поклоненія волхвовъ въ катакомбѣ Марцеллина и Петра *Wilpert*, *cyclus d. Christol. Gem. taf. III. IV*, p. 1, показываетъ, что фигура, принимаемая за Ирода, представляетъ Марію, которая сидитъ съ Младенцемъ совершенно въ такой же позѣ и держитъ точно такъ-же руку, придерживая за плечо младенца, какъ и во фрескѣ катакомбы Агнесы, и одѣта въ тѣ-же длинныя одежды. Звѣзда и лучъ не могутъ относиться къ Ироду, а къ младенцу Христу, фигура котораго отъ времени, очевидно, исчезла. Кромѣ того маги не могутъ приносить даровъ Ироду, и Гарруччи, послѣдній издатель фрески, напрасно думаетъ, что они показываютъ ихъ Ироду, *tav. 67, 2*. Другую сцену съ изображеніемъ волхвовъ передъ Иродомъ хотятъ видѣть въ саркофагѣ изъ Анконы. *Garrucci*, *tav. 437, 1*. Никто, однако, не обратилъ вниманія на то простое обстоятельство, что въ этой сценѣ рядомъ съ предполагаемой фигурой Ирода изображенъ бюстъ, стоящій на колонкѣ; это служитъ яснымъ признакомъ, что представленъ Пануходоносоръ, дающій приказъ взять трехъ отроковъ, отказывающихся поклониться его изображенію, какъ это часто можно видѣть и во фрескахъ, и въ скульптурѣ. У трехъ отроковъ и у волхвовъ костюмы всегда одинаковы, что и повело къ указанной ошибкѣ.

чрезвычайно рѣдко встрѣчается въ христіанскомъ искусствѣ. Первосвященники обыкновенно не изображаются. Я могу указать лишь на одну сцену въ византійскомъ искусствѣ, гдѣ повторяется еще разъ этотъ свитокъ и первосвященники, именно на миниатюру греческаго евангелія Парижской Національной библиотеки, № 115 (листь 24), X вѣка, сопровождающую соотвѣтствующій текстъ евангелія отъ Маттея. Далѣе, другая сцена представляетъ уже волхвовъ передъ Иродомъ и безъ первосвященниковъ. Понятно, почему сцена эта изображена на аркѣ надъ городомъ Вилеемомъ: къ нему именно относится пророчество.

Приказъ Ирода избить младенцевъ. Эта сцена заканчиваетъ кругъ сценъ, избранныхъ для росписи арки. Иродъ здѣсь сидитъ въ такой-же позѣ, какъ и въ предыдущей сценѣ. И здѣсь часть его фигуры закрыта пилястромъ, видна только часть спинки трона, за которыми стоятъ два воина въ голубомъ и зеленомъ плащахъ, въ шлемахъ и держатъ копья. Третій воинъ въ сѣромъ плащѣ, оборачивая голову къ Ироду, дѣлаетъ порывистый шагъ къ толпѣ женщинъ, держащихъ дѣтей и младенцевъ въ туникахъ, и, протягивая руку, какъ бы намѣревается схватить ребенка первой женщины. На саркофагахъ и на слоновой кости, равно какъ и въ раннихъ иллюстраціяхъ сирійскаго евангелія Лавр. библи. обыкновенно изображается самый моментъ избіенія младенцевъ, при чемъ младенцы изображаются грудными и безъ одеждъ. Композиція саркофага изъ крипты св. Магдалины, Миланскаго диптиха, сирійскаго евангелія развиваютъ кровавый драматизмъ, который отсутствуетъ въ мозаикѣ. Лишь фигура воина и одна изъ фигуръ женщинъ, поворотившаяся, чтобы бѣжать, намекаютъ на драму.

Понятно, почему художникъ избѣгалъ развитія драматической композиціи. Симметрия, въ которой онъ располагаетъ свои сцены, была бы нарушена этой драмой. Кромѣ того для послѣдней сцены оставалось мало мѣста, что также могло служить препятствіемъ для развитія композиціи, въ которой рѣзкія движенія воиновъ и матерей требовали простора.

Одежды матерей состоятъ изъ верхней бѣлой паллы и цвѣтнаго платья. Первая имѣетъ голубое платье съ двумя желтыми полосами, вторая коричневое, что напоминаетъ богатые костюмы дамъ въ сценѣ выхода Θεодоры въ церкви св. Виталія. Волосы ихъ распущены въ знакъ печали, какъ у женщинъ на миланскомъ диптихѣ и на рельефахъ брешіанской дарохранительницы, гдѣ четыре жен-

скія фигуры, образующія группу плачущихъ у постели дочери Іаира, имѣютъ распущенные по плечамъ волосы (Garr. t. 442). Толпа женщинъ не расчленена. За фигурами двухъ первыхъ видны головы другихъ и затѣмъ еще два ряда головъ, отъ которыхъ видны лишь макушки. Этотъ способъ изображенія толпы надолго остается въ византійскомъ искусствѣ. Толпа расчленяется лишь въ эпоху Возрожденія. Черные волосы женщинъ напоминаютъ типы брюнетовъ въ сирійскомъ евангеліи Лавренціанской бібліотеки.

Іерусалимъ и Внолеемъ занимаютъ узкія угловыя пространства арки. Изображеніе Іерусалима сохранилось вполне, изображеніе Внолеема реставрировано почти цѣликомъ, исключая самыхъ верхнихъ частей его. Пилястры, идущіе у стѣны, закрыли по фигурѣ агнца на той и другой сторонѣ арки, вслѣдствіе чего на мозаикѣ и на рисункахъ подъ каждымъ городомъ видно всего по пяти агнцевъ вмѣсто шести.

Стѣны города Іерусалима и его башни—золотыя и украшены овальными и четырёхугольными голубыми драгоцѣнными камнями. Стѣны выведены поясами. Ворота его открыты и не имѣютъ створокъ. Надъ входомъ висятъ на цѣпочкахъ крестъ, имѣющій форму голгоетскаго креста, украшенный драгоцѣнными камнями, и два овальныхъ голубыхъ камня въ золотой оправѣ по сторонамъ его. Рядъ лиловыхъ порфировыхъ колоннъ дорическаго стиля поддерживаютъ бочковый сводъ воротъ и образуютъ крытый входъ внутрь города. Внутри города, какъ это видно изъ-за стѣнъ, изображено нѣсколько зданій. Этотъ типъ золотыхъ городовъ Іерусалима и Внолеема и ихъ сложная архитектура повторяются безъ особыхъ измѣненій въ равеннскихъ мозаикахъ VI вѣка и въ римскихъ вплоть по IX—X вѣкъ.

Іоаннъ въ 21-й главѣ своего Откровенія въ такихъ же чертахъ описываетъ видѣнный имъ Іерусалимъ Небесный, въ какихъ изображаетъ его искусство. Городъ Іерусалимъ по его описанію имѣетъ свѣтило (φωστῆρ), подобное драгоцѣнному кристалловидному камню яспису, что соответствуетъ драгоцѣнному кресту и камнямъ, висящимъ надъ воротами. Изображенія другихъ городовъ никогда не имѣютъ этихъ камней. Свѣтило, представленное въ видѣ креста, возводится къ самоцвѣтнымъ камнямъ или кресту изъ самоцвѣтнаго камня. Также точно стѣна города, выведенная основаніями (θεμελίαι), лежащими одни надъ другими, и украшенная рядомъ драгоцѣнныхъ камней, соответствуетъ въ общемъ золотой стѣнѣ, ея 12 основаніямъ и разнообразнымъ драгоцѣннымъ камнямъ, которые описываетъ подробно Іоаннъ. Лишь въ мо-

заякъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ изображены всѣ 12 основаній; вообще же число ихъ строго не обозначается и колеблется между 4—5, какъ на нашей мозаикѣ, и 7—9—15 въ другихъ мозаикахъ. Равнымъ образомъ порфировыя колонны со сводомъ портика, раскрытыя ворота, о которыхъ ничего не извѣстно изъ историческихъ описаній Иерусалима. соотвѣтствуютъ улицѣ (πλατεῖα) и никогда незапирающимся воротамъ Небеснаго Иерусалима въ видѣннн Іоанна. Виѣшній видъ этихъ, какъ и другихъ, городовъ на мозаикѣ передаетъ обычную схему башнеобразнаго города, типъ котораго сложился еще въ античномъ искусствѣ. Внутри города всегда видны зданія и храмы, какъ въ городахъ рукописей вѣвской библіи, свитка Іисуса Навина и Косьмы Индикоплова. Эта деталь удерживается вообще въ мозаикахъ. Лишь изображенію Иерусалима и Виолеема въ мозаикахъ Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ лишены этихъ зданій и представляютъ золотыя стѣны, башни и ворота. изъ которыхъ выходятъ овцы. Иерусалимъ на нашей мозаикѣ имѣетъ налѣво круглый мавзолей, который de Rossi принимаетъ за баптистерій ¹⁾, а направо базилику съ четырьмя колонками на переднемъ портикѣ и четырёхугольное зданіе съ ровной крышей за ними. Мавзолей изображенъ въ томъ же типѣ, какъ и на саркофагахъ, то-есть, въ видѣ высокой ротонды съ куполообразной крышей, съ одной дверью и двумя окнами по сторонамъ. Зданія Виолеема представляютъ три базилики налѣво; остальное реставрировано. Изображенія Иерусалима и Виолеема обыкновенно встрѣчаются въ верхнихъ частяхъ арки или стѣнъ, рядомъ съ четырьмя символами и 24 старцами, поднимающими вверхъ короны. Въ нижнихъ частяхъ композицій она изображаются лишь въ абсидахъ, по сторонамъ главной композицій, гдѣ 12 овецъ выходятъ изъ нихъ, направляясь къ холмику съ четырьмя рѣками и со стоящимъ на немъ агнцемъ. Такое помѣщеніе зависитъ прямо отъ формы и величины мѣста, на которомъ располагаются эти изображенія. На аркѣ изображенія Иерусалима и Виолеема занимаютъ нижнія ея части, такъ какъ верхнія заняты росписью, заключающею сцены изъ жизни Богородицы и младенца Христа. Однако, Иерусалимъ занимаетъ мѣсто налѣво отъ зрителя, а Виолеемъ направо—положенія, которыя они никогда не мѣняютъ.

Изображеніе трона съ апостолами Петромъ и Павломъ по сторонамъ и четырьмя символами евангелистовъ вверху занимаетъ мѣсто въ центрѣ арки и раздѣляетъ двѣ верхнія сцены. Петръ и Павелъ

¹⁾ *Mosaici, fasc. XIV, XV, л.*

одѣты въ бѣлыя одежды — хитонъ и гиматій и держатъ открытыя евангелія въ лѣвой рукѣ, а правой оба указываютъ на тронъ. Четыре символа представлены безъ книгъ; быкъ и левъ имѣютъ переднія ноги. Головы Петра и Павла, четырехъ символовъ и верхняя часть медальона до спинки трона осыпались и паписаны красками.

Золотой тронъ осыпанъ весь драгоценными камнями. Верхняя перекладина его кончается двумя золотыми львиными головами, изъ пасти которыхъ висятъ на золотыхъ шнурахъ синіе камни. На роскошномъ золотомъ подножии, также украшенномъ драгоценными камнями, лежитъ запечатанный семью печатами свитокъ. Между трономъ и подножіемъ водруженъ большой драгоценный крестъ въ формѣ голгоетскаго креста. На бѣлой подушкѣ трона лежитъ на синемъ платѣ, свисающемъ внизъ, корона, украшенная камнями. Ножки трона кончаются у сидѣнія двумя медальонами, осыпанными жемчугомъ, а внутри cadaго изображено по бюсту Петра и Павла въ ихъ традиціонномъ типѣ. Петръ, однако, занимаетъ мѣсто налѣво, Павелъ направо отъ зрителя.

Въ мозаикахъ Равенны и Рима изображенія этого трона и обстановки, его окружающей, мѣняются лишь въ деталяхъ. Тронъ является то на облакахъ со Святымъ Духомъ на спинкѣ кресла и символами евангелистовъ по сторонамъ, какъ въ мозаикѣ капеллы св. Приска въ древней Капуѣ (Gagg. 257, 2), то съ агнецомъ, лежащимъ на немъ, съ голгоетскимъ крестомъ, водруженнымъ за трономъ, и свиткомъ на подножии, какъ въ мозаикѣ VI вѣка церкви Космы и Даміана въ Римѣ (Gagg. 253), при чемъ по сторонамъ медальона съ трономъ изображаются еще и семь свѣтильниковъ, ангелы, символы евангелистовъ и 24 старца, поднимающіе свои короны вверхъ къ трону¹⁾; то, наконецъ, тронъ съ крестомъ и висающимъ на немъ сударіемъ безъ свитка является какъ бы внѣ апокалипсической обстановки, и къ нему направляются 12 апостоловъ съ Петромъ и Павломъ во главѣ, несущіе короны, какъ это изображено въ мозаикѣ Арианскаго Баптистерія въ Равеннѣ (Gagg. 241, 2). Въ поздней мозаикѣ IX вѣка капеллы Зенона (въ церкви св. Пракседы) Петръ и Павелъ, стоя по сторонамъ этого трона съ крестомъ, но безъ свитка, указываютъ на него руками, какъ и въ мозаикѣ S. Maria Maggiore. Де Росси, описывая саркофагъ изъ Тускулана V вѣка съ изображеніемъ трона

¹⁾ Та-же композиція повторена и въ поздней мозаикѣ IX вѣка церкви св. Пракседы въ Римѣ. Gagg. t. 286.

съ монограммой въ вѣнкѣ на его подушкѣ, полагаетъ, что онъ представляетъ наиболѣе раннюю форму того трона, который въ византийскомъ искусствѣ становится извѣстнымъ подъ именемъ гетимаси или уготованнаго престола. Не смотря на такое признание, онъ, однако, вслѣдъ за Дюраномъ отрицаетъ, чтобы въ V вѣкѣ этотъ тронъ представлялъ уготованный престоль. Онъ склоняется къ объясненію Каведони; послѣдній видѣлъ въ изображеніи этого престола тронъ, который ставили во время соборовъ въ залѣ собранія и клали на него евангеліе въ знакъ того, что самъ Христосъ избирая главою собора. Кириллъ Александрійскій и Тарасій говорятъ о такомъ тронѣ. На IV Константинопольскомъ соборѣ такой тронъ съ евангеліемъ и Древомъ Честнаго Креста былъ поставленъ въ церкви св. Софіи ¹⁾. Эти данныя и заставили де Росси, какъ и ранѣе Біанкини ²⁾ думать, что тронъ, изображенный на мозаикѣ, указываетъ на первый Никейскій соборъ. Къ даннымъ Каведони можно прибавить еще, что тронъ, описанный Тарасіемъ, изображенъ на одной миниатюрѣ греческой рукописи рѣчей Григорія Назіанзіана, № 510 (листь 390), представляющей второй Никейскій соборъ. На этомъ золотомъ тронѣ лежитъ раскрытое евангеліе, но нѣтъ ни креста, ни короны, ни плата ³⁾.

Однако, если въ миниатюрѣ онъ является въ исторической обстановкѣ, то на мозаикѣ его окружаютъ символы евангелистовъ и апостолы Петръ и Павелъ. Кромѣ того тронъ заключенъ въ голубой ореолъ, что сближаетъ его изображеніе съ изображеніемъ трона въ мозаикѣ Капуи, который стоитъ на облакахъ. Запечатанный семью печатами свитокъ и четыре символа сближаютъ его съ другой стороны съ тѣми тронами, которые обставляются 7-ю свѣтильниками, ангелами и символами по Апокалипсису (IV, 2, 4, 6, 7). Крестъ, платъ (сударій), напоминая орудія пытки и смерти, указываютъ, что и здѣсь представленъ уготованный на небѣ престоль, перешедшій въ византийскую иконографію подъ именемъ гетимаси. Не обращая вниманія на обстановку, среди которой является этотъ тронъ, и на детали его изображенія можно во всякомъ тронѣ увидѣть воспоминаніе о вселенскомъ соборѣ.

Роспись арки, взятая въ составъ разсмотрѣнныхъ сценъ, предста-

¹⁾ *Bulletino*, 1872, p. 126—140.

²⁾ *Anastasi Biblioth. De vitis Romanorum Pontificum*, p. 125.

³⁾ Рисунки съ этой сцены изданъ *Banduri, Imperium Orientale*, II, p. 937 и гр. П. С. Уваровой, *Византийскій альбомъ*, I, табл. XX.

вляеть чрезвычайно любопытное явленіе среди извѣстныхъ росписей и цикловъ сценъ изъ жизни младенца Христа и Маріи. Выборъ сюжетовъ ограниченъ и по числу, и по важности ихъ содержания. Среди этихъ сюжетовъ отсутствуютъ тѣ сцены, которыя изображаются на памятникахъ V вѣка и переходять въ послѣдующую живопись и барельефъ. Здѣсь нѣтъ ни Благовѣщенія у колодца, ни дѣлованія Маріи и Елизаветы, ни путешествія въ Вифлеемъ, ни Рождества Христа. Всѣ эти сцены, изображаемыя обыкновенно на основаніи того же круга источниковъ, то-есть, каноническихъ и апокрифическихъ евангелій, здѣсь обойдены. Выборъ сценъ останавливается лишь на сценахъ торжества и славы младенца Христа. Характеръ торжества не нарушенъ и драматизмомъ, и вмѣсто избіенія младенцевъ данъ лишь намекъ на него. Опуская сцены, посредствующія между Благовѣщеніемъ и Срѣтеніемъ, между поклоненіемъ волхвовъ и встрѣчей Афродизія, и отводя сцену прихода волхвовъ къ Ироду въ нижнюю часть арки въ соотвѣтствіе съ приказомъ Ирода избить младенцевъ, роспись дѣлитъ всѣ сцены на два отдѣла: на 1) Благовѣстіе о явленіи въ міръ Мессіи и признаніе его Богомъ и на 2) злые умыслы Ирода, лишь способствовавшіе его славі. Евангельская послѣдовательность событій отходитъ на второй планъ, и сцены располагаются по внутреннему соотвѣтствію. Сцена поклоненія волхвовъ располагается подъ сценой Благовѣщенія, какъ исполненіе пророчества, сказаннаго ангеломъ въ его Благовѣстіи, а встрѣча Афродизія подъ встрѣчей Симеона и Анны. Уготованный престолъ указываетъ на будущее прішествіе Мессіи для суда надъ міромъ, а города Вифлеемъ и Іерусалимъ представляютъ мѣста, гдѣ онъ явился по пророчеству и гдѣ вѣчно царствуетъ.

Послѣ Никейскаго и Эфесскаго соборовъ, осудившихъ ереси Арія и Несторія, искусство особенно занято изображеніями чудесъ Христа и сценами изъ жизни Богородицы, рисующими ея божественное и непорочное зачатіе. Цикль чудесъ Христа, извѣстный въ катакомбахъ, увеличивается новыми сценами чудесъ, иногда представляющими апокрифическія черты, какъ, напримѣръ, пораженіе мудрости учителя па миланскомъ диптихѣ (Gagg. 454). Среди сценъ изъ жизни Богородицы являются такія, какъ жизнь и игры Богородицы въ домѣ Іосифа, испытаніе ея водою обличенія, ясновидѣніе и пророчество Маріи во время путешествія въ Вифлеемъ, наказаніе бабки Соломен. Сцены на аркѣ, возникшей между 432 и 440 годами, представляютъ отрывокъ изъ этой чудесной исторіи Богородицы. Велѣдъ за постро-

еніемъ церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ, въ Капуѣ Симмахомъ была построена церковь св. Маріи. Мозаики церкви видѣлъ еще Мазокки и оставилъ описаніе ихъ, которое, однако, еще не удалось найти. Онъ упоминаетъ объ этомъ описаніи въ другомъ своемъ трудѣ и сравниваетъ мозаики капуанской церкви съ мозаиками Маріи Maggiore, которыя повторяли тѣ же сюжеты ¹⁾.

Общій тонъ мозаикъ свѣтлый и слабый, сравнительно съ мозаиками Неаполя и Равенны. Онъ приближается къ тону изящной мозаики Помпей и виллы Адриана съ радужной градаціей тоновъ, какъ и въ античной миниатюрѣ Илиады. Это происходитъ отъ употребленія свѣтлыхъ фоновъ. Въ первыхъ двухъ сценахъ небо рдѣетъ радужными полосками облаковъ, какъ въ мозаикѣ Констанцы и Пуденцианы. Двѣ слѣдующія сцены имѣютъ свѣтло-голубую полосу неба, какъ въ миниатюрахъ Илиады и Virgilia. Свѣтло-зеленая полоса земли служитъ основаніемъ для всѣхъ сценъ, какъ и въ миниатюрѣ. Но далѣе, за полосой неба идетъ широкая полоса золота, которая въ четырехъ нижнихъ сценахъ переходитъ въ сплошную золотую фонъ, столь извѣстный въ византійскомъ искусствѣ. Движеніе матовыхъ тоновъ на фонѣ золота даетъ впечатлѣніе колебанія цвѣтовъ на перламутрѣ, какъ въ роскошныхъ мозаикахъ Монреале и Палатинской капеллы. Глубокіе синіе фоны мозаикъ Равенны вызываютъ такую же сильную цвѣтовую гамму въ фигурахъ. Здѣсь наоборотъ фигура свѣтла и прозрачна. Большое количество бѣлыхъ и вообще свѣтлыхъ одеждъ усиливаетъ слабость цвѣтового эффекта. Темно-синій равенскій цвѣтъ здѣсь употребляется, какъ и въ мозаикѣ Пуденцианы, для заполненія темной внутренности храма или воротъ, для хламидъ жрецовъ и для полосъ (clavi) на туникахъ. Пурпуръ употребленъ въ одеждѣ синагоги и Афродизія. Голубой, красный и желтый употребительны для плащей воиновъ и шлемовъ, какъ и въ свиткѣ Иисуса Навина, зеленый для земли и для одеждъ волхвовъ. Бѣлая одежда никогда не выражаются ровнымъ бѣлымъ цвѣтомъ, а передаются въ оттѣнкахъ. Нижняя одежда голубаго оттѣнка, верхняя впадаетъ въ легкій коричневый. Въ складкахъ эти цвѣта гуще, но не рѣзки. Равнымъ образомъ контуры никогда не бываютъ рѣзки и одноцвѣтны. Тѣло

¹⁾ Müntz, въ *Revue Archéologique* 1891, январь—іюнь, стр. 81. At mussivi illius operis praestantia et mira pulchritudo plane eadem erat atque illa quae in musivis romanae basilicae S. Mariae Majoris conspicitur. *Mazzocchi*, *Commentarium in marmoreum Neapolitanum Kalendarium Napoli 1755*. t. III, p. 705.

имѣеть красныя контуры, бѣлая одежда—синіе, въ остальныхъ случаяхъ контуръ есть лишь граница цвѣта. Вслѣдствіе этого фигуры не кажутся рѣзкими, а слабыми и прозрачными. Золото употребляется кромѣ фоновъ еще въ одеждахъ Маріи (синагоги, Ирода), для храмовъ и городовъ Иерусалима и Вифлеема, приѣмъ, въ слабой степени употребляемый и въ рукописи Виргилія. Золотая полоса является здѣсь въ той же роли, какъ и синіе фоны въ громадныхъ композиціяхъ нефа Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ. Она ложится за фигурами въ ущербъ главному свойству живописной композиціи—развитію задняго плана и указываетъ на чисто декоративный приѣмъ. Тамъ и здѣсь наблюдается одинаковое явленіе въ расположеніи фигуръ: онѣ идутъ рядами, въ тѣсномъ порядкѣ, закрывая задній планъ, какъ въ рельефѣ. Процессіи святыхъ женъ и мужей поэтому монотонны. Въ мозаикѣ арки также весьма ощутительно это рельефное развитіе передняго плана и процессіальное расположеніе фигуръ рядами, изъ которыхъ только три фигуры — летящаго ангела, Симеона и воина въ сценѣ приказа Ирода избить младенцевъ, нарушаютъ прямую постановку фигуръ. Не смотря на разнообразіе жестовъ, поворотовъ головы и туловища, фигуры эти не дѣлають рѣзкихъ движеній, не выходятъ изъ прямого положенія, дѣйствуютъ робко и безъ достаточной свободы и легкости.

Но если въ мозаикахъ Равенны мы можемъ отмѣтить строго монументальный приѣмъ декораціи, то-есть, употребленія большихъ фигуръ для украшенія большихъ пространствъ, то мозаика арки прямо страдаетъ плохимъ соображеніемъ съ мѣстомъ. Всѣхъ фигуръ на аркѣ было болѣе 60, не считая изображеній дома, пяти городовъ, двухъ храмовъ, трона и 12 овецъ. Фигуры эти малы и неясны. Детали сценъ, жесты, атрибуты фигуръ теряются для зрителя. Роспись своими слабыми, плоскими, мелкими, но красивыми фигурами, переходитъ въ детальный жанръ миниатюры и неудачно приспособляетъ ихъ для декораціи высоко поднятыхъ большихъ отрѣзковъ арки. Дѣленіе на фризы здѣсь также дано по способу, извѣстному въ миниатюрахъ, по очень распространенному въ античномъ и христіанскомъ рельефѣ, гдѣ верхняя сцена отдѣляется отъ нижней лишь полоской земли, а не рамой. Впослѣдствіи часто для росписей арокъ избираются сюжеты, не требующіе частыхъ дѣленій ея на фризы, и все пространство арки занимаетъ однимъ, двумя сюжетами. Въ этомъ нельзя не видѣть прямого улучшенія декоративнаго приѣма и перехода къ монументальной декораціи.

Общій анализъ композицій и ихъ деталей показываетъ, какъ много

связей сохраняютъ онѣ съ византійскимъ искусствомъ. Онѣ примыкаютъ къ восточному искусству. Отдѣльныя черты, соединяемыя въ мозаикѣ въ одно общее цѣлое, разсыпаны на памятникахъ равеннской, миланской школы, на памятникахъ сирійскаго искусства, изрѣдка встрѣчаются въ искусствѣ Рима и оживаютъ внезапно въ собственно византійскомъ искусствѣ VIII—XIII вѣковъ. Типы Маріа, Афродизія, Иосифа неизвѣстны въ катакомбахъ и на саркофагахъ римскихъ и галльскихъ. Типы жрецовъ и ихъ одежды извѣстны лишь въ равеннскомъ образѣ жреца и Мельхиседека. Въ Равеннѣ же и въ греческихъ рукописяхъ мы встрѣчаемъ роскошныя одежды Афродизія, женщины и сложившіеся въ опредѣленныя формы церемоніальные выходы византійскаго императора. Здѣсь же находимъ и золотыя фоны и одежды, слабо связанную постановку фигуръ и процессіи ихъ. Аллегорическія фигуры церковей до сихъ поръ извѣстны лишь въ римской школѣ, но формы, въ которыхъ онѣ являются въ мозаикѣ, не только свойственны Риму; одна изъ фигуръ повторена въ сирійскомъ евангелии въ фигурѣ Богородицы. Свѣтлый тонъ мозаикъ указываетъ на близость къ античной мозаикѣ, на ряду съ мозаикой Пуденціаны и Констанцы. Въ этомъ обстоятельствѣ мы можемъ отмѣтить существенное различіе въ приѣмѣ декораціи большихъ пространствъ отъ равеннскаго приѣма, употребляющаго глубокіе синіе фоны.

На римскую школу указываетъ фигура Ирода въ воинскомъ одѣяніи и стража въ шлемахъ. Эти черты царской обстановки указываютъ на предшествующіе, вполне сложившіеся образцы на саркофагахъ, гдѣ Иродъ изображается воиномъ. Сцена съ выходомъ Афродизія представляетъ уже византійскіе костюмы у царя и свиты. Юныя головки ангеловъ, головы жрецовъ, помпейская фигура философа указываютъ на античную основу, которая оживляетъ византійское искусство при самомъ его образованіи. Въ мозаикахъ арки мы можемъ поэтому видѣть наиболѣе раннее произведеніе византійскаго искусства на римской почвѣ.

Мозаики нефа.

Мозаики нефа идутъ по обѣимъ сторонамъ его надъ колоннами и представляютъ квадратныя картины. Каждый квадратъ обыкновенно дѣлится горизонтальной полосой пополамъ и заключаетъ двѣ сцены. Лишь три композиціи занимаютъ по отдѣльному квадрату.

Нѣтъ надобности теряться въ предположеніяхъ относительно того.

одновременны или нѣтъ мозаики нефа съ мозаиками арки ¹⁾. Характеръ мозаикъ нефа показываетъ, что тѣ и другія не только возникли одновременно, но и были сдѣланы одними и тѣми-же мастерами. Здѣсь мы видимъ тотъ-же мишіатюрный жанръ, тѣ-же мелкія фигуры и те-же дѣленіе на фризы. Тонъ мозаикъ—свѣтлый, какъ тонъ мишіатюрь Иліады или Виргилія. Небо представляется въ видѣ пепельно-голубой полосы, иногда рдѣющей полосками радужныхъ облаковъ, ниже идетъ та-же золотая полоса, которая въ нѣкоторыхъ сценахъ переходитъ въ сплошной золотой фонъ (De Rossi, 26, 27), а земля представляетъ свѣтло-зеленую полосу. Здѣсь точно также силій цвѣтъ употребляется для заполнения внутренности храма, для хламидъ и оплечій жрецовъ, для полосъ на одеждахъ, пурпуръ для царскихъ хламидъ, золото для блеска панцырей, одеждъ и мебели. Эти черты указываютъ на одинаковый чисто техническій приѣмъ и не могутъ принадлежать разному времени. Но далѣе мы видимъ совершенно одинаковыя формы античнаго храмика и башнеобразнаго города, тотъ-же равеннскій типъ жреца и левита, тотъ-же костюмъ у Исава и Моисея, который носить Афродизій, а у дочери фараона, Селфоры и Ліи тотъ же золотой костюмъ, который носить Богородица. Въ сценѣ явленія трехъ ангеловъ Аврааму повторена бѣгущая фигура Симеона; выходъ Исава на встрѣчу посламъ вкратцѣ передаетъ выходъ Афродизія. Здѣсь встрѣчаются безкрылые ангелы, золотые равноконечные крестики, какъ и на аркѣ.

Являясь въ отдѣльныхъ квадратахъ на подобіе мишіатюрь въ рукописяхъ, эти сценки вполне развиваютъ живописный элементъ, и потому въ композиціяхъ ихъ больше свободы и легкости движеній, чѣмъ въ композиціяхъ арки. Задній планъ всегда представляетъ гряду зеленыхъ, иногда лиловыхъ холмовъ. Среди холмистаго пейзажа видны пастушескіе шалаши и суковатое дерево, такъ напоминающее помпейскіе пейзажи. Иногда сцена раздѣлена пополамъ кудрявымъ деревцомъ, а иногда нѣсколько деревьевъ растутъ въ виноградникѣ; по землѣ стелются цвѣты и злаки растений и трельяжъ виноградника. Античный элементъ здѣсь гораздо пынѣе, живѣе, ярче, чѣмъ въ мозаикахъ арки, и прямо восходитъ къ античнымъ рукописямъ Виргилія и Иліады.

Д'Аженкуръ сравниваетъ военныя сцены мозаикъ нефа съ барельефами Траяновой колонны, и нѣкоторыя сцены мозаикъ сопоставляетъ

¹⁾ De Rossi, *Mosaici*, fasc. XIV, XV, I. 2.

съ барельефами на однѣхъ и тѣхъ же таблицахъ ¹⁾. Сходство получается только въ вѣкоторыхъ деталяхъ, при чемъ два раза онъ сравниваетъ композиціи реставрированныя (XV, 4. 5). Римскій барельефъ не можетъ быть сравниваемъ въ такомъ смыслѣ съ живописью. Первое, что нарушаетъ подобіе, это чрезвычайная сложность римскаго рельефа, который занимаетъ пространство сплошь фигурами, оружіемъ, зданіями городовъ. Наоборотъ мозаическая сцена кратка и прозрачна, изображаетъ задній планъ и перспективу, то-есть, употребляетъ свое природное данное — краску. Толпа въ рельефѣ представляетъ ряды фигуръ впереди и полуфигуръ надъ ними, доходящихъ до верхняго края. Толпа въ мозаикѣ и въ миниатюрѣ наоборотъ всегда ограничена, и головы всегда приблизительно находятся на одномъ уровнѣ, въ чемъ и сказывается забота о заднемъ планѣ. Исключеніе представляетъ лишь одна сцена перехода черезъ Черное море, гдѣ толпа израильтянъ представлена въ видѣ многочисленныхъ рядовъ головъ, идущихъ кверху, вслѣдствіе квадратнаго построенія композиціи. Сходство въ вооруженіи, въ фигурѣ Зевса, являющагося надъ войскомъ, въ рядахъ воиновъ, въ поворотахъ фигуръ, это самое общее сходство вообще между памятниками поздне-римскаго искусства. Подобныя черты разсыпаны также въ *Виргилии*, *Иліадѣ*, въ свиткѣ *Исуса Навина* и указываютъ на богатство формъ античнаго искусства и на разработанный военный жанръ. Сравненіе съ миниатюрой переходитъ въ прямое сходство. Здѣсь мы видимъ вполне живописную композицію съ небомъ, землей и пейзажемъ. Дается просторъ краскамъ. Композиція не сложна, не загромождена фигурами. Только въ миниатюрахъ попадаютъ такіа детали, которыя повторяетъ мозаика. Въ рукописи *Виргилія* встрѣчается та-же форма рѣки, сбѣгающей ручьемъ съ горы, какъ и въ мозаикѣ, ²⁾ то-же море, закрывающее почти все пространство картины и оставляющее узкую полосу неба вверху (*D'Agincourt* XX, 24. 28; *Mus.* 25), или часть моря сбоку (XX, 42, *Mus.* 9); тотъ-же пейзажъ съ деревьями, домами (XX, 3, *Mus.* 8) и развитой пастушескій жанръ, тѣ-же одѣянія пастуховъ, стада овецъ и изображеніе быка на паствѣ въ полусицезнувшей сценѣ (*Mus.* 3), напоминающей сцену изъ *виргиліевыхъ георгикъ*. Здѣсь можно видѣть тотъ же античный храмикъ и двѣ-три фигуры, стоящія и бесѣдующія близъ него,

¹⁾ *Serout D'Agincourt*, Histoire de l'art par les monuments T. V. Peinture, pl. XIV. XV.

²⁾ *D'Agincourt*, l. c. pl. XX, 33; XXI, 1 и *De Rossi*, *Musaici*, l. c. 19.

что почти до мелочей напоминаетъ миниатюру, исключая золотого или синяго крестика, который христіанскій художникъ изображаетъ въ тимпанѣ храма и того, что тамъ это—герои Энеиды, а здѣсь Моисей и толпа израильтянъ (XX, 27; Mus. 21); или битву на долинѣ у стѣнъ города, строй противъ строя (XX, 40. Mus. 22), полководца, окруженнаго воинами (XX, 45, Mus. 23), лежащую фигуру на ложѣ (XX, 12, Mus. 24) или полулежащую (XX, 22) и проч. Въ рукописи Илиады встрѣчается расположеніе нѣсколькихъ моментовъ дѣйствія на одной миниатюрѣ. битва, появленіе полуфигуры Зевса въ синемъ гиматіи и другихъ боговъ на облакахъ, тѣ-же голубые нимбы, но наряду съ ними еще и желтые, что отвѣчаетъ золотому нимбу на мозаикѣ, тѣ-же храмики ¹⁾. Только здѣсь мы убѣждаемся, что пейзажъ, разливъ моря, изображеніе скачущаго на зрителя всадника въ мозаикахъ, цвѣтные нимбы—все мотивы живописные, и наоборотъ шлемъ, щитъ, рядъ воиновъ на переднемъ планѣ, кони—мотивы общіе. Сходство увеличивается еще тѣмъ, что однѣ рукописи Илиады и Виргилія, какъ и мозаика, лишены персонификаціей городовъ и рѣкъ, чѣмъ богаты вѣнская библия и свитокъ Иисуса Навина. Античный элементъ мозаикъ такъ ярко выступаетъ въ пастушескихъ и военныхъ сценахъ, что лишь немногія изъ нихъ относятся собственно къ христіанскому искусству. Это указываетъ на первыя попытки въ иллюстраціи библии. Любопытны поэтому тѣ едва уловимыя усилія въ переводѣ античныхъ формъ на христіанскія, которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ сценахъ наряду со струей чисто византійскихъ формъ.

Первая сцена представляетъ *встрѣчу Мельхиседекомъ Авраама* (Mus. 7). Направо ѣдетъ Авраамъ со свитой воиновъ. Сохранилась лишь часть головъ со шлемами, а отъ фигуры Авраама лишь рука, протянутая впередъ. Слева идетъ ему на встрѣчу сѣдой старикъ Мельхиседекъ—совершенный типъ жреца равеннскихъ мозаикъ, въ голубой хламидѣ съ синими полосами и синимъ оплечьемъ, въ бѣлой туникѣ и высокой красной обуви, неся плетеную корзину съ хлѣбами. На землѣ стоитъ канаръ, такъ какъ онъ подноситъ Аврааму еще и вино. Надъ Авраамомъ является на рдѣющихъ облакахъ въ полуфигурѣ Всевышній, простирающій къ Мельхиседеку открытую ладонь правой руки. Типъ его (рис. 12) вполне напоминаетъ общій миниатюрный типъ Зевса рукописи Илиады. Полная округлая борода, широкое

¹⁾ *Mai, Iliadis fragmenta et picturae, Mediolani, 1819, рис. XIII. XX. XXIX. XLVII; храмики рис. I*

лицо и большіе пышные волосы. Типъ Христа на ватиканской таблеткѣ слоновой кости (Garr. 447, 7) даетъ тѣ-же черты и повторяетъ склоненное положеніе головы (*nutus*, веѣдма), которое извѣстно у Христа въ мозаикѣ св. Теодора въ Римѣ (Garr. 252, 3). Это движеніе головы исчезаетъ въ VI вѣкѣ. Византійская фреска, открытая на *Via Salaria* представляетъ Христа на облакахъ надъ семействомъ св. Фелицитаты (Garr. 154, 3); другая такая-же фреска, открытая

Рис. 12. Голова Всевышняго въ сценѣ встрѣчи Мельхиседекомъ Авраама.

на Эсквилинскомъ холмѣ, повторяетъ синій цвѣтъ одежды и характерно развѣвующійся конецъ одежды Христа, являющагося на облакѣ по грудь ¹⁾. Въ обихъ случаяхъ голова стоитъ прямо, какъ и въ мозаикѣ св. Венація въ Римѣ (Garr. 273, 1), гдѣ Христось также является по грудь на облакѣ. Синія одежды Всевышняго повторяются у Христа вплоть до Ренессанса и извѣстны въ рукописяхъ и мозаикахъ византійскихъ ²⁾, а развѣвующійся конецъ одежды сохраняется лишь у ангеловъ, какъ въ *Apollinago in Classe* (Garr. 265, 3, 4), и въ упомянутой мозаикѣ св. Венація. Съ IX—X вѣка исчезаетъ и самая форма полосатаго облака, и Христось является уже въ кругломъ облакѣ, такъ что мозаика даетъ намъ въ изображеніи Всевышняго совершенно античную деталь. Нимбъ вокругъ головы Всевышняго золотой, что напоминаетъ желтый нимбъ рукописи Иліады, не употребляющей золота.

Три странника у Авраама. Врядъ ли во всемъ христіанскомъ искусствѣ найдется другая подобная сцена по красотѣ типовъ и гармоніи красокъ. Композиція даетъ три момента. Вверху Авраамъ спѣшитъ на встрѣчу тремъ ангеламъ, являющимся ему на радужныхъ облакахъ во весь ростъ. Эта сцена нигдѣ равнѣ неизвѣстна. Внизу около домика съ бѣлыми занавѣсками и красной черепичной крышей хлопочетъ Сарра, приготовляя на столикѣ треугольные хлѣбы, и выслушиваетъ приказанія Авраама, который обращается къ ней съ дуперстнымъ жестомъ. Рядомъ Авраамъ подаетъ на блюдѣ цѣлаго ягненка ангеламъ, сидящимъ за другимъ столомъ съ тѣми же треугольными на немъ хлѣбами. Вѣтви куста у домика представляютъ Мамврійскій дубъ. Золотой фонъ употребленъ въ нижней сценѣ и дополняетъ игру цвѣтовъ, которые здѣсь такъ сильны и ярки, какъ въ мозаикахъ св. Виталія въ большихъ павно къ изображеніемъ пророковъ. Синій цвѣтъ употребляется нѣсколько больше. Онъ заполняетъ часть неба за Авраамомъ и переходитъ въ голубой тонъ неба и радужный тонъ облаковъ. Бѣлыя одежды принимаютъ серебряный оттѣнокъ отъ легкихъ переходовъ бѣлыхъ кубиковъ къ голубымъ и свѣтлолило-

¹⁾ *Bullentino* 1884—5, p. 167.

²⁾ Тотъ-же античный типъ Бога извѣстенъ и въ Пентагевхѣ Парижской Национальной библіотеки, западной работы, копирующемъ античные образцы. Въ рукописи Космы Индикоплова и въ рукописи псалтыря Барберини, № 202—III, 39, л. 3, Христось является не на ромбоидномъ облакѣ, а въ кругѣ или въ $\frac{1}{4}$ круга.

вымъ. Типы ангеловъ въ верхнихъ сценахъ—совершенно античныя фигуры съ свѣтлыми кудрявыми волосами; въ нижней сценѣ у нихъ длинныя, спадающіе на плечи назорейскіе волосы и удлинненный овалъ. что повторено почти до мелочей въ мозаикѣ Аполлинарія Нового въ сценѣ отдѣленія овецъ отъ козлищъ. Изъ трехъ фигуръ двѣ имѣютъ длинныя волосы, третья короткіе, какъ и на нашей мозаикѣ. Открытая ладонь на груди перваго и протянутая открытая ладонь втораго дополняютъ сходство (Garr. 248, 4). Вторая фигура имѣетъ крестообразный нимбъ, на нашей-же мозаикѣ креста нѣтъ, хотя и тамъ, и здѣсь эта фигура представляетъ Христа. Въ верхней сценѣ второй ангелъ является въ прозрачномъ миндалевидномъ ореолѣ съ языками свѣта, заполняющими его внутренность, сквозь которую просвѣчиваетъ фигура. Это свѣтлое облако (*νεφέλη φωτεινή*) часто изображаетъ византийское искусство (по Матв. 17, 5; Лук. 9, 34). Вслѣдъ за нашей мозаикой оно извѣстно лишь въ синайской мозаикѣ, въ абсидѣ со сценой Преображенія (Garr. 268). Интересно, что оно является на нашей мозаикѣ рядомъ съ полосами облаковъ, на которыхъ стоятъ ангелы. Въ синайской мозаикѣ оно имѣетъ остроконечный верхъ. Одежда Авраама и ангеловъ обычная: у всѣхъ бѣлая туника и гиматія. На одеждахъ Авраама знаки H, Z, у средняго ангела въ верхней сценѣ A, у третьяго Z. Въ нижней сценѣ у Авраама буква I. Нимбы ангеловъ въ верхней сценѣ голубые, въ нижней золотые съ бѣлыми ободками. Въ тимпанѣ крыши домика равноконечный синий крестикъ. У Сарры на головѣ бѣлый чепецъ. Она одѣта въ красное платье съ синими полосами. Въ мозаикахъ Равенны и въ раннихъ рукописяхъ нѣтъ сцены явленія ангеловъ; изображаются обыкновенно ангелы за столомъ. До насъ дошло лишь извѣстіе, что Константинъ Великій въ 314 году уничтожилъ въ Палестинѣ у Мамврійскаго дуба языческій алтарь, стоявшій передъ картиной, представлявшей моментъ явленія трехъ ангеловъ Аврааму. Средній ангелъ былъ отличенъ отъ двухъ другихъ особеннымъ способомъ, который, однако, мало понятенъ изъ словъ Юлія Африкана: „*μέσος δὲ ὁ χριστῶν ἰσπερὲς ἔσται τῶν τριῶν*“¹⁾. Здѣсь можно думать и о болѣе высокомъ ростѣ Христа, и о нимбѣ или облакѣ. Авраамъ былъ представленъ преклоняющимся (*ἄρῳν προσηύει*)¹⁾.

Сцена раздѣленія Авраама и Лота начинается рядъ мало выразительныхъ сценъ, которыхъ интересъ лежитъ только въ ихъ античной

¹⁾ Garrucci, Stor. dell'arte crist. T. I, p. 437.

композиціи. Двѣ группы семействъ стоятъ направо и налѣво, бросая другъ на друга пристальный взглядъ. Авраамъ съ семействомъ стоитъ у домика съ деревомъ. Лотъ съ семействомъ направляется влѣво, указывая пальцемъ на башнеобразный городъ Содомъ. Впереди въ цвѣтныхъ платьяхъ—красномъ и голубомъ—идутъ двѣ маленькія дочери Лота. Сзади видны жена Лота и слуги. Около Авраама стоитъ мальчикъ, сынъ его Измаиль. На одеждѣ Авраама находится знакъ Г, на одеждѣ Лота—І. Ниже была представлена пастушеская сцена. Голубое небо, золотой фонъ и тонкія деревца; скотъ, залегшій на пастбищѣ, быкъ, задумчиво смотрящій, и пасущаяся овца. Пастухъ идетъ налѣво. Это Эліазаръ, пасущій стада Авраама. Сцена эта изображена въ вѣнско-й библіи, но въ иной композиціи (Garr. 113, 4).

Далѣе три квадрата исчезли, и слѣдующая сцена представляетъ *Благословеніе Исаака* въ очень любопытной композиціи, напомнимъ о ней прощальныя сцены на надгробныхъ стелахъ. Слѣпой Исаакъ съ закрытыми глазами лежитъ на длинномъ золотомъ ложѣ (κλίβη) съ золотой спинкой и золотыми ножками, облокотившись на высокую подушку лѣвой рукой, окутанной въ гиматій. Передъ нимъ золотой столикъ на трехъ изогнутыхъ золотыхъ львиныхъ ножкахъ. На столѣ лежитъ пирогъ. Іаковъ, маленькій мальчикъ, въ голубой экзомидѣ, съ краснымъ плащомъ на плечѣ, стоитъ у столика, напоминая мальчика съ прохусомъ на античныхъ стелахъ. Исаакъ положилъ руку на его голову. Справа къ изголовью подходитъ Ревекка, за шей видна служанка въ воротахъ. Ворота и фигура служанки реставрированы мозаикой. За Исаакомъ изображенъ его домъ съ четырьмя дорическими колонками и занавѣсками надъ входомъ. Около дома три дерева, трельяжъ виноградника, бѣлые цвѣты и злаки (кукурузы) на переднемъ планѣ. На виноградѣ и на цвѣтахъ сидятъ птицы. Это богатство, которымъ благословляетъ Исаакъ Іакова (Бытія XXVII, 28). Надъ Исаакомъ видна въ облакахъ десница—единственная христіанская деталь въ этой античной сценѣ. Деревьями и садомъ обставлена античная сцена во фрескахъ керченскихъ катакомбъ¹⁾. Одна христіанская стела изъ Херсонеса имѣетъ тотъ же сюжетъ²⁾.

Ниже было представлено *возвращеніе Исаака* съ охоты (*Мис.* 4). Сохранилась лишь часть фигуры Исаака, часть дома, часть стѣны за

¹⁾ Русскія Древности, издаваемыя гр. Н. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, Спб. 1869, вып. I, рис. 89.

²⁾ Ibid. рис. 143.

фигурой Исаака и голова Ревекки, головы Исава и слуги, идущихъ къ Исааку, и верхняя часть воротъ въ видѣ двухъ пилеястровъ съ перекладной. Интересенъ жестъ Исаака, открывающаго въ знакъ изумленія руку на груди.

Иаковъ приходитъ къ Лавану. Живыя античныя сценки, простодушныя, но при томъ шаблонныя. Иаковъ въ костюмѣ добраго Пастыря катакомбъ, то-есть, въ бѣлой туникѣ, въ красномъ оплечіи, съ посохомъ и въ высокой обуви путника, стоя разговариваетъ съ пастухомъ Лавана у стада. Рахиль бѣжитъ, простирая правую руку влѣво и зоветъ Лавана, который выходитъ изъ своего пастушескаго домика. У домика стоитъ служанка Билха въ лиловомъ платьѣ съ синими полосами, голубой паллѣ и въ чепцѣ, какъ у Сарры. Лаванъ въ простой пастушеской экзомидѣ, сѣдой старикъ съ короткой сѣдой бородой. Онъ протягиваетъ руку ладонью къ Рахили. Костюмъ Рахили, какъ въ бѣнской библии у пряхи—красно-кирпичнаго цвѣта, платье съ темными полосами, золотое ожерелье на шеѣ, и волосы убранныя въ коронку¹⁾. Ниже Лаванъ и Иаковъ цѣлуются; рядомъ Лаванъ идетъ впереди и жестомъ руки приглашаетъ Иакова въ домъ. Въ дверяхъ ихъ встрѣчаетъ Рахиль. Билха стоитъ у края сцены слѣва. Иаковъ уже въ простомъ пастушескомъ костюмѣ—въ экзомидѣ и въ красномъ плащѣ на лѣвомъ плечѣ. Широкій ремень идетъ у него черезъ грудь, быть можетъ отъ сумки. Типъ лица Рахили повторяетъ типъ Богородицы на аркѣ и напоминаетъ равеннскіе женскіе типы.

Далѣе Иаковъ проситъ руки Рахили. Лаванъ, на этотъ разъ одѣтый въ бѣлую туннику, стоитъ близъ трехъ женщинъ. Впереди стоитъ Рахиль, рядомъ съ ней служанка; сзади видна фигура слѣпой Ли безъ зрачковъ въ глазахъ. Иаковъ, стоя справа близъ двухъ пастуховъ, протягиваетъ ладонь. Лаванъ указываетъ на стадо и пастуха, который, опираясь на свой посохъ, стоитъ подъ деревомъ. Женщины смотрятъ въ сторону пастуха, а Рахиль протягиваетъ руку въ сторону Иакова. Очевидно, что сцена представляетъ иллюстрацію на слова библии: „лучше мнѣ ее отдать тебѣ, чѣмъ другому“ (XXIX. 19). Этотъ „другой“ есть пастухъ, на котораго смотрятъ женщины и указываетъ Лаванъ. Въ сцену внесены романическій элементъ, и пастухъ является претендентомъ на руку Рахили. Этимъ объясняется и жестъ изумленія служанки. Типъ Рахили особенно напоминаетъ типъ Бого-

¹⁾ Изъ этой коронки сдѣлали митру, см. *Garr.* 516, 1.

родицы и отличается изяществомъ и граціей, то-есть, намѣренной передачей красоты Рахили. Низъ сцены осыпался, а вторая сцена наоборотъ совсѣмъ исчезла. Она, очевидно, представляла женитьбу Іакова на Лии, замѣнившей Рахиль, такъ какъ въ слѣдующемъ квадратѣ представлено *сватовство и женитьба на Рахили*. Въ верхней сценѣ Іаковъ подбѣгаетъ къ Лавану, который стоитъ у домика рядомъ съ Рахилью и служанкой, и, очевидно, жалуется на обманъ. Пастухъ рядомъ съ нимъ поднимаетъ руку и тоже волнуется. Овечка ласкается къ Іакову, какъ къ Доброму Пастырю. Въ нижней сценѣ Лаванъ, одѣтый въ тунику и красный плащъ по случаю торжества, приглашаетъ двухъ женщинъ. Рядомъ онъ стоитъ внутри сигмы между Рахилью и Іаковымъ, занимая мѣсто Юноны проица на античныхъ барельефахъ ¹⁾). Руки брачующихся соединены, что указываетъ на обрядъ обрученія. На одномъ христіанскомъ саркофагѣ представлено также обрученіе Маріи и Іосифа, но Іосифъ только еще протягиваетъ руку для обрученія ²⁾). Рахиль имѣетъ тотъ же костюмъ, что и Богородица на аркѣ, осложненный покрываломъ въ родѣ фаты—костюмъ, извѣстный въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ ³⁾). На головѣ Рахили золотая діадема. Интересенъ жестъ ея: она подноситъ указательный палецъ лѣвой руки къ подбородку и склоняетъ какъ бы въ задумчивости голову. Низъ сцены реставрированъ красками.

Далѣе идутъ скучныя перипетіи *договоровъ съ Лаваномъ* о раздѣленіи стада. Двѣ группы пастуховъ представлены другъ противъ друга. Впереди Іаковъ и Лаванъ; около каждаго его стадо, пасущееся на травѣ. Живыя и натуральныя позы овецъ, лежащихъ или сгруппировавшихся въ одно стадо, простой античный пейзажъ съ хижинами пастуховъ и деревенскій домикъ Лавана, одиноко стоящій справа, передаютъ въ совершенствѣ характеръ античнаго пастушескаго быта. Ниже Лаванъ и Іаковъ идутъ рядомъ; Лаванъ обращаетъ лицо къ Іакову и правой рукой указываетъ на стадо. Два пастуха слѣва и справа гонятъ скотъ въ противоположныя стороны. Это раздѣленіе стада

¹⁾ Clarac, Musée de sculptures antiques et modernes, 199, 373.

²⁾ Le Blant, Les sarcophages chrétiens de la Gaule, pl. XVII, 4. Обрядъ *ἐπιφύλαξις* и *ὑποαίτια ἀγίου*. См. Karl Sittl, Die Gebärden d. Griechen und Römer, p. 132, прим. 1.

³⁾ De Rossi, Mus. XXIV, XXV, л. 6, рис. 7, былъ введенъ въ заблужденіе своимъ рисункомъ, на которомъ вокругъ головы Рахили изображенъ родъ нимба, и, колеблясь, все таки призналъ эту деталь за нимбъ. На самомъ дѣлѣ это часть бѣлаго недорисованнаго покрывала.

(Быт. XXX, 35). Далѣ (Mus. 9; Garr. 117, 1) пастухи Иакова поятъ скотъ, который гурьбой подходитъ къ водѣ. Деревцо отдѣляетъ эту сценку отъ другой, гдѣ представленъ Иаковъ, разговаривающій съ божествомъ, появляющимся на облакахъ. Божество юно. съ короткими каштановыми волосами и въ бѣлыхъ одеждахъ. Вокругъ головы золотой нимбъ. Это повтореніе той же полуфигуры, что и въ сценѣ встрѣчи Мельхиседекомъ Авраама, но юный типъ и бѣлая одежда сближаютъ ее съ фигурами ангеловъ въ сценѣ встрѣчи Авраамомъ трехъ странниковъ и изображеніями ихъ на аркѣ ¹⁾. Ангелъ является не во снѣ, какъ въ библіи, а на яву (XXXI. 11). Рядомъ стоитъ скала, быть можетъ, жертвенникъ Вевиля, о которомъ говоритъ ангелъ Иакову. Ниже Иаковъ говоритъ объ отъѣздѣ Рахили и Дин, которыя теперь въ замужествѣ имѣютъ на головахъ чепцы, какъ у Сарры; онѣ стоятъ близъ храма; около нихъ трое дѣтей; двое заднихъ жмутся къ матери. За Иаковомъ стадо; два пастуха оживленно бесѣдуютъ. Надъ входомъ въ храмъ изображена лампада, въ тимпанѣ вѣнокъ, а по сторонамъ входа два пилястра дорического стиля и бѣлыя подобранныя занавѣски. Нижняя половина сцены осыпалась (Паркеръ № 2043).

Далѣ исчезъ цѣлый квадратъ, и слѣдующая сцена представляетъ встрѣчу Иакова съ Исавомъ. Изображенъ городъ Сихемъ, изъ котораго вышелъ Исавъ въ костюмѣ византійскаго императора и въ золотой стеммѣ; за нимъ идутъ два воина. Онъ протягиваетъ ладонь къ двумъ пастухамъ Иакова. Далѣ стоятъ самъ Иаковъ, Рахиль и Лія, и вернушіеся послы передаютъ ему отвѣтъ Исава.

Ниже сцена осыпалась. Видны головы и пики воиновъ справа и полуфигуры женщинъ налѣво. Сцена представляла, очевидно, встрѣчу Исава и Иакова (Mus. 10; Garr. 217, 2; Фот. Парк. 2044).

Далѣ Иаковъ сидитъ на складномъ стулѣ. Типъ его головы напоминаетъ типы жрецовъ на аркѣ или голову Зевса. Онъ съдѣ. Геморъ и Сихемъ (Быт. XXXIII, 17) направляются къ нему, протягивая впередъ руки и прося въ замужество Сихему похищенную дочь его Дину. Сзади стоятъ жители города Сихема и виденъ самый городъ. Иаковъ отвѣчаетъ двуперстно; за нимъ стоятъ его сыновья. Далматики и длинныя туники Гемора и Сихема повторяются въ мозаикѣ

¹⁾ *Garrucci*, t. 117, 1 неправильно изображаетъ ангела бородатымъ. Уже *Valentini*, *La Basilica patriarcale*, t. LXIV, изобразилъ его кнѣмъ. На фотографіи Паркера № 2043, типа разобрать нельзя, вслѣдствіе черноты фотографіи.

Аполинарія Новаго у мытаря (248. 6) и фарисея. Ниже полуразрушенная сцена. Сохранилась часть головы Іакова. Передъ нимъ его сыновья обращаются къ нему двуперстно. Это Іаковъ объявляетъ сыновьямъ о позорѣ, постигшемъ его, то-есть, о похищеніи дочери Дины (Быт. XXXIV, 5, 7).

Далѣ почти до мелочей повторена сцена прихода Сихема и Гемора. Іаковъ сидитъ. около него два сына говорятъ со стоящими передъ ними Геморомъ и Сихемомъ. Они предлагаютъ Іакову царское достоинство. За ними двѣ фигуры изъ народа и городъ. Отсутствие движенія, шаблонныя формы композиціи, ничтожный замыселъ отличаютъ эти послѣднія сцены.

Нижняя и послѣдняя сцена въ этомъ ряду представляетъ Гемора и Сихема, убѣждающихъ жителей Сихема принять обрѣзаніе (Быт. XXXIV, 20). Ихъ фигуры возвышаются надъ головами толпы. Они жестикулируютъ, какъ ораторы, двуперстно, обращаясь въ разные стороны (Mus. 12, Gagg. 4). Слѣва видна часть города. Большая часть сцены осыпалась.

Рис. 13. Приѣмъ Моисея дочерью Фараона.

На правой сторонѣ нефа первый квадратъ лишился мозаики. Во второмъ квадратѣ верхняя сцена представляетъ мальчика Моисея съ

матерью передъ дочерью фараона. Краткія слова Библии о приѣмѣ Моисея (Исх. II, 9, 10) художникъ развилъ въ роскошной сценѣ приѣма у византійской царицы (рис. 13). Дочь фараона сидитъ на тронѣ съ красной подушкой подъ балдахиномъ съ треугольной крышей. На ней золотой костюмъ, расшитый красными кругами. На головѣ золотая діадема съ привѣсками, на шеѣ ожерелье съ драгоценными камнями, на ногахъ красная золотомъ шитая обувь. Рядомъ съ царицей стоитъ ея придворная дама въ узорномъ зеленомъ платьѣ, украшенномъ широкой золотой полосой на правомъ плечѣ. Она держитъ золотой ларецъ съ открытой крышкой, наполненный красными камнями. Другая дама въ красномъ платьѣ съ синими полосами идетъ рядомъ съ матерью Моисея. Послѣдняя одѣта въ свѣтло-зеленое платье съ золотой полосой на правой сторонѣ, украшенное голубыми кругами съ красными и золотыми точками внутри. Двѣ послѣднія — одна въ сѣромъ платьѣ, другая въ зеленомъ замыкаютъ шествіе. Послѣдняя дама несетъ высокую плетеную корзину съ фруктами. У всѣхъ разнообразныя прически. Моисей одѣтъ, какъ царевичъ, въ пурпурную хламиду съ золотымъ табліономъ, украшеннымъ внутри краснымъ кругомъ. Протягивая внизъ руку, онъ привѣтствуетъ царевну. Мать заботливо держитъ его за плечо. Царевна дѣлаетъ жестъ правой рукой, привѣтствуя его. Сверху открытая десница является въ облакѣ и указываетъ на Моисея. Фонъ сплошной золотой. По богатству и яркости красокъ, по торжественному церемониальному движенію фигуръ, эту сцену можно сравнить только съ извѣстной мозаикой церкви святаго Виталія въ Равеннѣ, представляющей выходъ Θεодоры. Однако, фигуры тамъ однообразны и менѣе живы. Онѣ всѣ обращены лицомъ къ зрителю, въ то время, какъ въ нашей мозаикѣ къ зрителю обращено лишь лицо одной дочери фараона, и потому кажется безучастнымъ. Остальныя дамы поворотами фигуръ и взглядами обнаруживаютъ свое участіе въ приѣмѣ и образуютъ три группы. Дама, держащая ларецъ, смотритъ на царицу, готовясь одарить по обѣщанію мать Моисея за его воспитаніе. Вторая дама, сопровождая мать Моисея, подходитъ вмѣстѣ съ ней къ трону и обращаетъ на нее взглядъ, въ то время какъ послѣдняя склоняетъ голову въ заботѣ о мальчикѣ Моисеѣ. Движеніе заканчивается изящной фигурой дѣвушки, несущей плоды въ корзину, которую она держитъ на рукѣ, покрытой розовымъ платомъ. Она разговариваетъ съ предпослѣдней дамой. Только въ антикѣ извѣстна эта самостоятельная и независимая жизнь фигуръ въ картинѣ. Въ VI вѣкѣ уже теряется

въ мозаикахъ разнообразіе взгляда (*σχήματα τῶν ὀφθαλμῶν*) и движеніе головы. Рядомъ съ этимъ, интереснымъ является суженный овалъ лица царевны съ черными глазами и черными рѣзкими бровями и вѣками, ея неповоротливая фигура наряду съ изящнымъ движеніемъ дѣвушки, несущей плоды. Движеніе впередъ послѣдней обозначено изгибомъ золотой полосы по колѣну, живымъ жестомъ руки и наклоненіемъ головы. Эта фигура прекрасно заканчиваетъ композицію.

Нижняя сцена представляетъ *Моисея*, стоящаго передъ *собраніемъ жрецовъ и философовъ*. Онъ стоитъ въ центрѣ въ своей царской хламидѣ и обращается двуперстно къ фигурѣ, стоящей направо. Жрецы сидятъ на ступенькахъ полукруглой сигмы, черезъ стѣну которой справа смотритъ народъ. Жрецы обнаруживаютъ сильное волненіе разнообразной жестикуляціей. Одни говорятъ двуперстно, другіе поднимаютъ руки, третьи протягиваютъ открытую ладонь. Одна миниатюра прекрасной рукописи X вѣка королевы Христины (№ 1, Vat. bibl.) ¹⁾ представляетъ подобнымъ образомъ судъ Израиля, и надпись называетъ сцену „τὸ κρίσιον“. Судьи Самсонъ, Гедеонъ и Иеффаи сидятъ внутри той же сигмы, а черезъ ея стѣну смотритъ на судъ народъ. Чиампини и Валентини ²⁾ именно объясняли нашу сцену какъ судъ надъ Моисеемъ. Гарруччи хотѣлъ видѣть въ ней обученіе Моисея египетскими мудрецами ³⁾. Моисей, однако, стоитъ передъ мудрецами, а не сидитъ между ними ⁴⁾. Подобная сцена бесѣды, но не Моисея, а Христа съ мудрецами извѣстна мнѣ лишь въ поадней мозаикѣ (XII вѣка) собора святаго Марка въ Венеціи, гдѣ Христосъ сидитъ между мудрецами, а не стоитъ передъ ними.

Чрезвычайно характерны типы философовъ. У одного изъ нихъ, изображеннаго направо, — черные длинные волосы и черная борода, падающая на грудь пятью прядями; типъ другаго сходится съ типомъ философа циника на аркѣ: онъ — съ большими пышными волосами и большой бородой. Третій сѣдъ; у него мощная фигура съ большой головой, покрытой большими сѣдыми волосами, и сѣдая борода. Второй налѣво отъ него съ сѣдыми кудрями и съ бородой въ прядяхъ. Голько двое изъ нихъ имѣютъ плащи, покрывающіе тѣло; у всѣхъ

¹⁾ Кондаковъ, *Исторія византійскаго искусства*, стр. 159.

²⁾ *Ciampini*, *Vet. mon.* I, tab. VI, p. 216—17; *Valentini*, *La basilica patriarcale*, p. 71, tav. LXV, 1.

³⁾ *Garrucci*, l. c. 218, 1.

⁴⁾ *Garrucci* *ibid.* неправильно даетъ Моисею въ руки развернутый свитокъ. Этотъ свитокъ образовался изъ его хламиды по невниманію рисовальщика.

остальныхъ грудь полуоткрыта по обычаю философовъ. Эти характерные типы повторяются въ вѣнской рукописи Діоскорида ¹⁾ въ фигурахъ врачей.

Въ слѣдующемъ квадратѣ изображены двѣ не менѣе интересныя сцены. Верхняя представляетъ (рис. 14) *обрученіе Моисея и Сепфоры*

Рис. 14. Обрученіе Моисея и Сепфоры.

въ той же композиціи, какъ и обрученіе Рахили съ Іаковомъ (Исх. II, 16; III, 1). Іофръ высокій и мужественный старикъ, въ синемъ наплечіи и бѣлой туникѣ, какъ жрецъ страны Мадіаны, стоя передъ круглымъ зданіемъ храма въ видѣ ротонды, возлагаетъ руки на плечи Моисея и Сепфоры. Моисей держитъ ее за руку, а она въ задумчивости приближаетъ указательный палецъ лѣвой руки къ подбородку. По сторонамъ налѣво три женщины, направо четыре фигуры друзей жениха. Костюмъ Сепфоры тотъ же, что у Рахили. Моисей задрапированъ въ плащъ (*χλαῖνα*), очень часто изображаемый въ сценахъ обрученія или просто въ портретныхъ фигурахъ супруговъ на донышкахъ сосудовъ ²⁾. Ротонда золотая съ краснымъ низкимъ куполомъ.

¹⁾ *Louandre*, *Les arts somptuaires*, T. I, pl. 3 и 4.

²⁾ *Garrucci*, t. 195, 11, 12, также 7 и 10; t. 196, 1—7.

Ниже представленъ *Моисей на пастбищѣ предъ купиною*. Это первая извѣстная сцена во всемъ христіанскомъ искусствѣ (рис. 15).

Рис. 15. Моисей на пастбищѣ.

Она отличается чрезвычайной живописностью. Кусты и деревья съ ярко красными и зелеными листьями. Скоть улегся подъ тѣнью деревьевъ или бродить и пасется. Три пастуха въ разноцвѣтныхъ (красный, голубой, бѣлый) экзотическихъ и съ посохами ведутъ бесѣду. Одинъ сидитъ на скалѣ въ позѣ Добраго Пастыря въ мозаикѣ Галлы Плацидіи. Передъ нимъ стоитъ Моисей и глядитъ вверхъ, гдѣ въ огненныхъ облакахъ является десница съ двуперстнымъ сложеніемъ. Фонъ золотой. На деревѣ передъ сидящимъ пастухомъ виситъ канеаръ. Только въ латинскомъ Пентатевхѣ VIII вѣка Парижской Національной бібліотеки (№ 2334, л. 56) ¹⁾, Моисей окруженъ пастухами, надъ которыми сдѣлана надпись „pastores“. Въ изображеніи пастуховъ проглядываютъ развитыя формы античнаго пастушескаго жанра. Въ Равеннѣ, Моисей, одѣтый въ тунику и палліумъ, представленъ одинъ, развязывающимъ сандалию и оборачивающимся къ десницѣ. Пламя купины мелкими языками стелется по землѣ (Garr. 261, 3). На нашей мозаикѣ

¹⁾ Springer, Die Genesisbilder in d. Kunst des frühen Mittelalters mit besonderer Rücksicht auf den Aschburnham—Pentateuch. *Abh. d. phil. hist. Classe d. K. Sächs. Ges.-sch.* Leipzig, 1887, B. IX, taf. II.

купины нѣтъ, если только красные листья на деревьяхъ не обозначаютъ языковъ пламени. Сцена дана просто, какъ жанровая картинка пастушеской жизни, которую можно встрѣтить въ иллюстраціяхъ къ *Виргилію*. Лишь сидящая фигура въ видѣ *Добраго Пастыря* и десница напоминаютъ о христіанскомъ значеніи сцены.

Далѣе три квадрата съ мозаиками, какъ и на лѣвой сторонѣ, исчезли. Рисунки съ нихъ находятся въ собраніи рисунковъ библиотеки Барберини (№ XLIX, 14, л. 28) ¹⁾. Этими сценами начинается рядъ утомительныхъ сценъ, весь интересъ которыхъ, какъ и въ нѣкоторыхъ сценахъ, рисующихъ жизнь *Іакова*, состоитъ лишь въ античной композиціи и красотѣ красокъ.

Встрѣча Моисея и Аарона. Ааронъ съ толпой старѣйшинъ встрѣчаетъ Моисея, идущаго впереди своего семейства. Моисей съ жезломъ, въ хитонѣ и гиматіи. Сзади ѣдетъ Сепфора, сидя на конѣ, одѣтая въ пенулу, и держитъ младенца сына. Рядомъ верхомъ ѣдетъ другой сынъ Моисея. За ними идетъ толпа народу. Поза Аарона повторяетъ позу Симеона на аркѣ. Вверху облако, но десницы нѣтъ по невнимательности рисовальщика, копировавшаго сцену.

Ниже юный *Моисей* передъ *Фараономъ* указываетъ на толпу *Израиля*, стоящаго сзади съ дѣтьми. Старикъ съ бородой, изображенный на рисункѣ закутаннымъ въ пенулу, очевидно, представлялъ женщину, быть можетъ, Сепфору; у ногъ ея стоитъ мальчикъ. *Фараонъ* въ воинскихъ доспѣхахъ; сзади него два воина съ копьями. Онъ отпускаетъ *Израиля* изъ *Египта*.

Законъ о посвященіи первородныхъ отъ людей и скота Богу. Моисей въ образѣ учителя сидитъ на каедрѣ съ подножіемъ и говорить, дѣлая жестъ двуперстія. За каедрой четыре фигуры. По сторонамъ налѣво женщины съ тремя стоящими у ихъ ногъ дѣтьми, направо мужчины, а у ногъ ихъ овцы (*Исх.* XIII, 2, 12).

Ниже—*первый станъ Израиля* между городами *Пи-Гагеротомъ*, *Магдоломъ* и *Веельсепфономъ* (*Исх.* XIV, 2) ²⁾. Эти три города изображены справа, передъ послѣднимъ растутъ деревья. Направо сидитъ на креслѣ съ подушкой Моисей; сзади него толпа народу. Онъ приказываетъ расположиться станомъ. Интересно, что художникъ подъ собственными именами мѣсть всегда разумѣетъ городъ. Совершенно по-

¹⁾ Изданы *Ciampini*, о. с. I, tav. LVII; *Garrucci*, t. 218, 3, 4; 219, 1.

²⁾ *Garrucci*, t. 218, 4, думалъ, что здѣсь изображено распредѣленіе становъ (Числъ XXVI). Но это не согласуется съ дальнѣйшими сценами.

добная композиція съ Моисеемъ, сидящимъ на каедрѣ, и тремя городами повторена въ Октавехъ Ватиканской бібліотеки № 747. л. 148. на главу о дарованіи Второзаконія, какъ бы копируя какой-то ранній оригиналъ, что вообще свойственно этой рукописи.

Законъ о Пасхѣ. Моисей стоитъ посреди 8 человекъ. Сзади него четырехугольный столбикъ, на которомъ стоитъ прообразовательный агнецъ, о которомъ онъ говоритъ, давая законъ, какъ и на саркофагѣ изъ Тулузы (Gagg. 312, 2) въ подобной же сценѣ. Символизмъ этой сцены пользуется извѣстными изображеніями агнца въ катакомбахъ и на саркофагахъ.

Переходъ черезъ Черное море. Одна изъ наиболѣ живописныхъ сценъ. Она совершенно отступаетъ отъ извѣстныхъ композицій на саркофагахъ и сближается съ композиціями миниатюръ. Море—яркаго бирюзоваго цвѣта занимаетъ весь центръ квадрата. На поверхности его плаваютъ щиты, кони и воины. Видна полуфигура фараона со щитомъ въ красномъ плащѣ и золотомъ хитонѣ. Онъ сѣдъ, съ большими волосами и бородой. По античному приему изображенія царей и господъ фигура его больше фигуръ воиновъ. Онъ поднимаетъ щитъ кверху, а правую руку простираетъ влѣво, взывая о помощи. Направо золотой берегъ и городъ. Изъ воротъ города бѣгутъ воины и одна колесница и бросаются въ море. Это начало погони. Справа по берегу моря идетъ густая толпа Израиля. Видны лишь головы. На переднемъ планѣ Моисей жезломъ касается воды. Рядомъ съ нимъ идетъ женская фигура и ведетъ за руку дѣвочку, которая въ свою очередь ведетъ маленькаго мальчика въ туникѣ. Рисунокъ Гарруччи въ этой детали невѣренъ (Gagg. 219, 2).

Чудо посланія перепеловъ въ пустынь. Композиція представляетъ два момента. Моисей направо стоитъ и воздвѣваетъ руку ко Всевышнему, который является въ облакахъ. Фигура эта реставрирована мозаикой и не имѣетъ чертъ лица. Налѣво Моисей говоритъ къ толпѣ Израиля. На заднемъ планѣ нѣтъ холмистаго пейзажа, быть можетъ, для обозначенія пустыни. Ниже, въ слѣдующей сценѣ, Моисей, Ааронъ и Хуръ въ бѣлыхъ одеждахъ стоятъ передъ Израилемъ, который занятъ ловлей перепеловъ, летающихъ надъ ихъ головами и надъ землей. Нижняя сцена реставрирована мозаикой. Она плоха и груба по исполненію. На саркофагахъ изъ Пизы эта сцена извѣстна приблизительно въ той же композиціи, то-есть, повторяются три фигуры и народъ, ловящій перепеловъ. На саркофагѣ изъ города Арля дана иная композиція (Gagg. 308, 4; 364, 3; 395, 8).

Изведение источника воды (Исх. XVII, 6). Слѣва Моисей говорить къ толпѣ Изравля; направляясь отъ небольшой скалы—Хорива. Рядомъ нѣсколько фигуръ у подножія той же скалы черпаютъ воду руками и пьютъ; сидя на корточкахъ. Направо Моисей быстро идетъ, оглядываясь на полуфигуру Всевышняго (реставрирована мозаикой), появившагося въ облакахъ, и касается золотымъ жезломъ воды. Длинная рѣка протѣкаетъ по переднему плану. Типъ этой сцены неизвѣстенъ ранѣе XI вѣка. Она изображена въ неизданной и неописанной еще рукописи Восемькнижія Смирнской библиотеки. Фотографія этой сцены находится въ собраніи снимковъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, № 2512. Моисей, глядящій на десницу, рѣка и народъ повторены, но вмѣсто второй фигуры Моисея изображенъ израильтянинъ, несущій кувшинъ съ водой къ толпѣ. Фигура его оказывается непонятной, хотя и сохранены тѣ-же одежды Моисея. Эта сцена отличается отъ извѣстныхъ сценъ изсѣченія воды Моисеемъ изъ скалы, изображаемыхъ катакомбной живописью, гдѣ Моисей ударяетъ жезломъ о скалу. Мозаика изображаетъ рѣку воды, что напоминаетъ описаніе этого чуда по книгѣ Числь (XX, 7. 8. 9). Иосифъ Флавій говоритъ о рѣкѣ воды, которую извлекъ Моисей ¹⁾.

Выходъ Иисуса Навина изъ Рафидина (Исх. XVII, 9—10). Моисей, Ааронъ и Хуръ идутъ впереди направо. Моисей, оглядываясь назадъ на Иисуса Навина, указываетъ впередъ, очевидно, на врага. Иисусъ Навинъ съ пѣхотой и конницей слѣдуетъ за ними. Царская хламида надѣта поверхъ его воинскихъ доспѣховъ. Онъ несетъ копье и щитъ. На гиматіи Моисея изображенъ знакъ Z и Г, у Хура знакъ Z. Они идутъ сразиться съ Амаликомъ.

Битва у Рафидина. Слѣва городъ Рафидинъ безъ викторій, которыхъ изображаетъ Гарруччи надъ воротами (t. 220, 1). На холмикѣ рядомъ стоитъ Моисей съ воздѣтыми, какъ у оранты, руками; по сторонамъ его Ааронъ и Хуръ. Всѣ трое одѣты въ бѣлыя одежды. Вдали высокіе зеленые холмы. Передъ городомъ на долинѣ сражаются стѣна противъ стѣны израильтяне и амаликитяне.

Назначеніе суда Корею, Давану и Авирону (Числь XVI, 17). Слѣва храмикъ со ступеньками, зажженной лампадой надъ входомъ и подобранными занавѣсками. Влизъ него стоятъ Моисей и Ааронъ. Моисей обращается, дѣлая жестъ двуперстія, къ толпѣ. Это не соглядатая, какъ думаетъ Гарруччи (220, 2), такъ какъ они не имѣютъ

¹⁾ ἐκ τῆς πέτρας ποταρὸν αὐτοῖς ῥύψασθαι λίγαν. Ant. Jud., lib. III, c. I. 6.

кисти виноградской, принесенной соглядатаями, и стоять не передъ народомъ, а передъ Моисеемъ и Аарономъ. Кромѣ того, порядокъ событій перебивается, если принять эту сцену за возвращеніе соглядатаевъ. О послѣднихъ разказывается въ книгѣ Числь (гл. XIII), а не въ Исходѣ. Впереди стоятъ въ пастушескихъ голубыхъ и красныхъ экзомидахъ Корей, Дааванъ и Авиронъ—юныя атлетическія фигуры, сзади нихъ видны шесть головъ ихъ приверженцевъ. Ааронъ, указывая ладонью на храмикъ, приказываетъ имъ явиться на судъ Божій.

Рис. 16. Побіеніе камнями Моисея, Аарона и Хура.

Побіеніе камнями Моисея, Аарона и Хура (Числь XVI, 42). Справа храмикъ съ двумя ступеьками, съ лампадой, съ престоломъ внутри и подобранными занавѣсками (рис. 16). На фронтопѣ храма золотой крестикъ. Три фигуры, окруженныя овальнымъ облакомъ, бѣгутъ ко храмику въ то время, какъ открытая десница является надъ ними въ облакѣ. Сзади толпа въ 6 человекъ бросаетъ камни въ бѣгущихъ. Движеніе толпы разнообразно. Одни бросаютъ камни, поднимая руки; между ними видна фигура прицѣливающагося, чтобы пустить камень наотмашь. Интересно, что облако не дозволяетъ камнямъ коснуться бѣгущихъ. Они долетаютъ только до ободка облака. Внутри облако заполнено синими полосами, какъ свѣтящееся. Это Моисей, Ааронъ и Хуръ ¹⁾ скрываются отъ возмущившейся синагоги, захотѣвшей побить ихъ камнями послѣ гибели Корей, Даавана и Авирона.

¹⁾ *Garrucci*, 220, 3 неврно изображаетъ послѣднюю фигуру съ бородой: она юная.

Дарованіе Второзаконія и смерть Моисея (Втор. I, 5; XXXIV. 1—2). Моисей стоитъ на невысокомъ холмикѣ налѣво, держа раскрытую книгу — Второзаконіе. Передъ нимъ толпа. Одинъ человекъ, стоящій впереди толпы, говоритъ къ Моисею, рядомъ съ нимъ — интересная фигура въ полуоборотъ. Направо на крутой скалѣ лежитъ Моисей, опираясь на локоть лѣвой руки и положивъ правую руку на бедро. Онъ умираетъ, какъ бы засыпая.

Несеніе ковчега (Исуса Навина III, 3). Три жреца идутъ впереди; за ними четыре левита въ туникахъ несутъ на перекладинахъ золотой ковчегъ. Три жреца сзади замыкаютъ шествіе. Одинъ изъ нихъ несетъ высокій жезлъ. Сцена оживлена лишь жестами жрецовъ. Передніе оборачиваются на несущихъ ковчегъ и показываютъ руками впередъ. Задніе разговариваютъ между собою. Эта сцена изображена въ свиткѣ Исуса Навина (Gagg. 157, 3) въ иной композиціи.

Переходъ черезъ Иорданъ (Исуса Навина, III, 15, 16; IV, 4, 5). Впереди налѣво левиты несутъ камни Иордана. За ними другіе левиты несутъ ковчегъ. Рѣка Иорданъ въ видѣ потока, падающаго со скалы, сужается внизу и оканчивается узкимъ концомъ передъ несущими ковчегъ. Этимъ выражено, что Иорданъ прекращаетъ теченіе. Исусъ Навинъ останавливается и, изумляясь чуду, открываетъ ладонь на груди. Онъ въ пурпурномъ плащѣ безъ табліона, въ панцырѣ, въ золотой діадемѣ и держитъ копье. Сзади него воины. Сцена изображена и въ свиткѣ Исуса Навина, но иначе (Gagg. 158, 1). Особенно различно изображеніе ковчега. На мозаикѣ онъ представленъ въ видѣ четырехугольнаго золотого ящика съ крышкой и съ замкомъ, близко къ формѣ ковчега на аркѣ Тита ¹⁾, между тѣмъ какъ въ свиткѣ Исуса Навина онъ представляетъ форму низкаго ящика со скатной крышкой, стоящаго на пьедесталѣ.

Исусъ Навинъ посылаетъ двухъ соглядатаевъ въ Иерихонъ (Исуса Навина II, 1). Направляясь къ городу, на стѣнахъ котораго видны люди, они оборачиваютъ головы къ Исусу Навину. Сзади Исуса Навина воины.

Далѣе *явленіе архистратига* Исусу Навину и скучныя сцены

¹⁾ *Abhandlungen d. philolog.-hist. Klasse d. K. Sächs. Gesellschaft*, B. VI, taf. 2 рисунокъ къ статьѣ Ad. *Philippi*, Ueber die römischen Triumphalreliefe. Ср. А. А. *Оленичкій*, Ветхозавѣтный храмъ въ Иерусалимѣ, стр. 12, который считаетъ его за столъ предложенія, также стр. 172, гдѣ дано воспроизведеніе ковчега Паномъ. Изд. Прав. Пал. Общества, выпускъ 13. С.-Пб. 1889.

взятія города Іерихона и битвъ. Здѣсь можно отмѣтить лишь нѣкоторыя детали. Такъ архистратигъ одѣтъ въ воинскій костюмъ и въ пурпурный плащъ, который въ византийскомъ искусствѣ VI вѣка обращается въ пурпурную царскую хламиду. Онъ держитъ копьё и стоитъ на низкомъ уступѣ скалы. Вокругъ головы его нимбъ. Въ свиткѣ Иисуса Навина архистратигъ имѣетъ крылья (Gag. 159, 1); повязку на головѣ и мечъ. Къ нему, склоняясь какъ Симеонъ, спѣшитъ Иисусъ Навинъ съ руками, покрытыми его краснымъ плащемъ. Сзади войны. Любопытенъ темно-лазурный тонъ неба и вообще темныя краски въ одеждахъ и изображеніи земли. Это видѣніе ночью (Иисусъ Навинъ V, 13). Ниже, блудница Раавъ спускаетъ съ городской стѣны война Иисуса Навина. Другой уже спустился. Рядомъ они приходятъ и докладываютъ Иисусу Навину о положеніи города. За Иисусомъ Навиномъ стоитъ толпа воиновъ.

Взятіе Іерихона. Въ центрѣ представленъ башнеобразный городъ. Одна стѣна его падаетъ прямо на шеренгу воиновъ, которые стоятъ передъ городомъ. Ворота Іерихона голубыя, то-есть, желѣзныя. На стѣнѣ его близъ домика видна фигура женщины Раавъ. Въ нижней сценѣ въ центрѣ несутъ ковчегъ; по сторонамъ трубачи играютъ на длинныхъ золотыхъ трубахъ; въ сторонѣ стоятъ Иисусъ Навинъ съ толпой воиновъ и дѣлаетъ знакъ, поднимая руку (по Иисусу Навину, улашшія стѣны открыли проходъ въ городъ VI, 20). Въ свиткѣ Иисуса Навина изображено и самое явленіе іерихонцевъ (Gag. 159, 2; 160, 1).

Далѣе *осада стѣны города Гая.* Два вѣстника прибѣгаютъ къ Иисусу Навину, который стоитъ впереди толпы воиновъ (VIII, 1—4), извѣщая о пораженіи и прося помощи. Они направляются къ нему отъ осажденнаго города. Это—шаблонная сцена римской военной осады. Воины, по обыкновенію, въ ростъ со стѣнами города перестрѣливаются съ осажденными. Въ нижней сценѣ Иисусу Навину является на облакѣхъ въ полуфигуру ангель (рис. 17) въ бѣлыхъ одеждахъ и въ голубомъ нимбѣ, безъ крыльевъ. Онъ приказываетъ выступленіе на завтра. Эту фигуру можно сравнить лишь съ ангеломъ на облакѣхъ въ полуфигуру на миланскомъ саркофагѣ въ сценѣ прихода женъ мученицъ ко гробу Господню (Gag. 315, 5). Иисусъ Навинъ поднимаетъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ и отвѣчаетъ ангелу. Войны сзади него видятъ также явленіе ангела и оборачиваютъ головы. Одинъ изумляется; фигура его напоминаетъ фигуру сотника въ сценѣ нахъ Распятія.

Рис. 17. Изображеніе ангела на облакѣ.

Далѣ роскошная композиція *преслѣдованія пяти царей аморрейскихъ* (Исусъ Навина X, 5—10), напоминающая мозаику съ изображеніемъ битвы Александра Македонскаго. Исусъ Навинъ верхомъ на гнѣдомъ конѣ, ставшемъ на дыбы, скачетъ впереди. Зеленый плащъ его развѣвается. Въ рукахъ у него дротикъ, которымъ онъ замахивается на врага; въ другой рукѣ поводья и еще три красныхъ запасныхъ дротика. Рядомъ съ нимъ воинъ поражаетъ навшаго врага. Повторяются излюбленные мотивы груды тѣлъ, лежащихъ навзничь и

ничкомъ, прозенныхъ дротиками и истекающихъ кровью враговъ, которыхъ топчетъ конь. По сторонамъ двѣ пещеры въ скалахъ. Туда убѣгаютъ пять царей аморрейскихъ въ плащахъ и воинскихъ доспѣхахъ, двое убѣгаютъ направо, трое налево. Павшіе, однако, всѣ обнажены. За Иисусомъ Навиномъ видны воины съ дротиками. Щиты, какъ и ранѣ, съ изображеніями молній.

Иисусъ Навинъ останавливаетъ солнце и луну. Обычная композиція, извѣстная въ византійскомъ искусствѣ ¹⁾. Сцена очень сильно реставрирована мозаикой. Иисусъ Навинъ стоитъ на возвышеніи и протягиваетъ ладонь къ солнцу и лунѣ. Ниже два ряда сражающихся другъ противъ друга строя (Ис. Нав. X. 12). Солнце съ лучами, какъ въ сирійскомъ евангеліи и въ свиткѣ Иисуса Навина ²⁾, луна голубая—полукругомъ.

Ниже *каменный дождь* падаетъ отъ десницы на бѣгущаго врага. Толпа воиновъ направо убѣгаетъ, толпа воиновъ налево преслѣдуетъ. На среднемъ плащѣ сохранилась часть фигуры Иисуса Навина, удивляющагося чуду и открывающаго на груди ладонь. Низъ сцены весь осыпался.

Послѣдняя сцена представляетъ *приведеніе пяти царей къ Иисусу Навину*. Здѣсь наиболѣе замѣтна реставрація мозаикой и красками. Золото очень ярко. Фигура Иисуса Навина потеряла античную постановку и одежды. На головѣ его вмѣсто шлема большая шапка. Направо сохранились фигуры царей со связанными на спинѣ руками. Въ нижней сценѣ налево сохранилась часть фигуры Иисуса Навина. Сцена, очевидно, представляла *наказаніе пяти царей*.

Этотъ утомительный рядъ сценъ прежде всего даетъ новую отличную отъ вѣнской библіи и свитка Иисуса Навина редакцію иллюстрацій къ библіи. Это не только сказывается въ отсутствіи аллегорическихъ представленій городовъ и рѣкъ, но и въ самомъ составѣ композицій. Композиціи здѣсь проще, менѣе сложны, менѣе оживленны. Отличительныя черты ихъ по большей части не сходятся съ чертами указанныхъ рукописей. Христіанскій элементъ въ мозаикахъ ограничивается крестикомъ, сходствомъ фигуры пастуха съ фигурой

¹⁾ Почти такъ-же она изображена и въ свиткѣ Иисуса Навина (*Garr.* 165. 2); въ сирійскомъ евангеліи (*Garr.* 130, 1) повторена лишь одна фигура Иисуса Навина надъ заставкой. Ср. рукопись Григорія Назіанзина, Парижской Национальной бібліотеки, л. 226.

²⁾ Изображенія лица въ немъ нѣтъ, какъ изображаетъ Гарруччи. Оно реставрировано красками. *Garr.* t. 222, 1.

Добраго Пастыря, агнцемъ на столбикѣ и десницей, въ то время, какъ въ указанныхъ рукописяхъ уже есть крылатые ангелы, съ высокими жезлами, синій полукругъ, представляющій небо. Десница является въ двухъ видахъ—открытой и съ двуперстнымъ сложеніемъ. Моисей сохраняетъ свой идеальный юный типъ, извѣстный еще въ катакомбахъ, во всѣхъ сценахъ и имѣетъ жезлъ (красный или золотой), которымъ онъ совершаетъ чудо, касаясь водъ моря или рѣки, какъ въ катакомбахъ и на рельефахъ саркофаговъ. Іисусъ Навинъ также всегда юнъ, что стоитъ въ зависимости отъ его римскаго типа полководца. Но Исаакъ и Іаковъ имѣютъ свой видъ юнаго пастуха на типъ маститаго патріарха съ сѣдыми волосами и бородой, въ бѣлыхъ одеждахъ, что указываетъ на независимость ихъ типовъ отъ первоначальныхъ образцовъ. Сцены изъ жизни Исаака и Іакова здѣсь являются впервые среди памятниковъ христіанскаго искусства, такъ какъ не встрѣчены до сихъ поръ ни въ живописи катакомбъ, ни на барельефахъ саркофаговъ. Типъ ангела и Всевышняго является здѣсь въ полной связи съ типами античныхъ боговъ рукописи *Иліады* и равенскими полуфигурами ангеловъ. Римское вооруженіе и часто вторяющійся типъ римлянина, близко напоминающій черты портрета Юлія Юліана на мозаикѣ бібліотеки Киджи въ Римѣ, фигура Іакова въ сценѣ явленія ему Бога, копирующая типъ римскаго пастуха на фрагментѣ фрески изъ термъ Константина въ *Palazzo Rospigliosi*, (Паркеръ, № 2052, 2044, 2047), и мало развитыя не эластическія движенія фигуръ указываютъ на римскую школу. Тѣмъ болѣе любопытно появленіе здѣсь чисто византійскихъ формъ. Равенскій полный костюмъ жреца, византійскій костюмъ египетской царевны, Рахия и Ліа, царская хламида Исава, овальное облако, золотые фоны и особенно замѣтное измѣненіе въ техникѣ нѣкоторыхъ деталей указываютъ на византійское искусство. Такъ въ сценѣ дарованія Второзаконія замѣтенъ чисто равенскій приѣмъ выполненія волосъ лиловыми кубиками. Фигура царевны обращена лицомъ къ зрителю; въ остальныхъ случаяхъ взглядъ фигуръ обращенъ въ сторону. Онъ также легко обращается въ сторону и вверхъ, какъ и въ античномъ искусствѣ. Въ VI вѣкѣ это исчезаетъ, и взглядъ фигуры обращается на зрителя.

Въ мозаикѣ употребительны болѣе крупныя кубики для фоновъ, болѣе мелкія для лица и тѣла, какъ и въ византійской мозаикѣ. Однако, это различіе въ величинѣ кубиковъ не такъ велико, какъ въ византійскихъ мозаикахъ XI—XIII вѣка, гдѣ кубики, употребляемые для лица, вдвое или втрое меньше кубиковъ фона. Золото дается

на зеленоватомъ стеклѣ, а не на красномъ, какъ въ мозаикахъ поздне-византійскихъ. Я могъ замѣтить слѣдующій подборъ цвѣтовъ кубиковъ: *бѣлые* кубики для бликовъ на лицѣ, одеждѣ; *петельно-голубые* съ присутствіемъ легкой окраски въ карминъ; *чистый голубой* цвѣтъ кубиковъ, лазоревый, *синій*, *темносиній* и *лиловый*; *коричневый* цвѣтъ свѣтлый и темный (между первыми особенно любопытны кубики *пестрые* съ крапинками); *красный*, *красно-кирпичный*, *розовый* и *желтый*, свѣтлый канареечный.

Глазъ не обводится контуромъ. Синій кубикъ рядомъ съ бѣлымъ даетъ рѣзкій взглядъ, который смягчается на разстояніи. Особенно должно отмѣтить выполнение лица. Кубикъ замѣняетъ собою ударъ кисти. Даже на близкомъ разстояніи кубики сливаются въ одну массу съ легкими переходами отъ свѣтлыхъ къ болѣе темнымъ тонамъ, что указываетъ на высокое состояніе техники. Детали фигуръ, какъ напримѣръ, полуфигура ангела (рис. 17) и голова Всевышняго (рис. 12) представляютъ характерные примѣры мозаической техники въ этихъ небольшихъ фигурахъ. Кубики употребляются то квадратные, то продолговатые. Первые приспособляются для кладки щекъ, лба и вообще сплошныхъ массъ, вторые для обозначенія чертъ губъ, носа, для выполнения пальцевъ. Въ большихъ фигурахъ съ большими головами такой приемъ замѣняется лѣпкой однихъ массъ, какъ это можно видѣть въ мозаикѣ св. Констанцы въ типахъ Христа. Фоны выкладываются рядами кубиковъ, обходящихъ контуръ фигуры. На нѣкоторомъ разстояніи отъ фигуры эти ряды переходятъ въ сплошную массу фона, выкладываемую горизонтальными рядами кубиковъ.

Въ абсидѣ церкви *s. Maria Maggiore* прежде была какая-то мозаическая роспись. До насъ не дошло о ней свѣдѣній. Центральная часть абсиды занята теперь большой мозаической композиціей коронованія Маріи Христомъ работы Якова Торрити (1296 г.)¹⁾. Нѣкоторыя части росписи абсиды сохранили, однако, свой древне-христіанскій стиль. Во времена Якова Торрити осыпалась, очевидно, лишь центральная часть композиціи и ея низъ. По сторонамъ золотого круга, въ которомъ расположена сцена коронованія Маріи, сохранились роскошные завитки акамеа съ птицами внутри ихъ и ковровый орнаментъ вверху абсиды на синемъ фонѣ. Іоаннъ Діаконъ²⁾ хва-

¹⁾ *Bullettino*, 1891, p. 95—6.

²⁾ *Mabillonius*, *Musea Italica, Lutetiae Parisiorum*, t. II, p. 573, 1689: *Haec absis nimis pulchra de musivo est effecta. Nam videntur a pluribus pisces ibi in floribus et bestiae cum avibus inter chorum et altare.*

лить украшеніе абсиды и описываетъ водный фризь съ геніями, сохранившійся до настоящаго времени лишь въ реставраціи Якова Торрити. По сторонамъ этого фриза изображены двѣ полулежащія фигуры божествъ рѣки, опирающихся на урну, изъ которой льется вода. Торсы ихъ обнажены, лица бородаты. Реставрація Торрити измѣнила нормальность складокъ плащей, покрывающихъ ихъ, и красный цвѣтъ тѣла, который особенно явствененъ въ фигурѣ божества на правой сторонѣ. Водный фризь реставрированъ во многихъ частяхъ. Древняя мозаика отличается отъ новой своимъ темнымъ цвѣтомъ. Здѣсь повторяются тѣ-же амурь и геніи, какъ и въ мозаикѣ церкви св. Констанцы.

Амурь заняты ловлей рыбъ и моллюсковъ. Они также разбѣзжаютъ на плотахъ и на лодкахъ. Въ запрудахъ плаваютъ птицы. Этотъ фризь, однако, гораздо бѣднѣе по мотивамъ и по композиціи фриза церкви св. Констанцы. Въ центрѣ его представленъ золотой городъ съ оленями, подходящими къ четыремъ райскимъ рѣкамъ. Блескъ красокъ и самая форма города, напоминающая изображеніе города въ мозаикѣ церкви св. Пракседы, показываютъ, что эта часть мозаики фриза принадлежитъ Торрити. Олени и четыре райскія рѣки изображаются обыкновенно въ связи съ холмикомъ, а не съ городомъ.

По дугѣ триумфальной арки идетъ роскошная полоса орнамента радужнаго цвѣта, состоящаго изъ розетокъ, а по всему главному нефу подъ библейскими сценами тянется золотой бордюръ орнамента изъ завитковъ, среди которыхъ изрѣдка встрѣчается изображеніе агнца въ медальонѣ. Орнаментъ данъ на синемъ фонѣ и въ большей своей части представляетъ позднюю реставрацію.

Наряду съ чисто античными формами римскаго воднаго фриза роспись абсиды представляетъ уже монументальный приемъ декораций, состоящій изъ завитковъ аканѳа на синихъ фонахъ. Эти фоны, извѣстные въ Равеннѣ на ряду съ золотомъ, появляются и въ римскихъ мозаикахъ, начинающихъ собою серію тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ отмѣчается прямая связь съ искусствомъ Равенны не только въ композиціяхъ и ихъ деталяхъ, но и въ употребленіи равеннской цвѣтовой гаммы.

Д. Айналовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ КАРПАТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И НАСЕЛЕНИЯ ¹⁾).

Выше были указаны особенности карпатскаго міра. Этотъ міръ составляетъ ядро славянскаго территоріи, какъ Карпаты составляютъ средоточіе славянскихъ горъ. Онъ тѣсно связанъ съ окружающимъ пространствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ самостоятельное цѣлое. Сѣверо-восточная карпатская низъ связывается съ безконечной русской равниной, но долина Березины Днѣпровской на востокѣ, славяно-литовское поозерье на сѣверѣ составляютъ между ними естественное разграничье. Границу карпатской возвышенности отъ остальнаго славянскаго міра на западѣ и югѣ составляютъ долины Одры, Бечвы, западной Моравы, Дуная и южной Моравы, въ которыхъ опадаютъ отроги средне-европейскихъ горъ, Альпъ, Карпата и Балкана. Дунай и Карпаты составляютъ природную связь всего этого пространства, заключающаго въ себѣ всѣ типическія особенности, какими характеризуется природа славянскаго земли. Дыханіе степи прекращается лишь у Вѣны, средне- и ниже-дунайская степная равнина составляютъ прямое продолженіе южно-русской степи, а Потисье въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напоминаетъ мокрыя пространства сѣверо-восточной низи. Всѣ три элемента славянскаго природы сливаются здѣсь нераздѣльно, хотя болота представляютъ лишь незначительную часть. Возвышенность и степь господствуютъ вполне; но разсматривать ихъ особо не возможно, — такъ тѣсно связаны онѣ взаимно. Дунай рѣзко выдѣляется изъ ряда всѣхъ крупныхъ европейскихъ рѣкъ: все стремленіе его обращено на востокъ. Наравнѣ съ Дунаемъ и вся территорія обнаруживаетъ рѣшительное наклоненіе къ Черному морю.

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

По слѣдамъ быта насельниковъ долина Дуная обнаруживается связи съ востокомъ съ самаго отдаленнаго времени ¹⁾, а въ историческую эпоху—отъ гунновъ и до татарскаго вторженія 1285 года, она связана самымъ тѣснымъ образомъ съ южно-русской степью ²⁾.

Въ видѣ двухъ подковъ—карпатской и балканской—горы охватываютъ средне- и ниже-дунайскую равнину. Въ трехъ мѣстахъ онѣ отдѣляются Дунаемъ, то отъ альпійскихъ отроговъ, то отъ Балкана, и со всѣми этими мѣстами связано историческое названіе „воротъ“—„угорскихъ“ у Вратислава (Пресбургъ), „дунайскихъ“ у Вышеграда, „железныхъ“—у Орсовы ³⁾.

Съ послѣднимъ названіемъ встрѣчаемся еще и въ восточной части Балкана, въ Татрахъ (у верховьевъ рѣкъ Бѣлой воды и Сухой Попрада). Центральный кряжъ горъ начинается у такъ-называемаго Яблонковскаго перевала, спускающагося „Моравскимъ лугомъ“ въ долину верхней Одры и Бечвы. Отсюда онъ направляется сначала къ востоку, служа европейскимъ водораздѣломъ (эта часть горъ называется въ народѣ „дѣломъ“) ⁴⁾, затѣмъ постепенно поворачиваетъ къ югу, сохраняя до Черной горы характеръ параллельныхъ цѣпей, понижаящихся, по мѣрѣ удаленія отъ центрального кряжа, и перерѣзанныхъ на обѣихъ склонахъ рѣчными долинами. Все это горное пространство носить общее названіе Бескида—*западнаго*—до Дунайца, *восточнаго* до верховьевъ Сана и Ужа, *высокаго лѣсистаго* до Черной горы. Это же названіе сохраняютъ и отроги горъ, спускающіеся на сѣверѣ къ вислинской долинѣ—всего ниже отъ верховьевъ Сана къ вислинской Вислокѣ. Это—*низкій Бескидъ*, въ отличіе отъ *высокаго лѣсистаго* Бескида и отъ *широкаго* Бескида, представляющаго спускъ къ Днѣстру (до рѣки Свѣчи).

Къ югу отъ западнаго Бескида горы спускаются отдѣльными цѣпями къ Дунаю и перерѣзаны довольно широкими долинами Вага, Нитры и Гроня съ Турочемъ.

¹⁾ *L. Niederle*, Lidstvo v době předhistorické, Praha, 1893, стр. 95, 120 и др.

²⁾ *Надеждинъ*, Отчетъ о путешествіи по славянскимъ землямъ, Зап. Одесскаго Общества, I, 525. *Шараневичъ*, Изслѣдованія на полѣ отечественной географіи и исторіи, Литературный Сборникъ Гал.-русск. Матицы. I, 57.

³⁾ *Шараневичъ*, Тамъ же, 47.

⁴⁾ Такое названіе горной территоріи встрѣчается у русскихъ, поляковъ, моравянъ, сербовъ, болгаръ (особенно около Софіи, *K. Jiřecák*, Das Fürstenth. Bulgarien, Wien 1891, стр. 2). Врядъ ли поэтому можно считать его румынскимъ, какъ *Л. Малиновскій*, O niektórych wyrazach, Rozpr. wydz. filg. II, 2, 7.

Часть горъ къ востоку отсюда до Горнада и Шаевой, нося разныя названія, можетъ быть объединена подъ именемъ *Словенскую рудогорья*. Отдѣльными плато оно смускается къ Дунаю и Тиссѣ. Въ центрѣ этой части горъ лежатъ величественныя гранитныя *Татры* ¹⁾. Цѣпи Бескида огибають далѣ Тисскую низменность, тѣсно связываясь съ нею разными долинами самой Тиссы и ея притоковъ. На восточномъ склонѣ въ междурѣчьи Прута и Днѣстра, а затѣмъ на сѣверѣ на балтійско-черноморскомъ водораздѣлѣ, горы переходять въ южно-русскую возвышенность, прерывающую Днѣстръ у Дубосарь, всхлмливающую весь лѣвый его водоскатъ, и достигаютъ опять замѣтной высоты въ Товтрахъ (Медоборахъ) и Кременецкихъ горахъ, служа затѣмъ водораздѣломъ обоихъ Буговъ, Припятскаго и Днѣстровскаго бассейновъ.

Юго-восточная часть высокаго лѣсистаго Бескида уже отъ Стрыя носитъ названіе *Чернаго лѣса*. Онъ оканчивается такъ-называемой *Черной горой*, которая въ девяти своихъ вершинахъ представляетъ высшую его точку. Въ южномъ узлѣ ея соединяются цѣпи Буковины, Покутья, Угрии, Седмиградья и Молдавіи. Этотъ узелъ называется *Разроюмъ* ²⁾.

Вообще эта часть, вслѣдствіе густоты лѣса, мало доступна и мало населена, только долины рѣкъ, особенно Черемоша (Покутья), представляютъ больше оживленія.

Къ югу отъ Разрога направленіе горныхъ цѣпей измѣняется, и Трансильванія имѣетъ видъ горной трапеціи съ расходящимися горными узлами. Центромъ ихъ является Родна и Петросуль.

Гребень главнаго хребта сначала покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, подобно лѣсистому Бескиду, сохраняетъ юго-восточное направленіе и и постепенно понижается къ Ойтоскому проходу, гдѣ представляетъ самую доступную часть Трансильванскихъ горъ. Затѣмъ поворачиваетъ на западъ, круто опадая въ сторону Трансильваніи и уходя въ Валахію длинными уступами. Уступы эти перерѣзаны многочисленными лѣвыми притоками нижняго Дуная. Линія: Делятинъ—Куты—Гура Гомора—Пятра представляетъ восточный вскрай горъ.

¹⁾ Отиѣчу нѣкоторыя названія отдѣльныхъ цѣпей: горы Липтовскія, Новоградскія, Веерь, Черхатъ, Шмезъ, Хедьальа (подгорье), Фатра, Матра, Магура. Трудную, но благодарную задачу представляетъ размысканіе народныхъ мѣстныхъ названій разныхъ горныхъ цѣпей и урочищъ. Судить о дѣйствительномъ характерѣ этихъ названій по шведскимъ и мадырскимъ картамъ—нудрено.

²⁾ Или *разроюмъ*, какъ въ Стар. Планинѣ?

за которыми онѣ расходятся между рѣками Молдавой, Серетомъ и Прутомъ въ видѣ отдѣльныхъ цѣпей, узкихъ и высокихъ въ верховьяхъ этихъ рѣкъ и затѣмъ широко развѣтвляющихся и опадающихъ къ Черному морю.

На западѣ трансильванская возвышенность замкнута нѣсколькими отдѣльными хребтами, которые вообще можно раздѣлить Марошемъ на двѣ части: сѣверную Трансильвано-угорскую и южную Трансильвано-банатскую. Первая извѣстна подъ общимъ именемъ *Семипрадскою рудогорья* ¹⁾. Во второй главную группу составляетъ *Русская Поляна*. Отъ верховьевъ Темеша до Дуная горная цѣпь носить названіе *Срътенскихъ* горъ, а на лѣвомъ берегу рѣки Черной до Дуная доходить отрогъ узла Паренгу ²⁾.

У желѣзныхъ воротъ горы разрываются Дунаемъ, но и къ югу отъ него онѣ обнаруживаютъ тотъ же характеръ, а подводные камни, до послѣдняго времени затрудняющіе свободное плаваніе по Дунайской тѣснинѣ ³⁾, связываютъ горы трансильванскія съ сербскими. Еще болѣе, очевидно, связываются онѣ своими названіями. Уже къ югу отъ Мармароша *полонимы* служатъ все чаще названіемъ высотъ: на правомъ берегу Дуная названіе это повсемѣстно. Мирочъ, Голубинье, Лукавица, Дѣвица—планины—вотъ названія горныхъ цѣпей, занимающихъ пространство между Дунаемъ, южной Моравой и Тимокомъ. На правомъ берегу Тимока планины Гола—глава и св. Никола связываютъ сербскія горы съ такъ-называемой *Старой планиной* Балканомъ или древнимъ Гемусомъ, который тянется въ видѣ непрерывной цѣпи до самаго Чернаго моря ⁴⁾.

Какъ ни громадно обозначенное пространство, природа его, за исключеніемъ юго-запада, нигдѣ не указываетъ сколько-нибудь опредѣленнаго естественнаго рубежа. Нѣтъ его на востокъ и на югѣ.

¹⁾ Магура, Владіашъ, Бяхаръ и др.

²⁾ Горы *Вулканъ*, одноименныя съ *Вулканъ-планиной* въ Сербіи.

³⁾ *А. Гита*, Die östliche Balkan-Halbinsel, Wien, 1886, стр. 52.

⁴⁾ Планины тянутся непрерывно и далѣе къ юго-западу и югу. Косово и Овча поле на верховьяхъ Ситница Ибарской, болгарской Моравы и Вардара отдѣляютъ сербо-болгарскія планины отъ Албанскихъ горъ, а Черная гора (къ сѣверу отъ Скопье), Средорекъ и Славиче (къ сѣверу отъ Братова), Краиче (къ сѣверу отъ Кюстендила) служатъ связью сербскихъ отроговъ Карпата съ центральными узлами Витошь—и Рида—планина, затѣмъ—Старой планиной—на сѣверѣ, Родопой—на югѣ.

Карта (10-верстная) на Болгарія *Кривошѣва*.

Бессарабія съ Молдавіей и Валахія находятся въ самой тѣсной природной связи съ южно-русскимъ степнымъ пространствомъ, а что касается нижняго Дуная, то онъ можетъ служить удобной политической границей, но врядъ ли составлять границу этнографическую: рѣка съ многочисленными и многоводными притоками не раздѣляетъ, а связываетъ населеніе. Нѣтъ рубежа и на сѣверѣ: припятская низъ охватывается раменами Карпата, а рѣки ея служатъ естественною связью между низью и возвышенностью; естественный рубежъ встрѣчаемъ здѣсь лишь на водораздѣлѣ, вообще совпадающемъ съ славяно-литовскимъ поозерьемъ. Собственно говоря, нельзя указать природнаго рубежа и на западѣ между карпатскими и среднеевропейскими горами. Моравскій лугъ скорѣе связываетъ, а не раздѣляетъ. Граница горнаго пространства лежитъ здѣсь не на той чертѣ, которую мы приняли для удобства обозрѣнія (лінія Одры, Бечвы и Моравы), а на Шумавѣ, Смерчинахъ и Крушныхъ горахъ, замыкаясь со стороны сѣверо-восточной низи могучими и малодоступными Корконошами.

Не то слѣдуетъ сказать о нынѣшней великой угорской равнинѣ (Alföld—низъ). По замѣчанію Петерсона, угорская низъ до 1848 г. была бездорожна и имѣла очень рѣдкое населеніе. Крайне низменный уровень поверхности (95 м. надъ моремъ) производитъ здѣсь то особенное явленіе, какого не замѣчается даже въ припятской впадинѣ: во время разливовъ или большихъ дождей вода просачивается сквозь берега рѣкъ и образуетъ подпочвенные бассейны, которые питаютъ не только прибрежныя болота, но иногда болота и болѣе отдаленныя отъ рѣчныхъ береговъ, наконецъ, многочисленныя ямы, надъ которыми приходилось строить мосты. Эти pontes sine aqua поражали одного путешественника прежнихъ временъ въ такой же мѣрѣ, какъ и необыкновенныя гребли, про которыя онъ сказалъ: *lutum super lutum ponent et töltes vocant.*

Нужно принять во вниманіе, что равнина вообще безлѣсна¹⁾. Климатъ и теперь не особенно благоприятенъ; борьба съ подземной водой до послѣдняго времени ставила земледѣльца въ безнадежное положеніе, наконецъ, что особенно важно, угорская низъ лишена текучихъ водъ, кромѣ, конечно, главныхъ пересѣкающихъ ее рѣкъ. „Нѣтъ, быть можетъ, другой европейской страны,—говорить Петер-

¹⁾ Не касаюсь вопроса, были ли здѣсь нѣкогда лѣса, какъ предполагаютъ нѣкоторые.

сонъ,—въ которой было бы такъ мало ручьевъ, какъ въ угорской низменности. На разстояніи 75 англійскихъ миль между одной судоходной рѣкой и другой путешественникъ не встрѣчаетъ ни одного простаго ручейка¹⁾. Самый Дунай между Вацовымъ и Осѣкомъ принимаетъ только рѣчку Шарвязъ.

Тысячу лѣтъ назадъ природа угорской низи представляла, конечно, еще менѣе благоприятныхъ условий для населенія. „Осѣдлый житель—земледѣлецъ предпочиталъ болѣе высокія и болѣе защищенныя мѣстности, такъ что низменные степныя пространства со своими богатыми лугами оставались почти вовсе незаселенными“²⁾. Можно даже предполагать, что эти болотные луга не представляли особенной заманчивости и для кочевниковъ.

Именно этотъ характеръ угорской низи, нѣкогда служившей дномъ озера, даетъ намъ право считать ее единственной естественной границей нашей Карпатской территоріи. Эта низъ врѣзывается въ горы междугорными долинами Тиссы и ея притоковъ и весьма тѣсно связывается съ ними, какъ связываются съ горами долины Валахія и Молдавіи; но Потиссье и среднее Подунавье по характеру природы могли служить въ извѣстной мѣрѣ этнографическимъ рубежомъ съ самаго отдаленнаго времени, по крайней мѣрѣ, могли значительно затруднять этнографическій обмѣнъ населенія Альпійской и Карпатской территоріи. Рѣка безъ притоковъ всегда раздѣляетъ, а не связываетъ. Такимъ образомъ главный рубежъ вашей территоріи на западѣ мы полагаемъ на междурѣчьѣ Дуная и Тиссы. На югѣ рубежъ слѣдуетъ положить на южной границѣ Старой Планины, которая представляетъ настоящую стѣну по линіи отъ Пирота до Месември. (*K. Jireček, Gesch. d. Bulg.* 6).

Присмотримся теперь къ языку земли очерченнаго нами пространства.

Исторія не помнитъ времени, когда бы эта единая по природѣ территорія составляла одно цѣлое. Въ теченіе тысячи лѣтъ исторія проводитъ по ней разныя условныя политическія границы, рѣжетъ живое тѣло на разные куски, и эти случайные обрѣзки фигурируютъ, какъ отдѣльныя самостоятельныя части, въ международныхъ сношеніяхъ и наукѣ. И тѣмъ не менѣе тысячелѣтнія усилія исторіи остаются безплодными. На карпато-дунайской землѣ живетъ теперь три пле-

¹⁾ *Петерсонъ*, Венгрія и ея жители, С.-Пб. 1873, стр. 51.

²⁾ *К. Я. Гротъ*, Моравія и мадьяры, 7.

мени—славяне, румыны и мадьяре (не говорю о нѣмцахъ и евреяхъ). но „жилища мадьяръ и румынъ, хотя давнія и относительно многочисленныя, мелькають островками, кругомъ обливаемыми великимъ океаномъ славянскимъ... Странствуя подъ сѣнью Карпата, по предгорьямъ Альпъ и Гемуса, въ степяхъ Венгрія и на островахъ Далмаціи, мы какъ будто не выѣзжали изъ Россіи, какъ будто переходили только изъ губерніи въ губернію, изъ Россіи, на примѣръ, Великой въ Малороссію или Бѣлоруссію“, говоритъ русскій путешественникъ 40-хъ годовъ ¹⁾.

Уловія современной жизни, конечно, мало благопріятствуютъ сохраненію традиціонныхъ чертъ, тѣмъ не менѣе и понинѣ, на ряду съ условными политическими и научно-географическими обозначеніями ²⁾, существуютъ названія народныя, вполне соотвѣтствующія характеру мѣстности. Укажу нѣкоторыя изъ такихъ обозначеній.

Народъ не знаетъ ни Карпаты, ни Балкана, ни Гемуса ³⁾. Все горное пространство онъ называетъ *горами*, праславянскимъ словомъ, родственнымъ санскритскому, литовскому и греческому. Весьма характерно, что съ этимъ словомъ соединяется представленіе и о лѣсѣ ⁴⁾. то-есть, надо думать, о горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, какими является въ дѣйствительности большая часть Карпатскихъ горъ, а равно и то, что терминъ „гора“ сохранился и въ преданіяхъ о пути апостола Андрея изъ Корсуна въ Новгородъ—„по Двѣпру горѣ“ и угровъ „мимо Кіевъ горою“ и даже въ XIII вѣкѣ о приходѣ варяговъ въ

¹⁾ *Надеждинъ*, Отчетъ, 522.

²⁾ Последнія можно прямо назвать нѣмецкими. По замѣчанію Киперта, Европа давно черпаетъ свои свѣдѣнія объ Угріи (прибавлю: и о Румыніи) изъ нѣмецкихъ сочиненій. Этотъ общевропейскій источникъ свѣдѣній о значительной части Карпатской территоріи оказывается, по словамъ Гунфальви, очень мутнымъ. Гунфальви настоятельно совѣтуетъ пользоваться имъ „съ большою осмотрительностью и строгой критикой“. *F. Hunfalvy, Die magyarischen Ortsnamen und Herr prof. Kierpert, Ung. Revue, 1888.* Здѣсь собрано не мало примѣровъ общезвѣстнаго нѣмецкаго тугоумія. Справедливыя замѣчанія Гунфальви приложимы ко всей вообще географической номенклатурѣ западно-славянскихъ земель. Особенно мы, русскіе, съ удивительнымъ упорствомъ стоимъ на нѣмецкии. Славянскія названія намъ, въ большинствѣ случаевъ, даже неизвѣстны.

³⁾ Названіе *Эмонъ*, тур. *Эмине* представляетъ единственное воспоминаніе о древнемъ Гемусѣ. *K. Jireček, D. Fürst. Bulg., 4.* Вѣроятно, классическое названіе и заимствовано отъ этой приморской цѣпи.

⁴⁾ *А. С. Будиловичъ*, Первобытные славяне, 41.

Новгородъ „горою на мръ“ очевидно, въ смыслѣ берега, береговаго пути и вообще сухопутья ¹⁾).

Это общее названіе въ измѣненной формѣ можетъ служить и частнымъ обозначеніемъ. *Горцемъ*, напримѣръ, называется восточная часть западнаго Бескида между Бабьей горой и Пѣнинами ²⁾).

Съ XIV вѣка это общее названіе стало вытѣсняться на славянскомъ югѣ другимъ названіемъ — *панина* ³⁾. вполне соответствующимъ русскому *полонина* (и даже поляна: напримѣръ. Русская поляна (на картахъ „пояна“). Діалектологическій синонимъ этого названія представляетъ *юля*, *яля*. Гдѣ горы. тамъ и *подгорья* ⁴⁾, гдѣ гали, тамъ *подгали* ⁵⁾. Съ возвышеннымъ пространствомъ связано названіе *верхъ*. Оно прилагается къ безчисленнымъ вершинамъ горъ и возвышенностей, какъ частное названіе ⁶⁾. но можетъ служить и

¹⁾ *Барсовъ*, Очерки, 19.

²⁾ Характерна поговорка польскихъ горалей: *kędy sie Gorzec kończy, bezkidzi woda od węgier* (*W. Pol.*, *Poln. wsch.*, 88). Названію *юрецъ* вполне соответствуютъ искаженные названія — *юринія*, *трень*. *Надеждинъ*, Опытъ, 52, ср. *H. Jireček*, *Antiquae Bohemiae topographia* подъ: *Hercynia silva, Pogorici, Zahogewicy* и др.

³⁾ Такъ утверждаетъ *K. Jireček*, *D. Fürst. Bulg.* 2 пр. 1. Вѣрно ли? По Булиловичу, — слово праславянское.

⁴⁾ *Подгорьемъ* называются округа Саноцкій, Самборскій, Стрыйскій и Станиславовскій. (Карта *Головацкаю*, Приложение къ „Пѣснямъ“). Названіе это встречаемъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ славянской земли, какъ для обозначенія цѣлыхъ округовъ, такъ и отдѣльных мѣстностей (его же „Словарь“). Подгорье упоминается въ лѣтописи въ XIII вѣка (Ип. 516, 529), въ документахъ XIV вѣка (Мой отчетъ о заграничной командировкѣ. *Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1893, II).

⁵⁾ *Подгали* — сѣверо-восточные склоны Татръ. О широкомъ распространеніи названій отъ этого корня у юго-западныхъ славянъ, *Miklosich*, *Ortsnam. aus Appell. Denkschrift*, XXIII, № 116. Бѣлоруссы называютъ галими — поляны въ лѣсахъ, ср. прогалина. *Карловичъ*, *Jmiona niektorych plemion i ziem*, *Ram. fizjogr.*, II, 509. Въ виду этого нельзя считать названіе *юля* западно-славянскимъ, въ противоположность *полонинѣ* на юго-востокѣ, а слѣдуетъ усматривать въ обоихъ лишь діалектическій синонимъ, вѣроятно, праславянскій, какъ и *полонина*. Сравни *Jireček*, *Topograph: Silva, quae vulg. dicitur Hole, ubi custodes silvae ducalis, qui dicuntur haupi.* в. 1183 г.

⁶⁾ *Miklosich*, *Denkschr.* XXIII, № 747. (Далѣе ссылки на этотъ трудъ будутъ обозначаться только цифрой). Въ Татрахъ названіе *верхъ*, *virxъ* господствуетъ. На картѣ Татръ, *Ram. fizjogr.*, VI, показано 64 такихъ названія. Вотъ нѣкоторыя для примѣра: Старолѣснянскій, Славковскій, Фурголь, Менгушовскій, Грубый, Щирбскій, Сваслова, Шаланъ, Крутка, Башта, Копровый, Жабій, Козій, Быстра, Кошисга, Баниколь, Рогачъ великій и малый, Королевскій востъ, Чер-

общимъ обозначеніемъ цѣлой части пространства. *Верховиной* называется и центральная часть Карпатъ и все порѣчье верхняго Днѣстра и даже Днѣпра и припятско-днѣстровскій водораздѣлъ ¹⁾.

Вотъ наиболѣе общія обозначенія, какъ отдѣльныхъ возвышеній, такъ и цѣлыхъ возвышенныхъ пространствъ. Эти обозначенія не встрѣчаются ни въ обычной международной, ни въ научной терминологии, но они живутъ въ устахъ народа, тѣсно связаны съ землей, отражаютъ ея характеръ очень мѣтко и образно.

Мы видѣли отдѣльные намеки на существованіе этихъ названій въ отдаленной древности, но рядомъ съ этимъ видѣли, что и до сихъ поръ эти названія не имѣютъ ни международной, ни научной санкціи: ихъ нѣтъ ни у Риттера, ни у Реклю, а слѣдовательно, не можетъ быть и въ нашихъ географіяхъ. Тѣмъ болѣе удивительны, тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ отдѣльные намеки!...

Къ названіямъ, обнимающимъ болѣе или менѣе значительную часть пространства, относятся Подолье и Ополье.

Отъ истоковъ Буга и р. Стрипы на востокъ по Днѣстровскому водоскату расположена мѣстность возвышенная, перерѣзанная глубокими рѣчными долинами многочисленныхъ лѣвыхъ притоковъ Днѣстра. Она тѣсно связана съ верхнимъ побужьемъ (южнаго Буга). Это—*Подолье*. Проѣзжая по днѣстровско-бужскому водораздѣлу, „по обѣимъ сторонамъ къ югу и сѣверу видишь одинаковыя широкія отлогія рѣчныя долины, исчерченные четверугольниками посѣвовъ; та же суглинистая почва и значительные остатки лѣсовъ. Но чѣмъ далѣе на югъ, ближе къ Днѣстру, тѣмъ болѣе измѣняется видъ поверхности; рѣчныя долины становятся все глубже, придавая все болѣе волнистый, даже гористый видъ мѣстности. Днѣстръ быстро течетъ въ узкой и глубокой долинѣ, разрушая правый берегъ и оставляя по лѣвому узкую полосу наносовъ; онъ не образуетъ большихъ павилинъ, но мелкіе извороты, которыми характеризуется его теченіе, весьма удлинняютъ его. Притоки его текутъ почти параллельно меридіану и лишены значительныхъ поперечныхъ притоковъ, особенно въ нижнемъ теченіи (въ верхнемъ встрѣчаются небольшіе

войны, Желтая турня, Воловецъ, Уплязь, Гаврань и др. Многія изъ этихъ названій встрѣчаются въ названіяхъ рѣкъ. Верховина (брда) въ Вальенскомъ округѣ въ Сербіи, *Миличишчъ*, Клежевина, 322. Въ топографіи вездѣ очень часто. Относятся ли сюда мадыарское *vögrä=veres*?

¹⁾ В. Поль, *Poін. wsch.*, 90.

понеречные притоки). Эти параллельные притоки весьма многочисленны—рѣчныя долины рѣдко гдѣ отстоятъ больше, чѣмъ на десять верстъ одна отъ другой; приднѣстровье, такимъ образомъ, является взрѣзаннымъ цѣлою сѣтью параллельныхъ рѣчныхъ долинъ, словно системою каналовъ. Рѣки текутъ быстро, но благодаря незначительнымъ размѣрамъ своихъ бассейновъ, онѣ немногоструйны. Рѣчныя долины играли немаловажную роль въ колонизаціи; по нимъ естественно двигалось население...⁴ 1) Названіе Подолья имѣеть и теперь административное значеніе, и это одинъ изъ весьма рѣдкихъ случаевъ официальной и научной санкціи народнаго названія. Подольская губернія заключаетъ въ себѣ лишь часть древняго Подолья, къ которому принадлежало и нынѣшнее галицкое Подолье. Юго-восточная часть Подолья отъ Мурафы носить, кромѣ того, названіе *Побережья* 2). Къ галицкому Подолью примыкаетъ съ сѣверо-запада *Покутье* 3).

Гораздо болѣе обширный смыслъ связанъ съ названіемъ *Ополье*. Собственно названіе это прилагается къ части верхней Слезии и восточной Галичины (округа: Тернопольскій, Чертковскій, Бережаускій). Но по замѣчанію Поля, оно распространяется народомъ на громадное пространство днѣпровскаго правобережья и смежныхъ Волини и Галичины, до Днѣстровой Верещицы. Вліяніе сухихъ степныхъ вѣтровъ, сравнительная бѣдность лѣса составляетъ отличительную черту этого пространства 4). Правильный земледѣльческій бытъ возможенъ здѣсь только при умѣнши „ловить воду“, и дѣйствительно все Ополье характеризуется искусственными прудами (ставы). По приблизительному вычисленію Поля число болѣе значительныхъ ставовъ простирается до 4.215; топографическія названія отъ слова ставъ, очень распространены. На нѣкоторыхъ ставахъ образовались острова съ деревьями. Пространство „ставнаго Ополья“ играетъ не малую роль въ перелетѣ птицъ, благодаря ставнымъ очеретамъ и ялу. Сюда прилетаютъ

1) Архивъ юго-западной Россіи, VIII, 1, предисловіе, стр. 4.

2) Труды экспедиціи *Чубинскаю*, VII, 2, 460, *В. Поля*, *Poln. wach.* 92, *Карлошчы*, *Jmiona niekt. plemion*, *Pamiętn. fizjogr.*, II, 508. Въ топографіи названія, связанныя съ подольемъ, очень часты, съ побережьемъ—рѣже.

3) Значеніе названія—*Миклошичъ*, XXIII, № 205. *Карлошчы*, т. в., 509.

4) *Поля*, приводитъ слѣдующія польскіе пословицы и поговорки, характеризующія Ополье: *wsie opolne bez płota; łomu; okolica opolna, gdzie już słomą, oszeretem i kirpiczem palą; w opolach nie wtynie biczyuska; tyle lasu w opolach ile na witkę i biczyusko stanie*. *Dziela*, X, 127.

птицы съ Каспія и Байкала. Все это, кажется, вполне подтверждаетъ мнѣніе Поля, что система искусственныхъ водъ въ нашемъ Опольѣ значительно старше, чѣмъ въ остальной Европѣ. „Еслибы,—говоритъ Польш,—устроить валь изъ всѣхъ запрудъ, то длина его значительно бы превысила длину желѣзнодорожной линіи“. Что подобныя сооруженія могутъ создаваться лишь въ теченіе ряда вѣковъ, что они требуютъ знанія мѣстности и давней насиженности, объ этомъ, конечно, нечего распространяться.

Ополяня встрѣчаемъ уже у географа баварскаго. Они имѣютъ 20 городовъ. Какіе это Ополяне—слезскіе или наши русскіе это вопросъ собственно второстепенный ¹⁾).

Какъ подгорье служить переходомъ отъ возвышенности къ равнинамъ, такъ ополье составляетъ переходъ отъ возвышенныхъ равнинъ къ степи, которая характеризуется хуторами—формой быта теперь уже сравнительно рѣдкой. Какъ тѣсно связаны между собою всѣ эти пространства можно судить по тому, что названіе хуторъ встрѣчается еще у Олешницъ (на сѣверъ отъ галицкаго Ярославля). На устьяхъ Сана и Танева начинается уже сосновый боръ; отсюда онъ переходитъ къ верховьямъ западнаго Буга и затѣмъ въ Полѣсье, не переходя на югъ за водораздѣлъ. Здѣсь мы видимъ линію знакомыхъ намъ майдановъ и будъ. Такимъ образомъ изъ всего нашего пространства выдѣляется только клинъ между Россіею и Тетеревомъ. На немъ уже нѣтъ отиѣченныхъ чертъ. Онъ принадлежитъ собственно юго-восточной части Россіи, отсюда постепенно расширяющейся до Урала ²⁾). Сѣверо-западный край карпатской возвышенности—это „не лѣсъ, не степь, но воздѣланное поле. Отсюда Польша“ ³⁾). Что названіе это связано съ полемъ—не можетъ быть сомнѣнія ⁴⁾), какъ равно врядъ ли можно сомнѣваться, что названіе это восходитъ къ отдаленной древности. Гдѣ поле, тамъ и Польша; поэтому терминъ этотъ встрѣчается повсемѣстно и въ западной и восточной славянщинѣ ⁵⁾).

¹⁾ В. О. Ключескій связываетъ названіе днѣпровскихъ полянь съ галицкими опольемъ, Боярская Дума, Русская Мысль, 1880.

²⁾ В. Польш, Poln. wsch. 122.

³⁾ Тамъ же, 93.

⁴⁾ Первольфъ, Архивъ Ягича, IV. Съ нимъ согласенъ и Карловичъ, Oimieniu polakow i polaki, Pam. fizjogr. I, здѣсь же довольно подробный перечень литературы предмета.

⁵⁾ Карловичъ, тамъ же, 416.

Какъ живо чувствуетъ народъ и теперь связь своего названія съ окружающею природою. лучше всего видно у польскихъ горалей: они не признаютъ себя поляками: „какія тутъ у насъ поля? Куска ровнаго нѣтъ, горы и горы. Мы горали“¹⁾.

Повидимому, такимъ же общимъ топографическимъ обозначеніемъ слѣдуетъ считать и названіе *Ляхъ* (литовское ленкасъ, ланкасъ;— Польша = ленку, ланку земе; мадыарск. Lengyel, Польша — Lengyelország). быть можетъ, сюда же относится и названіе *Палуки*²⁾ между Нотецей и Велной (уѣзды: Вонгровецкій, Мохельницкій, Шубинскій и часть Гнѣзненскаго) и территориальное обозначеніе: земля *Ленчицкая*. Такъ же точно съ природою мѣста связано названіе *Куляв*, пространства, отвоєваннаго у лѣса³⁾. Лѣвый берегъ Дуная — степь. Естественныхъ урочищъ здѣсь нѣтъ. Только пространство между Серетомъ и Днѣстромъ издавна носило названіе „Угла“ (съ половины VII вѣка, Стриттеръ, II, 504—505).

Переходимъ теперь къ болѣе подробному анализу языка земли очерченной нами Карпатской территоріи. Мы указывали уже затрудненія, какія встрѣчаетъ изслѣдователь въ этомъ случаѣ. Этнографическая разноплеменность отражается до сихъ поръ въ языкѣ земли очень ярко, а нѣмецкія, мадыарскія и румынскія искаженія весьма часто лишь глухо напоминаютъ звуки языка прежнихъ насельниковъ и хозяевъ. Въ общемъ, однако, этотъ первоначальный характеръ не затерянъ еще до сихъ поръ. Горы и рѣки—вотъ тѣ естественныя урочища, въ которыхъ ярче всего отражается языкъ земли, данный ей древнѣйшими насельниками.

А) Горы.

1) Весьма широко распространено названіе *Моила*. Врядъ ли будетъ ошибкой признать древнѣйшей формой этого слова, сохранившейся и теперь у бойковъ, *моира*—въ значеніи громадный⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 418.

²⁾ Связывать это названіе съ чешскимъ: palouk, palouček = лугъ, пастбище. (Карловичъ, Jmiona, рат. fizjog. II, 508), нѣтъ надобности. Въ Архангельской губерніи *ляа* = лужа, *Гилбердинъ*, Балтійскіе славяне, Собр. Сочин. IV, 6.

³⁾ Встрѣчается въ языкѣ русскихъ по Днѣстру: куявичи (куявищи?) *Поля*, Рош. wsch. 95. Впрочемъ, объясненіе слова Ляхъ трудно. Вполнѣ удовлетворяющаго мы пока не встрѣтили.

⁴⁾ *Л. Малимовскій*, O niektórych wyrazach, 10.

Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія мадьярское *Mohoga*, вполне соответственно прогрессивному унодобленію гласныхъ въ мадьярскихъ славизмахъ ¹⁾). Параллель къ такой замѣнѣ р черезъ л представляетъ *клада* и *крада* ²⁾).

Подъ вліяніемъ румынъ преобразилось въ Магура—какъ обозначается на нѣмецкихъ картахъ. Название чрезвычайно распространенное въ Карпатахъ и вообще во всѣхъ славянскихъ горахъ. У южныхъ славянъ съ перестановкой—гомила ³⁾).

Встрѣчается часто въ названіяхъ рѣкъ и во множествѣ въ топографическихъ; въ нѣмецкомъ искаженія: *Mügelu*, *Müchlen* и пр. ⁴⁾).

Название могила безъ сомнѣнія связываетъ территорію южной Руси съ Карпатской и Славянской вообще ⁵⁾).

2) *Татры*. Кромѣ словенскихъ Татръ есть и русскія Товтры (Тоттры или даже Толтры). Заслуживаютъ вниманія ихъ богатства археологическими и другими памятниками старины ⁶⁾); а для насъ въ данномъ случаѣ еще болѣе—номенклатура горъ: Бабина (около Збаража Бабыя гора), Соколия сильно роднятъ русскія Товтры съ словенскими Татрами. Название, по Полю, значить у словаковъ и русскихъ—скала ⁷⁾). Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что въ Товтрахъ, особенно въ мѣстности древняго Звенигорода Днѣстровскаго довольно часто встрѣчается название скалка (пр. Раставецкая и Борецкая; тоже въ Татрахъ: Червона Скалка).

Отмѣчу еще: село Тоттры на Днѣстрѣ къ югу отъ Залѣщикъ, рѣка Татрашъ правый притокъ нижняго Серета.

3) *Дзль*, 4) *Бескидь*. Объ этихъ названіяхъ было говорено выше. Что касается названія Бескидь, то Петрушевичъ связываетъ его съ *разсио*, но уже Головацкій сомнѣвался въ правильности такого объясненія. Приведенная выше поговорка—„вода бескидить“ позволяетъ совершенно отвергнуть объясненіе Петрушевича. Смыслъ неизвѣстенъ.

¹⁾ *Миклошичъ*, *Slavische Elemente im Magyarischen*, Denkschr., XXI. Угорскія топографическія названія: *Mohoga* см. *Skvor*, *Ortslexicon d. Länder, d. Ungarisch*. Krone.

²⁾ *А. И. Соболевскій*. Нѣсколько мѣстъ глѣтопяся, Чтен. въ Общ. Нест. V. Ср. также: разогъ и разлогъ, бердъ и болдъ.

³⁾ Но р. *Мозила*—л. пр. Млавы въ Цокаревацкомъ округѣ.

⁴⁾ *Миклошичъ*, XXIII, № 354.

⁵⁾ *Будиловичъ*, *Первобытные славяне*, 40, особ. 286.

⁶⁾ *Киржоръ*, *Sprawozdanie*, Zb. wiad. do Antrop., VII.

⁷⁾ Тоже *Тутковскій*, Юго-Западный край, 79.

Въ топографіи очень рѣдко: Беско, Бещъ (въ сѣверо-западной Галиціи), Бескъ, Бещница (въ русской Польшѣ). Замѣчательно, что у Гуцуловъ съ Бескидомъ связывается представленіе о всемъ горномъ краѣ отъ Вратислава до Орсовы: „Дунай два раза прорвалъ Бескиды“, говорятъ они ¹⁾. Въ какомъ отношеніи находится племенное названіе Бессы и угорскія топографическія — Besenyő (около 20) — не знаю ²⁾.

5) *Бердо* (древне-славянское—брѣдо, болгарское—бърдо, русское—бердъ, болдъ, а на Покутьи—баудъ).

Названіе встрѣчается чаще въ Старой Планинѣ и славянскихъ Альпахъ, чѣмъ на Карпатахъ; но все же и здѣсь есть. Отрогъ Шумавы въ Чехіи и теперь называется *Берды* даже по-нѣмецки. То же Бердо къ югу отъ Кромержа (Сравни Бердинскъ). Въ другихъ мѣстахъ (особенно въ сложныхъ словахъ) искажено въ *werde, wurd* ³⁾.

6) *Гронтъ*—высокая гора и просто гора. Часто въ Бескидахъ, въ Татрахъ—Грубый Гронтъ ⁴⁾.

7) *Турня* — названіе весьма распространенное въ Татрахъ, преимущественно для острыхъ вершинъ выше галь, напримѣръ, Свистова турня, сваянскія турни, скальный врата. Названія весьма характерныя. Что съ нимъ связано названіе Альпійскихъ Турней (Tauern), врядъ-ли можно сомнѣваться. Даже Мюллергофъ не допускаетъ возможности считать его заимствованіемъ изъ нѣмецкаго ⁵⁾. Названіе очень широко распространенное по всей нашей территоріи въ хороши топографической номенклатурѣ.

8) *Гребень* въ Татрахъ чередуется съ названіемъ *przełęcz*: Копрова, Завратъ, Копы, Линтовскіе Муры. Прибавлю еще названія: *прислонъ* (*prisloup, przyslop*); въ Старой Планинѣ: *преслонъ; регля р. regiel*); *уплазъ; чука* въ Старой Планинѣ и *чико* — въ Карпатахъ.

¹⁾ В. Поль, Poln. wsch. 89.

²⁾ *Томашекъ* сомнѣвается въ связи названій Беско и Бескиды съ бессами, Die Alten Thraker, 107. Sitzungsber. d. Wien. Akad., Philos.-hist. Cl., Bd. 128.

³⁾ *Миклошичъ*, XXIII, № 34.

⁴⁾ *Миклошичъ*, Wanderungen d. Rumunen., Denkschr., XXX: „nur bei den Nusculen ä. in der Bukowina, vom rum. grunŭ“. Съ нимъ согласенъ и Малиновскій, к. в., 8. Названіе встрѣчается не только у Гуцуловъ и въ Буковинѣ, но въ Татрахъ и даже въ названіи одного изъ мелкихъ притоковъ Горьми. Въ Татрахъ оно чередуется съ названіемъ верхъ.

⁵⁾ Deutsche Alterthumskunde. II, 83.

9) Цѣлый рядъ названій связанъ съ покрывающими горы лѣсами.

а) *Буковина*. Одно изъ немногихъ названій, получившее официальную и научную санкцію въ приложеніи къ горной области на верховьяхъ Прута, Серета, Молдавы. На всей нашей территоріи и на славянской территоріи вообще распространено въ топографіи въ безчисленномъ множествѣ. Въ латинской транскрипціи *Bakenis silva*, *Buchonia*; въ нѣмецкомъ искаженіи *Buckan*;—*Buchwitz* ¹⁾. Думается, что сюда же относятся названія горныхъ кряжей: *Бюжъ* (западный отрогъ Лалоша), *Пикъ* (восточный вскрай Мишковецкихъ горъ).

б) *Яворникъ* — цѣпь горъ въ западномъ Бескидѣ. Яворжиска, Яворъ — въ восточномъ, долины Яворжинка — въ Татрахъ. Название распространено на всей славянской территоріи. Въ латинскихъ и нѣмецкихъ искаженіяхъ *Ahornicus mons*, *Ahornic*, *Jauernig*, *Jauarntick*, *Jawernitz*, *Jawirnitz* ²⁾.

в) *Смерекъ* — название нѣсколькихъ горъ въ западномъ Бескидѣ; смерчина — гора между Ольшей и Моравкой; смречинскія гали, смречинскій верхъ, смречинскій ставъ (въ Татрахъ очень распространено въ названіяхъ горъ небольшихъ горныхъ кряжей и озеръ) — у самаго верховья Чернаго Дунайца; смрековецъ — небольшая цѣпь горъ на верховьяхъ Попрада. Смерчины — цѣпь горъ въ Чехіи (Фихтель).

г) *Яблонки* — яблонковскій переваль.

По роду лѣса чрезвычайно распространено на всей нашей территоріи название *Черной юры* и *Чернаго лѣса*, и какъ бы въ противоположность: *Бѣлая Карпаты* и *Бѣлявы*.

Отъ животныхъ: горы *Медвежскія* (часть Новограда), Недзвицкія (сѣверный отрогъ западнаго Бескида).

Вепрь (лѣсистый, дикій, бездорожный кряжъ къ югу отъ Липтовскихъ горъ и нѣсколько отдѣльныхъ горъ. Встрѣчается въ названіяхъ рѣкъ и поселеній).

Пташникъ (кряжъ между Нитрой и Грономъ).

Въ заключеніе этого краткаго обзорѣнія горной номенклатуры позволю себѣ коснуться Шафарикова объясненія названія Карпаты — отъ славянскаго слова *юрбъ* или *хребетъ*.

Объясненіе это, какъ извѣстно, попало у современныхъ ученыхъ въ сильное подозрѣніе. Считаю въ этомъ отношеніи заслуживающимъ вниманія слѣдующее:

¹⁾ *Миклошичъ*, XXIII, № 42.

²⁾ Тамъ же, № 182.

1) Въ номенклатурѣ возвышенностей играетъ нѣкоторую роль названія частей тѣла.

а) *Кракъ*—чешскія корконоши.

Въ славянской номенклатурѣ названія этого корня довольно часты. На Карпатской территоріи есть *Краковъ*. Думаю, и онъ относится сюда же, какъ равно и Кракуша могила (правильность формы Кракуша, а не Кракуса доказываетъ названіе Кракушовица около Бохніи); озеро Краковъ (между Лабой и Одрой); села Кракеники, Кракополь (Суважской губерніи).

б) *Ворота*. Были указаны названія дунайскихъ тѣснинъ и горныхъ проходовъ въ старой Планинѣ и Татрахъ; Санокъ называется въ лѣтописи „воротами Угорскими“. Горы Завратъ — въ Татрахъ. Железные ворота встрѣчаются еще на важномъ въ путяхъ народовъ сѣверѣ Европы — въ Устьсысольской Водчѣ ¹⁾. Въ топографіи довольно часто.

в) *Носаль*—река у Закопанаго. Рѣка Носовка—притокъ Соба; въ топографіи часто.

2) Рѣшительно, всѣ перечисленные выше названія горъ и возвышенностей встрѣчаются въ названіяхъ рѣкъ и въ топографіи, нѣкоторыя во множествѣ, другія въ меньшемъ и, наконецъ—незначительномъ количествѣ. Топографическія названія: Горбачи, Горбовъ, Горбовъ, Горбовице, Загорбы, Gorbow, Gorbówek, Gorbowiec, мадьярское Garáb, предполагаютъ существованіе названія *горбъ* и въ хорографіи. Въ галицкихъ Карпатахъ дѣйствительно встрѣчаются горы — горбы и горбки ²⁾.

Такимъ образомъ примѣненіе названія *горбъ* въ горной номенклатурѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, собственно говоря, устраняется основаніе отвергать мысль Шафарика, особенно если принять во вниманіе представленіе младенчествуящаго народа, для котораго уподобленіе горъ горбу было самое естественное. Этимъ, однако, вопросъ окончательно не рѣшается. Для всесторонняго его уясненія слѣдовало бы обратить вниманіе, во первыхъ, на звуковыя измѣненія при заимствованіи словъ или въ употребленіи ихъ инородцами. Доселѣшнія данныя открываютъ здѣсь широкую роль случайныхъ звуковыхъ измѣненій, не поддающихся правильному объясненію ³⁾.

¹⁾ Вратъ—шея, *Будиловичъ*, Первоб. Ст., 214.

²⁾ *Миклошичъ*, XXIII, № 136.

³⁾ Это признаетъ и *Миклошичъ*, Slavische Elem. im Magy, 5.

Что здѣсь играютъ роль уиодобленія и осмысленія большею частью опять-таки совершенно случайныя, а потому иногда безсмысленныя, не можетъ подлежать сомнѣнію. Чешскія—Блудовице превратилось въ Блауендорфъ, Богуславъ—въ Вусслебенъ, Особлага (?) въ Готценплотцъ, Бѣлида—въ Пильтенъ ¹⁾.

На территоріи нашей низи мы видѣли прирость славянскихъ суффиксовъ къ неславянскимъ названіямъ рѣкъ и под.

Вовторыхъ, диалектологическія измѣненія звуковъ тоже врядъ-ли совершенно свободны отъ случайностей, какъ это было указано при анализѣ номенклатуры Карпатской низи.

Такимъ образомъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній отвергать возможность образованія названія Карпаты отъ славянскаго *горбъ* или *хребетъ*.

Б) Рѣки.

Въ обзорѣни карпатской низи я указалъ рядъ названій рѣкъ, связанныхъ съ природой и дѣятельностью человѣка, затѣмъ рядъ названій, заимствованныхъ отъ какихъ нибудь качествъ, наконецъ, названія неясныя и загадочныя.

Здѣсь соединю два первыхъ ряда въ одинъ.

Березница (Черемоша), *Бржезница* (Моравы), *Брѣзница* (Вучицы), *Бржоза* (Сукеля), *Бріаза* (Молдавы), *Брезичка* (Стрыя), *Березянка* (Роси, Гнилого Тикича); *Börkesz* (Burso—Самоша), *Borkönd* (?) ²⁾.

Блоница (Вислы въ верх. Киселина, Влтавы, Сазавы) ³⁾.

Блотница (Вислы), *Блатта* (Моравы), *Блотня* (Гнилой Липы, Раты).

Бобра (нѣм. *Bebra*), указаны выше.

Бродецъ (Збруча, Блоницы, дикой Орлицы). *Бродина* (Сучавы). *Бродекъ* (Серета, Сана, небольшая рѣчка въ перемышлянскомъ повѣтѣ) ⁴⁾.

Буковецъ (басс. Борзовы), *Буковикъ* (Нашички), *Буковинскій потокъ* (Черной Оравы), *Ваконя* (дун. Рабы), *Букова* или *Буковна*

¹⁾ *Миклошичъ*, XXI, стр. 80.

²⁾ Множество въ топографіи. Нѣмецкія искаженія: *Fresen*, *Fressnitz*, *Fröschnitz*, *Bresnitz*, *Briesnitz*, *Britz*, *Britzen*, *Priesae*, *Priesen*, *Priesnitz*, *Миклошичъ*, XXIII, № 29.

³⁾ Нѣм. искаженія: *Flanitz* (Влтавской Блоницы).

⁴⁾ *Dolgenbrod*, то-есть, долгій бродъ въ Бранденбургѣ, *Миклошичъ*.

(Сана), Буковецъ (Молдавы въ Буковинѣ, Солинки; верх. Сана, Пистынки).

Вепрь (Вислы), Вепрець (Лабунки Вепровой), Веприкъ (Ирпenea), Вепрежкь (Скавы), Вепржувка (Скавы).

Вербиць (Соба), Вербовка (Звана), Вербица (Verböse, въ басс. Моравы ¹⁾),

Волкъ (Буга), Волчокъ (Волка). Вулчанка (Талабора), Вучица (нѣск. разъ по серб. землѣ), Vuļchovi (Иршавы, Борзовской), Vuļchavcik (Тарачи Тясской), Влкава (Лабь), Wölfelsbach (Ниссы).

Въ топографіи часто, между прочимъ въ урочищахъ: волчий доль, волчье поле, волчья гора. Заслуживаютъ вниманія угорск. Vojkövöj (въ Ужгородскомъ округѣ), повидимому, соответствуетъ нашему Волковыску, *Миклошичъ*, № 733.

Воловка (Совицы Прутской), Воловецъ (Надь-ага) ²⁾.

Ворона (Двѣстра, Слоинцы Тысменицкой, Вислы), Воронковъ (Рыбницы Двѣстровской). Врана (Влтавы) ³⁾.

Глина (въ басс. верх. Вислы), Глинецъ (Рыбника майданскаго), Глинца (Прута), Glins (дун. Рабы) ⁴⁾.

Глубокій (Чаславки, Мизунки), Глубочекъ (Черемоша, Нецлавы) ⁵⁾.

Гнила (Збруча). Гнилый (Тезьб), Гнилица (Волицы Черемошской) ⁶⁾.

Грабовки (Петровки, Ольсы Одринской). Грабовица (Моравы сербск.), Грабоница (Латорицы). Въ топографіи очень часто.

Добра (Камны, Молдавы). Добруша (Реута), Добрынь (Черемоша), Добржинекеръ Бахъ (Рокитны Иглавской). Въ топографіи довольно часто ⁷⁾.

Драганъ (быстр. Кереша), Драгоча (Молдавицы). Draganer Bach (въ басс. Моравы).

¹⁾ Верке(?) Боровы, Wehrbach(?) въ басс. Влтавы. Въ топографіи понемѣстни; угорскія: Verbis, Verbica, Verbény, Verbaz, Verbos, *Шкворъ*, ср. словарь Головацкаго.

Нѣм. искаженія: Würben, Fürwitz, Fellern (Vrbny), *Миклошичъ*, № 746.

²⁾ Хорутанская Воловица по-нѣм. *Wölfnitz*, *Миклошичъ*, № 737.

³⁾ Въ мад. топографіи: Vagannó.

⁴⁾ Въ топографіи часто. Нѣм. искаженія: Gleinach, Gleinich, Glunich, Glintsch, *Миклошичъ*, № 108.

Нѣм. искаженія: Sloboko, Glambike. *Миклошичъ*, № 106.

⁵⁾ Спишскій Гнилецъ по-нѣм. Göllnitz. *Головацкій*, словарь.

⁷⁾ Нѣм. искаженія: Dobrig, Dobritsch, Dobritz, Dobrau, Döbern (18 разъ, но можетъ быть въ связь съ дэбря), Döberitz. *Миклошичъ*, № 81.

Дубовецъ (Прута, Серета), Дубица (Слоници, Тысменицы), Дубовскій потокъ ¹⁾.

Дубравка (Роськи, Лабы). Въ топографіи очень часто.

Дунаецъ (Вислы, Малаго Серета) ²⁾.

Жабы (Нецлавы Днѣстр.), *Жабиницы* (Сола висл.), *Жабинецъ* (Сазавы), *Жабянка* (Гнилого Тикича).

Изворъ (Сучавы), Извору негру (то-есть, Черн.изворъ—Молдавы). Izvor Kalairot (Salaita), довольно много въ сербск. землѣ.

Кални (Сола висл.), *Кальничка* (Соба), *Калонка* (Калны Сольской), *Каленна* (Краснаго Става-Рося) Kalossa (Туроча), *Калусъ* (Днѣстра). Въ топографіи очень распространено. Сюда относятся *Калиска*, *Калиши*, *Калуга*, *Калужи*. Въ угорской низи: *Kálna*, *Kálnás*, *Kálnic*, *Kálnik*, *Kálno*, *Kálnok*, *Kalocsa*, *Kalosa* — у Шквора около 25 разъ.

Каменка (Оравы, Стрѣя. Днѣстра, Реута, Прута, Снѣюхи, Дунайца, Соба, Ирпеня, Днѣпра, Роси, Выси, 2 Каменки въ бассейнѣ Бузулука, Ингула, Ингульца). *Каменца* (Дунайца, Каменки-Дунайца), *Kamienitz Bach* (Сазавы, Нежарки), *Камчикъ* (? болгарскій) ³⁾.

Квасовецъ (Талабора), *Квасница* (Русковы, Виссы Тисской), *Квасный потокъ* (Тиссы), *Киселина* (Дунайца) ⁴⁾.

Kereszto (Темешины Темешской), *Кривжовка* (въ басс. Сола вислинск.). Въ топографіи особенно часто въ Угріи.

Кобылецъ (Темешины, Опора), *Кобылна* (Десны бужской), *Кобыльничъ* (Моравы чешской), *Кобилора* (Сучавы).

Коритка (Русавы Днѣстровской), *Корытница* (Черемоша).

Красна (Самоша, Берлада), *Краснянка* (Буга), 2 *Красиловки* (въ басс. Тыкичей), *Krasznisera* (Тараца). Въ топографіи очень распространено. Много урочищъ.

Кремянка (Днѣстра), *Kremser Bach* (Молдавы). Въ топографіи очень распространено. Нѣмецк. *Krems*.

Крива (Котуя Рося), *Кривый потокъ* и *Кревы* (Борзовы), *Кривая бора* (въ угорской низи), *Кривенкій* (Сбруча), *Кривянка* (Ирпеня),

¹⁾ Нѣм. искаженія: Daubnitz, Deuben. № 76.

²⁾ Могутъ ли быть отнесены сюда же литовскія названія, какъ у Э. Боу-слаускаго, Historia Słowia, названія на *awa*, указатель, № 37?

³⁾ Въ топографіи, какъ и слѣдовало ожидать, очень распространено. Отсюда же нѣм. *Schemnitz*.

⁴⁾ Верхнесербскій *Кисликъ* по-нѣм. *Geisslitz*. *Миклошичъ*, № 268.

Крживоржека (Рабы вѣсл.), Креволутка (Кукулины). Въ топографіи очень распространено. Крива въ Слезіи, по нѣмецки Kreibau. *Миклошичъ*, № 270.

Липа (стырская; 2 днѣстровскія), Липа Лысая (въ басс. Соба). Липецкая (Буга), Lîpra (Berettyo), Lîrpitzer Bach (въ бассейнѣ Дни). Въ топографіи очень распространено. Нѣмецкія искаженія Leipzig Liebgarten (Ipregora), *Миклошичъ*, № 307.

Лозинка (Упавы), Лозовая (Мурафы), Лозеницкій потокъ (Сазавы). *Lesensze* (въ Угріи).

Лубина (Одры), Лубянка (Дунайца), Лубе (Шварцава), Лобницъ (Лубницъ?—Вислы).

Луза (2 э. Буга, Днѣстра, Одры), Сара Лунга (въ басс. Днѣстра), Лугъ (Тече). Въ топографіи очень распространено: заключаетъ въ себѣ понятіе по преимуществу поѣмнаго *смаго луга* (ср. архангельск. *луга*) потому сюда же: Лужница (Молдавы) Lusche-Bach (въ басс. Ниссы), Лугъ, Лужанскій потокъ (Тарача). Сюда же относится областное названіе Лужиць (нѣм. Lausitz). Въ связи съ этимъ находится польское іакі и племенное Ленчицане (Ленчица).

Иное—*Лука* (излучина, лукъ).

Названія эти безчисленны въ хоро- и топографіи по всей славянской территоріи, въ частности въ Угріи, по Шквору 23. Luka, Lukacsfalva. Lukaczhaza. Lukafa, Lukawa. Lukavica, Luki, Lukwa. Lukó и пр. Относительно Чехіи, ср. K. Jirések. Boh. torogr. 75 сл., есть и колѣбныя. Сюда же, повидимому, относятся и названія съ измѣненіемъ *k* въ *t*: Лутовня. Letownia, Лутава. Разобраться въ нихъ—дѣло филолога спеціалиста.

Замѣчу только, что на карпатской территоріи огласовка относящихся сюда названій иная, чѣмъ въ принятой низи. Тамъ: Лукна, Локница, Луконница въ связи съ литовск. Laukna; здѣсь Лука, Лута, Лучка, Луква. Лукавица, Лукавецъ.

На румынской территоріи Лунка, Лункавецъ. Послѣдній, на картѣ прошлаго вѣка, называется Lukavetz ¹⁾, прибавлю сюда другой притокъ той же Олуты-Ольтицу (Ольтецу). Если не упускать изъ вида чрезвычайно широкаго распространенія названій, связанныхъ съ корнемъ *лук* на карпатской территоріи и правильность измѣненія *k* въ *t*, то, кажется можно, съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что и Олута относится сюда же. Во всякомъ случаѣ это гораздо болѣе вѣ-

¹⁾ Carte speciale de Valachie par Roth. Ptrbg, 1771.

роятно, чѣмъ мнѣніе Вольфа, усматривающаго, въ названіи Олута, Алута нѣм. Alt корень *al* ¹⁾.

Медведи (Mudwiedzia — Лучки прутской), Медвѣднскій (Прудницы Тысменицкой), Медвѣдицъ (Шварцавы), Medes (быстраго Ксеша, Гоморода), Въ угорской топографіи Medve, Medved, Medvedce, Medvedzia, Medvedzse, Medvegyóc, Medves (Шкворь). Вообще очень часто. Медвѣдь брдо. *Миклошичъ*. № 339.

Мльико (Серета), Мельница (Тарновцы). Въ Угрии 5 потоковъ Malot; на западно-славянской территоріи Mühlbach-овъ безъ числа. Въ топографіи очень часто.

Мокрая (Бучи, Тростянца), Мокранка (Тарача), Мокроболото (горнаго Тыкича), Мокраней Бахъ (Сазава).

Въ угорской топографіи Мокра, Mokragy, Mokgaluka, Mokrihaj, Mokrinя (Шкворь). Въ нѣмецкомъ искаженіи: pratum mukernize. Mocker, Mockernitz, Mokrau, Mökkern, Muckern, Muckwar (*Миклошичъ*, № 355).

Млечна (Пацынки, Радомки), Млечка санской Вислоки), Молочная (Роси), Млечна (Гостинца Вислы) ²⁾.

Морава (2 Дуная съ одноименными притоками; Вислы, Сана, Вислоки санской), *Моравица* (Ниды, Вислы, Скавы, Одры), Моравка

¹⁾ Корень этотъ, означающій „das in Bewegniss befindliche, das treibende u. getriebene Wasser“, тотъ-же, по Вольфу, что и въ названіяхъ — Alstra, Alsa, Alisontia. I. *Wolff*, Zur Etymologie Siebenburgischer Fluss- u. Bachnamen, Arch. f. Siebenbg. Landesg., XVIII. Вообще это очень характерное изслѣдованіе. Авторъ разбираетъ названія трехъ рѣкъ: Тернавы (Кокель), Олуты и Мароша. Названіе Кокель сопоставляется съ Causainp и въ виду этого утверждается заимствованіе мадьярами названія у нѣмцевъ(!). Миклошичу и Гунфальви, допускающимъ славянство Тернавы (такъ называется Кокель по-румынски и до сихъ поръ) сильно достается. Образчикомъ аргументаціи можетъ послужить замѣчаніе о Марошѣ. По Вольфу, здѣсь корень *mar*—вода, а „изслѣдовать вопросъ, вышло ли это слово изъ устъ славянъ, какъ думаетъ Шафарикъ, das halte ich für überflüssige Arbeit“. Не жѣшаетъ напомнить, что и по Фёрстеману писалось въ X вѣѣ: Moraña. Въ результатѣ изслѣдованіе выходитъ: Кокель — исконное нѣмецкое названіе безъ сомнѣнія, Олута — очень вѣроятно (Alt.), а Марошъ (Moraña=Морава) слѣдуетъ писать Mieresch. Обстановка изслѣдованія самая серьезная: санскритъ, кельтскій и древне-германскій языки занимаютъ видное мѣсто. Авторъ перебираетъ рядъ названій отъ Карпатъ до Атлантическаго океана, по онъ и не подумалъ сопоставить съ названіями смежной территоріи, гдѣ ни кельтовъ, ни германцевъ не помнитъ исторія, а слова имѣютъ живой смыслъ и понышѣ. Онъ яранѣе твердо убѣжденъ, что это „лишний трудъ!“

²⁾ Быть можетъ, отъ *млѣка* (нѣм. Plak'n.), *Миклошичъ*, № 347.

(Остравицы, Одры), Мурафа (Днѣстра), Мурашка (Мурафы). Что всѣ эти названія коренныя славянскія не можетъ быть сомнѣнія ¹⁾.

Кажется, сюда же слѣдуетъ прибавить и нынѣшній Марошь, древняя Морага, то-есть, Морава.

По своимъ притокамъ: Великая и Малая Борзова, Лукачь, Топлица, Оротва, Ратосня, Златна (Араниощъ), Тернава (Кокель), Млынъ (Mühlbach) съ Сѣкачемъ, Струга, Стрѣль, Черна и др.; по своей береговой топографіи — Сомборъ, Печка, Травна, Родна, Липа, Милова, Сельцово, Добра и пр. его. конечно, нельзя не признать рѣкой славянской, а до разсѣяннымъ на его берегахъ (особенно выше Златной) названіямъ Ogoszi, Ogoszfalu, Ogosz, Idecs, Rusz, его, кажется, не безъ права можно считать русской Моравой, наравнѣ съ моравами—болгарской, сербской, чехо-моравской, польской и многими рѣчками того же названія на русской землѣ ²⁾.

Ольшанка (Десны, Буга, Марковки). Olsch-Bach (Влтавы), Олешница (Одры). Относится ли сюда же: Олесна (Остравицы), Олесница (Бечвы), Олесницкій потокъ (Шварцавы?), а также Олса (Одры), Олсава, Моравы? Въ топографіи очень часто. Нѣмецкія искаженія Ols, Olsnitz, Ulssen, Ülsen. *Миклошичъ*, № 393.

Остра. Остравица (обѣ въ басс. Одры). Въ горной номенклатурѣ очень часто: острый верхъ. Нѣмецкое искаженіе Wusternitz (*Миклошичъ*, № 411).

Пюорія (Черн. Пржеши). Погорилецъ (Чер. Черемоша). Въ топографіи нерѣдко.

Попадья (Черн. Черемоша), Поповка (въ басс. Горнаго Тыкича), Гора: Попадья, въ топографіи часто.

Поруба (Одры), Поремба (Мшаны, Рабы).

Прудникъ (Особлаги, Hotzenplotz), Прудникъ (Бялухи).

Пструховъ (въ басс. Быстр. Днѣпр.), Пстружный (Сазава).

Путна (Лужаяки, Молдавы, Молдавицы, Сучавы). Путничора (Путны Сучавской), Путилла (Черемоша).

Рокитни (Росн, Иглавы Ярмерицы), Rokitnitzog Bach (Влтавы).

Рѣка, Ричка (Олсы Одр. Рыбницы, Прутск., 2 Стрыя, Рѣпинки (Надьяга), Ясеницы, Вепржувки Скавской).

¹⁾ *Шембера*, Zар. Slowane, 48. В. *Боцумискій*, I, 69; *Напачекъ*, Opředstovnické dobe, 42 сл.

²⁾ Верховья Мароша близки къ верховьямъ Олуты, а послѣдняя еще у Геродота носитъ названіе Мариса,—*Надеждицъ*, Герод. Скня., 9 (пр. 106).

Рыбница (Днѣстра съ прит. Рыбница сухая. Прута). Рыбникъ (Зубряцы), Рыбичокъ (б. Серета).

Руда (Соба, Ивянки, Одры). Рудава (Вислы, Мявы). Рудка (Днѣстра, Нецлавы, 2 Сбруча). Рудно (Вислы). Въ топографіи очень часто.

Серебрій (Днѣстра), Серебр.-балка (Горнаго Тыкича).

Синюха (Ятрана, Буга), Синица (Буга, Роси).

Скалицк. *Балъ* (Ломницы въ басс. Дня).

Смоляникъ (Дунайца), Смолянка (Яблонки, Днѣстра).

Соколинъ (Мизунки), Соколовъ (Рушковы въ басс. Тиссы). Часто въ названіи горъ—Соколецъ, Соколиха и пр.

Солоная (или Шаю). Тиссы, Изы (Самоша), Солонецъ (Реута), Сарателя, Соловица (Тысменицы).

Струза (Моравы), Стружка (Одры).

Стрѣль (Мароша), Стрѣлка (Нецлавы), Стржала (Берауна).

Студеница (Днѣстра), Студеный (Беруна, Репянки, Надъаго).

Сухая (Деребчанки Мурафы), Сухаръ (Брадуловы, Талабора). Сухій потокъ (Серета), Суха (Задъвы. Солоной-Шаю, Молдавы) Суходоль (Слободка Сбручской). Въ топографіи часто.

Названія отъ корня: трънь — очень распространены, особенно въ рѣкахъ и поселеніяхъ. *Тирна* (съ Тарночей-Задъвы. Батара Тисскаго), Тернава или Тарнава (2 Днѣстра, Желивки, Рабы вислинск.). Тернавка (Одры, Синюхи), Тарновецъ (Рыбницы) и пр.

Тысовецъ (свѣчи Днѣстровской), Тысовичка (Днѣстра).

Тисса (съ одноим. притокомъ), Цисава (Шварцавы), Цисява (Быстры Славской).

Топольница (Днѣстра, въ старой Планинѣ нѣсколько разъ, здѣсь же озеро Тополица), *Таролса* (Рабы дун.).

Топля (Ондавы, Огржи), Топлица (болг. Моравы, нѣсколько разъ въ Сербіи).

Тростянецъ (Днѣстра. Смотряча, Буга, Коротны Русавской). Въ топографіи очень распространено.

Тржебовка (дик. Орлицы). Тржеблова (Влтавы), Теревичъ (Звана или Жвана), въ мадырской формѣ: Терешешъ. Полагаю, что сюда же слѣдуетъ отнести и Талаборъ: на немъ нѣсколько разъ встрѣчается селеніе Тереля. Названіе вообще очень распространено въ топографіи по всей славянской землѣ.

Туровка (Сбруча), Туроць (Солоная-Шаю), Турецъ (Днѣпра, Вага), Туръ (Коррапу), Турка (Прута). Въ топографіи очень часто

я повсюду. На территоріи Угрии Туръ (9), Турка (3). Тураны, Тураполья (Шкворъ). См. *Миклошичъ*, № 698.

Хвойница (ч. Моравы. Ославы). Въ типографіи часто.

Цедронка (Скавинки-Вислы).

Червенка (Одры), Червеный пот. (Влтавы), Черленый (Талабора).

Яблонка (Стрыя, Днѣстра). Яблонье (Вага). Нѣмец. искаженное Gablenz, Gallenz, Afenz. *Миклошичъ*, № 169.

Яворжина (Скавицы, бѣлорусское Пржемяши), Яворка (Цядлипы Лабской).

Язовецъ (близъ южнаго Буга), Язовица (Соба).

Ясенка (Стрыя). Ясеница (2 въ бассейнѣ Днѣстра), Язеновичъ, Ясеновица (Талабора).

Привожу еще рядъ названій. Нѣкоторыя могутъ послужить какъ матеріалъ для филологическихъ сопоставленій.

Babany viz (Саю или Солоной), Бабанка (Ятрана. на ней Бабаны. Бабанка).

Baiva (въ верх. Криничка, Горнаго Тыкича и Тыкичской же серебряной Балки), Баговица (Днѣстра).

Бахтынка (Вербовой, Днѣстра), *Weshtauer Bach* (Лужницы Влтавской), Бахонка (Свѣчи).

Bega (О Bega, Kis Bega) и прочіе притоки ея *Behela*. *Beregszo* (Бегв).

Броница (Днѣстра), Брыница (Пржемяши. верхней Вислы, Одры. Малапаны (? на подробной картѣ она называется и Малевана). Брыновка въ бассейнѣ Опора Стрыйскаго, Бравница (Буковы Санской), Брень (Вислы выше Вислоки).

Вагъ (Дуная. Одры), *N. Vagas* (Красной-Сама), *Vagas fok* (Дуная).

Валешка (Рокитны Иглавской), *Valesasa* (Сухой Молдавы бук.), Велецка (Моравы чешской), *Vela* (Старой-Волеска (въ бассейнѣ Влтавы).

Ганна (4 рѣки въ бассейнѣ Моравы чешской).

Номогод (Сама съ притокомъ *Kis Nohogod*), *Nohgod* (*Vagas fok*), (ср. Хомора).

Зденый (Стрыя). Зденянка (Латорицы), *Zduy* (Моравы чешской).

Зелемянка (Опора), (не далеко Зеленица или, быть можетъ, ср. Зельва и Зельвянка?).

Иглава (Шварцавы) съ притокомъ *Igel Bach*.

Ильница (Свѣчи), Илничка (Иршавы Борзовской), *Ilpok* (*Szalva* 41—48). *Позва* (Иранки Иршавской).

Иршава (Irsava—Борзовы) съ притокомъ Иршавкой ¹⁾).

Караецъ (Днѣстра, Случа).

Кацунка (Скавы вислинской), Качакъ (Бероуна Влтавскаго),
Kacsí viz.

Кишица (Горнаго Тыкича), Kiszwa (Тисы).

Козичанка (Ирменя), Козикниъ (Бѣл. Черемоша), Козиченская
(Днѣстра), Козлока (Лужанской Тарача).

Коречня (Олсавы около Угорскаго Брода), Коричанка (Тетерева).

Körös (Тисы), есть черный, бѣлый, быстрый, встрѣчается и въ
побочныхъ ихъ притокахъ—ср. Карасъ (Карась?) лѣвый притокъ
Дуная ниже сербской Моравы и Караецъ.

Котовой (Соба), Котуй (Рося).

Куна (Соба), Купникъ (Лапоша Сама).

Латорица (Бодрога), Латоръ (вытекаетъ изъ гор. Бюкъ), Latter
Wass. (Биравки Одринской), Latscher Bach (Одры).

Либоховка (Лучки Шварцавской), Либухора (Стрыя).

Литава (въ бассейнѣ Дны моравской, Берауна, Влтавы), Лит-
винка (Багвы—Тыкича), Литмиржъ (Яблонки Стрыя).

Лишня (Ирпени), Лишниці (Влтавы), Лишанъ (Раконицы), Lissa B.
(Ославы въ Моравѣ).

Мигова (Серета), (ср. Миговка Нѣманская).

Мыка (Самки, Тетерева).

Немля (Днѣстра), Неменка (Соба).

Нида съ Нидзвцей (Вислы).

Поръ (Вепря), (*Отпоръ* (Стрыя).

Палечка (Скавы вислинской), Палешница (Дунайца).

Пинья великая и малая (Латорицы), (ср. Пиня).

Пистынка (Прута, на ней Пистынь, въ верх. назв. Брустурка).
Двѣ рѣки Пистанаць есть въ бассейнѣ Дравы.

Пичинка (Вислы. Коржинца вислинск.), Пшинка (Gold Ader
Одринской). Пшина (въ Болгаріи).

Раба (съ Рабицей и Kís Raба Дуная, Вислы).

Рава (Брыницы—Пржемши вислинской).

Санъ (Вислы), Санка (Вислы), San fok (Тиссы).

¹⁾ Ср. Иршу Тетерева. Кстати замѣчу, что пространство между Талаборомъ
(Теребля), Тисой и Латорицей имѣетъ и понинѣ вполне русскую номенклатуру,
одинаковую съ номенклатурой территоріи къ сѣверу и востоку. См. карту Вѣн-
скаго института, масштабъ 1:200.000, листъ градусовъ $\frac{40-41}{48}$.

Селлы (Опора Стрыйскаго), Сихленскій потокъ (Пистынка Прутская).

Скава, Скавина, Скавица (Вислы).

Солотова (Смолки Слуцкой), Солотвина (Свѣчи).

Страдомка (Раба вислинская), Страдуна (Одры).

Тайна (Гнилой, Сбруча); Тнауа съ одноименнымъ притокомъ въ бассейнъ Моравы.

Теменецъ (Клодницы). Темешъ съ Темешивой (Тиссы).

Tess (Моравы), Тесаникъ (Пиньм Латорицкой).

Tecsó (Тисы), Теске (Ріша-солоной), ср. Текучъ.

Торчъ и Торчица (Роси), Тарчъ (Гнилой, Сбруча).

Ушица (Днѣстра), Ушвица (Вислы), Ушевъ (Ушвицы).

Хотковка (Олсы одринской), ср. выше Хатова.

Хомутная (Кобылны въ бассейнъ западнаго Буга).

Заслуживаетъ вниманія повторяемость названій рѣкъ Бѣлыхъ и въ противоположность имъ Черныхъ.

Въ названіяхъ этихъ отмѣченъ характеръ водъ. Лѣсныя воды отличаются обыкновенно особеннымъ цвѣтомъ въ зависимости отъ лѣснаго ила, руды и торфа, наконецъ, отъ соответственныхъ растений, древесныхъ корней и даже насѣкомыхъ. Воды Вислы и Нарева отличаются не только цвѣтомъ, даже на значительномъ пространствѣ по слиянію, но и особеннымъ характеромъ: вислинскіе гады, сопровождающіе плоты вплоть до устья Нарева, не выносятъ его водъ и жмутся къ лѣвому берегу ¹⁾).

Истоки, напр., Черной Вислы представляютъ „луку чернаго бота“, тоже и истоки Чернаго Дунайца. Въ противоположность имъ бѣлыя воды. Если смотрѣть, напримѣръ, на вислинскую Балку съ „Крыжнаго“ верха, то воды ея кажутся бѣлоснѣжными на общемъ темнозеленомъ фонѣ ²⁾).

Весь сѣверъ Россіи усѣянъ этими названіями, особенно Черными, но рядомъ съ другими, неславянскими, названіями рѣкъ, они представляютъ, вѣроятно, славяно-русскій переводъ древнѣйшихъ чудскихъ названій. На занимающей насъ территоріи названіямъ бѣлыхъ и черныхъ водъ сопутствуютъ вездѣ славянскія названія, а на смѣшанной—славяно-нѣмецкой, славяно-мадьярской, славяно-румынской, славяно-турецкой полосѣ видимъ Шварцавы, Вейсбахы, названія рѣкъ

¹⁾ В. Поль, *Poін. wsch*, 144, 229.

²⁾ В. *Hoff*, *Lud Cieszyński*, 4.

съ приложеніемъ Fekete и Feher; Нягры и Альбы (Альбинець лѣвый притокъ Черной Черемоши), Кара- и ак-, представляющія такой же переводъ славянскихъ названій, какъ сѣверно-русскія черныя и бѣлыя—чудскихъ.

Было бы слишкомъ утомительно перечислять всѣ эти названія. Достаточно сказать, что отъ Нарева на югъ, мы встрѣчаемъ эти названія очень часто въ примѣненіи къ рѣкамъ, озерамъ бужско-притятскаго поозерья, урочищамъ и поселеніямъ. Карпатскія горы на всемъ ихъ протяженіи являются средоточіемъ бѣлыхъ и черныхъ водъ.

Тоже и въ балканскомъ продолженіи Карпатъ.

Еще болѣе вниманія заслуживаетъ повторяемость *быстрыхъ* и *быстрицъ*. Не находя возможности перечислять безчисленныя Быстрицы, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на общее ихъ расположеніе. На русской территоріи Быстрицы поднимаются до 52°. Въ бассейнѣ Вепря на небольшомъ пространствѣ встрѣчаемъ Быстрицу (Тысменицы, Вепря и недалеко отъ нея къ западу—Вислы). На той же широтѣ встрѣчаемъ къ востоку Быстрицу (Мухавца, около Кобрина, Припяти), далѣе на востокъ онѣ встрѣчаются нѣсколько южнѣе: Быстрица (Перевозни случской), Быстрѣвка (Тетерева и Мыки тетеревской), Быстрица одинъ изъ рукавовъ нижняго Тетерева. Точно также онѣ спускаются къ югу и на западной сторонѣ люблинской возвышенности, расположившись, преимущественно, на широтѣ 50°, Быстра (Скавы, Сола), Быстрица (Моравы чешской; Рѣчки Шварцавской, Ниссы одринской (Weistritz) слѣва и Mistrich справа, Цидлины лабской, Эгера). сѣвернѣе ихъ на западѣ славянской территоріи расположена только Быстрица Одринская (ниже Вроцлава). Къ югу отъ обозначенныхъ чертъ можно идти по Быстрицамъ далеко во всѣ стороны: до верховьевъ Савы (Feistritz около Любляны) до Адриатической Быстрицы (противъ Корфу) и на юго-востокъ до Быстрицы Салоникской. Особенно центральная часть обозначеннаго пространства буквально усеяна Быстрицами-рѣками, поселеніями и даже горами (этимъ именемъ называется нѣсколько вершинъ въ Татрахъ; Быстрица Ломницкая вытекаетъ изъ горы Быстрой и пр.).

Думается, что это слово можетъ дать нѣкоторый матеріалъ для филологическаго анализа. Вѣрно-ли, напримѣръ, сопоставленіе Кантачича—древняго Истрополиса съ мѣст. Vister, представляющимъ якобы его слѣдъ, или, напримѣръ, не находится-ли корень этого слова въ связи съ многочисленными названіями нашей территоріи:

Струя, Струмень, Струга, Стрый и даже Стырь? Не останавливаясь на этихъ вопросахъ, выходящихъ за предѣлы нашей компетенціи, не можемъ не замѣтить, что фактъ чрезвычайнаго распространенія названій отъ корня *быстр* на всей нашей территоріи не только въ названіяхъ рѣкъ, но поселеній и горъ и спорадичность этихъ названій на славянскомъ сѣверѣ, гдѣ оно все же попадаетъ, фактъ этотъ долженъ обратить на себя вниманіе. Еще одно обстоятельство. Я отмѣтилъ основное различіе языка земли соответственно природному характеру мѣстности. Въ этомъ случаѣ номенклатура низи явно отличается отъ номенклатуры возвышенности и степи, особенно возвышенности, ибо въ степяхъ „мало естественныхъ урочищъ“ и, слѣдовательно, мало связанныхъ специально съ ними названій. При болѣе внимательномъ чтеніи картъ можно, однако, уловить замѣтную связь номенклатуры въ полосахъ переходныхъ съ примыкающими къ нимъ полосами различной природы и вообще связь между отдѣльными частями территоріи. Такую, напримѣръ, порубежную и вмѣстѣ переходную полосу представляетъ Побужье и Понаревье. На его территоріи встрѣчаются названія, связывающія эту полосу и съ низью и съ возвышенностью. Котры (Котеры) и Зелавы связываютъ Побужье съ Понѣманьемъ, подобоименныя Орлянкѣ Наревскія названія встрѣчаются въ названіяхъ возвышенностей русскихъ Тоутръ и Карпатъ и въ названіяхъ нѣкоторыхъ горныхъ рѣчекъ; Гуечка западно-бужская указываетъ на Гуйву тетереvскую, Полтва (Буга) на Полкву (Горыни). На наревской Пчелкѣ небольшая возвышенность называется Бабьими горами. Въ топографіи Мазовіи встрѣчаемъ поселенія Ломну, Ломницу, Коломыю, Коломыйку, а въ припятской низи встрѣчаемъ названія Черешошь (село и болото), Солокія (Буга), Солотва (Любачевки) и Солотвина (Свѣчи днѣстр.), Солотва (Смолки слуцкой), Тыменица Вепря и Днѣстра; Поръ, Вепря и (О)поръ Стрыя. Далѣе названія: Саяъ, Саница, Савка (Вислы), Сана (Вислоки) связываютъ повислинскую низменность съ горной территоріей и верховьями Сана, гдѣ названія эти встрѣчаются въ хоро- и топографіи. Территорія днѣстровскаго водоската запечатлѣна ярко бросающемся въ глаза связью съ окружающимъ его, по всѣмъ сторонамъ, пространствомъ. Оба Буга, Стырь и Стрый, Стрипа (лужская) и Стрины (днѣстровскія, одна называется Стримба); Студянка (Буга, около Устилуга), Студеница (Днѣстръ), Студеный (Гнилой Липы), Липа (стырская), Липы (Днѣстра), Липа Лысая (Соба), Дупа Стырская, Днѣстр., Бечвы днѣстровской, встрѣчается и на балк. полуостровѣ Дулница.

Далѣе къ востоку пространство связывается Иквами (верхней Стыри и южнаго Буга); Луга (западнаго Буга), Луга (Днѣстра, Сана). Небольшія Рудни, Зубрянки, Жванчики связываютъ территорию съ русскимъ юго-востокомъ, такъ же точно какъ Тысменца съ Повеприемъ и Угріей (Тысмана). Въ правыхъ притокахъ Сбруча два раза повторяется Сامةцъ, одноименный съ правымъ притокомъ южнаго Буга и напрашивающійся на сопоставленіе съ угорскимъ Самошемъ.

Юго-востокъ связывается Серетами (на западѣ Сереть встрѣчается между притоками Альмаша (лѣвый притокъ Самоша) и Солонцами, а также Лопушнами (правый притокъ М. Серета, здѣсь и гора Лопушна; лѣвый притокъ Прута), Лопушанка—правый притокъ верхней Черной Тисы, точно также юго-восточные Еланцы встрѣчаются и въ нижне-дунайской территоріи и въ правомъ притока Прута. Борзавы и Борзы связываютъ бассейны Темеша, Тиссы, Самоша и Мароша.

Для перваго опыта достаточно и приведенныхъ фактовъ. Они подлежатъ подробному разсмотрѣнію и опять таки на всей славяно-русской территоріи. Такое разсмотрѣніе, думается, могло бы освѣтить не одинъ вопросъ славяно-русской древности. Какъ многое изъ затронутыхъ выше вопросовъ—это дѣло трудное, сложное, требующее совмѣстныхъ усилій отдѣльныхъ лицъ и, пожалуй, учреждений. наконецъ, не только внимательнаго чтенія подробныхъ картъ, но и ряда этнографическихъ разысканій. Только такимъ образомъ можетъ быть подготовленъ матеріалъ для правильнаго уразумѣнія языка славяно-русской земли; только тогда возможно будетъ правильное распределеніе его по категориямъ, которыя несомнѣнно сами ясно обозначатся. Рядомъ съ этимъ должно идти и историческое освѣщеніе номенклатурнаго матеріала, то, что Надеждинъ называетъ „исторической географіей“, то-есть, сопоставленіе нынѣшнихъ названій съ древними и древнѣйшими, опредѣленіе связи и отношеній между ними; должны быть отмѣчены перемѣны названій и, быть можетъ, характеръ такихъ перемѣнъ. Работа чисто филологическая. На мой взглядъ, правильная разработка древней славяно-русской этнографіи, а только, конечно, таковую и можетъ допустить современная наука, должна идти именно такимъ путемъ, отдавая предпочтеніе этого рода работамъ передъ археологическими. Мнѣ думается, что археологическія разысканія должны прямо сообразоваться съ этнографическо-номенклатурными. При теперешнемъ состояніи науки, разрытіе, напримѣръ, 627 кургановъ, или даже 115 въ одну поѣздку, кажется мнѣ непро-

стительнымъ варварствомъ¹⁾. Впрочемъ, быть можетъ, такой взглядъ обусловливается недостаточнымъ моимъ знакомствомъ съ археологіей.

Вотъ замѣчанія, кажется, прямо вытекающія изъ указанныхъ выше фактовъ.

Самое важное: 1) подобо- и даже одноименность названій на всей славянской территоріи; 2) тѣсная связь и полная сообразность этихъ названій съ характеромъ природы и мѣстности не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Невозможно далѣе сомнѣваться и въ томъ, что 3) такой же характеръ имѣли эти названія и наканунѣ историческаго періода славянской жизни, то-есть, до мадьярскаго вторженія, ибо иначе будетъ совсѣмъ непонятно ихъ распредѣленіе, обнаруживающее связь даже между отдѣльными частями территоріи; 4) что дальнѣйшая ихъ исторія представляетъ рядъ совершенно случайныхъ, нерѣдко даже бессмысленныхъ искаженій, основанныхъ только на случайномъ звукоподобіи; благодаря чему ясный и полный смысла языкъ земли во многихъ мѣстахъ значительно затемнился и потерялъ всякій смыслъ.

Обслѣдованіе географической номенклатуры именно съ этой стороны представляетъ благодарную задачу, къ осуществленію которой начинать приступать славянская наука.

Вся территорія Германіи, Австро-Угрии, Румыніи подлежитъ такому обслѣдованію; мы видѣли, что тѣ же задачи предстоятъ и русской наукѣ. Работа необъятная, требующая соединенныхъ силъ этнографіи, географіи, исторіи, филологіи и археологіи всей славянищины.

Не подлежитъ сомнѣнію, что только такая работа можетъ сколько нибудь уяснить вопросы, связанные съ славянскими и русскими древностями, но съ другой стороны несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ наука вступаетъ въ область совершенно невоздѣланную—въ дремучій лѣсъ. Подвигаться въ немъ можно лишь съ большимъ трудомъ: движению мѣшаетъ не только густота лѣса, но и приставленные къ его обереганію сторожа въ лицѣ теорій, созданныхъ прогрессивнымъ методомъ изслѣдованія, въ лицѣ всевозможныхъ патріотизмовъ и шовинизмовъ — германскаго, мадьярскаго, румынскаго, которые въ наше время выступаютъ иногда ярче и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде. Только на этой почвѣ становятся понятными такіе, напримѣръ, научные факты, какъ рѣшительное заявленіе Милленгофа, что Висла съ древ-

---

¹⁾ Доклады на IX археологическомъ съѣздѣ профессоровъ Антоновича и Завитневича.

нѣйшихъ временъ до эпохи переселенія составляла восточную границу Германіи, не въ географическомъ, а въ этнографическомъ смыслѣ ¹⁾, или какъ указанное выше у Вольфа объясненію названій Олуты, Тернавы (Кокель) и Моравы (Мароша), или еще какъ заявленіе Бѣлы Майлата, что въ топографіи липтовскаго комитата названія мадьярскія древнѣ славянскихъ, и что, слѣдовательно, *origo occupatio* здѣсь была не славянская, а мадьярская ²⁾.

Характерно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ славянство племенныхъ и мѣстныхъ названій не опровергается, а просто аргюируется какъ невозможнымъ или еще лучше прямо вздоромъ ³⁾, „не заслуживающимъ опроверженія“. Возражать противъ такихъ мнѣній излишне.

III.

Разсмотрѣнныя выше данныя языка земли представляютъ на столько существенный этнографическій фактъ, что его нельзя не положить въ основу при разсмотрѣніи вопросовъ о населеніи нашей территоріи наканунѣ періода, освѣщаемого точными историческими данными. Вся территорія по языку земли представляетъ однородное цѣлое. Въ теперешнихъ формахъ названій мы нерѣдко встрѣчаемъ діалектическія разновидности.

Ихъ древнѣйшія формы подлежатъ раскрытію въ будущемъ, и въ этомъ случаѣ подробное обследованіе славянскихъ элементовъ въ языкахъ иноплеменныхъ, особенно мадьярскомъ, румынскомъ и въ латинскихъ памятникахъ и документахъ можетъ дать не мало указаній. Только такое обследованіе дастъ твердую почву для сужденія о характерѣ названій неясныхъ, только послѣ такого обследования можно будетъ сказать, представляютъ ли они искаженія славянскихъ названій или въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, слѣдъ предшествоващаго славянамъ этнографическаго слоя. Изученіе географической номенклатуры можетъ повести къ точному обоснованію славянской древности на занимающихъ насъ мѣстахъ. Аргюируется можно думать, что въ древнее время разновидности этихъ нынѣшнихъ славянскихъ названій не были столь значительны, что, слѣдовательно, территорія представляла еще болѣе однородности. Языкъ названій

¹⁾ Deutsch. Alterth. II, 79.

²⁾ Ungar. Revue, 1882, 202.

³⁾ *Müllenhoff*, II, 77.

служить безспорнымъ указаніемъ на этнографическій характеръ населенія нашей территоріи. На основаніи его мы можемъ безъ колебаній утверждать, что наканунѣ историческаго періода она была занята племенемъ славянскимъ. Естественно, въ громадной массѣ славянскаго „языка“ или рода мы должны предполагать уже въ древнѣйшее время извѣстныя разновидности. Главнѣйшимъ основаніемъ въ этомъ случаѣ служить древность славянскихъ нарѣчій. „Столь обособленные типы, какъ нарѣчія русское и болгарское, сербское и словинское, чешское и польское не могли сложиться вдругъ, а выработались мало-по-малу въ теченіе многихъ вѣковъ, не только достигающихъ эпохи кирилло-меѳодіевской, но быть можетъ и юстиніановской или еще болѣе древней“¹⁾. Другихъ точныхъ основаній для признанія этнографическихъ разновидностей въ славянствѣ въ древнѣйшее время у насъ, собственно говоря, нѣтъ. Названія колѣнъ, сообщаемыя лѣтописью, по преимуществу мѣстныя, вполне соотвѣтствуютъ тому закону неразрывной связи между народомъ и природой, о которомъ было говорено выше. „И разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше по которомъ мѣстѣ“. Что касается названій родовыхъ, то они, конечно, могли употребляться, но не слѣдуетъ забывать, что въ общей суммѣ они составляютъ незначительное число, а многимъ изъ нихъ слѣдуетъ придавать не патронимическій, а другой смыслъ: таковы изъ нашихъ колѣнъ: дряговичи, таковы же и радимичи, не смотря даже на пресловутаго колѣннаго праотца Радима. Широкое распространеніе названія Радомъ въ топографіи славянской земли, даетъ право отнести названіе радимичей къ числу волостныхъ, подобно волынцанамъ, названнымъ такъ по главному центру Волыни.

Такимъ образомъ, мѣста, на которыхъ жили люди, центръ около котораго группировались — вотъ основа частныхъ обозначеній такъ называемыхъ „племенъ“. Вполнѣ соотвѣтственно этому и географъ баварскій въ извѣстномъ перечнѣ славянскихъ колѣнъ говоритъ лишь о „*civitates et regiones*“.

Все это не заключаетъ въ себѣ этнографическаго элемента. Въ самомъ дѣлѣ, относительно русскаго славянства можно сказать, что указываемые лѣтописцемъ обычаи, законы отцовъ и преданія, наконецъ, нравы, при сравненіи съ замѣчаніемъ лѣтописца о половцахъ, которые законъ держатъ отецъ своихъ, въ противоположность единому закону христіанскому, а также при сопоставленіи съ замѣча-

¹⁾ А. С. Будиловичъ, Общеславянскій языкъ II, 21.

ніемъ о погребальныхъ обычаяхъ вятичей и кривичей—въ противоположность „закону Божию“: „не вѣдуще закона Божья, но творяще сама себѣ законъ“, вполне оправдываетъ мнѣніе Барсова, что замѣчанія лѣтописи о различіяхъ между отдѣльными частями, по крайней мѣрѣ, русскихъ славянъ сводятся къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія и, можетъ быть, различію нѣкоторыхъ общественныхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту. При этомъ въ глазахъ лѣтописца христіанина отличія эти, вытекавшія изъ первобытнаго языческаго строя славянства, могли представляться съ большею рѣзкостью, чѣмъ то было въ дѣйствительности ¹⁾. Современная археологія указываетъ разницу обычаевъ даже въ предѣлахъ одного такъ-называемаго „племени“ ²⁾. Можно ли въ виду этого считать обычай признакомъ этнографическаго различія? „Чѣмъ неразвитѣ народная масса, тѣмъ уже ея понятіе о своенародности: все, сколько-нибудь непохожее на свое, кажется чужимъ“, справедливо замѣчаетъ Багалѣй ³⁾. Но еслибы такой взглядъ полагать въ основу этнографическихъ дѣленій, то пришлось бы признавать „этнографическими единицами“ чуть не отдѣльныя деревни. Лѣтописецъ могъ считать обычай „однимъ изъ существенныхъ признаковъ народности“ ⁴⁾. но намъ врядъ ли позволительно стоять въ этомъ отношеніи на точкѣ зрѣнія лѣтописца, тѣмъ болѣе, что, указывая мелкія дѣленія, лѣтописецъ очень твердо стоитъ на единствѣ всего славянскаго „языка“. Въ этомъ понятіи объединяются имъ не только отдѣльныя части русскаго вида, но и славянскаго рода. Вопросомъ объ отдѣльныхъ частяхъ русскаго вида занимается наша наука давно. Уже Полевой (за Щербатовымъ) указывалъ, что въ основу отдѣльныхъ княжествъ легли отдѣльныя славяно-русскія вѣтви. Костомаровъ развилъ на этой почвѣ цѣлую теорію о федеративности древне-русскаго строя. на основѣ этнографическихъ разновидностей ⁵⁾. Онъ указалъ въ русскомъ племени шесть „народностей“: южно-русскую, сѣверскую, великорусскую, бѣлорусскую, псковскую и новгородскую.

Мысль Костомарова признается безспорною въ сочиненіяхъ такъ-

¹⁾ Н. Барсовъ, Очерки, 79.

²⁾ П. Голубовскій, Смоленск. земля, 15 сл.; Запорожечич, Область Дрягоничей, Труды Киевск. Дух. Ак. 1886, VIII.

³⁾ Удѣльный періодъ и его изученіе, Киевск. Стар., 1883, II.

⁴⁾ Л. Н. Майковъ, Отзывъ объ очеркахъ Барсова, Жур. Мин. Нар. Пр., 174, стр. 247.

⁵⁾ Мысли о федеративномъ началѣ, Монографія, I

называемой Киевской школы ¹⁾). Но какъ помирить съ этимъ тотъ фактъ, что ни одно древне-русское княжество не состояло изъ цѣлаго племени. „Въ населеніи новгородской земли рядомъ съ славянами ильменскими встрѣчаемъ изборскую вѣтвь кривичей; другая вѣтвь послѣднихъ составила княжество Полоцкое, присоединивъ къ себѣ сѣверную часть дреговичей; третья кривская вѣтвь, образовавшая смоленскую область, притянула къ себѣ много радимичей по Сожу на югѣ, а также, кажется, нѣкоторыя сосѣднія поселенія дреговичей на западѣ и часть вятичей на востокѣ (въ углу Оки и Протвы); другая половина радимичей съ большей частью вятичей примкнула къ главной массѣ сѣверянъ, и изъ этихъ разноплеменныхъ элементовъ составилось славянское населеніе волости Черниговской. Въ составъ княжества Киевскаго, Русской земли въ тѣсномъ смыслѣ, вошли цѣликомъ племена полянъ и древлянъ, если только нѣкоторыя западныя поселенія послѣднихъ (по Случу и Горыни) не отошли къ области Владиміро-волянскій; къ Киевскому же княжеству примкнула и южная бѣльшая половина дреговичей (съ городами Пивскомъ, Туровомъ и Слуцкомъ); а если допустить догадку, что въ предѣлы этого же княжества попали нѣкоторыя поселенія дулѣбовъ-воляннъ въ краю верховьевъ восточнаго Буга, Случа и Горыни, къ югу и юго-западу отъ земли древлянъ, то найдемъ, что въ составъ славянскаго населенія Киевской области вошли цѣликомъ или частями четыре племени ²⁾).

Федеративная школа, настаивая на терминахъ „этнографическая единица“ и даже „народность“ въ примѣненіи къ древнимъ частямъ русскаго вида, обнаруживаетъ только крайнюю беззаботность на счетъ внутренняго смысла явленій, обозначаемого такими, кажется, опредѣленными понятіями, какъ „народность“ и „этнографическая единица“ ³⁾).

¹⁾ Д. И. Бачалій, к. в. и очерки отдѣльныхъ южно-русскихъ земель въ Киевск. Унив. Извѣстія.

²⁾ В. О. Ключевскій, Боярская дума, Русск. Мысль, 1880, III, 55.

³⁾ Въ частности весьма характерно то обстоятельство, что, имѣя цѣлую теорію о федеративномъ строѣ русскихъ „народностей“, мы не имѣемъ до сихъ поръ сколько нибудь точнаго термина для обозначенія всѣхъ этихъ полянъ, древлянъ и проч. Мы обыкновенно называемъ ихъ „племенами“, и тотъ же терминъ употребляемъ и относительно всей Руси, всѣхъ славянъ и даже всѣхъ арийцевъ. Во избѣжаніе недоразумѣній буду прилагать къ мелкимъ видовымъ особямъ лѣтописный терминъ—*колюно*, а къ болѣе крупнымъ частямъ, объединеннымъ од-

Ни историческія показанія, ни данныя археологій не оправдываютъ предположенія объ этнографической отдѣльности тѣхъ группъ, какія указываетъ, напримѣръ, лѣтопись. Лѣтопись приводитъ названія отдѣльныхъ, иногда мелкихъ группъ, которымъ невозможно придавать этнографическаго значенія. По всей видимости, лѣтописный перечень далеко не полонъ: ни въ одномъ перечнѣ, напримѣръ, не упоминаются пищанцы; оказывается, однако, они составляли мелкое подраздѣленіе Радимичей. И другія колѣна могли подраздѣляться тоже на болѣе мелкія части, въ родѣ той „какою руководилъ среди вятичей Ходота съ сыномъ или какая сосредоточилась подъ защитой городка Кордна“—еще въ концѣ XI вѣка. „Этимъ,—замѣчаетъ Ключевскій,—можно, не прибѣгая къ обличенію лѣтописца въ анахронизмахъ, объяснить, почему онъ говоритъ, что Олегъ взялъ съ собой въ походъ на грековъ въ 907 г. и вятичей, и хорватовъ, тогда какъ, по его же разказу, первые покорены были, и то неокончательно, Святославомъ въ 966 г.“¹⁾

Въ огромной массѣ славянства, даже русскаго, можно предполагать этнографическое различіе, но открывать его приходится не ссылками на лѣтопись, а другими путями. Быть можетъ, послѣдующія разысканія въ области географической номенклатуры помогутъ уясненію этого вопроса. Мы отмѣтили известную связь въ номенклатурѣ названій отдѣльныхъ частей. Частичное изученіе картъ и этнографическія разысканія, быть можетъ, прольютъ въ эту область новый свѣтъ, особенно при сопоставленіи ихъ съ указаніями археологій²⁾. Не считая пока возможнымъ класть въ основу опредѣленія племенныхъ группъ славянства данныя топографическія, мы считаемъ гораздо болѣе надежнымъ исходить отъ данныхъ діалектологій. Языкъ наиболѣе точный показатель этнографическихъ разновидностей.

наковосгью языка—*стѣль*. Колѣна—древлянъ, полянъ и проч.; вѣтвь—русскихъ, поляковъ, чеховъ. На сколько у насъ вообще не точны, но въ то же время изобрѣтательны въ терминахъ, си у *Ключевскаго*, к. в.

¹⁾ Тамъ же, III, 59.

²⁾ Весьма интересенъ въ этомъ отношеніи трудъ *Войцѣховскаго*, *Схробасау*. *Войцѣховскій* полагаетъ, что путемъ распредѣленія топографическихъ названій на группы и опредѣленія процентнаго ихъ отношенія можно опредѣлять сравнительную древность территорій, исторію ея заселенія и даже характеръ первоначальнаго землевладѣнія. Здѣсь же приведено примѣрное распредѣленіе названій Краковскаго уѣзда (стр. 292 сл.).

По нѣкоторымъ указаніямъ можно думать, что съ діалектологическими оттѣнками совпадаютъ и особенности въ чертахъ народнаго быта ¹⁾. иначе говоря, обнаруживаются совпаденія между данными діалектологии и этнографіи. Но такъ какъ нельзя не признать, что языкъ во всякомъ случаѣ подлежитъ болѣе медленному измѣненію, нежели отдѣльныя черты быта, то, слѣдовательно, его показанія съ большимъ правомъ можно относить къ древности. Попытаюсь наложить на карту главнѣйшія данныя современной русской діалектологии, въ надеждѣ найти здѣсь нѣкоторыя указанія на этнографическое отношеніе частей русской вѣтви.

Начнемъ съ низа. Березина днѣпровская представляетъ естественное разграничье алаунской плоской возвышенности, входящей въ Могилевскую губернію въ юго-западномъ направленіи изъ Смоленской и сѣверныхъ отроговъ Карпата. Если мы обратимся къ сосѣднему съ нашей территоріей пространству на сѣверо-восточной сторонѣ, то увидимъ, что оно представляетъ центръ бѣлорусскаго нарѣчія—въ Чаусскомъ, Могилевскомъ, въ западныхъ частяхъ Оршанскаго, Горецкаго и въ большей части Сѣнненскаго уѣздовъ. Этотъ (по Романову, чистый) бѣлорусскій говоръ характеризуется дзеканьемъ, твердымъ *р* и *т* въ 3-мъ л. ед. числа (III, 20).

На востокѣ онъ окаймляется полосой (уѣзды Чериковскій, Климовицкій, Мстиславскій, восточныя части Оршанскаго и Горецкаго и сѣверная часть Сѣнненскаго), гдѣ на мѣсто твердаго встрѣчаемъ уже мягкое *р*.

Далѣе къ сѣверо-востоку, вмѣсто *дз* и *ц* является мягкое *д* и *т* (уѣзды: Рославльскій, Смоленскій, Ельнинскій) ²⁾.

Далѣе извѣстно, что въ общемъ западная половина Смоленской губерніи говоритъ или бѣлорусскимъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная по-великорусски, то-есть, въ предѣлахъ Смоленской губерніи встрѣчаются оба нарѣчія бѣлорусское и великорусское, но отсутствіе свѣдѣній о восточной части Смоленской губерніи и западной части Московской (I, 23) не даетъ.

¹⁾ А. И. Соболевскій, *Діалектологія, Живая Старина*, 1894, I, 4. Далѣе ссылки приводятся въ текстѣ.

²⁾ О Рославльскомъ уѣздѣ, см. I, 6, пр. 4. Полную аналогію представляетъ въ своей обстановкѣ Осташковскій уѣздъ, I, 6, пр. 3. Можно бы указать еще Пинскій и нѣкоторые уѣзды Сѣдлецкой губерніи.

къ сожалѣнію, возможности отдѣлнить переливы одного нарѣчія въ другое.

Возвратимся теперь къ чертѣ, съ которой начали — къ западной границѣ полосы могилевскаго говора и отмѣтимъ главнѣйшіе діалектологическіе отдѣлки нашей низи.

На юго-востокѣ могилевскій говоръ охватывается полосой, въ которой нѣтъ *dz*, *p* твердое. а 3-е л. ед. числа оканчивается на *e* (уѣзды Рогачевскій и Гомельскій).

Говоры Минской губерніи дѣлятся на три группы: „сѣверо-восточную очень близкую къ сосѣднимъ говорамъ Виленской, Витебской и Могилевской губ.“ (III, 20). Эту полосу неопредѣленныхъ звуковыхъ колебаній можно означить кривою линіей черезъ Борисовъ, Игумень, Бобруйскъ и Рѣчицу.

Южная группа представляетъ переходъ отъ бѣлорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію. Она занимаетъ центръ Минской губерніи. Въ общемъ эту полосу, соединяющую въ своихъ говорахъ „бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверо-малорусскими дифтонгами *ou* и *ie* на мѣстѣ собственно бѣлорусскихъ ударяемыхъ *o*, *ë* и *e*“ (III, 25. тамъ же и другія подробности), можно отмѣтить линіей отъ южныхъ окраинъ Минскаго уѣзда черезъ Слуцкъ и Мозырь.

Не рѣшаюсь характеризовать западной группы (III, 22 сл.), но, кажется, можно утверждать, что она связана съ сѣверо-западной частью Гродненской губерніи. „представляющей переходъ отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому“ (IV, 27).

Если отъ Слуцка провести линію на западъ по Нѣманско-припятскому водораздѣлу, то, кажется, ее можно принять за границу между сѣверно-малорусскимъ и тѣми говорами, которые представляютъ неопредѣленные колебанія между малорусскимъ и бѣлорусскимъ. Къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію отойдетъ такимъ образомъ юго-западная часть Минской, южная часть Гродненской; въ его область войдутъ верховья Нарева съ притоками, среднее теченіе западнаго Буга и весь лѣвый скатъ Припяти, наконецъ, на правомъ берегу вся область припятской впадины. до верховьевъ правыхъ притоковъ, которые, по скольку входятъ въ область отроговъ Карпата, принадлежатъ уже южно-малорусскому поднарѣчію.

Охватывая такую значительную область, сѣверно-малорусское поднарѣчіе въ свою очередь отличается значительнымъ количествомъ и разнообразіемъ переливовъ, въ однихъ случаяхъ. смотря по мѣсту,

сближающихъ его съ бѣлорусскимъ, въ другихъ, наоборотъ, съ южно-малорусскимъ ¹⁾.

Въ общихъ чертахъ мы отмѣтили диалектологическiй характеръ нашей низи. Принимая тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскiя аканье и дзеканье и сѣверо-малорусскiе дифтонги за бѣлорусскiе, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ, слышится или только аканье, или только дзеканье, за малорусскiе, проф. Соболевскiй ведетъ граничную линiю между ними отъ середины Черниговской губернии по Припяти (то южнѣе, то сѣвернѣе) и затѣмъ по серединѣ Гродненской губернии. Съ насъ достаточно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что область малорусскаго нарѣчiя въ предѣлахъ нашей низи подымается все болѣе къ сѣверу, чѣмъ болѣе отодвигается на западъ отъ Днѣпра. Въ Мозырскомъ встрѣчается спорадическое аканье и вмѣстѣ спорадическое (частое) дзеканье (IV, 23), но уже вся юго-западная часть Минской губернии представляетъ переходъ отъ бѣлорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчiю (III, 25); то же самое, кажется, слѣдуетъ сказать о прилегающихъ частяхъ Гродненской губернии, южная часть которой „можетъ быть названа вполнѣ малорусскою“ (IV, 27).

Если въ ослабленiи дифтонговъ, замѣчаемомъ въ юго-западныхъ частяхъ припятской низи, видѣть влиянiе южно-малорусскаго поднарѣчiя, съ которымъ юго-западная часть низи непосредственно соприкасается на югѣ, отдѣляясь отъ бѣлорусскаго на сѣверѣ переходной полосой, то нельзя не замѣтить, что, простираясь на все пространство до устьевъ Горыни (только близъ устьевъ ея слышенъ дифтонгъ *уы*, IV, 24), переходя по верховьямъ Припяти и на лѣвый ея берегъ (въ Пинщинѣ), это южное влиянiе какъ будто соотвѣтствуетъ исторической территорiи древняго Воляня и позднѣйшей Волянской волости, сказываясь замѣтно на верхней Припяти и правыхъ ея притокахъ, то-есть, на естественныхъ путяхъ, связывавшихъ нашу низъ съ краями возвышенности.

Это влиянiе какъ будто теряется въ неопредѣленныхъ колеба-

---

¹⁾ Не рѣшаюсь отмѣчать полосы отдѣльныхъ говоровъ географически, какъ это сдѣлано выше относительно Могилевской и части Смоленской губ. По состоянiю матеріала такое распредѣленiе врядъ ли удалось бы даже настоящему диалектологу. Для историко-этнографическихъ соображенiй оно было-бы очень важно. Распредѣленiе на картѣ Чубинскаго (Труды экспедицiи, VII, 2) не вполнѣ отвѣчаетъ даннымъ проф. Соболевскаго.

ніяхъ говорювъ Сѣдлецкой и Гродненской губерній. Но для историка не можетъ быть безъ значенія замѣчаніе, что „въ Сѣдлецкой губерніи способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ Полѣвскихъ уѣздахъ на Волини“, а южная часть Гродненской, какъ сказано, считается вообще вполне малорусскою. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что, начиная съ Новгородка (а быть можетъ, и выше по Нѣману), лѣвый берегъ Нѣмана представляетъ область переходную отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, то южно-малорусское вліяніе мы должны распространить не только на область всего бассейна верхней Припяти, но и на возвышенность, отдѣляющую низъ припятскую отъ нарево-бобрянской ¹⁾.

Принимая все это во вниманіе, а равно самыя общія диалектологическія черты другихъ смежныхъ частей русской территоріи и нанося эти данныя на карту, можно сказать слѣдующее: Березина и Нѣманско-Припятскій водораздѣлъ служатъ пограничьемъ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчія. Последнее къ востоку переходитъ за Припять на сѣверъ въ видѣ тѣхъ говорювъ, которые соединяютъ въ себѣ и сѣверно-малорусскіе дифтонги и бѣлорусскія черты, на сѣверо-западѣ оно захватываетъ часть Нѣманскаго бассейна. Однимъ словомъ, малорусское нарѣчіе въ лицѣ сѣверно-малорусскихъ говорювъ обнаруживаетъ значительное распространеніе на сѣверѣ, особенно на сѣверо-западѣ.

Главная нецокающая бѣлорусская вѣтвь занимаетъ въ настоящее время все пространство между среднимъ и верхнимъ теченіемъ Нѣмана и западной Двины, спускаясь нѣсколько южнѣе въ бассейнъ Березины. Къ востоку отъ Березины группа эта при разнообразіи говорювъ представляетъ довольно послѣдовательные переливы къ южно-великорусскому акающему поднарѣчію, къ которому бѣлорусское нарѣчіе вообще очень близко. Гдѣ теряется эта бѣлорусская вѣтвь на западѣ и въ какомъ отношеніи къ ней находятся говоры Сувалкской губерніи на этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить.

Здѣсь мы натываемся на рядъ лѣсныхъ пушчъ и болотъ, здѣсь же въ началѣ нашей исторіи встрѣчаемъ этнографическій славяно-литовскій рубежъ.

¹⁾ Мнѣ кажется характернымъ, что въ заблудовскомъ дифтонгѣ *uo* преобладаетъ *o*, а въ ближайшемъ къ нему „королевскомъ“ говорѣ отсутствуютъ бѣлорусскія особенности, появляется дифтонгъ *oo* (?), встрѣчается болѣе частое *i* на мѣстѣ *ь* (IV, 32—33).

Правый берегъ Двины занимаетъ немногочисленная цокающая группа бѣлорусскихъ говоровъ, сливаясь на сѣверѣ съ цокающимъ великорусскимъ древне-новгородскимъ говоромъ.

Иначе говоря, какъ на пространствѣ нашей низины имѣемъ рядъ трудно уловимыхъ колебаній въ говорахъ, составляющихъ переходы отъ сѣверно-малорусскаго къ бѣлорусскому, такъ въ цокающихъ бѣлорусскихъ говорахъ мы имѣемъ незамѣтный переливъ къ сѣверно-великорусскому, такъ, наконецъ, въ области Березины и Сожи опять диалектологическіе переливы между всѣми тремя главными русскими нарѣчіями.

Въ этихъ фактахъ филологъ, пожалуй, можетъ усмотрѣть оправданіе теоріи І. Шмидта о „волнообразной поверхности“. Для историка этотъ вопросъ не интересенъ. Диалектологія представляетъ для него яркое отраженіе этнографическихъ отношеній: языкъ вѣрнѣйшій показателъ народныхъ оттѣнковъ; далѣе диалектологія имѣетъ для историка и географическій интересъ, даже вѣрнѣе географическо-политическій. Если, говоритъ Поль, диалекты имѣютъ границы или значительныя пограничья, то естественно предположить, что въ известномъ центрѣ диалектическихъ территорій черты говоровъ выражаются всего ярче: „Такъ и бываетъ въ дѣйствительности: на колѣнной территоріи не всегда и не вездѣ возникаютъ города, но говоръ сосредоточивается всегда около городовъ или значительныхъ пунктовъ“¹⁾. Такіе пункты дѣйствительно не трудно опредѣлять для обихъ великорусскихъ поднарѣчій. Но гдѣ центральный пунктъ бѣлорусскаго нецокающаго или сѣверно-малорусскаго?

Наконецъ, оставляя въ сторонѣ явно переходные сѣверо-малорусскіе говоры, — гдѣ центральный пунктъ малорусскаго нарѣчія? Не знаю, какъ отвѣчаютъ или отвѣтятъ на этотъ вопросъ филологи, быть можетъ, для нихъ онъ также не интересенъ, какъ для историка вопросъ о волнообразной поверхности. Мнѣ кажется, однако, что вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія. Я даже позволю себѣ думать, что для исторіи карпатской земли уясненіе его имѣетъ самое существенное значеніе.

Мы остановились на возвышенности, представляющей сѣверо-западной отрогъ Карпата, окаймленной долинами Нѣмана и западнаго Буга и впадинами Припятской и Наревы-Бобрянской. На этомъ пространствѣ встрѣчается нарѣчіе бѣлорусское и малорусское, попа-

¹⁾ В. Поль, Dzieła, X, 90.

даются и литовцы, а на западѣ оба русскихъ нарѣчія встрѣчаются съ нарѣчіями польскими.

Что же представляетъ полоса встрѣчи? Полоса эта не только въ этнографическомъ и діалектическомъ отношеніи, но даже въ историческомъ разработана въ высшей степени слабо. Поэтому наши замѣчанія представляютъ лишь опытъ свода немногихъ существующихъ данныхъ и, конечно, могутъ претендовать лишь на относительную точность.

Мы уже указали на взаимное отношеніе обоихъ русскихъ нарѣчій: большую часть территоріи занимаетъ малорусское, а въ общемъ по линіи отъ Сувалокъ и Августова до Сѣмьютычъ видимъ смежную русско-польскую полосу.

Далѣе на югѣ русско-польская пограничная линія изгибается кривою между городами—Бѣла, Радинь, Люблинь, Красноставъ, Бѣлгорай, Переворскъ, Дубецко, Березовъ, Римаповъ, Скальникъ и на западѣ до Старога Сутеча (Сандеча).

Скольконибудь точной границы здѣсь указать нельзя. Благодаря вѣковымъ взаимоотношеніямъ, ходу историческихъ и вообще жизненныхъ условій, образовалась широкая пограничная полоса, представляющая пеструю этнографическую смѣсь, но въ общемъ востокъ и юго-востокъ отъ отмѣченной нами черты представляютъ и понынѣ болѣе или менѣе сплошную русскую территорію. Чтобы хоть скольконибудь опредѣлить дѣйствительный характеръ этой переходной полосы, намъ придется вкратцѣ указать польскіе діалектологическіе оттѣнки. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ здѣсь такого надежнаго руководства, какое имѣли въ діалектологіи проф. Соболевскаго. Такъ какъ, однако, мы не имѣемъ въ виду филологической точности, и отдѣльные говоры имѣютъ для насъ преимущественно этнографическо-географическій интересъ, то мы считаемъ возможнымъ принять во вниманіе общія указанія В. Поля относительно польскихъ говоровъ, по возможности дополняя его показанія новѣйшими этнографическими данными ¹⁾.

¹⁾ Польша много путешествовала: исходила и извѣдала чуть не всю территорію бывшаго Польскаго государства. Одинъ изъ первыхъ примѣнилъ къ славянской географіи мѣстныя народныя названія и краснорѣчиво указалъ ихъ значеніе (Роѣсплу wschód, 100). Его статья о польскихъ діалектахъ (Dziela, X) не имѣетъ, конечно, филологическаго значенія, но это замѣчанія чеховѣка съ чуткимъ ухомъ и зоркимъ глазомъ. Общія контуры Польша опредѣляетъ вѣрно, а новѣйшія изысканія вносятъ сравнительно немного поправокъ.

Въ польскомъ языкѣ Поля указываетъ слѣдующія четыре группы: хорватскую, велико-польскую, мало-польскую и мазурскую ¹⁾).

1) *Хорватское нарѣчіе*: а) собственно *хорватское* на верховьяхъ Одры и Вислы, на югъ Поля растягиваетъ его слишкомъ далеко. Къ этому отгѣнку Закржевскій относитъ колѣна: горалей, яблонковянъ, подгальянъ, новоторжанъ, горалей пенинскихъ, сандечанъ, живчаковъ и бабигорцевъ. б) *Слезское* къ западу отъ Пржемши и Бялой, съ отгѣнками: тѣшинскимъ, опольскимъ и др. в) *Краковское* между Пржемшей и Бялой на западѣ, Нидой и Рабой на востокѣ, андриковскимъ Бескидомъ на югѣ и истоками Варты на сѣверѣ (краковяки, прошовяки).

2) Съ хорватскимъ нарѣчіемъ граничитъ на сѣверѣ *велико-польское*, занимая весь бассейнъ Варты: до Одры на западѣ, до Нотеци (такъ называемые „Палуки“ ⁴⁾) на сѣверѣ; такъ что Бзура, Висла и Нотець составляютъ его границу съ мазурскимъ и поморскимъ нарѣчіями.

Поднарѣчіемъ велико-польскаго нарѣчія Поля считаетъ а) говоръ *Одрянь*, б) *Палужань* и в) *Куявляковъ*.

По Закржевскому куявяне вмѣстѣ съ ленчачанами составляютъ переходную группу къ мазурямъ.

3) Область нарѣчія *поморскаго* представляетъ въ настоящее время территорию этнографическаго перерожденія. Но это перерожденіе составляетъ характерную ея черту съ древнѣйшихъ временъ. Современные кашубы—потомки древнихъ поморянъ ²⁾, занимавшихъ нѣкогда лѣвый берегъ Вислы до Нотеци, представляютъ обломокъ полабскаго славянства. Языкъ ихъ представляетъ въ удареніи существенное отличіе отъ польскаго ³⁾, а въ словарномъ матеріалѣ множество словъ, существующихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, но не употребляемыхъ въ польскомъ ⁴⁾. Кашубское нарѣчіе обыкновенно

¹⁾ Въ схемѣ *Закржевскаго*, Wisła, II, 190 указано пять группъ: поморско-прусская, велико-польская, мазурская, мало-польская, слезская. Основой здѣсь служитъ политическое дѣленіе. Принимаю дѣленіе Поля. Его обособленіе хорватской группы кажется мнѣ заслуживающимъ особеннаго вниманія, но онъ слишкомъ расширяетъ мазурскую. Изъ нея слѣдуетъ выдѣлить поморскую.

²⁾ Названіе Кашубовъ встрѣчается, впрочемъ, уже у Аль-Бекри, *Зап. Ак. Н.*, XXXII, 76.

³⁾ Páleca—пащца, dregí—дорогой.

⁴⁾ *Надморскій* (псевдонимъ Козловскаго), *Objaśnienia do mapy etnograficzne Prus krolewskich*, Pamiętnik fizjogr III, Warsz. 1883.

Его же, *Ludność polska w prusach*. Тамъ-же IX, 1889. Ср. Wisła, III.

включается въ область польскаго языка. Основательно ли? это—вопросъ. Нѣмецкій потопъ не даетъ возможности опредѣлить отношеніе кашубовъ къ исчезнувшимъ вѣтвямъ западнаго славянства по нижней Одрѣ, только благодаря этому, языкъ сосѣднихъ поляковъ оказывается дѣйствительно самымъ близкимъ къ кашубскому. Но на польско-поморскомъ рубежѣ исторія указываетъ намъ борьбу между двумя родственными племенами, а данныя языка едва ли не даютъ намъ основанія выдѣлить поморскую вѣтвь изъ группы чисто польскихъ нарѣчій и усматривать въ ней уцѣлѣвшій обломокъ обширной поморско-полабской вѣтви.

Населеніе хелминско-михаловской земли представляетъ теперь соединительное звено между поморской и мазурской вѣтвью. Здѣсь мы вступаемъ на почву другаго этнографическаго перерожденія—литовско-польскаго. Все такъ называемое прусско-мазурское поозерье занимаетъ теперь сѣверная вѣтвь мазуровъ. Но мы знаемъ несомнѣнно, что нѣкогда это были мѣста древнихъ прусскихъ голяди и судавовъ.

Это—историческое приобрѣтеніе польскаго племени, такое же въ свою очередь передъ нѣмецкимъ напоромъ.

4) Собственно мазурское ядро составляютъ *старые мазуры* съ центрами въ Плоцкѣ, Добржинѣ, Черскѣ. Восточныя окраины Мазовіи въ древней подляшской землѣ представляютъ уже русско-польскій рубежъ, а самое названіе Подляшья указываетъ на его принадлежность русскому, а не польскому міру ¹⁾.

Дорогичинъ на Бугѣ—городъ древній русскій. Визна—теперь польская, въ 1145 году была уступлена Межкомъ и Болеславомъ польскимъ Игорю Ольговичу (Ип. л.), а ея близость къ этнографическому рубежу намекаетъ, что уступка ея могла имѣть и этнографическую подкладку; въ Городнѣ на Нѣманѣ видимъ загадочную коложскую церковь.

5) Предѣлы мало-польскаго нарѣчія Польша опредѣляются такъ: на западѣ „Грибовскій дѣлъ“ (то-есть, горы между Бѣлой и Дунайцемъ) и низовья Рабы, на югѣ: горы отъ истоковъ Бѣлой (Дунайца) до истоковъ Сана и восточно-европейскій водораздѣлъ, отдѣляющій бассейнъ Днѣстра отъ бассейна Вислы, на сѣверѣ:—Вепрь и Пилица (102). По схемѣ Закржевскаго, за выдѣленіемъ горцевъ, краковянъ и прошовянъ къ краковскому говору, сюда войдутъ сандомиряне, кельчане, радомяне и такъ называемые галиційскіе мазуры. И

¹⁾ О. И. Леонтовичъ, Очерки, 53. М. Любавскій, Областное дѣленіе, 18.

здѣсь, какъ и въ Подляшѣ, Польша соприкасается съ Русью, и по всему польскому юго-западу лежитъ широкая полоса этнографической смѣси, очень ярко отражающейся въ языкѣ. Польско-русское порубежье представляетъ такимъ образомъ въ настоящее время диалектологическіе переливы. Говоры подляшскій, горальскій, лемковскій представляютъ тому доказательство. Иначе говоря, переливы обнаруживаются не только въ узлахъ соприкосновенія разнорѣчій одного нарѣчія, но и въ узлахъ соприкосновенія разныхъ нарѣчій или даже, если угодно, языковъ. То же самое открывается и на другихъ пунктахъ встрѣчи славянскихъ языковъ и нарѣчій. Переливъ встрѣчается вездѣ какъ внутри одного нарѣчія, такъ и на пограничьяхъ разныхъ нарѣчій: на русско-словенскомъ (сотацкій, гемемерскій и др.), болгаро-сербскомъ (тимоцкій, сѣверо-македонскій), хорватско-славинскомъ (кайкавскій), словенско-польскомъ (сѣвероравскій, сѣверо-липтовскій), чешско-польскомъ (освѣтимскій, опольскій) ¹⁾.

Далѣе: оказывается несомнѣннымъ существованіе всѣхъ главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій уже въ XI вѣкѣ: „быть можетъ существовали тогда и нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ разнорѣчій. Во всякомъ случаѣ столь обособленные типы, какъ нарѣчія русское и болгарское, сербское и словинское, чешское и польское, не могли сложиться вдругъ, а выработались мало по малу, въ теченіе многихъ вѣковъ, не только достигающихъ эпохи кирилло-меоодіевской, но быть можетъ и юстиніановской или еще болѣе древней ²⁾“.

Вотъ что говорятъ данныя филологін. Въ этихъ данныхъ открывается новое обширное поле для науки и при томъ для дружной работы разныхъ ея специальностей. Діалектологія представляетъ прежде всего матеріалъ для филологовъ. Только филологъ можетъ опредѣлить взаимную связь и особенности отдѣльныхъ нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ. Встрѣчая малоросса въ степяхъ воронежскихъ и современной угорской Руси, филологъ заключаетъ, что „малорусская народность распространилась въ историческое время съ запада на востокъ, образовавшись еще въ княжеской Руси въ областяхъ галицко-волинскихъ“ ³⁾.

¹⁾ Будиловичъ, Общеславянск. яз. II, 4. Ср. Отчеты А. А. Кочубинскаго. Зап. Новор. Ун. XIII, XVIII, XX.

²⁾ Будиловичъ, к. в. 21.

³⁾ А. Шахматовъ, Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій, Русск. Филол. Вѣстн., 1894.

При болѣе детальномъ разсмотрѣніи данныхъ южно-русскаго нарѣчія, уже въ XIII вѣкѣ обнаруживаются на широкой его территоріи незначительныя, но все же „замѣтныя, на взглядъ Могульскаго, діалектическія отклоненія“ между галицко-волынскимъ и кievскимъ поднарѣчіями.

Открывается такимъ образомъ давность даже второстепенныхъ особенностей. Связывались-ли эти особенности съ чертами быта—вопросъ интересный, но онъ уже выходитъ за предѣлы компетенціи филолога. По сколько эти особенности быта связаны съ современными отбѣнками діалектологіи — это задача и дѣло этнографа, но прослѣдить за этими особенностями въ древности, указать ихъ развитіе, отмѣтить хоть сколько нибудь приблизительно моментъ ихъ зарожденія — это дѣло историка, и только историкъ можетъ взять это на себя. Еще примѣръ. Въ нынѣшней восточной Пруссіи нѣтъ и слѣда древнихъ пруссовъ. На мѣсто Голяди, Судавовъ, видимъ теперь, такъ называемыхъ, прусскихъ Мазуровъ. Опредѣлить характеръ ихъ говора, указать его связь и особенности отъ кореннаго мазурскаго нарѣчія — это дѣло филолога; но только историкъ можетъ сообщить факты постепеннаго перелива одного племени въ другое или постепеннаго вытѣсненія одного племени другимъ; по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе моменты.

Вотъ съ этой точки зрѣнія я и попытаюсь освѣтить факты современной діалектологіи, сводя вкратцѣ главнѣйшія, относящіяся сюда историческія данныя. Устранивъ отъ себя вопросы отдаленнѣйшей древности, я въ данномъ случаѣ отмѣчу лишь факты вполне историческіе, свидѣтельствуемые точными данными.

Филологія говоритъ, что современное бѣлорусское нарѣчіе есть „не болѣе какъ третье, западное или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ“¹⁾. Иначе говоря, филологія разграничиваетъ собственно два крупныхъ нарѣчія русскаго языка: сѣверное—великорусско-бѣлорусское и южное—малорусское, и если географически, по значительному южному распространенію великорусскаго нарѣчія на нынѣшнемъ русскомъ юго-востоцкѣ, такое обозначеніе нельзя назвать географически точнымъ, то въ виду того, что русскій юго-востокъ представляетъ, такъ сказать, историческую новь, можно думать, оно вполне соответствовало нашей древности.

¹⁾ *Соболевскій*, Діалектологія. III, 4.

Въ историческое время на территоріи бѣлорусскаго нарѣчія встрѣчаемъ волости Полоцкую и Смоленскую, а по окраинамъ ихъ такіе крупные и стародавніе центры, какъ Полоцкъ, Смоленскъ, Минскъ. Среди этихъ центровъ несомнѣнное хронологическое первенство принадлежитъ Полоцку. По лѣтописи онъ сверстникъ Новгорода, а имя его не заключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ новизны, какъ имя Новгорода. Въ общемъ эта территорія по природѣ однородна, тѣсно связана рѣчными путями, но направленіе этихъ путей другое, чѣмъ рѣкъ русскаго юга. Разливъ русскаго населенія въ сѣверо-восточномъ направленіи болѣе или менѣе помнитъ исторія; естественныя условія весьма облегчали колонизаціонное движеніе, но эти же условія вызывали широкую этнографическую ассимиляцію и вмѣстѣ мѣшали выработкѣ опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей ¹⁾, но что касается территоріи переходной полосы отъ сѣверо-малорусскаго къ бѣлорусскому, то сколько ни запомнить исторія, мы видимъ здѣсь борьбу двухъ главныхъ политическихъ центровъ древней Руси—Полоцка и Кіева. При Мстиславѣ Мономаховичѣ мы встрѣчаемъ фактъ совершенно необычный въ практикѣ княжескихъ отношеній: захватъ полоцкихъ князей и отсылка ихъ въ Грецію. При Мономахѣ мы видимъ крупное столкновеніе Кіева и Минска на территоріи рѣчныхъ водораздѣловъ Нѣмана и Припяти. Это столкновеніе продолжалось довольно долго (1104—1119) и обусловило цѣлый рядъ комбинацій со стороны осторожнаго Мономаха (напримѣръ, отдача Огафы Владиміровны за Всеволода Ип. 1116).

Этимъ фактамъ, подробно, но все же неполно разказаннымъ лѣтописью (за что, напримѣръ, грозился и укорялъ Мономаха Глѣбъ Минскій, неизвѣстно), предшествуютъ совершенно однородные факты отъ времени Владиміра, Ярослава и Ярославичей.

„Рогволожи внуки всегда взимали мечъ на Ярославово племя“, а загадочное, хотя по формѣ врядъ-ли допускающее сомнѣніе, указаніе Никоновской лѣтописи о войнѣ Оскольда и Дара съ Полочанами относить борьбу Полоцка и Кіева ко времени, предшествующему утвержденію Рюриковичей въ Кіевѣ. Борьба эта давала, можно думать, матеріалъ и для народнаго творчества; въ словѣ о полку Игоревѣ она отразилась несомнѣнно. Однимъ словомъ, столкновеніемъ сѣвера и юга чуть-ли не начинается историческій періодъ русской жизни, и если филологъ можетъ полагать существованіе русскихъ

¹⁾ Голубовскій, Смоленская земля, 15; Соболевскій, Діалектологія, I, 8.

нарѣчій въ XI вѣкѣ, то историкъ не можетъ не видѣть фактовъ политическаго обособленія въ гораздо болѣе раннее время, а нарѣчный рубежъ, на которомъ столько разъ разыгрывалась борьба, даетъ историку право освѣщать ее нѣсколько инымъ свѣтомъ, чѣмъ обычныя столкновения между волостями, князьями и проч. И филологія, и исторія одинаково указываютъ рубежъ на лѣвомъ берегу Припяти. И филологія, и исторія одинаково указываютъ связь русскаго сѣверо-запада и русскаго сѣверо-востока; и филологія, и исторія одинаково отводятъ другую половину русскаго міра для другой діалектической вѣтви русскаго племени, которую филологія указываетъ не только на пространствѣ почти всего нынѣшняго русскаго Юга, отчасти составляющаго сравнительно недавнее приобрѣтеніе или, если угодно, возвращеніе стараго, но и въ далекой отъ нынѣшнихъ предѣловъ русскаго государства закарпатской Угорщинѣ.

Такъ представляются мнѣ діалектологическія отношенія въ предѣлахъ русскаго племени въ историческомъ освѣщеніи. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ русскомъ мірѣ мы имѣемъ территорію, связанную силачивающимъ вліяніемъ одинаковыхъ условій быта, одной государственности и церкви въ теченіе громаднаго промежутка времени.

Разнообразіе однако замѣчается какъ въ языкѣ, такъ и въ бытѣ, а корнями своими оно теряется во мглѣ вѣковъ отдаленнаго прошлаго. Значительная часть припятской низы не малое время объединялась литовскимъ вліяніемъ, подвергаясь вмѣстѣ съ тѣмъ сильному воздѣйствію бѣлоруссизма¹⁾, который, повидимому, и былъ преимущественно проводникомъ такъ называемой литовской государственности, что, между прочимъ, отразилось и въ названія русскаго населенія переходной полосы въ Черниговской губерніи—„Литвою“, и тѣмъ не менѣе на значительномъ пространствѣ этой низы мы видимъ преобладаніе не бѣлорусскаго сѣвера, а малорусскаго юга.

Попытаюсь теперь нѣсколько освѣтить данныя польской діалектологіи и, слѣдовательно, этнографіи. На территоріи польскаго племени мы встрѣчаемъ фактъ совершенно противоположный тому, какой мы видѣли на территоріи русской.

На Руси неволью поражаетъ широкое распространеніе на сѣверъ южно-русскаго элемента, переходящаго, особенно на сѣверо-западѣ, довольно далеко за Припять. Въ Польшѣ, наоборотъ, южно-польское, то-есть, малопольское нарѣчіе занимаетъ предѣлы сравнительно весьма

¹⁾ Архивъ Юго-Западной Руси, VII, 1; Предисл., 48.

незначительные. По отчислении от него краковскаго говора къ хорватскому нарѣчію, получимъ для малопольскаго—побережье Вислы отъ Рабы и Ниды до Пилицы и Вепря. Пространство малопольскаго нарѣчія незначительно по сравненію съ сѣверо-польскимъ, то-есть, велико-польскимъ нарѣчіемъ, которое покрываетъ территорию, составлявшую гнѣздо польскаго варода и колыбель польской государственности съ Крушвицей, Гнѣзномъ и Познанью, то-есть, династическимъ, политическимъ и церковнымъ центрами. Если принять во вниманіе, что Куявяне и Ленчичане составляютъ естественное переходное звено между велико-польскимъ и мазурскимъ нарѣчіями, а велико-польскіе повѣты на правомъ берегу Вислы—добринскій и рыницкій являются такою же связью въ бытовомъ отношеніи ¹⁾, что Великая Польша и Мазовія по строю быта, сословнымъ отношеніямъ, характеру землевладѣнія, распредѣленію земельной собственности ²⁾ вообще однородны и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ значительныя особенности сравнительно съ Малой Польшей. то нельзя не замѣтить въ этомъ важнаго указанія, бросающаго весьма яркій свѣтъ на начала и постепенный ростъ польской государственности, а слѣдовательно, и отношенія Польши къ сосѣдней Руси. Въ самомъ дѣлѣ, въ территориально административномъ отношеніи Мазовія отличается отъ Великой Польши только нѣсколько меньшими размѣрами единицъ, но объ онѣ несравненно ближе между собою, чѣмъ съ Малой Польшей. Повѣтовъ въ Мазовіи 38, въ Великой Польшѣ—29, въ Малой Польшѣ—17. Одинъ повѣтъ въ Мазовіи на 17 квадратныхъ миль. въ Великой Польшѣ—36, въ Малой Польшѣ—59. Но дробность мазовской земли обуславливалась какъ характеромъ населенія („całe tro-wiska drobnych właścicieli“), такъ и природными условіями страны.

Такая же дробность встрѣчается и въ землевладѣніи: крупныхъ хозяйственныхъ комплексовъ нѣтъ, рѣдко одной семьѣ принадлежитъ нѣсколько фольварковъ (но никогда больше 8-ми), напротивъ, нерѣдко одинъ фольваркъ находится въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, которыя хозяйничаютъ съ помощью двухъ или нѣсколькихъ подданныхъ (быть можетъ, результатъ раздробленія, XVI, 61 сл.).

¹⁾ А. Павинскій, Zrodła, XVI, 69.

²⁾ Богатѣйшій матеріалъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ заключаютъ въ себѣ географическо-статистическіе труды проф. А. Павинскаго: Zrodła dziejowe, томы: XII—XIII—Великая Польша; XIV—XV—Малая Польша; XVI—Мазовія. Ссылки на нихъ далѣе будутъ обозначены въ текстѣ.

Подобное же явленіе, лишь въ меньшей дробности, встрѣчается и въ Великой Польшѣ; но преобладающимъ типомъ землевладѣнія является здѣсь одновладѣльческое село (XII, 141).

Можновладства въ Мазовіи нѣтъ вовсе, въ Великой Польшѣ почти вовсе нѣтъ. Только Гурки, Остророги, Чарнковскіе и Лещинскіе составляютъ исключеніе среди великопольской шляхты, но, по отчисленіи принадлежащихъ имъ староствъ и временныхъ по чину-владѣній, наиболѣе крупный магнатъ въ Великой Польшѣ не имѣлъ въ своихъ рукахъ больше 20 сель (XII, 140).

Совсѣмъ не то въ Малой Польшѣ. Крупная собственность составляетъ главную ея черту; число лицъ, владѣвшихъ 20-ю селами, простиралось здѣсь до двухъ десятковъ; столько же лицъ владѣло 10 селами, и если прибавить сюда 400 сель королевскихъ, 724—духовныхъ, получимъ 1924 села, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, то-есть, владѣвшимъ шіпішисъ 4—5 селами; а такъ какъ всѣхъ сель въ Краковской и Сандомірской землѣ было 4729, то крупная собственность составить здѣсь 40%, остальное количество сель падаетъ на владѣльцевъ одного села и мелкую шляхту (XIV, 96).

Это коренное различіе между Великой Польшей и Мазовіей съ одной и Малой Польшей съ другой стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно вполне справедливо отмѣчено проф. Павинскимъ, имъ же указанъ и ключъ къ разгадкѣ этого явленія. „Географическое расположеніе крупнаго землевладѣнія въ Малой Польшѣ наводитъ на мысль, что оно возникло и возрастало всего легче на далекихъ окраинахъ политической территоріи“ (XIV, 112). Замѣчательно, что въ лѣвобережной части Малой Польши (то-есть, на лѣвомъ берегу Вислы) въ повѣтѣ Прошовскомъ, Вислицкомъ, Сандомірскомъ магнатскія имѣнія были мельче, за исключеніемъ развѣ графства Тенчинскихъ (XIV, 93).

Рядомъ съ этимъ высокочинаменательнымъ фактомъ слѣдуетъ сопоставить и географическое расположеніе мелкой загородовой шляхты. Въ Великой Польшѣ она расположена преимущественно въ восточной части (въ землѣ Ленчицкой, Добринской, Брестской, XII, 147); въ Мазовіи тоже, преимущественно между Наревомъ и Бугомъ (XVI, 68). Въ Малой Польшѣ, наименѣе богатой загородовой шляхтой, она расположена гнѣздами и при томъ, по преимуществу, на границахъ: въ Сандомірскомъ повѣтѣ, вокругъ Чхова¹⁾, по сосѣдству съ коро-

¹⁾ „Замокъ и каштеланія, горная крѣпость на дорогѣ въ Угры“. Загородовую шляхту здѣсь даже называли *milites* XIV, 102. Ср. въ другихъ мѣстахъ *praedia militaria*, XIV, 26 сл.

левскими и монастырскими землями, затѣмъ въ повѣтъ Щирецкомъ и Слензскомъ. Другое гнѣздо встрѣчается около древнѣйшихъ укрѣпленныхъ замковъ—Песковой Скалы, Ойцова, Гродиска. То же на королевщинахъ. То же отчасти въ Лелевскомъ и Вислицкомъ повѣтахъ. Еще ярче въ Парчевѣ, около Белжиць и Люблина. Значеніе такого расположенія обнаружится вполне, если сопоставить его съ расположеніемъ загородовой шляхты въ Луковскомъ повѣтѣ, гдѣ она вытянулась оборонительной линіей на востокъ, но ея нѣтъ со стороны Мазовіи (XIV, 102—106).

Указанные факты заимствованы изъ времени сравнительно весьма поздняго (XVI вѣка), но кто же станетъ отрицать громадное ихъ значеніе и для далекой древности. Магнатскія фортуны и острова загородовой шляхты создались, конечно, не сразу. Это цѣлый длинный историческій процессъ, въ XVI вѣкѣ представлявшій лишь пережитокъ отдаленной старины. Онъ неопровержимо доказываетъ, откуда росла Польша, или вѣрнѣе, на счетъ чего росла польская государственность и какими средствами расширялась. Вспомнимъ, что Плоцкъ служилъ польской княжеской резиденціей уже при Владиславѣ Германѣ, и что лишь предпоследній Пясть окончательно перенесъ столицу Польши въ Краковъ. Еслибы у насъ и не было никакихъ иныхъ намековъ и указаній на другой, не польскій, этнографическій характеръ правобережной Малой Польши, мы могли бы, во всякомъ случаѣ, утверждать, что Малая Польша составляетъ сравнительно позднее приобрѣтеніе польской государственности, а по главной своей экономической чертѣ представляетъ прямую параллель съ польскимъ хозяйничаньемъ въ Галиціи и остальной Руси.

Цѣлый рядъ фактовъ и историческихъ указаній освѣщаетъ еще ярче приведенныя данныя экономического строя жизни. Прежде всего мало-польское нарѣчіе изъ всѣхъ польскихъ нарѣчій наиболѣе близко къ литературному языку ¹⁾, то-есть, обладаетъ наименьшимъ количествомъ тѣхъ специальныхъ діалектологическихъ чертъ, которыя отличаютъ каждое изъ народныхъ нарѣчій отъ искусственнаго книжнаго языка. Черта знаменательная, особенно при сопоставленіи съ подобными же данными въ другихъ мѣстахъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ непосредственный наблюдатель о польскомъ языкѣ въ устахъ русскаго народа Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи: „Всѣ почти русскіе, Бѣльскаго уѣзда, не только понимаютъ, но и говорятъ по

¹⁾ В. Поль, Dzieła, X. 107.

польски совѣтъ не дурно, при чемъ ихъ польская рѣчь болѣе грамматична и близка къ книжной, нежели рѣчь поляковъ“¹⁾).

Эта черта грамматичности получаетъ еще больше значенія, если принять во вниманіе, что по всему рубежу мало-польскаго нарѣчія сидитъ и понынѣ Русь, или, пользуясь характернымъ выраженіемъ одного польскаго этнографа, тотъ „польскій народъ, который говорить: три приѣхau“²⁾). Все русско-польское порубежье представляетъ въ ближайшей къ польской границѣ русской чертѣ полосу двуязычную. Польскій языкъ есть здѣсь языкъ высшаго класса, проникаетъ понемногу даже въ нѣкоторыя обрядовыя формулы русскаго народа, даже на чисто русской территоріи³⁾). Ходъ жизни и исторія до такой степени осложнили здѣсь племенные отношенія, что обычная и вообще несомнѣнно наиболѣе вѣрная мѣрка опредѣленія народности—языкъ оказывается здѣсь не совсѣмъ пригодной. Какъ полагаться на нее въ такихъ, напримѣръ, условіяхъ, когда народъ на вопросъ—кто ты? отвѣчаетъ—господарь! Какъ молишься?—по-русски! Какъ говоришь?—по просту!⁴⁾).

Въ правѣ-ли этнографъ игнорировать такой фактъ. Забитое и приниженное въ теченіе вѣковъ „быдло“ только въ церкви и молитвѣ чувствовало себя человѣкомъ и, понятно, съ вѣрой связало свое національное имя. Для мѣщанства польское имя было знаменемъ политической правоспособности, и многие изъ мѣщанъ, по совершенно понятнымъ расчетамъ, будучи *gente rutheni*, становились *patrone ro-*

¹⁾ Wisła, III, 324.

²⁾ Тамъ же, II, 190.

³⁾ О. Рошкевичъ и И. Франко, *Obrzędy i pieśni weselne ludu ruskiego we wsi Lolinie, Zbiór wiad. do Antropologii*, X: обрядъ „проща“ начинается польскимъ „прозвоѣ“. Малиновскій, тамъ же, VII: дружка проситъ благословить молодыхъ по-польски. Ямчукъ, свадьба въ с. Корницѣ, гдѣ русскій народъ поетъ польскія пѣсни въ перемежку съ русскими.

⁴⁾ Wisła, III, 325. Этнографическій русско-польскій рубежъ на картахъ Кюлявяча въ „Документахъ“ и „Чтеніяхъ“ обозначенъ слишкомъ обще; въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ почти совпадаетъ съ границей, показанной у Гюгера (*Przegląd, Obchody weselne*, Krak. 1869), а карта эта признается даже поляками совершенно неточной (Wisła, III, 315). Вообще этнографія русско-польскаго порубежья представляетъ полный произволъ. Г. Закржевскій, напримѣръ (Wisła, III), причисляетъ 8470 мѣщанъ Бѣльскаго уѣзда къ полякамъ; за это онъ уступаетъ русскимъ 870 католиковъ. Но не только вѣроисповѣданіе не принимается въ расчетъ, одинаково игнорируется и языкъ,—и тѣ, кто говорятъ: „три приѣхau“ тоже считаются поляками.

Юни. Только вѣроисповѣданіе представляетъ на всемъ этомъ рубежѣ нѣкоторый критерій для опредѣленія народности, по крайней мѣрѣ въ историческомъ отношеніи. Вѣковое уніатство никогда не затирало этнографическаго различія между русской-хлупской и панской вѣрой. Пусть польскіе статистики и этнографы укажутъ примѣры перехода католиковъ въ унію!

На польскомъ порубежѣ съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ вѣроисповѣданіе служитъ несомнѣннымъ признакомъ народности, и мы видѣли, что крестьяне на вопросъ—какъ молишься, отвѣчаютъ: „по-русски“.

То же самое мы увидимъ и на другихъ русскихъ рубежахъ нашей территоріи. Вотъ почему, напримѣръ, уніатство жителей села Домбрувки (Дубровки) около Улянова на нижнемъ Санѣ ¹⁾ есть указаніе этнографическое, получающее правильный смыслъ при сопоставленіи ряда фактовъ католической пропаганды и вмѣстѣ этнографическаго перерожденія на правомъ берегу Вислы ²⁾; характеръ своеобразныхъ народныхъ прозвищъ однородныхъ въ Нискомъ, Тарнобжежскомъ и Роняцкомъ округахъ ³⁾ служитъ не менѣ важнымъ этнографическимъ указаніемъ на однородность населенія праваго берега Вислы ⁴⁾. Въ этомъ случаѣ получаетъ не малое значеніе и то обстоятельство, что польское населеніе праваго берега Вислы между Рабой и Саномъ называется *мазурами*. Названіе это, а равно извѣстныя черты говора связываютъ его не съ лѣвобережными западными сосѣдями, а съ правобережнымъ польско-мазурскимъ сѣверомъ. Населеніе это, по всей вѣроятности, и представляетъ мазурскую колонію во время политическаго преобладанія на этой территоріи мазурскихъ князей.

Отмѣчу еще данныя о южныхъ сосѣдяхъ галицкихъ мазуровъ—русскихъ Лемкахъ. Они занимаютъ значительную часть уѣздовъ Ново-сутецкаго, Грябовскаго, Горлицкаго, Ясельскаго и Кросненскаго. Въ трехъ первыхъ уѣздахъ они живутъ въ 99 гминахъ, числомъ въ 54.062 души; въ двухъ послѣднихъ въ 50 гминахъ, числомъ

¹⁾ Z. *Wierzchowski* Materiały, Zbiór wiad., XIV.

²⁾ Свящ. А. *Будыловичъ*, Историческій очеркъ Милевской церкви, въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Закарпатской Руси, Варшава. 1890.

³⁾ *Wierzchowski*, в. в. *Udziała*, Lud w górzczyckiem, тамъ же.

⁴⁾ Было бы весьма интересно сопоставить эти прозвища съ прозвищами русскихъ Лемковъ.

около 25 тысячъ душъ. Вмѣстѣ—съ лишнимъ 80 тысячъ душъ ¹⁾. Рѣка Попрадъ не составляетъ границы. На западъ отъ нея между Попрадомъ и Дунайцемъ находятся еще 4 села (Шляхтово, Яворки, Чернавода и Бѣлавода), а приходы ихъ простираются и на села, лежащія значительно западнѣе. На угорской границѣ лемки сливаются съ своими сородичами—угорскими русскими, не представляя отъ нихъ никакихъ отличій. Угорская граница лишь условная политическая линія, не имѣющая никакого этнографическаго значенія.

Въ встрѣчной русско-словацкой полосѣ рѣчь русская и словацкая неуловимо переливаются одна въ другую. „Система звуковая, формальныя особенности поразительно сближаютъ словацкое нарѣчіе съ русскимъ..... даже чехизмовъ немного, и они могутъ быть объяснены долговременнымъ употребленіемъ чешскаго языка въ школахъ, церкви и литературѣ“ ²⁾. При близости обонхъ нарѣчій (словацкаго и русскаго), одно полногласіе можетъ указать, кто словакъ, кто руснакъ, но и это не надежно: вслѣдствіе гоненія на полногласныя формы со стороны католическихъ священниковъ и полицейскихъ. „Руснакъ, смотря по тому, съ кѣмъ говорить, употребляетъ то одну, то другую форму. По моему,—заключаетъ проф. Кочубинскій,—одно вѣрно: что православное, то русское, но что не православное, то еще не словацкое“ ³⁾. Такимъ образомъ, на территоріи русско-словацкой мы имѣемъ такой же діалектологическій и вмѣстѣ этнографическій переливъ, какой видѣли на рубежѣ русско-польскомъ.

Въ виду того, что 1) современный русскій элементъ на западномъ пограничѣ никоимъ образомъ не можетъ считаться позднѣйшимъ этнографическимъ наслоеніемъ, ибо все историческое движеніе

¹⁾ S. *Udziała*, Rozsiedlenie się Lemków, Wisła, III. Круглымъ числомъ 90 т. насчиталъ въ 1876 г. А. Кочубинскій, въ *Запискахъ Новороссійскаго Университета*, XVIII, 215, руководясь Рапацкимъ и церковными схематизмами. Замѣчательно: въ 1849 г., по Зубрицкому, у лемковъ было 172 села съ 129 церквами. Число душъ—90 т.; въ 1869—всего 90 приходовъ (но, быть можетъ, были церкви приписныя) и 88.871 душа; въ 1888, по Удѣлу — всего 150 селъ и съ лишнимъ 80 т. душъ. Какъ помирять съ этимъ показаніе Удѣла о приростѣ лемковскаго населенія въ одномъ Горлицкомъ повѣтѣ съ 1869 по 1888 г. чуть не въ 5 т. душъ? Не указываетъ ли это на нѣкоторыя особенности польской статистики?

²⁾ Кочубинскій, Отчетъ, *Записки*, XIII, 121.

³⁾ *Ею же*, Отчетъ, *Записки*, XX, 110. Значеніе вѣроисповѣданія для этнографіи этихъ мѣстъ отмѣчено и Куникомъ, *Veruf*, 1, 176.

Руси направлено было на востокъ, а не на западъ ¹⁾, 2) что польское и мадьярское вліяніе никоимъ образомъ не могло содѣйствовать усиленію русскаго элемента, ибо и исторія, и современная жизнь указываютъ лишь на постепенное таяніе русской народности на польскомъ и мадьярскомъ рубежахъ, мы имѣемъ полное, несомнѣнное право придавать особенное значеніе этнографическимъ намекамъ на значительно большее распространеніе русскаго элемента въ занимающей насъ части Карпатскихъ горъ и предгорій. Сведу относящіяся сюда намеки.

Территорію угорской Руси проф. Кочубинскій, близко знакомый съ нею, опредѣляетъ такъ: „крайнія поселенія лемковъ на западѣ переходятъ за Попрадъ; немного же восточнѣ Попрада начинается западная граница венгерскихъ русиновъ—у села Липника. По направленію къ югу, она идетъ мимо города Kniesen, Kesmark, Leutschau къ Гернаду, затѣмъ правымъ берегомъ Гернада къ Abos'у и Кошицамъ. Отсюда она принимаетъ юго-западное направленіе, слѣдуя теченію Бодвы до Мискольца, гдѣ сворачиваетъ на востокъ вдоль рѣки Sajo, до впаденія ея въ Тиссу. Перейдя Тиссу, она идетъ къ Дебрецину, отсюда ломанной линіей мимо Nagy-Karoly къ Szathmar-Nemeti (на среднемъ Самошѣ), Густу (на верхней Тиссѣ), далѣе Тиссой, мимо Ви́ска, Сигета къ Лугу (Lopka), отсюда на востокъ рѣчками Viszo и Русковой къ горамъ, составляющимъ водораздѣлъ бассейна Тиссы и Прута“ ²⁾.

При наложеніи на карту, въ русскомъ рубежѣ обнаруживаются значительные клинья и выступы. Вообще на сѣверо-западѣ русскіе встрѣчаются со словаками, на югѣ съ мадьярами.

Но здѣсь и тамъ въѣдающіеся въ русскую территорію клинья представляютъ большой этнографическій интересъ. Сравнительно недалеко отъ Меоудіевой Нитры встрѣчаемъ русскія поселенія Шу-

¹⁾ Въ настоящее время древность русскаго населенія на Карпатахъ не подлежитъ сомнѣнію, а указанная выше соображенія о діалектологическихъ перебивахъ на всей славянской территоріи заставляютъ принимать термины: болгарскій, русскій, польскій и др.—лишь въ условномъ смыслѣ, скорѣе какъ политическія, чѣмъ этнографическія обозначенія. Въ вопросахъ древней исторіи карпато-дунайской земли это обстоятельство имѣетъ, на мой взглядъ, самое существенное значеніе. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе слабой разработкы вопросовъ исторической этнографіи съ нимъ почти не считаются.

²⁾ Кочубинскій, Отчетъ въ *Запискахъ*, XX, 124.

мячь, Нижній Скальникъ, Телградъ и Вернарь ¹⁾). Къ юго-востоку отсюда уже рубежь мадьярскій. Мишковецъ обыкновенно обозначается въ мадьярской полосѣ, но съ сѣвера къ нему тянутся русскіе оазисы, а, какъ показываютъ приведенные этнографическіе намеки Гемерскаго комитата, эти оазисы могли быть и на сѣверо-западѣ отъ него. По показанію Броневскаго, еще въ 1810 г. около Мишковца жили русскіе ²⁾). Прибавлю къ этому еще одно весьма мѣткое замѣчаніе Кочубинскаго. Отмѣтивъ непропорціональность распредѣленія русскихъ Пряшевской епархіи (больше въ горахъ, меньше въ равнинахъ), онъ замѣчаетъ, что густое русское населеніе въ горахъ, межъ Попрадомъ на западѣ и верхней Тиссой на востокъ, становится все жиже, по мѣрѣ уменьшенія гористости края, а на равнинѣ Венгерской оно — что лѣтняя послѣдь отъ весенняго разлива Тиссы. Эту форму расселенности русскихъ — густое населеніе на сѣверѣ и жиденькое на югѣ — можно понимать двояко: или жидкое населеніе въ равнинѣ — аванпостъ того, что въ Бескидѣ, случайные выходцы, что селились то промежь валаховъ, то промежь мадьяръ. или, наоборотъ, русская территория, вогнанная теперь въ горы, раньше расширялась глубоко въ равнину сплошною массою русскаго населенія, то-есть, движеніе было отступательное, съ юга на сѣверъ. Гдѣ же бѣлая вѣроятность?

Церковный приходъ на сѣверѣ, гдѣ одно русское населеніе, не великъ числомъ своихъ прихожанъ и вообще малъ своимъ пространствомъ. Но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ приходъ расширяется болѣе и болѣе, захватываетъ массу земли, пока, наконецъ, по южной этнографической межѣ русскаго населенія — приблизительно между рѣкой Шайо и среднею Тиссой — и на востокъ отъ Тиссы, онъ не доходитъ до того, что приходъ чуть ли не комитатъ.

Такимъ образомъ, *фигура* прихода сѣвернаго и южнаго — двѣ противоположности.

Далѣе, въ южныхъ приходахъ языкъ обиходный двоякій: русскій и мадьярскій, то-есть, есть *православие* (униаты) мадьяры, но которые, кромѣ мадьярской проповѣди съ церковной кафедрой — она всегда соображается съ составомъ населенія (даже въ монастырѣ Магіа-

¹⁾ Очень интересныя подробности объ этой мѣстности у *Кочубинскаго*, Добрый пастырь и добрая нива, рѣчь въ юбилей св. Меводія, Одесса. 1885, стр. 10—13.

²⁾ *В. И. Ламанскій*, Славяне въ Малой Азіи. Приложенія, стр. 56.

Росс проповѣдь часто по-мадьярски) — слушаютъ богослуженіе на томъ же церковно-славянскомъ языкѣ, а на литургіи поютъ „Господи помилуй“ и поминаютъ даже „Петра, Алексѣя, Іону и Филиппа“. Какъ понимать появленіе православныхъ мадьяръ и съ языкомъ Кирилла въ церкви?

О проповѣди славянской церкви среди мадьяръ никто ничего не скажетъ: въ прозелитизмѣ русскіе, какъ „за кордономъ“ такъ и тамъ, на Венгерской равнинѣ, неповинны. Обратное явленіе—апостатство отъ православія—слишкомъ извѣстно. Или эти православные приходы Мадьяръ, какъ напримѣръ Gögömböly, память о славянскомъ православіи первыхъ мадьярскихъ королей—Гейзы, Стефана—900 лѣтъ назадъ?... Но кромѣ наклоненнаго православнаго креста на коронѣ Стефана да знаменитаго „мѣшца“ съ кирилловскою славянскою надписью, хранящагося въ Вѣнѣ среди историческихъ регалій Австріи, никакихъ осязательно-видимыхъ слѣдовъ былого православія среди мадьяръ нѣтъ. Мы не говоримъ о неосязательномъ присутствіи нашего стараго православія у нынѣшнихъ мадьяръ—въ церковно-бытовой терминологіи мадьярскаго языка, въ словахъ, какъ *kereszt* крестъ, *barat* братъ, *szerda* среда, *csöörtök*—четвертокъ, *péntek*—пятокъ, *szombat* с-ж-бота и проч. Явленіе православныхъ мадьяръ въ русскіхъ южныхъ приходахъ объясняется такъ же, какъ и появленіе православной славянской церкви среди сосѣдей и часто односельчанъ мадьяръ—среди валаховъ (румынъ). Исторія не знаетъ о проповѣди христіанства среди румынъ, какъ румынъ; своего румынскаго Бонифація, Кирилла или Войтѣха румыны не укажутъ. А между тѣмъ среди румынъ появляется христіанство, на сколько помнить память людская, именно въ формѣ православной *славянской* церкви, съ *славянскимъ* богослужебнымъ языкомъ, съ тѣмъ, что я у всѣхъ православныхъ славянъ. Если исторія молчать о румынскомъ Кириллѣ, она права: среди предковъ нынѣшнихъ румынъ православная *славянская* церковь формировалась *по мѣрѣ усвоенія православными славянами Трансильваніи и прилегающихъ областей*, получившими свое православіе отъ апостольской дѣятельности Кирилла и Мееодія въ Панноніи, *романскаго языка прямыхъ потомковъ выселенцевъ Римской имперіи и забвенія своего*, то-есть, по мѣрѣ ихъ добровольной румынизации, тянувшейсѣя вѣка. Отсюда церковь продолжала жить старая, славянская, въ то время, какъ заново регенеровавшаяся паства ея уже перестала вполнѣ понимать языкъ ея и формировала изъ себя иное племя—особь, громадное племя румынъ—на глазахъ исторіи.

Сюда не входитъ вопросъ, чѣмъ обусловливалась добровольная румынизация у славянъ. Такимъ-то путемъ очутилась православная *славянская* церковь Кирилла и Меодія въ паствѣ, отчуждившейся отъ ея языка, непонимавшей его. Ошибка доселѣшнихъ толкователей заключалась именно въ томъ, что то, что *дѣлалось* незамѣтно, вѣками, они понимали, какъ сразу совершившееся, и тщетно искали румынскихъ національныхъ Кирилла и Меодія или прибѣгая (историки румынъ) къ невозможнымъ гипотезамъ, въ родѣ, что до флорентійской уніи (половина XV столѣтія) Румыны были не православные, а латынники. *Vice versa*, православные мадьяры—это только *омадьярившіеся русскіе*, мадьярившіеся незамѣтно, вѣками ¹⁾.

Диалектологія словацко-русскаго этнографическаго рубежа, названія отъ корня *рус*, разсѣянная въ большомъ количествѣ въ предѣлахъ всей нынѣшней Угрии и Румыніи, живые и понынѣ слѣды этнографическаго перерожденія, мадьярское воздѣйствіе около Мухачева и въ другихъ мѣстахъ Угорской Руси ²⁾, не указываетъ ли все это на тѣ же самые факты, какіе мы видѣли на рубежѣ Польши и древней литовской Пруссіи, и на нынѣшнихъ рубежахъ русско-польскомъ и нѣмецко-польскомъ. 20 лѣтъ назадъ проф. Кочубинскій въ отчетѣ о занятіяхъ за границей былъ пораженъ географическимъ расположеніемъ Лемковской территоріи:

„Въ концѣ XIII столѣтія—то-есть, предъ паденіемъ Галицкаго княжества—*государственную* границу Руси должно искать между Переворескомъ и Ропчицей, то-есть, въ той самой мѣстности, гдѣ въ настоящее время, по истеченіи шести вѣковъ, проходитъ этнографическая граница русскихъ и поляковъ. Если за государствен-

¹⁾ Кочубинскій, Славянскія рукописи Пештскаго музея, *Русск. филолог. Вѣстникъ*, 1881, I. Я позволилъ себѣ привести, слишкомъ, можетъ быть, длинную выписку изъ статьи почтеннаго ученаго именно потому, что указанныя имъ данныя затрогиваютъ и даже даютъ ключъ къ уразумѣнію самаго существеннаго факта въ этнографіи Карпато-дунайской земли. Какъ рѣшаются эти вопросы въ румынской наукѣ, прекрасный примѣръ представляетъ статья *V. Petriceicu Nasden*, *Romanische Jahrbuch*, 1894. Первую текстуальную форму названія румынъ авторъ видитъ у Иордана (*a civitate nova et sclavino gimnaseg*). Статья, по словамъ автора, представляетъ его „последнее слово“ по поводу сомнѣній, безпозвоившихъ г. Хиждеу 25 лѣтъ. Замѣчательно, что румынскій ученый даже не потрудился заглянуть въ Момсеновское изданіе Иордана, хотя оно вышло еще въ 1882 г.

²⁾ См. мою „Угорскую Русь“, 30, пр. 2.

ной границей Руси XIII столѣтія на западъ не было русскихъ поселеній, если они и въ то время не шли на западъ далѣе своей нынѣшней межи, то, слѣдовательно, въ теченіе шести вѣковъ польское племя, ставшее въ половинѣ XIV вѣка паномъ, и паномъ неизлостивымъ Руси, не приобрѣло ни пяди земли на счетъ народа покореннаго. Естественно ли это? ¹⁾). Современныя этнографическія разысканія указываютъ особенную близость населенія Нискаго, Тарнобжескаго и Ропчицкаго округовъ; указываютъ кое-гдѣ уцѣлѣвшіе уніатскіе островки ²⁾). Наконецъ, такъ-называемые „замѣшанцы“— 10 сель (6500 душъ) на самомъ вскраѣ Предгорья—между Ряшевомъ, Кросномъ и Яслоемъ въ изгибѣ санской Вислоки представляютъ живую иллюстрацію процесса этнографическаго перерожденія.

По мѣстнымъ преданіямъ, замѣшанцы—потомки плѣнныхъ украинцевъ изъ эпохи казацкихъ войнъ, но откуда же въ нихъ говорѣ лемковскія черты? Что касается необыкновеннаго разнообразія говоровъ, отличныхъ въ каждомъ селѣ и даже въ разныхъ концахъ одного села, то его никакъ нельзя объяснить сброднымъ составомъ яко бы плѣнныхъ поселенцевъ. Два съ лишнимъ вѣка несомнѣнно сгладили бы особенности. Наконецъ, какъ объяснить различіе въ выговорѣ на разныхъ концахъ одного села? ³⁾). Между тѣмъ, такое же явленіе встрѣчаемъ очень часто въ Сѣдлецкой губерніи—среди несомнѣнно искони русскаго населенія. Оно объясняется живымъ, именно теперешнимъ воздѣйствіемъ польскаго языка, различно воспринимаемымъ не только отдѣльными группами, но и отдѣльными личностями. Грамотный поселенинъ, читающій польскія книжки, молитвенники, пѣсенники, говоритъ иначе, чѣмъ его же неграмотный односельчанинъ.

Только принявъ во вниманіе этотъ рядъ безспорныхъ фактовъ, повторяющихся въ соотвѣтственной съ обстановкой формѣ рѣшительно вездѣ, можно быть подготовленнымъ къ уразумѣнію цѣлаго ряда историческихъ указаній и намѣковъ, которые, безъ такой подготовки, могутъ остаться непонятными, хотя въ дѣйствительности могли играть и играли весьма важную, во многихъ случаяхъ рѣшающую, роль. Такіе факты, какъ прониканіе польскихъ словъ и фразъ въ обрядовыя формулы русскаго народа, даже довольно далеко отъ польскаго по-

¹⁾ Кочубинскій, Отчетъ, Зап., XVIII, 246.

²⁾ См. выше.

³⁾ Таково именно с. Опаровка Ясельскаго повѣта. *И. Верхратскій*, говоръ замѣшанцевъ, *Записки Наук. Товар. им. Шевченка*, III, Льв. 1894.

границя, двуязычность на порубежьяхъ и естественное распространение польщизны съ верхнихъ слоевъ въ нижніе на русско-польской полосѣ; совершенно своеобразный говоръ поляковъ въ Бабиостскомъ и Межирѣчьскомъ округахъ, по словамъ Поля. въ нѣкоторомъ отдаленіи совершенно непонятный польскому уху,—на польско-нѣмецкой полосѣ и совершенно аналогичные факты въ порубежьяхъ мадыарско-и румынско-русскомъ могутъ дать намъ ясное представленіе о процессѣ перерожденія западныхъ славянъ въ нѣмцевъ, части древнихъ пруссовъ въ мазуровъ, одной части русскихъ хорватовъ въ малополанъ, другой части въ словаковъ и мадыаръ, наконецъ въ румынъ. Въ полномъ согласіи съ этнографическими и діалектологическими указаниями находятся и историческіе намеки, оставшіеся непонятными, потому что наука до послѣдняго времени переносила факты современной этнографіи нашей территоріи въ отдаленную древность. Мы привели выше бытовья отличія Малой Польши отъ коренныхъ польскихъ земель. Укажемъ теперь вкратцѣ относящіяся сюда историческіе намеки. Русы связаны съ Краковомъ, по прямому показанію Ибрагима: „приходятъ (въ Прагу) изъ города Краква русы и славяне съ товарами“¹⁾. Дарственная запись Гибзна палѣ Іоанну XV (985—996) указываетъ границу Руси около Кракова и отсюда до Одры²⁾.

Въ XI вѣкѣ Василько собирался „мстить ляхамъ“ за какую-то русскую землю. За какую это?—если, по справедливому замѣчанію Кочубинскаго, въ концѣ XIII вѣка государственная граница Руси совпадала съ нынѣшнимъ этнографическимъ рубежомъ! Въ XIII вѣкѣ Опатовъ является на короткое время резиденціей католическаго епископа для Руси, а въ отстоящемъ на 4 мили отъ Опатова селѣ Чмелевѣ „русскіе права и обычаи“ были уничтожены официально только въ 1505 году, при чемъ село было сдѣлано городомъ. Разоренный впослѣдствіи шведами Чмелевскій замокъ стоялъ на мѣстѣ древней русской церкви³⁾. Русская церковь встрѣчается еще въ XV вѣкѣ въ Казимирѣ на лѣвомъ берегу Вислы. Если со всѣми этими свидѣтельствами сопоставить географическую номенклатуру, обнаруживающую значительное количество названій отъ корня *рус*, не только

¹⁾ Извѣстіе Аль-Бекри, *Зап. Ак. Наукъ*, XXXII, 49.

²⁾ *Mon. Pol.*, II, 556.

³⁾ *А. Петрушевичъ*, Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ краяхъ, 67.

на правомъ, но и на лѣвомъ берегу Вислы ¹⁾ и указанное выше расположеніе мало-польскихъ колоній загородовой шляхты, то получится рядъ разнообразныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ присутствія Руси въ самыхъ, повидимому, коренныхъ предѣлахъ Малой Польши. Въ XIII вѣкѣ это была еще Русь, хотя въ большинствѣ уже католическая, и кто знаетъ, быть можетъ, кажущіеся намъ хвастливыми разказы объ успѣхахъ доминиканскихъ и францисканскихъ миссій на Руси именно въ XIII вѣкѣ, о дѣятельности Любушскихъ епископовъ „съ незапамятныхъ временъ“, на самомъ дѣлѣ далеко не такъ хвастливы, какъ это намъ кажется. Мы знаемъ также, что Малая Польша долго не была „Польшей“, а лишь „Краковіей, Сандомиріей“, что только въ XIII вѣкѣ появляется въ грамотахъ сыновей Владислава Одонича титуль: „Maior Polonia“, какъ бы въ чаяніи будущей „младшей“ Польши, но эта младшая Польша официально становится Польшей лишь въ 1493 году на Петроковскомъ сеймѣ, гдѣ впервые употребленъ Ольбрахтомъ терминъ: *terrigenae regni nostri tam Maioris, quam minoris Poloniae* ²⁾ и лишь въ 1505 году официально уничтожены въ окрестностяхъ Опатова „русскіе права и обычаи“.

Перерожденіе значительной части русскихъ хорватовъ въ мало-поляковъ мы можемъ такимъ образомъ иллюстрировать документально. Относительно другихъ частей нашей территоріи, особенно румынской части, мы не въ состояніи представить такого количества и столь неопровержимыхъ данныхъ; но это только доказываетъ крайне бѣдную разработку исторіи этихъ мѣстъ. Повторяю—значительная часть нашей территоріи для науки вообще, для русской науки въ особенности—terra incognita въ полномъ смыслѣ слова. Относительно мадьярско-русскаго рубежа мы видѣли, впрочемъ, не мало намековъ и даже указаній, а грустная современность также отчасти иллюстрируетъ далекое прошлое ³⁾. Процессъ этнографическаго перерожденія на широкомъ пространствѣ карпато-дунайской земли не можетъ подлежать сомнѣнію. Вопросы, поставленные давно Надеждинымъ, затѣмъ проф. Кочубинскимъ, относительно русскихъ рубежей на Кар-

¹⁾ Въ Радомской губерніи не только такіе, какъ Русинъ, два Русинова, но даже такія названія, какъ: Русска основа, Русскій бродъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ списка урочищъ.

²⁾ Słownik Geogr. подъ: Мал. Польша.

³⁾ Указаніе на постепенное перерожденіе Угровъ, особенно въ церковномъ отношеніи у Будиловича, Общеславянскій языкъ, II, 121 сл.; достаточно указать что до XVIII вѣка въ Угровъ существовалъ особый церковный обрядъ.

патахъ имѣють полную силу и понинѣ. Современныя, къ сожалѣнію, все еще очень скудныя данныя еще болѣе указываютъ, на сколько оба эти лица были правы въ своихъ предположеніяхъ и догадкахъ. Примѣръ ихъ, въ частности, указываетъ еще, какое громадное значеніе въ историческихъ взглядахъ имѣеть близкое знакомство ученаго съ землей и народомъ. Все сказанное отчасти уясняетъ то отсутствіе центровъ, какъ мало-польскаго, такъ и южно-русскаго нарѣчія, о которомъ было говорено выше. Для малой Польши его нѣтъ и не могло быть, ибо оно шло не отъ извѣстнаго центра, а со всѣхъ сторонъ постепеннаго польскаго воздѣйствія. Этнографическая и діалектологическая карта южно-русскаго нарѣчія ¹⁾ тоже не обнаруживаетъ центра, за то указываетъ на южной границѣ такіе же клинья, какіе мы видѣли на рубежахъ русско-словацкомъ и русско-мадьярскомъ. Смыслъ этихъ клиньевъ мы пока не въ состояніи выяснитъ такъ документально, какъ, напримѣръ, смыслъ широкой переходной полосы русско-польской и русско-мадьярской съ такими же клиньями; но врядъ-ли можно сомнѣваться, что этотъ смыслъ будетъ раскрытъ будущими изслѣдованіями въ томъ же направленіи. Во всякомъ случаѣ нельзя отвергать указаній, какія даетъ этнографическая карта этой части нашей территоріи въ IX вѣкѣ, нельзя упускать изъ виду давленія степи, разрѣзавшаго здѣсь русское населеніе и такимъ образомъ облегчавшаго движеніе кочевымъ пастухамъ румынамъ, какими они являются на нашей землѣ въ началѣ своей исторіи. Современная діалектологія не знаетъ связующаго звена между русскими и болгарскими нарѣчіями, но историческая карта указываетъ возможность существованія такого звена въ IX—XI вѣкахъ, быть можетъ, даже значительно позже. Извѣстный перечень русскихъ городовъ на Дунаѣ въ Воскресенской лѣтописи кажется намъ загадочнымъ. Но что сказать о свидѣтельствахъ, указывающихъ присутствіе русскаго элемента „въ сокровенныхъ ущельяхъ Карпатъ, при истокѣ Олуты, между румынами, мадыро-секлерами и саксами“ ²⁾. Объ этомъ у насъ есть точныя свидѣтельскія показанія, отмѣтившія и фактъ перерожденія этого русскаго населенія. Въ одной рукописи, сохранившей слѣды нарѣчія „русскихъ“ въ Трансильваніи, сдѣлана слѣдующая приписка: „русскіе въ Рейсдорфѣ (то-есть, русскомъ селѣ), Бонгардѣ, великомъ и маломъ Чергедѣ, понемногу перерождаются въ волоховъ, такъ что

¹⁾ Труды экспедиціи *Чубинскаго*, VII. 2.

²⁾ *Надеждины*, Записка, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. 34.

черезъ нѣсколько лѣтъ едва-ли останется у нихъ какой нибудь слѣдъ ихъ прежняго языка“¹⁾). Совершенно такія же извѣстія мы имѣемъ и о другихъ пунктахъ. Еще въ 1803 году въ Трансильваніи индѣ говорилъ по-русски, „но черезъ 40 лѣтъ была уже только память о старикахъ, говорившихъ на этомъ языкѣ“.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ фактъ, сообщаемый Турочемъ о „жестоковѣйныхъ славянахъ около Липы“, обращенныхъ въ христіанство, но затѣмъ отпавшихъ и ставшихъ еще хуже. Липа находится на лѣвомъ берегу Мароша выше Арада, у вскрая Трансильванскихъ горъ“²⁾). Такимъ образомъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка мы имѣемъ свидѣтельство о существованіи какихъ-то славянъ въ горахъ Трансильваніи на значительномъ пространствѣ—между Олутой, Тырнавой (Кокель) и Марошемъ (Моравой)—здѣсь именно расположены указанные 4 села, а въ половинѣ XIV вѣка имѣемъ ясное указаніе на существованіе славянскихъ поселеній по Марошу на границѣ горъ и угорской равнины въ Липѣ. Какъ разъ именно здѣсь и тамъ встрѣчается рядъ названій отъ корня *рус* 1) около Цыбина (Германштадтъ): Reussdorf, Reussmarkt, Rosia, Reussen и рѣчка Reuss; 2) выше Липы въ горахъ: рѣчка Рося на ней Рося, при устьѣ Сельцово, а около Липы цѣлый рядъ славянскихъ названій мѣстопоселеній. Цѣлый рядъ фактовъ въ порубежной русско-польской полосѣ, какъ равно на другихъ русскихъ юго-западныхъ пограничьяхъ указываетъ совершенно такое же таяніе русскаго элемента, далекаго отъ русскихъ центровъ и совершенно лишеннаго какой бы то ни было ихъ поддержки. Если принять все это во вниманіе, то современное отсутствіе центра въ южно-русскомъ нарѣчьи, при громадномъ его протяженіи вообще, можетъ указывать только громадную потерю, понесенную южно-русскою вѣтвью. Если обсуждать этотъ фактъ въ его, такъ сказать, голомъ видѣ, внѣ условій исторіи и естественнаго хода жизни, внѣ пространства и времени, то такой фактъ можетъ послужить „доказательствомъ полной пассивности рус-

¹⁾ „Nos magis operam dedi, прибавляетъ авторъ этого драгоценнѣйшаго указанія, ut haec specimen precatones et cantilenas complexa atque per sacrorum ministrum in Saergöel accurate descripta obtinerem, aliquando ethnologo cuidam, qui ut Leibnitius procepit e linguae vestigiis gentis origines vestigabit usui futuro“. *Кочубинскій въ Запискахъ*, XX, 127. Какія глубоко укоризненныя слова для русской науки!

²⁾ Подробности у *Добровскаго*, *Slovanka*, II, 169.

скаго племени въ этнографическихъ столкновенияхъ съ другими. Если приять во вниманіе отдаленность историческихъ русскихъ центровъ отъ карпатскихъ русскихъ займищъ, а, слѣдовательно, удивленность оставшагося здѣсь русскаго населенія, то исчезновеніе русскаго элемента въ Седмиградіи лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ можетъ явиться доказательствомъ изумительной его устойчивости. Какъ бы ни было, фактъ этнографическаго перерожденія и при томъ на громадномъ пространствѣ карпатской территоріи не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, какъ равно, очевидно, въ кого переродились славяне. Сомнѣнія могутъ быть возбуждаемы лишь относительно племеннаго вида славянъ, подвергшихся перерожденію. Кто были эти славяне? Я назвалъ ихъ русскими, и относительно нынѣшнихъ мало-полянъ, значительной части словаковъ и мадьяръ на русскихъ пограничьяхъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Русскими я назвалъ и вымершихъ трансильванцевъ, слѣдуя припискѣ автора, сохранившаго отрывокъ ихъ языка. Это драгоцѣнное показаніе человѣка, имѣвшаго, вѣроятно, возможность слышать собственныя заявленія вымирающихъ представителей Руси о своемъ племенномъ видѣ, подлежитъ однако научному обоснованію. Оно сопряжено съ немалыми затрудненіями, такъ какъ этнографическій составъ занимающей насъ территоріи наканунѣ мадьярскаго вторженія извѣстенъ намъ лишь въ самомъ общемъ обликѣ. Мы знаемъ лишь, что здѣсь тогда жили славяне, но ихъ распредѣленіе и этнографическій характеръ представляетъ въ полномъ смыслѣ *terra incognita*. Бросить хоть нѣкоторый свѣтъ въ эту тьму благодарная задача будущаго, въ настоящее время уже вполне ясно сознаваемая всѣми школами и партіями, если только могутъ быть примѣнены эти термины къ настоящему положенію нашей науки въ вопросѣ о нашей древности.

И. Филевичъ.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КРЕСТИНИНЪ.

(По поводу 100-лѣтія со дня смерти).

5-го мая сего года исполнится 100 лѣтъ со дня смерти мѣстнаго историка Двинской земли, архангелогородскаго мѣщанина. Василья Васильевича Крестинина.

Реформы Петра Великаго пробудили много самородковъ-талантовъ къ живой и плодотворной дѣятельности не только въ сферахъ практическихъ, но и въ дѣлѣ культурнаго развитія русскаго народа. Однимъ изъ такихъ самородковъ былъ В. В. Крестининъ, уроженецъ Архангельска и сынъ купца. Его отецъ, Василій Крестининъ, происходилъ изъ „бѣдныхъ сиротъ Холмогорскаго посада“, по увѣренію нашего историка; благодаря уму и трудолюбію, „вышелъ въ первостатейные купцы“ и въ 1735 году былъ избранъ даже ратушскимъ бургомистромъ. Дѣтство и отрочество Василья Васильевича, родившагося въ 1729 году, было окружено большимъ достаткомъ въ домѣ его отца; послѣдній, хорошо сознавая весь вредъ собственной малограмотности, рѣшился дать лучшее образованіе своему сыну. Къ сожалѣнію, нѣтъ извѣстій, кто и чему обучали будущаго историка, но изъ его трудовъ видно, что онъ принадлежалъ къ весьма образованнымъ людямъ своего времени, хорошо владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ, былъ очень начитанъ, знакомъ съ языками: нѣмецкимъ и латинскимъ, вѣроятно, при посредствѣ какого либо иностранца, и рано получилъ охоту къ историко-географическимъ занятіямъ.

Въ 1747 году отецъ историка потерялъ въ какомъ-то неудачномъ предпріятіи большую часть своего имущества, и тогда Василій Васильевичъ, до того, вѣроятно, только помогавшій отцу въ его тор-

говыхъ дѣлахъ, долженъ былъ поступить на должность „мѣщанскаго писаря“; потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ назначенъ архивариусомъ и секретаремъ въ городскомъ магистратѣ.

Не смотря на массу работы и подавляющій канцелярскій духъ ея, Василій Васильевичъ твердо хранилъ свою врожденную страсть къ научнымъ занятіямъ. Въ 1759 году, вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ, А. И. Ѳоминымъ, онъ основалъ въ Архангельскѣ „Общество для историческихъ изслѣдованій“, поставивъ главною его цѣлью собраніе древнихъ актовъ, лѣтописцевъ и другихъ рукописей для представленія въ Академію Наукъ. Не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, основатели собирали все, что могли, въ частныхъ хранилищахъ; правительственные же архивы были имъ недоступны. Всѣ ихъ просьбы къ тогдашнему губернатору Головцу проникнуть въ эти тайники оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и только вооружали небогатаго просвѣщеніемъ начальника губерніи противъ просителей. Вскорѣ и мѣстное общество, особенно чиновники, стало подозрительно относиться къ членамъ историческаго кружка; многіе называли ихъ „фармазонами“ (франк-масоны), упрекали въ близкомъ знакомствѣ съ иностранцами и обвиняли въ отступничествѣ отъ православной религіи. Несочувствіе со стороны высшей власти, явное недоброжелательство общества не дали возможности просуществовать этому первому историческому кружку и десяти лѣтъ.

Но истинные ревнители русской исторической науки, В. В. Крестининъ и А. И. Ѳоминъ, продолжали свое дѣло и послѣ распаденія общества. Изъ своего собранія грамотъ и актовъ Василій Васильевичъ не мало сообщалъ академику Лепехину, сопровождая ихъ своими объясненіями (см. 4 ч. „Дневныхъ записокъ путешественника Лепехина“), и академику Озерецковскому, съ которымъ долго состоялъ въ перепискѣ. Трудамъ этихъ ревнителей перваго русскаго историческаго общества обязаны мы и тѣмъ, что въ „Вивлюэикѣ“ сохранились до насъ рѣдкіе списки такихъ законодательныхъ памятниковъ, какъ церковные уставы Владиміра Святаго и Ярослава Мудраго и „Русская Правда“, которые посчастливилось отыскать въ одной кормчей Василю Васильевичу.

Помимо служебныхъ и историческихъ занятій, дѣятельный Василій Васильевичъ никогда не отказывался отъ разныхъ выборныхъ должностей, число которыхъ такъ умножилось въ провинціи въ Екатерининское царствованіе.

Въ 1767 году была учреждена „гражданская“ или „посадская

комиссія о исправленіи торговъ и цеховъ Архангельскаго посада⁴, съ правомъ суда надъ нарушителями торговыхъ правилъ. Въ число восьми членовъ ея былъ избранъ и Василій Васильевичъ. Но дѣйствовала эта полезная комиссія только 14 мѣсяцевъ. Въ 1768 году, всѣ ея члены „отказались“, какъ говорить нашъ историкъ въ „Краткой исторіи о городѣ Архангельскомъ“ (стр. 33), „вслѣдствіе пренаній со стороны губернатора Головцына“.

Въ слѣдующемъ году (1769) онъ былъ выбранъ посадскимъ старшиною или „присяжнымъ старшиною посада“ и состоялъ въ этой должности до 1786 года.

Въ ряду многочисленныхъ судебныхъ учреждений Екатерининскаго времени немалое значеніе имѣлъ, между прочимъ, и совѣстный судъ, учрежденный „для нѣкоторыхъ уголовныхъ и тяжбныхъ дѣлъ“; хотя ему было указано судить по закону наравнѣ съ другими судами, но въ его вѣдѣніе поступали и особыя уголовныя и тяжбныя дѣла, судъ надъ преступниками „нечаянными“, надъ чародѣями и др. Состоялъ этотъ судъ изъ совѣстнаго судьи, назначаемаго генералъ-губернаторомъ, и шести засѣдателей: двухъ отъ дворянъ, двухъ отъ мѣщанъ и двухъ отъ сельскихъ обывателей. Въ 1780 году Василій Васильевичъ былъ выбранъ засѣдателемъ отъ мѣщанъ. Сколько онъ пробылъ въ этой должности, неизвѣстно; вѣроятно, вышелъ вскорѣ послѣ 1785 года, когда жаловался на массу работы, сопряженную съ нею и отвлекавшую его отъ научныхъ занятій (см. „Предувѣдомленіе“, стр. III, къ „Краткой исторіи о городѣ Архангельскомъ“).

Кромѣ этого, онъ состоялъ еще попечителемъ архангельскаго отдѣленія московскаго воспитательнаго дома, учрежденнаго въ 1777 году ¹⁾ Буренинымъ, и народныхъ училищъ съ 1786 года ²⁾.

За всѣ эти службы благодарные сограждане наградили Василя Васильевича званіемъ „степеннаго гражданина“.

Около 1780 года Василій Васильевичъ прислалъ въ Академію Наукъ первый свой трудъ: „Историческіе начатки о двинскомъ народѣ“, и съ тѣхъ поръ почти ежегодно присылалъ туда по одному, а иногда и по нѣскольку сочиненій, которыя и печатались Академіей или отдѣльными изданіями, или въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*, или „Мѣсяцесловахъ историческихъ и географическихъ“.

Наиболѣе крупное значеніе слѣдуетъ приписать его историческимъ

¹⁾ А не въ 1763 году, какъ сказано въ біографіи В. В. Крестинина у *Гр. Заринскаго* (см. стр. 57—58 „Краткой исторіи о городѣ Архангельскомъ“).

²⁾ А не съ 1766 года, какъ сказано у того же *Заринскаго*.

работамъ. во главѣ которыхъ должна быть поставлена „Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ“. Начинается она, какъ и многіе другіе труды нашего историка, съ „Предувѣдомленія“, гдѣ авторъ говоритъ о значеніи своей работы, о матеріалахъ, послужившихъ для ея составленія (преимущественно рукописныхъ и отчасти свидѣтельствъ современниковъ для исторіи съ 1700 года) и о содержаніи книги. Вслѣдъ за этимъ „Предувѣдомленіемъ“ слѣдуетъ самая „Исторія“, изложенная въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ (тѣхъ и другихъ 190). Съ перваго вопроса: „Гдѣ стоитъ городъ Архангельскъ?“ авторъ знакомитъ съ топографіей города, затѣмъ переходитъ къ его исторіи и особенно подробно говоритъ о состояніи его въ XVIII вѣкѣ, преимущественно административно-торговомъ. Причину основанія города, по его словамъ, послужили „торги“, заведенные англійскими и голландскими купцами. Какъ правительство ни старалось пріохотить къ нимъ архангелогородскихъ жителей, но ихъ „торги были плохи“, не больше какъ на 12.000 рублей, въ то время какъ пріѣзжіе вологодскіе купцы платили одной пошлины со своихъ товаровъ болѣе 6.000 рублей. Состояніе гражданъ при первыхъ бургомистрахъ, говоритъ онъ въ 29 отвѣтъ, было „раболѣпное“ вслѣдствіе жестокихъ и крутыхъ мѣръ послѣднихъ, особенно Дудина.

Оканчивается его повѣствованіе на 1780 году, и затѣмъ идетъ „Прибавленіе“, состоящее изъ 1) „хронологической росписи городовыхъ приключеній съ основанія города до 1780 года; 2) имяннаго списка градоначальниковъ нашего посада, служившихъ въ теченіе 80 лѣтъ по выборамъ въ бургомистрахъ ратушскихъ, магистратскихъ и въ магистратскихъ ратманахъ“, съ краткими біографическими свѣдѣніями о болѣе выдающихся, и 3) архивныхъ документовъ: грамотъ XVI—XVIII вѣковъ, доношеній, писемъ и челобитныхъ XVIII вѣка (занимающихъ 90 стр.).

Затѣмъ слѣдуетъ назвать „Начертаніе исторіи города Холмогоръ“, гдѣ авторъ поправляетъ ошибки Стурмезона и Ломоносова, и въ приложеніи помѣщены 2 листа сошнаго письма, изданнаго Озерецковскимъ; „Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ“, въ которыхъ много цѣннаго матеріала для исторической этнографіи Двинскаго края. Любопытно помѣщенное въ видѣ приложенія къ этому труду „Мнѣніе о имени, языкѣ и происхожденіи половцевъ“, которыхъ авторъ считаетъ за чудское племя, выводитъ изъ области верхней Камы, и самое имя половецъ сопоставляетъ съ „ловець“.

Наконецъ, много цѣннаго матеріала въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи для Двинской земли даетъ „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа на сѣверѣ“.

Всѣ эти труды были напечатаны отдѣльными изданіями, но, кромѣ нихъ, какъ уже сказано, не мало помѣщено изъ написаннаго Васильемъ Васильевичемъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* и въ „Мѣсяцесловахъ“. Большинство этихъ статей географическаго содержанія, изъ которыхъ наиболѣе цѣнныя о самоѣдахъ. Изъ историческихъ замѣчательнѣе по богатству матеріала „Историческій опытъ о внѣшней торговлѣ государя императора Петра Великаго отъ 1693 по 1719 г.“, помѣщенный въ „Мѣсяцесловѣ“ на 1795 г. (стр. 1—111).

Кромѣ этого, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* напечатаны двѣ любопытныя педагогическія статьи Василія Васильевича. Въ одной изъ нихъ онъ сообщаетъ о старинномъ и современномъ воспитаніи дѣтей у двинянъ, а въ другой—о власти родительской и учительской надъ дѣтьми мужскаго пола. Въ томъ и другомъ случаѣ рисуетъ весьма грустныя картины, заставляющія только удивляться, какъ выживали младенцы и выросли, сохраняя свое человѣческое чувство подъ гнетомъ суровой обстановки, даже дѣлались полезными для общества. Единственнымъ лѣкарствомъ для больныхъ дѣтей была баня; постъ былъ обязателенъ и для младенцевъ; сказки и бывальщины о еретикахъ и чертяхъ—первое, съ чѣмъ знакомили подростующихъ дѣтей „полудикія“ матери, а ложь и „срамословіе“ были окончаніемъ домашняго воспитанія. 7 лѣтъ отдавали мальчика учиться какому либо разночинцу или „вольному человѣку“, получающему за азбуку 10 коп., часословъ—60 и 70 коп., псалтирь и письмо по 100 коп. Около половины XVIII вѣка эта плата была удвоена. Родители руководились „Законникомъ“, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Чадо мое, казни сына своего въ юности его, и онъ тебѣ будетъ покой въ старости и даждь души его и своей красоту... Бей его всегда жваломъ... Сокрушай по часту ребра“.. и т. д.

Къ чести нашего историка слѣдуетъ сказать, что онъ въ сильныхъ выраженіяхъ осуждаетъ все это и скорбитъ, „видя кругомъ невѣжество“.

Что же сказать теперь вообще о Крестининѣ, какъ историкѣ?

Несомнѣнно, его главное значеніе для русской исторической науки не велико: оно исчерпывается сохраненіемъ для потомства нѣкоторыхъ важныхъ старинныхъ документовъ и сообщеніемъ цѣннаго матеріала изъ городскихъ архивовъ, на основаніи мѣстнаго знакомства,

о состояніи нашего сѣвера въ XVIII вѣкѣ. Тѣмъ не менѣе его образъ, какъ историка и общественнаго дѣятеля. является весьма симпатичнымъ. Неустанно работая въ магистратѣ, въ комиссіяхъ, въ судѣ и т. д., онъ много потрудился и для разсѣянія той темноты невѣжества, которая окружала его согражданъ. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для этого онъ считалъ ознакомленіе ихъ съ прошлыми судьбами своей страны и съ примѣрами выдающихся дѣятелей—предковъ. Въ своихъ трудахъ онъ обнаружилъ много критическаго такта, исправляя Стурлезона, Ломоносова, Шмидта и др.; историкъ, говорилъ онъ, долженъ быть „чуждъ похлебства“, долженъ „открыть истину, не таять“ (См. *Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія*, 1787 г., № 12, стр. 31). вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ скромнень и не разъ высказывалъ прямо свое незнаніе, напримѣръ, въ области филологіи, и въ то же время, просидѣвъ всю жизнь въ Архангельскѣ, былъ знакомъ съ Вергиліемъ, Овидіемъ и Цицерономъ (цитаты изъ нихъ перѣдки въ его сочиненіяхъ) и хорошо былъ знакомъ съ *Magazin'омъ* Бюшинга.

Со словъ митрополита Евгенія, Геннади и Заринскій утверждаютъ, что Василій Васильевичъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ въ 1786 г. Вѣроятноже, кажется, относить это избраніе къ 1791 г.; съ этого года, по свидѣтельству того же Евгенія, онъ сталъ получать ежегодно по 200 руб., а до того ему присылали единовременныя небольшія пособія.

Въ находящихся у насъ матеріалахъ нѣтъ извѣстій, служилъ ли до конца своей жизни престарѣлый историкъ; вѣроятно, послѣдніе годы онъ проживалъ на покоѣ, довольствуясь академическимъ пенсіономъ и ожидая своей смерти, наступившей 5-го мая 1795 г.

Въ заключеніе приведу списокъ его трудовъ.

I. *Отдѣльныя изданія*. 1) „Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ“, С.-Пб., 1784 г., 69 стр., in-4°; 2) „Истор. опытъ о сел. стар. домостроительствѣ двинскаго народа на сѣверѣ“, С.-Пб., 1785 г., 54 стр., in 4°; 3) „Начертаніе исторіи г. Холмогоръ“, С.-Пб., 1790 г., 44 стр.; 4) „Краткая исторія о г. Архангельскомъ“, С.-Пб., 1792 г., 264 стр.

II. *Статьи*: 1) „Краткое географическое извѣстіе о землѣ Самоѣдской и о состояніи самоѣдовъ, обитающихъ въ Архангельскомъ намѣстничествѣ“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*, за 1786 г., № 8 (стр. 16—58); 2) „Географическое извѣстіе объ о. Калгуевѣ“, Мѣсяцесловъ на 1787 г.; 3) „Разсужденіе о началѣ и происхожденіи самоѣдовъ, обитающихъ въ Архангельскомъ намѣстничествѣ“, въ

Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ, 1786 г., № 8 (стр. 1—16); 4) „Вопросы и отвѣты о вѣрѣ самоѣдской“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1786 г., № 12 (стр. 29—45); 5) „Вопросы и отвѣты касательно до самоѣдовъ“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1787 г., № 3 (стр. 3 — 30); 6) „Вопросы и отвѣты вообще касательно какъ до канинскихъ и тиванскихъ, такъ до пустозерскихъ, устьцелеемскихъ и ижемскихъ самоѣдовъ“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1787 г., № 2 (стр. 9—28); 7) „Вопросы и отвѣты о состояніи земель, обитаемой самоѣдами, и ихъ промыслы“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1787, № 1 (стр. 20—44); 8) Толкованіе на древнее въ российскомъ языкѣ реченіе гриднявъ“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1787 г., № 10 (стр. 56—60); 9) „Историческое извѣстіе о нравственномъ воспитаніи дѣтей у двинскихъ жителей“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1787 г., № 11 (стр. 3—12) и № 12 (стр. 20—49); 10) „Географическія извѣстія о Новой землѣ полуночнаго края“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1788 г., ч. XXXI (стр. 3 — 78); 11) „Объ употребленіи надъ дѣтьми мужскаго пола власти родительскія и учительскія, по старинному воспитанію двинскаго народа“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1790 г., ч. III (стр. 27—44); 12) „Выписка изъ начертанія исторіи г. Холмогоръ, сдѣланная Озерецковскимъ“, „Мѣсяцесловъ“ на 1790 г.; 13) Письмо къ Озерецковскому съ приложеніемъ документовъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, за 1792 г., № 1 (стр. 25—42); 14) „Историческія примѣчанія о коммерческомъ кредитѣ внѣшней торговли“, въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненійхъ*, 1792 г., № 10 (стр. 3—23), и 15) „Историческій опытъ о внѣшней торговлѣ государя императора Петра Великаго отъ 1693—1719“, „Мѣсяцесловъ“ на 1795 г. (стр. 1—111).

Кромѣ того, у митрополита Евгенія находимъ извѣстіе, что въ 1790 г. Крестининъ прислалъ въ Академію „Чертежъ ежегодныхъ историческихъ записокъ, служащихъ основаніемъ къ продолженію исторіи г. Архангельскаго отъ 1780 г.“, и что написалъ „поэму о Минивѣ и Пожарскомъ“, оставшуюся въ рукописи у наслѣдниковъ.

В. Рудановъ.

МОЛИТВА СВ. СИСИНИИ И ВЕРЗИЛОВО КОЛО.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось касаться памятника, къ разъясненію котораго обратился недавно проф. М. П. Соколовъ ¹⁾. Какъ извѣстно, „молитва“ въ древнихъ текстахъ состоитъ изъ двухъ частей: эпического разказа (легенда о Сисиніи, иногда и о его братьяхъ, и сестрѣ Мелитинѣ) и заговора отъ трясавиць, которому особенно посчастливилось въ обиходѣ народнаго суевѣрія. Какъ представить себѣ взаимныя отношенія обѣихъ частей и къ какой изъ нихъ принадлежало первоначально имя Сисиніи—на эти вопросы я пытался отвѣтить предположеніемъ, что легенда о святыхъ, поражающихъ многоименнаго демона, существовала особо, имя Сисиніи вторглось позднѣе вмѣстѣ съ специальнымъ пониманіемъ демона, какъ трясавичной болѣзни. Догадка эта вызвана была соображеніемъ автора Мѣсяцеслова святыхъ, что Сисиніи отреченной молятвы тождественъ съ лаодикійскимъ епископомъ, исцѣлившимъ языческаго комита отъ объявшеи его великой трясавицы ²⁾. Проф. Соколовъ понимаетъ эти отношенія иначе: онъ указываетъ на еврейскій обычай прогнать отъ родильницъ демоническую Лилитъ именами ангеловъ, на ихъ имена въ соответствующую

¹⁾ Соколовъ, Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ зѣбевиками, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1884 г., ч. ССLXIII, отд. 2, стр. 340—368; Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ зѣбевиками (оттискъ изъ перваго выпуска *Трудовъ Славянской Комиссіи при Императорскомъ Археологическомъ обществѣ*). Москва. 1894.

²⁾ См. м.п. Заятки къ исторіи апокрифовъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. ССXLV, отд. 2, стр. 292—293.

щей заговорной молитвѣ: *Senoi, Sansenoi, Samangeloph*; „можно думать, — говоритъ онъ, — что имя Сисинія въ заклинательныхъ молитвахъ противъ Голуб-Вѣщицы первоначально было именемъ ангела, какъ и другія сопровождающія его имена, ставшія потомъ именами братьевъ его (Сисинія), когда въ составъ заклинанія вошла легенда о Мелитинѣ. Совпаденіе именъ въ послѣдствіи могло дать поводъ св. Сисинія... считать прогонителемъ діавола“¹⁾). Если я вѣрно понялъ автора, то имя св. Сисинія уже находилось въ легендѣ о Мелитинѣ и шло на встрѣчу имени какого-то ангела въ заговорной формулѣ. Это возможно, но для развитія „молитвы“ довольно безразлично: и взятая отдѣльно, вѣтъ заклинательной формулы, легенда о Мелитинѣ, являясь разказомъ объ изгнаніи демона, могла представиться заговоромъ, его эпической частью, изъ которой естественно вытекало лирическое примѣненіе. Святыхъ, какъ прежде боговъ, молили оказать помощь и проявить силу такъ, какъ проявили они ее въ томъ или другомъ типическомъ случаѣ, который и пересказывался. Разказъ и молитва — таковъ порядокъ древняго заговора вообще.

Проф. Соколовъ не упоминаетъ лаодикійскаго Сисинія, но указываетъ на нѣсколько одноименныхъ святыхъ, между прочимъ, на Сисинія каппадокійца, который три года стоя подвизался въ гробницѣ и удостоился дара изгонять демоновъ²⁾). Сисиніемъ назывался и одинъ изъ сорока мучениковъ въ Севастіи въ Каппадокіи³⁾). Отметимъ на первый разъ каппадокійскую параллель.

Сближеніе Сисинія отреченной молитвой съ именемъ одного изъ главныхъ послѣдователей Манеса и гипотезу манихейскаго происхожденія нашего текста авторъ считаетъ не нужными и невѣроятными⁴⁾). Слѣдующія соображенія усилятъ отчасти вѣроятность.

Сисиній коптскаго синаксаря, очевидно, тождественъ съ Сисиніемъ отреченной молитвы. Какъ въ сообщаемой далѣ легендѣ, такъ и въ слѣдующихъ, у него нѣтъ братьевъ и въ роли демона является его сестра—это главное отличіе отъ греческихъ и славянскихъ текстовъ. Отецъ Сисинія. Сосипатръ, былъ близкимъ другомъ Діоклетіана;

¹⁾ Новый матеріалъ, стр. 48—49.

²⁾ См. стр. 49, прим. 2.

³⁾ *Bedjan*, Acta martyrum III, 375. См. Rev. Crit. 1894 № 48 (въ отчетѣ Rubens Duvalъ объ упоминаемой далѣ книгѣ Басса). О. Э. Леминъ указалъ намъ имя Сисинія у *Huyvemat*, Les actes des martyrs въ мученіи Апатира и Ирины.

⁴⁾ Л. с. съ ссылками на работы Хыждеу, Гастера и мон.

посланный въ Никомидію съ цѣлью возстановить тамъ язычество, самъ Сисиній принимаетъ крещеніе и возвращается къ императору. Между тѣмъ въ Антиохіи его ожидало большое горе: его сестра родила чудовище; передъ тѣмъ у нея была дочь, но она умертвила ее и выпила ея кровь; сестра эта была большая чародѣйка, обращавшаяся въ птицу и въ этомъ образѣ убивавшая новорожденныхъ младенцевъ и высасывавшая ихъ кровь. Сисиній поражаетъ ее копьемъ, за нею и племянника: это былъ его первый подвигъ во имя Христа. Затѣмъ онъ вошелъ въ храмъ, по приказанію его идолы проваливаются въ преисподнюю; Диоклетіанъ велитъ подвергнуть его мученіямъ, во время которыхъ ангелъ Господень посѣщаетъ его; ему усѣкли голову; вмѣстѣ съ нимъ пострадали 1190 мучениковъ ¹⁾.

Эіопская легенда, списокъ которой находится у О. Э. Лемма, повторяетъ содержаніе предыдущей; слѣдующая ближе отвѣчаетъ типу знакомой намъ „молитвы“ ²⁾.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единого Бога; во имя Бога Создателя, Живаго, Всебѣдущаго.

Молитва св. Сусенія (Sûsenjôs), чтобы отвратить недуги отъ дѣтей, еще находящихся у груди матерей. Она помогаетъ всякой женщинѣ, такъ что ея дѣти останутся въ живыхъ: пусть напишетъ (эту молятву) и носить на себѣ, она окажется помощною по милости Господа, Великаго, Благословеннаго. Да спасетъ молитва и благословеніе святаго всякую, ее (молитву) носящую, отъ нападенія демона и отъ Легіона, отъ рѣзы и боли въ животѣ, отъ удара и ломоты, отъ дурнаго глаза и изступленія (delirium), отъ случая (accident) и полудницы ³⁾, отъ горячки (typhus) и падучей, отъ воспаленія (pleurisy) и кровотоchenія (issue of blood), отъ призраковъ и чумы (plague), отъ поноса (cholera) и лихорадки, отъ колдуновъ и знахарей и вѣдуновъ ⁴⁾ и отъ лома въ спинѣ (sore back), и отъ всѣхъ злыхъ духовъ и людей, приготавливающихъ вредоносныя зелья (potions), и отъ всѣхъ нечистыхъ демоновъ да спасетъ и поможетъ (имя рекъ).

Былъ мужъ, по имени Сусеній, и полялъ жену себѣ и прижилъ отъ

¹⁾ *Amélineau*, Les actes des martyrs de l'église copte. Paris, 1890, стр. 183—184. Указаніями на *Amélineau* и *Fries*'а я обязанъ О. Э. Лемму.

²⁾ *Karl Fries*, The ethiopic legend of Socinius and Ursula въ Actes du huitième congrès international des orientalistes. Deuxième partie. (Leide, 1898), I Section sémitique (B.), стр. 55 слѣд.

³⁾ См. 1. с. стр. 68, прим. 5: the devil of midday heat.

⁴⁾ *Metalmeiters and falashas*, 1. с., стр. 68—69, прим. 7 и 8.

нея дѣтей мужескаго пола. Его сестра Верзелья (Werzeljá) ¹⁾ пришла, убила его первенца и удалилась. Мать стала громко вопить и горько плакать. Когда св. Сусеній услышалъ вопль жены, онъ пришелъ и сказалъ ей: Отчего плачешь ты, жена? Она отвѣчала: Приходила Верзелья, убила моего сына и удалилась. Когда св. Сусеній услышалъ это, всталъ, сѣлъ на своего коня, взялъ въ правую руку копье и поѣхалъ искать сестру. Встрѣтилъ старуху, сидѣвшую на кампѣ, и спросилъ: Куда пошла Верзелья, дѣтоубійца? Она говоритъ ему: Она проходила и вошла въ садъ, что передъ тобою. Когда услышалъ это отъ старухи Сусеній, вступилъ въ садъ и увидѣлъ Верзелью, сидѣвшую въ рощѣ (grove), окруженную множествомъ злыхъ духовъ. Св. Сусеній слѣзъ съ коня, обратился на востокъ, сталъ на колѣна, простирая руки: Господи Іисусе Христе, Боже христіанъ и царь Израиля, я желаю бы, чтобъ Верзелья была въ моей власти, желаю бы убить ее, дабы она не изводила малыхъ дѣтей, что еще у груди матери, не дѣлала вреда женщинамъ и ихъ мужьямъ. Я буду свидѣтельствовать во славу твоего святаго имени (I am going to be a witness to Thy holy name).—Пока онъ такъ молился на дорогѣ, онъ услышалъ голосъ съ небеси: О святой Сусеній, я внялъ твоей молитвѣ и прослѣбъ, и будетъ дана тебѣ сила настичь Верзелью и убить ее и учинить съ ней все, что захочешь. Когда св. Сусеній услышалъ это, сильно обрадовался, сѣлъ на коня, взялъ копье въ правую руку, устремился на Верзелью, чтобы умертвить ее, и пронзилъ ей правый бокъ. Она же провѣщалась съ громкимъ воплемъ: Господинъ мой, святой Сусеній, заклинаю тебя семью степенями, сонмами архангеловъ: Михаила и Гавриила, Рафаила, Суриила, Садакьяла, Ананьяла, Фануила, вѣчно предстоящихъ Господу, правителю міра на вѣки вѣковъ. Я съ своей стороны не буду ходить по путямъ, гдѣ обрѣтается имя твое, ни въ церковь и въ мѣсто, гдѣ люди поминаютъ его, пусть они живутъ тамъ всегда въ спокойствіи. И я не стану приносить вреда тамъ, гдѣ читаютъ твою книгу, и никому, кто читаетъ эту молитву. Будь то мужчина или женщина, малое дитя, юноша или старикъ, никогда я не поврежу имя.

Съ этими словами Верзелья умерла, святой же Сусеній сталъ свидѣтелемъ имени Господа нашего Іисуса Христа, ему же честь и поклоненіе и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

¹⁾ См. I. с. стр. 69 прим. 8: иначе Werzeljá. Fries отождествляетъ это имя съ Ursula.

Молитва и благословеніе св. Сусенія приносятъ милость Господа; да содержатъ и спасетъ онъ Божяго слугу имя рекъ (*Zénâ Gabreel*) отъ мукъ демоновъ и Легіона, отъ привидѣній и пляски св. Вита, отъ рѣзы и боли въ животѣ, лихорадки и изступленія, горячки и воспаления, поноса и кровотеченія и всѣхъ болѣстей.

Затѣмъ онъ вернулся въ свой городъ Антиохію (*Antsôkjâ*) къ своей женѣ.

Изъ эіопскихъ текстовъ той же молитвы, переведенныхъ Бассэ ¹⁾, одинъ близко отвѣчаетъ пересказанному выше: онъ взятъ изъ эіопскаго синаксаря, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ синаксаря арабовъ яковитовъ, гдѣ изложеніе пространнѣе. Въ послѣднемъ имя святаго: *Sisinnios*, въ эіопскомъ текстѣ *Sousnyos*; тѣ же имена: Діоклетіанъ. Никомедія, Антиохія; сестра святаго одержима демономъ, она убила свою дочь и высосала ея кровь, у нея сынъ отъ Сатаны. Другой эіопскій текстъ начинается молитвой къ св. Сусніюсъ оберечь грудныхъ младенцевъ; слѣдуетъ легенда о немъ и его сестрѣ Верзелія (*Ouegzelyâ*), жертвой которой сталъ сынъ ея брата. Сисинній поражаетъ ее копьемъ; умирая, она заявляетъ, что не властна будетъ надъ человѣкомъ, который призоветъ святаго, либо прочтетъ его молитву.

Бассэ предполагаетъ, какъ предполагали и другіе, что Сисинній отреченной легенды тождественъ съ Сисинніемъ, ученикомъ Манеса и главой ереси по смерти послѣдняго. Вѣроятнымъ кажется, что наша легенда и заклинаніе сложились въ Арменіи; каппадокійскіе святые имени Сисиннія указываютъ и на Каппадокію (Малую Арменію). Армянской версіи молитвы я не знаю, грузинскую я привелъ при другомъ случаѣ ²⁾: въ ней иныя имена (Арозъ—Марозъ, Эмбросъ—Эдварозъ, Эвмаросъ—Антиохосъ), женскій демонъ названъ Али: онъ губеленъ для новорожденныхъ, которыхъ умерщвляетъ, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку ³⁾.

Изъ Арменіи легенда-заклинаніе проникла въ Эіопію; я предполагаю, съ своей стороны, что и на Балканскій полуостровъ. Воз-

¹⁾ Les apocryphes éthiopiens, par *René Basset*, fasc. IV (Paris. 1894).

²⁾ Разысканія, янн. IV, стр. 427 слѣд.

³⁾ Сл. киргизскую Албоста: злой духъ роженицъ; ее представляютъ въ образѣ женщины высокаго роста, съ большой головой и большими грудями, доходящими до колѣнъ; пальцы рукъ вооружены длинными и острыми когтями, волосы очень длинными и спускаются до земли (*Поярковъ*, Изъ области киргизскихъ вѣрованій, *Этногр. Обзор.* XI, 41).

возможность и пути перехода можно установить исторически: въ 746 г. Константинъ Копронимъ переселилъ павликіанъ изъ Мелитены и Теодосіополя во Фракію, другое переселеніе совершилось въ 970 году, при Іоаннѣ Цимисхіи и патріархѣ Теодорѣ—въ Пловдивъ ¹⁾. Историки говорятъ безразлично о павликіанахъ и манихейхъ, армянахъ и богомилахъ къ павликіанамъ примыкаетъ во всякомъ случаѣ новоманихейское (богомильское) движеніе—съ апокрифами, къ которымъ привязано имя болгарскаго попа Іеремія; въ числѣ ихъ и „вопросы Іеремія къ Богородицѣ о недузѣ естественнѣмъ и еже именують трясавицы, басни суть Іеремія попа болгарскаго; глаголють бо, яко сѣдящу Сисенію на горѣ Синайстѣй... Великій же Сисеній, патріархъ Константинограда, въ своихъ ему словесѣхъ, сиче глаголаше: не мните мя оного Сисенія лживаго, его же написа Іеремія попъ неразумный на соблазнъ людемъ“ и т. д. ²⁾. Эвѣюскіе тексты, разобранные выше, даютъ мнѣ поводъ, хотя бы предположительно, подтвердить это преданіе. Въ индексѣ отреченныхъ книгъ Іеремію обвиняють въ изогнаніи нѣкоторыхъ басенъ: то Іеремія попъ български изъгаль, *бывъ въ навѣхъ на Верзиловѣ* (вар. Верзіуловѣ) *колу*. Это загадочное выраженіе объясняли различно: либо понимали подъ Верзиловымъ или Верзіуловымъ коломъ—Вельзевуловъ; въ такомъ случаѣ читали бывъ вм. былъ, въ навѣхъ означало бы: среди мертвыхъ, на томъ свѣтѣ, въ аду на колѣ Вельзевула, при чемъ слѣдовало бы подсказать, въ объясненіе, что Іеремію, по смерти, пронзили коломъ, какъ упыря. Это объясненіе (Пыпина) не удовлетворяло: въ Верзиловомъ колѣ Ягичъ усмотрѣлъ волшебное колесо (или очарованный кругъ) Виргилія-мага средневѣковаго преданія, проникнуваго и къ южнымъ славянамъ; быть на Верзиловѣ колу означало бы въ такомъ случаѣ: обучиться магіи, чернокнижію; въ хорватскомъ преданіи говорится о такихъ выученикахъ, обучающихся въ Болоннѣ: они вращають колесо съ тринадцатью ступицами, на каждую становится по человѣку; кто первый улетитъ, тотъ настоящій некромантъ, Grabancija. Іеремія прошелъ, стало быть, такую же некромантическую, виргиліевскую школу, оттого и заподозрѣны его басни; „въ навѣхъ“ пришлось бы истолковать, въ этой связи, въ смыслѣ демоновъ. Съ этой точки

¹⁾ Сл. *Такела*, Нѣкогашнитѣ павликяни и сегашнитѣ католици въ Пловдивско, въ Сборн. за народни умотворення, кн. XI (1894 г.), стр. 103 слѣд.

²⁾ *Калайдовичъ*, Іоаннъ экзархъ болгарскій, стр. 210, прим. 8; сл. *Пыпинъ*, въ Лѣтописи занятій Археогрѣфической Коммисіи. 1861, ч. I., стр. 39—40.

зрѣнія слѣдующее хорватское повѣрье о „врзинѣ колѣ“ было бы приуроченіемъ книжнаго преданія къ народному пониманію: подъ Велебитемъ лежитъ деревня Vrzici, надъ нею, на вершинѣ, мѣсто, гдѣ пляшутъ вилы: это Vrzino kolo; всякій школяръ, побывавшій тамъ, становится Гарабанціашемъ. онъ общается съ вилами и чертями и въ грозу управляетъ облаками.

Проф. Соболевскій вернулся къ понятію „Верзилова кола“, какъ „Верзіулова“, то-есть, Вельзевулова, но съ значеніемъ кола, какъ собранія: Іеремія былъ среди навей, то-есть, злыхъ духовъ, на Вельзевуловомъ собраніи.

Я старался помирить оба толкованія ¹⁾, хотя ни то, ни другое меня не удовлетворяли. вмѣсто нихъ я предложу теперь слѣдующее: правда, оно основано на собственномъ имени, встрѣтившемся до сихъ поръ лишь въ двухъ эіопскихъ текстахъ, но оно рѣшаетъ загадку, связанную съ именемъ Іеремія, подробностью приписаннаго ему апокрифа; а я только ставлю вопросъ. На „врзиномъ колу“ хорватскаго повѣрья, гдѣ обучается гарабанціашъ = некромантъ, пляшутъ вилы. Вилы — маны ²⁾, души умершихъ, навй; замѣтимъ, что въ болгарскомъ повѣрьѣ навй—злые духи женскаго пола, мучащіе родильницъ ³⁾, какъ ихъ и новорожденныхъ мучатъ Голѣб, Вѣщица греческихъ и славянскихъ молитвъ св. Сисинія—*Верземія* соответствующаго эіопскаго текста. Іеремія, съ именемъ котораго соединяютъ славянскую молитву Сисинія, былъ въ сонмищѣ *Верзелии*, на *Верзиловѣ колу*, средѣ *навей*—вилъ, такихъ же злыхъ духовъ, опасныхъ родильницамъ. Мы ожидали бы, впрочемъ, скорѣе Верзилино (см. сербск. Врзино) вмѣсто Верзилова кола.

Эта гипотеза предполагаетъ существованіе какого-нибудь южно-славянскаго текста, съ именемъ Верзили, какъ сестры Сисинія, и до-славянскаго оригинала молитвы съ тѣмъ же или сходнымъ именемъ. Я сказалъ выше, что если этотъ оригиналъ сложился, вѣроятно, на армянской почвѣ, то можно и прослѣдить предположительно и пути перехода по слѣдамъ переселенія павликианъ, или какъ ихъ иначе звали, *армяны*. Въ этомъ смыслѣ интересно, что у болгаръ *ерменки*, то-есть, *армянки*—демоническія существа, которыхъ отождествляютъ съ уриснцами, вѣдающими судьбу родильницъ и новорожденныхъ. Онѣ

¹⁾ Разысканія, вып. VI, стр. 67, прим. 2.

²⁾ I. с. V, стр. 287 слѣд.

³⁾ I. с. VI, стр. 61.

сестры, какъ трясавицы—дочери Ирода нашихъ заговоровъ Сисиниивскаго типа, ихъ заклинають при обморокѣ родильницы, который приписывается ихъ влиянію. Вотъ самый заговоръ: „Шли девять сестеръ Ерменки: первая—куца, вторая—слѣпа, третья—нѣма, четвертая—глуха, пятая—зубата, шестая—носата, седьмая—горбата, осьмая—кривоврата (кривошея), девятая—кривоуста; шли черезъ воду студеную, черезъ гору зеленую, черезъ поле широкое и придавили („притиснули“) Стояну Стояна кричить и вопить. Ввалили ей мраморный камень на грудь, помutilи ей очи, покривили ей ротъ, оглушили уши, искривили ноги, вывернули руки... Бѣгите, побѣдите, прогонимъ злыхъ: пусть идутъ въ пустую гору Галилейску, гдѣ пѣтухъ не поетъ, гдѣ птица не щебещетъ, гдѣ огонь не горитъ, гдѣ чловѣкъ не ходитъ; пусть они убѣгутъ на черное море, на бѣлое море, къ сестрамъ своимъ—Вихри и Вяхрушки. Диви-Самодиви.—Къ заговору присоединяется и обрядъ изгнанія „армянокъ“ (сѣчение на арменци), въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является знахарка; если въ теченіе трехъ дней болѣзни не пройдетъ, то зовуть отчитывать ее *армянскою пона* ¹⁾).

Мнѣ кажется, что „Вераелія“ и „армянки“ даютъ не лишніе моменты для разъясненія историческихъ отношеній, среди которыхъ привилась молитва Сисиніи на южно-славянской и румынской почвѣ.

Какой изъ двухъ типовъ легенды древнѣе, тотъ ли, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является одинъ Сисиній (какъ въ эіопскихъ пересказахъ), или тотъ, гдѣ у святаго есть братья, впрочемъ, не участвующіе въ дѣйствіи, я не берусь сказать. Древнѣе представляется мнѣ сестра-демонъ въ сравненіи съ той разновидностью сказанія, гдѣ она сама страдаетъ отъ демона, Сисиній ея помощникъ, не каратель. Сисиній явился бы такимъ же борцомъ противъ дьявольской, языческой силы, какъ св. Георгій; св. Георгій каппадокіецъ, хотя бы житіе его и было составлено впервые коптомъ, какъ пытался доказать Амелин⁰; напомнимъ каппадокійскихъ святыхъ Сисиніевъ; св. Георгій родился въ Мелитенѣ (въ малой Арменіи-Каппадокии по житію), откуда переселилась во Фракію первая колонія павликіанъ; это напоминаетъ имя сестры Сисиніи въ греческихъ и славянскихъ текстахъ (Мелитина, Мелентія, Мелентіана). Сестра (мать), связавшаяся съ демонической силой,—знакомая сказоч-

¹⁾ Соколовъ, I. с. стр. 35—36.

ная схема ¹⁾), отразившая. быть можетъ, древнія религіозныя представленія о борьбѣ добраго начала противъ злаго, враждебнаго всему живому, уничтожающаго первые всходы жизни (новорожденныхъ), поражающаго всякими немочами. Легенда овладѣла этимъ дуализмомъ; въ позднѣйшемъ заговорѣ немочи, насылаемые демономъ, обратились въ его имена, далѣе въ олицетвореніе болѣзней, специальнѣе трясавиць, которыя заговариваетъ какой нибудь святой, и дуалистическая окраска была забыта въ схематизмѣ заклинательной формулы.

Александръ Веселовскій.

---

¹⁾ См. прим. Леонисьева къ сказкѣмъ №№ 117—119: братъ и сестра (или сынъ и мать).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Путевыя письма Измаила Ивановича Срезневскаго въ славянскихъ земляхъ.
(1839—1842). Съ приложеніемъ карты. С.-Пб. 1895.

И. И. Срезневскій на столько крупная величина въ исторіи русской и славянской науки, что, конечно, его „Путевыя письма“ должны быть весьма поучительны и интересны; дѣйствительно, въ нихъ ярко отражается и обстановка, и личность писавшаго. Не останавливаясь на отдѣльныхъ письмахъ, мы укажемъ лишь болѣе любопытное въ нихъ.

Достаточно извѣстны мотивы путешествія Срезневскаго въ славянскія земли: съ одной стороны, желаніе министерства народнаго просвѣщенія замѣстить учрежденныя еще въ 1835 году при русскихъ университетахъ кафедры „исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій“, съ другой—невозможность познакомиться съ предметомъ, живя въ Россіи; такимъ образомъ изъ писемъ Срезневскаго мы узнаемъ, какъ подготовлялся къ своей дѣятельности одинъ изъ первыхъ и лучшихъ нашихъ славистовъ. Положимъ, Срезневскій еще до путешествія былъ горячимъ славянолюбомъ, отчасти знакомъ съ славянскимъ бытомъ по тѣмъ немногимъ книгамъ и сочиненіямъ о славянахъ, которые попадали въ Харьковъ, но въ общемъ ему нужно было учиться сначала. Какъ же онъ учился? П. И. Прейсъ, кажется, весьма вѣрно, называя себя челоуѣкомъ книги, изыскателемъ, называлъ Срезневскаго челоуѣкомъ жизни, наблюдателемъ. Правда, и Срезневскій сидѣлъ много за книгами: въ своихъ зимнихъ письмахъ онъ постоянно говоритъ, что по цѣлымъ днямъ съ утра до вечера

проводить за рукописями, беретъ у лучшихъ славянскихъ филологовъ уроки по отдѣльнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, изучаетъ славянскія древности, исторію, литературу, разбирается въ собранныхъ лично матеріалахъ. Но большую часть времени, которое Срезневскій прожилъ въ славянскихъ земляхъ, онъ провелъ въ наблюденіи надъ живымъ славянскимъ бытомъ, въ изученіи живыхъ славянскихъ нарѣчій. Въ три года съ сентября 1839 по сентябрь 1842 года Срезневскій не только объѣхалъ, но буквально обошелъ пѣшкомъ Чехію, Моравію, Силезію, Сербскія Лужицы, Крайну, Штирію, Карянтію, Фриуль, Истрію, Далмацію, Черногорію, Хорватію, Сербію, сѣверную Венгрію, Галицію, отчасти Польшу. При своей горячей, немного даже романтической любви къ народу, умѣнья обращаться съ нимъ, пріобрѣтенномъ еще въ юншество, когда Срезневскій пробовалъ записывать словацкія пѣсни отъ бродячихъ торговцевъ-словаковъ, Срезневскій черпалъ обѣими руками матеріалъ въ живой народной средѣ: подмѣчалъ въ разговорѣ особенности народной рѣчи, записывалъ пѣсни, иногда съ напѣвами, пословицы, всматривался въ нравы и обычаи сельскаго славянскаго населенія: сколько вѣрныхъ этнографическихъ наблюденій разсѣяно въ позднѣйшихъ печатныхъ сочиненіяхъ Срезневскаго, постоянно мы встрѣчаемся и въ его письмахъ съ описаніемъ праздниковъ, обрядовъ, процессій, игръ, преданій, гостепрѣимства, костюмовъ славянскихъ племенъ: не удивительно, что въ знаніи живаго славянства Срезневскій не только обогналъ своихъ русскихъ товарищей, но скоро оказался первымъ среди самихъ славянскихъ ученыхъ. Было еще обстоятельство, имѣвшее огромное вліяніе на образованіе главнаго насадителя у насъ славяновѣдѣнія, это—совпаденіе со временемъ путешествія Срезневскаго по славянскимъ землямъ лучшей эпохи славянскаго возрожденія, когда съ особенной силой пробуждалось и поднималось національное чувство, когда всѣ славянскія племена стремились къ свободѣ, взаимному сближенію. Много выдающихся дѣятелей выставило славянство даже въ самыхъ глухихъ своихъ углахъ; со всей славянской интеллигенціей того времени Срезневскій завелъ знакомства и связи: то и дѣло вы читаете въ его письмахъ о чехахъ Ганкѣ, Шафарикѣ, Челяковскомъ, Палацкомъ, Юнгманѣ, сербахъ лужичанахъ Смолярѣ, Зейлерѣ, Клинѣ, хорватахъ Гаѣ, Вразѣ, Бабукичѣ, Драшковичѣ, словакѣ Коларѣ, словинцѣ Прешернѣ, галичанахъ Вагилевичѣ, Головацкомъ, Зубрицкомъ, Левицкомъ и пр., и пр. Вѣдь это славнѣйшія имена въ славянской наукѣ и жизни! Какъ поучительны были для Срез-

невскаго бесѣды и общеніе съ ними! Все самъ видѣвъ, выслушавъ людей различныхъ взглядовъ, Срезневскій могъ вѣрнѣе судить о славянскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ. Славянское возрожденіе сопровождалось и увлеченіемъ всеѣмъ русскимъ: Срезневскій съ восторгомъ описываетъ матери. какъ его вездѣ радушно принимали не только тѣ, кто знакомы были съ нимъ, какъ съ ученымъ и знатокомъ славянства, но и простой народъ изъ-за того только, что Срезневскій былъ русскій. Не долженъ ли былъ онъ еще болѣе, чѣмъ когда выѣзжалъ изъ Харькова, сдѣлаться славянолюбомъ, проповѣдникомъ духовнаго единенія славянъ, духовнаго именно. ибо Срезневскій не любилъ вопросовъ политическихъ и лишь раза два въ письмахъ съ укоромъ обращается къ славянскимъ врагамъ — иѣмцамъ и мадырамъ; возрожденіе славянъ, по мнѣнію Срезневскаго, должно быть достигнуто пробужденіемъ народнаго сознанія при помощи изученія народной старины. поднятія маленькихъ славянскихъ литературъ. Въ отрывочныхъ письмахъ Срезневскій, конечно, не могъ высказать всеѣхъ своихъ взглядовъ на славянскій вопросъ; въ этихъ письмахъ больше всего матеріала для характеристики личности писавшаго. Отметимъ прежде всего глубокую любовь Срезневскаго къ своей матери: сколько въ каждомъ письмѣ, въ каждой строчкѣ, обращенной къ матери, разлито ласки, сердечной теплоты и трогательной задушевности. Изъ предисловія къ письмамъ мы узнаемъ, что было достаточно основанія для такой любви и уваженія Срезневскаго къ матери: она съ юныхъ лѣтъ Измаила Ивановича была его единственнымъ воспитателемъ и другомъ. „Передъ нею. — говорилъ Срезневскій позже, — не было у меня ничего затаеннаго, она объятаями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною однѣми радостями, однѣми горестями, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая... Она была бы несчастна, еслибы принуждена была затаить въ себѣ чувство и мысль, а высказаться вполне она могла только мнѣ... Мы были только двое и жили другъ для друга“. Понятна отсюда та грусть одиночества и разлуки съ матерью, которая такъ сквозитъ въ письмахъ Срезневскаго. Понятна и та откровенность и простота, съ которой написаны всеѣ эти письма, похожія больше на личный дневникъ. И. И. Срезневскій здѣсь весь на лицо со своей крайней впечатлительностью, душевной чистотой и благожелательностью къ людямъ, умомъ сильнымъ, разностороннимъ, оригинальнымъ и наблюдательнымъ, не безъ юмора и остроты. Серьезный, гдѣ нужно, Срезневскій умѣлъ и повеселиться, и поду-

рачиться: эта общительность Срезневскаго давала ему возможность вездѣ быстро пріобрѣтать знакомыхъ и друзей. Какъ настоящій путешественникъ, Срезневскій обнаруживаетъ въ своихъ письмахъ и свою практичность, и непритязательность. Если теперь посмотрѣть на письма Срезневскаго, какъ мы обыкновенно смотримъ на описаніе путешествій, то и въ такомъ случаѣ они представляютъ не мало любопытнаго. Срезневскій несомнѣнно владѣлъ художественнымъ талантомъ: это видно изъ его страстной любви къ природѣ, изъ его мѣткихъ отзывовъ о произведеніяхъ литературы, искусства; онъ владѣлъ отлично и языкомъ: его многія описанія весьма картинны и увлекательны. Наконецъ, самыя мѣста, подробно описанныя Срезневскимъ, такъ мало извѣстны русской публикѣ, что по одному этому „Путевыя письма И. И. Срезневскаго“ заслуживали бы прочтенія.

Для насъ особенно дорого перечитывать эти письма, потому что съ ними переживаешь тотъ славный періодъ, въ который они написаны: многое измѣнилось за эти 50 слишкомъ лѣтъ и многое совсѣмъ не къ лучшему!

А. Липовскій.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ I. Москва. 1895. стр. VIII, 658.

Имя М. М. Ковалевскаго хорошо извѣстно читающей публикѣ. даже простой перечень его работъ по исторіи государственнаго права и этнографіи занялъ бы слишкомъ много мѣста. Новый его трудъ, первый томъ котораго лежитъ передъ нами, имѣетъ уже чисто историческій характеръ и представляетъ крупный и цѣнный вкладъ въ исторію французской „великой“ революціи. Въ немъ авторъ задается мыслью изучить не столько ходъ развитія самаго законодательства, направленнаго къ рѣшенію экономическихъ и общественно-государственныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ революціей, сколько процессъ развитія той доктрины, которая была положена въ основу этого законодательства. Доктрина эта можетъ быть охарактеризована однимъ словомъ: народной или демократической. Вотъ почему и самое сочиненіе озаглавлено „Происхожденіемъ современной демократіи“ (предисловіе стр. VI). Настоящій томъ „посвященъ всецѣло вопросу, изъ какихъ элементовъ сложилось то ученіе о гражданскомъ равенствѣ и народномъ суверенитетѣ, проведеніе котораго въ жизнь выпало въ

удѣлъ учредительному собранію“ (ib.). Онъ состоитъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ первая озаглавлена: „Общественный строй Франціи въ концѣ XVIII вѣка“ и раздѣлена на три главы: 1) Владѣтельныя и невладѣтельныя сословія. Правящіе классы и классы подвластные. 2) Сенъеріальное право, экономическое и социальное положеніе крестьянства въ концѣ прошлаго вѣка и 3) Цеховое устройство и зарожденіе свободной промышленности.—О положеніи дворянства и крестьянства наканунѣ революціи до г. Ковалевскаго писано очень много дѣльнаго и интереснаго, а положеніе рабочихъ, напротивъ, исследовано слишкомъ плохо; но авторъ, пользуясь „наказами“, сумѣлъ освѣтить новымъ свѣтомъ дореволюціонную деревню и обрисовать крупными чертами жизнь городскую. Онъ доказалъ, что старое родовитое дворянство, не смотря на всѣ старанія королей, бѣднѣло и падало, и мѣсто его заступало дворянство новое (anoblis) изъ разбогатѣвшей буржуазіи, противъ котораго съ особеннымъ ожесточеніемъ возстаютъ крестьянскіе „наказы“ (cabliers), а такъ какъ „облагороженіе“ наилучшихъ плательщиковъ изъ буржуазіи влекло за собою освобожденіе ихъ отъ податей и повинностей, то увеличеніе количества дворянъ способствовало обѣднѣнію крестьянъ. Большинство послѣднихъ было еще до революціи свободно отъ крѣпостной зависимости, но земли ихъ были въ такой степени отягчены налогами, что при самой усердной работѣ они только-только не умирали съ голоду. Что же касается до городовъ, то оказывается, что цеховое устройство было подорвано еще до революціи, и корпоративная организація уже давно не могла защищать рабочаго отъ эксплуатаціи со стороны капиталиста.

Вторая часть озаглавлена: „Политическій строй Франціи наканунѣ революціи“, и авторъ говоритъ въ ней о тѣхъ конституціонныхъ началахъ, которыя ограничивали верховную власть въ старой Франціи, то-есть, о генеральныхъ штатахъ, парламентахъ и о попыткахъ мѣстнаго самоуправленія. Третья часть: „Общественныя и политическія доктрины Франціи“ раздѣлена на три главы: 1) Экономическія теоріи прошлаго вѣка. Право собственности и право труда.—Гармонія интересовъ и экономическая свобода. 2) Крестьянскій и рабочій вопросъ въ литературѣ и наказахъ 1789 г. и 3) Податныя теоріи прошлаго столѣтія и ихъ вліяніе на указы 1789 г. Эти главы излагаютъ вліяніе идей, назрѣвшихъ въ обществѣ и всего яснѣе выразившихся въ такъ называемой школѣ физиократовъ, на ходъ экономическаго законодательства какъ передъ революціей, такъ отчасти

и въ первый ея періодъ, и предлагаютъ много интереснаго новаго матеріала. Чрезвычайно любопытны раннія мечтанія помогать нуждающимся устройствомъ учреждений въ родѣ національныхъ мастерскихъ; но особенно много интересныхъ данныхъ для исторіи секуляризаціи церковныхъ имуществъ, при чемъ оказывается, что большинство „наказовъ“ имѣло въ виду обратить эти имущества на дѣло народнаго образованія и благотворительности. Во второй главѣ этого отдѣла авторъ убѣдительно доказываетъ, что школа физиократовъ сдѣлала не мало для полнаго уничтоженія крѣпостнаго права и отмѣны цеховыхъ стѣсненій; въ третьей онъ говоритъ о ихъ вліяніи на проекты податнаго обложенія капитала, и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что, хотя воздѣйствіе этой экономической школы на самый ходъ революціи было больше отрицательное, чѣмъ положительное, оно было очень важно и серьезно въ смыслѣ установленія принциповъ. „Безсильные измѣнить общественное мнѣніе, разъ дѣло шло о такихъ сторонахъ ихъ теоріи, которыя задѣвали непосредственные интересы народныхъ массъ, неспособные поколебать вѣры (читай: вѣру) въ необходимость регламентировать хлѣбную торговлю и даже устанавливать максимумъ цѣны на предметъ первой необходимости и трудъ рабочаго. терпя полное пораженіе въ вопросѣ о свободѣ внѣшней торговли и замѣны всѣхъ существующихъ налоговъ единымъ земельнымъ, всецѣло падающимъ на ренту собственниковъ, физиократы въ то же время доставили дѣятелямъ революціи критерій для сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ всей существующей (читай: существовавшей) въ ихъ время экономической и общественной организаціи. Они подняли знамя возстанія противъ меркантилизма и цеховой исключительности, провозгласили свободу собственности, свободу труда и начало равенства всѣхъ передъ налогомъ, потребовали отмѣны не только сословныхъ, но и провинціальныхъ изъятій въ дѣлѣ обложенія, наконецъ, породили въ умахъ увѣренность въ существованіи неизблемыхъ и неотложныхъ экономическихъ законовъ, съ которыми правитель долженъ считаться едвали не въ такой же мѣрѣ, какъ и съ законами природы“ (537—538).

Четвертая часть книги, довольно неудачно озаглавленная: „Политическія доктрины“ (срв. заглавіе третьей части) состоитъ изъ двухъ главъ: 1) „Англоманія и американофильство“ и 2) „Теорія демократической монархіи“. Въ первой авторъ доказываетъ, что американскія политическія теоріи имѣли гораздо болѣе сильное вліяніе на французскую революцію, нежели англійская конституція, въ которой

цѣвили менѣе существенную сторону (раздѣленіе властей) и плохо понимали важнѣйшую (контроль властей судебной и законодательной надъ властью исполнительной); во второй—онъ приводитъ рядъ вѣскихъ данныхъ въ пользу своей оригинальной мысли, что „между ученіемъ Монтескье о необходимыхъ условіяхъ политической свободы и воззрѣніями Руссо и Мабли нѣтъ принципиальнаго различія“ (617). какое усматривали многіе историки французской революціи. Онъ, конечно, не признаетъ эти двѣ доктрины тождественными, но находитъ, что Руссо и Мабли, „отправляясь отъ теоріи Монтескье придали ей большую логическую строгость и сдѣлали изъ нея тѣ крайніе выводы, на которые едва ли бы рѣшился самъ Монтескье“ (ib.).

Книга М. М. Ковалевскаго заключаетъ массу интереснаго матеріала и много плодотворныхъ новыхъ идей; но изложеніе ея, какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ выписокъ, къ сожалѣнію, грѣшитъ нѣкоторой небрежностью.

Второй томъ, который имѣетъ предложить критику принциповъ, положенныхъ въ основу конституціи 1791 года, обѣщаетъ быть еще интереснѣе.

А. К.

Книжныя новости.

Л. Н. Майковъ. Историко-литературные очерки. С.-Пб. 1895. 309 стр. Цѣна 2 рубля.—Въ этомъ году нашъ почтённый ученый Л. Н. Майковъ выпустилъ въ свѣтъ второй сборникъ своихъ историко-литературныхъ статей, появившихся уже въ печати въ прошлые годы. Въ высшей степени интересный и разнообразный подборъ статей, касающихся, главнымъ образомъ, исторіи литературы XIX столѣтія (кромя первой—о Крыловѣ), дѣлаютъ книгу Л. Н. Майкова дѣльнымъ вкладомъ въ нашу ученую литературу этого года. Интересъ книги виденъ уже изъ одного перечня четырнадцати вошедшихъ въ нее статей: 1) Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ (50 стр.); 2) Поэзія Жуковского (18 стр.); 3) Характеристика Батюшкова, какъ поэта (17 стр.); 4) Бессарабскія воспоминанія Вельмана и его знакомство съ Пушкинымъ (44 стр.); 5) Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ (23 стр.); 6) Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ (37 стр.); 7) Пушкинъ о Батюшковѣ (33 стр.); 8) О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году (19 стр.); 9) Пушкинъ и Дзаль (17 стр.); 10) О стихотвореніяхъ Пушкина „Туча“ и „Аквилонъ“ (7 стр.); 11) Памяти П. А. Плетнева (7 стр.); 12) Малорусскій Титъ Ливій (19 стр.); 13) Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства (12 стр.); 14) А. А. Фетъ (5 стр.). Изъ этихъ четырнадцати статей первая, самая большая по размѣрамъ и посвященная И. А. Крылову,

представляетъ изъ себя вполнѣ законченную цѣльную монографію; въ печати она появляется вторично и на этотъ разъ съ нѣкоторыми дополненіями. О достоинствѣ ея распространяться мы не будемъ, достаточно сказать, что въ богатой литературѣ о Крыловѣ по свѣжести матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, эта монографія—до сихъ поръ послѣдняя по времени новинка; ея значеніе, конечно, не смогли уменьшить многочисленныя, но малосодержательныя юбилейныя статьи. Статьи о Батюшковѣ, Жуковскомъ, Плетневѣ и Фетѣ—академическія рѣчи Л. Н. Майкова; онѣ представляютъ общій интересъ и даютъ читателю краткія, по обстоятельныя и удачныя характеристики перечисленныхъ дѣятелей нашей литературы и науки. Изъ напечатанныхъ книгъ Л. Н. Майкова матеріаловъ для біографіи Пушкина особенно важны мемуары Вельмана о жизни великаго поэта въ Бессарабіи. Опираясь на слова Вельмана, Л. Н. Майковъ не соглашается съ установившимся въ нашей литературѣ мнѣніемъ, будто кишиневскій періодъ жизни поэта отличался особенной раснущенностью. Очень любопытны также: 1) небольшая замѣтка „Пушкинъ о Батюшковѣ“, изъ которой мы узнаемъ, какого мнѣнія былъ Пушкинъ о стихахъ одного изъ своихъ учителей, и 2) статья, носящая оригинальное заглавіе: „Малороссійскій Титъ Ливій“, въ которой Л. Н. Майковъ излагаетъ результаты изслѣдованій о тинственномъ авторѣ „Исторіи Руссовъ“. Почтенный авторъ соглашается съ мнѣніемъ позднѣйшихъ изслѣдователей, что „Исторія Руссовъ“ сочинена Г. А. Полетакой и его сыномъ.

Починъ. Сборникъ Общества любителей Россійской словесности на 1895 годъ. Москва, 1895 г. I-й отдѣлъ—461 стр., II-й отдѣлъ—28 стр. Цѣна 2 рубля.—Московское историко-литературное общество, выпуская въ первый разъ за все свое многолѣтнее существованіе сборникъ, составленный изъ сочиненій своихъ членовъ, этимъ изданіемъ „дѣлаетъ починъ“, какъ сказано въ предисловіи, и при томъ, прибавимъ отъ себя, починъ превосходный. Все, что помѣщено въ вышедшей пока одной книгѣ сборника, почти въ одинаковой степени и интересно и важно. Оставляя въ сторонѣ прекрасныя беллетристическія произведенія, авторами которыхъ явились—Л. Н. Толстой („Три притчи“), А. П. Чеховъ („Супруга“), Д. Н. Маминъ-Сибирякъ („Самородокъ“), Ф. Д. Нефедовъ („Ушкуль“) и поэты: К. Д. Бальмонтъ („Воскресшій“ и переводы изъ „Фауста“), В. Д. Величко и П. М. Мнискій (переводъ 36-й пѣсни „Илиады“),—мы перейдемъ къ статьямъ историко-литературнаго содержанія. Почетный членъ Общества любителей Россійской словесности О. И. Буслаевъ далъ въ сборникъ небольшую, но очень цѣнную замѣтку подъ заглавіемъ: „Язычество и христіанство“. Почтенный авторъ, говоря о культурномъ значеніи христіанства, указываетъ на существенное различіе этого значенія для молодыхъ народовъ европейскаго сѣвера и историческихъ народовъ побережья Средиземнаго моря. У первыхъ „восторженная внезапность при озареніи умовъ новой вѣрой“ сдѣлала изъ этой вѣры „предметъ вдохновенія и восторга“; для вторыхъ христіанство было „лишь высшимъ моментомъ развитія готовою цивилизаціи“. На этой мысли О. И. Буслаевъ останавливается, доказываетъ ее, развиваетъ и иллюстрируетъ интересными данными. Далѣе напечатанъ въ предисловіи Н. С. Тихонова любопытный стихотворный

памятник рукописной литературы XVIII вѣка „Плачь холоповъ прошлаго вѣка“, въ которомъ мы встрѣчаемъ протестъ противъ крѣпостничества, высказанный отъ имени страдающаго холопства. Очень цѣнна затѣмъ статья А. И. Кирпичникова „Критическія и библиографическія замѣтки о Крыловѣ“, въ которой приводится рядъ фактовъ въ высшей степени важныхъ для біографа Крылова. Оказывается, между прочимъ, что „Кофейница“, впервые изданная Академіей Наукъ, сильно искажена издателями (напримѣръ, „здравствуй“ напечатано вм. „здорово“; „вчера я“ вм. „вчера“; „зачѣмъ“ вм. „да чѣмъ“; „тайну“ вм. „въ чашку“ и мн. др.). Затѣмъ авторъ замѣтки прочно устанавливаетъ рядъ сомнительныхъ фактическихъ и хронологическихъ данныхъ изъ жизни Крылова; наконецъ, онъ приводитъ къ баснямъ не мало важныхъ варіантовъ, не появившихся въ извѣстный трудъ Кеневича. Въ статьѣ В. Е. Якушина „Николай Ивановичъ Новиковъ“ очень обстоятельно изложена жизнь и дѣятельность Новикова, и совершенно вѣрно выяснено огромное значеніе его въ жизни XVIII вѣка; въ своемъ обзорѣ г. Якушкинъ особенно долго останавливается на характеристикѣ Шварца и на изложеніи судебного слѣдствія, послѣ котораго Н. И. Новиковъ былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Большой интересъ представляетъ рефератъ П. Д. Боборыкина „Судьбы русскаго романа“. Отмѣчая печальный фактъ отсутствія у насъ исторіи русскаго романа, который, между тѣмъ, даже въ исторіи западноевропейской литературы XIX вѣка нашелъ почетное мѣсто, авторъ обращается къ выясненію причинъ этого явленія. У насъ роману навязываютъ служебную роль по отношенію къ морали и публицистикѣ; у насъ нѣтъ даже подготовительныхъ монографій объ отдѣльныхъ писателяхъ-романистахъ, наконецъ, самое главное, у насъ нѣтъ до сихъ поръ научно-эстетической критики. Для этой критики надо привлечь къ изученію литературы психологію и широко поставленный сравнительный методъ. Заканчиваетъ г. Боборыкинъ свой очеркъ подробнымъ разсмотрѣніемъ судеб русскаго романа въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ прошла его богатая исторія. Очень цѣнны также замѣчанія В. И. Шенрока о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“. Во второмъ томѣ Гоголь подходит очень замѣтно къ вопросу о „науцѣ жизни“, чего въ первомъ томѣ еще нѣтъ; затѣмъ замѣтна тенденція „доставить выше теоретическаго образованія практическое познаніе русскаго человѣка“; наконецъ, самые герои втораго тома, между прочимъ, особенно Чичиковъ, отличаются уже болѣе сложными интересами, чѣмъ раньше. Очень справедливая характеристика героевъ втораго тома въ связи съ жизнью самого Гоголя заканчиваетъ этотъ очеркъ. Вс. Ф. Миллеръ въ замѣткѣ „озаглавленной“ „къ былинамъ о Чурилѣ Пляковичѣ“, даетъ новое разрѣшеніе вопроса о мѣстѣ происхожденія этой былины. Не соглашаясь съ А. И. Веселовскимъ и М. Г. Халанскимъ и опровергая ихъ, авторъ приводитъ цѣлый рядъ соображеній въ пользу своей догадки о новгородскомъ происхожденіи былины о Чурилѣ. Кромѣ этихъ статей, въ Сборникѣ мы находимъ пару мемуарныхъ замѣтокъ: „Изъ литературныхъ воспоминаній, А. И. Левитовъ“ Н. Н. Заотвратскаго и „Изъ воспоминаній П. М. Сатина“ Е. С. Некрасовой, а также литературныхъ характеристикъ Огарева (Е. С. Некрасовой), Баратынскаго (Н. И. Стороженка), Ап. Григорьева (В. А. Гольцева), Некрасова (И. И.

Иванова) и Грибоѣдова (Ал. Н. Веселовскаго). Всѣ эти характеристики очень обстоятельны и интересны и имѣютъ потому несомнѣнную цѣну, только г. Ивановъ, на нашъ взглядъ, согрѣшилъ въ своей статьѣ чрезмѣрной восторженностью.

А. Прозоровскій. Сильвестра Медвѣдева Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 7191 и 7192, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. 1894. 197 стр. Цѣна 2 рубля.—„Созерцаніе краткое“, болѣе извѣстное у историковъ подъ именемъ „Записокъ Сильвестра Медвѣдева о стрѣлцкомъ бунтѣ“, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу важнѣйшихъ историческихъ документовъ конца XVII столѣтія. Между тѣмъ, не смотря на свою важность, это, по словамъ г. Прозоровскаго, „вполнѣ самостоятельное и оригинальное произведеніе, принадлежащее перу С. Медвѣдева, одной изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей второй половины XVII вѣка“, до сихъ поръ не удавалось приличнаго изданія: лишь въ настоящемъ своемъ сочлененіи г. Прозоровскій издаетъ текстъ сочиненія С. Медвѣдева съ соблюденіемъ всѣхъ строгихъ требованій, предъявляемыхъ ученому изданію. Тексту издатель предпослалъ обстоятельное предисловіе (52 стр.), въ которомъ нѣкоторые темные и запутанные вопросы касательно С. Медвѣдева и его сочиненія, конечно, найдутъ окончательное разрѣшеніе. А этихъ вопросовъ въ нашей историографіи накопилось не мало: о С. Медвѣдѣвѣ и его Запискахъ существуетъ цѣлая литература. Съ обстоятельнаго обзора этой литературы и начинается свое предисловіе г. Прозоровскій. Первый заговорилъ о С. Медвѣдѣвѣ и его Запискахъ—Татищевъ; онъ же, будучи горячимъ сторонникомъ Петра, первый обвинилъ Медвѣдева въ пристрастіи къ правительницѣ. Въ 1787 г. Туманскій издалъ „Записки“, но очень неудовлетворительно. Такъ же неудачно было и второе изданіе ихъ, сдѣланное Сахаровымъ (1841 г.). Что касается до мнѣній о достоинствѣ сочиненія С. Медвѣдева, то вплоть до митрополита Филарета всѣ многочисленные историки повторяли обвиненіе, сдѣланное еще Татищевымъ, въ пристрастіи Медвѣдева къ Софіи. Митрополитъ Филаретъ энергично возсталъ на защиту Медвѣдева. Устряловъ и Соловьевъ опять высказали старое обвиненіе, при чемъ Соловьевъ первый усомнился въ авторствѣ Медвѣдева и гадательно указалъ на Каріона Истомина, какъ на возможнаго автора Записокъ. Защиту Филарета сильно поддержали Аристовъ, горячій апологетъ Софіи въ своей диссертациі „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“, и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей „Русской Исторіи“. Цѣлый рядъ историческихъ трудовъ, такъ или иначе касающихся С. Медвѣдева и его сочиненія, завершается интереснымъ изслѣдованіемъ Е. Ф. Шмурло „О Запискахъ Медвѣдева“. На г. Шмурло началъ г. Брайловскій, который рѣшился „смѣло утверждать“, что авторомъ „Созерцанія“ былъ не кто иной, какъ извѣстный іеродиаконъ Чудова монастыря Каріонъ Истоминъ. Замѣтка г. Брайловскаго вызвала автора настоящаго труда на обстоятельное изслѣдованіе вопроса объ авторѣ „Записокъ“. Удачно опровергла объясненія г. Брайловскаго, объясненія невыгодныя для С. Медвѣдева, и давая свои въ пользу его, г. Прозоровскій, помня слова самого Медвѣдева: „писана та книга съ писма Каріонова“, перебираетъ всѣхъ извѣстныхъ въ XVII вѣкѣ Каріоновъ и останавливается на

двухъ: 1) Каріонѣ Истоминѣ, написавшемъ „Лѣтописецъ великія земли Россійскія“ и 2) Каріонѣ, авторѣ Chronicon'a. Путемъ внимательнаго сличенія г. Прозоровскій пришелъ къ выводу, что есть нѣкоторая связь „Созерцанія“ съ Chronicon'омъ и никакой съ „Лѣтописцемъ“. Далѣе приведенъ рядъ всѣхъ доказательствъ, заставляющихъ признать въ Медвѣдевѣ дѣйствительнаго автора „Созерцанія“. Упрекъ въ пристрастія его къ Софѣ также сильно подорванъ г. Прозоровскимъ, выяснившимъ словами самого Медвѣдева поводъ къ написанію записокъ, цѣль ихъ и высокій взглядъ автора на исторію. Заключивается предисловіе установленіемъ даты сочиненія (2-я половина 1684 г.), подробнымъ изложеніемъ содержанія и перечисленіемъ рукописныхъ списковъ.

А. Н. Гиляровъ. Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго Логоса. Кіевъ. 1895. Ц. 1 р. 50 к. 166 стр. Вышедшая недавно книга проф. Гилярова: „Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ“, представляетъ изъ себя оттискъ изъ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій* за 1894 г. Содержаніе ея любопытно, хотя вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Проф. Гиляровъ совершенно справедливо раскритиковалъ почти всѣ новые русскіе переводы „Старыхъ поэтовъ“, но раскритиковалъ не просто, съ точки зрѣнія здраваго смысла, а по-чему-то съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи „вселенскаго Логоса“. Чтобы разъяснить читателю эту точку зрѣнія, ему пришлось сдѣлать довольно большое введеніе (25 стр.), въ которомъ онъ развиваетъ очень обстоятельно основную точку зрѣнія своей критики: „все вообще разумное есть проявленіе единаго Логоса, въ области нашего духа этотъ Логосъ находитъ верховное (?) обнаруженіе въ гениальныхъ созданіяхъ творчества, и потому нигдѣ разумъ и неразуміе (?) въ такой мѣрѣ не наглядны, какъ въ различномъ отношеніи къ этимъ созданіямъ, такъ какъ гениальные поэты всегда выразители Логоса, а ихъ переводчики и толкователи могутъ принадлежать и къ окружающей Логосъ тьмѣ“. Оказывается, что, кромѣ гг. А. Н. Веселовскаго (переводчика Боккаччо) и П. А. Козлова (переводчика Байрона), остальные лица, подарившія наше общество переводами „Старыхъ поэтовъ“: Данта, Аріоста и Сервантеса, именно и принадлежатъ этой тьмѣ, окружающей Логосъ. Уже изъ этого печальнаго заключенія видно, что введеніе, трактующее о томъ, чего въ огромномъ большинствѣ нашихъ переводовъ, какъ видно изъ послѣдующаго, не оказывается, производитъ впечатлѣніе замѣтки самостоятельной, очень слабо связанной съ главной частью работы. Несомнѣнный интересъ представляетъ эта главная часть: каждому писателю предислана историко-литературная справка, доказывающая хорошее знакомство автора съ исторіей всеобщей литературы, и обстоятельная библиографія новѣйшей ученой литературы; что касается до самаго разбора переводовъ, то онъ почти всегда справедливъ, обличаетъ въ г. Гиляровѣ знатока иностранныхъ языковъ и человѣка съ поэтическимъ чутьемъ, но вызываетъ удивленіе читателя странностью тона и приемовъ автора. Съ какимъ-то злорадовствомъ проф. Гиляровъ всячески трунитъ (порой неудачно) надъ „тьмой, окружающей Логосъ“, въ лицѣ гг. Федорова (переводчика Бо-

жественной Комедіи) и Уварова (переводчика „Неистоваго Роланда“). Стоило ли г. профессору на 31 стр. изощряться въ остроуміи надъ *поэтическимъ переводомъ* г. Федорова, когда одно его четверостишіе даетъ полное понятіе о томъ, чего читатель можетъ ждать отъ переводчика „Божественной Комедіи“:

Отпы постунали тѣхъ, такъ,
Кто, только вакантнымъ являлось
Епископство, тотчасъ ужъ какъ (прима!!)
Жирѣли на этомъ....

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ IV. Отдѣлъ I. Боборыкинъ-Богоявленскій. Отдѣлъ II (Матеріалы для критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ) Вавиловъ-Введенскій. С.-Пб. 1895 г. 262 + 212 стр. Цѣна 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.—Четвертый томъ „Критико-біографическаго словаря“ нѣсколько отличается отъ предыдущихъ трехъ: въ немъ приведено въ исполненіе то видоизмѣненіе въ печатаніи составныхъ частей, о которомъ было заявлено въ предисловіи къ III тому „Словаря“: г. Венгеровъ вводитъ въ свое изданіе новый *второй* отдѣлъ, составляющій въ IV томѣ почти половину книги (212 стр.) и посвященный „Матеріаламъ для критико-біографическаго Словаря“. Эти „Матеріалы“ заключаютъ въ себѣ чисто-фактическія даты, указаніе литературы о данномъ писателѣ и перечень того, что имъ написано. Свои намѣренія г. издатель связываетъ въ предисловіи: „Впоследствии, когда мы дойдемъ до тѣхъ же писателей въ I отдѣлѣ, мы къ сообщенному предварительно въ „Матеріалахъ“ прибавимъ одѣлку литературной дѣятельности“. Такимъ образомъ самый словарь кончается пока фамиліей „Богоявленскій“, а „Матеріалы“—фамиліей „Введенскій (Вавиловъ)“. Изъ критико-біографическихъ статей IV тома выдаются по своему объему и интересу слѣдующія: Боборыкинъ, П. Д. (50 стр.), Богдановичъ, Ин. Ф. (21 стр.), Бобровскій, П. О. (12 стр.), Бобровскій, М. К. (11 стр.), Бобынинъ, В. В. (9 стр.), Богимичъ, В. В. (12 стр.), Боголѣловъ, П. П. (10 стр.) и нѣкоторые другіе. Изъ наиболѣе видныхъ ученыхъ, статьи которыхъ появились въ IV томѣ, назовемъ: проф. Н. И. Веселовскаго, проф. Д. А. Корсакова, Влад. Соловьева, С. К. Булича, проф. Э. К. Грандта и самого издателя С. А. Венгерова, которому принадлежит наибольшее число статей и самая крупная по объему: о Боборыкинѣ. Это—дѣлая монографія любопытная и живая, не личная промаховъ, а, главное, не совсѣмъ подходящая къ Словарю. Словарь служитъ ирежде всего для справокъ; лицу, обращающемуся къ нему, дорога особенно фактическая сторона, — поэтому г. Венгероу лучше бы обстоятельнѣе изложить мнѣнія русской критики о Боборыкинѣ, чѣмъ излагать все время лишь собственные взгляды на дѣятельность нашего романиста: въ этихъ взглядахъ не мало сираведливаго, но много и такого, съ чѣмъ можно спорить. Отмѣтивъ несправедливое отношеніе къ Боборыкину русской критики, не обратившей должнаго вниманія на его литературную дѣятельность, г. Венгеровъ, пользуясь автобіографическою замѣтвой самого Боборыкина, приводитъ рядъ фактическихъ данныхъ изъ его біографіи и литературной жизни и, характеризую его „умственнымъ богатствомъ“, дѣлаетъ большую выписку изъ той же замѣтки

(глава: „Чему и гдѣ я учился“), что даетъ ему возможность уличить въ „гословномъ фырканиѣ“ русскую критику, падавшую на „дилетантизмъ“ Боборыкина. Затѣмъ г. Венгеровъ праступаетъ къ „опредѣленію писательскаго темперамента“ нашего романиста; темпераментъ этотъ оказывается „очень бѣднымъ и блѣднымъ“: въ немъ нѣтъ „страсти и страстности“, нѣтъ „восторга и неизбѣжной спутницы его -- писательской злости“; талантъ г. Боборыкина „по преимуществу экстензивный“, совершенно лишень „интенсивности“, наконецъ, въ темпераментѣ Боборыкина г. Венгеровъ видитъ „полное отсутствіе мечтательности — недостатокъ крупнѣйшій для всякаго писателя, а для писателя русскаго двойной“. Въ новѣсти „Поумнѣтъ“ нашъ романистъ сумѣлъ въ значительной степени отдѣлаться отъ своихъ недостатковъ, — отсюда успѣхъ этого произведенія, по въ слѣдующихъ произведеніяхъ опять, по выраженію г. Венгерова, „пошла обычная боборыкинская канитель“, и „почтенный романистъ опять очутился у разбитаго корыта“. Изъ дѣлаго ряда выисокъ видна, между прочимъ, и своеобразность стиля г. Венгерова; къ достоинствамъ Боборыкина относятъ оны „впечатлительность“, „живость“, „тревожное творчество“ (то-есть, отзывчивость), самостоятельность, „плодовитость“ (не менѣе 70—80 томовъ). Копчаецъ свою статью г. Венгеровъ краткимъ обзоромъ выдающихся произведеній Боборыкина. О Богдановичѣ писалъ г. Арабаджинъ и сумѣлъ дать очень любопытный и обстоятельный очеркъ. Въ числѣ авторовъ втораго отдѣла (нѣкоторыя статьи его тоже довольно обширны, отъ 5 до 9 страницъ), мы встрѣчаемъ имена Я. Н. Колубовскаго, Э. А. Вольтера, Н. М. Тушкова, А. І. Лященко и нѣк. др.

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ вркменъ. Переводъ подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Мядникова. — С.-Пб. 1895. Изданіе Л. Ф. Пантелеева. Т. I, стр. VIII + 376, т. II, стр. 354. Цѣна за оба тома 5 рублей. — Исторія ислама А. Мюллера представляетъ лучшую на нѣмецкомъ языкѣ монографію по исторіи могометанства. Это отнюдь не популярная компиляція, — авторъ, одинъ изъ лучшихъ арабистовъ нашего времени, прекрасно знакомъ со всей обширной литературой предмета и глубоко изучилъ источники. Онъ не только излагаетъ выводы, добытые уже до него, но вноситъ въ исторію ислама много новыхъ результатовъ своихъ собственныхъ изысканій. Благодаря этому, трудъ А. Мюллера пріобрѣтаетъ весьма солидное научное достоинство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе дышетъ такой свѣжестью и корректностью, оно такъ общедоступно, что книгу прочтеть съ удовольствіемъ не только специалистъ, но и простой читатель. Къ сожалѣнію, Мюллеру не удалось довести свой трудъ до конца: смерть слѣшкомъ рано похитила этого даровитаго труженика науки. Онъ умеръ въ 1892 году, 44-хъ лѣтъ отъ роду, успѣвъ дойти только до изгнанія арабовъ изъ Испаніи. Его трудъ былъ роскошно изданъ въ двухъ томахъ въ извѣстной коллекціи Опкена. Изданіе украшено массой гравюръ, снимками съ рукописей, видами различныхъ мѣстностей, портретами историческихъ дѣятелей и т. п. Мысль перевести сочиненіе Мюллера на русскій языкъ нельзя не встрѣтить съ сочувствіемъ. Россія всегда имѣла ближайшія сношенія съ мусульманскими Востокомъ, а между тѣмъ до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было ни одного хорошаго труда, который бы обнималъ всю исторію ислама, хотя бы до того предѣла,

до коего доведена работа Мюллера. Переводъ, редактированныйъ приватъ-доцентомъ Н. А. Мѣдниковымъ, отличается точностью и хорошимъ литературнымъ языкомъ. До сихъ поръ вышли въ свѣтъ два тома русскаго изданія, которые доходятъ до завоеванія Багдада монголами. Въ скоромъ времени ожидается окончаніе перевода. Надо замѣтить, что съ вѣншей стороны русское изданіе значительно уступаетъ вѣмецкому: всѣ иллюстраціи выпущены. Но мы не можемъ за это сѣтовать на издателя. Русская книга серьезнаго историческаго содержанія не можетъ рассчитывать на особенно большой кругъ читателей, такъ что, еслибы г. Пантелеевъ погнался за иллюстраціями, то ему пришлось бы назначить непомерно высокую цѣну, и тогда многіе были бы не въ состояніи приобрести книгу. Изъ двухъ золъ приходится, конечно, выбирать меньшее: лучше ужъ изданія неизящныя, чѣмъ роскошныя, но недоступныя по цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ г. Пантелеевъ переводомъ „Исторіи ислама“ А. Мюллера сдѣлалъ не малый вкладъ въ нашу литературу по исторіи мусульманства, и можно надѣяться, что эта книга встрѣтитъ самый сочувственный приемъ со стороны русской публики.

Въ теченіе апрѣля въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— Русская Историческая Библиотека. Томъ пятнадцатый (сборный). I. Русскіе акты Ревельскаго городского архива. II. Кормленая книга Костромской чети 1613 — 1627. III. Кабальные Новгородскія книги 1597 и 1599 — 1600. IV. Судное дѣло чувашъ Симбирскаго уѣзда. V. Наказъ Афанасію Филипповичу Пашкову на воеводство въ Даурской землѣ 1655. VI. Наказъ Пазухинымъ, посланнымъ въ Бухару, Балхъ и Юргентъ 1669. С.-Пб. 1894.

— *М. Халанскій*. Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Сравнительныя наблюденія въ области героическаго эпоса южныхъ славянъ и русскаго народа. III. Варшава.

— *Викторъ Юшкевичъ*. Ученія пандектъ: о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, и сочиненія римскихъ землемеровъ. (Выпускъ 1-й). С.-Пб.

— Описаніе 432-хъ рукописей, принадлежащихъ С.-Петербургской Духовной Академіи и составляющихъ въ первое по времени собраніе. Составилъ библ. *Алексій Родосскій*. С.-Пб. 1894.

— Обзоръне столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая. Документы воеводскаго управленія. Составилъ *Н. Н. Олбалинъ*. Москва.

— Суворовъ на Трѣбии въ 1799 году. Сообщеніе профессора военнаго искусства генеральнаго штаба полковника *Н. А. Орлова*. Второе изданіе, добавленное копіями съ подлинныхъ документовъ. Цѣна 1 р. 50 к. С.-Пб.

— *В. Бузескувъ*. Афинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Делія до конца V вѣка. Харьковъ.

— Русская периодическая печать 1703 — 1894 г. (Библиография и графическія таблицы). Составилъ и издалъ *Н. М. Лисовскій*. Отдѣлъ 1. Библиография русской периодической печати. Отдѣлъ 2. Графическія таблицы русской периодической печати. Вып. I. С.-Пб.

— *Ф. Мартенсъ*. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Томъ XI. Трактаты съ Англіею. 1801 — 1831. С.-Пб. 1895.

— *А. С. Хахановъ*. Очерки по исторіи грузинской словесности. Москва. 1895.

— *Н. Г. Дебольскій*. Философія феноменальнаго формализма. Цѣна 1 р. 50 коп. С.-Пб.

— *Т. Рыбо*. Изслѣдованіе аффективной памяти. Переводъ съ французскаго *Е. Максимовой*. Изъ журнала *Образованіе*. Цѣна 25 к. С.-Пб.

— *Н. М. Дроздовъ*. Къ вопросу о религіозно-нравственномъ значеніи классической системы образованія. Кіевъ.

— Хозяинъ и работникъ. Повѣсть графа *Льва Николаевича Толстого*. Съ портретомъ и факсимиле автора. С.-Пб.

— *Omnis romanus victus. Chrestomathia latina cum progymnasmatis, vocabulario, grammatica, lexico, in usum tironum scripta*. Римскій міръ въ картинкахъ. Начальная латинская хрестоматія съ предварительными упражненіями, вокабуларіемъ, грамматикой и словаремъ. Составили *А. Адольфъ* и *С. Любомудровъ*. Часть I. Курсъ перваго класса. Москва.

— Завѣтъ царя Петра. Сочиненіе графа *Петра Кутузова* (публициста). С.-Пб.

— Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемые подъ редакціею секретаря Общества. Томъ XXX. 1894. Выпускъ VI. С.-Пб. 1894.

6

— —

ОРГАНИЧЕСКИЙ НЕДУГЪ СОВРЕМЕННОЙ ГИМНАЗИИ.

Въ государственномъ порядкѣ общественной жизни дѣло народнаго образованія по преимуществу есть учебное дѣло. Задача этого послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы упорядочить тѣ средства, которыя имѣются въ обществѣ для его образованія и обезпечить каждому возможность пользоваться тѣми или другими изъ нихъ, для приобрѣтенія потребныхъ знаній и умѣній. Такъ слагается система учебнаго дѣла, развиваясь въ которой исторически, оно является органическимъ дѣломъ, или организмомъ, отдѣльные органы котораго,—разныя учебныя заведенія, имѣють въ немъ каждое свою опредѣленную функцію.

Задача гимназій, опредѣляемая органическимъ положеніемъ ея въ учебной системѣ, состоитъ въ томъ, чтобы доставлять учащимся такое умственное и вообще духовно-нравственное образованіе, по силѣ котораго они были бы расположены и способны къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ въ университетѣ. Между тѣми уже давно гимназія получила значеніе учебнаго заведенія, имѣющаго цѣлью давать учащимся прежде всего „общее образованіе“ и только „вмѣстѣ съ тѣмъ“, какъ сказано, напримѣръ, въ уставѣ австрійскихъ гимназій, „приготовлять ихъ къ университетскому ученію“ (*zugleich für das Universitätsstudium vorzubereiten*). При этомъ, хотя успѣхъ гимназическаго ученія принято опредѣлять приобрѣтеніемъ чрезъ него учащимися „умственной зрѣлости“, необходимой для университетскаго ученія, однако, непосредственно неизвѣстно, чрезъ какую именно функцію гимназій, какъ органа учебнаго дѣла, долженъ получаться феноменъ умственной зрѣлости учащихся — чрезъ ту-ли, по силѣ которой она есть

школа „общаго образованія“, или чрезъ ту, по силѣ которой она есть школа, приготовляющая къ университету.

Понятіе умственной зрѣлости, само по себѣ, есть простой *no-умень*, или чисто трансцендентальное понятіе; конкретно, какъ феноменъ, оно должно быть выражаемо въ какихъ либо опредѣленныхъ знаніяхъ и умѣніяхъ учащихся. Чрезъ занятія какими науками и чрезъ приобрѣтеніе какихъ знаній можетъ быть наживаема учащимися требуемая зрѣлость,—это есть вопросъ, съ которымъ издавна уже связана судьба гимназій, при томъ въ томъ именно смыслѣ, ей-ли именно быть учебнымъ заведеніемъ, приготовляющимъ къ университету, или эта функція ея въ организмѣ всего учебнаго дѣла должна разложиться на разныя учебныя заведенія. Одни думаютъ, что существуютъ нѣкоторыя знанія и умѣнія, которыя суть абсолютныя и какъ бы самодѣйствующія средства умственной зрѣлости, другіе утверждаютъ, что съ движеніемъ наукъ, какъ онѣ культивируются въ университетахъ, необходимая для занятія ими умственная зрѣлость можетъ быть приобрѣтаема чрезъ усвоеніе только такихъ знаній и умѣній, которыя соотвѣтствуютъ данному состоянію наукъ.

Это разномысліе и есть прежде всего выраженіе разстройства современной гимназій, какъ отдѣльнаго органа учебнаго дѣла. Когда этого разстройства не было, не было ни колебанія, ни спора о томъ, чему слѣдуетъ учить въ школахъ, приготовляющей къ университетскому ученію. Потому теперь, хотя гимназія продолжаетъ существовать какъ самостоятельное учебное заведеніе, все болѣе и болѣе замѣчается ослабленіе ея органической функціи въ учебномъ дѣлѣ, такъ что въ настоящее время она является какъ бы атрофированнымъ его органомъ.

Еще выраженіе недуга гимназій, какъ органа учебнаго дѣла, состоитъ въ томъ, что гимназическое ученіе все болѣе и болѣе чувствуется теперь частію какъ излишнее и ненужное для нѣкоторыхъ, вообще же какъ непосильное для большинства учащихся. Отсюда вопросъ о гимназической реформѣ, давно уже занимающій собою умы какъ частныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ. Вопросъ не снятъ съ очереди и до настоящаго дня, не смотря на то, что недавно гимназическая реформа произведена почти одновременно (1890 — 1891 г.) въ трехъ государствахъ: во Франціи, въ Пруссіи и у насъ въ Россіи. Сравненіе этихъ реформъ, хотя и указываетъ на большое различіе тамъ и здѣсь вообще учебнаго дѣла, какъ въ его внутреннемъ составѣ, такъ и въ социальномъ положеніи, но въ то же время убѣждаетъ и въ томъ, что всѣ эти реформы одинаково были

направлены существеннымъ образомъ на указанный выше признакъ или симптомъ современнаго недуга гимназіи, то-есть, на обременительность гимназическаго ученія. Приняты разныя мѣры, придуманы разныя средства, и всѣ они имѣютъ въ виду одну задачу—облегченіе или упрощеніе гимназическаго ученія. Но не говоря о томъ, что мѣры и средства, придуманныя теперь противъ обремененія гимназическаго ученія, сами по себѣ не всѣ одинаково цѣлесообразны, а нѣкоторыя даже прямо губельны для дѣла гимназіи, общій существенный недостатокъ послѣднихъ реформъ гимназическаго ученія состоитъ именно въ томъ, что онѣ направлены не на самый недугъ, а на его явленіе. Обременительность гимназическаго ученія есть собственно только симптоматическое явленіе того конституціоннаго недуга, которымъ страдаетъ теперь это учебное заведеніе, (какъ живой органъ учебнаго дѣла. Потому лѣчить современную гимназію должно такими средствами, которыя дѣйствовали бы на всю ея конституцію, возстановляя силы этого органа по связи его функций съ функциями другихъ органовъ: тогда указанный симптомъ недуга гимназіи исчезнетъ самъ собою, то-есть, не будетъ чувствоваться въ ней самой и не будетъ отражаться на функцияхъ другихъ органовъ учебнаго дѣла.

Съ тѣхъ поръ какъ вмѣсто того, чтобы руководить гимназіею по смыслу того простаго отношенія, въ которомъ и исторически и по существу дѣла она находится къ университету, стали руководиться относительно ея соображеніями объ общемъ образованіи—съ нею вступили въ конкуренцію разныя другія учебныя заведенія. И это вполне естественно, потому что общее образованіе можетъ быть достигаемо разными средствами. Но конкурируя съ гимназіею въ доставленіи своимъ ученикамъ общаго образованія, нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній, не безъ основанія опираясь при этомъ на успѣхъ свой въ этой конкуренціи, давно уже претендуютъ и на приготовленіе своихъ учениковъ къ университету ¹⁾.

Такъ какъ учебныя заведенія, претендующія на приготовленіе своихъ учениковъ къ университету, конкурируютъ съ гимназіею на почвѣ общаго образованія, то втягивая въ конкуренцію съ собою въ этомъ дѣлѣ и гимназію, они заставляютъ ее чрезъ мѣру усиливать въ себѣ полиматическій элементъ. Въ этомъ отношеніи вполне основательно замѣтилъ недавно Улихъ, что если цѣлью гимназіи считать,

---

¹⁾ Рѣчь идетъ, конечно, объ обществѣ, желающемъ, чтобы ученики этихъ заведеній имѣли право поступать въ университетъ.

такъ называемое, „общее образование“, то приходится непрерывно увеличивать въ ней число учебныхъ предметовъ (*Das Humanistische Gymnasium 1894*, II—III. 138).

Дѣйствительно, современная гимназія, въ ущербъ своему прямому дѣлу, втянута въ конкуренцію чуть не со всѣми, такъ называемыми у насъ, средними учебными заведеніями—съ женскими институтами, съ кадетскими корпусами и т. д. Сравниваютъ, напри- мѣръ, успѣхи гимназистовъ въ новыхъ языкахъ съ успѣхами въ нихъ учениковъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они культиви- руются всего болѣе, и смотря на нихъ, съ извѣстной точки зрѣнія, какъ на существенный элементъ общаго образованія, требуютъ, чтобы гимназія культивировала этотъ предметъ также, какъ культивируютъ его эти учебныя заведенія. Нерѣдко требуютъ отъ нея этого даже въ ущербъ учебнаго времени на занятія древними языками, даже просто на мѣсто древнихъ языковъ, какъ это, напри- мѣръ, сдѣлано кое-гдѣ въ Германіи, въ устроенной, впрочемъ въ видѣ опыта, такъ называемой *einheitliche Gymnasium*. Конечно, это пока еще край- ность, но вообще, при господствѣ мнѣнія, что гимназія должна до- ставлять учащимся общее образованіе, ничего другаго не можетъ и быть, какъ съ одной стороны—конкуренція съ нею въ этомъ отно- шеніи другихъ учебныхъ заведеній, а съ другой—банкротство гим- назіи въ ея собственномъ дѣлѣ. Если общее образованіе, въ которомъ съ успѣхомъ конкурируютъ съ гимназіею разныя другія учебныя за- веденія, достигается каждымъ изъ нихъ своими средствами, безъ древнихъ языковъ, то можно только удивляться, что эти послѣдніе доселѣ еще не вовсе выброшены изъ гимназической программы. Но уже и теперь, не только въ обществѣ, но и въ средѣ самого учеб- наго міра, они считаются довольно излишними. Такое положеніе дѣла будетъ продолжаться дотолѣ, пока въ умахъ не возымѣетъ силу то истинное мнѣніе, что, по смыслу историческаго развитія всего орга- низма учебнаго дѣла, гимназія имѣетъ въ немъ мѣсто собственно какъ школа, приготовляющая своихъ учениковъ къ академическому ученію въ университетѣ. А пока будутъ держаться того мнѣнія, что гимназія призвана прежде всего давать своимъ ученикамъ общее образованіе, дотолѣ будутъ не усовершенствовать ея положеніе въ общей учебной системѣ, соотвѣтственно условіямъ даннаго времени, а какъ доселѣ—только производить надъ нею разнообразныя экспе- рименты, въ ущербъ и ей самой и всему учебному дѣлу.

Образованіе, безъ сомнѣнія, есть такъ же нѣкоторый факторъ индивидуальности, какъ темпераментъ, характеръ, талантъ и другое подобное. Такое значеніе образованія особенно ясно выступаетъ въ ученіи, которое есть одно изъ наиболѣе широкихъ его средствъ. Учитъ значить передавать знанія о предметахъ и явленіяхъ и руководитъ въ практическомъ употребленіи этихъ знаній—это есть *преподаваніе* и *упражненіе* въ преподаваемомъ. Такъ создаваемое образованіе прежде всего, конечно, есть производитель индивидуальности. И Гербартъ былъ совершенно правъ, когда, смотря на процессъ образованія чрезъ ученіе съ психологической стороны, представлялъ его по существу въ формѣ бинарныхъ или подвойныхъ отношеній учителя къ ученикамъ. Съ этой точки зрѣнія основательно разсуждалъ бы тотъ, кто утверждалъ бы, что коллективное ученіе въ школахъ существуетъ только вслѣдствіе численнаго недостатка учителей на каждого учащагося и что по существу учебнаго дѣла каждый, подлежащій ученію, долженъ имѣть своего собственнаго учителя.

Но въ составъ образованія входитъ понятіе, не только о знаніи и умѣніи, приобретаемыхъ чрезъ ученіе, но и о нѣкоторой внутренней, духовной формации учащихся. И если знанія и умѣнія со временемъ исчезаютъ, образованіе остается какъ духовное достояніе человѣка, опредѣляющее его личность. Оно ее возвышаетъ и облагораживаетъ. Это и есть одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ стремленія къ образованію, быть можетъ, даже болѣе древній, чѣмъ всѣ другіе. Во всякомъ же случаѣ, образованіе есть явленіе этического происхожденія. Обыкновенно говорятъ объ образованіи, какъ о производителѣ для людей нѣкоторыхъ благъ, но оно не было бы производимымъ никакого блага, еслибы само не было благомъ, не сознавалось бы какъ нѣчто такое, что прежде всего другаго согласно съ человѣческимъ достоинствомъ. По крайней мѣрѣ, только чрезъ мысль о благѣ можно понять и представить въ истинномъ свѣтѣ ту великую образовательную работу вѣковъ и народовъ, которая простирается на всѣ, какъ матеріальныя, такъ и духовныя интересы человѣческой жизни. Согласно съ этимъ, между тѣмъ какъ знанія и умѣнія и другіе элементы, входящіе въ составъ образованія, обязаны своимъ происхожденіемъ, большею частью, индивидуальнымъ умамъ, образованіе есть достояніе всѣхъ. Съ этой соціально-этической точки зрѣнія, оно есть капиталъ, накопленный предками, умножаемый современниками и переходящій къ потомству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ этомъ смыслѣ Вильманъ говоритъ, что „быть образованнымъ значить

быть однимъ изъ образованныхъ“ (Didakt. I, 22; II, 457). Это значить, что образованіе, какъ благо, для каждаго въ отдѣльности возможно только какъ для члена общества, существующаго исторически, или—что только въ обществѣ даны условія самой возможности этого блага. Въ этомъ-то смыслѣ образованіе прежде всего должно быть названо *общимъ*, не смотря на крайнее различіе его содержанія въ индивидуахъ по степенямъ и видамъ.

Но не трудно также найти и то общее учебное содержаніе, которое соотвѣтствуетъ искомому общему образованію. Несомнѣнно, что есть нѣкоторыя основныя знанія, умѣнья и нѣкоторый общій складъ пониманія, или умственного отношенія къ предметамъ познанія, которые составляютъ необходимое предположеніе образованія во всѣхъ разнообразныхъ его видахъ. Въ виду этихъ-то основныхъ элементовъ, на которыхъ держится всякое образованіе, и по содержанію оно, конечно, есть въ нѣкоторой степени нѣчто общее. Если все человѣческое образованіе, по его содержанію, раздѣлить на образованіе, соотвѣтствующее долгу, достоинству и благополучію человѣка, то въ каждой изъ этихъ областей можно указать на такіе элементы, усвоеніе коихъ составляетъ необходимое предположеніе всякаго такого образованія. Такъ, напримѣръ, въ области, соотвѣтствующей благополучію—области разнаго рода умѣній, техническихъ и вообще прикладныхъ знаній, умѣнье читать, писать, считать—суть тѣ основныя умѣнья, которыя составляютъ необходимое предположеніе всякаго, какъ собственно техническаго, такъ даже и вообще образованія. Или въ области образованія, соотвѣтствующаго долгу человѣка,—области религіознаго и историко-патріотическаго содержанія, знаніе основныхъ положеній церковнаго вѣроученія, знакомство съ дѣлами своихъ предковъ и съ исторіею своего народа, знаніе формы верховной власти, которой подчиненъ, своихъ обязанностей къ ней, правъ своего гражданскаго положенія и другое подобное—все это также общія и основныя знанія, входящія въ содержаніе всякаго возможнаго въ этой области образованія,—элементы прочныя и не теряющіе своего значенія для образованія, при какомъ бы то ни было обширномъ развитіи даннаго его содержанія. Или, наконецъ, въ области формально-эстетическаго образованія, соотвѣтствующаго достоинству человѣка, отличіе пристойнаго отъ непристойнаго, прекраснаго отъ безобразнаго и др.—въ предѣлахъ естественныхъ порядковъ жизни и необходимыхъ сношеній съ людьми—составляетъ то предположительное знаніе, которое, какъ содержаніе формально-эстетическаго образованія,

есть въ немъ общій элементъ образованія, соотвѣтствующаго достоинству человѣка.

Но въ другомъ смыслѣ понимаютъ общее образованіе, какъ нѣкоторую специальную задачу школьнаго ученія. Оно должно, говорятъ, образовать *человѣка*, по возможности, внѣ всякаго отношенія къ положенію его въ ряду другихъ людей и къ настоящей или будущей его дѣятельности. Требуютъ отъ ученія какого-то такого акта, который былъ бы *третьимъ* рожденіемъ человѣка, послѣ естественнаго рожденія его отъ отца и матери въ бракѣ и благодатнаго рожденія отъ Духа святаго въ крещеніи. Дѣло идетъ объ образованіи возможно „полнаго и свѣтлаго самопознанія“ человѣка, чрезъ развитіе путемъ ученія „всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ способностей и силъ человѣческихъ“. Дѣло очень мудреное. Гдѣ то ученіе и гдѣ тѣ науки, которыми бы достигалось искомое общее образованіе, въ смыслѣ полнаго и свѣтлаго человѣческаго сознанія, изъ собственнаго содержанія котораго человѣкъ непосредственно опредѣлялъ бы себя въ отношеніи къ міру, избирая въ немъ соотвѣтствующую себѣ дѣятельность? Задача эта по истинѣ ужасная. Кажется даже, нельзя найти еще другаго столь же рѣшительнаго средства разрушить какую угодно школу, какъ навязавъ ея учебному дѣлу непосредственно эту колоссальную задачу!..

Въ школьномъ порядкѣ, какъ дѣло учебное, общее образованіе отличается отъ specialнаго тѣмъ, что между тѣмъ какъ specialное замыкается кругомъ понятій одной какой-либо области знанія и умѣнья, общее образованіе ищетъ элементовъ общедоступныхъ и общегодныхъ въ разныхъ областяхъ и даже не различаетъ ихъ по этимъ областямъ такъ сосредоточенно, какъ они различаются въ интересахъ specialнаго образованія. Но въ органическомъ порядкѣ учебнаго дѣла съ *интересами* общаго образованія не соединяется непосредственно какой либо опредѣленный типъ учебныхъ заведеній, чрезъ которыя бы оно было производимо какъ чрезъ самостоятельный органъ всей учебной системы. Различіе типовъ школъ и видовъ одного типа зависитъ отъ ближайшихъ цѣлей искомаго въ нихъ образованія, *интересы* же общаго образованія имѣютъ мѣсто во всѣхъ нихъ. Даже сами specialныя заведенія проявляютъ наклонность и находятъ полезнымъ для себя связывать свое дѣло съ *интересами* общаго образованія. (Объ этомъ см. разнообразныя историческія указанія въ сочиненіи: Die Universitäten und technischen Hochschulen, von Egon Zöllner. 1891).

Потому, несомнѣнно, основательнѣе поступаютъ тѣ, которые говорятъ не объ общемъ образованіи, а объ общихъ цѣляхъ образованія. Чрезъ это не исключается общее образованіе, и какъ фактъ, и какъ понятіе, съ которыми слѣдуетъ считаться при разсужденіи объ образованіи, но устраняется та совершенно неправильная мысль, что учебныя заведенія того или другаго типа или категории должны быть какими-то спеціальными школами общаго, при томъ еще высшаго, образованія, какъ давно уже уродуютъ въ этомъ смыслѣ гимназій, какъ органъ учебной системы. Общія цѣли образованія суть тѣ переходящія за предѣлы всякаго рода знаній и умѣній высшіе интересы человѣческаго духа, изъ-за которыхъ собственно и поднята имъ въ исторіи вся эта великая образовательная работа. Не только какая нибудь школа, не только вся система ихъ въ то или другое время, но всѣ школы вмѣстѣ, какія были, есть и будутъ, не въ состояніи удовлетворить этимъ интересамъ такъ цѣлостно, чтобы учившіеся въ школахъ не искали уже ихъ по выходѣ изъ школъ... „Возможно полное для человѣка и свѣтлое самопознаніе“—да вѣдь это конецъ самой энергіи образованія! Самопознаніе, да еще полное и свѣтлое—вѣдь это познаніе всего міра, ибо только отличая свое я отъ міра, иначе—зная міръ во всѣхъ его элементахъ, системахъ, функціяхъ и законахъ, можно знать себя самого. Должно надѣяться, что это знаніе откроется людямъ за предѣлами этого міра, ясно и просто, безъ всякаго ученія, но не въ этомъ мірѣ, не въ стѣнахъ какой бы то ни было школы. Такимъ образомъ, не ученье въ школѣ, какъ нѣкоторое рожденіе человѣка въ этотъ міръ, а только смерть, прекращеніе всѣхъ учебныхъ отношеній къ міру дастъ ему, быть можетъ, „возможно-полное и свѣтлое самопознаніе!“.

Но и здѣсь, на землѣ, есть что дѣлать въ виду общихъ цѣлей образованія. Требуется учить тому, что кому нужно знать и умѣть, согласно съ его возрастомъ, положеніемъ и ближайшими цѣлями искомаго образованія; но при всякомъ такомъ ученіи, во всякой соотвѣтствующей даннымъ требованіямъ школѣ дѣло должно быть ведено такъ, чтобы изъ-за сообщаемыхъ учащимся какихъ бы то ни было знаній и умѣній не забывались общія цѣли образованія. Думать же, что есть или должны быть какія-то особенныя школы, владѣющія абсолютными средствами доставленія учащимся полнаго и законченнаго общаго образованія, это значить считать эти школы факторами того, что—и то только въ нѣкоторой своей части—есть искомое всего учебнаго дѣла, такъ какъ оно само есть только одинъ изъ путей

той образовательной работы челоѣческаго духа, которая никогда не кончится...

Образованіе черпаетъ свое содержаніе изъ разныхъ областей знанія и умѣнья. Хотя каждый элементъ данныхъ знаній и умѣній самъ по себѣ относится, несомнѣнно, къ области какой либо науки или искусства, однако не всякое усвоеніе ихъ чрезъ ученіе соотвѣтствуетъ интересамъ истинно ученаго или художественнаго образованія. Но послѣднее оставимъ здѣсь въ сторонѣ. Есть образованіе ученое, есть образованіе свѣтское или мірское. Различіе между ними зависитъ отъ различія интересовъ, соединяемыхъ съ ученіемъ, и выражается въ способѣ усвоенія знаній. Ученое образованіе слагается изъ знаній, которыя должны опираться въ сознаніи учащагося на идеальныя основы истины; согласно съ этимъ, и самое ученіе ведется здѣсь такъ, чтобы и механическое усвоеніе изучаемаго, если оно по условіямъ неизбѣжно, мало по малу переходило въ теоретическое его пониманіе. Свѣтское образованіе ограничивается болѣе или менѣе механическимъ усвоеніемъ знаній, довольствуется эмпирическимъ пониманіемъ изучаемыхъ явленій. Такимъ образомъ ученое образованіе, по существу дѣла, есть образованіе сосредоточенное; свѣтское же наклонно къ полиматіи и во всѣхъ видахъ своихъ и степеняхъ есть болѣе или менѣе энциклопедическаго характера. Такъ какъ въ школьномъ порядкѣ, какъ дѣло учебное, общее образованіе, какъ уже сказано, слагается изъ элементовъ общедоступныхъ и общегодныхъ, относящихся къ разнымъ областямъ знанія, то оно естественно есть всегда болѣе или менѣе полиматическое и вообще энциклопедическаго характера. Потому школы свѣтскія, или тѣ, въ коихъ знанія преподаются не въ интересѣ ученаго образованія, если онѣ не спеціальныя, необходимо суть школы общаго образованія въ смыслѣ энциклопедическаго. Такова народная школа въ разныхъ ея видахъ и возвышающіяся надъ ея задачами, такъ называемыя, среднія школы, какъ мужскія такъ и женскія.

Полиматія, чрезъ которую достигается въ этихъ школахъ тотъ или другой уровень общаго образованія, естественно находитъ себѣ мѣсто и въ гимназій, если цѣлью гимназическаго ученія считаютъ непосредственно общее образованіе. Но чѣмъ болѣе гимназія увлекается чрезъ это въ сторону школъ свѣтскаго образованія, гдѣ властвуетъ полиматія, тѣмъ менѣе она сохраняетъ свое историческое назначеніе быть ученою школою (*gelehrte Schule*) и свое органическое положеніе какъ вообще въ системѣ учебныхъ заведеній, такъ и въ

отдѣльности, въ отношеніи къ университету. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ теперь? Многіе профессора университетовъ жалуются на неподготовленность студентовъ къ университетскому учению: филологи—на неподготовленность ихъ къ филологическимъ студіямъ (Виламовичъ—*Möblendorff—Philologie und Schulreform. Göttingen. 1892*); естественники—на неподготовленность ихъ къ наблюденіямъ изучаемыхъ явленій, на неумѣніе ихъ ни видѣть, ни слышать, ни обонять (Вирховъ—*Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts. Berlin. 1891* стр. 120); историки—на неподготовленность ихъ по историческому пониманію (Трейчке—*Die Zukunft des Deutschen Gymnasiums. Leipzig. 1890*, стр. 26 и сл.); иные—на неумѣніе ихъ излагать свои мысли на родномъ языкѣ, такъ что профессоръ не хуже учителя роднаго языка принужденъ скучать за поправленіемъ письменныхъ работъ студентовъ по наукамъ (Гельмгольдъ—*Verhandlungen etc. 205*); всѣ же вообще—на ученическое отношеніе къ дѣлу, на механическое усвоеніе знаній и равнодушіе къ интересамъ науки. Вспомянуть ли при этомъ тѣ несообразности въ познаніяхъ не только абитуриентовъ гимназій, но и учителей, которыя были такъ щедро указаны въ „Приложеніи къ № 1 (1893 г.) циркуляра по С.-Петербургскому учебному округу“? Явно, что между гимназією съ энциклопедическимъ строемъ ея ученія, въ интересѣ общаго образованія, и университетомъ, съ его учеными интересами знанія, существуетъ теперь какъ бы нѣкоторая пропасть, которая замѣтно все болѣе и болѣе увеличивается.

Прежде было не такъ. Прежде гимназія находилась въ непосредственной и, такъ сказать, — непрерывной связи съ университетомъ. Хотя исторія свидѣтельствуетъ о разнообразныхъ путяхъ происхожденія первыхъ университетовъ, но на всѣхъ этихъ путяхъ они такъ или иначе были органически связаны съ приготовительною къ нимъ школою. Явленіе это совершенно исчезаетъ при взглядѣ на положеніе въ организмѣ учебнаго дѣла современныхъ университетовъ и гимназій. Здѣсь часто не видно, въ какомъ отношеніи, какъ органы учебнаго дѣла, находятся между собою университеты и низшія учебныя заведенія. Другое дѣло университетъ, какъ историческое порожденіе энергіи образованія, какъ органъ духовной жизни, а не какъ учрежденіе только административное¹⁾. Здѣсь наблюденіе открываетъ,

¹⁾ Изложенныя ниже фактическія данныя и нѣкоторыя мысли заимствованы изъ 1-й части „Дядактивки“ Вильмана: *Die geschichtlichen Typen des Bildungswesens.*

что нѣкоторыя изъ низшихъ школъ (Dom-Katheder-schulen) сами были органическими зародышами университетовъ. Такъ произошли, напримѣръ, университеты Кембриджскій и Парижскій. Хотя другіе университеты слагались болѣе самостоятельнымъ образомъ, однако также изъ матеріала и силъ, которые заготовлялись для нихъ въ низшихъ школахъ. При томъ всё они—не только тѣ, которые сами выростали, такъ сказать, изъ этихъ школъ, но и тѣ, которые были новымъ насажденіемъ и слагались непосредственно, не отстраняли отъ себя низшей школы и не отрывались отъ этого корня, на которомъ внутренно держались. Напротивъ, чѣмъ опредѣленнѣе становилась низшая школа къ университету, какъ приготовительная къ нему, тѣмъ болѣе университетъ принималъ мѣръ къ ея надлежащей устойчивости рядомъ съ собою. Именно, развиваясь самостоятельно въ научномъ отношеніи, университеты старались подойти ближе и стоять въ непрерывныхъ, такъ сказать, отношеніяхъ съ низшей школой чрезъ устройство коллегій, бурсъ, кодерій и подобныхъ корпорацій, имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать университетскимъ слушателямъ стоять всегда на надлежащей высотѣ ихъ призванія, какъ умственно, такъ и нравственно. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ такого рода корпораціи переселили собою прочія стороны развитія университетской жизни и какъ бы поглотили въ себѣ раздѣленіе университетовъ на факультеты; въ Парижѣ Сорбонская коллегія уже въ XV вѣкѣ развилась, какъ самостоятельное учебное учрежденіе, рядомъ съ университетомъ; въ Германіи же нѣкоторыя изъ таковыхъ коллегій, напримѣръ, въ Кельнѣ, развивались наиболѣе въ смыслѣ приготовительныхъ заведеній къ университету. Потребность университетовъ имѣть въ органической связи съ собою приготовительную школу сознавалась вообще такъ ясно, что въ Англіи, напримѣръ, вмѣстѣ съ основаніемъ университетскихъ коллегій, получившихъ здѣсь, какъ сказано, развитіе въ сторону собственно университетскаго ученія, основывались и подготовительныя къ нимъ школы. Такъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ основаніемъ въ Оксфордѣ коллегіи New college Винчестерскимъ епископомъ (въ 1386 г.) въ самомъ Винчестерѣ была основана имъ же приготовительная для нея школа; равнымъ образомъ знаменитая Итонская школа была основана королемъ Генрихомъ VI одновременно съ основанною имъ Kings—College въ Кембриджѣ (въ 1441 г.). Точно также и Парижскій университетъ еще въ XIII вѣкѣ имѣлъ подъ своимъ руководствомъ много приготовительныхъ къ нему школъ какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. То же было и въ другихъ

государствахъ. У насъ въ Россіи, въ первое время существованія нашихъ университетовъ, низшія, приготовительныя къ нимъ школы находились также въ болѣе непосредственной связи съ ними, чѣмъ теперь; онѣ даже управлялись ими, и это, конечно, было гораздо лучше какъ для школъ, такъ и для самихъ университетовъ.

Одновременное возникновеніе школъ университетскаго ученія и низшихъ, приготовляющихъ къ нему, нельзя разсматривать, какъ нѣчто случайное въ организаци учебнаго дѣла, какъ проявленіе только личнаго взгляда; напротивъ, это есть естественное и необходимое выраженіе органическаго отношенія между разными частями всего учебнаго образованія. Смыслъ этого отношенія тотъ, что какъ университетское ученіе невозможно безъ предшествующаго ему нѣкотораго школьнаго ученія, такъ и это школьное ученіе не имѣетъ значенія отдѣльно отъ него или внѣ его, а оба вмѣстѣ составляютъ въ организмѣ учебнаго дѣла такое *сочлененіе*, въ которомъ каждый членъ живетъ и дѣйствуетъ согласно и взаимно съ другимъ.

Это органическое отношеніе между университетскимъ и приготовительнымъ къ нему школьнымъ ученіемъ въ эпоху возрожденія наукъ не только не измѣнилось, но еще рѣзче выразилось и опредѣлилось. Дѣло въ томъ, что основные предметы ученія въ средне-вѣковыхъ университетахъ, особенно первоначально, были тѣ же, что и въ тѣхъ школахъ, изъ которыхъ, или на почвѣ успѣха которыхъ они выросли. Это именно теологія и *artes liberales*. Раздѣленіе университета въ средніе вѣка на факультеты представляетъ только нѣкоторое обособленіе *artium liberalium* отъ теологіи и нѣкоторое развитіе въ то же время римскаго права и врачебнаго искусства — предметовъ, которые также преподавались въ нѣкоторыхъ, особенно итальянскихъ университетахъ. А такъ какъ *artes*, какъ сказано, были также учебнымъ матеріаломъ и школъ, на почвѣ которыхъ такъ или иначе выросли университеты, то явно, что въ учебномъ матеріалѣ того времени не было основанія для какой нибудь особой организаци приготовительной къ университету школы. Университеты чрезъ свои *ordines artistarum* сами нѣкоторымъ образомъ исполняли также функцію приготовительной къ себѣ школы, чтó и выражается въ тезисѣ: *universitas fundatur in artibus*. Въ эпоху возрожденія, съ развитіемъ учебнаго содержанія самихъ *artium*, вслѣдствіе внесенія въ него соотвѣтствующихъ элементовъ изъ древности и съ наибольшимъ обособленіемъ наукъ другихъ факультетовъ, приготовительная школа къ университетскому ученію формируется уже наиболѣе опредѣленнымъ

образомъ. То была такъ называемая латинская школа, которая въ учебномъ своемъ содержаніи сложилась изъ основныхъ, собственно *школьныхъ* элементовъ факультета *artistarum*. Самъ же факультетъ этотъ мало-по-малу сталъ философскимъ факультетомъ. Состоя по учебному своему содержанію изъ интерпретаціи древнихъ авторовъ и изъ „свободныхъ“ наукъ, въ томъ числѣ и изъ математическихъ, онъ сперва разсматривался также какъ начало и корень другихъ факультетовъ, „*Ursprung und Stamm der anderen Facultäten*“ (*Paymerъ, Gesch. d. Pädag., I, 353*); но съ теченіемъ времени сравнялся съ прочими факультетами и по научному своему содержанію нерѣдко являлся даже какъ бы доминирующимъ среди ихъ. А латинская школа мало-по-малу превратилась въ позднѣйшую гимназію. Но явно, что въ общей организаціи ученаго образованія, какъ она слагалась исторически, латинская школа, какъ органъ всей системы, функционировала только нѣкоторую часть той задачи, которая лежитъ теперь на гимназій—приготовленіе къ университетскому ученію; другую важнѣйшую функцію въ этомъ дѣлѣ исполнялъ самъ университетъ чрезъ свой философскій факультетъ, или чрезъ *facultas artistarum*. Гимназія же, вмѣсто того, чтобы принять въ себя учебные элементы, первоначально входившіе въ составъ факультета философскаго или—*artistarum*, все болѣе и болѣе ассимилировалась по своему учебному содержанію со школами энциклопедическаго учебнаго состава. Усиливая постоянно въ себѣ элементы *модерные* (новые языки, новую литературу, исторію и проч.), она была отягчаема полиматіею, чрезъ которую конкурировала съ прочими школами въ доставленіи ученикамъ своимъ общаго образованія. Не подымаясь до значенія, которое имѣли въ свое время въ дѣлѣ ученаго образованія факультеты *artistarum*, гимназій естественно слабѣла, какъ органъ собственно ученаго образованія и чрезъ это все болѣе и болѣе утрачивала значеніе школы приготовительной къ университету. Существенное преимущество латинской школы предъ нашей теперешней гимназій состоитъ въ томъ, что она, особенно въ началѣ эпохи возрожденія, въ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, не отдѣлялась такъ рѣзко, какъ теперешняя гимназія, отъ университета. Университетъ былъ мѣстомъ завершения того образовательнаго процесса, который совершался въ латинской школѣ. Эта непрерывность учебнаго дѣйствія въ университетѣ и въ латинской школѣ и давала послѣдней ту образовательную силу, которую она имѣла, именно какъ приготовительная школа къ университету. Вслѣд-

ствіе этого, многія латинскія школы, которыя въ это время называются уже иногда *gymnasia academica* или *illustria*, также *Lyceae*, *Athenaee*, превращаются въ университеты. Такъ, напримѣръ, изъ Нюренбергской гимназій въ 1575 году образовался университетъ, изъ школы Штурма въ 1621 году Страсбургская академія (университетъ). Въ этихъ случаяхъ, такимъ образомъ, повторяется то же самое явленіе, на какое было указано выше относительно происхожденія нѣкоторыхъ университетовъ въ средніе вѣка. Школа, развиваясь въ своемъ учебномъ содержаніи, такъ или иначе рождаетъ собою университетъ, при чемъ сама не исчезаетъ, но или продолжаетъ существовать отдѣльно отъ него, строже и точнѣе формируясь, какъ приготовительная къ нему, или совмѣстно съ нимъ, составляя собою какъ бы почву, на которой выросъ и продолжаетъ процвѣтать университетъ.

Разстройство органическаго отношенія между университетомъ и приготовительною къ нему школою началось собственно въ XVIII вѣкѣ. Этотъ вѣкъ, вѣкъ просвѣщенія, *siècle éclairé*, или философскій, какъ его называли современники, былъ на самомъ дѣлѣ вѣкомъ резонерства и утопій всякаго рода какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Источникомъ всѣхъ этихъ заблужденій служила совершенно ложная мысль, что образованіе будто бы имѣетъ силу и должно человѣка, какъ разумное существо, сдѣлать господиномъ надъ всѣмъ существующимъ какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ нравственномъ. Мысль объ этомъ совершенно безцѣльномъ, да и невозможномъ господствѣ человѣка, какъ о задачѣ не только его образованія, но и самого призванія въ мірѣ, тѣмъ болѣе владѣла умами, чѣмъ менѣе было содержанія въ самомъ образованіи. Резонированье, критическое отношеніе человѣка ко всему окружающему ослабляло и разрушало въ XVIII столѣтіи тѣ узы, которыми доселѣ люди были связаны между собою — въ религіи—хранящимися въ ней высшими сверхчужденными требованіями жизни, и въ государствѣ — тѣми историческими преданіями, которыя хранятся въ немъ, по скольку оно само есть продуктъ исторіи. На мѣсто непреложныхъ интересовъ религіозной вѣры и общихъ интересовъ государственной жизни, —руководящимъ началомъ образованія сталъ отдѣльный человѣкъ съ его разумомъ и съ его личными пользами. Принципъ просвѣщенія не внесъ въ образованіе никакого своего собственнаго содержанія; принципъ этотъ совершенно формальный—возбужденіе разума къ самостоятельному сужденію и къ приобрѣтенію знаній, практически примѣнимыхъ.

Согласно съ этимъ, отношеніе умовъ въ эту эпоху къ самой основѣ ученаго образованія, къ классическому міру, было двойное. Съ одной стороны, преклонялись предъ мудростію древнихъ, въ ученія ихъ видѣли религію разума, при которой не нужно даже никакого откровенія: Сократъ, Сенека представлялись образцами совершеннаго ума и добродѣтели; съ другой стороны, въ учебномъ дѣлѣ держались вообще того взгляда, что въ просвѣщенія современники превосходятъ древнихъ. Дидро, Д'Аламберъ, Руссо и др., даже Кантъ, хотя читали и цѣнили древнихъ, но изъ учебныхъ программъ чуть не выбрасывали ихъ, какъ пенужный балластъ, считая, напримѣръ, совершенно потеряннымъ для просвѣщенія учениковъ то время, которое они употребляютъ на упражненія въ латинской рѣчи. Вообще, отношеніе къ языкамъ, какъ предметамъ ученія, было въ это время до такой степени странно, что Кантъ, напримѣръ, какъ замѣчаетъ Вильманъ, подвергъ критическому анализу способность познанія, не коснувшись при этомъ сознанія человѣческаго, какъ оно является въ сферѣ языка, этой мастерской всякой интеллектуальной работы духа.

Кантъ стоитъ на рубежѣ прошлаго и текущаго вѣка. Но съ нимъ не прекращается господство надъ умами того мнѣнія, что образованіе есть *просвѣщеніе* разума для индивидуальной пользы каждаго въ отдѣльности. Оно продолжаетъ владѣть умами и въ XIX вѣкѣ, а въ частности, въ разныхъ случаяхъ, даетъ себя чувствовать и въ наши дни. Поворотъ въ этомъ мнѣніи, согласный съ новыми воззрѣніями на образованіе, произошелъ и происходитъ еще теперь въ умахъ, подъ влияніемъ, такъ называемой, исторической школы. Теоретическимъ выразителемъ этого поворота былъ Шлейермахеръ. Онъ высказалъ ту мысль, что ученіе, чрезъ которое образуется умственно и нравственно молодое поколѣніе, есть процессъ обновленія человѣческой жизни, путемъ котораго возрастающее поколѣніе не только доводится умственно и нравственно до той высоты, на которой находится поколѣніе, сходящее съ жизненнаго поприща, но и становится способнымъ образовательную работу двинуть впередъ еще далѣе. Но Шлейермахеръ уклонился отъ истиннаго смысла, заключающагося въ этомъ взглядѣ на образовательное ученіе; онъ не вывелъ изъ него того нравственнаго значенія, которое должно имѣть образованіе по этой своей соціально-исторической задачѣ. Само понятіе о *нравственномъ* не разсматривается имъ, какъ постоянная цѣль образованія, а во всей его философіи фигурируетъ только какъ одинъ

изъ моментовъ культуры, ибо цѣль нравственныхъ дѣйствій по Шлейермахеру также состоитъ въ господствѣ просвѣщеннаго человѣческаго разума надъ природою, въ какомъ-то проникновеніи природы человѣческимъ разумомъ, что, не безъ ироніи, впрочемъ, для себя самого, остроумно замѣчаетъ Вильманъ, Шлейермахеръ называлъ *въчуждымъ миромъ*. Шлейермахеръ, какъ и Кантъ, не занимался не только учебнымъ дѣломъ собственно, но даже и теоріею педагогики; но въ томъ и заключается, между прочимъ, характеръ вновь наступившей эпохи, что задачи ученія, дѣла школы стали разсматриваться исключительно какъ задачи и дѣла культуры. Люди, почти совсѣмъ чуждые учебному дѣлу по своимъ призваніямъ и преданные лишь понятію *культуры*, отождествляя культуру съ образованіемъ, думаютъ чрезъ школу даже побѣждать природу. Подъ влияніемъ отождествленія культуры съ образованіемъ, никогда, можетъ быть, не былъ такъ сильно возбужденъ въ обществѣ интересъ къ образованію, и такъ много надеждъ не возлагалось на него, какъ въ нашъ вѣкъ.

Понятіе просвѣщенія потеряло свою чарующую силу и уступило мѣсто понятію культуры; однако такія выраженія, столь ходячія и въ наше время, какъ: „знаніе есть сила“, „образование дѣлаетъ человѣка свободнымъ“, свидѣтельствуютъ о томъ, что тенденціи эпохи просвѣщенія, какъ было уже замѣчено, не исчезли и доселѣ. На мѣсто индивида, о личной пользѣ котораго заботилась эпоха просвѣщенія, идеаломъ образованія явилась *humanitas*, чистое человѣчество (*reine Menschenthum*) по выраженію Гердера,—подъ которымъ должно понимать гармоническое развитіе всѣхъ силъ тѣла и души, внѣ всякаго отношенія этого развитія къ призванію и назначенію человѣка въ обществѣ. Это и есть тотъ *новый гуманизмъ* (*Neu-Humanismus*), который доселѣ еще держитъ подъ своимъ знаменемъ школы нашего вѣка. Однимъ изъ выразительныхъ проповѣдниковъ идея новаго гуманизма былъ именно Гердеръ. Гуманизмъ, говоритъ онъ, есть сокровище, добытое человѣческими усиліями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть искусство нашего поколѣнія. Что въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ служить къ образованію гуманнаго человѣка, составляетъ *humaniora*, будетъ ли то краснорѣчіе или поэзія, философія или исторія. Наука и искусство не имѣютъ иной цѣли, какъ только—гуманизовать насъ. Сама христіанская религія есть наивысшая гуманность... благороднѣйшій разцвѣтъ человѣческой души, *Die christliche Religion ist die höchste Humanität (?) die erhabenste Blüte der menschlichen Seele (?)*. Такъ какъ, по понятіямъ людей этого времени, культура существен-

нымъ образомъ состоитъ въ гуманности, то, заботясь чрезъ образование культурѣ, ближайшею задачею школы, собственно гимназій, признавали: „возращеніе въ сердцахъ юношей прекрасной идеи гуманности“.

Къ гуманнымъ цѣлямъ образованія открывала путь филологія, но не та филологія прежней латинской школы, которая въ ряду наукъ, составлявшихъ *universitas literarum*, имѣла пропедевтическое значеніе, а та новая наука, которая, какъ самостоятельный предметъ знанія и ученія, впервые, можно сказать, была создана тогда Фр. Авг. Вольфомъ. Въ составѣ разнообразныхъ дисциплинъ, филологія была для него наукою о томъ, „что только есть наивысшаго и наиболѣе важнаго для человѣка“¹⁾.

Согласно съ этимъ гимназія, эта—*eine Stutze echter classischer Gelehrsamkeit*, изъ школы, приготавливающей къ университету, превращалась въ какую-то идеальную школу, долженствующую доводить *всѣ силы* духа учащихся до непрекраснѣйшей гармоніи. Ибо *studia humanitatis*, по словамъ Вольфа, обнимаютъ все то, посредствомъ чего *чисто человеческое* образованіе *всѣхъ* силъ ума и воли доводится до прекрасной гармоніи внутренняго и внѣшняго человѣка, *umfassen alles, wodurch eine rein menschliche Bildung aller Geistes und Gemutskräfte zu einer schönen Harmonie der Inneren und ausseren Menschen befördert wird.*

Впрочемъ, Вольфъ самъ понималъ *всѣ* трудности учебной задачи, которая выступала для гимназій вслѣдствіе превращенія ея изъ одного строя въ другой. Онъ всячески старался устранить эти трудности, или раздѣленіемъ учебныхъ предметовъ на постоянные и прिवходящіе, или указаніемъ на то, что филологія, это новое *евангеліе* человеческого образованія, въ школѣ должно служить собственно *формальному* развитію *всѣхъ* духовныхъ силъ. Сосредоточивая *studia humanitatis* въ гимназій преимущественно на классическихъ языкахъ и литературѣ, онъ старался не допустить гимназическое ученіе распусться на практикѣ въ той безконечной сферѣ идеальнаго гуманизма, въ которую должны повергнуть его эти студія, если выпустить изъ вниманія реальную цѣль заведенія. Одинаково съ Гердеромъ онъ возставалъ противъ дрессировки учениковъ въ латинскомъ

---

¹⁾ Приводимыя здѣсь подлинныя слова Вольфа и другихъ о гимназическомъ ученіи и проч. заимствованы изъ сочиненія *Арнольда*; Fr. Aug. Wolf in seinem Verhältnisse zum Schulwesen und zur Pädagogik, — и сочиненія *Баумстарка*; Fr. Avg. Wolf und die Gelehrtenschule.

языкъ, утверждая даже, что писать по-латыни слѣдуетъ только тѣмъ, кто желаетъ глубже войти въ дѣло. для другихъ это совсѣмъ лишнее, *schreiben ist nur eine Sache für denjenigen, der tiefer in die Sache eindringen will. für manche Stände ist es ganz überflüssig....* Выстъ съ этимъ, онъ отвергалъ подражаніе древнимъ, какъ задачу изученія классическаго міра, и утверждалъ, что теперь (въ его время) нельзя учиться наукамъ у древнихъ; но смотря на школу вообще и на гимназію въ частности, какъ на одно изъ мѣстъ производства современной культуры, онъ не исключилъ изъ учебнаго состава гимназіи и разнообразныхъ элементовъ культуры. Эта-то полиматія, которую такимъ образомъ ввелъ Вольфъ въ гимназію, частію вслѣдствіе обширности задачъ самой филологіи, частію вслѣдствіе общихъ культурныхъ тенденцій, которыя онъ соединилъ съ гимназическимъ ученіемъ, и скрывала—не столько впрочемъ, можетъ быть, отъ самого Вольфа, сколько отъ другихъ—ту пучину идеальнаго интереса, въ которой на самомъ дѣлѣ исчезало истинное историческое значеніе этой школы духовныхъ борцовъ, облагороженной чрезъ изученіе древнихъ, *geistigen Ringerschule, geadelten durch Studium der Alten*, какъ называлъ Вольфъ гимназію. Потому, если самъ Вольфъ, какъ бы въ оправданіе полиматіи гимназіи, и говорилъ, что задача школы состоитъ между прочимъ въ томъ, чтобы приготовить духовныя силы учащихся *ar varia vitae munera recte fungenda*, Арнольдъ совершенно правильно замѣчаетъ, что Вольфъ, съ своей точки зрѣнія, долженъ былъ бы въ этомъ случаѣ сказать: *ad perfectionem humanitatis*. Хотя, въ пылу борьбы съ утилитаризмомъ филантропистовъ, Вольфъ дѣйствительно, можетъ быть, какъ замѣчаетъ Шилдеръ, (*Lehrbuch d. Gesch. d. Pädag.* 312) нѣкоторыя педагогическія положенія выставилъ рѣзче, нежели какъ самъ думалъ; хотя при практическомъ примѣненіи этихъ положеній идеальнаго гуманизма рѣзкость ихъ (въ *consiliis scholasticis*) умѣряется у Вольфа соображеніями о дѣйствительныхъ нуждахъ гимназическаго ученія, какъ приготовляющаго къ университету, однако колебаніе этого именно значенія гимназіи, несомнѣнно, ведетъ начало отъ Вольфа. И нельзя не согласиться съ профессоромъ Рейномъ (*Am Ende der Schulreform?* стр. 3), что именно Вольфъ поставилъ гимназію въ противорѣчіе съ самой собою, чѣмъ она съ тѣхъ поръ и болѣетъ.

Это противорѣчіе, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что гимназія, подъ вліяніемъ филологической реформы Вольфа, поста-

влена такъ, что должна достигать своей опредѣленной исторической цѣли — приготовления учащихся къ университету, отдавшись совершенно неопредѣленнымъ интересамъ общаго гуманитарнаго образованія учащихся. Несомнѣнно, что самъ Вольфъ, какъ было уже сказано, понималъ все затрудненіе, въ которое становилась гимназія. Потому высказанныя имъ разнообразныя мысли о гимназическомъ ученіи издавна давали поводъ послѣдующимъ писателямъ не сходиться между собою въ пониманіи его взгляда на это дѣло. Есть, говорятъ, конфузионисты (*Confusionsräthe*), которые, будто бы не понимая Вольфа, смѣшиваютъ проповѣданный имъ гуманизмъ въ смыслѣ ученаго образованія съ гуманизмомъ въ смыслѣ утонченной вѣжливости, *Humanismus im Sinne der gelehrten Bildung mit Humanität im Sinne feiner Artigkeit*. Съ этой точки зрѣнія, стараются какъ бы облить Вольфа отъ тѣхъ превратныхъ понятій о гимназии, которыя ему будто бы навязываютъ лица, не понимающія его воззрѣній. „Еслибы,— говоритъ безыменный составитель статьи: *aus Schulbesichtigungs-Berichten (Lehrgr. u. Lehrg. 30. 3)*,—разумные взгляды Вольфа на задачи изученія древнихъ языковъ въ гимназии были руководящими и для послѣдующихъ ста лѣтъ, то теперь мы не стояли бы предъ катастрофою, постигшею гуманистическую гимназію. Трудная задача настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы вновь найти путь къ этому правильному пониманію“. И тѣмъ болѣе трудная, прибавимъ отъ себя, что, вопреки, быть можетъ, правильному личному пониманію Вольфомъ дѣла гимназіи, она сама не была вѣрна своему дѣлу. Въ катастрофѣ гимназіи не виноваты непосредственно ни Вольфъ, ни послѣдующіе люди науки и школы. Она произошла и продолжается до нашихъ дней вслѣдствіе того, что расширеніе задачи гимназіи требованіемъ готовить учащихся не прямо къ прохожденію высшаго университетскаго ученія, а чрезъ образованіе изъ нихъ просто людей, по смыслу неопредѣленной идеи челоѣчества (*Menschentum*), путемъ насажденія въ сердцахъ ихъ „прекрасной идеи гуманности“, неминуемо влекло за собою извращеніе органической функціи гимназіи, все болѣе и болѣе увлекаая ее въ сторону служенія интересамъ общаго образованія. Естественно, что на этомъ пути она должна была терять компасъ и регуляторъ своего дѣла, въ отношеніи какъ учебнаго матеріала, такъ и способовъ его цѣлесообразной обработки. Дѣло гимназіи расплылось въ безконечной сферѣ гуманизма. Когда организуютъ школьное ученіе въ виду какой либо опредѣленной цѣли, то въ этой цѣли имѣется регуляторъ его состава и методы.

и общее образованіе или общія цѣли образованія достигаются тогда естественно и просто, сами собою, въ мѣру именно достиженія школою предположенной цѣли; а когда организуютъ ученіе, въ данномъ случаѣ гимназическое—непосредственно для цѣлей общаго образованія, которымъ между прочимъ можно бы было пользоваться и для другой опредѣленной цѣли, то въ этой цѣли, въ данномъ случаѣ въ приготовленіи учащихся къ университету, нѣтъ и не можетъ быть никакого регулятора для дѣла школы: напротивъ, сама цѣль неизбежно уходитъ изъ вида и на практикѣ, и въ теоріи. И это тѣмъ болѣе, что при неопредѣленности самого понятія общаго образованія, всякое ученіе удобно можетъ быть приспособлено къ тому или другому его пониманію. Нагляднымъ выраженіемъ такого именно положенія дѣла служить, между прочимъ, то само по себѣ довольно странное явленіе, котораго прежде не наблюдалось—именно: со времени Вольфа умы занимается вопросъ о томъ, что такое есть гимназія. Ясное дѣло, что прямая цѣль заведенія не видна, какъ бы потеряна; во всякомъ же случаѣ, это несомнѣнно свидѣтельствуетъ именно о томъ, что положеніе гимназіи какъ органа поколебалось: какъ бы не знаютъ, что онъ долженъ дѣлать въ ряду прочихъ органовъ учебнаго дѣла.

Прежде положеніе гимназіи въ ряду другихъ учебныхъ заведеній не представляло никакого вопроса. Тротцендорфъ, напримѣръ, признавалъ за гимназією одну задачу—приготовить мальчиковъ къ послѣдующему занятію въ высшихъ факультетахъ теологію, медициною, философію, юриспруденцію, „dass die Knaben gerüstet werden darnach in hohen Facultäten zu studieren als in Theologia, Medicina Philosophia, Jurisprudentia“ (*Паумеръ. Gesch. d. Pädag. I, 218*). И гимназія выполняла эту задачу, доставляя своимъ ученикамъ совершенное знаніе и полное обладаніе латинскимъ языкомъ. Но еще не послѣдній выразитель и представитель новаго гуманизма въ образованіи, Негельсбахъ, говорилъ: *Das Gymnasium hat Menschen zu bilden, nicht Juristen, nicht Philologen, nicht Mathematiker u. s. w.* И вотъ доселѣ еще не рѣшаются стѣснять гимназію въ этомъ просторѣ задачи производства *людей*, хотя и видятъ, что она все менѣе и менѣе производитъ ихъ, а сама только болѣе и болѣе теряется между другими учебными заведеніями... Во всякомъ случаѣ, тѣ моменты въ устройствѣ гимназіи по мысли Вольфа, которые дѣйствительно могли бы вести со временемъ къ правильной ея постановкѣ въ ряду другихъ учебныхъ заведеній, какъ у него самого, такъ и послѣдующихъ дѣятелей, оставались доселѣ безъ над-

лежащаго развитія. На сцену выступили особенно двѣ тенденціи, непосредственно связанныя какъ съ идеею общаго гуманитарнаго образованія, такъ равно и между собою. По одной изъ нихъ, гимназія, какъ специальная производительница этого образованія, должна быть *формальною* школою, а по другой—какъ элементарная школа для лицъ всякаго званія, имѣющихъ руководящее значеніе (ибо въ каждомъ сословіи есть лица руководящія, es gibt innerhalb eines jeden Standes Leitende), она есть и реальная школа. Гимназія, говоритъ Тауловъ, понятая въ ея истинномъ значеніи, есть вмѣстѣ также и реальная школа, Ein Gymnasium ist in seiner Wahrheit erfasst immer zugleich auch eine Realschule. Бернгарди, ученикъ Вольфа, мѣроу успѣха всего гимназическаго ученія признавалъ доставляемое имъ формальное образованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ также утверждалъ, что гимназія образуетъ юношество для занятія того или другаго положенія въ средѣ существующихъ въ народѣ сословныхъ дѣленій. Объ одномъ исключительно формальномъ образованіи чрезъ гимназическое ученіе говорили, кажется, только на одномъ собраніи филологовъ, гдѣ однимъ изъ нихъ между прочимъ было высказано, что по немъ—такъ языкъ хоть ирокезцевъ можетъ быть въ гимназіи главнымъ предметомъ, вмѣсто латинскаго; нужно только постоянное упражненіе: все дѣло вѣдь въ формальномъ образованіи, *selnetwegen könne auch das Irokesische zum Hauptfach im Gymnasium werden, anstatt des Lateinischen; nur müsse es mit allen seinen manigfachen Uebungen immer und immer wieder reichlich gedrillt werden. Die Hauptsache ist das stettige Konstruiren, das Umdenken und Nachdenken, die formale Bildung.* (Lehrprg. и Lehrg. 30, 2). Рядомъ съ этимъ интересно сопоставить слѣдующее мнѣніе: „формальное образованіе“ говоритъ одинъ новый авторъ, „достигаемое только чрезъ латинскій языкъ—это утопія, которая давно уже производитъ въ головахъ сумятицу. Формальному образованію содѣйствуютъ съ своей стороны всѣ языки и всѣ прочіе предметы школы“ (Lehrprg. и Lehrg. 28, 204). Карль Шмидтъ въ своей *Gymnasialpädagogik* пишетъ о гимназіи слѣдующее: гимназія есть приготовительная школа къ самостоятельнымъ занятіямъ и умѣніямъ; она должна разлить свѣтъ въ мышленіи, теплоту въ чувствахъ и возбудить одушевленіе къ дѣлу на служеніе божественной истинѣ, свободѣ и любви,—и все это въ такой мѣрѣ, чтобы воспитанникъ гимназіи въ состояніи былъ сознательно работать какъ въ самой наукѣ, такъ и въ сферѣ примѣненія ея къ жизни, понимать и чувствовать высшія идеи жизни и въ желаніяхъ и дѣйствіяхъ своихъ самодѣтельно выражать религіозно-нравственную жизнь.—Vorbereitungs-

schule zum selbstbewussten Kennen und Können; она должна Licht im Denken, Wärme im Fühlen und Begeisterung zur That im Dienste göttlicher Wahrheit, Freiheit und Liebe erwecken und zwar so weit erwecken, dass der Zögling, den es entlässt, selbstbewusst in der Wissenschaft als solcher oder in ihrer Anwendung aufs Leben zu arbeiten, vernünftig im Gefühl die höchsten Lebensideen zu ergreifen und selbsthätig im Wollen und Thun religiös-sittliches Leben zur Darstellund zu bringen vermag. Въ параллель съ этимъ, можно привести здѣсь нѣсколько словъ о томъ же предметѣ и изъ одного русскаго текста: „Классическое образование (говорится, впрочемъ, объ университетскомъ классическомъ образовании) есть образование людей, призванныхъ управлять массами, людей государственныхъ, философовъ, моралистовъ, публицистовъ, литераторовъ“... Курьезны также слѣдующія изреченія: Das Gymnasium ist eine nothwendige Idee, ohne welche die Menschheit nicht gedacht werden kann, sobald sie ihre Aufgabe zu erfüllen Willens ist; Völker, welche keine Gymnasien haben, zählen nicht (Тауловъ). Но наивысшую галиматію о гимназическомъ ученіи указываютъ въ слѣдующемъ текетѣ (Conversationslexicon der Gegenwart (II, 610): гимназиин—эти школы, соответствующія потребностямъ общаго народнаго образованія, къ сожалѣнію, постоянно содержались какъ особыя школы сословныя и кастовыя и свою побочную цѣль—приготовлять учащихся къ достиженію ими въ будущемъ научныхъ призваній сдѣлали своею главною цѣлью, и потому никогда не возвышались до принадлежащей имъ высшей цѣли—быть образовательными учебными заведеніями для доставленія возможно высшаго чисто человѣческаго образованія юношамъ всѣхъ сословій и всѣхъ классовъ народа, безъ отношенія къ ихъ будущимъ призваніямъ: die Gymnasien, der allgemeinen Volksbildung angehörige Schulen, hatten sich leider stets in dem Kreise besonderer Standes-und Kastenschulen gehalten, ihren *Nebenzweck, die Vorbildung für die künftige Erstrebung eines Gelehrtenberufes zu bieten*, zur Hauptsache gemacht, und sich deshalb auch nie zu dem ihnen zugehörenden höchsten Ziele erhoben, freie Bildungsanstalten zur Erstrebung der höchstmöglichen rein menschlichen Ausbildung für die Jugend aller Stände und Volksklassen ohne Rücksicht auf ihren künftigen Beruf zu sein.

Двойная цѣль присуща каждому учебному заведенію, правильно поставленному въ системѣ прочихъ. Ибо, какъ бы ни было цѣлесообразно, по мѣсту его въ этой системѣ, организовано въ немъ ученіе, оно, какъ уже было указано и выше, всегда есть нѣкоторый

факторъ вообще образованія. Но это, очевидно, совсѣмъ другое положеніе заведенія, чѣмъ то, когда его самого организуютъ такъ, чтобы оно соединяло въ себѣ двойную функцію и преслѣдовало двѣ цѣли, хотя неразрывно, но и несліянно. Это-то и есть тотъ конституціонный недугъ, который давно уже разрушаетъ здоровье этого органа учебной системы. Ибо, какъ заведеніе приготовляющее къ университету, гимназія по всей справедливости должна быть для учащихся только элементарною школою ученаго отношенія ихъ къ предметамъ знанія, а какъ заведеніе, имѣющее цѣлью доставить имъ нѣкоторое „высшее общее образованіе“, или какъ говорятъ еще— „исторически обоснованное мировоззрѣніе“, она должна давать имъ образованію надлежащую цѣльность и законченность. Это, такъ сказать, *gumpasium absolutum* есть уже нѣкоторая величина, съ которою, совершенно вопреки ея органическому положенію въ ряду другихъ школъ, и обществу и государству приходится считаться, какъ съ факторомъ образованія, пригоднаго и для другихъ дѣлъ, кромѣ университетскаго ученія. Въ этомъ неестественномъ своемъ положеніи гимназія принуждена имѣть дѣло не только съ разнообразнымъ учебнымъ матеріаломъ, но и съ различными категориями самихъ учениковъ. Этимъ, впрочемъ, пока еще наиболѣе страдаютъ только нѣмецкія гимназіи, гдѣ значительная часть учащихся стремится чрезъ гимназію къ такимъ положеніямъ въ общественной жизни, которыя имѣютъ развѣ очень отдаленное отношеніе къ наукѣ. Во всякомъ же случаѣ, преслѣдованіе гимназіею двухъ цѣлей, изъ коихъ одна достигается чрезъ однородный, строго концентрированный учебный курсъ, а другая, можно сказать, никогда не достигается, а ведетъ только къ расширенію курса—есть, по нашему мнѣнію, тотъ недугъ гимназіи, зародышъ котораго въ ней ясно наблюдается съ эпохи новогуманизма. До какой степени тенденція того времени достигать чрезъ гимназическое ученіе чисто человѣческаго образованія, состоящаго въ какой-то „прекрасной гармоніи силъ внутренняго и внѣшняго человѣка“—вредило достиженію гимназіею прямой ея цѣли, можетъ служить, между прочимъ, слѣдующее: Гердеръ, напримѣръ, училъ, что „усиленное упражненіе учащихся въ латинскомъ языкѣ (*Latinitätsdressur*) портитъ какъ мысль, такъ и стиль, ничего не даетъ, а отнимаетъ много... Гимназія должна производить не пустослововъ, но знатоковъ римской и греческой жизни. Прочь грамматики и грамматиковъ!“ Въ согласіи съ этимъ, онъ требовалъ, чтобы исторія преподавалась, не какъ разказъ о войнахъ и короляхъ, не какъ перечень

мирныхъ договоровъ и хронологическихъ датъ, а какъ исторія общечеловѣческаго культурнаго развитія. При чемъ объ историческихъ событіяхъ учитель долженъ резонировать (*räsonnieren*), чтобы ученикъ въ состояніи былъ имѣть зрѣлое сужденіе объ ангелахъ и демонахъ людскихъ (Шиллеръ, *Gesch. d. Pädag.* 306—307).

Подобное мечтаніе о задачахъ гимназическаго ученія заставляетъ, по меньшей мѣрѣ, предполагать, что гимназисты того времени достигали большихъ успѣховъ какъ въ исторіи, такъ и въ древнихъ языкахъ и въ пониманіи древнихъ писателей. Между тѣмъ, еще въ 1819 году въ Боннѣ, напримѣръ, на экзаменахъ при поступленіи въ университетъ слышались отъ нихъ такіе отвѣты: *Miles a statione venit* экзаменующійся перевелъ: *Ein Kerl kam von der Briefpost. Der Rhein ist ein Hauptfluss Deutschlands* другой передалъ по-латыни: *Rhenus est catarrhus Germaniae* (Johannes Schulze, von *Varrentrapp.* 372). Пусть это отдѣльные случаи и только, можетъ быть, въ Боннѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, но университеты въ это время всѣ одинаково жалуются на крайнюю неподготовленность поступающихъ въ нихъ молодыхъ людей. Эти жалобы совпадаютъ именно со временемъ, когда новый гуманизмъ торжествовалъ въ гимназіяхъ свой триумфъ, когда вслѣдъ за Вольфомъ всѣ думали, что возвышенныя дисциплины, касающіяся древняго міра, сами по себѣ способны дѣйствовать благотворно на умственное и нравственное развитіе учащихся.

Чѣмъ болѣе раздвигалось разстояніе между университетомъ и гимназіею, тѣмъ болѣе чувствовалась потребность навести мостъ чрезъ ту пропасть, которая ихъ отдѣляла. Его и навели мало по малу въ видѣ такъ называемаго экзамена зрѣлости. Экзаменъ этотъ, который и доселѣ еще служитъ мостомъ для перехода изъ гимназіи въ университетъ, самъ по себѣ вовсе не есть какая либо собственно учебная мѣра. Это—мѣра административная или полицейская, съ учебными интересами въ связи непосредственно не стоящая (срав. *Lehrg.* и *Lehrg.* 27, 87).

Совершенно понятное и естественное желаніе университетскихъ преподавателей убѣдиться предварительно въ годности входящихъ къ нимъ молодыхъ людей къ научнымъ занятіямъ было всегда: этому желанію соотвѣтствовало тамъ и здѣсь, какъ мы видѣли, устройство при университетахъ пригготовительныхъ къ нимъ училищъ. При увеличеніи же контингента лицъ, искавшихъ университетскаго ученія, естественно было требовать, чтобы и изъ этихъ училищъ поступали

въ университеты только способнѣйшіе и наилучше подготовленные. Это, напримѣръ, требовалъ еще Лютеръ въ 1520 году въ сочиненіи: *An den christlichen Adel Deutscher Nation*¹⁾, относительно молодыхъ людей, избравшихъ теологію предметомъ своихъ университетскихъ студій. Согласно съ этимъ, и при основаніи, напримѣръ, Марбургскаго университета ландграфомъ Гессенскимъ, было установлено, чтобы ректоръ и деканъ, предварительно пріянія молодыхъ людей въ университетскую корпорацію, испытывали ихъ, способны-ли они вообще къ университетскимъ занятіямъ. Подобные же естественные порядки заводились и въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ. Въ смыслѣ также подлинно учебной мѣры и Коменскій, какъ заключеніе школьнаго ученія, требовалъ „испытанія умовъ“, чтобы выяснить, кто изъ воспитанниковъ наиболѣе имѣетъ призванія къ практической дѣятельности, и кто къ занятію науками. Но это, столь согласное съ учебными интересами, требованіе практически развилось, къ сожалѣнію, не въ интересахъ учебнаго дѣла и для него непосредственно вообще имѣло мало значенія. Точно также остался не разработаннымъ на практикѣ совершенно нормальный порядокъ, предложенный (въ 1787 году) канцлеромъ Галльскаго университета Гофманомъ,—при каждомъ университетѣ въ Пруссіи устроить особую комиссію для испытанія молодыхъ людей въ предварительныхъ познаніяхъ (*in den Vorkenntnissen*), съ тѣмъ чтобы тѣхъ изъ нихъ, которые таковыхъ еще не усвоили, отсылать обратно въ школы или къ родителямъ. Университеты, которымъ былъ сообщенъ этотъ проектъ и изъ которыхъ нѣкоторые, какъ было сказано, уже и прежде производили у себя пріемныя испытанія, тяготились этимъ дѣломъ. Потому въ слѣдующемъ 1788 году было установлено, что молодые люди, выходящіе изъ общественныхъ школъ, предварительно поступленія въ университетъ, должны подвергаться испытанію въ самихъ этихъ школахъ и представить отъ нихъ обстоятельное свидѣтельство объ оказанной ими на этомъ испытаніи степени зрѣлости или незрѣлости, и только готовившіеся къ университету дома, или въ частныхъ школахъ,

¹⁾ Фактическое содержаніе этого отдѣла статьи заимствовано изъ сочиненій: *Varrentrapp, Johannes Schulze und das höhere Preussische Unterrichtswesen in seiner Zeit 1899. Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts. Berlin, 1890. Hauptversammlung des Vereins von Lehrern höherer Unterrichtsanstalten der Provinz Hessen-Nassau und des Fürstenthums Waldeck in Frankfurt am Main 21. 1894. Vierte Generalversammlung des Gymnasialvereins 10 Mai 1894 in Bamberg.*

должны были подвергаться испытанію въ самихъ университетахъ. Но это первое установленіе на практикѣ также имѣло мало значенія. Не только университеты, которымъ, разумѣется, было, просто сказать, жаль упускать отъ себя слушателей, но и гимназии, которымъ, естественно, зазорно было оставлять ихъ у себя, признавали заслуживающими предиката „академическаго гражданина“ и такихъ молодыхъ людей, которые не только не имѣли никакого понятія о „неисчерпаемомъ рудникѣ высшей гуманности“—о греческомъ языкѣ и литературѣ, но и саму латинскую грамоту могли разбирать развѣ только по складамъ. Значительное число таковыхъ и подобныхъ университетскихъ аспирантовъ имѣлъ въ виду и Фр. Авг. Вольфъ. Онъ говорилъ, что слѣдуетъ различать между тѣми молодыми людьми, которые поступаютъ въ университетъ для своего собственнаго образованія, и тѣми, которые стремятся чрезъ университеты къ занятію государственныхъ или церковныхъ должностей, требующихъ научнаго образованія. Первымъ закрывать входъ въ университетъ онъ признавалъ несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ, а вторыхъ не считалъ возможнымъ освобождать отъ экзамена. Подъ влияніемъ такого мнѣнія, въ новыхъ правилахъ объ экзаменахъ зрѣлости, изданныхъ въ 1812 году, были установлены три степени: безусловной зрѣлости, условной зрѣлости и незрѣлости. При чемъ было сказано, что и теперь, какъ и при прежнемъ порядкѣ, вовсе не имѣется въ виду безусловно воспрещать поступленіе въ университетъ и тѣмъ юношамъ, которые оказались незрѣлыми; если ихъ родители или родственники рѣшаются на это *durch irgend einen ihrem Gewissen zu überlassenden Grund*, то воли ихъ въ этомъ случаѣ съ нихъ не снимаютъ: экзаменное свидѣтельство служить только для знакомства университета съ поступающими въ него молодыми людьми. Въ этомъ порядкѣ, очевидно, были забыты учебные интересы и гимназии и университета, а полицейскій интересъ государства былъ принесенъ въ жертву гуманной идеѣ личной свободы каждаго. Въ свидѣтельствѣ незрѣлости еще въ 1805 году Нимейеръ находилъ ничто неприличное. Не лучше-ли, говоритъ онъ, вмѣсто титулованія: зрѣлый-незрѣлый, установить тройкую цензуру и тому, кто получить третью, выдавать удостовѣреніе, что хотя онъ подвергался экзамену, но такъ какъ имѣетъ только третью цензуру, то и не можетъ получить надлежащаго школьнаго свидѣтельства....

Любопытное явленіе, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ въ Пруссіи исторія гимназической зрѣлости, какъ она слагалась въ порядкахъ

соотвѣтствующаго испытанія. Не только университеты, для блага которыхъ устриваются эти испытанія, ослабляютъ и разрушаютъ ихъ значеніе своимъ въ нихъ участіемъ, но и само учебное управленіе, какъ было уже это указано, дѣлаетъ то же самое. Но вотъ еще примѣръ: на запросъ научной депутаціи въ Бреславлѣ въ 1813 г. министерство просвѣщенія въ Пруссіи выразительно объяснило, что „со свидѣтельствомъ совершенной непригодности (незрѣлости) не соединяется безусловно невозможность матрикюляціи въ университетъ, потому что это было бы слишкомъ большимъ посягательствомъ государства на права родительской власти, тѣмъ болѣе что опытъ учить, что молодые люди, которые въ школѣ на долго еще, можетъ быть, оставались бы незрѣлыми, вслѣдствіе совершенно измѣнившихся впечатлѣній ихъ въ университетѣ, очень скоро развиваются и наверстываютъ упущенное ими прежде. Кроме того, въ свидѣтельствѣ зрѣлости учебное управленіе наиболѣе расположено видѣть результатъ господствующаго въ школѣ хорошаго духа и чувства чести, которому преданы и учителя и ученики, нежели актъ принужденія“. Что же касается университетовъ, то хотя вообще они находили въ свое время неудобнымъ для себя производство экзаменовъ зрѣлости, многіе молодые люди продолжали подвергаться приемнымъ испытаніямъ въ университетскихъ комиссіяхъ. „Роковымъ образомъ, — говоритъ Варрентранпъ, — дѣйствовало то, что рядомъ съ гимназическими экзаменами зрѣлости, въ университетскихъ городахъ удержались приемные экзамены въ университетахъ“. При такомъ положеніи дѣла, двери университетовъ были открыты самымъ неподготовленнымъ юношамъ. Еще въ 1824 году даже въ Галле, напримѣръ, появлялись между ними такіе, которые не только были не зрѣлы, но ничуть не были подготовлены къ тѣмъ университетскимъ занятіямъ, которымъ они хотѣли себя посвятить: въ хорошей гимназіи ихъ нельзя было бы принять въ кварту, а нѣкоторыхъ даже и въ сексту. Такъ продолжалось, съ небольшими измѣненіями, дѣло поступленія молодыхъ людей въ университеты до 1834 года, когда совѣтникомъ министерства, Іоанномъ Шульцемъ, былъ составленъ новый регламентъ для экзаменовъ зрѣлости. Въ составъ экзамена вошли всѣ предметы гимназическаго курса, при чемъ письменный состоялъ изъ шести, а устный — изъ десяти, для будущихъ же филологовъ и теологовъ — изъ одиннадцати предметовъ. Тройкая цензура испытуемыхъ была уничтожена, въ результатѣ испытанія получались только зрѣлые и незрѣлые, и *принципіально* только первые имѣли право

матрикулироваться въ корпусъ студентовъ того или другаго факультета, приобретать въслѣдствіи ученыя степени и подвергаться государственнымъ экзаменамъ. Но и незрѣлымъ университеты не были безусловно закрыты: они не могли матрикулироваться въ число студентовъ даннаго факультета, но числились въ отдѣльномъ спискѣ и имѣли право, слушая университетскія лекціи, вновь подвергнуться испытанію зрѣлости, а со времени благополучнаго окончанія его—и матрикулироваться. Впрочемъ, по особому разрѣшенію министерства, могли матрикулироваться въ корпусъ студентовъ и незрѣлые, если только они желали посѣщать университетъ для своего собственнаго образованія, а не для занятія въслѣдствіи какой либо государственной должности... Но какъ, съ одной стороны, и при предначертанной строгости экзаменовъ, жалобы со стороны университетскихъ преподавателей на неподготовленность студентовъ не прекращались, такъ, съ другой стороны, и при существованіи лазеекъ въ университетъ мимо экзаменовъ, они возбуждали недовольство какъ общества такъ и многихъ лицъ учебнаго міра. Еще до утвержденія регламента королемъ, на совѣщаніи министровъ, однимъ изъ нихъ было высказано, между прочимъ, мнѣніе, что поступленіе молодыхъ людей въ университетъ не должно быть ограничиваемо такимъ испытаніемъ, что университеты должны быть одинаково открыты и прочимъ, какъ и тѣмъ, которые хотятъ получить образованіе для занятія какой либо государственной должности, или для научныхъ занятій ех professo. Но хотя, не смотря на это, регламентъ былъ утвержденъ, однако, уже въ 1849 году, на одной учебной конференціи, было предложено совѣмъ отмѣнить устные испытанія зрѣлости. Замѣчательно, что Яковъ Гриммъ высказывался вообще противъ экзаменовъ зрѣлости. Учиться въ университетѣ, по его мнѣнію, должно быть предоставлено каждому желающему; государственные экзамены представляютъ государству вполне достаточную гарантію противъ занятія должностей, требующихъ научнаго образованія, лицами неподготовленными. Тѣмъ не менѣе регламентъ 1834 года сохранялъ свою силу до 1856 года, когда былъ установленъ новый порядокъ экзаменовъ зрѣлости. Этотъ порядокъ, продолжавшійся до 1882 года, представляетъ значительный шагъ по пути облегченія: изъ числа устныхъ испытанийъ онъ совершенно устранилъ испытаніе въ исторіи литературы, въ философской пропедевтикѣ, во французскомъ языкѣ, въ физикѣ и въ естественной исторіи; кромѣ того, имъ установлено было освобожденіе отъ всего устнаго испытанія тѣхъ абитуриентовъ, коихъ

классныя занятія и письменныя экзаменныя работы были вполне удовлетворительны. Дальнѣйшее облегченіе произведено было въ 1882 году, когда грамматическое испытаніе въ греческомъ языкѣ было отнесено ко времени перевода учениковъ изъ оберъ-секунды въ приму; наконецъ, въ 1891 году, когда испытаніе во всѣхъ предметахъ ограничено исключительно курсомъ примы и установлены очень широкія условія для освобожденія отъ устныхъ испытаній.

Эта краткая исторія экзаменовъ зрѣлости въ Пруссіи представляетъ градацію строгости ихъ въ продолженіе болѣе ста лѣтъ—вверхъ по восходящей линіи, отъ 1788 года до 1834 года, и затѣмъ внизъ по нисходящей, отъ 1834 года до настоящаго времени. Но явно, что исторія ихъ еще не закончена. Хотя берлинская конференція постановила удержать экзамены зрѣлости, однако мнѣніе перваго референта, что они суть „неизбѣжное зло“, никѣмъ серьезно не было оспариваемо; послѣднее же слово, которымъ закончились дебаты о нихъ, посвящено было выраженію желанія и надежды, чтобы они были отмѣнены. „Я надѣюсь,—говорилъ Паульсенъ,—что мало по малу мы придемъ къ тому, что будемъ менѣе возлагать надежды на экзамень. Я полагаю, что можно нѣсколько болѣе довѣрять учащемуся юношеству. Экзамены существуютъ только 100 лѣтъ; но прежде жили также люди. Теперь представляется намъ почти невѣроятнымъ, что было время, когда, при переходѣ изъ школы въ университетъ, никого не экзаменовали. Но дѣло шло, и шло вовсе не худо. Дѣятели эпохи 1780—1820 годовъ, великіе философы и поэты этого времени, Гете, Шиллеръ, филологи Вольфъ и Нибуръ, оба Гумбольды, братья Гриммы не подвергались никакому испытанію зрѣлости. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ то время значительная часть молодыхъ людей выходила изъ школы съ гораздо меньшими познаніями; каждый шелъ въ университетъ на свой рискъ. Тогда говорили: самъ виноватъ, если не въ состояніи учиться тому, что преподаютъ въ университетѣ. А теперь чрезъ экзамень зрѣлости въ ученикахъ развивается мысль, что, такъ какъ они удовлетворяютъ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, они уже чуть не кандидаты на государственныя должности и имѣютъ нѣкоторое притязаніе къ государству“.

Можно, конечно, смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія на эту, во всякомъ случаѣ поучительную, исторію экзаменовъ зрѣлости въ Пруссіи. Но самая интересная, съ которой доселѣ однако, кажется, еще не смотрѣли на это дѣло, несомнѣнно, есть—со стороны выражаю-

щагося въ немъ отношенія между гимназією и университетомъ, какъ органами учебнаго дѣла. Искусственный механизмъ, придуманный для того, чтобы возстановить чрезъ него порванную разными учебными теоріями натуральную органическую связь между этими двумя органами учебнаго дѣла, экзамень зрѣлости во всю свою столѣтнюю исторію не былъ въ состояніи возсоздать между ними эту живую связь. Напротивъ, самъ онъ, очевидно, рушится теперь, какъ средство мало надежное и считается даже только неизбѣжнымъ зломъ; а молодые люди, переходящіе чрезъ него какъ чрезъ мостъ изъ гимназій въ университеты, какъ профессорами, такъ и самой учебной администраціей и теперь все еще считаются нерѣдко недостаточно зрѣлыми. Отъ чего же это происходитъ? Отъ того, конечно, что современная гимназія сама по себѣ не есть въ истинномъ смыслѣ школа, приготовляющая къ университету.

Экзамень зрѣлости, по мысли его учредителей, долженъ быть символомъ отношенія гимназіи къ университету: какъ условіе перехода изъ гимназіи въ университетъ, онъ долженъ выражать непрерывную связь дѣла гимназіи съ дѣломъ университета. Но очевидно, что эта связь между ними должна быть прежде всякаго экзамена, для того чтобы экзамень могъ быть ея выраженіемъ. Между тѣмъ, издавна уже не было недостатка какъ въ соціальныхъ условіяхъ учебнаго дѣла, такъ особенно въ теоретическихъ разсужденіяхъ о гимназическомъ ученіи, по силѣ которыхъ задача гимназіи — готовить учащихся къ университету казалась слишкомъ узкою для нея. слишкомъ отдаляющею ее отъ интересовъ окружающей дѣйствительности, отъ нуждъ текущей жизни; потому ее расширили, вмѣнивъ гимназіи въ обязанность доставлять учащимся нѣкоторое общее и законченное образованіе, которое соответствовало бы своимъ учебнымъ содержаніемъ разнымъ цѣлямъ. Замѣчательно, что какъ вступленіе въ составъ гимназическаго ученія разныхъ новыхъ дисциплинъ и предметовъ ученія, такъ и расширеніе прежняго ея учебнаго матеріала въ ту или другую сторону—произошло первоначально не по притязаніямъ со стороны университетовъ, а въ угоду разнымъ теоріямъ общаго образованія. Развѣ только въ послѣднее время, и то—не университетами, а нѣкоторыми факультетами, или точнѣе — отдѣльными профессорами высказываются иногда требованія того или другаго состава гимназическаго ученія. Еслибы въ системѣ учебнаго дѣла гимназія постоянно функционировала согласно своему органическому въ немъ положенію и историческому призванію, то никакого

экзамена зрѣлости, вѣроятно, вовсе не было бы и доселѣ. какъ не было его тогда, когда гимназія не была втянута въ энциклопедическую работу создавать всегда подвижное въ своемъ составѣ общее образованіе. А еслибы подобный экзаменъ и былъ установленъ, то онъ былъ бы тѣсно связанъ съ учебными интересами. онъ былъ бы учебною мѣрою. измѣряющею годность головы къ научнымъ занятіямъ въ университетѣ, а не полицейскою. опредѣляющею правоспособность лица занять ту или другую государственную должность, для которой требуется университетское ученіе. Это именно такъ, потому что, какъ говорить Целлеръ, не для университетскаго ученія, какъ такого, нужна гимназическая зрѣлость, а для послѣдующаго допущенія къ академическимъ степенямъ и къ тѣмъ должностямъ, для которыхъ государство требуетъ свидѣтельства въ правильномъ и плодотворномъ университетскомъ ученіи. *Nicht das Universitätsstudium als solches ist es, dem jene Forderung (der Gymnasialreife) gilt, sondern die spätere Zulassung zu den akademischen Würden und zu denjenigen Berufsarten, für welche der Staat den Nachweis eines regelmässigen und erfolgreichen Universitätsstudiums verlangt* (Gymnasium und Universität, 1890, 21). И государство совершенно право. Коль скоро гимназія берется не просто готовить людей къ университетскому ученію, а доставлять имъ вмѣстѣ съ этимъ нѣкоторое высшее общее образованіе, годное какъ цензъ, не только для университетской республики, но въ будущемъ для многихъ должностей и въ самомъ государствѣ, то государство, безъ сомнѣнія, имѣетъ полное право требовать отъ гимназій удостовѣренія въ томъ, что питомцы ея дѣйствительно владѣютъ этимъ образованіемъ. Для государства, такимъ образомъ, это вопросъ о правахъ гражданъ, узаконенною системою которыхъ опредѣляется порядокъ взаимныхъ отношеній ихъ, или что то же—это вопросъ объ общественномъ благочиніи и благоустройствѣ. Таково-то полицейское значеніе пресловутаго экзамена гимназической зрѣлости.

Трудно сказать, принесъ ли этотъ экзаменъ, гдѣ онъ установленъ, какую нибудь дѣйствительную пользу государству: какъ всякая полицейская мѣра, не только при поступленіи въ университетъ, какъ было это въ Пруссіи, но и при занятіи государственныхъ должностей онъ можетъ быть обходимъ, а то и просто нарушаемъ, при помощи разныхъ искусственныхъ мѣръ, въ изобрѣтеніи которыхъ абитуранты гимназій доселѣ не отстаютъ другъ отъ друга... Но наиболѣе сомнительною представляется эта мѣра, по существу.

Въ какихъ знаніяхъ и умѣньяхъ и въ какой мѣрѣ ихъ должна выражаться умственная зрѣлость—это и доселѣ вопросъ нерѣшенный (срав. Целлеръ, Гумпль. и. Univ., 22). И въ самомъ дѣлѣ, физическая зрѣлость молодого человѣка выступаетъ такъ рѣшительно и такъ опредѣленно въ нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ явленіяхъ, что относительно дѣйствительнаго выраженія ея въ нихъ ни частныя лица, ни государство не сомнѣваются; напротивъ, явленія эти всюду и всегда почти одинаково служатъ безспорнымъ основаніемъ для признанія за молодыми людьми нѣкоторыхъ общественныхъ и гражданскихъ правъ. Но умственная зрѣлость есть понятіе само по себѣ такое трансцендентальное, что мнѣнія о конкретномъ выраженіи его чрезъ опредѣленный составъ знаній и умѣній мѣняются во все то время, въ теченіе котораго оно ищется въ соответствующемъ экзаменѣ. Еще въ 1812 г., когда, какъ мы видѣли, экзамену зрѣлости въ Пруссіи хотѣли дать болѣе опредѣленную формацію, сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ былъ установленъ въ 1788 году, Нимейеръ обратилъ вниманіе на то, что для достиженія цѣли, которая имѣется въ виду при этомъ экзаменѣ, особенно важно самое ученіе вести такъ, чтобы оно точно опредѣлялось тѣмъ, чего по всему праву можно требовать отъ cadaго абитуриента. Такимъ образомъ, уже тогда экзаменъ являлся регуляторомъ состава гимназическаго ученія; впоследствии же, особенно въ наше время, не только ученики гимназій, какъ извѣстно, часто учатся только для экзамена, но и учителя нерѣдко учатъ ихъ только для него. Въ общемъ, однако, расположеніе (*Durchführung*) гимназическаго ученія по требованіямъ, возможнымъ для экзамена, о чемъ говорилъ Нимейеръ, полезно для гимназій въ томъ отношеніи, что оно хоть нѣсколько освобождаетъ ее отъ того учебнаго балласта, который вносится въ нее по смыслу разныхъ теорій общаго образованія. Но во всякомъ случаѣ, учиться въ гимназій для экзамена зрѣлости не значитъ еще готовиться къ университетскому ученію. Потому Тиршъ, напримѣръ, который, кажется, болѣе всѣхъ, заботился о правильномъ положеніи гимназій въ отношеніи къ университету и съ этой точки зрѣнія жестоко порицалъ die neue Lehrweise in Preussen, установленную Шульцемъ, проектировалъ не обязательный, а факультативный экзаменъ зрѣлости, то-есть, только для тѣхъ абитуриентовъ гимназій, въ годности которыхъ къ университетскому ученію у учителей есть какое либо сомнѣніе. Хотя берлинская конференція высказалась за обязательный экзаменъ зрѣлости, однако какъ далеко отстоятъ одно отъ

другаго пониманія умственной зрѣлости, какъ они выражаются въ порядкѣ теперешняго экзамена и въ порядкѣ его, установленномъ Шульцемъ.

Вотъ какъ разсуждалъ Стаудеръ на берлинской конференціи относительно того, въ чемъ, по мнѣнію министерства, должна выражаться на экзаменѣ умственная зрѣлость гимназистовъ. Здѣсь, прежде всего, нельзя не отмѣтить, что, какъ на основаніе для удержанія обязательнаго экзамена, Стаудеръ указалъ на обстоятельство, существу дѣла совершенно постороннее, — именно на то, что, по договору съ другими нѣмецкими государствами, свидѣтельства зрѣлости ихъ гимназій признаются равносильными съ прусскими и что потому нельзя отмѣнить экзаменъ зрѣлости, безъ нарушенія этого договора, а это неудобно. „Но если экзаменъ зрѣлости, — сказалъ онъ далѣе, — нельзя отмѣнить, то можно его упростить. Въ этомъ случаѣ особенно должно имѣть въ виду, что, съ установленіемъ отдѣльнаго испытанія послѣ унтеръ-секунды (Abschlussprüfung), въ высшихъ классахъ можно предоставить молодымъ людямъ нѣкоторую свободу въ ихъ занятіяхъ“. Одна изъ существенныхъ задачъ экзамена зрѣлости, по мнѣнію Стаудера, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлять умѣніе ученика, а не его знаніе. Хотя умѣніе и знаніе не отдѣлимы, но на экзаменѣ на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено умѣніе, а потомъ уже знаніе. Имѣя въ виду, что по поводу экзаменовъ зрѣлости жалуются на слишкомъ большой матеріалъ, подлежащій усвоенію памятью, на множество предметовъ испытанія и на недостаточное вліяніе учителей на окончательное рѣшеніе, Стаудеръ заявилъ, что въ отношеніи ко всему этому дѣйствительно можно упростить экзаменъ. Такъ уже принято рѣшеніе на письменномъ испытаніи отмѣнить латинское сочиненіе и греческую работу, а устное можно облегчать, ограничивъ объемъ тѣхъ предметовъ, которые слишкомъ обременительны для памяти, и все испытаніе производить только въ объемѣ учебнаго матеріала примы. Затѣмъ, особенно важный пунктъ, какъ относительно экзамена, такъ и относительно всего дальнѣйшаго развитія молодыхъ людей, есть вопросъ о компенсаціи. Недостаточные успѣхи въ латинскомъ и греческомъ языкахъ могутъ быть уравновѣшиваемы успѣхами въ математикѣ и естествознаніи и наоборотъ. Но неудовлетворительная отмѣтка, полученная ученикомъ какъ во время ученія, такъ и на испытаніи, по нѣмецкому языку, не можетъ быть уравновѣшиваема никакими другими его успѣхами.

Итакъ, нѣмецкій языкъ или собственно нѣмецкое сочиненіе —

вотъ, по мнѣнію представителя учебнаго управленія въ Пруссіи, центръ тяжести всего испытанія зрѣлости въ настоящее время. Въ какой, однако, мѣрѣ удовлетворительное нѣмецкое сочиненіе свидѣтельствуешь о пригодности головы ученика къ тѣмъ научнымъ занятіямъ, въ виду которыхъ она испытывается въ ея умственной зрѣлости? Вопросъ этотъ былъ обсуждаемъ въ маѣ 1894 года, въ засѣданіи гимназическаго ферейна въ Бамбергѣ. „Что сочиненіе,—говорилъ референтъ,—должно играть на испытанія зрѣлости важную роль—это вѣрно; но что каждый, получающій по сочиненію неудовлетворительную отмѣтку, долженъ считаться не зрѣлымъ—это очень сомнительно. Всѣ почти согласны въ томъ, что, по содержанію, сочиненіе должно примыкать къ учебному матеріалу, что отъ учениковъ нельзя требовать продукціи мыслей, а только репродукцію; но если, такимъ образомъ, отъ сочинителя не требуется *inventio*, а только *partitio* и *elocutio*, то и въ этомъ случаѣ требованіе сочиненія не всегда таково, чтобы исполненіе его считать за абсолютное условіе академической зрѣлости. Многие писатели свидѣлствуютъ, что въ юности для нихъ не было ничего труднѣе, какъ написать ученическое сочиненіе на родномъ языкѣ. Дедерлейвъ говоритъ: если ученикъ чувствуетъ въ себѣ недостатокъ мыслей, то это не всегда происходитъ отъ того, что онъ вовсе ихъ не имѣетъ, напротивъ, часто это есть признакъ даже глубокомыслія, или только нѣкоторой робости. Визе говоритъ: тѣ духовныя силы, которыя требуются для того чтобы написать хорошее нѣмецкое сочиненіе, у многихъ остаются долго связанными, и только у нѣкоторыхъ развиваются уже въ учебное время. Согласно съ этими и другими подобными наблюденіями, абсолютное значеніе на экзаменѣ зрѣлости нѣмецкаго сочиненія, установленное также въ Виртембергѣ въ 1873 году, теперь отмѣнено. Во всякомъ случаѣ, ни теоретически ни практически еще не доказано, чтобы нѣмецкій языкъ могъ также служить для подготовки головъ къ научнымъ занятіямъ, какъ языки древніе“.

Если къ этому различію мнѣній о конкретномъ выраженіи умственной зрѣлости присоединимъ, что еще со времени Фр. Авг. Вольфа и до нашихъ дней многими педагогами раздѣляется мнѣніе, что математическія и языкологическія способности въ одной головѣ обыкновенно взаимно себя исключаютъ, или, по крайней мѣрѣ, между математическимъ и обще-логическимъ мышленіемъ существуетъ нѣкоторое спеціальное различіе, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что экзаменъ зрѣлости во всю свою столѣтнюю исторію очень мало

отвѣчалъ на дѣлѣ тѣмъ надеждамъ, которыя возлагаются на него какъ на мѣру, долженствующую гарантировать государству дѣятелей съ опредѣленнымъ общимъ человѣческимъ образованіемъ. Понятіе умственной зрѣлости доселѣ еще не созрѣло въ головахъ, то есть, не создано въ опредѣленномъ содержаніи, или, какъ говорится, не найдено, не раскрыто и едва ли когда нибудь созрѣетъ; потому что само общее образованіе, въ коемъ должна обнаруживаться зрѣлость, какъ специальная задача гимназіи, есть не болѣе какъ фикція.. Отданная въ жертву этой фикціи, гимназія оказывается искалѣченнымъ органомъ учебнаго дѣла и давно уже не функционируетъ въ немъ, какъ должно, своей роли. Жалобы университетовъ на неподготовленность ихъ слушателей все увеличивается. Дѣло дошло до того, что университетскіе преподаватели готовы чураться ея услугъ въ приготовленіи для нихъ слушателей даже въ той области знаній, которая принадлежитъ ей исторически—въ области классической филологіи. Профессоръ Геттингенскаго университета. Вилламовичъ-Мѣлендорфъ въ рѣчи своей: *Philologie und Schulreform* (1892 г.) говорить, между прочимъ, что абитуриенты гимназіи, „читавшіе какъ будто съ пониманіемъ и Тацита и Софокла, въ университетѣ оказываются на дѣлѣ не понимающими даже легкаго латинскаго или греческаго писателя“. Потому, не ставя повичкамъ въ укоръ никакого ихъ незнанія, я, говоритъ профессоръ, даю имъ соотвѣствующія занятія и спокойно объясняю окончанія *plusquamperfecti*, условныя предложенія и цезуры въ гекзаметрѣ. При этомъ онъ высказываетъ ту мысль, что отъ теперешняго гимназическаго приготовленія къ университетскому занятію греческой филологіею безъ всякаго сожалѣнія можно отказаться. Конечно, это мнѣніе отдѣльнаго лица и даже, можно сказать, исключительное; но невыражаетъ ли оно въ то же время и нѣкотораго общаго порядка, въ которомъ дѣйствительно находится современная гимназія въ отношеніи къ своей органической функціи въ учебномъ дѣлѣ? „Голова теперешняго абитуриента,—говоритъ Трейчке,—подобно карманному энциклопедическому словарю, должна заключать въ себѣ выдержки изъ всего того, что достойно знанія; и вотъ, вмѣсто здороваго, идеально настроеннаго юношества, мы воспитываемъ поколѣніе читателей газетъ и газетныхъ писателей. Естественнымъ слѣдствіемъ такой извращенной методы ученія является притупленіе въ студентахъ стремленія къ познаніямъ и даже порча самого характера молодыхъ людей. Последнее состоитъ въ томъ, что, считая себя свѣдующими кое-что во всѣхъ наукахъ, она очень легко вла-

даютъ въ страсть порицанія: почти каждый изъ нихъ боится теперь прослыть за глупца, если не будетъ свысока говорить обо всемъ. Изъ прежней школы односторонняго классическаго ученія вышло поколѣніе поэтовъ и философовъ, разносторонности ума которыхъ мы удивляемся и доселѣ, а пресловутая многосторонность новѣйшей гимназіи готовить только все новыя жертвы специализму нашихъ университетовъ" (*Die Zukunft des Deutschen Gymnasiums*, 1890 стр. 24 и слѣд.).

Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ современная гимназія болѣе и болѣе заботится о какомъ-то общемъ образованіи учениковъ, годномъ на всякую потребу и развивающемъ *всѣ силы ихъ души и тѣла*, университетское ученіе болѣе и болѣе распадается на специальности. Здѣсь, говорятъ Вильманъ, господствуетъ принципъ фабрики — что каждый можетъ хорошо дѣлать только одно что вибудь, а въ гимназіи — принципъ политехники.... Теперешнее гимназическое ученіе, по составу своему, есть какой-то компромиссъ гуманизма, реализма и романтики. Оно тянетъ въ сторону знаній, а не умѣній... А жизнь — дѣловая вообще, и университетское дѣло въ частности требуютъ отъ студентовъ, какъ подготовки, интенсивнаго развитія и умѣній. Отсюда этотъ безхарактерный эклектизмъ головъ современной молодежи, этотъ разладъ между тѣмъ, что они дѣлаютъ, и тѣмъ, чему ихъ учатъ. Отсюда и эта чуть не ненависть къ гимназіи, которую едва скрываютъ гимназисты и которую большею частію не скрываютъ студенты. Однимъ словомъ, разстройство гимназіи, какъ органа учебнаго дѣла, несомнѣнно, большое; требуется радикальное лѣченіе.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ¹⁾.

6-го апрѣля, въ 9^{1/2} часовъ вечера, состоялось въ Аничковскомъ дворцѣ, въ присутствіи Его Императорскаго Величества Государя Императора и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра Александровича и Константина Константиновича, собраніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества ²⁾.

Его Императорскому Величеству благоугодно было обратиться къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

„Вамъ памятно, господа, съ какою любовью и съ какимъ попеченіемъ относился Мой незабвенный покойный Родитель къ трудамъ нашего Историческаго Общества. Принимая на Себя званіе Предсѣдателя онаго, Я буду стараться слѣдовать Его высокому примѣру и съ такою же сердечностью работать надъ продолженіемъ начатаго Имъ дѣла. Увѣренъ, господа, что съ вашей стороны Я встрѣчу полную поддержку въ новыхъ плодотворныхъ трудахъ по изслѣдованію и разработкѣ отечественной исторіи“.

---

¹⁾ Собраніе 6-го апрѣля 1895 года подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.

²⁾ Въ засѣданіи присутствовали слѣдующіе дѣйствительные члены общества: П. Н. Баргневъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, баронъ Ф. А. Бюлеръ, Ф. Ф. Веселаго, Н. Ф. Дубровинъ, А. Н. Куломзинъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Ф. Ф. Мартенсъ, К. П. Побѣдоносцевъ, А. А. Половцевъ, В. И. Сергѣевичъ, графъ С. Д. Шереметевъ, Г. Ф. Штендманъ и Е. М. Феоктистовъ; по болѣзни отсутствовалъ А. Ф. Бычковъ.

На эти милостивыя слова Государя Императора председатель общества А. А. Половцевъ отвѣтилъ слѣдующими словами:

„Прошу позволенія у Вашего Императорскаго Величества принести Вамъ, Государь, выраженіе глубокой вѣрноподаннической благодарности Императорскаго Русскаго Историческаго Общества за оказываемое ему милостивое выраженіе Августѣйшаго вниманія, которое послужить залогомъ успѣшной дѣятельности общества въ будущемъ“.

Затѣмъ подъ председательствомъ Государя Императора открыто было засѣданіе Общества слѣдующею рѣчью председателя А. А. Половцова:

„Россія, а вмѣстѣ съ нею и весь просвѣщенный міръ взрывомъ сердечной, неподдѣльной скорби увѣковѣчили свѣтлыя черты Императора Александра III.

„Не сегодня, не здѣсь говорить о Его неустанныхъ трудахъ на пользу, на благополучіе русскаго народа; но сегодня, но здѣсь предъ Августѣйшимъ ближайшимъ свидѣтелемъ и Державнымъ преемникомъ трудовъ сихъ, предъ собраніемъ людей, живо и благодарно памятующихъ отзывчивость покойнаго Государя къ стремленію, насъ всѣхъ въ одно общество связующему, да позволено мнѣ будетъ обратиться воспоминаніемъ къ неизмѣнно близкому покровительственному Его въ судьбахъ нашихъ участію.

„Главною основною мыслью учрежденія Русскаго Историческаго Общества послужило то убѣжденіе, что исторія нашего отечества сдѣлается тѣмъ болѣе привлекательною, чѣмъ болѣе она будетъ извѣстна; что лучшимъ способомъ сдѣлать ее извѣстною является безпристрастное напечатаніе имѣющихъ значеніе актовъ, документовъ, хранившихся недоступными въ архивахъ, а по напечатаніи имѣющихъ дать прочную основу исторической литературѣ. Необходимость такого обнародованія дѣлалась тѣмъ болѣе ощутительною въ первые годы царствованія Императора Александра II, что при отсутствіи серьезнаго историческаго матеріала, при постоянно увеличивавшемся расположеніи русскаго народа къ изученію своей исторіи, въ печати появлялись только произведенія, въ большей части случаевъ неудовлетворительныя, какъ вслѣдствіе неполноты передававшихся фактовъ, такъ и происходившей отсюда невѣрности въ ихъ оцѣнкѣ. Подобныя преграды къ успѣхамъ отечественной исторіи были особенно значительны въ сферѣ послѣпетровскаго времени. До второй половины нынѣшняго столѣтія отечественная исторія предшествовав-

шихъ полотораста лѣтъ оставалась почти неизвѣстною русской публикѣ. За отсутствіемъ отечественныхъ научныхъ трудовъ, приходилось довольствоваться иностранными сочиненіями, по скудости свѣдѣній, а иногда и по недобросовѣстности, представлявшихъ событія въ невѣрномъ видѣ.

„Наступившія по воцареніи Императора Александра II облегченія печатному слову положили начало появленію, преимущественно въ поврежденныхъ изданіяхъ, сообщеній о дѣлахъ XVIII и XIX вѣковъ, но сообщенія эти, отрывочно, неразборчиво передававшія самыя разнообразныя и случайно попавшіяся событія, обращали на себя вниманіе своимъ характеромъ новизны и нравственной особенности болѣе, чѣмъ научною правдивостью. Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприглядная картина слабостей и недостатковъ, вліявшихъ на судьбы его; возвышенныя, существенныя стороны нашей государственной, жизненной дѣятельности, создавшія великую и всѣмъ намъ дорогую Россію, въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ, за рѣдкими исключеніями, силою обстоятельствъ обходился молчаніемъ, разрушавшимъ народную вѣру и въ себя, и въ правившія имъ силы.

„Такая несправедливость оцѣнки нашего прошедшаго, необходимость возстановленія исторической правды созваны были Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ, и Ему угодно было стать во главѣ учреждавшагося подъ вліяніемъ высказанныхъ мною взглядовъ Русскаго Историческаго Общества.

„28-го февраля 1867 г. послѣдовало первое наше общее собраніе. Мститый нашъ старшина, увѣнчанный лаврами, полный личныхъ историческихъ воспоминаній, князь П. А. Вяземскій, обратился къ Августѣйшему Почетному Предсѣдателю нашему съ привѣтственными, живо прочувствованными словами: „Отечественная исторія, — говорилъ князь, — намъ всѣмъ родная, но для Вашего Высочества она имѣетъ еще прелесть и назиданіе семейной хроники. Мы всѣ дѣти великихъ царствованій Екатерины II, Александра I, Николая I, но Вы ихъ прямой и законный наслѣдникъ. Вамъ предстоитъ преимущественно священная обязанность, великая, но и трудная задача, внести, въ свою очередь, съ честью и пользою имя Ваше въ сію семейную царственную хронику и передать память о Себѣ народнымъ скрижалямъ“. Обращаясь воспоминаніемъ къ авторитету Карамзина, князь Вяземскій оканчивалъ свое привѣтствіе такъ: „Цари должны преимущественно предъ прочими изучать минувшую

исторію своего народа, чтобы въ настоящей и будущей занять почетное и незабвенное мѣсто“.

„Благодарю васъ за любезно возлагаемая на Меня надежды. Сдѣлаю, что могу“,—отвѣчалъ Великій Князь.

„Скромная искренность, глубокая правдивость — отличительныя черты покойнаго Государя—вылились въ этихъ немногихъ словахъ, положенныхъ въ основу нашей дѣятельности. Дѣятельность эта на первыхъ порахъ представлялась въ извѣстной степени затруднительною. Нѣсколько частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, князь Орловъ, князь Репнинъ, предоставили въ распоряженіе Общества свои фамиліные архивы; но заимствуемая изъ этихъ архивовъ бумаги немногимъ отличались отъ безсвязнаго въ историческомъ отношеніи содержанія тогдашнихъ поврежденныхъ изданій. Для обобщенія серьезныхъ матеріаловъ необходимо было прибѣгнуть къ архивамъ правительственнымъ; но для этого нужно было мощное вліяніе, въ проявленіи коего Августѣйшій Предсѣдатель никогда не отказывалъ „нашему“ Обществу, какъ Онъ имѣлъ обыкновеніе называть его.

„Останавливая прежде всего вниманіе на дотолѣ мало извѣстномъ и исполненномъ историческаго значенія царствованіи Императрицы Екатерины II, Общество на первыхъ же порахъ своего существованія задумало издать труды созданной Императрицею комиссіи депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія. Во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ хранилось это дѣло, уже начаты были по сему предмету работы Д. В. Полѣновымъ, но изданіе ихъ останавливалось передъ опасеніемъ, что комиссія эта представляла что-то противоправительственное, политически опасное. Ознакомясь съ содержаніемъ этихъ бумагъ, Великій Князь Цесаревичъ убѣдился въ томъ, что созданные Великою Государынею изъ отдаленныхъ угловъ Россіи сыны ея, хотя и окрещенные не для всѣхъ ихъ понятнымъ прозвищемъ депутатовъ, принесли къ подножію Престола своей Монархини, вмѣстѣ съ безграничнымъ чувствомъ вѣрноподданнической преданности, правдивые отвѣты на поставленные имъ объ устройствѣ жизни ихъ вопросы, — отвѣты, послужившіе исходною точкою важнѣйшихъ екатерининскихъ законодательныхъ мѣропріятій. Получивъ, однажды, такое убѣжденіе, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ отличавшею Его нравственною рѣшимостью исходатайствовалъ у Августѣйшаго Своего Родителя дозволеніе издать труды комиссіи, и девять томовъ, доселѣ отпечатанныхъ, блестяще подтверждаютъ тотъ взглядъ, коему они

обязаны своимъ существованіемъ, а Общество наше—первыми своими успѣхами.

Обобщеніе отдѣльныхъ документовъ, до царствованія императрицы Екатерины относящихся, естественно привело къ предположенію о пользѣ обнародованія переписки этой великой мыслительницы, этого проникательнаго знатока человѣческаго сердца, этого добраго генія Россіи. Здѣсь опять стояли поперекъ опасенія, съ одной стороны, раскрыть сокровенныя политическія побужденія нашего кабинета, съ другой—дать пищу зложелателямъ, отыскивающимъ въ частной жизни правителей тѣ дающія поводъ къ осужденію интимныя подробности, кои должны ступать въ общемъ научно и художественно вѣрномъ изображеніи людей, выдвинутыхъ на первый планъ Провидѣніемъ и личными подвигами.

„Предъ твердо выраженнымъ взглядомъ Цесаревича снова исчезли опасенія людей, часто заботящихся о собственномъ спокойствіи болѣе, чѣмъ объ умственномъ движеніи собратій. Двери архивовъ разверзлись—и многочисленныя томы нашего „Сборника“ послужили вѣщимъ доказательствомъ не только проникательности, но и прямоты нашей государственной политики, явили новое свидѣтельство тому, что императрица Екатерина и въ слабостяхъ женщины никогда не теряла величія императрицы.

„Правда, покуда печатались эти томы, верѣдко приходилось останавливаться предъ излишнею ревнительностью архивныхъ хранителей, но остановки эти не бывали продолжительны. Я имѣлъ въ полномъ смыслѣ слова счастье повергать ихъ на судъ въ Бозѣ почившаго Государя, и съ какою простотою, съ какимъ безпримѣрнымъ добродушіемъ единый почеркъ его карандаша, единое доброе слово устраняли возникавшія сомнѣнія, уничтожали препятствія. Стану ли говорить о томъ, какъ доброе слово подчасъ сопровождалось и добрымъ дѣломъ? Нѣтъ! Покойный творилъ добро такъ, что шуйца не видѣла, что творить десница. Преклонимся и нынѣ предъ волею Его.

„При такомъ, въ лучшемъ смыслѣ человѣческомъ отношеніи Августѣйшаго Нашего Предсѣдателя къ дѣлу, конечно, облегчилось достиженіе задачъ, Обществомъ преслѣдуемыхъ. Томы нашего „Сборника“ умножались, ссылками на нихъ наполнялись вновь появлявшіяся о Россіи историческія сочиненія, прежніе взгляды историковъ измѣнялись, предубѣжденія исчезали. Шаги на этомъ пути отмѣчались годичными, столь дорого памятными всѣмъ намъ, собраніями Общества.

„Здѣсь, безъ какой бы то ни было натянутости, со свойственною

Ему непринужденностью обхожденія нашъ Вѣнценосный Хозяинъ выслушивалъ отчеты о скромныхъ трудахъ нашихъ. Какъ предупредительно вникалъ онъ въ подробности чтеній, имѣвшихъ подчасъ довольно исключительный характеръ. Сколь пріятливы были его обращенія къ ветеранамъ науки, къ его бывшимъ преподавателямъ. какъ, напримѣръ, С. М. Соловьевъ. или Я. К. Гротъ, какъ поощрительны вопросы младшимъ членамъ нашей научной семьи.

„При входѣ въ царскія палаты, невольно чувствуется что-то въ родѣ торжественной сдержанности, подчасъ сковывающей внѣшнее проявленіе самыхъ лучшихъ чувствъ и мыслей. Здѣсь, около этого стола, удѣливъ каждому изъ насъ прямодушный взглядъ съ крѣпкимъ рукопожатіемъ, покойный Государь двумя, тремя словами измѣнялъ настроеніе присутствовавшихъ. Атмосфера наполнялась тѣмъ добрымъ человѣческимъ чувствомъ, котораго не исключаетъ самое неизмѣримое внѣшнее разстояніе, людей раздѣляющее.—тѣмъ чувствомъ, безъ котораго не творится ничего въ истинномъ смыслѣ человѣческаго. Какъ часто, уходя отсюда, приходилось слышать возгласы: „Ахъ, еслибы побольше людей могли видѣть и слышать нашего Царя такъ, какъ мы Его сегодня видѣли и слышали; какъ выросъ бы Его образъ предъ миллионами людей, какъ освѣтилась бы искренность, возвышенность Его душевныхъ стремленій, еслибы обстоятельства сдѣлали ихъ извѣстными изъ прямого чистѣйшаго источника“.

„Волею Всевышняго не стало Отечеству нашему—Царя, Обществу нашему—Благодѣтеля. Исторія начертить предъ глазами потомства мало доступный пониманію современниковъ свѣтлый ликъ Его. Я счастливъ, что въ качествѣ представителя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества удостоился высокой чести сказать нѣсколько словъ, выражающихъ тѣ чувства благодарности, коими сердца наши преисполнены.—сказать здѣсь, гдѣ все дышитъ воспоминаніемъ о Немъ, здѣсь, гдѣ сегодня осѣняетъ насъ тѣнь Его, предъ которою съ благоговѣніемъ умолкаю“.

Вслѣдъ за предсѣдателемъ Общества. Ѳ. Ѳ. Веселаго прочиталъ рѣчь, посвященную описанію трудовъ въ Бозѣ почившаго императора по усовершенствованію и усиленію нашего флота. Рѣчь эта печатается въ извлеченіи:

„Великій основатель русскаго флота опредѣлялъ его государственное значеніе слѣдующими словами: „Сіе дѣло необходимо нужно есть государству, но оной пословицѣ, что всякій потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ; а который и флотъ

имѣть, обѣ руки имѣть“. Создавъ флотъ, геній Петра, при дружномъ содѣйствіи этихъ двухъ могучихъ рукъ, быстро расширилъ предѣлы нашего отечества, поставилъ его въ рядъ великихъ европейскихкихъ державъ и положилъ прочныя основанія дальнѣйшему развитію его могущества и благоденствія.

„Съ самаго основанія своего, русской флотъ имѣлъ счастье пользоваться милостивымъ расположеніемъ своихъ монарховъ. Доблестный труженикъ, Петръ Великій, относился къ любимому дѣтищу своему съ отеческою заботливостью и горячею любовью. Великая Екатерина въ одномъ изъ своихъ указовъ выразилась о морской службѣ такъ: „что флотская служба знатна и хороша, то всѣмъ извѣстно; но, на-супротивъ того, столь же трудна и опасна. почему болѣ Моварішю Нашу милость и попеченіе заслуживаетъ“. Благодаря такому взгляду на флотъ, Великая Государыня вывела его изъ бывшаго послѣ кончины Петра печальнаго застоя и, поднимавъ на высоту Петровскаго времени, назначила генераль-адмираломъ флота Государя Наслѣдника Павла Петровича. Августѣйшій Начальникъ флота, приобрѣта съ юныхъ лѣтъ теплое къ нему расположеніе, постоянно выказывалъ его и во все Свое царствованіе, въ продолженіе котораго благоволилъ даже сохранять и званіе генераль-адмирала. Императоръ Николай Павловичъ, еще Великимъ Княземъ имѣвшій случай ознакомиться съ трудностями морской службы, до конца своей жизни сердечно любилъ флотъ и горячо о немъ заботился. По примѣру Екатерины, онъ назначилъ генераль-адмираломъ флота Августѣйшаго Своего Сына и, поднимая флотъ, послѣ новаго бывшаго временнаго застоя, началъ Свою благотворную дѣятельность самымъ основательнымъ образомъ, приступивъ немедленно къ улучшенію воспитанія молодыхъ людей, готовящихся быть морскими офицерами, и къ практическому обученію личнаго состава флота. При императорѣ Александрѣ Николаевичѣ моряки, состоявшіе подъ отечески-заботливымъ начальствомъ своего генераль-адмирала, Великаго Князя Константина Николаевича, были осыпаны неисчислимыми монаршими благодѣянiями, изъ которыхъ важнѣйшимъ было: передача Государемъ Своему Царственному преемнику теплаго расположенія къ флоту.

„Благотворныя сѣмена, посеяныя Августѣйшими дѣятелями, упали не на неплодную почву, доказательствомъ чего служатъ славныя имена Гангута, Чесмы, Наварина, Синопа, Севастополя и многія блестящія экспедиціи, военныя и ученныя.

„Многія подробности правительственной дѣятельности и частной

жизни въ Бозѣ почившаго Государя Александра Александровича показывали Его теплую, искреннюю любовь къ морю и расположеніе ко всему морскому. Морскія поѣздки, время лѣтняго отдыха въ шхерахъ Финляндіи, удовольствіе, съ которымъ Его Величество любовался всякимъ хорошимъ кораблемъ, даже маленькимъ парухомъ и шлюпкой съ выдающимися морскими качествами, и тотъ интересъ и глубокое вниманіе, съ которымъ Онъ нерѣдко настойчиво и терпѣливо вникалъ въ самыя скучныя для неспеціалиста морскія техническія подробности, выказывали въ покойномъ Государѣ не только одну любовь ко всему морскому, но и влеченіе къ морю, присущее истинному моряку.

„Неутомимая заботливость Государя о флотѣ, Его отечески-милостивое вниманіе къ морякамъ, при трогательной простотѣ и очаровательной ласковости обращенія, создали ту дивную, благотворную духовную силу, которая оживляла весь организмъ флота. Вещественныя, матеріальныя плоды этого одушевленія проявились въ неимоверной быстротѣ осуществленія исполнскихъ предначертаній Государя, напоминающихъ своимъ величіемъ и важностью своего значенія дѣятельность Петра Великаго.

„Одинъ изъ нашихъ русскихъ замѣчательно умныхъ самородковъ-простолюдиновъ, въ изданной имъ книгѣ, высказалъ мысль, что „ничего нѣтъ въ мірѣ могущественнѣе владычества сердца надъ сердцами, убѣжденными въ томъ, что ихъ добросовѣстные стремленія воплотѣ доступны воззрѣніямъ Верховой Власти. На этой плодотворной взаимности, составляющей нашу историческую конституцію, создалась сила Россіи“. Таково именно и было благотворное вліяніе въ Бозѣ почившаго Государя на дѣятельность флота. Всѣ члены морской семьи, съ высшихъ представителей флота до послѣдняго матроса и портового рабочаго, не изъ страха, но „любви ради“ проникнуты были общимъ пламеннымъ желаніемъ выполнять свое служебное дѣло не напоказъ только, но хорошо и добросовѣстно, на сколько хватало у каждаго силъ и умѣнья.

„При необъятной, разнообразной массѣ работъ, нововведеній и усовершенствованій, произведенныхъ по флоту и морскому вѣдомству въ минувшее царствованіе, въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ возможности даже коснуться всѣхъ сторонъ этой дѣятельности, и необходимость заставляетъ ограничиться только самымъ краткимъ указаніемъ на немногія частности, преимущественно тѣ, въ которыхъ Монаршее покровительство наукъ морскаго дѣла принесло важныя плоды.

„Сознавая справедливость мнѣнія, что лучшее средство для сохранения мира есть готовность къ войнѣ, Государь-Миротворецъ, среди громаднѣхъ царственныхъ трудовъ, посвящалъ не мало времени заботамъ объ усовершенствованіи своего флота. Въ одномъ официальномъ документѣ первыхъ годовъ царствованія покойнаго Государя находится о тогдашнемъ флотѣ слѣдующій отзывъ лица вполне компетентнаго въ дѣлѣ: „Съ грустнымъ чувствомъ должно сознаться, что „Петръ Великій“ есть нашъ единственный сильный боевой корабль. Всѣ прочія суда наши неспособны къ борьбѣ съ первоклассными броненосцами, которыми располагаютъ другія морскія державы, да и самое значеніе ихъ, какъ передвижной силы, обороняющей наши берега, весьма сомнительно“. При сравненіи съ этимъ прежнимъ флотомъ грознаго многочисленнаго настоящаго, осязательно оказывается громадность трудовъ покойнаго Государя по усовершенствованію флота. Великое дѣло возсозданія доблестнаго флота черноморскаго началось и продолжалось съ чудною быстротою и успѣшностью; тысячи тысячъ разнообразныхъ трудностей, встрѣчавшихся при исполненіи работъ, были побѣждены, и въ 1888 г. при обзорѣни Кавказа, въ Новороссійской бухтѣ, Императоръ имѣлъ удовольствіе увидѣть грозный строй первенцовъ своего возрождаемаго флота, въ числѣ которыхъ были и громадныя броненосцы „Екатерина II“ и „Чесма“. Какъ дорогъ для сердца Государя былъ этотъ успѣхъ, показываютъ слова Высочайшаго рескрипта на имя Августѣйшаго Генераль-Адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича: „Въ настоящее пребываніе Мое на югѣ Я убѣдился, что воля Моя имѣть тамъ флотъ приводится въ исполненіе, подъ руководствомъ Вашимъ, съ настойчивостью и успѣхомъ... Труды по сооруженію флота признательно оцѣнять имѣетъ со Мною всѣ, кому дороги честь, значеніе и спокойствіе отечества“.

„Одновременно съ черноморскими судами, и съ такою же быстротою, строились и суда для Балтійскаго флота, составлявшія въ сущности не только численное его увеличеніе, но также настоящее возрожденіе, потому что, по своимъ боевымъ и морскимъ качествамъ, новыя суда далеко превосходили суда прежней постройки. Благодаря быстрымъ успѣхамъ наукъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ морскому дѣлу, всякое изъ вновь построенныхъ судовъ, представляющее, такъ сказать, послѣднее слово науки, имѣло множество новыхъ усовершенствованій. При этомъ составъ флота пополнялся всѣми

разнообразными типами судовъ, необходимыми для успѣшной дѣятельности флота, при различныхъ обстоятельствахъ.

„При спѣшной постройкѣ судовъ, величинѣ ихъ размѣровъ, громадности и разнообразіи артиллеріи, множествѣ новыхъ механизмовъ и особенно введеніи въ дѣло, вмѣсто прежнихъ дерева и желѣза, новаго строительнаго матеріала — стали. удесятирились трудности какъ проектированія чертежа судна, такъ и производство его постройки.

„Независимо отъ увеличенія числа судовъ и усовершенствованія ихъ артиллеріи, боевыя силы нашего флота значительно возросли и отъ усовершенствованія его миннаго вооруженія, которое, въ прошедшее царствованіе, вышло изъ періода попытокъ и приобрѣло увѣренность въ возможности самостоятельной дѣятельности. Одновременно съ усовершенствованіемъ судовъ миноносцевъ, улучшился у насъ и самый способъ дѣйствія минами. Усовершенствованіе электрическаго освѣщенія судовъ и другія полезныя примѣненія электрической силы въ продолженіе минувшаго царствованія также получили немалое значеніе для мирной и боевой морской дѣятельности судовъ; такъ, напримѣръ, устройство электрическихъ вентиляторовъ для освѣженія воздуха во внутреннихъ помѣщеніяхъ судовъ; замѣна въ нѣкоторыхъ судовыхъ механизмахъ пара электричествомъ и приспособленіе послѣдняго для отопленія камбуза (корабельной кухонной печи) и каютъ; примѣненіе электричества къ вращенію башенъ, въ которыхъ помѣщаются орудія, и къ подъему и подачѣ тяжелыхъ артиллерійскихъ снарядовъ и т. п. Не меньшія усовершенствованія сдѣланы были и въ механизмахъ, приводящихъ суда въ движеніе. Невозможное прежде по своей опасности употребленіе на большихъ судахъ выгодныхъ машинъ высокаго давленія, при усовершенствованіи производства стали и лучшей обработкѣ котельныхъ листовъ, дало возможность безъ всякой опасности ставить и на большія суда машины высокаго давленія тройнаго расширенія. Вмѣсто одного винта, приводящаго судно въ движеніе, стали вводиться два или три винта, что представляетъ значительныя удобства для поворотливости и другихъ морскихъ качествъ судовъ. При усердныхъ трудахъ всѣхъ участниковъ великаго дѣла увеличенія боевой силы нашего флота, душою всего былъ самъ въ Бозѣ починшій Императоръ. Съ глубокою мудрою предусмотрительностью давая общее направленіе дѣлу, Государь заботливо, съ непоколебимою настойчивостью, слѣдилъ за всѣми наиболее важными

его подробностями и при этомъ находилъ еще возможность обращать вниманіе на нѣкоторыя спеціальныя частности. Такъ, напримѣръ, при обсужденіи вопроса о выборѣ лучшихъ котловъ для судовыхъ машинъ, Государь, по своему личному усмотрѣнію, отдалъ справедливое преимущество системѣ водотрубныхъ котловъ Бельвиля и даже приказалъ ихъ установить на собственныхъ яхтахъ: „Марево“, „Полярная Звѣзда“ и строившіяся „Штандартъ“.

„При формированіи эскадръ въ заграничныя плаванія, Государь самъ назначалъ, какія послать суда, и при этомъ по составу эскадръ, нельзя было не замѣтить, что въ нихъ входили преимущественно суда, построенныя въ Россіи, а не за границею. Наконецъ, относясь постоянно съ особенно милостивымъ вниманіемъ къ работамъ по исторіи флота, покойный Государь благоволилъ иногда дѣлать нѣкоторыя указанія, какъ, напримѣръ, случилось относительно изданія „Описанія дѣлъ архива морского министерства“, когда Его Величеству угодно было прежній срокъ окончанія изданія, ограниченный первыми годами царствованія Александра I, передвинуть къ концу отечественной войны, съ тою цѣлью, чтобы въ описаніе вошли дѣла славной для нашего флота экспедиціи Сенявина.

„Благотворное вниманіе Государя и сердечное сочувствіе Его успѣхамъ морского дѣла во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, такъ сказать, окрыляло русскую мысль, возбудило въ морскихъ ученыхъ спеціалистахъ увѣренность въ возможности самостоятельной дѣятельности и значительно ослабило рабское благоговѣніе ко всему иностранному, въ ущербъ русскому. Благодаря такому настроенію, въ продолженіе прошедшаго царствованія начали чаще появляться по разнымъ морскимъ спеціальностямъ множество собственно русскихъ изобрѣтеній, въ числѣ которыхъ были и весьма важныя.

„По представленному здѣсь блѣдному очерку только малой части благотворныхъ для флота трудовъ въ Бозѣ почившаго Императора, невозможно представить себѣ въ цѣломъ ту громадную, великую массу плодовъ морской дѣятельности, которая была прямымъ осуществленіемъ мыслей почившаго Монарха-Труженика. Въ это благодатное, мирное царствованіе флотъ нашъ, подѣ непосредственнымъ руководствомъ державной воли, успѣлъ до грозныхъ размѣровъ увеличить свою боевую силу, произвести многія улучшенія въ портовой и административной дѣятельности и организовать успѣшное, правильное обученіе личнаго состава флота дальними плаваніями и спеціальными отрядами — практическимъ, артиллерійскимъ и учебнымъ. Плававшія

за границу наши суда всегда и вездѣ, при своемъ появленіи въ иностранныхъ портахъ, по большей части вызывали похвалы какъ по блестящему состоянію самыхъ судовъ, такъ и по существующему на нихъ порядку и бравому, молодецкому виду нашихъ матросовъ.

„Дѣятельно сооружающійся великій сибирскій путь, эта могучая жизненная артерія государства, которой предстоитъ возродить и развить экономическое благосостояніе значительной части Россіи, намѣчаетъ въ недалекомъ будущемъ и для нашего флота великія цѣли во славу Царя и на благо нашей дорогой родины“.

Н. О. Дубровинимъ сдѣланъ слѣдующій краткій обзоръ развитія русской исторической науки въ царствованіе императора Александра III:

„Высокое покровительство императора Александра Александровича наукъ вообще и русской исторіи въ особенности дало возможность Императорской Академіи Наукъ, какъ высшему ученому сословію въ имперіи, развить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Дѣятельность эта выразилась въ изданіи первоисточниковъ, касающихся исторіи русскаго народа, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни. Наиболѣе выдающимся явленіемъ въ этомъ отношеніи и ближайшимъ къ нашему времени была, конечно, отечественная война 1812 года, и въ 1882 году явилось изданіе Академіи, подъ заглавіемъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, а въ слѣдующемъ году „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I“. Письма эти, дополняя во многомъ официальные донесенія, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о высокомъ патріотизмѣ нашихъ предковъ въ отечественную войну и хорошо знакомятъ съ внутреннимъ состояніемъ государства.

„Вслѣдъ затѣмъ Академія приступила къ печатанію записокъ митрополита литовскаго Юсіфа Сѣмашко, касающихся весьма важнаго событія въ царствованіе императора Николая I—возсоединенія въ 1839 году униатовъ съ православною церковью.

„Одну изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи умственной и общественной жизни Россіи составляетъ эпоха Петра Великаго. Для всесторонняго изученія и справедливой оцѣнки личности и дѣятельности этого государя предпринято на пожалованныя въ Бозѣ почившимъ императоромъ средства изданіе такого собранія писемъ и бумагъ Петра I, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера Монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію любимой имъ Россіи. Изданіе писемъ и бумагъ Петра Великаго принялъ на себя

академикъ А. О. Бычковъ, которымъ и напечатано уже нѣсколько томовъ. Когда изданіе собранія писемъ и бумагъ будетъ окончено, тогда образъ великаго Монарха предстанетъ передъ безпристрастнымъ потомствомъ въ полномъ своемъ величіи.

„Рядомъ съ этимъ шло печатаніе другаго, не менѣ важнаго, изданія, относящагося къ исторіи Петра Великаго, безусловно необходимаго для уразумѣнія народной жизни того времени. Всѣмъ изслѣдователямъ извѣстно, что сенатъ Петра Великаго сосредоточивалъ въ себѣ важнѣйшія дѣла по вопросамъ государственнаго управления, а, между тѣмъ, они были недоступны ученымъ. Предпринятымъ изданіемъ „Докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената въ царствованіе Петра Великаго“ Академія имѣла въ виду воздать долгъ благоговѣйной признательности къ великому Монарху и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать прочныя основы для лучшаго познанія быта нашего отечества въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

„Исторія Россіи невозможна безъ помощи официальныхъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, и ея успѣхъ въ значительной степени зависитъ отъ хорошаго устройства архивовъ и отъ большей или меньшей приспособленности ихъ къ ученымъ занятіямъ. На этомъ основаніи и по почину покойнаго академика Н. В. Калачова была образована, подъ его предсѣдательствомъ, Высочайше утвержденная коммиссія объ устройствѣ какъ центральныхъ, такъ и провинціальныхъ архивовъ. Результатомъ ея дѣятельности было открытіе архивныхъ коммиссій въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, при чемъ многими изъ нихъ изданы и продолжаютъ издаваться весьма цѣнные матеріалы, оставшіеся до сихъ поръ неизвѣстными. Архивныя коммиссіи и ихъ архивы стали дѣятельными центрами сохраненія и обработки для науки письменныхъ памятниковъ старины, разбѣянныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Но такъ какъ для полнаго благоустройства архивовъ необходимы спеціально приготовленные ученые хранители, то по мысли того же академика Калачева и имъ самимъ былъ основанъ „археологическій институтъ“. Осуществленіе задачъ архивныхъ коммиссій и тѣсно связаннаго съ ними археологическаго института обезпечило собою дальнѣйшій ходъ исторической науки въ Россіи. Занятія участниковъ коммиссіи и слушателей института, по разработкѣ архивныхъ матеріаловъ и по описанію вещественныхъ памятниковъ русскихъ древностей, помѣщаются въ издаваемомъ институтомъ „Археологическомъ Сборникѣ“.

„Вскрѣ послѣ вступленія въ должность президента Академіи Наукъ,

графъ Д. А. Толстой выразилъ мысль о необходимости составленія исторіи Академіи Наукъ, вообще, говоримъ потому, что до половины настоящаго столѣтія Академія состояла изъ двухъ учреждений: Императорской Академіи и Россійской Академіи Наукъ. Исторія послѣдней написана академикомъ Сухомлиновымъ, а исторія Императорской Академіи, начатая П. Пекарскимъ, прекратилась за его кончиною. Въ виду этого, графъ Толстой считалъ необходимымъ подготовить и издать матеріалы, хранящіеся въ академическомъ архивѣ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для изслѣдователей исторіи просвѣщенія въ Россіи. Въ 1884 году было Высочайше пожаловано 5.000 рублей на изданіе „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, первый томъ которыхъ появился въ 1885 году, подъ редакцію академика М. И. Сухомлинова. Тогда же приступлено было къ изданію матеріаловъ по присоединенію Крыма къ Россіи, которыхъ и издано пять томовъ.

„Съ 1886 года начали издаваться переданныя въ Академію бумаги покойнаго епископа Порфирія, весьма интересныя и важныя для исторіи церковной и гражданской.

„Спусти три года, а именно съ 1889 года, Академія Наукъ приступила, на Высочайше пожалованныя средства, къ весьма обширному изданію „Актвъ Московскаго государства“, заключающихъ въ себѣ важнѣйшіе и до сихъ поръ неизвѣстные документы, разъясняющіе государственный строй и внутренній бытъ Россіи до Петра Великаго въ эпоху московскихъ царей. Въ двухъ изданныхъ уже томахъ помѣщены акты XVI и XVII столѣтій.

„Связь Россіи съ Византією и вліяніе послѣдней на нашу исторію обратили вниманіе ученыхъ на изученіе византійскихъ памятниковъ и постепенно привели къ мысли въ необходимости самостоятельнаго и періодическаго органа, посвященнаго византиновѣдѣнію. Благодаря щедротамъ императора Александра Александровича, Академія получила возможность приступить къ такому періодическому изданію, подъ заглавіемъ „Византійскій Временникъ“. Внося единство и систему въ византійскія занятія въ Россіи, журналъ этотъ, при помощи критики, будетъ содѣйствовать поступательному движенію науки: „Византійскій Временникъ“ имѣетъ цѣлью согласовать и объединить византійскія занятія въ Россіи и дать имъ болѣе опредѣленное направленіе, въ смыслѣ постановки ближайшихъ научныхъ задачъ, опредѣляемыхъ какъ современнымъ состояніемъ византиновѣдѣнія, такъ и тѣми особенными отношеніями, которыя вытекаютъ изъ разнообразныхъ вліяній Византіи на Россію. Въ изданныхъ уже книжкахъ помѣщено

нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ по разнымъ отдѣламъ византиновѣдѣнія.

„Упомянувъ объ изданіи покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ сочиненій Г. Р. Державина и П. Плетнева, а академикомъ А. О. Бычковымъ—„Описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной библіотеки“, мы увидимъ въ краткихъ чертахъ дѣятельность Академіи за послѣднія 13 лѣтъ.

„Правительственныя учрежденія также внесли свой вкладъ въ науку, и въ настоящее время печатаются: министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, подъ редакцію О. О. Мартенса, „Собраніе трактатовъ и договоровъ“; морскимъ министерствомъ, подъ редакцію О. О. Веселаго, „Матеріалы для исторіи русскаго флота“; печатаются документы сенатскаго архива, Собственной Его Величества Капцелярія, главнаго штаба—подъ заглавіемъ „Матеріалы для исторіи военного искусства въ Россіи“; издаются журналы комитета министровъ, подъ редакцію статсъ-секретаря А. Н. Куломзина; продолжается описаніе архива государственнаго совѣта, бумагъ и документовъ московскаго архива министерства юстиціи. Святѣйшій синодъ, по почину оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева, предпринялъ нѣсколько изданій, а именно: 1) продолжаетъ описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ; 2) издалъ полное собраніе постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи и 3) собраніе мнѣній и отзывовъ московскаго митрополита Филарета.

„Переходя къ частнымъ ученымъ обществамъ, мы должны сказать, что сверхъ существовавшихъ уже обществъ, продолжавшихъ и продолжающихъ усиленно трудиться надъ разработкою матеріаловъ русской исторіи и постепенно расширяющихъ свою дѣятельность, образовались нѣсколько новыхъ, преслѣдующихъ тѣ же цѣли. Такъ, въ 1888 году было основано историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ; въ 1889 году—историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ и другія. Приступлено къ работкѣ и изданію матеріаловъ, находящихся въ частныхъ архивахъ: князя Куракина, графовъ Паниныхъ и князя Воронцова, при чемъ редакторъ послѣдняго П. И. Бартеневъ далъ до сего времени 40 томовъ весьма цѣнныхъ документовъ въ видѣ писемъ, записокъ, дипломатическихъ нотъ и проч.

„Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ нѣтъ возможности перечислить весь изданный матеріалъ, разбросанный по журналамъ, сборникамъ и изданіямъ обществъ. Его такъ много, что, для облегченія ученыхъ

при розысканіи необходимыхъ источниковъ, являлась потребность въ изданіи библиографическихъ указателей, и извѣстный, нынѣ умершій, В. И. Межовъ посвящалъ себя этого рода дѣятельности. Начиная съ 1882 года, онъ издалъ „Русскую Историческую Библиографію“ въ 8 томахъ; „Библиографію Азіи“ въ двухъ томахъ; „Указатель книгъ и статей о Сибири“ въ трехъ томахъ; „Указатель статей по исторіи, съ начала XIX вѣка по 1890 годъ, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ“ и „Указатель книгъ и статей за 1800—1854 гг.“, въ трехъ томахъ. Наконецъ, въ 1891 и 1892 годахъ профессоръ университета св. Владимира, В. С. Иконниковъ, издалъ два тома своего „Опыта русской историографіи“. Эти 19 весьма объемистыхъ томовъ-указателей—лучшіе свидѣтели того обилія историческаго матеріала, который появился на свѣтъ въ послѣдніе годы, только благодаря высокому покровительству, оказанному исторической наукѣ въ Божѣ почившимъ Императоромъ.

„Библиографическіе указатели, значительно облегчая ученыхъ въ присканіи необходимыхъ для нихъ источниковъ, дали возможность появиться на свѣтъ многимъ капитальнымъ трудамъ по русской исторіи, одно перечисленіе которыхъ составило бы сотни печатныхъ страницъ. Масса изданнаго матеріала, хранившагося въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ центрахъ, нынѣ напечатаннаго, даетъ возможность пользоваться имъ не однимъ только столичнымъ ученымъ, но и всѣмъ живущимъ въ Архангельскѣ и Севастополѣ, въ Варшавѣ и Хабаровскѣ, и въ этомъ отношеніи заслуга издателей громаднa. Все это могло быть осуществлено лишь подъ высокимъ покровительствомъ монарха, широко поощрявшаго все то, что могло повести къ болѣе точному изученію отечества.

„Въ сознаніи, что непосредственное знакомство съ природою и мѣстными условіями такой обширной и разнообразной страны, какъ Россія, даетъ ключъ къ объясненію многихъ явленій народной жизни и ея потребности, Императоръ Александръ III оказывалъ постоянное покровительство русскимъ путешественникамъ. Не говоря о непосредственной денежной помощи самимъ путешественникамъ и о назначеніи пожизненной пенсіи наиболѣе выдающимся изъ нихъ, были назначаемы значительныя субсидіи экспедиціямъ: Пржевальскаго, Пѣвцова, Потанина и другихъ.

„Высокопросвѣщенное вниманіе въ Божѣ почившаго Императора къ ученымъ предпріятіямъ дало возможность Академіи Наукъ снарядить ученыхъ экспедиціи доктора Бунге (1884 г.), Черскаго и барона

Толя на крайній сѣверъ Сибири (1890—1893 г.), академика Радлова въ Монголію (въ 1892 г.), доктора Остроумова на Черное и Мраморное моря (1892 г.) и экспедицію для изслѣдованія памятниковъ древности въ областяхъ Семирѣченской, Сыръ-дарьинской и Семипатинской (1893 г.). Экспедиціи эти имѣли, если можно такъ выразиться, всемірное значеніе, такъ какъ, при помощи входящихъ въ ихъ составъ специалистовъ науки, давали возможность изучать изслѣдуемую мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ. Но всего ярче выразилась вѣра Императора въ то значеніе, какое имѣетъ изученіе природы Россіи на ея исторію, когда въ 1890 году Онъ разрѣшилъ Наслѣднику Цесаревичу совершить путешествіе вокругъ всего азіатскаго материка на отдаленнѣйшую изъ русскихъ окраинъ—побережье Японскаго моря, результатомъ котораго явилось одно изъ величайшихъ предпріятій, благотворныхъ не только для Россіи, но для Европы и Азии,—это проложеніе великаго сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути. Путь этотъ останется навсегда колоссальнымъ памятникомъ двухъ царствованій“.

Послѣ того, К. П. Побѣдоносцевъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ воспитаніе и нравственный обликъ въ Божѣ почившаго Императора:

„Человѣкъ дѣлаетъ исторію: но столь же вѣрно, и еще болѣе значительно, что исторія образуетъ человѣка. Человѣкъ можетъ узнать и объяснить себя не иначе, какъ всею своею исторіею. Духъ человѣческой съ первой минуты бытія неудержимо, непрерывно стремится—всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущеніе выразить, воплотить въ дѣйствіи—и вся эта энциклопедія событій и дѣйствій составляетъ жизнь человѣческую. Въ этомъ смыслѣ жизнь, составляя сцѣпленіе событій, связанныхъ между собой логическою связью причины и дѣйствія, въ то же время есть таинство души: есть событія въ жизни, которыя роковымъ, таинственнымъ образомъ дѣйствуютъ на чуткую душу, опредѣляя стремленія, волю, характеръ и всю судьбу человѣка.

„Но человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа: кость отъ костей, плоть отъ плоти своихъ предковъ, сыновъ того же народа, и его психическая природа есть ихъ природа, съ ея отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, ищущими сознательнаго исхода. У всякаго народа, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть своя исторія—своя сѣть событій и дѣйствій, въ которыхъ стремится воплотить себя душа народная.

Въ исторической наукѣ пытливый умъ, критически изслѣдуя факты, дѣйствія и характеры, желаетъ опредѣлять точную достовѣрность ихъ и уловить взаимную ихъ связь и внутреннее значеніе въ судьбахъ общественной и государственной жизни народа. Съ глубокимъ интересомъ, съ наслажденіемъ, съ удивленіемъ читаемъ мы страницы этой книги, восхищаясь острою критическаго ума, искусствомъ художника. Исторія, по старинному выраженію, учительница народовъ, гражданъ и правителей, но кому изъ нихъ пошли въ прокъ ея уроки? Кто, закрывая книгу, овладѣвшую всѣмъ его вниманіемъ, не ощущалъ въ душѣ горькаго сознанія, что передъ нимъ открывалась старая, какъ мѣръ, лѣтопись человѣческой гордости, эгоизма, жестокости и невѣжества,—свитокъ, въ которомъ написаны „жалость и рыданіе и горе“.

„Въ иномъ, болѣе глубокомъ смыслѣ, исторія земли и народа образуетъ человѣка, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вноситъ въ исторію свое живое чувство, и тогда всякій фактъ, всякій характеръ въ исторіи отвѣчаетъ на то, чему душа вѣрить, что умъ въ состояніи обнять, такъ что своя духовная жизнь становится для человѣка текстомъ, а лѣтопись исторіи—комментаріемъ къ нему. Въ этомъ свѣтѣ событія открываютъ ему свое таинственное значеніе, и мертвая лѣтопись оживаетъ поэзіей духовной жизни цѣлаго народа. Иное, въ чемъ наука, анализируя факты и свидѣтельства о нихъ, видитъ одну легенду, сложившуюся въ народномъ представленіи,—то самое получаетъ смыслъ явленія, оправдавшего себя въ жизни и въ исторіи, становится истинною для духа. Чего бы ни достигъ разлагающій анализъ ученаго историка въ изслѣдованіи сказаній о Владимірѣ, о Димитріи, о Сергіи, объ Александрѣ Невскомъ,—для чуткой души это явленіе, этотъ образъ становится созвѣздіемъ, проливающимъ надъ нею свое теченіе въ тверди небесной.

„Мнѣ представляется, что такъ образовалась душа почившаго, незабвеннаго Государя, котораго память собрались мы нынѣ чествовать въ Обществѣ, имъ основанномъ. Душа его была чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ сказывалась ей природа своей земли и своего народа.

„Онъ выросъ возлѣ старшаго брата, наслѣдника престола, можно сказать въ тѣни его, питая свою душу дружбою съ нимъ, воспринимая отъ него впечатлѣнія и вкусы его умственнаго и нравственнаго развитія. То были годы безпорядочнаго броженія умовъ въ наукѣ,

въ литературѣ и въ обществѣ, но близъ Цесаревича стояли люди, которые способны были привлечь его вниманіе къ явленіямъ русской жизни, къ сокровищамъ духа народнаго и въ исторіи народа и въ его литературѣ. Таковы были—Ф. И. Буслаевъ, С. М. Соловьевъ. Подъ влияніемъ ихъ образовались вкусы обоихъ братьевъ и интересъ ихъ въ русской старинѣ. Въ поѣздкахъ своихъ по Россіи, изо-дня въ день одушевляемый встрѣчавшимъ его повсюду народнымъ движеніемъ, Цесаревичъ успѣлъ узнать и полюбить народъ свой и прослѣдить ходъ его исторіи на памятникахъ древности, успѣлъ узнать и полюбить природу кореннаго русскаго края, столь сродную русскому духу. Душа его росла и крѣпла на родной почвѣ, въ родной атмосферѣ, и въ письмахъ къ любимому брату Онъ передавалъ ему свои ощущенія.

„Насталъ 1865 годъ: онъ принесъ Россіи страшное горе. Богу угодно было отнять у Россіи свѣтлую ея надежду. Цесаревичъ Николай Александровичъ скончался и оставилъ грядущія судьбы Россіи въ наслѣдство возлюбленному брату, передавъ ему и всѣ завѣты юной души своей.

„Нежданное, негаданное бремя легло на душу новаго Цесаревича, и онъ принялъ его въ смиреніи, какъ долгъ, возложенный на него Провидѣніемъ, принялъ и въ глубинѣ души своей повѣрилъ Богу судьбу свою и Россіи. Нынѣ, и его по волѣ Божіей оплакивая, мы видимъ, мы чувствуемъ, какъ до конца оправдалась эта вѣра!

„Съ этого дня до вступленія на престолъ, въ 1881 году, онъ арѣлъ въ тишинѣ, не думая, не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе его на царство. Эти годы были для него поистинѣ годами воспитанія, и оно совершалось въ духѣ историческихъ завѣтовъ народа русскаго и русскаго государства. Еще въ дѣтствѣ любимымъ его чтеніемъ были историческіе романы Загоскина и Лажечникова, и въ немъ, какъ во многихъ русскихъ дѣтяхъ, это чтеніе возбудило первыя движенія любви къ отечеству и національной гордости. Интересъ къ этому чтенію сохранилъ онъ и въ юности, и въ послѣдующіе годы своей жизни. Бесѣды съ С. М. Соловьевымъ открыли ему внутренній смыслъ русской исторіи и значеніе борьбы, которую вело собиравшее землю государство съ противогосударственными и противозачинными силами. Ему случалось сходить съ умными русскими людьми, и онъ любилъ слушать ихъ рѣчи о русской старинѣ и сужденія о дѣлахъ и событіяхъ новаго времени съ русской точки зрѣнія: такъ росла въ немъ та чуткость къ русскимъ

интересамъ, которая въ годы царствованія открылась намъ—въ силѣ истинной государственной мудрости. Памятники русской старины, которые онъ изучалъ наглядно во время поѣздокъ по Россіи, были всегда для него предметомъ особливаго интереса, и онъ ощущалъ тонко ту своеобразную красоту линий и украшеній, которою отличается типъ нашей старинной церковной архитектуры. Съ тѣхъ поръ требовалъ онъ къ своему разсмотрѣнію всѣ прозкты новыхъ церковныхъ сооруженій, и глазъ его съ удивительной вѣрностью различалъ все, что въ отдѣльныхъ частяхъ зданія нарушало цѣльную его гармонию или не согласовалось съ основнымъ типомъ. Въ душѣ его отражался лучшими, привлекательными чертами тотъ образъ великорусскаго человѣка, который привлекаетъ къ нему сочувствіе всѣхъ успѣвшихъ близко съ нимъ ознакомиться. И въ людяхъ и въ учрежденіяхъ ему было противно все искусственное, напускное и напыщенное; но простой человѣкъ, приближаясь къ нему, чувствовалъ свое душевное сродство съ русскимъ государемъ.

„И для отдѣльнаго человѣка и для народа, для общества всю цѣну исторіи составляетъ самосознаніе. И отдѣльный человѣкъ и народъ, представляемый властью, познаетъ себя въ своей исторіи. Поучительна исторія развитія этого самосознанія у насъ въ Россіи. Стоять сравнить въ этомъ отношеніи двѣ эпохи — начало и конецъ текущаго столѣтія, время двухъ Александровъ Императоровъ—Александра I и Александра III. Первый Александръ также любилъ Россію и народъ свой, но его воспитаніе не дало ему возможности узнать ни исторію страны своей, ни народъ свой. Онъ родился въ такое время, когда простой народъ слылъ подъ общимъ названіемъ подлыхъ людей, и сверху мало кто различалъ въ немъ обликъ достоинства; когда западная культура, перенесенная на русскую почву, выражалась лишь во внѣшнихъ формахъ чуждаго намъ быта; когда на самую церковь смотрѣли сверху, какъ на учрежденіе, необходимое для народа, но уступающее въ достоинствѣ римскому культу просвѣщеннаго Запада. И умъ, и сердце неудержимо влекли молодого государя къ возвышенной цѣли—править ко благу народному, водворить порядокъ въ хаосѣ учрежденій, искоренить злоупотребленія, разрѣшить стѣснительныя узы рабства и предрасудка. Но идеаль, къ которому примѣнялись его стремленія и планы,—былъ не въ Россіи, а внѣ ея. Воспитанный Лагарпомъ въ духѣ отвлеченныхъ идей философіи XVIII столѣтія, изъ нихъ почерпалъ онъ отвлеченный идеаль свой, а русская исторія, русская дѣйствительность была ему за-

крыта и представлялась чистымъ полемъ, на которомъ можно строить, что угодно. Окруженный илеядою юныхъ совѣтниковъ, онъ заодно съ ними погружался въ мечтанія. Не зная природы народа и его потребностей, мечталъ о представительномъ правленіи, долженствовавшемъ, будто бы, водворить разумъ и правду въ правительствѣ; не зная церкви православной въ ея народномъ значеніи, мечталъ объ уравненіи съ нею всѣхъ вѣроисповѣданій и о безразличіи церквей и вѣроученій; мечталъ о восстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что царство Польское—означаетъ рабство и угнетеніе для всего русскаго народа.

„Съ этого времени до вступленія на престолъ Императора Александра III протекло слишкомъ полстолѣтія. Въ этотъ періодъ времени трудно исчислить, сколько сдѣлало успѣховъ, какъ выросло русское историческое самосознаніе,—и наиболѣе замѣтный ростъ его относится именно ко времени воспитанія и первой юности Цесаревича Александра Александровича. Открыто и обнародовано множество новыхъ памятниковъ, освѣтившихъ исторію народной жизни, явились молодые ученые съ самостоятельными взглядами на учрежденія и событія и характеры, въ литературѣ и въ обществѣ проснулся живой интересъ къ памятникамъ народнаго творчества въ пѣсняхъ, въ былинахъ, въ музыкѣ, въ архитектурѣ. Въ Москвѣ собрался кружокъ культурно-образованныхъ людей, одушевленныхъ мыслью о необходимости народнаго самопознанія въ изслѣдованіи прошедшихъ судебъ страны своей и своего народа; они явились въ обществѣ и въ литературѣ съ протестомъ противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностямъ, противъ самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, что касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Это были люди, искавшіе въ прошедшемъ своей родины идеала для устройства будущихъ судебъ ея, и они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь русской народности съ вѣрой и съ православной церковью. Независимо отъ крайностей ученія, слово это было необходимо въ виду надвигавшейся съ Запада тучи космополитизма и либеральнаго доктринерства: вотъ почему дѣятельность этого кружка имѣла важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Молодой Наслѣдникъ Цесаревичъ, рано ознакомившійся съ этимъ направленіемъ чрезъ А. Ѳ. Тютчева, не могъ не сочувствовать ему чуткимъ русскимъ сердцемъ, любящимъ народъ Свой и землю и жаждущимъ правды и прямаго дѣла для земли Своей.

„Посреди такихъ явленій и воздѣйствій возросталъ и образовался

будущій Императоръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ выросла и укрѣплялась въ народѣ вѣра въ Него, оправдавшаяся въ теченіе всего 13-тилѣтняго Его Царствованія. Для крѣпости правленія нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего дороже вѣры народной въ Своего Правителя, такъ какъ все держится на вѣрѣ. Что бы ни случилось, всѣ знали и были увѣрены, на что въ важныхъ случаяхъ государственной жизни дастъ Онъ отрицательный и на что положительный отвѣтъ изъ Своей русской души. Всѣ знали, что не уступить Онъ русскаго, исторіей завѣщаннаго интереса ни на польской, ни на иныхъ окраинахъ ивродческаго элемента, что глубоко хранить Онъ въ душѣ Своей одну съ народомъ вѣру и любовь къ церкви православной, понимая все ея воспитательное значеніе для народа; наконецъ, что заодно съ народомъ вѣруетъ Онъ въ непоколебимое значеніе Власти Самодержавной въ Россіи и не допустить для нея въ призракъ свободы смѣшенія языковъ и мнѣній.

„Когда мы теряемъ ближняго, любимаго человѣка, мы не думаемъ спрашивать: что онъ сдѣлалъ, мы только ощущаемъ, чѣмъ онъ былъ, и для насъ всего дороже, всего ошутительнѣе живой его образъ со всею окружавшею его нравственною атмосферой, все, что отъ него исходило къ намъ и держало въ насъ ту гармонию жизни, которую съ кончиною Его мы утратили. И кажется въ эту минуту—его нѣтъ—какъ намъ жить безъ него? Такимъ-то чувствомъ дрогнулъ весь народъ русскій, пораженный вѣстью, что отошелъ отъ насъ Царь Александръ III. Душа народная слилась съ его душою и, утративъ Его, сама растерялась. Чувство это живо и понынѣ. Кто хочетъ уловить Его и сляться съ Нимъ,—пусть идетъ въ Петропавловскій соборъ на эту орошенную слезами могилу и увидитъ, какъ и нынѣ и завтра наполняетъ его, торжественно съ утра до вечера тихою молитвою, безконечная толпа народная, стекающаяся къ этой могилѣ со всѣхъ концовъ Россіи“.

Наконецъ, Н. О. Дубровинъ прочиталъ слѣдующее сообщеніе о собственноручныхъ бумагахъ Императрицы Екатерины II, приобрѣтенныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ:

„Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Александровичъ, принявъ на себя въ 1867 году званіе почетнаго предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, обратилъ особенное вниманіе на царствованіе императрицы Екатерины II, и подъ Его покровительство были приняты Обществомъ самыя дѣятельныя мѣры

къ собранію и изданію матеріаловъ, касающихся славнаго вѣка Екатерины. Среди этихъ матеріаловъ имѣетъ наиболѣе важное значеніе собственноручная переписка императрицы съ разными лицами, составившая семь томовъ „Сборника“. Но не смотря на всю обширность и разнообразіе собраннаго матеріала, еще и до сихъ поръ встрѣчаются собственноручныя записки и письма Екатерины, хранящіяся въ частныхъ рукахъ и представляющія весьма важное значеніе для исторіи ея времени. Такъ, въ 1892 году, дочь статскаго совѣтника Александра Ивановича Михайлова, живущая въ Торопецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, представила Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Президенту Академіи нѣсколько собственноручныхъ бумагъ императрицы Екатерины, доставшихся ей послѣ смерти отца, служившаго при дворѣ великой монархини. Его Высочеству угодно было приобрести эти бумаги въ Свою собственность, въ виду того значенія и интереса, который онѣ имѣютъ. Объ этихъ бумагахъ мы и позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ.

„Блестящіе успѣхи русскаго оружія въ первую турецкую войну окончились Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, доставившимъ Россіи громадныя нравственныя перевѣсы надъ Портою и утвердившимъ навсегда вліяніе Екатерины на христіанскихъ подданныхъ султана. Турція была ослаблена на столько, что въ головѣ князя Потемкина зародилась мысль о возможности выгнать турокъ изъ Европы, овладѣть Константинополемъ и, возстановивъ тамъ престолъ византійскихъ императоровъ, возвести на него одного изъ Великихъ Князей Русскаго Императорскаго Дома. Этотъ проектъ, извѣстный подъ именемъ „греческаго“, сталъ завѣтною мечтою императрицы Екатерины II и казался ей легко осуществимымъ. Разоренная Германія не могла вмѣшиваться тогда въ дѣла Востока, Англія не утвердила еще тамъ своего вліянія и на каждомъ шагѣ встрѣчала сопротивленіе въ лицѣ своей соперницы Франціи; Австрія и Пруссія раздѣломъ Польши были вовлечены въ союзъ съ Россією. Предоставленные сами себѣ турки могли быть легко изгнаны изъ Европы, и вмѣсто Турецкой могла возникнуть Византійская имперія.

„Въ то время, когда мысль эта занимала Екатерину, появился на свѣтъ 27-го апрѣля 1779 года второй внукъ ея, нареченный Константиномъ и предназначенный занять престолъ византійскихъ императоровъ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, лордъ Мельсбюри (Malshesbury), доносилъ своему правительству, что императрица, тотчасъ послѣ рожденія Великаго Князя, стала говорить окружающимъ

о своемъ намѣреніи возвести его на престолъ равноапостольнаго Константина. Когда Константину Павловичу было только три года, императрица въ сентябрѣ 1782 года сообщила свой проектъ императору австрійскому Іосифу и прямо указывала на своего внука, какъ на родоначальника новой династіи византійскихъ императоровъ¹⁾. Греки явились у колыбели новорожденнаго Константина Павловича; кормилицею его была гречанка Елена, а первымъ его слугою грекъ Дмитрій Курута; товарищами его дѣтскихъ игръ были Колагеоргій и другіе греки, призванные съ тою цѣлью, чтобы дать возможность Великому Князю съ раннихъ лѣтъ ознакомиться съ греческимъ языкомъ и характеромъ будущихъ его подданныхъ. По случаю рожденія Константина Павловича была выбита особая медаль, на оборотной сторонѣ которой, между изображеніями вѣры и надежды, помѣщена и любовь, держащая на рукахъ младенца; всѣ эти фигуры озаряются свѣсомъ лучами. Вдали виденъ константинопольскій соборъ св. Софіи, надъво на горизонтѣ—море и выходящая звѣзда. Императрица поручила художникамъ изобразить Константина въ одеждѣ византійскихъ кесарей, осѣненнаго крестомъ изъ семи звѣздъ, который, по преданію, явился императору Константину Великому на небѣ, въ ночь передъ битвой его съ Максенціемъ на Мильвійскомъ мосту. Сама императрица стала носить и ввела въ моду костюмъ, называвшійся „гречанкою“. Великій Князь выросталъ среди грековъ, и чтобы сроднить ихъ съ Россією, въ Петербургѣ былъ учрежденъ греческій кадетскій корпусъ.

„Такъ подготовляла Екатерина своего внука, а князь Потемкинъ населялъ новороссійскія степи и учреждалъ города съ греческими названіями. Города эти должны были служить незаимѣтною переходною полосою между двумя имперіями—Русскою и Греческою. Безкровное присоединеніе Крыма къ Россіи и неудачи Турціи въ послѣдовавшей вслѣдъ затѣмъ второй войнѣ съ Россією давали Екатеринѣ полную надежду на возможность осуществленія завѣтнаго желанія. Въ черновыхъ, собственноручныхъ наброскахъ императрицы, по всей вѣроятности, предназначавшихся для князя Потемкина, мы читаемъ:

„Буде успѣхи войны подали бы способы и случай Россіи къ совершенному выгнанію врага имени Христова изъ предѣловъ евро-

¹⁾ *Arnetz*, „Joseph II und Katharina II“, Wien, 1869.

пейскихъ, то Россія за такую всю христіанству и роду человѣческому заслугу выговариваетъ себѣ возстановленіе, на развалинахъ варварской державы, древней Греческой имперіи. Россія общается оную имперію въ совершенной независимости оставить, вручить и отдать младшему російскому великому князю Константину Павловичу, который тогда имѣетъ дать обѣщаніе, да не учинитъ ни въ какомъ случаѣ наслѣдственное или иное притязаніе на всероссійское наслѣдіе, равномерно и брать его на греческое.

„Буде вѣнскому двору угодно какое ни на есть основаніе на Средиземномъ морѣ для торговли, то въ томъ вспомошествовать (Россія) общается. Оба императорскіе двора у прочихъ дворовъ при всякомъ случаѣ приложить старанія объ успѣхѣхъ и споспѣшествованіи здѣсь прописаннаго. Буде же въ ненависть союза обѣихъ имперій иная держава почала вражду, тогда соединенными силами оную отвратить. Обѣ имперіи общаются прочихъ державъ удовольствовать торговыми выгодами.

„Для избѣжанія ссоры между трехъ имперій, а именно: Россійской, Римской и Греческой, надлежитъ опредѣлить отнынѣ на вѣчныя времена, чтобъ остались между оныхъ трехъ имперій земли отъ нихъ независимыя, какъ-то: Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ названіемъ *Дациа*, подъ христіанскимъ владѣтелемъ, тамо господствующимъ, на вѣрность котораго оба Императорскіе двора могли положиться, установя притомъ, чтобы сія новая держава, пребывая въ наслѣдственномъ владѣніи своего обладателя, никогда ни къ которой имперіи присоединена быть не можетъ, означивъ точные ея предѣлы между греческой и римской.

„Между Россійской и Греческой (имперіями)—море Черное и Албанія. Польша должна остаться, какъ она есть, по конвенціямъ трехъ державъ.

„Россія отрицается отъ пріобрѣтеній, кромѣ: 1) Очакова съ частью земли, лежащей между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, 2) Крымскаго полуострова, буде бы паче чаянія тамошнее правленіе по смерти нынѣшняго хана, или по какимъ либо непредвидимымъ замѣшательствамъ, нашлось для насъ невыгоднымъ или вреднымъ, и наконецъ, 3) одного двухъ или трехъ острововъ въ Архипелагѣ, для разныхъ пользъ и выгодъ по торговлѣ.

„Вѣнскій дворъ да возвратитъ себѣ Бѣлградъ съ частью Сербіи и Босніи и баната Краювскаго“.

„Стараться о возстановленіи Греческой имперіи, — писала Ека-

терина въ другой запискѣ, — не выпуская никакъ изъ мысли для Константина и для того: 1) кояко можно вѣнскій, прусскій и шведскій дворы вводить во французскія дѣла; 2) принцамъ и королю французскому дать помочъ и заступленіе; 3) съ Англіею жить ладно, кояко возможно; 4) Польшу не выпускать изъ вида, и 5) войска стараться возможно содержать въ штатномъ положеніи“.

Записки эти ¹⁾ указываютъ, что, предназначая на престолы: Россійскій—своего внука Александра, а на Греческій—Константина, императрица Екатерина совершенно устранила отъ престолонаслѣдія своего сына Павла Петровича. Какъ бы въ оправданіе своихъ поступковъ, она оставила собственноручную замѣтку слѣдующаго содержанія:

„Признаться должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ принужденнымъ для спасенія общаго дѣла отрѣшить своего отродія. Тутъ уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. Итакъ, я почитаю, что премудрый государь Петръ I, несомнѣнно, величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неспособнаго сына. Сей наполненъ былъ противъ него ненавистью, злобою, ехидною завистью; изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра пылинку худого, слушалъ ласкателей, отдалялъ отъ ушей своихъ истину, и ничѣмъ на него не можно было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его родителѣ. Онъ же самъ былъ лѣнтяй, малодушень, двоякъ, нетвердъ, суровъ, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжда, весьма посредственнаго ума и слабого здоровья“.

Итакъ, по мнѣнію императрицы, только польза государства могла заставить Петра подавить въ себѣ родительское чувство относительно сына. Мысль и желаніе быть полезною Россіи не покидали и Екатерину. Въ 1788 году въ собственноручномъ проектѣ указа о раздѣленіи дѣлъ въ сенатѣ она писала:

„Самодержавствуя сильнымъ и славнымъ россійскимъ народомъ и давая отчетъ и благодареніе единому Творцу нашему Богу, имъ же Царіе царствуютъ, и его же неисповѣдимыми судьбами сохранены невредимы и оправданы Мы къ сему великому служенію, видимъ въ ономъ уже истекающее нынѣ двадцать шестое лѣто.

¹⁾ Онѣ были напечатаны въ *Русской Старинѣ* 1892 года, № 10, стр. 1, но съ очень дурныхъ копій.

„Во время сіе мы почли за честь и славу царствованія нашего ставить слѣдующія правила:

1) Охраненіе и сохраненіе православной восточной греко-россійской каѳолической вѣры.

2) Законамъ установленнымъ дать теченіе и силу.

3) Повсюду правосудіе и исполненіе закона вводить и утвердить.

4) Оказывать милосердіе и покровительство подданнымъ, приводя въ безопасность жизнь, имѣніе и честь каждаго лично по своему состоянію.

5) Торгамъ и ремесламъ вообще покровительствовать.

6) Предохранять предѣлы имперіи отъ набѣговъ и нападенія и отражать оныя.

7) Всеобщими поборами колико можно менѣе отягощать народъ.

8) Приблизить имперію во всѣхъ частяхъ къ цвѣтущему и безопасному состоянію.

„Постановя вышеописанныя правила въ основаніе царствованія нашего, излишне распространяться здѣсь далѣе. Сенату нашему извѣстны дѣянія и успѣхи, что устроено къ пользѣ врученныхъ намъ людей и къ благу общему: паче какія послѣдствія имѣли созданныя отъ насъ въ 1775 году учрежденія для управленія губерній. Оныя, касаясь естественнаго положенія мѣстъ, пространства земель, несходства странъ, разности жителей; но соединяя всѣхъ потребою въ безопасности лицъ и имущества, въ теченіи правосудія, въ поснѣшномъ исполненіи, въ благочиніи и порядкѣ,—учинили сей образъ управленія всеобще полезнымъ, выгоднымъ и угоднымъ даже до того, что кочующіе народы оному охотно подражали. Не трудно сіе понимать тѣмъ, кому извѣстно, что ради поснѣшности дѣлъ съ успѣхомъ установлены мѣста правленія и исполненія; отъ оныхъ отдѣлены суды гражданскіе и уголовные и съ оными не смѣшаны полеченія дѣлъ казенныхъ.

„Величайшая часть имперіи въ стеязяхъ сихъ приведена уже и для наивящшаго блага общаго, утвержденія безопасности лицъ и имущества, непрепятствованія теченію правосудія, подкрѣпленію благочинія и порядка повелѣваемъ и за благо разсуждаемъ нынѣ въ сенатѣ нашемъ дѣла раздѣлить и департаменты устроить какъ о семъ и о каждомъ департаментѣ, при семъ въ приложеніи предписано“¹⁾.

¹⁾ Приложенія, къ сожалѣнію, не оказались.

Указъ этотъ не былъ объявленъ и остался только свидѣтелемъ постоянныхъ заботъ императрицы о благѣ своихъ подданныхъ.

Эти же заботы заставляли Екатерину во все свое царствованіе преслѣдовать откупа и всякаго рода монополію.

„Прочтя сей проектъ, — писала она, — я нашла оный составленнымъ точно по правиламъ всѣхъ монополистовъ, то-есть, захватить все въ свои руки, несмотря на разореніе людей, изъ того послѣдующее. Въ началѣ моего царствованія я нашла всю Россію по частямъ розданною подобнымъ компаніямъ и, хотя я 19 лѣтъ стараюсь сей корень истребить, но вижу, что еще не успѣваю, ибо отпрыжки, — авось либо удастся, — сими проектомъ оказываются. Буде самъ его не издерешь, то возврати его составителямъ съ тѣмъ, чтобы и впредь о подобномъ не заикались“.

„Въ заключеніе нашего сообщенія приведемъ нѣсколько замѣтокъ императрицы, набросанныхъ на маленькихъ лоскуткахъ бумаги:

„На освященіи я была:

- 1) На Москвѣ большая деревянная, что сгорѣла Воскресеніе Хри.
- 2) На Москвѣ каменная Киро Іоанна. +
- 3) На Москвѣ на запасномъ дворѣ Іануарій Мучени. +
- 4) Въ Ораниенбаумѣ на кладбище деревянная Троица. +
- 5) Въ Петергофѣ, въ слободѣ каменная Петра и Павла. +
- 6) Въ Софійскѣ, каменная Софія Прем. Божіи. +
- 7) Въ Чесмѣ, Іоаннъ Креститель. +
- 8) Въ С.-Петербургѣ, Сергѣя чудотворца.
- 9) Въ кадетскомъ корпусѣ.
- 10) Въ Дѣвичьемъ монастырѣ. +
- 11) На Волгѣ, въ Федоровскомъ монастырѣ.
- 12) Въ Новегородѣ, на воротахъ.
- 13) Въ С.-Петербургѣ въ Зимнемъ дворцѣ, малая церковь Срѣтенія.
- 14) Въ Сергіевской пустынь, что на петергофской дорогѣ, Троица.
- 15) Въ Островѣ, у графа Орлова, Преображеніе.
- 16) Морская церковь св. Николая.

„Со крестиками назначенныя я сама строила“.

„Вотъ еще нѣсколько замѣтокъ императрицы:

„Великія дѣла можетъ исправлять только человекъ, духа котораго никакое дѣло потревожить не можетъ.

„Нимало не сердись, когда кушаешь.

„Спеки дѣло, кое спѣть трудно.

„Принимай великодушно, что дуракъ сдѣлалъ“.

По окончаніи чтенія рѣчей и сообщенія о бумагахъ императрицы Екатерины II, приступлено было, на основаніи §§ 30, 31 и 45 устава, къ выборамъ должностныхъ лицъ, при чемъ избранъ въ члены совѣта Общества Н. Ѳ. Дубровинъ, на мѣсто умершаго члена совѣта Я. К. Грота, и переизбраны на новое трехлѣтіе: предсѣдатель А. А. Половцевъ, вице-предсѣдатель А. Ѳ. Бычковъ, секретарь Г. Ѳ. Штендманъ, казначей Е. М. Феоктистовъ и членъ совѣта В. И. Сергѣевичъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1894 ГОДУ.

Въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ состояли къ 1-му января 1895 г.: 1 профессоръ богословія, 52 ординарныхъ профессора (въ томъ числѣ 19, уже выслужившіе 30-тилѣтній срокъ), 14 экстраординарныхъ (въ томъ числѣ 1 сверхштатный и 1, выслужившій 30-тилѣтній срокъ), 2 преподавателя, 84 привать-доцента, 5 лекторовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 1 препараторъ, 1 прозекторъ и 41 человекъ лаборантовъ и хранителей музеевъ и кабинетовъ. По факультетамъ преподаватели распредѣлялись въ теченіе 1894 г. такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ было 15 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ и 28 привать-доцентовъ (всего 46 чел.), на юридическомъ—10 ординарныхъ, 4 экстраординарныхъ профессора и 16 привать-доцентовъ (всего 36 чел.); на факультетѣ восточныхъ языковъ—10 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ и 8 привать-доцентовъ (всего 20 человекъ) и на факультетѣ физико-математическомъ—17 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ и 32 привать-доцента (всего 53 чел.). Такъ какъ одинъ изъ числа лекторовъ и десять человекъ изъ числа лаборантовъ и хранителей кабинетовъ состояли вмѣстѣ съ тѣмъ и привать-доцентами, то всего въ С.-Петербургскомъ университетѣ преподавателями, лаборантами и хранителями кабинетовъ состояли 191 человекъ; на неученой службѣ состояли при университетѣ еще 22 человека.

Въ теченіе 1894 г. вступили въ число преподавателей Петербургскаго университета въ качествѣ привать-доцентовъ 13 человекъ: на историко-филологическомъ факультетѣ докторъ русской исторіи Ли-

хачевъ, магистръ римской словесности Крашенинниковъ и магистранты Вознесенскій—по кафедрѣ философіи и Гриммъ—по кафедрѣ всеобщей исторіи; на юридическомъ факультетѣ—Каминка, Петровъ и Косоротовъ по кафедрамъ гражданскаго права, финансоваго права и судебной медицины; на факультетѣ восточныхъ языковъ Меліоранскій по кафедрѣ турецко-татарской словесности, и на физико-математическомъ: академикъ профессоръ Сонинъ по кафедрѣ чистой математики, магистры Шевяковъ и Вагнеръ по кафедрѣ зоологіи, Лермонтовъ по кафедрѣ физики и физической географіи и Селявановъ по кафедрѣ физики. Изъ числа преподавателей Петербургскаго университета въ теченіе 1894 года назначены были привать-доценты Вериго—экстраординарнымъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ, Покровский и Навашина—исправляющими должность экстраординарныхъ профессоровъ, первый въ историко-филологическій институтъ князя Безбородко, второй—въ университетъ св. Владимира и Львовъ адъюнкты-профессоромъ въ Петербургскій Технологическій Институтъ; привать-доценты Полежаевъ и Лейстъ перешли въ другіе университеты. 5-го августа 1894 г. умеръ лекторъ французскаго языка Иванъ Ивановичъ Флери, занимавшій эту должность въ теченіе многихъ лѣтъ (род. во Франціи въ 1816 г.); 26-го ноября 1894 г. умеръ почетный членъ университета, бывший его профессоръ, знаменитый математикъ академикъ Пафнуцій Львовичъ Чебышевъ (род. 14-го мая 1821 г.); 8 ноября 1894 г. умеръ почетный членъ университета знаменитый музыкантъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ (род. 1829 г.), въ февралѣ 1894 г. скончался извѣстный хорватскій ученый, первый президентъ Юго-Славянской академіи наукъ въ Загребѣ, Францъ Рачкій (род. въ 1828 г.).

Въ теченіе 1894 г. совѣтъ Петербургскаго университета возвелъ въ степень доктора 2 магистровъ и въ степень магистра 8 кандидатовъ. Степень доктора получили: Г. В. Форстенъ—степень доктора всеобщей исторіи за изслѣдованіе: „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ“ и Н. М. Коркуновъ—степень доктора государственнаго права за сочиненіе: „Указъ и законъ“. Степень магистра получили: Н. А. Гельвихъ—степень магистра римской словесности за диссертацию: „Наблюденія надъ именами прилагательными у Плавта“. В. Ф. Залѣскій—степень магистра политической экономіи за сочиненіе: „Ученіе о цѣнности“, Г. Ф. Вороной и Б. М. Кояловичъ—степень магистра чистой математики за изслѣдованія—первый: „О цѣлыхъ алгебраическихъ числахъ, зависящихъ отъ корня уравненія третьей

степени“, второй—за „Исслѣдованія о дифференціальномъ уравненіи $udy - ydx = Rdx$ “; степень магистра зоологіи получили В. Т. Шеляковъ и Ю. Н. Вагнеръ: первый—за диссертацию: „Къ біологіи простѣйшихъ“, второй—за „Исторію эмбриональнаго развитія *Ixodes scapatus* Vir.“. Степень магистра физики получилъ А. И. Садовскій за диссертацию: „Къ вопросу о сопротивленіи висмута переменному току“, и степень магистра ботаники—С. Г. Навашинъ за изслѣдованіе: „Склеротинія березы“. Кромѣ того, изъ числа преподавателей Петербургскаго университета приватъ-доцентъ С. К. Буличъ получилъ отъ Казанскаго университета степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія за диссертацию: „Церковно-славянскіе элементы въ современномъ русскомъ литературномъ и народномъ языкѣ“, и приватъ-доцентъ Н. Б. Делоне отъ Новороссійскаго университета степень доктора механики за диссертацию: „Передача вращенія и черченіе кривыхъ шарнирорычажнымъ механизмомъ“.

Еженедѣльно въ Петербургскомъ университетѣ читалось лекцій—въ первое, весеннее полугодіе—598, во второе, осеннее—635. На историко-филологическомъ факультетѣ были изучаемы слѣдующія произведенія классической литературы: Плутарха „Moralia“, Эврипида „Ифигенія въ Тавридѣ“, Аристофана—„Осы“ и „Богатство“, Софокла „Эдипъ Колонскій“ и „Трахинейки“, Эсхила „Персы“, Аристотеля „Піитика“, отрывки изъ Теоокрита и изъ Каллимаха и другихъ александрійскихъ поэтовъ; избранныя мѣста изъ писемъ Плинія Младшаго, изъ Марціала, изъ „Satyricon“ Петронія, изъ „Institutiones“ Квинтилиана, изъ „Энеиды“ Вергилія, избранныя Элегія Тибулла, „Epistolae“ Горация, „De oratore“ Цицерона, Лукреція „De rebus natura“, „Andria“ Теренція и письма Сенеки философа; кромѣ того, читаны были курсы: „Исторія римской литературы“, „Римское государственное право“, „Исторія греческой поэзіи“ и „Исторія древне-греческой прозы“. По языковѣдѣнію и исторіи литературы, сверхъ курсовъ общихъ, обязательныхъ, читались еще различныя спеціальныя курсы, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ рассчитаны были на одно, другіе—на оба полугодія. Проф. Соболевскій читалъ: „Займствованныя слова въ русскомъ языкѣ“, „Несторова лѣтопись“ и „Русская діалектологія“; проф. Незеленовъ—„Н. А. Гоголь“; приватъ-доцентъ Волковъ—„Русскій языкъ въ XI—XIV вѣкахъ“; приватъ-доцентъ Меклеръ читалъ курсъ литовскаго языка, приватъ-доценты Лось и Сырку читали параллельныя курсы „Исторіи славянскихъ литературъ“ и „Славянскихъ нарѣчій“; приватъ-до-

центъ Сырку читалъ еще курсъ румынскаго языка. Проф. Веселовскій читалъ „Провансальскій языкъ“ и „Италянскій языкъ“, привать-доцентъ Браунъ—„Нѣмецкій языкъ XV—XVII вѣковъ“, „Тексты младшей Эдды“, „Сравнительную грамматику германскихъ нарѣчій“; привать-доцентъ Ватюшковъ читалъ „Исторію италянскон литературы“ и „Древне-провансальскій языкъ“, привать-доцентъ Ланге „Исторію новой англійской литературы“ и привать-доцентъ Вейнбергъ читалъ курсъ: „Жизнь и литературная дѣятельность Байрона“. По древней исторіи проф. Соколовъ читалъ „Исторію Греціи въ III и во II вѣкахъ до Р. Хр.“ и привать-доцентъ Щукаревъ—„Обзоръ литературныхъ и эпиграфическихъ источниковъ по исторіи Греціи въ IV—II вѣкахъ до Р. Хр.“; по всеобщей исторіи проф. Васильевскій читалъ „Исторію Византійской имперіи“; привать-доцентъ Форстенъ: „Исторію реформаціи“ и „Исторію нѣмецкихъ университетовъ въ XV—XVII вѣкахъ“; привать-доцентъ Регель: „Крестовые походы“; проф. Карѣевъ читалъ „Историческую энциклопедію“ По русской исторіи привать-доцентъ Лаппо-Данилевскій читалъ курсъ: „Методы изученія источниковъ и явленій русской исторіи“; привать-доцентъ Чечулинъ: „Исторію Россіи въ царствованіе Екатерины II“, привать-доцентъ Середонинъ: „Исторію южной и западной Руси въ XIII—XVII вѣкахъ“ и привать-доцентъ Сениговъ: „Разборъ источниковъ для исторіи старинно-русскаго земства“. На юридическомъ факультетѣ, сверхъ курсовъ, опредѣленныхъ по программѣ, въ 1894 г. читали: привать-доцентъ Гриммъ: „Систему римскаго гражданскаго права“; привать-доцентъ Свѣшниковъ курсы: „Государственное устройство Франціи“, „Германская конституція“ и „Обзоръ законодательныхъ и административныхъ памятниковъ“; привать-доцентъ Дымша—„Государственное право иностранныхъ державъ“, проф. Латкинъ—„Законодательные памятники Московскаго государства“, проф. Ведровъ—„Исторію полиціи“, привать-доцентъ Адамовичъ—„Нотаріатъ въ Россіи“, привать-доцентъ Вальтеръ—„Русское семейственное и наследственное право“, проф. Лебедевъ—„Государственный кредитъ“, привать-доцентъ Яроцкій—„Обзоръ современной экономической литературы и ученій объ обществѣ“, проф. Сорокинъ—„Анатомію и фізіологію здороваго и больнаго человѣка“ и „Судебную медицину“. Изъ курсовъ, опредѣленныхъ по программѣ, обязательныхъ, читались параллельные курсы: политической экономіи—проф. Георгіевскимъ и привать-доцентами Исаевымъ и Яроцкимъ; русскаго государственнаго права—профессоромъ Коркуновымъ и привать-доцентомъ Свѣш-

никовымъ; статистики—проф. Кауфманомъ и привать-доцентомъ Ходскимъ; финансоваго права—профессоромъ Лебедевымъ и привать-доцентомъ Ходскимъ; торговаго права и гражданскаго судопроизводства—привать-доцентами Адамовичемъ и Гольмстенемъ.

Практическія занятія студентовъ происходили на историко-филологическомъ факультетѣ подъ руководствомъ 18-ти преподавателей по чтенію и объясненію латинскихъ и греческихъ эпиграфическихъ и литературныхъ памятниковъ, по исторіи искусства, по санскритскому языку, по исторіи русскаго языка и русской новой и древней литературы, по изученію источниковъ средневѣковой исторіи, по исторіографіи французской революціи, по историческому изученію языковъ итальянскаго, англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, испанскаго и новогреческаго. На юридическомъ факультетѣ происходили практическія занятія подъ руководствомъ пяти преподавателей—у двухъ по статистикѣ, затѣмъ по римскому, уголовному и государственному праву. На факультетѣ восточныхъ языковъ почти всѣ курсы въ большей или меньшей степени обращаются въ практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ преподавателя; равнымъ образомъ на естественномъ разрядѣ физико-математическаго факультета преподаваніе ближайшимъ образомъ связано съ практическими работами, которыя и производились по всѣмъ предметамъ преподаванія, подъ руководствомъ и наблюденіемъ профессоровъ или лаборантовъ и консерваторовъ; на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета практическія занятія были у проф. Глазенапа по астрономіи и у привать-доцентовъ Граве и Мещерскаго, подъ руководствомъ которыхъ студенты упражнялись въ рѣшеніи задачъ по аналитической геометріи и по механикѣ матеріальной точки. Списокъ книгъ и статей, напечатанныхъ въ 1894 г. преподавателями Петербургскаго университета, и сдѣланныхъ ими ученыхъ сообщеній заключаетъ до 250 названій. Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію было въ 1894 г. 89 человекъ. Изъ нихъ 24 получали стипендіи, и 65 состояли безъ стипендій; при историко-филологическомъ факультетѣ состояло 28 молодыхъ людей (4 со стипендіями), при юридическомъ—31 (12 со стипендіями), при факультетѣ восточныхъ языковъ 6 (4 со стипендіями) и при физико-математическомъ—24 (4 со стипендіями).

Къ 1-му января 1894 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ числилось студентовъ 2.634 и постороннихъ слушателей—41, всего 2,675 человекъ; въ теченіе года вышло 410 человекъ по окончаніи

полнаго курса наукъ и 328—до окончанія. всего 738; въ августѣ 1894 года поступали: 744 человекъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, 38 бывшихъ студентовъ, затѣмъ 45 человекъ перешли изъ другихъ университетовъ и 45 же человекъ—изъ другихъ учебныхъ заведеній—всего 872 человекъ; постороннихъ слушателей 36 человекъ; къ 1-му января 1895 года общее число молодыхъ людей, получающихъ образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, достигло 2.804 человекъ; 2.675 человекъ къ 1-му января 1894 года и 2.804 человекъ къ 1-му января 1895 года—наивысшія цифры, какихъ когда либо достигало число студентовъ С.-Петербургскаго университета. Изъ факультетовъ наиболѣе многочисленнымъ является юридическій, на которомъ 1.462 человекъ, то-есть, нѣсколько болѣе половины всего числа слушателей университета; затѣмъ идетъ факультетъ физико-математическій, на которомъ 1.030 человекъ, изъ нихъ 494 человекъ на математическомъ разрядѣ и 536—на разрядѣ естественномъ; на историко-филологическомъ факультетѣ 187 человекъ и на факультетѣ восточныхъ языковъ—89 человекъ. Въ теченіе 1894 года выдано было стипендій 343 студентамъ на сумму 93.985 рублей и пособій—496 студентамъ на сумму 6.604 рубля; общество вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета выдало пособій 22.246 рублей; изъ стипендіатовъ 179 человекъ получили 58.960 рублей изъ средствъ государственнаго казначейства, 99—получили 23.103 рубля изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ и 65—получили 11.921 рубль изъ суммъ, высылаемыхъ разными учрежденіями. Изъ общаго числа 410 молодыхъ людей, окончившихъ курсъ, получили выпускныя свидѣтельства: по историко-филологическому факультету 23 человекъ, по юридическому—242 и по физико-математическому—123, въ томъ числѣ 60—по разряду математическихъ наукъ и 63—по разряду естественныхъ наукъ.

На актѣ 8-го февраля 1894 года объявлены были награды студентамъ за работы на предложенныя отъ факультетовъ темы. Темы эти были слѣдующія: на историко-филологическомъ факультетѣ: „Musa lapidaria Africana“, „Ласкательныя и бранныя выраженія въ комедіяхъ Плавта“, „Исторія Греціи въ царствованіе Филиппа, сына Димитрія“, „Жизнь и политическая дѣятельность Куріона младшаго“, „Петръ Хельяицкій и его сочиненія“; по юридическому факультету: „Экспертиза въ уголовномъ процессѣ“, „Борьба съ голодомъ“, „Ученіе о мѣстныхъ законахъ“; по факультету восточныхъ языковъ: „Собрать, перевести и объяснить свѣдѣнія о гностическихъ сектахъ въ

древнераввинской литературы“, „О походахъ Чингисхана“; на факультетѣ физико-математическомъ: „Изучить многовожечь Петербургской губерніи въ систематическомъ, анатомическомъ или эмбриологическомъ отношеніи“. Всего на эти темы представлено было 28 сочиненій; изъ нихъ пять сочиненій наградъ не удостоены. Золотыми медалями награждены студенты IV семестра Константинъ Гадзяцкій (юридическаго факультета), VI—Павель Митрофановъ (историко-филологическаго факультета), Сергій Зиновьевъ и Киприанъ Коссецкій (юридическаго факультета), VIII—Петръ Шмидтъ, Михайль Римскій-Корсаковъ (естественнаго разряда). Николай Плеве (юридическаго факультета) и прослушавшій восемь семестровъ Нехемъ Переферкофичъ (факультета восточныхъ языковъ); серебряными: студенты VI семестра Сергій Лавровъ (историко-филологическаго факультета), Евгений Шульцъ (естественнаго разряда), Оскаръ Вертъ, Николай Варадиновъ (юридическаго факультета), Николай Яновскій (факультета восточныхъ языковъ) и VIII семестра Аркадій Арциховскій (юридическаго факультета); почетнаго отзыва удостоены студенты Альбертъ Бехштремъ, Владиміръ Завадскій-Краснопольскій, Николай Ястребовъ, Владиміръ Грековъ (историко-филологическаго факультета), баронъ Дмитрій Гинсбургъ, султанъ Искандеръ Гази-Вали-Ханъ, Исидоръ Бернштейнъ, Александръ Емельяновъ (юридическаго факультета) и Алексѣй Губарь (факультета восточныхъ языковъ). Кромѣ того, студентъ VIII семестра, Борисъ Исаченко, получилъ премию, установленную въ память перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, за сочиненіе подъ заглавіемъ „Микологическія изслѣдованія“. На слѣдующій годъ предложены для соисканія наградъ медалями слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету: „Источники и значеніе представлений Вергилія о загробной жизни“, „Значеніе мимовъ Геропда для грамматики юническаго діалекта“, „Составъ, служебное устройство и хозяйственное обезпеченіе гарнизонныхъ и полевыхъ войскъ въ южныхъ городахъ Московскаго государства въ XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ“, „Разборъ новыхъ источниковъ для исторіи Болгаріи во время царя Симеона“; по юридическому факультету: „Письменные обязательства у римлянъ“, „Сенатъ въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I“, „Кража“, „Налогъ съ наслѣдства“; по факультету восточныхъ языковъ: „Судьба Минской династіи на югѣ Китая послѣ 1644 года“, „Изложить исторію Мухтара-ибн-Аби-Убеида на основаніи Табари, Ибн-ал-Аспира и Динавери, съ переводомъ Табари“; по физико-математическому фа-

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

культету: „О началѣ Гамильтона“, „О вліяніи атмосфернаго давленія на состояніе животнаго организма“, „Изучить сравнительно дѣйствіе какой либо группы химическихъ соединеній на нервную мышечную систему животныхъ“. „О плодосмѣнности“, „Разсмотрѣть критически различные способы опредѣленія одной изъ астрономическихъ постоянныхъ“, „Изученіе финляндскаго гранита раппакиви“, „Микроструктура мѣловыхъ коралловъ“, „О развитіи (эмбриональнаго) глаза у одного изъ разрядовъ позвоночныхъ“. На премию имени профессора Ильенкова остается предложенная въ прошломъ году тема „Мѣстороженія желѣзныхъ рудъ въ Европейской Россіи“, отвѣтъ на эту тему можетъ быть представленъ и не студентомъ.

Къ 1-му января 1894 года въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета состояло 95.522 названія въ 220.467 томахъ. Въ теченіе года приобрѣтено на сумму 11.541 рубль 875 названій въ 2.628 томахъ; пожертвовано разными лицами и учрежденіями 3.929 названій въ 5.944 томахъ; утрачено въ теченіе года 3 названія въ 3 томахъ, и къ 1-му января 1895 года въ библиотекѣ состояло 100.323 названія въ 229.039 томахъ. При университетѣ состоятъ еще слѣдующія учебновспомогательныя учрежденія: астрономическая обсерваторія, кабинеты: изящныхъ искусствъ, статистическій, зоологическій, зоотомическій, физическій, физической географіи, минералогическій, геологическій, ботаническій съ ботаническимъ садомъ, агрономическій, гистологическій и практической механики. Въ 1894 году было окончено и 16-го октября освящено новое зданіе химической лабораторіи. Въ 1890 году государственный совѣтъ съ Высочайшаго соизволенія ассигновалъ на постройку ея 250.000 рублей; впослѣдствіи сумма эта была значительно пополнена изъ общихъ остатковъ по министерству народнаго просвѣщенія и изъ специальныхъ средствъ университета; военное министерство безвозмездно уступило необходимый для этого зданія участокъ земли, ему принадлежавшей, граничившій съ землею университета. Въ 1890 году совѣтомъ университета избрана была коммиссія, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. А. Меншуткина, для составленія проекта лабораторіи; дѣятельное участіе въ работахъ коммиссіи принималъ академикъ-архитектуры А. О. Красовскій; для наблюденія за постройкою была Высочайше учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя Петербургскаго учебнаго округа Л. И. Лаврентьева; въ два года съ небольшимъ коммиссія исполнила свою задачу. Лабораторія представляетъ обширное отдѣльное зданіе въ три этажа; въ ней двѣ

аудиторіи, одна на 350 слушателей, другая на 72, нѣсколько залъ для практическихъ упражненій студентовъ, нѣсколько химическихъ отдѣленій и значительное количество отдѣльныхъ комнатъ для специальныхъ занятій и разныхъ химическихъ работъ. Въ зданіи же лабораторіи находятся квартиры профессора и лаборантовъ.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ слѣдующія ученыя общества: историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, филологическое, нефилологическое, юридическое, русское физико-химическое общество, съ отдѣлениями химіи и физики, Петербургское общество естествоиспытателей, съ отдѣлениями минералогіи и геологіи, ботаники, зоологіи и физиологіи и русское антропологическое общество.

Денежныя средства С.-Петербургскаго университета образуются изъ суммъ штатныхъ, специальныхъ и стипендіальныхъ. По штату въ 1894 году израсходовано было 239.362 рубля на содержаніе личнаго состава и на учебныя пособія, учебновспомогательныя учрежденія, на хозяйственные расходы—119.604 рубля, всего 358.966 рублей; специальныхъ суммъ университетъ израсходовалъ 141.862 рубля; стипендій и пособій было выдано на 100.590 рублей, всего, слѣдовательно, весь годовой бюджетъ С.-Петербургскаго университета составилъ въ 1894 году—601.000 рублей. Въ теченіе 1894 года стипендіальныя суммы университета увеличились на 20.000 рублей слѣдующими пожертвованіями: почетная потомственная гражданка Е. Дѣева пожертвовала 2.000 рублей на учрежденіе стипендіи имени ея умершей дочери, по духовному завѣщанію контръ-адмирала П. Р. Стронскаго переданы университету 2.000 рублей для выдачи ихъ двумъ студентамъ, по выбору совѣта, въ теченіе прохожденія ими университетскаго курса, по духовному завѣщанію потомственного почетнаго гражданина А. М. Кожевникова пожертвованы 11.000 рублей и по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Н. Мерзлякова—5.000 рублей, для учрежденія двухъ стипендій имени жертвователей.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Февраль 1895 года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я писалъ вамъ объ очень плохомъ состояніи школьной литературы и учебниковъ, допущенныхъ или терпимыхъ въ начальныхъ и среднихъ школахъ Италіи, и о комиссіи, учрежденной министромъ Баччелли во время перваго его управленія вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія въ 1881 году для рассмотрѣнія этого вреднаго явленія, которое, вслѣдствіе безграничной свободы печати и книжной торговли и преступной безпечности правительства, заражаетъ умы и сердца италіанскаго юношества, заставляя его терять лучшіе годы жизни на изученіе книгъ, написанныхъ газетными пасквилянтами, лишенными даже элементарныхъ знаній даннаго предмета и часто воодушевленными клерикальнымъ фанатизмомъ, враждебнымъ италіанскому единству и современному политическому строю Италіи. Баччелли могъ ошибаться какъ политическій дѣятель, но въ его патріотизмѣ не можетъ быть сомнѣнія; одно уже учрежденіе упомянутой комиссіи достаточно оправдываетъ его. Никто изъ его предшественниковъ и преемниковъ по министерству не осмѣливался затронуть столь жизненный вопросъ, какъ народное образованіе, одни—изъ потворства клерикаламъ, другіе—потому, что не успѣли или не могли устоять противъ звонкихъ аргументовъ книгоиздателей, обогащенныхъ баснословнымъ сбытомъ своего плохаго товара, а прочіе—по своему невѣжеству и лѣности. Не смотря на изданный еще въ 1859 г. такъ-называемый законъ Казати, которымъ предоставлялась высшему совѣту народнаго просвѣщенія обязанность разсматривать и одобрять, съ согласія министра, книги, предназначенныя для общественныхъ школъ, ни этотъ совѣтъ во все время до 1881 года,

ни одинъ изъ министровъ народнаго просвѣщенія не занялись этимъ дѣломъ и представляли этимъ ядовитымъ грибамъ свободно размножаться.

Декретъ 17-го августа 1881 года, которымъ Баччелли основалъ комиссію, составленную изъ профессоровъ университетовъ, преподавателей среднихъ школъ и специалистовъ по начальному обученію, для разбора учебныхъ книгъ, употребляемыхъ въ итальянскихъ школахъ, вызвалъ общій крикъ негодованія всѣхъ заинтересованныхъ книгоиздателей и авторовъ отвратительныхъ учебниковъ. Они не смѣли открыто нападать на министра въ газетахъ, но укрылись подъ защиту духовенства и его свѣтскихъ кліентовъ, депутатовъ и сенаторовъ, доступныхъ подкупу, женщинъ, вліятельныхъ при дворѣ, и другихъ элементовъ, не менѣе подозрительныхъ, чтобы уничтожить опасную работу комиссіи. Но она устояла, приступила къ дѣлу и устрелила настоящую гекатомбу болѣе 3.000 учебныхъ книгъ, подвергнутыхъ ея разсмотрѣнію; она объявила только нѣсколько сотъ годными, и то подъ условіемъ пересмотра и предварительнаго исправленія ихъ. Наступила общая паника для издателей и отвергнутыхъ авторовъ; но вскорѣ сплотившіеся отравители бѣднаго итальянскаго юношества восторжествовали: Баччелли палъ, и созданная имъ комиссія потеряла всякое значеніе. Докладъ ея никогда не появлялся, и, быть можетъ, не осталось и слѣда его въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ 1881 по 1894 годъ не было рѣчи объ учебникахъ для общественныхъ школъ, пока Баччелли не вернулся ко власти. Онъ возвратился къ ней въ то время, когда въ палатѣ шли пренія о финансовыхъ проектахъ его коллеги Соннино; Баччелли со свойственнымъ ему упорствомъ снова взялся за учебники, лежавшіе въ забвеніи въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, и 27-го апрѣля 1894 года разослалъ циркуляръ всѣмъ провинціальнымъ и общиннымъ училищнымъ комиссіямъ, предписывающій подвергнуть всѣ учебники, употребляемые въ начальныхъ и среднихъ школахъ, строгому пересмотру съ точки научной и воспитательной, подробно и обстоятельно доложить о томъ министру и представить ему по одному экземпляру всѣхъ этихъ книгъ, чтобы снова подвергнуть ихъ разсмотрѣнію новой центральной комиссіи, составленной изъ 15 наиболѣе опытныхъ инспекторовъ народнаго просвѣщенія, служащихъ какъ въ центральномъ управленіи министерства, такъ и въ провинціяхъ.

Обязанность этой центральной комиссіи была весьма трудная-

такъ какъ, кромѣ отчетовъ провинціальныхъ и общинныхъ комиссій, подлежащихъ ей разсмотрѣнію, ей было доставлено 5.000 учебниковъ, разсмотрѣнныхъ и распределенныхъ по ихъ относительному содержанию и достоинству этими комиссіями. Центральная комиссія работала весьма усердно, но къ новому учебному 1894 — 1895 году она успѣла кончить только разборъ учебныхъ книгъ для начальныхъ школъ и была вынуждена отложить разсмотрѣніе книгъ для средне-учебныхъ заведеній, до слѣдующаго года.

Отчетъ этой комиссій, поданный министру, теперь уже напечатанъ. Это весьма важный документъ, откровенный и добросовѣстный. Комиссія невольно возвела тяжкое обвиненіе противъ администраціи народнаго образованія въ Италіи со времени основанія королевства до настоящаго времени. Я не буду вдаваться въ подробности отчета, но сообщу здѣсь только его заключенія.

1) Изъ 193 букварей, комиссія отвергла 149 и допустила 44, какъ относительно лучшіе, и то только на 1894—1895 учебный годъ.

2) Изъ 76 начальныхъ грамматикъ италіанскаго языка отвергнуто 71, признано наименѣе несовершенными и допустимыми къ употребленію послѣ предварительнаго исправленія 5.

3) Изъ 59 начальныхъ арифметическихъ учебниковъ отвергнуто 45, допущено 14.

4) Изъ учебниковъ начальной географіи не принято ни одного, и за неимѣніемъ лучшаго, 6 допущено только на текущій годъ, и то послѣ предварительнаго исправленія.

5) Изъ 180 руководствъ по исторіи ни одно не признано хорошимъ, но 6 допущено временно.

6) Книги для чтенія въ высшихъ классахъ (4-мъ и 5-мъ) начальныхъ школъ не могли быть разсмотрѣны за неимѣніемъ необходимаго времени, и отчетъ о нихъ центральная комиссія напечатаетъ въ теченіе года, также какъ и о учебникахъ для средне-учебныхъ заведеній.

Чтобы совершить эту необходимую работу разбора учебныхъ книгъ, потребовалось 35 лѣтъ, періодъ жизни цѣлаго поколѣнія, тогда какъ, согласно закону Казати, она должна была быть окончена тотчасъ послѣ 1859 года. Но вѣдь италіанскіе министры народнаго просвѣщенія занимались политикой (да еще какою политикой!) вмѣсто управленія своимъ вѣдомствомъ! Ихъ постыдной безпечности нѣтъ оправданія.

Само собою разумѣется, что министръ не можетъ самъ читать и

разбирать учебники, предназначенные для общественныхъ школъ; за то онъ имѣеть въ своемъ распоряженіи цѣлый баталіонъ специалистовъ по всякой отрасли преподаванія, занимающихся ех professore этимъ дѣломъ. Еслибы даже они въ томъ или другомъ отношеніи не годились для этой работы, то онъ можетъ поручить ее комиссіи, составленной изъ людей подходящихъ и взятыхъ не изъ персонала его вѣдомства. Расходы на подобнаго рода комиссіи не превосходятъ, конечно, колоссальныхъ расходовъ африканскихъ фантазій. И все же Баччелли первый подумалъ о скромной учебной литературѣ и понялъ ея важность. Дай только Богъ, чтобы онъ сохранилъ свою власть столько времени, чтобы комиссія успѣла окончить свое дѣло, и чтобы его преемникъ на посту министра не разрушилъ сдѣланнаго и того, что онъ еще сдѣлаетъ хорошаго и благотворнаго!

Хотя важный трудъ, предпринятый Баччелли, и не совсемъ готовъ, однако министръ снабдилъ уже начальныя и среднія школы новыми программами и правилами, положившими конецъ безконечному беспорядку, созданному сотнями послѣдовательныхъ измѣненій, противорѣчившихъ закону Казати. Дѣло это такъ важно, что заслуживаетъ полнаго вниманія.

Начнемъ съ преобразования программъ начальныхъ школъ, этого фундамента всего народнаго образованія.

Въ своемъ докладѣ королю министръ опредѣляетъ цѣль начальной школы и ея реформы съ точностью и ясностью, не оставляющими желать ничего большаго: „Образовывать народъ по мѣрѣ возможности, воспитывать его какъ можно болѣе“. Чтобы составить программу, ведущую къ этой цѣли, министръ созвалъ комиссію изъ двѣнадцати наиболѣе авторитетныхъ специалистовъ для обсужденія самыхъ важныхъ сторонъ школьнаго образованія и воспитанія. Заключенія этой комиссіи были представлены собранію школьныхъ инспекторовъ всѣхъ провинцій, наиболѣе опытнымъ педагогамъ и нѣкоторымъ чиновникамъ министерства, для представленія министру предложеній, вытекающихъ изъ этой программы. Въ то же время собрался съ тою же цѣлью конгрессъ педагоговъ и частныхъ лицъ, интересующихся народнымъ образованіемъ и воспитаніемъ; Баччелли имѣлъ полное основаніе сказать въ своемъ докладѣ королю, что его программа одобрена большинствомъ италіанскихъ педагоговъ, которое укрѣпляетъ его въ намѣреніи дать начальной школѣ свойственные ей видъ и устройство и смотрѣть на нее не какъ на преддверіе къ классическому, техническому и профессиональному образо-

ванію, а какъ на общее для всѣхъ училище, подготовляющее къ цивилизованной жизни, полезное и для того ограниченнаго числа лицъ, которыя желаютъ достигнуть высшихъ знаній.

Преобразовательныя идеи министра развиты въ особыхъ инструкціяхъ, предшествующихъ программѣ, утвержденной королевскимъ декретомъ.

Не имѣя возможности выждать развитія всѣхъ умственныхъ способностей учениковъ, воспитатель долженъ направлять къ благородной цѣли порывы ихъ инстинкта и страстей. Преданія, примѣры и наставленія семьи равно возбуждаютъ въ душѣ ребенка религиозное чувство. Воспитатель, находя такимъ образомъ въ мышленіи и сердцѣ ученика одну изъ основъ нравственности, долженъ глубоко уважать ее. (Преподаваніе религіи не входитъ въ составъ народнаго образованія и предоставлено домашнему воспитанію). Еще другое драгоценное воспитательное средство. это дисциплина, спокойное и ясное вліяніе авторитета наставника. Достаточно не требовать отъ дѣтей невозможнаго — слишкомъ продолжительнаго вниманія. Пѣніе, гимнастика, ручной трудъ, наконецъ, отдохновеніе должны чередоваться съ требующими большаго напряженія занятіями. Слѣдуетъ не допускать шпіонства, обмана, притворства, лжи; стремиться къ преобладанію духа честности и взаимнаго довѣрія, подготовляющихъ къ жизни и обязанностямъ гражданина свободной страны.

Преподаваніе роднаго языка должно особенно приучать ребенка, бѣднаго мыслями и застѣяливаго въ ихъ выраженіи, правильно говорить и писать и логично мыслить на немъ; для этого не надо заучивать отвлеченныхъ правилъ грамматики въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ, но должно изучать языкъ практически, даже прежде чѣмъ дитя будетъ умѣть читать и писать, а затѣмъ съ помощью чтенія, диктовки и свободной письменной передачи всего слышаннаго и удержаннаго памятью ребенка, которому въ общественной жизни придется говорить болѣе, нежели писать. Преподаваніе грамматики начинается въ третьемъ классѣ и продолжается въ 4-мъ и 5-мъ.

Тотъ же методъ примѣняется и къ преподаванію ариметики; умственное счисленіе должно имѣть преимущество, и преподавателю необходимо имѣть въ виду практическія нужды общественной жизни. Метрическая система, начала геометріи преподаются не по чертежамъ, а при помощи полной серіи вѣрныхъ орудій мѣры и вѣса и точныхъ изображеній геометрическихъ тѣлъ.

Преподаваніе географіи и исторіи должно пополнять собою все

общее преподаваніе, дѣлая его наиболее примѣнимымъ къ нуждамъ и стремленіямъ италіанскаго народа, знакомя его съ отечествомъ и заставляя любить его, когда оно стало великимъ и свободнымъ. Преподаваніе исторіи въ начальной школѣ должно состоять не изъ перечня именъ, событій и датъ, а изъ разказовъ, дающихъ понятіе о людяхъ и событіяхъ, наиболее содѣйствовавшихъ возрожденію Италіи. Разказы эти, приуроченные къ тому, чтобы трогать воображеніе и сердце учащихся и возбуждать ихъ любовь къ отчизнѣ, не должны удаляться отъ правды и вѣрнаго опредѣленія мѣста и времени. Такъ какъ ученики третьяго класса начальныхъ школъ должны, по опредѣленію закона, выдержать родъ государственнаго экзамена, которымъ свидѣтельствуется знаніе ими грамоты и даруется имъ право быть избирателями, то учащимся необходимо знакомство съ событіями нашего времени, соединившими разъединенныя части отечества въ одно цѣлое. Безъ этихъ свѣдѣній граждане не способны вполне понять значеніе и важность тѣхъ новыхъ правъ, которыми они пользуются. Въ 4-мъ и 5-мъ классахъ преподаваніе исторіи восходитъ къ предшествующимъ и еще болѣе древнимъ эпохамъ.

Тотъ же приемъ необходимъ и при преподаваніи географіи; оно начинается съ ознакомленія съ мѣстомъ рожденія и съ родною провинціей, а затѣмъ со всѣмъ государствомъ и потомъ уже переходитъ къ знакомству съ Европой и всѣмъ земнымъ шаромъ и съ начальными свѣдѣніями изъ космографіи; все это преподаваніе ведется при помощи картъ, которыя дѣти должны уметь чертить.

Важно также въ начальномъ преподаваніи знаніе правъ и обязанностей гражданина. Положительною основою его считается статутъ Италіанскаго королевства. Это преподаваніе начинается съ третьяго класса и продолжается въ 4-мъ и 5-мъ, согласно со способностями учениковъ, которые, выходя изъ школы, должны знать основы общественной и политической жизни своего отечества. По выраженію инструкцій, „надо, чтобъ изъ начальныхъ школъ выходили поколѣнія нравственно обновленныя, сильно и непоколебимо уважающія законъ, какъ и свободу, и любовь къ отечеству, способныя доказать это честными поступками, трудомъ и жертвами“.

Кромѣ чистописанія, начальнаго линейнаго рисованія, а также рисованія съ натуры, пѣнія, гимнастики и ручнаго труда, въ начальное образованіе введены еще нѣкоторыя знанія для тѣхъ, кто не можетъ продолжать обученія въ среднихъ заведеніяхъ. Сюда относятся знаніе: 1) названій и употребленія предметовъ самыхъ обыкновен-

ныхъ; 2) раздѣленія времени; 3) свойства человѣческаго тѣла и его гигиены; 4) пищи, одежды, жилища и ихъ гигиеническихъ условий; 5) животныхъ, растений и минераловъ; 6) элементарныхъ физическихъ свѣдѣній; 7) простѣйшихъ воздушныхъ, водяныхъ, свѣтовыхъ, тепловыхъ и звуковыхъ явленій; 8) промысловъ и раздѣленія труда; 9) средствъ сообщенія и передвиженія; 10) главныхъ изобрѣтеній и открытій.

Хорошо водить учениковъ въ поля, на заводы, въ лабораторіи, показывать имъ памятники, достойные вниманія и размышленія. „Ни одно литературное произведеніе не превзойдетъ силою слова зрѣлища природы; никогда поэзія не говоритъ воображенію и сердцу того, что невольно возстаетъ при видѣ памятниковъ и слушаніи разказовъ о страданіяхъ и славѣ предковъ“. Въ этихъ словахъ узнается Баччелли, римлянинъ, воодушевленный величіемъ прошлаго своего города и авторъ величавой, хотя и рискованной идеи „Археологической прогулки“. начинающейся у термовъ Каракаллы, простирающейся до Эсквилина и Квиринала, по всей территоріи Палатина, и долженствующей возстановить остатки древняго республиканскаго и императорскаго Рима, разрушивъ всѣ позднѣйшія этой эпохи постройки, дворцы, дома и храмы. Въ своемъ патріотическомъ и археологическомъ увлеченіи Баччелли потерялъ изъ виду, что для возобновленія древняго Рима современной Италіи пришлось бы затратить сотни миліоновъ, но она, конечно, не на столько богата, чтобы осуществить эту колоссальную фантазію на пользу нѣмецкихъ и англійскихъ археологовъ, которые, вооружась новымъ Бедекеромъ или Мьюрреемъ, съѣдутся упиваться какимъ-нибудь осколкомъ стѣны и развалиной древняго города, надписями, которыя не возможно разобрать, колоннами, капителями и, можетъ быть, обломками болѣе или менѣе разрушенныхъ статуй и древнихъ барельефовъ. Мысль Баччелли, какъ ученаго и художника, мнѣ нравится, но какъ современный гражданинъ, я думаю, что пока въ Италіанскомъ королевствѣ существуетъ 700,000 гектаровъ земли такъ-называемой „Italia irredenta“, то-есть, земля, годной къ обработкѣ, но остающейся не обработанною, слѣдуетъ эту землю, представляющую дикую пустыню, снова воздѣлать на пользу народнаго богатства, а не заботиться о разрытіи древняго Рима. Да и самъ Баччелли удовольствовался лишь скромнымъ и чисто платоническимъ торжествомъ своей идеи, проведя въ палатѣ законъ, который, въ виду возможности, во всякомъ случаѣ въ весьма отдаленномъ будущемъ, осуществленія его „Археологической прогулки“,

воспрещаетъ возводить на обширномъ полѣ ея новыя постройки ради спекулятивныхъ цѣлей. Вслѣдствіе этого закона владѣльцы обширныхъ не застроенныхъ участковъ и развалившихся домовъ подняли громкій ропотъ противъ сказаннаго запрещенія; но, зная по опыту, что новый законъ, какъ и много другихъ законовъ, при нынѣшнемъ финансовомъ положеніи Италіи останется мертвою буквой или спустя извѣстное время будетъ отмѣненъ, они утѣшились и не имѣютъ ничего противъ Баччелли, пользующагося въ Римѣ большою популярностью, какъ отличный врачъ и горячій патріотъ.

Я уже сказалъ, что центральная коммиссія по разбору учебниковъ не могла, за недостаткомъ времени, рассмотретьъ учебники для среднихъ школъ. При этихъ условіяхъ и министръ не могъ окончить реформу средняго образованія. Ему нельзя было ограничиться одною легкою передѣлкой программъ гимназій и лицеевъ, чтобы прекратить, наконецъ, неудобныя послѣдствія безчисленныхъ измѣненій, улучшеній и ухудшеній, вводимыхъ въ теченіе 35 лѣтъ въ законъ Казати, и дать этого рода училищамъ единообразное учебное направленіе. Баччелли объявляетъ данную имъ программу временною и предполагаетъ представить вскорѣ парламенту планъ реформы всего средняго образованія, имѣющую весьма естественно отношеніе къ радикальной реформѣ университетовъ, главной цѣли всѣхъ его заботъ.

Въ циркулярѣ, данномъ инспекторамъ и директорамъ гимназій и лицеевъ, Баччелли особенно настаиваетъ на воспитательныхъ задачахъ классическаго образованія. Онъ предупреждаетъ учителей, особенно молодыхъ, объ опасности вносить въ среднюю школу приемы университетскаго преподаванія и рекомендуетъ имъ обучать болѣе практично. Изъ лицеевъ не могутъ выходить только филологи, литераторы и ученые, а должны выходить юноши, сознавшіе свое нравственное достоинство, вооруженные прямою, твердостью и честностью для борьбы въ жизни. Лицейскій дипломъ для нашихъ юношей то же, чѣмъ была въ древности для римлянъ *toga virilis*. Только немногіе избранники устремятся къ высшему знанію и искусству и найдутъ все необходимое для удовлетворенія ихъ специальныхъ склонностей.

Гимназическій курсъ длится 5 лѣтъ, лицейскій — 3 года. Вотъ программа преподаваемыхъ предметовъ и распредѣленіе времени для каждаго изъ нихъ:

Въ гимназіяхъ:

Предметы:	Часы въ недѣлю въ классахъ					Итого.
	1-мъ	2-мъ	3-мъ	4-мъ	5-мъ	
Италянскій языкъ	8	8	8	5	5	34
Латинскій	8	8	7	6	6	35
Греческій	—	—	—	4	4	8
Французскій "	—	—	3	3	3	9
Исторія и географія .		—	—	3	3	6
Географія описательная	3	3	3	—	—	9
Математика	2	2		2	2	10
Естественная исторія	—	—	—	2	2	4
Итого	21	21	23	25	25	115

Въ лицезяхъ:

Предметы:	1-й кл.	2-й кл.	3-й кл.	Итого.
Италянскій языкъ	5	4	4	13
Латинскій	4	4	4	12
Греческій "	3	3	3	9
Исторія и географія истори- ческая	3	4	4	11
Философія	2	2	2	6
Математика	3	3	3	9
Естественная исторія	2	2	2	6
Физика и химія	2	2	2	6
Итого	24	24	24	72

Объемъ и распредѣленіе предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ и лицезяхъ выражается слѣдующею программой:

I. Италянскій языкъ и литература.*Въ гимназіяхъ:*

1-й классъ: Чтеніе прозы и стиховъ. — Понятіе о грамматикѣ и упражненія въ ней (морфологія).

II-й классъ: Чтеніе. — Понятіе о грамматикѣ и упражненія (синтаксисъ простой).

III-й классъ: Чтеніе. — Понятіе о грамматикѣ и упражненія (синтаксисъ сложный).

IV-й классъ: Чтеніе. — Правила и упражненія грамматическія; стилистика и риторика (образованіе періода, чистота и свойства языка—переносное значеніе словъ—стихосложеніе).

V-й классъ: Чтеніе. — Правила и практическія упражненія въ различныхъ родахъ сочиненій, въ прозѣ и стихахъ.

Въ лицейхъ:

I-й классъ: Чтеніе. — Изложеніе I-й части „Божественной Комедіи“ Данте. — Исторія италіанской литературы до начала эпохи Возрожденія.

II-й классъ: Чтеніе. — Изложеніе II-й части „Божественной Комедіи“. — Исторія литературы до основанія римской академіи „Аркадія“.

III-й классъ: Чтеніе. — Изложеніе III-й части „Божественной Комедіи“. — Исторія литературы до смерти Александра Манцони.

II. Латинскій языкъ и литература.

Въ гимназіяхъ:

I-й классъ: Грамматика и упражненія (правильныя склоненія). — Постепенное чтеніе.

II-й классъ: Грамматика и упражненія (неправильныя склоненія, части рѣчи). — Чтеніе классиковъ (проза и стихи).

III классъ: Грамматика и упражненія (Синтаксисъ согласованій и синтаксисъ падежей. — Употребленіе именъ существительныхъ и мѣстоименій). — Чтеніе классиковъ (проза и стихи). — Понятіе о просодіи и метрикѣ (гекзаметръ и пентаметръ).

IV классъ: Грамматика и упражненія (Синтаксисъ временъ и наклоненій глагола, въ независимыхъ предложеніяхъ. — Формы глагола). — Чтеніе классиковъ (проза и стихи). — Упражненія въ просодіи и метрикѣ (гекзаметръ и пентаметръ).

V классъ: Грамматика и упражненія (Синтаксисъ временъ и наклоненій глагола въ предложеніяхъ зависимыхъ. — Рѣчь косвенная). — Чтеніе классиковъ (проза и стихи).

Въ лицейхъ.

I классъ: Чтеніе классиковъ.—Исторія римской литературы до времени Августа.—Метрика (изложеніе стопъ Горация).

II классъ: Чтеніе классиковъ.—Исторія литературы до паденія Римской имперіи.—Метрика (повтореніе стопъ Горация),

III классъ: Чтеніе классиковъ.—Исторія словесности (общее повтореніе).

III. Греческій языкъ и литература.*Въ гимназіяхъ.*

(Преподаваніе начинается съ 4-го класса).

IV классъ: Грамматика и упражненія въ чтеніи и письмѣ (склоненіе и спряженіе глаголовъ на ω).

V классъ: Грамматика и упражненія (спряженіе глаголовъ на μ ; отдѣлъ неправильныхъ глаголовъ; образованіе словъ).—Чтеніе и переводъ классиковъ (проза).

Въ лицейхъ.

I классъ: Грамматика и упражненія (Главные правила синтаксиса.—Краткій обзоръ просодіи и гомерическаго діалекта).—Чтеніе и переводъ классиковъ (проза и стихи).—Краткій обзоръ греческой литературы до времени Перикла.

II классъ: Чтеніе и переводъ классиковъ (проза и стихи).—Краткій обзоръ исторіи литературы до времени Александра Великаго.

III классъ: Чтеніе и переводъ классиковъ (проза и стихи).—Повтореніе исторіи литературы.

IV. Французскій языкъ.

(Преподается только въ гимназіяхъ).

III классъ: Грамматика и упражненія (Произношеніе и правописаніе.—Членъ и склоненіе.—Правила и исключенія при образованіи множественнаго числа именъ существительныхъ и прилагательныхъ и женскаго рода прилагательныхъ).

IV классъ: Грамматика и упражненія: глаголы вспомогательные; спряженія правильныхъ глаголовъ; глаголы неправильные. — Чтеніе французской современной прозы. — Грамматика и упражненія (отличіе французскаго языка отъ итальянскаго въ глаголахъ возвратныхъ и вспомогательныхъ; глаголы неполные; прилагательныя. отъ глаголовъ происходящія; части неизмѣняемая; главные правила синтаксиса). Чтеніе французской современной прозы и стиховъ.

V. Географія и исторія.

Въ гимназіяхъ.

I классъ: Понятіе о географіи и о ея раздѣленіи. — Начала географіи астрономической и физической. — Краткое описаніе Европы. — Краткое описаніе Италійской области.

II классъ: Описаніе прочихъ странъ европейскихъ.

III классъ: Географическое описаніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Обзоръ полярныхъ странъ.

IV классъ: Древняя исторія Востока и Греціи. — Подробное географическое описаніе Италійской области.

V классъ: Исторія Италіи до паденія Западной Имперіи. Подробное географическое описаніе прочихъ европейскихъ странъ.

Въ лицезъ.

I классъ: Европа и преимущественно Италія отъ паденія Западной имперіи до италійской экспедиціи императора Генриха VII.

II классъ: Европа и преимущественно Италія со времени экспедиціи Генриха VII до мира въ Ахенѣ.

III классъ: Европа и преимущественно Италія отъ Ахенскаго конгресса до нашихъ дней.

VI. Философія.

Въ лицезъ.

I классъ: Начала психологій.

II классъ: Начала логики и упражненія въ ней.

III классъ: Начала этики.

VII. Математика.*Въ гимназіяхъ.*

I классъ: Ариѳметика практическая: отъ нумераціи до дробей исключительно.

II классъ: Простыя дроби и десятичныя.

III классъ: Система метрическая десятичная—числа сложныя.— Практическія правила для извлеченія квадратныхъ корней.— Отношенія и пропорціи.

IV классъ: Ариѳметика *умственная*: отъ нумераціи до теорій дробей исключительно.

V классъ: Теорія дробей.—Геометрія: книга I Эвклида.

Въ лицеехъ.

I классъ: Алгебра: отъ опредѣленій до рѣшеній уравненій съ однимъ и двумя неизвѣстными включительно. — Геометрія: книги II, III и IV Эвклида.

II классъ: Алгебра: Числа несоизмѣримыя — Уравненія 2-й степени.—Прогрессіи и логарифмы.—Геометрія: Книги V и VI Эвклида.— Измѣненіе величинъ.—Прямолинейныя планы.—Плоскость круга.

III классъ: Тригонометрія: отношенія основныя между сторонами и углами прямолинейнаго треугольника. — Геометрія: Линіи прямыя, перпендикулярныя и косвенныя къ ровной поверхности.—Линіи прямыя и ровныя параллели. — Углы. — Призмы и параллелепипеды.— Поверхность и объемъ призмы и пирамиды.—Поверхность и объемъ конуса, цилиндра и шара.

VIII. Физика и химія.*Въ лицеехъ.*

I классъ: Понятія о физикѣ, предварительныя. — Начала химіи.— Понятія о кинематикѣ.

II классъ: Упругость твердыхъ тѣлъ.—Составъ жидкихъ и воздухообразныхъ тѣлъ.—Начала Акустики.—Начала космографіи.

III классъ: Началь термологіи, оптики, электричества и магнетизма.

IX. Естественная исторія.

Въ гимназіяхъ.

IV классъ: Описаніе и сравненіе позвоночныхъ животныхъ.—Описаніе и сравненіе растений явнобрачныхъ и сосудосѣменныхъ.

V классъ: Описаніе и сравненіе животныхъ и растений низшаго вида, двухъ органическихъ разрядовъ. Свѣдѣнія о происхожденіи самыхъ важныхъ домашнихъ животныхъ и главныхъ воздѣлываемыхъ растений.—Свѣдѣнія о растеніяхъ и животныхъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи.

Въ лицеехъ.

I классъ: Свѣдѣнія о строеніи, отравленіяхъ и классификаціи животныхъ.

II классъ: Ботаника. Свѣдѣнія о строеніи, отравленіяхъ и классификаціи растений. Понятія о минералогіи.

III классъ: Понятія о физической географіи и геологіи.

Гимнастика обязательна во всѣхъ классахъ гимназій.

Каждому преподавателю вмѣняется въ обязанность вести преподаваніе въ границахъ вышеупомянутой программы, но предоставляется на его усмотрѣніе усовершенствовать самые приемы преподаванія. Для этого онъ долженъ въ началѣ курса представить на усмотрѣніе совѣта преподавателей свою учебную программу, которая затѣмъ передается инспектору вмѣстѣ съ протоколомъ засѣданія, въ которомъ она была одобрена, и съ замѣчаніями, которыя директоръ найдетъ нужнымъ присовокупить къ ней. Инспекторъ препровождаетъ ее черезъ провинціальный школьный совѣтъ на разсмотрѣніе министерства.

Гимназія должна быть снабжена небольшою бібліотекою, картами и стѣнными таблицами для преподаванія географіи и естественной исторіи. Лицей долженъ имѣть, кромѣ того, достаточно полный естественно-историческій музей и физическій и химическій кабинеты.

Экзамены производятся устные и письменные. Получающіе дипломъ на званіе лиценціата могутъ поступать въ университетъ. Для поощренія соревнованія между студентами лицеевъ Баччелли учредилъ, еще во время перваго своего управленія министерствомъ въ 1881 году,

„почетный конкурс“ (*gara d'onore*) для лиценціатовъ. ежегодно имѣющій мѣсто въ Римѣ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія. Всякій лиценціатъ, чувствующій себя достаточно сильнымъ, можетъ принять участіе въ этомъ состязаніи, состоящемъ изъ сочиненія на латинскомъ или итальянскомъ языкѣ на тему, заданную министромъ; лучшіе изъ состязавшихся получаютъ, кромѣ диплома, медаль, какъ поощрительную награду, и стипендію отъ университета. Противники Баччелли подсмѣиваются надъ министромъ и его учрежденіемъ, колебавшимся при различныхъ его преемникахъ на министерскомъ посту. Но Баччелли держался крѣпко за свою идею и, возвратившись къ управленію въ 1893 году, имѣлъ удовольствіе видѣть, что четверо изъ конкурировавшихъ получили за латинское сочиненіе золотыя медали въ Капитоліи, въ годовщину римскаго плебесцита 2-го октября. Теперь эти противники соглашаются, что „*gara d'onore*“ есть не только арена для ребяческаго тщеславія, но и хорошее средство узнавать способности и прилежаніе преподавателей и студентовъ различныхъ лицеевъ, дающее возможность лучшимъ изъ лиценціатовъ продолжать въ университетѣ занятія, къ которымъ они заявили особенное призваніе. Денежные расходы на конкурсъ не такъ велики, и если Италия будетъ ежегодно приобретать по одному отличному ученому, профессору или писателю, ей нечего жаловаться на этотъ ничтожный расходъ для широкой идеи Баччелли.

Италія только что потеряла своего самаго плодovitаго писателя. Цезаря Канту, умершаго 90 лѣтъ. Итальянскія газеты, въ противоположность своему обыкновенію объявляютъ великимъ человѣкомъ (*uomo illustre*) и „славой Италіи“ всякую литературную или политическую посредственность, не особенно много говорить объ умершемъ, хотя онъ и написалъ вѣскольکو сотъ томовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: Канту, начавшій свою литературную карьеру 70 лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ просвѣщеннаго и либеральнаго писателя, и навлекшій на себя жестокія преслѣдованія австрійской полиціи въ Ломбардіи, лѣтъ тридцать спустя сдѣлался защитникомъ Австріи, правительства папы и мелкихъ итальянскихъ правительствъ и ожесточеннымъ врагомъ національнаго единства своего отечества, которое онъ упивалъ безъ жалости и несправедливо въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, съ той поры появившихся. Эту рѣзкую пережѣну приписывали его тѣснымъ сношеніямъ съ несчастнымъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ-Максимилианомъ въ бытность его вице-королемъ Ломбардіи и печали, причиненной ему

крушеніемъ золотой мечты о конфедераціи Италіи подъ главенствомъ папы. Канту, бывшій всегда, по примѣру своего друга Александра Манцони, не только горячимъ патриотомъ, но и горячимъ католикомъ, сталъ на старости ярымъ клерикаломъ и папистомъ. Общественное мнѣніе возмутилось и отвернулось отъ человѣка, измѣнившаго своему прошедшему и самымъ высокимъ чувствамъ націи. и между тѣмъ какъ прежде его осыпали чрезмѣрными похвалами. теперь стали отрицать даже неопровержимыя достоинства его, какъ писателя. Итакъ, довольно трудно будетъ огромному большинству италіанцевъ безпристрастно судить объ этомъ старцѣ, сдѣлавшемся живымъ анахронизмомъ въ исторіи нашего времени.

Литературная производительность Канту по истинѣ удивительна. но я думаю, что уцѣлѣютъ въ литературѣ только два его сочиненія. а сотни другихъ, имъ написаныхъ, будутъ забыты. Это—небольшой романъ „Margherita Pusterla“, довольно слабый по поэтическому достоинству, но дорогой для италіанцевъ тѣмъ, что написанъ Канту въ австрійскихъ тюрьмахъ Милана, и его „Всеобщая Исторія“. весьма объемистая (17 томовъ) и имѣвшая въ свое время огромный успѣхъ: она выдержала болѣе десяти изданій. Это тоже не превосходное произведеніе, но оно было и есть единственное въ своемъ родѣ въ италіанской литературѣ, и я думаю, врядъ ли найдется среди нашихъ современниковъ человѣкъ, одаренный терпѣніемъ и упорствомъ, необходимыми для составленія другой, лучше задуманной и лучше написанной всеобщей исторіи.

Какъ историка. Канту нельзя сравнить съ Шлоссеромъ или Ранке; онъ только смысленный компиляторъ, неутомимый и очень искусный, да кромѣ того, онъ—превосходный стилистъ. Онъ никогда не пользовался непосредственными историческими источниками, но благодаря знанію французскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ умѣлъ употребить въ дѣло результаты изысканій иностранныхъ ученыхъ и ловко примѣнять ихъ къ своимъ воззрѣніямъ и тенденціямъ. Его политическія тенденціи набрасывали тѣнь на главную обязанность историка быть безпристрастнымъ и правдивымъ. Онъ былъ всегда ревностнымъ католикомъ, и его „Исторія италіанскихъ еретиковъ“ есть, въ своемъ родѣ, образецъ истеричности, поддѣлки фактовъ, обстоятельствъ и исторической правды въ пользу католической церкви и папской политики. Въ каждомъ новомъ изданіи его „Всеобщей Исторіи“ все рѣзче и сильнѣе обозначалось его клерикальное направленіе и стремле-

исказать правду къ выгодѣ папизма и самаго непрогляднаго об-урантизма. Исторія отодвинута на задній планъ, а религіозныя и литическія склонности автора преобладаютъ въ его передачѣ фак-въ до такой степени, что человѣкъ, имѣющій историческое образо-віе, невольно задаетъ себѣ вопросъ: не хочетъ ли Канту занять оихъ соотечественниковъ новыми сказками въ родѣ „Тысячи и ной ночи“? Особенно тенденціозна его „Исторія италіанцевъ“ въ Исторіи ота лѣтъ“; это собственно не исторія, а самый недостойный сквиль, и если умные и преданные Италія люди отвернулись отъ гора, то они воздали ему только должное.

Одинъ крещеный австрійскій еврей и одинъ нѣмецкій книго-датель, протестантъ, соединились для спекулятивнаго изданія „Все-щей Исторіи“ Канту въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ заглавіемъ *Veltgeschichte für das katholische Volk*“, чтобы противопоста-ть ее народному изданію „Всеобщей Исторіи“ Шлоссера. Пе-водчикъ и издатель сказали правду, заявивъ о клерикальномъ ха-ктерѣ сочиненія Канту. Предиріятіе удалось какъ нельзя лучше; зть нѣмецкій переводъ выдержалъ нѣсколько изданій. Но Канту ль спекуляторъ еще болѣе предпримчивый, нежели его перевод-къ и нѣмецкій издатель. Онъ зналъ, что реакція 1849 и 1850 годовъ кгла въ сердцахъ всѣхъ образованныхъ италіанцевъ непокоримую навидь въ Австріи и мелкимъ италіанскимъ государямъ, особенно

къ Пію IX, то-есть, ненавидь противъ всего, чтò прежде было рого сердцу Канту. Онъ зналъ, что какъ въ Италіи, такъ и въ Герма-и, его „Всеобщая Исторія“ была признана сочиненіемъ, написан-хъ въ клерикальномъ духѣ, и что вслѣдствіе того она изгнана изъ каго патриотическаго дома въ Италіи. Канту угрожала опасность герять большой гонораръ, выплачиваемый ему его италіанскимъ дателемъ Помба въ Туринѣ за каждое новое его изданіе, тогда зъ изъ Германіи онъ могъ получить только похвалы и епископ-е благословеніе, чтò вовсе не замѣняло денегъ. Итакъ, чтò же влатъ Канту? Онъ заявилъ, что сочиненіе его написано не для эрикаловъ и возсталъ противъ заглавія, даннаго его нѣмецкому реноду. Несомнѣнно, однако, что заглавіе перевода было дано негласному договору автора съ нѣмецкимъ издателемъ; и до сихъ ль это заглавіе остается безъ измѣненія, и сочиненіе Канту рас-дится подъ покровительствомъ клерикальной партіи въ Германіи и Австріи.

„Всеобщая Исторія“ Канту переведена также и на французскій языкъ и тоже очень распространена, Извѣстно, что до 1894 года во французской литературѣ не было большой „Всеобщей Исторіи“, написанной однимъ авторомъ,—это и объясняетъ широкій успѣхъ сочиненія Канту во Франціи. успѣхъ, также поддерживаемый тамошними клерикалами вопреки стремленіямъ людей свободнаго образа мыслей.

Е. Т.

ѣмъ удвоеніе числа ромуловыхъ центурій при Тарквиніѣ Старшемъ, а наконецъ учрежденіе двѣнадцати новыхъ безыменныхъ центурій Сервіемъ Тулліемъ. Въ центуріи при этомъ считалось сто еловѣкъ, согласно дѣйствительной политической организаціи всадниковъ, во все время состоявшихъ изъ 18 центурій по сту человекъ. Въ военной организаціи центуріи всадниковъ рано вышли изъ употребленія и замѣнились состоявшими при каждомъ легионѣ отрядами въ 300 всадниковъ, раздѣлявшихся на десять *tigrae*. Эта здѣйствительная организація конницы, наконецъ, проникла и въ представляемую анналистами исторію развитія конницы въ царскую эпоху. съ дошедшіе до насъ источники утверждаютъ, по авторитету позднѣйшихъ аналлистовъ, что Тарквиній Старшій засталъ три центуріи всадниковъ не по сту, а по триста человекъ каждая. Къ имъ онъ прибавилъ три новыхъ центуріи одинаковой численности. олучившихся такимъ образомъ 1.800 всадниковъ Сервій Туллій тѣмъ раздѣлилъ на 18 центурій по сту всадниковъ. Осталось открытымъ вопросомъ, какъ изъ традиціоннаго числа первыхъ 300 всадниковъ Ромула произошло 900 или тридцать *tigrae*, оказавшихся ко времени Тарквинія. Къ этому два раза совершившемуся прибавленію десяти новыхъ *tigrae* относится извѣстіе Ливія о наборѣ глазомъ Гостиліемъ десяти *tigrae* изъ албанцевъ, при чемъ историкъ забылъ указать, въ какое время были устроены другія десяти (1). Въ позднѣйшемъ происхожденіи извѣстія Ливія не можетъ быть сомнѣнія послѣ вышеуказанныхъ доводовъ Моммзена. Гораздо болѣе поздняго происхожденія юридическая теорія о происхожденіи должности квесторовъ въ царствованіе Туллы, засвидѣтельствованная Ульпіаномъ (см. Шемана, стр. 37). Итакъ, изъ всѣхъ дѣяній и фронпріятій, приписанныхъ Туллу Гостилію, кромѣ духовныхъ, въ главѣ древнѣйшей редакціи летописи, по всему вѣроятію, входила только постройка курии и комиція, извлеченная изъ названія *curia stilia*, смерть царя отъ удара молніи и завоеваніе Альбы Лонги. Видимъ, что легендарный матеріалъ, которымъ располагалъ редакторъ царской исторіи, отличался особенною бѣдностью. Страницы исторіи третьяго царя пришлось наполнить, главнымъ образомъ, поспехомъ объ албанской войнѣ.

1) Пробѣлъ восполняется извѣстіемъ Плутарха (Rom. 20) объ увеличеніи числа всадниковъ на 600 Ромуломъ, послѣ переселенія въ Римъ сабинянъ.

О происхожденіи легенды о завоеваніи Альбы Лонги мы имѣли случай изложить свое мнѣніе въ предыдущихъ разсужденіяхъ о значеніи трехъ древнѣйшихъ трибъ. Исходнымъ пунктомъ легенды мы признали древнюю номенклатуру трибъ. Люцеры, третья триба, главнымъ мѣстомъ жительства которыхъ была целійская гора, иначе назывались *Albani*, что побудило перваго лѣтописца, для того, чтобы осмыслить такое названіе, выдать ихъ за переселенцевъ изъ Альбы, а именно изъ извѣстнѣйшей и ближайшей къ Риму Альбы, прозывавшейся *Alba Longa*. На самомъ дѣлѣ Альба Лонга, вѣроятно, никогда не была городомъ, а была только открытымъ сборнымъ пунктомъ союза латинскихъ городовъ, расположенныхъ въ одной священной расчистѣ (*lucus* или *alba sc. silva*). На расчищенной лѣсной почвѣ, на „горѣ вырубки“ (*mons Caelius*) жили и римскіе *Albani* или „расчистники“ (*Luceres*). Произведя римскихъ албанцевъ изъ Альбы Лонги, сочинитель царской исторіи предположилъ существованіе въ древнѣйшія времена на мѣстѣ Альбы города, главнаго города латинскаго союза. Самую вѣроятную причину исчезновенія этого города показалось разрушеніе его, тѣмъ и легче всего объяснилось переселеніе жителей его въ Римъ, по всему вѣроятію, не добровольное. Разрушеніе Альбы, очевидно, было дѣло одного изъ царей. Ромуль, самъ происшедшій изъ Альбы Лонги, не могъ разрушить роднаго города, Нума Помпилій не велъ ни одной войны. Поэтому дѣло разрушенія было передано третьему царю, тѣмъ болѣе, что благодаря этому получилась возможность наполнить очень бѣдную фактами, какъ мы видѣли, исторію его царствованія. Авторъ царской исторіи, безъ сомнѣнія, отличавшійся большимъ даромъ повѣствованія, не удовлетворился однимъ безцвѣтнымъ фактомъ разрушенія Альбы и переселенія ея жителей въ Римъ, но придалъ разнообразіе исторіи войны вставкой двухъ интересныхъ эпизодовъ, о единоборствѣ Гораціевъ и Куриціевъ, съ послѣдовавшимъ сестроубійствомъ, и о предательствѣ и наказаніи Метія Фуфетія. Генетическіе элементы этихъ двухъ эпизодныхъ легендъ нуждаются въ дополнительныхъ разъясненіяхъ, тѣмъ болѣе, что Швеглеръ отнесся къ данной задачѣ съ довольно замѣтною сдержанностью.

Сказаніе о Гораціяхъ и Куриціяхъ получаетъ совершенно особенный колоритъ отъ того, что традиціонное преданіе находилось въ тѣсной связи съ нѣкоторыми памятниками глубокой старины, служившими въ глазахъ римлянъ непреложными свидѣтельствами о дѣйствительности происшествія. Въ нашъ вѣкъ скептической критики

подобныя подтвержденія истины скорѣе вызываютъ подозрѣнiе, что не памятники произошли отъ связанныхъ съ ними по преданiю событiй древнѣйшей исторiи, а наоборотъ, разказы образовались подъ влiянiемъ памятниковъ и чувствуемой уже впоследствии необходимости объясненiя ихъ существованiя. Съ этой точки зрѣнiя большинство современныхъ критиковъ смотритъ на указываемыя древними авторами памятники Горацiевъ и Курiациевъ, видя въ нихъ главнѣйшiй источникъ происхожденiя легенды. Первое мѣсто въ числѣ памятниковъ занимали пять могилъ на границѣ римской загородной территорiи по направленiю къ Альбѣ Лонгѣ. Двѣ изъ нихъ лежали близко между собою, остальные три на нѣкоторомъ разстоянiи отъ первыхъ и другъ отъ друга. Расположенiе могилъ, по мнѣнiю Ливiя, совпадало съ обстоятельствами единоборства. При этомъ предполагалось, то каждый изъ пяти убитыхъ борцовъ былъ похороненъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ. Совмѣстное положенiе двухъ могилъ доказывало, что тутъ произошла главная борьба. Похороненные въ трехъ остальныхъ, должно быть, убиты были или убѣгая съ мѣста борьбы, или преслѣдуя шестаго, который, должно быть, въ концѣ остался обѣдителемъ. Это, безъ сомнѣнiя, былъ одинъ изъ римлянъ, а такъ какъ три послѣднихъ могилы находились по направленiю къ Риму, то очевидно, этотъ римлянинъ одержалъ побѣду, убѣгая къ своему войску. Во время бѣгства было убито три, въ числѣ которыхъ могли находиться или два римлянина, или одинъ. Но въ такомъ случаѣ необходимо было допустить, что или два албанца обратили въ бѣгство столькихъ же римлянъ, или одинъ албанецъ прогналъ трехъ римлянъ. Огласиться съ тѣмъ или другимъ предположенiемъ невозможно было изъ чувства патриотизма. Единственнымъ исходомъ, слѣдовательно, являлось, предположенiе, что на мѣстѣ первого единоборства было двое бито римлянъ, а третiй, оставшiйся въ живыхъ, будучи тѣснимъ тремя ротивниками, бросился бѣжать. Преслѣдовавшiе его албанцы, вслѣдствiе полученныхъ ранъ, были убиты каждый отдѣльно, въ разныхъ мѣстахъ, на что указывало разное разстоянiе ихъ могилъ къ предполагаемому мѣсту первой борьбы. Итакъ все подробности именитаго единоборства можно считать остроумнымъ выводомъ изъ расположенiя пяти могилъ, находившихся на границѣ римской области по направленiю къ Альбѣ Лонгѣ. Фантазiя автора изказа грѣшитъ противъ вѣроятности только тѣмъ искусственнымъ предположенiемъ, что cadaго изъ убитыхъ римлянъ и албанцевъ прогнали непремѣнно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ (Лив. I, 25,

14 sepulcra extant, quo quisque loco cecidit). Что побудило автора разказа отнести борьбу къ албанской войнѣ, нелегко объяснить. Можетъ быть, онъ увлекся именемъ мѣстности, почему-то называвшейся Гораціевымъ полемъ (campus Horatius)¹⁾, особенно святостью мѣста, положеніемъ его на границѣ между Римомъ и Альбою и получившеюся отсюда возможностью оживить безцвѣтную исторію завоеванія Альбы интереснымъ эпизодомъ. Мы однако обязаны задаться предварительно вопросомъ, почему вообще приняты были за достовѣрные факты единоборство и участіе въ немъ Гораціевъ и Куріаціевъ. Немаловажную роль при этомъ опять играли памятники и одинъ богослужебный фактъ.

¹⁾ Sacer campus Horatiorum еще упоминается Марціаломъ (3, 47). Такое названіе, конечно, могло установиться и послѣ приуроченія въ этому мѣсту известнаго свазанія. Нельзя однако оставить безъ вниманія одинъ подуманный намекъ на другое, религіозное, значеніе Гораціева поля. Какъ это послѣднее лежало на границѣ Рима и Альбы, такъ и на границѣ Рима и Этруріи, по свидѣтельству Діонисія (5, 14), находилось священное мѣсто, campus Naevius съ священною рощей Горація, называемаго Діонисіемъ ἕρος Ὀράτιος. Еще замѣчательнѣе то совпаденіе, что и къ этому мѣсту опять приурочено одно знаменитое сказочное единоборство между Брутомъ и Арунтомъ Тарквиніемъ. Швеглеръ, проходя молчаніемъ эту аналогію, указываетъ зато на другую. Гораціи, говоритъ онъ (R. G. I, 587), напоминаютъ Горація Кокла, также являющагося заступникомъ римлянъ и защитникомъ римской границы (Horatius Cocles, der gleichfalls als Vorkämpfer der Römer und als Grenzward Roms erscheint). Изъ этого Швеглеръ заключилъ, что имя Horatius имѣло какое то символическое значеніе. Принимая въ соображеніе, что имя Horatius въ двухъ или, если считать Горація Кокла, въ трехъ мѣстахъ связано съ памятью о доблестномъ единоборствѣ, затѣмъ фактъ, что на rila Horatia, очевидно, вѣшались доспѣхи, снявшіеся съ убитыхъ въ единоборствѣ непріятелей (spolia), мы позволяемъ себѣ догадку, что самое слово Horatius было тѣсно связано съ понятіемъ добыванія доспѣховъ. Такъ какъ подобныя spolia обыкновенно добывались въ единоборствахъ, то словомъ horatius была вызвана и память о единоборствахъ. Что касается возможнаго производства слова, указываемъ на осское heriad-sariat (ср. сяр. hagas—взятіе, хватаніе, древне-латинское hīr рука хіар, εὐχέρης). Единоборства, въ родѣ описываемыхъ въ легендѣ, въ старину, вѣроятно, нерѣдко происходили на границахъ Римской области. Для нихъ, можетъ быть, даже были отведены спеціальныя поля. Такими арены, наирямятъ, могли быть campus Horatiorum на албанской границѣ или campus Naevius (поле храбрецовъ отъ pavus, gnavus) на этрусской. Въ героѣ Horatius, чтившемся въ послѣдней мѣстности, въ такомъ случаѣ можно бы видѣть покровителя римскихъ единоборцевъ. Въ меглахахъ на албанской границѣ, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ были похоронены павшіе на этомъ полѣ воины, хотя и не Гораціи и Куріаціи. Въ Римѣ вообще былъ обычай хоронить около самой границы воиновъ, павшихъ при ея защитѣ. Такія могилы впоследствии служили межами между областями двухъ государствъ (см. Рудорфа Röm. Feldmesser 2, 264).

На форумѣ показывали столбъ съ повѣшеннымъ на немъ оружіемъ, называемый *pila Horati*. Принято было вѣшать въ священнѣхъ мѣстахъ подобнымъ образомъ оружіе, снятое съ непріятели, убитаго въ единоборствѣ (*spolia*). Изъ названія *pila Horati* вывели заключение, что нѣкій Горацій когда-то одержалъ побѣду въ единоборствѣ. Имя противника или трехъ противниковъ, въ зависимости отъ числа огилъ на албанской границѣ, опредѣлялось изъ другаго памятника, который кромѣ того привелъ къ сочиненію втораго дѣйствія казанія о Гораціѣ и совершенія имъ сестроубійства. Въ одномъ зкомъ переулкѣ, ведущемъ по показанію Діонисія (III, 22), съ Канинъ къ улицѣ *Vicus Curgius*, было переброшено съ одного дома къ противоположному бревно, поддерживавшееся въ видѣ подпоръ двумя толбами. Верхнее поперечное бревно, соединявшее два противоположныхъ дома, звали *tigillum sororium*, что, думаемъ, можно произвегти отъ *segere*—соединять. По народной этимологій *tigillum sororium* онято было въ смыслѣ „сестрино бревно“¹⁾. Подъ этимъ сооружеііемъ находились два жертвенника, одинъ Януса *Curiatius*, другой Юоны *Sororia*²⁾. Аналогія Юоны *Iuga* (отъ *iungere*—соеди-

¹⁾ Діонис. 3, 22: ἔστι δ' ἐν τῷ στενωπῷ τῷ φέροντι ἀπὸ Καρίνης κάτω τοῖς ἐπὶ τὸν ὄριον ἐρχομένοις στενωπὸν, ἐνθ' οἱ τε βωμοὶ μένουσιν οἱ τῶν ἰδρυθέντες, καὶ ξύλον τῶν αὐτῶν τέταται δυσὶ τοῖς ἀντικρυς ἀλλήλων τοῖς ἰς ἐνηρμοσμένον, ὃ γίνεται τοῖς εὐθεῖν ὑπὲρ κεφαλῆς, καλούμενον τῇ Ῥωμαϊκῇ διαλέκτῳ ξύλον ἀδελφῆς. Livii 26, 13: pater — quibusdam piacularibus sacrificiis factis, quae deinde genti oratae traditae sunt, transmissa per viam tigillo capite adaperto velut sub gum misit iuvenem. Id hodie quoque publice semper refectum manet. Sororium tigillum vocant. Фестъ стр. 297 Sororium tigillum — duo tigilla tero superiecto quae pater eius constituerat, velut sub iugum missus, subit, insecratisque ibi aris Iunoni Sororiae et Iano Curiatio, liberatus omni noxia eleris est auguriis approbantibus, ex quo sororium id tigillum est appellatum. ит. Павла стр. 307 Sororium tigillum appellabatur locus sacer in honorem Iunonis. iem Horatius quidam statuerat causa sororis a se interfectae ob suam expiationem. вр. Вихр. Vir. ill. 4, 9 quod nunc quoque viae superpositum Sororium appellatur возможность предлагаемаго нами производства, отъ *segere*, станетъ нагляднѣе, если принять въ соображеніе, что *sorog*—сестра, какъ известно, первоначально звула *sosog* (*svesog*). Въ словѣ же *sero* (*sors*, *consors*) буква *r* первоначально л. *εἶρω*, *σειρά* и т. д.). Итакъ, вслѣдствіе ротацізма, слились и перемѣшались ова совершенно разнаго вида и производства. Слѣдомъ втораго *sorog* можетъ служить выраженіе *vestis sorogiculata* у Плинія h. n. 8, 48. Хотя значеніе этого тѣ εἶρημένον въ точности неизвѣстно, оно во всякомъ случаѣ начево общаго сѣ *gor* (сестра) не имѣло.

²⁾ Діонис. 3, 22 βωμοὶ ἰδρυσάμενοι δύο, τὸν μὲν Ἴανος, ἢ λέλοσθεν ἐπισκοποῦν κελφάς, τὸν δ' ἕτερον ἐπιχωρίου θεοῦ τινοῦ ἢ ἀξιόμοιοῦ Ἴανου λατομένου κατὰ τὴν ἐπι-

нять), жертвенникъ которой также находился на улицѣ, на Vicus Jugarius (ср. Павла-Феста, стр. 104), позволяетъ эпитетъ Sogoria произвести тоже отъ segege. По принятой же этимологiи и его производили отъ sogog. Странное „сестрино бревно“ вмѣстѣ съ жертвенникомъ „Ююны сестриной“ не могли не вызывать любопытства людей, занимавшихся объясненiемъ отечественной старины. Объясненiю, какъ водилось, дана была форма пояснительнаго историческаго разказа. На двухъ жертвенникахъ приносились извѣстные искупительныя жертвы (piacularia sacrificia). Расходы на нихъ несло государство, а исполненiе обрядовъ было возложено на патрицианскiй родъ Горацiевъ ¹⁾). Приношенiе искупительныхъ жертвъ указывало на совершенiе какого-то грѣха, а обязанность Горацiевъ приносить эти жертвы наводила на мысль, что грѣхъ былъ совершенъ однимъ изъ членовъ этого рода. Приношенiе жертвъ Ююноѣ Sogoria наконецъ доказывало, что преступленiе было совершено надъ сестрою. Такимъ образомъ составила легенда о сестроубиствѣ Горацiа. Второй жертвенникъ, Януса Куриациа, на которомъ также приносились искупительныя жертвы, вызвалъ совершенно аналогичное объясненiе. Онъ свидѣтельствовалъ объ убiенiи одного или нѣсколькихъ Куриациевъ ²⁾).

χωριον γλωτταν, ἐπινοήσου δὲ Κορατίων τῶν ἀνακρεθέντων ἀνεφίων ὑπὸ τοῦ ἀνδρός, καὶ θυσίας τινὰς ἐπ' αὐτοῖς ποιήσαντες, τοῖς τ' ἄλλοις καθάρμοις ἐχρήσαντο καὶ τελευταῖντες ὑπέλαγον τὸν Ὀρατίον ὑπὸ ζυγόν. ...οἱ τε βῆμοι μένουσιν οἱ τοῦ ἰδρυθέντες, καὶ ἔξωθεν ὑπὲρ αὐτῶν τέτατ κ. τ. λ. Ср. цитату изъ Феста въ предыдущемъ примѣчанiи.

¹⁾ Livii I, 27, 13 quibusdam piacularibus sacrificiis factis, quae deinde genti Nogatiae traditae sunt. Dion. 3, 22

²⁾ Эпитетъ Curiatius близко сходится съ другимъ прозвищемъ Януса Quirinus (сл. эвиграфическiя написанiя Iuno Curitis и Quiritis). Кстати будетъ указать на предписанiе pontификальныхъ книгъ, цитуемыхъ у Феста стр. 189. Кто въ третiй разъ добылъ spolia opima, тотъ обязывается принести въ жертву агнца Янусу Квирину, а полководцу, подъ auspiciis котораго совершено дѣло, приказывается привести усмирительную жертву (piaculum), какъ надо думать, за невольное убiенiе человѣка. По разказу Дiонисiа (3, 22), также надъ Горацiемъ pontифексы, по приказу народа, совершаютъ и тѣ очистительные обряды, которыми по закону очищается невольное убiенiе (καθάραι τὸν ἄνδρα οἱ γέμοι τοὺς ἀκούσιους φόνοισ ἀπίζηλοισι καθάρμοις). Отсюда является возможность предположенiя, что у жертвенника Януса Куриациа дѣйствительно очищались невольно убивше въ единоборствѣ непрiателя и снявшiе съ него spolia, какъ это дѣлалось въ святыиѣ или у жертвенника Януса Квирина. Вотъ почему, можетъ быть, съ этимъ священнымъ мѣстомъ исвязали память объ hogatii, то-есть добывателяхъ сполiй. Имъ, а не genti Nogatiorum, какъ это понималось въ лѣтописныхъ источникахъ Livia, надлежало приносить очистительныя жертвы.

какимъ образомъ автору легенды досталось подходящее имя против-никовъ Гораціевъ въ единоборствѣ около пяти могилъ. Для этого казалось необходимымъ превратить римскій родъ Куриціевъ въ уроженцевъ Альбы Лонги, переселенныхъ въ Римъ лишь Тулломъ Гостиємъ вмѣстѣ съ другими албанскими родами. По словамъ Ливія, прочемъ, нѣкоторые анналисты расходились съ установившимся раз-вомъ, почему то считая Куриціевъ римлянами, а Гораціевъ — ал-банцами.

Весь матеріалъ, извлеченный изъ этиологіи памятниковъ, связан-ныхъ съ именемъ Гораціевъ, пяти могилъ на полѣ Гораціевъ на до-гѣ въ Альбу Лонгу, столба Горація на форумѣ и жертвенниковъ Юны Сороріи и Януса Куриціа, авторъ царской исторіи соеди-ля въ одну связную повѣсть, которую и вставилъ въ сочинен-ію имъ же исторію войны Тулла Гостилія съ Альбою Лонгою. Этотъ сказъ, по всему вѣроятію, ни одною существенною чертою не отли-лся отъ дошедшаго до насъ у Ливія, Діонисія и др. Первоначаль-ной разказъ, должно быть, уже кончался эпилогомъ о процессѣ и казаніи сестроубійцы. Это послѣднее дѣйствіе сказанія главнымъ разомъ направлено на этиологію загадочнаго „сестрина бревна“ (*gillum sorogium*). Форма бревна, опиравшагося на двѣ подпоры, доминала собою перекладину ярма, *iugum ignominiosum*, подъ ко-нымъ должны были проходить побѣжденные. Это сходство дало автору легенды возможность распутать драматическую завязку своей вѣсти. Сестроубійца, въ виду своей высокой услуги отечеству и усобы отца, прощается народомъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ для искупленія вины по отношенію къ сестрѣ прошелъ подъ ярмомъ, званымъ съ тѣхъ поръ *gillum sorogium*. Судъ народнаго собранія въ Гораціемъ возбуждалъ интересъ историковъ не только со сто-ны повѣствовательной, но и со стороны исторіи правовыхъ древ-тей. Какъ видно изъ передачи Ливія, анналисты представляли гъ процессъ, какъ первый образецъ примѣненія процесса *perduel-іis* и народнаго судопроизводства (*provocatio ad populum*). Къ сти древнѣйшей юридической легенды, легендарнаго обоснованія новленій древнѣйшаго права, по нашему мнѣнію, можно отнести ке сказаніе о Метіѣ Фуфетіѣ, которое тоже попало въ число юдовъ албанской войны.

Въ сказаніи о Метіѣ Фуфетіѣ особенно бросается въ глаза его нака-е, своеобразная жестокость котораго заставила Ливія (1, 28, 11) изви-римскій народъ, никогда болѣе не прибѣгавшій къ подобной казни,

а напротивъ отличавшійся отъ всѣхъ другихъ народовъ гуманностью наказаній. Необыкновенный характеръ казни албанскаго диктатора дѣйствительно требуетъ совсѣмъ особеннаго объясненія. Такоевое дается Ливіемъ: Фуфетій—нарушитель договора (*foederis Romani Albanique ruptor*), измѣнившій римлянамъ двусмысленнымъ своимъ поведеніемъ въ сраженіи противъ Фиденъ. За это римскій царь применяетъ къ нему соответствующій способъ наказанія. „Пусть твоя смерть, провозноситъ царь, будетъ наукой всему человѣчеству, что надо свято держаться договоровъ, тобою нарушенныхъ. Какъ ты недавно раздвоилъ свою душу между фиденцами и римлянами, такъ теперь твое тѣло пусть будетъ раздвоено“ (*ut igitur paulo ante animum inter Fidenatem Romanamque rem ancipitem gessisti, ita iam corpus passim distrahendum dabis*). Послѣ этого онъ велѣлъ привязать Метія къ двумъ колесницамъ, запряженнымъ четвернями, и лошади, помчавшись въ противоположныя стороны, разорвали его на двѣ половины къ общему ужасу, какъ прибавляетъ Ливій, присутствующихъ. Итакъ, казнь Метія Фуфетія представляется результатомъ жестокаго остроумія Тулла Гостилия и такимъ образомъ приурочена къ общей связи прагматическаго разказа.

На возможность совершенно другаго объясненія легендарной казни Метія Фуфетія указалъ въ одной интересной замѣткѣ проф. Зѣлинскій ¹⁾. Раздираніе виновнаго четырьмя лошадьми или, въ нашемъ примѣрѣ, двумя четвернями дикихъ лошадей, наказаніе, единственное во всемъ римскомъ правосудіи, находитъ себѣ аналогію, хотя не совсѣмъ точною, но всетаки сходною, въ одномъ постановленіи средневѣковаго

---

¹⁾ *Quaestiones comicae* стр. 108. Настоящую "вию Фуфетія авторъ видитъ въ вѣроломствѣ, ссылаясь на казнь измѣнника Ганелона, описанную въ пѣснѣ о Роландѣ. Ганелона привязываютъ въ четыремъ дикимъ лошадямъ, на которыхъ сидятъ всадники. Направляя лошадей въ четыре разныхъ стороны, они раздираютъ Ганелона на четыре части. Дальше приводится новогреческая сказка, въ которой мавръ, уличенный во лжи и обманѣ раздирается, по приказанію царя, четырьмя лошадьми. Оба примѣра можно подвести подъ общее опредѣленіе *perfidia*, но нарушение вѣрности въ одномъ и правды въ другомъ, по меньшей мѣрѣ, два очень различныхъ оттѣнка. Поэтому не лишне будетъ по отношенію къ виѣ Метія Фуфетія добиться болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ общая *perfidia*. Соглашаемся какъ съ общимъ выводомъ автора *Quaestiones comicae*, такъ и съ его положеніемъ: *Fufetii et scelus et poena inter mythos habenda sunt; quos prototypos dicimus*. Зато рѣшительно отказываемся присоединиться къ дальнѣйшимъ его заключеніямъ, кончающимся превращеніемъ албанскаго диктатора въ сабинскаго бога *Dius Fidius*.

ерманскаго права ¹⁾). Такъ называемые *Weistümer* угрожаютъ изысканно страшными наказаніями каждому, кто сроетъ или измѣнитъ ли уничтожить межевые столбы и камни, въ особенности такіе, которые обозначали границу между двумя общинами. Въ числѣ наказаній стрѣчается такое: кто съ умысломъ сроетъ граничный камень, того гѣдуетъ зарыть въ землю по самую шею. Затѣмъ четверня лошадей, и разу еще не запряженныхъ, должна быть впряжена въ соху, которая должна отрѣзать голову зарытаго преступника. По замѣчанію Гримма, всѣ эти наказанія до того жестоки, что можно быть увѣреннымъ, что они никогда вправду не приводились въ исполненіе, а служили только острасткою, будучи мѣткимъ выраженіемъ взгляда народа на нарушеніе святости границъ. Въ этомъ отношеніи драгобивно для насъ увѣреніе Ливія, что наказаніе Фуфетія никогда съ ихъ поръ не повторялось въ Римѣ. Оно задумано въ духѣ грозныхъ формулъ германскаго народнаго права. Дѣйствительное отношеніе древнѣйшаго римскаго права къ нарушенію святости границъ выражается въ „царскомъ законѣ“ Нумы вотъ какъ: *eum qui rmpium exarasset, et ipsum et boves sacros esse* (Павла *Epit. Festi g.* 368). Позднѣйшее законодательство замѣнило смертную казнь нежными штрафами ²⁾). Возникаетъ вопросъ, не существовало ли старину, помимо установленнаго закономъ Нумы обреченія виновнаго на погиль (consecratio capitis), еще другой предостерегательной формулы, угрожавшей въ особенно тяжкихъ случаяхъ рушителю границъ тою страшною казнью, которой по легендѣ примѣръ другимъ былъ подвергнутъ Метій Фуфетій. Выразясь другими словами, спрашиваемъ, не принадлежала ли легенда казни мнимаго албанскаго диктатора, въ первоначальномъ видѣ, числу юридическихъ легендъ, такъ называемыхъ *exempla iuris*, представлявшихъ, подъ видомъ вымышленнаго примѣра перваго приненія, происхожденіе того или другаго юридическаго правила. Возникность такого происхожденія легенды о Метіѣ Фуфетіѣ подкрѣпляется разборомъ его имени. Если изъ четырехъ рукописныхъ написаній родоваго имени *Mettus, Metus, Mettius* и *Metius* считать наибѣ вѣрнымъ послѣднее, то оно легко и просто производится отъ *ta*, предѣльный столбъ, и служить опредѣленіемъ втораго слова, *Fu-*

¹⁾ Я. Гриммъ, *Deutsche Rechtsaltertümer* стр. 692. Kl. Schr. 2, 59 въ глѣ *Deutsche Grenzaltertümer*.

²⁾ Ср. Рудорфа, *Die röm. Feldmesser* 2, 243 сл.

fetus. Неизвѣстная доисторическая основа этого слова сохранилась, повидимому, въ именахъ римскихъ родовъ Fufius и Fufidius. Изъ лингвистическаго матеріала представляется для сравненія основа индо-европейскаго глагола *dheudho* „путать, мутить, возбуждать“ (Фикъ *Vergl. Wörterb.* 463), отъ которой производится санскритское *dodhan* дикій, *dhudhita* путаный, греческое *θόσσορα*, *θόσσας*, *θόσθλα*¹⁾. Получается слѣдовательно возможность присвоенія вымышленному имени *Metius Fufetus* смысла *turbator metarum*. Метій Фуфетій въ такомъ случаѣ оказался бы типичнымъ представителемъ преступленія перемѣщенія предѣльныхъ столбовъ, тѣхъ столбовъ, какъ надо думать, которыми отмѣчалась граница римской области по направленію къ Альбѣ Лонгѣ. Такъ какъ въ этой послѣдней мѣстности сходились границы нѣсколькихъ латинскихъ государствъ, то изъ этого значенія Альбы, какъ общей границы (*confinium*) и сборнаго мѣста, союза, сопредѣльныхъ государствъ, становится понятнымъ, почему легенда приурочила именно къ Альбѣ Лонгѣ прототипичнаго нарушителя святости границы. Оттого и составитель царскихъ анналовъ, нуждаясь для изложенія албанской войны въ именахъ и другихъ подробностяхъ, приплелъ его къ своему разказу въ роли албанскаго предводителя. При этой передѣлкѣ, понятно, измѣнилось содержаніе легенды. Герой ея изъ нарушителя святости границы превратился въ нарушителя святости договора. Въ сущности это только другой оттѣнокъ одного и того же проступка. Границы между государствами защищались договорами, такъ что, кто измѣнилъ границу, тотъ былъ *foederis ruptor*, какимъ въ традиціонной исторической обработкѣ легенды и представляется Метій Фуфетій.

Въ предыдущихъ разсужденіяхъ мы исключительно занимались тѣми элементами легенды, изъ которыхъ составились биографія и госу-

---

¹⁾ Признаемся, что предлагаемая нами этимологія страдает однимъ недостаткомъ. Индо-европейскій звук *dh* въ латинскомъ звукѣ, въ среднѣхъ словъ, правильно переходилъ въ *b*, такъ что изъ основы *dhudh* вышло бы *Fubetius*. Въ самомъ дѣлѣ Фаленъ (*Ennianae poesis reliquiae* rec. Io. Vahlen *Annal.* v. 129) въ цитатѣ изъ Энія у Квинтиліана (1, 5, 12) возстановилъ чтеніе *Mettoi Fubettoi*, на основаніи писанія *Fuveio eo* въ амброзіанской рукописи. Но интерпретація и рецепціо словъ Квинтиліана до того спорны, а противъ Фалена возставало столько авторитетовъ, что мы не осмѣливаемся положиться на предложенное Фаленомъ чтеніе. Поэтому мы предпочитаемъ сослаться на извѣстные примѣры сохраненія и въ латинскихъ словахъ первоначальнаго прядыхавія *f*: *rufus*, *mutius*, *infra* и т. д.

рственно-историческое описаніе царствованія Тулла Гостилія. Изъ анализа ихъ намъ выяснилось, что одни отчасти извлечены изъ имени *ostilius*, напримѣръ, происхожденіе царя отъ Госта Гостилія и порока курія *Hostilia*. Изъ послѣдняго факта выведены дальнѣйшимъ ключеніемъ устройство комиція и легенда о смерти царя, выдуманная для этиологіи царскихъ молній, ударяющихъ на комиціи. Другая съ историческихъ дѣяній не находилась собственно ни въ какой язи съ Туллою Гостиліемъ, а приписана ему отчасти потому, что янія эти не подходили къ двумъ первымъ царямъ, отчасти же это потому, что нужно же было чѣмъ-нибудь наполнить исторію этого царя. Къ числу этихъ событій принадлежатъ албанская война прибавленными къ ней эпизодами о единоборствѣ Гораціевъ и Кривіевъ и о казни Метія Фуфетія, затѣмъ увеличеніе конницы, режденіе квесторовъ, введеніе царскихъ атрибутовъ, каковыми яніями обогатили исторію Тулла позднѣйшіе анналисты. Прибавъ еще войны съ сосѣдними народами, съ нѣкоторыми подходящими вариациями повторяющіяся у всѣхъ царей за исключеніемъ ролюбиваго Нумы. Изъ анализа, такъ сказать, источниковъ исторіи этого царя слѣдовательно получается общій результатъ, что въ ней сущности никакого извѣстія нѣтъ, которое не могло бы родиться самою умѣ перваго автора гипотетичной исторіи царей или его слѣдователей. Ни въ одномъ фактѣ не видно слѣдовъ болѣе древней акціи легенды, жреческой, которая столько слѣдовъ оставила въ исторіи Ромула и Нумы Помпилія. Изъ этого мы заключаемъ, что, и была жреческая легенда о Туллѣ Гостиліѣ, то она отличается безсодержательностью, отсутствіемъ подробностей. Этимъ, по-но, не исключается возможность, что была о Туллѣ Гостиліѣ духовная легенда, хотя бы и краткая, безсодержательная, и что эта легенда дошла до свѣдѣнія перваго лѣтописца. Къ такому именно дположенію насъ склоняють нѣкоторыя соображенія общей мекки.

Если вся традиціонная исторія событій царствованія Тулла Гостилія, какъ мы старались доказать, была не болѣе, какъ произведеніе лѣтописцаго вымысла, то спрашивается, не выдумана ли тѣми лѣтописцами, или, точнѣе говоря, первымъ редакторомъ лѣтописи арской исторіи самая личность царя. Было ли, другими словами, того перваго историка царей какое либо основаніе предположить ради этиологической гипотезы существованіе въ Римѣ царя по имени *Tullus Hostilius*? Швиглеру, столь широко примѣнявшему при-

динь этиологическаго объясненія, не удалось открыть никакого основанія, почему бы могла быть выдумана именно такая царская личность, да и едва-ли это, думаемъ, удастся другимъ, если они хотѣли бы понять вымысленіе самой личности Тулла въ связи съ приписанными ему историческими дѣяніями, на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, не стоявшими ни въ какой внутренней связи съ самою личностью царя. Поэтому необходимо допустить другія возможности. До автора исторіи Тулла Гостилія могли дойти свѣдѣнія о существованіи такого царя изъ другихъ источниковъ. Возможно, напримѣръ, что въ Римѣ на самомъ дѣлѣ царствовала личность съ такимъ именемъ, о событіяхъ царствованія которой однако не уцѣлѣло никакихъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего первому историку уже поневолѣ пришлось составить исторію царя по однимъ своимъ догадкамъ. Такого приблизительно мнѣнія былъ Швеглеръ. Съ Тулла Гостилія, говоритъ онъ (R. G. I, 579). начинается первый разсвѣтъ исторіи Рима. Первые два царя вполнѣ мифологическія личности. Ромуль самъ богъ, сынъ бога, а Нума супругъ богини Эгеріи. Образъ Тулла Гостилія на себѣ не носитъ никакихъ признаковъ мифологии, слѣдовательно и нѣтъ серьезной причины сомнѣваться, что въ самомъ дѣлѣ когда-то жилъ царь такого имени и царствовалъ въ римскомъ государствѣ. О современныхъ ему событіяхъ не имѣлось и не могло даже имѣться никакихъ достовѣрныхъ преданій. Лѣтописное записываніе событій, продолжаетъ Швеглеръ, началось нѣсколькими столѣтіями послѣ временъ Тулла, зато, вѣроятно, передавалась устная традиція, въ которой однако всѣ факты представлялись въ сильно искаженномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, разрушеніе Альбы въ общемъ историческій фактъ, а всѣ подробности, сообщаемыя традиціею, съ начала до конца оказываются вымышленными. По отношенію къ этой традиціи Швеглеръ видитъ задачу современнаго историка въ восстановленіи по догадкѣ истиннаго хода событій. Намъ представился уже случай обстоятельно изложить, въ какомъ видѣ Швеглеръ, по примѣру Нибура, восстановилъ исторію разрушенія Альбы Лонги. У него вышло, что столица Ладія разрушена не Туллою Гостиліемъ, вообще даже не римлянами, а латинами; албанцы же переселились въ Римъ не принужденные римлянами, а по своему собственному желанію. Изъ всего традиціоннаго разказа объ албанской войнѣ да и вообще изъ всей исторіи царствованія Тулла послѣ разбора Швеглера остались одни скудные общіе факты, что Альба была кѣмъ-то разрушена, а въ Римѣ когда-то царствовала Туллъ Гостилій. Мыслимо ли какое бы то ни было

сторическое преданіе, въ которомъ такія жалкія крупинки исторической истины смѣшались съ такою массою вымысла? Намъ, вѣроятно, взразятъ указаніемъ на троянскую легенду, на эпосы объ Александрѣ Македонскомъ, Карлѣ Великомъ, Нибелунгахъ или Владиміръ-расномъ Солнышкѣ, въ которыхъ именно самая незначительная доля исторической истины смѣшалась съ громадною массою поэтическаго вымысла, историческимъ дѣятелямъ приписаны самыя невѣроятныя дѣянія. Но подходятъ ли эти аналогіи къ нашему примѣру? Ех тега analogia non fit conclusio. Надо, чтобы данныя заключенія были одинаковы. Для этого необходимо доказать, что римское преданіе стояло на одномъ уровнѣ съ вольнымъ поэтическимъ творчествомъ предшественнаго эпоса. Теорія Нибура о существованіи эпоса о римскихъ царяхъ давно сдана въ архивъ, главнымъ образомъ благодаря грицательной критикѣ Шwegлера. Критика его привела къ общему результату, что традиціонная исторія древнѣйшаго Рима всего менѣе охожа на народное или какое бы то ни было поэтическое творчество. Она большею частью, какъ онъ показалъ, продуктъ разсудочнаго размышленія и мудрствованія, зачатая въ этомъ духѣ полунаучныя мозаключенія, благодаря повѣствовательному таланту перваго разсказчика царской исторіи, облеклись въ форму привлекательныхъ повѣстей, прелесть которыхъ въ добавокъ увеличилась въ изящномъ ересказѣ Ливія. Поэтической колоритъ царской исторіи во всякомъ случаѣ намъ не даетъ права на сравненіе ея съ историческимъ эпосомъ преднихъ вѣковъ. Съ одной стороны, мы видимъ предъ собою прозаическій разказъ, претендующій на названіе научнаго историческаго изслѣдованія несмотря на поэтическую примѣсь. На каждомъ шагѣ явѣтна обусловленность разказа, зависимость его отъ дѣйствительныхъ данныхъ. Съ другой стороны, въ историческомъ эпосѣ среднихъ вѣковъ, мы встрѣчаемся съ полнымъ пренебреженіемъ къ дѣйствительной исторіи. Это пренебреженіе отчасти обусловлено невѣжествомъ среднихъ вѣковъ или равнодушіемъ ихъ къ научной дѣйствительности, отчасти необузданною поэтическою фантазіей. Незначительные историческіе элементы въ этихъ повѣстяхъ служатъ только какъ бы указаніемъ, къ нимъ прицѣплено повѣствованіе для вящаго подтвержденія правдивости разказа. Неважность этихъ историческихъ примѣсей всего лучше доказывается приурочиваніемъ однихъ и тѣхъ же сказаній къ разнымъ историческимъ временамъ и личностямъ. Если подъ тѣми устными преданіями, которыя, по мнѣнію Шwegлера, служили источниками исторіи третьяго и четвертаго царей, разумѣть

повѣствованія въ родѣ средневѣковаго историческаго эпоса. то бросается въ глаза крупное противорѣчіе этого мнѣнія съ основными взглядами Шwegлера на характер историческаго вымысла римлянъ. Разбирая въ своемъ введеніи это противорѣчіе, мы позволили себѣ утверждать, что свѣтлый умъ Шwegлера уклонился отъ послѣдней цѣли анализа вслѣдствіе заблужденія на счетъ критеріевъ мифическаго характера царскихъ образовъ. Считая единственнымъ такимъ критеріемъ прямое отношеніе царей къ сверхъестественному міру, онъ призналъ въ Ромулѣ и Нумѣ мифическія, неисторическія личности. Отсутствие же подобныхъ признаковъ у личностей Тулла Гостилія и Анка Марція побудило его допустить историческое существованіе этихъ двухъ царей. Мы выражали уже свои сомнѣнія относительно вѣрности принимаемаго Шwegлеромъ критерія. И вполнѣ историческія личности могли быть связаны съ міромъ боговъ, напримѣръ, Александръ Македонскій или Циціонъ Африканскій. Съ другой стороны, вымышленная, мифическая личность можетъ быть вполнѣ принаровлена къ условіямъ исторической вѣроятности, никакою чудесною или сверхъестественною чертою не обнаруживая мифическаго своего происхожденія. Рѣшеніе вопроса, жили ли и царствовали ли на самомъ дѣлѣ Туллъ Гостилій, Анкъ Марцій и т. д., очевидно, слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ критеріевъ другаго рода. Таковы, напримѣръ, характеръ источниковъ, свидѣтельствовавшихъ о ихъ существованіи, и невозможность доказывать происхожденіе ихъ изъ этиологическаго вымысла, изъ котораго произошли личности Ромула и Нумы, и произошли также всѣ факты, приписываемые самому Туллу Гостилію. Считая недоказаннымъ и невѣроятнымъ существованіе въ Римѣ устной или народно-поэтической традиціи о царяхъ, мы думаемъ, что единственнымъ источникомъ, откуда та или другая вѣсть о существованіи царя Тулла Гостилія могла дойти до свѣдѣнія перваго лѣтописца, были древнѣйшіе памятники римской письменности. Такъ какъ не было о царяхъ лѣтописныхъ записокъ — возможность такихъ записокъ о царствованіи Тулла между прочимъ исключается уже тѣмъ, что всѣ традиціонные факты царствованія, кромѣ имени царя, оказываются произведеніями вымысла, — то единственное свидѣтельство, которое мы можемъ себѣ представлять, это тотъ или другой эпиграфическій или вообще письменный историческій документъ, свидѣтельствовавшій о царствованіи въ Римѣ царя Тулла Гостилія. Авторъ царской исторіи, узнавъ изъ документа одно имя царя, принялся за сочиненіе неуказанныхъ въ источникѣ дѣяній. Мы, конечно, не можемъ вполнѣ

отрицать этой возможности, хотя мы въ такомъ случаѣ почти въ правѣ ожидать какой-нибудь ссылки на данный документъ, въ родѣ извѣстныхъ ссылокъ традиціонной исторіи на документы Сервія Туллія и Тарквинія. Какъ бы однако то ни было, не слѣдуетъ, думаемъ, также упускать изъ виду другой возможности. Письменное свидѣтельство о Туллѣ Гостиліѣ, можетъ быть, встрѣчалось въ томъ, безъ сомнѣнія, письменномъ изложеніи исторіи учрежденія римскихъ духовныхъ коллегій, слѣды котораго обнаружены при разборѣ сказаній о Ромулѣ, Титѣ Таціѣ и Нумѣ Помпиліѣ. Мы доказывали, что зачатки легенды о нихъ лежали въ этиологіи жрецовъ, въ стремленіи представить въ лицѣ вымышленныхъ царей учредителей первыя начала отдѣльныхъ коллегій. Для характеристики своихъ героевъ авторъ или авторы жреческой легенды подбирали къ нимъ такія дѣянія и приключенія, которыя могли служить обоснованіемъ извѣстныхъ особенностей служебной дѣятельности или священной обстановки отдѣльныхъ коллегій. Съ такою же цѣлью къ воображаемымъ царямъ—учредителямъ подбирались имена, подходившія къ тому или другому особенно важному или замѣтному жреческому дѣлу. Такъ напримѣръ, изъ обязанности феціаловъ доставлять римлянамъ похищенное иностранцами имущество (*res ferre*) выведено имя *Fertor Resius*, перваго установителя феціальнаго права. Мифическіе основатели двухъ отдѣленій луперковъ, гонявшихся другъ за другомъ по палативскому померію, были названы одинъ скорымъ (*Romulus*), а другой тихимъ (*Remus*). Учредитель тиціевъ, авгуровъ пригородной трибы таціевъ, отъ обязанности наблюдать небесныя явленія и полетъ птицъ получилъ названіе *Titus Tatius* (наблюдатель таціевъ). Понтифексы, первоначально занимались составленіемъ календаря, при чемъ стоявшій во главѣ коллегіи *rex* опредѣлялъ даты первой половины мѣсяца, періода нарожденія луны, а его помощникъ, понтифексъ, опредѣлялъ даты ущербной половины мѣсяца. Согласно этому царя основателя коллегіи называли „распредѣлителемъ распуханія“ (*Numa Pompilius*), а перваго понтифекса „распредѣлителемъ исхуданія“ луны (*Numa Marcius*). Напрашивается на сравненіе Туллъ Гостилія, какъ учредитель одной изъ духовныхъ коллегій, а кромѣ того какъ носитель такого имени *Tullus*, которое, подобно именамъ *Romulus*, *Remus*, *Numa*, *Fertor*, сколько намъ извѣстно, никогда не было въ употребленіи, а поэтому и производить впечатлѣніе искусственно сочиненнаго. Въ виду являющейся такимъ образомъ возможности, что образъ Тулла Гостилія произведеііе той же жреческой этиологіи, что

и образы его мнимыхъ предшественниковъ по престолу, мы предлагаемъ съ этой точки зрѣнія разсмотрѣть главнѣйшія данныя о жреческой коллегіи саліевъ, основаніе которой приписывается Туллу Гостилю. Особенное вниманіе мы будемъ обращать какъ на легенду, относящуюся къ ея основанію, такъ и на обсужденіе недостаточно изслѣдованнаго до сихъ поръ вопроса, въ чемъ заключалась главная функція саліевъ.

Салии состояли изъ двухъ коллегій, по двѣнадцати жрецовъ въ каждой ¹⁾. Сборный домъ одной коллегіи, *curia Saliorum*, находился на палатинскомъ холмѣ, а священное хранилище (*sacragium*) другой лежало на квиринальскомъ холмѣ. Поэтому первыхъ звали палатинскими (*salii Palatini*), а вторыхъ квиринальскими (*Quirinales*) или *Collini*, такъ какъ Квириналь обыкновенно звали просто холмомъ (*collis*). Въ старинной духовной терминологіи сохранилось еще одно названіе холма, *Agonius collis*, отчего вторая коллегія саліевъ также носила имя *salii Agonales* или *Agonenses*. У каждой изъ двухъ коллегій были свои отдѣльныя ритуальныя книги, свои архивы и своя легенда. Чѣмъ отличались другъ отъ друга служебныя обязанности двухъ коллегій, объ этомъ до насъ не дошло никакихъ извѣстій. По всему вѣроятію, у обѣихъ были общія обязанности, и обѣ соединялись для ихъ исполненія. Обѣ коллегіи служили Марсу или собственно двумъ Марсамъ, *Mars Gradivus* и *Mars Quirinus*, при чемъ остается подъ сомнѣніемъ, служила ли каждая изъ этихъ коллегій только одному изъ двухъ Марсовъ, или обѣ вмѣстѣ и тому, и другому ²⁾. Въ куріяхъ обѣихъ

¹⁾ Считаемъ почти излишнимъ отмѣтить, что большинство излагаемыхъ въ текстѣ фактовъ мы заимствуемъ изъ руководства Марквардта.

²⁾ На первое предположеніе могли бы навести слова Ливія (1, 20, 4) о латинскихъ саліяхъ: (*Numa*) *salios duodecim Marti Gradivo legit*. О второй же коллегіи ояъ выражается (1, 27, 7) неопредѣленно: (*Tullus Hostilius*) *duodecim vocit alios*. О Марсѣ Квиринѣ ничего не сказано у Діонисія (2, 70 *οἱ μὲν γὰρ Ἀθωναλαῖς, ὑπὸ δὲ τῶν Κολλίνων καλοῦμενο: Σάλιοι, ὧν τὸ ἱεροφυλάκιον ἐστὶν ἐπὶ τοῦ Κολλίνου λόφου, κατὰ Νόμαν ἀπεδείχθησαν ὑπὸ βασιλέως Ὀστילίου*). Марсъ Градивъ и Квиринь выставляется общими божествами саліевъ въ другомъ мѣстѣ Ливія (5, 52, 7): *quid (loquar) de ancilibus vestris, Mars Gradive tuque Quirine pater*. Наконецъ приводимъ странное показаніе Сервія (*ad Aen.* 8, 285 *duo sunt genera saliorum, sicut in saliaribus carminibus invenitur, Collini et Quirinales a Numa instituti, ab Postilio vero Pavorii et Pallorii*). Авторъ этого извѣстія, кажется, невѣрно понялъ слова Ливія *duodecim vocit salios* фанаке *Pallori ac Pavori*, относя *Pallori ac Pavori* прямо къ словамъ *duodecim vocit salios*; о *salii Pallorii et Pavorii* не говорятъ никто кромѣ Сервія. Тѣмъ не менѣе возможно, что культъ

коллегій находились хранилища (*sacragia*), въ которыхъ, по всей вѣроятности, хранились такъ называемыя *ancilia*, священные щиты Марса Градива и Квирина ¹⁾. На этихъ щитахъ сосредоточивалась служебная дѣятельность саліевъ. Въ первое число марта щиты изъ зимняго покоя „приводились въ движеніе“ (*ancilia moventur*). Въ продолженіе всего мѣсяца марта, въ извѣстные дни, саліи совершали шествія по городу, одѣтые въ пестрые военные костюмы и остроконечные шлемы, въ одной рукѣ неся священный шить, въ другой короткую палку. Въ извѣстныхъ мѣстахъ города они останавливались и пѣли старинные стихи (*carmen Saliorum*), совершая при этомъ пляску, притаптывая по три раза (*tripudium*) ударяя кромѣ того по щитамъ палками. Отъ этой пляски они получили народное прозвище плясунъ (*salii*). Шествіе каждый разъ кончалось въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ которыхъ построены были домики (*manstones*) для храненія на ночь щитовъ и для пиршествъ. Въ концѣ марта дѣятельность саліевъ, кажется, прекращалась до праздника „очищенія оружія“ (*armilustrium*). 19-го октября, когда саліи опять функционировали, послѣ чего священные щиты прибирались на зимній покой въ двухъ куріяхъ коллегій.

Въ чемъ, спрашивается, состояла суть обряда, справлявшагося саліями? Изъ имени *salii* мы могли бы сдѣлать выводъ, что самымъ

двухъ боговъ страха принадлежалъ къ специальному кругу богослужебныхъ обязанностей квиринальской коллегій, а поэтому основаніе ихъ святынь присоединено у Ливія къ учрежденію коллегій.

¹⁾ Хранилище квиринальской коллегій упоминается Діонисіемъ (2, 70 *κεροφλάχιον*), хранилище палатинское Валеріемъ Максимомъ (1, 18, 11 *sacragium saliorum*). По мнѣнію Беккера (*Topogr.* 1, 230), Джордана (*Topogr.* 2, 271) и Марквардта (3, 430) *ancilia* хранились въ этихъ хранилищахъ, а не въ хранилищѣ регіи, мнѣстѣ съ колыма Марса, какъ обыкновенно думали (см., напримѣръ, Преллера *R. M.* 1, 365). Досединѣ до насъ источники не позволяютъ окончательно рѣшить этотъ, впрочемъ не особенно важный, вопросъ. Одинъ фактъ существованія двухъ *sacragia saliorum* не позволяетъ сомнѣваться въ храненіи, можетъ быть, временно, въ нихъ щитовъ. О числѣ щитовъ есть одно показаніе въ легендѣ о паденіи съ неба одного щита при Нумѣ и о приготовленіи одиннадцати другихъ Мамуріемъ Ветуриемъ. Такъ какъ саліевъ всего было двѣнадцать четьре, а невозможно, чтобы двѣнадцать были безъ щитовъ, то, очевидно, подъ двѣнадцатью щитами Мамурія необходимо разумѣть щиты двѣнадцати палатинскихъ саліевъ. О щитахъ квиринальскихъ легенда молчать, потому что основаніе этой коллегій произошло не при Нумѣ и Мамуріѣ Ветуриѣ. Что щиты считались собственностью Марса Градива и Квирина, сказано у Ливія 5, 52, 7 *quid de ancilibus vestris, Mars Gradive tuque Quirine pater*.

важнымъ дѣломъ была пляска. Это однако очень невѣроятно, мѣрныя движенія пляски скорѣе помогали пѣнію, поддерживая ритмъ. Для народа, понятно, рѣдкое и странное зрѣлище пляшущихъ жрецовъ было самою любопытною и замѣчательною частью обряда, чѣмъ воплѣ и объясняется не совсѣмъ подходящее обычное названіе жрецовъ Марса, Градива и Квирина. Легенда соединяетъ первое назначеніе саліевъ съ появленіемъ священныхъ щитовъ *ancilia*. Разъ благочестивый Нума рано утромъ стоялъ у своего дома, регіи, и въ молитвѣ поднималъ руки; вдругъ съ неба прямо въ его руки упалъ щитъ, и послышался голосъ, приказывающій сохранить щитъ какъ залогъ благополучія римскаго государства. Тогда Нума, для предупрежденія возможности похищенія щита, заказалъ одному искусному кузнецу, Мамурію Ветурію, одиннадцать совершенно такихъ же щитовъ. Подражаніе было до того удачно, что самому Нумѣ было невозможно различить подлинный щитъ. Назначивъ затѣмъ двѣнадцать жрецовъ, палатинскихъ саліевъ, онъ передалъ имъ на храненіе двѣнадцать щитовъ. Этіологическая легенда, слѣдовательно, видитъ настоящую обязанность „плясунговъ“ въ храненіи и ношеніи по городу *ancilia*, и никакого основанія нѣтъ сомнѣваться въ общей вѣрности этого взгляда. Второй вопросъ, какое религіозное или символическое значеніе имѣли священные щиты и ношеніе ихъ по городу. Для разрѣшенія этого вопроса важно обратить вниманіе на время совершенія обряда и на очевидную связь его съ военнымъ бытомъ римскаго народа. Достаточно для этого будетъ привести слова Марквардта (St. V. 3, 431): „главная дѣятельность саліевъ происходитъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда начинается время походовъ, и въ октябрѣ, когда оно кончается. Отправляясь въ походъ, полководцы входили въ *sacragium Martis*, находившееся въ куріи саліевъ, и, помолившись Марсу, приводили въ движеніе священные щиты бога. Такимъ же образомъ въ началѣ каждой весны, обычнаго времени начала походовъ, саліи приводятъ въ движеніе щиты (*ancilia movege*), а убираютъ ихъ на покой (*ancilia condege*) осенью, по окончаніи военной поры“. Ограничившись указаніемъ этой аналогіи, Марквардтъ воздержался отъ всякихъ дальнѣйшихъ заключеній и не старался далѣе вникать въ символику обряда. Надѣясь восполнить оставленный имъ пробѣлъ, мы по этому поводу предлагаемъ нѣсколько замѣчаній.

Ancilia считались щитами Марса (Лив. 5, 52, 7). Обрядовое приведеніе ихъ въ движеніе въ началѣ похода или походнаго сезона,

сопровождаемое молитвами и жертвоприношеніями Марсу, получаетъ самое яркое освѣщеніе изъ римскихъ вѣрованій о Марсѣ. Его считали важнѣйшимъ защитникомъ римскаго войска и вѣрили въ личное присутствіе его во время битвы. Такъ, напримѣръ, въ 282 г. до Р. Хр. передъ сраженіемъ съ луканами и бруттіями Марсъ Градивъ явился въ образѣ юноши и въ передовомъ ряду римскаго войска бросился на непріятелей (Преллеръ R. M. 1, 348). Упомянутый выше обрядъ, такимъ образомъ, имѣлъ цѣлю вызвать Марса на защиту и помощь римскому войску, вооружившись щитомъ. Для этой цѣли двигали священные щиты, одинъ изъ которыхъ, неузнаваемый для человѣческихъ глазъ, присваивался богомъ. По окончаніи же военнаго сезона щиты или щитъ Марса за ненадобностью убирала на покой. Послѣдній обрядъ совершался во время праздника *armilustrium* 19-го октября. И самое названіе праздника, и прямыя свидѣтельства авторовъ ¹⁾ не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что цѣлю этого праздника было религиозное очищеніе (*lustratio*) римскаго оружія. По окончаніи кроваваго дѣла ощущалось желаніе очистить оружіе отъ невольна совершеннаго имъ убійства. Участіе въ этомъ обрядѣ саліевъ, притомъ же носившихъ священные щиты Марса, доказываетъ, что очищенію подвергалось и оружіе Марса, сражавшагося, по общему вѣрованію, за римлянъ. Это наводитъ на мысль, что и весенній обрядъ несенія щитовъ по городу саліями имѣлъ значеніе люстраціоннаго дѣйствія. Передъ походомъ очищеніе оружія могло казаться необходимымъ по нѣсколькой иной причинѣ чѣмъ осенью, по окончаніи похода. Благополучный исходъ войны зависѣлъ отчасти отъ чистоты оружія, отсутствія на немъ всякой вины, порчи или нечистой силы, наведенной заговорами непріятелей и т. д. Отъ всей этой возможной нечистоты очищались, по нашей догадкѣ, щиты Марса, общаго защитника римскаго войска. Очищеніе священныхъ щитовъ производилось самымъ простымъ образомъ, посредствомъ ударовъ палками. Удары палками, розгами, вѣтвями и т. п. у многихъ народовъ считались или считаются и до сихъ поръ въ народныхъ обрядахъ любимымъ способомъ люстраціи. Ударами выгоняется нечистая сила, и косвеннымъ образомъ поддерживается жизненная сила, крѣпость, здоровье, плодовитость и т. п. Мангардтъ подѣ

¹⁾ Варронъ L. L. 6, 22 *armilustrium ab eo, quod in armilustrio armati sacra faciunt—id ab luendo aut lustro, id est quod circum ibant luentes ancilibus armati, Festi epit. p. 19.*

заголовкомъ *der Schlag mit der Lebensruth* (Wald-und Feldkulte 1, стр. 250—303) собралъ удивительную массу примѣровъ разнovidнаго примѣненія этого обряда у всѣхъ европейскихъ и нѣкоторыхъ не-европейскихъ народовъ. Бьютъ и колотятъ не только людей здоровыхъ и больныхъ, дѣтей, жениховъ и невѣсть и т. д., но и скоть, коровъ и телятъ, плодовые деревья, послѣднiе снопы при уборкѣ хлѣба и другiе неодоушевленные предметы. Часто вредное начало представляется какимъ-либо человѣкомъ, котораго выгоняютъ ударами изъ деревни или города. Совершенно аналогичный обрядъ встрѣчается и въ древнемъ Римѣ. Ежегодно 15-го марта длинными бѣлыми палками ударили одного человѣка, одѣтаго въ шкуры,—для ослабленiя ударовъ,—и выгоняли его изъ города ¹⁾. Этого человѣка, по свидѣтельству одного поздняго писателя, звали Мамурiемъ, и производили отсюда поговорку „бьютъ его какъ Мамурiя“ (ὡς τὸν Μαμούριον αὐτῷ παίζουσιν), когда сильно били кого-нибудь. Били же представителя Мамурiя, по увѣренiю Сервiя, по-кузнецки за то, что онъ когда-то выковалъ подложные щиты. По мнѣнiю Марквардта (3, 434), въ этой легендѣ кроется какое-нибудь недоразумѣнiе. Въ календарѣ Филокала подъ 14-мъ числомъ марта, значить, наканунѣ мнимаго обрядоваго изгнанiя Мамурiя, отмѣчено *Mamuralia*, что совпадаетъ съ отмѣткою такъ называемыхъ *menologia rustica* ко времени между 5-мъ и 17-мъ числами марта: *sacrum Mamurio*. Если такимъ образомъ чествовали Мамурiя, даже приносили ему жертву, то, по справедливому замѣчанiю Марквардта, трудно понять, почему этого же самаго чтимаго героя на другой день могли подвергать позорному изгнанiю и ударамъ. Прибавимъ, что есть прямое свидѣтельство объ участiи въ этомъ обрядѣ салиевъ. Это слова Минуцiя Феликса о салияхъ *incedunt pileati, scuta vetera circumferunt, pelles caedunt* (Octav. 24, 3). что, безъ сомнѣнiя, должно отнести къ закутанному въ мѣхъ человѣку, котораго изгоняли ударами изъ города. Съ другой стороны

¹⁾ Иован. Лид. п. μηνῶν 4, 36 εἰδοῖς μαρτίαις... ἤγαστο δὲ καὶ ἄνθρωπος περιβεβλημένος φραῖς, καὶ τοῦτον ἔπαγον ῥάβδοις λευκαῖς ἐπιμήκειο Μαμούριον αὐτὸν καλοῦντες... ὁθεν παροικιάζοντες οἱ πολλοὶ ἐπὶ τοῖς τυκτομένοις διαγελῶντές φασιν ὡς τὸν Μαμούριον αὐτῷ παίζουσιν οἱ τόπτοντες. λόγος γάρ καὶ αὐτὸν ἐκεῖνον Μαμούριον, δυσχερῶν τιῶν προσπεσόντων ἐπὶ τῇ τῶν ἀρχετύπων ἀγκιλίῳ ἀποσχέσαι τοῖς Ῥωμαίοις, παίδμενον ῥάβδοις ἐκβλήθηται τῆς πόλεως. Сервiй (ad Aen. 7, 188), разказавъ легенду объ авуцiяхъ, прибавляетъ: *quod (scutum) ne aliquando hostis agnosceret per Mamurium fabrum multa similia ferunt; cui et diem consecrarunt quo pellem virgis feriant ad artis similitudinem*. Мянучiй Феликсъ Oct. 24, 3 *nudi cruda hieme discurrunt, alii incedunt pileati, scuta vetera circumferunt, pelles caedunt*.

извѣстно, что Мамурій Ветуриій пользовался со стороны саліевъ высокими почестями, въ *сагмен саліогум*, напримѣръ, встрѣчались частыя къ нему воззванія. Сомнѣнія Марквардта, что выгоняемый саліями человекъ представлялъ Мамурія, намъ кажется, вполне основательны. Къ сожалѣнію, онъ не указалъ, какъ выйдти изъ затрудненія, что объясняется, на нашъ взглядъ, неяснымъ представленіемъ его о значеніи какъ справляемыхъ саліями обрядовъ, такъ и образа Мамурія Ветуриія. Послѣдній вопросъ не считаемъ тоже рѣшеннымъ изслѣдованіями и Узенера.

Статья Узенера ¹⁾ отличается блестящею начитанностью по литературѣ фольклора. Масса приведенныхъ параллелей столь велика, что самъ авторъ немного запутался въ нихъ. Оставляя въ сторонѣ другіе вопросы, разбираемые въ этой статьѣ, ограничиваемся только выводами, сдѣланными Узенеромъ относительно Мамурія Ветуриія. Личность, говоритъ онъ (стр. 212), воспѣваемая саліями, не могла быть иною чѣмъ тотъ богъ, которому они служили. Имя *Mamurius* тождественно съ редупликаціями имени Марса *Marmar* или *Marmers*, какъ уже ранѣе замѣчено было Корссеномъ. *Veturius* производится отъ *vetus*. Получаемый такимъ образомъ старый Марсъ, по толкованію Узенера, богъ стараго года, а щиты *ancilia* символы двѣнадцати мѣсяцевъ. Изгнаніе Мамурія Ветуриія, бога стараго года, въ мѣсяцѣ мартѣ, въ началѣ весны, Узенеромъ ставится въ параллель съ народнымъ обычаемъ славянскихъ, германскихъ и романскихъ странъ, передъ началомъ весны провожать человека, старуху или куклу, представляющихъ или смерть, или зиму. Узенеръ не безъ натяжки замѣняетъ зиму и смерть новымъ понятіемъ стараго года, что собственно не оправдывается ни однимъ изъ перечисленныхъ имъ народныхъ обрядовъ. Въ сущности и нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ такимъ натянутымъ толкованіямъ; суть дѣла гораздо проще. Въ римскихъ проводахъ такъ называемаго Мамурія и въ народныхъ современныхъ проводахъ зимы или смерти, безъ сомнѣнія, сказывается одна общая идея. Это идея люстраціи, символическаго очищенія общества отъ вредной силы. Для этой цѣли избирается символическій представитель злой силы и выгоняется изъ селенія. На это значеніе римскаго обряда проливается всего больше свѣта обрядомъ аѳонскихъ оаргелій. И тутъ выпроваживали изъ города представителя или двухъ представителей злой силы, прямо такъ и называвшихся чародѣями (*фармахи*). На пути ихъ ударяли вѣтками

¹⁾ *Italische Mythen* въ *Rheinisches Museum N. F.* 30 стр. 182—229.

смоковницы, которымъ вообще приписывалась очистительная сила, а послѣ очищенія они предавались символической смерти. Отсюда ясно люстраціонное значеніе ударовъ, которые сыпались также и на „Мамурія“, закутаннаго въ мѣхъ. Очищающіе удары наносились, по свидѣтельству Минуція Феликса, тѣми же саліями, которые, какъ мы видѣли, посредствомъ ударовъ, очищали и священные щиты Марса. Отсюда получаемъ нѣкоторое право утверждать, что въ люстраціи посредствомъ нанесенія ударовъ заключалась главная ихъ дѣятельность. Это слѣдуетъ имѣть въ виду, если задаться выясненіемъ образа Мамурія Ветурія.

Мнѣніе Узенера, какъ мы видѣли, почти цѣликомъ основано на томъ показаніи двухъ позднѣйшихъ авторовъ, Сервія и Іоанна Лидійскаго, что „козелъ отпущенія“, изгонявшійся въ иды марта саліями, представлялъ Мамурія Ветурія. Мы уже говорили о сомнительномъ характерѣ этого извѣстія. По примѣру Марквардта мы указывали на высокія почести, оказываемыя Мамурію саліями, едва-ли совмѣстимыя съ позорнымъ обращеніемъ, которому подвергался изгоняемый посредствомъ палокъ представитель нечистой силы. Итакъ, если въ Римѣ въ позднія времена этого человѣка дѣйствительно звали Мамуріемъ, то тутъ, вѣроятно, было какое-нибудь недоразумѣніе, причиною котораго могло быть или празднованіе Мамуралій наканунѣ изгнанія, или идейная связь между именемъ Мамурія и побоями, перешедшая даже въ поговорку. Эта связь проглядываетъ также въ словахъ Сервія, что мнѣмаго Мамурія били *ad artis similitudinem*. Били его на подобіе того, какъ онъ, будучи кузнецомъ, молоткомъ колотилъ свои издѣлія, щиты *ancilla*. Невольно является вопросъ, не легло ли также въ основаніе легенды о Мамуріѣ Ветуріѣ сравненіе обрядоваго поколачиванія щитовъ саліями съ дѣломъ кузнеца, или, другими словами, не представлялась ли личность, связанная съ основаніемъ коллегіи саліевъ, кузнецомъ потому, что главная обязанность жрецовъ походила на кузнечье дѣло. Въ этомъ дѣлѣ сосредоточивается легендарная дѣятельность Мамурія. Какъ божественному кузнецу Гефесту приписывали выковку металлическихъ статуй, такъ и Мамурія считали изготовителемъ статуй, напримѣръ, старинной бронзовой статуи бога Вертумна ¹⁾). Представленіе кузнеца нѣсколько не

¹⁾ У Проперція 5, 2, 61 говоритъ Вертумнъ:

At tibi, Mamurri, formae celator ahenae,
Tellus artifices ne terat osca manus,
Qui me tam dociles potuisti fundere in usus.

подходить къ Марсу, съ которымъ Корссенъ и Узенерь вздумали отождествить легендарнаго колотителя священныхъ щитовъ Марса. Не остановились они и передъ отождествленіемъ съ Марсомъ царя вейскаго, Моррія, которому, по одному варианту преданія, приписывалось основаніе коллегіи саліевъ ¹⁾. Имена *Morrius* и *Mamurius* или *Mamurgius*, по справедливому замѣчанію Корссена, отличаются одною редупликаціею послѣдняго.

Передъ нами, слѣдовательно, двѣ мифическихкія одноименныхъ личности, связанныя съ легендарною исторіею основанія коллегіи саліевъ. Одинъ основатель изображается царемъ, правда, не Рима, но сосѣдняго города, подобно Фертору Резію, царю Эквиколовъ, легендарному основателю феціаловъ или феціальнаго права, тоже не попавшему въ число царей самаго Рима. Второй, кузнецъ Мамурій, прототипъ главнаго служебнаго дѣла саліевъ, колоченія щитовъ Марса. Не трудно будетъ, соединяя обоихъ легендарныхъ основателей саліевъ, узнать новый примѣръ того типа мифическихкіхъ учредителей духовныхъ коллегій, съ которыми мы познакомились уже не на одномъ примѣрѣ. Эти родоначальники жреческихъ коллегій являются и царями, и первыми исполнителями главной обязанности данной коллегіи. Не трудно будетъ также доказать, что имена прототиповъ саліевъ извлечены изъ главной обязанности коллегіи, въ данномъ случаѣ изъ обязанности наносить удары, то-есть предметамъ, подлежащимъ люстраціи. *Morrius* и *Mamurius*, очевидно, производятся отъ того же корня, какъ *mortarium* — ступка и *martellus* — молотъ. Оба слова слѣдовательно приблизительно подходятъ къ понятію „колотителя“. Мамурій считался простымъ кузнецомъ, а роль царя-основателя коллегіи палатинскихъ саліевъ перешла къ царю Нумѣ, современникомъ котораго онъ является въ преданіи. Современникомъ же Нумы считали его, думаемъ, на томъ основаніи, что Туллъ Гостилій, основатель квиринальской коллегіи саліевъ, вступилъ на римскій престолъ послѣ Нумы. Квиринальская, пригородная коллегія, вѣроятно, была меньше чиномъ, чѣмъ старгородная, палатинская, слѣдовательно палатинская была основана ранѣе, чѣмъ коллегія, учрежденная Тулломъ Гостиліемъ. Фактъ специальной принадлежности Мамурія Ветурія къ старому городу намъ даетъ возможность совершенно естественнаго объясне-

¹⁾ Септій ad Aen. 8, 285 quidam dicunt Salios a Morrio rege Veientanorum institutos, ut Alesus Neptuni filius eorum carmine laudaretur, qui eiusdem regis familiae auctor ultimus fuit.

нія эпитета Veturius. Корсенъ и Узенерь его производили, безъ сомнѣнія, вѣрно, отъ vetus старый. Mamurius Veturius, слѣдовательно, „колотитель старыхъ“, то-есть, старгородныхъ, палатинскихъ римлянъ, veteres Romani, по опредѣленію Ливія (I, 33, 2). Въ эпитетѣ основателя пригородной коллегіи, по нашему предположенію, выражается отношеніе его къ пригородному элементу населенія Рима. Намъ представился уже случай высказаться о терминѣ Hostilius. Мы думаемъ, что такимъ общимъ именемъ въ старину называлось населеніе пригородныхъ частей города, когда-то на договорномъ началѣ уравниное въ правахъ—hostire вѣдь то же самое, что aequare — съ коренными старгородными жителями. Отсюда производимъ и названіе древней куріи Hostilia на форумѣ, поклоненіе такъ называемымъ Lares Hostilii, въ противоположность, кажется, ларямъ praestites или publici, святины которыхъ находилась in summa Sacra via, то-есть при подошвѣ палатинскаго холма. Имя Tullus однимъ древнимъ грамматикомъ (auctor de praenominibus, стр. 630) производится a tollendo, по мнѣнію же Шемана (I. с. стр. 44) въ немъ произошла ассимиляція изъ Tur-lus = Τυρρηνός, Tu(r)-scus. Столь же возможна ассимиляція изъ Tud-lus (ср. sella, grallae, gallum изъ sed-la, grad-lae, radlum), такъ что къ основѣ tud—(ср. tundo tutudi колотить, ударять, tudes молотъ, tudiatores χαλκωτόκοι) прибавлена древне-латинская форма суффикса ulus (ср. Κάτλος Πρόλλος Fostlus, saeculum, tabla, sella, grallae, radlum вв. Catulus Proculus Faustulus и т. д.). Tullus Hostilius, „колотитель уравниныхъ“, въ такомъ случаѣ составилъ бы полную аналогію съ „колотителемъ старыхъ“, Mamurius Veturius. Какъ и этотъ, и царь Moggius, какъ царь основатель пригородныхъ саліевъ, оказался бы олицетвореніемъ и первообразомъ того обряда, нанесенія очистительныхъ ударовъ, въ которомъ заключалась важнѣйшая обязанность саліевъ.

По догадкѣ Иордана (Hermetes 8, 218, В. Top. 1, 1, 158), курія получила свое названіе отъ какого нибудь члена римскаго рода Гостиліевъ, который ее построилъ или освятилъ. Но это потому невѣроятно, что Hostilii были плебейскимъ родомъ и стали получать высокія должности только около 200 года до Р. Хр. Названіе же куріи по меньшей мѣрѣ однимъ столѣтіемъ древнѣе, такъ какъ обясненіемъ его занялся уже первый авторъ царской легенды.

Анкъ Марцій. Послѣ воинственнаго Тулла Гостилія, по разказу царской исторіи, вступилъ на престолъ Анкъ Марцій. Справедливостью своею и миролюбіемъ онъ походилъ на Нуму Помпилія. (Объ

черты характера особенно ярко выступают въ установленіи имъ въ Римѣ правилъ феціаловъ объ объявленіи справедливой войны (*bellum iustum, aequum*). Въ особенности забота феціаловъ была направлена на то, чтобы вина начиналія войны ложилась на неприятелей. Римскій народъ поэтому приступалъ къ объявленію войны не иначе, какъ употребивъ всѣ средства къ примиренію. Когда чужой народъ нападалъ на римскую область и увозилъ оттуда плѣнныхъ или имущество, феціалы сначала предлагали примиреніе, требуя возвращенія похищенного имущества (*res repetere*). Въ случаѣ же невозможности доставить имущество обратно его собственникамъ, прибѣгали къ послѣдней принудительной мѣрѣ, объявленію войны. Мы видѣли въ введеніи нашемъ, что этиологическія соображенія о началахъ правилъ феціаловъ привели къ созданію одной легендарной личности, которой возможно было правдоподобно приписать введеніе права феціаловъ. Эту вымышленную личность наименовали „приносителемъ имущества“, *Fertor Resius*, такъ какъ доставленіе похищенного имущества составляло наиболѣе важную, въ практическомъ отношеніи, обязанность феціаловъ. Общая же идея феціальнаго права заключалась въ соблюденіи справедливости (*aequum colere*); поэтому нашли подходящимъ Фертора Резія величать царемъ эквиколовъ, *rex Aequicolumm*, какъ бы уважателей справедливости. Водвореніе права феціаловъ въ Римѣ приписывалось другому царю, четвертому царю Рима, Анку Марцію ¹⁾. Дѣятельность римскихъ феціаловъ, слѣдовательно, брала

¹⁾ Ливій 1, 32, 5 *Ancus Martius* — — *ius ab antiqua gente Aequiculis, quod nunc fetiales habent, descripsit, quo res repetuntur*, ср. Сөрвіа ad Aen. 10, 14. Правда, учрежденіе коллегіи феціаловъ у другихъ авторовъ приписывается не Анку, а другимъ царямъ, Нумѣ Помпидію (Діонисій 2, 72), или Туллу Гостилію (Цицеронъ гер. 2, 17, 31). Въ другомъ мѣстѣ Ливій (1, 24), противорѣча самому себѣ, сообщаетъ, что римскіе феціалы отправляли свои обязанности уже при Туллѣ Гостиліѣ, во время албанской войны. Изъ этого явствуетъ, что Ливій здѣсь пользовался инымъ источникомъ, нежели при показаніи своемъ объ Анкѣ Марціѣ, а первый источникъ имѣлъ предъ собою и Цицеронъ. Этотъ источникъ, аиналы Валерія Анціата, какъ видно изъ хвастливаго извѣстія *fetialis erat M. Valerius* у Ливія (1, 24, 6). По всему вѣроятію, Валерій Анціатъ, должно быть, первый сочинилъ учрежденіе коллегіи при Туллѣ Гостиліѣ. Автора показанія объ основаніи коллегіи при Нумѣ также не трудно угадать. Діонисій (2, 72) сообщаетъ это, смысляетъ, относительно одной детали, на двухъ авторовъ, на Геллія (*ὡς τράφαί Γελλίου;*) и на другаго, объ имени котораго умалчиваетъ (*ὡς περ ὀνοματὶ τινος*). Тотъ же Геллій въ трехъ мѣстахъ (4, 6; 6, 11; 7, 1) у Діонисія циту-

свое начало отъ двухъ личностей, Анкъ Марцій не только установитель феціального права, но является въ лѣтописномъ разказѣ и воплощеніемъ справедливости и мирныхъ принциповъ этого права, начиная войны съ сосѣдними народами не иначе какъ вслѣдствіе ихъ несправедливости и прилагая всячески стараніе къ мирному соглашенію. Задавая себѣ вопросъ о происхожденіи образа Анка Марція, мы невольно остановились на мысли, не слѣдуетъ ли въ немъ признать нѣчто въ родѣ чисто римскаго двойника Фертора Резія, съ которымъ онъ раздѣляетъ заслугу установленія феціального права и особливое уваженіе къ справедливости. При разборѣ преданій о началахъ другихъ жреческихъ коллегій мы встрѣчались съ нѣсколькими примѣрами раздвоенія легендарныхъ учредителей. Въ преданіи о саліяхъ первообразъ дѣятельности коллегіи, какъ мы видѣли, раздвоился на кузнеца Мамурія и на царя вейскаго Моррія. Въ легендѣ о луперкахъ параллельно съ Ромуломъ являются Целеръ и Фабій. Итакъ считаемъ возможнымъ, что и Ферторъ Резій и Анкъ Марцій отпрыски, такъ сказать, одного корня, произведенія одной и той же этиологической идеи. Ходячій разказъ, въ которомъ тому и другому удѣляется извѣстная часть основанія феціаловъ, легко могъ составиться изъ контаминаціи двухъ параллельныхъ преданій. Въ пользу такого заключенія говоритъ имя римскаго царя, разборомъ котораго мы и думаемъ заняться.

Подобно именамъ Romulus, Remus, Numa, Tullus, имя Ancus также не встрѣчается въ числѣ уиотребительныхъ или дѣйствительныхъ римскихъ праепотна ¹⁾. Легендарный царь единственный при-

---

ется выѣсть съ Лициніемъ, при чемъ Діонисій каждый разъ слѣдуетъ мнѣнію послѣдняго; *Анналы Лицивія Мацера*, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ Діонисія. Безъ сомнѣнія безымянный авторъ, противопоставляемый Геллію у Діонисія (2, 72) тотъ же Лицивій, авторитетъ котораго противопоставляется Геллію еще въ трехъ остальныхъ мѣстахъ. Вѣроятно, даже всѣ четыре цитаты изъ Геллія Діонисій заимствовалъ у Лицивія. Итакъ Валерій Андіатъ и Лицивій Мацеръ, анналисты чуть-ли не самые позднѣйшіе, оказываются авторами вариантовъ преданія о пачалахъ феціаловъ. Они первые уклонились отъ хорошей традиціи, которой въ общемъ слѣдовалъ Ливій, и которая еще не очень отдалилась отъ первоначальной редакціи царской исторіи. Мы считаемъ себя и правѣ утверждать, что по подлинной версіи лѣтописи началъ феціаловъ связывались именно съ Анкомъ Марціемъ.

¹⁾ Сознаніе этого факта заставило Варрона причислять Ancus къ неримскимъ, сабинскимъ именамъ (*Auct. de praenom. p. 572 Ancum praenomen Varro a Sabinis translatum putat*).

мѣръ этого имени. Есть, слѣдовательно, нѣкоторое основаніе думать, что это—искусственное имя собственное, въ родѣ имени *Fartor*, то-есть, малоупотребительное, старинное имя нарицательное, которому данъ видъ собственного. Наричательное значеніе слова *Ancus* разбиралось уже римскими учеными. Валерій производилъ его отъ греческаго ἀγκών локоть: *Ancus*—человѣкъ, у котораго локоть не сгибается, криворукій. Съ этимъ толкованіемъ согласился и Фестъ или Веррій Флаккъ ¹⁾. У того же Феста, однако, встрѣчалось еще второе сближеніе, съ словомъ *ancilla*: служанки назывались *ancillae* отъ царя Анка Марція, потому что онъ разъ взялъ въ плѣнъ большое число служанокъ. Этой нелѣпой этимологіи въ эпитомѣ Павла (стр. 19) противопоставляется другая: слово *ancilla* происходитъ отъ *anculare*, какъ въ старину говорили вмѣсто *ministrare*, отчего и есть боги и богини, называемые *Anculi* и *Anculae*. Дѣйствительно, какъ *servulus* *servula* уменьшительныя отъ *servus* *serva*, такъ и *anculus* *ancula* (*ancilla*) могутъ быть уменьшительными отъ *ancus*. Слѣдуетъ ли однако признать Анка служителемъ, напримѣръ, служителемъ Марса (*Ancus Martius*), какъ думаетъ Ваничекъ (*Griech.-lat. etym. W. 3*), или представителемъ служилаго сословія, плебса, по догадкѣ Швеглера (*R. G. 1, 603*)? Намъ кажется, что эти толкованія слишкомъ поспѣшны. Утверждать, что *ancus* то же, что *anculus* служитель, мало, необходимо принять въ соображеніе коренное значеніе этого слова. Понятіе слуги въ отдѣльныхъ языкахъ имѣтъ много отѣнковъ и семасіологическихъ переходовъ. Поэтому мы должны быть осторожны и не считать значеніе *ancus* *anculus* слуга безусловно первымъ, непереноснымъ. Соображаясь съ этимъ, нѣкоторые пытались выяснить коренное значеніе слова. Ваничекъ производитъ его отъ корня *ak ank* гнуть (отсюда *angulus* уголь, *uncus* гнутый, ἀγκών ἄγκωρα ἄγκος и т. д.), очевидно, считая самымъ характернымъ признакомъ или занятіемъ слуги сгибаться предъ своимъ хозяиномъ въ дугу. Даниельсонъ и Норренъ ²⁾ производятъ *anculus* *ancilla* отъ предполагаемой ими индо-европейской основы *ank* „слѣдовать“, ссылаясь для сравненія на *pedisequus*. Существованіе, однако, основы, имѣющей такое значеніе, болѣе чѣмъ сомнительно; сами авторы не подтверждаютъ его ни однимъ

¹⁾ Auct. de praenom. l. c. Valerius Antias scribit, quod cubitum vitiosum habuerit, qui graece vocatur ἀγκών. Epit. Pauli p. 19 Ancus appellatur, qui adnucum brachium habet, et exporrigi non potest.

²⁾ Arkiv für nordisk filologi 3, 17.

примѣромъ, кромѣ еще болѣе гипотетичной этимологіи одного скандинавскаго слова. Неудивительно, что основа *anĭ* „слѣдовать“, кажется, не встрѣчается нигдѣ въ лингвистической литературѣ. Зато есть богато развившаяся индо-европейская основа словъ съ общимъ значеніемъ „носить, доставать“, о которой обстоятельно трактуетъ Г. Шмидтъ (*Kuhn's Zeitschr.* 23, стр. 269). Она представляется, по доводамъ знаменитаго лингвиста, въ четырехъ видахъ: 1) *anĭ* (скр. *ān-apīc-a* я достала, *ēn-ējheiv*), 2) *anak* (*(ἤνευθην διηνεχῆς, ἐνήνεμαι, ἐνήνοχα)*), 3) *nak* (скр. *naç* доставать, славян. вести, литов. *pėsztī*, латин. *nactus, nactusog*), 4) *nāk* (готск. *nēhv*). Можно и не соглашаться съ Шмидтомъ относительно основной гласной (а или е) въ образованіи отдѣльных формъ (ср. Бругмана *Grundriss* 2, 946), но возможность принадлежности слова *anculus* (*ancus*) къ основѣ, обозначающей „носить, доставать“, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Что касается перехода значенія, то можно указать на одну греческую аналогію: слово *θεράπων* производится отъ основы *θερ*—носить (ср. скр. *dhaç* носить, держать, *θερῆσασθαι, θερῆνος, θερόνος*). Коренное значеніе еще уцѣлѣло въ критскомъ нарѣчій, въ которомъ подъ *θεράπων* разумѣли носителя оружія ¹⁾. Въ виду всего сказаннаго мы считаемъ позволительнымъ слово *Ancus* признать синонимомъ искусственнаго имени *Fertog*. Эпитетъ *Marcius*, приподобленный къ родовому имени Марціевъ, допускаетъ производство отъ индо-европейской основы *merk*, отъ которой производится *βράττι* схватывать, *μάρκτω μάρφαи βράφαи* схватывать, *μάρκτις* похититель, разбойникъ, скр. *maç* трогать, хватать, схватывать ²⁾. Анка Марція „носителя, приносителя, доставателя схваченнаго, похищеннаго“, мы такимъ образомъ отождествляемъ съ Ферторомъ Резіемъ, „приносителемъ (похищеннаго) амушества“.

А. Эмманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ К. О. Мюллеръ *Die Dorier* 2, 33.

²⁾ Фикъ *V. W.* 1, 108, 514. Курціусъ (*G. d. gr. E.* 463). Основа *merk* отличается гортанною отъ основы *merg*, къ которой принадлежатъ *maçseo maçceog marcidus*.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Глава III.

1. C. I. L. I 603 = IX 3513 = Bruns-Mommsen *Fontes iuris Romani* ⁶ I p. 261. Надпись изъ древняго вика Фурфона (близъ нын. Barisciano). Чтеніе провѣрено Моммзенемъ и Дресселемъ. Факсимиле у Ричля *Priscae latinit. monum. epigraph. tab. 82.*

L. Aienus L(ucl) f(ilius), Q. Væbattus Sex(tt) f(ilius) aedem dedicarunt || Iovis Liberi Furfone a(nte) d(tem) III Idus Quintctileis, L. Pisone, A. Gabinio co(n)s(ultibus) ¹⁾, mense Flusare || COMVLA TEIS olleis legibus illeis regionibus, utel extremae VNDAEQVAE lapide || facta hoiusque aedis ergo. utelque ad eam aede(!) scalasque lapide STNVCTVENDO || columnae stant citra scalas ad aedem versus, stipitesque aedis hu[itu]s ²⁾ tabula || mentaque, utel tangere sarcire tegere devehere defigere MANDARE ferro oeti || promovere referre (liceat *оставляетъ Моммзенъ*) fasque esto. Sci quod ad eam aedem donum datum donatum dedicatum || que erit, utel liceat oeti, venum dare. Ubei venum datum erit, id profanum esto. Venditio || locatio aedilis esto, quemquamque veicus Furfens(is) fecerit, quod se senti[а]t ³⁾ eam rem || sine scelere sine piaculo (vendere locare *оставляетъ Моммзенъ*), alis ne potesto. Quae pecunia recepta erit. ea pecunia emere || conducere locare dare, quo id templum me-

---

¹⁾ То-есть, 696 а. у. с. = 58 г. до Р. Хр.

²⁾ Въ оригиналѣ HVMVS, что исправилъ Моммзенъ.

³⁾ Въ оригиналѣ SENTIVNT, что тоже исправлено Моммзенемъ.

Ilus honestius seil, liceto. Quae pecunia ad eas || res data erit, profana esto, quod d(olo) m(alo) non erit factum. Quod emptum erit aere aut argento, || ea pecunia, quae pecunia ad id templum data erit, quod emptum erit, eis rebus eadem || lex esto, quae ei sei dedicatum sit. Sei qui heic sacrum surupuerit, aedilis multatio esto, || quanti volet, Idque veicus Furf(ensium) m[a](or) pars FIFELTARES sei apsolvere volent sive condemnare, || liceto. Sei quei ad huc (!) ¹⁾ templum rem deivnam fecerit Iovi Libero aut Iovis gento, pelleis || coria fanei sunt.

Прежде чѣмъ приступить къ интерпретаціи и эмендаціи нѣкоторыхъ мѣстъ этого въ высшей степени интереснаго эпиграфическаго документа (для эмендированія или истолкованія его во всемъ объемѣ еще не настало время, да и настанетъ ли когда, неизвѣстно) считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ общимъ отзывомъ о немъ Моммзена, предпосланнымъ собственному разбору послѣдняго въ *Corpus* 'ѣ. Отзывъ этотъ, въ которомъ впрочемъ—на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ—краски, пожалуй, и слишкомъ сгущены, можетъ до извѣстной степени оправдать наши насилія надъ преданіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надписи. „Titulus totus corruptus est, говоритъ Моммзенъ С. IX р. 334, col. 1, tralaticius fortasse et inter propagationem pessumdatum vel exceptus ab exemplo obscuro et fugientibus litteris scripto ab Latinae linguae parum gnaro aliquo negligentissimoque quadratario; sane inter lapides Romanos quos novi nullum offendit, qui ad similem corruptelarum immanitatem ascendat, ut praeraque codicibus tradita longe emendatiora habeamus hac lege licet ab aequali perscripta“. Негодованіе царя латинской эпиграфики на этого своего подданнаго отчасти надо объяснять, вѣроятно, безпримѣрнымъ упрямствомъ послѣдняго: столько мѣстъ въ этой надписи до сихъ поръ упрямо противостояли разнымъ объясненіямъ ученыхъ, подходившихъ къ нему то съ той, то съ другой, то съ третьей стороны ²⁾!

¹⁾ Моммзенъ (Brunn-Mommesen *Fontes* ⁵, р. 242) переправляетъ это *huc* на *hoc*,—безъ нужды, какъ мнѣ кажется. Цитуюмъ по пятому изданію *Fontium*, такъ какъ теперь не имѣемъ подъ руками шестаго.

²⁾ Ср. слова Брунса: „Difficultates, quas titulus praebet, Mommsen corruptelis tribuit, Huschke (*Jahrb. f. cl. Phil.* 5,857) e lingua Sabina, rectius Jordan (*Hermes* 7,201) e rustico sermone explicandas esse censet“ (*Fontes* ⁵, р. 241. not. 18).

1. Начнемъ съ COMVLA TEIS. Единственно правильный, на нашъ взглядъ, путь, которымъ надо идти съ цѣлью рациональнаго исцѣленія этого больного мѣста, указанъ Моммзеномъ, отбрасывающимъ въ сторону и собственную конъектуру *commutateis*, и жордановское *comulateis*¹⁾: „v. 3 *comula. teis* quid significet, говорить онъ *l. c.*, p. 334 col. 2,—adhuc nemo dixit; sed cum praecedat mensis antiquo nomine enuntiatus, fortasse dies hic significatur simili ratione expressus. Quod olim proposui *commutateis* recte rejecit Iordanus; nam qui dedicat leges regionesque non commutat, sed determinat. Sed quod ipse commendat retenta scriptura significari *perfectis legibus et regionibus*, neque cumulare est perficere neque ratione ad leges id additur, multo minus autem ad regiones, cum, si verum est, necessario ad utrumque trahendum sit“.

Именно этой дорогой мы и направимся. А на дорогу запасемъ слѣдующимъ мѣстомъ изъ относящагося къ 649 а. н. с.—105 г. до Р. Хр. путеоланскаго *lex parieti faciundo III, 13: dies operis — k(a-lendis) Novembr(ibus) primeis* (C. I. L. I 577=X 1781).

И вотъ приходимъ къ предположенію, что въ COMVLA TEIS въ концѣ должно скрываться порядковое числительное въ ablat. plural., а передъ нимъ — то названіе части мѣсяца, съ какой велся у фурфонцевъ счетъ дней. Римская пометка *a. d. III idus Quinctileis* соответствуетъ нашему 13 июля. Слѣдовательно, въ началѣ испорченнаго мѣста надписи естественнѣе всего видѣть

NONIS,

исходя, конечно изъ предположенія, что номенклатура мѣстнаго фурфонскаго календаря совпадала въ данномъ случаѣ съ номенклатурой римскаго или латянскаго вообще.

Въ остающейся части испорченнаго мѣста можно видѣть и SEXTEIS, и QVINTEIS, и QVARTEIS. Для сравнительной оцѣнки степеней палеографической близости этихъ трехъ эмендацій, предлагаемъ читателю сличать ихъ (въ соединеніи съ NONIS) порознь съ исправляемымъ текстомъ.

- 1) COMVLA TEIS
NONISSEX TEIS

¹⁾ Нѣкогда мы думали о CONLATEIS, видя въ MV два N, изъ которыхъ одно (уже въ концептѣ) появилось диттографически.

- 2) COM VLA·TEIS
NONIs qVIN TEIS
- 3) COMV LA TEIS
NONQ VA r TEIS

Пальму первенства въ смыслѣ наибольшей вѣроятности, очевидно, надо отдать первой эмендаціи. О возможности читать DONIS вм. NONIS, приближаясь такимъ образомъ къ преданію еще болѣе, см. ниже стр. 52.8. Въмѣсто NONISSEXTEIS въ оригиналѣ могло быть и NONISEXTEIS (ср. ниже STNVCTVENDO вм. STRVCTAE ENDO). Впрочемъ и SS палеографически (точнѣе, эпиграфически) очень близко подходит къ V.

Итакъ, остановимся на NONIS SEXTEIS, которыя, какъ видимъ изъ разбираемой надписи, въ фурфонскомъ „Цвѣтнѣ“ (*mensis Flusar* = *mensis Floralis*) соответствовали а. д. III idus Quinctileis римскаго календаря (13 іюля).

Если вѣрно наше *sexteis*, и если въ фурфонскомъ календарѣ поны „Цвѣтня“ подобно римскимъ іюльскимъ ночамъ соответствовали нашему 7 іюля, то „*nonae sextae*“ фурфонскаго „Цвѣтня“ соответствовали не а. д. III idus Quinctileis, какъ значителъ въ надписи, но а. д. IIII id. Quinct. Чтобы удержать чтеніе III надо видѣть въ COMVLA TEIS искаженіе NON SEI'VTUMEIS, что довольно таки затруднительно въ палеографическомъ отношеніи. Несравненно проще удержать NONIS SEXTEIS, переправляя III въ IIII, такъ какъ послѣдняя ошибка, необыкновенно легкая и сама по себѣ, тутъ еще болѣе облегчалась для рѣзчика надписи непосредственно слѣдующимъ словомъ IDVS. Фурфонскій календаръ такимъ образомъ отступалъ отъ римскаго только въ томъ отношеніи, что фурфонцы вели счетъ днямъ въ направленіи діаметрально противоположномъ римлянамъ, какъ читатель можетъ видѣть изъ слѣдующей таблицы:

фурфонскій кал.	римскій кал.	нашъ
m. Flusar. non. sexteis	a. d. IIII idus Quinct.	12 іюля
quinteis	V	11
quarteis	VI	10
tertiois	VII	9
secundeis	„ VIII .	8
primeis	nonae Quinctiles	7

2. Затѣмъ переходимъ къ слѣдующей загадкѣ: VNDAEQVAE. „Quid significetur, parum constat. Cf. legem Narbonensem C. I. L. XII 4333“, говорятъ Брунсъ *Fontes*⁵, p. 242 not. 1.

Въ данномъ мѣстѣ можно читать вотъ какимъ образомъ:

utei extremae (sunt?) undae, quae lapide facta[e]
holusque aedis ergo (sc. sunt), uteique
ad eam aede(m) scalasque la-
pide st[r]uct[ae] endo columnae
stant (et?) citra scalas и проч.

Undae, quae читаетъ и Гарруччи (ср. Jordan *Krit. Beiträge zur Gesch. der lat. Sprache*, Berlin 1879, p. 259), имѣя въ виду витрувievское unda, но мы не отождествили бы фурфонскаго unda съ витрувievскимъ (Vitruv. 5, 6, 6 epistylia et ornamenta earum columnarum altitudinis quinta parte; pluteum insuper cum unda et corona inferioris plutei dimidia parte), по крайней мѣрѣ, со стороны семасіологической. По объясненію Георгеза, у Витрувія это unda является переводомъ греч. κοράτιον (cumatium, cumatium)¹) и употребляется въ области архитектуры какъ техническій терминъ для обозначенія карниза, выемки, „каблучка“ (ср. Миллеръ и Модрахъ *Нѣмецко-русскій военно-техническій словарь*, стр. 384, 1 s. v. *Karnies, verkehrt steigender*), что къ разсматриваемому нами мѣсту едва ли подходитъ.

Фурфонское unda мы ставимъ въ связь съ умбрскими *hondra* (tab. Iguv. VI, A, 15; VII, A, 52) иначе *hutra* (ibid. I, B, 28) „infra“, *hondomu* (ib., VI, A, 9, 10) „infimo“, осскимъ *huntruvis* „inferis“²), и соотвѣтственно такому сопоставленію придаемъ этому слову unda (собственно *hunda) значение „низа“. Ср. lex arae Augusti Narbonensis C. I. L. XII 4333, B, 6 sqq.: Numen Caesaris Aug(usti) p(atris) p(atriciae), quando tibi hodie hanc aram dabo dedicoque, his legibus hisque regionibus dabo dedicoque, quas hic hodie palam dixero, uti infimum solum huiusque arae titularumque est, и аналогичный оборотъ въ lex arae Iovis Salonitanae C. I. L. III 1993 v. 5 sq.: ollis legib(us) ollisque regionibus dabo dedicoque

¹) Ср. C. I. L. X 1781, II, 5 sq.: antepagmenta abiegea cumatiumque inponito.

²) Ср. Brugmann *Grundriss der vergl. Gramm. der indogerm. Sprachen I* (Strassburg, 1886), p. 294, § 389, Anm., а также Fr. Stolz *Historische Gramm. der lat. Sprache*, I, 1 (Lpz. 1894), p. 289.

que, quas hic hodie palam dixero, uti infimum solum hulus arae est.

Жорданъ *l. c.* предлагаетъ читать: utel extremae (sc. regiones) und[e]qu[e] (= undique) lapide facta[e], но вышеприведенныя нарбокская и салонская надписи съ ихъ *infimum solum*, повидямому, не рекомендуютъ этого чтенія. Тому же ученому принадлежить и объясненіе STNCTVENDO.

3. Въмѣсто *tegere* въ 6 строкѣ мы предпочли бы читать *tergere*, ср. С. I. L. XII 4333, В, 12 si quis *tergere* ognare reficere volet, quod beneficij (1) causa fiat, ius fasque esto, или С. VIII, suppl. 11796 simu-[lacrum Dianae]... neve ab alio [quo atque his o]mnibus, quibus ornamandum *tergendumve* erit, contingat[ur tractetur] ¹⁾.

4. MANDARE въ той же 6 строкѣ Моммзенъ справедливо признаетъ испорченнымъ словомъ. Орелли весьма правдоподобно переправляетъ послѣднее на MVNDARE. Напротивъ не улыбается намъ эмендація Гушке: [e]m[e]ndare. Сосѣдство defigere, быть можетъ, оправдало бы нѣсколько большее насиліе надъ преданнымъ чтеніемъ: мы предложили бы FVNDARE, именно только ради контекста, предпочитая во всемъ остальномъ эмендацію Орелли.

5. Въмѣсто моммзенова *liceat* мы предпочли бы, вслѣдъ за Жорданомъ, вставить въ 7 строкѣ *ius*: по поводу этого (<ius> *fasque esto* ср. С. I. L. XII 4333, привед. выше подъ п. 3.

6. Надъ FIFELTARES пятнадцатой строки наши предшественники тщетно ломали себѣ головы. Гушке сфабриковалъ даже особое „сабинское слово“, чтобы во что бы то ни стало объяснить упрямое слово (или, точнѣе выражаясь, комплексъ буквъ): „Huschke fingit vocem Sabinae *fifla* = *fibula*, *fifeltares* = *fibulati*, i. e. patricii Furfenses!“ коротко и краснорѣчиво говорить объ этомъ подвигѣ отважнаго юриста Брунсъ (Brunns-Mommson *Fontes* ⁶, I, p. 261, not. 11), самъ же ограничивается замѣчаніемъ, что это „vox corrupta“. „Es bleibt das Räthsel Z. 15 *fifeltares* (*eifalteres*?). Dass dies eine sabinsche Bezeichnung für bevorzugte *vicani* sei (*fifeltares* = *fibulares*) wird schwerlich jemand Huschke glauben; Garrucci's *praestare* ist gewalt-sam und entspricht nicht dem Sinn. Aber ich weiss nichts Besseres. Was ich früher vermuthet habe, dass *fifeltares* aus einer Dittographie von *mai. pars* entstanden sei, ist nicht haltbar“, говорить Жорданъ *l. c.* p. 261. Бюхлеръ, пытаясь истолковать значеніе умбрскаго слова *felsva*, ме-

¹⁾ Ср. наше изслѣд. *Рим. муниц. жрецы*, стр. 146, прим. 273.

ланхолически замѣчаетъ: „*nilhil expedit reminisci Iovem Felvennem reper-
tum in agro Veronensi aut obscurum nomen in lege aedis Furfensis
scriptum C. I. L. I 603,15 *veicus Furf. mai. pars fifeltares* quo non
video qui potuerint designari nisi sacrorum causa congregati vicani“¹⁾.
Наконецъ у Моммзена С. XI р. 335 col. 2 читаемъ слѣдующее:
„FIFELTARES (FISELDARES Masson, EIFELTARES Garrucci male)
ut certae lectionis est, nisi quod recte monuit Bormannus primas tres
litteras FIF a manu recentiore incisas esse et sub secunda vestigia
apparere litterae R vel B, ita de emendatione desperavi“.*

Принимая между прочимъ къ свѣдѣнію фактъ, который конста-
тированъ Борманомъ, мы предложили бы попытаться открыть ларчякъ
съ совсѣмъ новой стороны, безъ „сабинскихъ“ *fiflae* и умбрскихъ
felsva. Въ FIFELTARES, на нашъ взглядъ, таится не что иное
какъ

ISPECTA RE

плюсъ диттографическое S, возникшее подъ влияніемъ непосредственно
слѣдующаго далѣ *sei*. Смѣшать ISP съ FIF очень легко могъ либо
самъ рѣзчикъ, либо обладатель „*manus recentioris*“, о которой гово-
рить Моммзенъ со словъ Бормана. А принять C за L тоже не очень
трудно, что, очевидно, и сдѣлалъ рѣзчикъ надписи.

По поводу фразы *i(n)specta re*, какъ нельзя лучше подходящей
къ данному контексту, можемъ сопоставить два мѣста изъ Ливія:
4, 36, 4 *ut quoniam Volscos in Hernicorum agros praedatum exisse
fama esset, ad rem inspiciendam* („разслѣдовать“) *tribuni militum pro-
ficiscerentur*, и 21, 6, 3 *placuissetque mitti legatos in Hispaniam ad
res sociorum inspiciendas*.

7. *Aedilis*, дважды упомянутого въ данной надписи (vv. 9. 14),
Моммзенъ относитъ къ магистратамъ Фурфона (С. IX р. 334, col. 1).
а мы предпочли бы видѣть въ немъ просто смотрителя храма Юппи-
тера (*aedituus*); по поводу компетенціи ср. тускуланскую надпись
С. I. L. XIV 2639: *permissu aedituum Castoris et Pollucis I.
Volumnio Amerimno curatori*..... (вѣроятно, надо читать *curatore*).

Аналогичныя объясненія допускаются, на нашъ взглядъ и двумя
другими надписями: одною изъ Филиппъ (Македонія) — С. I. L. III
633 P. *Hostilius Philadelphus ob honor(em) aedilit(at)is titulum
polivit de suo* и проч., а другою — сутрійскою, С. XI 3259 D(is)

¹⁾ *Umbria*, interpretatus est Fr. Buecheler (Bonnae, 1883), p. 32.

M(anibus) Prastinae Frontonis scribae, aedil(is) Diespitr(is) (то-есть, смотрителя храма Діеспитра); „quomodo Diespitr(is) intellegendum sit nescio“, замѣчаетъ Борманъ по поводу послѣдней надписи.

8. Въ заключеніе возвратимся еще къ COMVLA TEIS и предложимъ слѣдующее усовершенствованіе предложенной выше эмендаціи. Въмѣсто NONIS SEXTEIS не лучше ли, въ виду начальной буквы преданія (C), возстановить

DONIS SEXTEIS,

при чемъ *donae* будетъ мѣстной формой вмѣсто *nonae*? Ср. Brugmann I. c. I, p. 186 § 218, гдѣ сопоставляются лит. *deviŭtas*, латт. *dewŭts*, съ прусск. *newŭts* „*popus*“ (къ первой категоріи относятся. конечно, и слав. девать), а также В. И. Шерцль *Объ именахъ числительныхъ въ индо-европейской отпрыску* (Харьковъ, 1870), стр. 86¹⁾,

2. С. I. L. II 174 (Olisipo, нынѣшній Лиссабонъ). Оригиналa этой надписи не сохранилось, и всѣ копии, по мнѣнію Губнера, восходятъ къ одной, принадлежащей Резенде, что, надо замѣтить, бросаетъ нѣкоторую тѣнь на надпись, такъ какъ Резенде, подобно Пирру Лигорію, иногда посвящалъ часы своихъ досуговъ фальсификаціи и интерполированію эпиграфическихъ памятниковъ. Въ копияхъ Страды и Бурдело наша надпись гласитъ слѣдующее:

Aesculapio || Aug(usto) || sacrum.
cul || tores Larum || MALIAE MALIOLI ||
M. Cossutius || Macrinus || donavit.

Въ 5 строкѣ въ копіи Гаско значится MALIAE ET MALLIO-LAE, — вѣроятно, интерполация самого Гаско²⁾. По поводу этой

¹⁾ „Нынѣшніе *n* въ *d* или наоборотъ принадлежатъ конечно въ индо-европейскихъ языкахъ къ большимъ рѣдкостямъ, но есть все-таки еще другіе примѣры, доказывающіе его. Такъ, Шафарикъ (Сазоріс Сеск. Mus., стр. 241), указываетъ при этомъ очень кстати на хорв. *kon*, имѣющее еще другую форму *kod*, на *ustane*—*ustade* *останеть*. Боппъ (Грамм. Сопр. S. 317) напоминаетъ о подобномъ явленіи въ литовск. языкѣ, гдѣ *debes*—корень слова *облако*, соответствуетъ санскр. *nabhas* [исправляемъ опечатку], греч. *νεφω* — слав. *небо*, кор. *кось*. пад. *небес*“. Кому хоть разъ приходилось страдать насморкомъ, тотъ не нуждается въ дальнѣйшихъ примѣрахъ. Не можемъ однако же не отмѣтить еще дважды попадающихся въ урсонскомъ законѣ (С. II suppl. 5439, tab. 3, 2, 23, 34) *ferias dedicales* (им. *denicales*), если это *ded.* не Volksetymologie или не интерполация.

²⁾ Онъ же даетъ CVLTOR вмѣсто *cultores* и COSSITVO вмѣсто *Cossutius*.

строки Губнеръ въ *Corpus*'ѣ замѣчаетъ: „*totus corruptus est; latet nomen feminae*“, а въ новомъ указателѣ въ *Corp. II suppl. p. 1151* цитуетъ изъ этой надписи только *cultores Larum*....

Категорически утверждалъ, что въ 5 строкѣ „*latet nomen feminae*“, упомянутый ученый, на нашъ взглядъ, напрасно предрѣшаетъ вопросъ о пути, которымъ должна идти эмендація испорченной строки, такъ какъ эмендировать ее можно въ трехъ разныхъ направленіяхъ, а именно:

1) слѣдую Губнеру, то-есть, читая что нибудь въ родѣ *Ma[r]ciae M(arc)is Al[i]i [P]oli* (подразумѣвается *uoris*), или

2) предполагая, что въ разбираемомъ мѣстѣ кроется имя *мужчины*, напримѣръ, *M(arc)is Al[i]i* — или *A[e]lii* — *AEMILIANI*; наконецъ,

3) прибѣгая къ болѣе радикальному исправленію и видя здѣсь *cultores Larum (et) iMAG(inum) CAESARIS N(ostri)*—или (въ концѣ) *CAESAR(is) N(ostri) OLI(siponenses)*.

По поводу обѣихъ послѣднихъ эмендацій ср. напримѣръ *C. I. L. VI 307* (относится къ 159 году по Р. X.) *Herculi Conserbatori (!) A. Sergius Megalensis curator (iterum) sociis cultor(ibus) Larum et imag(inum) August(i) dedit, или ib. VIII suppl. 17143* (въ 128 г.) *imperator(i) [Caesari] divi [Tra]tani Par[thici] f(ilio), divi Nervaе nep(oti) [Tra]iano Hadriano Aug(usto) — — — cives Romani cultores Larum et imaginum Aug(usti) s(ua) p(escunia) f(ecerunt)*, а по поводу предшествующихъ исправленій, изъ которыхъ второе, на нашъ взглядъ, правдоподобнѣе перваго, можно указать, напримѣръ, *C. I. L. XII 2677 cultor(es) Larum Sex(ti) Antoni Mansueti et L. Valeri Rufini*, затѣмъ *ib. V 4340* и т. д.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ виду *donavit* восьмой строки весьма вѣроятно чтеніе Гаско *CVLTOR* въ третьей и слѣдующей, и читать надо такъ: *cultor(ibus)* — — — — *M. Cossutius Macrimus donavit* ¹⁾. *CVLTORES* другихъ копій является такимъ образомъ невинной интерполяціей.

Э. *C. I. L. II 264* (изъ той же общины, что и первая надпись). Оригиналъ тоже пропалъ, а копія въ общемъ даютъ слѣдующее:

...IVLIVS · MVNII
BITALICVS
AVGVSTAL · H · S · E

¹⁾ Ср. *C. I. L. VI 307*, приведенную выше.

Мы предлагаемъ читать: *Iulius muni[c(ipum) li]b(ertus) Italicus Augustal(is) h(ic) s(itus) e(st)*. Губнеровское *Mun[nae l(ibertus)] Italicus* кажется намъ не такъ удовлетворительнымъ.

4. С. I. L. II 265. Изъ того же Олизипова; оригиналь тоже исчезъ, и надпись дошла въ единственной копіи Арготе, получившаго ее „*ab amicis*“. Копія эта даетъ слѣдующее:

AVGVST · EVTICVS · L · INVS
G · LI CASSI ALGECINI
BASSI RIS · SER H · S · ESER
H · S · E

Губнеръ замѣчаетъ: „*restituе sic fero*

AVGVST
EVTICVS   LINVS
G · LICASSI   ALGECINI
BASSI   RIS
SER · H · S · E   SER · H · S · E

„*Id est: August(ales) sive Augustalium? Eutic[h]us ... Bassi ser(vus) h. s. e., Linus . . . . ser(vus) h. s. e.*“, при чемъ часть надписи оставляетъ безъ эмендаціи.

А мы предложили бы вотъ что:

AVGVST
EVTICVS   LINVS
OLI · CASSI   ALF · ECINI
PASSERIS
SER · H · S · E   SER · H · S · E,

то-есть, *August(ales) Euticus (= Eutychnus) [O]li (= Auli) Cassi(i) [P]ass[e]ris ser(vus) h. s. e., Linus Alf(ii) Ecini (= Echini) ser(vus) h. s. e.* Передъ *Alf(ii)* могло быть пропущено—но видѣ самого рѣзчика надписи или друзей Арготе, списывавшихъ послѣднюю,—граепомен, напримѣръ, *T(itii)* или *P(ublii)*, если только вмѣсто *CASSI* мы не предпочтемъ читать *CASS*, уступая конечное *I* (то есть *T* или *P*) Альфію Эхину. Эмендація *cognominis* послѣдняго въ *(A)e[s]-c(h)inus* была бы, пожалуй, излишнею.

Данная надпись особенно интересна тѣмъ, что знакомить насъ съ августалами рабами, опровергая этимъ общераспространенное мнѣніе о недоступности августальства для рабовъ, ср. *Beurller Le culte*

impérial p. 228, Ioh. Schmidt *De Seviris Augustalibus*, p. 67 и 112, de Boissieu *Inscr. antiques de Lyon* p. 176 (исключеніе составляет только А. фонъ-Премерштейнъ въ E. de Ruggiero *Dizionario epigrafico di antichità romane* I, p. 841, col. 1).

5. С. I. L. II 1276. Надпись эта найдена въ древн. Siarum (Бѣтическая Испанія), нынѣ де Сарро; оригинала ея не сохранилось, а копія даютъ слѣдующее:

DVLCINIA MES .

IVRE NEQVIQRE FORTVNA DOMINO FATQ

EIVS DEMPTA COMMENDANDA VOS . . . ISI

LAR . . . . . IIQVAM VIRG . . SINACIVM

Q V A R E

nata[1]em ei[i]us qui est sextum [kal(endas) Aug] || uſtas rogo frequentes FIER || VIGINTI ANNIS MIRA CVM DESIDIA || celebretis, propter quod omnibus annis, || quoa (!) vixero, dividam municpio n(ostro) Starensi dumtaxat praesentibus

decurioni || bus singulis (denarios) ternos,

sevirilibus (denarios) || bfnos,

plebi utriusque sexus et incolis || (denarios) singulos,

quot (!) praestabo dumtaxat || quoa (!) vixero.

Оставляя въ покоѣ четыре первыхъ строки этой надписи, замѣтимъ, что, начиная съ пятой, все, очевидно, обстоитъ благополучно. только въ 7 и 8 строкахъ слова, отмѣченныя въ транскрипціи прописными буквами, совсѣмъ не вяжутся съ остальнымъ текстомъ надписи (особенно это *mira cum desidia!*) Дѣлу ничуть не помогаютъ и эмендаціи Моммзена: [p]er вмѣсто FIER и annos вмѣсто ANNIS.

Мы думаемъ, что здѣсь вмѣемъ дѣло съ *эпиграфическимъ палимпсестомъ*, какими была довольно таки богата позднѣйшая эпоха¹⁾: иными словами, надпись эта была вырѣзана на камнѣ, который уже былъ занятъ другою, болѣе древнею, конечно, надписью, или стершеюся отъ времени, или же нарочно соскобленную потомъ, для помѣщенія новой надписи. Судя по словамъ *fier(??)*²⁾ *viginti annis mira cum desidia*, уцѣлѣвшимъ, какъ мы полагаемъ, отъ перво-

¹⁾ Судя по языку, разбираемая надпись относится именно къ позднему времени.

²⁾ Не кроется ли тутъ аЕДЕМ (съ уцѣлѣвшей отъ М только лѣвой половиной, которую авторы копій и могли принять за R)? Мимоходомъ упомянемъ, что нѣкоторыя копія пропускаютъ FIER, а другія—VIGINTI ANNIS: это, очевидно, указываетъ на неразборчивость остатковъ прежней надписи.

начальной надписи, въ этой послѣдней рѣчь шла, безъ сомнѣнія, о возстановленіи какого то зданія или памятника, въ теченіе „двадцати лѣтъ“ оставшагося въ забросѣ, вслѣдствіе чьей-то „удивительной нерадивости“.

6. С. I. L. II 2031. Надпись изъ древняго муниципія Осквы (Osqua) въ Бѣтической Испаніи. Единственная копія (Барреро), въ которой дошелъ до нашего времени этотъ памятникъ, даетъ слѣдующее вавилонское столпотвореніе:

O . . OV . . OS . VVSVIVIRAVG PRRPDOVS
 OA . INDIGLMSOLOPVL . CO · D · D
 . OF · A · OVDARPILCIRATRBPERSI I VI

Нѣкоторыя мѣста въ двухъ первыхъ строкахъ этой абракадабры съ успѣхомъ дешифровалъ Губеръ, возстановляя эти строки „exempli causa“ слѣдующимъ образомъ:

„[C. Titius S]ophon Osquens(is) Vivir Aug(ustalis)
 perpetuus d(ecurionum) d(ecreto) aediculam (?) ¹⁾
 solo publico d(onum) d(at)“,

а въ послѣдней строкѣ, по его же мнѣнію, „latet fortasse nomen *Acil(iae) Plecusae matris*“ ²⁾.

Ближе держась данныхъ копій, чѣмъ это дѣлаетъ Губеръ, и между прочимъ не предполагая никакой лакуны съ лѣвой стороны камня, мы возстановляемъ надпись вотъ какъ:

Q. nOVius OPTiVVV V̄I · VIR · AVG · PERP · D · D · V · S ·
 ob hONoR AEDICLAM SOLO PVbliCO D D
 d. inC P NOVIVS PHILO FRATER PERSOLVIt,

то-есть, [Q(uintus) N]ov[ius] O[pti]vus (sex)vir Aug(ustalis) p[e]rp(etuus) d(ecurionum) [d(ecreto)], v(otum) s(olvens) [ob h]o[nor(em) ae]dific[am] ³⁾ solo pu[bli]co d(ecreto) d(ecurionum) [d(ato) inc(epit), P(ublius) N]ov[ius Ph]ilo fr[ater] pers[ol]vit[us].

¹⁾ Знакъ вопроса здѣсь принадлежитъ самому Губеру. Такой же знакъ прежде (въ Согрус'ѣ) сопровождалъ и d(ecurionum) d(ecreto), но благоразумно исчезъ въ новомъ указателѣ (С. I. L. II suppl. p. 1151).

²⁾ Далѣе слѣдуетъ ссылка на С. I. L. II 2029, гдѣ дѣйствительно упоминается какая то Ацилія Плекуса, но ничто не говоритъ въ пользу родства этой дамы съ губерновскимъ С. Titius Sophron.

³⁾ AM, по всей вѣроятности, было соединено въ монограмму, какъ и IT въ PERSOLVIT (ковецъ третьей строки).

Вмѣсто *ob hONor · AEDICLAM* на камнѣ могло также быть и *ob hON(orem) sevIRAT(us)* ¹⁾ *AEDEM*. Вмѣсто *inC(erit)* въ началѣ третьей строки можно бы читать и *inST(ituit)*, что, правда, не такъ близко къ преданію, какъ первое чтеніе, но зато коррективѣ его въ фразеологическомъ отношеніи. Праепомен'омъ перваго Новія могло быть и *D(ecimus)*, а втораго—и *T(itus)*. Вмѣсто *[Ph]il[o]* мыслимо было бы и какое нибудь другое *agnomen*, напримѣръ *ARISTO* ²⁾. По поводу *agnomen* перваго Новія ср. нашу замѣтку въ *Philol.* 1892 p. 702.

7. C. I. L. II 2083 = suppl. 5507 (Hibergis въ Бѣтической Испаніи, нынѣшняя Гранада). Оригиналa этой надписи не сохранилось, но уцѣлѣлъ небольшой обломокъ другой, тождественной по содержанию, найденный въ сравнительно недавнее время и списанный Губерномъ. Это—C. I. L. II suppl. 5508 ³⁾:

| FORI ET BASILICAE · |
| BAECCLIS ET POSTIBVS · |

Отъ надписи, дошедшей въ копіяхъ, сохранилось почти втрое больше, и первая строка ея на основаніи этихъ копій, вмѣстѣ съ только что приведеннымъ обломкомъ, получаетъ слѣдующій видъ:
SER PERSIVS OB HONOREM V̄I · VIRATVS · FORI · ET · BASILICAE · III ⁴⁾.

Гораздо больше трудностей представляетъ возстановленіе второй строки, относительно чтенія которой, особенно въ началѣ, копіи даютъ разногласныя въ частностяхъ показанія. Такъ, въ древѣйшей копіи, сообщаемой рукописью Филонарди (см. C. I. L. II suppl. 5507), видимъ:

VCE || HSHPIBHCIA TIOSTIBVSI || CVNTA SVA IXRNALA || IDII.

у Аккурсія:

VCI LISITIRIBVCINIIPOSTIBVSPECVNIA SVA LXR NAIA IDII,

¹⁾ Скорѣе такъ, чѣмъ *ob hONor(em) SEV(iratus)*.

²⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что въ C. I. L. II 313 *D(is) M(anibus) s(acrum) L. PLLFTVSTIAEDO ann(orum) XXVIII*, вмѣсто *L. Plotius T. f. Aristo*, какъ возстановляетъ Губернъ, мы предпочли бы читать *L. Pettius T. f. Aedo* (ср. *ἀἰδών*) или *ARCO*; последнее *agnomen* встрѣчается въ Испаніи довольно часто, ср. C. I. L. II suppl. p. 1078.

³⁾ „Litterae, — замѣчаетъ Губернъ, — sunt in hoc gemello elegantissimae, pictis similes, saeculi tertii fere ineuntis“.

⁴⁾ Вмѣсто III только въ рукописи Филонарди читается LII.

буя больше насилія надъ преданіемъ, и это чтеніе не такъ вѣроятно, какъ передѣлка SER въ .S ET.

8. С. I. L. II 3433. Надпись изъ Новаго Кароагена (Тарраконская Испанія), дошедшая только въ копіяхъ Таламанко, Солера („*schedis Montanari*“) и Велазкеза („*cui misit Burtfel ab amico qui vidit descriptam*“). Въ шестой и пяти послѣднихъ (8—12) строкахъ по нѣскольку буквъ, не умѣстившихся на передней сторонѣ камня, рѣзчику пришлось помѣстить на сосѣдней (правой) сторонѣ.

	H E I S C E M	
	A G I S T R I S	
	C O I R A r V N T	
	C P O P L I C I C F	
5.	L C E R V I L F	
	M · C A E I C I · A N	C · L
	L T A L E P I A L	
	C N T O N G I L I	P V · L
	L P A Q V I · L · P · N	L · S I L
10	Q N E R A T I · C · S	
	P I L · P O N T I L I · M	C · S
	Q · C L A V D I · P O S	. . . C · S

Въ концѣ третьей строки буквы NT соединены въ монограмму. Въ 6-й строкѣ въ копіи Велазкеза читается M GALEICIAN || C·L, при чемъ AL является монограммой; изъ этой копіи мы взяли второе A (послѣ CAEICI); Губнеръ читаетъ M · CAEICI · N · C·L, слѣдуя остальнымъ копіямъ. вмѣсто AN на камнѣ, конечно, могло быть вырѣзано и LW, то-есть, M' (= *Manius*). Въ 8-й строкѣ P·VL мы приняли изъ копіи Таламанко; Губнеръ послѣдовалъ прочимъ копіямъ, дающимъ PVL (безъ точки) и транскрибируетъ эту строку слѣдующимъ образомъ:

Cn. Tongil(us) Pul(ades),

но дѣлаетъ при этомъ такую оговорку: '*Pul(ades) Mommseno interprete dedi, sed offendit hic et v. 10 patroni indicatio omissa*'.

Въ 9-й строкѣ послѣ PAQVI у Таламанко читается L·P·N·SIL, у Солера L·P·N·L·SIL, а у Велазкеза LOA || I·L·S·D, и Губнеръ, очевидно, комбинируя данныя послѣдней копіи съ солеровской, помѣстилъ въ текстѣ *Cognus*'а чтеніе LON || I·L·SIL, но потомъ спохватился: '*patroni cognomen, non nomen, говоритъ онъ въ примѣчаніи, positum contra morem antiquum vix habet quo defendatur; itaque*

praeferenda fortasse Montanarum apud Solerum lectio *L(ucii) P(ublii) N(umerii) l(ibertus)*'.

Въ слѣдующей (10) строкѣ послѣ *NERATI* Таламанко и Солеръ даютъ *C·S*, а Велазкезъ *CIS* || . . . ; Губнеръ путемъ не совсѣмъ удачной, какъ увидимъ ниже, комбинаціи обонхъ преданій ставить въ текстѣ *Cogrus*'а только *CIS* и дополняетъ '*Cis(sus?)*', оставаясь все-таки не совсѣмъ удовлетвореннымъ этимъ чтеніемъ, какъ видно изъ его примѣчанія къ 8-й строкѣ (см. выше). Мы думаемъ, что надо читать или *C·S* || . . . , или *C·T·S* || . . . (съ вариантами *C·L·S* || . . . , *C·P·S* || и т. д.).

По поводу *PONTILI* въ 11-й строкѣ Губнеръ предлагаетъ совершенно излишнюю „эмендацію“: '*Pontili pro patronis duobus offendit*, говоритъ онъ,—*legendum fortasse Pil(emo) Pontili M. s., [Davus Marcii] C. s. Similiter v. 12 Mommsenus nomina duo latere statuit probabiliter, sed haereo in libertino homine servis interposito contra huius tituli ordinem*'. Эту 12-ю строку Моммзенъ и Губнеръ совокупными усиліями возстановляютъ слѣдующимъ образомъ:

'*Q. Claudi(us) Pos(por?)*, [*Surus Titii*] *C. s.*

Противъ этихъ дополненій говорить, во первыхъ, слишкомъ малый размѣръ лакуны, въ которую втискиваютъ *Surus Titii* ¹⁾; во вторыхъ, въ имени Кв. Клаудія Фосфора та же '*patroni indicatio omiſsa*', какую отмѣтилъ Губнеръ для 8-й и 10-й строкъ; наконецъ, третьихъ, то, что указалъ Губнеръ въ примѣчаніи къ 11-й строкѣ (см. выше).

Мы возстановляемъ надпись слѣдующимъ образомъ:

Helſeæ magistris coira[r]unt:
C. Poplici(us) C. f., L. Cervi(us) L. f.,
M. Caecici(us) ²⁾ A(uli), N(umerii) ³⁾, C(al) l(ibertus),
L. Talepi(us) A(uli) l(ibertus),
Cn. Tongili(us) P(ublii), V(ibii) l(ibertus),

¹⁾ То же самое слѣдуетъ возразить и противъ губерновской вставки *Davus Marcii* въ 11-й строкѣ.

²⁾ А то не *CAECILI(us)* ли? Напомнимъ, что Велазкезъ даетъ *GALEICI* (см. выше); что *C* могло быть принято за *E*, въ этомъ убѣждаетъ насъ копія Таламанко, который въ 8-й строкѣ прочелъ *STONEILLI* вмѣсто *TONGILI*. Отсюда же же видно, что и второе *C* въ *CAECICI* могло быть по ошибкѣ принято за *L*.

³⁾ Или вмѣсто *A·N* одно *M*, то-есть *M(anii)*.

L. Paquil(us) L(ucii), P(ublil) ¹⁾, N(umerii) l(ibertus)
 Sil(vanus)—или *Sil(enus)*,
 Q. Nerati(us) C(ai), S[p(urii) ²⁾ l(ibertus)],
 Pil(emo) ¹⁾ Pontili(orum) M(arci), C(ai) s(ervus),
 Q(uintus) Claudi(orum) Pos[t(umi)], C(ai) s(ervus).

Въ имени каждаго вольноотпущенника при нашемъ возстановленіи имѣется, какъ видитъ читатель, и указаніе патрона.

Если послѣдовать копія Велазкеза, то можно и седьмага магистра наградить *cognomen*'омъ, читая

Q. Nerati(us) C. [l(ibertus)] S[tep(anus)].

Впрочемъ чтеніе это не вполнѣ надежно, такъ какъ тутъ возможны и другія, напримѣръ,

Q. Nerattus C(ai). [L(ucii)], S[p(urii) l(ibertus)],

а слѣдующія копія Таламанко и Солера, можно даже разжаловать этого магистра изъ вольноотпущенниковъ въ рабы, —

Q(uintus) Nerati C(ai) s(ervus).

Въ заключеніе исправимъ ошибку Гюбнера, который видитъ въ разбираемой надписи, какъ и въ С. II 343+supplem. 5927 магистровъ „collegii ignoti ingeniorum libertorum servorum“ (ср. Corp. II p. 748 col. 2): не о магистрахъ „какой то“ коллегіи тутъ рѣчь идетъ, но о коллегіи (общественныхъ) сакральныхъ магистровъ Новаго Карфагена.

9. С. I. L. III 503. Надпись изъ окрестностей древнихъ Патръ (Patrae), нынѣшняго Патраса, въ Греціи, видѣнная и списанная Спон'омъ, Wheeler'омъ, Roscoe'омъ, Fourmont'омъ и Ликомъ (Leake). Оригиналъ ея 'pure perfit', по сообщенію Дуна въ 1877 году (ср. С. III suppl. p. 1311). Въ Corpus'ѣ она дается въ слѣдующемъ видѣ:

C·AVRELIO P·F·QVIR·VETER·LEG·XI·O AEDII ORNAMENT	
D·I·...·DATIS	O·C·f·QVIR·pROCV
CI·...·IAROVIV	T AEDII·D·D
LIK N AE	honORATO

¹⁾ Или *Q(uinti)*, слѣдующія (съ легкой эмендаціей) копія Велазкеза. *Q(ri)* читать неудобно, ср. 6 и 7 строки.

²⁾ Или, напримѣръ, *Sex(ti)*, *Ser(vii)*.

рода, покоившихся здѣсь, ср., напримѣръ, С. III 3845 и 717; эти соположна дополнены нами, конечно, лишь для примѣра. Если не ошиблись Spon и Wheeler, читая PROCVR въ концѣ второй строки, то втораго и третьяго Аурелиевъ можно передѣлать въ одного: ...Aurelio C. [f.] Qu[if]r. procur(ator) [Aug(usti) provin]ci[ae . . .]ia[e, p]rovi[nciae . . . . .] и проч.

Шестая строка могла быть посвящена ...[Aurelio C.] f(illo) Pri[sco, a]e[dili]....., но возстановленіе, предложенное выше, вѣроятнѣе въ виду размѣровъ начальной лакуны этой строки.

10. С. I. L. III 514. Надпись изъ Патръ; оригиналь ея пропала, и единственная копія гласить слѣдующее:

V · T · SVFITIO · FLORONDO
F E L I C I   A V G V S T O
L I V I A E · F O E B A E · V X O R · E T
S V F I T I O · T · R · Q V I R · F L O R O N
O R N A M · P I V I R · H O N O R · D · D

Въ виду отсутствія граепомініс въ 4 строкѣ необходимо предположить, что съ лѣвой стороны камень былъ нѣсколько обломанъ, такъ что въ (неотмѣченной авторомъ копіи) лакунѣ каждая строка потеряла по одной или по двѣ буквы. Поэтому возстановляемъ надпись такъ:

[D(is) M(anibus)] T(it) [F]u[fi]t[io] Flor[e]n[ti]-
[no] Felici August[ali]
[et] Liviae Foebae uxor(i) et
[F]u[fi]t[io] T(it) [f(illo)] Quir[ina] Flor[e]n-
[ti] ornam(enti) Pivir(alibus) honor(ato) d(ecreto) d(ecurionum).

Моммзенъ читаетъ въ первой строкѣ: V(ivo) T. Su[lp]i[c]io . . . . . не притрогиваясь къ испорченному FLORONDO ¹⁾. По нашему мнѣнію, въ концѣ этой строки въ оригиналь было вырѣзано FLORENTI и авторъ копіи, принявъ E за O ²⁾ и TI за D, уже отъ себя прибавилъ въ концѣ O, какъ и въ концѣ слѣдующей строки, гдѣ на камнѣ, конечно, читалось только AVGVST. Въ транскрипціи 4 строки Моммзенъ даетъ: '[T.] Su[lp]i[c]io T.[f.] Quir. Floron(?)' ³⁾. Здѣсь

¹⁾ Въ указателѣ Corpus'a p. 1084 col. 3 и p. 1095 col. 1 цѣтуется изъ этой надписи *Florondus.

²⁾ Ср. выше п. 8 (стр. 61, прим. 2).

³⁾ Вопросительный знакъ поставленъ самимъ Моммзеномъ.

вмѣсто FLOReN || ti не невозможно было бы и чтеніе FLORO AV || g(ustali), при чемъ двѣ первыхъ буквы послѣдняго слова могли представлять монограмму, которую авторъ копій и принялъ за N. Но FLORONDO первой строки, повидимому, скорѣе рекомендуетъ первую змѣнацію и здѣсь. Остается, наконецъ, замѣтить, что въ виду Фоебае въ 3 строкѣ, свидѣтельствующей, что или рѣзчикъ, или самъ авторъ разбираемой надписи относился къ орфографіи довольно халатно, мы сочли излишнимъ исправлять Fufitio на Fuficio. вопреки примѣру Моммзена, производящаго аналогичную операцію надъ своимъ Sulpicio.

11. С. I. L. III 1801. Надпись изъ древней Нароны въ Далматіи. Отъ оригинала уцѣлѣлъ только обломокъ, списанный Моммзеномъ („*tabula magna margine recens facta comprehensa, sed quae videtur undique fracta, litteris olim plumbeis aëratissimis*“)¹⁾ и говорящій слѣдующее:

LAI ·P·ANNAE·STAM
R ·C·LICINIVS·T
AID·S·P·A AI·D·

Такъ даетъ Моммзенъ, поясняя, что въ двухъ первыхъ строкахъ „*totae litterae in marmore incisae cernuntur, ut lectio certa sit; contra v. 3 pleraque elementa aere fusa per clavos tantummodo marmori applicata fuerunt, ut ex solis foraminibus de litteris, quae ipsae deciderunt, coniectura faciendâ sit. Incipit ibi punctum triangulare; sequitur A quae contignata videtur fuisse cum altera littera, fortasse AP (монограмма); mox vacuum litterae I recipiendae aptum; deinde foramina tria ;, quae fortasse D sustinuerunt; mox S luculenta et punctum triangulare; littera P dubia et punctum triangulare; littera A et punctum aut separandis litteris destinatum aut sustinendae litterae parvae; deinde A littera; littera I vel L vel similis; denique D inter duo puncta*“.

Когда оригиналъ надписи находился въ нѣсколько болѣе полномъ и цѣломъ видѣ, чѣмъ теперь, нѣкто Эресъ (parochus Eres) приготовилъ для себя факсимиле (exemplum congruissimum, по не совсѣмъ справедливому, какъ увидимъ ниже, отзыву Моммзена), воспроизводящее надпись слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Надо замѣтить, что въ гимназіи города Зары сохраняются, очевидно, относящаяся къ разбираемой надписи буква V и монограмма NI (см. С. I. L. III suppl. 8421). Въ обломкѣ, списанномъ Моммзеномъ, встрѣчаются двѣ монограммы: AE и AM (обѣ въ первой строкѣ).

A·OBVLTRONVS·G
L·SAFINVS·QVA
FV·M·M A A

FAI·ANNAE·STAMIT·L·BAT
R·C·LICINIVS·TELAMO
·L·A·I·A·S·I·AI·D·S·P·I·C¹⁾.

Моммзенъ ограничивается слѣдующею полутранскрипціей надписи: 'titulum hunc', говорить онъ, 'A. Obultronius Glai(?), P. Annaeus Stamit(?), L. Bat. L. Safinius Quar(tus), C. Licinius Telamo, magistri Mercuriales sua pecunia faciendum curarunt'.

Не будь засвидѣтельствовано моммзеновой копіей чтенія именно LAI въ первой строкѣ, загадочное *Glai*, являющееся въ только что приведенной транскрипціи согноменомъ перваго магистра, можно было бы живо эмендировать хоть въ GLAB(er), на примѣръ, принимая затѣмъ и QVAR(tus), какъ согномен Луція Сафинія. Но при данныхъ обстоятельствахъ приходится отложить такія эмендаціи въ сторону и поискать другихъ, болѣе соответствующихъ преданію.

Наиболѣе вѣроятнымъ намъ кажется вотъ какое возстановленіе, почти не требующее насилій надъ текстомъ копій:

A·OBVLTRONIVS·Gelos tuteLAI P·ANNAE·STAMIT·L·BAT
L·SAFINIVS·QVArtus sacR C·LICINIVS·TELAMO
sEV·M M A A. . . . . L·AR·D·S·P·AurAT·D·S·P·F·C,

то-есть:

[Tute]lai [sac]r(um). A. Obultron[i]us²⁾ G[elos?] ³⁾, L. Safin[i]us Qua[r]tus? ⁴⁾, P. Annae(us) Stamit(is) ⁵⁾ l(iber)us Bat(o), C. Licinius Telamo [se]v(iri), m(agistri) M(ercuriales). . . l(ucerna) ar(genteam) d(e) s(tipe), p(ateram) a[ur]at(am) ⁶⁾ d(e) s(ua) p(ecunia) [f(aciundas)] c(uraverunt).

Отъ интерпретаціи A·A въ послѣдней строкѣ мы заблагоразсудили уклониться не потому, чтобы трудно было придумать какія либо дополненія этихъ сокращеній, подходящія къ прочему тексту, но именно въ виду отсутствія гарантій, что это мѣсто правильно воспроизведено въ факсимиле Эреса. Въ законѣ могло находиться что либо въ родѣ

¹⁾ Въ первой строкѣ буквы VL, TR, AM и AT соединены въ монограммы (ср. предыдущее примѣчаніе); во второй только AM.

²⁾ NI въ этомъ словѣ, какъ и ниже въ *Safinius*, очевидно, являлось монограммой, ср. упомянутое выше С. I. L. III suppl. 842f.

³⁾ Дополнено лишь для примѣра.

⁴⁾ Или Qua[rtio], Qua[dr]atus] и т. п.

⁵⁾ Ср. Стартс у Pape-Benseler *Wörterb. d. griech. Eigennamen*, s. v.

⁶⁾ VR было монограммой.

ob honor(es)—или ob honor(em) m(agisterii) M(ercurialis)—и перечислялись другія пожертвованныя магистрами вещи.

Дополненія второй половины послѣдней строки, разумѣется, даны нами лишь для примѣра, такъ какъ на основаніи показаній того же Моммзена можно представить ее и въ другомъ видѣ или въ другихъ видахъ, напримѣръ:

L · A · P · I ; · S · I N A u r A T · D · S · P · I · D ,

то-есть: l(ucerna) a(rgenteam) ¹⁾ p(ondo) I (quadrantem), s(tatuam) i(naurat(am) d(e) s(uo) p(osuerunt) i(demque) d(edicaverunt).

Что касается содержанія предложенныхъ нами дополненій послѣдней строки, то можно сопоставить, напримѣръ, Ephem. epigraph. VIII n. 473 [heisce] mag(istreis) lacum l(ovel de stipe et de sua pecun(ia) [faci]nd(um) coeraver(e); C. I. L. III 1769 Aug(usto) sacr(um). C. Iulius Macrinus lib(ertus) Martialis IIIIvir, m(agister) M(ercurialis) ²⁾ ob honor(es) ³⁾. Idem ludos scaenic(os) per trid(um) d(edit) et canthar(um) arg(enteum) p(ondo) S — (то-есть, *uncias septem*); ibid. 4806 Noreiae Aug(ustae) sacr(um). Q. Fabius Modestus . . . phialam argent(eam) p(ondo) II : (то-есть, *quadrantem*), emb(emat) Noreiae aurea *uncias duas* d(ono) d(edit); C. I. L. X 3903 s[*tatua*] *inaurata* cum inscripto decurionum decreto, и т. д.

Съ внѣшней же стороны можно сопоставить слѣдующую аквилейскую надпись, C. I. L. V 792:

AVI · L · LICINIVS	LARIB · SACR	EPAGAT · FABI
TAVI · CN · LICIN	MAC · DANT	TRAE · SOC · POR
TILI · L · L · SINNAE		DIPHILVS · VIBI · M

которую мы съ В. И. Ивановымъ возстановляемъ такъ:

Larib(us) sacr(um). Ma[g(istri)] dant : . [? Oct]avi(us),
L. Licinius, . . . [Oc]tavi(us), Cn. Licin(ius), [? L. Pe]till(us)
L(ucii) l(ibertus) Sinnae(us) ⁴⁾, Epagat(us) Fabi [. . . s(ervus)].
Diphilus Vibi M(arci) [s(ervus)].

'Nomina non expedit, замѣчаетъ Моммзенъ, nisi alterius ordinis primum et tertium servilia solitae formae Epagathus Fabi [M. s.]

¹⁾ Или, напримѣръ, l(uchnuchum) a(rgenti) и проч.

²⁾ Съ sexviri, magistri Mercuriales знакомятъ насъ цѣлый рядъ наронскихъ надписей, напримѣръ, C. I. L. III 1769. 1770. 1775. 1792 и т. д.

³⁾ Обыкновенно читаютъ *ob honor(em)*, что едва ли вѣрно.

⁴⁾ Ср. греч. Σύνναος.

et *Diphilus Vibi M.* [s.]. Впрочемъ въ указателѣ Corpus'a p. 1151 col. 1 изъ этой надписи приводится еще . . . *tillus L. I. Sinna.*

12. С. I. L. III 3497. Надпись изъ древняго Аквинка (Нижняя Паннонія). Списана Моммзеномъ, копія котораго даетъ слѣдующее:

*Silvano domestic(o) sac(rum). L. Seran(ius) Serotinus IIIIII-
vir, ADIL dec(urio) col(oniae) Aq(uinci) v(otum) s(olvit)
l(ibens) m(erito).*

„Lectio certa“, замѣчаетъ Моммзенъ: „videtur intellegi adlectus decurio et minus proprie sic appellari decurionalibus ornamentis honoratus“. Несравненно проще однако читать *AeDIL(is)* или *AeDIL(icius)*, что не только ближе къ чертамъ оригинала ¹⁾ но и не соединено съ необходимостью придумывать натянутое („minus proprie“) толкованіе для термина *adlectus*. Ср. между прочимъ С. I. L. III 3456 (изъ того же Аквинка) *Gai Atil(ii) Polianu[s] dec(urio). aedilic(ius) et Polio Aug(ustalis) co[l(oniae)] Aq(uinci).*

Эмendaція Моммзена, безъ сомнѣнія, обуславливается его предвзятымъ мнѣніемъ объ августальствѣ (отъ котораго онъ не отдѣляетъ и севирата), какъ объ удѣлѣ только вольноотпущенниковъ ²⁾.

13. С. I. L. III 4249. Надпись изъ древней Скарбанци (Верхняя Паннонія). Оригиналъ пропалъ, но въ нашемъ распоряженіи находятся четыре копія, позволяющія возстановить надпись болѣе или менѣе достовѣрно.

Изъ копій одна принадлежитъ Шёнвизнеру (*Schönvisner*), другая Марсилію, третья Милльсу (*Milles*). Вотъ онѣ:

- 1) L · F · FORTVNATVS /// VI
AVG /// M · SCARB //
NAI // IX // V · ET SAN //
ET M // E // L · MON // ANN · XXXV
- 2) M FORTVNATVS /// V /
AVGV / M · SCARB // M /
NAIV // VNS / ANC /
EI · MVL · NAMON M NN XXXV

¹⁾ Буквы АЕ, очевидно, были соединены въ монограмму; ср. ниже п. 38.

²⁾ Къ этому мнѣнію примкнуло не мало и другихъ ученыхъ. Изъ соотечественниковъ укажемъ, напримѣръ, г. Кулаковскаго, *Collegii ex древнемъ Римѣ* стр. 188: „Очень часто членство въ разсматриваемыхъ корпораціяхъ совѣщалось съ достоинствомъ *севира Лукулла*. (Извѣстно, что это достоинство было привилегіей богатыхъ лицъ изъ класса вольноотпущенниковъ)“.

3) L F FORTVNATVS
AVGVS M SCARB
NATIV VIE SANG
ET L AVLEI SIMONI·ANN·XXXV

Во второй и третьей копиях буквы NN в концѣ послѣдней строки даются въ видѣ монограммы.

Четвертая копія принадлежитъ Лациусу (Lazius) и не раздѣляетъ надпись по строкамъ. Она гласитъ:

L·F·FORTVNATVS VS·M·SCARBI NATIVOVIE SANCT ET LIVELI
SIMONI ANN XXXV.

Въ этой копіи NATIVO и SANCT, на первый взглядъ, невольно наводятъ на мысль объ интерполации, но по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла это подозрѣніе исчезаетъ (см. наше возстановленіе надписи).

Моммзенъ ограничивается транскрипціей только части надписи, не притрогиваясь къ серединѣ, возстановленіе которой представляетъ больше всего трудностей. Онъ читаетъ: L. F(lavius) Fortunatus [se]vi[r] Augus[talis] m(unicipii) Scarb(antiae) . . . . . ann(or)um XXXV. Въ послѣднихъ словахъ онъ видитъ, надо думать, обозначеніе возраста самого Флавія Фортуната, а не Л. Аурелія Симона, имя котораго всплываетъ въ послѣдней строкѣ, особенно ясно въ копіи Милльса, и отсутствуетъ въ указателяхъ *nominum* и *cognominum* въ *Corpus*'ѣ ¹⁾. Наше возстановленіе надписи покажетъ, что Моммзенъ ошибается.

Мы читаемъ:

L·F·FORTVNATVS *sex*VIr
AVGVS·M·SCARB·*or*NAt ²⁾
*or*NAM·DecVR·F·S·AN·CĪ
ET·L·AVREL·SIMONI·V·ANN·XXXV,

то-есть:

L. F(lavius) Fortunatus [sex]vi[r] Augus[talis] m(unicipii) Scarb(antiae) [ornat(us) or]na[m(entis) dec]u[r]ionalibus f(ecit)] s(ibi)—an(nor)um C[LI] ³⁾ — et L. Au[r]je[l(i)o] Simoni, [v(ixit)] ann(os) XXXV.

¹⁾ См. *Corpus* III p. 1104. 1069.

²⁾ Буквы NA въ этомъ словѣ, очевидно, были соединены въ монограмму.

³⁾ Или C[II], если правильно передаетъ размѣры соответствующей лакуны Шенкльверъ. Слова *аллогит* CI, очевидно, были прибавлены впоследствии, по смерти Фортуната.

Не невозможно было бы и чтение: . . . . . L(ucti) f(ilius) Fortuna-
tus и проч., но толкованіе Моммзена всетаки гораздо вѣроятнѣе.

14. С. I. L. III 6308=supplem. 8114 ¹⁾). Надпись найдена была въ древнемъ Сингидунѣ (нынѣшній Бѣлградъ) въ Верхней Мэзии. Оригиналъ утраченъ. Конюю сохранилъ только Чизгѣль (Chishull). Вотъ она:

IMP CAES//
AVG
C MEMM CYRI
CVS L/G II VIRAR/
MINVS // // // AFC
O S I G N // /
A B O R E N D I
T A B O R // I N S E C O N
L A T V M S T A T V M
A R G E X P L I B X L R
/ / / / / / S O N I ²⁾)

Обходя наиболѣе трудныя мѣста. Моммзенъ возстановляетъ эту надпись слѣдующимъ образомъ:

ⁿ[In honorem] imp(eratoris) Caes(aris) Aug(usti) C. Memm[ius?] Cyr[us] [Au]g(ustalis) Ivira[libus orna]m[e]n[tis] ab or[dine] . . . . . [e]t ab or[dine] . . . . . in se conlatum statuam arg(enteam) ex p(ondo) lib(ris) XL. . . . .

Мы возстановляемъ всю надпись нѣсколько иначе:

IMP·CAESar
AVG
C MEMM CYRI
CVS·AuG·II VIR·ORna
MENTIS honor. AB·Ord
C SInGiduNensium
OB·hON·aug petENT. pOP
iI·AB·Ord·IN·SE CON
LATVM STATVAM

¹⁾ Въ Supplementa дается простая перепечатка того, что уже находится въ Corpus'ѣ.

²⁾ Точками (подъ буквами) Чизгѣль отмѣчаетъ тѣ мѣста надписи, за правильность прочтенія которыхъ онъ не ручается.

ARG · EX · P · LIB · XL · P

idemque de DiCAVI t ¹⁾,

то-есть:

Imp(eratori) Caes(ar(i)) Aug(usto) C. Memm(ius) Cyricus. [Aug(ustalis), Pivir(albus) [o]r[na]m[e]n[tis] [honor(atus)] a[b ord(ine) c(oloniae)] Si[n]g[idi]nensium. o]b [h]o[n]orem Aug(ustalitatis) pet]en-
[t(e) pop(ulo) II — то-есть, iterum —] ab or[d(ine)] in se conlatum
statuam arg(enteam) ex p(ondo) lib(ris) XL [p(osuit) idemque dedi-
cav]i[t].

Въ предпоследней строкѣ можно бы тоже читать ARGentEAm P(ondo) LIB(ras) и проч., но моммзеновское чтеніе предпочтительнѣе, такъ какъ не требуетъ насилій надъ преданіемъ.

Превращать Кирика въ Кириака мы сочли ненужнымъ въ виду существованія и перваго имени (ср. Pape-Benseler *Wörterb. der griech. Eigennam.* s. v. Κίρικος).

15. С. I. L. III suppl. 7268. Надпись изъ Коринѳа. Списана Моммзеномъ.

*Veneri sacrum et Genio colle[gi] Au-
g(ustalium) Corinth(iacorum) Sagaris
Alcimi Aug(usti) vern(ae) ark(arii)
vic(arius) vot(um) posuit libens animo,
sacerdotio / / / VLHI SOTH / /*

Въ концѣ надписи, очевидно, „latet sacerdotis nomen corrumpum“, какъ замѣчаютъ издатели. Возстановить это имя оказывается дѣломъ не такимъ мудренымъ, какъ думается съ перваго взгляда. Мы читаемъ

sacerdotio ²⁾. Val[er]i Sot[eris].

V, очевидно, является лигатурой VA, а оба H — лигатурами ER. уже успѣвшими постереться на камнѣ. Праепотен'омъ жреца могло быть скорѣе всего Sez(tus) или Tib(erius), судя по количеству пропавшихъ въ лакунѣ буквъ.

16. С. I. L. III suppl. 8043 = С. III 1624^a. Надпись неизвѣстно

¹⁾ Въ послѣднемъ словѣ DI, AV и IT, вѣроятно, были соединены въ монограммы, которыя Чязгелль и принялъ за S, N и I. Монограммой, конечно, было и NT въ 7 строкѣ (PETENT).

²⁾ Въ Рим. мун. жреци., стр. 145* мы высказали предположеніе, что это sacerdotio=sacerdote. Теперь беремъ назадъ эту конъектуру.

изъ какой общины. Списана была раньше всѣхъ Э. Дежарденомъ, потомъ Юстомъ Фридендеромъ, наконецъ (въ сравнительно недавнее время) А. фонъ Домашевскимъ. Въ новѣйшемъ изданіи, по копію фонъ Домашевскаго, эта надпись дается въ слѣдующемъ видѣ:

I O M	
M · DISIVS G	
AVG · COL ·	
VL POICI	
BOTVN P	

„Ad dextram nihil deesse videtur“, замѣчаетъ Домашевскій, но въ справедливости этого предположенія еще можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже.

Намъ рѣшительно непонятно, почему это Домашевскій такъ положился на собственную копію, что не пополнилъ ея изъ копій своихъ предшественниковъ, видѣвшихъ и списывавшихъ оригиналъ гораздо раньше. Необходимость такого пополненія, на нашъ взглядъ, ощущается тѣмъ сильнѣе, что камень сильно пострадалъ отъ времени, и буквы на немъ оказываются теперь очень стертymi.

Дежарденъ издалъ надпись эту въ 1868 году ¹⁾, слѣдовательно, списывалъ ее чуть не за четверть вѣка до Домашевскаго. Онъ нашелъ въ началѣ четвертой строки букву С („или G“) предъ VL и констатировалъ намѣренно оставленный рѣзчикомъ пробѣлъ между этимъ С или G и слѣдующею далѣе буквой V; пробѣлъ этотъ обусловливался природнымъ недостаткомъ камня. Съ копіей Дежардена, очевидно, сходится и фридендеровская, гдѣ въ началѣ упомянутой строки значится / VL. Это С или G, какъ видно, успѣло совсѣмъ стереться ко времени Домашевскаго. Затѣмъ надо еще отмѣтить, что Фридендеру удалось разобрать /T подъ пятой строкой.

Независимо другъ отъ друга Дежарденъ и Моммзенъ пришли къ мысли, что въ четвертой строкѣ кроется имя колоніи Эска (Oescus). При этомъ французскій¹⁾ ученый предлагалъ читать *Oici*, понимая это *Oici*, какъ искаженіе *Oisci* (греч. Οἰσκος), а Моммзенъ прямо возстановлялъ чтеніе *VLP(lae) OESCI*, присовокупляя: „nec video quid aliud in illis inesse possit atque eius (coloniae) po-

¹⁾ *Annali dell' Instituto di corrisp. archeol.* 1868, p. 22.

men a quadgatario corruptum⁴⁾). Какъ ни близки однако къ чертамъ преданія эти толкованія и эмендаціи, мы все же не вполне удовлетворяемся ими, именно въ виду констатированія Дежарденомъ буквы С въ началѣ 4 строки: титулъ Augustalis col(онoium) c(oloniae)²⁾ Oici (или Oesci) былъ бы слишкомъ велерѣчивъ и пышенъ, да едва ли гдѣ и употреблялся. Не говоримъ уже о возможности чтенія G вмѣсто С: что бы подѣлали съ этимъ G Моммзенъ или Дежарденъ?... Наконецъ, почему же буква P въ разбираемой строкѣ поставлена рѣзчикомъ рядомъ съ OICI, а не съ VL, какъ бы того требовали объясненія Дежардена и Моммзена?

Намъ думается, что проще всего читать надпись вотъ какъ:

*I(ovi) O(ptimo) M(aximo) || M. Disius G[allus?] 3) ||
Aug(ustalis) col(oniae) [vovit 4)]. || C. Ul(pius) Poici[lus] ||
botun (!) p[osu || i]t,*

привлекая къ дѣлу и заброшенные Домашевскимъ показанія болѣе полныхъ копій его предшественниковъ.

По поводу дополняемаго нами cognomen'a Poicilus (Ποικίλος) ср. Ποικίλος у Pape-Benseler *Wörterb. der griech. Eigennamen* s. v.

17. С. I. L. IV 575. Эта и обѣ приводимыя за нею надписи найдены были въ Помпеяхъ. Списаны Цангемейстеромъ и другими.

Vatiam aed(ilem) rogant
MACERIO dormientes
universi cum

18. С. I. L. IV 576:

Vatiam aed(ilem)
furunculi rog(ant)

19. С. I. L. IV 581:

M. Cerrinum
Vatiam aed(ilem) o(optimum) v(irum)⁵⁾ f(aciat)is scribibi

¹⁾ С. I. L. III, p. 1018.

²⁾ Самъ то Дежарденъ l. c., p. 23, ничто же сумняся, читаетъ: „Augustalis Coloniae *Corias* Ulpiae Oici“, присовокупляя: „Ce serait le seul texte qui nous ferait connaître le nom de *Coria* donné à *Oescus*“.

³⁾ Это cognomen мы дополнили, конечно, только для примѣра.

⁴⁾ Или скорѣе *bobit* въ pendant къ *botun* (= votum) пятой строки.

⁵⁾ Или o(ro) v(os)?

universi rogant.

Scr(ipserunt) Florus cum Fructo.

Эти три надписи или, точнѣе выражаясь, упоминаемые въ нихъ dormientes, furunculi и seribibi получаютъ неправильное объясненіе у Цангемейстера (въ Corpus'ѣ) и у Либенама (*Liebenam Zur Geschichte und Organisation des römischen Vereinswesens*, Leipzig. 1890), которые видятъ въ нихъ помпейскія коллегіи или ассоціаціи. „Ein sehr beliebter Mann“ говоритъ Либенамъ, l. c. стр. 36, „scheint M. Cerrinius Vatta gewesen zu sein, den ausser den salintenses C. IV, 128, die saccari Sackträger ¹⁾ C. IV, 274, die pomari C. IV, 149, und jene drei Vereine mit scherzhaftem Namen im J. 79 als Aedil empfehlen, wie seribibi universi Nachtrinker C. IV, 581, furunculi kleine Spitzbuben C. IV, 576, dormientes Schlafmützen C. IV, 575, wenn nicht dies Spitznamen für dieselbe Genossenschaft sind“. „Dahin“, присовокупляетъ онъ въ примѣчаніи (l. c., стр. 36, прим. 2), „gehören die pilfereri Ballschläger, welche den A. Vettius Firmus aufstellen C. IV, 1147, und wohl auch die sicarii C. IV, 246; ähnlich spricht Apulejus Metam. VII, 137, von einem latronis collegium; auch Horat. Serm. 1, 2, 1 ambubaiarum collegia ist Spott“. Цангемейстеръ просто перечисляетъ вышеупомянутыхъ dormientes, furunculi и seribibi подъ рубрикой: Collegia et sodalicia Pompeiana (C. IV p. 256), добавляя sicarii въ примѣчаніи къ C. IV 575.

А мы такъ очень сомнѣваемся въ реальномъ существованіи этихъ коллегій или товариществъ „сонъ“, „ворюшекъ“ и „пьяницъ“.

Чтобы правильнѣе понять, въ чемъ тутъ дѣло, и что скрывается подъ вышеупомянутыми мнимыми „коллегіями“, надо обратиться къ современной итальянской жизни, сохранившей, какъ извѣстно, очень много чертъ древнеримской.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду одинъ фактъ, свидѣтелемъ и очевидцемъ котораго были сами.

Въ 1893 году во время жаркой избирательной борьбы между трехъ претендентами (Ruggero Bonghi; Vincenzo Montepovesi; Enrico Gallurri) на вакантное мѣсто парламентскаго депутата отъ Рима, когда на Корсо и въ другихъ наиболѣе людныхъ улицахъ итальянской столицы всѣ дома и заборы испещрены были разноцвѣтными

¹⁾ А отчего бы не *Sacknäher* или *Sackverkäufer*?

манифестами, въ которыхъ разныя партіи и ассоціаціи, болѣе или менѣе краснорѣчиво и пространно перечисляя достоинства своихъ кандидатовъ ¹⁾ и ихъ услуги, уже оказанныя или только имѣющія быть оказаны Риму и всей Италіи, въ заключеніе приглашали избирателей въ день подачи голосовъ вотировать за того или иного претендента. — въ одинъ прекрасный день (или, скорѣе, въ одну прекрасную ночь, — такъ какъ избирательные манифесты обыкновенно расклеивались по ночамъ)—на домахъ и заборахъ появилось слѣдующее воззваніе къ избирателямъ:

Тюрма Regna Coeli. № 61.

Костанцо Шове

рекомендуетъ избирателямъ вотировать за

Э Н Р И К О   Г А Л Л Ю П П И,

своего искреннаго и лютимаго

друга.

Надо пояснить читателю, что Костанцо Шове (Costanzo Chauvet), редакторъ и собственникъ газеты „Popolo Romano“, принадлежитъ къ плеядѣ „выдающихся“ финансовыхъ и иныхъ дѣльцовъ, которыми кишмя кишитъ современная Италія съ эпохи ея объединенія. Въ данный моментъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за не совѣтъ легальное облегченіе тощаго казеннаго сундука въ компаніи съ другими дѣльцами.

Въ виду такого рода обстоятельствъ не трудно догадаться, что вышеприведенный манифестъ былъ выпущенъ противниками Галлюппи, чтобы помѣшать успѣху его кандидатуры.

¹⁾ Ср. помпейскія расхваливанія кандидатовъ: C. I. L. IV 309 Holconium Priscum verecundissimum. d(ignum) r(ei) p(ublicae) aed(ilem) o(ro) v(os) f(aciatis) dignissimum; ib. 968 Popidium Secundum verecundum adulescentem aed. o. v. f.; того же Секунда n. 720 рекомендуетъ какъ iuvenem innocuae aetatis; ib. 768 M. Epidium Sabinum d(iquovirum) i(ure) dic(undo) defensore coloniae ex sententia Suedi Clementis sancti iudicis consensu ordinis ob merita eius et probitatem dignum rei publicae faciat(is). Sabinus dissignator cum plausu facit. O. v. f. dignus est; ib. 706 Cn. Helvium Sabinum omni bono meritum iuvenem aed(ilem) d(ignum) r(ei) p(ublicae) o. v. f.; ib., 702 Cuspium Pansaem aed. iuvenem probum dignum rei p. o. v. f.; ib. 943 Holconium Priscum d(ignum) r(ei) p(ublicae) II-v(irum) iuvenem frug[i]. . . ; ib. 429 C. Iulium Polybium aed(ilem) o. v. f.: p(ater) bonum fert.

Очевидно, на то же были и древніе помпейскіе манифесты, скрѣпленные подписями „воришекъ“, „пьяницъ“ и „сонъ“, которые рекомендовали вниманію гг. избирателей Марка Церринія Ватія, добивавшагося должности эдила. Иронически звучить и пометка въ третьей надписи (С. IV 581) *scr(ipserunt) Florus cum Fructo*, что можно передать приблизительно такъ: „писали Цвѣточкинъ съ Ягодкинымъ“.

По поводу MACERIO первой надписи (С. IV 575) надо замѣтить, что обычное пониманіе этого слова или, осторожнѣе выражаясь, комплекса буквъ,—какъ имени (Macerio) человѣка, рекомендующаго того же М. Церринія Ватія вкупѣ съ прочими „сонями“, — крайне сомнительно, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, да и не особенно рекомендуется слѣдующимъ далѣе *сит.* Мы думаемъ, что тутъ надо видѣть MA(rcum) CERI(nium) OV (монограмма)¹⁾ — или MA(rcum) CERI(nium) S (знакъ, отдѣляющій предшествующія слова отъ слѣдующихъ²⁾). Это MA(rcum) Ceri(nium), очевидно, относилось къ Vatiam предшествующей строки и своимъ написаніемъ, обнаруживающимъ первоначальный пропускъ *graeponen'a* и родоваго имени Ватія, какъ бы подтверждало или подчеркивало фактъ, что надпись написана дѣйствительно отъ имени „сонъ“.

Нѣсколько иное объясненіе мы предложили бы для надписи

20. С. I. L. IV 246, относящейся къ тому же Церринію Ватію:

**M · C · V · V · B · AED · O · V · F · COLEPIVS
ROG SECARIO ///**

то-есть, M(arcum) C(erri(n)um) V(atiam) v(irum) b(onum) aed(ilem) o(ro) v(os) f(aciatis) Colepius rog(at).

Въ этихъ словахъ мы имѣемъ реальную рекомендацію Ватія со стороны какого то Колепія. Что же касается SECARIO ///, написаннаго болѣе мелкими буквами, то Цангейстеръ предлагаетъ энцидировать O въ монограмму OVF, то-есть, o(ro) v(os) f(aciatis), и видѣть такимъ образомъ въ этой припискѣ какъ бы позднѣйшее продолженіе рекомендаціи, обращенной къ коллегіи (?) *scariorum*.

Можно, однако, тутъ видѣть чужую приписку какого то (не очень, видно, грамотнаго) недруга Ватія: *secario[s]*, то-есть, „*scarius!*“ —

¹⁾ То-есть, o(rtium) v(irum); ср. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ Ср., напримѣръ, С. I. L. X 3780 или ib. 5282 (*Эпиграфическіе этюды*, стр. 86 н. 16).

или *secario[s est]*. Ср., напримѣръ. С. IV 227 (и addend. p. 193) P. P(aquius) P(roculus) P(ater) *ase[us]*, и приписку (тоже болѣе мелкими буквами): ... et *improbus aed[ilis]*... (С. IV 848^a), читаемую на С. IV 848, гдѣ стоитъ имя С. PROCVlus.

Или же, формально примыкая къ чтенію Цангеймейстера, можно видѣть здѣсь ироническую рекомендацію отъ какого нибудь недруга нашего Ватія, адресованную „разбойникамъ“: *secari, o(ro) [v(os) f(a)ciatis]*!

Стоитъ упомянуть въ заключеніе надпись С. IV 346: M. Cerginium (то-есть нашего же Ватія) *aed(ilem) alter amat, alter amatur, ego fastidi(i), qui fastidit amat*, не лишнюю, какъ кажется, метрической оболочки, хотя и весьма сомнительнаго достоинства, особенно съ точки зрѣнія Бюхлера и бюхлерянцевъ.

21. С. I. L. V 792. См. выше подъ п. 11 (въ концѣ, стр. 67).

22. С. I. L. V 3262. Надпись изъ Вероны, чтеніе ея проверено самими Моммзеномъ.

P FIRMINVS MARTIVS L P A
C N · Q A · ONESIMIANO · V · S L · M

„Notas non intellego“. замѣчаетъ Моммзенъ (ср. также Согр. p. 1203 col. 1). Мы предложили бы вотъ какое объясненіе этимъ загадочнымъ сокращеніямъ:

P(ublus) Firminus Martibus I(oco)
p(ublico) a(ram) c(um) n(epote) Q(uinto)
A(ulio?) Onesimiano v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito).

Въ L. P. A можно тоже видѣть и что нибудь въ родѣ *U(ucer)nam*, *p(ateram) a(rgenteam)*. Посвящались же эти вещи, можетъ быть, не MARTIVS, а MATRIVS. Обратиться въ „Марсовъ“ эти „Матери“ могли по весьма легкой опискѣ рѣзчика. О культѣ такихъ Matres или Matronae ср., напримѣръ, P. Pervanoglù, *Delle dee vergini e madri negli antichi culti della Grecia e della penisola italicu* въ Archeografo Triestino XVI p. 420 sqq.

23. С. I. L. V 4445. Надпись изъ древней Бриксіи (нын. Брешиа). Чтеніе проверено Моммзеномъ.

Транскрипція первыхъ шести строкъ не представляетъ никакихъ трудностей. Онѣ говорятъ:

L. Naevidius C. f(ilius) Fab(iu tribu) VIvir

*Aug(ustalis) sibi et Vitali. Faustae, Cnomini(!) ¹⁾,
Fidae libertis t(estamento) fieri) i(ussit).*

Далѣе читается:

7 **DEINDE HOC ELOGIVM BREVE**
..... DO·MVLTA·VIDI·INCOMOD (!)
..... ESSVS·AEVO·TEMPORE

Отъ D, которымъ начинается предпоследняя строка, уцѣлѣла только дуга. Буквы ID и IN въ той же строкѣ, равно какъ и AE въ послѣдней, соединены въ монограммы. Седьмая строка подобно шести предшествующимъ была вырѣзана болѣе крупными буквами. чѣмъ восьмая и девятая. Какъ показываютъ точки, камень въ концѣ обломанъ съ лѣвой стороны.

Что приведенная надпись заканчивалась стихами, это замѣтилъ и Моммзенъ, цитующій изъ нея въ *index carminum* какъ начало:

... do multa vidi incommoda.

На нашъ взглядъ, однако, онъ ошибается, полагая, что стихи начинались только съ предпоследней строки. Начинались они словомъ *breve*, какъ можетъ подтвердить слѣдующее возстановленіе ихъ. предлагаемое нами:

*Breve [vixi, at oppi]dō multa vidi incomod(a) ²⁾.
[ut nunc moriar iam] fessus aevo tempore.*

Бюхлеріанцы, конечно, возмутятся просодическою погрѣшностью и отвернутся отъ перваго стиха. но, быть можетъ, сердца ихъ смягчатся. когда они прочитаютъ ниже о нашей этимологіи слова, являющагося *corpus delicti*. Ревнителіи „чистоты“ языка, пожалуй, отдадутъ тотъ же стихъ подъ судъ ну хоть Вѣльфину. поучающему, что „ist doch bekannt genug, dass *oppido* gerade nicht mit *multus* und *magnus* verbunden wird, sondern mit *pauci*, *parvus* u. ä.“ (*Archiv für lat. Lexikographie u. Gramm.* 1889, p. 194, ср. его же *Lat. und roman. Comparation* Erlangen 1879, p. 21); но отъ этихъ то quasi-пуристовъ можно отдѣлаться тѣмъ, что укажешь имъ на возможность отнесенія *oppido* къ *incommoda*. Мы лично однако стоимъ за отнесеніе *oppido* къ *multa*, хотя, какъ можно заключить изъ вы-

¹⁾ Это дательный падежъ отъ женскаго имени *Gnome* (Γνώμη).

²⁾ Сохраняемъ орфографію подлинника.

шеприведенныхъ замѣтокъ Вельфлина, ему сочетаніе *orrido multa* не очень то по сердцу.

Fessus дополняетъ Моммзенъ, который такъ и ограничился однимъ этимъ дополненіемъ. Въ *pendant* къ ореографіи *incomod(a)* можно было бы поставить и *[ori]do*, и, пожалуй, не ради *pendant'*ности только. Намъ думается, что это нарѣчіе происходитъ отъ корня *OP*, отъ котораго происходитъ слово *ops* и др.—черезъ посредство прилагательнаго *orpidus. Народная этимологія сблизила затѣмъ это *orido* съ *orpidum* и, удвоивъ *p*, сдѣлала долгимъ начальный гласный звукъ. Обыкновенно производятъ это *orrido* отъ *orpidum* и Вельфлинъ переводитъ его „fest“. Если же правильна наша этимологія, то — да утѣшатся бюхлеріанцы!—стихъ

breve vixi, at orrido multa vidi incomod(a)

становится корректнымъ въ просодическомъ отношеніи.

Слова *deinde hoc elogium*, по всей вѣроятности, лишь случайно попали на камень и увѣковѣчились: они, надо полагать, въ концѣтѣ, съ котораго списывалъ рѣзчикъ, стояли просто какъ поясненіе, что эти стихи („*hoc elogium*“) надо де поставить „потомъ“, въ концѣ.

24. *Corporis inscr. Latin. supplementa Italica, fasc. I* (ed. H. Pais, Romae 1888) п. 1255. Надпись изъ Вероны, сохранившаяся лишь рукописнымъ путемъ, за исчезновеніемъ оригинала.

Копія гласитъ:

D M
CYBELI
TI DEC IIIVIR
PRIAMVS
V · S · P

Моммзенъ почти безнадежно разводитъ руками по поводу этой надписи: „*congruunt titulum et fortasse interpolatum*“, говорить онъ въ примѣчаніи у Пауса, „*non habeo quomodo emendem; si urbanus esset, fortasse liceret referre ad decurionem mullerem collegii domestici sic: Cybeleli decurioni*“. *Priamus*; sed *III VIR* sic quoque magno pere offenderet“. Въ указателѣ составитель послѣдняго Пякъ цитуетъ р. 284 изъ этой надписи *decurio* и *IIIvir.

Не нужно однако быть Эдипомъ, чтобы разгадать сущность и содержаніе надписи: надо только сообразить, что *D M* не всегда значить *D(is) M(anibus)*.

Мы читаемъ:

D(eae) M(agnae) Cybeli ¹⁾ *Ti(berius) Dec(ius)*
TIB(erii) ²⁾ *LIB(ertus) Priamus v(otum)* ³⁾ *s(ua)*
p(ecunia),

эмендируя ПИВИР въ ТІВ LIB, или, проще, въ ТІ · LIB.

25. С. I. L. IX 1177. Надпись изъ древняго Эклана (Aeclanum). Оригиналъ не сохранился. Копія принадлежитъ Гуарини.

M ARMODIO

SVO HS III DIS
 VM POPVLO DE
 HONOREM S

5. IAI QVI EID
 ST HS L LEGA
 И SERVATO · IV
 II DEDICATION .....

10. REI AVG HS XX
 HS VIII DIVIDI I
 A FILIA EX TEST POS

Линія излома камня проходитъ по срединѣ первой строки, захватывая слова M ARMODIO.

Момизень ограничивается исправленіемъ въ 9 строкѣ REI на R · ET и дополненіемъ въ той же строкѣ [serv]R(is) и въ десятой—i[usst].

Мы возстановляемъ всю надпись слѣдующимъ образомъ:

d. m. s. m. annio? M l. ARMODIO august.
aeclan. Hic anno SVO · HS · III DIScumb.
dec. et aug. epul VM · POPVLO · DEdit at-
que ob statuae HONOREM · Sibi ab ampl.
ordine decur. obLAT · QVI EIDem etiam bi-
sell. decreverunt te ST · HS · L LEGAvit ut ex
usuris ipso capitE · SERVATO dIVis. fierent.

¹⁾ Или Cybel[(a)e].

²⁾ Или просто *TI(beris)*, если въ ПИВИР одно I попало по ошибкѣ (ср. ПРИАМИVS).

³⁾ Или v(oto).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІХ.

1895.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	37
— Семнадцатое и восемнадцатое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1
Н. Э. Лейфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки	251
В. И. Модестовъ. Древнѣйшій періодъ Рима.	292
П. В. Владиміровъ. Введеніе въ исторію русскои оловесности (<i>продолженіе</i>)	324
Н. Я. Марръ. Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ „Амирандареджаніани“	352
Ө. П. Леонтовичъ. Основныи типъ территориально-административнаго состава литовскаго гоударства и его причины	366
Н. А. Кулаковскій. Павелъ Юсифъ Шафарикъ	404

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. М. Позднѣевъ. Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства Средняи имперіи и военнаго значенія пограничной съ Россіею полосы. (Съ XVI чертежами). Генеральнаго Штаба полковникъ Д. В. Путья. С.-Пб. 1895.	448
А. Е. Ирѣсняковъ. Новыя данныя для изученія московскихъ летописныхъ сводовъ.	466
— Замѣчаніе редакціи по поводу статьи профессора Позднѣева: „Послѣднія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на разговорномъ казачкомъ языкѣ“	475
— Книжныя новости	476
— Наша учебная литература (разборъ 15 книгъ)	37

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское общество исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ въ 1894 году	57
— П. В. Павловъ (<i>журналъ</i>)	75

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. Н. Крашенинниковъ. Эпиграфическіе этюды (<i>продолженіе</i>).	81
И. И. Холодникъ. Эпиграфическія замѣтки.	112
А. В. Никитскій. Тлиполежъ Артанатовъ Дикійскій	114

Редакторъ **В. Васильевскій.**

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЕХСІХ.

1895.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К^о. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1895.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (8-го февраля 1895 года). *О переводѣ учрежденной при упраздненной Краснослободской прогимназіи стипендіи въ память священнаго коронованія въ Бозѣ Почившаго Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Краснослободское городское четырехклассное училище.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на переводъ учрежденной при упраздненной Краснослободской прогимназіи на средства бывшаго Общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ сей прогимназіи стипендіи въ память священнаго коронованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Краснослободское городское четырехклассное училище.

7. (8-го февраля 1895 года). *Объ учрежденіи при Оренбургской женской гимназіи двухъ стипендій Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Оренбургской женской гимназіи двухъ стипендій Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, для приходящихъ ученицъ изъ купческаго сословія, на проценты съ капитала въ 2.400 руб., пожертвованнаго съ этою цѣлю дамами купческаго сословія города Оренбурга, въ ознаменованіе радостнаго дня бравосочетанія Ихъ

Императорскихъ Величествъ. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвовательницъ.

8. (8-го февраля 1895 года). *Объ учрежденіи при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Вспомогательнымъ обществомъ купеческихъ приказчиковъ въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ для сей цѣли капитала въ 800 рублей.

9. (8-го февраля 1895 года). *Объ учрежденіи при Одесской 2 гимназій стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Одесской 2 гимназій стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III-го на пожертвованный учащими и учащимися Одесской 2 гимназій капиталъ въ 2.500 рублей.

10. (8-го февраля 1895 года). *О введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ положенія и штата Императорскаго Московскаго технического училища.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на введеніе въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 6-го іюня 1894 года положенія и штата Императорскаго Московскаго технического училища съ 1-го января 1895 года.

11. (8-го февраля 1895 года). *Объ учрежденіи стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Ялтинской женской прогимназій.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше

соизволилъ на учрежденіе стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Ялтинской женской прогимназіи на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу триста рублей, пожертвованнаго для сего женскими гимназіями, содержимыми въ С.-Петербургѣ частными лицами. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

12. (8-го февраля 1895 года). *О присвоеніи Александровской гимназіи Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ именованія: „Вяземская Императора Александра III гимназія Смоленскаго земства“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Александровской гимназіи Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ именованія: „Вяземская Императора Александра III гимназія Смоленскаго земства“.

13. (8-го февраля 1895 года). *Объ учрежденіи при Пятигорскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ вспомогательнаго капитала Имени Государыни Великой Княгини Ксеніи Александровны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Пятигорскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ вспомогательнаго капитала Имени Государыни Великой Княгини Ксеніи Александровны, въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества и Великаго Князя Александра Михайловича, для пособій бѣднѣйшимъ ученикамъ упомянутаго училища, съ отчисленіемъ для сего изъ городскихъ средствъ по сто рублей ежегодно.

14. (8-го февраля 1895 года). *Объ учрежденіи при Оренбургской женской гимназіи стипендіи Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день февраля 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Оренбургской женской гимназіи стипендіи Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны на проценты съ капитала въ 1.400 рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью дамами города Оренбурга, въ

ознаменованіе радостнаго событія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвовательницъ.

15. (20-го марта 1895 года). *О преобразованіи Одесской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о преобразованіи Одесской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Одесской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1896 года, Одесскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ, съ тѣмъ, чтобы съ указаннаго срока былъ открытъ при ней V классъ, и съ 1-го іюля 1897 года—VI классъ.

II. Вызываемые означенною мѣрою (отд. I) дополнительные расходы, а именно: въ 1896 году—*тысяча семьсотъ сорокъ пять рублей;* въ 1897 году—*четыре тысячи шестьсотъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ* и, начиная съ 1898 года, по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти рублей* въ годъ—вносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1898 года, по доходной смѣтѣ названнаго министерства пособіемъ государственному казначейству на содержаніе Одесской прогимназіи изъ специальныхъ ея средствъ *девятьсотъ тридцать пять рублей* ежегодно.

III. Могушіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Одесской прогимназіи остатки раздѣлять, начиная съ 1898 года, на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю специальныхъ средствъ прогимназіи, возвращать въ сіи средства для употребленія на нужды названнаго учебнаго заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами

16. (20-го марта 1895 года). *Объ учрежденіи въ городѣ С.-Петербургѣ трехкласснаго городскаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ С.-Петербургѣ трехкласснаго городскаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. С.-Петербургѣ трехкласснаго городскаго училища, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, съ 1-го іюля 1896 года, въ г. С.-Петербургѣ трехклассное городское училище, на основаніи Высочайше утвержденного положенія 31-го мая 1872 года.

II. Вызываемые означенною мѣрою (отд. I) расходы: а) въ 1896 году—*двѣ тысячи семьсотъ шестьдесятъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ* (въ томъ числѣ 1.662 рублей 50 копѣекъ на содержаніе училища и 1.100 рублей на наемъ для него помѣщенія) и б) начиная съ 1897 года, по *пяти тысячъ пятисотъ двадцати пяти рублей* въ годъ (въ томъ числѣ: 3.325 р. на содержаніе училища и 2.200 рублей на наемъ для него помѣщенія)—вносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

17. (27-го марта 1895 года). *Объ окладахъ пенсій профессоровъ, доцента и преподавателей спеціальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ окладахъ пенсій профессоровъ, доцента и преподавателей спеціальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ окладахъ пенсій профессоровъ, доцента и преподавателей специальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, *мнѣніемъ положила*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

I. Профессоры специальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ относительно пенсій и единовременныхъ пособій, а также относительно продолженія службы по истеченіи 25 и 30-ти лѣтняго сроковъ учебной службы, пользуются тѣми же правами и преимуществами, кои предоставлены профессорамъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ на основаніи статей 104, 105, 154 и примѣчанія I къ ней, 155 и 156 Высочайше утвержденного, 23-го августа 1884 года, общаго устава сихъ университетовъ.

II. Пенсіи и единовременныя пособия доценту грузинскаго языка и преподавателямъ практическихъ занятій въ упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ классахъ производятся: первому—изъ оклада 900 рублей, а вторымъ—изъ оклада 600 рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21-го апрѣля 1895 года. Харьковскій учебный округъ. *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя Ахтырской прогимназіи, *Сапелниковъ*—съ 26-го сентября 1891 г. и Александровской Сумской гимназіи *Лещенковъ*—съ 6-го января 1894 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Донской области *Ильякинъ*—съ 3-го февраля 1894 г., исполняющій обязанности инспектора Курскаго реальнаго училища *Рыморенко*—съ 26-го іюля 1894 г.; преподаватели Острогожской мужской шестиклассной прогимназіи: *Теплыхъ*—со 2-го іюня 1893 г., *Прокоповъ*—съ 1-го февраля 1895 г. и *Антоновъ*—съ 4-го февраля 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллеж-*

скіе совѣтники: учителя: Пензенскаго реальнаго училища, *Тарховъ*—съ 4-го сентября 1892 г. и *Маклецовъ*—съ 12-го августа 1893 г. и Воронежской гимназіи, *Новоцадовъ*—съ 1-го іюня 1894 г.; прозекторъ при кафедрѣ анатоміи Императорскаго Харьковскаго университета *Бьлаусовъ*—съ 1-го октября 1893 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: инспекторъ Путивльскаго, Курской губ., ремесленнаго училища „*Маклаковыхъ*“, *Тевлевъ*—съ 8-го ноября 1889 г.; учителя городскихъ четырехклассныхъ училищъ Пензенской губ.: Краснослободскаго, *Рогожинъ*—съ 17-го сентября 1891 г., Нижне-ломовскаго, *Наумовъ*—съ 7-го ноября 1891 г., и Инсарскаго, *Тарасовъ*—съ 1-го августа 1892 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Воронежской прогимназіи *Антоновъ*—съ 4-го мая 1893 г.; учителя: Бобровской прогимназіи, *Колесниковъ*—съ 16-го января 1892 г., Александровской Старобѣльскаго гимназіи, *Жендзинъ*—съ 31-го іюля 1892 г., Воронежской прогимназіи, *Григорьевъ*—съ 17-го сентября 1892 г., Старооскольскаго городского трехкласснаго училища, Курской губ., *Синдѣвъ*—съ 8-го февраля 1893 г. и Воронежской гимназіи, *Горбуковъ*—съ 1-го августа 1893 г.; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Харьковскаго университета *Федосѣевъ*—со 2-го января 1894 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа *Шитковскій*—съ 5-го ноября 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учителя: Моршанскаго городского трехкласснаго училища, *Гончаровъ*—съ 18-го ноября 1888 г., Наровчатскаго уѣзднаго училища, *Фриновскій* и *Штембергъ*, оба—съ 22-го ноября 1889 г., фатежскаго городского трехкласснаго училища, *Касименковъ*—съ 30-го декабря 1889 г., Керенскаго городского трехкласснаго училища, *Пищенко*—съ 1-го августа 1890 г., Кирсановскаго уѣзднаго училища, *Шустовъ*—съ 30-го декабря 1892 г., и Усманскаго уѣзднаго училища; *Ахтырскій*—съ 1-го августа 1893 г.; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Городищенскаго, *Спасскій*—съ 25-го сентября 1889 г. и Липецкаго, *Рудницкій*—съ 21-го января 1893 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Воронежской, *Ахметѣевъ*—съ 10-го сентября 1892 г. и Старобѣльскаго, *Лижницкій*—съ 1-го марта 1892 г.; врачъ Новочеркасской учительской семинаріи *Норкинъ*—съ 21-го октября 1891 г., помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа *Архательскій*—съ 31-го мая 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя: инсарскаго городского четырехкласснаго училища, Пензенской губ., *Чернышевъ*—съ 24-го апрѣля 1889 г., Борисоглѣб-

скаго уѣзднаго училища: *Паиковъ*—съ 11-го октября 1891 г. и *Нерода*—съ 9-го февраля 1893 г., Моршанскаго городскаго трехкласснаго училища, *Филитовъ*—съ 4-го ноября 1891 г., липецкаго уѣзднаго училища, *Чаловъ*—съ 1-го іюля 1893 г. и Козловскаго уѣзднаго училища, *Толкинъ*—съ 22-го октября 1893 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Курскаго, *Сорокинъ*—съ 1-го мая 1891 г. и Пензенскаго, *Скворцовъ*—съ 1-го января 1892 г.; учитель-инспекторъ Путивльскаго городскаго трехкласснаго училища, *Ермаковъ*—съ 18-го сентября 1891 г., лаборантъ при магнито-метеорологическомъ отдѣленіи физическаго кабинета Императорскаго Харьковскаго университета *Поповъ*—съ 22-го іюля 1892 г.; почетные смотрители: Тамбовскаго уѣзднаго училища, *Вольдгардтъ*—съ 31-го октября 1892 г. и Валковскаго городскаго трехкласснаго училища, *Гуровъ*—съ 26 октября 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллегіскіе секретари*: завѣдывающій аксайскимъ мореходнымъ классомъ, Донской области, *Хитайловъ*—съ 21-го октября 1885 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Курскаго: *Бровкинъ*—съ 1-го августа 1887 г. и *Булаинъ*—съ 4-го мая 1891 г., Обоянскаго, *Рыжковъ*—съ 20-го марта 1890 г., Бѣлгородскаго, *Антилоговъ*—съ 1 мая 1890 г., Шацкаго, *Грековъ*—съ 4-го ноября 1891 г. и Тамбовскаго, *Кузнецовъ*—со 2-го декабря 1891 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Нижне-Ломовскаго, Пензенской губерніи, *Цытковъ*—съ 15-го августа 1886 г., *Смагинъ*—съ 1-го января 1889 г., *Гасконскій*—съ 15-го августа 1892 г. и *Разказовъ*—съ 15-го октября 1892 г., Краснослободскаго, Пензенской губерніи, *Коноваловъ*—съ 1-го января 1889 г., Лебедянскаго, Тамбовской губерніи, *Левитовъ*—съ 29-го декабря 1890 г., Чембарскаго, Пензенской губерніи, *Катетовъ*—съ 10-го января 1891 г., второго Борисоглѣбскаго, Тамбовской губерніи, *Грековъ*—съ 14-го декабря 1891 г., и перваго Тамбовскаго, *Дубровскій*—съ 4-го августа 1893 г.; письмоводитель Курскаго реальнаго училища *Афанасьевъ*—съ 7-го октября 1892 г.; въ *коллегіскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Донской области, Каменскаго, Императора Александра II, *Салтыковъ*—съ 27-го декабря 1888 г.: Роговскаго, *Авчинниковъ*—съ 18-го іюля 1891 г., Безпаловскаго, *Дьяконовъ*—съ 1-го сентября 1892 г., государевскаго, *Котляровъ*—съ 13-го августа 1893 г. и Камышовскаго, *Прокофьевъ*—съ 7-го октября 1893 г., городскаго Тамбовскаго перваго, *Ярковъ*—съ 19-го января 1893 г. и четвертаго, *Кряжевъ*—съ 1-го августа 1894 г., письмоводители: Острогужской прогимназіи, *Самецкій*—

съ 6-го марта 1893 г. и Сумскаго реального училища, *Полтавцевъ*—съ 11-го августа 1890 г.; почетный смотритель Пензенскаго уѣзднаго училища *Кондаковъ*—съ 7-го іюня 1893 г.; писмоводитель (онъ же бухгалтеръ) Екатериненскаго учительскаго института въ городѣ Тамбовѣ, *Акаевскій*—съ 9-го сентября 1891 года.

Утверждены въ чинахъ со старшинствомъ: *надворнаго советника*, прозекторъ при кафедрѣ судебной медицины Императорскаго Харьковскаго университета *Дворниченко*—съ 23-го сентября 1893 г.; *коллежскаго assessora*: учителя: Ахтырской прогимназіи, *Дюбуръ*—съ 21-го августа 1878 г., Воронежской прогимназіи, *Сребрянскій*—съ 7-го января 1890 г. и Изюмскаго реального училища, *Нейкома*—съ 5-го февраля 1890 г., лекторъ Императорскаго Харьковскаго университета *Соловьевъ*—со 2-го января 1887 г.; воспитатель при пансіонѣ Курской гимназіи *Подпрятковъ*—съ 22-го ноября 1889 г.; *титularнаго советника*: сверхштатные ассистенты Императорскаго Харьковскаго университета при пропедевтическомъ клиническомъ отдѣленіи Харьковскаго военнаго госпиталя: *Затворницкій*—съ 3-го августа 1888 г. и *Вороновъ*—съ 23-го февраля 1890 г.; врачъ спасскаго городскаго трехкласснаго училища, *Поздняковъ*—съ 28-го февраля 1890 г.; сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней Императорскаго Харьковскаго университета *Смирновъ*—съ 19-го марта 1890 г., всѣ четверо по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный лаборантъ при физической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета *Кутневичъ*—съ 1-го октября 1886 г., по степени кандидата того же университета помощникъ классныхъ наставниковъ Воронежской гимназіи *Германовскій*—съ 1-го мая 1889 г.; *убернскаго секретаря*: учителя окружныхъ училищъ Донской области: перваго, донскаго, *Бюдинъ*—съ 12-го октября 1889 г. и усть-Медвѣдицкаго, *Переверзевъ*—съ 10-го ноября 1889 г.; *коллежскаго регистратора*: помощникъ учителя Рыльскаго городскаго трехкласснаго училища, *Шниковъ*—съ 8-го декабря 1889 г., учитель Верхне-Кибиревскаго, Донской области, приходскаго училища, *Волочковъ*—съ 20-го марта 1888 г., по званію студента семинаріи.

Кіевскій учебный округъ. *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учителя Каменецъ-Подольской гимназіи, *Гринчакъ*—съ 9-го октября 1894 г. и *Дорожинскій*—съ 14-го августа 1894 г., Житомирской гимназіи, *Яроцкій*—съ 1-го августа 1894 г., Острожской прогимназіи: *Вороной* и *Бидерманъ*, оба—съ 21-го сентября 1892 г., Глуховскаго учитель-

скаго института, *Демковъ*—съ 25-го августа 1894 г., Роменскаго реального училища, *Поржецкій*—съ 9-го августа 1894 г. и Бѣлоперковской женской гимназіи *Романовичъ*—съ 27-го сентября 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя гимназій: Немировской, *Клипуновскій*—съ 6-го сентября 1894 г., Новгородсѣверской, *Курбасъ*—съ 15-го сентября 1894 г., Черниговской, *Александровъ*—съ 19-го ноября 1875 г., Нѣжинской женской, *Коптиловъ*—съ 17-го аурѣля 1894 г., учителя Ровенскаго реального училища, Эммануилъ *Фуксъ*—со 2-го сентября 1894 г. и Житомирской прогимназіи Климентій *Фуксъ*—съ 17-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: Кіево-Печерской гимназіи, *Шафрановскій*—съ 1-го сентября 1893 г., Острожской прогимназіи, *Рекало*—съ 24-го сентября 1892 г., Уманской прогимназіи, *Тимошокъ* съ 15-го марта 1893 г., Черкасской прогимназіи, *Шекунъ*—съ 17-го августа 1893 г., Кременчугской женской гимназіи, *Завадскій*—съ 10-го сентября 1889 г., Кіевской частной женской гимназіи Ващенко-Захарченко, *Щербина*—съ 19-го января 1893 г. и *Истоминъ*—съ 23-го октября 1893 г.; врачъ Уманской прогимназіи *Стаховскій*—съ 4-го декабря 1893 г.; штатный смотритель Летишевскаго двухкласснаго городского училища *Назаревскій*—съ 18-го октября 1887 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Житомирской гимназіи *Вознесенскій*—съ 18-го мая 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевского учебнаго округа *Луцкевичъ*—съ 22-го октября 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Новгородсѣверской гимназіи, *Котляровъ*—съ 1-го сентября 1894 г. и Полтавскаго реального училища, *Дамринъ*—съ 12-го октября 1894 г.; учителя: Кіево-Печерской гимназіи, *Семенцовъ*—съ 1-го августа 1893 г., Зѣньковской женской прогимназіи, *Томашевскій*—съ 9-го марта 1887 г. и Каменецкаго двухкласснаго городского училища *Подгаецкій*—съ 9-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: письмоводитель Кіевского реального училища *Вязовой*—съ 1-го іюня 1892 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Роменскаго реального училища *Квитницкій*—съ 13-го сентября 1892 г.; учитель Ямпольскаго двухкласснаго городского училища *Ревякинъ*—съ 29-го сентября 1894 г. и помощникъ учителя Черниговскаго городского трехкласснаго училища *Андреевъ*—съ 17-го сентября 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: экономъ пансіона при Черниговской гимназіи *Яворскій*—съ 22-го іюля 1892 г.; учителя Барскаго двухкласснаго город-

скаго училища: *Яреско*—съ 5-го декабря 1892 г. и *Лебедевъ*—съ 1-го октября 1891 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *цубернскіе секретари*: учителя городскихъ училищъ: Васильковскаго двухкласснаго, *Ръпинъ*—съ 26-го августа 1892 г., Овручскаго двухкласснаго, *Шиповаловъ*—съ 3-го августа 1894 г. и Кіево-Лыбедскаго втораго приходскаго однокласснаго, *Вереденко*—съ 15-го іюля 1893 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: письмоводитель коллегіи Павла Галагана, *Антоненко*—съ 1-го марта 1880 г.; исправляющій должность письмоводителя Новозыбковскаго реальнаго училища *Присовскій*—съ 20-го октября 1894 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: учителя гимназій: Житомирской, *Зубковскій*—съ 8-го октября 1890 г. и Новгородсѣверской, *Кашпуревъ*—съ 20-го августа 1890 г.; надзиратель гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, *Захарченко*—съ 1-го марта 1886 г.; учителя прогимназій: Острожской, *Малинка*—съ 12-го сентября 1890 г. и Уманской, *Волковичъ*—съ 19-го марта 1888 г.; преподаватель Кіевской частной женской гимназіи Ващенко-Захарченко *Нечай-Грузевичъ*—съ 6-го февраля 1890 г.; учитель Кіевской частной женской гимназіи Бейтель *Синицкій*—съ 15-го сентября 1890 г.; учителя женскихъ гимназій: Новгородсѣверской, *Опенько*—съ 21-го октября 1889 г. и Роменской, *Денисевичскій*—съ 11-го октября 1890 г.; *титлярнаго советника*, врачъ Ровенскаго однокласснаго еврейскаго училища *Аурбахъ*—съ 25-го октября 1890 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*, помощникъ классныхъ наставниковъ Уманской прогимназіи, *Сапъжко*—съ 1-го декабря 1890 г.; *цубернскаго секретаря*, учитель приготовительнаго класса Немировской гимназіи *Войцеховскій*—съ 22-го сентября 1890 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель Радомысльскаго двухкласснаго городского училища *Созанскій*—съ 21-го августа 1890 г.

Виленскій учебный округъ. *Произведены*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: преподаватели гимназій: Виленской первой, *Родкевичъ*—съ 1-го сентября 1894 г., Виленской второй, *Родинъ*—съ 1-го августа 1894 г., Ковевской, *Королевскій*—съ 4-го марта 1894 г., *Хрущевичъ*—съ 1-го августа 1894 г. и *Всесвятскій*—съ 15-го ноября 1894 г., Могилевской, *Чуевъ*—съ 19-го сентября 1894 г. и Гродненской, *Шатиловъ*—съ 1-го ноября 1894 г.; учителя реальныхъ училищъ: Минскаго, *Александровичъ*—съ 26-го августа 1894 г., Бѣлостокскаго, *Шима-*

новскій—съ 27-го сентября 1894 г. и Поневѣжскаго, *Груцинскій*—съ 1-го августа 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели гимназій: Виленской второй, *Шнекъ*—съ 15-го ноября 1894 г., Гродненской, *Жарламовичъ*—съ 11-го сентября 1894 г. и Ковенской, *Богдановичъ*—съ 12-го октября 1894 г.; учителя реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Михельсонъ*—съ 21-го августа 1894 г., Бѣлостокскаго, *Краснянскій*—съ 1-го августа 1894 г., Двинскаго, *Безсмертный*—съ 1-е ноября 1894 г. и Могилевскаго Александровскаго, *Кудрицкій*—съ 24-го декабря 1894 г.; преподаватель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища *Громачевскій*—съ 29-го ноября 1894 г.; учитель городскаго, при Виленскомъ учительскомъ институтѣ училища *Даниловъ*—съ 1-го августа 1892 г.; наставники Полоцкой учительской семинаріи: *Добрынинъ*—съ 21-го іюля 1893 г. и *Войничъ*—съ 15-го августа 1894 г.; инспекторы народныхъ училищъ дирекцій: Мясной, *Чарнецкій*—съ 14-го августа 1893 г. и Витебской, *Дорошкевичъ*—съ 18-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: помощникъ классныхъ наставниковъ Виленской первой гимназій *Алисовъ*—съ 21-го ноября 1894 г.; преподаватели гимназій: Виленской второй, *Занкевичъ*—съ 1-го января 1894 г. и *Клясъ*—съ 11-го ноября 1891 г., и Гродненской, *Бекаревичъ*—съ 17-го декабря 1893 г.; преподаватели прогимназій: Мозырской, *Изенфламъ*—съ 11-го сентября 1892 г., Гомельской, *Чикидовскій*—съ 20-го февраля 1894 г. и Брестской, *Плейеръ*—съ 16-го сентября 1893 г.; учитель Поневѣжской учительской семинаріи *Пойденасъ* (онъ же Пейденъ)—съ 1-го января 1893 г.; штатный смотритель Быховскаго уѣзднаго училища *Новицкій*—съ 1-го іюля 1888 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: бывший помощникъ классныхъ наставниковъ Виленскаго реального училища *Козловскій*—съ 16-го сентября 1894 г.; учителя: Невельскаго уѣзднаго училища, *Горбачевскій*—съ 1-го апрѣля 1894 г. и Рогачевскаго городскаго училища, *Чубовъ*—съ 1-го августа 1893 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: сверхштатный преподаватель Виленской первой гимназій *Мазиковъ*—съ 5-го ноября 1894 г.; учитель приготовительнаго класса Виленской второй гимназій *Кондратьевъ*—съ 11-го августа 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Гродненской, *Кончевскій*—съ 16-го февраля 1893 г. и Шавельской, *Козловскій*—съ 23-го марта 1893 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, учитель приготовительнаго класса Бѣлостокскаго реального училища *Морозъ*—

съ 7-го іюля 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: почетный смотритель Пружанскаго уѣзднаго училища *Львовъ*—съ 4-го апрѣля 1892 г.; учитель Витебскаго уѣзднаго училища *Забалуевъ*—съ 1-го августа 1891 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: преподаватели гимназій: Слудкой, *Шмидбергъ*—съ 16-го сентября 1888 г. и Могилевской, *Араловъ*—съ 4-го октября 1890 г.; преподаватели прогимназій: Мозырской, *Созоновъ*—съ 1-го сентября 1890 г. и Бобруйской, *Одинцовъ*—съ 28-го августа 1890 г. и *Гальбовскій*—съ 1-го октября 1890 г.; преподаватель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища *Блюменталь*—съ 5-го ноября 1889 г.; наставникъ Несвижской учительской семинаріи *Кукушкинъ*—съ 6-го сентября 1890 г.; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Виленскаго *Григорикъ*—съ 1-го ноября 1890 г., Минскаго, *Гуринъ*—съ 1-го іюля 1890 г.

Западно-сибирскій учебный округъ. *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учителя гимназій: Омской женской потомственныхъ почетныхъ гражданъ Поповыхъ, *Сязовъ*—съ 28-го августа 1894 г. и Вѣрненской мужской, *Лебедевъ*—съ 14-го октября 1894 г.; воспитатель киргизской ученической квартиры при Вѣрненской мужской гимназійи *Юрашкевичъ*—съ 1-го ноября 1894 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*, надзиратель Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища *Петровъ*—съ 6-го сентября 1893 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*, помощникъ классныхъ наставниковъ Томскаго Алексѣевского реальнаго училища *Куртуковъ*—съ 1-го ноября 1894 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Курганскаго уѣзднаго училища *Шалобановъ*—съ 3-го іюля 1889 г.; ординаторъ при факультетской хирургической клиникѣ Императорскаго Томскаго университета *Кытмановъ*—съ 19-го сентября 1892 г.; почетный смотритель Тарскаго уѣзднаго училища *Щербаковъ*—съ 12-го іюля 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: учителя уѣздныхъ училищъ: Березовскаго, *Гущинъ*—съ 24-го октября 1890 г. и Курганскаго, *Кухлевскій*—съ 1-го октября 1892 г.; консерваторъ зоологическаго музея Императорскаго Томскаго университета *Аникинъ*—съ 25-го февраля 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, учитель Вѣрненскаго мужскаго приходскаго училища *Катышевъ*—съ 25-го іюня 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Илійскаго

сельскаго, *Толмачевъ*—съ 1-го іюня 1894 г. и Туринскаго мужскаго городского, *Деминовъ*—съ 16-го іюля 1894 г.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Тюменскаго Александровскаго реального училища, *Головачевъ*—съ 1-го августа 1889 г. и Тобольской гимназіи, *Шиллеровъ*—съ 16-го августа 1890 г.; надзиратель Омскаго низшаго механико-техническаго училища *Колдаевъ*, руководитель практическихъ работъ того же училища *Пантелеевъ*, оба—съ 1-го августа 1890 г.; воспитатель пансіона Тобольской гимназіи *Гурскій*—съ 20-го августа 1890 г.; *губернскаго секретаря*, учитель Туринскаго уѣзднаго училища *Поповъ*—съ 20-го января 1889 г.

Опредѣлены на службу, изъ отставныхъ: титулярный совѣтникъ *Лихачевъ*—учителемъ Темниковскаго уѣзднаго училища; губернской секретарь *Сабо*—помощникомъ столоначальника канцеляріи управленія Харьковскаго учебнаго округа.

Опредѣлены на службу: лѣкари: *Сбоевъ*, *Костинъ*, *Орловъ*, *Баклановъ*, *Глушковъ*, *Збандутовъ* и кандидатъ историко-филологическихъ наукъ *Миллеръ*, всѣ семеро—въ Императорскій Харьковскій университетъ: первые двое—помощниками прозектора при каедряхъ: *Сбоевъ*—судебной медицины и *Костинъ*—физиологіи, слѣдующіе трое—сверхштатными ассистентами при каедряхъ: *Орловъ*—хирургической паталогіи, а *Баклановъ* и *Глушковъ*—акушерства и женскихъ болѣзней, *Збандутовъ*—сверхштатнымъ ординаторомъ при офталмологической клиникѣ, а *Миллеръ*—помощникомъ бібліотекаря; лѣкари: *Леонтовичъ* и *Кульженко*—въ Императорскій университетъ св. Владимира: *Леонтовичъ*—сверхштатнымъ помощникомъ прозектора при каедрѣ гистологіи, а *Кульженко*—сверхштатнымъ ассистентомъ при каедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней; лѣкаръ *Киселевъ*—сверхштатнымъ ординаторомъ факультетской хирургической клиники Императорскаго Московскаго университета; лѣкаръ *Ворзинъ*—врачемъ Нерехтской женской прогимназіи; окончившіе курсъ наукъ въ учительскихъ институтахъ: *Чернышевъ*, *Захаринъ* (онъ же *Захарикъ*), *Морозъ*, *Ярешъ*, *Худяковъ*, *Александровъ* и *Богдановъ*,—первые двое учителями училищъ: *Чернышевъ*—Николаевскаго, на-Амурѣ, городского, а *Захаринъ*—Люцинскаго, Витебской губерніи, уѣзднаго; слѣдующіе же четыре—учительскими помощниками городскихъ училищъ: *Морозъ*—Двинскаго 1-го, *Ярешъ* и *Худяковъ*—Глуховскаго, имени Федора Терещенка, *Александровъ*—Томашевскаго, Александровскаго, и *Богдановъ*—Шлоцкаго; имѣющіе званіе учителей: французскаго языка сред-

нихъ учебныхъ заведеній *Альбертъ*—учителемъ сего языка въ Острожской мужской прогимназіи, уѣзднаго училища, *Крыловъ*—учителемъ Бендерскаго уѣзднаго училища и городскаго училища, *Ньмцовъ*—сверхштатнымъ учителемъ Спасскаго, Рязанской губерніи, городскаго училища; сынъ унтеръ-офицера *Ньшинъ*—исправляющимъ должность писмоводителя Пинчовской мужской прогимназіи.

Причисленъ, секретарь правленія Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій ассесоръ *Степановъ*, согласно прошенію—къ Министерству, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

Назначены: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Леницъ*—дѣлопроизводителемъ V класса того же департамента; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ всеобщей исторіи, коллежскій секретарь *Бубновъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ всеобщей исторіи; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины *Роловичъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ хирургической факультетской клиники и теоретической хирургіи; учитель Томской Маріинской женской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Злобинъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Семипалатинской области, съ 1-го апрѣля; бухгалтеръ канцеляріи попечителя одесскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Шпачинскій*, согласно прошенію—исправляющимъ должность преподавателя математики и физики Одесскаго реальнаго училища; столоначальникъ канцеляріи управленія Харьковскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Зборомирскій*, согласно прошенію—казначеемъ Императорскаго Харьковскаго университета, а помощникъ столоначальника канцеляріи того же управленія, губернский секретарь *Четвериковъ*—столоначальникомъ той же канцеляріи; архивариусъ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій регистраторъ *Клопотовскій*—смотрителемъ клиникъ сего университета; сверхштатный учитель рисованія женской гимназіи Калайдовичъ, въ Москвѣ, *Какоринъ*—учителемъ рисованія Суцескаго начальнаго, въ городѣ Москвѣ, училища; сверхштатный учитель Томской гимназіи, кандидатъ историко-филологическихъ наукъ *Тыжновъ*—учителемъ русскаго языка и словесности той же гимназіи, съ 16-го марта; лѣкарь: врачъ гор. Херсона *Фрикке*—врачемъ Херсонской Маріинско-Александровской женской прогимназіи, съ 11-го ноября 1894 г., врачъ Борисоглѣбской Александровской

прогимназіи *фонъ-Блосфельдтъ*—врачемъ при Борисоглѣбскомъ уѣздномъ училищѣ; чебоксарскій уѣздный врачъ, коллежскій совѣтникъ *Вишневскій* и подольскій городской врачъ *Карнауховъ*, оба—врачами городскихъ училищъ: Вишневскій—Чебоксарскаго, съ 28-го марта, а Карнауховъ—Подольскаго, Московской губерніи, всѣ четверо—съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; сверхштатный помощникъ класснаго наставника Екатеринославской мужской гимназіи, коллежскій регистраторъ *Сажненко*—помощникомъ класснаго наставника той же гимназіи; учитель Зельвянскаго, Гродненской губерніи, народнаго училища *Савашинскій*—помощникомъ класснаго наставника Сувалеской мужской гимназіи; учительскій помощникъ Двинскаго 1-го городского училища *Хоровецъ*—учителемъ Новоалександровскаго овенской губерніи, городского училища.

Утверждены: дѣйствительные статскіе совѣтники: *Меншиковъ*. *Гевличъ* и надворный совѣтникъ *Кириловъ*, всѣ трое—почетными попечителями, на три года: Меншиковъ—Тульской гимназіи, Гевличъ—Пензенскаго реальнаго училища и Кириловъ—Старобѣльской Александровской гимназіи; исправляющіе должности: помощника класснаго наставника Тамбовскаго реальнаго училища, окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Гостевъ*, учителей: Венденскаго городского училища, коллежскій ассесоръ *Грове*, Борисоглѣбской Александровской прогимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Янковичъ*, уѣздныхъ училищъ: Землянскаго, *Бураковъ*, Острогожскаго, *Майборода*, Ахтырскаго, *Машковъ*, и Волчанскаго городского училища, *Ковалевъ*, всѣ семеро—въ исправляемыхъ ими должностяхъ; изъ нихъ: Гостевъ—съ 10-го октября 1893 г., Грове—съ 1-го января, Бураковъ и Ковалевъ—съ 18-го января, Майборода и Машковъ—съ 22-го февраля 1895 года.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, врачъ для командировокъ VI разряда при клиническомъ военномъ госпиталѣ, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Кудрещевскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ факультетской терапевтической клиники; исправляющій должность секретаря анапской городской полиціи, штурманъ дальняго плаванія *Борисовъ*—младшимъ преподавателемъ анапскаго мореходнаго класса; состоящій въ штатѣ симбирской контрольной палаты, титулярный совѣтникъ *Ильинъ*, согласно прошенію,—

письмоводителемъ и бухгалтеромъ пансіона Симбирской гимназіи; канцелярскій чиновникъ тульской контрольной палаты, коллежскій регистраторъ *Мерцаловъ*—письмоводителемъ Тульского ремесленного училища.

Уволенъ отъ службы, на основаніи прил. къ ст. 177 уст. служб. Прав. (св. зак. т. III, изд. 1876 г.), состоящій за штатомъ, бывшій учитель преобразованнаго всеегонскаго, Тверской губерніи, уѣзднаго училища *Спиридоновъ*, съ 1-го іюля 1894 года.

Уволены отъ службы: учитель кievской 1-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Андріевскій*, за выслугою срока; согласно прошеніямъ: исполняющій обязанности инспектора Мариупольской Александровской гимназіи, преподаватель оной, статскій совѣтникъ *Зефировъ*, съ 1-го апрѣля; помощникъ класснаго наставника Калишской мужской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Курцевскій*, съ 20-го февраля, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; сверхштатный лаборантъ при химической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій секретарь *Ильевъ*; смотритель клиникъ Императорскаго университета св. Владимира, отставной подпоручикъ *Языковъ*; учитель рисованія Серпуховскаго начальнаго, въ гор. Москвѣ, училища *Кузьминъ*; учитель Осташковскаго, Тверской губерніи, городского училища *Мазаевъ*, сверхштатный учитель 2-го Московскаго городского училища, титулярный совѣтникъ *Скворцовъ*; исправляющій должность письмоводителя Симбирской гимназіи, бухгалтеръ пансіона при оной, губерискій секретарь *Раевскій*, съ 1-го марта; письмоводитель Пинчовской мужской прогимназіи *Левитскій*; согласно прошеніямъ, по болѣзни: преподаватель Троицкой гимназіи, статскій совѣтникъ *Гуллевъ*; учитель Таганрогской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гельзинъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; сверхштатный учитель Тифлисскаго реальнаго училища, отставной капитанъ *Кетпенъ*; учитель Златовольской мужской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ярмоховичъ*; учительскій помощникъ С.-Петербургскаго Андреевскаго городского училища, титулярный совѣтникъ *Артемовъ*, съ 1-го февраля.

Умершій исключенъ изъ списковъ: врачъ Старобѣльской Александровской гимназіи, лѣвчарь, коллежскій совѣтникъ *Караго*, съ 13-го февраля.

25-го апрѣля 1895 года. *Опредѣлены* на службу, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тимосевъ* и статскій совѣтникъ *Германъ*, оба—съ причисленіемъ къ министерству; коллежскій секре-

тарь *Васильевскій*—письмоводителемъ (онъ же бухгалтеръ) Брянскаго низшаго механико-техническаго училища.

Определены на службу: окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Юшкевичъ*—съ причисленіемъ къ министерству; окончившіе курсъ наукъ въ Учительскихъ семинаріяхъ: *Брадисъ*—учителемъ Александровскаго петровско-посадскаго приходскаго, въ городѣ Псковѣ, училища и *Раевъ*—учителемъ сумскаго, Архангельской губерніи, приходскаго училища; имѣющій свидѣтельство объ окончаніи шести классовъ реального училища *Веберъ*—помощникомъ класснаго наставника Одесскаго реального училища св. Павла.

Назначены: исполняющій обязанности инспектора Варшавскаго реального училища, преподаватель онаго, статскій совѣтникъ *Недумовъ*—начальникомъ Кѣлецкой учебной дирекціи; экстра-ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины коллежскій совѣтникъ *Потовъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ судебной медицины; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ богословія, надворный совѣтникъ *Зеберъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ экзегетическаго богословія; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея, докторъ финансоваго права, коллежскій ассессоръ *Берендтъ*—ординарнымъ профессоромъ сего лицея по государственному и административному праву; писецъ канцеляріи инспекціи училищъ города Варшавы *Веремковичъ*—дѣлопроизводителемъ той же канцеляріи, съ 1-го декабря 1894 года; учительскій помощникъ Владикавказскаго городского училища *Береславцевъ*—сверхштатнымъ учителемъ Екатеринодарскаго городского училища; помощникъ секретаря правленія Императорскаго университета св. Владиміра *Шульжевичъ*—исправляющимъ должность архиваріуса сего университета.

Утвержденъ, почетный попечитель новозыбковскаго реального училища князь *Долгоруковъ*, вновь—въ настоящей должности на три года.

Переведенъ на службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, канцелярскій чиновникъ Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ, губернскій секретарь *Романовъ*—журналистомъ и архиваріусомъ канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, съ 1-го апрѣля.

Уволены отъ службы: письмоводитель (онъ же бухгалтеръ) Брянскаго низшаго механико-техническаго училища *Чаплингъ*, съ 22-го февраля;

согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мюлау*, съ 1-го апрѣля; учитель варшавской 5-й мужской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Преображенскій*, съ 1-го мая

Умершій исключенъ изъ списковъ, учитель ченстоховской мужской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Коссовскій*.

4-го мая 1895 года *опредѣленъ* на службу, изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Синегубъ*—сверхштатнымъ учителемъ рисованія Тифлисскаго реальнаго училища.

Опредѣлены на службу: окончившіе курсъ наукъ въ Императорскихъ университетахъ: съ дипломами 1-й степени: *Рихтеръ*—хранителемъ ботаническаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета и *Невзоровъ*—сверхштатнымъ учителемъ естественной исторіи Митавскаго реальнаго училища; съ дипломами 2-й степени: *Бодѣ*—старшимъ учителемъ греческаго языка Аренбургской гимназіи, *Ястребовъ*—преподавателемъ Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины и *Коченовскій*—сверхштатнымъ лаборантомъ агрономической лабораторіи Императорскаго университета св. Владимира; лѣкари: *Каганъ* и *Гордонъ*—врачами начальныхъ еврейскихъ училищъ: Каганъ—Велижскаго, Витебской губерніи, и Гордонъ—Рижскаго; лѣкари: *Граудинъ* и *Соловьевъ*—врачами городскихъ училищъ: Граудинъ—Туккумскаго, начальнаго, а Соловьевъ—Майкопскаго; дворянинъ *Юзефовичъ*—почетнымъ смотрителемъ Александрійскаго уѣзднаго училища; окончившіе курсъ наукъ въ учительскихъ институтахъ: *Казимирчикъ*—учителемъ Либавскаго городского училища и *Константъ*—сверхштатнымъ учителемъ Митавскаго Александровскаго городского училища.

Причисленъ, помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернской секретарь баронъ *Клодтъ-фонъ-Юренсбургъ*, согласно прошенію,—къ Министерству, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности.

Назначены: окружной инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шульженко*—директоромъ Черниговской гимназіи; исполняющій обязанности инспектора Θεодосійской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гролицъ*—директоромъ сей гимназіи; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Дружининъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета по кафедрѣ хирургіи, и учитель Изманльской мужской прогимназіи, статскій со-

вѣтникъ *Храбровъ*—помощникомъ инспектора студентовъ того же университета; состоящій въ запасѣ медицинскихъ чиновниковъ военного вѣдомства, лѣкарь, надворный совѣтникъ *Благовѣщенскій*—директоромъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; учитель Перновской мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Шляковъ*—помощникомъ класснаго наставника той же гимназіи, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, исправляющій должность учителя Бѣлгородскаго учительскаго института, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Цариковъ*—свѣрхштатнымъ учителемъ математики Рязской гимназіи Императора Николая I; причисленный къ министерству, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Панковъ*—помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 24-го марта; преподаватель Темиръ-ханъ-шурянскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Франтовъ*—инспекторомъ того же училища, съ 1-го декабря 1894 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Николаевскаго, *Златницынъ*—учителемъ Петровскаго городского училища и Тегюшскаго, *Пашинь*—учительскимъ помощникомъ Спасскаго городского училища, оба съ 13-го марта.

Утверждены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ славянской филологіи, статскій совѣтникъ *Кулаковскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій; исправляющіе должности инспекторовъ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, статскіе совѣтники *Лахашинъ* и *Усаневичъ*, оба—въ исправляемыхъ должностяхъ, съ 7-го апрѣля; въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, надворный совѣтникъ графъ *Нессельроде*—почетнымъ попечителемъ Вольскаго реальнаго училища, на три года; почетный смотритель Соликамскаго городского училища, коллежскій совѣтникъ *Дмитріевъ*—въ означенной должности, вновь на три года; исправляющіе должности: учителя исторіи и географіи, Бобровской прогимназіи, губернскаго секретаря *Одарченко* и преподавателя математики Ставропольскихъ женскихъ гимназій св. Александры и Ольгинской, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 2-й степени, *Добровольскій*, оба—въ исправляемыхъ ими должностяхъ.

Уволены отъ службы: помощникъ класснаго наставника Тифлисской 1-й мужской гимназіи *Богословскій*, съ 30-го марта за поступленіемъ на дѣйствительную военную службу; на основаніи прил. къ ст. 177 уст. служб. прав. (св. зак., т. III, изд. 1876 г.); состоящіе

за штатомъ: старшій учитель упраздненной Гольдингенской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Вилле* и учитель той же гимназіи, коллежскій ассессоръ *Берневицъ*, оба съ 1-го января; согласно прошеніямъ: причисленный къ Министерству, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Добровъ*; учитель Урюпинскаго, Донской области, приходскаго училища, коллежскій регистраторъ *Пономаревъ*; почетный смотритель Александрійскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ *Челомеевъ*.

Умершіе исключены изъ списковъ: директоръ Курской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шалфеевъ*, съ 18-го марта; почетный попечитель гимназіи и реальнаго училища К. Мая, въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Май*, съ 20-го марта; преподаватель 3-й С.-Петербургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Борисовъ*, съ 17-го марта; исполнявшій обязанности инспектора Шупинскаго реальнаго училища, учитель онаго, статскій совѣтникъ *Шимановскій*, съ 8-го апрѣля.

11-го мая 1895 года. *Опредѣленъ* на службу, изъ отставныхъ: фельдшеръ *Николаевъ*—фельдшеромъ же при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета.

Опредѣлены на службу: лѣкаря: *Визель*, *Демченко*, *Пресницкій*, *Кадыгрововъ* и *Сергѣевъ*: первые трое—сверхштатными ординаторами клиникъ Императорскихъ университетовъ: *Визель*—душевныхъ и нервныхъ болѣзней, Варшавскаго, *Демченко*—терапевтической госпитальной и *Пресницкій*—хирургической факультетской, *Кадыгрововъ*—штатнымъ ординаторомъ той же клиники, всѣ трое—университета св. Владиміра, а *Сергѣевъ*—сверхштатнымъ ординаторомъ при кафедрѣ психіатріи Императорскаго Казанскаго университета; лѣкаря: *Гавриловъ* и *Иосифовъ*—помощниками прозектора: *Гавриловъ*—сверхштатнымъ, при кафедрѣ оперативной хирургіи, Императорскаго университета св. Владиміра, а *Иосифовъ*—при кафедрѣ описательной анатоміи, Императорскаго Харьковскаго университета; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Биберагъ*—преподавателемъ истории Тифлисскаго 3-й женской гимназіи; имѣющій званіе учителя рисованія въ гимназіяхъ *Гловацкій*—учителемъ рисованія Ебатериновдарской мужской гимназіи; сынъ поселянина *Харакозъ*—помощникомъ класснаго наставника Харьковскаго реальнаго училища.

Назначены: исправляющій должность прозектора при кафедрѣ физиологіи Императорскаго Томскаго университета, кандидатъ есте-

ственныхъ наукъ, лѣкаръ *Кулябко*—лаборантомъ физиологической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ; помощникъ воспитателя пансіона при Владикавказскомъ реальномъ училищѣ *Шестаковъ*, согласно прошенію—учительскимъ помощникомъ Владикавказскаго городского училища; сверхштатный ординаторъ Императорскаго Московскаго университета при хирургическомъ клиническомъ отдѣленіи, находящемся въ Императорской Екатерининской больницѣ, лѣкаръ *Мартыновъ*—штатнымъ ординаторомъ того же отдѣленія названной больницы; штатный ординаторъ пропедевтической клиники того же университета, лѣкаръ *Берестневъ*—сверхштатнымъ помощникомъ прозектора Бактеріологическаго института въ Императорской Екатерининской больницѣ.

Утверждены: исправляющіе должности: воспитателя при пансіонѣ С.-Петербургской частной мужской гимназіи Гуревича, надворный совѣтникъ *Филоновъ*, преподавателя естественной исторіи и физики Бѣлгородскаго учительскаго института, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Ильинскій* и учителей: нѣмецкаго языка, Елисаветпольской гимназіи, коллежскій регистраторъ *Валлинъ*, рисованія, женской гимназіи, состоящей при евангелическо-лютеранской церкви св. Вознесенія, въ гор. Харьковѣ, имѣющій право преподаванія рисованія и черченія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *Великановъ*, всѣ четверо—въ исправляемыхъ ими должностяхъ, изъ нихъ: Филоновъ съ 1-го апрѣля, а Валлинъ съ 1-го августа 1894 года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ департаменту торговли и мануфактуръ министерства финансовъ, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Филипповъ*—лаборантомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, съ 1-го марта.

Уволены отъ службы: согласно прошенію, врачъ Ейскаго Александровскаго городского училища, лѣкаръ *Салтыковъ*; согласно прошеніямъ, по болѣзни: учитель нѣмецкаго языка Екатеринодарской женской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Цинкъ*: казначей Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій ассессоръ *Коптевъ*, съ 27-го февраля. съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершій исключенъ изъ списковъ, учитель искусствъ Витебскаго уѣднаго училища, коллежскій регистраторъ *Забалуевъ*, съ 20-го марта.

III. МИНИСТЕРСКІя РАСПоряЖЕНія.

7. (23-го февраля 1895 года). *Положеніе о стипендіи при Новохоперскомъ городскомъ 3-хъ классномъ училищѣ имени генераль-маіора Михаила Николаевича Раевского.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ двѣсти пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго служащими краснянскаго винокуреннаго завода, учреждается при Новохоперскомъ городскомъ 3-хъ классномъ училищѣ стипендія имени генераль-маіора Михаила Николаевича Раевского.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ закладныхъ листахъ дворянскаго земельного банка и одномъ билетѣ государственнаго казначейства, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на нужды избраннаго стипендіата, одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ по назначенію и усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

§ 4. Въ случаѣ преобразования Новохоперскаго городского училища въ какое либо учебное заведеніе другого типа, стипендія переходитъ на тѣхъ же условіяхъ въ преобразованное учебное заведеніе, а въ случаѣ закрытія городского училища въ одно изъ учебныхъ заведеній города Новохоперска.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (23-го февраля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей жены статскаго совѣтника Екатерины Матвѣевны Сташевской, урожденной Муравьевой, при 1-й Тифлисской великой княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при 1-й Тифлисской великой княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи учреждается одна стипендія имени умершей жены статскаго совѣтника Екатерины Матвѣевны Сташевской урожденной Муравье-

вой, на счетъ % съ капитала въ 2.500 рублей, пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Валеріаномъ Дмитріевичемъ Сгашевскимъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% банковыхъ билетахъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Тифлисскомъ отдѣленіи государственнаго банка и составляетъ неотъемлемую собственность упомянутаго учебнаго заведенія.

§ 3. Согласно воли жертвователя, стипендія, съ согласія педагогическаго совѣта гимназій, предоставляется одной изъ болѣе нуждающихся въ пособіи на ученіе дочерей служащихъ въ Закавказскомъ акцизномъ управленіи, обучающейся уже въ гимназій или имѣющей туда поступить по выдержаніи установленнаго экзамена, безъ всякаго различія происхожденія и національности, но преимущественно православнаго исповѣданія, и при томъ предпочтительно дочерямъ не штатныхъ служащихъ, то-есть, писцовъ и надсмотрщиковъ, при чемъ кандидатка на стипендію назначается особымъ совѣтомъ, образуемымъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго управляющаго акцизными сборами, изъ 3-хъ членовъ, выбираемыхъ, на каждый разъ, служащими по акцизному управленію, изъ числа штатныхъ чиновниковъ, имѣющихъ мѣстопробываніе въ городѣ Тифлисѣ. Въ случаѣ, если не окажется въ акцизномъ управленіи лицъ, желающихъ воспользоваться стипендіей, или это управленіе будетъ преобразовано въ какое либо другое учрежденіе, стипендія предоставляется, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназій, одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ, изъ дочерей лицъ, служащихъ по министерству финансовъ вообще, безъ всякаго различія происхожденія и національности, но преимущественно православнаго исповѣданія.

§ 4. % съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на уплату за право ученія стипендіатки лишь обязательнымъ предметамъ, въ размѣрѣ установленной за эти предметы платы.

§ 5. Могушіе образоваться остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала выдаются стипендіаткѣ въ пособіе по окончаніи ея курса, или выхода изъ гимназій по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ до окончанія курса, по расчету времени пользованія стипендіей. При выходѣ же стипендіатки изъ гимназій по малоуспѣшности въ наукахъ или за дурное поведеніе, остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу для приращенія процентами и выдачи слѣдующей стипендіаткѣ при выходѣ по окончаніи курса или другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Стипендіальный капиталъ, въ случаѣ преобразованіи гимназій въ другое какое-либо учебное заведеніе, передается въ новое учрежденіе на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

9. (24-го февраля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени Императора Александра III при Иваново-Вознесенской женской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 18-го февраля 1895 года, на проценты съ отчисленнаго изъ средствъ Вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ капитала въ одну тысячу двѣсти рублей, учреждается при Иваново-Вознесенской женской гимназій одна стипендія имени въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра III.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го 4%, внутренняго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются одной изъ бѣдныхъ ученицъ гимназій, — дѣтей членовъ Вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ, для уплаты за право ученія и на учебныя пособія. Въ томъ же случаѣ, когда въ числѣ ученицъ женской гимназій не будетъ дѣтей членовъ Вспомогательнаго Общества купеческихъ приказчиковъ, проценты эти выдаются одной бѣдной ученицѣ вообще изъ числа жителей города Иваново-Вознесенска впредь до того времени, когда въ числѣ ученицъ будутъ дѣти членовъ Вспомогательнаго Общества, могущія воспользоваться стипендіею.

§ 4. Право избранія стипендіатки, а также лишеніе ея стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, принадлежитъ Вспомогательному Обществу купеческихъ приказчиковъ города Иваново-Вознесенска, по соглашенію съ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта женской гимназій.

§ 5. Могущій оказаться остатокъ по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ либо причинамъ, выдается

стипендіатѣ въ единовременное пособіе при окончаніи полнаго курса гимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Иваново-Вознесенской гимназій въ какое либо другое учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

10. (31-го марта 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Фаддея Осиповича Бобровскаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 6.000 рублей, пожертвованнаго Императорскому университету св. Владиміра дворянами Кіевской губерніи Ф. В. Флорковскимъ, С. С. Сырочинскимъ и С. Ф. Залѣскимъ, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія въ память умершаго дворянина Ф. О. Бобровскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ $4\frac{1}{2}\%$ облигаціяхъ внутренняго займа 1893 года, составляетъ собственность университета и хранится неприкосновеннымъ въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ ежегодно получаемыхъ съ капитала процентовъ.

§ 4. Кандидаты въ стипендіаты представляются правленію университета учредителями не позже 1-го іюня, и правленіе назначаетъ стипендію болѣе достойному изъ нихъ. Для сношеній съ правленіемъ учредители избираютъ изъ своей среды уполномоченнаго, о чемъ и увѣдомляютъ правленіе. Въ случаѣ смерти кого нибудь изъ учредителей остальные два немедленно выбираютъ по своему усмотрѣнію третье лицо, которому предоставляютъ всѣ права учредителей и о состоявшемся выборѣ сообщаютъ правленію, указывая одновременно съ кѣмъ именно правленіе должно входить въ сношеніе. Такой-же порядокъ соблюдается и при дальнѣйшихъ пополненіяхъ состава учредителей или ихъ замѣстителей, въ случаѣ смерти кого нибудь изъ нихъ.

Если-бы на запросъ правленія университета относительно кандидатовъ на стипендію, который дѣлается въ маѣ мѣсяцѣ, отвѣтъ не былъ полученъ до 1-го сентября того-же года, то правленіе имѣетъ

право самостоятельно избрать стипендіата, удовлетворяющаго требованіямъ параграфа 6-го сего положенія.

§ 5. Выдача стипендіи производится съ утвержденія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

§ 6. Стипендіатомъ имени *Θ. О. Бобровскаго* можетъ быть только студентъ университета св. Владимира польскаго происхожденія, католическаго исповѣданія, безъ различія сословій, отличнаго поведенія и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ.

§ 7. Стипендіатъ имени *Θ. О. Бобровскаго* обязанъ подчиняться относительно своихъ научныхъ занятій правиламъ, установленнымъ для стипендіатовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

§ 8. Стипендіатъ лишается стипендіи въ случаяхъ. 1) выбытіемъ его изъ университета св. Владимира и 2) неуспѣшности въ научныхъ занятіяхъ, если нѣтъ къ тому особыхъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ непосредственнымъ начальствомъ.

§ 9. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, должны быть выдаваемы въ единовременное пособіе стипендіату при окончаніи имъ курса университета.

§ 10. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (9-го апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Семена Трофимовича и Маріи Трофимовны Красноглазовыхъ и тульскаго купца Дмитрія Яковлевича Ванькина при Тульскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шестнадцать тысячъ двѣсти шестьдесятъ рублей, пожертвованнаго тульскимъ купцомъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Ванькинымъ, учреждается при Тульскомъ ремесленномъ училищѣ пять стипендій имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Семена Трофимовича и Маріи Трофимовны Красноглазовыхъ и тульскаго купца Дмитрія Яковлевича Ванькина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ % бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность Тульскаго ремесленнаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Тульскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означеннаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала въ 16.260 рублей, за

удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, всего въ количествѣ шестисотъ семнадцать рублей восьмидесяти восьми коп., назначаются для выдачи на содержаніе пяти бѣднѣйшимъ ученикамъ Тульского ремесленнаго училища безъ различія происхожденія, мѣста рожденія и сословія ихъ, по православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Каждый стипендіатъ получаетъ на свое содержаніе стипендію въ количествѣ 123 рублей 57²/₃ коп. въ годъ, изъ которыхъ удерживается плата за ученіе въ томъ размѣрѣ, какой установленъ вообще для всѣхъ учениковъ Тульского ремесленнаго училища, причеиъ плата за ученіе поступаетъ на общемъ основаніи въ спеціальныя средства училища.

§ 5. Изъ пяти стипендіатовъ двое носятъ названіе стипендіатовъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Семена Трофимовича Красноглазова, двое имени потомственной почетной гражданки Маріи Трофимовны Красноглазовой и одинъ—имени тульского купца Дмитрія Яковлевича Ванькина.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ производится педагогическимъ совѣтомъ училища при участіи въ немъ съ правомъ голоса жертвователя Дмитрія Яковлевича Ванькина пожизненно. Избранные педагогическимъ совѣтомъ стипендіаты пользуются стипендіей во все время обученія ихъ въ училищѣ, если они заслуживаютъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

12. (16-го апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени полковника Ивана Петровича Хондажевскаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 5.000 руб., завѣщаннаго Императорскому Московскому университету полковникомъ Иваномъ Петровичемъ Хондажевскимъ, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5% государственнаго налога, опредѣляется въ сто девяносто девять руб. въ годъ.

§ 3. Стипендія, согласно волѣ завѣщателя, должна быть назна-

чаема нуждающимся студентамъ университета, безъ различія факультетовъ, исключительно уроженцамъ Могилевской губерніи, Гомельскаго уѣзда, воспитывавшимся въ Могилевской духовной семинаріи. Если бы въ числѣ студентовъ не оказалось уроженцевъ Гомельскаго уѣзда, то стипендія должна быть назначаемая вообще уроженцамъ Могилевской губерніи изъ воспитанниковъ означенной семинаріи.

§ 4. При назначеніи стипендіи должны быть соблюдаемы общія, существующія на сей предметъ, правила.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ процентныхъ денегъ съ капитала должны быть присоединяемы къ капиталу для увеличенія размѣра стипендіи. Когда стипендія достигнетъ размѣра 300 руб. въ годъ, то дальнѣйшіе остатки, если бы таковыя оказались впослѣдствіи, должны идти на образованіе капитала для новой стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (18-го апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго кяхтинскаго 1-й гильдіи купца, потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Андреевича Хаминова, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго Императорскому Томскому университету потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Михаиломъ Андреевичемъ Хаминовымъ, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія имени Михаила Андреевича Хаминова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ долженъ храниться въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Томскаго университета, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ годовыхъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала, за вычетомъ 5⁰/₀ государственнаго налога.

§ 4. Стипендія должна быть выдаваема одному изъ студентовъ Томскаго университета, преимущественно изъ уроженцевъ Кяхты или Иркутска, при чемъ избраніе стипендіата предоставляется правленію университета на общихъ основаніяхъ правилъ назначенія стипендій и пособій студентамъ университета.

§ 5. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, соответственная часть ея должна быть присоединяема къ стипендіальному капиталу, для увеличенія, изъ процентовъ съ возросшаго капитала, размѣра стипендіи. Когда стипендія достигнетъ размѣра 350 руб. въ годъ, то присоединяемые къ стипендіальному капиталу остатки должны идти на образованіе новой стипендіи имени завѣщателя капитала, и выдача таковой должна будетъ производиться на основаніяхъ настоящаго положенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (18-го апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Александра Григорьевича Ещенкова при Семипалатинской мужской 4-хъ-классной прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу сто руб., пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Александромъ Григорьевичемъ Ещенковымъ, учреждается при Семипалатинской мужской 4-хъ-классной прогимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ четвертаго 4% внутренняго займа, хранится въ Семипалатинскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ мѣстной мужской прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, составляющихъ капиталъ, онѣ немедленно замѣняются таковыми же не погашенными процентными бумагами.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за право ученія въ продолженіе всего курса одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ прогимназіи, заслуживающаго того своими успѣхами и поведеніемъ.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежать педагогическому совѣту Семипалатинской прогимназіи, которому также предоставляется право лишенія стипендіата стипендіи при улучшеніи его матеріальнаго положенія, а равно въ случаѣ дурнаго поведенія его и малоуспѣшности въ учебныхъ занятіяхъ, если послѣдняя произошла отъ нерадѣнія, а не по какимъ-либо особымъ уважительнымъ причинамъ напр., по причинѣ болѣзни и проч.

§ 5. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могушіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Семипалатинской мужской 4-хъ-классной прогимназіи въ другое учебное заведеніе стипендіа остается при этомъ послѣднемъ.

15. (20-го апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова при Вологодской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Александромъ Григорьевичемъ Кузнецовымъ капитала въ четыре тысячи восемьсотъ руб. учреждается при Вологодской гимназіи одна стипендіа имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, составляетъ собственность Вологодской гимназіи и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ конверсіи или тиража погашенія этихъ билетовъ хозяйственный комитетъ гимназіи обращаетъ этотъ капиталъ въ другія правительственныя % бумаги.

§ 3. Проценты съ сего капитала употребляются на уплату за ученіе за одного ученика гимназіи и на его содержаніе.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ пожизненно потомственному почетному гражданину Александру Ефимовичу Владимірову, а послѣ его смерти — старшему изъ его сыновей, а послѣ смерти ихъ — гимназіи. Стипендіа предоставляется ученику Вологодской гимназіи, русскому подданному, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 5. Права на полученіе стипендіи ученикъ лишается: а) съ выходомъ изъ гимназіи; б) по малоуспѣшности его въ учебныхъ занятіяхъ, такъ, что если стипендіатъ въ теченіе курса останется другой разъ на второй годъ въ томъ же классѣ, то стипендіа оставляется за нимъ только въ томъ случаѣ, когда онъ остался на второй годъ

или по болѣзни, или вслѣдствіе особыхъ исключительно уважительныхъ, по убѣжденію педагогическаго совѣта гимназій, обстоятельствъ и в) вслѣдствіе дурнаго поведенія, за которое педагогическій совѣтъ гимназій признаеть ученика недостойнымъ стипендіи.

§ 6. Могущіе образоваться вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ.

16. (21-го Апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ четыре тысячи восемьсотъ рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Александромъ Григорьевичемъ Кузнецовымъ, учреждается при Вологодскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ Государственной 4% ренты, составляетъ собственность Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища, хранится въ Вологодскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ конверсіи или тиражнаго погашенія билетовъ 4% государственной ренты, начальство училища имѣетъ право обратить ихъ въ другія государственныя % бумаги.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, вносится плата за ученіе за одного ученика, а остальная сумма выдается ему на содержаніе.

§ 4. Право назначенія стипендіата принадлежитъ пожизненно потомственному почетному гражданину Александру Ефимовичу Владимірову, а послѣ его смерти старшему изъ его сыновей, послѣ смерти ихъ—педагогическому совѣту училища.

§ 5. Стипендія предоставляется ученику, русскому подданному, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій.

§ 6. Права на полученіе стипендіи ученикъ лишается: а) съ выходомъ изъ училища; б) вслѣдствіе малоуспѣшности въ учебныхъ занятіяхъ, такъ что если стипендіатъ въ теченіе всего времени пребыванія въ училищѣ останется другой разъ на второй годъ въ томъ же классѣ, то стипендія оставляется за нимъ только въ томъ случаѣ, когда онъ оставленъ на второй годъ по болѣзни или особымъ уважительнымъ, по мнѣнію педагогическаго совѣта, обстоятельствамъ и в) вслѣдствіе дурнаго поведенія, за которое педагогическій совѣтъ признаетъ ученика недостойнымъ стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ неизрасходованными проценты съ капитала обращаются въ государственныя % бумаги и причисляются къ основному капиталу.

17. (23-го апрѣля 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Алексѣя Григорьевича Бѣлокопытова при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двадцать семь тысячъ рублей, пожертвованнаго Харьковскому университету статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Бѣлокопытовымъ, по духовному завѣщанію, утвержденному Харьковскимъ окружнымъ судомъ въ исполненію 16-го сентября 1893 года, учреждаются при семъ университетѣ четыре стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Завѣщанный капиталъ хранится до истеченія срока, назначеннаго завѣщателемъ, въ государственномъ банкѣ, а свидѣтельство на означенный вкладъ, равно какъ и два $4\frac{1}{2}\%$ закладные листа Государственнаго дворянскаго земельного банка на сумму 1.100 руб., приобретенные университетомъ на проценты выросшіе на завѣщанный капиталъ, — хранятся въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета. По истеченіи срока, на который положенъ завѣщанный капиталъ въ государственный банкъ, университетъ приобрѣтаетъ, какъ на этотъ капиталъ, такъ и на процентныя деньги съ него, государственныя процентныя бумаги, или бумаги гарантированныя правительствомъ и хранить ихъ въ упомянутомъ казначействѣ. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность Харьковского университета.

§ 3. Согласно волѣ жертвователя, изъ числа учреждаемыхъ стипендій, три стипендіи должны быть предоставляемы студентамъ медицинскаго факультета Харьковскаго университета, и одна стипендія—студентамъ юридическаго факультета того же университета.

§ 4. Назначеніе стипендій предоставляются правленію университета, при чемъ одна стипендія по медицинскому факультету должна быть назначаема дѣтямъ чиновниковъ или служащихъ изъ жителей города Купянска или Купянскаго уѣзда, а остальные—дѣтямъ чиновниковъ или служащихъ въ городѣ Волчанскѣ, или, если таковыхъ не окажется,—Волчанскаго уѣзда.

§ 5. При невозможности назначить стипендіи по условіямъ § 4, правленіе университета можетъ временно, впредь до появленія достойныхъ кандидатовъ изъ вышеупомянутыхъ городовъ или уѣздовъ, назначать стипендіи по своему усмотрѣнію, отдавая при этомъ преимущество дѣтямъ лицъ, служившихъ прежде въ городѣ Волчанскѣ.

§ 6. При условіяхъ отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ, студентъ, коему назначена стипендія, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ, кромѣ случая предусмотрѣннаго въ § 5-мъ.

§ 7. Размѣръ каждой стипендіи назначается по триста рублей въ годъ.

§ 8. Въ случаѣ пониженія процентовъ, получаемыхъ на стипендіальный капиталъ, можетъ быть по усмотрѣнію Правленія университета или временно уменьшено число стипендій, или пониженъ размѣръ стипендій.

§ 9. Могущіе образоваться остатки процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала должны быть присоединяемы къ самому капиталу. По мѣрѣ нарастанія стипендіальнаго капитала, число стипендій можетъ быть увеличено и назначеніе новыхъ стипендій должно будетъ производиться по правиламъ настоящаго положенія.

§ 10. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18-го (24-го апрѣля 1895 г.). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова при Купянскомъ техническомъ, имени Губкина, училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Александромъ Григорьевичемъ Кузнецо-

вымъ, утверждается при Кунгурскомъ техническомъ имени Губкина, училищѣ одна стипендія имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, въ количествѣ пяти тысячъ трехсотъ руб., заключающійся въ государственныхъ $\%$ бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность Кунгурскаго технического, имени Губкина, училища и хранится въ мѣстномъ уѣзномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ конверсін или тиражнаго погашенія бумагъ, въ коихъ заключается упомянутый основной капиталъ, начальство училища имѣетъ право обратить этотъ капиталъ въ другія правительственныя $\%$ бумаги, какія сочтетъ наиболѣе выгодными.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала поступаютъ въ уплату за ученіе и полный пансіонъ за одного ученика Кунгурскаго технического, имени Губкина, училища.

§ 4. Стипендія находится пожизненно въ распоряженіи потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова, а послѣ его смерти въ распоряженіи старшаго изъ его сыновей, а послѣ нихъ поступаетъ въ распоряженіе педагогическаго совѣта училища и по его избранію предоставляется одному изъ учениковъ сего училища русскому подданному, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, если избранный ученикъ будетъ заслуживать того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Стипендіатъ лишается права на полученіе стипендіи, въ случаѣ неуспѣшности или дурнаго поведенія, если, впрочемъ, малоуспѣшность происходитъ не по уважительнымъ причинамъ, а отъ лѣности.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Собраніе сочиненій *Андерсена* въ 4-хъ томахъ. Пе-

реводъ съ датскаго подлинника *А. и П. Ганзенъ*. С.-Пб. 1894.“—
Одобрить для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Слово о полку Игоревѣ. Памятникъ изящной русской словесности XII вѣка. Издалъ *Иванъ Безсоновъ*. Одесса. 1894. Стр. 86“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюры; 1) „По поводу славянскаго торжества въ Черногоріи (400-лѣтіе православно-славянскаго Кириллическаго книгопечатанія). Проф. *А. Царевскаго*. Казань. 1893. Стр. 37. Цѣна 30 коп.“—
2) „Значеніе просвѣтительныхъ трудовъ святыхъ Кирилла и Меодія въ славяно-русской жизни и исторіи. Рѣчь, произнесенная *А. Царевскимъ*. Казань. 1885. Стр. 50. Цѣна 40 коп.“—допустить для ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Блаженной памяти Царя-Миротворца. Проф. *А. Царевскаго*. Казань. 1894. Стр. 18“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сокращенная историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности. Для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть I. Составилъ *В. Покровский*. Цѣна 1 р. 25 коп.“—рекомендовать для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Orbis romanus pictus. Chrestomathia latina cum programmaticis, vocabularis, grammatica, lexico in usum trionum scripta.* Римскій міръ въ картинкахъ. Начальная латинская хрестоматія, съ предварительными упражненіями, вокабуларіемъ, грамматикой и словаремъ. Составили *А. Адольфъ* и *С. Любомудровъ*. Часть I. Курсъ перваго класса. Москва. 1895. Стр. VIII+84+83. Цѣна 60 коп.“—одобрить для учебнаго употребленія въ 1-мъ классѣ гимназій и прогимназій.

— Брошюру: „Саровская пустынь въ ея прошломъ и настоящемъ (Очеркъ). Проф. *А. Царевскаго*. Казань. 1893. Стр. 42. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга девятая. С.-Пб. 1895, Стр. 498.—Цѣна 2 руб. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Матеріалы для біографіи Гоголя. *В. И. Шенрока*.“

Томъ третій. С.-Пб. 1894. Стр. 546. Цѣна 3 руб.—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Методическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ для письменнаго рѣшенія. Составилъ *Р. Х. Калнинъ*, преподаватель при училищѣ св. Анны. Часть II. Четыре дѣйствія надъ дробными числами. Отношенія и пропорціи. Тройныя правила. (Курсъ второго и третьяго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). 1895. Стр. II+139. Цѣна 60 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ указанные ученымъ комитетомъ, недостатки были исправлены.

— Брошюру: „Возвышеніе чиселъ въ квадратъ и кубъ и извлеченіе изъ чиселъ квадратнаго и кубическаго корней. Составилъ *А. Одинцовъ*, преподаватель математики въ Новоторжской учительской семинаріи. Москва. 1894. Стр. IV+66. Цѣна 30 коп.“—допустить въ качествѣ руководства при прохожденіи ариѳметики въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобы всѣ указанные ученымъ комитетомъ недостатки были исправлены при 2-мъ изданіи.

— Книгу: „Краткое руководство практической минералогіи. Общая минералогія. Курсъ Уральскаго горнаго училища. Съ приложеніемъ таблицъ для опредѣленія минераловъ и двухъ таблицъ чертежей. Составилъ *М. Соловьевъ*. Екатеринбургъ. 1895. Стр. 66+8+75. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить какъ весьма полезное пособие при преподаваніи минералогіи въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Учебникъ минералогіи и физической геологіи. Составилъ *Н. Кричанинъ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1895. Стр. XVI+250“—одобрить какъ весьма полезное руководство для всѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается минералогія.

— Книгу: „*Модестъ Богдановъ*. Разказы о птицахъ. Для юношества. Москва. 1895. Стр. 102. Цѣна 75 коп.“—одобрить для учебныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Брошюру: „*А. Князева*, напечатанную въ № 12 журнала „Педагогическій Сборникъ“ за 1894 годъ, подъ заглавіемъ: „Преподаваніе естественной исторіи въ Двинскомъ реальномъ училищѣ“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Посошковъ и его сочиненія. Обзоръ сочиненій Посошкова (изданныхъ и неизданныхъ) со стороны ихъ религіознаго характера и историко-литературнаго значенія. *Алексъ Царевскаа*.

Москва. 1883. Стр. IV + 274⁴; 2) „Иванъ Тихоновичъ Посошковъ въ исторіи русскаго прогресса“. Публичная рѣчь, читанная на магистерскомъ диспутѣ въ Казанской духовной академіи *А. Царевскимъ*. С.-Пб. 1883. Стр. 29⁴—одобрить первую для фундаментальныхъ, а вторую для ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*А. Вильке*. Электричество, его источники и примѣненія въ промышленности. Съ 628-ю рисунками въ текстѣ. Перевелъ и дополнилъ *Д. А. Головъ*. Изданіе *Ф. В. Шенанскаю*. С.-Пб. 1895. Стр. X + 745. Цѣна 7 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для фундаментальныхъ бібліотекъ женскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Предварительный курсъ физики въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній, со многими политипажамъ въ текстѣ. Составилъ *К. Кошельковъ*, директоръ и преподаватель физики Новгородскаго реальнаго училища. Изданіе 3-е. Новгородъ. 1895. Стр. XV + 632 + 43. Цѣна 2 руб. 50 коп.“—допустить въ качествѣ руководства при преподаваніи физики въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „*К. Ельницкій*. Иностранцы Сибири и средне-азиатскихъ владѣній Россіи. Этнографическіе очерки. Учебное пособіе. С.-Пб. 1895. Стр. 136. Цѣна 1 руб.“—одобрить для ученическихъ средняго и старшаго возраста бібліотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Иоанна д'Аркъ*. Историческая хроника. *Н. М. Дементьевой*. Москва. 1895. Стр. 264⁴—одобрить для ученическихъ средняго и младшаго возраста бібліотекъ гимназій мужскихъ и женскихъ и для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Начальныя основанія философіи, по *Кудрявцеву* и др. Составилъ преподаватель литовской духовной семинаріи *Василій Лавровъ*. Вильна. 1891, стр. 345. Цѣна 1 р. 60 коп. съ пересылкою“—допустить для ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Сборникъ гимнастическихъ игръ и забавъ (примѣнимыхъ во время уроковъ гимнастики и перемѣнъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ) для мальчиковъ и юношей. Составилъ *В. Конопасевичъ*. 1895: Стр. 16⁴—одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*Л. Г. Лопатинскій*. Краткая латинская грамма-

тива. Изданіе VI, вновь обработанное. Тифлисъ 1895. Цѣна 50 к.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку для учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Рѣчи Демосоена о мирѣ, вторая противъ Филиппа, о событіяхъ въ Херсонесѣ и третья противъ Филиппа. Съ десятью рисунками и картой Греціи. Для употребленія въ гимназіяхъ. Объяснилъ *Н. Кореньковъ*, преподаватель Ташкентской гимназіи. Москва. 1894. Стр. 172. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій министерства.

— Изданіе: „Историческія картины. Школьное изданіе *И. Поддубнаго*. Выпускъ I (5 картинъ). Цѣна 2 р. 50 коп.“—одобрить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Александръ II. Чтеніе *А. И. Александрова*. Изданіе Казанскаго общества трезвости. Казань. 1895. Въ 4-ку, 24 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Составилъ *М. Г. Волговской*. С.-Пб. 1894. Изданіе книгопродавца Кузина. Въ 8-ку, 150 стр. Цѣна 75 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— „Сборникъ правилъ правописанія по русскому языку для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Составилъ священникъ *Василій Цвѣтаевъ*. Новгородъ. 1894. Стр. 35. Цѣна 15 коп.“—допустить въ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Брошюру „Рѣчи дѣдушки Наума о пользѣ пчелъ. *А. В. Арсеньева*. Изданіе русскаго Общества пчеловодства. С.-Пб. 1894. Въ 12-ю д. л., 16 стр. (въ ленточкѣ, безъ обложки). Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Брошюра: „Библиотека Ступина. Крепость. Разказъ для дѣтей *А. Н. Бахметевой*. Изданіе 2-е. Москва. 1893. Въ 16-ю д. л., 39 стр. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Русскія сказки для маленькихъ дѣтей. Составила *О. И. Рогова*. Москва. 1893. Въ 8-ку, 223 стр. Съ картинами. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюра: „Деревня Мохово. Бытовой очеркъ. *А. Мощанская*. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 37 стр. Цѣна 10 коп.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

— Брошюра: „Пьянство и его гибельные плоды, Павла *Никольскаго*. Изданіе 2-е. Москва 1894. Въ 12-ю д. л., 35 стр. Цѣна 5 коп.—допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Разказы изъ русской исторіи для сильнограмотныхъ людей и повторительныхъ отдѣленій воскресныхъ школъ. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 73 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки старшаго возраста низшихъ училищъ и младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было тщательно пересмотрѣно и исправлено.

— Книгу: „Успенско-Драндскій общежительный монастырь въ Абхазіи, на Кавказѣ, близъ гор. Сухума. Историко-археологическое описаніе. *Епископа Агаподора*. Ставрополь. 1894. Въ 8-ку, 58 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

Книгу: „*Михаилъ Наревскій*. Ручеекъ. Для школъ и народа. Изданіе 2-е. Москва. 1895. Въ 12-ю д. л., 337 стр. Цѣна не обозначена“—одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы 3-е изданіе было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета на 1-е и 2-е изданія.

— Книгу: „Съ дѣтками о птицахъ и животныхъ. Четырнадцать разказовъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. С.-Пб. 1895. Въ 8-ку, 101 стр. Цѣна 1 рубль“—допустить въ ученическія бібліотеки младшаго возраста женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Книга для чтенія въ школѣ и дома. Выпускъ 1-й. Начальная лѣтопись, житія преподобныхъ Автонія и Θεодосія Печерскихъ, первоучители славянскіе свв. Кириллъ и Меѳодій, и нѣсколько древне-русскихъ поученій. Съ обозначеніемъ удареній на словахъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Составила *Е. Де-Витте*.

Ковно. 1894. Въ 8-ку, 181 стр. Цѣна не обозначена—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было исправлено по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „*К. Ельницкій*. Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія. Изд. 2-е. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 96 стр. Цѣна 60 коп.“—допустить въ качествѣ учебника для учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „*Н. Я. Некрасовъ*. Послѣ азбуки. Первая книга для класснаго чтенія и письменныхъ упражненій. Первый годъ обученія. Изд. 4-е. С.-Пб. 1895. Въ 8-му, 54 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были изъ нея выпущены указанныя ученымъ комитетомъ статьи.

— Книгу: „*И. С. Штейнхауеръ*. Первые уроки географіи, примѣненныя къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Новое изданіе, окончательно переработанное. Напечатанное въ Варшавѣ, въ типографіи А. Гинса. Дозволено цензурою въ Варшавѣ 9-го мая 1894 г. (На обложкѣ и заглавной страницѣ значится: С.-Петербургъ. 1895). Въ 8-ку, 90 стр. Цѣна въ папкѣ 40 коп.“—одобрить къ употребленію въ инородческихъ школахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги она была исправлена по указаніямъ ученаго комитета.

— „Краткій курсъ географіи Россіи со свѣдѣніями изъ математической, физической и всеобщей географіи. Съ приложеніемъ карты Россіи. Составили *А. Ступель* и *Е. Гловъ*. Рига. 1895. Въ 8-ку, 85 стр. Цѣна 30 коп.“—одобрить къ употребленію въ народныхъ школахъ Рижскаго учебнаго округа.

— Брошюру: „Царь-Миротворецъ Александръ III, Императоръ Всероссійскій. Чтеніе для народа, съ 25 картинами. Составилъ поручикъ *Д. Н. Ломанъ*. Изд. 5-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1895. Въ 8-ку, 22 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку *А. Н. Бахметевой*: „Какъ Русь освободилась отъ татарскаго ига въ 1480 году. Изд. 4-е („Библиотечка Ступина“). М. 1894. Въ 16-ю д. л., 40 стр. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена по указаніямъ ученаго комитета.

— Изданная Харьковскимъ обществомъ распространенія въ народѣ грамотности книжки (Харьковъ. 1893. Въ 16-ю д. л., Цѣна не

обозначена): 1) „Сестра Катарина, — разказъ объ одной доброй англичанкѣ. *С. Р.* 30 стр.“; 2) „Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, — историческій разказъ. *Д. П. Миллера.* 46 стр.“; 3) „Южно-Уссурийскій край и переселенцы, — географическій очеркъ. *А. Новичкаю.* 63 стр.“, и 4) „В. А. Жуковскій. *Н. Ѳ. Сумцова.* Изданіе 2-е. Стр. 31“ — допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Изъ быта крестьянъ. Разказы для крестьянъ и для крестьянскихъ школь. Протоіерея *В. Владиславлева.* М. 1895. Въ 12-ю д. л., 334 стр. Цѣна 50 коп.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— „Бесѣды сельскаго священника со своими прихожанами по гигиенѣ. Священника *Евгенія Ландишева.* Екатеринбургъ. 1895. Выпускъ I, въ 8-ку, 48 стр. Цѣна 50 коп. — Выпускъ II, въ 8-ку, 31 стр. Цѣна 35 коп.“ — одобрить для учительскихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „*Дмитрій Личковъ.* Школьный хоръ. Русскія и латышскія народныя пѣсни. Классное пособіе при обученіи пѣнію, приспособленное для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Рига. 1895. Цѣна 40 коп.“ — допустить къ употребленію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Рижскаго учебнаго округа.

— „Русское пѣніе. Сборникъ гимновъ, русскихъ народныхъ и военныхъ пѣсенъ и отрывковъ изъ произведеній русскихъ композиторовъ. Для трехъ однородныхъ голосовъ. Составилъ *Л. Б. Гольдманъ.* С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 118 стр. Цѣна 1 р.“ — допустить къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи сборника была изъ него вынуждена церковная пѣснь.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Извлеченіе изъ временнаго положенія о состоящей при Императорской академіи наукъ постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.

1. Во исполненіе Высочайшаго указа, даннаго министру финансовъ въ 13-й день января 1895 года, при Императорской академіи наукъ учреждается постоянная комиссія для приѣма и разсмотрѣнія ходатайствъ нуждающихся ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, а

равно ихъ вдовъ и сиротъ, о производствѣ имъ денежныхъ пособій и пенсій и для выдачи таковыхъ какъ изъ суммы, ежегодно ассигнуемой на основаніи того же указа изъ средствъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ рублей, такъ и изъ частныхъ пожертвованій, которыя могутъ поступать въ Императорскую академію наукъ съ тою же цѣлью.

2. Въ составъ комиссіи входятъ: вице-президентъ и непремѣнный секретарь Императорской академіи наукъ, два изъ ея дѣйствительныхъ членовъ, избранные общимъ собраніемъ академіи срокомъ на два года, и два лица, приглашенные къ участию въ комиссіи президентомъ академіи изъ числа извѣстныхъ русскихъ писателей, срокомъ на одинъ годъ. Кромѣ того, общее собраніе академіи избираетъ изъ своей среды кандидата къ членамъ-академикамъ, срокомъ также на два года, а президентъ академіи приглашаетъ кандидата къ членамъ комиссіи изъ числа писателей, срокомъ на одинъ годъ. Кандидаты приглашаются въ совѣщанія комиссіи въ случаѣ отсутствія того или другаго изъ ея членовъ по болѣзни или другимъ причинамъ.

Примѣчаніе. По истеченіи перваго года существованія комиссіи одинъ изъ ея членовъ-академиковъ выбываетъ по жребію, а затѣмъ по очереди. Выбывшій членъ комиссіи изъ числа академиковъ не можетъ быть вновь выбранъ въ составъ ея ранѣе, чѣмъ черезъ годъ.

3. Вице-президентъ академіи исполняетъ обязанности предсѣдателя комиссіи и докладываетъ по ея дѣламъ президенту академіи. Непремѣнный секретарь академіи состоитъ товарищемъ предсѣдателя комиссіи и вступаетъ въ его права въ случаѣ его отсутствія. Если же въ совѣщаніи не могутъ присутствовать ни предсѣдатель комиссіи, ни его товарищъ, то въ ней предсѣдательствуютъ членъ-академикъ, старшій по службѣ въ академіи.

4. Комиссія можетъ, съ разрѣшенія президента академіи, приглашать въ свои совѣщанія, съ правомъ совѣщательнаго голоса, еще другихъ лицъ, преимущественно изъ числа русскихъ писателей, для полученія свѣдѣній по дѣламъ, требующимъ ближайшаго разъясненія.

5. По окончаніи каждаго совѣщанія комиссіи составляется протоколъ, который подписывается всѣми присутствовавшими на томъ совѣщаніи членами и представляется предсѣдателемъ на утвержденіе президента академіи. Утвержденные президентомъ постановленія комиссіи немедленно приводятся въ исполненіе.

6. Комиссія представляетъ президенту академіи въ концѣ гражданскаго года отчетъ, который прилагается къ ежегодному отчету Императорской академіи наукъ.

Комиссія начнетъ свои занятія послѣ 15-го мая сего года и будетъ помѣщаться на Васильевскомъ Островѣ, въ главномъ зданіи Академіи.

На подлинномъ собственною Его Высочества Президента Академіи Наукъ рукою написано:

„30 апрѣля 1895.“

„Утверждаю. КОНСТАНТИНЪ.“

Временныя правила для руководства состоящей при Императорской академіи наукъ постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.

1. Воспособленіи, выдаваемые состоящею при Императорской академіи наукъ постоянною комиссіей нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ силу Высочайшаго указа 13-го января 1895 года, могутъ быть двухъ родовъ: а) въ видѣ *пенсій* пожизненныхъ или назначаемыхъ до извѣстнаго срока, и б) въ видѣ *временныхъ пособій*.

2. Изъ пятидесяти тысячъ, ежегодно ассигнуемыхъ по финансовымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія въ распоряженіе Императорской академіи наукъ въ силу Высочайшаго указа 13-го января 1895 года, на пенсіи предназначается ежегодно около $\frac{3}{8}$ всей суммы, при чемъ однако комиссія въ первый годъ своихъ дѣйствій можетъ назначать пенсій лишь на сумму около $\frac{1}{4}$ ежегоднаго ассигнованія и за симъ въ теченіе шести лѣтъ постепенно увеличиваетъ размѣръ пенсіонной суммы въ приблизительно равныхъ доляхъ. Остающаяся въ каждомъ году за назначеніемъ пенсій часть Высочайше дарованнаго ассигнованія обращается на выдачу временныхъ пособій.

3. Могущіе оказаться къ 1-му января слѣдующаго за отчетнымъ года остатки отъ Высочайше дарованныхъ 50,000 руб. обращаются въ спеціальныя средства академіи исключительно на предметъ выдачи въ послѣдующіе годы указанныхъ въ § 2-мъ временныхъ пособій.

4. Суммы, могущія поступать въ Императорскую академію наукъ въ видѣ частныхъ пожертвованій для воспособленія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, расходуются комиссіей согласно волѣ жертвователей, если таковая ими указана; а если жертвователь не слѣдуетъ указанія о способахъ расходванія своего по-

жертвованія, то поступившая отъ него сумма зачисляется въ запасный капиталъ комиссіи.

5. Запасный капиталъ (§ 4-й) предназначается также на удовлетвореніе нуждъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ. Зачисляемыя въ запасный капиталъ суммы обращаются въ государственныя процентныя бумаги и хранятся въ государственномъ банкѣ, а нарастающіе на сей капиталъ проценты поступаютъ въ распоряженіе комиссіи на предметъ выдачи временныхъ пособій.

6. Право на воспособленіе, какъ въ видѣ пенсій, такъ и въ видѣ временныхъ пособій, принадлежитъ лицамъ, посвятившимъ свои дарованія и усиленные труды служенію Государю и Отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати. Ни пенсіи, ни временныя пособія не могутъ быть назначаемы: а) лицамъ, принимавшимъ въ наукѣ, литературѣ или повременной печати только случайное участіе; б) лицамъ, занимавшимся наукой или литературой, но ничего не печатавшимъ, и в) лицамъ, труды коихъ хотя и являлись въ печати, но не имѣютъ отношенія ни къ наукѣ, ни къ литературѣ, ни къ публицистикѣ.

7. Пенсіи могутъ быть назначаемы лишь такимъ лицамъ, которыя выдающимися дарованіями и долговременнымъ трудомъ на поприщахъ науки, литературы или повременной печати заслужили почетную извѣстность, если эти лица достигли преклонныхъ лѣтъ или впали въ болѣзненное состояніе и такимъ образомъ лишились возможности приобрѣтать себѣ средства къ существованію, и если при томъ не получаютъ пенсіи изъ казны или какихъ-либо другихъ источниковъ и находятся въ бѣдности.

8. Пенсіи могутъ быть также назначаемы вдовамъ и сиротамъ, оставшимся по смерти лицъ, которыхъ права опредѣлены выше въ §§ 6-мъ и 7-мъ, если эти вдовы и сироты не могутъ получать пенсіи изъ казны или какихъ-либо другихъ источниковъ и находятся въ бѣдности.

9. Пенсіи назначаются по усмотрѣнію комиссіи либо пожизненно, либо до перемѣны обстоятельствъ въ жизни пенсіонера. Пенсія вдовѣ прекращается въ случаѣ выхода ея замужъ, а пенсіи сиротамъ—по достиженіи ими совершеннолѣтія (21 года) или по окончаніи курса ученія. Незлѣчимо больнымъ и неспособнымъ къ личному труду сиротамъ литературныхъ дѣятелей пенсіи могутъ быть продолжаемы и послѣ достиженія совершеннолѣтія. Сироты, воспитывающіяся на казенный счетъ, пенсіи не получаютъ.

10. При каждомъ назначеніи пенсіи комиссія сама опредѣляетъ его условія. Кромѣ значенія трудовъ даннаго лица на поприщахъ науки, литературы или повременной печати, комиссія, при опредѣленіи размѣра пенсіи, принимаетъ также во вниманіе условія его жизни и семейное положеніе. Наибольшій размѣръ пенсіи не долженъ превышать: для семейнаго лица—1.200 р. въ годъ, а для холостаго—720 руб. въ годъ. Пенсія въ высшемъ размѣрѣ можетъ быть назначаемая лишь по единогласному рѣшенію комиссія въ полномъ ея составѣ при закрытой баллотировкѣ. Послѣ смерти пенсіонера пенсія бездѣтной вдовѣ назначается въ меньшемъ размѣрѣ, нежели вдовѣ съ дѣтьми; за вдовою, имѣющею трехъ или болѣе дѣтей, сохраняется пенсія ея покойнаго мужа, но ни въ какомъ случаѣ высшій размѣръ пенсіи, назначаемой семейству, не можетъ превышать пенсіи самаго покойнаго пенсіонера.

11. Временныя пособія могутъ быть назначаемы лицамъ, права коихъ опредѣлены выше въ § 6-мъ, а также оставшимся послѣ смерти таковыхъ лицъ вдовамъ, сиротамъ, престарѣлымъ родителямъ, ближайшимъ родственникамъ и воспитанникамъ, находившимся на попеченіи умершихъ. Полученіе этими лицами пенсіи изъ казны или изъ какихъ-либо другихъ источниковъ не можетъ служить препятствіемъ къ назначенію имъ временнаго пособия, если получаемая пенсія не превышаетъ 1.500 р. въ годъ. Временное пособіе лицамъ, получающимъ пенсію свыше 1.500 р. въ годъ, можетъ быть назначаемо лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по единогласному рѣшенію комиссія въ полномъ ея составѣ при закрытой баллотировкѣ.

12. Поводами къ назначенію временнаго пособия могутъ быть: продолжительная болѣзнь, прерывающая обычный ходъ занятій, коими нуждающееся лицо обезпечивало свое существованіе; случайная или внезапная утрата имущества или источниковъ заработка; воспитаніе дѣтей школьнаго возраста; вообще чрезвычайныя обстоятельства, нарушающія матеріальное обезпеченіе нуждающагося лица или вызывающія непредвидѣнные расходы; также смерть лица, имѣющаго право на пособіе, или одного изъ членовъ его семейства, и сопряженные съ нею расходы на погребеніе умершаго.

13. Размѣры временныхъ пособій комиссія опредѣляетъ на основаніи имѣющихся у нея свѣдѣній о матеріальномъ положеніи просителей и по соображенію съ общимъ состояніемъ находящихся въ ея распоряженіи средствъ. Назначенное пособіе можетъ быть выдаваемо не сразу, а въ теченіе года въ извѣстные сроки, по усмотрѣнію комиссія.

14. Предсѣдателю комиссіи предоставляется право, въ случаяхъ безотлагательной необходимости, выдавать временныя пособія въ размѣрѣ до 150 рублей ранѣе очереднаго совѣщанія комиссіи. Для сей цѣли въ распоряженіе предсѣдателя отпускается въ видѣ аванса изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи комиссіи, пятьсотъ рублей, которые хранятся въ казначействѣ академіи и расходуются по предписаніямъ предсѣдателя. О всякой таковой выдачѣ предсѣдатель докладываетъ комиссіи въ ближайшемъ ея совѣщаніи, а по израсходованіи всей выданной суммы получаетъ для той же цѣли новый авансъ.

15. Лицо, нуждающееся въ пенсіи или временномъ пособіи, обращается въ комиссію съ заявленіемъ, въ коемъ обстоятельно излагаетъ свое матеріальное положеніе, а также важнѣйшія данныя своей литературной дѣятельности, сопровождая по возможности эти свѣдѣнія удостовѣреніемъ отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія комиссіи. Поступившія заявленія рассматриваются въ ближайшемъ совѣщаніи комиссіи, и ея постановленія, по утвержденіи ихъ президентомъ академіи, доводятся безотлагательно до свѣдѣнія пресвитеровъ. Постановленія комиссіи, утвержденныя президентомъ, не подлежатъ пересмотру.

Примѣчаніе. Комиссіа можетъ принимать и отъ постороннихъ лицъ заявленія о бѣдственномъ положеніи того или другаго ученаго или литературнаго дѣателя и, по наведеніи надлежащихъ справокъ, принимать мѣры къ его облегченію.

16. Всѣ прошенія о пенсіяхъ и пособіяхъ изъ суммъ, предоставленныхъ Высочайшимъ указомъ 13-го января 1895 года въ распоряженіе Императорской академіи наукъ, а равно всѣ прилагаемые къ прошеніямъ документы и разрѣшительныя по нимъ бумаги освобождены, по Высочайшему повелѣнію 17-го марта 1895 года, отъ оплаты гербовымъ сборомъ.

17. Временныя пособія, назначаемыя комиссіей, выдаются безвозвратно; но еслибы кто изъ получившихъ такое пожелалъ возвратить его полностью или въ извѣстной долѣ, то поступленія такого рода принимаются какъ пожертвованія и зачисляются въ запасный капиталъ комиссіи (§§ 4 и 5).

— Отъ министерства народнаго просвѣщенія симъ объявляется, что, на основаніи постановленія совѣта по тарифнымъ дѣламъ, при проѣздѣ учащихся по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ III класса

предоставляются имъ слѣдующія скидки: на разстояніяхъ отъ 70 до 140 верстъ—50 вѣп., отъ 141 до 900 верстъ—1 руб., на разстояніяхъ же до 70 или свыше 900 верстъ никакихъ скидокъ не дѣлается.

Новый льготный тарифъ для проѣзда учащихся опубликованъ въ № 632 Сборника тарифовъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ 3-го мая 1895 года.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Варшавскаго учебнаго округа 15-го января текущаго года открыто Влоцлавское, Варшавской губерніи, трехклассное городское съ ремеслами училище.

— Начальствомъ Казанскаго учебнаго округа 26-го февраля текущаго года открыто Новоузенское, Самарской губерніи, городское трехклассное училище по положенію 31-го мая 1872 года, въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, при 26 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Рижскаго учебнаго округа, 9-го минувшаго марта открыто сельское училище министерства народнаго просвѣщенія при желѣзно-дорожной станціи „Валкъ“ для дѣтей служащихъ на Балтійской и Псково-Ряжской желѣзныхъ дорогахъ.

— По донесенію начальства Московскаго учебнаго округа, 15-го января сего года открытъ педагогическій музей Московской дирекціи народныхъ училищъ во временномъ его помѣщеніи, въ Солодовниковскомъ училищѣ.

СЕМНАДЦАТОЕ И ВОСЕМНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
УЧРЕЖДЕННЫХЪ
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, назначены были, по *разряду гимназій*, на 1895 годъ—1-я группа: „исторія и географія, всеобщая и русская, съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ примѣнительно къ потребностямъ русской школы (Влавыне, Византія)“; и 2-я группа: „математика, математическая географія и физика, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по математической географіи“. Для разсмотрѣнія поступившихъ въ ученый комитетъ конкурсныхъ сочиненій какъ по первой, такъ и по второй группѣ, при основномъ отдѣлѣ комитета образованы были двѣ особыя комиссіи, подъ предсѣдательствомъ членовъ комитета В. Г. Васильевскаго и А. Д. Путьты. Въ составъ комиссіи по группѣ „исторія и географія“ избраны были: членъ ученаго комитета С. О. Платоновъ, профессоръ Императорскаго Историко-Филологическаго института Г. В. Форстенъ и наставникъ-руководитель гимназій при томъ же институтѣ М. А. Андреяновъ. Въ составъ комиссіи по группѣ „математика и физика“ вошли члены ученаго комитета О. Д. Хвольсонъ и Н. И. Билибинъ, профессоръ

С.-Петербургскаго университета И. И. Боргманъ, привать-доцентъ того же университета Д. Ф. Селивановъ и профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба генераль-маіоръ Н. Я. Цингеръ. Первая изъ названныхъ комиссій обратила вниманіе на рукопись, содержащую въ четырехъ отдѣлахъ 84 статьи подъ общимъ заглавіемъ: „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Составлена кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова“. Рукопись эта, по отзыву комиссіи, отличаясь большими достоинствами, принадлежитъ къ тому именно роду учебныхъ пособій, за которымъ ученый комитетъ предполагалъ признать предпочтительное право на премію и потому заслуживаетъ награжденіе большою премію Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія комиссіи изложены въ подробной рецензіи. Вторая комиссія, по обсужденію рецензій своихъ членовъ пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: I. Двѣнадцатое (посмертное) изданіе „Учебника физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, К. Д. Краевича“, подъ редакцію и съ измѣненіями А. Ефимова, представляетъ существенное улучшеніе предыдущихъ изданій этого весьма извѣстнаго учебника; остающіеся еще въ немъ нѣкоторые неточности и недосмотры, указанные въ рецензіи, не умаляютъ его достоинствъ, а потому книга эта, какъ лучший изъ появившихся въ послѣдніе годы въ Россіи учебниковъ физики, относительно ясности изложенія, цѣлесообразности распредѣленія матеріала, близко подходящаго къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также относительно правильности большинства опредѣленій, заслуживаетъ присужденія большой преміи Императора Петра Великаго. II. Рукопись: „Математическая географія для среднихъ учебныхъ заведеній“ К. Шарнгорста можетъ быть названа превосходнымъ элементарнымъ изложеніемъ математической географіи. Значеніе ея достоинствъ весьма усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашей учебной литературѣ нѣтъ въ настоящее время ни одного сочиненія по математической географіи, которое выдерживало бы строгую научную критику и могло бы служить удовлетворительнымъ руководствомъ для гимназій и реальныхъ училищъ. Обширность объема и богатство содержанія рукописи не соотвѣтствуютъ малому времени, предназначенному на изученіе математической географіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности въ гимназіяхъ; но несоотвѣтствіе это можетъ быть въ значительной степени уменьшено, если авторъ, при изданіи этой рукописи, сдѣлаетъ тѣ сокращенія и измѣненія, которыя указаны въ рецензіи

и отмѣчены на поляхъ рукописи. Весьма желательно, чтобы были исправлены также шероховатости слога; чертежи должны быть помѣщены не въ концѣ книги, а въ текстѣ. При обсужденіи достоинствъ этого сочиненія, комиссія приняла въ соображеніе, что оно есть сокращенное видоизмѣненіе прежняго сочиненія того же автора, которое во второмъ изданіи (1893 г.) имѣетъ заглавіе: „Введеніе въ астрономію“ и можетъ служить превосходнымъ пособіемъ для преподавателя, а потому признала оба эти сочиненія К. Шарьгорста заслуживающими въ совокупности присужденія большой преміи Императора Петра Великаго. III. При обсужденіи достоинствъ книги: „Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе и Сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. И. Александрова. Изданіе 5-е. 1894“, комиссія приняла во вниманіе улучшение авторомъ этой книги съ каждымъ ея новымъ изданіемъ и признала это, пятое, изданіе, по удачному выбору примѣровъ и по ясности изложенія методовъ рѣшенія задачъ на построеніе, заслуживающимъ малой преміи Императора Петра Великаго.

Ученый комитетъ, обсудивъ представленныя комиссіями подробныя рецензіи о рассмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, съ общими о нихъ заключеніями, опредѣлялъ:

1) За рукопись подъ заглавіемъ: „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей, подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова“, присудить профессору Виноградову большую (въ 2.000 рублей) премію Императора Петра Великаго. оставшуюся отъ минувшаго года не выданною, при чемъ сообщить, чтобы при изданіи этой рукописи было обращено вниманіе на сдѣланныя о ней замѣчанія.

2) За XII изданіе „Учебника физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. К. Д. Краевича, подъ редакціей и съ измѣненіями А. Ефимова. С.-Пб. 1895“, присудить вдовѣ К. Д. Краевича большую (въ 2.000 рублей) премію Императора Петра Великаго.

3) Заслуженному профессору Николаевской академіи генеральнаго штаба К. Шарьгорсту за сочиненія: „Математическая географія для среднихъ учебныхъ заведеній“ (рукопись) и „Введеніе въ астрономію. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1893“, присудить большую (въ 2.000 рублей) премію Императора Петра Великаго.

4) Преподавателю Тамбовской гимназіи И. Александрову за „Методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе и Сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Изданіе

5-е. Москва. 1894*, присудить малую (въ 500 рублей) премию Императора Петра Великаго.

5) Прочія сочиненія, представленныя на сей разъ для соисканія премій, отъ присужденія премій устранить.

6) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей комиссій В. Г. Васильевскаго и А. Д. Путьты, и членовъ: С. О. Платонова, Г. В. Форстена, М. А. Андреянова, О. Д. Хвольсона, Н. И. Билибина, И. И. Боргмана, Д. О. Селиванова, и Н. Я. Цингера, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе ученаго комитета было представлено на благоусмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія и его сїятельствомъ утверждено.

Разборъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго въ 1895 году.

I.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей, подъ редакціей профессора *П. Г. Виноградова*.

Первый вопросъ, который предлежало рѣшить комиссіи, заключался въ томъ, соответствуетъ ли представленный сборникъ статей условіямъ предложенной задачи. Въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ виду слѣдующее: въ объявленіи о конкурсѣ было выражено только общее желаніе, чтобы составлена была книга для чтенія по средней исторіи примѣнительно къ потребностямъ русской школы, причѣмъ для объясненія того, какія специально русскія потребности имѣлись въ виду, въ скобкахъ указано было на Византію и славянъ, какъ на такіе отдѣлы, которые должны, вопреки укоренившемуся обычаю, обратитъ на себя особое вниманіе. Отъ всякихъ дальнѣйшихъ болѣ частныхъ указаній и требованій ученый комитетъ не безъ сознательнаго намѣренія воздержался, не желая стѣснять свободы соискателей. Задача могла быть понята двоякимъ образомъ. Можно было имѣть въ виду учебное пособіе, тѣсно примыкающее къ курсу именно того класса, въ которомъ преподается средняя исторія (то-есть, V-го), или же вообще имѣть въ виду потребности историческаго образова-

нія учениковъ старшихъ классовъ, такъ какъ вполне естественно желать, чтобы разъ приобретенныя въ младшемъ классѣ по необходимости элементарныя познанія расширялись и углублялись въ слѣдующихъ высшихъ посредствомъ повторенія, посредствомъ домашняго чтенія, посредствомъ сочиненій на заданныя темы. Тотъ и другой способъ исполненія задачи представлялъ свои выгоды и невыгоды, свои трудности и неудобства, и было бы въ высшей степени затруднительно заранѣе и а priori рѣшать, что удобнѣе исполнимѣе и даже, что полезнѣе. При выборѣ перваго способа естественно было бы ожидать цѣльнаго и связнаго изложенія всего теченія средневѣковой исторіи— хотя бы и съ обращеніемъ особаго вниманія на выдающіеся пункты и событія: но тогда за дѣло долженъ былъ бы взяться единичный авторъ, обладающій столько же всестороннимъ и глубокимъ знаніемъ столь обширнаго и разносторонняго предмета, какъ средневѣковая исторія Запада и Востока, сколько высокимъ литературнымъ талантомъ, а сверхъ того, пожалуй, и педагогическою опытностью. При ограниченномъ срокѣ времени, на который назначено было соисканіе премій, нельзя было надѣяться на это. Скорѣе возможенъ былъ подборъ специалистовъ по разнымъ отдѣламъ средневѣковой исторіи, а тогда поневолѣ приходилось бы обратиться къ иному способу составленія, а, соотвѣтственно этому, къ иному способу пониманія задачи, болѣе подходящему. Если бы задача была понята вторымъ способомъ, то все-таки не исключалось бы отчасти непосредственное, а главнымъ образомъ посредственное, вліяніе книги и при начальномъ прохожденіи курса средней исторіи, такъ какъ въ книгѣ или сборникѣ, назначенномъ вообще для старшаго возраста, могли бы найтись статьи, доступныя для чтенія извѣстнаго количества и учениковъ V-го класса, въ цѣломъ или же въ отрывкахъ; особенно же эти статьи могли послужить подспорьемъ и руководствомъ для самого преподавателя, давая ему готовый матеріалъ для разказа и для дополненій. Проф. П. Г. Виноградовъ, подъ руководствомъ котораго составленъ представленный сборникъ статей, понималъ свою задачу именно вторымъ способомъ. Въ своей объяснительной запискѣ къ сборнику онъ говоритъ между прочимъ: „Ученикъ не только учитъ, но слушаетъ и читаетъ: учебникъ даетъ основныя и обязательныя свѣдѣнія, хрестоматія должна быть пособіемъ для дополнительной работы, то-есть, для разказа преподавателей и чтенія учениковъ. Такая постановка задачи предполагаетъ разнообразіе матеріала: нѣкоторыя главы будутъ, можетъ быть прочтены въ классѣ, другія ука-

заны для чтенія внѣ класса, третьи послужать пособіемъ при устномъ разказѣ преподавателя: въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспользуется статьями весь классъ, въ другихъ—лучшіе ученики; примѣнительно къ инымъ статьямъ могутъ быть поставлены темы для сочиненій“.

Далѣе самый приемъ исполненія такъ или иначе понятой задачи можетъ быть въ свою очередь не одинаковъ. О хрестоматин, составленной посредствомъ извлеченій изъ памятниковъ и первоначальныхъ источниковъ, ученый комитетъ не думалъ, хотя и сознавалъ, что при подборѣ такого рода статей для читателей будетъ отчасти сохранено впечатлѣніе свѣжести и непосредственности, которое даютъ источники. Попытка такого рода хрестоматин уже существуетъ въ русской исторической литературѣ, но опытъ показалъ малую ея доступность для средней школы. Да и крайне трудно было бы сдѣлать надлежащій сколько-нибудь равномерный подборъ не слишкомъ большихъ отрывковъ изъ источниковъ для всѣхъ отдѣловъ средневѣковой исторіи, не говоря о затрудненіяхъ, возникающихъ изъ необходимости многочисленныхъ поясненій и оговорокъ, безъ которыхъ источники въ большинствѣ случаевъ останутся недоступными для учащейся молодежи. Ученый комитетъ полагалъ, что самымъ выраженіемъ: „книга для чтенія“ исключается возможность такого способа исполненія задачи. Въ этомъ отношеніи взглядъ московскаго кружка преподавателей вполне сходится съ мнѣніемъ ученаго комитета. Правда, въ сборникѣ есть двѣ-три статьи, подходящія къ означенному типу, но это—исключеніе, не измѣняющее общаго характера сборника и по крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ находящее себѣ полное оправданіе („Паннонскія житія“).

Было бы, конечно, всего лучше, если бы составитель, или составители нашия возможнымъ составить для сборника рядъ болѣе или менѣе оригинальныхъ статей, основанныхъ на самостоятельномъ изученіи предмета—по существующимъ лучшимъ спеціальнымъ сочиненіямъ столь богатой иностранной литературы, при знакомствѣ съ самыми источниками. Такія статьи есть въ сборникѣ, и даже въ значительномъ количествѣ; большая часть ихъ не только совершенно удовлетворительна, но составляетъ прямо украшеніе сборника. За то онѣ и принадлежатъ лицамъ, занимающимъ видное положеніе въ ученой литературѣ, имена которыхъ у насъ на перечетъ. Къ сожалѣнію, оказалось невозможнымъ составить такого рода подборъ статей и пришлось прибѣгнуть къ компиціямъ, что само по себѣ еще не представляло особенной бѣды; но при этомъ предстояли опасности.

очень ясно сознаваемая руководителем дѣла проф. П. Г. Виноградовымъ, который на нихъ прямо и указываетъ въ своей объяснительной запискѣ (стр. 2). Простое извлеченіе и сопоставленіе отрывковъ изъ ученыхъ сочиненій не всегда было бы пригодно для сборника; приходилось бы во многихъ случаяхъ помѣщать статьи слишкомъ распространенныя или мало доступныя по изложенію, а въ иныхъ случаяхъ и вовсе не находилось бы въ ученыхъ сочиненіяхъ подходящихъ статей. Имѣя въ виду эти неудобства, составители сборника считали болѣе полезнымъ вмѣсто извлеченій изъ ученыхъ пособій давать переработку ихъ. Держась иногда очень близко къ тексту того или другаго пособия, въ общемъ авторы компилятивныхъ статей постоянно имѣли въ виду свой кругъ читателей и перерабатывали матеріалъ сообразно съ его потребностями и особенностями. Разумѣется, весь вопросъ заключается въ томъ, какъ составлены компиляции: дѣйствительно ли онѣ переработаны на столько, чтобы могли считаться специально приспособленными для чтенія учениковъ старшихъ классовъ, а не для однихъ только учителей. Почтенный руководитель, очевидно, полагаетъ, что задача въ этомъ отношеніи вполне достигнута, но едва ли тутъ можно будетъ вполне согласиться. Есть довольно много прекрасно составленныхъ компилятивныхъ статей, но далеко не всѣ приурочены къ непосредственнымъ потребностямъ учениковъ хотя бы и старшихъ классовъ.

Переходимъ теперь къ ближайшей характеристикѣ наличнаго содержанія сборника.

Сборникъ распадается на четыре отдѣла подъ слѣдующими рубриками: Отдѣлъ первый: Образование средневѣковаго міра; Отдѣлъ второй: Феодалная эпоха; Отдѣлъ третій: Образование государствъ новой Европы; Отдѣлъ четвертый: Возрожденіе. Противъ такого общаго обозначенія программы могли бы быть сдѣланы возраженія съ точки зрѣнія соотвѣтствія принятой у насъ примѣрной программы, но такъ какъ и вообще сборникъ не рассчитанъ на одинъ V-й классъ, въ которомъ проходитъ средняя исторія, то эти возраженія не имѣли бы существеннаго значенія.

Въ этихъ четырехъ отдѣлахъ заключается 84 статьи. Если принимать во вниманіе количество часовъ, удѣляемыхъ на прохожденіе средневѣковой исторіи въ одномъ (пятомъ) классѣ гимназій, то такая цифра статей—притомъ часто отличающихся обширными раздѣлами—превышаетъ, конечно, всякую возможную мѣру потребностей; да и во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь выборъ чрезвычайно об-

ширный и богатый. Можно даже говорить объ излишествѣ, тѣмъ болѣе что съ другой стороны все-таки ощущаются пробѣлы, не оправдаваемые общимъ планомъ и законными ограниченіями, которыя поставили себѣ составители, или же ихъ руководитель. Немыслимо было съ одинаковою подробностью касаться всѣхъ частей средневѣковой исторіи, такъ какъ при такомъ изложеніи получился бы если не распространенный нѣсколько учебникъ, то многотомная библиотека; цѣлесообразнѣе было выбрать наиболѣе характерныя явленія и личности и о нихъ сказать подробнѣе и опустить остальное. Но если нашлось мѣсто для отдѣльной статьи о Цезаріѣ Гейстербахскомъ, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы найти мѣсто для какой-либо статьи по общей исторіи Германіи въ XIV вѣкѣ, напримѣръ, о Карлѣ IV, представителѣ столь важной эпохи въ политическомъ и умственномъ развитіи страны и народа; въ случаѣ нужды можно было бы пожертвовать первою для второй. Не было также достаточнаго основанія сосредоточивать свѣдѣнія о Ганзѣ и вообще о городскихъ союзахъ въ Германіи вокругъ личности датскаго короля Вальдемара и вокругъ эпизода борьбы его съ Ганзейскимъ союзомъ за преобладаніе на Балтійскомъ морѣ. Благодаря этому статья приняла слишкомъ спеціальныи и сухой характеръ, тогда какъ общій очеркъ, составленный отчасти по русскимъ сочиненіямъ (проф. Фортинскаго и Форстена) или же по статьѣ Шефера (Schaefer), имѣющей отчасти популярный характеръ, могъ бы выйти и гораздо живѣе и гораздо поучительнѣе. Желательно было бы встрѣтить, помимо частныхъ статей о дѣятеляхъ Возрожденія, общій вводный очеркъ о смыслѣ и о значеніи всего движенія.

Мы упомянули о статьяхъ, представляющихъ прямую передачу источниковъ. Ихъ всего двѣ: одна заключаетъ въ себѣ нарочно приготовленный переводъ на русскій языкъ, съ объяснительными примѣчаніями ввиду страницъ Паннонскихъ житій—главнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго источника для исторіи просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меводія. Въ виду первостепеннаго достоинства этихъ произведеній именно для русской школы мы не только не возстаемъ противъ помѣщенія обоихъ памятниковъ цѣликомъ, несмотря на ихъ обширность, но даже считаемъ ихъ украшеніемъ сборника. Не можемъ столь же безусловно одобрить помѣщеніе также цѣликомъ перевода исландской саги „Гюнлѣйгъ—Змѣяный языкъ“, хотя и понимаемъ отчасти мотивы ея помѣщенія, но и не можемъ отнестись иначе, какъ съ похвалою, о точности перевода, сдѣланнаго впервые для сборника

г. Щепкинымъ. Сверхъ того, въ двухъ статьяхъ представлены извлечения, съ объяснительными введеніями, изъ „варварскихъ Правдъ“ и капитуляріевъ Карла Великаго. Въ обширномъ введеніи къ статьѣ о Правдахъ (№ 8) авторъ даетъ понятіе о „варварскихъ Правдахъ“, объ устройствѣ суда и судопроизводства у германскихъ варваровъ, а затѣмъ предлагаетъ выдержки изъ постановленій различныхъ Правдъ, расположенныя по содержанію (взысканія за убійство, за нанесеніе вреда здоровью, за оскорбленіе чести и т. д.) и такимъ образомъ знакомить съ характерными особенностями этихъ варварскихъ законовъ, составлявшихъ первые шаги новыхъ народовъ въ дѣлѣ развитія ихъ законодательства. Извлечения изъ капитуляріевъ Карла Великаго сами по себѣ не обширны и если возбуждаютъ легкія сомнѣнія, то скорѣе изложеніемъ сопровождающихъ объяснительныхъ введеній. Конечно, можно было бы въ соотвѣтствіе только что указаннымъ статьямъ вызвать въ памяти и другіе источники соотвѣтствующаго значенія; но, не возставая противъ того, что есть, мы отказываемся еще далѣе расширять требованія по тѣмъ общимъ основаніямъ, какія приведены выше.

Образцовъ сжатости, или, по крайней мѣрѣ, похвальной умѣренности въ соблюденіи размѣровъ слѣдуетъ искать въ оригинальныхъ статьяхъ, обличающихъ полное обладаніе предметомъ и самостоятельное изученіе. Въ этомъ отношеніи едва ли не на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить статью объ Альфредѣ Великомъ (№ 19), представляющую, несмотря на краткость, прекрасную характеристику и данной эпохи, и самаго лица. Она написана съ теплотою. Къ оригинальнымъ же статьямъ, хорошо и доступно написаннымъ, слѣдуетъ отнести статью объ Аларихѣ (№ 6), представляющую въ то же время общую характеристику эпохи переселенія народовъ. Подобно предыдущей она можетъ быть съ удовольствіемъ прочитана дѣлкомъ (или по крайней мѣрѣ частями) и учениками V-го класса. Затѣмъ выдаются статьи г. Милюкова (о расселеніи, древнейшемъ бытѣ и религіи славянъ), стлечающіяся строгою научностью и обдуманностью и тѣмъ не менѣе не превосходящія предѣловъ гимназической общедоступности; далѣе—статьи проф. М. И. Соколова о Стефанѣ Душанѣ и о болгарской письменности; статьи о Симеонѣ Болгарскомъ, объ иконоборствѣ; статья г. Гершензона о Петраркѣ, живо и тепло написанная; статья г. Кедрова о крестьянахъ, статьи г. Шамонова о первомъ крестовомъ походѣ и др. Есть въ сборникѣ статья, основанная даже на *неизданныхъ* документахъ, хранящихся въ Лондонѣ,

и на тщательномъ изученіи средневѣковыхъ англійскихъ хроникъ. Она посвящена интересному въ англійской исторіи XIV вѣка эпизоду возстанія Уота Тайлера. Вопреки ожиданію, авторъ (г. Петрушевскій), большой знатокъ соціальной и экономической исторіи Англии и дѣйствительно обладающій специальными познаніями въ этой области, совсѣмъ уклонился отъ разъясненія коренныхъ причинъ крестьянскаго движенія. Не желая щеголять глубиною своей эрудиціи и слишкомъ расширять статью, онъ рѣшился на нѣсколько несвойственную ему попытку художественнаго разказа, но этой своей цѣли достигъ не вполне, хотя и началъ разказъ прямо съ 1380 года. Свойственная ученому изслѣдователю тяжеловѣсность все-таки чувствуется и даетъ себя знать совсѣмъ излишними ссылками на современные хроники. Послѣ нѣкотораго пересмотра и улучшеній стилистическихъ это будетъ одна изъ очень хорошихъ статей.

На границѣ между самостоятельной обработкою и компиляціей стоятъ статьи г. Любавскаго по польской исторіи („Нѣмецкая колонизація и новосельское и городское устройство въ Польшѣ“ „Казиміръ Великій“, „Нешавскіе статуты Казиміра Ягеллончика“). въ своемъ родѣ прекрасныя и въ высшей степени назидательныя, особенно для преподавателей, но уже страдающія нѣкоторыми длиннотами (особенно, въ первой половинѣ статья о Казимірѣ Великомъ).

Феодализму посвящена статья (проф. Виноградова), обозначенная въ оглавленіи „Происхожденіе феодализма“. а въ заглавіи самой статьи—„Подготовка феодализма“ Последнее заглавіе къ сожалѣнію, точнѣе, потому что статья ограничивается собственно разъясненіемъ зародышей и аналогій феодализма въ римскій императорскій періодъ. Статья—сама по себѣ и оригинальная, и прекрасная, хотя по необходимости довольно отвлеченная; но она не даетъ полнаго представленія объ историческомъ дальнѣйшемъ ходѣ процесса. Продолженія мы должны искать въ другихъ статьяхъ, посвященныхъ изученію общихъ основныхъ явленій средневѣковой западной исторіи: феодализма, рыцарства, городского движенія; но здѣсь уже начинаются компиляціи и притомъ неодинаковаго достоинства. Въ литературномъ отношеніи высокими достоинствами отличаются статьи г. Щепкина: „Феодъ и сеньорія“ и „Рыцарство“. Первая изъ нихъ въ главной своей части представляетъ извлеченіе изъ наилучшаго и новѣйшаго сочиненія по исторіи французскихъ государственныхъ учрежденій (*Luchaire, Manuel des institutions françaises. Paris. 1892*); но такъ какъ соответствующіе отдѣлы представляютъ фео-

дализмъ французскій уже въ сложившемся окончательно видѣ—только съ побочными обрашеніями къ исторіи его происхожденія и развитія, — то все-таки оказывается пробѣлъ между подготовкою феодализма и его полнымъ проявленіемъ въ совершенно развитомъ видѣ. Кромѣ того, какъ это естественно при компилированіи, составитель увлекся достоинствами подлинника: ясностью, точностью и красотою его изложенія, и вдался въ такія подробности, которыя даже въ подлинникѣ помѣщаются внизу страницы въ примѣчаніяхъ. Но сама по себѣ это очень хорошая статья. Тоже самое мы можемъ сказать о статьѣ, посвященной рыцарству и составленной главнымъ образомъ по книгѣ Gautier (*La chevalerie*) съ дополненіями по Шульцу (*Das hōfische Leben*), и т. д. Статья — въ высшей степени богатая содержаніемъ (тутъ дается понятіе и о происхожденіи рыцарской поэзіи, и о содержаніи французской *chansons de geste*, и о замкахъ, и о способѣ веденія средневѣковой войны), въ отношеніи литературномъ изложенная также хорошо, какъ и первая, но опять отчасти пугающая своими размѣрами. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о статьѣ „Іерусалимское королевство“, принадлежащей тому же перу, какъ и предшествовавшія двѣ. Она дополняетъ главу о феодализмѣ, такъ какъ именно на Востокѣ въ Палестинѣ, какъ колоніи, нашлась искусственно созданная среда, особенно благоприятная для кристаллизаціи феодальнаго строя. Излагая по ассизамъ главныя черты принесенныхъ сюда съ Запада порядковъ, статья получаетъ такимъ образомъ общее значеніе. Но подробныя сообщенія о самомъ происхожденіи памятника, представляя чисто ученый интересъ, едва ли не излишни въ книгѣ, назначенной для среднихъ учебныхъ заведеній, если не имѣть въ виду самихъ преподавателей. Прибавимъ, что впечатлѣніе производимое вышнимъ объемомъ рукописи, содержащей эту статью, все-таки нѣсколько смягчается ближайшимъ знакомствомъ съ ея содержаніемъ: здѣсь же находится исторія духовно-рыцарскихъ орденовъ, въ частности Храмовниковъ, доведенная до уничтоженія ордена при Филиппѣ IV. Известная въ общихъ чертахъ драматическая исторія здѣсь подробно изложена по Прутцу (другія новѣйшія изслѣдованія, кажется, не приняты въ расчетъ).

Исторія городовъ и городского быта находитъ свое выраженіе въ статьяхъ, изъ коихъ первое мѣсто по объему и значенію принадлежитъ статьѣ г. Моравскаго „Французскіе города въ средніе вѣка“ (№ 51). Въ началѣ она показалась намъ нѣсколько запутанною: авторъ нѣсколько разъ обращается то назадъ, то впередъ, не разли-

чая отчетливо эпохъ и періодовъ, а затѣмъ останавливается главнымъ образомъ на *коммунахъ*, что не соответствуетъ теперешнему состоянію науки. Онъ пользовался сочиненіемъ Luchaire'a, но именно болѣе раннимъ (*Les communes françaises*), а между тѣмъ ему лучше было бы обратиться либо къ тому же „*Manuel des institutions françaises par A. Luchaire. Paris. 1892*“, которымъ руководился авторъ статья о феодѣ и сеньоріи, или же къ изложенію этого вопроса въ изданіи „*Histoire générale du IV siècle à nos jours, publiée par Lavisse et Rambaud*“, гдѣ статья объ эмансипаціи городовъ (*Émancipation des villes: Les communes et bourgeoisie*) принадлежитъ такому специалисту и знатоку, какъ Жири (*Giry et Reville*). Можно даже сказать, что гораздо лучшее изложеніе вопроса можно было бы найти въ аналогическомъ французскомъ школьномъ изданіи „*Lectures historiques*“ Ланглуа, появившемся и въ русскомъ переводѣ. Двѣ другія статьи: „*Ломбардскіе города*“ (№ 28) и „*Кельнъ*“ (№ 60), не лишены достоинствъ. Въ статьѣ „*Ломбардскіе города въ XII вѣкѣ*“ на происхожденіи городской свободы авторъ, г. Рашковъ, почти не останавливается и не разъясняетъ, какъ собственно она могла развиваться подъ сѣнью епископской власти; главнымъ содержаніемъ служить борьба Ломбардской лиги съ Фридрихомъ Барбаруссою, и этотъ эпизодъ изложенъ (по общедоступнымъ пособіямъ) очень живо и весьма доступно. Статья о Кельнѣ нуждается въ сокращеніи. Въ ней прекрасно сдѣланъ очеркъ постепеннаго развитія городского самоуправления, живо охарактеризованъ конфликтъ города съ архіепископомъ Кельна. Жаль, что говоря о союзѣ Кельна съ Майнцемъ, Вормсомъ и другими городами, входившими въ составъ Рейнскаго союза, авторъ не останавливается на значеніи этого факта, какъ и вообще другихъ подобныхъ (Швабскій, Ганзейскій союзы) въ исторіи Германіи XIII вѣка. Если въ статьѣ будутъ сдѣланы нѣкоторыя сокращенія, она явится прекраснымъ очеркомъ развитія городской автономіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

Къ общимъ явленіямъ средневѣковой исторіи мы можемъ причислить исламизмъ въ главныхъ чертахъ его происхожденія и развитія. На долю его достались четыре статьи—пополамъ удачныя и неудачныя. Къ удачнымъ слѣдуетъ отнести статью объ арабахъ въ Испаніи (г. Аммона, № 56), очень искусно составленную по классической книгѣ Дози (*Dozu*). За исключеніемъ начальныхъ страницъ, требующихъ пересмотра и поправокъ, можетъ считаться удовлетворительною и статья г. Кизеветтера объ Абассидахъ (№ 13), хотя въ на-

стоящее время специалисты скажутъ, что вообще Кремеромъ увлекаться опасно, и усердѣе станутъ рекомендовать прекрасный трудъ Мюллера, кстати появившійся на дняхъ и въ русскомъ переводѣ. Что же касается статей „Мохаммедъ“ (№ 12) и „Исламскія секты“ (№ 47), то ихъ прямо слѣдуетъ признать неудовлетворительными. Въ разрѣзъ съ предшествовавшими наблюденіями о превосходствѣ статей оригинальныхъ надъ компилятивными, здѣсь автору повредили какъ будто излишняя самонадѣянность и стремленіе къ самобытности, простирающіяся даже до того, что онъ даетъ собственные переводы съ персидскаго и арабскаго, правда, не высокаго качества и безъ разборчиваго выбора и различенія позднѣйшаго отъ первоначальнаго, несравненно болѣе подходящаго къ дѣлу. Заменить эти статьи послѣ появленія книги Мюллера („Islam“) на русскомъ языкѣ не представляетъ ни малѣйшей трудности.

Исторія антипапской оппозиціи со времени великаго раскола и до закрытія базельскаго собора очень обстоятельно рассмотрѣна въ статьяхъ: „Марсилій Падуанскій и Вильгельмъ Оккамъ (№ 70)“, „Джонъ Виклифъ (№ 71)“, „Іоаннъ Гусъ (№ 72)“, „Гуситы и Чешскіе братья“ (№ 73) и „Базельскій соборъ (№ 74)“. Достаточно выяснены какъ причины оппозиціи, такъ и результаты ея, хотя нельзя не пожалѣть, что въ разныхъ статьяхъ встрѣчается повтореніе одного и того же. Что касается до статьи о Марсиліѣ и Оккамѣ, то въ ней не указаны пособія, которыми авторъ пользовался. Статью, однако, слѣдуетъ признать вполне удавшеюся, въ особенности въ виду отсутствія въ литературѣ сколько-нибудь обстоятельныхъ и хорошихъ монографій по этому вопросу. Можно было бы только ярче очертить Людовика Баварскаго, ставшаго въ оппозицію къ папамъ, отмѣтить національную сторону начавшагося конфликта и, наконецъ, указать на связь его съ предшествовавшими столкновеніями Германіи и Рима со времени Рудольфа I. Съ большимъ трудомъ учащіяся усвоятъ статью о Виклифѣ: во первыхъ, она слишкомъ обширна и детальна, затѣмъ—транскрипція собственныхъ именъ слишкомъ спутана стремленіемъ автора какъ можно ближе воспроизводить англійское произношеніе; наконецъ, нѣтъ яснаго плана: біографія смѣшивается съ изложеніемъ литературной дѣятельности. Между тѣмъ трудъ Лехлера, которымъ пользовался авторъ, могъ бы послужить ему прекраснымъ образцомъ ясности и выразительности изложенія. Много удачнѣе слѣдуетъ признать статью о Іоаннѣ Гусѣ, хотя авторъ не принялъ въ расчетъ всей литературы о Гусѣ, не познако-

мился съ разнообразными взглядами на „чешскаго реформатора“. Такъ, сочиненіе Бецольда автору неизвѣстно, или же онъ игнорировалъ любопытный взглядъ этого ученаго на гуситство, какъ на явленіе вполне самостоятельное, возникшее помимо вліянія Англии и Виклифа. Среди пособій пропущенъ и очень хорошій трудъ о Гусѣ французскаго ученаго *Denis „Huss et les Hussites“*.

Статью очень оживили бы выдержки изъ писемъ и сочиненій Гуса. Недостаточно выясняетъ авторъ и причины разногласія Гуса съ представителями Парижской Сорбонны, также стремившейся къ реформѣ церкви. Можно-ли, наконецъ, называть Гуса „реформаторомъ“, какъ Лютера, Цвингли и т. п. Статья о Базельскомъ соборѣ во введеніи заключаетъ мысли, уже развитыя въ статьяхъ о Виклифѣ и Гусѣ. Указавъ во введеніи на причины упадка папства, авторъ затѣмъ переходитъ къ попыткамъ реформъ, не отбѣнивъ достаточно ярко возникновеніе въ католическомъ мірѣ двухъ воззрѣній: одного—отстаивающаго конституціонный строй церкви, другого—стоявшаго за сохраненіе самодержавія папъ. Изъ этой статьи читатели вынесутъ преувеличенное представленіе о нравственномъ растлѣніи католической церкви, какъ будто въ ней не было уже ничего здраваго; авторъ слишкомъ сгустилъ краски, потому что бралъ матеріалъ изъ сочиненій, настроенныхъ не въ пользу церкви. Едва-ли, далѣе, удобно въ книгѣ, предназначенной для средней школы, такъ подробно изображать нарушеніе celibата, конкубинатъ и т. п. Пособія къ этой статьѣ не указаны. Авторъ статьи о гуситахъ пользуется исключительно старыми пособіями, не зная новѣйшихъ (Бецольда и др.), что составляетъ большой пробѣлъ. Хорошо, что авторъ со вниманіемъ остановился на Хельчицкомъ, и жаль, что европейское значеніе гуситскихъ войнъ не отмѣчено. Несмотря, однако, на нѣкоторые недочеты, всѣ статьи, посвященныя антипапскому движенію, заслуживаютъ одобренія и могутъ быть отнесены къ удачнымъ.

Схоластикъ и средневѣковой наукѣ посвящены четыре статьи. Представителями перваго періода схоластики служатъ св. Ансельмъ Кантенберійскій и Абеляръ. Имъ посвящена умѣло составленная и хорошо написанная статья г. Ивановскаго (№ 38). Только самое происхожденіе схоластики и опредѣленіе сущности номинализма и реализма могли бы быть переданы въ болѣе точно взвѣшенныхъ выраженіяхъ. Исторія Абеляра излагается въ достаточной подробности, но безъ излишества; само собою разумѣется, что тутъ выступаетъ на сцену и св. Бернадъ, какъ представитель противоположнаго ми-

стическаго направленія. Его характеристика сдѣлана по статьѣ проф. Герье. Очень было бы хорошо, еслибы и въ другихъ случаяхъ отмѣчались сочиненія и статьи русскихъ авторовъ. Напримѣръ, для многихъ преподавателей, которые бы пожелали ближе познакомиться съ Ансельмомъ, указанная составителемъ книга Remusat, конечно, останется недоступною, но статьи, помѣщенные вскорѣ послѣ ея выхода въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и довольно подробно передающія ея содержаніе, легко отыщутся въ библиотекахъ, какъ скоро будутъ указаны. Къ списку нѣмецкихъ пособій кстати было бы присоединить и новѣйшій трудъ: *A. Haussrath, Peter Abälard (1893)*. Остальныя три статьи: „Средневѣковые университеты“ (№ 39), „Болонскій университетъ и римское право въ средніе вѣка“ (№ 40) и „Схоластика XII вѣка и Роджеръ Бэконъ“ (№ 81)—вполнѣ вводятъ читателя въ средневѣковое мировоззрѣніе, написаны ясно и съ знаніемъ дѣла. Первая изъ нихъ слабѣе прочихъ: авторъ не воспользовался для нея такими превосходными очерками, какъ *Paulsen's* (въ *Historische Zeitschrift*), *Kaufmann's* и др. и не выдѣлилъ трехъ типовъ университетовъ: городскихъ (Болонскій), государственныхъ (Неаполь) и канцлерскихъ (Парижъ). За то въ статьѣ № 81, посвященной характеристикѣ втораго періода схоластики, очень ярко выступаетъ личность Бэкона, вполнѣ удавшаяся автору. Не слишкомъ-ли детально въ статьѣ № 40 трактуется о римскомъ правѣ? Врядъ-ли эта статья будетъ вполнѣ доступна для учениковъ средней школы. Къ этой же категоріи причислимъ и весьма удачную статью „Средневѣковое искусство“ (№ 44); авторъ даетъ характеристику византійскаго стиля, романскаго (хотя не прослѣживаетъ развитія этого стиля по отдѣльнымъ странамъ), готическаго (надо было бы указать на родину готики Иль-де-Франсъ, на видоизмѣненіе стиля въ Германіи) и, наконецъ, арабскаго.

По возрожденію представлено семь статей: „Данте“ (№ 75), „Петрарка“ (№ 76), „Греки въ Италіи и возрожденіе Платоновской философіи“ (№ 77), „Боккаччо и Чосеръ“ (№ 78), „Макиавели“ (№ 79), „Первое возрожденіе италіанской скульптуры и живописи“ (№ 80) и „Господство Медичи во Флоренціи“ (№ 57). Какъ уже упомянуто, здѣсь недостаетъ существенной вводной статьи, въ которой такое важное явленіе, какъ возрожденіе было бы полно и всесторонне охарактеризовано. Въ этой статьѣ можно было бы подробно выяснять сущность возрожденія, отмѣтить разные его фазисы отъ первыхъ зародышей до его упадка въ третьемъ десятилѣтіи XVI вѣка. По-

собій для такой „характеристики возрожденія“ очень много. Затѣмъ, изъ одного перечисленія заглавій статей этого отдѣла обнаруживается и неполнота его. Взять только одинъ центръ гуманизма—Флоренція; на Римъ и на папъ-гуманистовъ, какъ напримѣръ, Николай V, не обращено вниманія; гуманисты третьяго фазиса гуманизма—его разцвѣта, не получили мѣста въ сборникѣ. Слѣдуетъ далѣе отмѣтить не всегда удачный подборъ пособій, а иногда и пропускъ очень существенныхъ: въ статьѣ о Данте не указаны труды Вегеле и Симондса; въ статьѣ о возрожденіи живописи—прекрасная книга фонъ-Фрикена „Искусство въ эпоху Возрожденія“; въ статьѣ о Медичи—поучительная работа *Castelnu* „Les Médicis“, 2 тт., въ статьяхъ же о грекахъ въ Италіи и о Боккачіо литература и вовсе не указана. Статьи, посвященныя Данте, Петраркѣ и Боккачіо съ Чосеромъ, даютъ намъ право ожидать нѣкотораго сходства въ приемахъ, такъ какъ онѣ касаются дѣятельности первыхъ творцовъ возрожденія, то-есть, мы въ правѣ ожидать во всѣхъ статьяхъ или біографіи ихъ, или разбора сочиненій, или того и другого вмѣстѣ. На дѣлѣ, однако, оказывается, что въ статьѣ о Данте (самой слабой) вниманіе обращено исключительно на біографію, въ статьѣ о Петраркѣ (лучшей) авторъ даетъ характеристику личности и мировоззрѣнія писателя; въ третьей—подробно разбирается содержаніе одного Декамерона Боккачіо. Статья о Данте допускаетъ большое отступленіе—характеристику средневѣковой философіи; оно излишне, такъ какъ въ сборникѣ на эту тему есть спеціальныя статьи. Личность Данте недостаточно обрисована; не указано, что въ дѣятельности и трудахъ Данте даетъ право относить его къ предшественникамъ возрожденія. Есть и схоластическіе промахи (ст. 3: „Данте удаляется отъ людей въ уединенное мѣсто и орошаетъ мѣсто горькими слезами“... и др.). Политической дѣятельности Данте удѣлено слишкомъ мало мѣста, а это доступнѣе и важнѣе для гимназическаго курса, чѣмъ философія Данте и его любовь къ Беатриче, чему посвящено много страницъ. „Комедія“ охарактеризована также блѣдно; авторъ даетъ уже слишкомъ скудные отрывки изъ ея содержанія. Было уже сказано выше, что прекрасное впечатлѣніе производитъ статья о Петраркѣ, живо и талантливо написанная; авторъ задался мыслью охарактеризовать личность и взгляды Петрарки; онъ дѣлаетъ это въ связи съ характеристикой возрожденія и дѣлаетъ блестяще. Отношеніе его къ Петраркѣ навѣяно Фойгтомъ. Къ чему было соединять Боккачіо и Чосера въ одну статью? Развѣ Боккачіо не заслуживалъ такого же обсто-

ятельнаго очерка, какъ Петрарка? Изъ статьи о Боккачю и Чосерѣ нельзя вынести ничего о значеніи Боккачю въ исторіи возрожденія. Передано содержаніе Декамерона, но вѣдь этимъ не исчерпывается значеніе его автора. На латинскія сочиненія Боккачю не обращено вниманія, а между тѣмъ къ услугамъ составителя были такія превосходныя пособія, какъ книги А. Н. Веселовскаго и г. Корелина. Было бы очень желательнo рядомъ съ прекраснымъ психологическимъ очеркомъ о Петраркѣ имѣть такой же очеркъ и о Боккачю. Удачнѣе въ статьѣ тѣ страницы (большая половина), которыя посвящены Чосеру; здѣсь слѣдовало бы только кое-гдѣ сгладить нѣсколько рѣзкія выраженія англійскаго поэта. Къ удавшимся характеристикамъ слѣдуетъ отнести и характеристику Макиавели. Жаль, что составителю не былъ извѣстенъ трудъ Tommasini: онъ далъ бы ему возможность выяснить отношенія Макиавели къ макиавелизму. Точка зрѣнія составителя на Макиавели правильна, изложеніе живо. Было бы хорошо иллюстрировать страницы, посвященныя „Князю“, выдержками изъ самаго сочиненія. Статья „Греки въ Италіи“ даетъ достаточно данныхъ для ознакомленія съ вліяніемъ на возрожденіе платоновской философіи; статья бы выиграла отъ болѣе обстоятельнаго изложенія нѣкоторыхъ трудовъ греческихъ философовъ-утопистовъ, какъ, напримѣръ, *oi vóμοι* Платона. Напрасно также составитель не знакомитъ читателя съ устройствомъ платоновскихъ академій—Римской и Флорентійской, не указываетъ, какъ итальянцы понимали Платона, не выдвигаетъ полемики, возникшей между сторонниками Платона и Аристотеля, не указываетъ попытокъ примиренія двухъ философскихъ системъ, не подчеркиваетъ вліянія философіи на религиозное міровоззрѣніе итальянцевъ XV вѣка. Въ общемъ статья удовлетворяетъ потребностямъ средней школы. Статья о первомъ возрожденіи итальянской скульптуры и живописи страдает неравномѣрностью частей: живописи посвящено гораздо больше вниманія, чѣмъ скульптурѣ. Не слишкомъ-ли специальна такая статья для школы. Статья г. Покровскаго „Медици во Флоренціи“ оставляетъ многого желать. Прежде всего удѣлено слишкомъ много мѣста исторіи флорентійской торговли; Медици характеризуются болѣе какъ купцы, чѣмъ какъ меценаты. Составитель напрасно не воспользовался сочиненіемъ *Perrens „La civilisation Florentine au XIV siècle“*, которое дало бы ему хорошій матеріалъ для введенія, и книгою Castelnau „*Les Medicis*“, содержащею въ себѣ рядъ характеристикъ флорентійскихъ гуманистовъ. Для насъ Медицины въ особенности важны именно съ этой гуманистиче-

ской и культурной стороны дѣятельности ихъ, а не со стороны ихъ торговыхъ и банковыхъ операций.

Открытіямъ португальцевъ и Колумба посвящены двѣ очень обстоятельныя статьи (№№ 83, 84). Въ первой (въ ней пособія не указаны) слѣдовало бы ярче выдѣлить Васко де Гама. Вторая написана живо, съ теплотою. Нельзя не раздѣлить симпатичнаго отношенія автора къ великому Колумбу. Очень хороша статья о Гутенбергѣ (№ 82). Она бы еще выиграла, если бы авторъ охарактеризовалъ начавшееся въ Германіи, въ XV вѣкѣ, гуманистическое движеніе (литературные кружки Вѣны, Страсбурга, Нюрнберга).

Съ признательностью нужно указать на то, что составители съ полною готовностью пошли на встрѣчу желанію, выраженному ученымъ комитетомъ только въ видѣ намека, и удѣлили достаточно вниманія какъ Византіи, такъ и славянамъ. Къ исторіи Византіи относятся *шесть* статей: № 9, П. Г. Виноградовъ „Имперія VI вѣка и Юстиніанъ“; № 11, Ѳ. А. Смирновъ „Левъ Исаврійскій и начало иконоборства“; № 24, Д. Д. Каринскій „Никифоръ Фока“; № 33, Ѳ. А. Смирновъ „Андроникъ Комнинъ“; № 34, М. П. Покровскій „Четвертый крестовый походъ и Латинская имперія“; № 62, М. П. Покровскій „Турки въ Европѣ и паденіе Византіи“. Больше и желать нельзя, особенно, если имѣть въ виду возможное ограниченіе объема; при томъ нужно знать, что отдѣльные очерки не заключаются въ предѣлахъ простой біографіи названнаго въ заглавіи лица или изложеніи указаннаго эпизода, а всегда начинаются обзоромъ предшествовавшаго общаго развитія. Первый очеркъ принадлежит главному виновнику и руководителю коллективнаго предпріятія. Немногіе умѣютъ писать такъ сжато и содержательно, какъ проф. Виноградовъ. Въ сравнительно небольшой, по объему, статьѣ онъ успѣлъ выяснитъ и происхожденіе культурной и этнографической противоположности между восточной и западной половинами Римской имперіи, нарушеніе единства вслѣдствіе утвержденія варварскихъ германскихъ племенъ въ западной части, внутренніе затрудненія и порядки въ восточной имперіи V и VI вѣка, характеръ правленія Юстиніана и внѣшнюю его политику, направленную къ восстановленію непосредственной власти въ Италіи и Африкѣ, при чемъ въ главныхъ чертахъ изложенъ ходъ вандалской и готской войнъ. Продолженіемъ служить уже упомянутая разъ статья объ иконоборствѣ, въ которой сначала говорится о соціальныхъ и административныхъ измѣненіяхъ послѣ Юстиніана (для Ираклія нѣтъ отдѣльной статьи).

Что касается основнаго содержанія, то, можетъ быть, слѣдовало бы рѣшительнѣе выставить на видъ православную точку зрѣнія на почитаніе иконъ, дабы кто-нибудь не вздумалъ упрекать насъ въ протестантскомъ взглядѣ. Главное содержаніе статьи о Никифорѣ Фокѣ— борьба Византіи за христіанство противъ мусульманскаго міра. Написана статья прямо по извѣстному сочиненію Schlumberger'a. содержаніе котораго уже подробно излагалось въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ (можно было бы указать статья *Русскаго Вѣстника*). Отзываются и недостатки, присущіе этому блестящему труду французскаго ученаго; они заключаются въ нѣкоторомъ смѣшеніи истины исторической съ поэтической, что, между прочимъ, выражается въ стремленіи рисовать картины, хотя и основанныя на общемъ изученіи византійской жизни, но неимѣющія прямого оправданія въ показаніяхъ ближайшихъ источниковъ. Кое-какія подробности, въ описаніи военныхъ дѣйствій, могли бы быть сокращены. Статья объ Андроникѣ Комнинѣ, послѣднемъ представителѣ династіи Комниновъ, начинается характеристикой политической дѣятельности его предшественниковъ; имѣя въ виду обширные размѣры статьи, мы могли бы пожелать, чтобы авторъ нѣсколько больше остановился на времени царя Мануила, коснувшись и славянскихъ отношеній (вообще ему не мѣшало бы имѣть въ виду книгу г. Грота „Угрія и славяне въ XII вѣкѣ“. С.-Пб. 1889, на которую нѣтъ никакой ссылки); въ замѣнъ того онъ, съ пользою для дѣла, могъ бы много сократить слишкомъ подробный расказъ о походахъ Андроника до воцаренія, а также и самое обзорнѣе его царствованія. Замѣтимъ, что взглядъ на реформаторскія стремленія Андроника въ смыслѣ возвращенія къ народности, въ противоположность преобладавшему до него западничеству и господству испорченной чиновной аристократіи, взглядъ, проводимый авторомъ статьи вслѣдъ за другими русскими учеными (гг. Куникъ, Успенскій), принадлежитъ, собственно Фалльмерайеру, который не названъ при перечисленіи источниковъ и пособій (*Fallmerayer*, „Geschichte des Kaiserthums Trapezunt“. München 1827). Въ статьѣ обнаруживается и самостоятельное знакомство съ источниками, дѣлаются довольно обширныя выписки изъ Никиты Хоніата. Статья о четвертомъ крестовомъ походѣ и латинской имперіи написана очень хорошо и не выходитъ по своему объему изъ предѣловъ доступности. Замѣтимъ только, что литература пособій неполна и что взглядъ о преднамѣренности въ измѣненіи направленія похода, къ которому склоняется авторъ вслѣдъ за Гопфомъ и, осо-

бенно, Ріаномъ, оспаривается въ статьяхъ Ганотъ и въ болѣе новомъ сочиненіи Тессье (Tessier). Нѣкоторыя замѣчанія объ этихъ трудахъ (исключая болѣе новыхъ) сообщены были въ рецензіи проф. Васильевскаго на книгу Ф. И. Успенскаго „Образованіе втораго Болгарскаго царства“ (въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1879 г.). Послѣдняя статья „Турки въ Европѣ и паденіе Византіи“ принадлежитъ тому же автору, какъ и предыдущая, и отличается тѣми же достоинствами. Въ отдѣлѣ пособій не названа статья г. Стасюлевича, напечатанная въ *Ученыхъ Запискахъ* Императорской Академіи Наукъ за 1855 или 1854 годъ.

Дополненіемъ къ византійскимъ статьямъ служатъ важныя и самыя по себѣ статьи, посвященныя южнымъ славянамъ. Кромѣ статьи П. Н. Милюкова „Разселеніе славянъ“ (№ 3), которая въ первой и болѣе обширной своей части касается распространенія славянъ въ предѣлахъ Византійской имперіи на Балканскомъ полуостровѣ и отличается, обычными автору, вышеуказанными достоинствами, сюда относятся: № 25, М. Н. Покровскій „Симеонъ, царь Болгарскій“; № 46, М. И. Соколовъ „Стефанъ Душанъ“ и № 69, П. А. Лавровъ „Косовская битва“. Всѣ эти статьи отличаются высокими достоинствами и должны считаться украшеніемъ сборника. Что касается славянъ западныхъ, то статьи М. К. Любавскаго по исторіи Польши были упомянуты выше съ подобающею похвалою. Онѣ захватываютъ самыя глубокія и основныя начала польской исторіи—объясняютъ возникновеніе, ростъ, а затѣмъ и упадокъ королевской власти, происхожденіе можновладства (магнатской аристократіи) и постепенное развитіе шляхетства. Статья о нѣмецкой колонизаціи даетъ драгоценную возможность познакомиться съ средневѣковымъ городскимъ устройствомъ на близкой намъ и родственной почвѣ, служа, такимъ образомъ, дополненіемъ къ статьямъ общаго характера о городскомъ европейскомъ бытѣ и содержа въ себѣ и объясненіе основной черты славянскаго польскаго быта, заключающейся въ слабомъ развитіи или даже отсутствіи самостоятельнаго средняго сословія. Прибавимъ только, что въ статьѣ о Казимирѣ Великомъ при оцѣнкѣ сдѣланнаго имъ поворота съ запада на востокъ (отъ Поморья въ Галичъ) слѣдовало бы выставить на ряду съ (умѣренной) точкою зрѣнія польскихъ историковъ и общеславянскую точку зрѣнія, такъ какъ несомнѣнно, что въ этомъ поворотѣ заключались роковыя для славянства послѣдствія. Статья „Ядвига и Ягелло“ (№ 65) А. Ф. Гартвига не идетъ въ сравненіе съ предыдущими и написана, главнымъ образомъ, по Шай-

нохъ, что уже выражается и въ заглавіи (по-русски было бы лучше *Ягаило*). Опять не мѣшало бы припомнить, вопреки избраннымъ пособиямъ, что Литва, представляемая Ягаиломъ, вовсе не была страной, безъ польской помощи совершенно осужденною на варварство: нужно было сказать нѣсколько больше о связяхъ ея съ Русью и т. д. Остальные статьи о славянахъ суть: № 62, Н. А. Янчукъ „Судьбы Австрійскихъ славянъ“ и № 5, В. И. Розановъ „Славяне прибалтійскіе“. Въ первой можетъ показаться страннымъ самое заглавіе статьи. Лучше было прямо говорить о хорватахъ и словенцахъ, такъ какъ чехи исключены, какъ народъ, имѣвшій самобытную исторію (о нихъ въ главѣ о Гуссѣ). Вторая статья написана съ полнымъ знаніемъ дѣла, но нѣсколько обширна.

Въ общемъ, повторяемъ, сборникъ представляетъ рядъ прекрасныхъ оригинальныхъ статей и значительное количество компилятивныхъ, также хорошаго качества за исключеніемъ излишества въ ихъ объемѣ. Это преимущество за самостоятельною обработкою предъ извлеченіями, хотя бы изъ лучшихъ пособій, намъ представляется сколько естественнымъ, столько же и поучительнымъ для будущихъ опытовъ подобнаго рода.

Присоединяемъ частныя замѣчанія о другихъ отдѣльныхъ статьяхъ, не вникая въ ихъ происхожденіе, которое не всегда легко и опредѣлить, еслибы и предстояла въ томъ нужда.

№ 1, С. И. Моравскій „Германцы до великаго переселенія народовъ“. Пособіями служили Данъ и Арнольдъ, руководители вполне надежны, хотя не единственные въ своемъ родѣ. На русскомъ языкѣ можно было бы указать статью казанскаго профессора Нелидова, посвященную политическому устройству германцевъ, по Вайцу въ первыхъ изданіяхъ. Въ изложеніи г. Моравскаго встрѣчаются нѣкоторыя неловкости, которыя, конечно, будутъ устранены главнымъ редакторомъ при пересмотрѣ статья предъ печатаніемъ. Слишкомъ уже часто и много говорится о *дикости* германцевъ. Терминологія для обозначенія политическихъ и административныхъ единицъ германскаго государственнаго строя—не совѣмъ удачная.

Въ статьѣ о „религии германцевъ“ (№ 2) желаніе автора нарисовать полную картину древне-германской мнѳологіи заставило его обратиться къ скандинавскимъ Эддамъ для передачи космогоническихъ воззрѣній древнихъ германцевъ; но значеніе этихъ сагъ, какъ источника для общегерманской мнѳологіи, въ настоящее время поколеблено, и новѣйшіе изслѣдователи придерживаются теоріи существованія у

древнихъ германцевъ нѣсколькихъ мѣстныхъ культовъ (*Müllenhoff*, „*Deutsche Altertumskunde*“).

Въ статьѣ „Бонифаций апостоль Германіи“ (№ 14) авторъ оставилъ безъ вниманія спеціально посвященные этому вопросу труды (напрямѣрь, *Вернера* „*Bonifatius, der Apostel der Deutschen und die Romanisirung von Millet-Europa*“), далъ крайне одностороннюю характеристику дѣятельности св. Бонифация, приписавъ исключительно ему заслугу „призванія германскаго народа къ новой жизни“, и не затронулъ вовсе вопроса о роли Бонифация, какъ посредника между Римомъ и франкскими Каролингами, проложившаго своею дѣятельностью путь къ сближенію между папами и правителями франковъ.

Статья „Набѣги викинговъ“ (№ 20) написана недурно, хотя при помощи довольно устарѣлыхъ пособій. Взятіе Луны Гастингомъ по ошибкѣ, вмѣсто Рима, передается какъ фактъ во всѣхъ подробностяхъ историческій. Не мѣшало бы принять во вниманіе новѣйшіе труды по этому вопросу, которыхъ накопилось довольно много на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

Такъ какъ статья о Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ (№ 29) единственная въ сборникѣ по исторіи Германіи XIII вѣка, то составитель долженъ былъ бы подробнѣе сказать о партіяхъ Гвельфовъ и Гибелиновъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ эти партіи распространились и въ Италиі. Въ общемъ статья ясно представляетъ какъ личность императора, такъ и отношеніе его къ папамъ. На Германію же обращено слишкомъ мало вниманія, а между тѣмъ для имперской политики Фридриха II есть прекрасная монографія *Blondel* „*Frederic II et la politique en Allemagne*“ (1892). Выдержки изъ манифестовъ императора и папскихъ буллъ были бы хорошою иллюстраціею взаимныхъ отношеній папы и императора.

Въ статьѣ „Средневѣковыя ереси и инквизиція“ (№ 37) допущенъ крупный пробѣлъ, который необходимо восполнить: ни слова не говорится о Вальдензской сектѣ, одной изъ наиболѣе важныхъ въ культурномъ отношеніи. Для ея характеристики можетъ служить превосходная монографія *Keller* „*Die Reformation und die älteren Reformparteien*“ (Leipz. 1885).

Статья „Завоеваніе Англии норманнами“ (№ 48) поражаетъ своею обширностью, которая не оправдывается никакими соображеніями и является, повидимому, результатомъ довольно своеобразнаго пониманія принятой авторомъ на себя задачи: онъ ограничился пересказомъ своего оригинала (не названнаго, впрочемъ, какъ пособіе), не поза-

ботившись сдѣлать, соотвѣтственно цѣлямъ предполагаемаго сборника, выбора среди той массы подробностей, которая встрѣчается въ трудѣ французскаго историка. Сокращенія, и при томъ весьма значительныя, въ этой статьѣ положительно необходимы.

Въ статьѣ „Людовикъ XI“ (№ 55) можно указать, какъ на пробѣлъ, то, что авторъ, сосредоточивъ свое вниманіе на отношеніяхъ этого короля къ феодаламъ вообще и къ герцогу Бургундскому въ частности, оставилъ безъ разсмотрѣнія вопросъ объ отношеніяхъ его къ другимъ классамъ населенія и, такимъ образомъ, представилъ одностороннюю оцѣнку дѣятельности Людовика XI и значенія его въ исторіи Франціи. Желательно, чтобы авторъ включилъ въ число своихъ пособій и новый трудъ *Sée „Louis XI et les villes“*.

Въ статьѣ „Бранденбургская марка“ (№ 61) встрѣчается очень много такихъ подробностей изъ области внѣшнихъ политическихъ отношеній, которыя придаютъ ей слишкомъ спеціальныи интересъ, возбуждая тѣмъ самымъ сомнѣніе въ пригодности этой статьи для сборника, тѣмъ болѣе, что въ ней ни слова не говорится о судьбѣ славянскаго населенія, въ землѣ котораго возникла бранденбургская марка.

Статья „Оттокаръ II Чешскій“ (№ 63), написанная въ общемъ удовлетворительно, требуетъ внимательнаго пересмотра для устраненія вкрапившихся въ нее недосмотровъ (напримѣръ, на стр. 6-й Ричардъ, англійскій принцъ, бывший однимъ изъ императоровъ во время междуцарствія въ XIII вѣкѣ, названъ „Ричардомъ Львиное Сердце“; на стр. 7—8 русскій князь, проживавшій въ Венгрии у своего тестя, венгерскаго короля, названъ „Ростиславомъ Мстиславичемъ“, княземъ „галицкимъ“; супруга Оттокара II названа „племянницею“ короля Бѣлы IV, а сынъ послѣдняго, женившійся на племянницѣ чешскаго короля Кунигундѣ, названъ „Стефаномъ“); при этомъ желательно употребленіе однообразной терминологіи съ устраненіемъ, по возможности, нѣмецкихъ словъ, если ихъ можно замѣнять соотвѣтствующими славянскими терминами (напримѣръ, князь чешскій названъ не разъ „герцогомъ“, областныя сеймы—„ландтагами“, рейхстагами“ и пр.).

Наконецъ, со стороны внѣшней редакціи сборникъ требуетъ внимательнаго пересмотра при изданіи. Если составители пожелаютъ удержать и въ печати указанія на свои пособія (это было бы очень хорошо), то они должны привести въ порядокъ собственно библиографическія справки (давать точныя заглавія и даты изданій) и кстати вообще пересмотрѣть списокъ своихъ пособій, воспользоваться, гдѣ

слѣдуетъ, лучшими и новѣйшими изъ нихъ и обратить больше вниманія на тѣ изъ пособій, которыя существуютъ на русскомъ языкѣ. Мелкія фактическія погрѣшности должны быть, по возможности, устранены; транскрипція иностранныхъ именъ и словъ должна быть однообразна, и лучше, если она будетъ ближе къ установившимся у насъ и общепринятымъ формамъ. Иностранныя цитаты, оставленныя во многихъ статьяхъ безъ перевода, необходимо переводить и въ текстѣ статей помѣщать переводъ, а подлинный текстъ ставить въ скобки или выносить въ примѣчанія, внизу страницы. Наконецъ, къ сборнику необходимо присоединить самое подробное оглавленіе, съ помощью котораго можно было бы отыскивать не только статьи, но и ихъ составныя части и вводныя мѣста, которыя могутъ быть прочтены особо или дать свѣдѣнія о фактахъ и лицахъ такихъ, которымъ не посвящено особыхъ статей, но которыя имѣютъ значеніе для школьнаго курса. Полезенъ былъ бы и указатель къ сборнику.

II.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній *К. Д. Краевича*. Изд. XII, подъ редакцію и съ измѣненіями *А. Ефимова*. С.-Пб. 1895.

Учебникъ *К. Д. Краевича* на столько всѣмъ извѣстенъ, что нѣтъ надобности останавливаться на распредѣленіи въ немъ матеріала или на общей характеристикѣ способа изложенія. Достаточно указать на измѣненія, введенныя редакторомъ новаго изданія, *А. И. Ефимовымъ*, который, какъ видно изъ его предисловія, пользовался при своей работѣ совѣтами весьма компетентныхъ лицъ. Эти измѣненія не маловажны и можно сказать, что они привели къ существенному улучшенію учебника; *г. Ефимовъ* измѣнилъ редакцію весьма многихъ мѣстъ, ввелъ цѣлый рядъ прибавленій, выпустилъ нѣкоторыя ненужныя статьи, произвелъ перестановки, прибавилъ новые чертежи и т. д. Всѣ эти измѣненія сдѣланы обдуманно, умѣлою рукою и съ знаніемъ дѣла, и нѣтъ надобности приводить ихъ полного перечня. Достаточно сказать, что весьма значительное улучшеніе замѣтно во всѣхъ частяхъ учебника и что немалочисленные и немаловажные недостатки прежнихъ изданій, въ родѣ неясностей, неточностей и даже ошибокъ, тщательно исключены въ этомъ новомъ изданіи. Не только текстъ, но и формулы напечатаны двумя шрифтами; особенно цѣлесообразнымъ представляется напечатаніе самыхъ важныхъ формулъ жирнымъ шрифтомъ.

Указаніе на текущіе параграфы на верху каждой страницы, чѣмъ облегчается отыскиваніе непрерывно встрѣчающихся ссылокъ, а также помѣщенный въ концѣ книги алфавитный указатель должны быть причислены къ полезнымъ нововведеніямъ. Изъ новыхъ рисунковъ особенно удачно скомпанованъ рис. 4 на стр. 5; жаль только, что подъ одной изъ частей этого рисунка помѣщены слова „поперечный разрѣзъ нормальнаго метра“, вмѣсто „поперечный разрѣзъ эталона (или прототипа) нормальнаго метра“. Укажемъ на нѣкоторыя неудовлетворительно редактированныя мѣста, исправленіе которыхъ въ послѣдующихъ изданіяхъ желательно.

Статья „Масса“, § 10, стр. 13—14 не можетъ быть названа удачною. Сперва сказано, что количество вещества, о которомъ мы судимъ по вѣсу, называется массою тѣла; но далѣе читаемъ: „Слѣдовательно, въ случаѣ вещества однороднаго, *масса пропорціональна вѣсу*“; а нѣсколько ниже: „Такъ какъ мы условились о количествѣ вещества судить *только* по вѣсу, то, слѣдовательно, должны заключить, что 1 гр. латуни и 1 гр. воды имѣютъ равныя массы“. Очевидно, здѣсь не выдержанъ опредѣленный взглядъ на вопросъ.

На стр. 15 плотность опредѣлена, какъ масса единицы объема; это можетъ только означать, что численное значеніе плотности δ получается раздѣленіемъ численнаго значенія массы m на численное значеніе объема v по формулѣ $\delta = \frac{m}{v}$. Плотность и масса неодинаковаго размѣра, а слѣдовательно это величины различныя, которыя не могутъ имѣть общую единицу. Между тѣмъ читаемъ далѣе плотность воды=1 гр., плотность латуны=8 гр.

На стр. 35 приведены рядомъ, подъ послѣдовательными буквами а, б, в, г, д, е „виды движенія“: равномерное, неравномерное, прямолинейное, криволинейное, свободное и несвободное.

На стр. 40—41 дано сбивчивое опредѣленіе центробѣжной силы. Сперва вѣрно сказано, что дѣйствіе шара на руку (точнѣе было бы на нить) называется центробѣжною силою; а вслѣдъ затѣмъ читаемъ: „Центробѣжная сила, то-есть, стремленіе тѣла удалиться отъ центра и т. д.“ Такое опредѣленіе, неясное само по себѣ, противорѣчитъ предыдущему.

Стр. 59. Формулировка закона тяготѣнія странная: „взаимное притяженіе послѣднихъ (двухъ матеріальныхъ частицъ) прямо пропорціонально ихъ массѣ и т. д.“ Ученикъ легко подумаетъ, что притяженіе пропорціонально суммѣ ихъ массъ. Весьма жаль, что не

только сохранены термины „тепловые“ и „химическіе“ лучи, но мѣстами изложеніе таково, что учащійся непременно подумаетъ, что дѣйствительно существуютъ лучи трехъ различныхъ родовъ. Такъ, на стр. 177 сказано „солнечная теплота, достигающая до насъ *вмѣстѣ съ лучами свѣта* чрезъ міровое пространство“. На стр. 453 въ примѣчаніи читаемъ, что „химическіе лучи имѣютъ свойства, подобныя свойствамъ свѣтовыхъ и тепловыхъ лучей и т. д.“; въ текстѣ на той-же страницѣ правильно говорится, что лучи солнца могутъ дѣйствовать тремя способами, но невѣрно прибавлено, что есть лучи, не могущіе вызывать нагрѣванія. Совершенно понятно, что въ прежнихъ изданіяхъ приводились подобные взгляды, но они теперь оставлены и потому слѣдовало исключить ихъ слѣды въ новомъ изданіи. То-же самое относится къ термину „связанное электричество“ (стр. 279), отъ котораго пора отказаться.

На стр. 363 авторъ утверждаетъ, что „*прямой индуктированный токъ* (при размыканіи) *сильнѣе и напряженнѣе обратнаго* (при замыканіи)“. Это не вѣрно; онъ напряженнѣе, но не сильнѣе, если силу опредѣлять количествомъ электричества.

На стр. 529 дано сбивчивое описаніе опытовъ Герца; слова „при надлежащемъ устройствѣ катушки“ должны вызвать неправильныя представленія объ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ время колебаній.

На стр. 600 читаемъ „потенціальной энергіей тѣла называютъ не проявившуюся еще способность тѣла произвести работу или, иначе говоря, запасъ *возможной* работы, содержащейся въ тѣлѣ“. Но вѣдь и кинетическая энергія представляетъ буквально то-же самое!

Въ книгѣ довольно много матеріала, не входящаго въ программу физики среднихъ учебныхъ заведеній и представляющаго потому для *учебника* лишній балластъ; онъ занимаетъ, не считая статьи о потенциалѣ, около 60 страницъ.

Указанные здѣсь неточности и недосмотры не умаляютъ достоинствъ книги, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ (стр. 363 и 529) встрѣчаются въ текстѣ, напечатанномъ мелкимъ шрифтомъ. Въ типографскомъ отношеніи учебникъ изданъ превосходно. Во всякомъ случаѣ его можно признать за лучшій изъ появившихся въ Россіи за послѣдніе годы какъ относительно ясности изложенія, цѣлесообразности распредѣленія матеріала, близко подходящаго къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и относительно правильности большинства опредѣленій.

III.

Математическая география для средних учебных заведений заслуженного профессора Николаевской академии генерального штаба К. Шарморста (рукопись) и Введение въ астрономию. Второе изданіе. С.-Пб. 1893.

Эта рукопись есть сокращенное видоизмѣненіе прежняго сочиненія того же автора, вышедшаго въ свѣтъ четыре года тому назадъ подъ заглавіемъ: „*Начальныя основанія астрономіи и математической географіи*“ (1891 года) и представлявшаго нѣсколько расширенный элементарный курсъ астрономіи, читаемый авторомъ въ Николаевской Академіи генерального штаба. Всѣскія достоинства той книги значительно расширили кругъ ея распространенія, и уже въ 1893 году было напечатано ея второе изданіе подъ заглавіемъ „*Введеніе въ астрономию*“. Она была рекомендована ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній; при этомъ въ отзывѣ о ней члена Путяты было сказано:

„Названная книга составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу и заслуживаетъ названія образцоваго руководства къ изученію элементарнаго курса астрономіи. Она предназначена главнымъ образомъ для офицеровъ Николаевской академіи генерального штаба (не геодезическаго отдѣленія); но, несмотря на такое специальное предназначеніе, ей предстоитъ быть широко распространенною не только между офицерами генерального штаба, но и между любителями астрономіи и вообще между нуждающимися въ основныхъ свѣдѣніяхъ по астрономіи и математической географіи. Главнѣйшее достоинство этой книги состоитъ въ замѣчательномъ соединеніи краткости и ясности съ полнотою и богатствомъ содержанія. Ни въ одномъ изъ своихъ выводовъ авторъ не прибѣгаетъ къ высшему анализу и предполагаетъ въ читателѣ знаніе лишь элементарной математики въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній, а потому книга эта вполнѣ доступна пониманію учениковъ старшаго класса гимназій или реальныхъ училищъ“.

Чтобы лучше приспособить свою книгу для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, незнакомыхъ съ сферическою тригонометріей, авторъ значительно ее сократилъ, выбросивъ большинство разныхъ математическихъ выводовъ и многія статьи слишкомъ специальнаго характера; но, съ другой стороны, и дополнилъ ее: пятью парагра-

фами (44, 45, 46, 47 и 48) о проекціяхъ географическихъ картъ и тремя главами (XVI, XVII и XVIII) о физической природѣ солнца, планетъ, кометъ, метеорныхъ потоковъ, звѣздъ и туманностей.

Объемъ вышесказанной книги (въ первомъ ея изданіи) уменьшается въ рукописи главнымъ образомъ отъ значительныхъ сокращеній слѣдующихъ ея главъ:

	Число выбро- шенныхъ страницъ:
<i>Главы V</i> (цѣликомъ): о рѣшеніи различныхъ вопросовъ суточного движенія свѣтилъ посредствомъ сферической тригонометріи	14
<i>Главы VI</i> объ астрономическихъ инструментахъ и наблюденіяхъ . . .	16
<i>Главы XII</i> объ опредѣленіи широты и долготы точекъ земной поверхности (кое-что изъ нея вошло въ VI главу рукописи) .	26
<i>Главы XIII</i> о градусныхъ измѣреніяхъ (все оставшееся, съ присоединеніемъ новыхъ параграфовъ „о проекціяхъ картъ“, составляетъ VII главу рукописи)	14
<i>Главы XIV</i> о кажущихся движеніяхъ планетъ, изъ которой выброшены подробности „системы эпицикловъ“ и опредѣленія „точекъ стоянія планетъ“	9
<i>Главы XV</i> , изъ которой выпущены біографіи Тихо Браге и Кеплера и всѣ формулы, касающіяся эллиптического движенія планетъ .	19
<i>Главы XVI</i> объ опредѣленіи элементовъ планетныхъ и кометныхъ орбитъ	14
<i>Главы XVII</i> о всемірномъ тяготѣніи, изъ которой выпущены: біографія Ньютона, теоремы о притяженіи, выраженіе скорости въ эллиптическомъ движеніи и теорема о сохраненіи центра тяжести .	12
<i>Главы XVIII</i> о возмущеніяхъ движенія планетъ, о чемъ въ рукописи даны лишь самыя общія понятія	31
<i>Главы XIX</i> , изъ которой оставлены только объясненія прецессіи, нутаціи и морскихъ приливовъ и отливовъ.	12
<i>Главы XX</i> объ опредѣленіи фигуры земли изъ наблюдений силы тяжести. Она выпущена почти цѣликомъ .	25
<i>Прибавленія</i> сферической тригонометріи	7

Изъ остальныхъ главъ книги выпущено: объ астрономическихъ календаряхъ и каталогахъ звѣздъ (глава IV), математическій выводъ выраженія рефракціи (глава VII), построение лунныхъ и солнечныхъ затмѣній (глава X), о циклѣ солнца, индиктѣ и проч. (глава XI)

Итого около 217 стр.

Такимъ образомъ книга, содержащая въ себѣ болѣе 400 страницъ, сократилась въ объемѣ *слишкомъ вдвое*. Но и изъ оставленнаго въ новой рукописи авторъ отмѣчаетъ еще нѣкоторыя мѣста, чтобы напечатать ихъ мелкимъ шрифтомъ или же совсѣмъ выбросить, не нанося тѣмъ никакого вреда послѣдовательности всего изложенія.

Несмотря на вышесказанныя сокращенія и измѣненія, новая рукопись сохраняетъ всѣ тѣ выдающіяся достоинства, которыми отличалось и прежнее сочиненіе автора. Отличаясь полной ясностью и почти безукоризненною точностью изложенія, она даетъ читателю достаточно обстоятельныя свѣдѣнія о разнообразныхъ движеніяхъ земли и небесныхъ тѣлъ. Точно также и три дополнительные главы ея (XVI, XVII и XVIII), заключающія въ себѣ лишь самыя необходимыя, важнѣйшія свѣдѣнія о физической природѣ небесныхъ тѣлъ, соответствующія программѣ космографіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, читаются легко и съ большимъ интересомъ. На основаніи всего этого разбираемую нами рукопись слѣдуетъ признать въ высшей степени полезной и для преподавателей космографіи, и для чтенія учениками средне-учебныхъ заведеній; если она сама не можетъ еще служить непосредственнымъ руководствомъ для прохожденія курса космографіи въ этихъ заведеніяхъ, то это только потому, что на изученіе этого предмета въ нихъ отведено слишкомъ мало времени. Рукопись эта уже представлялась авторомъ въ 1894 году на разсмотрѣніе ученаго комитета и въ отвѣтѣ о ней члена Билибина сказано было:

„Профессоръ Шарнгорстъ проситъ удостоить его извѣщеніемъ, можетъ-ли рукопись, по напечатаніи, быть принята какъ руководство въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Для отвѣта на этотъ вопросъ замѣтимъ, что; съ одной стороны, на изученіе математической географіи удѣлено въ гимназіяхъ только 30 часовъ (1 урокъ въ недѣлю)

и въ реальныхъ училищахъ — 15 часовъ ($1\frac{1}{2}$ урока въ недѣлю), а потому весь матеріалъ, заключенный въ рукописи, не можетъ быть изученъ ни въ гимназіяхъ, ни въ реальныхъ училищахъ; съ другой стороны, рукопись по своему содержанію настолько хороша, что было бы очень печально, если бы генералъ Шарнгорстъ не рѣшился нѣсколько уменьшить ея объемъ“.

Въ отзывѣ были перечислены мѣста рукописи, въ которыхъ желательнo было бы сдѣлать купюры (или, въ крайнемъ случаѣ, напечатать указанныя мѣста мелкимъ шрифтомъ, замѣтивъ въ предисловіи, что они не обязательны для изученія). На основаніи того отзыва состоялось такое *опредѣленіе* комитета: „Сообщить настоящій отзывъ профессору К. Шарнгорсту и просить его не признаетъ-ли онъ возможнымъ, принявъ во вниманіе соображенія члена Билибина, сдѣлать указанныя сокращенія своего труда и дать среднимъ учебнымъ заведеніямъ давно ожидаемый хорошій учебникъ математической географіи“.

Въ представленномъ нынѣ видѣ на соисканіе премій Императора Петра Великаго, въ рукописи этой сдѣланы авторомъ улучшенія и нѣкоторыя сокращенія, соотвѣтственно указаніямъ упомянутаго отзыва, и въ ней мы могли замѣтить лишь очень мало недосмотровъ, почти неизбѣжныхъ во всякой книгѣ. Напримѣръ на *страницѣ 174* приведено ускореніе силы тяжести на землѣ въ видѣ довольно точнаго числа ($32^{\circ}218$), но безъ означенія, въ какой именно широтѣ. На *страницѣ 221* сказано, что „плотность Юпитера $\frac{1}{4}$ или равна плотности солнца; *поэтому* его масса въ 309 разъ болѣе массы земли“; но надо было, конечно, сказать наоборотъ. Въ своей новой рукописи авторъ совсѣмъ не говоритъ о способахъ опредѣленія *средней плотности земли* (на страницѣ 177 сказано только, что она въ 5,66 разъ больше плотности воды), а также и о мѣстныхъ притяженіяхъ на земной поверхности; между тѣмъ какъ и о томъ, и о другомъ не мѣшало бы сказать нѣсколько словъ. Съ другой же стороны, по нашему мнѣнію, можно было бы значительно сократить статью: „объ астрономическихъ инструментахъ“ и „о проекціяхъ географическихъ картъ“; или же многое, сказанное въ нихъ, напечатать лишь мелкимъ шрифтомъ, чтобы отдѣлить наиболѣе важное отъ менѣе существеннаго. Можно пожелать еще, чтобы при печатаніи рукописи всѣ чертежи были помѣщены въ текстѣ, а не на отдѣльныхъ листахъ.

IV

Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построение и сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Составилъ *И. Александровъ*, преподаватель Тамбовской гимназіи. Изданіе 5-е, исправленное. Москва. 1894.

При составленіи этой книги авторъ пользовался сочиненіемъ Петерсена: „Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построение“, которое теперь имѣется въ русскомъ переводѣ *Ф. П. Крутикова* (Москва, 1892). *И. Александровъ* старался передѣлать книгу Петерсена такъ, чтобы еще болѣе сдѣлать доступнымъ ученикамъ изученіе методовъ рѣшенія задачъ.

Съ этою цѣлью изложенію методовъ предшествуетъ отдѣлъ первый, содержащій перечень задачъ и теоремъ полезныхъ при рѣшеніи другихъ задачъ. Въ началѣ втораго отдѣла помѣщено множество задачъ на изученіе особенностей даннаго чертежа. Задача предполагается рѣшенною и изъ свойствъ чертежа выводится положеніе точекъ или линій, которыя можно построить. Далѣе идетъ изложеніе методовъ, указанныхъ Петерсеномъ.

Третій отдѣлъ, содержащій приложенія алгебры и тригонометриі, у Петерсена совершенно отсутствуетъ.

Въ четвертомъ отдѣлѣ собраны смѣшанныя задачи на всѣ вышеизложенные методы.

Число задачъ у *И. Александра* вдвое болѣе, чѣмъ у Петерсена, и большее число задачъ помѣщено съ подробными рѣшеніями.

Изложеніе отличается ясностью и примѣры, поясняющіе методы, выбраны очень удачно.

Вообще можно сказать, что книга *И. Александра* очень полезна для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Поэтому это сочиненіе вполне заслуживаетъ малой преміи Императора Петра Великаго.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Для сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, съ разрѣшенія Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенъ слѣдующій порядокъ:

I. По разряду гимназій. На премію 1896 года—группа „языки французскій и нѣмецкій“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію за составленіе краткой систематической грамматики французскаго языка.

На премію 1897 года—группа „русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностію и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно къ гимназіямъ“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по логикѣ, также книги для чтенія для приготовительнаго и низшихъ трехъ классовъ.

На премію 1898 года—группа „языки латинскій и греческій“, съ преимущественнымъ правомъ на премію русско-греческаго словаря.

II. По разряду реальныхъ училищъ. На премію 1896 года—„курсъ естественной исторіи въ полномъ ея объемѣ, примѣнительно къ потребностямъ реальныхъ училищъ, или же по одному изъ ея отдѣловъ—по зоологіи, по ботаникѣ или по минералогіи“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію полного курса естественной исторіи, или же учебника по зоологіи.

На премію 1898 года—„математическая географія, проекціонное черченіе и геометрическое черченіе“.

На премію 1900 года—„коммерческая географія“ и „сравнительная географія для VI класса реальныхъ училищъ“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію сравнительной географіи.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября.

Учебныя руководства и пособия принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ окажутся написанными опрятно и разборчиво.

Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

ЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ОБЪ ИНДУКЦИИ ВЪ ГЛАВНѢЙШЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ ЕГО РАЗРАБОТКИ ¹⁾.

І. Аристотель.

Нѣкоторыхъ вопросовъ логики касались уже предшественники Аристотеля, и разсужденія ихъ заключаютъ въ себѣ кое-что цѣнное ²⁾. Но ни одинъ изъ мыслителей этого времени не разрабатывалъ „науки о правильномъ мышленіи“ систематически, да и самое понятіе о логикѣ, какъ объ особой философской дисциплинѣ, установилось позже, благодаря главнымъ образомъ сочиненіямъ великаго стагирита.

Что касается процесса индукціи, то Аристотель, какъ извѣстно, приписываетъ Сократу τὸς τ' ἐπακτικοῦς λόγους καὶ τὸ ὀρίζεσθαι καὶ ὄλον ³⁾. Но послѣдній еще не дѣлаетъ попытки разработать учение

---

¹⁾ Настоящее изслѣдованіе, въ нѣскольکو сокращенномъ видѣ, печатается также и на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ *Archiv für Geschichte der Philosophie*, подъ заглавіемъ „Zur logischen Lehre von der Induction. Geschichtliche Untersuchungen“.

²⁾ Ср. *Fr. Ueberweg*, Syst. d. Log. u. Gesch. d. log. Lehren. 5-te Aufl. bearb. u. herausg. v. Jürgen Bona Meyer. Bonn. 1882, p. 16—26. *Fr. Harms*, Die Philos. in ihr. Gesch. 2-er Th. Gesch. d. Log., Brl. 1881, p. 4—35. *C. Prantl*, Gesch. d. Log. im Abendl. Bde. I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I, p. 6—86. *R. Blakey*, Hist. Sketch of Log. from the earliest times to the pres. day. Lond. 1851, p. 1—24. *М. Н. Владиславцевъ*, Логика. С.-Пб. 1872. Приложение, стр. 1—5. *Θ. Α. Зеленогорскій*, О матем., метаф., индукт. и крѣт. мет. изслѣд. и док. Харьк. 1877, с. р. 50 слѣд. Ср. также *C. Fr. Bachmann*, Syst. d. Log. Leipz. 1828, p. 570—582. *De-Resiffenberg*, Princ. de log. suivis de l'hist. et de la bibl. de cette sc. Brux. 1833, p. 290—299.

³⁾ *Metaph.*, XII, 4, p. 1078 b 27—29.

объ индуктивномъ выводѣ теоретически. Онъ только ведетъ иногда свои разсужденія съ учениками индуктивнымъ путемъ. Да и это возможно по отношенію къ большинству діалоговъ утверждать лишь въ томъ случаѣ, если остановиться на слишкомъ широкомъ и расплывчивомъ понятіи объ индукціи и разумѣть подъ этимъ именемъ не только восхожденіе отъ единичныхъ случаевъ къ общимъ положеніямъ, но и образованіе общихъ понятій изъ единичныхъ представленій и высшихъ понятій изъ низшихъ ¹⁾.

Подобныя замѣчанія можно сдѣлать и относительно Платона: въ его сочиненіяхъ даже не легко указать единичные примѣры приложенія индукціи въ строгомъ смыслѣ. Тамъ, гдѣ ему приписываютъ этотъ приемъ, онъ обыкновенно занятъ лишь установленіемъ правильныхъ понятій чрезъ отвлеченіе и ихъ выясненіемъ. Въ своихъ діалогахъ посвящаетъ онъ такому процессу и теоретическія разсужденія, которыя ведетъ, впрочемъ, каждый разъ только *ad hoc* ²⁾.

Даже и Аристотель, котораго считаютъ основателемъ науки логики, посвящаетъ ученію объ индукціи едва нѣсколько строкъ. Онъ стремится представить нормы, при которыхъ доказательства приводятъ насъ къ истинному знанію (ἐπιστήμη). Въ этомъ основная его задача, и отдѣльныя логическія изслѣдованія стагирита къ ней въ общемъ приурочены ³⁾. Но каждое доказательство можно, по Аристо-

¹⁾ *Ueberweg*, 21, 423—424. *Harms*, 16, 31. *Prantl*, I, 27—29. *Tilmannus Pasch*, *Institutiones logicales sec. princ. S. Thomae Aquinatis*. P. I—II. *Friburgi Brisgoviae*, 1838—1890. P. I, p. 38, 437. *K. Al. v. Reichlin-Meldegg*, *Syst. d. Log. nebst Einleit. in d. Philos.* Wien. 1870. 2-te Abth., p. 189—190. *Ed. Zeller*, *Die Philos. d. Griech. in ihr gesch. Entwickl.* 2-er Th. 1-e Abth. 4-te Aufl. Leipz. 1889, p. 126—130. *E. F. Apelt*, *Die Theorie d. Ind.* Leipz. 1854, p. 129—130. *G. Grote*, *Arist.* Vol. I—II. Lond. 1872. Vol. I, p. 283, примѣч. *Владиславлевъ*, 111, 210, прилож., стр. 3—4. Ср. ниже примѣч.

²⁾ Ср. *Harms*, 31—32. *Ueberweg*, 424. *Pasch*, I, 38, 437. Ср. также *M. Conzbruch*, 'Ἐπαγωγή und Theorie d. Ind. bei Arist. (*Arch. für Gesch. d. Philos.*, 1892. Bd. V, Heft. 3), p. 313. *Владиславлевъ*, Прилож. 4. Ср. ниже примѣч. 142. Платонъ обыкновенно абстрагируетъ понятіе отъ единичныхъ представленій или понятій низшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ построитъ его опредѣленіе. А потому Булье замѣчаетъ (*Oeuvres philos. de Bacon par M. N. Bouillet*. T. I—III. Par. 1834. T. II. *Introd.* p. XV): „.....Platon ne se propose nullement de découvrir (путемъ индукціи) les lois générales de la nature, mais simplement d'arriver à des définitions exactes“.

³⁾ Ср. *Frs. Biese*, *Die Philos. d. Arist.* Bde I—II. Brl. 1835—1842. Bd. I, p. 46—47. *Zeller*, 2-ter Th. 2-te Abth. 3-te Aufl. Leipz. 1879, p. 185—188. *Harms*, 50—55. Ср. также *Bachmann*, 589. *Ad. Franck*, *Esqu. d'une hist. de la log., pré-*

тею, рассматривать, какъ силлогистическое¹⁾. Нормы, которыя должны быть опредѣлены, представляютъ непрѣнно нормы силлогистическія. и Аристотель разрабатываетъ весьма тщательно учение о силлогизмѣ. Однако. не всякій, хотя бы даже и правильно построенный силлогизмъ, даетъ достаточно подтвержденный выводъ²⁾. Заключение должно опираться на посылки достовѣрныя³⁾. Иногда мы утверждаемъ истинность посылокъ, потому что онѣ, въ свою очередь, выводятся изъ положеній высшихъ (болѣе общихъ). Но нельзя думать, будто подобное аргументированіе могло бы восходить до безконечности⁴⁾. Наше познаніе опирается въ концѣ концовъ на положенія,

cédée d'une anal. étendue de l'org. d'Arist. Par. 1838, p. 18—23. *De-Reiffenberg*, 300. Такому общему характеру аристотелевскихъ трактатовъ отнюдь не противорѣчить чисто формальная точка зрѣнія въ Первой Аналитикѣ. Бартеlemi Ст. Илеръ утверждаетъ (*J. Barthélemy St.-Hilaire*, De la log. d'Arist. T. I—II. Par. 1838. T. II, p. 79): „On peut le (sc. le plan de l'Org.) résumer en peu de mots, en disant qu'il est consacré tout entier au syllogisme (raisonnement): les Catégories et le Traité du langage, aux éléments du syllogisme; les Premiers Analytiques, au syllogisme en général; les Derniers Analytiques, au syllogisme démonstratif, les Topiques, au syllogisme dialectique; et enfin, les Refutations des Sophistes, au syllogisme sophistique“. По Аристотелю, доказательство необходимо носить силлогистическій характеръ. А потому въ логическихъ изслѣдованіяхъ, которыя составляютъ его Organum, центр тяжести дѣйствительно падаетъ на силлогизмъ. Однако не силлогистическое умозаключеніе, само по себѣ, а le syllogisme démonstratif, который приводитъ къ истинному знанію (ἐπιστήμη), сосредоточиваетъ на себѣ интересъ автора и является для него главнымъ объектомъ разсмотрѣнія.

¹⁾ Anal. pr. I, 4, 25b, 30.

²⁾ Тамъ же, строки 30—31.

³⁾ Anal. post. I, 2, 71b, 17—25.

⁴⁾ Мысль наша не можетъ пробѣжать безконечное разстояніе (Anal. post. I, 3, 72 b10, 22, 82 b39, 83 b6, 84 a3. Metaph. I (А ἴλαττον) 2, 994 b20—31). Утверждая, будто посылки умозаключенія выводятся изъ высшихъ, эти послѣднія, въ свою очередь, изъ высшихъ и т. д. безъ конца, мы должны были бы допустить, что знаніе, вполнѣ подтвержденное доказательствами, вообще невозможно (Anal. post. I, 3, 72 b5—11, 23, 84 a2). Пусть требуется, наприимѣръ, доказать, что субъекту *A* принадлежитъ предикатъ *Z*. *A* и *Z* должны, въ нашемъ силлогизмѣ, играть роль меньшаго и большаго терминовъ. Нужно подыскать къ нимъ средній терминъ *B*. Тогда получимъ умозаключеніе:

$$\begin{array}{r} B - Z \\ A - B \\ \hline A - Z \end{array} .$$

Чтобы далье доказать посылки $B - Z$ и $A - B$, мы должны были бы найдти

доказать которыя нельзя. Это ἀρχαὶ τῆς ἀποδείξεως ¹⁾, и мы ихъ уста-

для *B* и *Z* средній терминъ *C* и для *A* и *B* понятіе *D*. Наши положенія мы подтвердили бы такимъ образомъ слѣдующими силлогизмами:

$$\frac{C - Z}{B - C}, \quad \frac{D - B}{A - D}$$

Аргументируя и посылки, здѣсь фигурирующія, необходимо было бы вять четыре средних термина, *E* для *C* и *Z*, *F* для *B* и *C*, *I* для *D* и *B* и, наконецъ, *K* для *A* и *D*:

$$\frac{E - Z}{C - E}, \quad \frac{F - C}{B - F}, \quad \frac{I - B}{D - I}, \quad \frac{K - D}{A - K}$$

Съ цѣлью доказать затѣмъ посылки этихъ силлогизмовъ, слѣдовало бы избрать еще восемь терминовъ, которые во вновь построенныхъ умозаключеніяхъ играли бы роль средних и т. д. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, возможно ли доказываніе продолжать безъ конца, сводится къ вопросу, можетъ ли рядъ понятій, средних по отношенію къ двумъ даннымъ *A* и *Z*, быть безконечнымъ (Anal. post. I, 19, 82 a2). Но средній терминъ, въ сравненіи съ меньшимъ представляеть понятіе высшее, а относительно большаго—низшее. По крайней мѣрѣ, когда Аристотель рассуждаетъ о силлогизмѣ вообще, онъ имѣеть въ виду такое соотношеніе терминовъ. Да это и понятно. Вторую и третью фигуры силлогизма онъ, какъ извѣстно, сводитъ къ первой (Anal. pr. I 5, 26 b34—6, 29 a18. Ср. также 7, 29a 30 и дал.) и объявляетъ, что умозаключеніе по первой фигурѣ совершенно, само по себѣ (Anal. pr., I, 24b 22. 4, 26b 28. 5, 27a 1. 28a 1—9, 15. 6, 29a 11—18. 7, 29a 30). А такъ какъ даѣе, для установленія правильныхъ понятій—къ этому сводится по Аристотелю основная задача нашей познавательной дѣятельности (ср. Zeller, 2-er Th. 2-te Abth. p. 251—254. F. F. Kampе, Die Erkenntnisstheorie d. Arist. Leipz. 1870, p. 158—159. Prantl, I, 104—125)—отрицательныя и частныя заключенія непосредственно не могутъ имѣть большаго значенія, то въ его глазахъ modus barbarus, гдѣ въ выводѣ получается общеутвердительное положеніе, и является высшей, наиболѣе важной силлогистической формой. Между тѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда заключеніе построится по этому модусу, термины дѣйствительно представляютъ подобную лѣстницу. Итакъ, если въ приведенномъ примѣрѣ исходить отъ понятія *Z*, то ближайшій средній терминъ долженъ быть по отношенію къ нему понятіемъ низшимъ, второй—низшимъ сравнительно съ этимъ послѣднимъ и т. д. Начавъ же съ *A*, мы будемъ постепенно восходить къ понятіямъ высшимъ. Но станемъ ли мы подыматься вверхъ (ἢ ἐπι τὸ ἄνω ὀδὸς), или будемъ опускаться къ низшимъ понятіямъ (ἢ ἐπι τὸ κατώ ὀδὸς), путь нашъ не можетъ быть безконечнымъ, ибо въ первомъ случаѣ предѣломъ должно явиться наивысшее понятіе (категорія), а во второмъ—низшее (Anal. post., I, 19—22, 81b 10—84b 2).

¹⁾ Чтобы построить силлогизмъ, который подтверждаѣлъ бы данное положеніе, мы къ понятіямъ, играющимъ въ этомъ послѣднемъ роль субъекта и предиката, должны подыскать средній терминъ. А потому, если какое-либо поло-

навливаемъ при помощи индукціи ¹⁾). Такая нить мыслей должна была заставить Аристотеля остановиться и на индуктивномъ заключеніи. А, кромѣ того, онъ, разумѣется, хочетъ на ряду съ логически совершенными операціями мышленія подвергнуть анализу выводы, которые слѣдуетъ, съ его точки зрѣнія, признавать за совершенные. Такимъ образомъ разсужденія объ индуктивномъ процессѣ не принадлежать непосредственно къ его ученію о доказательствѣ. Индукція примѣняется не при самомъ доказываніи: мы ею пользуемся, устанавливая высшія послышки, на которыя намъ при аргументированіи приходится ссылаться, какъ на особаго рода конечныя

женіе доказать (силлогистически) невозможно, это значитъ, что нельзя найти терминъ, средній по отношенію къ понятіямъ, которыя въ немъ фигурируютъ. Въ виду этого Аристотель часто и называетъ высшія положенія (*архαι*)—ἀρχαί.

¹⁾ Anal. pr., I, 30, 46 a 17—27. II, 23, 68 b 15—37. Anal. post., I, 1, 71 a 1—11. 2, 71 b 20, 72 a 5, 8, 72 b 5—73 a 20. 9, 75 b 87, 76 a 16. 10, 76 a 31. 18—23, 81 a 40—85 a 12. 24, 86 a 15. II 10, 94 a 9. 12, 95 b 14—31. 19, 99 b 20. 100 b 3. Gen. an., II 6, 742 b 29. Metaph., I (Ἐλαττων) 2, 994 b 20—31. III 4, 1006 a 8. Eth. Nic., I 2, 1095 a 30. VI 3, 1139 b 26—36. 5, 1140 a 33. Ср. *Biese*, I 220—266. *Kampe*, 137—150, 180—193, 210—214, 326—328. *Fr. Ad. Trendelenburg*, El. log. arist. Ed. octava. Brl. 1878, p. 11, 15—16, 21—23, 35, 38—39, 44—46, 111—113, 136—142, 159—169. Frläut. zu d. El. d. arist. Log. 3-te Aufl. Brl. 1876, p. 71—76, 95—105, 122—128. *Prantl*, I, 125—136. *Harms*, 51—55. *Zeller*, 2-er Th. 2-te Abth., p. 188—202, 234—245. *Barthélemy St.-Hilaire*, I, 277—293, 297—301, 307—309, 325—331. II, 52—55, 74—75. *Franck*, 100—106. Часто приводимыя слова: αἱ ἀρχαὶ τῶν ἀποδείξεων ὀρθοί (Anal. post., II, 3, 90 b 24) нельзя объяснить въ томъ смыслѣ, будто каждое изъ положеній, обозначающихъ терминомъ ἀρχή, по Аристотелю не что иное, какъ обыкновенное опредѣленіе понятія, а слѣдовательно, сужденіе аналитическое, речательствомъ за правильность котораго является уже его логическое построеніе, и которое вѣтъ надобности доказывать индуктивнымъ путемъ. Толкованіе это предполагало бы у великаго старгирята слишкомъ явную непослѣдовательность, ибо онъ самъ ссылается на то мѣсто Anal. post. (I, 18, 81 a 40 и дал.), гдѣ объявляетъ ἀρχαὶ за положенія, утверждаемыя благодаря опыту. И самое содержаніе „высшихъ посылокъ“, нечего и говорить, иное. Необходимо имѣть въ виду основной моментъ аристотелевской теоріи познанія. По его ученію, какъ уже упомянуто, всякая дѣятельность мысли имѣть задачей своей—выработать правильныя понятія. Каждое положеніе должно служить къ установленію или выясненію понятій. Само собою разумѣется, таковы должны быть и ἀρχαί. Между тѣмъ сужденія съ подобнымъ содержаніемъ могутъ быть, какъ аналитическими, когда понятіе намъ уже дано и его только необходимо выяснить (напримѣръ, построенное согласно съ обыкновенными предписаніями формальной логики опредѣленіе), такъ и синтетическими, если самое понятіе еще устанавливается.

данныя. Въ виду этого вопросъ объ индукціи и представляетъ для аристотелевской логики лишь второстепенный интересъ.

Развивая такой общій взглядъ на силлогизмъ и индуктивное заключеніе, Аристотель, во первыхъ, ограничиваетъ уже область приложенія индукціи: слѣдуетъ, стремясь къ истинному знанію, устанавливать индуктивно лишь высшія посылки (*ἀρχαί*); всѣ же остальные положенія надо выводить силлогистически.

Вовторыхъ, тѣмъ самымъ опредѣляется точка зрѣнія, съ которой вообще разсматривается у него индуктивный выводъ. Истинное доказательство носить силлогистическій характеръ. Индукція можетъ, слѣдовательно, представлять лишь логически несовершенную операцію мысли. И Аристотель подвергаетъ анализу индуктивное заключеніе, когда разсматриваетъ процессы несовершенные ¹⁾. Но индукція лишена была бы всякаго значенія, еслибы даже и не приближалась къ совершенной силлогической формѣ умозаключенія. Индуктивный выводъ можно свести къ силлогизму: *ἐπαγωγή*—не что иное, какъ несовершенный силлогизмъ. И само собою разумѣется, съ теоретической точки зрѣнія, такое заключеніе стоитъ ниже, чѣмъ строго силлогистическое, хотя для насъ индуктивный выводъ обыкновенно является болѣе убѣдительнымъ ²⁾.

Положимъ дано три термина: *A*—долго живущее, *B*—безжелчное, *Γ*—отдѣльныя безжелчныя существа,—человѣкъ, лошадь, мулъ и пр. *B*—безжелчное пусть будетъ среднимъ терминомъ. Силлогистическое умозаключеніе гласило бы у насъ: безжелчныя существа живутъ долго (*B* есть *A*).

Человѣкъ, лошадь, мулъ и пр. не имѣютъ желчи (Γ—B).

Человѣкъ, лошадь, мулъ и пр. живутъ долго (*Γ—A*).

Между тѣмъ индуктивный выводъ, если оперировать надъ тѣми же понятіями, долженъ былъ бы имѣть иную форму: человѣкъ, лошадь, мулъ и пр. живутъ долго (*Γ—A*).

Человѣкъ, лошадь, мулъ и пр. не имѣютъ желчи (Γ—B).

¹⁾ См. Anal. pr., II, 23, 68 b 8 seq.—Параллельно съ индуктивнымъ заключеніемъ разсматривается у Аристотеля *παράδειγμα, ἀπαγωγή, ἐνοχασίς, εἶκος* и *στραίον*.

²⁾ Тамъ же, строка 35 — 37. Ср. Top., I, 12, 105 a 16. VIII 2, 153 a 18.—Аристотель признаетъ, что полная индукція (а о неполной въ 23-й главѣ нѣтъ рѣчи) даетъ достовѣрные выводы; тѣмъ не менѣе онъ разсматриваетъ ее, какъ сравнительно несовершенную форму заключенія: *φύσει μὲν οὖν πρότερος καὶ γνῶριμώτερος ὁ διὰ τοῦ μέσου συλλογισμὸς, ἤμιν δ' ἐναργέστερος ὁ διὰ τῆς ἐπαγωγῆς*.

Безжелчные существа живут долго ($B-A$).

Въ виду этого Аристотель характеризуетъ индуктивный процессъ слѣдующимъ образомъ: при посредствѣ одного изъ крайнихъ терминовъ ¹⁾ Γ (человѣкъ, лошадь, мулъ и пр.) мы къ среднему B (безжелчное) прилагаемъ въ заключеніи, какъ предикатъ, понятіе, которое является другимъ крайнимъ терминомъ A (долго живущее) ²⁾.

¹⁾ Дѣло идетъ о меньшемъ терминѣ.

²⁾ Строки 15—18: ἐπαγωγή μὲν οὖν ἐστὶ καὶ ὁ ἐξ ἐπαγωγῆς συλλογισμὸς τὸ διὰ τοῦ ἐτέρου θάτερον ἄκρον τῆ μέσῃ συλλογισσάσθαι, οἷον εἰ τῶν $\Lambda\Gamma$ μέσον τὸ B , διὰ τοῦ Γ δεῖξαι τὸ A τῆ B ὑπάρχειν. Строки 32—35. Ср. 24, 69 а 16. Что касается того, какъ передано аристотелевское опредѣленіе индукціи у Вайда (Arist. Org. ed. Th. Waitz. P. I—II. Lips. 1844—1846, I, 582), см. Grote, I, 268, примѣч. б.

Вслѣдъ за приведенными строками (15—18) мы въ Аналитикѣ читаемъ (18—24): οἷον ἐστὶ τὸ A μακρόβιον, τὸ δ' ἐφ' ᾧ B τὸ χολῆν μὴ ἔχον, ἐφ' ᾧ δὲ Γ τὸ καθ' ἕκαστον μακρόβιον, οἷον ἄνθρωπος καὶ ἵππος καὶ ἡμίονος. τῆ δὲ Γ δὲφ ὑπάρχει τὸ A . πάν γάρ τὸ ἄχολον μακρόβιον. ἀλλὰ καὶ τὸ B , τὸ μὴ ἔχειν χολῆν, παντὶ ὑπάρχειν τῆ Γ . Опираясь на общій смыслъ аристотелевскаго ученія объ индукціи, Георгъ Гротъ (I, 269, прим. а) признаетъ текстъ въ этомъ мѣстѣ въ строкахъ 20-й (ἐφ' ᾧ δὲ Γ τὸ καθ' ἕκαστον μακρόβιον) испорченнымъ и предлагаетъ слово μακρόβιον замѣнить тутъ словомъ ἄχολον. Въ имѣющемся примѣрѣ индуктивнаго заключенія A обозначало бы тогда „долго живущее“, B — „безжелчное“, но Γ — отдѣльными, не „долго живущія“, а „безжелчныя“ существа. Однако подобная замѣна едва ли сколько нибудь замѣнила бы философское содержаніе данной главы. Желая охарактеризовать индуктивное заключеніе, Аристотель сопоставляетъ его съ силлогизмомъ (или—точнѣе—съ совершеннымъ силлогизмомъ), составленнымъ изъ тѣхъ же терминовъ. A —μακρόβιον, B —ἄχολον, Γ —ἄνθρωπος, ἵππος, ἡμίονος etc.—термины силлогистическаго умозаключенія. Такимъ образомъ B —понятіе, низшее сравнительно съ A , и Γ (точнѣе—каждое изъ означаемыхъ посредствомъ Γ понятій или представленій) — подчиненное по отношенію къ B (ср. примѣч. 4-е). И Аристотель самъ на это обстоятельство указываетъ, прибавляя въ строкахъ 19-й τὸ δεῖφ' ᾧ и въ 20-й ἐφ' ᾧ δὲ (то-есть τὸ δ' ἐφ' ᾧ τὸ A κατηγορεῖται B . Ср. Беккеровское изд. Ар., т. V, Index. arist. ed. Herm. Bonitz, p. 268 а 13—31. а 57—b 6. Немного ниже у Аристотеля взяты представленія Γ и Δ , которыя соподчинены понятію B , и, указывая на такое отношеніе между B , Γ и Δ , объ и выражается нѣсколько иначе: ἐφ' ᾧ δὲ Γ ... τὸ δ' ἐφ' ᾧ Δ ... См. 68 b 41—69 а 2). Итакъ, B означаетъ собственно „существа, не имѣющія желчи, а ео ipso и долго живущія“. Меньшимъ же терминомъ Γ въ силлогизмѣ, который сопоставляется съ индуктивнымъ заключеніемъ, долженъ являться у Аристотеля рядъ объектовъ или соответствующихъ имъ представленій (ср., впрочемъ, ниже стр. 260). Говоря о томъ, чтъ Γ выражаетъ, Аристотель хочетъ указать, къ какому ряду эти объекты относятся. Чтобы остаться пунктуально точнымъ, онъ долженъ былъ бы сказать: Γ —объекты, принадлежащіе къ группѣ существъ, лишенихъ желчи, а потому и долго живущихъ (положимъ — τὸ καθ' ἕκαστον ἄχολον τε καὶ

Такимъ образомъ индукція представляетъ заключеніе по—3-й фи-

μακρόβιον. Ср. *Chr. Sigwart. Logik. Bde I—II. 2-te Aufl. Freib. i. B. 1889—1893. Bd. II, p. 404 Anm.*) Вмѣсто этого онъ могъ бы сказать короче—*τὸ καθ' ἑαυτοῦ ἄχολον*, и — нѣсколько неопредѣленнѣе — *τὸ καθ' ἑαυτοῦ μακρόβιον*. (Такимъ же образомъ называется Аристотель въ 25-й главѣ высшее понятіе ἀρετῆ вмѣсто низшаго δικαιοσύνη 69а 26). Последнее выраженіе менѣе опредѣленно, ибо имѣются въ виду объекты, которымъ необходимо приписать оба предиката, а такъ какъ μακρόβιον—понятіе высшее, то можно предположить, что есть и существа, которыя принадлежать къ классу μακρόβια, но стоять внѣ разряда ἄχολα. Какъ бы то ни было, выходитъ, что мы подъ Γ должны разумѣть одну и ту же группу живыхъ существъ, сохранивъ ли мы въ 20-й строкѣ слово μακρόβιον или замѣнивъ его словомъ ἄχολον, и поправка Грота на самомъ дѣлѣ не измѣняетъ приведеннаго въ 23-й главѣ примѣра нисколько.

При обыкновенномъ чтеніи Грота кажется странной связь между двумя предложеніями (стр. 21—22): τῆ δὲ Γ ὄλα ὑπάρχει τὸ Α. πᾶν γάρ τὸ ἄχολον μακρόβιον. (Ср. *B. Erdmann, Logik. Bd. I. Halle a. S. 1892, стр. 597, прим. 1.*) Мѣсто это, принявъ ли конъектуру нашего автора, или нѣтъ, можетъ быть истолковано слѣдующимъ образомъ. Аристотель хочетъ тутъ, чтобы лучше выяснитъ свой примѣръ, поименовать послыки индуктивнаго вывода. Когда онъ называетъ вторую послыку (стр. 22—23)—ἀλλὰ καὶ τὸ Β, τὸ μὴ ἔχειν χολῆν, παντὶ ὑπάρχει τῆ Γ, ему нечего говорить, какую роль играетъ сужденіе это въ силлогизмѣ: это уже ясно изъ словъ (стр. 17)—τῶν ΑΓ μέσον τὸ Β. Но первая послыка (стр. 21)—τῆ δὲ Γ ὄλα ὑπάρχει τὸ Α является въ силлогизмѣ заключеніемъ; а о немъ Аристотель еще не упоминалъ. Съ цѣлью обратить вниманіе читателя на то, откуда это сужденіе въ силлогизмѣ берется, ему и нужно было бы назвать обѣ послыки дедуктивнаго умозаключенія. Но онъ—короче—приводитъ только послыку большую (стр. 21—22): πᾶν γάρ τὸ ἄχολον μακρόβιον.

Если Γ означаетъ не τὸ καθ' ἑαυτοῦ μακρόβιον и не τὸ καθ' ἑαυτοῦ ἄχολον, а „отдѣльныя безжелчныя и вмѣстѣ съ тѣмъ долго живущія существа“, то теряетъ свое значеніе и вопросъ, рассмотрѣнный Гротомъ съ цѣлью доказать необходимость конъектуры, — должно ли Γ—τὸ καθ' ἑαυτοῦ μακρόβιον, или Γ—τὸ καθ' ἑαυτοῦ ἄχολον совпадать съ Β, чтобы было возможно сдѣлать заключеніе.

Наконецъ, Гротъ указываетъ на то, что у Юлія Пація (*Julius Pacius, изд. 1584 г.*) и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ XV и XVI вѣковъ (*Aldus 1496, Sylburg 1587, Casaubon 1590*) строки 21—22 читаются иначе, чѣмъ у Бузе, Беккера, Вайца и Дидо. Одно изъ этихъ чтеній было принято уже раньше Бозіемъ, что доказываетъ его переводъ. Къ чтенію этому прииспособлены и три латинскіе перевода XVI вѣка (*Vives и Valentinus 1542, Junta 1552, Cugiacus 1563*). У ученаго нашего времени Бартеlemi Сентъ-Илера переводъ названныхъ строкъ предполагаетъ текстъ въ томъ его видѣ, какой онъ имѣетъ въ изданіи Пація. Такимъ образомъ переводчики и издатели, думая нашъ авторъ, давно замѣтили испорченность текста 23-й главы и старались ввести соотвѣтствующія исправленія, только попытка ихъ осталась неудачными. Само собою разумѣется, если видѣть въ этихъ указаніяхъ Грота доводъ въ пользу приложенной конъектуры, его

гурѣ ($G—A$, $G—B$, Ergo, $B—A$) ¹⁾. Эту послѣднюю (а равнымъ образомъ и вторую) Аристотель, какъ извѣстно, сводитъ къ первой, дѣлая въ посылкахъ обращеніе (conversio) ²⁾. Но въ силлогизмѣ названной фигуры меньшая посылка обыкновенно допускаетъ лишь обращеніе per accidens ³⁾, а потому здѣсь и въ выводѣ возможно получить только сужденіе частное ⁴⁾. Между тѣмъ индукція должна давать общія положенія. Субъектъ и предикатъ второй посылки индуктивнаго заключенія должны быть таковы, чтобы оказалось возмож-

нельзя считать убѣдительнымъ. Ср. П. Лейкфельдъ: Къ Аристотелю, въ *Филолог. Обзорннн*, II, 2.

Въ аристотелевскомъ примѣрѣ необходимо разложить не понятіе μακρόβιον, а ἀχολον. Берется объемъ этого послѣдняго; перечисляются всѣ безжелчныя, а тѣ долго живущія существа, которыя имѣютъ желчь, незачѣмъ при этомъ принимать въ расчетъ. Въ виду этого и Консбрухъ (стр. 308 — 310) усматриваетъ въ указанномъ мѣстѣ искажающую смыслъ ошибку. Онъ предлагаетъ въ 20-й строкѣ (68b) слово μακρόβιον выбросить или, чтобы сдѣлать текстъ болѣе понятнымъ, принять Гротовскую конъектуру. При этомъ Консбрухъ полагаетъ, что сопоставленіе индуктивнаго заключенія съ силлогистическимъ оканчивается у Аристотеля уже въ 18-й строкѣ, а стр. 21—23 комментируютъ такъ:

Τῷ δὲ ἢ Γ ἔλαφ ὑπάρχει τὸ Α. — Dazu der Zusatz πάν γάρ τὸ ἀχολον μακρόβιον, d. h. die Beobachtung hat gezeigt, dass factisch alle Thiere, denen eine Galle fehlt, μακρόβια sind.

Ἄλλὰ καὶ τὸ Β, τὸ μὴ εἶχει χολήν, παντὶ ὑπάρχει τῷ Γ. — „Ein begündender Satz fehlt hier naturgemäss“.

Чтобы избѣжать неопредѣленности, которую Аристотель въ своемъ примѣрѣ при объясненіи А, В, Г допускаетъ, я указалъ, что Г означаетъ „единичныя безжелчныя существа“.

¹⁾ Стр. 30—32: ἔστι δ' ὁ τοῦ ᾧ ; συλλογισμὸς τῆς πρώτης καὶ ἀμέσου προτάσεως. ὦν μὲν γὰρ ἔστι μέσον, διὰ τοῦ μέσου ὁ συλλογισμὸς, ὦν δὲ μὴ ἔστι, δι' ἀπαγωγῆς. Странно было бы думать, будто по Аристотелю индуктивное заключеніе выводится вообще безъ помощи средняго термина (ср. Grote, I, 273—274, 279—280. А. Gratry, Philosophie. Logique. T. I—II. Par. 1865. II, 28, примѣч. 4). Тогда невозможно было бы и свести индукцію къ силлогизму. Въ указанномъ мѣстѣ дѣло идетъ о терминѣ, который не только играть бы роль средняго, но и представлялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе, среднее въ томъ смыслѣ, что оно сравнительно съ болѣе шимъ терминномъ было бы низшимъ, а по отношенію къ меньшему—полчнявающимъ (ср. примѣч. 9-е). И такое μέσον въ индуктивномъ заключеніи дѣйствительно указать нельзя. Ср. Consbruch, 307. В. Erdmann, 596—598. М. Каримскій, Классификація выводовъ. С.-Пб. 1880, стр. 4—5. Ср. также Pesch, I, 441.

²⁾ Anal. pr., I, 5, 26b 34—6, 29a 18. Ср. также 7, 29 a 30 seqq.

³⁾ I, 6, 28 a 10—29 a 18. Всѣ М суть Р. Всѣ М суть S. По отношенію къ послѣднему сужденію возможно только conversio per accidens: нѣкоторые S суть М.

⁴⁾ 29 a 16. Всѣ М суть Р. Нѣкоторые S суть М. Отсюда можно сдѣлать только частный выводъ: нѣкоторые S суть Р.

нымъ не *conversio per accidens* только, какъ это обыкновенно бываетъ, а обращеніе полное ¹⁾. Необходимо, чтобы они по объему своему были равными. При этомъ дѣло идетъ о меньшей посылкѣ; выходить, что подобному требованію должны удовлетворять средній и меньшій термины. А въ среднемъ терминѣ объединяется у насъ при индукціи рядъ отдѣльныхъ случаевъ или объектовъ. Надо признать, что индукція правильна съ точки зрѣнія логики лишь тогда, когда перечислены всѣ случаи, которые обнимаетъ понятіе, играющее роль меньшаго термина, или, иначе говоря, на которые распространяется выводъ. По Аристотелю индукція собственно должна быть „полной“ ²⁾.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что Аристотель все же дѣлаетъ въ топикѣ, гдѣ разсматриваются у него *διαλεκτικοί καὶ παραδεικτικοί λόγοι* ³⁾ нѣкоторыя замѣчанія и относительно неполной индукціи ⁴⁾. Опытнымъ путемъ по ученію его устанавливаются первыя

¹⁾ Anal. pr., II, 23, 68b 21—27. Ср. 22, 68 а 21.

²⁾ Строки 27—29. Ср. 24, 69 а 16. Такимъ образомъ въ приведенномъ примѣрѣ необходимо было бы перечислить всѣ безжелчныя существа.—„Es verdient übrigens hervorgehoben zu werden, dass Aristoteles, wo er von Induction redet, kaum jemals daran denkt, aus der Beobachtung von Einzelfällen im eigentlichen Sinne einen allgemeinen Satz abzuleiten. Seine Beispiele beziehen sich meist auf die Speciesbegriffe, und er fasst nicht Einzelthatsachen zu einem untersten Begriffe, sondern speciellere Begriffe zu einem allgemeineren zusammen, beziehungsweise specielle Regeln zu einer allgemeinen“. *Chr. Sigwart*, Logik. Bd. II, p. 406. Вопросъ о томъ, какъ возможно было бы убѣдиться, что при индукціи дѣйствительно перечислены всѣ единичные случаи, на которые распространяется выводъ, Аристотель оставляетъ въ сторонѣ. 'Επαγωγή у него—простой выводъ, а не соединеніе двухъ заключеній. Ср. *Combrinck*, 311, примѣч. Напротивъ *Ad. Trendelenburg*, Log. Untersuch. Bde I—II. 3-te Aufl. Leipz. 1870. Bd. II, p. 371—372.

³⁾ Top., I, 1, 100a 18—24. De soph. elench., с. 2, 165a 38—611.

⁴⁾ Неполную индукцію мы имѣемъ, впрочемъ, уже въ *параδείγμα*, какъ Аристотель его анализируетъ (An. pr., II, 24 68b 38—69a, 19).

I. Δ — А. Война еванцевъ съ фомейцами представляла зло.

Δ — В. Это была война съ сосѣдями.

В — А. Война съ сосѣдами—зло.

II. В — А. Война съ сосѣдами—зло.

Γ — В. Война аевинянъ съ еванцами есть война съ сосѣдями.

Γ — А. Война аевинянъ съ еванцами—зло.

Очевидно, первое изъ этихъ заключеній представляетъ индуктивный выводъ (на это въ нѣкоторой мѣрѣ указываетъ и опредѣленіе, которое Аристотель для *параδείγμα* даетъ: *параδείγμα δ' ἐστὶν ὅταν τῷ μέσῳ τὸ ἄκρον ὑπάρχον διαγῆθῃ διὰ τοῦ ὁμοίου τῷ τρίτῳ*. Ср. An. post., I, 1, 71a 9. Также Rhet., I, 2, 1356b 2—1357b 36; II, 20, 1393a 25. 1394a 9. 25, 1402b 16) и именно индукцію неполную (Аристотель самъ говоритъ, что мы при подобныхъ заключеніяхъ перечисленія

посылки. Къ неполной индукціи мы прибѣгаемъ, когда принуждены исходить изъ положеній, недостаточно подтвержденныхъ. Но необходимо, чтобы при этомъ, по крайней мѣрѣ, не было на лицо случаевъ, которые противорѣчили бы нашему обобщенію ¹⁾).

Индукція и силлогизмъ—это два пути, которые открыты передъ нами, когда намъ приходится обосновывать наше знаніе. Въ силлогизмѣ мы исходимъ изъ общаго; при индукціи же, напротивъ, отправляясь отъ частнаго, устанавливаемъ общія положенія ²⁾).

полнаго не дѣлаемъ. См. конецъ 24-й гл.). Ср. *Biese*, 221—222; *Kampe*, 190—191. *Sigwart*, II, 408—408. *Al. Schmid*, Erkenntnislehre. Bde I—II. Freib. i. Br. 1890. Bd. II, p. 198—199. *Grote*, I, 274—275. Если Тренделенбургъ утверждаетъ (Erl. zu d. El. d. ar. Log., p. 82): „Was Aristoteles an der vorliegenden Stelle (то-есть, въ 24-й гл.) vom Beispiel erörtert, gilt überhaupt vom Schluss der Analogie“ (ср. p. 81—86. *Kampe*, 190—191. *Grote*, I, 285), то онъ имѣетъ въ виду не выводъ отъ частнаго къ общему $A - A, A - B, \text{ergo } B - A$, а вообще процессъ, въ которому Аристотель прилагаетъ терминъ *παράδειγμα*. Аристотель замѣчаетъ (69a 13—15): φακάρων οὐκ ὅτι τὸ παράδειγμα ἐστὶν οὐτε ὡς μέρος πρὸς ὅλον οὐτε ὡς ὅλον πρὸς μέρος, ἀλλ' ὡς μέρος πρὸς μέρος. Но онъ разлагаетъ *παράδειγμα* на заключеніе отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному. Переходъ отъ частнаго къ частному совершается здѣсь, какъ онъ представляетъ дѣло, не непосредственно. А потому *παράδειγμα* и нельзя сопоставлять съ простымъ выводомъ отъ частнаго къ частному (напротивъ, *Grote*, I, 286—289).

За неполную индукцію необходимо признать также и аристотелевское *σημεῖον* (Anal. пр., II, 27, 70a 3—b 38. Ср. *Rhet.*, I 2, 1357 b1—25), когда послѣднее представляетъ заключеніе по 3-й фигурѣ:

Ниттакъ добродѣтеленъ. $\Gamma - A$.

(Ниттакъ—мудрецъ. $\Gamma - B$).

Мудрецы добродѣтельны. $B - A$. Консбрухъ имѣетъ, очевидно, на стр. 312-й въ виду лишь тотъ случай, гдѣ *σημεῖον* оказывается умозаключеніемъ 1-й фигуры. Онъ утверждаетъ: ... „σημεῖον, λόγος und τεκμήριον... betreffen nur den Grad der Gewissheit des Obersatzes, dem im Untersatz der vorliegende Fall subsumirt wird... Das Verhältniss der drei ὅροι zu einander ist daher auch von dem bei der ἐπαγωγή erforderten vollkommen verschieden“.

¹⁾ Top., II, 2, 109 b 13—29, VIII, 2, 157a 34—b 38; 8, 160 b 1.

²⁾ An. пр., II, 23, 68 b 13—14. Ibid., 30—37. An. post., I, 1, 71a, 1; 18, 81a 38. Top., I, 8, 103 b 1. 12, 106a 10. Eth. Nic., I, 2, 1095a 30. VI, 3, 1139b 26. *Rhet.*, I, 2, 1356a 35. Вообще относительно аристотелевскаго ученія объ индукціи ср. *Consbruch*, *Biese*, 220—221. *Kampe*, 189—192. *Trendelenburg*, *El. log. Ar.*, II, 33—34, 111—114. Erl. dazu, 71—76. *Log. Untersuch.*, II, 370—372. *Prantl*, I, 318—319. *Ueberweg*, *Log.* 424. *Sigwart*, II, 408—408. *Pesch*, I, 437 seqq. *Zeller*, 2-er Th. 2-te Abth., p. 231, примѣч. 4, 240—251. *B. Erdmann*, 596—598. *Grote*, I, 268—289. *W. Hamilton*, *Lectures on Metaphysics and Logic*. Ed. by H. L. Mansel and John Veitch. In four vol. III—IV Lect. on Log. II ed. Edinb. and Lond. 1866. Vol. IV, p. 366—369. *Artis logicae rudimenta, from the text*

это относительно силлогизма говорить уже Аристотель ¹⁾) долженъ опираться только на посылки и изъ нихъ долженъ вытекать необходимо, то онъ можетъ заключать въ себѣ лишь то, что (по крайней мѣрѣ, *implicite*) въ посылкахъ уже содержится, и въ этомъ смыслѣ невозможно, чтобы онъ оказался для насъ чѣмъ-то новымъ. А такому требованію всякое заключеніе должно удовлетворять: иначе для вывода не имѣлось бы формальныхъ основаній, и правильность его не обезпечивалась бы его логическимъ построеніемъ. Такимъ образомъ, дѣлая заключеніе, мы расширяемъ наше знаніе отнюдь не въ томъ смыслѣ, будто устанавливаемъ при этомъ нѣчто такое, чего въ посылкахъ не утверждали. 'Даже и по сравненію съ каждой изъ посылокъ, отдѣльно взятой, выводъ далеко не всегда является положеніемъ въ указанномъ смыслѣ новымъ. Въ первой силлогистической фигурѣ, къ которой обыкновенно сводятъ остальные,

$$\begin{array}{l} M - P, \\ S - M, \\ \hline S - P, \end{array}$$

S, какъ гласить меньшая посылка, есть *M*, такъ что *S—P* уже напередъ утверждается въ *M—P*. Съ другой стороны, и сравнительно

Изъ всего сказаннаго видно, что у Аристотеля, съ одной стороны, понятіе объ индукціи подчинено понятію о силлогизмѣ, съ другой же—*συλλογισμός*; и *ἐπαγωγή*—понятія соподчиненныя (ср. *Construch*, 304—308. *Gratry*, II, 28, примѣч. 4. *Карамзинскій*, 14—15). Къ такому противорѣчію его приводитъ двойное пониманіе самаго термина *συλλογισμός*. Этими именемъ онъ обозначаетъ 1) вообще силлогистическое умозаключеніе, 2) логически совершенный силлогизмъ первой фигуры (*barbara*). Ср. выше примѣч. 9-е. Мысль искать для индуктивнаго вывода опоры въ ученіи о причинности—Аристотелю совершенно чужда. Ср. *Construch*, 305—306, 310—311. Ср. напротивъ *Trendelenburg*, *Log. Untersuch.*, II, 371. *Ann. Erläuter. zu d. El. d. ar. Log.*, 79—80. *Ueberweg*, 424. *Veitch* (Veitch) говорить (см. стр. 451а. Ср. также *J. Lachelier*, *Du fondement de l'induction*, Par., 1871, p. 7—12 seqq. *Pesch*, I, 445 seqq.; vol. II, p. 402—404): „Aristotle evidently recognises Material Induction“..., какъ бы объявляя (къ этому объясненію словъ его необходимо прійди, если принять въ расчетъ, въ какомъ значеніи онъ употребляетъ терминъ „material induction“. См. стр. 449 слѣд. Ср. *Hamilton*, III, 318 seqq., IV, 375. *Manuel*, 217 seqq.) тѣмъ самымъ, будто Аристотель обосновываетъ выводъ при неполной индукціи, если не прямо закономъ причинности, то, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе выраженнымъ боже общимъ принципомъ—единообразнаго устройства природы. Однако и подобное предположеніе нельзя было бы подтвердить ссылками на сочиненія нашего мыслителя.

¹⁾ *Anal. pr.*, I, 1, 24 b 18. *Anal. post.*, I, 10, 76b 38. *Top.*, I, 1, 100 a 25. *De soph. elench.*, I, 164b 27—165 a 2. *Rhet.*, I, 2. 1356 b 15.

съ $S-M$, получаемое въ выводѣ $S-P$ не можетъ считаться новымъ въ томъ случаѣ, если $M-P$ оказывается сужденіемъ аналитическимъ, и предикатъ P уже содержится въ M ¹⁾). Обогащаемъ мы наше знаніе чрезъ процессъ вывода, лишь поскольку мы выдвигаемъ при этомъ то, что заключается въ посылакахъ, но на чемъ мы раньше особо не останавливались. Пусть мы построимъ силлогизмъ:

$$\begin{array}{r} M - P, \\ S - M, \\ \hline S - P. \end{array}$$

Это не значить еще, будто, мысля въ $M-P$ субъектъ M и въ $S-M$ предикатъ M , мы имѣемъ также специально въ виду въ первомъ случаѣ S , а во второмъ— P ²⁾). Но если все это и справедливо, то для того, чтобы знаніе наше, когда мы дѣлаемъ заключеніе (на сколько это, на самомъ дѣлѣ, возможно), расширилось, выводъ все-же долженъ отличаться отъ посылокъ, или, иначе говоря, должна быть разница между S и M (поскольку дѣло идетъ о большей посылкѣ) и, далѣе, между P и M (въ противномъ случаѣ заключеніе совпало бы съ меньшей посылкой) ³⁾). Дѣло можетъ при этомъ идти о

¹⁾ Такое же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно отрицательнаго силлогизма:

$$\begin{array}{r} M \text{ не есть } P, \\ S \quad \text{—} \quad M, \\ \hline S \text{ не есть } P. \end{array}$$

S есть M : то, что говорится въ большей посылкѣ, уже распространяется на S . И если „ M не есть P “—сужденіе аналитическое, то отрицаніе предиката P уже дано въ $S-M$.

²⁾ Ср. Анал. рг., II 21, 67 а 33.

³⁾ Еслибы S въ мысли нашей было тождественно съ M , мы имѣли бы:

$$\begin{array}{r} S - P, \\ S - S, \\ \hline S - P. \end{array}$$

Предположимъ далѣе, что $P=M$. Силлогизмъ наш приметъ тогда слѣдующую форму:

$$\begin{array}{r} P - P, \\ S - P, \\ \hline S - P. \end{array}$$

Наконецъ, если $S=M=P=A$, получается

$$\begin{array}{r} A - A, \\ A - A, \\ \hline A - A. \end{array}$$

различіи объективномъ. Положимъ, мы сравниваемъ $S - P$ съ $M - P$. Спрашивается въ такомъ случаѣ, совпадаетъ ли тотъ внѣшній по отношенію къ мыслительному процессу нашему объектъ (будетъ ли это одинъ предметъ, или рядъ вещей, или свойства вещей и т. д.), который обозначенъ у насъ посредствомъ M (или объектъ, который обнимается понятіемъ, выраженнымъ условно черезъ M) съ S ? Конечно, нетрудно видѣть, что S не можетъ оказаться стоящимъ внѣ M : въ последнемъ случаѣ нельзя было бы сдѣлать въ силлогизмѣ подстановку терминовъ ¹⁾, а тогда невозможенъ и самый выводъ. M должно (поскольку дѣло идетъ объ объемѣ ²⁾ понятій) заключать въ себѣ S , при чемъ оно (M) лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (если, напримеръ, $M - P$ представляетъ сужденіе единичное) оказывается только равнымъ ему, а не бѣльшимъ. Что же касается бѣльшаго и средняго терминовъ, то P иногда (именно, если $M - P$ сужденіе синтетическое ³⁾) безусловно отлично отъ M ⁴⁾. Далѣе можетъ идти рѣчь о

Въ этихъ трехъ случаяхъ мы, очевидно, вообще и не заключаемъ, а просто еще разъ утверждаемъ то, что даво.

¹⁾ Пусть дано:

$$\frac{M - P.}{\frac{S - M.}{S - P.}}$$

Меньшая посылка даетъ намъ право подставить S вмѣсто M . Такимъ образомъ получается выводъ $S - P$.

²⁾ Содержаніе каждаго даннаго понятія также представляетъ объектъ мысли, и, когда дѣло идетъ объ объективномъ различіи между заключеніемъ и посылками, можно имѣть въ виду эти объекты.

³⁾ Положимъ, P въ сужденіи $M - P$ представляетъ (употребляя Гамилтоновскую терминологию) величину экстенсивную. $M - P$ можно было бы тогда выразить такъ: „Всѣ объекты M суть объекты M (мѣсто M заступаетъ тутъ, впрочемъ, обыкновенно понятіе болѣе общее, его подчиняющее), имѣющіе признакъ P “. Очевидно, въ этомъ последнемъ предложеніи только P можетъ оказаться приуроченнымъ къ субъекту M синтетически, другая же часть предиката приписывается ему аналитически. Такимъ образомъ въ сужденіи чисто синтетическомъ предикатъ всегда является величиной интенсивной. А потому, сравнивая въ силлогизмѣ:

$$\frac{M - P.}{\frac{S - M.}{S - P.}}$$

P съ M , мы въ томъ случаѣ, когда $M - P$ есть сужденіе синтетическое, должны остановиться на содержаніи этихъ понятій. Какъ интенсивныя же величины, M и P , разумеется, окажутся тогда безусловно различными.

⁴⁾ Сравнивая въ прочихъ случаяхъ содержаніе понятій P и M , мы находимъ:

томъ, чѣмъ съ логической точки зрѣнія различаются S , M и P .
Въ силлогизмѣ:

$$\begin{array}{l} M - P, \\ S - M, \\ \hline S - P, \end{array}$$

S обыкновенно представляетъ понятіе низшее сравнительно съ M , а это послѣднее—подчиненное понятію P . Но само собою разумѣется, соотношеніе между терминами можетъ оказаться и инымъ. Наконецъ, возможенъ случай, когда послыки и объективно, и логически сходны съ заключеніемъ, и различіе оказывается только психологическимъ, напримѣръ, если въ качествѣ терминовъ фигурируютъ понятія тождественныя, которыя какъ по содержанию, такъ и по объему между собой совпадаютъ, но въ которыхъ выдвинуты на первый планъ моменты (признаки, отношенія) разные, такъ что психологически они все-же мыслятся неодинаково. И надо замѣтить, что, чѣмъ больше отличается выводъ отъ посылокъ, тѣмъ дальше расширяемъ мы каждый разъ наше знаніе черезъ процессъ заключенія. Точно также можетъ лишь въ томъ случаѣ формула для вывода помогать намъ обосновывать наши знанія, если при ея примѣненіи выводъ разнится отъ посылокъ ¹⁾. Предположимъ, что это условіе не было бы соблюдено. Тогда, построивъ заключеніе, мы, вмѣсто того,

$P <$ или $= M$. По объему же, напротивъ, $P >$ или $= M$.—Возьмемъ отрицательное заключеніе:

$$\begin{array}{l} M \text{ не есть } P, \\ S \text{ — } M, \\ \hline S \text{ не есть } P. \end{array}$$

Отношеніе между S и M здѣсь то же, что и въ модусѣ *barbara*. Касательно же „ $S-M$ “ и „ S не есть P “ вопросъ можно правильно выяснитъ лишь тогда, если мы будемъ сравнивать M не просто съ P , а съ отрицаніемъ понятія (признака или совокупности признаковъ) P . Пусть „ M не есть P “—сужденіе синтетическое. Ео ирво M въ такомъ случаѣ отрицанія P въ себѣ не содержитъ. Если же большая посылка утверждается аналитически, то это отрицаніе дано уже въ понятіи M и, разсматриваемое, какъ особый признакъ или группа признаковъ (содержаніе понятія), оно должно быть $<$ или $= M$, а по объему (то-есть, совокупность объектовъ, относительно которыхъ предикатъ P отрицается) $>$ или $= M$.

¹⁾ Если заключеніе *implicite* все-же содержится въ посылкахъ, то отсюда далеко не слѣдуетъ, будто выводъ всегда предполагаетъ *circulum vitiosum*. Чтобы утверждать это, нужно было бы доказать, что въ посылкахъ дано заключеніе, и, мало того, мы, аргументируя напередъ самыя посылки, ссылаемся уже на то положеніе, которое потомъ объявляемъ за выводъ.

чтобы доказывать, только повторяли бы одно и то же. И чѣмъ дальше заходить это различіе, тѣмъ шире область, изъ которой мы черпаемъ идеи, необходимыя для доказыванія. а слѣдовательно, тѣмъ успѣшнѣе можетъ въ этомъ отношеніи идти наша работа. Между тѣмъ при полной индукціи выводъ очень мало отличается отъ бѣльшей посылки.

$$\begin{array}{l} A, B, C, D, E... \text{ (всѣ } S) \text{ суть } P. \\ S \text{ (всѣ } S) \text{ суть } A, B, C, D, E... \\ \hline \text{Всѣ } S \text{ суть } P. \end{array}$$

Такъ какъ группа $A, B, C, D, E...$ содержитъ всѣ S , то заключеніе принадлежитъ къ рѣдкимъ случаямъ, гдѣ средній терминъ равенъ меньшему, а слѣдовательно, выводъ и бѣльшая посылка объективно одинаковы ¹⁾. Что же касается логическаго соотношенія между терминми, то $A, B, C, D, E...$ —представленія, соподчиненныя понятію S (или, какъ это у Аристотеля ²⁾ обыкновенно бываетъ, понятія, ему соподчиненныя). Но необходимо при этомъ имѣть въ виду, что въ $A + B + C + D + E + ...$ исчерпанъ весь объемъ понятія S , и что въ заключеніи (такъ-же, какъ и въ посылкахъ) дѣло обыкновенно идетъ не о признакахъ, изъ которыхъ слагается содержаніе понятія S , а объ объектахъ, составляющихъ его объемъ ³⁾.

¹⁾ Отношеніе между P и S (а вмѣстѣ съ тѣмъ и между выводомъ и меньшей посылкой) здѣсь остается обыкновеннымъ: $P >$ или $= A, B, C, D, E...$

²⁾ Ср. выше стр. 260.

³⁾ Предположимъ, что мы мыслили бы S , просто какъ опредѣленную группу представленій, не объединяя этихъ послѣднихъ въ особое понятіе. Тогда разсма- триваемый силлогизмъ принялъ бы слѣдующую форму:

$$\begin{array}{l} A, B, C, D, E... — P, \\ A, B, C, D, E... — A, B, C, D, E... \\ A, B, C, D, E... — P. \end{array}$$

Очевидно, мы въ данномъ случаѣ никакого вывода не дѣлали бы, а вмѣсто того лишь утверждали бы вновь бѣльшую посылку (что же касается сужденія $A, B, C, D, E... — P$, то мы его въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ прочихъ, могли получить, соединивъ рядъ простыхъ сужденій въ одно сложное: $A — P, B — P, C — P...$ отсюда $A, B, C, D, E... — P$). Нечего и говорить, однако, что мы можемъ S мыслить и иначе. Возьмемъ такой примѣръ полной индукціи: Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія населены людьми.

Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія суть части свѣта.

Всѣ части свѣта населены людьми.

„Части свѣта“ мы мыслимъ, какъ понятіе, которому соподчинены „Европа“, „Азія“, „Африка“, „Америка“ и „Австралія“, а не просто какъ совокупность Европа + Азія + Африка + Америка + Австралія. Это видно хотя бы изъ того,

Уже изъ сказаннаго ясно, что Аристотелевской формулой рѣдко можно пользоваться, и что она именно въ случаяхъ наиболѣе интересныхъ неприменима. Сужденіе мы называемъ общимъ, когда предикатъ приписывается всему объему того понятія, которое играетъ роль объекта. Между тѣмъ объемъ понятія обыкновенно представляетъ величину неопредѣленную. Онъ слагается изъ объектовъ, существующихъ въ данный моментъ, прежде существовавшихъ и неограниченнаго количества такихъ, которые еще, можетъ быть, будутъ существовать. Понятіе „дерево“, напримѣръ, обнимаетъ не только деревья, которыя въ настоящее время растутъ или росли прежде, но и тѣ, которыя, быть можетъ, когда либо будутъ расти. Выходить такимъ образомъ, что въ общемъ сужденіи предикатъ высказывается обыкновенно относительно всѣхъ объектовъ извѣстнаго разряда, при чемъ ихъ свойства такъ или иначе охарактеризованы (содержаніе понятія, являющагося объектомъ, слагается изъ признаковъ, имъ принадлежащихъ), но составъ самой группы остается неопредѣленнымъ. Однако на ряду съ понятіями, адіористически общими, можно указать и индиктивно общія ¹⁾, объемъ которыхъ строго ограниченъ.

что предикатъ „часть свѣта“ можетъ быть приложенъ и отдѣльно, напримѣръ, къ объекту „Европа“, и что возможно аналитическое сужденіе: „Европа представляетъ часть свѣта“. Ср. *Л. Рутковский*. Основные типы умозаключеній, С.-Пб., 1888, стр. 56—57. Ср. напротивъ *John Stuart Mill*, A syst. of Log. ratiōative and ind., book III, chart. II, § 1. *B. Erdmann*, 555 seqq. *Троицкий*, II, 141—142. — Консбрухъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что связь между *S* и *P* все-же устанавливается, лишь когда мы дѣлаемъ заключеніе, утверждаетъ (313, ср. 314): „Das Neue, das der Schlusssatz gegenüber den bekannten Prämissen enthält, ist... bei συλλογισμός; und επαγωγή ganz dasselbe“. Случай, когда въ индуктивномъ выводѣ (при полной индукціи) субъектъ мыслится, какъ величина „интенсивная“, хотя и возможны, но на самомъ дѣлѣ крайне рѣдки. Сюда относятся, быть можетъ, скорѣе всего индуктивныя заключенія въ математикѣ; но и они могутъ приниматься и форму общую. Примѣры полной индукціи въ геометріи см. на стр. 270.

¹⁾ Ср. *B. Erdmann*, 555. Въ логикѣ нѣтъ терминовъ, которыми принято было бы обозначать такіе два разряда понятій. Бенно Эрмманъ, обобщая свое различеніе и не приурочивая его непосредственно къ области понятій нашихъ, употребляетъ выраженія „das inductiv Allgemeine“ и „das registrirend Allgemeine“. Но первое изъ нихъ принять неудобно, ибо имъ предрѣшается вопросъ о томъ, какъ устанавливаемъ мы общее положеніе, гдѣ въ качествѣ объекта фигурируетъ понятіе съ неопредѣленнымъ объемомъ; да и, кромѣ того, пользуясь имъ, мы тѣмъ самымъ указывали бы, что названіе „индукція“ не слѣдуетъ прилагать къ индукціи полной (см. ниже). Что же касается втораго, то его трудно перенести въ

„Частями свѣта“, напริมѣръ, называютъ только Европу, Азію, Африку, Америку и Австралію. А само собою разумѣется, если такое понятіе будетъ фигурировать въ качествѣ субъекта, то и самое сужденіе должно оказаться не адіористически, а индуктивно общимъ, то-есть, мы въ немъ будемъ приписывать предикатъ опредѣленной совокупности объектовъ (точнѣе—каждому изъ объектовъ опредѣленной по своему составу группы). Какъ сказано, индукція, по Аристотелю, должна быть полной; примѣняя его формулу, необходимо перечислить всѣ единичные случаи, на которые распространяется заключеніе, или, иначе говоря, которые обнимаютъ понятіе, являющееся въ выводѣ субъектомъ. Но выполнить это требованіе невозможно, если дѣло идетъ о положеніяхъ адіористически общихъ. При помощи полной индукціи мы устанавливаемъ лишь индуктивно общія положенія¹⁾.

русскую рѣчь, сохранивъ за нимъ тотъ отгѣнокъ, который оно имѣетъ въ нѣмецкой. Нужно, наконецъ, замѣтить, что, вводя эти термины, Бенно Эрдманнъ имѣетъ въ виду вообще только „das abgeleitet Allgemeine“, которому у него противопоставляется „das ursprünglich Allgemeine“; между тѣмъ ходъ изложенія у насъ не требуетъ, чтобы подобное различіе было подвергнуто обсужденію. „Das ursprünglich Allgemeine umschliesst alles mögliche ihm unterstehende Besondere“, говоритъ онъ. Такимъ образомъ, если не касаться вопроса о томъ, какъ познаемъ мы „das ursprünglich Allgemeine“, его можно подвести подъ категорію „адіористически общаго“.

¹⁾ Ср. В. Эрдманн, *ibid.* Относительно возвращенія Милля на этотъ счетъ (b. III, ch. II, § 1) ср. ниже. „Aristote, dans le passage des Analytiques où il parle de l'induction, n'a voulu traiter qu'un problème de logique,—замѣчаетъ Рабье (стр. 145, примѣч.); il s'est demandé à quelles conditions l'induction *pourrait* se ramener à un syllogisme. La solution qu'il a donnée de ce problème est théoriquement irréprochable. Mais Aristote n'a certainement pas cru que pratiquement de telles conditions pussent jamais être réalisées... La théorie logique de l'induction n'est donc pour lui qu'une *curiosité théorique*; elle a de plus cet avantage de montrer admirablement ce qui précisément manque à l'induction, telle qu'en fait elle se présente, pour pouvoir être réduite au Syllogisme, à savoir: la complète énumération des cas“. Но даже мы у него читаемъ: „Par conséquent, le problème inductif, tel qu'il se pose en fait, pour Aristote comme pour nous est de savoir ce qui peut suppléer à cette parfaite énumération des cas et combler l'intervalle entre les cas observés et la totalité des cas de l'espèce. Ce problème Aristote l'a résolu à la fin des Analytiques, par une théorie très originale de la connaissance, laquelle n'a rien de commun avec un procédé logique. D'après Aristote, dans un individu, nous avons la faculté de percevoir le genre, l'universel; et l'universel est même l'objet propre de la perception... Il est clair qu'une semblable faculté rend l'énumération des cas et l'induction formelle tout à fait inutiles“ (ср. *Foussier*, Fr. Bacon, Par., 1893, p. 209—211). Однако Рабье приву-

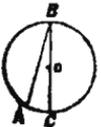
Между тѣмъ громадное большинство научныхъ истинъ принадлежить къ разряду адіористическихъ положеній. И нужно сказать, что сюда относятся истины наиболѣе важныя. Всякое причинное обобщеніе слѣдуетъ включить въ только что названную группу. Правда, „полная индукція можетъ оперировать не съ экземплярами только, но и видами ¹⁾. Большія группы распадаются на меньшія, и послѣднихъ въ группѣ можетъ быть опредѣленное, ограниченное число. Если теперь при посредствѣ какихъ либо другихъ модификацій вывода мы получаемъ возможность приложить извѣстное опредѣленіе каждой изъ этихъ меньшихъ группъ, то перенесеніе его на группу большую, обнимающую сполна меньшія, будетъ, очевидно, примѣненіемъ полной индукціи“ ²⁾, которая и должна при этихъ условіяхъ дать въ результатѣ положеніе адіористически общее ³⁾. Но обставить выводъ

хотѣлъ бы оговориться и сказать: „Malheureusement Aristote ne s'explique nulle part, avec les éclaircissements nécessaires, sur la nature et les modes de procéder de cette faculté“. Далѣе, все это объясненіе все-же не давало бы намъ отвѣта на вопросъ, какое право имѣемъ мы дѣлать обобщенія. Наконецъ, Рабье не принимаетъ въ расчетъ того обстоятельства, что Аристотель на самомъ дѣлѣ оперируетъ при индукціи не надъ отдѣльными случаями, а надъ видами, и слѣдовательно, чтобы воспользоваться приведенными соображеніями относительно процесса познания, пришлось бы утвердить, будто мы въ фактахъ непосредственно познаемъ понятія, и именно понятія, сравнительно высшія.

¹⁾ Ср. примѣч. 21-е.

²⁾ Каринскій, 118. Ср. Veitch, 457.

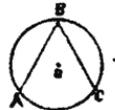
³⁾ Въ элементарной геометріи довольно часто встрѣчаются подобныя примѣры. Такъ, доказывая теорему, что всякій вписанный уголъ равенъ половинѣ центральнаго, опирающагося на ту же дугу, обыкновенно сначала аргументируютъ менѣе общее положеніе, которое гласитъ, что вписанный уголъ ABC

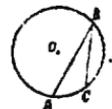
составленный изъ діаметра и хорды, равенъ половинѣ центральнаго,

опирающагося на ту же дугу. Далѣе доказываютъ существованіе равенства въ

случаяхъ, когда центръ лежитъ между сторонами вписаннаго угла

и, наконецъ, берутъ углы, и подъ такую рубрику не подходя іе

подобнымъ образомъ возможно лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Мы тогда должны имѣть въ распоряженіи достаточные аргументы, при помощи которыхъ можно было бы подтвердить заключеніе сначала по отношенію къ каждому изъ видовъ намѣченнаго нами рода (или вообще относительно каждой изъ группъ даннаго разряда). А что всего важнѣе—мы должны быть увѣрены, что данный родъ исчерпывается видами, которые мы обзрѣваемъ. Между тѣмъ обыкновенно въ этомъ убѣдиться невозможно. Дѣло идетъ объ индуктивномъ заключеніи, субъектомъ котораго является понятіе адіористически общее. Такимъ образомъ, называя виды, обнимаемые этимъ послѣднимъ, мы не можемъ принять въ расчетъ всѣ отдѣльные случаи, составляющіе его объемъ. Съ другой же стороны, раздѣленіе на виды (или вообще бѣльшаго разряда на меньшіе) обыкновенно предполагаетъ *fundamentum divisionis* слишкомъ сложное, а во многихъ случаяхъ и недостаточно опредѣленное, такъ что нельзя построить перечисленіе *à priori* и изъ него исходить ¹⁾. Интересно при всемъ

Отъ этихъ трехъ положеній индуктивно переходятъ къ болѣе общему, и индукція въ данномъ случаѣ оказывается полной, такъ какъ дѣленіе тутъ отличается сравнительной простотой, и можно *à priori* утверждать, что означенными тремя группами долженъ исчерпываться тотъ бѣльшій разрядъ, который составляютъ вписанные углы вообще. Такой же процессъ заключаетъ въ себѣ доказательство теоремы: площади двухъ прямоугольниковъ, имѣющихъ одинакія основанія, относятся между собою, какъ высоты. Сначала доказываютъ, что площади двухъ прямоугольниковъ, имѣющихъ основанія одинакія и высоты соизмѣримы, такъ между собою относятся; затѣмъ рассматриваютъ случай, когда высоты несоизмѣримы, и уже отъ установленныхъ при этомъ положеній переходятъ при помощи полной индукція къ болѣе общему. Можно назвать еще цѣлый рядъ теоремъ съ подобными доказательствами. Сюда относятся: а) Если двѣ стороны одного треугольника соответственно равны двумъ сторонамъ другаго, но углы между этими сторонами не равны, то противъ бѣльшаго угла лежитъ и бѣльшая сторона. б) Двѣ параллельныя линіи, пересѣкающія стороны угла, отсѣкаютъ отъ нихъ пропорціональныя части. в) Центральные углы относятся между собою, какъ соответствующія имъ дуги. г) Двѣ пересѣкающіяся окружности имѣютъ всегда двѣ общія точки. е) Двугранные углы относятся между собою, какъ ихъ линейныя углы. ф) Объемы двухъ прямоугольныхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ одинаковое основаніе, относятся между собою, какъ высоты.

¹⁾ Пусть мы раздѣляемъ на виды или группы объекты *x*. За основаніе мы принимаемъ, положимъ, присутствіе или отсутствіе признака *a*. Очевидно въ такомъ случаѣ можетъ получиться только два разряда: первый составятъ объекты, обладающіе свойствомъ *a*, второй—его не имѣющіе. Если мы будемъ дѣлить *x*, принимая въ расчетъ присутствіе или отсутствіе признаковъ *a* и *b*, то получится четыре возможныхъ рубрики (*a*, *b*, *ab*). При трехъ признакахъ

этомъ, что, по Аристотелю, индукція примѣняется, когда мы уста-

a , b , c число возможныхъ группъ возрастетъ до восьми, при четырехъ до шестнадцати и т. д. (само собой разумѣется, что b и d , напримѣръ, могутъ оказаться несовмѣстимыми одинъ съ другимъ, и тогда количество группъ соответственно уменьшится), прогрессивно увеличиваясь, можетъ дойти до большой цифры. Такимъ образомъ, если мы исходимъ изъ сложнаго fundamentum divisionis, то à priori перечислить возможные виды даннаго рода далеко не легко. Мы уже не говоримъ, на сколько разрослась бы вся операція мысли, еслибы пришлось, предположивъ, даже по отношенію къ каждой изъ восьми группъ отдѣльно доказывать истинность выводимаго общаго положенія. И этого мало. Изъ указанныхъ такимъ путемъ à priori группъ нѣкоторыя иногда отсутствуютъ въ дѣйствительности. Между тѣмъ намъ и по отношенію къ нимъ нужно было бы подтвердить справедливость выводимаго обобщенія, за исключеніемъ, конечно, случаевъ, когда априорное обсужденіе самыхъ признаковъ, составляющихъ наше fundamentum divisionis, обнаружило бы намъ невозможность намѣченнаго разряда. Но совершенно не возможно à priori намѣтить всѣ подраздѣленія изслѣдуемой большой группы, когда основаніе неопредѣленно (будетъ ли идти дѣло о совокупности признаковъ, неопредѣленной по составу, или неопредѣленность эта будетъ заключаться въ томъ, что мы примемъ за fundamentum divisionis не присутствие или отсутствіе b , а различныя ступени его развитія, не обозначивъ ихъ себѣ напередъ точно).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно, впрочемъ, каждую изъ степеней интенсивности b разсматривать, въ свою очередь, какъ особый признакъ: b , если напряженіе его дошло до величины m , какъ признакъ α ; съ интенсивностью n —какъ β и т. д., при чемъ α будетъ исключать β , β окажется признакомъ несовмѣстимымъ съ γ и т. д. А тогда опять-таки выдетъ, что за основаніе дѣленія принята неопредѣленная по составу совокупность признаковъ. Препятствовать априорному перечисленію можетъ также неопредѣленность нашего понятія о родѣ, виды котораго мы хотимъ назвать. Вслѣдъ за приведенными строками мы у г. Карняскаго читаемъ: „Извѣстно, что доказательство подобнаго рода не чуждается даже и математика. Если же подъ всѣми видами, относящимися къ извѣстному классу, разумѣть *все извѣстныя намъ* виды, то выводы на основаніи полной индукціи отъ видовъ въ классу вовсе не будутъ рѣдкостью и въ другихъ наукахъ“. Но пусть мы, разсмотрѣвъ всѣ извѣстныя намъ, а не всѣ возможные виды, утверждаемъ предиаать P прямо относительно рода. Тогда это, очевидно, индукція не полная. Съ другой стороны, если мы распространимъ заключеніе лишь на матеріалъ, который обовѣримъ, то оно должно гласить: I) „Всѣ извѣстныя намъ виды рода S имѣютъ признакъ P^* , или II) „Всѣ объекты, принадлежащіе къ извѣстнымъ намъ видамъ рода S , суть P^* “.

I) $a, b, c, d, e, \dots - P$.

Всѣ извѣстныя намъ виды рода S суть $a, b, c, d, e, \dots$

Всѣ извѣстныя намъ виды рода S имѣютъ признакъ P .

II) Всѣ a , всѣ b , всѣ c , всѣ d , всѣ $e, \dots - P$.

Всѣ объекты, принадлежащіе къ извѣстнымъ намъ видамъ рода S , суть всѣ a , всѣ b , всѣ c , всѣ d , всѣ $e, \dots$

навливаемъ высшія посылки. А эти послѣднія обыкновенно принадлежатъ именно къ разряду положеній адіористически общихъ ¹⁾).

Итакъ, мы почти всегда вынуждены ограничиваться индукціей неполной. Но когда у Аристотеля заходятъ рѣчь объ этомъ процессѣ, онъ сохраняетъ ту чисто формальную точку зрѣнія, съ которой разсматривается у него индуктивный выводъ вообще. Неполная индукція въ его глазахъ представляетъ такъ же, какъ и полная, лишь формальную переработку даннаго матеріала. Выводъ долженъ вытекать непосредственно изъ извѣстныхъ намъ отдѣльныхъ случаевъ; они — его единственное основаніе, а Аристотель далеко отъ того, чтобы искать опоры для индуктивнаго заключенія въ такомъ или иномъ общемъ принципѣ, напередъ а priori принятомъ (хотя бы вообще въ принципѣ единообразнаго устройства природы). А при подобномъ характерѣ индукція можетъ давать лишь шаткіе выводы. Пусть выставлено общее положеніе. Если мы потомъ наталкиваемся на случай, ему противорѣчащій, оно, конечно, окажется опровергнутымъ. Но предположимъ, мы, дѣлая заключеніе, приняли въ расчетъ

Всѣ объекты, принадлежащіе къ извѣстнымъ видамъ рода S , суть P . А въ обоихъ этихъ случаяхъ на выводъ нельзя смотрѣть, какъ на положеніе общее. Прибавляя къ субъекту „всѣ извѣстные намъ“, „прилежащіе къ извѣстнымъ намъ“, мы обращаемъ наше положеніе въ частное. Въ этомъ не трудно убѣдиться: стоитъ только взять примѣръ болѣе простой. Группа „всѣ лошади“, конечно, больше, чѣмъ—„всѣ вороныя лошади“. Но въ словѣ „воронья“ еще вѣтъ непосредственнаго указанія на то, что мы беремъ лишь часть объектовъ „лошади“. Между тѣмъ, если мы скажемъ „всѣ извѣстныя намъ лошади“, то прямо выставимъ на видъ это обстоятельство. Такимъ образомъ „всѣ вороныя лошади“ мы все-же разсматриваемъ, какъ цѣльную группу, которая только при сравненіи съ другой большей оказывается входящей въ ея составъ, тогда какъ „всѣ извѣстныя намъ лошади“ мы прямо мыслимъ, какъ часть данной совокупности объектовъ. Придерживаясь указанныхъ только что формулъ, мы приходимъ къ частнымъ положеніямъ индуктивно. Но логика, естественно, останавливается не на случаяхъ, гдѣ индукція можетъ дать лишь частные выводы. Весь интересъ ученія объ индуктивномъ процессѣ сосредоточивается на томъ, чтобы показать, какъ отъ отдѣльныхъ фактовъ переходить къ положеніямъ общимъ.

¹⁾ Объяснить прямо всѣ высшія посылки за адіористическія все-же нельзя. 'Αρχή τῆς ἀποδείξεως характеризуется у Аристотеля, какъ πρότασις ἄριστος, изъ котораго исходитъ силлогистическое доказательство. Между тѣмъ возможно сужденіе „всѣ A суть B “, гдѣ субъектъ A представляетъ индуктивно общее понятіе, отношеніе же между A и B таково, что подыскать къ нимъ средній (въ аристотелевскомъ смыслѣ) терминъ нельзя. Еслибы „всѣ A суть B “ служило при томъ исходной посылкой для доказательства, Аристотель долженъ былъ бы и его причислить къ посылкамъ основнымъ (ἀρχαί).

всѣ случаи, которые до сихъ поръ были доступны наблюденію; мы и тогда не можемъ быть увѣрены, что не встрѣтимъ „контрадикторной инстанціи“ въ будущемъ. Да Аристотель и самъ не отрицаетъ слабыхъ сторонъ такого рода индукціи ¹⁾). Въ виду возможныхъ ошибокъ онъ рекомендуетъ съ особой осторожностью формулировать индуктивныя заключенія. Если же найдется случай, противорѣчащій обобщенію, нужно попробовать выразить это послѣднее иначе; субъектъ его слѣдуетъ тогда замѣнить понятіемъ, въ объемъ котораго намѣченная контрадикторная инстанція не входила бы ²⁾). Такимъ образомъ вопросъ о неполной индукціи остается у Аристотеля совершенно неразработаннымъ ³⁾).

Но не смотря на недостатки, Аристотелевское ученіе объ индукціи имѣетъ въ исторіи развитія этой логической теоріи весьма большое значеніе. Вопросъ о мыслительной операци, при которой индукція остается процессомъ чисто формальнымъ, въ существенныхъ чертахъ исчерпанъ великимъ стагиритомъ ⁴⁾); при томъ Аристотель первый сталъ вообще разрабатывать ученіе объ индуктивномъ выводѣ и разсужденіями своими, каковы бы они ни были, выдвинулъ рядъ вопросовъ, которые должна разсмотрѣть логика. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устанавливаетъ опредѣленное направленіе, котораго и придерживаются въ возрѣніяхъ на индукцію его преемники. Наконецъ, и то ученіе, которое развиваетъ Беконъ и послѣдующіе англійскіе мыслители, исторически стоятъ въ непосредственной связи съ аристотелевскимъ, ибо оно постепенно вырабатывается въ борьбѣ съ этимъ послѣднимъ ⁵⁾).

¹⁾ См. выше стр. 267.

²⁾ *Top.*, VIII, 2, 153 a 18—b 33.

³⁾ Ср. *Construch*, 315—316.

⁴⁾ Бенио Эрдманнъ вообще разсматриваетъ полную индукцію, какъ процессъ, при которомъ мы нѣсколько сужденій соединяемъ въ одно сложное (555 seqq.; ср. выше стр. 267), а потому и признаетъ за аристотелевскимъ ученіемъ объ индуктивномъ выводѣ лишь историческое значеніе (598).

⁵⁾ Георгъ Гротъ утверждаетъ (I, 285 — 289): „Both the two main points of Aristotle's doctrine—the antithesis between Induction and Deduction, and the dependence of the latter process upon premisses furnished by the former, so that the two together form the two halves of complete ratiocination and authoritative proof—both these two are confused and darkened by his attempt to present the Inductive inference and the Analogical or Paradeigmatic inference as two special forms of Syllogistic deduction. But when we put aside this attempt, and adhere to Aristotle's main doctrine—of Induction as a process antithetical to and sepa-

II. Беконъ Веруламскій и переработка его ученія у Джона Стюарта Милля.

Общія замѣчанія.

Ученіе объ индукціи разработано у Аристотеля слабо. Тѣмъ не менѣе средневѣковая логика въ общемъ сохраняетъ его взглядъ на индуктивный выводъ, при чемъ мыслители этого періода, нужно сказать, вопросомъ объ индукціи интересуются вообще весьма мало. Недостатковъ, какіе замѣчаются въ ученіи Аристотеля, и стремятся избѣгать Беконъ Веруламскій и его преемники. Они хотятъ выработать новую теорію индукціи. Въ Аналитикѣ дѣло идетъ объ индук-

---

rate from Deduction, yet as an essential preliminary thereto, — we see that it forms the basis of that complete and comprehensive System of Logic, recently elaborated in the work of Mr. John Stuart Mill... Aristotle's... views of the theory of Inference... that the Deductive process was only the last half of it, presupposing a prior Induction. It is only this last half that Aristotle has here analysed... He made the first step for himself; and if any one would make a second step, so as to apply the same analysis to the other half, and to bring out in like manner the formal conditions and principles of Induction, we may fairly believe that Aristotle would have welcomed the act, as filling up what he himself recognized to be a gap in the entire compass of Reasoning". Необходимо, однако, принять въ расчетъ основной характеръ Первой Аналитики и именно то обстоятельство, что въ этомъ сочиненіи вообще рассматриваются лишь процессы, при которыхъ имѣющійся познавательный матеріалъ (въ обширномъ смыслѣ этого послѣдняго слова, при чемъ сюда входятъ и всякаго рода общія положенія) подвергается формальной переработкѣ. Оставаясь на такой почвѣ, Аристотель никакимъ образомъ не могъ бы включить въ разработанное здѣсь логическое ученіе въ видѣ второй его части теорію индукціи, которая отличалась бы направлениемъ сходнымъ съ Миллевскимъ. Если онъ и противопоставляетъ индукцію силлогизму и если и утверждаетъ, что силлогистическія доказательства наши въ концѣ концовъ все-же должны опираться на индуктивно установленныя высшія послышки (быть можетъ, это возрѣніе, само по себѣ, и имѣетъ большое историческое значеніе), тѣмъ не менѣе онъ въ названномъ трактатѣ только и могъ развить ученіе, какое у него на самомъ дѣлѣ, въ 23-й гл. II-й кн. изложено. Предположимъ, наконецъ, что Аристотелю былъ бы извѣстенъ процессъ индуктивнаго заключенія, какъ его описываютъ англійскіе мыслители. Разсужденія о выводахъ этого порядка не давали-бы отвѣта на гносеологическій вопросъ о томъ, какимъ образомъ подтверждаемъ мы основныя наши послышки, ибо при обобщеніяхъ, о которыхъ трактуетъ Беконъ и его преемники, необходимо играетъ роль послышки такой или иной общій принципъ, напередъ принятый (см. ниже).

ція полной, которая, какъ сказано, приложима только въ исключительныхъ случаяхъ и представляетъ операцію мало производительную; лишь въ Топикѣ разсуждаетъ Аристотель объ индукціи неполной. У англійскихъ мыслителей, правда, очень рѣдко попадаются названія „неполной индукціи“; но они, на самомъ дѣлѣ, сосредоточиваютъ свое вниманіе именно на этомъ процессѣ. Чтобы при неполной индукціи возможно было переходить отъ ограниченнаго количества частныхъ случаевъ къ общему положенію, они обосновываютъ выводъ ученіемъ о причинности, благодаря чему индукція, однако, перестаетъ быть строго формальной переработкой имѣющагося матеріала ¹⁾, обращается въ мыслительную операцію болѣе сложную, чѣмъ „простой“ выводъ, каковымъ является *ἐπαγωγή* у Аристотеля, да и оказывается приложимой лишь тамъ, гдѣ идетъ дѣло о причинныхъ обобщеніяхъ. Но если дать наведенію такой характеръ, то наша работа при индукціи не должна исчерпываться простымъ перечисленіемъ случаевъ, опираясь на которые мы дѣлаемъ заключеніе; ученіе о причинности должно служить намъ путеводной нитью при самомъ процессѣ наведенія. Представители реакціи противъ аристотелевскаго ученія объ индуктивномъ выводѣ и работаютъ усиленно надъ тѣмъ, чтобы установить соотвѣтствующія методическія правила. При этомъ англійскіе философы, сосредоточивая свой интересъ на опытныхъ наукахъ, склонны преувеличивать значеніе индукціи: въ то время какъ Аристотель объявляетъ силлогизмъ за единственный логическій совершенный приемъ доказательства, они обыкновенно готовы признать, будто индукція представляетъ единственный путь, который можетъ приводить насъ къ дѣйствительно цѣннымъ результатамъ въ области знанія.

Но Беконъ и его преемники лишь шагъ за шагомъ, постепенно освобождаются отъ вліянія формальнаго взгляда на индуктивное заключеніе и только мало-по-малу уясняютъ себѣ, какое значеніе имѣетъ для индукціи ученіе о причинности: можно замѣтить у нихъ стремленіе искать для индуктивнаго вывода также и формальной (въ указанномъ выше смыслѣ) опоры; а въ связи съ этимъ и самое ученіе

---

¹⁾ А строго говоря, переходъ отъ частнаго къ общему только и можетъ имѣть мѣсто, когда индукція остается операціей чисто формальной. Если выводъ при наведеніи опирается на законъ причинности, то послѣдній играетъ роль послышки, изъ которой выводится положеніе сравнительно съ этимъ принципомъ менѣе общее.

о приемахъ индуктивнаго изслѣдованія вырабатывается у нихъ лишь постепенно.

А) Беконъ.

Во времена Бекона Веруламскаго уже были сдѣланы нѣкоторыя важныя изобрѣтенія и открытїя, мореплаватели уже употребляли компасъ; благодаря Колумбу, человѣку сталъ извѣстенъ новый мїръ; было изобрѣтено книгопечатаніе. Беконъ и приходитъ къ утвержденію, что знанія доставляютъ человѣку власть надъ природой, и рассматриваетъ отсюда и самую науку вообще, какъ особаго рода силу или могущество. Такая идея является у него, какъ извѣстно, руководящей. Но, къ сожалѣнію, человѣкъ, говоритъ Беконъ, не обладаетъ повнанїями, которыми дѣйствительно можно было бы пользоваться, когда идетъ дѣло о томъ, чтобы властвовать надъ окружающимъ насъ мїромъ. Нѣкоторыя изобрѣтенія, правда, сдѣланы; но это объясняется случайностью. Въ общемъ науки, не смотря на работу дѣлаго ряда поколѣній, достигли лишь жалкихъ результатовъ. Ученые и мыслители избрали себѣ ложный путь ¹⁾. Вѣрные Аристо-

---

¹⁾ The works of *Fr. Bacon*, collect. and edit. by Spedding, Ellis and Heath. Vol. I—VII (vol. I, III, V—VII new ed.). Lond. 1859 — 1870. Vol. I. Nov. Org., lb. I, aphor. 3, 5—8, 19, 73—74, 81, 122—125, 129. Lb. II, 4. De dign. et augm. scient. lb. I, p. 462—463. Distrib. operis, p. 144. Vol. III. Part. instaur. sec. de lin. et arg., p. 549. Cog. et visa, p. 591 — 595, 612. Cp. Valer. term., vol. III, p. 217—224. Fil. labyr. s. formula inquis., p. 496 — 497. Aphor. et consilia, p. 794. Даже самое заглавіе (N. O. lb. I): Aphorismi de interpretatione naturae et regno hominis (Lib. sec. aphor. de interpret. nat. s. de regno hom.), указываетъ на интересующее насъ Бэконовское общее понятіе о человѣческомъ знаніи. „Es Könnte scheinen, als ob nach Bacon's Meinung die Philosophie zwar nicht mehr die Magd der Theologie, die sie im Mittelalter war, bleiben, aber diesen Dienst nur verlassen solle, um in einen andern zu treten, nämlich in den des menschlichen Nutzens oder der practischen Lebenszwecke. Ihre Richtung würde dann völlig utilistisch ausfallen. Man hat auch Bacon so verstanden...

Indessen verfehlt man darüber Bacon's wahre Ansicht. Je weiter und grossartiger die menschlichen Lebenszwecke gefasst werden, um so weniger gehören sie in das enge Gebiet des gewöhnlichen Nutzens, um so mehr fällt in Absicht auf solche Ziele die Wahrheit mit dem Nutzen, die Erkenntniss mit dem Werke zusammen. Sehr schön sagt Bacon (N. O. I, 70, vgl. 99)... dass die lichtbringenden Versuche werthvoller und begehrenswerther seien als die gewinbringenden, man verfühle das Ziel, wenn man in Wettlauf nach jedem goldenen Apfel greife wie Atalanta“. *Kuno Fischer*, *Fr. Bacon und seine Nachfolger*. 2-te Aufl. Leipz. 1875,

телевской теоріи познанія, они надѣялись установить общія положенія науки, прибѣгая къ силлогистическимъ доказательствамъ, и думали, что только высшія посылки, на которыя все же въ концѣ концовъ должны опираться наши умозаключенія, слѣдуетъ подтверждать индуктивно. Между тѣмъ силлогистическое доказательство не можетъ имѣть значенія. Когда оба крайнихъ термина согласуются съ среднимъ, они, конечно, должны согласоваться и между собой. Однако силлогизмъ состоитъ изъ предложеній, предложенія—изъ словъ, слова же суть условные знаки для понятій. А потому, если самыя понятія наши—фундаментъ этого зданія—неопредѣленны и неправильно отвлечены отъ единичныхъ предметовъ, все должно рушиться. Силлогизмъ скорѣе способствуетъ укорененію тѣхъ ошибокъ, которыя мы разъ при выработкѣ нашихъ общихъ идей допустили, чѣмъ отысканію истины. Еслибы даже оказалось, что наиболѣе общія положенія, которыя служатъ исходнымъ пунктомъ при заключеніяхъ, правильно эмпирически установлены, все-же невозможно было бы вывести изъ нихъ „аксіомы среднія“¹⁾, положенія менѣе общія. Запасъ словъ нашего языка и комплектъ понятій, которыя словами означаются и которыми намъ при умозаключеніяхъ приходилось бы пользоваться, далеко не адекватенъ устройству природы со всѣми его тонкостями. Слова наши и идеи несовершенны и бѣдны; да и самый силлогизмъ представляетъ орудіе слишкомъ ничтожное, чтобы при помощи его постигнуть это устройство. Силлогистическіе выводы не могутъ расширить нашей власти надъ природой. Лишь тогда приложимъ силлогизмъ, когда нужно убѣдить кого либо или въ спорѣ одержать побѣду надъ противникомъ,—слѣдовательно. въ этикѣ, политикѣ и т. п. дисциплинахъ²⁾. Наука должна возлагать всѣ надежды не на сил-

---

р. 149—150. Ср. *Ed. Grimm*, Zur Gesch. d. Erkenntnisprobleme. Von Bacon zu Hume. Leipz. 1890. p. 9—12. Ср. также *Fonsegrive*, 10—21 seqq. Напротивъ *Pesch*, I, 63; II, 2, 399—400, 402. Относительно того, на сколько Беконъ признаетъ за науками и теоретическое значеніе, см. *Harms*, 199.

¹⁾ Объ употребленіи термина „аксіома“ у Бекона см. *Grimm*, 22. Bacon's N. O., edit. by Th. Fowler, Oxford, 1878, p. 189—191 (прилѣч. 7). The works of Bacon, edit. by Spedding, I, 186 (прим. 1). *Sigwart*, II, 408. *Bouillet*, Oeuvres de Bacon, t. II, Notes, p. 468—469. *Fonsegrive*, 182. *Троицкий*, II, 82—83. Напротивъ, Либихъ неправильно понимаетъ смыслъ этого термина въ устахъ Бекона (*Just. v. Liebig*, Ueb. Fr. Bacon v. Ver. und d. Meth. d. Naturforschung. Münch 1863. Vorrede, p. VII).

²⁾ N. O. I, 12—14, 19, 24, 29, 69. De augm. sc. lb. V, cap. II, vol. I, p. 621. Distr. op., 135—136. Cog. et visa, III, 606—608. Cp. Instaur. magna. Praef.

логизмъ, а на индукцію. Только при изслѣдованіяхъ индуктивныхъ можетъ она развиваться ¹⁾).

Между тѣмъ „представители діалектики“ разработали теорію наведенія весьма недостаточно. Имъ собственно извѣстно только названіе „индукція“. Какъ они этотъ процессъ описываютъ, его пришлось бы признать за что-то чисто дѣтское. Общее положеніе они устанавливаютъ, опираясь на простое перечисленіе единичныхъ случаевъ и не прибѣгая къ приему исключенія ²⁾). Такая индукція можетъ давать въ результатѣ вѣроятныя предположенія, но отнюдь не выводы достовѣрные, ибо всегда есть опасность, что на самомъ дѣлѣ существуетъ случай, противорѣчащій дѣлаемому обобщенію, и мы только на него не натолкнулись. Построя индуктивное заключеніе, діалектики обыкновенно ограничиваются матеріаломъ слишкомъ необширнымъ, останавливаются на случаяхъ, которые постоянно попадаютъ на глаза, и къ тому же не подвергаютъ ихъ внимательному и тщательному разсмотрѣнію. При этомъ они прилагаютъ наведеніе непосредственно и исключительно къ „аксіомамъ“ наиболѣе общимъ, что, разумѣется, неправильно. Даже будучи предоставленъ самому себѣ и не руководствуясь никакими методологическими принципами, человѣческій духъ, быть можетъ, оперируетъ болѣе совершеннымъ

---

vol. I, p. 128 — 129. Of the profic. and advanc. of learn. book II, vol. III, p. 387—388. Впрочемъ, Беконъ говоритъ (The Letters and the Life of Fr. Bacon by J. Spedding, vol. VII, Lond., 1874. To Father Redempt. Baranzan, p. 375): Non est meum abdicare (мы сохраняемъ правописаніе и интерпункцію цитируемаго изданія) in totum syllogismum. Res est syllogismus magis inhabilis ad praecipua, quam inutilis ad plurima. Ad Mathematica quidni adhibeatur?... In Physica prudenter notas, et idem tecum sentio, post notiones primae classis, et axiomata super ipsas, per inductionem bene eruta et terminata, tuto adhiberi syllogismum, modo inhibeat saltus ad generalissima, et fiat progressus per scalam convenientem. Впослѣдствіи, признавая, что ученіе о силлогистическихъ выводахъ достаточно разработано Аристотелемъ (ср. *Barthélemy St. Hilaire*, II, 264), Беконъ отрицаетъ, однако, всякое значеніе силлогизма, какъ „органа науки“, и въ реакціи своей доходитъ до крайности. Ср. *Ueberweg*, 98; ср. также *Reichlin-Meldegg*, 2-те Abth., p. 10, ср. ниже). Даже въ области этики, политики и т. п. дисциплинъ построеніе силлогизмовъ является въ его глазахъ скорѣе какимъ-то діалектическимъ искусствомъ, чѣмъ серьезной работой научной мысли. Иного рода разсужденія относительно силлогистическихъ умозаключеній мы встрѣчаемъ только въ его письмѣ къ Баронзани (см. выше).

¹⁾ N. O., I, 14. De augm. sc. lb. V, cap. II, vol. I, p. 621. Distrib. op. 136. Cog. et visa, vol. III, p. 607.

²⁾ См. ниже.

образомъ. Необходимо выработать новое учение объ индукціи ¹⁾. А такъ какъ научныя изслѣдованія предшествующаго времени постоянно страдали или отсутствіемъ опредѣленнаго метода, или методическими погрѣшностями, то слѣдуетъ подвергнуть критическому анализу все, чего человѣкъ въ области знанія достигъ, и начать разрабатывать науки сызнова ²⁾.

Такимъ образомъ наведеніе, какъ хочеть поставить дѣло Беконъ, должно, въ отличіе отъ аристотелевской индукціи (неполной), приводить къ заключеніямъ вполнѣ достовѣрнымъ, для которыхъ противорѣчащія инстанціи невозможны. Подобный характеръ выводъ долженъ получать, благодаря тому, что мы будемъ оперировать иначе, чѣмъ прежде,—не чрезъ простое перечисленіе случаевъ, говорящихъ въ пользу даннаго положенія, а примѣняя приѣмъ исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо расширить и урегулировать наблюденія, на которыхъ мы основываемъ наши обобщенія. На этомъ пути нужно подниматься къ аксіомамъ высшимъ лишь постепенно, начавъ съ положеній низшихъ и переходя потомъ послѣдовательно отъ менѣе общихъ къ болѣе общимъ.

¹⁾ N. O., I, 17, 19—20, 22, 25, 69, 105. De augm. sc. lb. V, cap. II, vol. I, p. 617—622. 620. Cap. IV, p. 640. Distrib. op., p. 136—137. Part. sec. delin. vol. III, p. 554—555. Cog. et visa, p. 606—608, 607. Cp. Of the advanc. of learn., b. II, p. 384—389. Были, правда, среди ученыхъ и мыслителей, говоритъ Беконъ, и эмпирики. Но они вели свои изслѣдованія безъ опредѣленнаго метода. N. O., I, 54, 62, 64, 70, 73, 82, 95, 117. Instaur. magna. Praef., vol. I, p. 128—129. Redargutio philosophiarum, vol. III, p. 583.

²⁾ N. O., Praef., vol. I, p. 151—152. Lb. I, aphor. 97. Distrib. op., 137—138. Впрочемъ, критика должна была, по идеѣ Бекона, принять въ расчетъ не методическія ошибки только. N. O., I, 38—71. De augm. sc. lb. V, cap. IV, vol. I, p. 643—646. Distrib. op., p. 138—140. Part. sec. delin., vol. III, p. 548—549. Valer. term., p. 241—242. Cp. Of the advanc. of learn., book II. p. 394—397. Въ сочиненіи De augm. scient. Беконъ, какъ извѣстно, представилъ и планъ энциклопедіи знанія, а также высказалъ свой взглядъ на тогдашнее состояніе отдѣльныхъ наукъ. Cp. Of the advanc. Of learn. Descript. globi intell. (vol. III, p. 727—768). Distrib. op., vol. I, p. 134—135. (Впрочемъ, „not one of the parts of the Great Instauration was completed according to the original design. All were more or less abortive. In every one of them, the De Augmentis and the Novum Organum itself not excepted, accidental difficulties, and considerations arising out of the circumstances of the time, interfered more or less with the first intention and induced alterations either in form or substance or both“. The works of Fr. Bacon ed. by Spedding. Vol. I. Hist. and plan of this edit., p. XII. Cp. Pref. to the N. O. by Ellis, p. 71, 77, 83. Pref. to De Augm. scient., p. 415—420).

Но Беконъ фактически съ перваго же шага значительно суживаетъ свою задачу. Новый методъ долженъ быть универсальнымъ: „основатель“ его требуетъ, чтобы его примѣняли всегда и во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія,—вмѣсто силлогизма, который до того времени разсматривался, какъ огрѣашъ науки. Между тѣмъ въ „*Novum Organum*“ идетъ дѣло лишь о приемахъ, которые должны обезпечить правильное изслѣдованіе „формъ“. Беконъ полагаетъ, что внѣшнимъ свойствамъ предмета, какъ, напримѣръ, тяжести, теплотѣ, холоду, бѣлому цвѣту и пр., соотвѣтствуютъ скрытыя, внутреннія его особенности. Послѣднія принадлежатъ вещи въ себѣ, въ отличіе отъ явленій; ими опредѣляется не отношеніе объектовъ къ познающему человѣку, а бытіе ихъ въ мировомъ цѣломъ; словомъ, подобными качествами должна характеризоваться сущность даннаго предмета. За такія внутреннія особенности Беконъ, повидимому, склоненъ объявить распределеніе составляющихъ внѣшній объектъ мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ и движеніе ихъ. Форма—причина внѣшняго свойства; это—*natura naturans, fons emanationis*, истинный законъ природы ¹⁾). Приступая къ описанію процесса индукціи, Беконъ прямо и говоритъ: „*Inquisitio formarum sic procedit*“ ²⁾). Идея о формѣ лежитъ въ основѣ его ученія. Въ своихъ методическихъ предписаніяхъ онъ на это понятіе опирается, а потому правила его могутъ оказаться приложимыми лишь тамъ, гдѣ выводятся положенія, въ которыхъ дѣло идетъ о „формахъ“. Только случайнымъ образомъ можетъ обнаружиться, что рекомендуемые Бекономъ приемы примѣнимы и при иныхъ изслѣдованіяхъ ³⁾).

¹⁾ „Формы“, по Бекону, ни въ какомъ случаѣ не совпадаютъ съ платоновскими идеями, которыя кореннымъ образомъ отличны отъ матеріи. Это, даѣе, не *vulgaritiae et antipathiae genus* и не *occultae et zresificae proprietates* средневѣковыхъ ученыхъ. Если даже вѣять аристотелеское ученіе о четырехъ причинахъ, то „форма“, правда, оказывается соотвѣтствующей причинѣ формальной, но отнюдь не одинакова съ ней: *causa formalis* объединяетъ въ себѣ все, что принадлежитъ объекту, какъ сущности; Беконовская же „форма“ представляетъ лишь внутреннюю основу (да и основу эту Беконъ хочетъ, какъ сказано, видѣть именно въ распределеніи и движеніи матеріальныхъ частицъ) даннаго внѣшняго свойства вещей. (Конечно, все же нельзя отрицать связи между аристотелевскимъ и Беконовскимъ ученіемъ о причинности. Ср. *Chr. Sigwart, Ein Philosoph und ein Naturforscher* üb. Fr. Bacon v. Verul. *Preuss. Jahrb.*, Bd. XII, p. 109—110).

²⁾ N. O., II, 11.

³⁾ См. слѣд. стр.

Знаніе должно расширить могущество человѣка; оно должно являться въ рукахъ нашихъ орудіемъ, при помощи котораго можно было бы измѣнять качества предметовъ и сообщать вещамъ свойства новыя. Но съ такой точки зрѣнія едва ли особенно желательнымъ можетъ быть изслѣдованіе формъ въ обыденномъ (аристотелевско-схоластическомъ) смыслѣ этого послѣдняго слова. Да и выполнить подобную задачу было бы не такъ легко: субстанціальныя формы слишкомъ многочисленны и сложны. Далѣе, пусть извѣстны намъ движущія и матеріальныя причины вещи: такимъ знаніемъ мы могли бы воспользоваться лишь въ томъ случаѣ, еслибы имѣлась на лицо соотвѣтствующаго рода матерія и дѣйствующая сила. Только знаніе формъ въ указываемомъ (Беконскомъ) смыслѣ можетъ имѣть дѣйствительно большое практическое значеніе. Природа различнымъ образомъ комбинируетъ ихъ, откуда и объясняется разнообразіе вещей; сама же по себѣ, каждая форма представляетъ нѣчто простое (а не сложное), и—нужно сказать—внутреннія свойства объектовъ, терминомъ этимъ обозначаемыя, сравнительно немногочисленны. Практическую „аксіому“, которая основана на знаніи „формъ“, можно примѣнять независимо отъ того, есть ли подъ руками даннаго рода матерія, и оказывается ли въ имѣющемся случаѣ возможнымъ воспользоваться силой, влияніе которой мы раньше наблюдали. Вслѣдствіе этого подобное практическое обобщеніе сохраняетъ свое значеніе всегда и вездѣ ¹⁾. И вотъ Беконъ, не обращая вниманія на то обстоятельство, что и съ его точки зрѣнія все-же возможны теоретическія и практическія аксіомы инаго рода, прямо исходитъ въ ученіи объ индукціи изъ понятія о „формѣ“ ²⁾.

¹⁾ Человѣческое знаніе можно сравнить съ пирамидой: наблюденія наши, взятые въ ихъ совокупности (*historia naturalis et experimentalis*), составляютъ ея фундаментъ; низшую часть зданія образуетъ физика, которая разсматриваетъ движущую и матеріальную причину вещи; ближе всего къ вершинѣ тѣ, въ истинномъ смыслѣ, общія положенія метафизики, въ которыхъ дѣло идетъ о „формахъ“. Ср. ниже.

²⁾ N. O., I, 50—51, 75; II, 1—20 seqq. De augm. sc. lb. III, cap. IV, vol. I, p. 550—551, 560—561, 564, 565—568. Cap. V, p. 571, 573. Cap. VI, p. 576. Ср. N. O., I, 127. *Norma historiae praesentis* vol. II, p. 17—18. *Of the advanc. of learn. book II*, vol. III, p. 352—366. Part. sec. delin., 553—557. *Fil. labyr. v. inquis. legit. de motu*, 639—640. *Aphor. et consilia*, 793—794. Ср. также *Kuno Fischer*, 178—182. *H. Natge*, Ueber Francis Bacon's Formenlehre, Leipzig, 1891. *H. Heussler*, Fr. Bacon und seine geschichtl. Stellung, Breslau, 1889. *Sigwart*, Log. II, 408—411. *Ueb. Fr. Bacon*, 108—111. *Apelt*, 151—152. *Grimm*, 29—31, 38, 50—51, 53,

Не смотря, однако, на начальныя слова 11-го афоризма II-й книги *Nov. Org.*, Беконъ самъ едва ли сознаетъ, что онъ такъ ограничиваетъ область примѣненія индукціи. Какъ поставлено дѣло въ его классификаціи наукъ, разсмотрѣніе „формъ“ должно составить от-

56. *Al. Schmid*, I, 270—271. N. O., edit. by Fowler, *Introd.* 53—59 и примѣчанія къ тексту. *The works of Fr. Bacon*, ed. by Spedding. Vol. I. *Gener. pref. to Bacon's philos. works*, p. 25—32, 40—41, 45—46. *Al. Bain*, *Logic*, p. I—II, 2 ed., Lond., 1873, p. II, p. 405. *Blakey*, 205—206. *Veitch*, 449 seqq. 469 seqq. *Ch. Adam*, *Philos. de Fr. Bacon*, Par. 1890, p. 90—99, 250—256, 289—304. *J. Barthélemy St.-Hilaire*, *Et. sur Fr. Bacon*, Par. 1890, p. 47—48, 52—53. *Fonsegrive*, 178—180, 230—232 seqq., 262—270 seqq. *Ch. de Rémusat*, *Bacon sa vie, son temps, sa philosophie et son influence jusqu'à nos jours*. Par., 1857, p. 241—246. *P. Janet*, 443, *Ch. Lévêque*, *Fr. Bacon métaphysicien (Revue Philos., 1877, № 2, p. 113—144)*, p. 137 seqq. *V. Brochard*, *La philos. de Bacon (ibid., 1891, № 4, p. 368—381)*, p. 374 seqq. *P. Lannery*, *H. Natge*, *Ueb. Fr. Bacons Formenlehre (ibid., 1891, № 7, p. 105—107)*. *Каринскій*, 32—35. *Троицкій*, II, 188, III, 10.—Ср. ниже стр. 284—285. — „Что понимать подъ... формой даннаго свойства, это не вполнѣ ясно у Бекона“. *Каринскій*, стр. 32.—Въ IV-ой гл. III-ей кн. сочиненія *De augm. scient.* (vol. I, p. 560) Беконъ говоритъ: „*Physicam abstractam in duas partes rectissime dividi posse statuimus; doctrinam de Schematismis Materiae et doctrinam de Appetitibus et Motibus*“. Эти схематизмы и движенія у нашего автора тотчасъ же и перечисляются. Въ той же главѣ на стр. 566-ой мѣсто это для выясненія Беконскаго ученія о формахъ во многихъ отношеніяхъ особенно характерно—онъ продолжаетъ: „*Formam vero inquirere Densi, Rari, Calidi, Frigidi... et similibus tam Schematismorum quam Motuum, quos in Physica tractanda magna ex parte ennumeravimus*“... Между тѣмъ физика, какъ извѣстно, должна, по Бекону, быть посвящена лишь разсмотрѣнію движущей и матеріальной причинъ предметовъ (р. 550—551, 561, 564—571; cap. V, p. 571, 573. N. O., II, 9). Къ приведенной только что фразѣ онъ прибавляетъ:... „*quique... Essentias et Formas* (слово это употреблено здѣсь въ аристотелевскомъ смыслѣ и означаетъ, если перевести его на Беконскій языкъ, совокупность принадлежащихъ объекту формъ) *omnium substantiarum conficiunt et sustinent*“. Схематизмы и движенія представляютъ нѣчто принадлежащее сущности вещи. Это—истинныя „формы“, опредѣлять которыя должна метафизика. Вопросъ же о матеріи, изъ которой данныя схематизмы составились, и о силѣ, благодаря вліянію которой они образовались, относится къ физикѣ. Такимъ же образомъ наследуетъ эта послѣдняя наука, когда дѣло идетъ о движеніи мельчайшихъ частицъ въ наблюдаемыхъ предметахъ, лишь вещество и дѣйствующую причину, сама же по себѣ названнаго движенія (а также ихъ причина конечная) составляютъ предметъ наученія метафизики. См. въ той же IV-ой гл. III-ей кн. *De augm. Scient.*, стр. 561. Въ приведенныхъ мѣстахъ Беконъ затемняетъ и запутываетъ изложеніе своихъ взглядовъ отчасти тѣмъ, что употребляетъ слово „*Schematismus*“ въ двоякомъ значеніи. Онъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ: а) „*ein moleculares Lageungsverhältniss*“, которое есть отдѣльно взятая форма (р. 560, 566. Ср. N. O.,

дѣлъ метафизики. Исходя изъ Аристотелевскаго ученія о четырехъ причинахъ. Беконъ хочетъ посвятить метафизику изученію формальной и конечной причины вещей, изслѣдованіе же матеріальной и дви-

I, 50—51. См. *Natge*, 40), b) совокупность принадлежащихъ предмету формъ (N. O., II, 1, 7, 9, 17. Часто съ атрибутомъ „latens“. *Natge* *ibid.*: „die Summe aller molecularen Lagerungsverhältnisse eines concreten Körpers“. Но когда дѣло идетъ о второмъ изъ указываемыхъ значеній, употребить слово „Lagerungsverhältnisse“ несовсѣмъ удобно, ибо въ приведенныхъ афоризмахъ Беконъ имѣетъ въ виду не только распределение матеріальныхъ частицъ, но и ихъ движенія).—*Шарль Адамъ* (см. стр. 251, 253; ср. 289) думаетъ, что Беконъ измѣняетъ аристотелевское понятіе о матеріальной причинѣ и отождествляетъ послѣднюю съ внутреннимъ схематизмомъ вещи (latens schematismus). Нашъ авторъ, дѣйствительно, требуетъ (*De augm. scient.* lb. III, cap. IV, p. 550—551, 561, 564—571. Cap. V, p. 571, 573. Ср. N. O., II, 1, 7, 9, 17), чтобы въ физикѣ, которая, какъ сказано, занята у него изученіемъ матеріальной и движущей причины предметовъ, шла рѣчь также и о схематизмахъ. Но мы уже говорили, съ какой точки зрѣнія должна эта наука, по Бекону, изслѣдовать тѣ распределения мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ (Schematismi), которыя приходится разсматривать, какъ *отдѣльныя* формы (въ отличіе отъ агрегатовъ формъ). Подобнымъ же образомъ разъясняетъ онъ, какъ изучаются въ физикѣ „concreta sive creaturae“, или схематизмы во второмъ изъ указанныхъ значеній этого слова: *Physica autem Concreta eandem subit divisionem, quam Historia Naturalis..... Etenim in hisce omnibus Historia Naturalis factum ipsum perscrutatur et refert, at Physica ibidem causas, sed intellige hoc de causis fluxis, Materia scilicet et Efficiente*“ (*De augm. sc.* lb. III, cap. IV, p. 551). Впрочемъ „la cause matérielle n'est plus pour lui (sc. pour Bacon) la matière telle que l'entendaient les péripatéticiens. une simple puissance, entièrement passive, trop éloignée des phénomènes pour rien expliquer, et, en définitive, un pur néant“ (*Adam*, 251). Матеріальная причина у Бекона не безкачественное вещество. Это обладающія уже извѣстными свойствами вещи, изъ которыхъ формируются новыя. Такимъ образомъ для предметовъ, которые вновь образуются, причиной названнаго порядка являются частицы вещества, какъ онѣ по опредѣленнымъ схемамъ и при извѣстныхъ движеніяхъ своихъ формируютъ другіе, уже до процесса образованія данной вещи имѣющіеся на лицо объекты. Иначе говоря, матеріальной причиной новой вещи оказывается внутренній схематизмъ, прежде существовавшій. Только въ подобномъ смыслѣ можно было бы сказать выистъ съ Ш. Адамомъ... „la cause matérielle devient pour lui (sc. pour Bacon) le schématisme latent“ (стр. 253). Необходимо замѣтить, что Беконъ недостаточно различаетъ сущность вещи съ одной стороны, и, съ другой стороны,—заковъ, которымъ (дѣло идетъ о точкѣ зрѣнія самого Бекона) можно объяснить внѣшнія явленія, вытекающія изъ особенностей, принадлежащихъ предмету въ себѣ. Ср. *Natge; Heussler*, 97 seqq. N. O., edit. by Fowler, 58—59 и примѣч. къ тексту. *The works of Fr. Bacon*, ed. by Spedding. Vol. I, Gener. pref., p. 25—32. *Ансельмъ* утверждаетъ (стр. 153): „Da Bacon die Urbegriffe des Verstandes verwirft, so hat er keine leitenden

жушей—предоставляетъ физикѣ ¹⁾). Такимъ образомъ онъ, чтобы остаться послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы признать, что его методическіе приемы могутъ найти себѣ приложение только въ предѣлахъ метафизики и именно лишь въ одномъ изъ тѣхъ двухъ отдѣловъ, на которые она распадается ²⁾). Но нашъ авторъ далекъ отъ этого. Напротивъ, онъ даже въ *N. O.* предостерегаетъ насъ, чтобы мы не думали, будто рекомендуемымъ методомъ слѣдуетъ пользоваться только въ натурфилософій (*philosophia naturalis speculativa*), которая, по его плану, обнимаетъ уже обѣ части метафизики и физики. Какъ старая логика, разсуждая о силлогизмѣ, имѣла въ виду человѣческое знаніе вообще, а не какую либо специальную область, такъ и новыя предписанія должны оставаться въ силѣ и для этики, политики, логики,—для всѣхъ наукъ ³⁾). Впрочемъ, *N. O.* представляетъ, какъ извѣстно, сочиненіе незаконченное. А въ 17-мъ афоризмѣ II-й книги идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ физикѣ (какъ Беконъ эту науку характеризуетъ), и Беконъ за-

---

Maximen für seine Inductionen“. Но въ виду изложеннаго ученія о формахъ и его значеніи для теоріи индукціи смыслъ этого замѣчанія (не смотря на разсужденія, которыя находимъ у Апельта на стр. 150) становится неяснымъ. Эллизъ говоритъ (*vol. I, Gener. pref., p. 28. См. также 40—41*);... „the doctrine of Forms is in some sort an extraneous part of Bacon's system“. Относительно аргументовъ, которыми онъ хочетъ подтвердить такой взглядъ, см. *Natge*, 28—30. Какую роль понятіе о „формахъ“ играетъ въ Беконовскомъ ученіи объ индукціи,—подробнѣе объ этомъ см. ниже.

¹⁾ *De augm. sc. lb. III, cap. III, vol. I, p. 547. Cap. IV, p. 548—550, 551 561, 564—571. Cap. V, p. 571, 573. N. O., II, 9.*

²⁾ Впрочемъ, Беконъ причисляетъ къ „формамъ“ также и количество составляющихъ вѣншній предметъ матеріи, его фигуру,—вообще квантитативныя опредѣленія вещи. А формы такого порядка изучаетъ, говоритъ онъ, математика, которая, правда, представляетъ, по его идеѣ, лишь особаго рода добавленіе (*appendix*) къ физикѣ и метафизикѣ. *De augm. scient. lb. III, cap. VI, vol. I, p. 576—577.* (Мы у него нигдѣ не встрѣчаемъ особыхъ разсужденій относительно того, нужно ли и математику разрабатывать индуктивно и къ какимъ приемамъ слѣдовало бы въ такомъ случаѣ въ этой области прибѣгать. Необходимо, однако, замѣтить, что къ *Parascève ad hist. natur. et exper.* приложенъ *Catalogus historiarum particularium*, и Беконъ здѣсь въ концѣ своего перечня замѣчаетъ: „*Etiam Mathematicarum purarum Historiae conscribendae sunt, licet siat potius observationes quam experimenta*“. Далѣе у него и названы 1) *historia naturarum et potestatum Numerorum* и 2) *historia naturarum et potestatum Figurarum.* См. *vol. I, p. 410. Ср. впрочемъ: The Letters of Fr. Bacon, vol. VII. To Baranzan, p. 375.*

³⁾ *N. O., I, 127.*

мѣчаетъ, что относительно способа ихъ разработки у него еще нѣтъ рѣчи ¹⁾. Вопросы эти въ ряду прочихъ упоминаются затѣмъ и въ послѣднихъ строкахъ II-й книги, когда говорится о содержаніи той части (или тѣхъ частей) сочиненія, къ которой (или къ которымъ) авторъ думалъ далѣе перейти ²⁾. Но афоризмъ 21-й показываетъ, что Беконъ предполагалъ только выяснитъ, какъ нужно видоизмѣнять изслѣдованіе, смотря по тому, на какіе объекты оно распространяется, и эти модификаціи являются въ его глазахъ не кореннымъ измѣненіемъ метода, а лишь средствомъ къ тому, чтобы описанную въ существенныхъ ея чертахъ операцію наведенія сдѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ болѣе легкой и плодотворной ³⁾. Такимъ образомъ мѣста эти все-же не даютъ права утверждать, будто Беконъ понимаетъ, что его индукція могла бы оказаться приложимой въ физикѣ и вообще внѣ метафизики (въ томъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ въ его устахъ) или даже точнѣе—соотвѣтствующаго отдѣла ея лишь въ томъ случаѣ, еслибы отбросить понятие о „формѣ“ и установить методическія правила, исходя изъ болѣе общей идеи о причинности.

Такъ какъ „форма“ представляетъ внутреннюю основу для внѣшняго свойства вещи, то она должна быть на лицо всюду, гдѣ данное качество наблюдается. Въ виду этого при индукціи нужно, впервыхъ, принять въ расчетъ всѣ извѣстные намъ случаи, въ которыхъ, не смотря ни на какія различія между предметами ⁴⁾, имѣется подлежащее разсмотрѣнію свойство. Это собраніе „инстанцій“ составитъ „таблицу присутствія“ (*Tabula Essentiae et Praesentiae*). Если, на-

¹⁾ См. также афор. 41-й. Ср. Part. sec. delin. vol. III, p. 555. Ср. выше стр. 282.

²⁾ Aphor. 52.

³⁾ Ср. Part. sec. delin., vol. III, p. 555—556.

Выраженіе „*per materia licet dissimillimas*“, которое мы истолковали въ смыслѣ—„не смотря ни на какія различія между предметами“, можно понять и въ значеніи—„не смотря на различное *вещество*, изъ котораго предметы, обладающіе даннымъ свойствомъ, составились“. Но какой бы смыслъ Беконъ слову „*materiae*“ въ данномъ случаѣ самъ не придавалъ, это второе толкованіе слишкомъ обезцвѣчивало бы его ученіе о приемахъ индуктивнаго изслѣдованія (въ таблицѣ присутствія именно и характерно то, что мы тутъ находимъ инстанціи, во *всехъ* прочемъ различныя, кромѣ присутствія изслѣдуемаго *a*, такъ что, если это *a* всюду сопровождается внутреннимъ качествомъ *b*, то между *a* и *b* надо предположить необходимую связь), и 11-й афоризмъ при такомъ пониманіи едва ли согласовался бы съ прочими разсужденіями автора о процессѣ наведенія.

примѣръ. дѣло идетъ о формѣ тепла, то сюда относятся: I. Лучи солнца, особенно лѣтомъ и въ полдень. II. Лучи солнца, когда они рефлектируются и концентрируются — между горами, благодаря стѣнамъ зданій, и въ наиболѣе сильной степени — зажигательными стеклами. III. Огненные метеоры. IV. Молнія, когда жжетъ предметы, на которые окажется направленной. V. Изверженія пламени изъ расщелинъ въ горахъ и т. д. „Формы“ не можетъ быть тамъ, гдѣ отсутствуетъ изучаемое внѣшнее свойство. Необходимо, впрочемъ, обратить вниманіе на инстанціи, въ которыхъ испытуемаго качества нѣтъ. Впрочемъ отрицательныхъ случаевъ безконечное количество. „Таблица отсутствія“ (*Tabula Declinationis, sive Absentiae in proxiimo*) должна заключать лишь инстанціи наиболѣе сродныя тѣмъ, которыя входятъ въ первую таблицу. Согласно съ этимъ Беконъ въ своемъ примѣрѣ хочетъ обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что I) лучи, идущіе отъ луны, звѣздъ и кометъ ¹⁾, не вызываютъ ощущенія теплоты; обыкновенно при полнолуніи наступаютъ даже наиболѣе сильные холода; впрочемъ, утверждаютъ, что, когда солнце приближается къ большимъ неподвижнымъ звѣздамъ, тѣ увеличиваютъ даваемое имъ тепло: такъ бываетъ, напримѣръ, когда солнце попадаетъ въ созвѣздіе Льва. II) Слѣдуетъ испытать дѣйствіе зажигательнаго стекла ²⁾, не только если на него направлены лучи солнца, но и при огнѣ. III) Иногда молнія блещетъ, но не жжетъ; въ подобнаго рода случаяхъ не бываетъ грома ³⁾ и т. д. То внутреннее свойство, которое мы объявляемъ за „форму“, должно, наконецъ, дѣлаться менѣе или болѣе напряженнымъ, гдѣ это наблюдается относительно изслѣдуемаго внѣшняго качества. Надо, втретьихъ, составить „таблицу степеней, или сравнительную“ (*Tabula Graduum, sive Comparativa*). Если дѣло идетъ о формѣ теплоты, желательно при этомъ отмѣтить, что I) живыя существа при перемежающейся лихорадкѣ ⁴⁾ сначала забнутъ, а спустя нѣкоторое время особенно сильно согрѣваются; также бываетъ и при горячкѣ и лихорадкахъ прилипчивыхъ. II) Наружные органы животнаго ⁵⁾ зимой и въ холодную погоду охлаждаются; внутренніе же въ такомъ случаѣ становятся, повидимому, болѣе теп-

¹⁾ Ad Instantiam primam affirmativam, Instantia prima negativa vel subjunctiva.

²⁾ Ad secundam septima.

³⁾ Ad quartam nona.

⁴⁾ У Бекона инстанція 10-я.

⁵⁾ 13-я инстанція.

лыми. III) Доставляемое небесными свѣтилами тепло ¹⁾ не достигаеъ даже въ наиболѣ теплыхъ странахъ въ самое теплое время года и въ наиболѣ теплое время дня силы достаточной для того, чтобы зажечь сухое дерево, солому или хотя бы трутъ,—развѣ если его усилить, употребивъ зажигательное стекло, но оно можетъ, дѣйствуя на влажный предметъ, вызвать испаренія. Таблицы необходимо составлять „исторически“ ²⁾, то-есть, объективно, безъ предвзятыхъ идей и не дѣлая поспѣшныхъ предположеній относительно „формы“, которую мы хотимъ опредѣлить ³⁾.

¹⁾ 14-я инстанція.

²⁾ N. O., II, 11. Atque hujusmodi collectio facienda est historice, absque contemplatione praefestina, aut subtilitate aliqua majore. Словами „aut subtilitate aliqua majore“ Беконъ здѣсь, можетъ быть, хочетъ указать и на то, что таблицы должны заключать въ себѣ лишь факты, — безыскусственно (какъ у диалектиковъ) построенныхъ объяснительныхъ разсужденій. Фовлеръ истолковываетъ слово „historice“ въ приведенномъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ (N. O., edit. by Fowler, 59 примѣчаніе къ тексту): „That is, according to the actual order in which they present themselves to the investigator in the course of his observations, not according to any predetermined order. The order of arrangement must be determined after collection, when all the instances are before us; otherwise, we are in danger of overlooking altogether instances which may be material to our enquiry“. Можетъ быть, интересное насъ выраженіе я даеъ право предполагать, что Беконъ такъ представляетъ себѣ процессъ составленія таблицъ. Но если „основатель новаго метода находитъ сходство между естествоиспытателемъ, который собираетъ инстанціи, и историкомъ, то можно, опредѣляя его ученіе объ индукціи, извлечь изъ этого сравненія и нѣчто болѣе характерное. Беконъ какъ бы говоритъ: внося инстанціи въ особыя таблицы, изслѣдователь долженъ вести дѣло также, какъ хроникеръ, который только сообщаетъ событія, не пускаясь ни въ какія умствованія. Въ приведенномъ замѣчаніи у Бекона идетъ рѣчь о первой таблицѣ. Но по смыслу дѣла, конечно, можно было бы сказать то же и относительно остальныхъ. Ср. также аформ. 15-й.

³⁾ Arhog. 4, 11—13. Ср. Arhog. et consilia vol. III, p. 794. Ср. также выше стр. 282. Уже предложенныя Бекономъ съ цѣлью опредѣлить „форму“ тепла таблицы показываютъ, что по его мысли матеріалъ, необходимый для индуктивныхъ обобщеній, составляется не изъ единичныхъ, въ буквальной смыслѣ этого послѣдняго слова, случаевъ. „Инстанція“ не есть встрѣтившійся намъ разъ когда либо отдѣльный фактъ или объектъ. Наблюденный случай разсматривается, какъ одна инстанція, не только если мы имѣемъ въ виду лишь одинъ примѣръ его наступленія, но и тогда, когда мы наталкивались на него много разъ. Инстанція—лишь случай одного опредѣленнаго типа. И нужно сказать, что такое понятіе о матеріалѣ для опытныхъ изслѣдованій проглядываетъ у Бекона всюду, гдѣ только вообще идетъ дѣло о наблюденіяхъ, на почвѣ которыхъ строятся наши индуктивные выводы.

Послѣ того, какъ таблицы приготовлены, можно было бы подыскать и объявить за форму внутреннее свойство, которое имѣется вездѣ, гдѣ есть рассматриваемое внѣшнее качество, отсутствуетъ, когда его нѣтъ на лицо, и вмѣстѣ съ нимъ становится менѣе или болѣе интенсивнымъ ¹⁾. Но еслибы мы стали опредѣлять искомыя формы, какъ только даны соответствующія инстанціи, это именно привело бы насъ къ ложнымъ идеямъ и такимъ „аксіомамъ“, которыя въ виду противорѣчащихъ случаевъ постоянно нужно было бы исправлять или (какъ это обыкновенно дѣлали схоластики) защищать, не смотря на ихъ несостоятельность. Только Богъ, истинный виновникъ „формъ“, который далъ ихъ вещамъ (можетъ быть, еще ангелы и высшіе безплотные духи), говорить Беконъ, можетъ ихъ зрѣть непосредственно. Мы люди должны, прежде чѣмъ на чемъ либо остановиться, отвергнуть неправильныя опредѣленія испытуемой формы такъ, чтобы стало невозможнымъ утверженіе, которое на самомъ дѣлѣ опровергается контраридикторными инстанціями (или контраридикторной инстанціей). Необходимо каждый разъ дѣлать исключеніе и отбрасывать свойства, которыхъ нѣтъ, когда есть на лицо данное внѣшнее качество (хотя бы это можно было сказать относительно одного только случая), или которыя встрѣчаются тамъ, гдѣ нѣтъ послѣдняго, или растутъ, тогда какъ оно уменьшается, или дѣлаются менѣе напряженными въ случаяхъ, гдѣ оно становится болѣе интенсивнымъ; ни одно изъ нихъ не можетъ оказаться искомой формой ²⁾. I. Обративъ вниманіе на пламя и особенно на огонь подземный ³⁾, который слишкомъ удаленъ и защищенъ отъ лучей, посылаемыхъ небесными свѣтилами, можно прійти къ увѣренности, что тепло не составляетъ исключительной принадлежности небесныхъ тѣлъ (*natura coelestis*). II. Накаленное желѣзо (или другой металлъ), нагрѣвая

¹⁾ Беконъ прибавляетъ еще (афор. 15): „Sitque... limitatio naturae magis communis“. Относительно смысла этихъ словъ см. *The works of Fr. Bacon*, edit. by Spedding. Vol. I. Gener. pref., p. 28—33, 256, примѣчаніе 1. N. O., edit., by Fowler, стр. 344, примѣчаніе 31, стр. 381, примѣчаніе 71. Ср. также *Ф. А. Зельмоторскій*, стр. 109. Напротивъ *Ремюза* на стр. 248 (примѣчаніе 1) едва ли что выясняетъ.

²⁾ Говоря объ „исключеніи“, Беконъ употребляетъ не только выраженія: „*rejection, exclusio, exclusiva*“, но и—„*solutio, veragatio*“, какъ бы выставивъ на видъ, что мы при помощи этого приема выдѣляемъ изъ большой группы одно свойство, которое и признаемъ въ концѣ концовъ за „форму“.

³⁾ У Бекона подъ № 2.

какое либо тѣло ¹⁾, ничего не теряетъ въ своемъ вѣсѣ и матеріи; а потому нельзя предположить, будто тепло получается, благодаря тому, что въ предметъ привходитъ теплое вещество. III. Когда вода или воздухъ становятся горячими, они не даютъ свѣта; те же можно сказать и относительно металловъ (а равнымъ образомъ и другихъ твердыхъ тѣлъ), если они нагрѣты ²⁾, но не накалены; нельзя, слѣдовательно, считать свѣтъ за форму теплоты ³⁾ и т. д.

Когда мы сдѣлаемъ исключеніе полное, должно остаться у насъ въ концѣ концовъ то изъ намѣченныхъ свойствъ, которое дѣйствительно представляетъ „форму“ разсматриваемаго качества. Послѣ отрицанія при индукціи переходятъ къ утверженію. Впрочемъ, въ приведенномъ примѣрѣ слѣдовало бы, замѣчаетъ Беконъ, подвергнуть исключенію не указываемыя свойства только. Въдѣ таблицы тамъ составлены несовершеннымъ образомъ: онѣ заключаютъ въ себѣ лишь примѣры, а не (можно комментировать слова автора) полное собраніе инстанцій. При томъ же необходимы правильно выработанныя понятія о свойствахъ вещей. Безъ этого исключеніе и давно не можетъ оказаться убѣдительнымъ. Такимъ образомъ мы должны выставить наше утверженіе относительно формы тепла съ величайшей осторожностью и пока проблематически ⁴⁾. При этомъ слѣдуетъ воспользоваться и инстанціями, которыя въ таблицы не внесены. Да и

¹⁾ № 4.

²⁾ № 5.

³⁾ Aphor. 15—16, 18—20. Ср. Cog. et visa vol. III, p. 618. Aphor. et consilia, p. 794. Ср. также выше стр. 282.

⁴⁾ Фоназегривъ разсматриваетъ (стр. 184, 195—201, 373—374. Ср. *Adam*. 305—312, 323—325. *Vain*, II, 404) бековскую *vindemiationem* *primam*, какъ построеніе научныхъ гипотезъ, и объявляетъ, будто нашъ мыслитель настойчиво рекомендуетъ употребленіе этого приѣма. Конечно, не всякое проблематически выставленное положеніе можно назвать гипотезой, но признаки, которыми характеризуется послѣдняя, на столько неопредѣленны, что, если дѣлать натяжку, терминъ получить весьма широкое примѣненіе. И нужно сказать, что *vindemiatione* *prima* совершается не по произволу нашему, а въ силу имѣющихся подъ руками указаній опыта, самый же выводъ долженъ потомъ быть провѣренъ. Но предлагая ограничиться заключеніями подобнаго рода, Беконъ смотритъ на это, лишь какъ на мѣру, которую приходится временно допустить (съ одной стороны, въ виду недостаточнаго развитія наукъ вообще, съ другой же—за отсутствіемъ необходимыхъ для самаго приложенія индуктивнаго метода свѣдѣній—общаго перечня формъ; ср. ниже), а не какъ на приѣмъ, которымъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ слѣдуетъ пользоваться всегда и везде.

вообще при изслѣдованіи надо обращать особое вниманіе на случаи, въ которыхъ природа разсматриваемаго внѣшняго свойства всего лучше обнаруживается. Беконъ пытается затѣмъ опредѣлить форму тепла и объяснить, какого рода движеніе медчайшихъ частицъ оно представляет¹⁾.

III. Лейбницъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ N. O., II, 16, 18—20. Ср. Aphor. et consilia, vol. III, p. 794. Ср. также выше стр. 282.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ РИМА.

Новыя археологическія данныя, къ нему относящіяся.

Въ статьѣ о фалискахъ ¹⁾ я говорилъ и старался показать отчасти на исторіи этого народа, какой неожиданный свѣтъ вносятъ въ науку о классической древности археологическія данныя, доставляемыя раскопками, которыя въ теченіе послѣдней четверти столѣтія велись особенно дѣятельно какъ на греческой, такъ и на италійской почвѣ. Въ настоящей статьѣ я намѣренъ говорить о новомъ археологическомъ матеріалѣ, касающемся самаго города Рима и освѣщающемъ его культурную исторію съ древнѣйшихъ временъ, которыя въ повѣствованіяхъ древнихъ историковъ носятъ оболочку, не чуждую баснословнаго характера, и тѣмъ ставятъ новыхъ историковъ въ положеніе затруднительное.

Новаго археологическаго матеріала, накопившагося въ Римѣ съ начала семидесятыхъ годовъ, очень много, и говорить о немъ во всей его совокупности не входитъ въ мою задачу, да и было бы мнѣ не по силамъ. Я имѣю въ виду въ настоящемъ случаѣ лишь тотъ матеріалъ, который собранъ и классифицированъ въ недавно открытомъ для публики особаго рода музеѣ, который названъ его учредителями „Археологическимъ Магазиномъ“ (*Magazzino archeologico*), то-есть, складомъ или кладовой археологическихъ предметовъ, хотя во всякомъ другомъ мѣстѣ, не такъ богатомъ, какъ Римъ, археологическими хранилищами, не задумались бы назвать такое учрежденіе прямо музеемъ. Этотъ своеобразный археологическій музей былъ не безъ торжества открытъ 7-го мая 1894 года въ нарочно построенномъ для него зданіи между

---

¹⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мартъ 1896, стр. 126 слд.

Колизеумъ и триумфальной аркой Константина Великаго съ одной стороны и древней церковью св. Григорія Великаго на Целіѣ съ другой. При открытіи его находились представители римскаго муниципалитета и произносились соотвѣтствующія случаю рѣчи. Одна изъ такихъ рѣчей была произнесена вице-президентомъ общинной археологической комиссіи маркизомъ Нобили-Вителлески, другая—наиболѣ дѣятельнымъ членомъ означенной комиссіи и организаторомъ этого новаго хранилища древностей, профессоромъ Ланчани ¹⁾). Торжественность обстановки открытія указывала на важность дѣла, которая и была разъяснена собравшейся по этому случаю избранной публикѣ поименованными ораторами. И дѣйствительно, среди ученой жизни Рима это было немаловажное событіе.

Дѣло въ томъ, что, послѣ занятія Рима итальянцами и обращенія его въ столицу новаго королевства, раскопки, произведенныя въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ въ видахъ новыхъ построекъ и вообще приспособленія города къ новымъ условіямъ жизни, дали такую огромную массу археологическихъ предметовъ, что нельзя было и думать о размѣщеніи ихъ по раньше существовавшимъ музеямъ. Изъ предметовъ, поступившихъ въ вѣдѣніе государства или, какъ тутъ выражаются, въ національную собственность, образовался новый музей въ термахъ Діоклетіана. Изъ находокъ же, поступившихъ въ собственность города, только часть могла быть помѣщена въ новомъ музеѣ, организованномъ при дворцѣ консерваторовъ на Капитоліѣ, куда вошли почти исключительно художественные предметы изъ мрамора и бронзы; нѣкоторая часть ихъ нашла мѣсто въ старомъ Капитолійскомъ музеѣ, остальная же масса была распределена по находившимся въ разныхъ частяхъ города складамъ, которые, хотя и не были вполне недоступны для ученыхъ, для массы археологовъ, въ особенности ирѣзжихъ, какъ бы не существовали. Но такъ какъ постройки особаго музея, куда могло бы войти все это множество накопившихся предметовъ искусства и культурнаго быта древняго Рима, ждать было бы долго, а пользованіе столь драгоценнымъ матеріаломъ становилось все болѣе и болѣе настоятельнымъ, то общинная археологическая комиссія города Рима, въ вѣдѣніи которой находится археологическая часть муниципальнаго управленія, стала хлопотать о томъ, чтобы городъ построилъ, по крайней мѣрѣ, такое

---

¹⁾ Обѣ рѣчи напечатаны въ „Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma“, 1894, p. 131 слд.

зданіе, которое, не будучи вполне музеемъ, содержало бы въ себѣ избранные предметы, заслуживающіе особенно заботливаго хранения и представляющіе собой важный матеріалъ для изученія. Постройка такого зданія была разрѣшена въ 1884 и окончена въ 1890 году. Время, протекшее между окончаніемъ постройки и открытіемъ зданія было употреблено на переноску, реставрацію и на такое размѣщеніе предметовъ, какого требовали научныя соображенія. Наконецъ, въ маѣ прошлаго года, какъ на это я указалъ раньше, оно было открыто.

Прежде, чѣмъ мы войдемъ въ него, осмотримся нѣсколько кругомъ. Мы находимся въ самой тихой, но за то въ наиболѣе монументальной мѣстности Рима. Для того, чтобы вступить въ такъ называемый Ботаническій садъ (Orto Botanico), дорожки котораго ведутъ къ новому хранилищу римскихъ древностей, мы должны оставить позади себя два крупнѣйшихъ памятника античнаго Рима: Колизей и арку Константина Великаго; съ правой стороны передъ нами Палатинъ съ его грандіозными развалинами императорскихъ дворцовъ и съ аркадами Клавдіева водопровода (Aqua Claudia); далѣе въ долинѣ между Палатиномъ и Авентиномъ находится мѣстоположеніе знаменитаго главнаго римскаго цирка (Circus Maximus); слѣва вверхъ по пустынному Целію поднимаются древнія церкви, при одной изъ которыхъ (Ss. Giovanni e Paolo), восходящей къ V вѣку, были недавно (въ 1887 году) найдены остатки античнаго дома съ языческими и христіанскими фресками. И все это неподалеку отъ Форума и Капитолія, отъ самаго центра, можно сказать, непрерывно тянущихся памятниковъ и развалинъ, которыхъ нельзя миновать идущему или ѣдущему изъ обитаемыхъ нынѣ частей вѣчнаго города. У всякаго, желающаго посѣтить новое археологическое хранилище, создается такимъ образомъ по пути къ нему извѣстное настроеніе, которое помогаетъ сосредоточенію, вниманію, а, пожалуй, и пониманію того, что собрано въ немъ трудами римскихъ археологовъ, собрано въ длинномъ зданіи, построенномъ въ поднятой въ этомъ мѣстѣ развалинами трехъ эпохъ ¹⁾ долинѣ между Целіемъ и Палатиномъ. Среди

¹⁾ Средневековой, которая имѣла почти нынѣшній расчищенный уровень арки Константина, послѣ Нероновской, которую нужно искать на глубинѣ 12 метровъ, и республиканской, уровень которой ниже на 18 метровъ противъ нынѣшняго. Новое возвышеніе почвы на мѣстѣ открытаго теперь хранилища древностей было произведено ссыпкой сюда земли при расчищеніи арки Константина въ началѣ настоящаго столѣтія. См. рѣчь Ланчани въ *Bulletino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1894, p. 143.

окружающей тишины, среди мѣстности, обращенной еще въ XI столѣтіи Робертомъ Гвискардомъ въ пустыню, среди отовсюду смотрящихъ развалинъ всего лучше изучать минувшую жизнь по ея остаткамъ, изучать то, какъ въ разныя эпохи древняго Рима люди устраивали свой бытъ, какъ сооружали свои жилища, какъ ихъ украшали, какъ проводили воду, какаѣ у нихъ была въ ходу домашняя утварь, какъ они хоронили умершихъ и какъ заботились о сохраненіи ихъ памяти.

Зданіе обнесено высокою каменною стѣною, внутри которой довольно обширная площадь, которая у насъ образовала бы дворъ, а тутъ названа садомъ, такъ какъ на ней есть нѣсколько деревьевъ и нѣсколько клумбъ цвѣтовъ. На этомъ дворѣ или въ этомъ саду лежатъ и стоятъ множество архитектурныхъ остатковъ (колонны, капители, карнизы, архитравы, базисы колоннъ, каменные глыбы и т. п.), скульптурныхъ обломковъ безъ головъ и съ головами, пьедесталовъ, а также не мало могильныхъ плитъ, памятниковъ, амфоръ, водоемовъ отъ фонтановъ; есть даже половина большой мраморной ванны. Масса памятниковъ съ надписями общественнаго и частнаго характера. Не останавливаясь, однако, надъ этимъ, такъ сказать, еще сырымъ и хаотическимъ матеріаломъ, мы входимъ въ самое зданіе и видимъ предъ собой рядъ слѣдующихъ одна за другою комнатъ, занятыхъ предметами, лежащими и стоящими на полу, расположенными въ стеклянныхъ шкафахъ по стѣнамъ и въ витринахъ посреди комнатъ. Первая комната заключаетъ въ себѣ образцы строительныхъ и декоративныхъ матеріаловъ. Тутъ цѣлая стѣна занята коллекціей штемпелированныхъ кирпичей разнаго времени; у другой стѣны расположены большіе куски разныхъ породъ иностраннаго мрамора; у третьей стѣны пріютились колонки, карнизы, капители, какъ части архитектурно построеннаго зданія. Затѣмъ расположены въ шкафахъ: отдѣльныя кусочки мрамора—треугольники, квадратики, шестиугольники, представляющіе наглядно работу мраморщика, тутъ же и песокъ для пилки мрамора; гипсовыя головки, представляющія работу формовщика; лѣпныя украшенія, карнизы камина, какъ работа маляра; глиняныя посвятивительныя колонки, лампочки и т. п. предметы изъ глины, какъ работа горшечника; разныя желѣзныя вещи — петли, скобки, крючки, гвозди, стержни для колоннъ, таганы, какъ работа кузнеца. А вотъ образцы наборной работы разныхъ цвѣтовъ, растиральница для красокъ, формы для свинцовыхъ печатей. Одна изъ стѣнъ занята разнаго рода надписями на камняхъ, другая—на кирпичныхъ

плеткахъ, о которыхъ было уже упомянуто. У одной изъ стѣнъ собраны глиняные колодезные цилиндры, грѣлки, ванны и большія чашки для мытья одежды; тутъ же модель колумбарія, съ стоящею подлѣ него большою, обитою уже изржавленнымъ желѣзомъ, деревяною дверью отъ настоящаго колумбарія. Предметы, собранные въ этой комнатѣ, не принадлежатъ какой либо опредѣленной эпохѣ, а являются вообще образчиками разныхъ предметовъ обыденнаго древняго быта съ его необходимой обстановкой.

Вступая во вторую комнату, мы входимъ въ обстановку быта царскаго періода, добытою главнымъ образомъ изъ эсквилинскихъ гробницъ какъ періода городской стѣны Сервія Туллія, такъ и времени, ему предшествовавшаго. Прежде всего намъ бросаются въ глаза лежащія на полу по правую и по лѣвую сторону двѣ пары гробовъ. Тѣ два гроба, которые лежатъ направо, представляютъ собою сложенные изъ грубыхъ камней, такъ сказать, логовища, на земляномъ длѣ которыхъ лежали трупы рабовъ или вообще представителей наиболѣе отверженныхъ слоевъ населенія; въ одномъ изъ нихъ сохранился скелетъ. Открыты эти жалкія и смрадныя логовища (*puticoli*), рядомъ съ которыми бросалась и гнила всякая падалъ, чтó дѣлало эсквилинскую мѣстность до послѣднихъ временъ республики или, лучше, до начала имперіи, когда на ней раскинулись мепенатовы сады, отвратительною по зловонію, на *via dello Statuto*, вообще давшей при раскопкахъ много археологическаго матеріала и при томъ древнѣйшаго, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Налѣво—два глиняныхъ гроба со скелетами. Гробы найдены на землѣ виллы Спитгёвера, въ мѣстности знаменитыхъ въ свое время Саллустіевыхъ садовъ, близъ *Porta Collina* Сервіевой городской ограды. Они съ глубокими, какъ и у нашихъ гробовъ, крышками, но съ нѣсколькими по обѣ длинныя стороны ушками, которыя, очевидно, замѣняли скобы нашихъ гробовъ и служили для скрѣпленія двухъ половинъ гроба веревками и отчасти для несенія. Въ одномъ изъ шкафовъ справа скелетъ ребенка, погребеннаго въ негашеной извести. Направо и налѣво въ шкафахъ разная глиняная и бронзовая утварь, найденная какъ въ могилахъ, откуда добыты обѣ пары гробовъ, такъ и въ другихъ подобныхъ могилахъ, а также личныя украшенія покойниковъ въ видѣ фибулъ, бусъ, серегъ, браслетовъ и т. п. Эта могильная обстановка—не только мѣстнаго производства и типа, но и привознаго происхожденія, и послѣдняя отличается лучшимъ качествомъ какъ матеріала, такъ и работы. Для сравненія представлены образцы археологической глиняной и

бронзовой утвари, найденной въ могильникахъ Албанскихъ горъ и особенно въ могильникахъ Капель-Гандольфо. Здѣсь же выставлено болѣе сотни глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ въ ноябрѣ 1877 года подъ лѣстницей церкви S. Maria della Vittoria на Квириналѣ, считаемихъ одними за предметы, посвященные по обѣту какому-нибудь божеству (*oggetti votivi*), другими—съ болѣе обширнымъ основаніемъ—за могильную утварь. Тутъ же мы видимъ и куски древнихъ стѣнъ и расписную черепицу храма Юпитера Капитолійскаго. На полу стоятъ образцы могилъ а *rozzo*, каменные урны въ видѣ хижины (*sarappa*), напоминающія урны могильника Виллановы, глиняныя кадки или, пожалуй, бочки, *dolla*, съ пепельными урнами внутри ихъ и съ остатками обгорѣлыхъ костей. Въ этой же комнатѣ находимъ и нѣкоторые предметы, совсѣмъ не относящіеся къ одной эпохѣ съ архаическою утварью царскаго періода. Таковы слоновыя зубы, найденныя въ сожженномъ видѣ въ торговомъ складѣ у *monte Testaccio*, зерна египетской чечевицы, найденныя тамъ же, кусочки тканей изъ могилы *monte della Giustizia*, надписи графитныя и кистью и между ними одну эпиграмму Каллимаха и отрывокъ приаписческаго стихотворенія. Въ третьей комнатѣ, заключающей въ себѣ тоже предметы архаическаго періода, туземныя и привозныя, извлеченныя изъ эсквиланскихъ могилъ, мы видимъ большую коллекцію лампочекъ съ орнаментами изъ цвѣтковъ, листьевъ, фигуръ животныхъ и даже человѣка, массу архитектурныхъ обломковъ, а равно и предметовъ ваянія (мраморныя и терракотовыя руки, ступни, головы), кампанскую посуду, массу глиняной посуды и бронзовыхъ предметовъ изъ древнѣйшихъ могилъ *via dello Statuto* подлѣ церкви S. Martino ai monti; жертвенники большіе и малые (*agule* или *arette*) изъ терракоты съ человѣческими фигурами.

Со вступленіемъ въ четвертую комнату мы находимся среди скульптурныхъ и письменныхъ памятниковъ республиканскаго періода. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе цѣлый рядъ терракотовыхъ фигуръ, найденныхъ подлѣ святилища Минервы Врачевательницы (*Minerva Medica*) между *via Buonarroti* и церковью свв. Петра и Марцеллина на Целіѣ. Среди нихъ есть женская голова съ улыбкой, какая является типическою у знаменитыхъ архаическихъ женскихъ статуй въ музеѣ афинскаго Акрополя. надгробныя памятники съ скульптурными изображеніями изъ пеперина и туфа, обломки греческихъ скульптурныхъ произведеній изъ мрамора, камни съ надписями.

Пятая комната наполнена обломками большихъ мраморныхъ ста-

туй, принадлежащихъ времени имперіи. Многія изъ этихъ статуй хорошо сохранили торсы, но головы нѣтъ ни у одной. У лѣвой стѣны сидитъ колоссальная задрапированная безъ головы женская статуя, въ которой предполагають музу. Есть не мало мужскихъ и женскихъ бюстовъ, рельефовъ. Въ этой-же комнатѣ поставленъ алтарь Вермина, найденный на площади Макао въ январѣ 1878 года.

Шестая, она-же и послѣдняя, комната наполнена предметами, относящимися къ римскимъ водопроводамъ. Тутъ мы видимъ множество кусковъ свинцовыхъ трубъ, всѣ съ пробками, равно какъ и древнѣйшія, высѣченныя въ камнѣ, трубы водопровода Aqua Marcia, проведеннаго изъ Сабинскихъ горъ безъ малаго за полтораста лѣтъ до Р. Хр. преторомъ Кв. Марціемъ Регомъ (Rex). Затѣмъ устья фонтановъ и украшенія для послѣднихъ, между ними роstralное украшеніе фонтана, сооруженнаго Нерономъ на берегу пруда его знаменитаго золотого дворца, найденное тутъ-же въ ботаническомъ саду, мѣстность котораго была также захвачена площадью распространявшейся на три съ половиною мили въ окружности новой резиденціи вѣлможнаго императора. Видимъ также разныя другіе предметы, касающіеся водопроводнаго дѣла: регулирующіе ключи, насосъ, рѣшетки и т. п. Тутъ же стоятъ и модель маслоочистителя.

То, что насъ въ данную минуту интересуетъ всего болѣе, находится въ двухъ комнатахъ, заключающихъ въ себѣ предметы, современные періоду постройки стѣнъ Сервія Туллія или ему предшествующіе, или, точнѣе, предметы, добытые изъ наидревнѣйшихъ могилъ Рима, сохранившихъ для насъ памятники первоначальнаго быта великаго города. Культура древнѣйшаго, такъ называемаго царскаго, періода Рима занимала автора этихъ строкъ съ давнихъ поръ, еще въ то время, когда для сужденія о ней не было почти никакихъ данныхъ, кромѣ сообщеній, переданныхъ намъ римскими писателями. Тамъ и сямъ выступавшіе на свѣтъ остатки стѣнъ Сервія Туллія, да большая клоака, сохранившаяся отъ того же времени этрускаго вліянія въ Римѣ, — вотъ, — если не считать еще болѣе древнихъ остатковъ туфовыхъ стѣнъ на Палатинѣ, приписываемыхъ Ромулу, — и всѣ вещественные остатки древнѣйшаго періода Рима, на какіе можно было, двадцать пять-тридцать лѣтъ тому назадъ, указывать, какъ на памятники несомнѣнно царскаго періода, до извѣстной степени стѣснявшіе новыхъ историковъ въ ихъ стремленіи совсѣмъ исключать этотъ періодъ изъ области исторіи. И въ такое-то время авторъ принялъ на себя задачу доказать, что въ эту отдаленную

пору существовала въ Римѣ уже письменность, хотя и въ очень ограниченномъ видѣ, на сколько это было необходимо для религіозныхъ и государственныхъ дѣлей, и что, слѣдовательно, такой періодъ исторіи, въ которомъ къ тому же возникли важнѣйшія религіозныя (организация культа съ понтификами во главѣ) и политическія учрежденія (реформа Сервія Туллія, введеннаго ценза и раздѣлившаго народъ на классы и центурии), не можетъ считаться баснословнымъ, хотя въ повѣствованіяхъ древнихъ историковъ и украшенъ вымыслами. *Datur haec verba antiquitati*, какъ говорится у Тита Лвія.

Теперь мы можемъ оставить дошедшіе до насъ вымыслы совершенно въ сторонѣ. Передъ нами голые факты и вещественныя доказательства, которыя ставятъ насъ лицомъ къ лицу не только съ тѣмъ временемъ царскаго періода Рима, когда онъ велъ торговлю съ Этруріей и съ греческими городами южной Италіи, вносящую въ него предметы иностраннаго производства, но и съ эпохой, когда на римскихъ холмахъ люди жили еще чисто латинскою жизнью, какая въ болѣе широкихъ размѣрахъ развилась на Албанскихъ горахъ, гдѣ она стала процвѣтать гораздо ранѣе. Эти факты, эти вещественныя доказательства добыты раскопками послѣднихъ двухъ десятилѣтій съ такимъ изобиліемъ, что оно скорѣе можетъ ввести въ затрудненіе при ихъ разборкѣ, чѣмъ подать поводъ къ жалобамъ на ихъ недостатокъ.

При раскопкахъ, начавшихся съ 1871 года въ сѣверо-восточной и восточной части древняго Рима, на холмахъ Квириналѣ, Виминалѣ и Эсквилинѣ, открылся такой большой поясъ древнихъ обиталищъ, а главное могилъ архаическаго времени, который явно свидѣтельствовалъ, что еще въ незапамятную пору въ этихъ мѣстахъ обитало многочисленное населеніе, которое потомъ вошло въ составъ города, основаннаго Ромуломъ. Формально оно было включено въ границы возникшей сначала лишь на Палатинѣ городской общины тогда, когда было окружено стѣной, постройка которой древними историками единогласно приписывается Сервію Туллію ¹⁾. Стѣны эти, многочисленные остатки которыхъ сохранились въ разныхъ мѣстахъ и въ особенности въ обращенной къ Сабинскимъ и Албанскимъ горамъ части Рима, раздѣляютъ этотъ могильный поясъ на двѣ части, внутреннюю

¹⁾ См. объ этихъ стѣнахъ, объ ихъ постройкѣ, матеріалѣ, направленіи, равно какъ и о постройкахъ этого рода, имъ предшествовавшихъ на римской почвѣ, капитальное изслѣдованіе проф. Лавчани „Sulle mura e porte di Servio“ въ *Annali dell' Istituto di corrispondenza archeologica*, 1871, p. 40 слд.

и вѣшнюю. Тѣ могилы, которыя выкапываются внутри стѣнъ, ясно относятся хронологически ко времени, предшествовавшему постройкѣ этихъ послѣднихъ, такъ какъ по исконному римскому обычаю, общему, впрочемъ, всей италійской расѣ, существовавшему еще въ эпоху обитанія ея въ терремарахъ долины По и скрѣпленному въ Римѣ закономъ XII таблицъ ¹⁾, погребеніе умершихъ внутри городской черты не позволялось; тѣ же могилы, которыя оказываются за стѣной, могутъ быть современны ея постройкѣ, могутъ также ей предшествовать, но въ главной своей массѣ должны быть могилами, въ которыхъ погребались уже потомки населенія, строившаго стѣны и видѣвшаго включеніе себя въ черту городского помѣрія (romoe-gium). Находимая въ этихъ могилахъ глиняная и металлическая утварь, съ своей стороны, также является свидѣтельствомъ, что въ разрытомъ поясѣ могилъ мы имѣемъ дѣло съ эпохами: предшествующею постройкѣ стѣнъ царемъ этрусской династіи, современною этому періоду и слѣдовавшею за нимъ. Такимъ образомъ передъ нами какъ на ладони факты наглядной культуры Рима (или его мѣстности), съ одной стороны того времени, когда тутъ жило населеніе, еще не подвергавшееся иностранному вліянію, какъ мы имѣли случай ²⁾ дѣлать тѣ же наблюденія надъ фалисками по ихъ могильной утвари до VIII столѣтія до Р. Хр., съ культурой и бытомъ, свойственнымъ вообще населенію Лаціума, съ другой — того, когда на него явно стали дѣйствовать иностранныя вліянія, и, наконецъ, того, когда онъ уже выходитъ, и не въ одной техникѣ производства, изъ архаическаго періода на новый путь, проявляя свою народную личность какъ въ особенностяхъ своего государственнаго устройства, такъ и въ обстановкѣ своего домашняго быта, которая въ предметахъ технического производства уже выдѣляется изъ племеннаго типа, формируясь въ типъ римскій.

И въ прежнее время, когда древнюю исторію Рима изучали главнымъ образомъ на основаніи литературныхъ преданій, нельзя было ни на минуту забывать, что Римъ возникъ не въ пустынной мѣстности, а среди многочисленныхъ поселеній обитавшаго въ Лаціумѣ племени, имѣвшаго свои города, постройка которыхъ была

¹⁾ Cic. *de Leg.* II, 23; *Nominem mortuum, inquit lex in XII. in urbe ne sepelito, neve urito.*

²⁾ См. статью о фалискахъ въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мартъ, 1895, стр. 138 слд.

возводима преданіемъ къ баснословной древности, извѣстное политическое устройство, политическіе и религіозные союзы, и что, слѣдовательно, римская культура уже въ самомъ началѣ не была культурою народа съ совершенно примитивнымъ бытомъ, не знавшимъ городского устройства, политической и религіозной организаціи и не имѣвшаго никакихъ сношеній съ окружающими народами. Только это обстоятельство, то-есть, обладаніе Римомъ извѣстною степенью готовой гражданственности съ самыхъ первыхъ дней возникновенія города, въ состояніи объяснить его быстрый ростъ, удаленіе имъ со сцены уже при третьемъ своемъ царѣ соперничества въ лицѣ Альбы Лонги и присвоеніе себѣ первой роли въ латинскомъ союзѣ; его необыкновенно крѣпкую религіозную организацію съ понтификами во главѣ, приписываемую еще преемнику Ромула, наконецъ умѣнье строить городскія стѣны горизонтально слагаемыми рядами правильно обтесанныхъ каменныхъ глыбъ, каковы древнѣйшія стѣны (Ромуловскія) на Палатинѣ и остатки до-Сервіанской постройки на Целіѣ, Вминалѣ и Квириналѣ¹⁾. Этотъ фактъ готовой, то-есть, одинаковой съ другими обитателями Лаціума, культуры ясно вытекаетъ и изъ многочисленныхъ матеріаловъ, добытыхъ раскопками на Квириналѣ, Вминалѣ и Эсквилнѣ.

Гораздо раньше, чѣмъ раскопки на этихъ римскихъ холмахъ познакомили насъ съ домашней утварью древнѣйшихъ обитателей, вошедшихъ въ составъ города Ромула. передъ археологами открылся древнѣйшій бытъ обитателей Албанскихъ горъ, откуда еще литературное преданіе выводило основателей Рима. Подъ пепломъ теперь потухшихъ вулкановъ на большомъ пространствѣ, вокругъ Албанскаго озера, которое и образовалось на мѣстѣ кратера вулкана, на территории Альбано, Кастель-Гандольфо, Марино, Гротта-ферраты, сохранились остатки древнѣйшихъ поселеній и могильники, содержимое которыхъ переноситъ насъ къ временамъ до-римскимъ. Уже съ 1817 года стали попадаться въ этихъ мѣстностяхъ древнѣйшія глиняныя урны въ формѣ типической круглой древнелатинской хижины (саратта), которую теперь такъ часто стали воспроизводить при постройкѣ шалашей для римскихъ скверовъ. Сначала на сосуды этого рода мало обращали вниманія, но потомъ стали ихъ собирать, и теперь они зани-

¹⁾ См. объ этихъ остаткахъ древнѣйшихъ стѣнъ въ только-что указанной статьѣ Данчани „Sulle mura e porte di Servio“ въ *Annali dell' Instit. di corrisp. archeol.*, 1871, p. 46 слд.

мають видное мѣсто въ римскихъ музеяхъ, особенно въ превосходномъ музеѣ доисторическихъ древностей, образованномъ въ зданіи Collegio Romano при прежнемъ, знаменитомъ въ свое время, Кирхеровомъ музеѣ и управляемомъ первостепеннымъ—не только въ Итали—специалистомъ по части этихъ древностей, бывшимъ болонскимъ профессоромъ Пигорини. Эти, такъ явно напоминающія древне-латинскій домъ, урны содержали въ себѣ пепель и остатки обгорѣвшихъ костей, чѣмъ явно свидѣтельствовали о своемъ назначеніи. Находились они обыкновенно вмѣстѣ съ разной другой посудой въ глиняныхъ бочкахъ, образцы которыхъ можно видѣть теперь въ томъ археологической магазинѣ или музеѣ, открытіе котораго подало мнѣ поводъ вести теперь рѣчь съ читателями *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Иногда урна типа сараппа помѣщается въ заваленной камнями могилѣ a rozzo, какъ это мы видѣли раньше въ древнѣйшихъ фалисскихъ могильникахъ и въ ихъ первообразѣ — въ могильникѣ Виллановы. Такая могила, на примѣръ, встрѣтилась въ могильникѣ Гротта-ферраты. Но были случаи, когда вмѣсто бочекъ урны были помѣщаемы въ своего рода *долмечи*, какіе въ числѣ двухъ были найдены близъ Марини и описаны профессоромъ Мих. Стеф. де-Росси (братомъ болѣе знаменитаго археолога) еще въ 1871 году въ одномъ изъ его археологическихъ отчетовъ ¹⁾, вообще обратившихъ на доисторическую археологію Лаціума подобающее вниманіе въ ученномъ мірѣ ²⁾. Долмечи эти были также покрыты круглой крышкой въ видѣ кровли. Внутри того и другаго находилась пепельная урна въ видѣ хижины (*l'urna saraппа*) съ дверьми, обращенными къ востоку. Въ обоихъ находилась и другія глиняныя издѣлія, но одинъ изъ нихъ былъ наполненъ мелкой посудой, по поводу которой профессоръ де-Росси замѣчаетъ ³⁾: „Это былъ какъ бы

¹⁾ „Nuove scoperte nella necropoli arcaica Albana e l'aes grave fra le rocce vulcaniche Laziali. Quarto rapporto paleoetnologico“ въ *Annali dell' Istituto di corrisp. archeol.*, 1871, p. 239 слд.

²⁾ Первый изъ этихъ отчетовъ былъ помѣщенъ Мих. де-Росси въ *Annali* 1866 года; второй въ *Giornale Arcadico* 1868 года; третій въ *Bullettino universale della Corrispondenza Scientifica* di Roma, vol. VIII, п. 5, декабрь, 1870. Обзоръ палеоэтнологическихъ студій и открытій съ 1870 по 1879 годъ помѣщенъ имъ въ *Gli Studi in Italia*, vol. II (1880), p. 481 слд. Это—мемуаръ или, какъ онъ тутъ называется, диссертация, читанная авторомъ въ засѣданіи 15-го января 1880 года Папской археологической академіи въ Римѣ.

³⁾ *Annali* 1871, p. 243.

шкафъ, содержавшій посуду, необходимую для предстоящаго обита- нія покойника, каковую посуду въ остальной части некрополя нахо- дили заключенною въ бочку вмѣстѣ съ пепельной урной⁴. Благодаря религиозному обряду, въ силу котораго могила умершаго наполнялась необходимой для его новаго существованія утварью, для насъ и со- хранилось столько разнообразной формы предметовъ глиняныхъ и металлическихъ не только въ некрополяхъ Албанскихъ горъ, но и въ римскихъ могилахъ. Утварь, лежавшая въ могилѣ или въ дольменѣ, о которой идетъ рѣчь, тѣмъ интересна, что тутъ нѣтъ слѣдовъ чужеземной посуды, и слѣдовательно, представляетъ собой ту древ- нюю эпоху, когда населеніе Албанскихъ горъ еще не вело торговли съ Этруріей, или когда эта торговля только-что начиналась, такъ что ея произведенія были рѣдкостью и не вошли еще въ народное употреб- леніе, какъ это было впоследствии. Такая же чисто мѣстная посуда древнѣйшаго типа, безъ примѣси иноземной или этрусской, была най- дена потомъ въ могильникахъ Гротта-ферраты¹⁾ и Кастель-Гандольфо; но рядомъ съ этимъ въ тѣхъ же могильникахъ, обыкновенно въ южной части ихъ, мы встрѣчаемъ могилы, гдѣ не только мѣстная посуда принимаетъ новыя формы и новыя украшенія, напримѣръ, вмѣсто графитныхъ рельефныя, но и появляется иноземная посуда, глиняная и металлическая, обличающая новую эпоху въ жизни ла- тинскихъ поселеній. Это происходитъ такъ, что послѣ могилъ съ чисто мѣстной утварью идутъ могилы, представляющія примѣсь къ мѣстному элементу чужаго, а, наконецъ, уже могилы, гдѣ посуда и утварь чужеземнаго происхожденія является преобладающею.

Та же самая архаическая утварь, каковую мы находимъ въ покры- тыхъ вулканическимъ пепломъ мѣстностяхъ Албанскихъ горъ, является передъ нами и въ раскопкахъ, произведенныхъ въ послѣднія два слишкомъ десятилѣтія на восточныхъ холмахъ Рима. Разница только та, что сосуды древнѣйшаго албанскаго типа здѣсь встрѣчаются рѣже и уже въ сообществѣ съ сосудами другаго, привознаго типа. Если погребенная подъ вулканическимъ пепломъ утварь Албанскихъ горъ, видимо, представляетъ собой два періода: предшествующій этрусской торговлѣ и современный ей, то римская утварь переноситъ насъ не къ тому первоначальному періоду, въ которомъ господствующимъ сосудомъ была урна сараппа и который знали одни геометрическія

---

¹⁾ См. пренія о нихъ въ *Bullettino dell' Inst. di corr. arch.*, 1878 (Засѣданіе 4-го января), р. 7—9.

украшения, а къ тому, гдѣ рядомъ съ примитивной албанской утварью почти всегда встрѣчается даже въ древнѣйшихъ могилахъ утварь привозная и подражательная. Это естественно приводитъ къ заключенію, которое было сдѣлано раньше насъ профессоромъ Мих. Стеф. де-Росси, что колонизація Рима, то-есть, римскихъ холмовъ, латинянами относится къ періоду уже завязавшихся торговыхъ сношеній между Лаціумомъ и Этруріей. Этотъ періодъ въ сохранившейся подѣ вулканическимъ пепломъ утвари Албанскихъ горъ представляется мало замѣтнымъ, хотя въ выставленной въ археологическомъ музеѣ у подножія Целія коллекція сосудовъ изъ могильниковъ Албанскихъ горъ и въ частности изъ могильника близъ Кастель-Гандольфо мы находимъ не только этрусскіе сосуды di bucchero, но и греко-халкидскія вазы, указывающія уже на торговыя связи съ греческими городами южной Италіи.

Поясъ, занятый архаическими могилами въ восточной части Рима, очень великъ. По опредѣленію проф. Мих. Ст. де Росси ¹⁾, онъ распространяется отъ окрестностей базилики S. Maria Maggiore по via Merulana, по via dello Statuto, къ церкви S. Martino ai monti, идетъ по площади Виктора Эммануила и церкви св. Евсевія на Эсквилинѣ и обнимаетъ via Goito, площадь, занятую министерствомъ финансовъ, виллу Спитгбверъ, церкви S. M. della Vittoria, св. Сильвестра и св. Екатерины на Квириналѣ. Могила эти идутъ не непрерывно, а группами, главною изъ которыхъ по протяженію и непрерывности, какъ заявляетъ тотъ же источникъ, является Эсквилинскій могильникъ между церквами св. Мартина ai monti и св. Евсевія, обнимающій via Lanza, via dello Statuto и площадь Виктора Эммануила. Но могила тутъ не одного, а разныхъ періодовъ, при чемъ болѣе древними являются тѣ, которыя находятся въ двухъ крайнихъ пунктахъ этого могильника, именно подлѣ церквей св. Евсевія и св. Мартина. И въ самомъ дѣлѣ, подлѣ церкви св. Евсевія былъ найденъ единственный экземпляръ урны типа сараппа, какой встрѣтился въ римскихъ могилахъ. Подлѣ св. Мартина открыто шесть-семь десятковъ или около того могилъ, наполненныхъ посудой мѣстнаго производства. Наибольшая древность могилъ подлѣ той и другой церкви свидѣтельствуется еще тѣмъ, что устройство гробницъ

¹⁾ См. въ *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1885, p. 39 слѣд. статью: „Necropoli arcaica Romana e parte di essa scoperta presso S. Martino ai monti“, p. 44.

очень грубо: сложены онѣ изъ неправильныхъ туфовыхъ глыбъ, наваленныхъ кое-какъ одна на другую, чтб, конечно, далеко не соответствуетъ каменной кладкѣ эпохи стѣны Сервія Туллія и переносить насъ въ періодъ, когда иноземная культура еще мало оказывала вліянія на устройство могильниковъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что еще до стѣны Сервія Туллія каменная кладка могилъ сдѣлала большіе успѣхи, и затѣмъ даже могилы низшаго сорта, а именно типа *puticoli* стали слагаться изъ достаточно обтесанныхъ въ квадраты глыбъ породы *capellaccio* ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ шесть-семь десятковъ архангелскихъ могилъ близъ церкви S. Martino, которыя изучалъ М. Ст. де-Росся, далеки и отъ эпохи древнѣйшихъ могильниковъ Албанскихъ горъ. Тогда какъ въ послѣднихъ нѣтъ еще обряда погребенія тѣлъ, а виденъ лишь обрядъ сожженія труповъ, въ римскихъ могилахъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, нѣтъ, напротивъ, слѣдовъ обряда сожженія, а всѣ онѣ сооружены для ингумациі труповъ ²⁾. Обрядъ сожженія знакомъ могиламъ близъ церкви св. Евсевія, находящимся въ сѣверо-западномъ углу площади Виктора Эммануила, но и тамъ, по видимому, ингумациа представляется господствующимъ типомъ погребенія. Ясно, что итальянская раса, и въ частности латинская, имѣвшая поселенія въ наиболѣе возвышенной части Рима еще въ до-ромуловскую эпоху, успѣла уже вполне ознакомиться и свыкнуться съ принесеннымъ на берега Тибра чуждымъ обычаемъ предавать тѣла землѣ въ видѣ труповъ, а не въ видѣ пепла. Но замѣчательно, что среди архангелской посуды чисто мѣстнаго типа мы встрѣчаемъ явное отступленіе отъ албанскаго типа уже въ могилахъ близъ церкви св. Евсевія, которыя вообще представляются наиболѣе древними, именно въ появленіи сосудовъ съ ручкой въ видѣ роговъ луны (*vasi ad ansa lunata*, по выраженію М. Ст. де-Росся, *coll'ansa cognata*, по выраженію Пигорини). Сосуды этого типа переносятъ насъ въ терремары Эмилиі, гдѣ, по видимому, они у себя дома ³⁾. Такъ какъ могильники

¹⁾ Таковы именно и древнія могилы, найденныя въ 1886 году внутри Сервиевой стѣны также близъ церкви св. Мартина подъ древнимъ домою, служившимъ баней, для котораго гробницы эти были фундаментомъ. Сообщающій это извѣстіе проф. Ланчани говоритъ *...sepolcri antichissimi (intermuranei) del tipo dei puticoli, con pareti a blocchi di capellaccio, abbastanza regolarmente squadrati*. См. *Notizie degli scavi di antichità*, 1886, (іюнь), р. 207.

²⁾ Это было выяснено преніями въ засѣданіи 27-го марта 1885 г. Германскаго археологическаго института въ Римѣ. См. *Bulletino*, 1885, р. 74—75.

³⁾ Вообще замѣчено, что область распространенія этихъ сосудовъ въ Италиі въ періодъ итальянскихъ терремаръ, то-есть, въ бронзовый періодъ, не отходить

Албанскихъ горъ ихъ не знаютъ, то, значить, они появились въ Лациумѣ въ первый разъ на римской почвѣ. Фактъ этотъ представляетъ своего рода загадку, такъ какъ они являются на римской почвѣ въ періодъ распространенія ингумаціи: по крайней мѣрѣ, въ могилахъ близъ церкви св. Мартина этотъ типъ архаической посуды оказывается вполне усвоеннымъ, и почти нѣтъ могилы, гдѣ бы сосуда этого рода не было.

На той же *via dello Statuto* (теперь около церкви св. Мартина называющейся *via Lanza*), также подлѣ церкви св. Мартина, были находимы въ то-же время архаическія могилы, наполненные не туземной посудой, а италогреческой, иначе называемой халкидской. Въ числѣ предметовъ этой посуды находились и очень изящныя вещицы, каковы, напримѣръ, два сосуда для бальзама съ изображеніемъ бѣгущихъ животныхъ, писанныхъ краснымъ по желтому, о которыхъ сообщалъ въ свое время Ланчани ¹⁾ и которые теперь можно видѣть въ вновь открытомъ *Magazzino archeologico* въ 3-й комнатѣ въ витринѣ посредникѣ. Эти находки, подобныхъ которымъ мы находимъ не мало въ архаическихъ могильникахъ описаннаго раньше пространства ²⁾, переносятъ насъ въ такую эпоху древнѣйшаго періода жизни Рима, когда населеніе его находилось подъ очень замѣтнымъ вліяніемъ не только этрусской, но и греческой торговли. Положительные факты служатъ намъ свидѣтелями, что эпоха эта началась раньше постройки стѣны Сервія Туллія. Чтò можетъ яснѣе говорить объ этомъ обстоятельстве, чѣмъ тó, что даже подъ самыми стѣнами Сервія Туллія въ дѣвственной почвѣ въ могилахъ находятся—и въ немаломъ количествѣ—не только приходившіе изъ Этруріи сосуды *di bucchero*, но и греческіе сосуды халкидскаго стиля? Строители Сервіевой ограды, безъ сомнѣнія, избѣгали возводить ее на мѣстахъ, гдѣ находились могилы, чтобъ не причинять профанаціи этимъ послѣднимъ, но это имъ не всегда удавалось, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ существованіе могилъ по причинѣ ихъ большой глубины не могло быть ими замѣчено.

Въ 1878 году были открыты на землѣ, купленной у Барберини

далеко отъ Адриатическаго моря. См. статью Пигорини въ *Bullettino di paleoetnologia italiana*, 1889, p. 65 — 77: *Appunti per lo studio delle stoviglie etrusche coll'ansa cornuta*.

¹⁾ *Notizie degli scavi di antichità*, 1884 (сентябрь), p. 346.

²⁾ См., напримѣръ, статью Ланчани „*Le antichissime sepolture Esquiline*“ въ *Bullettino della Comm. arch. Comunale*, 1875, p. 41 слѣд. съ табл. VI—VIII.

извѣстнымъ римскимъ издателемъ книгопродавцемъ Спитгбверомъ, не подалеку отъ Porta Collina Сервіевой стѣны, на Квириналѣ, три могилы, въ двухъ изъ которыхъ лежало по глиняному гробу, до тѣхъ поръ невиданной формы. Гробы эти были найдены на глубинѣ 7—8 метровъ подъ площадью, по которой въ этомъ мѣстѣ проходила стѣна ограда Сервія Туллія. Новая распланировка города потребовала удаленія остатковъ стѣны, и это сдѣлало возможнымъ тѣ раскопки, которыя и привели къ указанному открытію. Могилы, о которыхъ мы говоримъ, находились какъ разъ подъ стѣною и въ совершенно дѣвственной почвѣ. Ясно, слѣдовательно, что онѣ старше стѣны. Мы сказали, что форма этихъ гробовъ была невиданная. Въ статьѣ о Фалискахъ я указывалъ на существованіе въ музеѣ на villa Giulia трехъ дубовыхъ гробовъ, выдолбленныхъ изъ дерева, изъ которыхъ одинъ найденъ на территоріи латинскаго города Габій, а два другихъ въ могильникѣ Фалеріи. Эти дубовые выдолбленные гробы почему-то принято считать первообразами глиняныхъ римскихъ, хотя и различіе матеріала, и особенности формы не даютъ право на такое заключеніе. Уже одни ушки, которыхъ въ одномъ пять паръ, а въ другомъ четыре, говорятъ о независимости идеи этихъ цилиндрическихъ гробовъ отъ дубовыхъ колодъ въ родѣ габинской и двухъ фалисскихъ. Видно, наконецъ, что найденные на нынѣшней виллѣ Спитгбвера глиняные гробы со скелетами не были чѣмъ-то исключительнымъ въ архаическую эпоху Рима. Глиняный гробъ былъ найденъ въ 1886 году и въ могильникѣ близъ церкви S. Martino ai monti на Эсквилинѣ ¹⁾, слѣдовательно, въ другомъ районѣ римскихъ могильниковъ. Но вопросъ, какъ возникла у древне-римскаго населенія идея дѣлать для своихъ покойниковъ глиняные гробы не въ формѣ этрусскихъ саркофаговъ, а изъ двухъ *половинъ*, верхней и нижней, каковы наши гробы, да еще съ ушками, назначенными, какъ слѣдуетъ думать, для того, чтобы можно было удобнѣе перевязать гробъ веревками, нужно пока оставить въ сторонѣ, а посмотрѣть, что въ этихъ гробахъ,—выставленныхъ теперь, какъ было раньше упомянуто, въ Magazzino archeologico у подножія Целія,—и въ могилахъ, въ которыя они были положены, находилось.

Въ одномъ изъ гробовъ и въ его могилѣ были найдены: женскій скелетъ, лежащій лицомъ къ востоку, двѣ бронзовыя фибулы (лодоч-

¹⁾ См. *Notizie degli scavi di antichità*, 1886 (августъ), р. 270 (Сообщеніе Ланчани).

кой), бронзовое колечко, еще колечко попорченное, круглой формы бронзовое украшеніе съ простѣйшими геометрическими начертаніями, кусокъ бронзовой нити, вѣроятно для волосъ, глиняный простой работы сосудъ (*fusaiola*), разные бронзовые обломки, особенно изъ тонкихъ бронзовыхъ нитей. Въ другомъ изъ гробовъ и въ его могилѣ находились: также женскій скелетъ, три простыхъ бронзовыхъ кольца, маленькое бронзовое колечко, кусокъ желѣза неизвѣстно отъ какого предмета, какъ можно думать отъ ручки маленькаго кинжала, два желѣзныхъ кольца, такая же *fusaiola*, какъ въ первой могилѣ, латинской (правильнѣе было бы сказать латійской, по-итальянски *laziale*), фактуры, другой сосудъ съ остатками, повидимому, бальзама внутри, еще два глиняныхъ сосуда такого же (то-есть, латійскаго) происхожденія, разбитый сосудъ изъ бѣловатой глины, грубо обдѣланный и съ красными полосками и линиями, обнаруживающими стремленіе подражать коринескимъ вазамъ ¹⁾.

Въ предметахъ этихъ все обличаетъ древность ихъ происхожденія: и форма, и простота отдѣлки, и рѣдкость желѣза, изъ котораго даже дѣлаются кольца для женскаго убора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнны слѣды періода, когда населеніе, къ которому принадлежали умершія, уже было доступно иноземной торговлѣ. Въ числѣ украшеній много бронзы, которою скудны албанскіе могильники, и даже сосудъ изъ бѣловатой глины, росписанный, хотя и грубо, красной краской, говорящій о проникновеніи въ эти мѣста торговли халкидскихъ колоній или, по крайней мѣрѣ, ея отголосковъ изъ Этруріи. Ближайшее заключеніе отсюда — то, что, когда строились Сервіевы стѣны, глубоко подъ землей уже лежалъ слой культуры, которая уже вышла изъ племенной непосредственности и была осложнена иностранными влияніями. Какому времени принадлежит этой слой, сказать нельзя, но во всякомъ случаѣ не несомнѣнъ близко граничащему съ эпохой грандіознаго сооруженія римской ограды, связанной съ именемъ втораго царя этрусской династіи, которому римскіе историки единогласно приписываютъ не только стѣны, но и коренную гражданскую реформу, сдѣлавшую имущественный цензъ основой

¹⁾ Перечень найденныхъ въ этихъ могилахъ предметовъ сдѣланъ М. Ст. де-Росси въ *Annali dell' Inst. di corr. archeol.* 1885, p. 295 слѣд. подъ заглавіемъ: „Tre sepolcri arcaici nella villa Spithover sotto le mura di Servio Tullio“. Изображеніе большей части найденныхъ предметовъ, какъ и самихъ гробовъ, находится на приложенной въ этому журналу *tavola d'aggiunta K.*

правъ и обязанностей въ быстро развившейся латинской общинѣ на берегахъ нижняго Тибра.

Въ ноябрѣ 1877 года, въ мѣстности, не далекой отъ виллы Спитгёвера, тамъ гдѣ красуется фонтанъ Aqua Felice, подъ лѣстницей церкви S. Maria della Vittoria, на Квириналѣ, на глубинѣ двухъ съ половиной метровъ по отношенію къ нынѣшнему уровню улицы, сильно пониженному, когда пролагалась еще *via di Porta Pia* (нын. *Via Ventì settembre*), была найдена масса осколковъ битой посуды, подъ которыми оказался цѣлый складъ, состоящій изъ нѣскольکو тысячъ вещей глиняной утвари, а отчасти и бронзовыхъ предметовъ. Въ ноябрьскомъ выпускѣ журнала *Notizie degli scavi di antichità* 1877 г. объ этой находкѣ было заявлено (р. 268) лишь въ нѣсколькихъ словахъ и очень сухо, именно: „Подъ лѣстницей, по которой поднимаются въ церковь Викторіи, найденъ тайникъ, содержащій нѣсколько сотъ маленькихъ сосудовъ италогреческихъ и латинскихъ, обѣтныхъ (посвященныхъ по обѣту) фигурки изъ глины и куски утвари изъ бронзы“. Между тѣмъ это была находка большой важности. Въ найденномъ складѣ были не только сотни маленькихъ сосудиковъ, какихъ никогда не встрѣчалось въ такомъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ, но и не мало сосудовъ обыкновенной величины, не только обломки утвари изъ бронзы, но и цѣльные предметы, какъ-то фибулы, не только обыкновенные сосуды, какіе производились въ Лациумѣ, но и сосуды съ лунообразной или рогообразной ручкой (*vasi ad ansa lunata* или *cornuta*), не только расписные халкидскіе сосуды, но и сосуды изъ биссера, не только куски бронзы, но и кусокъ желѣза и даже кости животныхъ, преимущественно челюсти; что же касается до терракотовыхъ фигурокъ или статуэтокъ, то изъ нихъ оказалось на лицо лишь одна. Но когда была замѣчена важность находки, видимо относящейся къ древнѣйшей эпохѣ, возбудился вопросъ, былъ ли это складъ обѣтныхъ предметовъ, или онъ заключалъ въ себѣ погребальную утварь. Вопросъ этотъ не рѣшенъ еще и до сихъ поръ. Ланчани, какъ это видно изъ его, сдѣланнаго мимоходомъ, заявленія въ рѣчи при открытіи *Magazzino archeologico*, гдѣ сложена значительная часть этихъ вещей, продолжаетъ считать эти предметы обѣтными¹⁾; М. Ст. де-Росси, который больше дру-

¹⁾ *Bullettino della Commissione archeol. comunale* 1894, p. 145: „Nella sala II-a è similmente esibita la serie di più centinaia di oggetti votivi trovati sotto la scalinata di S. Maria della Vittoria“.

гихъ ивучаль находку подъ лѣстницей церкви S. Maria della Vittoria, нѣсколько разъ ¹⁾ доказывалъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ предметами погребальнаго обряда. Нельзя однако сказать, чтобъ въ данномъ случаѣ было безразлично,—какое этотъ складъ имѣлъ происхождение, votivное или похоронное. Если похоронное, то вся эта масса предметовъ положена была въ могилу или, если угодно, яму одновременно; если же эти предметы принадлежали какому-нибудь божеству, какъ принесенные по обѣту, то они могли быть приносимы въ разное время и принадлежать, слѣдовательно, разнымъ эпохамъ. Всѣ, однако, согласны въ томъ, что найденныя подъ лѣстницей церкви S. Maria della Vittoria вещи принадлежать древнѣйшей эпохѣ, и тотъ же Ланчани, который былъ устройтеlemъ музея въ археологическомъ отношеніи, сложилъ ихъ въ первой изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ собраны предметы, относящіеся къ эпохѣ стѣнъ Сервія Туллія или ей предшествующіе.

Теперь вопросъ: какое же значеніе имѣетъ находка подъ лѣстницей церкви S. M. della Vittoria въ хронологическомъ отношеніи?

Множество сосудовъ мѣстнаго, свойственнаго Лаціуму, характера, простѣйшей формы, а равно и нѣсколько сосудовъ съ рогообразными ручками заставляють думать о времени, далеко предшествующемъ періоду постройки грандіознаго, опоясывавшаго древній Римъ, сооруженія. Но, съ другой стороны, рядомъ съ этой утварью отдаленнѣйшей древности ²⁾ мы находимъ и сосуды изъ visсhero, которые

¹⁾ *Bullettino della Comm. archeol. Comun.*, 1878, p. 71; 1885, p. 48. Росси справедливо замѣчаетъ, что собственно votивныхъ предметовъ тутъ нѣтъ,—ни денежныхъ цѣнностей, ни фигурокъ съ изображеніемъ животныхъ и частей тѣла человѣческаго, а есть всего нѣсколько кусковъ aes rude и лишь одна человѣческая фигура, повидному, изображавшая покойника. Но наизмѣнъ этого есть не мало слѣдовъ угля и пепла, есть бронзовыя фибулы, служившія, конечно, къ застежкѣ одежды, и т. д. См. *Bull. della Comm. arch. Com.*, 1878, гдѣ помѣщена спеціальная статья: „Intorno ad un copioso deposito di stoviglie ed altri oggetti arcaici rinvenuto nel Viminale“ (слѣдуетъ сказать: *Quirinale*), p. 71.

²⁾ Не подлежитъ сомнѣнію, что присутствіе сосудовъ съ рогообразной ручкой свидѣтельствуетъ о такой или другой связи между древнѣйшимъ римскимъ населеніемъ и населеніемъ терремаръ долины По. Но въ то время, какъ сосуды эти въ терремарахъ принадлежатъ къ періоду бронзоваго вѣка, здѣсь они входятъ въ первый періодъ желѣзнаго вѣка. Слѣдовательно, въ Римѣ эти сосуды являются только воспоминаніемъ о стародавней эпохѣ. М. Ст. де-Росси, свидѣтельствующій (*Bull. della Comm. arch. Com.*, 1878, p. 78), что они сдѣланы изъ мѣстной глины, di pasta laziale, видитъ въ присутствіи ихъ въ римской могилѣ

въ этрусскихъ городахъ стали дѣлаться не раньше конца VII столѣтія до Р. Хр. ¹⁾, равно какъ и сосуды греко-халкидскіе съ разными орнаментами, начиная съ точекъ до изображеній животныхъ (особенно лебедей), которые переносятъ насъ въ періодъ уже начавшихся торговыхъ сношеній съ греческими городами южной Италиі, сосуды, какіе встрѣчаются въ чисто этрусскихъ могилахъ и въ эсквилинскихъ *puticoli*, представляющихъ, по изслѣдованію Ланчани ²⁾, третій, наиболѣе поздній типъ архаическихъ могилъ, все это заставляетъ насъ значительно приблизить къ эпохѣ сооруженія Сервіевой стѣны время происхожденія этого склада архаическихъ предметовъ. Такое предположеніе еще усиливается указываемымъ де-Росси фактомъ, что въ числѣ сосудовъ *di bucchero* находятся мѣстные подражанія этого рода сосудамъ, а на одномъ изъ мѣстныхъ сосудовъ есть и буквенные знаки. Въ общей сложности всѣ эти обстоятельства должны привести насъ къ заключенію, что мы здѣсь находимся какъ разъ въ періодѣ сооруженія Сервіевой стѣны. М. Ст. де-Росси, на котораго мы ссылаемся, какъ на несомнѣнный авторитетъ по данному вопросу, считаетъ однако себя вправѣ высказать твердое убѣжденіе, что могила, о которой идетъ рѣчь, нѣсколько предшествуетъ постройкѣ стѣны Сервія Туллія, такъ какъ она расположена слишкомъ близко къ этой стѣнѣ, чего не могло бы быть, еслибъ стѣна была въ этомъ мѣстѣ уже сооруженною. Съ основательностью такого заявленія нельзя не согласиться. Да и нѣтъ никакихъ мотивовъ не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ, относить археологическій матеріалъ, найденный подъ лѣстницей церкви *S. Maria della Vittoria*, къ болѣе позднему времени. Вспомнимъ, что вторая половина шестаго столѣтія до Р. Хр. была уже временемъ постройки храма Юпитера Капитолійскаго и такого развитія въ Римѣ не только этрускаго, но и греческаго искусства, подъ влияніемъ въ послѣднемъ

желаніе подражать погребальному обряду терремаръ Эмиліи и свидѣтельство о существованіи сношеній между населеніями береговъ Тибра съ терремарами Эмиліи; Пигорини, въ свою очередь, видитъ въ нихъ прямое подтвержденіе мнѣнія тѣхъ, которые происхожденіе латинскаго населенія, *prisci latini*, относятъ къ народу, образовавшему эти терремары. См. пренія въ засѣданіи 27-го марта 1885 г. капитолійскаго института въ *Bullettino dell' Instit. di corr. archeol.*, 1885, p. 75.

¹⁾ См. мнѣніе Гельбига (*ibid.*, p. 119) о томъ, что черные *bucchero* стали дѣлаться въ Тарквиніяхъ лишь къ концу VII или въ началѣ VI столѣтія до Р. Хр.

²⁾ *Bullettino della Commiss. archeol. Comunale*, 1875, p. 46.

случаѣ оживленныхъ сношеній съ греческими городами южной Италиі, особенно съ Кумами ¹⁾, что въ недавнемъ засѣданіи (15-го марта 1895 г.) германскаго археологическаго института въ Римѣ, глава этого института, профессоръ Петерсенъ, говоря о знаменитой бронзовой волчицѣ съ сосущими ее младенцами (Ромуломъ и Ремомъ), находящейся во дворѣ консерваторовъ на Капитоліѣ, послѣ тонкаго анализа предмета призналъ, вслѣдъ за французскимъ археологомъ Оливье Райэ ²⁾, несомнѣннымъ, что волчица эта принадлежитъ еще царскому періоду, то-есть, по меньшей мѣрѣ, концу VI столѣтія до Р. Хр. ³⁾.

Одинъ изъ сосудовъ, найденныхъ въ такомъ множествѣ подъ лѣстницей церкви S. M. della Vittoria, небольшая чашка, оказался имѣющимъ на днѣ нѣкоторые знаки, явно похожіе на буквы, что и дало Мих. Ст. де-Росси основаніе прямо обозначить ее, какъ „un vaso laziale con lettere“. Но относительно значенія этихъ знаковъ онъ не рѣшился самъ разсуждать, а передалъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе о. Луинджи Бруцци, специально занимавшагося изслѣдованіемъ подобныхъ знаковъ на стѣнныхъ глыбахъ и сосудахъ. Поднимался такимъ образомъ снова вопросъ о древности письма въ Лаціумѣ, вопросъ, такъ много занимавшій меня за десять лѣтъ до этого времени.

Въ 1876 году, въ торжественномъ засѣданіи института археологической корреспонденціи, происходившемъ 21-го апрѣля, въ день, празднуемый въ Римѣ, какъ день основанія вѣчнаго города, и въ то-же время назначенный въ уставѣ института днемъ заключенія засѣданій каждаго года, ученый барнабитъ читалъ рѣчь „Sopra i segni incisi nei massi delle mure antichissime di Roma“ („О знакахъ, начертанныхъ на глыбахъ древнѣйшихъ стѣнъ Рима“), которая затѣмъ

¹⁾ Изъ Кумъ пришли въ Римъ при Тарквиніѣ Гордомъ (или Древнемъ?) Сивиллины книги (см. Швеглера Röm. Gesch., I, p. 802); въ Кумахъ умеръ изгнанный Тарквиній (Liv. II, 21); Кумы подавали помощь латинянамъ въ войнѣ съ Порсеной (Liv. II, 14); въ Кумы и даже въ Сицилію римляне въ одинъ изъ первыхъ годовъ республики посылали во время голода для закупи хлѣба (Liv. II, 34). Все это показываетъ, что дорога въ Кумы, какъ и изъ Кумъ въ Римъ, была знакома въ очень давнее время.

²⁾ Monuments de l'art antique, publiés sous la direction de M. Olivier Rayet. Paris, 1884, I, livr. IV (pl. VII), p. 7.

³⁾ Райэ (р. 7) не выражается, впрочемъ, съ такою опредѣленностью, по онъ утверждаетъ, что это произведеніе греческаго искусства принадлежитъ къ концу VI или началу V столѣтія до Р. Хр.

и была помѣщена въ *Annali* института этого года (р. 72—105) съ приложеніемъ таблицъ (I. K. L.), гдѣ большой величины знаки изображены въ значительно уменьшенномъ, противъ оригиналовъ, факсимиле. О. Бруцца говоритъ, что, наблюдая бывшій во время имперіи обычай на принадлежащихъ императорамъ мраморахъ, которые присылались въ Римъ изъ Азіи, Африки и Греціи, насѣкать знаки, указывавшіе число глыбъ, годъ, когда онѣ были высѣчены, и имена счетчиковъ и завѣдывавшихъ каменоломнями, онъ пришелъ къ предположенію, что такой обычай хотя и въ простѣйшемъ видѣ, долженъ былъ быть гораздо болѣе древняго происхожденія, и что это былъ древній обычай Лаціума, находящій себѣ подтвержденіе въ знакахъ, встрѣчающихся на туфовыхъ глыбахъ древнѣйшихъ сооруженій Палатина и стѣнъ Сервія Туллія, равно какъ въ буквахъ и знакахъ, обозначенныхъ красною краскою на глыбахъ травертина, принадлежащихъ къ постройкамъ времени республики. Но открытія въ другихъ мѣстахъ Италіи, равно какъ въ городахъ Балканскаго полуострова, на греческихъ островахъ, въ самой Греціи, въ Малой Азіи, въ Египтѣ, въ Испаніи, въ Галліи показали, что обычай обозначать на камняхъ мѣсто ихъ происхожденія, имена хозяевъ каменоломень или лицъ, завѣдывавшихъ ломкой камня, былъ очень распространенъ въ древности, при чемъ, впрочемъ, встрѣчаются примѣры, что знаки принадлежали рабочимъ, которые уже обтесывали камни и насѣкали знаки съ другими цѣлями, знаки, легко отличимые отъ тѣхъ, какіе дѣлались на камняхъ въ то время, когда эти послѣдніе только-что выходили изъ каменоломень и еще не получили обработаннаго вида. Обращаясь къ древнѣйшимъ сооруженіямъ въ Римѣ, о. Бруцца указываетъ прежде всего на знаки, находящіеся на древнѣйшей постройкѣ (не принадлежащей, однако, къ стѣнамъ *Roma Quadrata*, постройка которыхъ римскими и греческими писателями приписывается Ромулу), обращенной къ Велавру, и именно на туфовыхъ глыбахъ, принадлежащихъ къ первоначальному сооруженію, а не къ передѣлкамъ его въ позднѣйшее время. Замѣчались подобные знаки на до-Сервіевской стѣнѣ Квиринала, на подстройкѣ (фундаментѣ) храма Юпитера Капитолійскаго, но все это—явленія единичныя, которыя сами по себѣ не могли бы привлечь большаго вниманія. Иное дѣло — тѣ знаки и буквы, какіе представила стѣна Сервія Туллія, въ той части ея, которая шла отъ *Porta Collina* до Эсквилина или, точнѣе, до нынѣшней *via Merulana*, ведущей съ этой горы на Целій по направленію отъ *S. Maria Maggiore* до *S. Giovanni in Laterano*. Это есть

именно та часть стѣны (съ насыпью, *agger*, и рвами, *fossae*), которую описываютъ Страбонъ (V, 3), Ливій (I, 44), Аврелій Викторъ (*De vir. ill.*, 7), и о которой говорятъ и другіе писатели, какъ именно о стѣнѣ Сервія Туллія, какъ о превосходномъ сооруженіи, оградившемъ городъ Ромула и включившемъ въ него населеніе Квиринала, Виминала и Эсквилина (отчасти). Присутствіе знаковъ и буквъ на глыбахъ этой части стѣны Сервія и отсутствіе ихъ на стѣнѣ Авентина или на стѣнахъ *Roma Quadrata* о Бруцца объясняетъ тѣмъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ туфъ брался на самомъ мѣстѣ, гдѣ строились стѣны, слѣдовательно, для отмѣтки глыбъ не было оснований, тогда какъ на горахъ восточной части Рима—Квириналѣ, Виминалѣ и Эсквилинѣ—туфа или камня, годнаго для постройки стѣнъ не было, и потому его надобно было привозить изъ другаго мѣста, что и вызывало запись или отмѣтку. Интересно и важно при этомъ то, что на камняхъ извѣстной части стѣны этихъ мѣстъ были найдены при раскопкахъ стоявшими обыкновенно однѣ буквы, а на другихъ другія. Такъ, на пространствѣ между церковью св. Антонія и станціей желѣзной дороги глыбы Сервіевой стѣны показывали почти постоянно букву А, которая позади термъ Діоклетіана является въ соединеніи съ буквой U, показавшись также одинъ разъ на Эсквилинѣ близъ *via Merulana*. Буква Е, замѣчаетъ о. Бруцца, господствовала въ серединѣ между церковью св. Антонія и станціей, К подъ старинной виллой *Caserta* между *via Merulana* и аркой Галліена и Р въ части, покрытой *monte della Giustizia*. Такое распредѣленіе буквъ показываетъ, что для постройки стѣны камень брался послѣдовательно изъ разныхъ частей каменоломни, которыя и отмѣчались соотвѣтствующими буквами. Но кромѣ буквъ встрѣчаются и цифры, разбѣяныя въ разныхъ мѣстахъ и являющіяся почти постоянно однѣми и тѣми же (I II III V X L): о. Бруцца полагаетъ, что онѣ здѣсь употребляются какъ буквы, то-есть, какъ знаки или марки каменоломни.

Буквы для обозначенія туфовыхъ глыбъ, какъ всякій видитъ по ихъ факсимиле, взяты изъ алфавита, который не представляетъ большой разницы съ алфавитомъ древнѣйшихъ латинскихъ надписей, но изъ алфавита, графика котораго еще не установилась, такъ какъ одна и та-же буква, повторяясь нѣсколько разъ, пишется неодинаково, что, впрочемъ, давно было замѣчено и относительно графики буквъ древнѣйшаго греческаго алфавита (*Frantz, Elementa epigr. graecae*, p. 40). Цѣлаго алфавита собранныя на стѣнахъ Сервія Туллія буквы, однако,

не представляютъ, быть можетъ, потому, что многія изъ нихъ при раскопкахъ не были своевременно отмѣчены, какъ это случилось съ тѣми буквами, которыя находились на разрушенной потомъ части стѣны позади станціи желѣзной дороги. Всего набралось лишь девять буквъ, нѣсколько цифръ и нѣсколько неясныхъ знаковъ. Эта скудость количества буквъ, при разнообразіи ихъ формы, служитъ, по мнѣнію Бруццы, доказательствомъ, что начертатели буквъ на глыбахъ стѣны Сервія Туллія употребляли ихъ скорѣе какъ знаки чѣмъ какъ буквы. Но при этомъ ученый барнабитъ замѣчаетъ: „каково бы ни было за тѣмъ свойство этихъ отмѣтокъ, все-таки ясно, что при помощи ихъ мы узнаемъ, что во время Сервія знаціе алфавита было дѣломъ распространеннымъ въ Римѣ... Хотя, повидимому, въ вырѣзываніи этихъ знаковъ не было другаго намѣренія, какъ вырѣзывать мѣтки или знаки для различенія глыбъ и мѣста, откуда онѣ происходили, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что они почти всегда имѣютъ форму настоящихъ буквъ, которыя, какъ я докажу впоследствии, похожи на тѣ, какія мы видимъ на архаическихъ памятникѣхъ“. Соглашаясь далѣе до нѣкоторой степени съ замѣчаніемъ Жордана (*Hermes*, 1876, р. 464), что изъ этихъ знаковъ, повидимому, исключены тѣ буквы, въ форму которыхъ входитъ кривая, Бруцца попутнымъ образомъ опровергаетъ его замѣчаніе, что это скорѣе подражанія буквамъ, чѣмъ настоящія буквы. Конечно, дѣлать отмѣтки знаками въ прямыхъ линіяхъ, при дѣлѣ спѣшномъ, было удобнѣе, чѣмъ съ употребленіемъ кривыхъ, но и въ кривыхъ знакахъ нѣтъ полнаго недостатка, каковы, напримѣръ, нѣсколько разъ встрѣчающійся знакъ въ видѣ буквы С ¹⁾, и кривыя линіи встрѣчаются нерѣдко даже въ тѣхъ знакахъ, гдѣ въ нихъ не было необходимости, какъ, напримѣръ, въ буквѣ А, которая рядомъ съ своими формами въ прямыхъ линіяхъ, является и съ кривыми ²⁾, или въ буквѣ К ³⁾, или въ знакѣ $\downarrow \downarrow$ ⁴⁾. И все это не на тѣхъ глыбахъ, которыя были впоследствии прибавлены или вставлены на мѣсто прежнихъ при передѣлкахъ, а на тѣхъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ къ первоначальной постройкѣ.

¹⁾ Она неоспорима въ формахъ, приведенныхъ на таблицѣ (J) подъ цифрами 1, 53, 54, 55.

²⁾ На таблицѣ J подъ цифрами 28, 39, 40, 44, 51.

³⁾ На таблицѣ K подъ цифрами 85 и 86.

⁴⁾ На таблицѣ K подъ цифрами 112 и 113.

Я не стану приводить ни историческихъ соображеній Бруццы и свидѣтельствъ въ пользу древности письма въ Лаціумѣ, что мною было болѣе двадцати пяти лѣтъ назадъ изложено въ изслѣдованіи о „Римской письменности въ періодъ царей“, ни палеографическихъ сближеній буквъ стѣны Сервія Туллія съ извѣстными архаическими латинскими, этрусскими и греческими надписями, такъ какъ это безъ настоящей нужды увеличило бы статью, куда вопросъ о древности письма въ Лаціумѣ входитъ только отчасти, а скажу лишь нѣсколько словъ по поводу возраженій, сдѣланныхъ извѣстнымъ берлинскимъ филологомъ, теперь покойнымъ, Генр. Жорданомъ относительно буквеннаго значенія знаковъ, найденныхъ на стѣнахъ Сервія Туллія.

Получивъ, какъ онъ сообщаетъ, отъ Генр. Дройзена изъ Рима 25-го октября 1876 г. увѣдомленіе о томъ, что позади термъ Діоклетіана въ стѣнѣ Сервія Туллія найдены на ея глыбахъ нѣкоторыя буквы и что въ однихъ мѣстахъ встрѣчается Е, въ другихъ А, Жорданъ поспѣшилъ въ *Hermes* ¹⁾ заявить мнѣніе, высказанное имъ тремя годами раньше ²⁾ по поводу знаковъ на палатинской стѣнѣ, что знаки эти не больше какъ мѣтки для кладки рядами глыбъ, (dass diese Zeichen Merkzeichen für die Schichtung der Blöcke gewesen sein möchten). Но, повторивъ раньше высказанное мнѣніе, онъ замѣтилъ, что нельзя, впрочемъ, оставить безъ вниманія того факта, что эти Merkzeichen во многихъ случаяхъ имѣютъ несомнѣнныя формы настоящихъ буквъ, представляющихся таковыми съ перваго раза; берлинскій профессоръ, однако, при этомъ не признался въ поспѣшности своего заключенія, а сдѣлалъ заявленіе, которое, хотя и высказано въ туманной и даже въ нѣсколько странной для такого серьезнаго ученаго формѣ, показываетъ, не смотря на заботу его держаться разъ высказаннаго взгляда, уже явное колебаніе. Не выдавъ еще знаковъ на стѣнахъ Сервія Туллія своими глазами, Жорданъ, на основаніи внимательнаго разсмотрѣнія сообщенныхъ ему письменно и появившихся въ печати факсимиле знаковъ, говоритъ: „haben wir also sicher (?), wie ich früher vermuthete, in diesen Steinmetzzeichen nur die mannigfaltigsten Combinationen gerader Striche zu erkennen,

¹⁾ X, 1876, p. 461—464: Steinmetzzeichen auf der Servianischen Wallmauer.

²⁾ Въ *Hermes*, VII, 1873, въ отдѣлѣ смѣси (Miscellen) напечатана замѣтка подъ заглавіемъ: „Steinmetzzeichen“, гдѣ Жорданъ между прочимъ съ величайшей похвалой отзывается о работѣ Бруццы, помѣщенной въ *Annali dell' Inst. di corr. archeol.* 1870 (p. 106—204), „Iscrizioni dei marmi grezzi“, называя ее „meisterhafte Arbeit“ (p. 485).

welche ja zum Theil (подчеркнуто авторомъ) naturgemäss (?) die Gestalt der lateinischen Buchstaben annehmen müssen (IENZA), zum Theil aber sicher mit ihnen nichts gemein haben. Es ist schwerlich Zufall, dass kein einziges (?) Zeichen einem der mit Hilfe von Curven gebildeten Buchstaben CDBOPQR ähnelt“. Въ этомъ заявленіи прежде всего поражаетъ то, что авторъ его, не имѣя возможности отрицать правильной и очевидной формы нѣкоторыхъ буквъ, считаетъ возможнымъ объяснить появленіе этихъ буквъ не сознательнымъ ихъ начертаніемъ, а послѣдствіемъ „разнообразнѣйшихъ комбинацій“, изъ которыхъ будто бы *естественно* (naturgemäss) выходили буквы. Понять комбинаціи, изъ которыхъ безъ вѣдома рѣзчиковъ выходили сами собой буквы, в именно *латинскія*, нѣтъ возможности, хотя въ глазахъ берлинскаго ученаго это явленіе и было естественнымъ. Въ подтвержденіе *естественности* своей теоріи Жорданъ прибавляетъ, что едва ли могло быть случайностью, что не находится ни одного знака, который бы походилъ на буквы, въ начертаніи которыхъ требуются кривыя лініи. Къ несчастью для него, и это заявленіе, какъ ни слабо оно поддерживало его теорію „разнообразнѣйшихъ комбинацій“, изъ которыхъ сами собой выходили латинскія буквы, оказалось фактически невѣрнымъ. Бруцца своими таблицами доказалъ ему, да и самъ Жорданъ имѣлъ случай лично въ томъ удостовѣриться, что въ буквахъ, начертанныхъ при помощи кривыхъ ліній, также нѣтъ недостатка въ числѣ знаковъ на стѣнахъ Сервія Туллія. Въ первомъ томѣ своего образцоваго труда „Topographie der Stadt Rom“ (Berl. 1878) Жорданъ признается (р. 262), что между знаками, о которыхъ идетъ рѣчь, есть и знаки съ кривыми лініями, welche *gekrümmten* Linien von Buchstaben nachzuahmen schienen, но оговаривается, что это касается только знаковъ, не глубоко врезанныхъ, а такъ называемыхъ *graffiti*, при чемъ въ примѣчаніи замѣчаетъ, что буквы С онъ уже не видѣлъ, а доказанность существованія К рѣшительно оспариваетъ ¹⁾. вмѣстѣ съ этимъ однако его скептицизмъ относительно существованія дѣйствительныхъ буквъ на стѣнахъ Сервія Туллія, видимо, не устоялъ предъ очевидными фактами ²⁾, и онъ, чтобы не дѣлать явнаго поворота отъ

¹⁾ Dass K nachgewiesen sei, bestreite ich entschieden und verweise auf Bruzzen p. 78 ff.—Но если это К дѣйствительно можетъ возбуждать сомнѣніе въ формѣ, какъ она является подъ № 78 у Бруццы, то что можно сказать противъ той формы, какая указывается № 80 и даже №№ 85 и 86?

²⁾ Въ томъ же примѣчаніи Жорданъ признаетъ ein mehrmals wiederkerendes *geritztes gebogenes A* (39, 40, 41; nicht 29: почему nicht?) neben vielen gradlinigen

прежняго своего взгляда къ другому, спорить противъ неудачной и не высказываемой Бруццою гипотезы, будто существованіе этихъ буквѣнныхъ знаковъ на глыбахъ Сервіевой стѣны доказываетъ распространенность при этомъ царѣ въ Римѣ этрускаго алфавита, и допускаетъ, что тутъ, дѣйствительно, можно говорить о латинскихъ буквахъ. Но какъ онъ при этомъ неохотно сдается, ясно видно изъ формулъ, въ какихъ онъ дѣлаетъ признаніе въ своей побѣжденности: „Das äusserste, was zugegeben werden kann, ist, dass 4 Zeichen den Buchstaben der lateinischen Alphabets A E H N oder Z (denn die Stellung auf den Steinen entscheidet darüber nicht) so ähnlich sehen, dass sie als solche betrachtet werden können (подчеркиваетъ авторъ), keinesfalls müssen“ (р. 264). Затѣмъ нѣсколько далѣе (р. 265) уже допускаетъ въ эпоху постройки Сервіевой стѣны существованіе или извѣстность въ Римѣ алфавита (ein Alphabet bekannt war), въ которомъ по меньшей мѣрѣ четыре, а можетъ быть и пять знаковъ соотвѣтствовали древнѣйшимъ латинскимъ, дошедшимъ до насъ на извѣстныхъ памятникахъ (dass es, то-есть, Alphabet, mit dem sonst nachweislichen altlateinischen mindestens vier oder fünf Zeichen gemein hatte).

Я счелъ нужнымъ остановиться на возраженіяхъ Жордана, во первыхъ, потому, что они шли отъ ученаго, пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ наукѣ, а во вторыхъ потому, что Бруцца въ своихъ статьяхъ недостаточно ихъ касается, совсѣмъ не выставляя на видъ ихъ измѣчивости, которая въ концѣ концовъ вполнѣ подорвала ихъ значеніе. Но я долженъ однако къ сказанному добавить, что Бруцца, за которымъ осталось послѣднее слово, отнявъ у Жордана и послѣднее убѣжище для его скептицизма, заявивъ ¹⁾, что онъ не понимаетъ основанія, почему Жорданъ придаетъ въ рѣшеніи вопроса важность тому, глубоко ли врѣзана буква, или только нацарастана, каковы такъ называемые graffiti. Для опредѣленія формы буквъ это все равно; но тутъ важно то еще, что и кажущіяся теперь графитами буквы были раньше глубже врызаны, но по причинѣ нѣжности и рыхлости туфа, гдѣ они были врызаны, отъ нихъ остались только слѣды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и эти слѣды исчезли спустя нѣкоторое время послѣ ихъ открытія, такъ что Бруцца уже не могъ ихъ видѣть снова тамъ, гдѣ видѣлъ прежде. Поэтому онъ думаетъ, что всѣ знаки,

¹⁾ См. статью его „Sopra alcuni graffiti di vasi etruschi ritrovati in Roma“ въ *Bullettino della Commiss. archeol. Comunale* 1878, р. 192.

развѣ за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, были вырѣзаны однимъ и тѣмъ же способомъ, то-есть, съ одинаковою приблизительно глубиною (до 1 сантим.).

Вопросъ о знакахъ на туфовыхъ глыбахъ стѣны Сервія Туллія рѣшился такимъ образомъ въ томъ смыслѣ, что многіе изъ этихъ знаковъ, нарѣзанныхъ еще до кладки стѣны, какъ это нѣрѣдко доказывается положеніемъ этихъ камней въ стѣнѣ, были несомнѣнно буквами и при томъ именно латинскими, а не этрусскими. Но знаки, похожіе на буквы, встрѣчаются не только на стѣнахъ Рима царскаго періода, но и на древнѣйшихъ глиняныхъ сосудахъ, находимыхъ въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ Італіи. Такъ они изрѣдка попадаются на сосудахъ некрополя Виллановы, Марпаботто, Болоньи, Голасекки и въ другихъ мѣстахъ Эмилии. За отдаленную древность этого рода сосудовъ ручается какъ грубость матеріала, такъ и простота выдѣлки сосудовъ. Почему же, слѣдовательно, сосудовъ съ знаками или даже прямо съ буквами не могло бы быть и среди древнѣйшей утвари Рима, происходящей изъ времени стѣны Сервія Туллія или даже ему предшествующаго?

Что дѣлать надписи или только буквенные знаки на посудѣ было дѣломъ обычнымъ въ латинскихъ городахъ и въ частности въ Римѣ, какъ это было обычно въ Греціи и Этруріи, и при томъ со временъ древнѣйшихъ, это—фактъ общезвѣстный. Кто интересуется этого рода римскими надписями изъ республиканской эпохи, тому можно рекомендовать статью Дресселя „*Le stoviglie litterate*“, помѣщенную въ *Annali* института археологической корреспонденціи 1880 года (р. 265—342), которая является второю статьею изслѣдованія почтеннаго нѣмецкаго ученаго на тему: „*La suppellettile dell'anticchissima necropoli Esquilina*“, изслѣдованія ¹⁾, вызваннаго все тѣмъ-же обильнымъ археологическимъ матеріаломъ, какой былъ добытъ раскопками семидесятихъ годовъ въ восточной части Рима. Тамъ вы встрѣчаете цѣлыя надписи съ указаніемъ имени лица, которому принадлежалъ сосудъ ²⁾, отдѣльныя буквы, *sigle* и монограммы, также обозначающія

¹⁾ По причинѣ важности этихъ работъ Дресселя, считаю нужнымъ отмѣтить, что первая его статья (*Annali*, 1879, р. 263—299) говорила объ „*Arette figurate di terracotta*“, то-есть, о такъ называемыхъ жертвенникахъ съ человѣческими фигурами изъ терракоты, а третья (*Annali*, 1881, р. 5 слд.) о *Vasi di pasta egizia smaltata con ornati a rilievo*“.

²⁾ Напримеръ на одной лампочкѣ: *Ne atigas; non sum tua; M. sum*, то-есть, „не тронь, я не твоя, принадлежу М.“—На другой: *Sotae sum: non me tanger(e)* („я принадлежу Сотѣ, не тронь меня“).

имена владѣльцевъ, фабричныя марки, посвященія божеству ¹⁾ и др. Если такимъ образомъ было въ употребленіи на могильныхъ и почитательныхъ сосудахъ дѣлать знаки и цѣлыя надписи въ республиканское время, то естественно предпологать, что обычай этотъ былъ очень ранняго происхожденія, и начало его, какъ и всего того, что связано съ культомъ, надо искать въ царскомъ періодѣ римской исторіи. Замѣчательное дѣло, что въ могилахъ современныхъ или предшествующихъ времени постройки стѣны Сервія Туллія, въ восточной части города, гдѣ найдено столько древнѣйшей посуды, сосудовъ съ знаками или буквами долго не попадалось вовсе. Но, наконецъ, какъ бы въ подтвержденіе того, что буквенные знаки на туфахъ городской ограды Сервія Туллія не были исключеніемъ въ эту эпоху, показались въ близкихъ къ этой оградѣ могилахъ на Квириналѣ и Эсквилинѣ, содержимое которыхъ прямо относить эти могилы или къ періоду, нѣсколько предшествующему грандіозной постройки Сервія, или къ періоду вслѣдъ за нею слѣдовавшему, сосуды съ имѣющими форму буквъ знаками и съ несомнѣнными буквами.

Мы говорили, что проф. М. Ст. де-Росси, открывши въ числѣ сосудовъ, найденныхъ въ могилѣ или въ ямѣ подъ лѣстницей церкви S. Maria della Vittoria на Квириналѣ одну чашку съ буквами, передалъ рѣшеніе вопроса о ней тому-же о. Бруццѣ, который съ такой тщательностью изслѣдовалъ письменные знаки на туфахъ стѣны Сервія Туллія. Почтенный барнабитъ не преминулъ посвятить особую статью письменнымъ знакамъ на архаическихъ сосудахъ и напечаталъ ее въ *Bullettino della Commissione archeologica Comunale 1878* (р. 177—198) подъ упомянутымъ раньше заглавіемъ: „*Sopra alcuni graffiti di vasi argacci ritrovati in Roma*“ (съ табл. XIII, XIV). Въ этой статьѣ, замѣтивъ, предварительно, что въ албанской посудѣ не найдено вовсе сосудовъ съ знаками или съ буквами, но что такыя изрѣдка встрѣчаются въ могилахъ древнихъ некрополей Эмилии, Бруцца прежде всего обращается къ терракотовой чашкѣ, найденной Нардони подлѣ виллы Альгьери на Эсквилинѣ. На внѣшнемъ днѣ этой чашки начертаны три буквы тогда еще, когда глина была

¹⁾ Напримѣръ, Saturno, какъ на одномъ предметѣ неизвѣстнаго значенія (р. 305), гдѣ надпись обращаетъ на себя вниманіе очень архаическою формою буквъ, или какова древнѣйшая надпись, извѣстная подъ именемъ *Dypos* и писанная отъ правой руки къ лѣвой, которая разобрана Дресселемъ въ особой статьѣ того-же тома *Annali* р. 158—195 и которая принадлежитъ къ 4-му столѣтію Рима, по мнѣнію Дресселя (р. 192).

мягкою, то-есть, значить лицомъ, которое дѣлало сосудъ, горшечникомъ. Буквы шли отъ правой руки къ лѣвой ΔΧΙ, и о. Бруцца призналъ ихъ греческими, съ чѣмъ согласился и Дрессель ¹⁾, какъ и съ тѣмъ, что сосудъ этотъ не превосходить своей древностью пятого столѣтія Рима ²⁾. Буквы означали несомнѣнно имя мастера, какъ и графиты латинскаго характера, найденные на нѣкоторыхъ сосудахъ эмилийскихъ могильниковъ, сосудахъ, относящихся приблизительно къ той-же эпохѣ, къ которой относится и эквилинская чашка, сработанная, какъ считаетъ возможнымъ предположить Бруцца (р. 180), быть можетъ уроженцемъ Кампаніи, хотя и изъ глины-свойственной Эквилину. Но такъ какъ эта чашка относится къ рес, публиканскому времени, когда уже посуда съ буквенными знаками была въ ходу, то мы оставляемъ ее въ покоѣ. Бруцца заговорилъ о ней для того, чтобы прямо перейти къ той маленькой слѣпленной изъ красноватой глины *sorra*, которая въ числѣ шестисотъ слишкомъ сосудовъ, найденныхъ подъ лѣстницей церкви della Vittoria, оказалась одна съ начертанными также на внѣшнемъ днѣ, и также въ то время, когда глина была еще мягка, знаками. Среди этихъ знаковъ ясно выдѣляется буква, имѣющая съ перваго взгляда форму М, что однако по ближайшемъ изслѣдованіи, скорѣе оказывается соединенными двумя А. Такіе два А именно встрѣчаются на туфахъ Сервіевой стѣны ³⁾, гдѣ они или соединяются вмѣстѣ или переплетаются, какъ видно и изъ представленныхъ тутъ-же въ текстѣ ихъ факсимиле. Примѣры такого соединеннаго А Бруцца указываетъ на днѣ подобной-же сорра, найденной въ Коллегарѣ на Панарѣ (въ Эмилиі) и обнаруженной Пьетро Бортолотти въ „Specilegio di epigrafi modenesi“ (р. 120), гдѣ также на первый разъ представляется буква М, которая, по мнѣнію Бруццы, представляетъ собою двойную букву А въ наиболѣе древней формѣ. Но какое бы ни было значеніе этихъ знаковъ, замѣчаетъ Бруцца, несомнѣнное сходство ихъ, какъ они являются съ одной стороны на туфахъ ограда Сервія Тулія, съ другой на римскомъ, какъ и на моденскомъ глиняныхъ сосудахъ, показываетъ, что такого рода *sigle* чертились по типу уже

¹⁾ *Annali dell' Inst. di corr. archeol.* 1880. р. 287. Гамуррини, напротивъ склоняетъ видѣть здѣсь этрусскія буквы (Append. къ *Corpus inscr. latinar.* Fabretti, № 917).

²⁾ *Annali*, 1880 р. 337.

³⁾ См. *Annali* 1876, табл. J, 36—41.

раньше существовавшему, предшествующему тѣмъ предметамъ, на которыхъ ихъ можно видѣть. Иначе, дѣйствительно, это сходство или однообразіе знаковъ на разныхъ, къ тому же, предметахъ было бы не понятно. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ заключеніемъ ученаго барнабита, что знаки двойнаго А, похожаго на М эпохи стѣны Сервія Туллія, служатъ хронологическимъ указателемъ, способствующимъ къ опредѣленію эпохи и этихъ сосудовъ ¹⁾.

О. Бруцца, однако, на этомъ не останавливается. Онъ обращаетъ вниманіе на находку въ древней могилѣ за Porta Salara, гдѣ кромѣ нѣсколькихъ сосудовъ di visceho, нѣсколькихъ блюдецекъ изъ блѣнокрасиватой глины съ простыми орнаментами изъ круглыхъ полосъ краснаго цвѣта были найдены еще шесть цилиндровъ изъ бурой (темно-пепельной) глины, изъ которыхъ одинъ имѣлъ на одной изъ головъ ясно написанную букву А (Λ). какъ она встрѣчается и на туфахъ стѣны Сервія Туллія ²⁾. На другомъ тоже есть знакъ, значеніе котораго, впрочемъ, не ясно. До сихъ поръ попадались въ Римѣ и въ Лациумъ такого рода цилиндры безъ знаковъ или буквъ. Но они попадались съ буквами въ некрополѣ Виллановы ³⁾ и въ другихъ некрополяхъ Эмилии. Нахожденіе этихъ двухголовыхъ цилиндровъ въ древнѣйшихъ некрополяхъ разныхъ мѣстъ Итали; указывая на общность культуры италійскихъ народовъ сѣвера, центра и юга, свидѣтельствуетъ въ то-же время объ ихъ глубокой древности. Бруцца полагаетъ, что эмилискіе цилиндры, равно какъ и тѣ, которые въ числѣ 19 были найдены незадолго до его статьи въ некрополѣ Сузсолы и которые были отнесены къ III или къ IV вѣку Рима, относятся почти къ той же эпохѣ, къ которой онъ относитъ цилиндръ съ буквою А, найденный въ могилѣ via Salara, и сосудъ изъ склада подъ лѣстницей церкви S. Maria della Vittoria, то-есть, приблизительно къ эпохѣ сооруженія стѣны Сервія Туллія.

О другихъ глиняныхъ сосудахъ съ буквами, которые рассматриваетъ тутъ же о. Бруцца, мы говорить не будемъ, такъ какъ они относятся уже къ республиканской эпохѣ и потому вошли въ раньше указанное изслѣдованіе Дресселя. Остальную часть своей интересной статьи авторъ посвящаетъ новымъ доказательствамъ, что знаки на

¹⁾ р. 182.

²⁾ Annali 1876, табл. J, 28—32.

³⁾ Гоццидьяни въ „La necropole de Villanova“ (Bologne, 1870), р. 79 говоритъ о двухъ двухголовыхъ цилиндрахъ съ sigle V.

Сервиевой стѣнѣ суть дѣйствительныя буквы, а не простыя мѣтки, какъ сначала полагалъ Жорданъ. Не считая въ данномъ случаѣ нужнымъ входить въ разсыпанныя тутъ палеографическія подробности, которыя трудно понимать читателю, не имѣя предъ глазами факсимиле начертаній, мы приведемъ заключеніе этого новаго, столь же важнаго, какъ и прежняго, этюда ученаго барнабита. „Въ концѣ концовъ сходство, замѣчаемое между знаками стѣны, какъ и графитовъ сосудовъ Эсквилина съ нѣкоторыми изъ некрополей Эмилии, служить новымъ свидѣтельствомъ той образованности и культуры, которая была принадлежностью италійскихъ народовъ, прежде чѣмъ была искажена иностранными вліяніями, а ихъ древность открывается съ того момента, какъ въ Римѣ были найдены гробницы и утварь въ слюдахъ, лежащихъ ниже той, на которой почиваетъ стѣна, какъ это не разъ было удостовѣрено самыми точными изслѣдователями въ области этихъ студій“.

На этомъ мы пока и остановимся, не поднимая новыя вопросы.

Римъ, мартъ, 1895.

В. Модестовъ.

Въ статьѣ автора, подъ заглавіемъ „Фалиски“, помѣщенной въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, нужно сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
128	9 снизу	относительно больше	относительно нея больше
130	10 (прим.)	точно говорить	такъ-же точно говорить
135	8	Фалерій	Фалеріи
136	11	цѣнную	крѣпкую
138	1	періода Вилланова	періода Виллановы
┌	2 (прим.)	Ундстетомъ	Ундсетомъ
139	2 „	средней Азіи	передней Азіи
└	3 сверху	(сарата)	(сараша)
140	9 снизу (прим.)	1892	1893
141	2 сверху	висетого	висового
148	21 „	намятники объ искусствѣ	памятники искусства
155	13 „	не дано	городу не дано
156	3	Это обстоятельство не можетъ	Это обстоятельство и можетъ

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ИСТОРИЮ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ¹⁾.

7. Свадебные обряды и пѣсни ²⁾. Простонародная русская свадьба до сихъ поръ обставлена множествомъ обрядовъ и связанныхъ съ ними пѣсенъ, которые составляютъ свадебную „игру“ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Народъ до сихъ поръ употребляетъ выраженіе „играть свадьбу“. Лемки въ Галиціи, по свидѣтельству Головацкаго, не имѣютъ уже другихъ игръ, кромѣ свадебныхъ (Пѣсни, часть III, отдѣлъ II, стр. 366). Свадебные пѣсни, причеты и припѣвы сопровождаютъ каждое дѣйствіе разнообразныхъ свадебныхъ обрядовъ:

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Собранія свадебныхъ пѣсенъ и описанія свадебныхъ обрядовъ представляютъ массу крупныхъ и мелкихъ трудовъ. Не перечисляя всего даже важнѣйшаго, отмѣтимъ нѣкоторые труды: Этнографическій Сборникъ, изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 6 выпусковъ; *Сазаровъ*: Сказанія русскаго народа, 1 томъ, 1841 года; *П. В. Шенк*: Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края, томъ I, часть II, 1890 года; *Елю-же*: Русскія народныя пѣсни, часть I, 1870 года; *Головацкій*: Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, часть III, отдѣлъ II; *Чубинскій*: Труды Этнографическо-Статистической Экспедиціи, томъ 4; *Терещенко*: Бытъ Русскаго народа, 2 часть; *Н. Ф. Сулицовъ*: О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно Русскихъ, 1881 года; *Потебня*: Объясненія малорусскихъ и среднихъ народныхъ пѣсенъ, 2 тома; *Яцирагинскій*: Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя, Варшава, 1880 года. Въ сборникѣ Терещенки (Бытъ русскаго народа) встрѣчается не мало искусственныхъ, вовсе не народныхъ пѣсенъ, напримѣръ, часть II, стр. 373—445.

пекутъ-ли коровай, или рѣжутъ его, заплетаютъ-ли невѣстѣ косу, или расплетаютъ ее, встрѣчаютъ-ли жениха, обрядовыхъ лицъ, гостей, или провожаютъ ихъ, ѣдутъ-ли къ вѣнцу, или возвращаются, и т. д. Великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни имѣютъ своеобразныя особенности, которыя проявляются даже въ предѣлахъ и каждаго русскаго нарѣчія; но носить и общія черты, которыя даютъ возможность выдѣлить основной типъ русской свадьбы, отражающей древнія черты. Эти древнія черты проявляются въ общемъ значеніи основныхъ обрядовыхъ дѣйствій, лицъ и въ пѣсенныхъ образахъ.

Для характеристики древнихъ свадебныхъ обрядовъ нѣкоторымъ подспорьемъ могутъ служить описанія великокняжескихъ и царскихъ свадебъ XVI—XVII вѣковъ, отправлявшихся съ такими-же обрядами и пѣснями, какъ современныя простонародныя, и древнія свидѣтельства лѣтописей и памятниковъ обличительной литературы. Это сопоставленіе современныхъ русскихъ простонародныхъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ съ древними письменными свидѣтельствами указываетъ на замѣчательное переживаніе въ первыхъ нѣкогда существовавшихъ древнихъ формъ брака. Древность многихъ свадебныхъ мотивовъ въ пѣсняхъ подтверждается также замѣчательнымъ сходствомъ ихъ у разныхъ славянскихъ народностей и даже у нѣкоторыхъ родственныхъ аrioевропейскихъ народностей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы остановимся преимущественно на такихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, которые носятъ признаки древнихъ обычаевъ, представляютъ древнюю обрядность.

Переходимъ къ общему обзору русскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ и прослѣдимъ прежде всего развитіе свадебной игры, которая имѣетъ значеніе въ глазахъ народа наравнѣ съ церковнымъ вѣнчаньемъ. Простонародныя, деревенскія свадьбы играютъ осенью и зимой, по окончаніи земледѣльческихъ работъ ¹⁾. Поэтому весеннія и лѣтнія обрядовыя игры и пѣсни заключаютъ много намековъ на

¹⁾ Миклошичъ (Die Slavischen Monatsnamen, 1867 года, стр. 23—24) указываетъ древнерусское названіе февраля мѣсяца — „свадебнымъ“, „свадебникомъ“ и сопоставляетъ подобныя же названія января и февраля у нѣмцевъ и французовъ (février l'anelier; wiewermond). Замѣчательное выраженіе псковской лѣтописи, подъ 1402 г. (П. С. Р. Д., V т., стр. 18): „отъ свадьбы до вербной субботы“ (въ другихъ лѣтописяхъ: „весь мартъ мѣсяць“), слѣдовательно — „отъ свадьбы“ — „отъ февраля“.

бракъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ хороведахъ, въ играхъ завязываются первыя отношенія жениховъ и невѣстъ. Такъ могло быть и въ древности, когда, по свидѣтельству лѣтописей, молодежь сходилась на „игрища между селы“ и тутъ проходили или совѣщанія о бракѣ, или умыканіе — кража невѣсты. Совѣщаніе о бракѣ могло быть добровольное, или соединенное съ куплей невѣсты, съ выкупомъ за нее роду, семьѣ. Въ хороводныхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ выбраніе невѣсты и обычное названіе въ свадебной игрѣ жениха — княземъ, невѣсты — княгиней: „ходилъ, гулялъ княжой сынъ, онъ искалъ своей княгини, что которая посреди города стояла, золотымъ вѣнкомъ просіяла, вы сѣкните, бояра, ворота, вы кланяйтеся княгинѣ“ (*Шеинъ*, Русскія народныя пѣсни, 202 — 203). Съ свадебными же пѣснями связаны извѣстныя игровыя пѣсни: о сѣяньи проса („А мы просо сѣяли, а мы просо вытопчемъ“, при чемъ двѣ враждующія стороны молодець и дѣвушекъ примиряются на томъ, что молодцы получаютъ, покупаютъ дѣвушку), о взятіи города (Царь-града, Кіева, въ которыхъ находятся невѣста и ея родные), о переходѣ черезъ воду по дощечкѣ, по мосту (мотивы чисто свадебныхъ пѣсень), горю-дубъ (ср. любовь — пожаръ). Потебня въ разныхъ мѣстахъ своего не разъ уже упомянутаго труда „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“ замѣчаетъ, что нѣкоторые свадебныя пѣсни сходны какъ по размѣру, такъ и по содержанію — по мотивамъ — съ пѣснями весенними (веснянками), петровочными, купальскими, обжинковыми; точно такъ же, какъ нѣкоторые обряды весеннихъ и лѣтнихъ игръ напоминаютъ свадебные обряды. Въ обжинковыхъ пѣсняхъ повторяются тѣ же выраженія о короваѣ, о вѣнкѣ, какія встрѣчаемъ и въ свадебныхъ пѣсняхъ. Бросаніе вѣнковъ въ воду и гаданье по нимъ отнесится непосредственно къ браку. Въ хороводныхъ пѣсняхъ находимъ тѣ иносказательные, символическіе образы жениха и невѣсты, которые такъ обычны въ свадебныхъ пѣсняхъ: соколъ — женихъ, лебедь — невѣста („Какъ по морю, морю синему плыла лебедь съ лебедятами“; соколъ бьетъ лебедь, — дѣвица беретъ пухъ лебединый на подушечку) и т. д.

Собственно свадебная игра; свадебная обрядность; представляетъ слѣдующіе главные моменты: сватовство, стоборъ (у великоруссовъ — рукобитье; у малоруссовъ — заручины), дѣвичникъ, затѣмъ — свадебный день, къ которому приурочивается особенно много обрядовъ и пѣсень, и наконецъ немногіе послѣсвадебные обряды (напримѣръ,

великорусскій „княжой столъ“). Свадебная игра связана съ обрядовыми лицами, каковы: свать, дружки, бояре, поѣзжане, тысящій, дѣвушки-пѣвицы — хоръ, иногда поеть и одна женщина (на сѣверѣ вопленицы — плачей, о которыхъ будемъ говорить при разсмотрѣніи причитаній по мертвымъ), поддружье; у малоруссовъ — старосты. Всѣ эти лица ведутъ свадебную игру, особенно свать, „дружки“ и дѣвушки-пѣвицы. Женихъ и невѣста со времени сговора до конца свадьбы носятъ названія „князь молодой, княгиня“. Поѣзжане, называемые также „дружиной“, дѣйствуютъ подъ руководствомъ дружекъ и связаны съ женихомъ, съ его домомъ; это — чужіе чужане, по словамъ свадебныхъ пѣсень, въ которыхъ домъ невѣсты соединяется противъ наѣзда дружины жениха въ „родъ племя великое“. И теперь еще около невѣсты собирается также своя дружина. Этотъ откликъ стараго родового быта, отношенія родовъ, вступавшихъ въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ въ брачныя отношенія, еще яснѣе выражается въ первомъ актѣ свадебной игры — въ сватовствѣ. Сваты изъ дома жениха отправляются въ домъ невѣсты вечеромъ съ хлѣбомъ и солью; здѣсь принимаютъ ихъ, какъ заѣзжихъ неизвѣстныхъ людей — „добрыхъ людей“, отъ которыхъ отецъ невѣсты беретъ хлѣбъ и соль и проситъ разказать: откуда она пришла, „изъ какой земли, изъ какого царства?“. Почти вездѣ сваты отвѣчаютъ длинной рѣчью, въ которой выставляютъ себя „ловцами-охотниками князя“, который попалъ на слѣдъ лисицы, куницы или прямо — красной дѣвицы. Охотники-ловцы по этому-то слѣду, по снѣжной порошѣ и пришли въ домъ невѣсты. Въ свадебныхъ пѣсняхъ находимъ представленіе также о ловцахъ: „ловили ловцы, купцы-молодцы, или бояре-молодцы; поймали они бѣлую рыбицу, — поймали Марью Ефимовну; поймавши за столъ сажали съ Петромъ да Петровичемъ“ (*Сахаровъ*, Сказанія, I томъ, стр. 109 — 110). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто охотниковъ въ рѣчи сватовъ являются купцы: „у васъ товаръ (то-есть невѣста), а у насъ купецъ (женихъ)“. Для характеристики рѣчей сватовъ и дружекъ я позволю себѣ привести особенно замѣчательное обращеніе дружки въ одномъ изъ дальнѣйшихъ обрядовъ, именно на дѣвичникѣ. Дружка, извѣщая о пріѣздѣ жениха на дѣвичникъ, „правитъ слѣдующее челобитье“: „князь остался въ чистомъ полѣ, въ широкомъ равдолѣ, на зеленомъ на дугу, на шелковой на травѣ, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ; меня послалъ скорымъ посломъ; я летѣлъ яснымъ сокодомъ“, и проч. (Извѣстія Императорскаго Общества Естествознанія, томъ XIII, выпускъ 1, стр. 66).

Въ слѣдующемъ свадебномъ актѣ — сговорѣ, помолвкѣ — выражается какъ бы продажа невѣсты. Отсюда великорусское „рукобитье“, малорусскія „заручины“. Выдающій невѣсту — отецъ или старшій членъ семьи, если невѣста сирота, — бьетъ по рукамъ со сватомъ, скрѣпляетъ договоръ рукобитьемъ, какъ это совершается при продажѣ-покупкѣ движимаго и недвижимаго достоянія: руку заворачиваютъ въ полу кафтана и такимъ образомъ даютъ ее, послѣ чего слѣдуетъ уже пирушка. Къ этому въ Малороссіи присоединяется даване рушниковъ—полотенцевъ; обрядъ этотъ совершался въ старое время и у великоруссовъ, но вышелъ изъ употребленія. Рукобитье, заручины, составляютъ рѣшительный моментъ въ судьбѣ невѣсты: пѣсни, связанные съ этимъ обрядомъ, представляютъ невѣсту „запорученой“, какъ бы проданной въ чужой родъ. „Приключилось мнѣ горе немалое (поютъ подруги невѣсты отъ ея лица): запоручила-то меня дѣвицу красную, свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка, запоручила-то меня бѣдну-горькую, красно солнышко родима матушка“ (*Сахаровъ*, Сказанія, 1, 112). По другой пѣснѣ Пермской губерніи дѣвушка играла съ молодцомъ (распространенный мотивъ объ игрѣ-сватаньѣ): „проигралася, прохвасталася душа, красная дѣвица: проиграла свою трубчатую косу, что со дивней со красотою, что со алой со ленточкой“ (Пермскій Сборникъ, 1859 года, III, 133). Если невѣста сирота, то на сговорѣ раздаются трогательныя причитанья дѣвушекъ по умершимъ родителямъ невѣсты; но мы рассмотримъ причитанья особо ниже.

Дни за два до вѣнчанья пекутъ съ обрядовыми дѣйствіями коровай, при чемъ поютъ пѣсни: „караваю, мой раю, я съ тобою играю, съ дудками, съ молодыми свашками“ (Извѣстія Императорскаго Общества Естествознанія, т. XIII, вып. 1, стр. 73; при этомъ въ Черниговской губерніи „одна изъ приготовляющихъ каравай должна перескочить три раза около столба, находящагося возлѣ печи, также и мущина съ кнутомъ, имѣющимся въ рукахъ“); „Свѣти, мѣсяцю, з раю нашему короваю, абы був коровай красивый, а як сонейко ясный“ ...з семи криниць водица, зъ семи стогѣвъ пшеница (*Головацкій*, Пѣсни III, II, 249, 284). Коровай съ украшеніями упоминаются на великокняжескихъ и царскихъ свадьбахъ XVI—XVII вѣковъ. И до сихъ поръ свадебные народные короваи украшаются различными фигурами птицъ и животныхъ (см. изображеніе коровай въ сборникѣ *Шейна*: Матеріалы, т. 1, ч. 2). Сумцовъ въ своемъ изслѣдованіи о свадебныхъ обрядахъ сближаетъ коровай съ обрядовыми хлѣбами, въ

видѣ „козуль“, „коровъ съ рогами, оленей, овецъ“ (стр. 130—131). Очень можетъ быть, что въ древности короваи свадебные относились къ числу тѣхъ требъ, о которыхъ говоритъ „Слово нѣкоего Христолюбца“ XIII вѣка: „коровай имъ (богамъ и богинямъ) домять и куры имъ рѣжутъ“. Далѣе, въ свадебныхъ обрядахъ мы встрѣчаемъ непримѣнную принадлежность свадебнаго стола—жаренныхъ пѣтуха и курицу, которыми кормятъ молодыхъ. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ обрядахъ коровай часто связывается съ мѣсяцемъ: его или дѣлаютъ въ формѣ мѣсяца, или украшаютъ мѣсяцемъ: „коровайночки-живочки, хорошіе короваи бгали, въ середину мѣсяць клали, около зороньками“ (*Сумцовъ*, 143).

Изъ предсвадебныхъ обрядовъ наибольшей торжественностью отличается дѣвичникъ, дѣвич-вечор. Обыкновенно дѣвичникъ бываетъ наканунѣ свадьбы въ домѣ невесты и сопровождается множествомъ пѣсенъ, въ которыхъ величаются князь и княгиня, обрядовыя лица, гости, но болѣе всего поется о невестѣ и женихѣ. Свадебныя пѣсни представляютъ замѣчательное богатство поэтическихъ образовъ символическаго характера, въ которыхъ представляются женихъ и невеста—князь и княгиня. Вотъ нѣкоторые параллельные образы для невесты и для жениха: солнце и мѣсяць; яблоня, грушица, вѣточка, елочка и яворъ; кукушка и соловей; лебедь бѣлая, утица, черная галенько, перепелочка и соколъ или селезень; черная кунца и соболь. Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ излюбленный образъ невесты—„калина“.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ пѣсенъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ, въ которыхъ встрѣчаемъ эти поэтическіе образы:

Изъ-за гѣсу, гѣсу темнаго
 Вылетало стадо лебедевъ,
 Позади летя гусиное;
 Отставала лебедушка
 Отъ стада лебединаго,
 Приставала лебедушка
 Ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ,
 Неумѣла лебедушка
 По гусиному кликать,
 Ино стали гуси щипати:
 Не щипите, гуси сѣрые!
 Не сама я къ вамъ залегѣла,
 Занесло меня погодою,
 Что погодою, невзгодою.

(*Шейнъ*, Русскія народныя пѣсни, стр. 477).

Древній сказочный мотивъ о молодцѣ, прилетающемъ къ невѣстѣ на окошко въ образѣ сокола, встрѣчаемъ въ свадебной пѣснѣ (*Сказка-розы*, Сказанія I, 140):

Прилетай въ ней (къ невѣстѣ на дѣвичникъ) ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На дубовую причелинку.

Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Ой мовила ясна зоренька до мѣсяченка.
Ой мовила молода до молодого.

(*Головацкий*, 300).

Въ псковской великорусской пѣснѣ (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1864 г., кн. 2, стр. 180):

Не видать мѣсяца изъ-за облака,
Не знать князя изъ-за бояровъ.

Олицетвореніе, символизмъ распространяется въ свадебныхъ пѣсняхъ не только на жениха и невѣсту, но и на украшения невѣсты: косу, ленту въ косѣ—дѣвью красоту, вѣнокъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ представляются дивья красота и вѣнокъ.

Красота ты моя великая!
Мнѣ куда съ тобой дѣваться?
Я снесу тебя на Волгу рѣку,
Къ бѣлымъ ко лебедушкамъ...
Отойду я лигу, послушаю:
Не вичеть ли лебедь бѣлая,
Не плацѣтъ ли дѣвья красота
О моей буйной головѣ?..
Она въ угонъ за мной гонится.

(*Шейн*, Русскія народныя пѣсни, 556).

На дѣвичникѣ выставляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разукрашенные деревья: елку, малорусское „вилце“; жениха и невѣсту садятъ на вывороченную шубу мѣхомъ вверхъ. Въ Малороссіи это носитъ названіе—„посадъ“, или „посагъ“. Сажанье на овчинѣ, на шубѣ знаменуетъ довольство, достатокъ въ будущемъ.

Самое большое число обрядовъ и пѣсней относится ко дню вѣчанія. Обряды совершаются не только въ домѣ невѣсты, какъ въ остальныхъ случаяхъ, но и въ домѣ жениха. Рѣшительный день въ судьбѣ невѣсты соединенъ съ обрядовымъ оплакиваніемъ дѣвичьей жизни, косы, съ представленіемъ о чужихъ людяхъ, къ которымъ переходитъ невѣста: „Чужая сторона горемъ посѣяна, горячими сле-

зами поливана, печалью огорожена, скорбью подвязана“ (*Сахаровъ*, I, 195). Женихъ это — „чужой чужанинъ“, который прїѣдетъ „съ храбрымъ своимъ поѣздомъ“ (тамъ же, 163). Иногда поѣзжане жениха называются татарами, литвой. Въ пѣсняхъ, относящихся еще къ утру свадебнаго дня, разказывается о нехорошемъ, нерадостномъ снѣ невѣсты, при чемъ жениха и его поѣзжанъ она видѣла въ образѣ хищныхъ птицъ. Память о древнемъ умыканьи невѣсты и о куплѣ ихъ живо изображается въ обрядахъ и пѣсяхъ, сопровождающихъ выѣздъ поѣзда жениха въ домъ невѣсты, въ выкупѣ косы. Въ Тверской губерніи, въ Ржевскомъ уѣздѣ (*Этнографическій Сборникъ*, вып. 1, 255), поѣзжане съ женихомъ, прежде чѣмъ отправятся въ домъ невѣсты, становятся на сковородѣ, цѣлуютъ образъ, при чемъ дружокъ предлагаетъ слѣдующій родъ присяги: „ну цалуйте Божіе милосердіе, щобъ стоятсь другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь капля“ (то-есть, каплю крови). Очевидно, этотъ храбрый поѣздъ молодаго князя отправляется на добычу невѣсты, на бой съ ея родомъ, который въ старину или мстилъ за похищенную, или бралъ выкупъ. Естественно, при этомъ встрѣтитъ во всѣхъ славянскихъ пѣсняхъ образъ жениха, какъ лихаго наѣздника:

Изъ-за лѣсу конь бѣжить,
Подъ конемъ земля дрожить,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ.

(*Сахаровъ*, I, 122).

Пыль, пыль по дорожкѣ...
Андрейнъ сударь ѣдетъ...
Подъ нимъ конь играетъ,
Что соколъ летаетъ;
На емъ кунья шуба
Слѣды замаетъ,
На емъ сафьянъ сапогъ,
На рукѣ золотъ перстень.

(*Шейнъ*, Русскія народныя пѣсни, 412).

Въ галицкой пѣснѣ: „Далеко чути, далеко видко, якъ молоденькій ѣде: якъ лѣсомъ ѣде, калину ломае: якъ полемъ ѣде, конникомъ выиграе; якъ на подвѣрье заѣде, шабельковъ вывивае; до хаты увѣйде шапочки не здоймае“ (*Головацкій*, 308). Тамъ же, какъ въ великорусскихъ пѣсняхъ, поютъ: „Подъ нимъ коникъ грае, якъ сивый соколъ лѣтае“ (*Головацкій*, 438). Бѣлорусскія пѣсни рисуютъ также жениха-воина: онъ сизый орелъ собирается разсыпать „крупень жем-

чугъ“ (= слезы невѣсты). Женихъ собирается въ незнакомую сторону на добромъ ворономъ конѣ, впереди его летитъ соколъ, по сторонамъ ѣдутъ друзья. Это ѣдетъ „грозень князь, онъ стукнець, грохнець копьемъ у ворота“.

Пріѣздъ поѣзда жениха въ домъ невѣсты сравнивается въ пѣсняхъ съ тучами темными, съ грозой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ враждебный характеръ поѣзжанъ выражается не только въ пѣсняхъ, но и въ обрядахъ. Поѣзжанъ не впускаютъ въ домъ невѣсты: они стучатъ въ запертыя ворота и рвутся во дворъ; но родственники невѣсты засунули крѣпко засовы и не пускаютъ ихъ (Этнографическій Сборникъ III, 14 стр.). Только послѣ торга за невѣсту (обыкновенно теперь платятъ водкой и небольшимъ количествомъ денегъ) отворяются ворота и впускается поѣздъ. Въ пѣсняхъ поется при этомъ, какъ невѣста проситъ брата „срубить березыньку, заградить путь-дороженьку ея недругамъ“—то-есть, поѣзду жениха (*Сахаровъ*, 163). Коса—символь дѣвицы, и вотъ вслѣдъ за появленіемъ поѣзжанъ съ женихомъ въ домъ невѣсты слѣдуетъ продажа косы. Обыкновенно выкупъ за косу невѣсты беретъ ея братъ, къ которому и относится распространенная и старинная пѣсня о братѣ-татаринѣ, продавшемъ косу и сестру (*Головацкій*, 328, 336; *Шейнъ*, Русскія Народныя Пѣсни, стр. 522 и др.). Эта пѣсня передается почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ Великой, Малой и Бѣлой Россіи и у галицкихъ русиновъ.

Въ болгарскихъ свадебныхъ пѣсняхъ отражается такъ же древній обрядъ продажи „невѣсты“ жениху и его роду братомъ (см. Москвитанинъ, 1845 г., ч. VI: „Отъ нейзаяна мила роду разлучиса... Ой та сестро, мила сестро! Отъ сего си продадена На юнакъ продадена“; также Сборникъ Отд. Русск. языка и слов. Императорской Академіи Наукъ, т. XXX, стр. 19), какъ и нѣкоторые другіе приведенные обряды обще-славянской свадьбы.

Къ числу обрядовъ, оставшихся отъ стараго быта, допускавшаго захватъ невѣсты и принужденіе ея вѣнчаніемъ силою, относится встрѣчающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрядъ разуванія жениха невѣстою. Обрядъ этотъ древняго происхожденія и встрѣчается въ Великой, Малой и Бѣлой Россіи. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 980 г. Рогнѣда говоритъ о князѣ Владимірѣ: „не хочу розути робичича, но Ярополка хочу“. Въ былинѣ объ Иванѣ Гоудиновичѣ и Овдотѣ-Лебеди Бѣлой Иванъ говоритъ: „ужъ ты, душечка Овдотья... разуи-ко у меня сафьянъ сапогъ“. Обычай разуванія свойственъ не только

славянскимъ (сербамъ, словенцамъ), но и нѣмецкимъ народностямъ (*Сумцовъ*, О свадебныхъ обрядахъ, стр. 29—30).

Но бракъ уже въ глубокой древности считался „Судомъ Божиимъ“, какъ смерть; отсюда вступающіе въ бракъ: суженый, ряженный и суженая, ряженная. Сказки, пословицы говорятъ одинаково объ этомъ неизбежномъ предопредѣленіи, о невозможности измѣнить его. Въ обрядовыхъ пѣсняхъ поется о кузнецѣ, который куетъ бракъ и его принадлежности. Рядомъ съ грустной стороной въ свадебныхъ пѣсняхъ развивается и веселая, воспѣвается и любовь. Сюда относится обширный кругъ славянскихъ пѣсень (русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ) на тему—„милый лучше отца, матери, роду-племени“. Эта тема развивается въ различныхъ мотивахъ: не отецъ, не мать, не родъ-племя помогаютъ въ трудной работѣ (собираніе разсыпаннаго золота, бисера), а милый; милый точно также перевозить черезъ рѣку, спасаетъ отъ опасности и проч.

Интересно отмѣтить при этомъ частое упоминаніе въ свадебныхъ пѣсняхъ эпической рѣки Дуная: невѣста тонетъ въ Дунай; отецъ, мать, братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый, или невѣста бросаетъ свои волосы (=косу, дѣвью красоту) въ Дунай и посылаетъ ихъ къ отцу.

По возвращеніи изъ церкви послѣ вѣнчанья слѣдуютъ обряды обсыпанья молодыхъ хлѣбными зернами, или хмѣлемъ, кормленіе за столомъ курицей и пѣтухомъ. Въ малорусскихъ пѣсняхъ обрядъ обсыпанія объясняется слѣдующимъ образомъ:

Ой сыпъ матинко овесець,
Щобъ нашъ овесець рясець бувъ
Щобъ нашъ Семенко красець бувъ.
Ой сыпъ матинку пшеничку,
Щобъ наша ишеничка рясна була,
Щобъ наша Марушка красна була.

(Этнографическій Сборникъ, I, 361).

Свадебныя пѣсни, какъ и другія произведенія русской народной словесности, имѣютъ связь съ послѣдними. Мы уже указывали на отношеніе свадебныхъ пѣсень къ обрядовымъ, игровымъ. Мы можемъ найти также въ свадебныхъ пѣсняхъ сказочные мотивы и, наоборотъ, отраженіе свадебныхъ пѣсень въ былинахъ о богатыряхъ. Сказочный мотивъ о чудныхъ дѣвицахъ-лебедушкахъ, о лебединыхъ сорочкахъ, снявши которыя дѣвицы изъ лебедушекъ превращаются въ человѣческіе образы, отражается въ слѣдующей подробности свадебной пѣсни: „иду я горюшнычка (причитаетъ о себѣ невѣста) со ста-

домъ своимъ лебединымъ—съ милыми подружками. На всѣхъ то на нихъ платьеца алѣются. а на мнѣ горькой сиротушкѣ платьецо бѣлѣтся“ (Этнографическій Сборникъ, I, 187). Проф. Сумцовъ въ изслѣдованіи „О свадебныхъ обрядахъ“ (стр. 171) отмѣтилъ еще слѣдующіе сказочные мотивы въ свадебныхъ пѣсняхъ: „въ Сѣверной Россіи въ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчаются весьма замѣчательные сказочные мотивы; напр. въ Вологодской губ. невѣста просить подругу бросить банный вѣникъ на сѣверъ, чтобы выросла непросвѣтлая чаша, черезъ которую чужь-чуженинъ женихъ не могъ бы проѣхать. Но хитрый чуженинъ имѣетъ братьевъ-кузнецовъ; они выкуютъ ему топоры и онъ просѣчетъ чашу. Въ свадебной пѣснѣ красная дѣвица живетъ за 12 замками, и ее охраняютъ 10 богатырей. Спала она такъ крѣпко, что отецъ ея не могъ разбудить; но пришелъ суженый, поломалъ замки, разбросалъ сторожей и разбудилъ красавицу“. Въ бѣлорусской пѣснѣ (Бѣлорусская свадьба, *М. Запольскаго*; 1888 г., стр. 35—36) дѣвица, какъ въ нѣкоторыхъ сказкахъ, задаетъ молодцу трудныя, неисполнимыя задачи: сшить черевички изъ желтаго песку, сшить „казачинку зъ лѣтнія стали“, сдѣлать домокъ изъ маковаго зерна. Въ свадебныхъ обрядахъ встрѣчаемъ заговоры и загадки. Среди заговоровъ, на которыхъ мы остановимся въ своемъ мѣстѣ, встрѣчаются исключительно назначенные для оберега жениха и невѣсты. Въ Новгородской губ. на свадьбѣ дѣвушка-пѣвица задаютъ загадки дружкамъ (*Шейнъ*, Русскія нар. пѣсни, стр. 504): „Кто краснѣя красна солнышка, кто свѣтлѣя свѣтла мѣсяца?“—Дружки въ отвѣтъ на загадку выводятъ жениха на середину избы.

Акад. Веселовскій отмѣтилъ сходство былинъ о Соловьѣ Будимировичѣ, о его сватаньѣ на Запавѣ Путятинѣ, съ свадебными пѣснями. Соловей прѣзжаетъ въ Кіевъ къ Владиміру на чудесномъ кораблѣ и проситъ дать ему „загонъ земли неоранная, непаханная (въ свадебныхъ пѣсняхъ: орать—любить), позволить ему вырубить зеленый садъ“. Соловей обыгрываетъ Запаву въ шахматы (играть—любить). Такое же символическое значеніе имѣетъ и то, что Соловей, сидя въ одномъ изъ теремовъ „на томъ стулѣ золоченомъ“, играетъ на гусяхъ и тѣмъ привлекаетъ къ себѣ Запаву.

8. *Похоронные обряды и пѣсни* ¹⁾. Выше мы уже приводили древ-

¹⁾ *Е. В. Барсовъ*: Причитанья сѣвернаго края, ч. I, 1872 г. *А. N. Веселовскій*: Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volksprose (Russische Revue, 1873 г., III т.). *Чубинскій*: Труды Этногр.-Статистич. Экспедиціи, томъ 4.

нія свидѣтельства о погребальныхъ обрядахъ и пѣсняхъ русскихъ славянъ, начиная съ X в. (Ибнъ-Фоцлана, древнѣйшей лѣтописи, посланія Владимира Мономаха, Стоглава и др.). Мы не будемъ останавливаться на множествѣ мелкихъ повѣрій, соединенныхъ съ современными похоронами у русскаго народа и остановимся исключительно на пѣсняхъ, соединяющихся непосредственно съ похоронами, на великорусскихъ „причитаніяхъ“, „плачахъ“, „унылыхъ, жалкихъ пѣсенкахъ“ (*Барсовъ*, I т., 96, 102, 106, 256 стр.). Древній поэтический образъ кукушки, плачущей, жалѣющей, встрѣчающійся такъ часто въ этихъ причитаніяхъ („Не кокоша во сырѣмъ бору кокуе, родна дяденька во горенкѣ тоскуе“—*Барсовъ* I, стр. 223; „Горько выть будешь, горюша, куковать; станешь уныло причитать, коковать“), невольно приводитъ на память древнерусскія выраженія: „желѣтъ, желя, карить“¹⁾. Такъ Владиміръ Мономахъ въ 1096 г. пишетъ о своей вдовѣ невѣсткѣ, что она „сядетъ акы горлица на суѣхъ древѣ желѣючи“ (Лавр. лѣт.). Даниилъ утѣшаетъ брата послѣ пораженія и убійства многихъ мужей „не имѣти желѣ (жалѣ) поганьскы (то есть, языческія), но на Бога надѣятися“ (Ипатьев. лѣт. подъ 1259 г.). „Желю“, „плачь“ навелъ Господь на рѣкѣ Каялѣ послѣ пораженія Игоря Святославича Половцами, по разказу лѣтописи, подъ 1185 г. Когда умерла княжна Миндовговая (Ипатьев. лѣт. подъ 1262 г.), то „по ней карили“: „Миндовгъ посла по свою свестъ, тако река: се сестра твоя мертва, а поѣди карить по своей сестрѣ“. Все это свидѣтельства о древности похоронныхъ пѣсенъ, о древности обычая оплакивать мертвыхъ въ пѣсняхъ. Можно бы указать и нѣкоторые отклики этихъ пѣсенъ въ древнерусскихъ лѣтописяхъ, въ житіяхъ русскихъ святыхъ (см. напр. мой очеркъ о „Русскихъ писательницахъ XVIII вѣка и участіи русской женщины въ развитіи народной словесности“, Кіевъ, 1892 г., стр. 4—5 и др.), но мы перейдемъ къ сѣверно-русскимъ причитаніямъ, которыя отличаются замѣчательнымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Ни въ одной области русской народной словесности не живетъ до сихъ поръ творческая способность въ такой степени, какъ въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ. На сѣверѣ Россіи до сихъ поръ водятся особенно одаренныя отъ природы женщины, такъ называемыя вопленицы—плачен, которыя обладаютъ спо-

¹⁾ По словарямъ Миклошича (*Etymol. Wört.*) и Срезневскаго (*Историч. Сл.*): „карить“—печалиться, при старо-сл. „карѣба“—забота и „карья“—скоморохъ, *βαρρολόγος* (Гр. Наз., XI в.), сербск. раскарити се.

собностью создавать новыя причитанья, варіировать старыя. Конечно, древніе образы, эпитеты, и пр.,—что для насъ имѣеть главное значеніе,—повторяются въ этихъ новыхъ плачахъ изъ древности. Если мы отдѣлимъ христіанскія черты въ причитаньяхъ, то все таки останется много древнихъ представленій о смерти, о загробной жизни, о душѣ, объ отношеніи природы къ человѣку. Смерть представляется въ замѣчательныхъ образахъ птицъ, звѣрей и даже людей:

Подходила тутъ скорая смерѣтушка,
Она врадчи шла, злодѣйка душегубица,
По крылечку ли она да молодой женой,
По новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой,
Аль калѣкой она шла да перехожею;
Со синя ли моря шла да все голодная,
Со чиста ли поля шла да вѣдь холодная:
У дубовыхъ дверей да не ступялася,
У окошечка вѣдь смерть да не давалася,
Потихошеньку она да подходила,
И чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла (I, 2—3).
По пути она летѣла чернымъ ворономъ,
Ко крылечку прилетѣла малой пташечкой,
Во окошечко влетѣла сизымъ голубкомъ;
Разлучила съ воспріимымъ меня батюшкомъ:
Его ясныя тутъ очи запыралися,
Сахарніи уста да заграждалися,
Душа съ бѣлыхъ грудей выпиналася (I, 167).
Она (смерть) врадчи съ грудей душу вынимала,
Злодѣй эта скорая смерѣтушка,
Невзначай она въ домъ нашъ залетѣла (212).

Умершій также можетъ возвращаться на землю въ образахъ животныхъ, птицъ:

Хоть съ—подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ.
Изъ-подъ камышка явись да горностаюшкомъ (19 стр.).
Появись, приди, надежная головушка,
Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой (174).

Душа представляется иногда въ видѣ облака (205). Мертвый отправился „въ далеку дороженьку“ (205), „къ красну солнышку, къ свѣтлу мѣсяцу“ (33). Эта дорога ведетъ „въ дальнюю судимую сторонушку“ (8), такъ какъ смерть, какъ и бракъ, происходитъ по суду Божію:

Отъ суда Божія родъ, да мы не дѣнемся,
Отъ смерѣтушки вѣдь намъ да не убѣгать (120).

Этотъ судъ Божій соединяется съ представленіемъ о долѣ несчастной (10), объ обидѣ, о горѣ, о тоскѣ, о судинушкѣ, при чемъ всѣ эти представленія являются въ замѣчательныхъ олицетвореніяхъ:

Знать судинушка по берегу ходила,
Страшно ужасно голосомъ водила,
Во двани судинушка плескала,
До суженныхъ головъ да добралась (252).

Причитанья богаты старинными выраженіями, эпитетами, образами, восходящими къ Слову о Полку Игоревѣ. Такъ мы находимъ въ нихъ и понятіе о „жирушкѣ домовой, крестьянской“ (9, 184) и представленіе семьи, дома въ видѣ „гнѣзда“ (66, 100, 153); и эпитеты—„братца—красно солнышко“ (92), „соколочка золотокрылаго“ (150); образы дѣвушки въ видѣ „лебедушки съ лебедиными крыльями“ (112, 115, 149, 164, 166), въ видѣ кукушки; предчувствіе о смерти близкихъ въ вѣщемъ снѣ (26), представленіе слезъ въ видѣ жемчуга (64), обращеніе „къ буйнымъ вѣтрамъ“ (55):

Війте буйны, війте вѣтры, столько вѣтрушки...
На синемъ морѣ волны да не даватеткошь,
Кораблей большихъ вѣдь вы не разбиваететкошь,
Вы удалыхъ головъ не потопляйтетко (28).

Это обращеніе къ вѣтру вполне отвѣчаетъ извѣстному обращенію въ плачѣ Ярославны Слова о Полку Игоревѣ.

Причитанья представляютъ много общаго не только съ обрядными пѣснями, но и съ нѣкоторыми подробностями былинъ и заговоровъ:

Я со стойлы-то даю да коня добраго,
Со гвозда даю тѣ уздицу тесмяную,
Я свидельшко дарю тѣ черваское, —
Золотой казны даю тѣ по надобью (4).
Ужъ день за день, какъ рѣка течетъ (115).

Такія выраженія вполне естественно встрѣтить въ причитаньяхъ Олонецкаго края, въ которомъ живутъ еще въ замѣчательномъ обилии былины. Извѣстная форма заговоровъ, къ которымъ мы теперь перейдемъ, „встану я и пойду...“ и т. д., встрѣчается и въ причитаньяхъ.

Отказавшись входить въ подробное разсмотрѣніе обрядовъ и примѣтъ, сопровождающихъ похороны, мы упомянемъ, однако, о слѣдующихъ главныхъ обрядахъ и примѣтахъ, которые могутъ восходить къ языческой старинѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи еще изрѣдка

встрѣчается обычай класть въ гробъ покойника деньги, хлѣбъ, водку и т. п. Со смертью дѣвушки-невѣсты или парня-жениха родные пекутъ коровай (какъ на свадьбѣ), кладутъ его на гробъ и послѣ похоронъ на могилѣ раздаютъ его роднымъ покойника (*Кіевская Старина*, 1890 г., январь, 131 стр.). Въ глухихъ мѣстахъ Малороссіи сохранился старинный русскій обычай отвозить покойника зимою и лѣтомъ на саняхъ, какъ равнымъ образомъ сохранился обычай веселиться надъ умершимъ, пѣть пѣсни и играть на свирѣли, какъ въ древности на гризвѣ (тамъ же, стр. 132). Въ Великороссіи встрѣчается обычай по возвращеніи съ похоронъ, прежде всего, по входѣ въ избу, прикладывать руки къ печкѣ, для очищенія послѣ прикосновенія къ мертвецу.

V.

Русскіе народные заговоры ¹⁾.

Заговоры интересны не только какъ памятники народной словесности, но и какъ любопытныя проявленія народнаго міровоззрѣнія. И до сихъ поръ съ этими памятниками народнаго творчества, бсызливо сохраняемыми въ устной передачѣ и въ заветныхъ тетрадкахъ, восходящихъ къ древности, соединяется представленіе о таинственной силѣ человѣческаго слова („онъ такое слово знаетъ“ говорятъ о колдунѣ, знахарѣ), о силѣ нѣкоторыхъ заклинательныхъ формулъ, способныхъ вызывать въ человѣческой жизни добро, удачу, или зло, лихо. Многіе заговоры, наговоры, заклинанія или привороты оканчиваются: „будьте слова мои крѣпки и лѣпка, крѣпче камня и булата“; „а будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпче горячаго камня Алатыря, могучѣе Богатыря“ (*Ор. Миллеръ*, Хрестоматія, 16 стр.).

Современные знахари и знахарки, хранители этихъ заговоровъ, конечно, восходятъ къ стариннымъ колдунамъ, къ лѣтописнымъ кудесникамъ и, весьма вѣроятно, къ дохристіанскимъ славянскимъ и русскимъ язычникамъ, совершавшимъ языческія жертвоприношенія,

¹⁾ *Л. Н. Майковъ*: Великорусскія заклинанія, С.-Пб. 1869 г., всѣхъ заговоровъ 372. *П. С. Ефименко*: Сборникъ малороссійскихъ заклинаній (Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1874 г.). *Романовъ*: Бѣлорусскій сборникъ, выпускъ V. 1891 г. (всѣхъ заговоровъ 824). *Н. Ѳ. Сумцовъ*: Заговоры (библіографическій указатель), Харьковъ. 1892.

гаданія, заклинанія и наговоры. Въ древнерусской письменности мы встрѣчаемъ нѣкоторыя упоминанія о волхвахъ, чародѣяхъ, ворожеяхъ. Вотъ эти упоминанія. Въ правилѣ митрополита Іоанна II упоминаются „творящіе волхвованія и чародѣянія“. Въ древнѣйшей лѣтописи волхвы являются вѣщими людьми, гадателями, какъ, напримѣръ, въ разказѣ объ Олегѣ Вѣщемъ. Подъ 1024 г. въ лѣтописи повѣствуется, что волхвы въ Суздаль творятъ избіеніе стариковъ въ годы неурожая „глаголюще яко содержать гобно“. Подъ 1044 г. упоминаются волхвы при рожденіи Всеслава Полоцкаго, какъ врачеватели: они совѣтуютъ носить Всеславу повязку на головѣ до смертнаго часу, что исполнили родители и чего держался самъ Всеславъ всю жизнь. „Вѣдающіи и гадающіи“ волхвы упоминаются подъ 1071 г. на Волгѣ. Тутъ же разказывается, какъ въ Чуди нѣкій волхвъ призывалъ бѣсовъ. Подъ 1248 годомъ упоминается ятвяжскій „волхвъ и кобникъ“. Въ поученіяхъ Серапіона, епископа владимірскаго, XIII вѣка осуждаются современныя вѣрованія, „яко волхвованіемъ глады бывають на земли и паки волхвованіемъ жита умножаются; сим ли Бога умолите, что утопла или удавленника выгрести? сим ли божию казнь хочете утишати?“ Ниже мы встрѣтимся съ заговоромъ, отражающимъ это старое языческое вѣрованіе, которое восходитъ, конечно, ранѣе XIII вѣка—времени Серапіона. Въ святительскихъ поученіяхъ XV вѣка (Русская Историческая Библіотека, т. VI, стр. 919) прямо уже называются „ворожеи бабы и мужики колдуны“. Судныя дѣла объ этихъ ворожеяхъ и колдунахъ въ XVI—XVII вѣкахъ сообщаютъ иногда и отрывки заговоровъ. Интересно также замѣчаніе Домостроя о такихъ лицахъ, которые „бѣсовскими словами и мечтами и кудесомъ чаруютъ на всякое зло и на прелюбодѣйство“. Однако, почти всѣ заговоры, которые мы знаемъ теперь по научнымъ изданіямъ (Л. Н. Майкова, Ефименки и др.) представляютъ уже мало связи съ этой отдаленной языческой древностью.

Къ счастью, для насъ древнѣйшая лѣтопись сохранила два замѣчательныя мѣста въ договорахъ съ греками русскихъ князей—язычниковъ, Игоря и Святослава. Оба эти мѣста можно разсматривать, какъ несомнѣнные языческіе заговоры. Чтобы понять русскій языческій элементъ въ договорахъ, которые могли быть составлены и греками, необходимо припомнить еще слѣдующее мѣсто въ договорѣ грековъ съ Олегомъ, подъ 907 годомъ: „по Рускому закону кляшася оружемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотнымъ богомъ и утвердиша миръ“ (Ипатьевская, 18 стр.). Въ договорѣ Игоря,

подъ 945 годомъ, приводятся слѣдующія замѣчательныя для насъ выраженія: „а елико ихъ не крещено есть, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчены будутъ мечи своими, и отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего и да будутъ раби и в сий вѣкъ и въ будущій“.

Въ договорѣ Святослава, подъ 971 годомъ, о которомъ извѣстный изслѣдователь договоровъ, Н. А. Лавровскій, (О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ, 1853 г., стр. 13) выразился, что „въ немъ клятва выражена чрезвычайно просто и совершенно въ языческомъ духѣ“, читаемъ: „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ неже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, бога скотья, да будемъ золотъ якоже золото се, и своимъ оружьемъ да иссѣчени будемъ, да умремъ“. Два тавтологическія выраженія—„да не ущитятся щиты своими“ и „да будемъ золотѣ, якоже золото се“¹⁾, свойственныя русской и славянской народной поэзіи, относятся къ языческимъ клятвамъ въ договорахъ. Эти выраженія, связанныя съ вѣрой въ языческихъ боговъ, съ клятвами надъ оружіемъ, несомнѣнно и относятся къ числу любопытныхъ древнѣйшихъ заклинаній—заговоровъ. Какъ увидимъ сейчасъ, эта поэтическая форма свойственна и современнымъ народнымъ заговорамъ, проникнутымъ въ сильной степени христіанско-легендарнымъ содержаніемъ и особенностями позднѣйшаго быта.

Почти каждый современный заговоръ представляетъ черты христіанской молитвы, съ призываніемъ святыхъ, особенно часто Николая Чудотворца, а въ заговорахъ на пчелъ—Зосимы и Савватія. Съ давняго времени въ заговорахъ явился апокрифическій элементъ: наприм., о 12 дочеряхъ Ирода—трясавицахъ, о бабушкѣ Соломонидѣ, и проч. Эти ложныя заклинательныя молитвы, извѣстныя по южно-славянскимъ рукописямъ, стали переходить въ русскую литературу

¹⁾ Здѣсь „золотѣ“ значить—желты, какъ больные, умирающіе. Ср. въ исковской I лѣтописи 6935 г. „иний зеленый, иний златъ“ (въ другихъ лѣтописяхъ: желтъ). Уже въ спискѣ Толковыхъ Пророковъ 1047 г. „златеница“ — болѣзь желтуха и друг. Припомнимъ „золотуху“—худосочіе, болѣзь желѣзь. Славянск. златеница=желчь. Чтеніе „вологи“, принятое Срезневскимъ (Историч. Словарь), основано на шаткихъ данныхъ. Ср. еще названія болѣзней, происшедшія отъ сближеній: пострѣлъ, стрѣлы пущены, огнеца, огненная; въ полномъ соответствіи съ болѣзью „златеницей, золотухой“ представляются названія болѣзней (по Толковому словарю Дала): „железянка“=золотуха, „желевица“; ср. обрядъ „серебрить новорожденнаго“—класъ серебряную монету въ воду, при первомъ купаньи новорожденнаго (Даль, сл. „сребро“).

почти при самомъ ея началѣ. Но мы не будемъ останавливаться здѣсь на нихъ, такъ какъ имѣемъ въ виду отмѣтить только древнѣйшія русскія народныя формы заговоровъ. Собственно говоря, такихъ цѣльныхъ заговоровъ почти не дошло до насъ; но мы можемъ выдѣлать изъ современныхъ заговоровъ такія древнія черты, которыя были присущи и древнѣйшимъ заговорамъ. Эти древнія черты проявляются въ отношеніи къ природѣ, къ нѣкоторымъ сверхъестественнымъ существамъ, въ поэтическихъ смѣлыхъ образахъ. Большая часть заговоровъ по самой формѣ своей основана на оригинальныхъ представленіяхъ о природѣ. Въ этой формѣ заговоровъ можно замѣтить прежде всего уподобленіе: какъ совершаются въ природѣ такія то явленія, такъ пусть совершится и въ жизни человѣка. Такимъ образомъ человѣкъ призываетъ силы природы въ видѣ различныхъ языческихъ божествъ. Но теперь, а, можетъ быть, и довольно уже давно, это сознаніе пропало и остались одни формальныя отношенія. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ заговоровъ, которыя могутъ подтвердить только что сказанное. Вотъ прежде всего образчикъ цѣльнаго заговора „отъ засухи“: „выхожу я, удалъ добрый молодець, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, заговоромъ заговариваюся, на всѣ четыре стороны поклоняюся: лежитъ гробъ поверхъ земли; земля того гроба не принимаетъ, вѣтеръ его не обдуваетъ, съ небеси дождь не поливаетъ, лежитъ въ томъ гробѣ опивецъ зубастый, собой онъ голова-стый, какъ гадина, въ гробу распластался, языкъ его въ тема вытягался; Божіи тучи мимо проходятъ, на *еретника* за семь поприщъ дождя не изводятъ. Беру я, *раба Божіи*, отъ дупла осинова вѣтвь сучкистую, обтешу арясину осистую. воткну *еретнику* въ чрево поганое, въ его сердце окаянное, схороню въ блатѣ смердящемъ, чтобъ его ноги поганыя были неходящія, скверныя его уста неговорящія, засухи ненаводящія; лежалъ бы въ землѣ, ничѣмъ недвижимъ, *окажные* бы его на ноги не подымали, засухи на поля не напущали“ (*Майковъ*, стр. 157—158). Записавшій этотъ заговоръ въ Симбирской губерніи говоритъ: „нерѣдко случается, что крестьянинъ соединяетъ слова этого заговора съ тѣми дѣйствіями, которыя въ немъ упоминаются“. Лѣтописные разказы о волхвахъ и ихъ словахъ и дѣйствіяхъ въ неурожайные годы, обличенія въ древнихъ словахъ Серапіона, еп. владимірскаго, могутъ свидѣтельствовать о древности вѣрованій и представленій, заключающихся въ формѣ приведеннаго заговора. Курсивомъ мы отмѣтили въ немъ то, что можно считать отраженіемъ христіанскихъ представленій. Оставляя въ сторонѣ мно-

гочисленные черты христіанской или апокрифической, книжной окраски въ заговорахъ, мы можемъ выдѣлить слѣдующія любопытныя для насъ подробности: „отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужога домоваго, отъ злого водяного, отъ моргуньи-русалки, отъ треклятыя Бабы-Яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуны, заслоняю отъ Кошcea-Ядуна, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ старухи вѣдуны“ (Ор. *Миллеръ*, Хрестоматія, стр. 16).

Нельзя не обратить вниманія на поэтическія обращенія въ заговорахъ къ стихіямъ и къ свѣтиламъ небеснымъ, вполне напоминающія извѣстныя обращенія Ярославны къ вѣтрамъ, къ солнцу въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „Откуда вы семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ идете? Куда пошли?“ спрашиваетъ произносящій заговоръ вѣтровъ, а они ему отвѣчаютъ: „Пошли мы въ чистыя поля, въ широкія раздолья сушить травы скошонныя, лѣса порубленные, земли вспаханныя“.—„Подите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, понесите къ красной дѣвицѣ тоску тоскучую“... „Навейте, нанесите вы, вѣтры, печаль“. Вѣтры-братья, по одному заговору (*Майковъ*, 18), сидятъ на столбѣ, на островѣ, въ Окіанъ-морѣ, „они куютъ стрѣлы булатныя день и ночь“. „Гой еси, буйный вѣтеръ, пособи и помоги мнѣ“, говоритъ другой заговоръ (*Майковъ*, 25), какъ бы повторяя слова Ярославны. Въ томъ же родѣ слѣдующее обращеніе къ солнцу: „гой еси, солнце жаркое, не пали и не пожигай ты хлѣбъ мой, а жги и пали помынь-траву“ (*Майковъ*, 111). Прекрасно и поэтично также обращеніе къ солнцу въ малорусскомъ заговорѣ: „добрый день тобі, сонечко ясне. Ты святе, ты ясне—прекрасне; ты чисте, величне и поважне; ты освѣщаешъ горы и долины и высокыя могилы“ (*Чубинскій*, т. I, стр. 93); или къ мѣсяцу: „Місяцю, Владимиру (не откликъ ли это своеобразно передаваемого былиннаго эпитета Владимира Красное Солнышко?), ты высоко літаешъ, ты все бачишъ, ты все чуешъ“ (тамъ же, стр. 92). „Заря-заряница“ обычно характеризуется въ заговорахъ „красной дѣвицей“. Смѣлость поэтическихъ выраженій проявляется въ словахъ, часто повторяющихся, въ началѣ заговоровъ: „оболокусь оболочками, подпояшусь красною зарею, огорожусь свѣтлымъ мѣсяцемъ, обтычусь частыми звѣздами и освѣчусь я краснымъ солнышкомъ“ (*Майковъ*, 26—27 стр.). Даже въ книжной формѣ нѣкоторыхъ заговоровъ въ рукописныхъ лѣчебникахъ XVII-го вѣка встрѣчаемъ поэтическія выраженія: „сѣдла гремятъ, узды бреччатъ“ (*Майковъ*, 79 стр.). Нѣкоторые заговоры имѣютъ

близкое отношеніе къ сказочнымъ мотивамъ; такъ въ княжныя заговоры входятъ легенды. „Ледянъ змѣй пожираетъ чистое серебро и красное золото“ (*Майковъ*, 105). „Въ чистомъ полѣ младъ мѣсяцъ народился; отъ млада мѣсяца младъ молодецъ сидитъ; молодецъ на ворономъ конѣ; у ворона коня по колѣна ноги въ золотѣ и по локоть руки въ серебрѣ, на буйной головѣ всѣ кудри въ золотѣ. Держитъ молодецъ золоту кису“, и проч.

Заговоры захватывали и отчасти захватываютъ до сихъ поръ широкую область народнаго быта и вѣрованій: они касаются здоровья и болѣзней, промысловъ и занятій земледѣліемъ, скотоводствомъ и проч.; они оберегаютъ отъ враговъ, лихихъ людей и сглазу, вызываютъ любовь и насылаютъ на другихъ людей всевозможныя несчастія; мало того, вѣщія слова заговоровъ измѣняютъ силы природы, дѣйствія стихій, наприм., грома, дождя, и свѣтилъ. Знахари и знахарки, произносящіе эти заговоры, даютъ вѣрующимъ въ нихъ лѣченіе и помощь.

Мы уже говорили о томъ, что заговоры близко подходятъ къ обрядовымъ пѣснямъ по связи своей съ дѣйствіями, въ родѣ упомянутыхъ при заговорѣ отъ засухи. Связь заговора съ обрядомъ особенно рѣзко, какъ мы видѣли, проявляется въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Дружко нерѣдко на свадьбахъ произноситъ своего рода заговоры, сопровождающіеся извѣстными дѣйствіями, чтобы оберечь жениха и невѣсту отъ сглазу, отъ насыланія на нихъ какихъ либо несчастій. Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ мать, снаряжая сына-жениха на добываніе невѣсты (что съ давнихъ поръ уже является только переживаніемъ исчезнувшихъ обычаевъ), „оперезала его мѣсяцемъ, зыркою застягнула, долею опянула“. Все это извѣстные уже намъ приемы заговоровъ.

Рядомъ съ заговорами и обрядными дѣйствіями, сопровождающими заговоры, въ народныхъ обычаяхъ существуетъ множество повѣрій и обрядныхъ дѣйствій, употребляющихся преимущественно, какъ обереги отъ враждебныхъ силъ. Эти повѣрья и дѣйствія, соединенныя съ словами такъ же относятся къ заговорамъ, какъ присловія къ пословицамъ. Краткость формы, отсутствіе характеристическихъ чертъ настоящихъ заговоровъ придаютъ подобнымъ выраженіямъ характеръ простыхъ пожеланій. Настоящіе заговоры доходятъ нерѣдко до обширнаго вида, излагаются и въ стихотворной формѣ, а главное—представляютъ соединеніе двухъ частей, при чемъ присоединяются еще введенія. Двучленность заговоровъ выражается въ сравненіи даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаемымъ: 1) „въ печи

огонь горить и тлѣть дрова“ 2) „такъ бы тлѣло и горѣло сердце у такого то, или у такой то“ (*Потебня*, Малорусск. пѣсня, стр. 21 и д.). Замѣчательна форма настоящихъ языческихъ заговоровъ, какъ напримеръ, нѣмецкаго стихотворнаго заговора VIII в. (привожу его въ переводѣ Буслаева; см. Историческіе Очерки Русской Народной Слов., т. I, стр. 251): „Фоль и Воданъ поѣхали въ лѣсъ, тамъ у Бальдера жеребенокъ вывихнулъ себѣ ногу: и заговаривала его Зинтгунтъ и Зунна, сестра ея, заговаривала его Фрїя и Фолла, сестра ея, заговаривалъ его и Воданъ; какъ только умѣлъ, и костей вывихъ, и крови вывихъ, и членовъ вывихъ; кость съ костью, кровь съ кровью. суставъ съ суставомъ да будетъ спаяно“. Подобные заговоры и на тотъ же предметъ встрѣчаются и среди русскихъ заклинаній, но съ сильной христіанской окраской. Введеніями въ заговорахъ являются извѣстные уже намъ выраженія: „встану я (имя рекъ) и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье, къ синему морю; умоюсь я утренней росой“ и т. д., которыя указываютъ также на древность заговоровъ. Это первоначально—воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ. (*Потебня*, Малорус. Нар. Пѣсня, стр. 25).

VI.

Русскія народныя загадки ¹⁾.

Загадки въ современномъ народномъ употребленіи связаны по преимуществу съ праздничными развлеченіями, хотя и не имѣютъ такого обрядоваго значенія, какое принадлежитъ до сихъ поръ разсмотрѣннымъ выше пѣснямъ. Загадки не имѣютъ того серьезнаго значенія, какое мы видимъ до сихъ поръ въ заговорахъ. Загадки ближе всего стоятъ къ пословицамъ, какъ по употребленію въ жизни народа, такъ отчасти и по формѣ и по содержанію. Мнѣологи придавали немаловажное значеніе загадкамъ и указывали въ нихъ мнѣю о небесныхъ свѣтилахъ, объ атмосферическихъ и космическихъ явленіяхъ; но въ настоящее время можно указать множество загадокъ книжнаго происхожденія. Особенно много такихъ загадокъ проникло въ народъ изъ распространенныхъ въ древне-русской письменности съ XI вѣка—„вопросовъ и отвѣтовъ“, коренящихся въ греческой

¹⁾ Д. Садовникоу, Загадки русскаго народа (сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ). С.-Пб. 1876 г., 332 стр.; Сементовскій, Малорусскія загадки, 1872 г., 2-е изд.

византийской литературѣ, изъ апокрифическихъ сочиненій, изъ сборниковъ „Пчелъ“ и проч. Но о такихъ загадкахъ мы и не будемъ здѣсь говорить, такъ какъ нашей задачей должно прежде всего быть указаніе древности и народности происхожденія загадокъ.

Къ сожалѣнію, древне-русская литература почти не сохранила намъ народныхъ загадокъ. Однако, въ древнѣйшей лѣтописи, подъ 1016 г., встрѣчаемъ слѣды древнихъ загадокъ, которыя были въ обращеніи у дружинниковъ рядомъ съ многочисленными пословицами, которыя приведемъ въ своемъ мѣстѣ дальше. Ярославъ I съ новгородцами стоялъ на берегу Днѣпра противъ Святополка и его дружины: „и быше Ярославу мужъ въ пріязнь у Святополка (говорить лѣтопись) и посла къ нему Ярославъ отрокъ свой ношю, рече къ нему: „онъ сій, что ты тому велиши творити? (слѣдуетъ загадочное выраженіе о состояніи силъ противниковъ и о предстоящемъ боѣ) *меду мало варено, а дружины мною*; и отрече ему мужъ той: „рци тако Ярославу: *да еще меду мало, а дружины мною, да къ вечеру дати*“. И разумѣвъ Ярославъ яко въ ночь велить сѣчися“ (Сводная лѣтопись, *Лейбовича*, стр. 116). Чтобы понять иносказательное, загадочное выраженіе о медѣ, слѣдуетъ припомнить сравненія битвы съ пиромъ, съ питьемъ стариннаго славянскаго напитка „медъ“ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ. Но среди современныхъ загадокъ мы не находимъ уже такихъ, которыя бы относились къ войнѣ. Въ древности, конечно, такія загадки существовали. Если мы обратимся къ древнѣйшимъ загадкамъ у индоевропейскихъ народовъ, то прежде всего припомнимъ, конечно, загадки сфинкса у грековъ и загадки, которыми препираются боги и великаны, по германской Еддѣ. Здѣсь мы видимъ серьезное значеніе загадки. Это—своего рода единоборство, при чемъ неразгадывающій роковой загадки платится своей жизнью. Какъ бы откликъ такого древняго значенія загадки представляется въ славянскихъ и русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ о вилахъ, о русалкахъ и о бабѣ-ягѣ, которыя играютъ роль сфинкса. Въ сказкахъ загадками называются нерѣдко не только словесныя загадки, но и трудныя неисполнимыя дѣла. Въ русскихъ русальныхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ обычно три загадки, которыя предлагаютъ русалки; „да что растетъ безъ коренья? (отвѣтъ—камень), да что цвѣтетъ безъ цвѣта? (папоротникъ, или какое-либо дерево, напримѣръ, сосна), да что бѣжить безъ повода? (вода). „Ой що росте, да безъ кореня? Ой що бѣжить да безъ повода? Ой що цвѣте, да безъ всякаго цвѣту?“ Такой же совершенно

мотивъ встрѣчаемъ въ бѣлорусскихъ волочобныхъ пѣсняхъ и въ польскихъ (*Потебня*: Объясненія малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, II, стр. 575 и д.). Соотвѣтствующій мотивъ литовской пѣсни указываетъ на глубокую древность этихъ загадокъ, которыя встрѣчаются въ народномъ употребленіи и отдѣльно (*Садовниковъ*, стр. 296 — „что растетъ безъ кореньевъ“—камень; стр. 294—„что цвѣтетъ безъ всякаго цвѣту“—палороть; ср. еще стр. 293). Послѣ пѣсенъ-загадокъ слѣдуетъ упомянуть о сказкахъ-загадкахъ, въ которыхъ отгадчиками являются мужики, солдаты, отвѣчающіе на загадки цари, или мудрой дѣвы. Послѣдній мотивъ о мудрой дѣвѣ и ея загадочныхъ выраженіяхъ мы встрѣтимъ въ древне-русской повѣсти о князѣ Петрѣ и о супругѣ его Февроніи. Какъ пѣсенныя загадки, такъ и сказочныя и загадки изъ названной древне-русской повѣсти¹⁾, встрѣчаются и отдѣльно (*Садовниковъ*, 300, № 2504, напримѣръ: „Пришелъ женихъ къ невѣстѣ, сталъ ее спрашивать, гдѣ отецъ?—Съ матерью.—А мать? А мать ушла взаимы плакать—по покойникѣ“; такъ точно говоритъ и Февронія въ вышеупомянутой повѣсти). Въ сказкахъ-загадкахъ обыкновенно отгадчицей трудныхъ загадокъ, или задающей трудныя неразрѣшимыя загадки является мудрая женщина (часто „дѣва“). И этотъ мотивъ должно признать весьма древнимъ, такъ какъ онъ повторяется у разныхъ народовъ, а русскія сказки и загадки, встрѣчающіяся въ нихъ, представляютъ своеобразныя черты. Древность этого мотива о мудрой женщинѣ восходитъ по русской древнѣйшей лѣтописи къ повѣствованіямъ,—очевидно эпического характера,—о великой княгинѣ Ольгѣ, которая „бѣ мудрѣйши всѣхъ человекъ“ (Ипат. лѣт. 987 г.), Ольга „переключкала“ византийскаго императора и древянъ. Въ разказахъ объ отношеніи Ольги къ древянамъ, въ ея хитростяхъ—мудростяхъ давно уже отмѣчены черты сходства съ средневѣковыми эпическими повѣствованіями. Несомнѣнно, что въ нашей лѣтописи Ольга носитъ такія же эпическія черты хитроумной, мудрой женщины, какъ великій князь Владимиръ—Красно-Солнышко. Позднѣйшія преданія разказываютъ о мудрыхъ замѣчаніяхъ Ольги, когда она была „перевозницей“.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ собственно загадокъ. При-

¹⁾ Въ болгарскихъ сказкахъ (Български Приказки — К. А. Шапкарева, София, 1892 г., стр. 150 — 152: „Умната девойка“) среди отвѣтовъ мудрой невѣсты—крестьянки находимъ совершенно подобный отвѣтъ: „што му чинитсега, никога другога не му чинила“...; (объясненіе): „Комчина-та или бил умрел, та баба е му затфорала очн-те“, и проч.

ведемъ прежде всего нѣсколько примѣровъ наиболѣе характеристическихъ и древнихъ загадокъ. „Мѣсяць Новецъ днемъ на полѣ блестяль, къ ночи на небо слетѣль“=серпъ (*Садовниковъ*, стр. 141). „Баба-Яга Вилами нога, Весь мѣръ кормить, Сама голодна“=соха (140). „Два корабля Идутъ съ Божьяго суда, А третій—на Божій судъ“ (152 стр. = снопы на телѣгѣ; ср. представленіе битвы — Божьяго суда—съ молотью въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „снопы стелютъ головами“). „Мальчикъ Съ пальчикъ, Бѣль балахонъ, Шапка красненькая“=грибъ (170, ср. сказки о мальчикѣ—съ пальчикъ). „Между горъ, между долъ Бѣжить бѣлый конь“ = ручей (182; обращаемъ вниманіе на сказочную форму языка этой загадки). Въ загадкахъ на стр. 191 и 192 упоминаются „Царь Кошей=котъ“ и „Царь Будимиръ=пѣтухъ“. Нельзя не признать древности и за слѣдующими загадками, въ которыхъ является „туръ“: „Летитъ птица, Не ѣсть ни ржи, ни жита, А ѣсть тура да оленя, До краснаго дня“=оводъ (204). „Туръ ходитъ по горамъ, Турица-то по доламъ, Туръ свяснетъ, Турица-то мигнетъ“=гроза (*Хрестоматія* Ор. Миллера, 1866 г. 13 стр.). Солнце представляется въ слѣдующихъ загадкахъ: „что безъ огня горитъ?“, „Красная дѣвушка по небу ходитъ“. Назовемъ еще только образы, подъ которыми представляется солнце въ загадкахъ: „красное яблочко, шука золота, золото бревно или веретено, бѣлый быкъ, птица“, и проч. Интересны и образы для явносказательнаго, загадочнаго представленія вѣтра: „конь, котораго не поймать“, или „всему свѣту не сдержатъ“ (237). Конемъ же представляется и громъ: „конь бѣжить, земля дрожитъ“ (242). Приведенныхъ примѣровъ изъ массы народныхъ загадокъ, кажется, достаточно, чтобы сдѣлать нѣкоторыя заключенія о формѣ и содержаніи загадокъ болѣе древняго, народнаго происхожденія. Какъ поэтическимъ произведеніямъ, загадкамъ свойственны эпитеты, сравненія и другія украшающія особенности поэтическаго народнаго языка. Для характеристики эпитетовъ особенно замѣчательна слѣдующая загадка о моркови: „красна, да не дѣвка, зелена да не дубрава“ (*Садовниковъ*, 94 и 95 стр.). Здѣсь, какъ нельзя лучше, указывается постоянство эпитетовъ „красный“ и „зеленый“ въ сложенія съ „дѣвницей“ и „дубравой“. Мы видѣли уже, что большинство загадокъ изложено въ стихотворной народной формѣ съ рядами, съ правильнымъ размѣромъ. Но есть загадки и прозаическаго изложенія. Мы видѣли также, что загадки нерѣдко сливаются съ пѣснями и сказками. Еще чаще онѣ сливаются съ пословицами. Я уже упоминалъ о томъ, что

миеологи указываютъ въ загадкахъ различные періоды миеологической древности: періоды зооморфизма, антропоморфизма. Но какъ отдѣлать черты древнихъ вѣрованій отъ обычныхъ поэтическихъ формъ рѣчи? Безъ сомнѣнія, русскія загадки ведутъ свое происхождение изъ глубокой древности; нѣкоторыя черты этой древности сохраняются и въ немногихъ современныхъ загадкахъ; но много загадокъ явилось подъ вліяніемъ письменности, много загадокъ развилось на почвѣ метафорическихъ оборотовъ поэтической рѣчи. Въ сходствѣ русскихъ загадокъ съ загадками другихъ народовъ можно видѣть и черты древности и позднѣйшія взаимодействия и общіе источники, какъ и въ другихъ родахъ русской народной поэзіи. Интересно замѣтить, что по указу 1650 г. царя Алексѣя Михайловича осуждаются тѣ, которые „загадки загадываютъ“ наравнѣ съ поющими бѣсовскія пѣсни.

VII.

Русскія народныя пословицы ¹⁾.

Ни одному роду русской народной словесности не посчастливилось такъ въ древне-русской литературѣ, какъ пословицамъ и поговоркамъ, которыя въ древности назывались „притчами“. Онѣ являются уже на первыхъ страницахъ древнѣйшей русской лѣтописи, хотя записи, представляющія собранія пословицъ, восходятъ не ранѣе XVII вѣка. Разказывая еще о доисторическихъ временахъ, лѣтописецъ приводитъ „притчу“: „погибоша аки Обри, ихъ же нѣсть ни племени, ни наслѣдка“. Далѣе слѣдуютъ въ лѣтописи притчи: „бѣда аки въ Роднѣ“ (Ипатьев., 980 г.); „Руси веселье пити, не можетъ безъ того быти“ (986 г.); „миръ стоитъ до рати, а рать до мира“ (1148 г.); „единъ камень много горницевъ избиваетъ“ (1217 г.); „острый мецю, борзый коню—много я Руса“ (1217 г.); „не погветши пчель—меду не ѣдать“ (1231 г.). Собственно „притчами, иже суть и до сего дни“ лѣтописцы называютъ только двѣ первыхъ изъ приведенныхъ пословицъ; но несомнѣнно, что и остальные, приведенныя нами, число которыхъ по лѣтописямъ можно бы значительно увеличить, относятся также къ притчамъ—пословицамъ. Это видно уже изъ того, что и среди современныхъ народныхъ пословицъ повторяются нѣкоторыя изъ приведенныхъ древнихъ лѣтописныхъ, на-

¹⁾ В. Дала: Пословицы русскаго народа, 1861 г. и 2-е изданіе 1879 г.

примѣръ: „однимъ камнемъ много горшковъ перебьешь“ (См. „Пословицы“ *Далъ* и „Словарь“ его подъ словомъ „горшокъ“). Рядомъ съ распространеннымъ теперь названіемъ „пословицы“ употребляется и „притча“ („отъ пословицы не уйдешь“, „отъ притчи не уйдешь“). Иногда пословицы въ лѣтописи называются „словами“ (ср. Слово о Полку Игоревѣ. Слово Данила Заточника): „Изяславъ рече слово то, а коже и переже слышахомъ: *не идетъ мѣсто къ золоту, но юлова къ мѣсту*“ (Ипатьев., стр. 305). Какъ живучи старинныя пословицы, о которыхъ народъ говоритъ—„старинная пословица во вѣкъ не сломится; старинная пословица не мимо молвится“—можно видѣть изъ повторенія извѣстнаго выраженія „припѣвки Бояна“, по Слово о Полку Игоревѣ,—„ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути“—теперь: „ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда Божьяго не миновать“ (см. *Далъ*: „Словарь“, подъ словомъ „судить“). Такъ дожила до насъ и пословица, которую встрѣчаемъ въ извѣстномъ древнемъ „Словѣ Данила Заточника“: „Кому село Любово, кому горе лютое“ (*Далъ*, „Пословицы“, 2 изд., I т., 54 стр.). Мы не будемъ, однако, приводить пословицъ изъ Слова Данила Заточника, такъ какъ среди нихъ много книжныхъ; а книжныя пословицы, безъ сомнѣнія, могли распространяться уже въ древней Руси съ распространеніемъ христіанства и письменности. Въ Слово Данила Заточника вошло много книжныхъ пословицъ—изреченій, но указываются и „мирскія притчи“: „глаголетъ бо въ мирскихъ притчахъ: не скоть въ скотѣхъ коза, не звѣръ въ звѣрѣхъ ожъ“, и проч. Мы приведемъ теперь нѣсколько пословицъ, относящихся къ древнимъ народнымъ вѣрованіямъ и къ древнему быту, а затѣмъ сдѣлаемъ общее заключеніе о пословицахъ, какъ объ одномъ изъ видовъ русской народной словесности. Вѣра въ судьбу—рокъ, долю, счастье, и въ лихо, злыдни выражается въ слѣдующихъ пословицахъ: „сужена ряжена не обойдешь, и на конѣ не объѣдешь“; „бойся, не бойся, а року не миновать“, или „безъ року нѣтъ смерти“; „ловить волкъ роковую овцу“; „рокъ головы ищетъ“; „гдѣ нѣтъ доли, тутъ и счастье не велико“; „счастье дороже богатства“; „не родись ни хорошъ, ни пригошъ, родись счастливъ“; „не страшны злыдни за горами“; „не всякое ремесло по злымъ“; „деньги идутъ къ богатому, злыдни—къ убогому“, „злыдни скачутъ, неволя учитъ, а чужіе хлѣбы спать не даютъ“; „отъ лиха не уйдешь“; „бѣда лихомъ свище“; „когда бы человекъ вѣщъ (= вѣщій) былъ, то бѣ не погибалъ“. Къ области народныхъ вѣрованій относятся и слѣдующія пословицы: „радуница—

всѣ люди радуются“; „разрюмилась, какъ радуница“; „не все то русалка, что въ воду ныряет“; „быль бы бѣсъ, будетъ и лѣшій“; „въ лѣсу лѣшій, а дома мачиха“; „храберъ, силенъ. а все съ лѣшимъ не справишься“; „домовой не полюбитъ (скотину), не что возьмешь“; „старый воронъ мимо не каркнетъ“; „всякому бѣ ворону на свою голову каркать“; „жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ“ (ср. въ житіи князя Константина Муромскаго: „дуплинамъ деревяннымъ... поклоняющеса“). Народныя пословицы сохранили память и о древне-русской жизни, о такихъ формахъ и бытовыхъ чертахъ ея, которыя давно уже исчезли: „на одномъ вѣчѣ, да не одиѣ рѣчи“; „братчина судить, ватага рядить“; „на пиры и братчины незваны ѣздить“; „тіуны—что трутъ, рядовичи—что искры“; „языкъ—стягъ, дружину водить“ (ср. Слово о Полку Игоревѣ: „стязи глаголють“); „повинную голову и мечъ не сѣчетъ“; „на рать сѣна не накосишься, на смерть дѣтей не нарожаешься“; „бѣда куны (то-есть деньги) родить“; „вѣнчали во-кругъ ели, а черти пѣли“; „всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ“; „радъ скомрахе о своихъ домрахъ“ „у всякаго скомороха свои погудки“; „ладно слушать скомороха на гуселькахъ, а самъ играть станешь, анъ не по насъ“.

Интересны также пословицы, относящіяся къ природѣ русской, къ занятіямъ хлѣбопашествомъ: „лѣсъ видить, а поле слышнить“; „не поле кормить, а нива“; „однимъ конемъ всего поля не изѣздишь“; „не хвались въ поле ѣдучи, хвались съ поля ѣдучи“; „рыба вода, ягода трава, а хлѣбъ всему голова“; „не бѣда, что во ржи лебеда, а бѣды, какъ ни ржи, ни лебеды“. Мы оставили въ сторонѣ многочисленныя бытовыя пословицы, а также пословицы, отражающія книжное и христіанское вліянія.

Уже изъ приведенныхъ пословицъ можно было вывести заключеніе о формѣ этого вида русской народной поэзіи. Форма пословицы—болѣе или менѣе краткое изреченіе, часто выраженное складной мѣрной рѣчью, нерѣдко метафорическимъ поэтическимъ языкомъ. Кромѣ того, въ пословицѣ болѣею частью встрѣчаются двѣ части, отвѣчающія другъ другу рвемой, или метрическимъ складомъ. Интересны пословицы, въ которыхъ характеризуется отчасти сущность этого вида народной поэзіи: „не всякое слово—пословица“; „голая рѣчь—не пословица“; „одна рѣчь—не пословица“. Какъ одинъ изъ видовъ народной поэзіи пословицы тѣсно связаны съ пѣснями, съ сказками и съ загадками. О послѣднемъ мы уже говорили выше. Приведемъ пѣсенныя и сказочныя пословицы: „носи платье—не скла-

дывай; терни горе—не сказывай“; „въ горѣ жить—не кручину быть. а нагому ходить—не соромиться“; „то старина, то и дѣянье“; „и трава въ полѣ виноватаго выдаетъ“; „по моему прошенью. по щучьему велѣнью“; „битый не битаго везеть“ и т. д. Сказочныя пословицы мы приведемъ еще дальше, теперь же отмѣтимъ любопытную пословицу изъ цѣлой пѣсни: „боръ сожгли, а соловушекъ по гнѣздышкѣ плачетъ“ (*Потѣбля: Объясненія малорусскихъ пѣсенъ, I. 264*).

Происхожденіе пословицъ изъ пѣсенъ, сказокъ, изъ историческихъ событій показываетъ, какъ быстро эта форма народной поэзіи превращалась изъ частнаго случая въ общепризнанное наставленіе и, переходя изъ устъ въ уста, переживала вѣка, находя самыя разнообразныя примѣненія въ жизни народа и отдѣльныхъ личностей. Пословица не имѣла обрядоваго значенія; но всегда была признакомъ мысли, ума и, можетъ быть, въ глубокой древности вела свое происхожденіе отъ „вѣщихъ“ мужей. Она являлась въ формѣ „припѣвки“ у вѣщаго Бояна, въ формѣ „присказки“ въ сказочныхъ разказахъ. Лѣтописецъ по одной пословицѣ, вродѣ: „погибоша аки Обрѣ“, или „бѣда аки въ Роднѣ“ воскрешалъ старинныя, уже забытыя событія. Пословица выдѣлялась изъ пѣсни и сказки. Если извѣстную былинку о боѣ отца съ сыномъ можно возводить къ глубокой древности, то слѣдующая пословица также относится къ древности: „родила богатыря, что и отца сбиль съ двора“. Но, безъ сомнѣнія, множество древнѣйшихъ пословицъ исчезло изъ памяти народа вмѣстѣ съ языческими вѣрованіями и старинными формами общественной жизни. Новыя пословицы вытѣснили древнѣйшія. Таковы многочисленныя историческія пословицы, относящіяся къ эпохѣ татарскаго вѣшествія и позднѣйшихъ эпохъ; таковы пословицы, отражающія массу бытовыхъ отношеній, основанныхъ на христіанскихъ воззрѣніяхъ, на условіяхъ позднѣйшаго быта; мы уже не говоримъ о безчисленномъ количествѣ книжныхъ пословицъ. Однако и помимо этого книжнаго вліянія, которое роднитъ пословицы разныхъ народовъ, можно найти много сходныхъ пословицъ у русскаго народа съ другими народами. Послѣднія, какъ и сходныя явленія въ другихъ видахъ народной поэзіи, объясняются и общностью человѣческихъ воззрѣній и отчасти происхожденіемъ изъ такой древности, которая могла быть общей для нѣсколькихъ народовъ.

И. Владисіровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЕРСИДСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦІЯ ВЪ ГРУЗИНСКОМЪ РОМАНЪ „АМИРАНДАРЕДЖАНИАНИ“.

На этихъ же страницахъ недавно (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895, мартъ, стр. 1—40) былъ данъ отчетъ о выписанномъ въ заглавіи героическомъ романѣ: *А. Грена*, Грузинская повѣсть объ Амиранѣ, сынѣ Дареджана, и остатки сказаній о немъ въ картвельской народной литературѣ. Пересказъ авторомъ былъ составленъ обстоятельно, и пропускъ двухъ-трехъ, хотя и немаловажныхъ, обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, упоминанія о шестидесяти женахъ главнаго героя и о персидской фразѣ одноглазаго „дэва“, могутъ быть объяснены отчасти дефектностью рукописи, бывшей въ рукахъ пересказчика. Рукописи памятника распадаются на два типа, полный и урѣзанный; только въ спискахъ полныхъ находимъ поучительный эпилогъ, открывающій намъ, что, когда герой Амирандареджанидзе въ концѣ концовъ достигъ высшаго по мнѣнію автора счастья, то онъ былъ окруженъ многочисленнымъ гаремомъ. О теоретической части статьи А. Грена мы предпочитаемъ молчать; и то спасибо, что авторъ не заразился шовинизмомъ мнимыхъ поклонниковъ „національныхъ красотъ“ грузинской литературы, и по мѣрѣ силъ постарался сдѣлать памятникъ предметомъ научнаго обсужденія. Статья А. Грена, знакомящая обстоятельно съ содержаніемъ памятника, внушила намъ мысль напечатать нижеслѣдующую замѣтку, извлеченіе изъ рукописнаго нашего труда—Историко-литературный обзоръ грузинскихъ повѣстей, написанныхъ въ прозѣ въ XI и XII вѣкахъ.

Въ настоящемъ опытѣ насъ интересуеетъ освѣщеніе памятника на основаніи его содержанія: извлечь изъ самого памятника данныя для

сужденія о немъ, вотъ цѣль замѣтки. При отсутствіи какихъ-либо рукописныхъ записей о произведеніи и достовѣрныхъ біографическихъ свѣдѣній касательно автора, остается обратиться къ содержанію романа съ цѣлью открыть сокровенный смыслъ, вложенный писателемъ въ свое произведение. Что авторъ имѣлъ нѣкоторые виды, когда писалъ повѣсть, и старался удовлетворить имъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Одно сразу бросается въ глаза: это-то, что онъ восхваляетъ Амирандареджанидзе, какъ неподобнаго героя.

Но кто такой Амиранъ ¹⁾? Въ какомъ отношеніи находится этотъ витязь къ другимъ, передъ которыми ему неукоснительно отдается пальма первенства?

Спеціальной главы о родѣ и званіи героя повѣсти нѣтъ, и авторъ умалчиваетъ также объ его молодости. Съ перваго же раза мы встрѣчаемся съ нимъ, какъ подвизающимся уже на рыцарскомъ поприщѣ, и чудеса мужества и силы, совершаемыя имъ, неослабно возрастаютъ съ каждой страницей, составляя главное содержаніе произведенія. Но въ теченіе этого разказа мы успѣваемъ составить довольно ясное понятіе о положеніи Амирана. Онъ находится въ близкихъ отношеніяхъ къ багдадскому двору. Халифъ обходится съ нимъ милостиво: во дворцѣ Амиранъ желанный гость и даже свой человѣкъ. Онъ пользуется славою опытнаго мужа, умудреннаго дальними странствованіями и видѣвшаго много на своемъ вѣку; его слушаютъ съ большою охотой, и халифъ—любитель его разказовъ. Обыкновенно, онъ самъ разказываетъ о своихъ приключеніяхъ; повелитель правовѣрныхъ питаетъ къ нему уваженіе и потому не утруждаетъ его и не заставляетъ часто повѣствовать. Когда халифа въ уединеніи улаждаютъ другіе тѣми или иными сказаніями, Амиранъ раздѣляетъ съ нимъ и уединеніе и это литературное наслажденіе. Не однимъ умѣніемъ развлекать разказами стоитъ Амиранъ высоко въ глазахъ окружающихъ; Амиранъ прежде всего интересенъ, какъ человѣкъ дѣйствія, главнымъ образомъ, боя: онъ витязь. Подвизаясь на этомъ поприщѣ, Амиранъ не пренебрегаетъ личнымъ интересомъ и охраняетъ свою

---

¹⁾ Называя такъ героя, оговоримся, что въ этой обычной грузинской формѣ мы не имѣемъ какой либо цѣлой величины, входящей въ составъ имени Амирандареджанидзе, а произвольно отдѣленную часть. Тождественное явленіе наблюдается и съ именемъ героини у Руставели въ *Юношѣ съ барсовой кожей*—Нестандареджанъ, представляющемъ персидское имя нест-андаре-джахан, то-есть, *итѣ съ мѣръ (подобной)*, но въ устахъ грузинъ принимающемъ произвольно и сокращенную форму Нестанъ.

честь, но съ другой стороны онъ готовъ умереть, лишь бы сослужить халифу; на свои подвиги онъ смотритъ, какъ на нѣчто, бросающее блескъ на тронъ самого повелителя правовѣрныхъ, котораго онъ считаетъ своимъ непосредственнымъ господиномъ: послѣ счастливыхъ походовъ онъ спѣшитъ къ своему сюзерену и преподноситъ какой либо рѣдкій подарокъ, и въ свою очередь самъ получаетъ щедрія награды. Уваженіе Амирана къ халифу, какъ своему господину, простирается до обожанія; онъ клянется имъ наравнѣ съ Богомъ: *Клянусь Богомъ и клянусь солнцемъ (жизнью) моего господина эмир-ал-муминина* (груз. т., стр. 66, рук. Аз. М., № 59) — это обыкновенная форма его клятвы. Для халифа онъ предпринялъ трудный походъ въ страну Свѣтиль, и къ нему онъ спѣшилъ изъ пріятнаго общества своего друга Дариспанидзе.

Своею славою Амиранъ былъ обязанъ лично себѣ, своимъ природнымъ качествамъ. Онъ не былъ высокаго происхожденія и не думалъ гордиться родовитостью; самъ себя звалъ простымъ дворяниномъ или благороднымъ. Когда онъ бился съ царевичами у стѣнъ города Свѣтиль, относился къ нимъ съ должнымъ почтеніемъ и щадилъ ихъ: *не хорошо дворянамъ убивать государей* (ib., стр. 65), говорилъ онъ. Амиранъ считалъ себя человѣкомъ придворнымъ (модарбазе), отправляющимъ известную службу при государѣ; такъ заявила о себѣ перевозчикамъ вся партія витязей, съ нимъ во главѣ: спрошенные о платѣ за перевозъ, они отвѣчали, что состоятъ при дворѣ. При всей скромности своего происхожденія, Амиранъ былъ богатъ и могуществененъ не въ силу однихъ рыцарскихъ достоинствъ. Добычею съ побѣжденных или вознагражденіемъ за услугу, оказанную каравану, онъ пользовался весьма умѣренно и, если бралъ чтонибудь, такъ для сюрприза близкимъ лицамъ, какъ то было съ нѣкоторыми цѣнностями, забранными въ лагерѣ пораженнаго Антаркавидзе. Да и честь свободнаго витязя не позволяла ему наживаться добычею или вознагражденіемъ: первое было дѣло разбойниковъ, второе — наемныхъ витязей. Между тѣмъ еще до завоеванія царствъ, Амиранъ наслаждался благосостояніемъ: однихъ витязей слугами было у него шесть; въ свой домъ онъ съ честью могъ принять повелителя правовѣрныхъ, угостить его и одарить. Опора и слава халифа, онъ, конечно, имѣлъ право на соотвѣтствующее такому положенію и званію съ его преимуществами. Когда такимъ образомъ Амиранъ, витязь по призванію, находившійся въ только что очерченныхъ отношеніяхъ къ багдадскому двору, называлъ халифа прямымъ своимъ господиномъ и въ то же время „эми-

ромъ эмировъ“, не естественно ли, если самъ герой окажется въ званіи „эмира“?

Еще болѣе важно для насъ узнать, кто такой Амиранъ по національности. Правда, онъ жилъ, если не въ самомъ Багдадѣ, то въ ближайшихъ его окрестностяхъ; по крайней мѣрѣ повелитель правовѣрныхъ, зогда задумалъ посѣтить Амирана, не дѣлалъ никакихъ приготовленій, указывавшихъ на дальность предстоявшаго странствованія, напротивъ, съ принятіемъ рѣшенія немедленно пустился въ путь. а на слѣдующій день у него, въ Багдадѣ; былъ въ гостяхъ Амиранъ; да и понятно, что царедворецъ долженъ былъ жить по близости двора; но заключать по одному мѣстожительству о народности, къ которой принадлежалъ Амиранъ, нѣтъ необходимости при имѣніи другихъ данныхъ, достаточно выясняющихъ этотъ вопросъ:

1. а) Саваръ Симидзе, неотлучный слуга Амирана, знаетъ только два государства, въ которыхъ, по его мнѣнію, можно находить богатство и драгоценности, — Индію и Персію; въ первую онъ былъ приглашенъ въ качествѣ разкащика царемъ Авесаломомъ, на вторую онъ смотрѣлъ, какъ на родную страну; б) страну, гдѣ жилъ Саваръ, авторъ называетъ Персію, и въ Персіи же находятъ его люди, посланные царемъ индійцевъ.

2. Абу-л-Васимидзе, передавая разказъ извѣстнаго купца о видѣнныхъ послѣднимъ вещахъ, вполне сходныхъ съ предметомъ, печалавшимъ царя индійцевъ, говоритъ, что купецъ былъ въ Багдадѣ и Персіи, и онъ въ Персіи нашелъ домъ съ изображеніемъ Амирана.

3. Амиранъ предпринимаетъ походы во всякія страны: онъ сражается съ индійцами, хазарами, турками, китайцами и др., а не говорится, чтобы не только онъ, но и кто либо изъ его друзей или враговъ предпринималъ походъ въ Персію; между тѣмъ этотъ край, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ прочими, долженъ былъ привлечь вниманіе искателя приключеній или рыцарской славы. Объясняется это единственно тѣмъ, что Амиранъ самъ персъ, и онъ оборонялъ честь своей родной страны. о вступленія въ которую при такомъ могущественномъ защитникѣ, какъ онъ, даже думать никто не дерзалъ.

4. Разбойники стѣснили караванъ изъ Басры; астрологъ предсказалъ купцамъ, что придутъ четыре *перса*, которые и спасутъ ихъ. Предсказаніе оправдывается: пріѣзжаетъ Амиранъ съ тремя своими слугами и разгоняетъ хищниковъ.

5. Наконецъ, когда Амиранъ съ младшими витязями, своими слугами, встрѣтили человѣка о двухъ устахъ, они не поняли языка однихъ устъ; имъ этотъ языкъ былъ чуждъ, но чудовищное созданіе тѣмъ не менѣе объяснилось съ ними, и именно на персидскомъ языкѣ: *„черными устами онъ говорилъ по персидски, а отъ красныхъ устъ—мы ничего не поняли“*.

Словомъ, хотя и царедворецъ при халифѣ, Амиранъ не былъ арабъ, и жилъ онъ въ Персіи по близости Багдада. Писатель, конечно, соображался съ своими видами, когда позволялъ себѣ такую фикцію; но въ сущности, ничего неестественнаго или невозможнаго не видимъ въ положеніи Амираана, насколько выяснили мы это до сихъ поръ: онъ былъ витязь и герой, по происхожденію персъ, находившійся въ почетѣ у повелителя правовѣрныхъ (амір-мумл=амір муминіа) за свои рыцарскія доблести. Надо имѣть въ виду и то, что около трона багдадскихъ халифовъ часто группируются мусульманскіе герои, какъ извѣстные рыцари около круглаго стола.

Объ арабахъ въ повѣсти встрѣчаются сочувственные отзывы, но по всему видно, что авторъ относится къ нимъ, какъ къ людямъ чуждымъ. Онъ возноситъ ихъ храбрость и стремительность въ бою, и цѣлый отдѣльный эпизодъ, вставленный въ „Амирандареджаніани“, посвященъ прославленію арабскаго витязя: герой такъ и названъ Арабомъ или Амбромъ Арабомъ. Амиранъ, наслышавшись объ его подвигахъ, поѣхалъ къ нему въ Аравію: кончина Амбра принудила его воротиться съ подороги. Такимъ образомъ естественная смерть разстроила заблаговременно свиданіе, гдѣ соревнованіе и честолюбіе могли вызвать стычку двухъ славныхъ витязей, перса и араба. Насколько тенденціозности и въ этомъ обстоятельстве со стороны автора, выяснится ниже. Здѣсь я возвращусь къ имени арабскаго героя, которое явно указываетъ на его національность. Арабскій герой Амбръ Арабъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія и, вообще, совпаденіе именъ витязей съ ихъ національнымъ или инымъ происхожденіемъ не есть нѣчто случайное. Авторъ пользуется такимъ образомомъ именъ для большинства дѣйствующихъ лицъ, и названія народовъ, странъ или городовъ въ такихъ случаяхъ, именно, когда ими окрещены герои и витязи, не суть случайныя имена, ибо одновременно они указываютъ, представителями какой народности, страны или города являются ихъ носители. Только что сказано объ арабскомъ витязѣ, носившемъ имя „Амбръ Арабъ“; въ эпизодически вставленномъ разказѣ объ этомъ героѣ упоминается также о витязѣ ин-

дѣйскомъ, сдѣлавшемъ большія завоеванія на аравійскомъ полуостровѣ и притѣснявшемъ караваны на торговыхъ путяхъ. При составленіи подобныхъ именъ названіе народа или мѣстности приставляется къ какому либо нарицательному, а также собственному имени а) безъ всякаго измѣненія своей формы, или б) принимая форму прилагательнаго на „ели“, соответствующую „нисбе“ въ арабскомъ языкѣ, или, наконецъ, с) принимая съ конца слово „дзе“, смнѣ. Не всѣ, конечно, имена могли быть такъ сложены, а съ другой стороны многія, надо полагать, утратили первоначальную свою форму, исказились до неузнаваемости, но количества такихъ именъ, сохранившихся болѣе или менѣе нетронутыми, достаточно, чтобы заключить о безспорномъ существованіи у автора такой системы ихъ образованія. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ приведу еще нѣсколько другихъ образчиковъ:

1) Бадръ Іаманидзе (іеменець), 2) Али Диламъ (диламець), 3) Носаръ Нисрели (= нисрели: египтянинъ), 4) Астарабидзе или Астарабиддзе (астарабадецъ), 5) витязь Абашъ (абиссинець), 6) витязь Черный (негръ), 7) Амиръ Іаманели (іеменець), 8) Дорать Диламъ (диламець), 9) Босоръ Басрели (басріецъ), 10) Гамаръ Газнели (газніецъ), 11) Амир-индо (индіецъ) и т. д.

Изъ другихъ именъ обращу вниманіе только на имя „Мзечабукъ“¹⁾ витязь *Солнце*, образованное по иному образцу, а также на имена самыхъ выдающихся витязей—героя романа и Сеіе Давле Дариспанидзе. Хотя сочиненіе и названо по имени одного Амيرانа, но онъ и витязь Сеіе Давле играютъ почти одинаковую роль и имѣютъ одинаковое значеніе въ повѣсти; и мѣсто, отведенное Сеіе Давле, не многими уступаетъ мѣсту, занимаемому повѣствованіемъ о подвигахъ самого Амيرانа. Ими обонми болѣе всего интересуется авторъ и ихъ выставляетъ одинаково непобѣдимыми витязями, между тѣмъ какъ всѣ прочіе, если не гибнутъ преждевременною смертью (Амбръ) или отъ какой-либо превратности судьбы (Мзечабукъ), непременно подпадаютъ власти одного изъ этихъ двухъ героевъ. Больше по-

¹⁾ При томъ, что будетъ высказано и, по возможности, доказано ниже касательно „Амирандареджанани“, „Мзечабукъ“ естественно принять за переводное имя: во второй части (чѣбукъ) этого составнаго слова имѣемъ персидское чѣбукъ *проворный, доблестный*. Мзе *солнце* можетъ быть нѣсколько вольнымъ переводомъ географическаго названія Хорасана, которое означаетъ *восходящее солнце, востокъ*, и Мзечабукъ въ такомъ случаѣ являлся бы героемъ этой области.

дробностей дается о жизни Сеѣе Давле: мы знакомимся съ нимъ чуть не съ колыбели; какъ и въ похвалахъ Амирану, и тутъ авторъ отдаетъ свое предпочтеніе личнымъ качествамъ передъ высокими происхожденіемъ; болѣе того, Сеѣе Давле на первыхъ порахъ является даже униженнымъ и обиженнымъ сиротой, и только благодаря своимъ рыцарскимъ доблестямъ онъ завоевываетъ должное, не только возвращая себѣ наслѣдственное, но и занявъ много новыхъ странъ. По сословію онъ благородный или свободный, какъ и Амиранъ; одинъ изъ подданныхъ о немъ выражается такъ (ib., стр. 106): „*Эти мои господа не отъ предковъ государи: они были дворянами и отличились рыцарствомъ*“.

Дѣятельность Сеѣе Давле сосредоточена въ области духовъ, и онъ преимущественно выказываетъ себя въ подвигахъ противъ ѳисовскихъ наводженій; но не мало чудесъ силы онъ обнаруживаетъ также въ борьбѣ съ людьми, главнымъ образомъ, лично ему становящимися помѣхой на дорогѣ. Существенная же черта, отличающая жизнь какъ одного, такъ и другаго—это покровительство судьбы. Значеніе судьбы въ жизни человѣка, излюбленная тема и у Руставели, автора стихотворнаго романа „*Юноша въ барсовой кожѣ*“; но тамъ это щеглянье жалобой на измѣнчивость сего міра или неотвратимость провидѣнія, здѣсь же многократныхъ изліяній, въ этомъ родѣ, совершенно нѣтъ, но за то дѣйствующія лица выставлены въ своей жизни такъ, что по неволѣ чувствуется какая-то особенная сверхъестественная сила за спиной каждаго изъ нихъ. Авторъ думаетъ, какъ видно, внести въ число личныхъ достоинствъ героя и то, что судьба благоприятствуетъ ему.

Арабъ Амбръ также не царской крови; онъ также всѣмъ обязанъ своимъ качествамъ; благородства и великодушія у него во всякомъ случаѣ не меньше. чѣмъ у Амирага или Сеѣе Давле: онъ лично своей доблестью завоевалъ царство сыну своего господина, который умеръ въ изгнаніи, лишенный престола, и отдалъ ему всецѣло; на войнѣ онъ не имѣетъ равнаго: отъ его могучей руки гибнуть массы; звѣрей онъ одинаково успѣшно разить; онъ еще въ юности, подобно Амирану и Сеѣе Давле, львовъ истреблялъ, какъ кошекъ. Но неумолимый рокъ не далъ ему насладиться вполне жизнью, смерть уложила его на первыхъ же лаврахъ; такимъ образомъ онъ не успѣлъ пріобрѣсти полную и всемірную славу и испробовать всю свою силу съ лучшими витязями міра; Амбръ такъ и скончался, даже въ невѣдѣніи о нихъ.

Мзеѳабукъ былъ сначала счастливѣе Амбра: онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, въ которой принимали участіе лучшіе витязи міра, сѣхавшіеся у стѣнъ хазарской столицы изъ-за руки прекрасной царевны; чародѣи также не могли противостоять его всеокрушающей силѣ никакими тайными или явными средствами; онъ возвратилъ себѣ невѣсту, томившуюся у нихъ въ плѣненіи. Женившись на дочери хазарскаго царя, онъ наслѣдовалъ ему, но только успѣлъ воцариться, какъ былъ измѣнически убитъ и сталъ предметомъ всеобщаго сожалѣнія, какъ жизнь, сгубленная преждевременно превратной судьбой.

Мзеѳабукъ, какъ и Амбръ, при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ и богатырскихъ подвигахъ, переходящи и мимолетны, и ихъ слава тускнѣетъ при сравненіи съ долговѣчной дѣятельностью и неуязвимою славою Амираана и Сеѣе Давле.

Сопоставляя Сеѣе Давле съ Амираномъ, не надо упускать изъ виду одно обстоятельство: Сеѣе Давле подвизается сравнительно въ ограниченной сферѣ, и онъ не на столько предприимчивъ, хотя ни въ богатырскихъ качествахъ, ни въ могуществѣ, богатствѣ или славѣ не уступаетъ Амирану.

Дѣятельность Амираана многосторонняя; онъ витязь, ищущій славы, и царедворецъ или вельможа, служащій трону. Я уже говорилъ объ его трудномъ походѣ въ страну Свѣтилъ, предпринятомъ единственно съ цѣлью исполнить волю своего господина. Но и внутри государства Амиранъ подвизается, и въ этомъ случаѣ онъ занятъ участіемъ беззащитныхъ, въ особенности каравановъ, становившихся жертвою хищенія разбойниковъ большой дороги (братья Астарабадидзе; Ангаркавидзе). Извѣстность, которою онъ пользовался, какъ непобѣдимый и благородный витязь, направляла къ нему людей, ищущихъ и другаго рода защиты или помощи: онъ охотно ѳхалъ на освобожденіе собратьевъ (Бадръ Іаманидзе, Носаръ Нисрели), попавшихся въ плѣнъ къ духамъ (дэвамъ) и съ готовностью принималъ на себя обязанность мстителя за вѣроломно убитыхъ (Мзеѳабукъ). Часто Амиранъ увлекался красотой женщинъ и для полученія руки красавицы творилъ чудеса храбрости, съ одинаковой легкостью уничтожая талисманы, чудовищъ и цѣлыя войска. Но чѣмъ болѣе всего онъ былъ охваченъ, такъ это—рыцарскимъ честолюбіемъ. Во чтò бы то ни стало, какъ витязь, онъ домогался первенства во всемъ мірѣ; онъ жаждалъ, чтобы только о немъ говорилось: „по всему лицу земли не сыщешь витязя, подобнаго ему!“ Разъ въ Багдадѣ на Амираана произвели сильное впечатлѣніе слова одного изъ участниковъ веселой кампаніи, бесѣ-

довавшей на терасѣ, подь которой онъ проѣзжалъ: собесѣдникъ, развлекавшій слушателей, лучшимъ витяземъ въ мірѣ назвалъ Амбра. Амбранъ немедленно послалъ челоуѣка за этимъ собесѣдникомъ и распросилъ его о личности героя. Онъ интересовался появленіемъ каждаго могучаго витязя; слава перваго рыцаря требовала отъ Амрана, чтобы онъ мѣрился силой съ каждымъ изъ нихъ. Амранъ ревниво охранялъ свою честь и не было въ мірѣ витязя, который помѣрился бы съ нимъ оружіемъ. Такимъ образомъ, оставаясь у халифа въ званіи *эмира*, какъ витязь, онъ былъ *всемірный* и наслаждался всѣми признанной славой *перваго на свѣтѣ* героя, и вотъ до него дошла молва о несравненномъ Сеѣе Давле; случайно ему пришлось присутствовать во дворцѣ, когда вельможа Омадъ Мадидзе сталъ разказывать объ этомъ героѣ и превозносить его чрезмѣрно; Амранъ съ трудомъ могъ дослушать разказъ до конца и при первой же возможности пустился въ путь въ царство Сеѣе Давле, чтобы сразиться съ нимъ и еще разъ доказать міру, что нѣтъ на свѣтѣ витязя, подобнаго ему. Но тутъ первый разъ Амрану пришлось встрѣтиться почти съ себѣ равнымъ и завязалась ожесточенная борьба двухъ витязей, одинаково одаренныхъ рыцарскими доблестями и въ равной степени воодушевленныхъ благороднымъ честолюбіемъ. Нерѣшительный исходъ приводилъ обоихъ въ бѣшенство и они съ остервенѣніемъ бросались снова другъ на друга, пока младшіе витязи и вѣрные слуги не образумили увлекшихся героевъ словами: „*Что въ такой мѣртъ спорнаю у васъ? Нужно-ли убивать другъ друга изъ-за того, что Богъ создалъ васъ обоихъ хорошими?*“⁴

Амранъ и Сеѣе Давле помирились и съ этого момента они стали друзьями. Оба признали другъ у друга равныя рыцарскія доблести, и въ ихъ отношеніяхъ проявилась любовь, основанная на взаимномъ уваженіи; жизнь ихъ текла въ пирахъ и увеселеніяхъ; они гостили по годамъ другъ у друга, а при случаѣ предпринимали сообща какой-нибудь трудный походъ (такъ мщеніе за Мзѣчабука).

Но между тѣмъ какъ Дариспавидзе давно уже былъ самостоятельный государь, равный ему витязь Амранъ находился въ подчиненіи у халифа. Послѣднія страницы повѣсти и посвящены исключительно Амрану, чтобы онъ сравнялся и въ этомъ отношеніи со своимъ другомъ; изъ этихъ страницъ мы узнаемъ, какъ Амранъ, подобно Сеѣе Давле, завоевываетъ царства, становится независимымъ государемъ и живетъ въ благоденствіи.

Можно предположить, что эти два лица, имѣвшія такъ много сход-

наго въ своей жизни, равномѣрно одаренныя природою и, главное, подружившіяся такъ братски, принадлежали одной и той же народности; въ такомъ случаѣ они оба должны быть персами, такъ какъ въ персидскомъ происхожденіи самого Амираана не можетъ быть сомнѣнія, послѣ всего того, что по этому поводу было о немъ выяснено выше. Прямыхъ указаній въ жизни Сеѣе Давле на то, что онъ былъ персъ, нѣтъ, но заслуживаетъ вниманія одно обстоятельство: городъ, въ которомъ царствовалъ Сеѣе Давле Дариспанидзе, названъ Дариспаншаромъ, въ послѣдней части котораго легко узнать персидское слово шаһр, означающее *юродъ*, но это еще не все. Названія самихъ героевъ представляютъ больше интереса, такъ какъ и въ нихъ видна сознательная рука автора; эти имена съ полнотою звучать такъ:

1) Сеѣе Давле Дариспанидзе 2) Амираан Дареджанидзе.

Отбросивъ прибавленное къ концу грузинское слово „дзе“ *сынъ*, съ гласнымъ остаткомъ отъ окончанія родительнаго падежа („ис“), именно. звукомъ „и“, мы получаемъ:

1) Сеѣе + давле дар Испан 2) Амир андаре джанъ.

Первыя части въ обоихъ именахъ состоятъ изъ арабскихъ словъ, употребляемыхъ у персовъ въ качествѣ титуловъ; легко также узнать вторыя части, сходныя по значенію въ обоихъ случаяхъ (дар = андаре): это двѣ формы персидскаго предлога „въ“; наконецъ, третья часть суть обычныя вульгарныя грузинскія транскрипціи персидскихъ же словъ: испан=испаһан *Испананъ* и джан=джаһан *міръ*.

Имена героевъ персидскаго происхожденія; они вполне ясны и осмысленны: одного витязя звали Сеѣе Давле, то-есть, „*мечемъ государства*“ въ *Испананъ*, а другаго — Амиромъ, то-есть, „*повелителемъ*“ въ *міръ*. Слѣдовательно, герои повѣсти, суть всемірный по рыцарской славѣ багдадскій эмиръ, преданный слуга халифа, и испанскій сейфеддавле, оба—персы.

Разъ главными дѣйствующими лицами являются персы, и жизнь ихъ рисуется авторомъ именно въ такомъ свѣтѣ, что они затмеваютъ всѣхъ окружающихъ своими блестящими подвигами, разъ самъ авторъ говоритъ о персидскомъ происхожденіи главнаго героя Амираана и, вообще, именами дѣйствующихъ лицъ старается предупредить читателя, что это не простые герои, а представители извѣстныхъ народовъ или племенъ, что они національные герои индусцевъ, абиссинцевъ, арабовъ, іеменцевъ, хазаръ, китайцевъ и др. и, наконецъ, искусно сложеннымъ рассказомъ о подвигахъ всѣхъ участвующихъ въ

ходѣ повѣсти лицъ онъ внушаетъ намъ предпочтительное уваженіе и удивленіе къ достоинствамъ персидскихъ героевъ, передъ которыми такъ или иначе преклоняли свои головы богатыри всѣхъ прочихъ народностей. — надо признать, что повѣсть „Амирандареджаніани“ въ существующей у насъ въ рукахъ редакціи написана къ прославленію персовъ.

Интересенъ планъ, которымъ пользуется авторъ для прославленія Амираана. Авторъ не всегда обнаруживаетъ превосходство одного витязя надъ другимъ въ ихъ непосредственной борьбѣ. Такъ разказывается о славномъ витязѣ Бадрѣ Іаманидае; воздается похвала его рыцарскимъ качествамъ, и подвиги, приписываемые ему, представляютъ его могучимъ героемъ; онъ также, какъ и другіе знаменитые витязи, жаждалъ всемірной славы и „лишь только появлялся гдѣ либо славный витязь, спѣшилъ сразиться съ нимъ“ и доказать превосходство своихъ силъ; но онъ попалъ въ плѣнъ къ злымъ духамъ и томился въ заключеніи. Также поступили духи съ Носаромъ Нисрели, поѣхавшимъ на его выручку, точно также неподобнымъ витяземъ, прославленію котораго посвящена третья глава. Амиранъ тутъ и является героемъ, стоящимъ выше такъ высоко превозносимыхъ витязей, которыхъ онъ выручаетъ изъ бѣды, убивъ братьевъ-духовъ и ставъ такимъ путемъ побѣдителемъ побѣдителей Бадра и Носара, славныхъ витязей. Въ походѣ въ страну Свѣтилъ передъ нами открывается настоящее состязаніе рыцарей, нѣчто вродѣ турнира, на аренѣ на виду столицы царя Аспана. Въ сборѣ здѣсь находятся витязи, царевичи изъ разныхъ дальнихъ могущественныхъ государствъ, и въ этомъ одномъ эпизодѣ, занимающемъ собою всю седьмую главу, развита самостоятельно та-же мысль автора, что, безспорно, витязи всѣхъ народовъ могутъ быть превосходными, но до персидскаго героя имъ все же далеко: царевичи хазарскій, диламскій, синдскій и іеменскій должны были поступиться передъ простымъ смертнымъ, персидскимъ витяземъ, и признать въ немъ своего побѣдителя. Въ восьмой главѣ Амиранъ находится въ поискахъ за представившимся ему идеаломъ красоты. Въ другихъ случаяхъ онъ или выручалъ собратьевъ, или служилъ своему господину повелителю правовѣрныхъ, для сыновей котораго приобрѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ трехъ лучшихъ красавицъ изъ дочерей царя Свѣтилъ; теперь онъ мчится за очаровательной красавицею, которую нарисовало ему воображеніе, совершаетъ чудеса храбрости и торжествуетъ; и здѣсь ему приходится воевать съ иноземцами, оспаривавшими у него Хорасанъ и прекрасную царевну того же имени (Хорашан).

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ никакой возможности сомнѣваться въ тенденціозности романа: ясно также, что дѣло имѣемъ съ персидской національной тенденціею. При чемъ же тутъ грузины? Ни при чемъ: во всемъ памятникѣ нѣтъ ни слова о грузинской народности, ни одной черточкѣ ¹⁾ изъ грузинскаго быта. Могутъ ли существовать два мнѣнія о происхожденіи романа, разъ установлена его персидская національная тенденція? По нашему, нѣтъ. Занимающій насъ романъ происхожденія персидскаго: исключительно въ персидской литературѣ и слѣдуетъ искать его оригиналъ. Мало мальски знакомаго съ дѣломъ изученія персидской литературы не можетъ смущать то обстоятельство, что на персидскомъ языкѣ неизвѣстно такое произведеніе. Не говоря о томъ, что грузинская литература могла сохранить переводъ утеряннаго оригинала, повѣствовательная литература Ирана, особенно за древній періодъ, вовсе не изслѣдована съ такою обстоятельностью, чтобы голый фактъ неизвѣстности въ ней даннаго памятника могъ бы значить, что его вовсе не было у персовъ. Напротивъ, изумительно то, какъ такой же „фактъ“, да еще удостовѣренный грузинскимъ писателемъ XVII вѣка (царемъ Вахтангомъ), въ другомъ случаѣ по однородному вопросу часто приводится, какъ аргументъ противъ персидскаго происхожденія иного памятника, именно поэмы „*Юноша въ барсовой кожѣ*“, этого предмета лирическихъ изліяній многочисленныхъ, мало понимающихъ ея, поклонниковъ.

Но обратимся къ внѣшней сторонѣ дѣла и укажемъ на нѣкоторыя подробности, свидѣтельствующія, что „Амирандареджаніани“ на грузинской почвѣ является экзотическимъ насажденіемъ. Нѣтъ надобности ссылаться здѣсь исключительно на присутствіе въ немъ значительнаго количества иностранныхъ словъ: они появятся особо въ приготовленномъ нами дополнительномъ лексиконѣ къ древнимъ грузинскимъ повѣстямъ. Считаю также лишнимъ указывать на иностранное происхожденіе именъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти,—это такъ ясно, что не можетъ пройти незамѣченнымъ ни для какого читателя, сколько нибудь знакомаго съ восточными языками; развѣ об-

---

¹⁾ А. Гренъ не понялъ обыденнаго выраженія *въстѣ хлѣбъ*, которое и въ грузинскомъ, и въ армянскомъ значить вообще *справлять трапезу, обѣдать или ужинать*, а не буквально *уощаться хлѣбомъ*, и потому вдался въ напрасную характеристику меню героевъ въ грузинскихъ романахъ (ор. с., стр. 16). Уже въ Евангеліи Матвея 22,4, древнѣйшемъ памятникѣ грузинской письменности, при *хлѣбѣ* находимъ въ соотвѣтствіи арм. *ѳаш обѣдъ* и греч. *ἀριστον*.

ращу вниманіе на то, что не только всѣ вообще имена лицъ въ произведеніи иностраннаго происхожденія, но даже такое имя, какъ Иосифъ, употреблено въ иноземной формѣ, принятой у народовъ, исповѣдующихъ исламъ (Усиѣ, Іусѣб), а не въ существовавшей уже издревле и распространенной въ Грузіи формѣ „Іосеѣ“.

Болѣе важны черты изъ мусульманскаго быта, попадающіяся тамъ и сямъ. Такъ при заключеніи супружескихъ узъ со стороны мужчины обязательно имѣетъ мѣсто назначеніе будущей женѣ извѣстнаго приданаго, называемаго по персидски *кѣбин*. Этотъ обычай между прочимъ исполняетъ Амиранъ, когда онъ женится на индійской царевнѣ, освобожденной имъ изъ рукъ витязя Антаркавидзе, и само персидское названіе этого обычнаго подарка невестѣ также сохранено въ грузинскомъ текстѣ (*кебин*). Извѣстенъ равнымъ образомъ мусульманскій обычай дѣлать приношенія въ пользу неимущаго класса или въ другихъ благотворительныхъ цѣляхъ въ мечеть, при которой изъ этихъ пожертвованій образуются такъ называемыя „вукфныя“ владѣнія; конечно, и въ христіанскіе монастыри дѣлаются вклады, но въ „Амирандареджаіани“ прямо написано, что щедрыя пожертвованія, напримѣръ, супругою Дариспанидзе были сдѣланы въ мечеть (*ib.*, стр. 126). Многоженство также обыкновенная вещь въ этомъ произведеніи: женатый уже на индійской царевнѣ, Амиранъ женится еще на владѣтельницѣ Балха; но кромѣ того во славу этого героя въ заключительныхъ строкахъ повѣсти упоминается также то, что у него было *шестьдесятъ женъ*. Наконецъ, счастливый случай сохранялъ, правда, небольшую, но все-же цѣлую фразу на персидскомъ языкѣ въ грузинской транскрипціи. Трудно сказать, почему Мосе Хонели, грузинскій „авторъ“ романа, оставилъ только эти два три слова безъ перевода. Въ данномъ случаѣ довольствуемся указаніемъ на фактъ, какъ онъ есть. Когда Амиранъ (IV гл.) поразилъ одноглазаго „дѣва“ и выкололъ у него единственный глазъ, тотъ просилъ о пощадѣ и провзнесъ:

„Не убивай меня—іекъ чешмем несте“¹⁾, то-есть, *нѣтъ у меня моего и одного глаза*.

¹⁾ Эта персидская фраза въ такой полной формѣ не сохранилась ни въ одной извѣстной мнѣ рукописи. Рукописи Императорской Публичной Библиотеки, Собр. кн. Груз. № 55 читаетъ: „іекъ чешми несте“; Собр. кн. Груз. № 29: то же чтеніе безъ „іекъ“; моя собственная рукопись: „чашим несте“; рукопись Азіатскаго Музея № 59: „чаш несте“. Въ рукописи, бывшей въ рукахъ А. Грена и впоследствии приобретенной Имп. Публ. Библ. (Собр. Грена № 11) та же фраза читается: „чашим несте“.

Въ связи съ „Амирандареджаніани“ нельзя не вспомнить о существованіи цикла народныхъ грузинскихъ сказаній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляющихъ очевидныя параллели къ отдѣльнымъ эпизодамъ нашего романа; но вспомнить приходится о нихъ не съ тѣмъ, чтобы ими доказывать грузинское народное происхожденіе романа; напротивъ, сличеніе съ послѣднимъ устныхъ рассказовъ даннаго цикла и даетъ возможность выдѣлить то, что въ нихъ внесено подъ вліяніемъ книжнымъ. Однако объ этомъ впоследствии, послѣ того какъ понятіе наше о національномъ характерѣ грузинъ, въ связи съ первоначальнымъ родствомъ ихъ съ армянами, получить научное опредѣленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ самобытность тѣхъ или иныхъ явленій грузинской умственной и иной жизни не будетъ лишь пустой парадной фразой, ласкающей извѣстное настроеніе.

И. Марръ.

СОСЛОВНЫЙ ТИПЪ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНАГО СОСТАВА ЛИТОВСКАГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ПРИЧИНЫ ¹⁾.

Szlachcic na zagrodzie równy woiewodzie.

„Не только воеводѣ, а самому королю равенъ былъ по принципу власти на своемъ клочкѣ земли каждый шляхетка, а каждый знатный панъ былъ куда сильнѣе короля“.

Проф. *И. П. Филевича* „Польша“, 29.

Архивный матеріалъ литовской метрики (государственного архива великаго княжества Литовскаго) составляетъ чуть ли не единственный источникъ для знакомства съ политико-правовымъ бытомъ Литовскаго государства до изданія литовскаго статута, то-есть, важнѣйшаго періода въ исторіи этого государства, — „того далекаго еще отъ непосредственнаго воздѣйствія Польши времени, когда завершилось образованіе цѣлаго ряда институтовъ, сложившихся на старинной русской почвѣ, опиравшихся своими основаніями въ принципы временъ Русской Правды“ ²⁾). Въ существующихъ сборникахъ памятниковъ русско-литовскаго права находимъ, между тѣмъ, сравнительно не много актовъ, извлеченныхъ изъ метрики. Масса заключающагося въ ней, первостепенной важности, матеріала оставалась и остается

---

¹⁾ Настоящая статья представляетъ продолженіе „Очерковъ исторіи литовскаго права“.

²⁾ Отчетъ о 2-мъ присужденіи премии Г. Ф. Карпова, рецензія проф. С. А. Бершадскаго сочиненія г. Любавскаго: Областное дѣленіе и пр., стр. 5.

доселѣ мало доступной для научныхъ изслѣдованій. Акты метрики, обнародованные въ извѣстныхъ изданіяхъ Дзялынскаго („Zbióg praw Lit.“, — всего до 15-ти актовъ), Даниловича („Skarbies dyplomatów“), Муханова („Сборникъ“), археографической комиссіи („Акты западной Россіи“ и „Акты южной и западной Россіи“), почти исключительно касаются государственнаго устроившаго старой Литвы и содержать крайне мало данныхъ по всѣмъ существеннымъ вопросамъ права административнаго, гражданскаго, уголовнаго, и пр. Этимъ обстоятельствомъ, какъ и вообще малой доступностью метрики для непосредственнаго ознакомленія съ содержащимися въ ней актами, объясняется, почему до настоящаго времени по исторіи русско-литовскаго права остается масса вопросовъ, совершенно не тронутыхъ научной разработкой.

Лишь въ послѣднее время положеніе дѣла стало значительно улучшаться къ лучшему, благодаря усиліямъ немногихъ любителей русской старины, имѣвшихъ возможность пользоваться сырымъ матеріаломъ метрики и обнародовать его въ печати.

Таковъ капитальный трудъ, профессора С. А. Бершадскаго, посвятившаго нѣсколько лѣтъ кропотливому изученію актовъ литовской метрики (пока она не была переведена изъ С.-Петербурга въ Москву) и приготовившаго къ изданію — къ сожалѣнію, не поступившее въ продажу — большое собраніе документовъ, извлеченныхъ изъ этого архива (съ послѣдней четверти XIV вѣка до изданія перваго Литовскаго статута) ¹⁾. Вся эта масса актовъ содержитъ много совершенно новыхъ данныхъ по исторіи русско-литовскаго права. На первомъ планѣ нужно поставить земскіе привилеи; изъ нихъ привилей 1387, 1413 и 1492 г. изданы по новымъ спискамъ, а привилей Сигизмунда Кейстутовича 1434 г. издается впервые ²⁾. Въ сборникѣ помѣщенъ также рядъ грамотъ на магдебургское право ³⁾, —

¹⁾ Нѣсколько актовъ извлечено также изъ рукописей Императорской Публичной Библиотеки, Имп. археографической комиссіи и частныхъ лицъ (№ 55).

²⁾ См. № 34. Кстати укажу на обнародованный недавно проф. И. П. Филевичемъ земскій привилей Владислава-Ягеллы „soaequationis Russorum cum Lithvonis“, 1432 г. Этотъ привилей извлеченъ изъ „текъ“ Нарушевича, хранящихся въ Краковскомъ музеѣ вв. Чарторжскихъ. Привилей помѣщенъ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1893 г., III, стр. 2—4. Замѣтка о немъ — въ „Отчетѣ объ ученой командировкѣ въ 1892 г. проф. Филевича (Варшавскія Университетскія Извѣстія 1893, II, 6—9).

³⁾ См. Берш. сборн. № 8, 10, 13 и др.

между прочимъ, грамота 1424 г. на Шродское право въ г. Соколѣ (Подляхи) ¹⁾,—если не ошибаемся, единственное до сихъ поръ свидѣтельство объ этой разновидности Магдебургскаго права въ Литовскомъ государствѣ. Къ исторіи гражданскаго, уголовного права и процесса относится масса судебныхъ вырочковъ, привилеевъ и разныхъ частныхъ записей. Не менѣе интересны также акты, касающіеся дипломатическихъ сношеній Литвы ²⁾; между прочимъ, актъ 1499 г. касается уніи съ Польшей ³⁾. Драгоценный матеріалъ по исторіи государственнаго хозяйства Литвы представляютъ, наконецъ, извлечения изъ записныхъ книгъ пожалованій ⁴⁾, книгъ расходныхъ ⁵⁾, описей господарскаго скарба ⁶⁾, „пописей“ землевладѣльцевъ по отбыванію военной службы ⁷⁾, инвентарей господарскихъ имѣній ⁸⁾ и пр.

Не мало сыраго матеріала, извлеченнаго изъ метрики за тотъ же періодъ времени, находится также въ большомъ изслѣдованіи М. К. Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія 1-го Литовскаго статута“ ⁹⁾. Извлечения изъ актовъ относятся къ мѣстному управленію, также сословіямъ, финансамъ, частію гражданскому праву (землевладѣнію и наслѣдованію имущества) и судоустройству.

Много цѣннаго матеріала извлечено изъ мѣстныхъ архивовъ и помѣщено въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ въ „Актахъ“, издаваемыхъ Виленскою археографическою комиссіею, и въ „Архивѣ юго-западной Россіи“ издано Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Особенно важно изданіе такихъ драгоценныхъ памятниковъ, какъ инвентари, съ содержащимися въ нихъ данными касательно территориально-административнаго строя, поземельныхъ и тягловыхъ отношеній и вообще хозяйственнаго быта различныхъ литовско-русскихъ областей.

Къ цѣннымъ трудамъ послѣдняго времени относится изданіе

¹⁾ Ibid., № 21.

²⁾ №№ 9, 179, 203 и др.

³⁾ № 187.

⁴⁾ №№ 41, 363.

⁵⁾ 98, 221.

⁶⁾ 262.

⁷⁾ 85, 208, 529.

⁸⁾ 194, 196—200, 209.

⁹⁾ Читенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей за 1893 г. и отдѣльное изданіе.

старыхъ документовъ, хранившихся въ Славутскомъ фамильномъ архивѣ князей Сангушкѣвъ („Archiwum książąt Lubartowiczów — Sanguszków w Sławucie“), также актовъ Львовскаго Бернардинскаго архива („Akta grodzkie i ziemskie“). Акты Бернардинскіе, относящіеся къ исторіи Галицкой Руси со времени присоединенія ея къ Польшѣ, содержатъ нерѣдко весьма важныя указанія на институты древне-русскаго права,—напримѣръ, на старый дворичный строй русской волости, поземельные порядки и нѣкоторые институты уголовного права и судопроизводства.

Въ послѣднее время, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, для меня открылась возможность заняться непосредственнымъ изученіемъ актовъ литовской метрики, по варшавской копіи (послѣдней четверти прошлаго вѣка), хранящейся нынѣ въ главномъ архивѣ царства польскаго. Изъ разныхъ книгъ (всего 66 кн. до 1552 г.) метрики извлеченъ мною довольно значительный запасъ актовъ (1413—1507 гг.), въ особенности судебныхъ вырочковъ, жалованныхъ грамотъ и пр. ¹⁾

На основаніи архивнаго матеріала, извлеченнаго проф. С. А. Бершадскимъ и частью мною изъ литовской метрики, а также изданныхъ въ существующихъ сборникахъ памятниковъ русско-литовскаго права, въ настоящей статьѣ излагаются замѣтки по вопросу о причинахъ, подѣ влияніемъ и въ зависимости отъ которыхъ образовался своеобразный, территоріально-административный составъ Литовско-русскаго государства, принявшій рѣзкій, сословный типъ подѣ длившимся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воздѣйствіемъ началъ поль-

¹⁾ Собранный мною матеріалъ приготовленъ къ печати и вскорѣ будетъ изданъ. Количество актовъ, извлеченныхъ изъ метрики, достигаетъ болѣе 750 номеровъ. Къ главнѣйшимъ актамъ относятся: три земскіе привилеи (1413, 1434 и 1457 гг.) по краткимъ спискамъ съ нѣкоторыми вариантами; два списка привилеевъ областныхъ—Волынскаго (1501 г.) и Жмудскаго (1507 г.),—послѣдній печатается впервые, до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ; нѣсколько грамотъ удѣльныхъ князей — Свмдригайла, Кобринскихъ и Мстиславскихъ; пять привилеевъ городамъ на магдебургское право—Дрогичину (1498 г.), Литовижу (1501 г.), Мельнику (1501 г.), Высокому (1503 г.) и Лесичи (1505 г.); нѣсколько привилеевъ на войтовства—Дрогичное (1428 г.) и Мельничное и пр.; привилей братству Виленскихъ золотниковъ (1495 г.) и пр. Болѣе важный матеріалъ, содержащійся въ метрицѣ до начала правленія короля Сигизмунда I (1507 г.), исчерпанъ мной вполне. Я старался въ особенности выгнать изъ метрики судебные вырочки: акты этого рода извѣстны въ печати въ маломъ количествѣ, а между прочимъ они весьма важны въ особенности по исторіи гражданскаго, уголовного права и судопроизводства.

скаго права. Ближайшее разсмотрѣніе главнѣйшихъ формъ территориальныхъ союзовъ и административныхъ районовъ, изъ какихъ сложилось Литовское государство, составить предметъ особой статьи.

Слѣды непосредственнаго воздѣйствія Польши на Литовское государство доселѣ не совсѣмъ исчезли въ быту входившихъ въ его составъ западно-русскихъ областей. Сильная сословная окраска всей политической и правовой жизни этихъ областей—результатъ воздѣйствія на нихъ старой, польско-нѣмецкой культуры, по сей день сказывается, между прочимъ, въ типическихъ особенностяхъ внѣшняго и внутренняго строя западно-русскихъ городовъ и сель, рѣзко отличающихся отъ городовъ и сель Восточной Россіи. Житель послѣдней привыкъ къ изстаринному, бессловному, земскому единству своихъ городовъ и сель, гдѣ „дворъ обо дворъ“ изъ вѣковъ живутъ и барская или купеческая семья, и ремесленная артель, и родъ—племя пахаря,—гдѣ громадное большинство городовъ—тѣ же деревни и съ рѣшительнымъ преобладаніемъ въ нихъ рольничьихъ промысловъ съ тѣмъ же разнообразнымъ составомъ населенія, что и въ деревняхъ. Жителя Восточной Россіи, очутившагося въ сельской глуши правобережной Украйны-Волини, Подолья, затѣмъ Подляхін, Польсья или Литвы, поражаетъ сразу, при первомъ знакомствѣ съ мѣстнымъ деревенскимъ и городскимъ бытомъ, рѣзкая, территориальная обособленность населенія по сословіямъ. „Мѣсто“ и „мѣстечко“ знаютъ здѣсь лишь одного ремесленника да торговца, далеко не забывшихъ вошедшихъ было въ ихъ плоть и кровь обычаевъ старыхъ замкнутыхъ магдебургій. Мало мальски зажиточный нанъ-землевладѣлецъ доселѣ живетъ среди своей „державы — маестности“, въ совершенно обособленномъ отъ мѣста и деревни старомъ замкѣ-панскомъ дворѣ съ фольваркомъ, какъ и рядовая мелкота-шляхта обособляется въ своей отдѣльной отъ хлопства шляхетской околицѣ и дворѣ (польской zagrodzie). И сельскій хлопъ, бывшее „быдло“ сосѣдняго панашляхтича, по прежнему живетъ въ такомъ же обособленномъ поселкѣ—старомъ дымѣ, дворницѣ, службѣ, жеребьи и пр. Новыя культурныя условія теперешней западно-русской деревни, мѣстечка и города. вмѣстѣ съ отиѣной Магдебургскаго права въ городахъ и „вѣчнаго права“ землевладѣльцевъ на подвластное имъ хлопство, во многомъ стали сглаживать старую, сословную обособленность городскихъ и сельскихъ поселеній. Тѣмъ не менѣе, мѣстами она до сего дня удерживается въ былыхъ формахъ, особенно въ глухихъ, сельскихъ захолустьяхъ, куда еще мало проникла современная культура и гдѣ

держится въ полной почти неприкосновенности и свѣжести старая „пошлина“, обособлявшая въ видѣ отдѣльных „народовъ“ вельможное шляхетство панскихъ дворовъ и загодъ отъ подвластнаго ему хлопства крестьянскихъ дымовъ и дворищъ-службъ.

Было, однако, время, когда вездѣ на Руси, въ обѣихъ ея половинахъ—восточной и западной, жизнь городская и сельская текла однимъ, общеземскимъ русломъ, безъ всякихъ сословныхъ и иныхъ разграниченій между мѣщанскимъ городомъ, крестьянской деревней и панскимъ дворомъ. Начало земскаго единства въ старину глубоко проникало собой всѣ стороны быта земель—волостей западной и восточной Россіи. Здѣсь и тамъ въ одинаковой мѣрѣ жили по городамъ и селамъ и бояре, и люди купеческіе, и ремесленники, и смерды-рольники; здѣсь и тамъ все свободное населеніе земли-волости могло составлять изъ себя земскія вѣча и избирать своихъ князей и другихъ нарядниковъ, съ обязательнымъ для всѣхъ и каждого подчиненіемъ ихъ суду и наряду. Все населеніе земли-волости, безъ различія между бояриномъ, купцомъ, ремесленникомъ и рольникомъ, подлежало одинаковымъ общественнымъ повинностямъ, на обще-земскомъ основаніи вѣчевыхъ „разрубовъ“ и „розметовъ“. Все различіе города отъ села выражалось въ роли города въ дѣлѣ земской обороны и наряда: городъ являлся пунктомъ земской охраны, убѣжищемъ для волостнаго населенія въ осадную пору и средоточіемъ всей земской администраціи. Въ своей землѣ-волости городъ занималъ „командующее“ положеніе, по суду, наряду и повинностямъ къ городу тянуло все населеніе приписанныхъ къ нему волостныхъ округовъ.

Тѣ же самыя начала земскаго единства остаются въ силѣ въ западно-русскихъ областяхъ и послѣ присоединенія ихъ къ литовскому государству. Разложеніе этихъ началъ совпадаетъ съ эпохой развитія уніи Литвы съ Польшей. Оно начинается съ первыхъ же опытовъ уніи при Владиславѣ Ягеллѣ и въ конечныхъ результатахъ приводитъ къ установленію территоріально-административнаго состава областей бывшаго литовскаго государства на совершенно иныхъ основаніяхъ, вовсе неизвѣстныхъ ни древне-русскимъ землямъ, ни сложившемуся въ восточной ихъ половинѣ, московскому государству.

Однимъ изъ первыхъ актовъ разложенія земскаго единства литовско-русскихъ областей была *рецепція нѣмецкаго права* ¹⁾ въ горо-

---

¹⁾ Въ литовско-русскихъ городахъ дѣйствовало по преимуществу магдебургское право, а изрѣдка и его разновидности—право хельмское (*jus Culmense*—го-

дахъ, съ кореннымъ преобразованиемъ всего ихъ внутренняго строя, какъ и отношеній ихъ къ государству. Какъ видно по всему, ре-

рода Хелмно польской Пруссіи) и шродское (*ius Sredense v Novi Fori*—города Шрода, Neumarkt, въ польской Силезіи). По извѣстнымъ намъ актамъ, право хелмское (хелминское) было введено въ нѣкоторыхъ городахъ Подляхій (Клещакѣ, Крабове, Нарва), Литвы (Мѣдники, Ворніовъ) и Волини (Дорогобужъ, Красилонъ), см. А. З. Р., II, № 128; Skarb, № 2307; Арх. юго-зап. Р., III, № 149, 178; *Бершадскій*, стр. 1012; *Bałwinski*, Staroż Polska IV, 421; *Garoszewicz*, *Obraz Lit.*, II, 87. Право шродское было пожаловано въ 1424 году городу Соколу въ Дорогич. повѣтѣ (*Бершадскій*, 50).—Молчановскій въ своемъ „Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ“ (стр. 207—213) полагаетъ, что первый опытъ реценціи нѣмецкаго городского права въ литовскомъ государствѣ принадлежитъ подольскимъ князьямъ Юрію и Александру Коріатовичамъ, предоставившимъ въ 1374 году Каменцу привилегіи польскихъ магдебургій (грамота, данная по этому поводу Каменцу, помѣщена въ сочин. *Przezdieski*, *Podole*, I, 140;—Молчановскаго, 208 и по новому списку, въ сборникѣ Бершадскаго, № 1). Намъ кажется это положеніе не совсемъ вѣрнымъ: въ 1374 году Каменцу было дано, дѣйствительно, право самоуправленія по образцу польскихъ магдебургій; но въ грамотѣ нѣтъ никакого намека на реценцію самаго магдебургскаго права. Последнее было введено въ Каменцѣ яшъ въ 1432 году (см. *Inventar. archiwii Cracow*, 274). Въ концѣ XIV вѣка (съ 1387 г.) магдебургское право вводится въ Вильнѣ, Мерецѣ, Трокахъ и Ковно, гдѣ въ это время уже образовались торгово-промышленныя, польскія и частью нѣмецкія, колоніи, ради интересовъ послѣднихъ и вводилось нѣмецкое право въ упомянутыхъ городахъ. Самымъ раннимъ и при томъ сплошнымъ гнѣздомъ польскихъ магдебургій нужно считать Подляхію, ставшую подвергаться сильной колонизаціи еще въ пору зависимости западной ея половины отъ мазовецкихъ князей (1390—1443 г.); уже тогда магдебургіи стали заводиться во всѣхъ главныхъ городахъ Подляхій. Такія же сплошныя гнѣзда польскихъ магдебургій появляются въ теченіе XV и первой половины XVI вѣка въ другихъ окраинахъ русскихъ, прилегавшихъ къ Польшѣ, Подоліи и Волини (въ особенности западной). Во внутреннихъ областяхъ Литовскаго государства магдебургіи до повдѣйшаго времени или вовсе не заводятся, или же развиваются весьма туго, спорадически, далеко не такими сплошными гнѣздами, какъ это было въ сосѣднихъ съ Польшей областяхъ—Подляхій, Волини и Подоліи. До люблинской уніи главный районъ реценціи магдебургскаго права какъ разъ совпадаетъ съ первоначальнымъ райономъ развитія колонизаціи въ Литвѣ—это именно юго-западная окраина Литовскаго государства, непосредственно прилегавшая къ польскимъ областямъ. Затѣмъ, чѣмъ далѣе отъ этой окраины подвигается къ сѣвернымъ и восточнымъ рубежамъ Литовскаго государства, тѣмъ рѣже и рѣже встрѣчаются на Русь и Литвѣ польскія магдебургіи. Въ старой Сѣверщинѣ ихъ вовсе не было; магдебургіи появляются здѣсь въ началѣ XVII вѣка, послѣ вторичнаго присоединенія лѣвобережной Украины къ Речи Посполитой. Лишь послѣ люблинской уніи нѣмецкое право начинаетъ болѣе усиленно вводиться за рубежомъ первоначальной, сплошной его реценціи, наиримѣръ, въ Кіевщинѣ, вошедшей въ составъ польскихъ провинцій и проч.

цепція нѣмецкаго права стоять въ связи съ процессомъ полонизаціи русско-литовскихъ областей, совпадаетъ по времени съ первыми опытами уніи Литвы съ Польшей, закончившейся, какъ извѣстно, образованіемъ изъ обоихъ государствъ единой Речи Посполитой на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Вообще нельзя считать вполне вѣрной мысль о томъ, что магдебургское право давалось городамъ въ Литвѣ лишь ради цѣлей внутренней политики государства, въ видахъ усиленія средствъ государственной обороны и казенныхъ доходовъ, также ради промышленнаго подъема городовъ ¹⁾. Еслибы въ дѣлѣ рецепціи нѣмецкаго права преслѣдовались одни интересы фискальные, экономическіе или стратегическіе, то, при одинаковомъ значеніи такихъ интересовъ на всей территоріи государства, рецепція нѣмецкаго права получала бы приблизительно равномѣрное распредѣленіе между всѣми областями, чего на дѣлѣ, однако, вовсе не было. Указанные интересы вовсе не требовали такой радикальной ломки во всемъ строѣ городовъ, какая имѣла мѣсто при введеніи въ нихъ нѣмецкаго права, съ его совершенно чуждой русскому правосознанію системой правовыхъ институтовъ. Рецепція такой системы была бы вполне понятна, еслибы въ Литвѣ, въ XV и XVI вѣкахъ, какъ раньше въ Польшѣ, рѣчь шла о нѣмецкой колонизаціи въ городахъ; нѣмецъ-колонистъ, естественно, могъ выговаривать для себя льготу жить по своему національному, а не чуждому для него, праву туземцевъ. Ничего подобнаго сплошной нѣмецкой колонизаціи не было въ Литвѣ XV и слѣдующихъ вѣковъ, когда стали усиленно раздаваться привилегіи магдебургій русскимъ и литовскимъ городскимъ общинамъ. Интересы экономическіе и стратегическіе легко могли находить для себя достаточныя гарантіи на почвѣ разнообразныхъ тягловыхъ, промысловыхъ и иныхъ льготъ, безъ всякой настоятельной нужды въ рецепціи нѣмецкаго права съ полной отиѣной въ городахъ права туземнаго. Все это дѣлалось, очевидно, въ интересахъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ промышленнымъ подъемомъ городовъ, ни съ финансовыми и стратегическими видами государства.

Намъ кажется весьма близкимъ къ истинѣ намекъ, высказанный первымъ русскимъ изслѣдователемъ нѣмецкаго права въ Польшѣ и Литвѣ, проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ: по его словамъ, „въ литовско-русскомъ государствѣ и Галиціи *католицизмъ* и *полонизація* распространились прежде всего чрезъ магдебургское право

¹⁾ Антоновичъ, Мовопр., I, 157, 163.

и преимущественно чрезъ дѣйствія городскихъ магистратовъ и цеховое управление¹⁾. И дѣйствительно, на нашъ взглядъ, дѣло сразу является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, разъ мы обратимъ вниманіе на систему территориальнаго распредѣленія магдебургій въ русско-литовскихъ областяхъ и на политическія тенденціи того времени, когда въ особенности усиленно развивалась въ Литвѣ рецепція магдебургскаго права, именно въ такихъ районахъ, гдѣ въ XV и XVI вѣкахъ шла дѣятельная колонизація края. Обстоятельство это, само собой, наводитъ на мысль о тѣсной связи учрежденія магдебургій въ Литвѣ и литовской Руси съ политическими тенденціями, породившими колонизацію этого края и, слѣдовательно, шедшими въ прямой разрѣвъ съ задачами и нуждами мѣстной жизни. Изъ совокупности политическихъ условій, при какихъ совершалась въ Литвѣ рецепція нѣмецкаго права, не трудно усмотрѣть, что рецепція эта была вполнѣ на руку сторонникамъ польско-литовской уніи, съ такой же объединительной, антирусской тенденціей, съ какой то же самое право, со временъ Казимира Великаго, вводилось повсемѣстно въ Галичинѣ, съ цѣлью „возможно ослабить и уничтожить силу кореннаго населенія“²⁾.

Нѣмецкое право, рецепированное въ польскихъ городахъ въ XII и особенно XIII и XIV вѣкахъ, въ пору развитія польско-литовской уніи на столько уже привилось и окрѣпло въ быту польскихъ магдебургій, что въ общественномъ сознаніи оно являлось лишь особой разновидностью того же польскаго права³⁾. Отъ рецепціи послѣдняго въ русскихъ областяхъ (Галичинѣ, Подляхіи), по своимъ тенденціямъ, ничѣмъ не отличалась рецепція магдебургскаго права: учрежденіе литовско-русскихъ магдебургій по польскимъ образцамъ

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. 139, стр. 798.

²⁾ Проф. И. И. Филевича „Борьба Польши и Латы-Руси“, 219.

³⁾ Вторая половина XIV вѣка считается временемъ рѣшительной побѣды нѣмецкаго права въ Польшѣ: по вслищному статуту 1347, оно возводится въ общій государственный законъ (Vol. Ud. I, стр. 28, статья: „de illis qui habeñtes jus theutonicum utuntur polonicum“; ср. Asp. I, № 2, п. 68, Владимірскаго-Буднова, нѣмецкое право, 26, 298). По свидѣтельству польскихъ историковъ, нѣмецкое право въ Польшѣ къ XV вѣку совершенно утрачиваетъ свой иволеменный характеръ, становится въ существѣ дѣла такимъ же польскимъ правомъ (городовымъ), какъ и право „земское“ польской шляхты. Въ XVI вѣкѣ настойчиво проводилась въ правящихъ сферахъ мысль о замѣнѣ самаго наименованія „jus Theutonicum“ правомъ польскимъ городовымъ— „jus municipale Polonicum“, „jus civile“ и пр. (см. Dr. L. Dargun, o źródlach prawa miast polskich,—Rozprawy Krak. Akad. Umiejjetn. 1888, т. XXII, стр. 4—5).

разсматривалось, какъ одно изъ вполне пригодныхъ орудій, съ полнымъ успѣхомъ содѣйствовавшихъ колонизаціи русско-литовскихъ земель. Съ введеніемъ въ нихъ нѣмецкаго права шли въ оборотъ польскія компиляціи и сборники магдебургскаго права (Щербича, Гроницкаго, Яскера и др.), сразу узаконялась практика латинно-польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ магдебургій, открывалось вообще широкое поприще для дѣятельности въ литовско-русскихъ краяхъ новыхъ польскихъ администраторовъ.

Магдебургіи построились въ Литвѣ-Руси по общему шаблону польскихъ образцовъ, то-есть, съ выдѣленіемъ городовъ изъ общаго земскаго строя, съ представленіемъ городскимъ общинамъ независимой законодательной и судебно-административной власти и вообще *jus ducale* по повинностямъ, суду и управленію ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ всякаго реальнаго участія „мѣста“ въ жизни своей области и цѣлаго государства. Такіе status in statu монополизировали главные административные центры Литвы и литовской Руси, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ по преимуществу сосредоточивалась торгово-промышленная дѣятельность страны. Быть „мѣщанъ“ замковыхъ и жившихъ въ владѣльческихъ мѣстечкахъ, въ существѣ дѣла, также немногимъ отличался отъ быта мѣщанъ привилегированныхъ магдебургій: послѣднія старались заводить свои филиальныя колоніи вездѣ, гдѣ было „мѣщанство“, не только въ магдебургіяхъ, но и въ владѣльческихъ мѣстечкахъ и замковыхъ городахъ; всегда и вездѣ передовыми дѣятелями въ составѣ мѣщанъ являлись именно представители польской культуры. Затѣмъ и русское мѣщанство, удерживавшее за собой мѣстами самостоятельное положеніе, устраивало весь свой внутренній обиходъ не иначе, какъ по тѣмъ же образцамъ и приемамъ мѣщанства привилегированныхъ городовъ, усваивало и свыкалось съ сословными воззрѣніями, идеалами и порядками старшихъ магдебургій. Подобно послѣднимъ, въ русскомъ мѣщанствѣ „консервативный духъ, свойственный торговому классу, соединяется съ сословнымъ мѣщанскимъ духомъ, который не уступалъ шляхетству въ презрѣніи къ хлопству“ ²⁾.

¹⁾ Въ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ тоже самое *jus ducale* представлялось владѣльцамъ магдебургій.

²⁾ По справедливому замѣчанію изслѣдователей, такихъ „шляхетскимъ“ отношеніемъ мѣщанства къ сельскому населенію, какъ и тѣсными узлами его съ польскимъ правительствомъ, поддерживавшимъ въ своихъ фискальныхъ видахъ

Замѣтимъ, наконецъ, что весь строй магдебургій, обоснованный на полномъ отчужденіи ихъ отъ остальнаго земства и шедшій въ прямой разрѣзъ съ интересами русской народной жизни, могъ приводить и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно привелъ къ одному результату—разложенію и экономическому упадку городскихъ общинъ, подавленію въ нихъ всякой общественной самодѣятельности, развитію экономической эксплуатаціи городовъ польскими (позже и еврейскими) колоніями, заправлявшими всѣми городскими дѣлами, съ полнымъ иногда поправіемъ всего національно-русскаго и православнаго ¹⁾).

Подъ именемъ нѣмецкаго права, рецепировавшагося въ Польшѣ, а затѣмъ въ Литвѣ-Руси, разумѣлось не одно право городовое (Stadtrecht), но и сельское (Hofrecht), дѣйствовавшее въ сельскихъ общинахъ, которыя переносились, какъ говорилось въ актахъ, съ польскаго или русскаго на нѣмецкое право. Въ Польшѣ нѣмецкое право вводилось въ селахъ одновременно съ городами (съ XII вѣка) сначала для нѣмецкихъ колонистовъ, а затѣмъ стало распространяться и на туземное, сельское населеніе. Къ XV вѣку нѣмецкое право въ Польшѣ уже совершенно вытѣснило въ селахъ, какъ и въ городахъ, старое ихъ славянское устройство. Льготы, приобретавшіяся землевладѣльцами путемъ введенія въ ихъ „маетностяхъ“ сельскаго нѣмецкаго права, слагались, во первыхъ, изъ jus ducale, то-есть, суммы княжескихъ правъ на подати, повинности, регалии и права судебной и административной власти, и вторыхъ, распределенія земельныхъ угодій маетности на равномѣрные участки по нѣмецкой волочной системѣ, съ выдѣленіемъ „дворной“ пашни подъ фольварочную запашку самого землевладѣльца и съ надѣломъ крестьянъ въ „вѣчно“ владѣніе остальныхъ земельныхъ участковъ, не вошедшихъ въ составъ господской запашки. Съ такимъ правомъ владѣнія землей соединялась неразрывно и обязанность крестьянина „вѣчно“ сидѣть на ней и отправлять наслѣдственное тягло въ пользу землевладѣльца, съ

мѣщанскія привилегіи, объясняются враждебными отношеніями къ мѣщанамъ казачины, видѣвшей въ нихъ классъ, близкій къ ненавистному шляхетству и потому, въ пору казацкихъ возстаній, подвергшійся одинаковой съ нимъ участи (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868, ч. 139, стр. 804).

¹⁾ Всѣ эти результаты четырехвѣковой практики магдебургскаго права въ литовско-русскихъ городахъ правдаво намѣчены въ талантливомъ изслѣдованіи о нѣмецкомъ правѣ проф. М. Ф. Владимірскаго—Буданова.

предоставленіемъ крестьянину права выхода лишь подь условіемъ посаженія вмѣсто себя такого же тягльца ¹⁾).

Понятно, на сколько вся эта система измѣняла бытъ сельскаго жителя, его личныя, имущественныя права, какъ и отношенія его къ государству. Jus discale и волоочная система въ конечномъ результатѣ должны были привести и дѣйствительно привели къ выдѣленію сельскаго населенія изъ общаго земскаго строя въ обособленныя и независимыя отъ государственной власти „державы“ землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ экспроприаціей свободнаго крестьянскаго землевладѣнія и съ установленіемъ надъ зависящимъ сельскимъ населеніемъ владѣльческаго „вѣчнаго права“ ²⁾, въ строгихъ формахъ glebae adscriptio, вскорѣ превратившагося въ Польшѣ, а затѣмъ и въ Литвѣ-Руси. въ личное крѣпостничество всего зависимаго хлопства.

На изложенныхъ основаніяхъ рецепировались отдѣльные институты сельскаго нѣмецкаго права и въ литовскихъ областяхъ, въ особенности въ Подляхія, прилегавшей къ Польшѣ, съ подчиненіемъ этому праву польскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. а иногда и русскаго населенія ³⁾. Въ другихъ областяхъ русскихъ и литовскихъ.

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868 г. часть 139, стр. 535, 540—542.

²⁾ О „вѣчномъ правѣ“ землевладѣльцевъ на людей отчужденныхъ и другихъ зависимыхъ людей говорятъ литовскій статутъ 1588 года, Разд. XII, арт. 14: „Доходъ на збегі люди отчужденіе и шме вечному праву поддегаме такий маєт быти“...; арт. 16: „Кглы бы хто збega своего чловека вечнымъ правомъ себе належачою давностю непромолчаню потрафилъ где на дорозе“.

³⁾ Въ 1424 году Витовтъ даетъ грамоту радному пану Николаю Депенскому на городъ Соголь съ приписанными къ нему селами Кунятивъ и Роговъ въ Дорогичскомъ повѣтѣ, съ предоставленіемъ владѣльцу суда и наряда въ нихъ по шродскому праву и съ освобожденіемъ мѣщанъ и сельчанъ отъ всѣхъ господарскихъ податей и повинностей; нѣмецкимъ правомъ судятся одни колонисты, поляки и нѣмцы, судъ отправляется сельскими солтысами (въ городѣ войтомъ) и во второй инстанціи землевладѣльцемъ, подсуднымъ въ свою очередь одному великому князю (Бершадскій, 50). Затѣмъ, изъ одной грамоты 1489 года видно, что владѣльческое село Бациковичи въ той же Подляхія состояло на такомъ же положеніи по магдебургскому праву, послѣднему подчинялось, повидимому, все туземное населеніе (*ibid.*, 237). Кромѣ шродскаго и магдебургскаго права, въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ селахъ дѣйствовало, такъ называемое волоское право. Въ 1424 году великій князь Свидригайло далъ Драгосиновичу село Косово въ волости Снятинской: „А тое село первереченное имѣють намъ давати, поддугъ права Волоскою ты-го доходы“ (А. Ю. З. Р., I. № 15). Проф. М. Ф. Бударновъ-Владимірскій видитъ въ этомъ правѣ—право нѣмецкое: „какъ названіе „нѣмцы“ общее для всѣхъ германскихъ племенъ, прилагалось вѣрѣдко ко всѣмъ западнымъ“

по всему видно, нѣмецкое право, въ полномъ составѣ всѣхъ его институтовъ, практиковалось чуть-ли не исключительно въ „мѣщанскихъ“ селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ (господарскимъ и владѣльческимъ), а также въ селахъ, бывшихъ (до люблинской уни) во владѣніи отдѣльныхъ землевладѣльцевъ-мѣщанъ, подсудныхъ магдебургскому праву¹⁾.

народамъ, такъ и название „Влахи“, общее для всѣхъ германскихъ племенъ, прилагалось ко всему западу“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868 г., т. 139, стр. 485). Намъ кажется, что здѣсь рѣчь идетъ о ренциіи особаго права, по какому жили въ Галиціи (въ Саноцкомъ округѣ, въ горныхъ мѣстахъ, пограничныхъ съ Венгріей), такъ называемыя „волоскія осады“. Какъ полагаютъ, осады эти образовались въ западной Галиціи впервые въ половинѣ XIV вѣка изъ угорскихъ выходцевъ, получавшихъ право судиться своими старшинами (внѣзьями) по ихъ національному праву—*ius valachicum*. Позже мѣстными землевладѣльцамъ нередко предоставлялось заводить у себя сельскія поселенія на томъ же правѣ волоскомъ (см. Акта Grodz., VII, № 11, грамота 1377 года. О волоскихъ осадахъ см. A. hr. Stadnicki, „Owsiach tak zwanych Wołoskich na róbnocznym stoku Karpat“—1848. X. G. Lubomirski, Północno-wschodnie Wołoskie osady,—Warsz. Bibl. 1855). Вопросъ о національности и вообще происхожденіи волоховъ Галичины доселѣ не выясненъ въ наукѣ. Нельзя-ли считать угорско-галицкихъ волоховъ роднею „влаховъ“ и „владишей“ (*vlachi vel villani*), упоминающихся въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ? Въ земляхъ придунайскихъ славянъ (въ Старой Сербіи, Польшѣ и пр.) влахи, подобно арбанасамъ (албанцамъ), считались „тоугоземлянами“, людьми пришлыми, жившими между поселенцами въ качествѣ „пастуховъ“, „пастрей, къ назову кобиле“ и пр. (см. *Miklosich*, Monum. 60, 208, 353, 434 и пр.; Пуцѣн, Спомен., I, 91, 149; II, 159—Kukuljevič, Jura, I, 126. Ср. мое сочиненіе „Древн. Хорват.-далматск. зак.“, 73—74). И въ составѣ галицкихъ влаховъ еще въ XVI и XVII вѣкахъ, рядомъ съ влахами-родными, упоминаются въ актахъ влахи-пастухи, вовсе не владѣвшие рогами и дворниками, занимавшіеся скотоводствомъ. Изъ поборовыхъ универсаловъ видно, что такіе влахи, вмѣсто „*rodatku*“, взимавшагося съ волоскихъ дворянъ или ролей, облагались особымъ денежнымъ сборомъ—съ опредѣленнаго числа овецъ, коровъ и пр. (Vol. leg., II, p. 603, 664, 982 и пр.).

¹⁾ О мѣщанскомъ землевладѣніи и селахъ мѣщанъ встрѣчаемъ указанія въ источникахъ вплоть до уни люблинской. Дѣло въ томъ, что съ земскаго привилея 1457 года за мѣщанами въ Литвѣ-Руси признавались такіе же поземельныя права, какъ и за шляхтой (*Zbiog. pr. Lit.*, стр. 31, п. VII), магдебургіи и отдѣльныя мѣщане владѣли на общемъ земскомъ правѣ не только городскою землею, но и цѣлыми селами, съ землями пашными, боргами и пр. (*Бершадскій*, 29, 463; *Arch. Sang.*, I, № 69; III, 152, 163 и пр.). Такъ было до люблинской уни, когда магдебургіи вошли въ общій составъ господарскихъ или панскихъ экономій, къ этимъ же экономіямъ отошли и старыя мѣщанскія села и фольварки съ землями (*Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецкое право, 269 *Незабитовско*, Собраніе сочиненій, 345 и сл.).

Дѣло въ томъ, что и безъ формальной рецепціи сельскаго нѣмецкаго права достигались литовско-русскими землевладѣльцами всѣ тѣ права и льготы, какія польскими панамы-шляхтой приобрѣтались путемъ рецепціи нѣмецкаго права въ ихъ маестностяхъ и загородахъ.

Какъ извѣстно, первые же земскіе привилеи (1387, 1413 г.) предоставляютъ литовскимъ боярамъ, а затѣмъ и русскимъ (съ привилея 1432 г.), владѣть, пользоваться и распоряжаться своими замками, волостями, селами и вообще маестностями—вотчинами на одинаковыхъ правахъ съ шляхтой польской (*pari jure sicut barones regni Poloniae*)¹⁾, то-есть, хотя бы примѣрно въ объемъ того *jus ducale*, какое было признано Кошицкимъ привилеемъ 1374 г. за польскими землевладѣльцами въ отношеніи къ податямъ и повинностямъ населенія ихъ маестностей и пр.²⁾ И дѣйствительно, въ тѣхъ же земскихъ привилеяхъ литовско-русскихъ бояръ цѣлкомъ воспроизводятся положенія польскихъ шляхетскихъ привилеевъ и привилеевъ на нѣмецкое право о *jus ducale*, предоставлявшемся землевладѣльцамъ въ Польшѣ. Такимъ образомъ, земскій привилей 1434 г. великаго князя Сигизмунда Кейстутовича освобождаетъ населеніе шля-

¹⁾ Привилей Владислава-Ягеллы, 1387 г.: „*Quilibet armiger sive bojarin, fidem assumens catholicam, et ipsius haeredes ac successores legitimi, castra, districtus, villas atque domos, ac omnia quae ex successione paterna possidet, habendi, tenendi, possidendi, tendendi etc. habeat, et habeant liberam et omnimodam facultatem, ut juribus similibus utantur et fruantur, quibus et caeteri nobiles in terris aliis regni nostri Poloniae potiuntur, ne videantur, in juribus dispareres, quos eidem coronae subjectos fecit unum*“ (*Zbior pr. Lit.*, стр. 1). Городец. Привилей Влад.—Ягеллы к Витовта 1413 г.: „*Item barones et nobiles praedicti (литовскіе), bona (въ польскомъ текстѣ—maiestnosci) ipsorum paternaia pari jure obtineant sicut barones regni Poloniae*“ (*ibid.*, 12). Привилей Владислава-Ягеллы, 1432 г., объ уравненіи (соaequationis) русскихъ бояръ съ литовскими: „*confirmamus... quod barones et nobiles praedicti bona ipsorum paternaia pari jure obtineant sicut barones Regni Poloniae*“ (Варш. Унив. Изв., 1893, III, 23). Привилей Сигизмунда Кейстутовича, 1434 г.: „*Deinde, quod (praefati) principes (barones et nobiles) et boiari eorumque liberi legitimi omnia bona hae (reditaria et paterna pari jure obtineant sicut alibi in Christiana itate, praesertim in Regno Poloniae*“ (Берн., 72—73). Тѣ же положенія повторяются во всѣхъ послѣдующихъ земскихъ привилеяхъ.

²⁾ Vol. leg. I. стр. 56: „*Civitates, castra, possessiones, oppida et villas, incolas villarum totius Regni Poloniae inhabitantes, ipsorum Baronum et Nobilium omnium, absolvimus... ab omnibus et singulis collectis donationibus sive tributis, tam generalibus, quam specialibus, quocumque nomine conseantur, et ab omnibus servitijs, laboribus vexactionibus, angarijs, praeangarijs, in rebus et personis committendis, pure et simpliciter solutos et absolutos esse volumus, ac exemptos*“ etc.

хетскихъ имѣній отъ всѣхъ государскихъ податей и повинностей, кромѣ постройки замковъ и ратныхъ „путей“¹⁾. Привилей 1457 г. идетъ еще дальше: помимо санкціи *jus ducale* по податямъ, онъ признаетъ за шляхтой права судебно-административной власти надъ подданными и обязываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ господаря и шляхту не принимать въ свои имѣнія бѣглыхъ людей „непохожихъ, данныхъ и невольныхъ“²⁾. Въ послѣднемъ пунктѣ категорически высказывается признаніе упомянутаго выше института нѣмецкаго *Hofrecht*—„вѣчнаго права“ пановъ на подвластныхъ имъ людей.

Волочная система крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія точно также могла вводиться безъ формальной рецепціи нѣмецкаго права. Витовтъ призывалъ и „осаживалъ“ кметей въ Подляхія на волокахъ, уже существовавшихъ въ его время,—не видно, чтобы такая осада кметей непременно сопровождалась рецепціей нѣмецкаго права³⁾. Какъ видно затѣмъ изъ устава о волокахъ 1557 г., волочная система являлась въ это время господствующей въ Литвѣ въ государскихъ экономіяхъ⁴⁾. Въ теченіе XV—XVI в. та же самая система утверждается во всѣхъ крупныхъ маестностяхъ пановъ литовскихъ и русскихъ⁵⁾.

¹⁾ Берш. 73—74. О значеніи путей см. мои „Источн. лит. рус. права“, 28.

²⁾ АЗР. I № 61. *Zbidr pr. Lit.* 28. То же самое *jus ducale* предоставлялось землевладѣльцамъ путемъ отдѣльныхъ пожалованій. Въ 1500 г. вел. князь Александръ далъ Гендриху Шлягеру, своему слугѣ-мыщарю, имѣніе въ Биршанской волости, съ предоставленіемъ ему самому судить и рядить людей, безъ вышательства воеводы: „а ло него (Шлягера) до самого кому бы которое дѣло было, ино мы сами господарь маемъ его затымъ смотрѣти“ (Копія Лит. Метр. кн. XLI, стр. 253).

³⁾ АЗР. I, № 189. Въ грамотѣ Витовта, данной въ 1429 г. Станиславу Дядьку на войводство въ Дорогичинѣ, говорится о волокахъ, на какіе были уже въ то время раздѣлены городскія земли (Копія Лит. Мет., кн. 62, листъ 26). Магдебургское же право введено было въ Дорогичинѣ лишь въ 1498 г. (Balicki, *Staroż. Polska* III, 406). Самый привилей на Магдебургское право Дорогичину изъвлеченъ нами изъ Лит. Метрики, кн. XLV, стр. 145.

⁴⁾ АЗР. III, № 19.

⁵⁾ См. инвентари панскихъ имѣній въ Авт. Вил. Комм. Архивѣ Юго-Зап.-Россіи и пр. По наблюденію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова „сначала только ближайшія къ Польшѣ провинціи—Бельская и Подляхія усвоили себѣ волочное хозяйство. Собственно Литва едва ли могла долго противостоять вліянію польско-нѣмецкаго права... Русь настойчивѣе сохранила свой исконный способъ хозяйства и его послѣдствія, и чѣмъ далѣе на востокъ, въ украинѣ, тѣмъ упорнѣе; наконецъ, древняя община до конца отстояла свое существованіе въ казацкихъ степяхъ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868 г., ч. 189, стр. 544).

Въ Литвѣ вводится, такимъ образомъ, устройство крестьянскаго быта по польско-нѣмецкимъ образцамъ и порядкамъ, но, по всему видно, безъ повсемѣстной формальной рецепціи нѣмецкаго права, въ полномъ составѣ всѣхъ его институтовъ; какъ замѣчено выше, нѣмецкое сельское право дѣйствовало въ подляшскихъ селахъ, да въ селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ въ другихъ литовскихъ и русскихъ областяхъ. Сельскій хлопъ Литвы-Руси живетъ, судится и рядится не по нѣмецкому праву, а также и не по „земскому“ или „посполитому“ праву, составлявшему исключительную, сословную привиллегію одной шляхты: онъ знаетъ свое особое, сословное право—„*jus villanum*“, „право“ или „звычай купный“, „право простыхъ мужиковъ“ и пр. ¹⁾). Право это сложилось изъ обломковъ институтовъ права старой земской общины, осложненныхъ и видоизмѣненныхъ цѣлымъ рядомъ рецепированныхъ институтовъ польско-нѣмецкаго права.

Въ конечномъ итогѣ польско-нѣмецкое воздѣйствіе на сельскій бытъ Литвы-Руси сводится къ полному обособленію села, къ выдѣленію его изъ общаго земскаго и государственнаго строя. Литовско-русскій сельчанинъ знаетъ лишь свой убогій дымъ-дворіще да царившій надъ нимъ замокъ-дворъ пана, старосты или войта (въ имѣніяхъ господарскихъ и селахъ мѣщанскихъ). Въ панскомъ дворѣ сосредоточивается вся доступная для хлопа управа и судъ; сюда же онъ несетъ всѣ свои дани, серебщины, подымщины и всяческіе натуральные поборы,—въ панскомъ же дворѣ, фольваркѣ и на дворной пашнѣ отбываетъ онъ и всѣ свои повинности и службы. Виѣ маетности своего пана нѣтъ для хлопа ни правовой охраны, ни общественныхъ повинностей. Уряды, не только центральные, государственные, но и областные-повѣтовые, земскіе и гродскіе, для хлопа не существуютъ; все это принимаетъ строго-шляхетскій характеръ, функционируетъ для одной вельможной шляхты. Словомъ, вся земская жизнь становится жизнью строго-панскою, удѣломъ одного шляхетскаго „народа“; она недоступна для зависимаго хлопа-быдла, отгорожена отъ него непроницаемою стѣной.

Къ одинаковымъ съ рецепціей нѣмецкаго права результатамъ приводила также рецепція *католическо-киноническаго права*, получившаго полную силу въ Литвѣ вмѣстѣ съ введеніемъ въ ней католицизма. Еще при Миндовгѣ, вслѣдъ за первымъ учрежденіемъ литов-

¹⁾ Arch. Sang. I, № 115, Берш. 1157; Skarb. № 2237 и пр.

скаго епископата, признанъ былъ принципъ непосредственной зависимости и подчиненія католическаго духовенства въ Литвѣ папской власти ¹⁾. Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій Владислава-Ягеллы, послѣ принятія католицизма и польской короны, было изданіе въ 1387 г. (одновременно съ издавіемъ первой шляхетской хартіи) привилея на права и вольности католическаго духовенства въ Литовскомъ государствѣ, съ предоставленіемъ ему полного *jus fiscale* на дань, повинности, судъ и управление въ обширныхъ маестностяхъ и бенефиціяхъ, щедро жаловавшихся католическому духовенству ²⁾. Права эти, какъ и вообще всѣ „*libertates, immunitates, privilegii, exemptiones et consuetudines*“ католической церкви, строго гарантируются земскими привилеями, а также специальными привилеями капитуловъ и другихъ церковно-католическихъ учреждений ³⁾.

Католическое духовенство съ первыхъ же поръ перенесло съ собою изъ Польши въ Литву всю сумму иммунитетовъ, путемъ которыхъ польское духовенство цѣлыми вѣками раньше выступило изъ общаго государственнаго союза ⁴⁾,—иммунитетовъ, сразу поставившихъ духовенство въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, въ положеніе независимаго *status in statu*, съ его совершенно обособленнымъ, сословнымъ правомъ,—„*jus ecclesiae*“, „правомъ духовнымъ“, отличающимся отъ „*jus terrestre*“, „права земскаго“ или „свѣт-

¹⁾ Такова была папа Иннокентія IV, 1254 г., о непосредственномъ подчиненіи папѣ перваго литовскаго епископа Христіана съ его паслгой. Булла эта, въ 1386 г., была подтверждена папой Урбаномъ VI, съ тѣмъ, чтобы литовскій епископатъ отъ одного папы получалъ всѣ „*prawa i rozkazy*“ (Skarb. №№ 140 и 532).

²⁾ По привилею Ягеллы, 1387 г., имѣнія, данныя въ Литвѣ католическому духовенству, освобождаются отъ всякихъ господарскихъ службъ и повинностей (*angariis et pergangariis*)—подводъ, сторожи, путей, станцій, выправъ (военныхъ), податка, серебщенны, постройки замковъ и мостовъ,—затѣмъ отъ подчиненія суду и наряду господарскихъ урядниковъ, отъ „*execucij*“ дѣлкихъ, даванія дѣла (овса, жига и сѣна),—словомъ, отъ всякихъ повинностей,—„*sed ipse episcopus, in suae ecclesiae ditionibus, et ceteri sacerdotes in suis plenam et omnimodam habeant facultatem, aliis omnibus potestatibus ut praefertur saecularibus exculsis*“ (Skarb. № 540).

³⁾ См. Земскіе привилеи въ *Zbiór pr. Lit.*, стр. 12, 29, 58—59 и д. Грамоты Ягеллы, Витовта и другихъ господарей различными католическими учрежденіями.—Skarb. №№ 554, 658, 702, 915 и пр., Берш. 3, 16, 28 и пр.

⁴⁾ См. Разборъ проф. А. И. Павинскаго сочиненія „Нѣм. Право“ Владимірскаго Буданова, стр. 20.

скаго¹⁾, съ его вполне самостоятельной законодательной и судебно-административной властью.

Понятно, само собой, что духовенство католическое, съ его широкой системой иммунитетовъ, бенефицій и маестностей, являлось не меньше шляхты могучимъ, разлагающимъ элементомъ въ жизни литовско-русскихъ областей,—должно было въ высокой степени вліять на разрушеніе земскаго ихъ единства и на ихъ колонизацію. Вліяніе это сказывалось на практикѣ тѣмъ ощутительнѣе, что, живя совершенно обособленной жизнью, не подчиняясь никакой мірской власти и не неся лично и съ своихъ бенефицій никакой „тяготы“, въ смыслѣ государственныхъ повинностей, духовенство, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей (прелатовъ, епископовъ и др.), наравнѣ съ свѣтскими магнатами сразу стало принимать дѣятельное участіе во всѣхъ функціяхъ государственной власти, въ концѣ концовъ образовало изъ себя особый государственный „станъ“, во всемъ равноправный съ станомъ шляхетскимъ,—станъ, неутомимо и съ успѣхомъ ратовавшій на пользу не только своихъ ближайшихъ, конфессіонально-миссіонерскихъ тенденцій, но и тенденцій шляхетско-полонизаціонныхъ²⁾.

Духовенство устраивало свои обширныя бенефиціи и маестности по обычному въ Польшѣ и Литвѣ шаблону, т. е. по нѣмецко-польской системѣ волочнаго землевладѣнія и хозяйства, съ выдѣленіемъ панскихъ дворовъ и фольварковъ отъ хлопскихъ службъ, селъ и мѣстечекъ³⁾.

Что касается личнаго положенія самого духовенства, то понятно само собою, что лежавшая на немъ миссія дѣятельной пропаганды и

¹⁾ Берш., 35, 707, 837, 922 и пр. Въ Бѣльскомъ привилеѣ 1654 г. объ изданіи Лит. Статута категорически оговаривается изъятіе изъ его компетенціи дѣль, подлежащихъ праву магдебургскому и „праву духовныхъ костеловъ Божіихъ водлѣ стародавнаго обычая и наданья привилеесвъ господарскихъ“ (Времен. кн. 23,—Лит. Стат. 1586, стр. 9).

²⁾ Какъ извѣстно, земскіе привилеи (въ особенности 1387 и 1413 г.), положившіе прочныя основы колонизаціи русско-литовской шляхты, а съ ней и всего государственно-административнаго строя Литвы-Руси, вызваны были не столько шляхетскими тенденціями самаго боярства, сколько миссіонерскими цѣлями католичества, стремившагося путемъ предоставленія литовскому боярству шляхетскихъ „libertates et jura“ побудить его къ принятію католицизма, въ каковыхъ именно видахъ усвоеніе „вольностей“ и обусловливалось принятіемъ католицизма (См. мон „Источники рус.-лит. права“, 23, 26).

³⁾ См. инвентари въ АВК., XVI, № 10, 30, 31 и др.

распространенія католицизма, а съ нимъ и подонизаціи литовско-русскаго населенія, требовала не обособленія духовенства въ особыя, территориальныя „загроды“, а напротивъ—возможно близкаго единенія не только съ шляхетскимъ замкомъ-дворомъ, но и съ мѣщанскою магдебургіей и сельскимъ дымомъ-дворищемъ. Католическій „ојсієс“ являлся желаннымъ сосѣдомъ въ дворѣ всякаго, мало мальски зажиточнаго пана-шляхтича,—сосѣдомъ, зорко и ревниво слѣдившимъ за каждымъ шагомъ пана въ семейной и общественной жизни. Тотъ же ревнитель католическаго правовѣрія, этики и политики нисколько не брезгалъ жизнью „дворъ обо дворъ“ и съ мѣщаниномъ въ привилегированной магдебургіи и владѣльческомъ мѣстечкѣ, и съ сельскимъ хлопомъ.

Тутъ же, въ мѣстечкѣ и селѣ, жилъ и „русскій попъ“ съ „поповичами“; но была глубокая разница въ положеніи попа и католическаго „ојса“. Попъ числился заурядъ съ тяглыми и данными людьми, былъ въ своемъ селѣ и мѣстечкѣ такимъ же, въ существѣ дѣла, зависимымъ хлопомъ-тяглецомъ, какъ и всякій владѣльческій „поданный“¹⁾. Неизмѣримо выше стоялъ клирикъ католическій: „князь“ (ksiąź) въ своемъ селѣ и мѣстѣ, онъ являлся здѣсь въ авторитетной роли такого же вельможнаго пана, какъ и самъ землевладѣлецъ—помѣщикъ.

Самымъ могучимъ факторомъ разложенія земскаго единства русско-литовскихъ областей нужно считать рецепцію *рыцарскаго* или *земскаго права*²⁾ (jus militare, jus terrestre, prawo rycierskie, ziemskie, pospolite

¹⁾ Русскіе поны и поповичи обозначаются вездѣ въ инвентаряхъ заурядъ съ поданными, отправляють вѣстѣ съ ними повинности и пр. (См. АВК., XIV, стр. 35, 49, 50, 53, 65, 69, 70 и пр.).

²⁾ Jus militare или consuetudo militaris Вислицкаго статута въ западно-русской редакціи переводится выраженіемъ „право рыцарское“ (см. Vol. leg. I, стр. 2; А. З. Р. I, № 2, стр. 3. Ср. Rzyzyczewski, kodex. I, № 86 и пр.). Право „земское“ или „посполитое“, о которомъ говорятъ русско-литовскіе акты съ XV вѣка (о зем. правѣ см. *Бершадскій*, 238, 601, 713, 848, 994, 1025, 1079, 1282, 1282 и пр.; о посполитомъ правѣ см. Arch. Sang. I, № 76, IV, 97; А. З. Р. III, № 11, арт. 1), представляетъ собой буквально польское jus terreste или prawo ziemskie. Въ актахъ литовскихъ, какъ и польскихъ, земское право шляхты иногда называется также „правомъ рыцарскимъ“. Напримѣръ, въ одномъ вырокѣ 1520 года, говорится о пенѣ „по обычаю въ правѣ рыцарскомъ“ за безчестіе, наносимое шляхтичу (*Бершадскій*, 1322). Что право земское считалось именно шляхетскимъ, видно изъ другаго вырока того же года, гласящаго о томъ, что на основаніи листовъ прежнихъ государей путные слуги Путцовцы свободны отъ повинностей людей тяглыхъ,—„мають вживати права земскаго“, то-есть,

польской шляхты. Право это нельзя считать самороднымъ продуктомъ польскаго „генія“. Корни его нужно искать на почвѣ той же нѣмецкой культуры, какъ и корни сословнаго права польскихъ городовъ и селъ. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что еще въ пору былой зависимости польскихъ князей отъ нѣмецкихъ императоровъ польскiе „*barones etobiles*“ близко знакомились съ „вольностями“ нѣмецкаго рыцарства, переносили на родную, славянскую почву основные институты средневѣковаго рыцарскаго права, по его образцамъ копировали свое право шляхетское, земское, доведенное позже, въ XIV и XV вѣкахъ, до крайнихъ его результатовъ и проявленiй, какихъ оно на первоначальной, нѣмецкой родинѣ никогда не достигало.

Воздѣйствiе этого-то земскаго права польской шляхты на бытъ боярства литовскаго, а затѣмъ и русскаго, начинаетъ сказываться съ первой же уни Литвы съ Польшей при Владиславѣ-Ягеллѣ, въ формѣ земскихъ и областныхъ привилеевъ—шляхетскихъ хартiй, дававшихся во все послѣдующее время литовскому и русскому боярству на „*libertates et iuga*“ шляхты польской ¹⁾).

„Уравнение“ съ польскою шляхтою литовско-русскаго боярства, бывшее дѣломъ земскихъ и областныхъ привилеевъ и иногда выражавшееся въ актахъ въ „рѣзко обозначенномъ тождествѣ поляка съ паномъ, крестьянина съ русскимъ, русиномъ“ ²⁾, по своимъ политическимъ тенденцiямъ, ничѣмъ не отличалось отъ уравненiя ибщанъ путемъ пожалованiя нѣмецкаго городского права. Привилеи земскiе и областныя, въ существѣ дѣла, преслѣдовали тѣ же колонизацiонныя цѣли, что и привилеи на магдебургское право, подготовку почвы для реальной уни и, по возможности, полной инкорпорацiи Литвы съ Польшей, путемъ образованiя въ средѣ правящаго класса литовско-русскаго боярства особаго „стана“ католической шляхты—„послушнаго и ревностнаго проводника миссiонерскихъ и политическихъ тенденцiй католической Речи Посполитой“ ³⁾. Если привилеи на магде-

---

иначе говоря, пользуются „вольностями“ шляхты (*Бершадскiй*, 1834). Отсюда же и названiе шляхетскихъ привилеевъ „земскими“, или „посполитыми“ (*O privileg. terrestris* см. *Zbiór pr. Lit.* 28; о привил. посполит. см. *Археографическiй Сборникъ* I, 12).

¹⁾ См. моя „Источники русско-литовскаго права“, 23 и слѣд.

²⁾ Такое тождество проф. С. А. Бершадскiй не безъ основанiя видитъ, на примѣръ, въ привилеѣ великаго князя Александра землянамъ Бѣльскимъ (Подляхiя) начала XVI вѣка. (См. *Литовскiе евреи*, 306).

³⁾ См. моя „Источники русско-литовскаго права“, 26.

бургское право являлись актами рецепціи основныхъ началъ колонизаціи въ быту литовско-русскихъ городовъ, то земскіе и областные привилеи играли роль такихъ же актовъ въ быту литовскаго, а затѣмъ и русскаго боярства и земянства, съ подвластными имъ сельскими хлопствомъ.

Разъ данное движеніе не могло остановиться на крохахъ шляхетской „вольности“ первыхъ земскихъ привилеевъ. Спустя вѣкъ послѣ первоначальнаго „уравненія“ боярства съ шляхтой польской по Ягелловскому привилею, литовско-русское магнатство (паны-рада) уже завоевываетъ для себя вполне легальное положеніе господствующаго „стана“ въ государствѣ, съ весьма существеннымъ ограниченіемъ власти господарской, а чрезъ полвѣка послѣдовавшей затѣмъ политической нивелировки всего состава рядовой шляхты, въ руки шляхетскаго „народа“ переходятъ, наконецъ, всѣ функціи государственной власти ¹⁾. Не сдерживаемая мало сознанию національной идеей и столь же мало развитымъ инстинктомъ служенія „народному“ благу и нуждамъ, господствующая шляхта обратитъ все и вся въ государствѣ на пользу лишь своего шляхетскаго „стана“—всѣ государственныя и земскія учрежденія превратитъ въ шляхетско-сословныя, сдѣлаетъ ихъ своими ближайшими, послушными органами, заставитъ ихъ служить нуждамъ и потребностямъ одного шляхетскаго „народа“.

Понятно, наконецъ, само собой, что при такомъ положеніи вещей, шляхта совершенно выйдетъ изъ былаго земскаго единства, рѣзко обособится и отъ городского мѣщанства, и сельскаго хлопства. По

¹⁾ О политическихъ прерогативахъ магнатства Литвы по земскому привилею 1492 года см. моя „Источники литовско-русскаго права“, 31 и слѣд. О политической нивелировкѣ шляхты и о результатахъ ея въ половинѣ XVI вѣка, см. С. А. Бершадскаго „Литовскіе евреи“, 309—313. Съ земскаго привилея 1492 года (*Zbiąg, 5'*) шляхта окончательно обособляется въ сферѣ суда и наряда. Судъ господаря съ радой—по преимуществу судъ шляхетскій (см. областные привилеи начала XVI вѣка.—Полоцкій, Волынскій, Кіевскій и пр., А. З. Р. Ц, № 30, 51, 70; А. Ю.-З. Р. I, № 36). Съ половины XVI вѣка сословнымъ, шляхетскимъ правосудіемъ является „вольный“ сеймъ Речи Посполитой (позже трибуналъ), а въ областяхъ „земскіе уряды“, организованные по образцу польскихъ шляхетскихъ судовъ въ областяхъ. Административное обособленіе шляхты было деломъ не однихъ земскихъ и областныхъ привилеевъ, но и частныхъ пожалованій отдѣльнымъ лицамъ. Напримѣръ, въ 1500 году, Гендрихъ Шлягеръ, при данныхъ имѣніяхъ, съ правомъ судить и радить крестьянъ безъ вмѣшательства воеводы, былъ подчиненъ непосредственному суду господаря: „а до него до самого кому бы которое дѣло было, ино мы сами господарь маемъ его зъ тымъ смотрѣти“. (Варш. копія Лит. Метр., кн. 41, стр. 253).

примѣру польской шляхты, литовско-русское боярство не останется въ мѣщанской магдебургіи, не подчинится „мѣстскому“ уряду (подъ этимъ условіемъ только и можно было жить въ городѣ); оно выселится изъ „мѣста“, но не присосѣдится къ сельскому хлопству. Литовскій и русскій панъ-магнатъ (воевода и пр.) и простой землянинъ скопируютъ для себя, въ своихъ „державахъ-маестностяхъ“, такіе же обособленные замки-дворы, въ какихъ цѣлые вѣка уже живетъ шляхта польская, подобно старому нѣмецкому рыцарству, давно обособившаяся въ своихъ шляхетскихъ замкахъ и *zagrodach* ¹⁾. Отсюда вельможный панъ будетъ не только орудовать всѣмъ хлопствомъ своей маестности, но и властно вліять на дѣла государства. Эти то дворы съ ихъ маестностями, волостями, тивунствами и „повѣтами“ ²⁾ съ теченіемъ времени сдѣлаются основными базисами всего административнаго состава шляхетской Речи Посполитой.

Все это эволюціонное движеніе, совершавшееся въ жизни литовско-русскихъ областей, не сразу и не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ поразило бывшее ихъ единство, выражавшееся въ двухъ основныхъ институтахъ древне-русской жизни—вѣчахъ и удѣльныхъ князьяхъ. Разложеніе земскаго единства областей литовскаго государства было конечнымъ результатомъ отиѣны стараго удѣльно-вѣчеваго ихъ строя, вмѣстѣ съ организаціей всего областнаго управления по началамъ польскаго административнаго права.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что древне-русскія вѣча, на какія сходились въ своемъ центральномъ городѣ земскіе люди, „мужи“, продолжали существовать въ западно-русскихъ земляхъ и послѣ присоединенія ихъ къ литовскому государству ³⁾. Указанія на западно-

¹⁾ Выселеніе шляхты изъ городовъ признавалось самымъ закономъ, позволявшимъ боярамъ имѣть въ городѣ только дворы для приѣзда, съ ограниченнымъ числомъ людей, напримѣръ, по одному дворнику и огороднику. (См. А. З. Р. II, 61). О выходѣ шляхты изъ магдебургіи, см. *Владимірскаго-Буданова* „Нѣм. право“, *Журналъ Министертства Народнаго Просвѣщенія*, т. 139, стр. 767.

²⁾ Въ Литовской метрицѣ мы нашли въ двухъ актахъ конца XV и начала XVI вѣковъ упоминаніе о „новѣтахъ“ дворовъ. Въ грамотѣ 1494 года говорится, между прочимъ, о повѣтѣ Мартиновскаго двора въ Смоленской землѣ (Лит. мет. VI, 35). Въ 1506 году король Александръ далъ пану Якубу Кунцевичу „земли наши двѣ пустыхъ у повѣтѣ двора Высокаго“. (Ibid. XXVI, 204). Здѣсь еще говорится о дворахъ „господарскихъ“; но пройдетъ три—четыре десятка лѣтъ, и тѣ же дворы съ повѣтами сдѣлаются державами и маестностями шляхты.

³⁾ Источники не даютъ точныхъ указаній на существованіе вѣчъ въ собственной Литвѣ до и послѣ присоединенія къ ней русскихъ земель. Сколько намъ

русскія вѣча встрѣчаемъ еще въ актахъ второй половины XV и даже начала XVI вѣка, когда въ особенности шляхетное магнатство стало „державствовать“ въ государствѣ и въ отдѣльныхъ областяхъ.

Такимъ образомъ, въ привилеѣ Полоцкой земли, 1456 года, категорически предписывается полочанамъ по общимъ земскимъ дѣламъ „всѣмъ згодою, посполу симаться“ на „соймѣ“ всего земскаго населенія—боярь, дворянъ городскихъ, мѣщанъ, черни или черныхъ людей, вообще всего „поспольства“ ¹⁾). Сношенія съ сосѣдней Ригой, посылка и пріемъ пословъ, составленіе грамотъ и пр. ведутся, по строгому земскому обычаю, отъ имени полоцкихъ боярь, мѣщанъ и всего посольства ²⁾). Еще въ концѣ XV вѣка полоцкіе дворяне и мѣщане съ волостными людьми нерѣдко сообща дѣйствуютъ въ качествѣ земскихъ людей, напримѣръ, ходатайствуютъ (въ 1497 году) объ общеволокныхъ дѣлахъ ³⁾). Лишь послѣ введенія въ Полоцкѣ магдебургскаго права (въ 1498 г.) ⁴⁾ окончательно обрываются былыя связи полочанъ съ цѣлою землею; въ послѣдней скорѣ (въ 1500 г.) вводятся воеводы, а затѣмъ и другія областныя учрежденія по польскимъ образцамъ—старые земскіе порядки управления смѣняются шляхетскими.

Слѣды стараго земскаго единства не совсѣмъ исчезаютъ также въ земляхъ Смоленской и Витебской: привилеи этихъ земель, изданныя въ началѣ XVI вѣка, вызваны были общимъ земскимъ челобитьемъ, не только мѣстныхъ князей и боярь, но и мѣщанъ, черныхъ людей и вообще „всего посольства“ или „всей земли“ ⁵⁾). Подобныя челобитья, сами по себѣ предполагающія для своей формулировки общіе

извѣстно, указаніе на литовское вѣче встрѣчается всего въ одномъ актѣ половины XIII вѣкѣ, именно въ договорѣ пруссовъ съ нѣмецкимъ орденомъ въ 1249 году. Спрошенныя орденомъ, какиимъ правомъ желаютъ они судиться, пруссы, *посоветовавшись между собой* („пагадзіваху сіє“), просили предоставить имъ судиться по сосѣднимъ польскимъ уставамъ. И самый актъ 1249 года составленъ по „ряду“ съ пруссами, очевидно, на общей сходкѣ (Skarb. № 111). Вообще же говоря, литовцы, жившіе до половины XIII вѣка мелкими волостями безъ всякихъ земскихъ связей (см. *Антановичъ*, Моногр. I, стр. 9—16), едва ли могли выработать у себя вѣчевой строй въ такихъ формахъ, въ какихъ онъ астаріи существовалъ въ русскихъ земляхъ.

¹⁾ А. З. Р. I, № 60.

²⁾ Русск.-лит. Ак., № 154, 249, 263 и др.

³⁾ А. З. Р. I, № 147.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 159.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 204, 213.

„соймы“ земскихъ людей, во всякомъ случаѣ указываютъ на не совсѣмъ утратившееся сознание о земскомъ единствѣ различныхъ классовъ населенія, составлявшихъ изъ себя одну землю или посполство.

Признаки стараго земскаго единства западно-русскихъ земель и волостей можно прослѣдить также въ актахъ статутаго времени. Такимъ образомъ, уставная грамота 1540 года категорически говоритъ объ общей и именно „вѣчевой“ функціи Свислоцкихъ мѣщанъ и волощанъ. Они сообща, по ихъ „старинѣ“, размѣтываютъ между собой господарскія дани: „тогда ни вриадникъ и никто къ нимъ не маеть вѣзжати, одно сами мужи и закидываютъ“, то-есть, самостоятельно раскладываютъ дань между всѣмъ населеніемъ мѣста и волости ¹⁾, порядокъ, вполнѣ напоминающій вѣчевые „разрубы“ и „розметы“, напримѣръ, хотъ стараго Новгорода.

Вообще можно безошибочно сказать, что бывшее земское единство раньше и глубже разлагается, главнымъ образомъ, въ областяхъ, по своему географическому положенію подвергшихся непосредственной сплошной колонизаціи; чѣмъ далѣе затѣмъ на востокъ, къ Украинѣ, тѣмъ продолжительнѣе и упорнѣе держатся исконные земскіе порядки. Присяга вѣрности королю Владиславу-Ягеллѣ и коронѣ польской, данная въ 1388 году Новгородъ-Сѣверскою землей, была актомъ не одной рады мѣстнаго князя Кобыту, но и землянъ, городовъ и всего „посполства“, являлась, слѣдовательно, результатомъ вѣчевой функціи всего земскаго населенія ²⁾. Въ южно-русскихъ окраинахъ и послѣ Люблинской уніи боярщина не совсѣмъ утратила старыя земскія связи съ городомъ и волостью: еще въ 1571 году Бѣло-Церковскіе бояре сообща съ мѣщанами отправляли земскія повинности ³⁾.

Западно-русское крестьянство, больше другихъ классовъ оставшееся вѣрнымъ основнымъ началамъ старой земской общины, удерживало въ своемъ быту въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени и всѣ вѣчевые порядки. Такимъ образомъ, и послѣ выдѣленія изъ земства городскихъ магдебургій и боярства-шляхты,

¹⁾ Ibid. II, № 208.

²⁾ Въ присяжномъ листѣ 1388 года мѣстные князья (до 6-ти), „послушные“ сѣверскому князю Кобыту, бояре (до 20-ти)—рада этого князя, со всѣмъ „посполствомъ“ и „земьянами“—„со всеми своими землями и городами, в бояры и съ людьми, вѣрность правая и нерушная слюбилы“ etc. (Arch. Sang, I, стр. 8—9).

³⁾ А. Ю.-З. Р. I, № 60. Въ Бѣлой Церкви магдебургское право было введено въ 1620 году (Baliński, Staroż. Polska, II, 571). Лишь съ этого времени порываются земскія связи мѣщанъ съ боярствомъ и волостными людьми.

старыя земскія вѣча не вовсе исчезаютъ; въ видѣ переживанія они удерживаются въ сельской общинѣ, становятся сословными, крестьянскими. „Веча“, „вечья“ и „копы“, упоминающіяся въ актахъ XVI и XVII вѣка „въ значеніи волостныхъ, крестьянскихъ сходо́въ, подъ гнетомъ „вѣчнаго права“ пановъ-землевладѣльцевъ, не могли однако рассчитывать на долговѣчное, нормальное развитіе,—могли держаться еще нѣсколько времени только въ силу привычки: защищать ихъ законность и права было уже некому“¹⁾.

Кстати замѣтимъ здѣсь любопытное указаніе въ актахъ, собранныхъ С. А. Бершадскимъ (стр. 124, 152, 153, 156), на „вѣчниковъ“ въ Смоленской землѣ. Въ „записной книгѣ“ Казимира говорится, между прочимъ, о даннѣхъ разнымъ лицамъ дворовъ и сель вѣчниковъ. Что такое вѣчники? Г. Любавскій (стр. 785) считаетъ ихъ „либо бортниками, либо крестьянами — мастерами, приготовлявшими посуду для меда“, и ссылается при этомъ на привилей Кіевскимъ мѣщанамъ 1494 года, гдѣ говорится о платившемся воеводамъ медовомъ сборѣ: „съ посуды съ *вѣка* съ полугрошку, а отъ колоды меду грошъ, а за носатку меду два гроша“²⁾ Въ Малороссіи по сей день „вѣко“ или „очко“ означаетъ отверстіе „посудины“—уля, какимъ влетаютъ въ него пчелы. Объясненіе вѣчниковъ въ смыслѣ бортниковъ намъ кажется слишкомъ искусственнымъ. Почему не принять значеніе вѣчника въ буквальномъ смыслѣ члена вѣча, подобно „копнику“ южной Руси, означавшему то же, что и вѣчникъ сѣверно-русскій? Вѣдь при Казимирѣ въ Смоленской и другихъ кривичскихъ земляхъ старый вѣчевой бытъ общинъ еще держался въ полной силѣ: подъ вѣчниками и могли разумѣться свободные крестьяне—общинники, жившіе на волостныхъ земляхъ и собиравшіеся на „вѣчахъ“, напримѣръ, для „слѣдогона“ или „опыта“ по татевнымъ дѣламъ и проч.³⁾ Такіе вѣчники, постунавшіе съ ихъ землями въ данину, не

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. 139, стр. 758. О вѣчахъ и вѣчьяхъ, въ смыслѣ сельскихъ копъ, крестьянскихъ сходо́въ, см. напримѣръ, Arch. Sangusz. IV, 139. О крестьянскихъ копахъ и копныхъ судахъ, кромѣ старыхъ изслѣдованій Иваницева, Леонтовича, Антоновича, Новицкаго и другихъ, см. новѣйшіе труды И. Спринкса, въ „Трудахъ Виленскаго Отдѣленія Московскаго предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда“ 1893 г. и въ предисловіи къ „Актамъ“ археографической Виленской Комиссіи; въ особенности же обстоятельный этюдъ г-жи А. Ефименко „О народныхъ судахъ въ юго-западной Русіи“, — Русская Мысль за 1893 г. сентябрь—октябрь.

²⁾ Asp. I, № 120.

³⁾ Arch. Sang. IV, № 139.

переставали считаться свободными членами своего вѣчеваго округа. Предметомъ данины служили не сами вѣчники, но лишь право на ихъ службу, отправлявшуюся ими въ пользу господаря и переходившую по данинѣ къ землевладѣльцамъ.

На совершенно иной почвѣ, подъ воздѣйствіемъ иныхъ началъ, чуждыхъ древне-русскому быту, возникаютъ мѣстные шляхетскіе „соймы“ (сѣвады, сборы; съемы), позднѣйшіе повѣтовые сѣйки, скопированные съ польскихъ образцовъ. Подобно старымъ вѣчамъ, соймы также „объединяютъ“, но только не все земское население, а лишь одно мѣстное шляхетство. Первые опыты такихъ соймовъ встрѣчаются еще въ пору уніи Литвы-Руси съ Польшей при Владиславѣ Ягеллѣ. Въ 1388 году присяга вѣрности и „послушанія“ королю и коронѣ Польской дается всѣмъ составомъ шляхты Новгородской земли (Литовской, въ Черной Руси) — князьями, панами, „всѣмъ посполствамъ“ бояръ и земинъ, очевидно, на общемъ шляхетскомъ соймѣ¹⁾. Интересно сопоставить одновременные и однородные акты, касавшіеся двухъ различныхъ областей Литовскаго государства—Новгородской земли сѣверской и Новгородской земли литовской. Въ Сѣверщанѣ (см. выше) присяга послушанія была актомъ вѣчевой функціи всего земства, не однихъ землянъ, но и городовъ и всѣхъ „людей“, всего „посполства“; въ Черной Руси, напротивъ, функционируютъ на соймѣ лишь одна пана съ землянами. Сѣвершино-восточная окраина государства—остается въ этомъ случаѣ вполне вѣрною древнерусскому вѣчевому строю,—еще не знаетъ того непосредственнаго „воздѣйствія“ польскихъ шляхетскихъ порядковъ, какое уже въ пору первой польско-литовской уніи стало обнаруживаться въ западныхъ окраинахъ Литовскаго государства, гдѣ рано началась колонизація края, „уравненіе“ мѣстнаго землянства съ польскою шляхтой, прививка польскихъ административныхъ учреждений и проч. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, то обстоятельство, что въ пору составления присяжнаго листа Новгородской шляхтой отъ имени всей земли, Новгородъ—литовскій числился еще въ составѣ послѣдней,—магдебургское право было въ немъ введено лишь въ 1511 году²⁾. Между тѣмъ, не видно, чтобы Новгородчане принимали какое либо непосредственное участіе въ составленіи акта присяги королю и коронѣ польской. Очевидно, разложеніе земскаго единства русско-литовскихъ об-

¹⁾ Arch. Sangusz. I, № 9.

²⁾ Asp. II, № 71. Ср. *Bakiński*, *Staróz. Polska*, IV, 501.

ластей могло имѣть мѣсто и безъ прямаго воздѣйствія со стороны городского магдебургскаго права.

Практика областныхъ соймовъ шляхты развивается въ особенности съ половины XV столѣтія, въ формѣ не только большихъ сѣздовъ всей шляхты данной земли ¹⁾, но и нерѣдко „съемовъ“ незначительнаго числа сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которыхъ непосредственно касалось дѣло, требовавшее созыва съема ²⁾. Въ областныхъ соймахъ шляхты изрѣдка участвуютъ и мѣщане; но участие ихъ нисколько не можетъ служить основаніемъ считать такіе соймы не шляхетскими, а общеземскими учрежденіями. Дѣло въ томъ, что мѣщане участвовали въ шляхетскихъ соймахъ въ качествѣ собственно не мѣщанъ, но такихъ же точно землевладѣльцевъ, какъ и земляне, именно въ силу признаннаго за мѣщанами (съ земскаго привилея 1458 года, — см. выше) права владѣнія земскими имѣніями на одинаковомъ основаніи съ шляхтой. Мѣщане призывались, поэтому, на областные соймы шляхты, главнымъ образомъ, лишь въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь шла, напримѣръ, о похожихъ людяхъ или другихъ дѣлахъ по земскимъ имѣніямъ ³⁾.

Соймами назывались вообще всякіе сѣзды мѣстной шляхты по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Со временъ Сигизмунда I-го начинаютъ входить въ практику и копироваться по польскимъ образцамъ шляхетскіе сѣзды по повѣтамъ, между прочимъ, для выбора землянъ, отряжавшихся на общіе (вальные) сеймы литовскихъ пановъ — рады. Сколько извѣстно изъ актовъ, впервые такіе съемы были созваны въ повѣтахъ въ 1511 году, для избранія представителей землянъ (по два отъ повѣта) на предстоявшій въ Вильнѣ общій сеймъ, съ цѣлью обсужденія вопроса о способахъ отбыванія военной службы ⁴⁾. Подъ 1522 годомъ упоминается другой „вальный“ сеймъ, состоявшій

¹⁾ Arch. Sang. III, 44, 84, 319, 320 и проч. Акты Ю. З. Россіи II, № 114. Zródła dz. VI, стр. LXI и сл. Памят. IV, отд. 2, стр. 62-

²⁾ Такъ, въ 1474 г. Луцкій староста Ходкевичъ, по требованію господара, созвалъ въ Луцкѣ на „съемъ“ 13 пановъ и землянъ, владѣвшихъ имѣніями подъ господарской дубравой Свинойской, для объявленія имъ распоряженія господара — не вѣзжать въ дуброву, не пустошить въ ней лововъ и проч. (Бернад., 246).

³⁾ Такимъ образомъ, на общемъ сѣздѣ шляхты Полоцкой и Витебской въ 1551 г., трактовавшей о похожихъ людяхъ земскихъ имѣній шляхты, участвовали поимъ и мѣщане тоже въ качествѣ землевладѣльцевъ (Памят. I, отд. 2, стр. 9).

⁴⁾ Берщадскій, 890.

тоже изъ пановъ радныхъ и землянь ¹⁾). Съ 1544 года земляне уже постоянно призываются на общіе сеймы Литвы, пока, наконецъ, конституціей 1565 г. окончательно не узаконяются повѣтовые сеймики и участіе „земскихъ пословъ“ (представителей повѣтовой шляхты) въ общихъ сеймахъ ²⁾). Начала этой-то конституціи закрѣпляются въ Литовскомъ Статутѣ 1566 и 1588 г. ³⁾, входятъ въ составъ основныхъ законовъ государства, безповоротнo рѣшившихъ вопросъ о переходѣ къ шляхетскому „народу“ всѣхъ функцій государственной власти.

Разложеніе земскаго единства литовско-русскихъ областей стоитъ, затѣмъ, въ связи съ удѣльной системой, существовавшей во всѣхъ областяхъ Литовскаго государства. Вслѣдъ за первыми опытами уніи Литвы-Руси съ Польшей начался медленный процессъ внутренняго объединенія Литовскаго государства. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка удѣльная система падаетъ въ главныхъ центрахъ собственно литовскихъ областей, а также въ сосѣднихъ кривицкихъ земляхъ Полоцкой, Витебской, Минской и Черной Руси ⁴⁾. Въ остальныхъ областяхъ Литовскаго государства центральные удѣлы держались до 40—80 годовъ XV столѣтія ⁵⁾. Что касается, затѣмъ, второстепенныхъ удѣльныхъ волостей и княженій Литовскаго государства, то инкорпораціи съ великокняжескими владѣніями подверглись (съ конца XIV вѣка) сравнительно немногія княжескія волости, главнымъ образомъ, въ сѣверной половинѣ государства; большинство старыхъ удѣльныхъ княженій осталось до позднѣйшаго времени на положеніи родовыхъ княжескихъ вотчинъ, постепенно вошедшихъ въ общій составъ земскихъ имѣній. Какъ замѣчено нами въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾, литовскіе великіе князья подчиняли удѣльныя владѣнія своей не-

¹⁾ Ibid, 1356.

²⁾ Азр. III, № 39, и предисловіе къ статуту 1566 г.—Времен. 23, стр. 11—13.

³⁾ Лит. Стат. 1566, III, 5; Стат. 1588, III, 6—9. Ср. *Бершадскаю*, „Литов. еврей“, стр. 309—313.

⁴⁾ Удѣльная самостоятельность Полоцкой земли прекращается около 1392 г., Витебской въ 1396 г., Минской въ 1408 г. Гродненской и Слонимской въ 1392 и Новгородской въ 1431 г. Данныя касательно литовско-русской удѣльной системы изложены детально въ моихъ „Очеркахъ исторіи Литовско-русскаго права“.

⁵⁾ Въ 1442 г. присоединены къ великокняжескому удѣлу владѣнія бывшихъ Смоленскихъ князей; въ 1445 г. падаетъ удѣльная независимость Подлякіи, въ 1451 г. Волини и Подоля, въ 1470 г. Киевщины и въ 80-хъ годахъ того же вѣка Брянской земли.

⁶⁾ См. „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовскаго государства“, стр. 31 и слѣд.

посредственной власти, главнымъ образомъ, по праву выморочности, прѣ прекращеніи рода удѣльныхъ князей ¹⁾, или же удаляя ихъ изъ удѣловъ лишь при явномъ стремленіи къ отдѣленію отъ государства, когда сама земля или удѣльный князь „не всхоте покоры учинити“, „послушнымъ быти“ и пр. ²⁾. Инкорпорация Волини (послѣ Свидригайла) и цѣлаго ряда меньшихъ удѣльныхъ владѣній ³⁾ имѣла мѣсто также на основаніи записей мѣстныхъ князей, добровольно передававшихъ свои удѣлы литовскимъ господарямъ. Бывшіе удѣлы присоединялись къ великокняжескимъ владѣніямъ или же, путемъ господарской данины, переходили къ литовскимъ панамъ на положеніи староствъ, а то и прямо наследственныхъ вотчинъ.

По вопросу о судьбѣ владѣній бывшихъ удѣльныхъ князей слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что, при томъ положеніи вещей, какое стало устанавливаться въ Литовскомъ государствѣ въ пору развитія шляхетскихъ вольностей, едва ли и могла въ полной мѣрѣ осуществляться систематическая инкорпорация всѣхъ удѣльныхъ владѣній большихъ и малыхъ, какъ это было въ восточной Руси, въ эпоху сложенія Московскаго государства. „*Iura regalia*“, приобретенныя Литовско-русской шляхтой на основаніи земскихъ привилеевъ 1434, 1457 и другихъ годовъ, какъ увидимъ ниже, не только ни чѣмъ не отличались, но и въ конечномъ результатѣ значительно превышали „владѣтельные права“, принадлежавшія старымъ удѣльнымъ князьямъ надъ населеніемъ подвластныхъ имъ владѣній. Для князей не было и надобности строго стоять на стражѣ своихъ правъ на принадлежавшія имъ владѣнія: права эти достаточно гарантировались тѣми же земскими привилеями ⁴⁾. Въ интересахъ князей было не стоять

¹⁾ Напримѣръ, Киевскаго княжества послѣ Свиргайла, Волини послѣ Любарта Гедеминовича, также мелкихъ удѣловъ—Керновскаго, Кревскаго, Кобринскаго, Городненскаго и др.

²⁾ Такова инкорпорация княжествъ: Витебскаго при Свидригайлѣ, Киевскаго при Владимірѣ Ольгердовичѣ, Полоцкаго при Свиргайлѣ, Подольскаго при Фодорѣ Коріатовичѣ и пр.

³⁾ Княжествъ—Пинскаго и Городецкаго въ 1509 г., Клецкаго и Рогачова въ 20-хъ годахъ того же XVI вѣка, Глуска Гольшанскаго и пр. см. „Очерки“, стр. 136, 144, 147, 242 и др.

⁴⁾ Въ земскихъ привилеяхъ 1434, 1457, 1492 и другихъ годовъ въ ряду привилегированныхъ классовъ стоятъ на первомъ планѣ „*principes et ducos*“: для нихъ вполне гарантируется неприкосновенность привилеевъ и вообще актовъ, въ силу которыхъ они владѣютъ своими вотчинами и выслугами и гарантируется именно на одинаковомъ основаніи съ *barones, nobiles, boiari* (Бернад., 72; Zbibr pr. Lit., 29. 58).

изолированно отъ шляхетства съ его болѣе и болѣе усиливающейся политической ролью и значеніемъ въ государствѣ, а именно стать во главѣ новаго движенія: князья при этомъ ничего не теряли и могли лишь упрочить свое положеніе въ новомъ политическомъ строѣ государства. И какъ показываютъ факты, князья оказались на высотѣ своей задачи. Сохранивъ за собой свои старыя владѣнія на общемъ основаніи съ панами-землевладѣльцами, князья сумѣли занять видное мѣсто въ составѣ шляхетскаго „народа“ и этимъ, въ концѣ концовъ, обезпечили для себя полноправное участіе во всѣхъ политическихъ функціяхъ шляхетской Речи Посполитой.

Такая политика Литовско-русскихъ князей, какъ видно изъ актовъ, не сразу опредѣлилась. Первые земскіе привилеи (1387, 1413 г.) знаютъ лишь „*armigeri seu boiari, nobiles, barones*“; о князьяхъ нѣтъ ни слова. Очевидно, въ это время они стояли еще въ сторонѣ, обособленно отъ шляхты. Первые признаки сближенія князей со шляхтой замѣчаются въ Ягелловскомъ привилеѣ 1432 года *de coaequationis Russorum cum Lithvanis*: „уравненіе“ касается не только шляхты (*boiari et nobiles*), но и стоящихъ на первомъ планѣ „*principes et duces*“¹⁾. Такое же передовое положеніе отводится князьямъ во всѣхъ послѣдующихъ земскихъ и областныхъ привилеяхъ.

Въ это-то время начинаетъ исполнѣ развиваться процессъ самопроизвольнаго перерожденія „владѣтельныхъ“ князей въ титулованный шляхетскій классъ, являющійся не послѣднимъ дѣятеlemъ, ратовавшимъ въ сторону шляхетскихъ вольностей. Въ актахъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на систематическую „секуляризацию“ владѣтельныхъ правъ удѣльныхъ князей въ силу ясно сознаннаго принципа государственнаго единодержавія: удѣльные князья, въ громадномъ большинствѣ, вовсе не утратили своихъ владѣній, какъ и не были въ цѣломъ своемъ составѣ низведены въ „служилыхъ“ князей. Силою обстоятельствъ князья сами должны были прикнудить къ шляхетству въ его стремленіи къ господству въ государствѣ. Уже въ то время, когда удѣльная система въ Литвѣ еще держалась старыхъ основъ, отдѣльные представители княжескихъ родовъ не довольствуются „владѣтельными“ правами и сравнительно скромной дѣятельностію въ своихъ вотчинахъ, стараются заручиться „господарскими“ придворными и земскими урядами и этимъ путемъ обезпечить для себя свободный доступъ въ раду литовскихъ господарей, при-

¹⁾ Варшавскія Университет. Извѣстія, 1893, III, стр. 23,

нявшую съ земскаго привилея 1492 г., какъ мы знаемъ, легальное участіе во всѣхъ функціяхъ государственной власти.

Подъ воздѣйствіемъ общей шляхетской нивелировки, княжескіе роды не могли огуломъ выдѣлиться въ особый, привилегированный классъ, съ какими либо специальными преимуществами сравнительно съ остальною шляхтою. Въ положеніи князей, какъ и шляхты, все опредѣлялось бытовыми (по преимуществу экономическими) условіями: князь захудавшій поступалъ въ господарскіе дворяне, на одинаковомъ основаніи съ захудавшимъ „паномъ“ или простымъ земляникомъ, „потерявъ же вотчину, становился несосѣдлымъ шляхтичемъ, наравнѣ съ другими безземельниками“ ¹⁾. Да едва ли князья и могли расчитывать на какія либо особыя привилегіи: шляхетскія „*Ubertates et iura*“ разрослись, въ концѣ концовъ, до такихъ размѣровъ, что за рубежомъ шляхетскихъ вольностей едва ли оставалось еще что либо существенно-важное, что могло бы сдѣлаться объектомъ собственно княжескихъ вольностей.

Весь процессъ „уравниванія“ князей и шляхты сводится собственно не къ деградации князей, не къ пониженію ихъ до средняго, сословнаго уровня съ землевладѣльческимъ классомъ — дворянствомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, а именно къ поднятію самой шляхты на высоту „владѣтельныхъ“ прерогативъ князей. Ни раньше, ни въ пору полного уравниванія князей и шляхты (въ XVI вѣкѣ), никогда не терялось въ общественномъ сознаніи выработанное вѣками воззрѣніе на княжеское званіе. Разъ за этимъ званіемъ не признавалось никакой важной, общественно-политической функціи, не имѣли бы мѣста и династическія тенденціи, господствовавшія съ XVI вѣка въ средѣ литовско-русскаго магнатства и выражавшіяся въ усвоеніи магнатскими родами разныхъ княжескихъ „*przydomyków*“ (Сапѣги-Наримонтовичи и пр.), особенно же въ дѣятельной фабрикаціи родословныхъ и привилеевъ на княжескіе титулы и гербы. Подъ прикрытіемъ княжескихъ *przydomyków*, привилеевъ и родословныхъ магнатскіе роды сопричислялись къ Гедминновичамъ и кандидатамъ на господарскій тронъ, а главнымъ образомъ, обезпечивали за собой прочное положеніе въ господарской радѣ и вообще во вновь возникавшемъ, политическомъ строѣ государства ²⁾.

¹⁾ С. А. Бершадскій, „Литовскіе евреи“, 295.

²⁾ Такими тенденціями руководился, напримѣръ, въ пору Люблинской уніи представитель рода кн. Чарторыжскихъ (русскихъ по происхожденію), представив-

Результаты отѣны удѣльно-вѣчеваго строя областей на старыхъ земскихъ основахъ не замедлили отразиться въ разложеніи былого политическаго и административнаго единства этихъ областей. Пока области составляли изъ себя отдѣльныя княженія, до тѣхъ поръ все земское населеніе, со своими мѣстными правителями-наместниками и другими органами княжескаго наряда, подчинялось общей мѣстной власти—своимъ земскимъ князьямъ. Старое земское единство принадлежавшихъ имъ областей сохранялось въ полной силѣ: пригороды и волости со всѣмъ ихъ населеніемъ тянули въ каждой землѣ-княженіи къ одному земскому центру—стольному городу земли. Иной порядокъ вещей постепенно устанавливается послѣ отѣны княженій, обнимавшихъ цѣлыя земли, и послѣ выдѣленія стольныхъ ихъ центровъ въ самостоятельныя магдебургии. Препрежее административное единство земли должно было рано или поздно въ корни рушиться: земли сами собой стали разлагаться на свои составныя части—повѣты, волости, староства, получавшія видъ отдѣльныхъ земель—округовъ, въ одинаковой мѣрѣ зависѣвшихъ съ своими правителями непосредственно отъ литовскаго господаря, безъ препрежнихъ, вездѣ и во всемъ солидарныхъ, земскихъ связей. Если, затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ русскихъ областей (Полоцкой, Витебской и др.) земское ихъ единство не сразу и не въ полномъ объемѣ рушилось, болѣе или менѣе продолжительное время еще держалось старыхъ своихъ основъ, то это могло имѣть мѣсто, благодаря лишь устойчивости и живучести старыхъ вѣчь, какъ мы знаемъ, существовавшихъ въ русскихъ земляхъ болѣе или менѣе долго и послѣ отѣны земскихъ княженій.

Политическое и административное единство литовско-русскихъ областей на старыхъ, земскихъ основаніяхъ не могло найти для себя поддержки и охраны въ новыхъ административныхъ органахъ—вое-

---

шій на санкцію сейма 1569 г. несомнѣнно раньше сфабрикованный привилей кор. Владислава-Варненчика на фамильный княжескій гербъ. Князь Чарторыйскій заявилъ на сеймѣ о своемъ родствѣ съ Ягеллонами ради того, чтобы „домъ его всегда имѣлъ мѣсто въ господарской радѣ въ силу его княжескаго достоинства“. Тѣ же тенденціи лежали въ основѣ домогательства на княжескій титулъ со стороны Сапѣговъ, до XVI вѣка, считавшихся простыми „панами“: на основаніи сфабрикованнаго ими привилей на княжеское достоинство (въ силу измышленной родословной отъ Наримонта Гедим.), Сигизмундъ Старый подтверждаетъ въ 1512 г. ихъ родословную, а при Сигизмундѣ Августѣ, на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., дается сеймовая санкція княжескому диплому, якобы данному Сапѣгамъ кор. Владиславомъ-Варненчикомъ въ Будѣ, какъ и Чарторыйскимъ (см. мон „Очерки ист. лит.-русс. права“, стр. 261--265).

водахъ и старостахъ, съ XV вѣка вводившихся въ отдѣльныхъ областяхъ государства¹⁾). Въ цѣломъ рядъ земель воеводское управленіе организуется спустя болѣе столѣтія послѣ закрытія земскихъ удѣловъ, то-есть, въ такое именно время, когда „функции“ бывшихъ земскихъ князей пришли уже въ полное забвеніе и потому едва ли могли преименно перейти, хотя бы и неполностью, къ областнымъ правителямъ новаго типа. Уже въ виду одного этого обстоятельства воеводъ едва ли слѣдуетъ считать прямыми преемниками князей въ дѣлѣ „представительства“ бываго „земскаго“ единства областей.

Воеводы, какъ и старосты (напримѣръ, жмудскій или луцкій), по принципу ихъ власти, дѣйствительно могли „объединять“, но только не самыя земли, со всѣмъ разнообразнымъ составомъ земскаго населенія, а лишь одну „командующую“ его часть — шляхетство, принадлежавшее къ данному воеводству. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ пору перваго введенія воеводствъ въ собственной Литвѣ появляются привилегированныя магдебургіи, стоявшія внѣ всякой связи съ общео, областною администраціей; въ такое же обособленное положеніе становится и все населеніе шляхетскихъ маетностей, а также волостей, взятыхъ (напримѣръ, въ Жмуди) господарями въ свою непосредственную эксплуатацію. Такимъ образомъ, уже на первыхъ порахъ воеводы и старосты могли имѣть дѣло лишь съ свободными волостями и мѣстами, не бывшими ни въ чьей „державѣ“ и не сливающимися въ составѣ магдебургій.

Весь вопросъ собственно сводится къ принципиальному различію

---

¹⁾ О вліяніи воеводъ на земское единство областей см. мои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, 187—193. Столы земскихъ князей въ Полодѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Новогродѣ и пр. закрываются въ концѣ XIV вѣка и началѣ XV вѣка. Между тѣмъ, области эти образуютъ отдѣльныя воеводства лишь въ теченіе XVI вѣка. Смоленская земля до самаго присоединенія къ Москвѣ (въ началѣ XVI столѣтія) управлялась лишь отдѣльными намістниками, не знала вовсе особыхъ мѣстныхъ воеводъ. Что касается другихъ областей, то раньше всѣхъ воеводы вводятся въ собственно литовскихъ областяхъ: въ 1413 г. учреждаются воеводства Виленское и Троцкое; въ то же время появляется соответствующее воеводству староство Жмудское. Послѣ закрытія кievскаго удѣльнаго стола въ 1471 г. появляются кievскіе воеводы. Предъ Люблинской унией выдѣляются воеводства Мстиславское, Брестъ-Литовское и др., и, наконецъ, уже послѣ присоединенія Волыни и Брацлавщины непосредственно къ Польскѣ области эти превращаются въ воеводства. Въ актѣ Люблинской униі собственно Литовское княжество раздѣляется на девять воеводствъ (Vol. leg., II, p. 793, § 79).

въ самой природѣ и функціяхъ власти правителей стараго и новаго типа. Старый намѣстникъ — непосредственный органъ великоняжеской власти; его нарядъ развился на почвѣ стараго, земскаго самоуправления общинъ, въ одинаковой мѣрѣ распространялся на все население подвластнаго ему земскаго округа. Иной административный принципъ лежитъ въ основѣ новаго, воеводскаго управления: корни его нужно искать не въ „пошлинѣ“ старой земщины, а въ совершенно новой системѣ шляхетскихъ вольностей. Воевода является въ области представителемъ собственно не княжеской власти, а лишь шляхетскаго самоуправления. Если, затѣмъ, въ функцію воеводы первоначально входило въ Литвѣ и представительство княжеской власти, то это вовсе не опредѣлялось принципиальнымъ назначеніемъ воеводскаго наряда, было лишь временнымъ явленіемъ, обусловливалось еще неполнымъ развитіемъ шляхетскихъ вольностей и шляхетскаго самоуправления.

Первые слѣды сословнаго самоуправления шляхты по началамъ польскаго административнаго права находимъ въ земскомъ привилеѣ 1387 г. Въ ряду основныхъ „*libertates et jura*“ литовской шляхты привилей ставить на первомъ планѣ признаніе за ней вотчинныхъ правъ наравнѣ съ польскою шляхтой и учрежденіе въ каждой кастеляніи, повѣтѣ и землѣ судьи и *justitiarius'a* (старопольскаго органа по дѣламъ уголовнымъ)¹⁾, по обычаю земель, живущихъ по польскому праву („*more et jure conformitus aliorum judicium, terrarum et districtum, judiciis regni nostri Poloniae praesidentium*“)²⁾. Здѣсь нужно видѣть первые зародыши тѣхъ сословныхъ урядовъ шляхты, которые позже сложатся въ законченной формѣ польскихъ земскихъ и городскихъ судовъ. Къ шляхетскимъ же „вольностямъ“ городельскій привилей 1413 г. относить учрежденіе въ Литвѣ на вѣчныя времена такихъ же достоинствъ, мѣстъ и урядовъ (*dignitates, sedes et officia*), какъ и въ Польшѣ, — воеводъ, каштеляновъ и иныхъ земскихъ должностей — въ Вильнѣ, Трокахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ, по усмотрѣнію господара, окажется это необходимымъ, съ избраніемъ во всѣ земскіе уряды (какъ и въ паны радные) только католиковъ³⁾.

¹⁾ См. мои „Источн. литовско-русскаго права“, 27.

²⁾ Zbiór pr. Lit., стр. 1.

³⁾ Zbiór pr. Lit., 14—15. Skarb. № 1025. Уряды оставались достояніемъ католиковъ до констytucіи 1563 г. (А. С. Р., III, № 32. А. Ю.-З. Р., III, 158.

Изъ послѣдующихъ шляхетскихъ привилеевъ, въ особенности областныхъ ¹⁾, ясно видно, что воеводы, какъ и другіе „земскіе“ урядники, получили въ Литвѣ такое же точно значеніе, какъ и въ Польшѣ, то-есть, функционировали въ качествѣ шляхетскихъ, выборныхъ должностей, главнымъ образомъ, по всеѣмъ общественнымъ дѣламъ, стоявшимъ въ связи съ правомъ „земскимъ“, яли, что то же самое, шляхетскимъ. Земскіе уряды (съ судьями, подсудками и пр.) какъ они окончательно выработались въ Польшѣ, съ половины XV вѣка цѣликомъ вводятся вмѣстѣ съ земскимъ польскимъ правомъ въ западной Подляхii (земляхъ Дорогичской около половины XV вѣка и Бѣльской въ 1501 г.) ²⁾, а съ привилея Бѣльскаго 1564 г. и во всеѣхъ остальныхъ областяхъ литовскаго государства, что было затѣмъ санкціонировано Литовскимъ Статутомъ 1566 г. ³⁾.

Люблинская унія 1569 г. была послѣднимъ актомъ, безповоротно рѣшившимъ полную побѣду въ Литвѣ польскихъ государственно-административныхъ учреждений, съ отмѣной послѣднихъ обломковъ стараго, удѣльно-вѣчеваго строя, задержавшихся мѣстами въ русскихъ областяхъ. Съ переходомъ государственной власти отъ бывшаго господаря къ шляхтѣ ⁴⁾, административныя учрежденія госу-

---

Временн. Моск. Общ. ист. и древ., кн. 23, II, стр. 2 — 3). Отдѣльные уряды польскіе (старосты, маршалки и др.) вводились въ нѣкоторыхъ областяхъ и раньше городельскаго привилея. Напримѣръ, подольскіе воеводы были уже при Боріатовичахъ; старосты въ Ошмянахъ упоминаются подъ 1384 г., въ Жмудѣ подъ 1392 г.; маршалка подъ 1380 г. и пр. (см. Собр. госуд. грам. и актовъ, относящихся къ „исторіи Литвы“, I, стр. 1. Skarb., № 624. *Варшадск.*, стр. 1, 5, 30, 32, 36 и др.).

¹⁾ Напримѣръ, привилеевъ Жмудскаго (1492 г.), Полоцкаго (1511), Дорогичскаго (1516) и др. (см. А. S. P., I, № 108; II, 30, 51, 70. *Zbiór pr. Lit.*, 118).

²⁾ *Zbiór pr. Lit.*, 82, 118. Vol. leg., I, 174. Ср. мон „Источн. русско-литовскаго права“, 64.

³⁾ Временн. Моск. общ. ист. и древн., кн. 23, II, стр. 4—10.—Бѣльскій привилей, 1564. *Ibid.*, Лит. Ст., 1566, IV, 1 и слѣд.

⁴⁾ По словамъ одного изъ польскихъ дѣятелей половины прошлаго вѣка — Вельгурскаго, близко знавшаго политическіе устои своей Речи Посполитой, „Rzecz rozpolita Polska zamej tylko szlachcie władzy powierzyła“ (*Wiślibórski, O przuwośceni dawnego Rządu*“, 1755, стр. 305). Какъ извѣстно, король Сигизмундъ-Августъ, въ своей „декларасіи о униі“, 1564 г. уступилъ свои наследственные права на Литву польской Речи Посполитой: „Zaniechawszy wszelkie dziedziczne sukcesy na ziemię Litowską, dobrowolne Rzeczy rozpolitej, a tej sławnej Koronie Polskiej odstępiemu у wyrzekami się на wieczne czasы“. (Vol. leg., II, стр. 643—644). О значеніи „Речи Посполитой“ см. ниже.

дарства, во всей их совокупности, становятся строго-шляхетскими. Прежній господарь низводится въ шляхетскій рангъ, является въ роли перваго, выборнаго „урядника“ державной шляхты ¹⁾. Затѣмъ, и другія государственныя учрежденія (начиная съ генеральнаго сейма, и рады-сената и кончая низшими, земскими урядами въ повѣтахъ), какъ органы исключительно сословныя, шляхетскіе, функционируютъ лишь въ интересахъ самой шляхты.

Таковъ сложный рядъ условій, подъ прямымъ и косвеннымъ воздействием которыхъ развился сперва въ Польшѣ, затѣмъ и въ Литвѣ, своеобразный, *сословный типъ территориально-административнаго состава* государства. Сословныя квалификаціи не сразу и не въ одинаковыхъ формахъ установились на всей территоріи государства; онѣ развивались, вообще говоря, параллельно съ постепеннымъ обособленіемъ самихъ сословій въ отдѣльныхъ областяхъ и въ особенности параллельно съ развитіемъ и упроченіемъ сословныхъ вольностей командующаго класса-шляхты. Начавшись съ обособленія панскаго двора-мастности отъ мѣщанскаго города и крестьянскаго дыма-дворища, сословныя квалификаціи стали затѣмъ постепенно нормировать составъ сложныхъ территориальныхъ частей-волостей, повѣтовъ, земель и пр. Въ то время, какъ волости, ключи или тивунства, по своему составу, становятся исключительно крестьянскими, повѣты и земли-воеводства болѣе и болѣе втягиваются въ сферу интересовъ господствующей шляхты, въ результатъ превращаются въ административные районы съ основнымъ шляхетскимъ характеромъ. Наконецъ, „шляхетскимъ“ становится и само государство, именно въ послѣдней фазѣ его развитія—въ формѣ „Речи Посполитой“, окончательно образовавшейся съ Люблинской униі.

Остановимся прежде всего на коренной модификаціи общаго понятія государства въ отношеніи къ его территориальному составу. Рядомъ съ „князствомъ“, „панствомъ“, „землей“, „державой“, упоминается въ источникахъ литовско-русскихъ также „Речь Посполитая“ первоначально въ такомъ же общемъ значеніи, какъ и Литовское княжество. Сколько намъ извѣстно, терминъ „Речь Посполитая“

---

¹⁾ „Królowie nie są tylko pierwsi Rzeczy Pospolitej urzędnicy“ (Wielhórski, стр. 226). Возвръше это впервые высказывается уже въ актѣ Люблинской униі, при томъ самимъ же творцомъ ея, королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, называющимъ въ этомъ актѣ королевскій постъ „urządомъ królewskim“. (Vol. leg., II, стр. 776).

встрѣчается гораздо раньше Люблинской уніи, уже въ актахъ начала XVI вѣка ¹⁾. Квалификація государства, въ смыслѣ „Речи Посполитой“, принадлежитъ административно-законодательной практикѣ собственно Польши. Съ образованіемъ политическихъ прерогативъ польской шляхты, подъ общій титулъ „Речи Посполитой“ ²⁾ стали подводиться понятія „республики“ и самой шляхты, съ ея державнымъ „*jus terrestre*“ и „*jus ducale*“, обнимавшемъ въ концѣ концовъ всѣ функціи государственной власти. Въ послѣднемъ смыслѣ „Речь Посполитая“ отбѣняется иногда эпитетомъ „земская“ или, что то-же, шляхетская,—квалификація, которая стала усвоиться и въ литовско-русскихъ актахъ еще при Сигизмундѣ I ³⁾. Полное отождествленіе „шляхетскаго народа“ съ „Речью Посполитой“ категорически формулируется въ привилеяхъ 1563—1565 гг., предшествовавшихъ изданію Литовскаго статута 1566 г. и окончательно санкціонировавшихъ политическія прерогативы „рыцарскаго и шляхетскаго народу речи посполитое того панства“, то-есть, великаго княжества Литовскаго ⁴⁾.

¹⁾ Въ листѣ Сигизмунда I, 1511 г., о созывѣ генеральнаго сейма, между прочимъ, читаемъ: „Чому жъ выдѣлося его милости для таковыхъ великихъ сирывъ речи *посполитое*, отчизны с. м., великаго княжества литовскаго, здѣханы въ милъ рокъ положить“ и пр. (*Бершадскій*, стр. 899).

²⁾ „Речь Посполитая“—буквальный переводъ „*republica*“. „Речь“ означаетъ не слово или рѣчь, но латинское *res*—вещь, предметъ, дѣло, дѣйствіе.

³⁾ Въ посланіи литовской радѣ 1524 г., король Сигизмундъ предлагаетъ, между прочимъ, изыскать источники для уплаты жалованья войску и, указавъ на скудость наличныхъ сварбовыхъ доходовъ, замѣчаетъ: „мы тыхъ доходовъ нашихъ къ нашимъ рукамъ на свои потребности ничего не брали, кромѣ *посполитое речи земское*“ (*Бершадскій*, 1987).

⁴⁾ Такимъ образомъ, привилей 1563 г. предоставляетъ „станамъ и народамъ шляхетскимъ Речи Посполитое“ („стану рыцарскаго и шляхецкаго обоаго народу, якъ литовскаго, такъ и русскаго“) пользоваться шляхетскими вольностями, безъ прежнихъ вѣроисповѣдныхъ различій. Привилей 1564 г.—объ учрежденіи выборныхъ (изъ шляхты) земскихъ судовъ—мотивируетъ эту мѣру потребями „Речи посполитое того панства“ (Литовскаго государства),—тѣмъ, что воеводы и иные врядники земскіе „милуючи Речь Посполитую, а въ ней братью зо всеми владностями свою молодшую народъ шляхецкій а рыцарскій“, отказались („отступили и выреклись“) отъ старой своей „владности и всакихъ пожитковъ своихъ судовыхъ“, въ пользу вновь учреждавшяся, шляхетскихъ земскихъ судовъ. Наконецъ, въ привилей 1565 г. учрежденіе повѣтовыхъ сеймиковъ и посольской избы вальнаго сейма мотивируется „потребями Речи Посполитой“, то-есть, тѣхъ же становъ шляхетскаго народа (Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей, кн. 23, Статутъ 1566 г., стр. 1—13).

Такой же собственно составъ и значеніе имѣеть, наконецъ, и та „jedna spólna Rzeczpospolita“, которая по люблинскому акту польско-литовской уніи 1569 г. связала и сплотила „w jeden lud“ два государства (państwa) и народы ¹⁾,—составъ, удерживавшійся въ „Речи Посполитой“ до послѣднихъ дней ея политическаго бытія.

Проф. Ф. И. Лесковичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Въ привилеѣ уніи Литвы съ Польшей 1569 г., составъ Речи Посполитой опредѣляется въ такой формулѣ: „Korona Polska y W. K. Litewskie jest iedno nierozdzielne, y nierozżne cięło, a także nierozżna, ale iedna spolna Rzecz pospolita, która sie ze dwu państw y narodów w jeden lud zniosła y spoila“. (Vol. leg., II, 89).

ПАВЕЛЬ ЮСИФЪ ШАФАРИКЪ.

(2-го (13-го) мая 1795 г. — 14-го (26-го) июня 1861 г.).

По поводу столѣтія со дня его рожденія.

2-го мая исполнилось столѣтіе со дня рожденія одного изъ величайшихъ ученыхъ славянъ и основателей науки о славянахъ Павла Юсифа Шафарика. Время для полной его біографіи и всесторонней оцѣнки его дѣятельности не приспѣло, но вѣкъ, прошедшій со дня его рожденія, налагаетъ, по крайней мѣрѣ, обязанность вспомнить о немъ. Въ наше время, когда столь быстро смѣняются впечатлѣнія, когда всѣ столь жадно хватаются за новыя теоріи, новыя открытія, и самоиѣпіе съ необычайною легкостью отрицаетъ авторитеты, воспоминанія о подвижникахъ науки, о дѣтеляхъ, полныхъ чистой, идеальной вѣры въ побѣждающую силу истины, могутъ вліять успокоительно и ободрительно. Вся дѣятельность Шафарика прошла у рабочаго стола, заваленнаго книгами, но та область, которую онъ изучалъ, была полна источниками жизни, и запыленные хартіи вѣковъ, которыя онъ освѣщаль своимъ испытующимъ умомъ, вливали новую жизнь въ славянство во всеиъ объемѣ. Шафарикъ былъ другомъ одного изъ важнѣйшихъ русскихъ дѣтелей еще недавней эпохи — Михаила Петровича Погодина—и оказалъ громадное вліяніе на многихъ лучшихъ русскихъ людей своего времени. Его ученики и друзья были первыми славистами въ русскихъ университетахъ. Въ этомъ отношеніи Шафарикъ и его дѣятельность представляютъ особый интересъ для каждаго образованнаго русскаго человѣка, и будущій историкъ русской культуры отведетъ много страницъ Шафарикѣ.

Постараемся дать нашимъ читателямъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Шафарика, нѣкоторыхъ его взглядовъ и отношеній его къ Россіи.

I.

Павелъ Юсифъ Шафарикъ — или, по чешскому произношенію, Шафаржикъ — родился 2-го (13-го) мая 1795 г. въ области словаковъ, въ деревнѣ Кобеняровѣ (по-мадьярски Feketeratak, по-нѣмецки Schwarzbach), въ столицѣ (уѣздѣ) Гёмёрской, — слѣдовательно по происхожденію былъ словакъ. Его биографъ (Брандль) утверждаетъ, что родъ Шафарика былъ чешскій, и что его предки бѣжали въ Словакию изъ Чехіи послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.), когда въ Чехіи наступило время религиозныхъ гоненій, и не-католики должны были спастись отъ преслѣдованія іезуитовъ. Отецъ его былъ евангелическимъ священникомъ. Павелъ Шафарикъ былъ самымъ младшимъ въ семьѣ своихъ родителей. Въ 1805 г. онъ сталъ посѣщать школу въ Рожнавѣ, городкѣ, близкомъ къ его родному селу, и здѣсь научился по-нѣмецки и по-мадьярски. Съ 1808 г. по 1810 онъ проходилъ studia humaniora въ Добшинѣ, а затѣмъ поступилъ въ евангелической лицей въ Кежмаркѣ, откуда, послѣ пяти лѣтъ ученія, отправился въ университетъ въ Іену, тогда славившійся профессорами на богословскомъ факультетѣ, такъ какъ по желанію родителей Шафарикъ долженъ былъ готовиться къ духовному званію. Но у Шафарика были другія симпатіи, другія цѣли, и онъ сталъ слушать курсы по исторіи, классической литературѣ и философіи.

Еще въ лицей въ Кежмаркѣ Шафарика сильно коснулось то патристическо-народное движеніе, которымъ отмѣченъ періодъ возрожденія славянъ. Онъ вполнѣ въспоминалъ о „противославянскомъ“ духѣ, господствовавшемъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ Венгріи. Онъ уже интересовался языками, литературою, исторіею славянъ. Будучи еще въ лицей, онъ напечаталъ сборникъ стихотвореній: *Tatranská muza s lyron slovansku* (въ Левочѣ, 1814 г.), и посылалъ стихотворенія въ журналъ: *Prvotiny*, который издавалъ въ Вѣнѣ Громадко.

Время, когда Шафарикъ учился въ Іенѣ, было бурнымъ въ жизни нѣмцевъ. Послѣ погромовъ во время Наполеона I нѣмцы яснѣе сознали свое единство, и пангерманизмъ увлекалъ молодежь. Въ 1817 г. произошелъ въ Вартбургѣ извѣстный съѣздъ нѣмецкаго студенчества

въ воспоминаніе о трехсотлѣтіи, прошедшемъ со времени выступленія Лютера съ протестомъ противъ католицизма. Это патриотическое нѣмецкое настроеніе не могло не вліять и на молодыхъ славянъ, учившихся тогда въ Іенѣ. Въ ту пору изъ славянъ болѣе другихъ ѣздилъ учиться въ Іену словаки, готовившіеся къ духовному званію. Вскорѣ послѣ отъѣзда Шафарика прибылъ туда Колларъ. И тотъ, и другой явились внослѣдствіи проповѣдниками славянскаго единства, хотя въ различныхъ отношеніяхъ и различнымъ образомъ, — того ученія, которое нѣмцы называли панславизмомъ, отождествляемымъ и понынѣ у нѣмцевъ и мадяръ со всякаго рода революціонными, разрушительными ученіями. Если Колларъ былъ поэтомъ единства славянъ, то Шафарикъ положилъ прочныя научныя основы этого ученія и указалъ реальныя права единства славянъ, освѣтивъ давно прошедшее всего славянства и отмѣтивъ стадіи культурнаго развитія отдѣльныхъ племенъ. Въ Іенѣ Шафарикъ познакомился съ духомъ новаго нѣмецкаго романтизма, проникшаго въ область политики и литературы, и съ свободомыслящими взглядами, которые распространялись въ нѣмецкихъ университетахъ послѣ французскихъ войнъ. Уже въ Іенѣ Шафарикъ сталъ серьезно заниматься разысканіями о славянахъ. Въ его бумагахъ найдена связка отъ 1815 г. съ надписью: *Slawische Miscellen* — это выписки изъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ славянскихъ изданій, находившихся въ Іенской университетской бібліотекѣ, напримѣръ, изъ изданій священнаго писанія — Далматина (1584 г.), катехизиса Истріянина (Тюбингенъ, 1561 г.), пражской чешской псалтыри (1572 г.) и т. д. Въ другой связкѣ съ надписью: Іена, 1816, — выдержки изъ каталоговъ Сеченьевской бібліотеки объ изданіяхъ Трубера, Витезовича, Ассемани и др.; списокъ грамматикъ, выписки различныхъ свѣдѣній о русской литературѣ за 1815 — 1816 гг. и т. д. Тамъ же найденъ особый листокъ съ чешскимъ заглавіемъ: *Illirští*, то-есть, иллирскіе писатели, изъ которыхъ многіе и переписаны. Въ особой связкѣ находятся грамматическія замѣтки по различнымъ славянскимъ языкамъ, особенно по польскому языку съ таблицами спряженій и т. п. ¹⁾

Въ 1817 г. Шафарикъ вернулся въ родные края и сталъ домашнимъ учителемъ въ одномъ богатомъ семействѣ въ Пресбургѣ. Въ

¹⁾ *Osvěta* за 1896 г., вып. 5. Интересная статья: P. I. Šafařík mezi Jihoslavyau профессора Вѣнскаго университета Константина Иречка, внука Шафарика по матери.

это время австрійскіе сербы задумали основать на частныя средства свою православную гимназію въ Новомъ Садѣ и искали учителей и директора. Между искавшими этой должности былъ и Шафарикъ, молодой докторъ философіи Іенскаго университета. Выборъ палъ на него, и осенью 1819 г. Шафарикъ переселился въ Новый Садъ, гдѣ надѣялся дѣйствовать въ славянской автономной школѣ, независимой отъ мадьяръ, которые уже въ ту пору начали мадьярить славянъ, не стѣсняясь выборомъ средствъ. Здѣсь Шафарикъ провелъ 14 лѣтъ въ неустанной работѣ, здѣсь началъ онъ свою ученую дѣятельность и приготовилъ свои монументальныя произведенія.

Въ это время Новый Садъ представлялъ своего рода центръ литературной и ученой жизни сербовъ. Въ одномъ изъ фрушкогорскихъ монастырей жилъ Лукіанъ Мушицкій, тогда еще архимандритъ, человекъ просвѣщенный, поэтъ славяно-сербской школы, писатель и ученый, имѣвшій связи со многими выдающимися людьми этой эпохи. Бѣлградъ былъ еще почти турецкимъ городомъ и не могъ еще заявлять никакихъ претензій на значеніе литературнаго центра, и сербская литература и сербское просвѣщеніе находили въ Австріи свое убѣжище, а средоточіемъ былъ Новый Садъ. Здѣсь Шафарикъ могъ хорошо познакомиться съ юго-славянами въ Австріи, а близость Новаго Сада къ предѣламъ тогдашней Турціи и постоянныя сношенія и связи съ славянами, жившими на Балканскомъ полуостровѣ, давали ему возможность получать различныя свѣдѣнія, книги и рукописи изъ-за Дуная. Готовя свои капитальныя произведенія по славянскимъ древностямъ и исторіи славянскихъ литературъ, Шафарикъ принималъ въ то же время живое участіе въ заботахъ сербовъ поднять и развить свою литературу. Онъ побуждалъ молодыхъ сербскихъ дѣятелей и патриотовъ соединиться для общей дѣятельности и успѣлъ заинтересовать въ литературномъ движеніи высшихъ членовъ сербскаго духовенства, подозрительно относившихся къ новизнамъ языка сербской письменности, вводимымъ Вукомъ Караджичемъ. Въ Новомъ Садѣ возникла первая *Матица* изъ всѣхъ нынѣ существующихъ у славянъ обществъ этого имени, и Шафарикъ содѣйствовалъ его учрежденію, а также участвовалъ въ извѣстномъ сербскомъ изданіи: *Лѣтопись*. Уже въ первыхъ выпускахъ этого изданія въ 1825 г. помѣщены нѣкоторыя статьи, правда, безъ его подписи, напримѣръ, „Характеръ славянскаго народа вообще“, „Древнѣйшіе славянскіе письменные памятники“ и пр., вошедшія нынѣ въ составъ другихъ сочиненій Шафарика по-нѣмецки и по-чешски. Въ своей пере-

никѣ съ Колларомъ и другими Шафарикъ часто вспоминаетъ о различныхъ сербскихъ писателяхъ, съ которыми онъ находился въ тѣсномъ общеніи. Сербы относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и ждали отъ него, что онъ имъ воспитаетъ поэтовъ и ученыхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, обращается къ Шафарику сербскій одонисецъ Лукіанъ Мушвицкій на своемъ „словено-сербскомъ языкѣ“ въ одѣ „Высокоученому господину Шафарикъ“, написанной въ 1820 г. и напечатанной во 2-мъ выпускѣ „Лѣтописи“ за 1825 г.:

Се Ты великихъ намъ воспитай пѣвцевъ
Имущихъ двигнут' во гробѣхъ лежащія
Ирон Сербски въ свѣтъ живущихъ.
Пиндара, Флакка, Омира вижди!

Въ это время Шафарикъ задался уже самыми широкими планами и самыми высокими цѣлями. Онъ задумалъ критически разбраться въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ о славянахъ и освѣтить судьбы славянъ въ самый темный, самый древній періодъ ихъ жизни. Но этотъ интересъ къ давно прошедшему не охладилъ въ немъ живаго чувства и интереса къ настоящему, и глубокая любовь къ своему родному угнетенному племени, словакамъ, у Шафарика тѣсно связывалась съ теплою любовью ко всему славянству. „Я готовъ, — писалъ онъ Коллару, — все принести въ жертву на пользу моего дорогаго народа, даже жизнь, ибо лучше прославить свой народъ смертью, чѣмъ его обезславить жизнью, — лишь бы я могъ только найдти путь, ведущій къ достиженію цѣли“. Онъ съ горечью взиралъ на паденіе народныхъ силъ въ борьбѣ и съ политическимъ насиліемъ, и съ могуществомъ чужой культуры, но требовалъ мужества и стойкости, вѣря въ побѣду и не боясь славной смерти. „Будемъ же держаться и вести мужественную борьбу, — мы или побѣдимъ, или вмѣстѣ погибнемъ, украсимъ вѣнцомъ или свое чело, или свой гробъ“, писалъ онъ Коллару. Въ первые же годы своего пребыванія въ Новомъ Садѣ Шафарикъ усиленно собиралъ матеріалы для своей исторіи литературы всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Съ отчаяніемъ восклицалъ онъ въ 1823 г., только что оправившись отъ опасной болѣзни: „нервная система разрушена, мои душевныя силы упали, воображеніе и память ослабѣли, — я разрушенъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ цвѣтѣ мужества своего“, но въ томъ же письмѣ говорить: „болѣе всего сожалѣю, что моя работа, готовая на половину (исторія литературы), совершенно прервана“, — и лишь только оправился — онъ принялся за продолженіе ея. Въ это время Шафарикъ усиленно занимался сербской исто-

ріей, языкомъ и литературой. Въ 1825 г. Шафарикъ писалъ Коллару, что онъ цѣликомъ преданъ изысканіямъ по исторіи сербскаго народа и литературы. „Неблагодарный это предметъ, но для меня онъ нынѣ самый важный, хотя мое пребываніе здѣсь весьма проблематично. Если я чего либо теперь же не сдѣлаю, будьте увѣрены, что пройдетъ столѣтіе и изъ монаховъ и подчиненнаго монахамъ народа никто и пальца не приложитъ къ этому дѣлу“. Такой отзывъ Шафарика объясняется отчасти отношеніями, существовавшими тогда между представителями сербскаго духовенства, самаго образованнаго класса у сербовъ: такъ, по словамъ Шафарика, была сдѣлана попытка *отравить* архимандрита Лукіана Мушицкаго, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ сербскихъ писателей того времени ¹⁾. При томъ высшія власти усмотрѣли опасность и въ томъ, что Шафарикъ учился въ Германіи и былъ протестантъ, и потому, не смотря на общее уваженіе, которымъ онъ пользовался со стороны высшаго сербскаго духовенства, онъ былъ лишенъ директорства и остался только учителемъ или „профессоромъ“ гимназіи. Это значительно уменьшило его средства; въ это время Шафарикъ былъ уже женатъ: ему труднѣе стало тратить весь свой достатокъ на приобрѣтеніе книгъ и рукописей. Случилось это въ 1825 году.

Выше мы уже упоминали о началѣ литературной дѣятельности Шафарика. По господствовавшему обычаю Шафарикъ началъ свое писательство стихотворными опытами. Затѣмъ онъ собиралъ народныя пѣсни, которыя вошли въ сборникъ словацкихъ пѣсень, изданный Колларомъ въ 1823 г., хотя и прикрытый именемъ Шафарика, по мѣстнымъ условіямъ. Въ 1818 г. онъ вмѣстѣ съ Палацкимъ, не безъ участія Юнгманна, издалъ небольшую книгу о чешскомъ стихотворствѣ, особенно о просодіи, вызвавшую большое оживленіе и споры среди тогдашнихъ чешскихъ писателей. Но дѣятельность и значеніе Шафарика, какъ ученаго, опредѣлилась его книгою: *Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*, вышедшею въ Будимѣ въ 1826 году. Въ ней впервые былъ сдѣланъ обзоръ всѣхъ славянскихъ народностей. Заглавіе этой книги въ сущности уже ея содержанія, ибо въ этомъ сочиненіи впервые было сдѣлано обзорнѣе прошедшаго славянъ въ различныхъ отношеніяхъ. Если самъ Шафарикъ впоследствии считалъ этотъ свой трудъ неполнымъ и требующимъ передѣлки, почему отсѣловалъ Погодину изданіе

---

¹⁾ *Часопись Чешскаго Музея*, 1874, стр. 289.

его въ русскомъ переводѣ, то все же онъ представляетъ контуръ всего того, что впослѣдствіи было имъ разработано столь капитально: тутъ въ сущности есть начало и „Древностей“, и „Народописи“, и его многочисленныхъ изслѣдованій по исторіи церковно-славянскаго языка, славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы. Книга начинается введеніемъ, въ которомъ даны краткія свѣдѣнія о мѣстожителствѣ и судьбахъ древнихъ славянъ, объ ихъ религіи, культурѣ и языкѣ, о современномъ положеніи славянъ и ихъ развѣтвленіи, краткія свѣдѣнія объ ихъ географическомъ распредѣленіи, статистическія данныя и т. д. Нарѣчія и ихъ литературы разсматриваются въ такомъ порядкѣ: церковно-славянскій языкъ, русскій, языкъ и литература „славо-сербовъ греческаго исповѣданія“, то-есть, православныхъ сербовъ, языкъ и письменность „католическихъ славо-сербовъ (далматинцевъ, боснійцевъ, славонцевъ и хорватовъ)“, языкъ словенскій, чешскій, словацкій, польскій, лужицкій. При этомъ примѣчанія и ссылки свидѣтельствовали о громадной начитанности молодого ученаго. Если вспомнить, какъ было трудно въ ту пору литературное общеніе между славянами, съ какимъ трудомъ добывались книги, особенно въ такихъ глухихъ углахъ, какъ Новый Садъ (изъ Россіи книги получались иногда *черезъ юда* послѣ ихъ выписки), какъ недостаточны были средства Шафарика, то современный ученый долженъ съ удивленіемъ и глубокимъ уваженіемъ преклониться предъ громадностью этого труда молодого еще Шафарика (ему было тогда лишь 30 лѣтъ). Тутъ впервые славяне были разсмотрѣны, какъ нѣчто цѣлое, раздѣленное на виды, болѣе или менѣе близкіе между собою и представлявшіе нѣкоторое единство. Шафарикъ при этомъ имѣлъ живыя патріотическія цѣли. Не разъ онъ отмѣчаетъ ненависть и презрѣніе, съ какимъ относились къ славянамъ нѣмцы и мадьяры, и приводитъ нѣсколько характерныхъ выписокъ изъ извѣстныхъ тогда книгъ и сочиненій, въ которыхъ разказываются разныя нелѣпости или проявляется удивительная ненависть ко всему славянскому, какъ, напримѣръ: фрейбургскій профессоръ Роттекъ въ своей всеобщей исторіи называлъ русскій языкъ—языкомъ рабовъ. путешественникъ Таубе утверждалъ, что славонцы—многоженцы и что дѣти ихъ бѣгаютъ зимою нагими, Дугоничъ приравнивалъ русскихъ къ цыганамъ, проф. Пѣлацъ въ Лейпцигѣ проповѣдывалъ, что славяне предназначены къ тому, чтобы быть рабами нѣмцевъ и т. д. Если и въ настоящее время нѣмецкая и мадьярская литература по временамъ украшается такими перлами, какъ недавно вышедшая брошюра Gerg-

mania triumphans, то все же и въ Германіи, и въ Австріи этимъ антиславянскимъ и антирусскимъ плодамъ извращенной фантазіи теперь не можетъ уже придаваться серьезнаго значенія. Иначе было въ началѣ этого вѣка... Одною изъ причинъ, почему свое сочиненіе Шафарикъ напечаталъ по-нѣмецки, было его желаніе разсѣять предубѣжденіе противъ славянъ среди нѣмцевъ и познакомить ихъ съ прошлымъ и настоящимъ славянъ.

Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ собралъ чрезвычайно много матеріаловъ для своихъ работъ по юго-славянскимъ нарѣчіямъ и литературамъ, а также подготовилъ все нужное для своихъ знаменитыхъ славянскихъ древностей. Въ эту пору своей жизни Шафарикъ выработалъ широкій взглядъ на славянъ, тогда-то было положено основаніе его глубокимъ познаніямъ, которыя впоследствии дали ему возможность создать эпоху въ славянской наукѣ. Тогда же начались его связи и знакомство съ русскими учеными, перешедшія впоследствии въ тѣсныя узы дружбы со многими выдающимися русскими людьми.

Напечатанная донинѣ переписка Шафарика, относящаяся ко времени его пребыванія въ Новомъ Садѣ, особенно его письма къ Коллару, свидѣтельствуютъ о глубокомъ и живомъ интересѣ Шафарика ко всему, что касается славянства. Побужденія его къ ученымъ разысканіямъ о древнихъ славянахъ были патриотическо-славянскія. Онъ хотѣлъ показать, что славяне—такіе же древніе обитатели Европы, какъ и другія племена Европы, и что потому они имѣютъ тѣ же права быть самими собою и не остаться матеріаломъ, годнымъ лишь для умноженія чуждыхъ имъ народностей.

Занимаясь древностями, исторіей и географіей славянъ, Шафарикъ заинтересовался книгою Суровецкаго: *Sledzenie początka narodów słowiańskich*, вышедшею въ 1824 г. Задавшись сначала цѣлью только пополнить и критически разобрать этотъ польскаго ученаго, на основаніи собраннаго имъ матеріала, Шафарикъ написалъ важное изслѣдованіе, предвѣщавшее его „Древности“. Это изслѣдованіе вышло въ Будѣ въ 1828 г. подъ заглавіемъ: *Ueber die Abkunft der Slawen nach Logenz Surowiecki*. Въ это время онъ писалъ Коллару: „я разсматриваю нашъ народъ съ высшей точки зрѣнія (чѣмъ Суровецкій); его древность, его многочисленность, его прадавность въ Европѣ для меня уже болѣе не загадка,—я во всемъ этомъ теперь убѣжденъ почти съ математическою точностью“. Въ своемъ изслѣдованіи Шафарикъ приходилъ къ выводу, что славяне такіе же

первобытные обитатели Европы, какъ и германцы, кельты и скиѣмъ. Первоначальное ихъ имя было *сербы*, а у другихъ народовъ они слыли подъ именами: анты, венеты, венеды, сарматы. Такимъ образомъ сарматовъ Шафарикъ считалъ тогда славянами. Впослѣдствіи, въ своихъ „Древностяхъ“, Шафарикъ видоизмѣнилъ свой взглядъ на сарматовъ, отдѣливъ ихъ отъ славянъ. Трудъ Шафарика, вызванный разборомъ сочиненія Суровецкаго, такимъ образомъ является предшественникомъ главнаго и важнѣйшаго его произведенія—„Славянскія Древности“.

Живя въ Новомъ Садѣ, Шафарикъ велъ обширную переписку со многими извѣстными тогдашними славянскими писателями и различными дѣятелями. Нѣкоторыя изъ этихъ его писемъ уже напечатаны, какъ, напримѣръ, часть переписки съ Колларомъ, Палацкимъ, Миклоушичемъ, Кристіановичемъ, Мацѣевскимъ, Гамулякомъ и другими. Слѣдуетъ ожидать, что вся найденная переписка, а равно и нѣкоторые матеріалы, оставшіеся послѣ Шафарика, вскорѣ появятся въ печати. Внукъ Шафарика по матери, извѣстный ученый Константинъ Иречекъ, нынѣ профессоръ Вѣнскаго университета, бывший нѣсколько лѣтъ въ Болгаріи министромъ народнаго просвѣщенія, пока принцъ Баттенбергскій еще не свернулъ съ прямой дороги, конечно посодѣйствуетъ этому и постарается разъяснить то, что теперь могло бы представляться неяснымъ въ отношеніяхъ Шафарика и въ генезисѣ многихъ его ученыхъ взглядовъ.

Въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ положеніе Шафарика въ Новомъ Садѣ стало на столько тяжелымъ, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало выбраться оттуда. Какъ увидимъ, надежды его на переселеніе въ Россію разбились, и онъ рѣшилъ перебраться въ Прагу, надѣясь на какое нибудь бѣдное частное мѣсто,—на общественное или казенное мѣсто онъ и рассчитывать не могъ, ибо онъ былъ евангеликъ, а протестантамъ такихъ мѣстъ въ Чехіи не давали. „Не боюсь и не отказываюсь ни отъ какого труда, писалъ онъ Палацкому въ 1832 г., лишь бы только быть полезнымъ народу. Я не ищю ни чиновнаго мѣста, ни титуловъ, ни богатства, да какъ евангеликъ въ католической Прагѣ и получить ихъ не могу. О! если бы я могъ найти въ Прагѣ честный заработокъ для того, чтобы только просуществовать и работать для славянскихъ литературъ“. Шафарикъ мечталъ о частномъ мѣстѣ секретаря, бібліотекаря, архиваріуса и т. п. въ домѣ какого либо богатаго чешскаго аристократа, что предоставило бы ему возможность работать надъ своими изысканіями и участвовать въ

чешскихъ ученыхъ изданiяхъ. „Будеть позоръ нашему народу“, писалъ онъ Палацкому, „если я погибну съ своею семьею у этихъ *незнабоховъ* (язычников!), или продамъ душу нѣмцамъ“, такъ какъ онъ рѣшился, во что-бы то ни стало, оставить Новый Садъ и мѣсто учителя гимназiи, дававшее ему все же возможность существовать независимо, хотя и очень скудно. Предъ выѣздомъ изъ Новаго Сада въ Прагу Шафарикъ писалъ Мацѣвскому, известному польскому ученому: „Потерявъ всякiя симпатiи къ здѣшнему своему мѣсту, я потерялъ также надежду быть когда либо полезнымъ сербамъ. Разказывать объ этомъ было бы долго, теперь—не время. Поселюсь въ Прагѣ, какъ частный ученый (съ небольшой поддержкою изъ небольшого частнаго фонда). Этотъ послѣднiй шагъ хочу испробовать прежде, чѣмъ продамъ свою бѣдную душу нѣмецкому Михелю и вѣроятно переѣду въ какой либо нѣмецкiй университетъ. Скверно, мой дорогой другъ, даже отчаянно съ нашимъ славянскимъ дѣломъ. Слѣпой фанатикъ, я посвятилъ 16 лѣтъ этому дѣлу и при этомъ уничтожилъ самъ себя. Если бы я не имѣлъ семейства, дѣтей,—я бы этого и теперь не жалѣлъ, а то меня одолѣваетъ страхъ... Прiѣхалъ я къ сербамъ 14 лѣтъ тому назадъ, желая у нихъ работать въ пользу народной культуры, а ухожу съ сознаниемъ напраснаго труда. Причина того, почему будучи приглашенъ въ Петербургъ, я туда не отправился,—болѣзненность слабой грудью моей жены, а послѣ явились и другiя препятствiя“.

Ясно, что не только ученые задачи, но и другiя какiя то причины побуждали Шафарика немедленно перебраться изъ Новаго Сада. Гимназiя тамъ падала по различнымъ причинамъ, и число учениковъ уменьшалось. Эти причины неясны и потому—нужно надѣяться—различныя юбилейныя изданiя, предпринимаемыя нынѣ сербами въ Новомъ Садѣ въ память Шафарика, разъяснятъ ихъ.

Въ Прагѣ живо сознавали необходимость поддержать Шафарика въ это трудное для него время и спасти его для славянской науки и чешской литературы. При участiи и, быть можетъ, благодаря инициативѣ Палацкаго, составилъ въ Прагѣ кружокъ патриотовъ, которые обязались обезпечить Шафарику въ теченiе пяти лѣтъ небольшую ренту (сначала въ 360 гулд. въ годъ, а затѣмъ въ 480 гулд.). Членами этого кружка были: князь Рудольфъ Кинскiй, графъ Каспаръ Штернбергъ, графъ Янъ Краковскiй Коловратъ, Юнгманъ, Палацкiй, Пресль, Антонинъ Марекъ, Винаржицкiй, Штепанекъ. Кружокъ этотъ составилъ тайно отъ Шафарика, и ему были неиз-

вѣстны имена лицъ, принимавшихъ участіе въ складчинѣ, которая выдавалась ему ежемѣсячно чрезъ посредство чешской Матицы. Чтобы не возбудить подозрѣній администраціи объ этой тайной помощи Шафаріку было сообщено самими членами кружка властямъ въ Прагѣ. Юнгманъ, говоря о помощи Шафаріку, писалъ Марку: „Жизнь наша пройдетъ, какъ сонъ, но то, что мы сдѣлали для отечества, то останется какъ народное приобрѣтеніе“. И дѣйствительно, участники этого кружка, поддержавшіе Шафаріка въ трудную пору его жизни, сослужили громадную службу не только чехамъ, но и всему славянству. Какъ ни незначительна была эта помощь, все же она дала Шафаріку возможность продолжать свои ученые работы. Интересно отмѣтить, что участники кружка довели до свѣдѣнія Шафаріка, что ихъ пособіе дается съ однимъ условіемъ, чтобы онъ писалъ и печаталъ по-чешски. Какъ патріотична и умна забота о подъемѣ значенія чешскаго языка!

II.

Переѣздъ въ Прагу не далъ, однако, надлежащаго спокойствія Шафаріку, да и не могъ дать. Съ одной стороны матеріальная поддержка, оказанная ему патріотами, не могла его вполне обезпечить и освободить отъ житейскихъ заботъ, мѣшавшихъ ему вполне отдаться продолженію его изысканій по славянскимъ древностямъ; съ другой—самый переѣздъ его въ Прагу на трудъ и въ тяжелую матеріальную обстановку изъ Новаго Сада, гдѣ онъ имѣлъ опредѣленное служебное положеніе и опредѣленные средства, казался подозрительнымъ пражской полиціи. Разказывается нѣсколько анекдотовъ, какъ къ Шафаріку подсылались шпіоны и полицейскіе агенты, иногда совершенно безцеремонно врвавшіеся къ нему въ его бѣдную квартиру. Былъ случай, когда Шафарікъ, выведенный изъ терпѣнія, обратился съ жалобою къ властямъ на этихъ непрошенныхъ гостей. Одинъ изъ биографовъ Шафаріка, Брандль, объясняетъ эту бдительность меттерниховской полиціи относительно Шафаріка интригами Копитара. Хотя прямыхъ указаній и доказательствъ для такого обвиненія ученаго бібліотекаря Вѣнской придворной бібліотеки нѣтъ, но самое подозрѣніе весьма характерно. Хотя Шафарікъ и Копитаръ были знакомы и вели между собою по временамъ переписку, но ихъ отношенія были неискренни, и Шафарікъ уже въ своихъ письмахъ изъ Новаго Сада къ Коллару съ опаскою выражается о Копитарѣ. Па-

лацкій, имѣвшій вполнѣнствіи большое столкновение съ Копитаромъ, разказывалъ, что его предупреждали остерегаться Копитара, такъ какъ Копитаръ выражался о немъ: „этотъ Палацкій стоитъ висѣльцы“, а о Шафарикѣ:—„это самый опасный панславистскій агитаторъ“¹⁾. Между тѣмъ Шафарикъ, проѣзжая чрезъ Вѣну по пути изъ Новаго Сада въ Прагу, посѣтилъ Копитара и съ нимъ откровенно говорилъ о „славянской взаимности“. Изъ переписки Копитара съ хорвато-кайковскимъ писателемъ Крестіановичемъ и изъ отзывовъ въ послѣсловіяхъ къ изданіямъ, которыя Копитаръ дѣлалъ во второй половинѣ 30-хъ годовъ, видно, сколь подозрительно относился онъ къ Шафарикѣ за то, что онъ не католикъ. Онъ обвинялъ Шафарика и за его дружескія связи съ русскими.

Но эти непріятности разнаго рода не умалили энергіи Шафарика, и въ 1836—1837 гг. онъ напечаталъ свои замѣчательныя „Славянскія Древности“. „Что это за книга, пойметъ всякій, кто съ нею познакомятся хотя сколько нибудь“, писалъ Срезневскій въ 1843 г. въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. „Ее можно перевести, передѣлать, но не замѣнить. Каждый фактъ провѣренъ въ ней по нѣскольку разъ, каждый выводъ требовалъ перебора и сравненія множества свидѣтельствъ“. Мы не можемъ здѣсь входить въ оцѣнку и разсмотрѣніе этого капитальнаго труда. Изслѣдованіе древнѣйшаго, доисторическаго періода жизни славянъ, сопряженное съ необычайными трудностями, особенно въ это время, было сдѣлано Шафарикомъ въ высшей степени обстоятельно. Жизнь славянъ тутъ освѣщена до 1000 года. Въ этихъ двухъ томахъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарикъ провелъ и обосновалъ мысль, что славяне—такіе же древніе обитатели въ Европѣ, какъ и другія племена, ее населяющія. Тутъ впервые подвергнуты надлежащей критикѣ источники древнѣйшей исторіи славянъ и темныя страницы славянскаго прошедшаго получили нѣкоторое освѣщеніе. Если наука нашего времени, обогащенная многочисленными работами въ этой области, теперь во многомъ поправила бы отдѣльныя части „Древностей“, то все же книга Шафарика представляла первый и единственный ученый трудъ, охватившій все славянство древнѣйшаго періода, какъ единое цѣлое. Шафарикъ хотѣлъ было дать къ „Древностямъ“ историко-географическія карты, но не успѣлъ. Если „Славянскія Древности“ охватывали все славянство при началѣ его жизни и знако-

1) Brandl. Zivotopis Šafařika, стр. 25.

мили съ древнѣйшимъ періодомъ, то „Славянская Народопись“, изданная Шафарикомъ въ 1842 г., давала важнѣйшія свѣдѣнія о современномъ славянствѣ. Въ „Народописи“ сообщались краткія свѣдѣнія по исторіи, языку и литературѣ каждой славянской народности, опредѣлялись территория, предѣлы, численность и т. д. При этомъ изданіи была приложена первая этнографическая карта славянъ. Какъ эта книга, такъ и карта возбудили въ свое время обвиненія Шафарика въ панславизмѣ, этомъ пугалѣ нѣмцевъ и мадьяръ. Обѣ эти книги были переведены на русскій языкъ профессоромъ московскаго университета Бодянскимъ („Древности“ 1838 г., исправл. изд. 1848 г., „Народопись“ въ 1843 г.).

Но въ какомъ положеніи, въ какой обстановкѣ работалъ Шафарикъ надъ этими своими сочиненіями! Свидѣтелемъ-очевидцемъ этого времени жизни Шафарика былъ О. М. Бодянский, начавшій свое путешествіе по славянскимъ странамъ съ Праги, куда онъ прибылъ въ концѣ 1837 г. Вотъ что онъ писалъ въ Москву Погодину въ началѣ 1838 г.: „Шафарикъ страдаетъ ревматизмомъ до того, что не всегда даже можетъ брать перо въ руки... Такой дѣятельности, неутомимости, твердости и любви къ своему предмету, такого терпѣнія и борьбы съ своей, слишкомъ къ нему неблагодарной судьбой, я еще нигдѣ не встрѣчалъ...“ Впослѣдствіи Бодянский убѣдилъ Шафарика съѣздить вмѣстѣ съ нимъ и на его счетъ въ Карлсбадъ и Теплицъ полѣчиться отъ ревматизма. Въ Москвѣ нашлись отзывчивые люди, которые чрезъ Погодина прислали небольшую сумму въ помощь Шафарикѣ. Вопросъ тутъ шелъ просто о возможной для обитанія квартирѣ. „Теперь на дняхъ Шафарикъ переѣхалъ на новую квартиру, — сообщаетъ Бодянский Погодину въ апрѣлѣ 1838 г., — помещеніе несравненно лучшее и удобнѣйшее прежняго, по крайней мѣрѣ есть гдѣ расположиться съ книгами...“

Въ маѣ 1838 г. Шафарикъ сталъ редакторомъ „Часописи чешскаго музея“ послѣ Палацкаго, отказавшагося отъ этой должности. Эта должность дала ему небольшую прибавку къ содержанію (120 гульд.), но вмѣстѣ съ тѣмъ налагала большія обязанности и доставляла не мало хлопотъ. Въ 1838 г. онъ писалъ Погодину, что для успѣха задуманныхъ имъ изслѣдованій онъ хотѣлъ бы съ 1839 г. отказаться отъ редактированія „Часописи“.

Нѣкоторое пособіе его матеріальному положенію оказало временное его назначеніе цензоромъ чешскихъ изданій беллетристическаго характера. Эта должность давала ему 400 гульд. Цензоромъ былъ

Шафарикъ съ 1837 г. въ теченіе десяти лѣтъ. Но ему приходилось тратить много времени на чтеніе всевозможныхъ, часто вполнѣ ничтожныхъ пустяковъ, не смотря на то, что тутъ оказывала ему большую помощь его жена. Какъ цензоръ, онъ старался всячески оградить чешскую книгу отъ разныхъ стѣсненій, но за то принужденъ былъ выносить много неприяностей, вслѣдствіе доносовъ и полицейскихъ притѣсненій. Въ 1841 г. онъ сдѣлалъ было попытку сбросить съ себя эту тяготу цензорства, но это ему не удалось. Лишь въ 1847 г., послѣ одной большой неприяности изъ-за описанія путешествія по Галиціи Зота, имъ пропущеннаго, вызвавшаго какой то доносъ изъ Галиціи, хотя въ немъ ничего предосудительнаго не было, ему удалось освободиться отъ должности цензора.

Упомянемъ здѣсь еще объ одномъ предпріятіи Шафарика. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Прагу, онъ сталъ редакторомъ еженедѣльнаго чешскаго иллюстрированнаго журнала Světozor. Этотъ журналъ выходитъ въ 1834 и 1836 годахъ, и задача его была знакомить въ легкихъ очеркахъ и иллюстраціяхъ со славянами. Въ письмахъ къ своимъ юго-славянскимъ корреспондентамъ Шафарикъ упоминаетъ объ этомъ журналѣ, при чемъ выражалъ желаніе, чтобъ и на славянскомъ югѣ возникли подобныя иллюстраціи. Этотъ журналъ однако скорѣ прекратился по винѣ издателей.

Въ 1841 г. Шафарика приглашало прусское правительство выработать положеніе для славянскихъ кафедръ въ университетахъ Бреслава и Берлина и предлагало ему кафедре. Онъ ѣздилъ тогда въ Берлинъ и выработалъ планъ, опредѣливъ задачи новой кафедры, но отъ самой кафедры отказался. Когда стало извѣстно въ Вѣнѣ о такомъ приглашеніи Шафарика, Меттернихъ, тогда всемогущій, рѣшилъ позаботиться о томъ, чтобы Шафарикъ остался въ Австріи. Какъ протестанту, ему не хотѣли однако дать самостоятельной должности и предложили быть кустосомъ пражской библіотеки. Не способный по своей природѣ относиться спустя рукава къ своимъ обязанностямъ, Шафарикъ ревностно отдался этой должности, давшей ему нѣкоторое болѣе прочное, хотя и малое, обезпеченіе.

Но какъ редакторство „Часописи“, такъ, тѣмъ болѣе, цензорскія обязанности и мелочныя хлопоты по должности кустоса библіотеки отнимали у него много времени, и его біографы приписываютъ этому обстоятельству то, что онъ отказался отъ исполненія своего намѣренія написать второй томъ „Славянскихъ Древностей“, въ который должно было войдти изслѣдованіе о нравахъ, религій, обычаяхъ и т. д. славянъ.

Среди славянъ авторитетъ Шафарика тогда былъ весьма великъ. Выраженіе: „такъ думаетъ Шафарикъ“ имѣло достаточно силы, чтобы заставить противника замолчать. Когда на славянскомъ юго-западѣ среди хорватовъ началось иллирское литературное движеніе, оно искало поддержки у Шафарика. Его одобрителный отзывъ о Гаѣ и его дѣятельности (въ газетѣ *Ost und West* за 1838 г.) былъ перепечатанъ въ Хорватіи и дѣйствительно помогъ „Иллираму“.

Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ усиленно занимался церковно-славянскимъ языкомъ и его памятниками, древнею литературою сербовъ и болгаръ и вообще южныхъ и юго-западныхъ славянъ, собиралъ рукописи и старопечатныя книги, дѣлалъ копіи открытыхъ имъ или видѣнныхъ памятниковъ, выписки изъ нихъ и т. д. ¹⁾ „*Serbische Leseköper*“ трудъ, вышедшій въ 1833 г., свидѣтельствовалъ о глубокихъ свѣдѣніяхъ Шафарика въ старой сербской и славянской письменности. Всѣмъ, кто занимался хоть сколько-нибудь старо-славянскимъ языкомъ и литературою или вообще югославянами, хорошо извѣстны: „Памятники письменности югославянъ“, „Памятники глаголической письменности“, „Исторія юго-славянскихъ литературъ“, изданная въ пополненномъ видѣ послѣ его смерти, многочисленныя его статьи, вышедшія по-чешски и по-нѣмецки. Статьи и труды Шафарика по вопросу о древности кириллицы и глаголицы, его взгляды на происхожденіе и судьбы этихъ азбукъ имѣютъ значеніе и понынѣ.

Въ области изслѣдованій старо-чешской литературы сдѣлалъ Шафарикъ тоже весьма много. Его первый томъ *Vybor'a* съ грамматикою старо-чешскаго языка, различныя его статьи, изслѣдованія и открытія памятниковъ старо-чешскихъ составляютъ эпоху въ исторіи чешской науки. Онъ признавалъ подлинность Зеленогорской рукописи и другихъ древне-чешскихъ „открытій“, хотя замѣчалъ, что пользованіе глоссами въ извѣстномъ сборникѣ *Mater Verborum* Вацерада требуетъ особенной осторожности.

Въ то время, какъ въ русскихъ университетахъ, въ Москвѣ, Петербургѣ, такъ и въ нѣмецкомъ — Берлинскомъ уже были учреждены кафедръ славянскихъ нарѣчій, въ Австріи, въ которой, по мнѣнію Копитара, должно сосредоточиться изученіе славянъ и которая должна была бы отнять пальму первенства у Россіи въ этомъ

¹⁾ Описаніе рукописей Шафариковской библіотеки, находящейся нынѣ въ библіотекѣ чешскаго музея, сдѣлано М. Сперанскимъ и напечатано въ *Ученіяхъ* Московскаго Общества Исторіи и Древностей за 1894 годъ.

отношенія, противъ чего возражалъ въ свое время Добровскій, такой кафедры не существовало въ университетахъ. Шафарикъ постоянно твердилъ о необходимости ея учрежденія, преимущественно въ Прагѣ. Въ 1845 г., по предложенію эрцгерцога Стефана, управлявшаго въ то время Чехіей, Шафарикъ составилъ записку по этому вопросу. Палацкій, служившій посредникомъ между эрцгерцогомъ и Шафарикомъ, передавая эту записку, приложилъ свои замѣчанія, въ которыхъ говорить, что эта кафедра въ Пражскомъ университетѣ можетъ преуспѣвать лишь въ томъ случаѣ, когда на нее будетъ назначенъ Шафарикъ. „Необходимо спѣшить съ ея учрежденіемъ“,—писалъ онъ далѣе,—„тѣмъ болѣе, что этотъ необычайный мужъ, по крайней мѣрѣ физически, не безсмертенъ, и что вмѣстѣ съ нимъ похороненъ былъ бы неисчерпаемый кладъ знаній, который долго нельзя было бы ничѣмъ вознаградить, если бы не постарались, чтобы еще при его жизни другіе получили изъ него питаніе. Знаніе—сила и не можетъ быть безразличнымъ для нашего государства, увеличивается или падаетъ его сила въ нашихъ предѣлахъ, особенно въ виду сѣвернаго сосѣда, въ рукахъ котораго она не была бы незамѣтнымъ или неважнымъ моментомъ. При томъ министръ Уваровъ нѣсколько разъ дѣлалъ нашему Шафарику блестящія предложенія, желая его приобрести для Россіи, и предлагалъ ему самому опредѣлять условія, обѣщая напередъ на все согласиться. Какія предложенія ему дѣлались изъ Пруссіи“, (Шафарика въ 1841 г. приглашали въ Берлинъ и при его участіи былъ выработанъ планъ учрежденія славянской кафедры въ Берлинскомъ университетѣ, но отъ занятія ея Шафарикъ отказался)—„извѣстно въ самыхъ высшихъ мѣстахъ. Что только будетъ сдѣлано въ пользу Шафарика, будетъ разсматриваться въ славянскихъ странахъ сдѣланнымъ въ пользу славянскихъ народовъ Австріи, ибо нынѣ нѣтъ ни одного образованнаго славянина, который относился бы равнодушно къ имени и положенію Шафарика“. Палацкій, какъ извѣстно, былъ защитникомъ федеративнаго устройства Австріи и мечталъ о „славянской Австріи“. Онъ, подобно Копитару, справедливо видѣлъ въ наукѣ о славянахъ великое политическое орудіе и желалъ дать это орудіе въ руки Австріи....

Въ бурномъ 1848 г. въ Вѣнѣ, наконецъ, было рѣшено учрежденіе кафедры славянскихъ нарѣчій въ Пражскомъ университетѣ, но кафедра эта не была включена въ бюджетъ университета,—она такъ сказать только допускалась. Чтеніе лекцій по этой кафедрѣ началъ было Шафарикъ, но въ началѣ 1849 г. отказался отъ ихъ продол-

женія, ибо еще въ 1848 г. онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ университетской бібліотеки въ Прагѣ, что давало ему уже болѣе обезпеченное положеніе и улучшало матеріальныя условія его быта. Въ это время Шафаріку было 53 года, и совмѣщеніе обѣихъ должностей—бібліотекаря и профессора было ему уже не подъ силу. Новую кафедру занялъ Челяковскій, переѣхавшій въ Прагу изъ Бреславля.

Къ этому послѣднему десятилѣтію его жизни относятся все его важнѣйшія изслѣдованія по вопросу о глаголицѣ.

Богатія собранія старочешскихъ рукописей въ университетской бібліотекѣ давали ему возможность глубже войти въ эту тогда новую область славистики; нѣкоторыя изъ его работъ по этому отдѣлу вышли въ „Часописи“ послѣ его смерти.

Вообще въ 1848 г. на Шафарика было обращено болѣе вниманіе. Его пригласили въ Вѣну для участія въ комиссіи по предполагаемымъ реформамъ въ учебномъ дѣлѣ. Свои мнѣнія по вопросу о роли славянскихъ языковъ въ школахъ Шафарикъ свелъ въ статьѣ: „Объ уравниніи правъ чешскаго и нѣмецкаго языковъ“, помѣщенной въ „Часописи“ въ 1848 г. Предлагали Шафаріку даже мѣсто члена совѣта при министрѣ просвѣщенія, но онъ, не желая отказаться отъ своей роли стоящаго внѣ политической борьбы ученаго и не вѣря въ прочность тогдашнихъ порядковъ въ Австріи, не принялъ этой должности. Извѣстно, что и Палацкому предлагали было портфель министра просвѣщенія, но радовались, когда онъ его не принялъ. Къ этому же времени относится тотъ единственный случай, когда Шафарикъ выступилъ какъ будто бы на политическое поле, будучи избранъ предсѣдателемъ чешско-словацкаго отдѣла въ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1848 г., и произнесъ замѣчательную рѣчь къ собравшимъ представителямъ славянъ.

Житейская борьба, трудность условій, въ которыхъ пришлось Шафаріку неустанно работать, чрезвычайный, непомѣрный трудъ, недостатокъ средствъ, склонность къ болѣзнямъ—сильно надорвали Шафарика, лишь подъ конецъ жизни получившаго должность, болѣе или менѣе обезпечивавшую его существованіе. У Шафарика стали по временамъ появляться припадки нервнаго разстройства, переходившаго въ душевную болѣзнь. Шафарикъ сталъ подозрѣвать и бояться новыхъ преслѣдованій со стороны полиціи и шпіонства,—поэтому сжегъ письма, которыя онъ получалъ въ теченіе ряда лѣтъ отъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ и дѣятелей. Вотъ почему донныя не появляется писемъ къ нему Погодина, Гримма, Копитара и др.;

быть можетъ, что-либо найдется въ неразобранныхъ до недавняго времени бумагахъ Шафарика, хранящихся въ архивѣ Чешскаго музея. Во время одного изъ такихъ припадковъ, 11 (23) мая 1860 г., Шафарикъ незамѣтно вышелъ изъ дому и съ одного изъ мостовъ бросился въ Велтаву, но его спасли. Его биографъ Брандль разсказываетъ, что тогда въ полной мѣрѣ обнаружилась популярность и громадная ученая извѣстность Шафарика, которою онъ пользовался, самъ того не подозрѣвая. „Его квартира была въ настоящей осадѣ, каждый хотѣлъ узнать, поправляется ли *юрдостъ славянства* и тысячи вопросовъ приходили по телеграфу и по почтѣ не только изъ Чехи и Австрiи, но и изъ далекихъ славянскихъ земель, будетъ ли спасенъ князь государства науки, не имѣющей никакихъ границъ“. Послѣ этого случая Шафарикъ вышелъ въ отставку осенью 1860 г. и ему было оставлено его содержаніе въ пенсію. Прошло однако не долго послѣ этого случая, и Шафарикъ заболѣлъ и умеръ 14(26) iюня 1861 г. По характерному выраженію профессора А. А. Кочубинскаго въ его полной интереса книгѣ: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“ (Одесса. 1888) „тогда исполнилось старое желаніе Шафарика соединиться съ русскими“. Какъ протестанта, Шафарика похоронили не на католическомъ кладбищѣ, а подъ „Шишковой горю“, по близости отъ могилъ русскихъ воиновъ, павшихъ нѣкогда подъ Кульмомъ. На памятникѣ надъ могилою Шафарика высѣчено начало славянской надписи, когда-то имъ открытой на покровѣ на мошакъ сербскаго князя Лазаря въ Вердникѣ, одномъ изъ фрушкогорскихъ монастырей: „Въ краснихъ міра сего воспиталь се еси отъ юности свое“.

Шафарикъ былъ не только великій ученый, но и великій борецъ за живую идею воскрешенія славянъ и ихъ значеніе въ Европѣ. Онъ первый соединилъ въ изученіи все славянство, рассматривая его какъ цѣльный, единый организмъ. Если нѣкоторые современные ученые стараются обвинять его въ романтизмѣ взгляда на славянъ, то этотъ романтизмъ эпохи не мѣшалъ ни ясности его воззрѣній, ни глубокой и строгой его критикѣ, ни его высокой ученой добросовѣстности. Для своего высокаго призванія онъ забывалъ обо всемъ и подвергалъ себя самымъ тяжелымъ испытаніямъ, нерѣдко терзаясь за свою семью, которую онъ горячо любилъ,—лишь бы исполнить взятый имъ на себя добровольно тяжелый крестъ служенія славянской наукѣ. Искреннею, глубокою любовью и къ предмету изслѣдованія, и къ славянству, какъ племени, и къ каждой славянской народности проникнуть вся-

кій трудъ Шафарика, каждое письмо его перениски. Нѣчто примиряющее съ жизнью, нѣчто чистое, доброе слышится въ каждой строкѣ, вышедшей изъ-подъ пера этого великаго славянина.

Не только религія, но и наука имѣетъ своихъ мучениковъ“, пишетъ Брандль: „и тамъ и тутъ ведется борьба съ трудностями жизни и судьбы, и тутъ и тамъ жертвуютъ жизнью, зная, что хотя тѣло погибнетъ, духъ побѣдитъ вмѣстѣ съ идеаломъ, которому отдается жизнь. Такимъ мученикомъ былъ Шафарикъ; его тѣло пало въ жертву знанію, но духъ его будетъ жить безсмертно въ славянской наукѣ, которую онъ поднялъ на высокую степень совершенства“.

Эти слова почтеннаго біографа Шафарика совершенно справедливы.

III.

Рѣшительно всѣ современники и современныя свидѣтельства представляютъ Шафарика человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ. Стоитъ только перелистать письма Бодянскаго къ Погодиѣ, изданныя покойнымъ профессоромъ Ниломъ Поповымъ въ 1879 году, чтобы убѣдиться, какое глубокое впечатлѣніе производилъ Шафарикъ на имѣвшихъ съ нимъ общеніе и какія искреннія симпатіи и довѣріе вызывалъ. Поставивъ себѣ съ ранней юности высокія цѣли служенія славянству въ наукѣ, Шафарикъ остался вѣренъ имъ во всю свою жизнь, не смотря на всѣ ея трудности. Въ то же время онъ былъ патриотъ своей народности, но будучи словакомъ по происхожденію и симпатіямъ, онъ отождествлялъ интересы своей народности съ интересами чеховъ. Когда ему предстоялъ переѣздъ изъ Новаго Сада, онъ стремился въ Прагу, и только отчаяніе могло бы заставить его принять мѣсто „доцента въ какомъ нибудь нѣмецкомъ университетѣ“, какъ писалъ онъ друзьямъ. Для Россіи онъ былъ готовъ одно время сдѣлать исключеніе, но по различнымъ причинамъ переѣздъ его къ намъ не состоялся. Онъ вообще рѣшительно отказывался отъ всѣхъ случаевъ, представлявшихъ ему возможность улучшить свое матеріальное положеніе, если только эти случаи требовали перерыва или отвлеченія отъ поставленныхъ имъ себѣ задачъ. Такъ, онъ не принялъ приглашенія на славянскую кафедру въ Москву въ 1836 году и въ Берлинъ—въ 1841 году, а также—должность члена совѣта министерства просвѣщенія въ Вѣнѣ въ 1848 году. Шафарикъ былъ изъ числа тѣхъ, которые могутъ цѣликомъ, безповоротно, разъ на всегда опредѣлить всѣ свои симпатіи и, никогда не уклоняясь, идти къ сво-

имъ высокими цѣлямъ, мужественно преодолевая всѣ препятствія. какъ бы дорого имъ ни обходилась эта побѣда преградъ, воздвигаемыхъ практикою жизни на ихъ пути.

Профессоръ Пражскаго университета Масарикъ въ недавно имъ изданной интересной книжечкѣ по исторіи чешской культуры (*Séska otázka—Чешскій вопросъ*, 1895 г.) опредѣляетъ Шафарика, какъ строгаго, истиннаго гуманиста. Въ подъемѣ значенія славянъ и ихъ развитіи онъ видѣлъ ступень въ развитіи всего человѣчества и цивилизации. Нельзя объяснять случайностью, по совершенно вѣрному замѣчанію профессора Масарика, то обстоятельство, что первые и величайшіе вожди новаго литературнаго движенія чешскаго были потомки „чешскихъ братьевъ“ и ихъ протестантскихъ послѣдователей: Колларъ, Шафарикъ, Палацкій. Католическій священникъ Добровскій, истинный отецъ этого движенія, былъ по происхожденію моравянинъ и принадлежалъ къ числу свободомыслящихъ. Въ противоположность сильному въ своемъ консерватизмѣ католицизму Добровскій, Колларъ, Шафарикъ, Палацкій были защитниками свободы мысли и возвышенныхъ традицій чешскаго реформаціоннаго движенія. Они прямо провозглашали „братскіе“ идеалы гуманности. Въ своей „Исторіи славянскаго языка и литературы“ Шафарикъ представляетъ славянина по природѣ и всей своей сущности истиннымъ гражданиномъ міра, всегда отстаивавшимъ свою свободу и свои права; отъ свободы любящихъ миръ славянъ и отъ прогресса ихъ литературъ онъ ожидаетъ осуществленія идеи чистаго гуманизма. Вотъ какъ выражается тамъ Шафарикъ (стр. 63): „Пріятное чувство овладѣваетъ каждымъ патристически чувствующимъ человѣкомъ при взглядѣ на новѣйшую эпоху національной культуры славянъ. Нельзя не признать, что воодушевленная дѣятельность въ пользу столь святаго и прекраснаго дѣла, которое пробуждаетъ если не массу той или другой народности, то по крайней мѣрѣ выдающихся ея членовъ къ бодрой жизни, принесетъ послѣ мрачнаго утра солнечный день хотя храброму, но миролюбивому народу,—народу, во всей жизни котораго раздается столь много созвучій юношески поэтической Греціи, и что нужно еще только стать на ту степень эстетической и ученой культуры, на которой нѣкогда стояли греки, чтобы приблизиться къ нимъ и въ осуществленіи идей чистаго гуманизма“ (*in der Realisirung der Idee eines reinen Menschenthums*). Но существуетъ и большое различіе въ положеніи славянъ и грековъ. „Какъ несходны обстоятельства грековъ и славянъ, образующія духовную жизнь!“ восклицаетъ Шафарикъ.

„Каждое изъ греческихъ племенъ хотя и писало на своемъ нарѣчїи, какъ славяне, но всѣ племена употребляли одинъ и тотъ же алфавитъ. одну и ту же орографїю! А славяне?“

Въ этомъ вопросѣ объ азбукахъ, Шафарикъ отдавалъ предпочтеніе кириллицѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Коллару въ 1826 году, Шафарикъ замѣчаетъ по поводу чешской азбуки съ диакритическими значками, противъ чего сильно вооружался Копитаръ: „рядомъ съ чешскимъ я считаю кирилловскій алфавитъ самымъ совершеннымъ, а если бы при немъ были введены значки, опредѣляющіе качество (то-есть, диакритическіе знаки), онъ былъ бы выше чешскаго. Болѣе мудрые чужеземцы знаютъ цѣну кирилловскаго алфавита и признаютъ; мы же ее понижаемъ. Гротенфельдъ и другіе говорятъ, что никогда въ мірѣ не было алфавита столь соотвѣтственно приравленнаго къ звукамъ слова. Онъ совѣтуетъ, чтобы онъ былъ принятъ воими филологами, какъ всеобщій для всѣхъ языковъ міра,—а мы, свои, забрасываемъ эту азбуку, умалюемъ ея значеніе. Святые Кириллъ и Меѳодїи—или тѣ, кто были изобрѣтателями и усовершенствователями этой азбуки, простите намъ нашъ грѣхъ! Быть можетъ, только чужеземщина затуманила нашъ взглядъ, только чужой голосъ звучитъ и отзывается въ этомъ нашемъ отношенїи“... Извѣстно, что Шафарикъ изслѣдовалъ судьбы кирилловской и глаголической письменности и обонхъ славянскихъ алфавитовъ.

Вся ученая дѣятельность Шафарика согрѣвалась глубокою любовью къ предмету своихъ изысканій, къ славянству. Онъ любитъ каждую изъ славянскихъ народностей и свою собственную въ особенности. „Я готовъ положить даже свою жизнь за свой народъ“, писалъ онъ Коллару въ 1821 году, и въ его устахъ это не было фразой. Но въ то же время онъ былъ противникомъ созданія особой словацкой литературы на какомъ либо изъ словацкихъ нарѣчїи. Онъ даже опасался, чтобы изданіе словацкихъ народныхъ пѣсенъ не побудило „слѣпыхъ подражателей считать это лозунгомъ, что должно писать такъ, какъ говорить народъ“. Онъ поэтому не совѣмъ одобрительно относился къ поспѣшности преобразования сербскаго литературнаго языка Вукомъ Караджичемъ. Языкъ литературы долженъ имѣть болѣе многочисленную народность, чѣмъ словацкая, по его мнѣнію. Даже чешскій языкъ онъ считаетъ слишкомъ малымъ для высшихъ цѣлей литературы. Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ своихъ изслѣдованій Шафарикъ писалъ и печаталъ по-нѣмецки, имѣя въ виду службу общеевропейскому просвѣщенію и справедливо замѣчая, что

кругъ его чешскихъ читателей былъ слишкомъ малъ. Свое мнѣніе о томъ, что словаки должны держаться общаго съ чехами литературнаго языка, Шафарикъ выразилъ и въ своей статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ: *Hlas o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravanu a Slovaky* (1846 г. Голосъ о необходимости единства литературнаго языка для чеховъ, мораванъ и словаковъ), изданномъ въ ту пору, когда словаки уже рѣшительно выдѣлились изъ чешской литературы. Онъ опасался, что этотъ переворотъ у словаковъ, произведенный Гурбаномъ и Штуромъ, можетъ не только навсегда отдѣлить ихъ отъ чеховъ и мораванъ, но и вполне оторвать „настоящее и будущее словаковъ въ умственномъ и литературномъ отношеніяхъ отъ ихъ прошедшаго“.

Какъ ученый языковѣдъ, Шафарикъ хорошо понималъ невозможность создать какой либо искусственный языкъ и потому рѣзко высказывался противъ всякаго рода затѣй выработать какой либо *новый* языкъ, какъ общій для всѣхъ славянъ, а такія попытки дѣлались въ ту пору иными мечтателями; точно также рѣшительно онъ высказывался противъ всякихъ неоправданныхъ ничѣмъ измышленій въ алфавитѣ, до которыхъ былъ такой охотникъ Копитаръ. Шафарикъ желалъ созданія всеславянской грамматики, но такой только, въ которой были бы въ одномъ обзорѣ соединены формы всѣхъ славянскихъ нарѣчій. По его мнѣнію, такая грамматика свидѣтельствовала бы о дѣйствительномъ пробужденіи народнаго самосознанія у славянъ. „Вѣкъ нашего славянства подобенъ вѣку александрійскихъ грамматикъ, монаховъ, схоластиковъ средняго вѣка и т. д.“, писалъ онъ въ 1826 году. „*Народная жизнь* у насъ или совершенно извращена, или вовсе не существуетъ,—иначе не могли бы возникнуть разные нелѣпные домыслы (въ орфографіи). Боже мой! если бы у насъ была хоть искра народной жизни, не написалъ ли бы уже давно тотъ или другой славянскій филологъ *общую грамматику всеславянскую*, то-есть, соединилъ бы грамматики всѣхъ десяти славянскихъ нарѣчій по одной системѣ, чтобы при помощи одной книги мы могли бы научиться легко всѣмъ нарѣчіймъ. Сдѣлать это было бы легко при существованіи столькихъ грамматикъ, но мы не любимъ реальности, дѣйствительности, жизни,—легче ловить воздухъ“... Но какъ рѣшить вопросъ объ единствѣ азбуки и литературы у славянъ? Шафарикъ въ томъ же письмѣ Коллару говорить: „Если хотимъ помочь народности, мы должны ядти къ народу и его языку, какъ онъ существуетъ, а не обращаться къ мечтаніямъ. Вѣкъ Кирилловъ и Меео-

дѣвъ уже миноваль... Какое славянское нарѣчіе и какая славянская азбука стануть всеславянскими, рѣшить уже не *перо*, а только *мечъ*, потоки крови пророкутъ очертанія буквъ: тамъ, гдѣ ихъ потечеть больше всего, тамъ возникнутъ общеславянскій языкъ и алфавитъ“.

При такомъ реальномъ взглядѣ на славянъ Шафарикъ интересовался дѣйствительнымъ ихъ положеніемъ, а дѣйствительность представляла разнообразіе славянскихъ діалектовъ. Въ письмахъ къ Коллару онъ съ радостью сообщаетъ, что „въ Турціи больше славянскихъ племень (кнепѣ), чѣмъ снилось Вуку (Караджичу) и Копитару“, чтъ онъ „разыскалъ въ Македоніи два діалекта, которые рознятся другъ отъ друга по крайней мѣрѣ настолькоъ, какъ чешскій и русскій“ и т. п.

Какъ же должно и можетъ произойти взаимное сближеніе славянъ, раздѣленныхъ на столь много народностей и нарѣчій и разъединенныхъ между собою территоріально и своимъ историческимъ прошлымъ по мнѣнію Шафарика? Это сближеніе можетъ произвести взаимное ознакомленіе и просвѣщеніе. „Пока сербъ, пишетъ Шафарикъ, полагаетъ, что турокъ болѣе близкій ему пріятель, чѣмъ чехъ, полякъ или словенецъ, пока чехъ, славонецъ и т. д. расхваливаетъ нѣмца и считаетъ его братомъ, а презираетъ серба, болгарина и т. д., пренебрегаетъ ими или уклоняется отъ нихъ, какъ отъ турка или какого либо дикаря, до той поры нельзя и думать о всеславянской азбукѣ. *Natura non paritur saltum*“. Чтобы славяне могли исправить свои отношенія, нужно говорить имъ правду въ глаза. „Я не желаю, чтобы мы другъ другу лгали и ласкали сами себя неправдою“, писалъ Шафарикъ Коллару, когда чехи были недовольны тѣмъ, что онъ въ своей „Исторіи славянскаго языка и литературъ“ не призналъ за чешскимъ языкомъ первенства въ благозвучіи.

Славянамъ прежде всего нужно просвѣщеніе; нужно національное славянское воспитаніе и національная школа. „Въ Сербіи когда нибудь будетъ лучше, будутъ со временемъ и школы, но когда? Это рѣшить только мечъ!“ писалъ Шафарикъ въ 20-хъ годахъ Коллару. Просвѣщеніе должно имѣть славянскій характеръ. Когда Кеппенъ заговорилъ объ учрежденіи славянскихъ кафедръ въ Россіи, Шафарикъ, сообщая Коллару о томъ, что въ Россіи вырабатывается новый планъ *educatiōis publicae*, радуется, что по извѣстіямъ Кеппена возьметъ верхъ въ школахъ славянщина“.

Когда въ 1848 году въ Австріи готовились къ преобразованію школъ, Шафарикъ, участвовавшій въ засѣданіяхъ комиссіи въ Вѣнѣ,

явился, конечно, защитникомъ введенія чешскаго языка въ преподаваніе въ школахъ Чехіи. При этомъ однако онъ ставилъ однимъ изъ главныхъ условій новой постановки школьнаго дѣла, чтобы „общественное воспитаніе или школьное обученіе было поставлено въ Чехіи такъ, чтобы ни чехъ, ни нѣмецъ не отчуждался отъ своей народности“. По его мнѣнію, чехи и нѣмцы въ Чехіи должны получать знаніе обоихъ языковъ на сколько это нужно для ихъ практическихъ специальностей. Въ своей запискѣ (Часопись, 1848 года, вып. II). онъ высказываетъ замѣчательныя сужденія о значеніи народнаго языка. „Языкъ не есть только самое важное и самое необходимое орудіе духа: языкъ есть самый духъ въ своемъ величайшемъ воплощеніи, въ своемъ чистѣйшемъ проявленіи. Духъ не создаетъ языка, образуется въ языкѣ и съ языкомъ; единеніе ихъ, какъ тѣла и души, въ глубочайшихъ своихъ основаніяхъ непостижимо... Но вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ есть сознаніе народа, есть чарующая мощная связь, которая связываетъ дѣтя съ матерью, брата съ братомъ, семейство съ семействомъ и всѣхъ соединяетъ въ одинъ народъ, то есть, въ человѣческое общество, имѣющее силу и возможность вести въ духовномъ общеніи жизнь самостоятельную, опредѣленную и великую. Только согласно привычкою въ рѣчи и нравахъ возрастаетъ между людьми прочное общеніе, которое составляетъ основаніе всякой культуры; только въ воплощеніи духа народнаго живетъ духъ человѣческой. Человѣческое можетъ быть достигнуто единственно чрезъ посредство народнаго. Подражаніемъ чужому и проникновеніемъ чужаго народнаго духа въ нашъ народъ мы уничтожаемъ свой народный духъ и дѣлаемъ свой народъ рабомъ другаго народа. Въ этомъ смыслѣ родной языкъ и народность не есть высшая цѣль нашего существованія, но они—прирожденное и непремѣнное средство къ достиженію высшихъ и святѣйшихъ цѣлей жизни, духовнаго и нравственнаго совершенствованія. Исторія всѣхъ народовъ и временъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что угнетеніе народнаго языка, успѣшно проведенное насильственно или помощью отступничества, всегда имѣло своимъ послѣдствіемъ униженіе народнаго достоинства, ослабленіе духа и порчу нравовъ. Посмотрите только на выродившихся въ народномъ отношеніи горожанъ или дворянъ, воспитанныхъ на чужихъ языкахъ и въ чужихъ нравахъ, какъ они слабы въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, какъ они неспособны вознестись къ высшимъ идеальнымъ цѣлямъ жизни, если мы сравнимъ ихъ съ сельскимъ населеніемъ, твердо сохранившимъ

отцовскую рѣчь и нравы, тамъ, гдѣ оно духовно созрѣло и (народно) пробуждено! Это мечь за уклоненіе отъ природы!" Такъ писалъ Шафарикъ, защищая права чешскаго языка быть языкомъ школъ и преподаванія. Но этуо защитою народности Шафарикъ не отрицалъ важности знанія чужихъ языковъ и замѣчалъ, что это знаніе необходимо, какъ средство образованія и просвѣщенія.

Но при такомъ взглядѣ на значеніе народнаго языка мыслима ли возможность достигнуть когда либо единаго общаго литературнаго языка для славянъ. Шафарикъ прежде всего былъ строгій ученый и не любилъ „ловить воздухъ“, по его выраженію: всюду онъ искалъ дѣйствительности и правды жизни. Въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка многіе чешскіе патріоты считали близкимъ время не только политическаго объединенія славянъ, но и культурнаго, которое должно было выразиться принятіемъ одного языка для всей славянской письменности. Юнгманъ, Челяковскій, Антонинъ Марекъ были лучшими, самыми благородными представителями этихъ ожиданій. Антонинъ Марекъ въ одномъ изъ своихъ несохранившихся писемъ къ Шафарику излагалъ свой планъ всеславянства. Шафарикъ, отвѣчая ему въ 1850 году, писалъ: „съ принципами, изложенными въ письмѣ (Марка) и въ томъ, что касается общаго языка въ теоріи и идеяхъ я вполнѣ согласенъ, хотя съ практической точки зрѣнія предвижу, что если не все, то по крайней мѣрѣ многое для насъ и для нашего вѣка останется *pium desiderium*. Пока насъ не объединитъ высшая сила и пока Богъ не дастъ въ единомъ цѣломъ новой духовной жизни, до той поры будутъ тщетны старанія отдѣльныхъ ученыхъ возмѣстить недостатокъ политической жизни или единымъ правописаніемъ, или единымъ письменнымъ языкомъ,—мы разлетимся въ разныя стороны и вполсѣдствіи еще болѣе, чѣмъ теперъ. Но оставимъ это Провидѣнію“.

Выше было уже упомянуто о томъ случаѣ, когда Шафарикъ выступилъ было какъ политическій дѣятель во время перваго съѣзда славянъ, происходившаго въ Прагѣ въ 1848 году. Сначала онъ былъ избранъ предсѣдателемъ съѣзда, но онъ отказался отъ этой чести: его замѣнилъ Палацкій, а онъ сталъ предсѣдателемъ чешско-словацкаго отдѣла. При открытіи засѣданій съѣзда 3-го іюня (новаго стиля) Шафарикъ произнесъ рѣчь, произведшую громадное впечатлѣніе на собравшихся со всѣхъ сторонъ австрійскихъ славянъ, жившихъ въ то время самыми радужными надеждами. Шафарикъ поддался общему возбужденію и настроенію съѣхавшихся впервые различныхъ славянъ и въ его рѣчи

вылились его мечты объ освобожденіи славянъ отъ матеріальной и нравственной зависимости, ему самому казалось, что близко то время, когда наступитъ торжество нравственной правды для славянъ. Вотъ эта рѣчь—in extenso: „что насъ здѣсь собрало? Движеніе народовъ трехъ племень, движеніе, какого не было въ исторіи человѣчества. отъ котораго земля дрожать и потрясается, отъ котораго бѣгутъ могущественныя исполины, правительство штыковъ и шпионовъ падаетъ ницъ, народъ требуетъ наслѣдства, Богомъ ему переданнаго, это движеніе тронуло и насъ и собрало насъ здѣсь. Правительство штыковъ и шпионовъ впредь положительно невозможно... Народы овладѣли своими вѣчными правами. Они собираются и совѣщаются о себѣ и о насъ, о своей и нашей будущности, совѣщаются на Майнѣ во Франкфуртѣ и на Дунаѣ—въ Буда-Пештѣ: дома и внѣ нашей имперіи. Когда другіе народы совѣщаются о насъ и опредѣляютъ наше будущее,—посоветуемся и мы сами о себѣ и о своемъ будущемъ! Навѣрное. мы сами знаемъ лучше, чѣмъ другіе, себя и наши нужды, желанія, цѣли. Какой же приговоръ произносить о насъ другіе народы, наши сосѣди—нѣмцы, мадьяры и итальянцы? Признаемъ и не скроемъ, какъ бы горекъ онъ не былъ. Ихъ приговоръ такой, что мы неспособны къ полной свободѣ, что мы неспособны къ высшей политической жизни только потому, что мы—славяне. „Славянинъ“, такъ гласитъ ихъ судъ, „отъ природы осужденъ на рабство, на подданство другимъ избраннымъ, болѣе даровитымъ и благороднымъ народамъ“. Кто же тѣ, которые такъ судятъ о насъ? Это тѣ, которые до сихъ поръ надъ нами держали желѣзную руку и отчасти еще держать; тѣ, которые стригли волну нашихъ овецъ, которые тучили мозгомъ нашихъ костей; тѣ, которые питались потомъ и мозолями нашихъ крестьянъ; тѣ, за которыхъ воевали и кровь свою проливали наши братья, сыны нашихъ дорогихъ матерей; тѣ, которые называютъ себя образователями и защитниками нашими, которые насъ лишаютъ славянской народности и которыхъ мы, стало быть, называемъ притѣснителями нашими, убійцами нашихъ душъ. Братья! тѣ, кто о насъ такъ судятъ, это—наши враги и притѣснители; ихъ свидѣтельство пристрастно и потому криво. Ихъ приговоръ противорѣчитъ самому себѣ, какъ всякая ложь. Если мы не хотимъ такого образованія, какъ они говорятъ, то-есть, если не хотимъ онѣмечиться, омадьяриться, обитальяниться, то насъ ругаютъ дикарями, варварами и рабами. Если же мы хотимъ образованія, то-есть, вполне ославяниться и быть славянами, какъ намъ велитъ голосъ совѣсти,

чтобы доказать, что мы, какъ славяне, способны къ свободѣ и высшей политической жизни,—то они честятъ насъ измѣнниками отечества и преступниками, врагами ихъ свободы. И такъ, дѣлай и говори, что угодно,—они всегда терзаютъ и мучатъ раскаленными клещами невинную нашу совѣсть, они всегда клеймятъ раскаленнымъ желѣзомъ наше чистое чело. Это положеніе дѣль не должно продолжаться. Жребій народовъ брошенъ; наступила и для насъ рѣшительная пора раньше, чѣмъ мы надѣялись. Невинность передъ совѣстью и Богомъ—ничего не значить передъ судомъ міра сего, передъ судомъ народовъ. Либо очистимся на дѣлѣ и докажемъ, что мы способны къ свободѣ, либо преобразимся быстро въ нѣмцевъ, мадьяръ и итальянцевъ, чтобы для другихъ народовъ не быть дольше въ тягость и обиду, чтобы не перенести нашего позора и нашего униженія на нашихъ сыновъ. Или достигнемъ того, чтобы съ гордостью сказать передъ народами: „я славянинъ“, или перестанемъ быть славянами. Моральная смерть—это наихудшая смерть, а моральная жизнь—наивысшая жизнь. Поэтому, мы раньше, чѣмъ сдать на милость другимъ народамъ, заглянемъ поглубже внутрь нашихъ душъ, посмотримъ, какая въ нихъ моральная сила, попытаемся, сможемъ-ли мы доказать имъ, что мы умѣемъ владѣть и посохомъ свободы, такъ какъ они насъ обвиняютъ, что мы до сихъ поръ были только молотомъ и орудіемъ рабства. Если въ насъ будетъ моральная сила, если проникнется одною мыслью, одною волею тѣло нашего народа, то народы цѣлой земли, не устоятъ передъ ней. Ибо все, что подъ солнцемъ и надъ солнцемъ, превосходитъ моральная сила. Хочетъ и можетъ-ли нашъ славянскій народъ стать всей своею силою за свои права, добыть ихъ себѣ, на основаніи справедливости къ себѣ и другимъ народамъ, вотъ что составляетъ великую, святую задачу нашихъ совѣщаній! Изъ рабства нѣтъ дороги къ свободѣ безъ борьбы: либо побѣда и свободная національность, либо почетная смерть и по смерти слава!¹⁾

Извѣстно, какъ печально окончился этотъ первый съѣздъ славянъ, къ которому успѣли примазаться и нѣсколько такихъ людей, какъ Бакуничъ и Либельтъ. Возникшіе въ Прагѣ революціонные беспорядки не дозволяли съѣзду продолжаться, и его дѣятельность, какъ

¹⁾ За неизмѣнимъ подъ руками чешскаго подлиннаго текста рѣчи Шафарика пользуемся переводомъ ея въ статьѣ покойнаго проф. Первоуфа: „Австріійскіе Славяне въ 1848—1849 годахъ“ (*Вѣстникъ Европы*, 1879, т. II, стр. 503 и сл.).

известно, не привела ни къ какому результату, развѣ только то, что свидѣлись и познакомились видные дѣятели, писатели и патриоты различныхъ славянскихъ народностей. „Тенденція и дѣятельность конгресса были вполнѣ лояльны, и послѣдній заслуживалъ лучшей участи“, писалъ Шафарикъ Погодину, предостерегая его не давать вѣры сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ о событіяхъ въ Прагѣ 12—17-го іюня. „Движеніе было не народное, а чисто политическаго характера: это было возмущеніе, въ которомъ принимали участіе нѣмцы и чехи. Славянскій конгрессъ, какъ таковой, не имѣлъ никакого отношенія къ нему. Только послѣ катастрофы вся вина была искусственно взвалена на чеховъ. То, что нѣмецкія газеты измышляли и измышляютъ противъ чеховъ—безстыдная ложь. Раньше или позже все разъяснится, какъ происходили событія въ Прагѣ“.

Это былъ единственный случай, когда Шафарикъ явился участникомъ и дѣятелемъ въ общеславянскомъ движеніи политическаго характера. Его прекрасная рѣчь, въ которой онъ призывалъ славянъ взвѣсить свои *моральныя* силы, даетъ въ сущности программу и для теперешней дѣятельности славянъ, разъединяемыхъ раздорами и потому нерѣдко, противъ воли и даже безсознательно, являющихся орудіемъ въ рукахъ своихъ собственныхъ враговъ...

IV.

Для насъ русскихъ особенно интересны взгляды Шафарика на Россію и его связи и отношенія съ русскими людьми. Известный и отчасти опубликованный уже матеріалъ даетъ нѣкоторое право судить о нихъ, но нужно ожидать, что скоро появится значительно болѣе свидѣтельствъ объ отношеніяхъ Шафарика и русскихъ ученыхъ и дѣятелей. Въ томъ культурномъ нашемъ движеніи, которое выразилось въ славянофильствѣ и направило нашу умственную работу на національный путь, въ нѣкоторомъ отношеніи принималъ участіе и Шафарикъ. Его вліяніе сказалось чрезъ посредство многихъ русскихъ дѣятелей въ наукѣ, журналистикѣ и политикѣ того времени и особенно сильно отразилось въ Москвѣ. Его связи съ Погодинымъ, продолжавшіяся со времени перваго ихъ знакомства до конца его жизни, въ высшей степени интересны и важны. Въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ съ Шафарикомъ познакомились Бодянский, Срезневскій, Григоровичъ, Прейсъ—первые русскіе слависты профессора, Кеппелъ, Надеждинъ, Петръ Кирѣевскій, Иванишевъ, Касторскій, Максимо-

вичъ, Грановскій, Соловьевъ и многіе другіе. Ознакомленіе со славянами становилось столь популярно у насъ, что молодые ученые даже другяихъ специальностей нѣсколько занимались славянскими нарѣчіями.

Такъ Бодянский въ письмѣ къ Погодину въ 1838 году упоминаетъ о прїѣздѣ въ Прагу вполсѣдствіи извѣстнаго московскаго профессора-юриста Лешкова и Лукьяновича-классика, которые желали „позаняться чешскимъ и сербскимъ языками“ въ Вѣнѣ.

Связи Шафарика съ Погодинымъ были столь близки и сердечны, что Шафарикъ въ предисловіи къ „Славянскимъ Древностямъ“ вспоминаетъ о Погодинѣ: „И тебя благодарю, любезнѣйшій М. П. Погодинъ, который видѣвши, во время своего пребыванія у насъ, въ августѣ 1835 года, это сочиненіе еще неоконченнымъ, оцѣнилъ его душой истиннаго славянина и не переставалъ съ тѣхъ поръ помогать мнѣ всѣми мѣрами къ обогащенію и скорѣйшему изданію его. Не разъ казалось мнѣ, при сочиненіи этого творенія, что я какъ будто для однихъ васъ (то-есть, Погодина и Палацкаго) писалъ его, что одни только вы, читая его, можете сочувствовать и понимать меня: а потому мнѣ весьма пріятно было бы, если бы прежде всего ваши глаза съ радостью и любовью остановились на немъ, теперь уже приведенномъ къ концу“. Дѣйствительно, Погодинъ принималъ самое живое участіе не только въ трудахъ Шафарика, но и въ его трудномъ положеніи: онъ ободрялъ его, снабжалъ русскими книгами и изданіями, являлся посредникомъ въ оказаніи ему матеріальной поддержки, помогалъ ему самъ.

Знакомство Шафарика съ русскими и сближеніе началось со времени посѣщенія его въ Новомъ Садѣ Кеппеномъ въ 1822 году. Шафарикъ въ ту пору чрезвычайно интересовался всѣмъ, что печаталось въ Россіи, съ большимъ трудомъ и часто непосильными затратами добывалъ русскія книги, обходившіяся очень дорого, выписывалъ совмѣстно съ другими русскіе газеты и журналы. Переписка его съ Колларомъ и Гамулькомъ въ это время переполнена разными соображеніями о подпискѣ на русскія изданія.

Со времени путешествія Кеппена возникаетъ предположеніе о приглашеніи Шафарика въ Россію. Вернувшись изъ путешествія по славянскимъ странамъ, Кеппенъ явился посредникомъ между учеными славянами, особенно чехами, и министромъ народнаго просвѣщенія, извѣстнымъ славянолюбомъ, Шишковымъ. Въ Россіи, въ высшихъ кругахъ, возникаетъ серьезный интересъ къ славянству и получаетъ правильное выраженіе. Когда задумывалась реформа организаціи школь-

наго дѣла въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось преобразовать университеты, возникла мысль объ учрежденіи особыхъ кафедръ по исторіи славянскихъ литературъ, и Кешпенъ писалъ Ганкѣ о планѣ пригласить на эти кафедры чеховъ: Ганку, Шафарика и Палацкаго (впослѣдствіи Палацкаго предполагалось замѣнить Челяковскимъ). Шафарикъ былъ намѣченъ для Москвы, по указанію Ганки, пользовавшагося въ то время большимъ довѣріемъ со стороны вліятельныхъ у насъ лицъ. Это происходило въ 1826 году. Хотя дѣло на этотъ разъ не состоялось, но мысль о приглашеніи чешскихъ ученыхъ въ Россію не заглохла ¹⁾.

Въ 1829 году Шишковъ, оставшись послѣ передачи министерскаго поста князю Ливену только президентомъ Россійской Академіи, задумалъ учредить изъ Академіи славянскую бібліотеку, въ которой были бы собраны памятники и литературныя произведенія по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и вообще всѣ книги, относящіяся къ славяновѣдѣнію и пригласить въ Россію славянскихъ ученыхъ, на которыхъ предполагалось возложить обязанность составить общій словарь славянскихъ нарѣчій и вмѣстѣ съ тѣмъ быть хранителями славянской бібліотеки. Въ числѣ другихъ предположено было пригласить Шафарика съ окладомъ въ 4.000 руб., а на славянскую бібліотеку опредѣлялся расходъ отъ 30 до 40 тысячъ руб. Это предположеніе Шишкова было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ и въ Россійской Академіи и въ Комитетѣ министровъ. Въ началѣ 1830 года предложеніе о вызовѣ въ Россію Шафарика, Ганки и Челяковскаго было одобрено государемъ Николаемъ Павловичемъ. Но и на этотъ разъ дѣло не состоялось. Шафарикъ, получивъ приглашеніе, выразилъ согласіе, но просилъ отсрочки, чтобы окончить свои начатыя ученныя работы, а также въ виду болѣзненнаго состоянія жены, которой могъ повредить сѣверный климатъ. Дѣло пріѣзда славянскихъ ученыхъ въ Петербургъ замедлилось по разнымъ причинамъ и потомъ было отложено. Предполагалось сначала выработать обширный планъ всеславянскаго словаря, а затѣмъ уже вызвать Шафарика, Ганку и Челяковскаго. Шишковъ сообщилъ Шафарика, что онъ пока можетъ пользоваться временемъ для окончанія начатыхъ работъ, а Шафарикъ именно тогда усердно подбиралъ матеріалъ для

¹⁾ Исторію и ходъ дѣла можно найти въ интересномъ трудѣ проф. Одесскаго университета А. А. Кочубинскаго: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“, Одесса, 1887—1888.

своихъ „Древностей“, дѣлалъ выпяски, разбиралъ памятники и тексты, подвергалъ критикѣ данныя. Поэтому онъ спокойно оставался въ Новомъ Садѣ и готовился къ будущей дѣятельности въ Петербургѣ, считая себя какъ бы во временномъ отпуску отъ службы въ Россійской Академіи. Когда же въ 1832 году Шафарикъ написалъ Шишкову, что послѣдній срокъ своего прибытія въ Петербургъ онъ опредѣляетъ весною 1833 года, то получилъ отъ секретаря Россійской Академіи Соколова отвѣтъ, въ которомъ выражалось мнѣніе, что, быть можетъ, ему удобнѣе остаться для своихъ работъ еще нѣсколько лѣтъ въ Новомъ Садѣ. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ переѣздъ Шафарика въ Россію не состоялся. Быть можетъ, виною видимаго охлажденія къ мысли объ учрежденіи славянской бібліотеки при Россійской Академіи и вообще къ плану Шишкова былъ разгравшійся мятежъ поляковъ...

Приглашеніе Шафарика въ Россію было сдѣлано еще разъ почетелемъ Московскаго округа и университета графомъ Строгановымъ, при участіи и посредничествѣ М. П. Погодина. Когда былъ выработанъ новый уставъ университетскій 1835 года и учреждена каведра славянскихъ нарѣчій, графъ Строгановъ, по указанію Погодина, намѣтилъ на эту каведру Шафарика. Приглашеніе было ему послано въ февралѣ 1836 года, но на этотъ разъ Шафарикъ прямо отказался отъ переѣзда въ Москву. Шафарикъ въ это время страдалъ ревматизмомъ, а его жена, сербка, была женщина болѣзненная и слабая. Часто хворала, и онъ опасался развитія чахотки. Удерживало его отъ принятія московской каведры и то, что онъ не могъ говорить и писать по-русски. „Мой родной языкъ—чешскій“, писалъ онъ Погодину, послѣ полученія приглашенія въ Москву; „то, что я теоретически знаю славянскія нарѣчія, недостаточно, чтобы я могъ примѣнить къ практикѣ свои свѣдѣнія въ Москвѣ. Я уже не молодъ, и мнѣ изученіе языковъ дается столь трудно, что я не надѣюсь имѣть возможность выступить въ Россіи, какъ учитель и писатель на русскомъ языкѣ, а показаться чужимъ, *нѣмцемъ*,—я бы рѣшительно никакъ не желалъ“. На эту новую каведру готовился Осипъ Максимовичъ Бодянский, державшій 10-го октября 1836 года экзаменъ на степень магистра „преимущественно по предмету исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій“, какъ сказано было въ его прешеніи о допущеніи къ магистерскому экзамену, и 31-го мая 1837 года защищавшій свою магистерскую диссертацию: „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“.

Связи и сношенія Шафарика съ русскими стали особенно прочны и разнообразны съ 1835 г., когда Погодинъ посѣтилъ его въ Прагѣ и вступилъ съ нимъ въ самыя искреннія, самыя дружескія отношенія ¹⁾. Интересно замѣтить, что первую помощь для начала печатанія своихъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарикъ получилъ отъ Погодина, который послалъ ему 500 руб., собранныхъ между друзьями въ Москвѣ. Шафарикъ не просилъ о пособіи отъ своихъ русскихъ друзей,—онъ желалъ отъ нихъ только книгъ и облегченія литературныхъ сношеній; но Погодинъ, Грановскій, познакомившійся съ Шафарикомъ въ 1837 г., Бодянский и др. хорошо знали крайне тяжелое въ матеріальномъ отношеніи положеніе великаго ученаго славянина и сами отзывались на его нужду. Лишь благодаря московскому пособію, Шафарикъ могъ ускорить печатаніе „Славянскихъ Древностей“, какъ онъ писалъ Погодину въ маѣ 1836 года.

Не безучастно относились къ Шафарикю и его трудамъ Россійская Академія и министерство народнаго просвѣщенія. Большое содѣйствіе этому оказалъ Погодинъ, который велъ очень оживленную переписку съ Бодянскимъ во время пребыванія Бодянского въ Прагѣ. Въ своихъ письмахъ Бодянский писалъ о Шафарикѣ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ къ его учености, труду и добротѣ. Лишь только вышли „Древности“, Бодянский сталъ переводить ихъ, и первая часть ихъ вышла по-русски въ 1838 г., хотя весьма неисправно. Продолжать печатаніе перевода Погодинъ принужденъ былъ отказаться, за недостаткомъ средствъ для этого. Погодинъ не разъ помогалъ Шафарикю. Такъ, 24-го марта 1838 г. Бодянский пишетъ Погодину: „Шафарикъ чрезвычайно благодаренъ вамъ за вексель: безъ него я не знаю, что бы онъ дѣлалъ въ теперешнемъ своемъ сляшкомъ критическомъ положеніи“. Когда вышла первая часть „Славянскихъ Древностей“, Россійская Академія, по письму Кеппена, наградила Шафарика золотою медалью средней величины и подписалась на экземпляръ „Древностей“. Скромный Шафарикъ въ письмѣ къ Погодину искренно заявляетъ, что такое отличіе превосходитъ его заслуги, но онъ принужденъ былъ тотчасъ продать эту медаль для покрытія своихъ настоятельныхъ нуждъ.

Посѣтивъ Шафарика въ Прагѣ въ 1835 г., Погодинъ видѣлъ

---

¹⁾ Эти сношенія и связи Шафарика съ Погодинымъ обстоятельно изложены въ почтенномъ трудѣ Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“ особенно въ томахъ 4, 5, 7.

неприглядную обстановку, въ которой онъ работалъ надъ своими монументальными произведеніями. Вотъ какъ Погодинъ описалъ эту обстановку: „Тѣсная рабочая комната уставлена полками съ книгами: по срединѣ столъ, покрытый бумагами. Подлѣ двѣ еще меньшія комнатки для семейства, которое составляютъ: жена, словенка родомъ изъ Венгріи, теща и четверо дѣтей. Ходъ въ комнаты мимо кухни. Весь доходъ его отъ литературныхъ трудовъ простирается не свыше двухъ тысячъ рублей“ (ассигнаціями, то-есть, около 570 руб.). „Здѣсь то живетъ и съ такими-то малыми средствами дѣйствуетъ великій мужъ, одинъ изъ первыхъ представителей миллионнаго народа, пекущійся о судьбѣ его на будущія времена, безъ его вѣдома, не только безъ благодарности, безъ славы, признаваемый вполнѣ, можетъ быть, десятью-двадцатью человѣками во всей Европѣ, работающій до упаду отъ утра до вечера надъ семи тяжелыми, изнурительными сочиненіями, коихъ никто почти не покупаетъ, не читаетъ, не знаетъ. О, какъ ничтожными показались мнѣ всякіе нелѣпые проекты и мечтанія. И неужели въ славянскихъ земляхъ, неужели на Святой Руси не найдется такихъ богачей, которые бы удѣлили хоть по крохотной частицѣ отъ своихъ сокровищъ для содѣянія ученымъ трудамъ Шафарика, не для его пользы, но для пользы всѣхъ славянскихъ племенъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ? Какой драгоценный случай сдѣлать добро, вѣковѣчное добро, посредствомъ пожертвованій, самыхъ маловажныхъ или ничтожныхъ. Шафарикъ не приметъ ихъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но развѣ нѣтъ тысячи средствъ устроить это такъ, чтобы онъ самъ ничего о томъ и не провѣдалъ; скупить экземпляры его изданій, прислать отъ имени неизвѣстнаго, взять на свой счетъ издержки по тому или другому ученому предпріятію, предложить какойнибудь новый трудъ“... Столъ деликатно понималъ Погодинъ отношенія и помощь Шафарику. Быть можетъ, онъ тогда же помогъ Шафарику, такъ какъ въ бумагахъ Погодина найдена квитанція Шафарика въ полученіи отъ него 500 гульденовъ, съ обязательствомъ прислать въ Москву соответственное количество экземпляровъ своей „исторіи славянъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“ (разумѣются „Древности“, которая готовилъ Шафарикъ къ печати). Росписка эта датирована 14-мъ сентября 1835 г. ¹⁾, вскорѣ послѣ отъѣзда Погодина изъ Праги.

¹⁾ Н. Поповъ. Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель, стр. 146.

Чрезвычайно мѣткую характеристику Шафарика сдѣлалъ тогда же Погодинъ, передавая сущность первыхъ своихъ бесѣдъ съ нимъ. „Сохранить языкъ въ устахъ народа—вотъ наше предназначеніе, и больше ничего. Ни о чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ, что угодно Богу,—сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать предѣльную исторію судебъ славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ; рѣчь его текла спокойной, величественной струей. Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, пламенная вѣра въ Бога,—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово. Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ вѣками; я увидѣлъ различіе между постояннымъ убѣжденіемъ, зрѣлымъ плодомъ долготѣняго размышленія, и мгновеннымъ порывомъ; я понялъ, что значить зависѣть отъ минуты и господствовать надъ временемъ. Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ; только племена, народы занимали его. Онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ ежедневныхъ происшествій и говорилъ о вѣковѣчныхъ послѣдствіяхъ. Что за величественное спокойствіе! Увѣренность въ святости дѣла, въ высочасти своего призванія, изображалась на его лицѣ, слышалась въ звукахъ его голоса. Я внималъ великому мужу, не смѣя дохнуть, опасаясь проронить одно слово, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Казалось, что я слышу голосъ съ того свѣта, что предо мною стоитъ мужъ временъ апостольскихъ“¹⁾).

Столь восторженно отзывался Погодинъ о Шафарикѣ! Это глубокое впечатлѣніе, произведенное Шафарикомъ на Погодина, не потеряло своей силы до конца жизни великаго чешскаго ученаго. Шафарикъ заботливо и участливо относился къ молодымъ русскимъ ученымъ, пріѣзжавшимъ въ Прагу, и на нихъ онъ производилъ такое же сильное впечатлѣніе своею ученостью, трудолюбіемъ и доброю внимательностью. „Шафарикъ для меня,—писалъ Водянской въ 1838 году,—цѣлая Академія; ему я болѣе всѣхъ обязанъ и сомнѣваюсь, чтобы ктонибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ.. Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины; это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каж-

¹⁾ Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. IV, стр. 314 и слѣд.

дый день имѣю я случай замѣчать, и когда подумаю, чего это стоило ему при такихъ крутыхъ его обстоятельствахъ, недостаткахъ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь“. Бодянский нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ къ Погодину выражаетъ желаніе, чтобы была оказана поддержка Шафарику въ его трудныхъ обстоятельствахъ за его помощь въ занятіяхъ молодымъ русскимъ славистамъ. Въ своемъ отчетѣ въ 1838 году министру С. С. Уварову Бодянский упоминаетъ о „безмездныхъ услугахъ“ Шафарика. „Въ немъ нашелъ я больше, нежели надѣялся, нежели воображалъ себѣ. Онъ былъ для меня живую славянскою энциклопедіею“, прибавлялъ Бодянский. Вскорѣ воспользовались услугами Шафарика и другіе первые русскіе слависты—профессора: Срезневскій и Прейсъ. Какъ увидимъ, голосъ Бодянскаго былъ услышанъ графомъ Уваровымъ. Грановскій, посѣтившій Прагу и Шафарика въ 1838 году, былъ пораженъ глубиною знаній Шафарика и въ то же время его бѣдностью. Возвратившись въ Москву, онъ хлопоталъ—было устроить общество, которое обязалось бы посылать Шафарику ежегодное пособие въ тысячу рублей, но при томъ такъ, чтобы не оскорбить деликатное чувство великаго ученаго. Вигель писалъ Погодину въ 1838 году, что князь Одоевскій собираетъ сумму въ Петербургѣ въ пользу Шафарика, и что самъ Вигель уже собралъ „сотни двѣ“.

С. М. Соловьевъ познакомился съ Шафарикомъ въ 1843 году въ Прагѣ и писалъ Погодину по этому поводу: „Шафарикъ въ разговорѣ со мною упомянулъ о необходимости краткой *всеславянской* исторіи, и мнѣ тотчасъ пришло въ голову, не близокъ-ли я къ этому труду прошлогодними моими занятіями?.. Прага нужна для Москвы, а Москва для Праги, и оба города—два ока міру словенскому“. Такъ въ ту пору у насъ смотрѣли на Прагу, быть можетъ, главнымъ образомъ благодаря уваженію къ Шафарику и признанію его ученой славы, а также популярности Ганки между русскими. Это отразилось и въ стихотвореніяхъ Хомякова и Тютчева.

Бодянский, готовясь занять кафедру славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, думалъ о необходимости составить славянскую бібліотеку для университета. Онъ нѣсколько разъ писалъ Погодину объ этомъ, указывая, что при совѣтѣ и указаніяхъ Шафарика было бы легко приобрести дешево нужныя книги, если бы университетъ ассигновалъ на это нѣкоторую сумму. Неизвѣстно, отозвался-ли Московскій университетъ на это предложеніе будущаго своего профессора, но въ 1843 году отъ Бодянскаго было куплено собраніе славянскихъ книгъ (1906

экземпляровъ) для университетской библиотеки. Эта „славянская библиотека Бодянского“ положила основаніе книжному богатству по славистикѣ въ Московскомъ университетѣ. Приобрѣтена была она за 3,142 рубля 85¹/₂ копѣекъ серебромъ, пожертвованные для этой цѣли почетнымъ смотрителемъ Бронницкаго уѣзднаго училища Шеланутынымъ, чрезъ посредство попечителя графа Строганова, близко принявшаго къ сердцу судьбы новооснованной каѳедры.

Вообще Москва въ ту пору въ высшихъ кругахъ весьма внимательно относилась къ славянскимъ дѣламъ и радушно принимала славявъ, пріѣзжавшихъ въ „матушку Москву“. По словамъ Шевырева, московскій генераль-губернаторъ, всемогущій въ свое время князь Д. В. Голицынъ, „много сочувствовалъ возрожденію славянскаго народосознанія“, интересовался славянами, спрашивалъ Бодянского о трудахъ Шафарика, гостеприимно принималъ пріѣзжавшихъ въ Москву болгаръ и сербовъ, мечталъ о путешествіи по югославянскимъ странамъ, намѣревался побывать въ Черногоріи и Прагѣ. Извѣстно, что въ 1840 году хорватскому дѣятелю Людевиту Гаю, съ именемъ котораго неразрывно связано возрожденіе юго-славянъ, называемое „иллирскимъ движеніемъ“, была оказана значительная помощь въ Москвѣ, благодаря М. П. Погодину и сочувствію князя Д. В. Голицына.

Интересъ Москвы къ славянамъ и забота о славянской наукѣ раздѣлялись въ извѣстной степени и въ Петербургѣ. Но тамъ интересовались славянскими дѣлами только нѣкоторыя высшія лица и Россійская Академія, — въ общественные круги этотъ интересъ не переходилъ. На ученую дѣятельность Шафарика было обращено вниманіе нѣкоторыхъ высшихъ лицъ, особенно графа Уварова, и имя и значеніе Шафарика въ славянской наукѣ стало извѣстно самому государю Николаю Павловичу. Побуждаемый, вѣроятно, Погодинымъ и „отчетами“ Бодянского, графъ С. С. Уваровъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, обратился къ Государю съ всеподданнѣйшею запискою объ оказаніи пособія Шафарикау и Ганкѣ. Содержаніе этой записки, одобренной Государемъ, отлично характеризуетъ тогдашнее настроеніе и взгляды. Вотъ эта записка графа Уварова, помѣченная 9-го декабря 1838 года:

„Путешествія молодыхъ нашихъ ученыхъ, отправленныхъ въ славянскія земли, кромѣ положительныхъ результатовъ для славянской филологіи, доставляли мнѣ ближайшія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи славянскаго міра, о движеніи тамъ умовъ и словесности, о до-

машинныхъ такъ-сказать, дѣлахъ славянскихъ литераторовъ, и я невольно сдѣлался какъ бы повѣреннымъ ихъ тайныхъ чувствованій и желаній. Развитие возрождающейся словесности славянскихъ племенъ сопровождается тамъ не менѣ замѣчательнымъ усиленіемъ привязанности и стремленія къ соплеменной Россіи. При перемогающемъ влияніи германской жизни, постепенное исчезаніе національности славянской заставляетъ дорожить всѣми еще уцѣлѣвшими памятниками роднаго языка и славянской старины, открывать, объяснять и обрабатывать ихъ; но хладнокровное отчужденіе германскихъ правительствъ обращаетъ умы и сердца къ Россіи, гдѣ славяне надѣются найти утѣшительное сочувствіе и вѣрное содѣйствіе. Въ Россіи видятъ они единственную представительницу самобытности славянской; въ правительствѣ русскомъ — могущественнаго блюстителя славянской народности. Отсюда проистекаетъ въ тѣхъ странахъ повсемѣстная, сильная любовь къ Россіи и къ русскимъ, хотя, конечно, нельзя отрицать совершенно между славянами и нѣкотораго противодѣйствія партіи враждебной Россіи. Впрочемъ, обѣ эти партіи, по причинамъ очень понятнымъ, заключаются собственно въ предѣлахъ словесности и вовсе не переступаютъ въ область политическую.

Привязанность къ Россіи всего сильнѣе и замѣтнѣе между чехами въ Богеміи и венгерскими сербами въ Кроаціи и Славоніи. Изъ чешскихъ литераторовъ двое въ особенности, Шафарикъ и Ганка, достойны вниманія по ученымъ своимъ трудамъ, по услугамъ, которыя они оказали многимъ русскимъ, наконецъ, по бѣдному ихъ сстоянію.

II. Шафарикъ—глава чешскихъ литераторовъ—соединяетъ ученость сѣверныхъ германцевъ съ обширнымъ и основательнымъ познаніемъ литературъ и исторіи всѣхъ вѣтвей славянскаго племени. Ученый свѣтъ обязанъ ему разысканіями о происхожденіи славянъ и исторіей славянокихъ литературъ; теперь онъ приводитъ къ окончанію самое важное изъ своихъ твореній: „Славянскія Древности“, котораго первый томъ уже напечатанъ. Сверхъ того онъ готовитъ къ изданію географію славянскихъ нарѣчій, съ картами; Душановы законы, новое изданіе Суда Любушина, съ учеными поясненіями. Шафарикъ представляетъ рѣдкій примѣръ дѣятельности, неутомимости, терпѣнія и борьбы съ судьбой, слишкомъ къ нему неблагоприятно. Страдая самъ тяжкими недугами, обремененный большимъ семействомъ, онъ терпитъ недостатокъ въ пужибѣйшихъ жизненныхъ потребностяхъ; все его достояніе составляетъ скудное жалованье по

званію цензора. Сочиненія его по самому предмету своему и по ограниченному числу покупателей въ Германіи, мало помогаютъ ему въ нуждѣ. „Здоровье мое слабѣетъ болѣе и болѣе“, — пишетъ онъ самъ, „а духъ упадаетъ; мнѣ надобно бы ѣхать въ Карлсбадъ, но къ сожалѣнію у меня нѣтъ денегъ и надежды получить ихъ откуда-нибудь“. „Что могли бы доставить „Древности“, то поглощаютъ книгопродавцы“. Не смотря на необходимость убивать много времени на мелочныя занятія, потому только, что они доставляютъ ему кусокъ хлѣба, Шафарикъ показываетъ неизмѣнную, сердечную готовность служить каждому, чѣмъ только можетъ. Кандидатъ Московскаго университета Бодянской и бывший воспитанникъ главнаго педагогическаго института Касторскій, въ продолженіи всего пребыванія своего въ Прагѣ, имѣли въ Шафарикѣ самаго ревностнаго своего руководителя въ ихъ изученіяхъ и добраго наставника касательно жизни въ чужомъ городѣ и государствѣ и притомъ всегда безвозмездно. Шафарикъ очень хорошо знаетъ Россію, приверженъ къ ней и благодаренъ за вниманіе тѣхъ русскихъ, которые въ послѣднее время доставили ему средства съѣздить въ Карлсбадъ.

Другой чешскій ученый, вопреки противодѣйствіямъ враждебныхъ партій, соединившій всѣ интересы своей жизни съ привязанностью къ Россіи, есть Вячеславъ Ганка, бібліотекаръ Чешскаго музея, извѣстный открытіемъ Краледворской рукописи, которую онъ переводилъ и изысканъ. Получая въ годъ 400 флориновъ (около 1.000 р.) ¹⁾ жалованья, онъ долженъ изъ этихъ денегъ содержать свое семейство, и нужда заставляетъ его заниматься переводомъ дѣловыхъ бумагъ, которыя поступаютъ въ судебныя мѣста города Праги на польскомъ и русскомъ языкахъ. Въ послѣднее время съ большими пожертвованіями собралъ онъ древнѣйшіе памятники славянскихъ законодательствъ, ходилъ часто пѣшкомъ по Богеміи, чтобы повѣрить списки въ бібліотекахъ и все это остается въ рукописи по недостатку средствъ къ напечатанію. Онъ приготовилъ къ изданію хронику Далемила, славянскую грамматику и началъ составлять чешско-русскій и русско-чешскій словарь, также сравнительную грамматику славянскихъ нарѣчій. Для русскихъ, посѣщающихъ Прагу, Ганка съ невыразимыхъ усердіемъ и готовностью жертвуетъ временемъ, чтобы показать все, что еще осталось чехамъ драгоцѣннаго. Для бывшаго въ славянскихъ земляхъ воспитанника Главнаго педаго-

¹⁾ Ассигнаціями.

гическаго института Иванишева посвящалъ Ганка каждый день нѣсколько часовъ, сообщая ему обширныя свои свѣдѣнія въ славянскихъ законодательствахъ, языкахъ и древностяхъ, посѣщалъ съ нимъ бібліотеки и архивы и за все это не бралъ никакой платы, говоря, что славяне гостей своихъ угощаютъ даромъ.

Эта безкорыстная привязанность къ Россіи и услуги, оказываемыя по чистому побужденію одноплеменности,—достойны того, чтобы мы радушнымъ участіемъ и пособіемъ поддержали довѣрчивое ожиданіе помощи отъ Россіи. Не говоря уже о видахъ государственныхъ. облегченіе положенія славянскихъ ученыхъ и литераторовъ, ожививъ дѣятельность ихъ, принесетъ богатые плоды языку и исторіи нашего отечества. Поэтому обратилъ я вниманіе Императорской Россійской Академіи. въ кругъ занятій коей входятъ всѣ вѣтви славянскихъ нарѣчій, на важныя для насъ труды Шафарика и Ганки, которые остаются неизданными за недостаткомъ денежныхъ способовъ къ тому у авторовъ, и предложилъ ей доставить пособіе Шафарику и Ганкѣ.

Я надѣюсь, что Академія, изъ имѣющихся у нея суммъ, назначить не менѣе трехъ тысячъ каждому. Сверхъ того я предполагаю открыть въ Петербургѣ и Москвѣ подписку на полное изданіе русскаго перевода „Славянскихъ Древностей“ Шафарика и симъ способомъ усвоить нашей словесности это важное твореніе, а вырученными за него деньгами сдѣлать пособіе автору. Услуги, оказанныя Шафарикомъ и Ганкою министерству народнаго просвѣщенія усерднымъ содѣйствіемъ молодымъ людямъ, которыхъ министерство отправило въ славянскія земли для усовершенствованія ихъ познаній, налагаетъ на меня обязанность обратить Высочайшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества на этихъ достойныхъ славянскихъ ученыхъ и всеподданѣйше представить, неблагоугодно ли будетъ даровать имъ Всемилоствѣйшее пособіе. Щедроты Русскаго Царя, изливанныя на представителей славянской учености на Западѣ, будутъ приняты признательными соплеменниками нашими какъ благодѣяніе цѣлому народу, еще болѣе укрѣпять благотворныя связи между нами и ими и приобрѣтутъ Россіи новыхъ друзей“.

Россійская Академія, по предложенію графа Уварова, назначила отъ себя по три тысячи руб. асс. Шафарику и Ганкѣ въ пособіе. Государь, согласно представленію графа Уварова, назначилъ прибавить еще по двѣ тысячи руб. каждому изъ суммъ государственнаго казначейства. Графъ Уваровъ въ запискѣ, поданной 17-го декабря 1838 г. по этому случаю Государю пишетъ: „Для устраненія всякой

гласности я могъ бы, ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ изъяснить на то Высочайшее соизволеніе, отнестись къ министру финансовъ объ отпускѣ сей суммы въ мое распоряженіе на извѣстное Вашему Величеству употребленіе. Для доставленія же оной Шафарыку и Ганкѣ представляется удобный случай въ путешествіи въ славянскія земли профессора Московскаго университета Погодина, который, отправляясь въ началѣ будущаго года за-границу и находясь въ литературныхъ сношеніяхъ съ сими учеными, можетъ доставить имъ щедротами Вашего Величества дарованное пособіе, равно какъ и прочія пожертвованія, безъ обращенія на то особеннаго вниманія со стороны австрійскаго правительства⁴. Деньги эти, предназначенныя для Шафарыка и Ганки (по 5.000 руб. асс. каждому, то-есть, около 1.430 руб. сер.) были выданы на руки Погодину, который въ 1839 г. и передалъ ихъ въ Прагѣ по назначенію. Когда были получены графомъ Уваровымъ извѣщенія отъ Погодина объ исполненіи порученія и благодарственныя письма отъ Шафарыка и Ганки, графъ Уваровъ представилъ Государю записку объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, которую оканчиваетъ такъ: „по словамъ профессора Погодина, щедроты Вашего Императорскаго Величества дали имъ жизни на два года. Къ сему считаю обязанностью всеподданнѣйше присовокупить, что профессоръ Погодинъ исполнилъ свое порученіе съ должною осмотрительностью и можно полагать, что оно не сдѣлалось никому извѣстнымъ и не возбудило вниманіе австрійскаго правительства“. Такая забота о томъ, чтобы не сдѣлалась извѣстною помощь Россіи Шафарыку и Ганкѣ, была необходима не столько для предохраненія русской дипломатіи отъ лишннихъ объясненій, сколько для предохраненія отъ неприяностей и полицейскихъ преслѣдованій тѣхъ, кому она оказывалась, ибо меттерниховская политика искусно умѣла объяснять всякое выдающееся явленіе въ славянскомъ мірѣ поднимающею голову „революціей“, и умственному и культурному славянству давалось имя „панславизма“¹⁾. *Панславизмъ и революція* представлялись

¹⁾ Самъ Шафарикъ боялся разглашенія этой русской помощи. Вотъ что онъ писалъ Мадѣвскому въ февралѣ 1839 г.: „Михаилъ Петровичъ былъ здѣсь... Недавно, говорятъ, въ какомъ-то заграничномъ памфлетѣ было сказано, будто бы здѣсь у насъ нѣсколько писателей находятся на жалованіи у сѣверянъ и работаютъ въ ихъ планахъ! Ваше благородство и осторожность для меня порукою

однозначущими для Меттерниха, и этотъ взглядъ австрійская политика умѣла въ извѣстной степени навязать и Нессельроде. Своими искусными приѣмами Меттернихъ умѣлъ заставлять русскую дипломатію иногда дѣлать то, что прямо вредило Россіи, наносило ущербъ ея достоинству въ глазахъ славянъ, заставлялъ даже нѣкоторыхъ истинно русскихъ людей — дипломатовъ смотрѣть на дѣла славянъ австрійскими глазами... Какъ охотно и скоро былъ наказанъ Челяковскій за безтактность сужденія о польско-русскихъ отношеніяхъ послѣ польскаго возстанія 1831 г. въ чешской газетѣ, имъ редактируемой! Его лишили мѣста учителя, редакціи и рѣшительно всякихъ средствъ, и старались съ особеннымъ удареніемъ выставить на видъ, что это все сдѣлано по требованію Россіи. Нужно помнить, что Челяковскій смылъ большимъ руссофиломъ, что онъ доказалъ свое основательное знаніе русской народной поэзіи, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ трехъ ученыхъ чеховъ, которыхъ предполагалось вызвать въ Россію.

Кто знаетъ, какъ бы объяснили въ Австріи денежную помощь Россія Шафарику, еслибы о ней узнали? Вѣдь, напримѣръ, самое возникновеніе иллирскаго литературнаго движенія у хорватовъ мадыро-австрійскіе историки приписываютъ понынѣ вліанію какого то неизвѣстнаго русскаго путешественника по славянскому югу и „русскому рублю“, хотя никакого русскаго путешественника, интересовавшагося хорватами, не было въ ту пору, когда зарождался „иллиризмъ“, а матеріальная помощь была оказана, при томъ сравнительно небольшая, для столь сложнаго предпріятія, какъ объединеніе юго-славянъ въ литературномъ и культурномъ отношеніи, значительно позже, когда иллирское движеніе приняло уже широкіе размѣры, именно въ 1840 г. во время пріѣзда Гая въ Россію, да и шла эта помощь изъ частныхъ средствъ московскихъ патріотовъ, безъ всякаго участія Петербурга и русскаго правительства.

Гр. Уваровъ и впослѣдствіи не терялъ изъ виду дѣятельности Шафарика и старался ему помочь. Когда Шафарикъ приготовлялъ

въ томъ, что то, что сообщилъ вамъ Михаилъ Петровичъ о помощи къ дальнѣйшему изданію „Древностей“ и другихъ мною приготовляемыхъ сочиненій, останется при васъ однихъ. Я бы не хотѣлъ, чтобы алые люди получили бы и это орудіе противъ меня. Науки и знанія сами по себѣ—моя цѣль; мое самое горячее желаніе посвятить имъ жизнь въ тиши и безъ шума“. (Slov. Sbornik, за 1887 г., вып. 1, стр. 46).

свою „Славянскую Народопись“ и этнографическую карту славянскаго міра, Уваровъ 18-го іюня 1842 г. послалъ вице-президенту Академіи Наукъ слѣдующее отношеніе:

„Извѣстный ученый богемскій Шафарикъ составилъ карту, изображающую нынѣшнее разселеніе славянъ по Европѣ. Изданіе сіе, столь важное для славянской этнографіи и исторіи, не выпущено доселѣ авторомъ въ свѣтъ, по недостатку въ денежныхъ средствахъ къ напечатанію.

„Принимая въ уваженіе пользу сего изданія и признавая, что словесное отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ имѣетъ справедливый поводъ оказать содѣйствіе къ выходу онаго въ свѣтъ, я на основаніи § 30 положенія о семъ отдѣленіи, покорнѣйше прошу ваше сіятельство предложить комитету правленія сдѣлать распоряженіе о доставленіи г. Шафарику на вышеозначенный предметъ пяти-сотъ рублей серебромъ изъ суммы, назначенной по штату втораго отдѣленія на пособія ученымъ славянистамъ. Доставленіе сихъ денегъ можетъ быть возложено на члена втораго отдѣленія, профессора московскаго университета Погодина, отправляющагося нынѣ въ чужіе края“. Это предложеніе графа Уварова было исполнено.

Такое отношеніе русскихъ и русскаго правительства къ Шафарику и его ученой дѣятельности несомнѣнно оказало большое вліяніе не только на укрѣпленіе тѣхъ связей между Россіей и славянами, которыя имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть значеніе въ жизни Россіи, но и установило впервые сношенія съ западнымъ славянствомъ. Государственныя задачи Россіи выдвигали на первый планъ значеніе православныхъ юго-славянъ и наши сношенія и связи съ сербами и болгарами, можно сказать, никогда не прерывались, но лишь различно выражались. Связи и знакомство съ западными славянами, особенно съ чехами—мы не говоримъ здѣсь о полякахъ, исторія которыхъ тѣсно переплетена съ исторіей Россіи—собственно начались со времени Петра Великаго, который даже посылалъ русскихъ людей учиться въ Чехію и переводить полезныя книги на русскій языкъ, выписывалъ оттуда всякаго рода искусныхъ людей и т. д. Но лишь со времени Шафарика начинается та наша связь съ чехами, которая особенно важна въ культурномъ отношеніи. Многія сочиненія Шафарика были въ свое время переведены на русскій языкъ, и его мнѣнія побуждали къ новымъ разысканіямъ и изслѣдованіямъ. Первые профессора славистики въ русскихъ университетахъ были вѣрными

учениками Шафарика и знакомили русскую молодежь со славянством по его трудамъ. Бодянский держался въ своихъ лекціяхъ Шафарика и даже нынѣшнее преподаваніе славянскихъ нарѣчій въ университетахъ болѣе или менѣе придерживается того плана, который можно было вывести изъ трудовъ Шафарика. Такимъ образомъ, влияніе Шафарика сказалось на ходѣ русскаго просвѣщенія и ростѣ славяно-русскаго самосознанія въ Россіи, на выясненіи роли нашего отечества въ славянскомъ вопросѣ и значеніи этого вопроса для самой Россіи.

Еще болѣе важное и рѣшительное влияніе имѣли труды Шафарика на другихъ славянъ, особенно южныхъ. Связи его съ славянскими учеными и дѣятелями вообще были очень распространены и историкъ славянъ и ихъ воскрешенія найдетъ въ нихъ обильный матеріалъ для выясненія многихъ вопросовъ.

Въ наше время сомнѣній, колебаній и даже своеобразнаго отрицательнаго отношенія къ славянамъ въ русскомъ обществѣ и печати, особенно умѣстно вспоминать о такихъ великихъ славянахъ, какииъ былъ Шафарикъ. Не въ силахъ уже никакое отрицательное отношеніе иныхъ русскихъ политическихъ и публицистическихъ лагерей—вычеркнуть славянской вопросъ изъ программы государственныхъ и политическихъ задачъ Россіи въ Европѣ. Но это отрицательное отношеніе основывается, главнымъ образомъ, къ нашему стыду, на маломъ знаніи славянъ, ихъ отношеній, ихъ географіи и исторіи. Наша печать полна невѣдко удивительныхъ ошибокъ и сужденій, лишь только зайдетъ рѣчь о славянахъ. Вотъ еще недавно появлялись въ газетахъ телеграммы изъ города Жимоны, а это лишь мадьярское, официальное, почти никому неизвѣстное переименованіе городка *Землина* или, по сербскому произношенію, *Земун*, расположеннаго на берегу Дуная, противъ Бѣлграда. Знаніе славянскихъ нарѣчій такъ мало распространено у насъ, что лишь рѣдко попадаютъ въ ежедневной печати сообщенія о славянскихъ дѣлахъ, заимствованныя изъ славянскихъ газетъ, издающихся на мѣстныхъ нарѣчійхъ. Большинство сообщеній о славянахъ и ихъ дѣлахъ заимствуются изъ нѣмецкихъ и иныхъ источниковъ, часто враждебныхъ славянамъ. Этимъ объясняется часто невѣрное и тенденціозное освѣщеніе различныхъ событій въ славянскомъ мірѣ. Знаніе внутреннихъ отношеній въ той или другой славянской странѣ встрѣчается еще рѣже, и мы привыкаемъ смотрѣть на славянскія дѣла чужими очками, подъ чужой окраскою, даже при-

нмваетъ критическое мѣрило для славянъ не свое, русское, а чужестранное, инородное.

Да напомнить намъ Шафарикъ, его великій подвигъ труда для разъясненія общности славянъ, его связи и сношенія съ лучшими русскими людьми своего времени—о томъ, что русское просвѣщеніе должно быть славянское, и что русскіе люди должны знать и изучать славянство во всѣхъ отношеніяхъ даже ради своей обязанности предъ своимъ государствомъ и народомъ.

П. Кулаковскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства Срединной имперіи и военнаго значенія пограничной съ Россією полосы. (Съ XVI чертежами). Генеральнаго Штаба полковникъ *Д. В. Путята*. С.-Иб. 1895.

Авторъ новизданной книги „Китай“, полковникъ Путята, имѣеть право на названіе почти спеціалиста китаевѣдѣнія. Онъ совершилъ цѣлый рядъ путешествій по различнымъ частямъ Срединной имперіи, составилъ и издалъ столько статей по вопросамъ Востока, что одинъ перечень ихъ долженъ внушить уваженіе къ его трудолюбію, прожилъ въ Азіи долгое время, занимая видный офиціальнй постъ русскаго военнаго агента въ Китаѣ и, наконецъ, нынѣ принимаетъ непосредственное участіе въ офиціалномъ изданіи по вопросамъ Азіи. Въ виду крайней бѣдности нашей популярной литературы о Китаѣ и такого имени автора, русское общество не можетъ отнестись безучастно къ появленію въ свѣтъ названнаго труда; если же принять во вниманіе, что полковникъ Путята доселѣ печаталъ свои статьи лишь въ спеціальныхъ, малодоступныхъ изданіяхъ, и что съ такою обширною работою онъ выступаетъ впервые, то интересъ къ его книгѣ еще болѣе увеличивается. Авторъ является въ данномъ случаѣ со всею суммою своихъ познаній о Китаѣ. Исключивъ совершенно изъ программы книги личныя выводы и заключенія, полковникъ Путята опредѣляетъ своею задачею представить „въ сжатомъ очеркѣ характерныя черты физической географіи и природы Китая,

основанія религиозныхъ вѣрованій и гражданскихъ воззрѣній народа, данныя о положеніи финансовъ и внѣшней торговли страны, законоположенія по управленію государствомъ, свѣдѣнія по организаци и состояніи вооруженныхъ силъ Имперіи“ и за симъ „выяснить степень военнаго значенія прилегающихъ къ Россіи застѣнныхъ владѣній Китая: Новой линіи, Монголіи и Маньчжуріи“. Мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло съ чисто фактическимъ матеріаломъ, на сколько онъ извѣстенъ автору. Послѣдній указываетъ намъ свои источники и пособія, и выборъ ихъ нужно назвать почти безукоризненнымъ. Здѣсь мы видимъ лучшіе популярныя труды лучшихъ синологовъ и ориенталистовъ всего свѣта и такимъ образомъ имѣемъ всѣ данныя ожидать отъ автора блестящаго выполненія поставленной себѣ задачи.

Посмотримъ теперь на ея рѣшеніе.

Для всякаго знакомаго съ китайскимъ языкомъ или работавшаго по вопросамъ Дальняго Востока очень хорошо извѣстно, какія затрудненія представляетъ собою транскрипція китайскихъ словъ. Разнообразіе нарѣчій и недоступность для точной передачи европейскими алфавитами звуковъ китайскаго языка вынудили синологовъ держаться условной, разъ установленной транскрипціи. Ея сравнительная неудовлетворительность искупается привычкою видѣть слова написанными въ извѣстной формѣ, и уже всякое уклоненіе отъ этой формы, если оно совершается безъ основанія и не сопровождается поставленными въ текстѣ іероглифами, производитъ большую путаницу словъ и именъ, разобратъся въ которой невозможно. Въ западно-европейскихъ языкахъ установилось двѣ транскрипціи: для сѣвернаго и южнаго языка Китая, и очень часто писатели прямо оговариваются, что они слѣдуютъ транскрипціи Wade, Morrison, Legge или Williams'a. Русскіе синологи усвоили себѣ одну транскрипцію сѣвернаго произношенія, и ей слѣдуютъ теперь всѣ безъ исключенія. Въ пособіе для перевода иностранной транскрипціи на русскую докторомъ Бретшнейдеромъ изданы въ трудѣ Матусовскаго: „Географическое описаніе Китайской имперіи“ сравнительныя таблицы начертаній китайскихъ звуковъ по-англійски, по-французски и по-русски, пользуясь которыми можно и безъ знанія китайскаго языка давать общепринятое въ литературѣ начертаніе словъ. Полковникъ Путята совершенно игнорировалъ правильную постановку вопроса о транскрипціи и даетъ намъ китайскія слова въ произвольной формѣ. Безъ всякаго различія беретъ онъ слова съ французскаго и англійскаго языковъ и перелагаетъ ихъ на русскій алфавитъ съ такою же легкостью, какъ бы это были

слова русскія. Искаженія получаютъ невѣроятныя, и такъ какъ ими полна вся книга, то перечислять ихъ невозможно. Вотъ ихъ образцы:

	Написано:	Слѣдуетъ:
стр. 1	Ю—	Юй
3	Юнань	Юнь-нань
6	Цъентаъ	Цянь-тяъ
—	Янцзе	Янь-цзы
7	Шанси	Шань-си и т. д.

Въ книгѣ нѣтъ почти ни одного китайскаго слова, переданнаго правильно. И совершенно напрасно авторъ думаетъ увѣрить насъ, что якобы „онъ заботился о правильной передачѣ транскрипціей китайскихъ названій; но, къ сожалѣнію, условія печатанія не позволили ему избѣгнуть нѣкоторыхъ корректурныхъ погрѣшностей“ (отъ автора). Не въ корректурѣ тутъ дѣло, а въ полномъ отсутствіи правильного метода, въ полномъ нежеланіи серьезно отнестись къ работѣ, въ невнимательности и небрежности. Когда авторъ переписываетъ англійскую транскрипцію Chang T'ien-she въ формѣ Чанъ-дянь-ше (стр. 42) вмѣсто правильного Чанъ-тянь-ши, когда у него на стр. 87 напечатано въ искаженномъ видѣ 8 китайскихъ названій, на стр. 88—7, на стр. 89—9, на стр. 90—10, на стр. 91—12, на стр. 92—18 и т. д., когда на одной и той стр. 98 одни и тѣ же слова въ зависимости отъ ихъ происхожденія изъ англійскаго или русскаго источника транскрибированы совершенно различно (чжз-чжоу, чжз-сянь, а черезъ 5 строкъ—чжи-чжоу, чжи-сянь), на стр. 36 на разстояніи нѣсколькихъ строкъ встрѣчаемъ два искаженія слова Мяо-цзы въ видѣ Мао-цзы или Маоцзе, а на стр. 39 безъ разбора встрѣчаются и „даосисты“ и „таоисты“ и т. п., то это, думается, виновать уже не корректоръ, а, пожалуй, и авторъ книги. А что писать китайскія имена правильно или, по крайней мѣрѣ, съ незначительными, не вредящими пониманію текста, ошибками для не синолога возможно, это доказываетъ появившаяся въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1895, кн. 3, статья „Конфуцій и его ученіе“, нѣкоего И. К.—чѣ, гдѣ авторъ, не смотря на свои англійскіе и французскіе источники, погрѣшаетъ въ транскрипціи весьма рѣдко. Относительно транскрипціи собственныхъ именъ въ „Географическомъ очеркѣ“ къ автору нужно приложить характеристику, данную докторомъ Бретшнейдеромъ трудамъ подобнаго рода: „Большинство европейскихъ писателей и путешественниковъ по Китаю,—пишетъ синологъ,—въ томъ числѣ и русскіе, незнакомые ни съ китайскимъ язы-

комъ, ни съ установленными европейскими синологами правилами, даютъ часто такія искаженныя названія предметовъ и географическихъ именъ, что нерѣдко трудно отгадать, о какомъ предметѣ или о какой мѣстности трактуетъ авторъ". Полковникъ Путята не возвышается надъ указаннымъ уровнемъ знаній, и въ отношеніи его географическаго очерка остается только повторить слова того же синолога: „Рѣшительно недоумѣваемъ, почему авторъ не воспользовался картою Матусовскаго, на которой всѣ названія написаны совершенно правильно“¹⁾). Выясненіе вопроса о транскрипціи китайскихъ именъ получаетъ особое значеніе въ виду одного, встрѣчающагося въ книгѣ выраженія, способнаго ввести несвѣдущаго читателя въ заблужденіе: въ приложеніи II, перечисливъ свои европейскіе источники для исторіи Маньчжурскаго дома, авторъ продолжаетъ: „Ими исчерпываются свѣдѣнія, изложенныя въ китайскихъ сочиненіяхъ, которыми мы также имѣли возможность пользоваться“ (стр. 34). Необходимо помнить, что полковникъ Путята не знаетъ китайскаго языка и могъ пользоваться китайскими источниками только въ переводахъ, точно также, какъ и D. Boulger, въ сочиненіяхъ котораго авторъ искалъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ китайской литературы.

Однимъ изъ немаловажныхъ затрудненій для разбора книги „Китай“ является совершенно ненаучный приемъ его автора, не указывать точно цитаты, откуда онъ беретъ свои свѣдѣнія. Облегченіемъ въ данномъ случаѣ служить, во первыхъ, то, что источники его общезвѣстны, во вторыхъ, привычка полковника Путяты, забравшись въ книгу, брать уже изъ нея щедрою рукою страницу за страницей, иногда цѣлыми главами. Справокъ о мнѣніяхъ другихъ ученыхъ по тому же вопросу никогда не дѣлается, хотя бы сочиненія ихъ, поставленныя въ перечнѣ источниковъ, и давали отвѣты на затрогиваемыя въ книгѣ положенія. Отсюда между авторомъ и его источниками возникаютъ постоянныя разногласія, доходяція часто до противорѣчій. Попытаемся, чтобы не быть голословными, кинуть взглядъ на книгу, слѣдуя по ней глава за главою. Контролемъ показаній полковника Путяты будутъ при этомъ исключительно его собственные источники, знанія которыхъ требовать отъ автора всякій имѣетъ полное право. Впрочемъ, относительно перваго отдѣла „Географическаго очерка“ рецензентъ, не считая себя достаточно свѣдущимъ въ

¹⁾ Новая карта Китая. Изв. И. Р. Г. О. т. XXIX, стр. 474—475.

сферѣ естественныхъ наукъ, уклоняется отъ оцѣнки показаній автора изъ этой области и отмѣчаетъ лишь немногіе его промахи.

„Китайская географія и статистика ведутъ свое начало со временъ императора Ю (читай Юя) за XXII вѣка до Р. Х.“, пишетъ авторъ на первой страницѣ. Что разумѣется подъ этими словами? Несомнѣнно глава Юй-гунъ изъ Шу-цзина. Но развѣ установлена въ наукѣ ея одновременность съ Юемъ, и развѣ можно отнести ея составленіе за XXII вѣка до Р. Х.? Въ наукѣ еще такихъ положеній не выработано, а всякому, знакомому съ главою Юй-гунъ, странно видѣть въ ней начало статистики.

Несомнѣнно ошибочное представленіе у автора существуетъ по вопросу о распространенности въ Собственномъ Китаѣ лёсса. „Всѣ рѣки Китая, впадающія въ океанъ, подобно Хуанъ-хэ, протекають по лёсовому грунту“ (стр. 9) и дальше: „весь внутренній Китай покрытъ характернымъ для Азіи лёсомъ“ (стр. 21—22). Такого показанія доселѣ, кажется, никѣмъ изъ геологовъ еще не было высказано. Границею лёсса признавался сѣверный берегъ Янь-цзы-цзяна, южнѣе котораго онъ встрѣчается только спорадически ¹⁾.

Въ главѣ о населеніи въ первыхъ же строкахъ по вопросу объ этнографическомъ составѣ древнихъ китайцевъ авторъ ни однимъ словомъ не обмолвливается о другихъ, равносильныхъ съ гипотезою Рихтгофена рѣшеніяхъ вопроса о происхожденіи китайцевъ, предложенныхъ Амю, Эдкинсомъ, Леггз, Васильевымъ, Георгіевскимъ, и совершенно неосновательнымъ представляется его заявленіе, что, „численность населенія Китайской имперіи показывается всѣми учеными приблизительно одинаково, на основаніи официальныхъ китайскихъ данныхъ“ (стр. 36). Не говоря уже о специально посвященной вопросу о народонаселеніи Китая главѣ въ *The Middle Kingdom*, даже изъ краткой статьи „Населенность Китая“ у Матусовскаго (стр. 10—14) можно было видѣть, какъ мало точныхъ данныхъ о населеніи содержатъ въ себѣ китайскіе официальные источники, и какія большія разногласія существуютъ по данному вопросу среди европейскихъ ученыхъ.

Рѣшившись сообщать читателю краткое содержаніе религіозныхъ вѣрованій и философскихъ воззрѣній китайцевъ, полковникъ Путата не уяснилъ самому себѣ ни одного изъ нихъ, почему у него встрѣчаются въ изложеніи постоянныя противорѣчія. Доктрину даосизма

¹⁾ W Williams *The Middle Kingdom*. vol. I p. 298.

онъ черпаетъ изъ VII главы „Принциповъ жизни Китая“ покойнаго С. М. Георгіевскаго, слѣдуя ему страница за страницей. И все было бы ладно, еслибы такъ шло до конца. Но въ текстъ С. М. Георгіевскаго авторъ вдругъ вставляетъ изъ Реклю положеніе, что „даосизмъ не признаетъ самостоятельнаго существованія души по смерти чело-вѣка, но предполагаетъ возможность послѣдовательныхъ метампсихозъ и рекомендуетъ ихъ избѣгнуть, войдя непосредственно въ состояніе вѣчнаго покоя, слѣдуя въ своихъ поступкахъ по пути Дао“ (стр. 38)¹⁾. Такое соединеніе двухъ совершенно различныхъ по убѣжденіямъ писателей вносить въ изложеніе доктрины путаницу, а когда полковникъ Путята находитъ дальше сходство въ даосизмѣ съ философій матеріализма и въ то же время ставитъ его въ зависимость отъ пантеистическаго ученія раджь-юговъ, то разобраться въ его взглядѣ на даосизмъ не представляется уже никакой возможности. О послѣдовательномъ развитіи даосизма авторъ не говоритъ ни слова, хотя онъ и могъ почерпнуть общія свѣдѣнія изъ „Принциповъ жизни Китая“; не выдѣляетъ онъ также отчетливо первичной философской доктрины Лао-цзы отъ даосизма, какъ религіозной системы въ той формѣ, въ какой она циркулируетъ въ народѣ въ настоящее время.

Всѣ свѣдѣнія объ іерархіяхъ даосской и буддійской авторъ заимствовалъ изъ Chinese Government, Mayers'a, прекрасной справочной книжки, но при принятомъ имъ методѣ извлеченій, отъ достоинствъ источника не остается въ русскомъ изложеніи никакихъ слѣдовъ. Вопервыхъ, то же искаженіе транскрипціи часто не позволяетъ совершенно узнать въ русскомъ текстѣ должностей, которыя авторъ желаетъ обозначить, вторыхъ, онъ сокращаетъ Mayers'a очень часто въ ущербъ дѣлу, не обращая никакого вниманія на смыслъ англійскаго текста. Напримѣръ.

Mayers.

Д. В. Путята.

492. Sêng-Luh-Sze. Superior. Two office-bearers invested with this title are appointed in each district, department, and prefecture throughout the Empire.

Для буддистовъ въ каждой провинціи учреждена должность Сэнь-лу-сы или архіерея.

Подобное же мы видимъ и относительно іерархіи даосской:

499. Chang-T'ien-shein whose person the spirit of one of the earliest of the Taoist mystics is reputed to reside.

„Чанъ-дьян-ше (правильно Чжанъ-тянь-ши), чрезъ посредство котораго сообщается духъ перваго Даоиста. (42).

¹⁾ Ср. Э. Реклю, Земля и люди, т. VII, стр. 280.

501. Tao-Ki. Superior of the Taoist priesthood in a Fu, or prefecture.

Дао-цзя—настоятель *въ уездѣ*.

502. Tao-chéng. Superior of the Taoist priesthood in a Chow, or department.

Дао-чжень—настоятель въ участкѣ.

503. Tao-hwei—in a Hien, or district.

Дао-хуей -- старшій монахъ *въ уездѣ*.

Понятіе автора о буддѣйской литературѣ въ Китаѣ крайне странно. „Китайскія буддѣйскія книги,—пишетъ онъ,—представляютъ транскрипцію санскритскаго текста, выраженную китайскими іероглифами. Поэтому слова богослуженія остаются совершенно непонятными, какъ священникамъ, такъ и молящимся, за исключеніемъ Оми-то-фа (Амида-Будда), которымъ выражается одно изъ именъ Будды. Неясность содержанія, можетъ быть, особенно привлекала къ обращенію въ буддѣйскую религію, но въ Китаѣ основныя положенія ея значительно измѣнены и представляютъ смѣсь религіозныхъ вѣрованій Индіи съ грубымъ древнекитайскимъ фетишизмомъ“ (стр. 42). Трудно представить себѣ что либо болѣе несоотвѣтствующее дѣйствительности, чѣмъ эта характеристика китайской буддѣйской литературы. Пусть кто либо скажетъ, что богословская литература русская—ничто иное, какъ транскрипція греческихъ книгъ русскими буквами, что слова православнаго богослуженія поэтому не понятны молящимся, за исключеніемъ „деспота“ (εἰς κολλὰ ἔτη, δέσποτα) и что, благодаря этой неудобопонятности молитвъ и книгъ, русскіе и приняли православіе. Вотъ параллель искаженія г. Путятою фактовъ изъ жизни Китая. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ въ слѣдующемъ видѣ. На китайскомъ языкѣ имѣется полный переводъ (не транскрипція, а переводъ) всѣхъ трехъ частей буддѣйскаго священнаго канона, Tripitaka, то-есть, vīnaṅga, sutrā и abhidharma, извѣстнаго подъ именемъ Сань-цзянь. Въ немъ считается 1476 названій сочиненій, переведенныхъ съ санскритскаго (или пали), и многія изъ этихъ сочиненій являются истинною драгоценностью для изученія исторіи и доктрины буддизма, содержа въ себѣ данныя, которыхъ нѣтъ ни въ извѣстной нынѣ санскритской ни въ другихъ литературахъ. Таковы сочиненія Сы-фынь-ляо съ его данными о первомъ буддѣйскомъ соборѣ, и Сы-ши-эррѣ-чжань-цзинь (42 статьи), которое, по мнѣнію проф. Васильева, трактуетъ о буддизмѣ въ самой первой стадіи его развитія¹⁾. Только на китайскомъ языкѣ находятся vīnaṅga пяти школъ буддизма, только тамъ сохра-

¹⁾ Очеркъ исторіи китайской литературы, стр. 122—128.

ились *sutra* четырехъ школъ, и изъ отдѣла *abhidharma* китайскій языкъ содержитъ десятки философскихъ трактатовъ. Изъ позднѣйшаго буддизма Махаяны, реформированнаго около времени Р. Х. Нагарджуной, многія книги переведены на тибетскій языкъ только съ китайскаго. Нѣкоторыя сочиненія сохранились на китайскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ различныхъ переводахъ, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе драгоценными, какъ источники для исторіи индійскихъ буддійскихъ сектъ, передѣлывавшихъ по своему оригиналы при переводахъ. Имѣютъ огромное значеніе и буддійскія книги, составленныя въ самомъ Китаѣ, какъ для исторіи буддизма китайскаго, такъ и для исторіи Индіи. Нѣкоторыя же изъ нихъ представляютъ верхъ буддійскаго краснорѣчія по крайне отвлеченнымъ, высокимъ мыслямъ и отборному слогу. Такія сочиненія китайцы и не буддисты читаютъ не для вѣры, а какъ памятники изящной литературы ¹⁾. Всѣ эти выдержки нарочно приведены изъ книги, поставленной г. Путятюю въ числѣ своихъ источниковъ. А вѣдь существуетъ еще *Chinese Buddhism*, Edhins'a, настольная книга всякаго, желающаго сказать хотя бы одно слово о китайскомъ буддизмѣ; изъ этого сочиненія ту же мысль о богатствѣ и доступности массѣ вѣрующихъ буддійской литературы можно бы представить еще нагляднѣе.

Авторъ заимствовалъ свои строки о буддійскихъ книгахъ изъ *The Middle Kingdom*, W. Williams'a (стр. 225—226), но вѣдь у послѣдняго значится только, что „*The liturgy is in Sanscrit transliterated in Chinese characters*“, а это совсѣмъ не одно и то же, что „Китайскія буддійскія книги“, и своей выпискѣ непонятной транскрипціи W. Williamsъ предпосылаетъ фразу: *The following canon for exterminating misfortune is extracted from the Buddhist liturgy*, то-есть, онъ даетъ въ данномъ случаѣ лишь образецъ тарни, или заклинанія, формулы которыхъ во всѣхъ естественныхъ религіяхъ представляютъ собою наборъ непонятныхъ звуковъ, но отсюда еще совершенно нелогично дѣлать выводъ о томъ, что неясность содержанія буддійскихъ книгъ привлекала въ эту религію прозелитовъ—китайцевъ.

Авторъ пишетъ далѣе: „Въ большей чистотѣ, чѣмъ во внутреннемъ Китаѣ сохранился древній культъ (буддизма) въ Монголіи и Тибетѣ“ ²⁾, а между тѣмъ его источники говорятъ прямо противоположное. В. П. Васильевъ въ „Религіяхъ Востока“ разказываетъ біографію реформа-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Стр. 43.

тора буддизма Цзонхавы, жившаго въ XIV—XV вѣкахъ по Р. Х., гдѣ считаетъ возможнымъ поставить созданный имъ культъ въ зависимость даже отъ распространеннаго тогда въ Средней Азійи христіанства, при общей склонности буддизма ко всевозможнымъ нововведеніямъ¹⁾. Изъ книги же А. М. Позднѣева „Очерки буддійскихъ монастырей“ полковникъ Путята долженъ былъ бы еще яснѣ видѣть ту разницу, которую привнесъ Цзонхава въ буддизмъ монгольскій.

Опредѣленіе должностей и степеней ламайской іерархіи заимствовано полковникомъ Путятою изъ того же Meyers'a, Chinese Government №№ 564—612, и рѣдкій изъ параграфовъ, нужно сказать, удостоился мало-мальски вѣрнаго перевода. Какъ на примѣръ крайне невнимательнаго отношенія къ дѣлу нашего автора укажемъ на слѣдующее: По его словамъ: „Шабиноръ, Чжи-чжунъ ла-ма, Суй-бэнь-лама, Шэнь-бэнь-лама и Хониръ-лама суть различныя высокія степени ламскаго духовенства, перечисленные въ порядкѣ старшинства“ (стр. 45). Но шабинары вовсе не іерархическая степень ламаизма, а лишь состоящее въ вѣдомствѣ хутухты сословіе; члены его могутъ иногда принадлежать къ іерархіи, въ огромномъ же большинствѣ звучаевъ остаются мірянами. Какимъ же образомъ получаютъ они такой высокій рангъ въ „Китаѣ“ полковника Путяты? Вѣдь и Meyers прямо говоритъ подъ № 590. Shabinor. The designation applied to members of Lamaist fraternity. *undistinguished by any special rank.* Но дѣло въ томъ, что № 590 оканчиваетъ отдѣлъ о монгольской ламайской іерархіи, слѣдующимъ же № 591 у Meyers'a начинаются высшія должности правительства внутренняго Тибета. Во главѣ послѣднихъ по невниманію нашего автора оказывается Шабинаръ. И авторъ даже не подозрѣваетъ, что на той же страницѣ въ послѣдней строкѣ примѣчанія онъ повторяетъ ту же свою высшую степень ламскаго духовенства подъ фирмою „Ша-би“.—Послушникъ, потому что „шаби“ есть единственное число слова „шабинаръ“. Это примѣчаніе (стр. 45) поистинѣ перлъ для характеристики нашего автора, и можно только посовѣтовать желающимъ сличить его съ №№ 595—612 Meyers'a, чтобы убѣдиться, до чего можно исказить иностранныя тексты въ переводѣ. Слышалъ ли кто либо и когда либо о „поколѣніяхъ Душету и Чечень“, признающихъ „Чецзунданпа—хутухту“? Въ дѣйствительности это ничто иное, какъ аймаки Тушэту-хановскій и Цзэнь-хановскій, административныя единицы Монголіи. И это все пишетъ ав-

¹⁾ Стр. 54 и сл. 122—123.

торь, поставившій въ числѣ своихъ источниковъ „Описаніе буддійскихъ монастырей“, А. Поаднѣва. Ясно, что онъ этой книги даже и не развѣртывалъ.

Перейдемъ теперь къ конфуціанству. На какомъ основаніи прежде всего нашъ авторъ полагаетъ, что „сущность ученія Конфуція выражена въ сборникѣ Ли-цзи?“ (стр. 45). Послѣдній по общему взгляду синологовъ вовсе не заслуживаетъ преимущественнаго вниманія предъ другими классическими книгами Китая и въ основаніе всей конфуціанской доктрины нѣмъ не ставится. Позднѣ въ выдержкахъ изъ Ли-цзи нашъ авторъ тенденціозно выбираетъ тѣ мѣста, которыя даютъ одностороннее понятіе о системѣ китайской нравственности, какъ о кодексѣ вѣшной обрядности, излагаемомъ въ классическихъ книгахъ. Заимствуя выдержки изъ Ли-цзи изъ „Принциповъ жизни Китая“ С. М. Георгіевскаго, онъ почему то начинаетъ со словъ: „Въ жизни людей самое важное—обряды“ и т. д. (стр. 57). Между тѣмъ эта фраза легко можетъ быть ложно понята безъ предшествующей тирады: „Въ установленныхъ древними государями обрядахъ необходимо различать сторону вѣшнюю и внутреннюю. Преданность и искренность, это внутренняя сторона, основа обрядовъ; точность и порядокъ—сторона вѣшняя. Безъ основы обрядамъ не на чемъ будетъ держаться, безъ правильной вѣшности ихъ нельзя будетъ исполнять“¹⁾.

При обзорѣ классическихъ книгъ конфуціанства полк. Путята допускаетъ также не мало ошибокъ. Ши-цзинъ, по его словамъ, есть „сборникъ древнѣйшей китайской поэзіи, составленный изъ 300 стихотвореній, избранныхъ самимъ Конфуціемъ, и 3.000 древнихъ пѣсень“ (стр. 56). Такимъ образомъ мы имѣемъ въ Ши-цзинѣ 3.300 образцовъ древней китайской поэзіи? Вовсе нѣтъ. „Легенда повѣствуетъ,—пишетъ С. М. Георгіевскій,—что Конфуцій имѣлъ подъ руками до 3.000 стихотвореній, изъ которыхъ и воспользовался тремястами для составленія Ши-цзина“²⁾. Да и изъ нихъ то не всѣ имѣются въ современномъ Ши-цзинѣ, потому что послѣдній дошелъ до насъ лишь въ позднѣйшей редакціи нѣкоего Мао-чэн'я, толковавшаго его при династіи Хань (25—226 г. по Р. Х.)³⁾.

И-цзинъ авторъ почему-то называетъ „Китайскій апокалипсисъ“ (sic), а заглавіе „Лунь-юй“, третьей книги китайскаго сы-шу, то-есть,

Принципы жизни Китая, стр. 366.

²⁾ Гл. 363.

³⁾ Оч. ист. вѣст. лнт. 51.

четверокнижія. онъ переводить несуществующимъ въ русскомъ языкѣ английскимъ словомъ „Аналекты“ (analects) Конфуція и совершенно несправедливо утверждаетъ, что „слова и изреченія Конфуція приведены въ ней въ хронологическомъ порядкѣ“ (стр. 61). Изъ его источниковъ одинъ говоритъ, что „параграфы Лунь-юя не имѣютъ между собою непосредственной связи и объединяются только общей системой Конфуціевой философіи“¹⁾, а другой поясняетъ, что въ Лунь-юѣ, кромѣ рѣчей самого Конфуція „являются и разговоры учениковъ между собой, а также и ихъ изреченія, ни къ кому не обращаема“²⁾. Извѣстно также изъ Chinese Classics, I. Legge, что разногласія и противорѣчія въ текстѣ Лунь-юя являются источникомъ, на основаніи котораго доказываютъ существованіе въ раннемъ конфуціанствѣ различныхъ школъ и направленій, враждовавшихъ между собою въ первыя времена.

Отдѣлъ объ „Административномъ устройствѣ“ Китая представляетъ собою извлеченія изъ той же книги Maucers'a, но сдѣланныя крайне слѣпшио и безсвязно. Коренною ошибкою автора является здѣсь отсутствіе строго выработанной терминологіи для китайскихъ словъ: фу, чжоу и сянь, территориальныхъ административныхъ единицъ въ Срединной Имперіи. Посему нельзя довѣрять ни одному его опредѣленію юрисдикціи должностей и компетенціи административныхъ учрежденій. Выше уже былъ приведенъ примѣръ такой путаницы въ опредѣленіи даосской іерархіи, теперь въ специальномъ трактатѣ объ администраціи подобные образцы встрѣчаются буквально на каждой строкѣ. Какъ можно разобраться въ такой, на примѣръ, смѣшанности различныхъ понятій:

„Чжэ-фу-префектъ или начальникъ большаго *уъзда* Фу. Черезъ него проходятъ всѣ дѣла по ввѣренному ему *уъзду*“ (стр. 88).

„Тунъ-чжэ, су-префектъ, управляетъ *тиномъ* или отдѣльнымъ *уъздомъ*“ (стр. 89).

„Чжэ-сянь—*уъздный* начальникъ“ (стр. 89).

Такимъ образомъ и фу, и тинъ, и сянь, совершенно различныя территориальныя и административныя единицы, оказываются уъздами. Еслибы кто, желая опредѣлить права губернатора, исправника и становаго пристава въ Россіи, началъ употреблять безъ всякаго различія термины: губернія, уѣздъ и станъ, и губернаторъ оказался бы

¹⁾ Пр. ж. К. стр. 374.

²⁾ Отч. ист. вѣд. лнт.

у него начальникомъ стана, а исправникъ сталъ бы во главѣ губерніи? Совершенно то же видимъ мы въ „Китаѣ“ полк. Путята.

Переводя дословно изъ § 281 Mayers'a полк. Путята на стр. 88 пишетъ, что всего въ имперіи 183 префектуры ¹⁾, и что „наибольшее ихъ число въ провинціи Гань-су—13“, но, вопервыхъ, въ английскомъ текстѣ написано „and the largest (thirteen) in Kiangsi“, а не въ Ганьсу, вовторыхъ, еслибы авторъ дѣйствительно читалъ книгу Mayers'a, а не выбиралъ изъ нея не больше той строки, которую ему было нужно, то онъ видѣлъ бы перепечатанную въ началѣ книги статью G. M. H. Playfair'a, гдѣ данныя Mayers'a исправлены на стр. XIX: „In the Eighteen Provinces there are 182 Prefectures, but Kiangsi has not the honour of containing the largest (number of them) for Yunnan comes in first with 14“.

Не говоря уже о частныхъ ошибкахъ, авторъ не составилъ себѣ даже общаго представленія о политической организаціи современнаго Китая. „Отличительная особенность въ составѣ центральныхъ учреждений“, пишетъ онъ, „заключается въ томъ, что должности въ нихъ распределены между главными національностями китайской имперіи: маньчжурами, монголами и китайцами, подобно тому, какъ это мы видѣли при опредѣленіи состава военнаго министерства“ (стр. 86). Въ какихъ же это центральныхъ учрежденіяхъ Срединной Имперіи занимаютъ должности монголы? Если ихъ и можно найти въ одномъ изъ отдѣленій Ли-фань-юан'я, то неужели это даетъ основаніе ставить ихъ права по китайскому законодательству на одинъ уровень съ правами китайцевъ и маньчжуровъ? Пусть авторъ перечитаетъ свой трактатъ о Бинь-бу, Военномъ министерствѣ, стр. 76—78, онъ увидитъ тогда, что и онъ самъ не обмолвился въ немъ о монголахъ ни однимъ словомъ.

Свѣтлымъ исключеніемъ на общемъ фонѣ ошибокъ, искаженной транскрипціи и невѣрно опредѣляемыхъ понятій являются страницы 98—99 объ учрежденіи китайскихъ провинціальныхъ должностей въ земляхъ Новой Линіи; но въ обзорѣ Монголіи и ея администраціи, взявъ въ руки Chinese Government, Mayers'a съ № 508, полк. Путята вновь принимаетъ прежній тонъ. „Вэй-Мангу ²⁾ обнимаетъ группу

¹⁾ Префектура по-китайски фу, только что была названа „большимъ уѣдомъ“.

²⁾ На стр. 36 авторъ самъ писалъ, что китайское имя Монголовъ: Монгу или Мань-гу, а здѣсь онъ всюду называетъ ихъ Мангу.

Халхаскихъ монголь и западныхъ монголь или калмыковъ. Халхасскіе монголы вмѣстѣ съ двумя племенами западныхъ монголь, элютовъ и хойтовъ, составляютъ 86 знаменъ, и *известны подъ именемъ Моабей или монголъ, кочующихъ къ западу отъ р. Мо*“ (стр. 99, 100). Гдѣ же это рѣка Мо и какіе монголы, къ западу отъ нея живущіе, носятъ названіе Моабэй? Напрасно стали бы мы искать въ дѣйствительности хотя что либо похожее на содержаніе этихъ строкъ. Нѣсколько дальше въ группѣ Алашанскихъ монголовъ упомянуто племя „Эдинэ“. Такого племени вовсе нѣтъ, а есть только рѣка Э-ци-нэ, по которой кочуютъ тургуты (Mauegs № 525). Изъ Си-тао'оскихъ ѳлотовъ, эци-нэ'скихъ тургутовъ, дурбэтовъ и хошотовъ, одинаково образующихъ отдѣльныя группы въ административномъ управленіи алашанскихъ монголовъ, безъ всякаго видимаго основанія названо авторомъ одно только „племя эдинэ“? Наконецъ, что это за фраза: „особый отдѣлъ составляетъ небольшая группа монголовъ, кочующихъ къ югу отъ Кобдо и называемая Синь-хобэнтъ“ (стр. 100)? Если таковой родъ племени, аймакъ или еще какое подраздѣленіе монголовъ дѣйствительно существуетъ, то полк. Путята долженъ сообщить о немъ свѣдѣнія съ возможною подробностью, какъ о полной новости въ литературѣ.

При обзорѣ виѣшней торговли Китая въ книгѣ, написанной съ популярными цѣлями, прежде всего требуется опредѣлить пункты этой торговли. При перечисленіи авторомъ открытыхъ для иностранной торговли портовъ мы сталкиваемся, вопервыхъ, съ самымъ страннымъ порядкомъ ихъ, вовторыхъ, съ тою же убійственной транскрипціей. Узнавъ порты въ началѣ трактата въ одномъ порядкѣ, въ текстѣ, при отдѣльномъ обзорѣни каждаго изъ нихъ, мы встрѣчаемъ совершенно иную послѣдовательность. Среди китайскихъ портовъ въ послѣднемъ случаѣ оказываются Гонконгъ и Макао, хотя и сообщается, что они „не принадлежатъ къ открытымъ пунктамъ, но составляютъ иностранныя колоніи, первый англійскую, второй португальскую“ (стр. 119), то-есть, имѣютъ такое же право быть поставленными на ряду съ китайскими портами, какъ Лондонъ и Лиссабонъ. „Макаосскій портъ, черезъ который производится торговля, носятъ названіе Лаппа“ (стр. 144). Что значить „Макаосскій портъ“? Значить-ли, что онъ лежитъ на островѣ Макао? Выраженіе неопредѣленное, способное ввести въ заблужденіе. А въ другомъ мѣстѣ мы видимъ ошибку еще болѣе крупную.

„Кромѣ города Викторіи“, пишетъ полковникъ Путята, „на островѣ Гонконгѣ имѣются еще колоніи: „Коу-лунъ“... (стр. 145). Да развѣ

Коу-лунь лежит на Гонконгѣ? У Матусовскаго можно было прочесть, что съ острова Гонконга въ послѣднее время многие изъ коммерсантовъ перенесли свои обширные склады въ селеніе Коу-лунь, лежащее на сосѣднемъ берегу континента и уступленное Англии въ 1860 году ¹⁾, а въ History of China, D. C. Boulger'a, которую авторъ „Китаа“ также называетъ въ числѣ своихъ источниковъ, приводятся полный текстъ конвенціи 1860 года, гдѣ сказано, что въ видахъ поддержанія законности и порядка на Гонконгѣ китайское правительство соглашается to cede to Her Majesty the Queen of Great Britain and Ireland, Her heirs and successors, to have and to hold as a dependency of Her Britain Majesty's Colony of Hong-Kong the portion of the township of Cowloon, in the province of Kwang-Tung ²⁾. Въ 1860 году Гонконгъ уже не принадлежалъ къ Гуанъ-дунской провинціи, и искать посему Коу-лунь на островѣ было бы совершенно напрасно. Кромѣ того у Вильямса читаемъ, что къ колоніи Гонконгской „lastly the opposite peninsula of Kow-lung was added“ ³⁾. При перечисленіи открытыхъ портовъ на островѣ Формозѣ, авторъ пишетъ: „Тайвань (Да-гоу), Кэлунь (Тамъ-суй)“ (стр. 119), какъ будто тамъ только два открытыхъ порта, между тѣмъ ихъ тамъ четыре: Тай-вань-фу, Да-гоу или Та-коу, Цзи-лунь или Кя-лунь и Даньшуй или Тамъ-суй. Если только въ двухъ изъ нихъ, Тай-вани и Тамъ-суй, въ силу особыхъ условій, имѣются отдѣленія китайской таможни съ таможенными комиссарами, то отсюда еще не слѣдуетъ, что при перечисленіи портовъ ихъ нужно сливать съ другими. Та же исторія повторяется съ Хай-нан'емъ: на стр. 119 мы видимъ портъ Хой-хоу, но напрасно стали бы искать хотя бы упоминанія о немъ въ дальнѣйшемъ подробномъ разсмотрѣніи портовъ. Тамъ на стр. 146 мы найдемъ вмѣсто него какой-то новый портъ Цюнь-чжоу (правильно Цюнь-чжоу), и нужно знать, что обширное селеніе Хой-хоу служить портомъ главнаго города области Цюнь-чжоу-фу, чтобы понять такую замѣну одного имени другимъ. И эта замѣна несомнѣнно неправильна, потому что Цюнь-чжоу, находясь въ 9 верстахъ отъ морскаго берега, никогда и не можетъ быть портомъ.

Транскрипція именъ открытыхъ для иностранной торговли портовъ оставляетъ желать безконечно много лучшаго. Здѣсь помѣщенъ, на-

¹⁾ Географическое описаніе Китайской имперіи, стр. 187.

²⁾ History of China, t. III p. 788.

³⁾ The Middle Kingdom, m. I p. 172.

примѣръ, портъ „Чжэ-цзянь“ (Чинкиань); провинція Чжэ-цзянь въ Китаѣ имѣется, а признать въ Чжэ-цзян'и — Чжэнь-цзянь очень трудно.

При обзорѣ страны въ торговомъ отношеніи *conditio sine qua* по является точное опредѣленіе монетной единицы, полагаемой въ основаніе всѣхъ расчетовъ. Только въ такомъ случаѣ читателю представляется возможнымъ сравненіе цифръ, цгоговъ' и выводовъ. Если даже игнорировать переводъ всѣхъ суммъ въ рубли, что въ книгѣ. предназначенной для русскихъ читателей было бы весьма естественнымъ и желательнымъ, то все же единство оцѣнки должно быть признано необходимымъ. Полковникъ Путята, заимствуя данныя изъ отчетовъ китайскихъ таможенъ, сообщаетъ итоги въ ланахъ, и опредѣляетъ эту единицу стоимости такимъ образомъ: „Лань, принятый для расчетовъ въ открытыхъ портахъ, называется Hai-kwan Таел или „таможенный лань“, представляющій серебрянную цѣнность въ 6.34 франка“ (стр. 120). Что же это такое „серебрянная цѣнность“? Нѣсколькими строками ниже авторъ говоритъ о сильныхъ колебаніяхъ курса на серебро, слѣдовательно, 6.34 франка не постоянная стоимость таможенного лана, а временная? Въ такомъ случаѣ какъ же читателю разобратся во всѣхъ рядахъ приводимыхъ цифръ? На стр. 129 находимъ уже новое опредѣленіе лана: здѣсь онъ переводится на англійскія деньги. Дальше уже фунты и шиллинги оказываются постоянною единицею мѣры, причемъ то здѣсь, то тамъ встрѣчаемъ случайныя указанія на колебанія курса. Такъ на стр. 129 для 1893 года указанъ курсъ 3 шиллинга $11\frac{1}{4}$ пенсовъ, на стр. 143—3 шиллинга 11 пенсовъ, а на стр. 138 для сентября того же года 3 шиллинга $4\frac{1}{8}$ пенса. Иногда ланы переводятся на рубли металлическіе (стр. 121), хотя неврно (268 милліоновъ ланъ по курсу 1893 года равнялись 348,4 милліонамъ рублей металлическихъ, а не „болѣе 500 милліоновъ рублей металлическихъ“ стр. 121), иногда ланы переводятся на рубли безъ указанія на какіе именно (стр. 122), а иногда вовсе не указываются единицы стоимости, а стоятъ одни цифры безъ обозначенія чего именно, какъ, напримѣръ, въ таблицѣ ввоза и вывоза черезъ Лунъ-чжоу (стр. 147). Объясняется вся эта путаница очень просто: авторъ выписывалъ цифры изъ различныхъ источниковъ и при томъ крайне небрежно. Въ изданіяхъ китайскихъ таможенъ единицею стоимости признается лань, въ отчетахъ консуловъ англійскихъ — фунтъ стерлинговъ и шиллингъ, въ даннхъ о русской торговлѣ чаемъ — рубль, въ показаніяхъ о Тонкинской тор-

говлѣ — франкѣ; всѣ эти единицы и вошли въ отдѣлъ о „Внѣшней торговлѣ Китая въ 1893 году“. Но какво разобратъся въ этомъ читателю?

Трудно думать, чтобы авторъ признавалъ за своею книгою практическое значеніе; онъ отнесся бы тогда иначе къ сообщаемымъ имъ цифрамъ, а не выписывалъ бы ихъ безъ всякаго вниманія и со всевозможными искаженіями. Нѣтъ возможности указать здѣсь всѣ его погрѣшности, потому что для этого понадобилось бы слишкомъ много мѣста и времени. Но вотъ образцы его данныхъ. На стр. 125: Въ Нью-чжуань „керосину было ввезено 45,516 ящиковъ американскаго и 10,530 ящиковъ русскаго“. Развертывая *Returns of trade and trade reports for the year 1893*, откуда заимствованы эти цифры, мы на стр. 9 находимъ, что всего американскаго керосина было ввезено 465,160 галлоновъ, откуда никоимъ образомъ нельзя получить 45,516 ящиковъ. Можно только догадаться, что авторъ ошибся графюю и вмѣсто „*Net total imports*“ взялъ „*imports from Hong-kong and chinese ports*“, уменьшивъ цифру на 10, такъ какъ существуютъ ящики по 10 галлоновъ. Сюда же еще вкралась корректурная ошибка. Далѣе авторъ пишетъ „серебра въ слиткахъ ввезено въ Нью-чжуань на 186,601 ланъ, вывезено на 1.931,723“. Изъ таблицы № 2 *Treasure* оказывается, что въ этой строкѣ нѣтъ ни слова правды. Вопервыхъ, приведенныя цифры указываютъ обороты не съ серебромъ въ „слиткахъ“ только, а съ серебромъ *in susee* и *in dollars* вмѣстѣ, общій итогъ (*grand total*) которыхъ взять полковникомъ Путятюю. Но при этомъ послѣдній перепуталъ ввозъ и вывозъ и слѣдуетъ читать, что „общій итогъ всего *ввезеннаго* серебра равнялся 1.931,723 ланамъ, а *вывезеннаго* 186,601 ланамъ“. На слѣдующей страницѣ ошибка „съ серебромъ въ слиткахъ“ повторяется. Нѣчто подобное встрѣчаемъ на стр. 143 при обзорѣ вѣи порта Фу-чжоу. „Увеличивается,—читаемъ,—привозъ спичекъ японскихъ и европейскихъ. Первыхъ ввезено 28,148 гроссъ, вторыхъ 3,581 гроссъ“. Бросается въ глаза столь незначительный ввозъ спичекъ изъ Японіи, и по сличеніи съ подлинникомъ оказывается у русскаго автора полное извращеніе дѣйствительности. *There is a noteworthy increase in matches of Japanese manufacture, i. e. 28,148 gross, and a decrease in those imported from Europe to the extent of 3,581 gross* (p. 327). Въ таблицахъ же мы находимъ, что изъ Японіи въ 1893 году ввезено 141,634 гросса, а изъ Европы 4,001 гроссъ (p. 335). Разница въ японскомъ ввозѣ оказывается весьма значительная.

Нельзя не упрекнуть также автора за частое игнорированіе торговыхъ интересовъ Россіи на Востокѣ. Онъ всюду весьма тщательно отмѣчаетъ перемены въ дѣлахъ съ опиумомъ, которыя для нашей торговли не представляютъ никакого значенія и въ то же время опускаетъ статьи нашего ввоза. Такъ, напримѣръ, въ описаніи рынка въ Амоѣ (стр. 143) онъ опустилъ сообщенія комиссара о необыкновенномъ ростѣ ввоза русскаго керосина (съ 469. 870 галл. въ 1892 г. на 777.910 галл. въ 1893 г.) въ ущербъ продукту американскому. (Amoy trade report p. 394).

Все сказанное относительно отдѣла о виѣшней торговлѣ Китая можно было бы легко увеличить во много кратъ однородными примѣрами, но и указанные образцы даютъ, кажется, полное основаніе не довѣрять полковнику Путятѣ и въ его остальныхъ страницахъ. Книга его характеризуется этимъ, какъ работа самая небрежная и поверхностная, написанная вовсе не съ желаніемъ прійти къ какимъ либо серьезнымъ выводамъ объ экономическомъ положеніи Китая, или объ его правоспособности и значеніи на всемірномъ рынкѣ. Поэтому, когда, послѣ цѣлаго ряда подозрительныхъ и неправильныхъ данныхъ, приводится авторомъ заключеніе, что „производительность Китая и платежныя средства его населенія очень велики и возрастаютъ съ каждымъ днемъ“ (стр. 147), то въ справедливости вывода этого съ полнымъ основаніемъ можно усумниться. Не въ фактѣ самомъ можно и нужно усумниться, а въ вѣрности той цѣли доказательствъ, которыми подкрѣпляетъ свое положеніе полковникъ Путята.

Два послѣдніе отдѣла: „Вооруженныя силы Китая“ и „Русско-Китайская граница“, степень военнаго значенія которой авторъ пытается выяснитъ, имѣютъ дѣло съ предметомъ слишкомъ спеціальнымъ. Разбирать ихъ представляется въ настоящее время излишнимъ, потому что вопросъ о вооруженныхъ силахъ Китая, благодаря событіямъ японо-китайской войны сталъ теперь вопросомъ прошлаго и будущаго. Въ настоящемъ онъ не существуетъ. Объ этихъ главахъ „Китая“ можно только сказать, что по ихъ тону и подробному описанію самыхъ различныхъ частей китайской арміи и флота ничто не предсказывало послѣднимъ такого позорнаго разгрома. О дѣйствительной фактической боевой стоимости китайскихъ войскъ нашъ бывшій военный агентъ не обмолвливается ни однимъ словомъ, откуда можно заключить, что онъ былъ не чуждъ общаго увлеченія перевооруженіями и боевой готовностью Китая.

Не довольствуясь описаніемъ современнаго состоянія Китая,

полковникъ Путята собралъ въ той же книгѣ въ приложеніяхъ нѣкоторые изъ своихъ ранѣ изданныхъ трудовъ большею частью историческаго содержанія. Казалось бы при новомъ изданіи автору слѣдовало пересмотрѣть свои старыя работы и устранить изъ нихъ всѣ противорѣчія съ новою, но ничего подобнаго въ данномъ случаѣ сдѣлано не было. Опреѣленного связнаго понятія объ исторіи Китая полковникъ Путята себѣ не составилъ, въ противномъ случаѣ у него было бы болѣе вѣрное отношеніе къ общимъ и выдающимся историческимъ вопросамъ. Классифицировать историческія ошибки автора весьма трудно за ихъ разнородностью, но вотъ примѣръ его отношенія къ хронологіи. На стр. 46 и 52 онъ относить эпоху Яо и Шуя за XXII вѣка до Р. Х., а на стр. 54 пишетъ, что „Шу-цзинъ древнѣйшая исторія Китая, начинается съ эпохи императора Яо (2357 л. до Р. Х.)“.—Стр. 251: „Маньчжурія, въ началѣ XII вѣка образовала самостоятельное государство подѣ главенствомъ князя Нурхачу“, (sic), а черезъ нѣсколько строкъ, „сынъ Нурхачу Тайцзонъ въ 1627 г. провозглашенъ богдыханомъ“. По стр. 35 Нурхаци живеть въ XVII вѣкѣ.—Кублай-ханъ страницы 13 является Хубилаемъ, перенесшимъ въ 1264 г. свою резиденцію въ Пекинъ, на стр. 235, а на стр. 49 (приложеніе) оказывается, что Кублай-ханъ бѣжалъ изъ Китая въ 1367 г. Имена китайскихъ династій перепутаны: эпоха междоусобій, въ которую жилъ Конфуцій предшествовала не „Цзиньскому“ (стр. 46), а Циньскому періоду. Циньскій домъ правилъ съ 265 по 420 г. по Р. Х., о чемъ легко можно было узнать изъ хронологической династіонной таблицы доктора Бретшнейдера, въ трудѣ Матусовскаго (стр. 3—7). Наконецъ, совершенно ложно увѣреніе, будто Пекинъ выбирался „столицей имперіи въ теченіи XIII вѣковъ къ ряду“. Рихтгофенъ никогда не могъ сказать ничего подобнаго, и простая справка въ только что названной династіонной таблицѣ, гдѣ обозначены также и столицы Китая въ разные періоды его исторіи убѣдитъ полковника Путяту въ его ошибкахъ. Первымъ избралъ столицей Пекинъ монгольскій Хубилай, какъ о томъ и говорить на стр. 235 самъ нашъ авторъ.

Сказанное представляется рецензенту достаточнымъ для заключенія, что „Китай“ полковника Путяты не можетъ быть названъ добрымъ вкладомъ въ нашу популярную ориенталистическую литературу. Авторъ поставилъ себѣ крайне широкую программу и оказался совершенно не въ силахъ ее выполнить. И если для лицъ, специально занимающихся изученіемъ Востока. появленіе подобнаго, написаннаго

форсированнымъ маршемъ и снабженнаго громкимъ заглавіемъ, произведенія при всей своей бесполезности можетъ быть безразлично, то массѣ читателей, при сравнительно низкомъ уровнѣ нашихъ знаній о Китаѣ, оно принесетъ положительный вредъ, такъ какъ всѣ положенія книги будутъ приниматься на вѣру, безъ всякой критики. Нельзя не пожелать появленія возможно большаго количества популярныхъ произведеній по вопросамъ Дальняго Востока, но непремѣннымъ условіемъ ихъ должно быть сообщеніе точныхъ и вполне вѣрныхъ данныхъ, хотя бы и внѣ столь обширныхъ, какъ у полковника Путьяты, задачъ.

Димитрій Позднѣевъ.

Новыя данныя для изученія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

„Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись)“, приготовилъ къ изданію дѣятельный членъ Орловской Ученой Архивной Коммисіи *А. Н. Лебедевъ*, по рукописи, ему принадлежащей. Москва. 1895.

(Изъ *Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*).

Небольшое, но цѣнное собраніе рукописей *А. Н. Лебедева* извѣстно уже въ специальной литературѣ, такъ какъ одна изъ этихъ рукописей послужила при изданіи „розыскаго дѣла о Шакловитомъ“. Теперь появляется на свѣтъ изъ того же собранія новый источникъ—текстъ лѣтописи, отчасти совершенно новый, доселѣ неизвѣстный.

Къ сожалѣнію, краткое, въ 2 страницы, предисловіе не даетъ достаточнаго понятія о той рукописи, изъ которой извлеченъ издаваемый текстъ. *А. Н. Лебедевъ* сообщаетъ о ней слѣдующее: „Издаваемая нынѣ, принадлежащая намъ, рукопись заключаетъ въ себѣ лѣтописное повѣствованіе только объ одиннадцатилѣтнемъ періодѣ царствованія перваго московскаго царя *Іоанна Грознаго*“, а въ примѣчаніи добавляетъ, что эта рукопись „въ листъ, въ бумажномъ переплетѣ, писана красивой, очень разборчивой скорописью конца *XVII* вѣка, на 323 листахъ“. Надѣюсь, что почтенный издатель не посѣтуетъ, если я позволю себѣ нѣсколько дополнить эти указанія, пользуясь тѣмъ, что онъ, съ любезной предупредительностью, разрѣшилъ мнѣ познакомиться съ рукописнымъ собраніемъ своимъ, за что я приношу искреннюю и глубокую благодарность.

Въ изданіи, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, воспроизведенъ не весь текстъ рукописи, какъ можно понять изъ предисловія, а только часть его. Рукопись, въ настоящее время, раздѣлена на 4 фоліанта; но это раздѣленіе болѣе или менѣе случайно. Оно сдѣлано въ XVIII вѣкѣ, когда рукопись нашли нужнымъ переплестъ; водяные знаки бумаги, подложенной подъ переплетъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ. Итакъ всѣ четыре фоліанта, писанные одною рукой, на одной и той же бумагѣ, съ непрерывною нумераціей листовъ, приходится разсматривать какъ *одну* рукопись. Эта рукопись писана скорописью XVII вѣка, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „la folie“ (фигурка шута на стержнѣ, опирающемся на три кружка); знакъ на всѣхъ листахъ одинъ, что встрѣчается довольно рѣдко въ столь обширныхъ рукописяхъ. Текстъ разбитъ на отрывки въ 3—4 или больше предложеній, при чемъ каждый отрывокъ писанъ съ красной строки и съ красной буквы. При сличеніи текста съ текстомъ лицевыхъ лѣтописей оказалось, что такое дѣленіе текста рукописи А. Н. Лебедева совпадаетъ съ дѣленіемъ текста лицевыхъ лѣтописей на подписи подъ рисунками. По содержанію и редакціи сличаемые тексты также оказались тождественны, такъ что первые три тома рукописи А. Н. Лебедева не представляютъ ничего новаго. Они—только копія съ той части лѣтописнаго лицеваго свода, которая хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, разбитая на два фоліанта, подъ названіемъ „Голицынскаго“ и „Лаптевскаго“ списковъ Никоновской лѣтописи. Этими списками Археографическая Коммиссія, какъ извѣстно, воспользовалась для изданія Никоновской лѣтописи, а Голицынскій, кромѣ того, былъ изданъ отдѣльно въ 1772 году княземъ Щербатовымъ, подъ заглавіемъ: „Царственный Лѣтописецъ“. Въ рукописи А. Н. Лебедева эта часть лицеваго свода переписана безъ отступленій, но со значительной путаницей въ порядкѣ изложенія, происшедшей отъ того, что листы подлинника были перепутаны. По содержанію, тутъ мы находимъ лѣтопись за 1114—1252 годы. Последняя часть Голицынскаго списка, содержащая извѣстія съ 1425 по 1472 годъ, въ рукописи А. Н. Лебедева отсутствуетъ. Только четвертый, только что изданный подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, томъ рукописи А. Н. Лебедева придаетъ ей значительную цѣнность. Онъ содержитъ извѣстія съ 1553 года по 1563 годъ, такъ что между третьимъ и четвертымъ томами замѣчается большой пробѣлъ (1252 г.—1553 г.). Начало четвертаго тома позволяетъ возстановить текстъ нѣсколькихъ листовъ

лицеваго свода, до насъ не дошедшихъ. Ихъ мѣсто—между 93 и 94 листами той части лицеваго свода, которая хранится въ Московской Синодальной Библиотекѣ, подъ названіемъ „Никоновской съ рисунками“ (по каталогу арх. Саввы, № 962), хотя пробѣлъ между этими листами пополяется далеко не вполне на основаніи рукописи А. Н. Лебедева. Текстъ этихъ листовъ дословно схожъ съ текстомъ Никоновской лѣтописи (по акад. изд. т. VII, стр. 197, отъ словъ „Тогожъ мѣсяца прѣбхала...“ и до стр. 206, кончая словами: „Дербышу царю Астроханскому“). Отличія редакціи совершенно незначительны (ср. стр. 1—9 „Лѣтописца Русскаго“ А. Н. Лебедева). Другую копію съ этихъ лицевыхъ листовъ, и копію тоже лицевую, находимъ въ „Царственной книгѣ“, стр. 330 sq., также съ мелкими отличіями редакціи (иногда сближающими „Царственную книгу“ съ Львовской—томъ I, начало—больше, чѣмъ „Лебедевскую“). Такія отличія какъ будто указываютъ на разныя редакціи лицеваго свода, если только не поставитъ ихъ на счетъ писавшаго копію. Дальнѣйшій текстъ четвертаго тома рукописи А. Н. Лебедева (стр. 9—142 разбираемаго изданія) мы имѣемъ и въ лицевомъ сводѣ, именно въ „Никоновской съ рисунками“. Этотъ текстъ, если игнорировать незначительные варианты, совпадаетъ съ 1553 по 1558 г. съ печатной Никоновской лѣтописью, затѣмъ съ 1558 по 1560 г. съ V т. Львовской, а къ 1560 г. относится текстъ, изданный мною въ приложеніи къ брошюрѣ: „Царственная книга, ея составъ и происхождение“ (Спб., 1893 г.)¹⁾. Въ этой части своей рукописи А. Н. Лебедева повторяетъ Синодальную лицевую лѣтопись, называемую „Никоновской съ рисунками“, и важна только тѣмъ, что даетъ возможность возстановить разказъ о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго, который я пытался, но крайне неудачно, возстановить по попорченнымъ припискамъ на поляхъ Синодальной рукописи. (Ср. стр. 14—15 изданія А. Н. Лебедева и стр. 18—19 упомянутой брошюры моей). Кромѣ упомянутаго разказа, весь остальной текстъ извѣстенъ изъ другихъ рукописей и былъ уже изданъ. Теперь онъ является въ новомъ изданіи, исполненномъ съ сравнительно поздняго, хотя и исправнаго списка. Только со 142 страницы „Лѣтописца Русскаго“ начинается лѣтописный текстъ, впервые появившійся на свѣтъ и до сихъ поръ никому не извѣстный даже въ рукописи. Эта послѣдняя часть руко-

¹⁾ См. тутъ на стр. 25 сопоставленіе текста „Никоновской съ рисунками“ и печатныхъ изданій.

писи А. Н. Лебедева, передающая известия с августа 1560 г. по февраль 1563 г., имеет значение нового и очень интересного источника. Она также, как и все ей предшествующее, представляет копию с лицевых листов, хотя сходство текста с дошедшими до нас лицевыми летописями и прекращается на августовских событиях 1560 г. Все остальное списано с недошедшей до нас части лицевого свода, содержавшей известия за 1560—1563 гг. Дальнейшая часть лицевого свода (за 1563—1567 гг.) находится в „Никоновской с рисунками“, но не вошла в список А. Н. Лебедева, может быть, не случайно, как ниже видно будет. Итак, в рукописи А. Н. Лебедева мы имеем список с большей части лицевого свода. Существование этого списка косвенно подтверждает высказанную мною в брошюре о „Царственной книге“ догадку, что известными нам лицевые летописи—части одного большого лицевого летописного свода, разрозненного и перепутанного. Рукопись А. Н. Лебедева бросает некоторый, правда, небольшой свет на странную судьбу этого лицевого свода. В то время, когда писан был с лицевых листов список А. Н. Лебедева,—свод был уже разрознен и перепутан. Под рукою у переписчика XVII вѣка были только части его, не совпадающія с тѣмъ дѣлениемъ его на части, какое мы видимъ в нашихъ книгохранилищахъ. Переписчикъ XVII вѣка первые три тома рукописи А. Н. Лебедева писалъ с листовъ, позднѣе—въ XVIII вѣкѣ—разбитыхъ на 2 фоліанта („Голыцнскую“ и „Лалтевскую“ рукописи) и попавшихъ въ руки разныхъ владѣльцевъ; въ XVII вѣкѣ они составляли еще одно цѣлое. Затѣмъ, четвертый томъ писанъ с листовъ, частью вошедшихъ въ фоліантъ, называемый „Никоновской с рисунками“, частью же недошедшихъ до насъ. При этомъ, значительная часть лицевого свода, известная намъ, не была въ рукахъ писавшаго списокъ А. Н. Лебедева; такъ, не было у него листовъ, составившихъ нашъ „Древній Лѣтописецъ“, нашу „Шумиловскую“ рукопись, передававшихъ известія с 1252 по 1534 г. Нѣтъ въ рукописи А. Н. Лебедева и списка с листовъ с известіями за 1534—1553 и 1563—1567 гг. Впрочемъ, эта неполнота вызываетъ некоторыя сомнѣнія, подрывающія или ограничивающія выводъ, что переписчикъ XVII вѣка имѣлъ только часть лицевого свода. Дѣло въ томъ, что, кромѣ рукописи А. Н. Лебедева, мы имѣемъ еще одну копию XVII вѣка с части лицевого летописного свода—въ такъ называемой Александров-

Невской лѣтописи ¹⁾. Эта рукопись писана также съ лицевыхъ листовъ, но перепутанныхъ самымъ причудливымъ образомъ; однако, путемъ сличенія ея текста съ лицевыми лѣтописями нетрудно выяснитъ, что оригиналомъ для этого списка служили лицевые листы, отчасти сохраненные въ „Никоновской съ рисунками“ (напримѣръ, излагающіе событія за 1563—1567 г.), отчасти же не дошедшіе до насъ и соответствующіе по содержанію, но не совпадающіе по редакціи съ листами „Царственной книги“. Словомъ, въ Александро-Невской лѣтописи мы имѣемъ списокъ, крайне безпорядочный, съ той части лицеваго свода, которая излагала извѣстія за 1534—1553 и за 1563—1567 гг., списокъ неполный, такъ какъ текстъ нѣкоторыхъ листовъ въ него не попалъ, а съ другой стороны, повторяющій нѣкоторые отрывки два, три раза, какъ будто существовало по нѣскольку лицевыхъ листовъ съ одинаковымъ текстомъ. Особенности эти легко объясняются тѣмъ, что, какъ извѣстно, именно эта часть лицеваго свода (за 1534—1553 г.) подверглась коренной переработкѣ, результаты которой мы видимъ въ „Царственной книгѣ“. Въ „Александро-Невской лѣтописи“ мы и находимъ слѣды этой редакціонной работы. Если указанныя черты Александро-Невской лѣтописи и ставятъ ее нѣсколько особнякомъ, за то палеографическое сличеніе ея съ рукописью А. Н. Лебедева свидѣтельствуетъ объ ихъ родствѣ. Я получилъ отъ А. Н. Лебедева одинъ томъ его рукописи, именно тотъ, гдѣ оказалось 4 раскрашенныхъ рисунка, и, благодаря этому, могъ сравнить обѣ рукописи. Результаты сличенія получились такіе: сортъ бумаги тотъ же, такъ какъ на всѣхъ листахъ Александро-Невской лѣтописи тотъ же водяной знакъ, что и въ рукописи А. Н. Лебедева; въ почеркѣ, ни по общему впечатлѣнію, ни послѣ сличенія начертанія отдѣльныхъ буквъ, я разницы не нашелъ. Не нашелъ я ея, сравнивая техническіе приемы композиціи, рисунка и раскраски, между рисунками обѣихъ рукописей. Надо замѣтить, что эти рисунки рѣзко отличаются отъ миниатюръ большаго лицеваго свода. Въ то время, какъ тамъ мы имѣемъ прописи, сдѣланныя, кажется, свинцовымъ карандашомъ, а затѣмъ обведенныя чѣмъ-то чернымъ и раскрашенныя, тутъ находимъ гораздо болѣе мелкій рисунокъ, тонкими штрихами перомъ, яснѣе выступающими, не смотря на

¹⁾ Рукопись С.-Петербургской Духовной Академіи, № 298. Описаніе ея см. на стр. 28—29 (пр. 34) брошюры: „Царственная книга, ея составъ и происхожденіе“.

раскраску. Внешнее сходство обѣихъ рукописей наводитъ на предположеніе, не имѣемъ ли мы дѣло съ частями одной и той же копии съ большаго лицеваго свода. Обѣ рукописи нигдѣ не повторяютъ другъ друга. Александро-Невская — отчасти пополяетъ пробѣлъ между III и IV томами рукописи А. Н. Лебедева и заканчиваетъ ее извѣстіями до 1567 года. Противъ такого предположенія говорить только отдѣльная нумерація листовъ той и другой рукописи, но нумерація эта можетъ быть и позднѣйшей. Спрашивается, существовала ли копія XVII вѣка съ лицевыхъ листовъ, пополявшая пробѣлъ между III томомъ рукописи А. Н. Лебедева и Александро-Невской? На это намекаетъ старая нумерація этой послѣдней: на первомъ листѣ ея стоитъ џл—930. Вышеизложенное даетъ, кажется, нѣкоторое основаніе предполагать, что въ XVII вѣкѣ снята была копія со всего лицеваго свода, и что рукопись А. Н. Лебедева есть только часть этой копии.

Значеніе разбираемаго изданія въ сущности сводится къ тому, что на стр. 142—189 помѣщенъ лѣтописный текстъ, совершенно неизвѣстный до сихъ поръ. Онъ содержитъ, какъ сказано, извѣстія за 1560—1563 гг. Эти извѣстія вмѣстѣ съ тѣми извѣстіями за 1560 г., которыя находятся въ „Никоновской лѣтописи съ рисунками“ и по содержанію, составляютъ продолженіе V тома Львовской лѣтописи, отдѣлены издателемъ особымъ заглавіемъ: „Продолженіе (1560—1563 гг.) „Лѣтописца Русскаго“, по рукописи, принадлежащей А. Н. Лебедеву“. Текстъ, слѣдующій за этимъ заглавіемъ, конечно, ничѣмъ не отдѣленъ отъ остальнаго въ рукописи и составляетъ одно цѣлое со всѣмъ сводомъ, но по новизнѣ имѣетъ особый интересъ. Тутъ, кромѣ ряда извѣстій о внѣшнихъ сношеніяхъ, обращаютъ на себя особое вниманіе извѣстія о дворцовыхъ событіяхъ, грамота константинопольскаго патріарха о лютеранствѣ и разказъ о Полоцкомъ походѣ.

Къ первымъ относится разказъ о кончинѣ царицы Анастасія и второмъ бракѣ Грознаго. Въ іюль 1560 г. большой пожаръ въ Москвѣ заставилъ царя отправить царицу Анастасію въ село Коломенское, хотя она „въ то время бысть больна“, и переѣздъ совершился „съ великою нужею, занеже болѣзнь еѣ бысть велика зѣло“. Отъ этой болѣзни царица скончалась 7-го августа. Съ ея кончиной вся обстановка личной жизни Грознаго мѣняется. Въ тотъ же день, 7-го августа, царь велитъ строить особые дворы дѣтямъ своимъ, царевичамъ Ивану и Федору, брату Юрію Васильевичу и царю Александру

Сафагирѣвичу Казанскому, которые прежде жили „на царевѣ и великаго князя дворѣ“. Дворы царь велить строить „спѣшно“, какъ сказано про царевичей, „чтобы дѣтемъ своимъ въ томъ дворѣ устроиться ранѣе“. Князю Юрію царь „учаль обиходъ его строити изъ его городовъ и волостей“ и „учинилъ у него особою бояръ, и дворецкаго, и дьяковъ, и дворянъ, и столниковъ, и стряпчихъ, и всякихъ приказныхъ людей, какъ довлѣетъ быти всякому государьскому чину во всякомъ обиходѣ“. Особыхъ дѣтей боярскихъ и дьяковъ изъ всякихъ дворовыхъ и приказныхъ людей получилъ и Александръ.

Напомню, что Едигера Магмета Казанскаго, во крещеніи Семіона, царь, по свидѣтельству „Царственной книги“, окружилъ дворомъ. учинивъ у него „всѣхъ чиновниковъ по чину, по государьскому“, и держалъ его, „какъ царя и царскаго сына по его достоинію и какъ удѣльные князи“. Эти подробности, очевидно, не лишены значительнаго интереса для характеристики настроенія Грознаго въ знаменательный 1560 годъ. Не прошло и недѣли съ кончины дарицы Анастасіи, какъ 14-го августа митрополитъ Макарій, съ духовенствомъ и боярами, пришелъ бить царю челомъ, чтобы онъ „себѣ бы нужи не наводилъ“ и „для крестіянские надежи женился ранѣе“. 16-го числа царь далъ свое согласіе и послалъ искать себѣ невѣсту въ Литву, въ Швецію и къ Черкасскимъ князьямъ. Въ лѣтописи передается ходъ переговоровъ по этому поводу, разказывается о пріѣздѣ дочери Темрюка Айдаровича, князя Кабардинскаго, ея крещеніи и бракѣ совершившемся 21-го августа 1561 года.

Въ томъ же августѣ пріѣхалъ къ царю митрополитъ Іоасафъ отъ патріарха Іоасафа съ грамотой благословенной на царство и чиномъ о царскомъ вѣнчаніи, который митрополитомъ Іоасафомъ тогда же былъ переведенъ. Отъ него же получили въ Москвѣ, по всему вѣроятію, грамоту константинопольскаго патріарха Іоасафа къ Макарію, митрополиту кievскому, въ обличеніе „злославной и пагубной и богомерзской люторской ереси“. Эта грамота въ лѣтописи приведена цѣликомъ и интересна тѣмъ, что даетъ первое указаніе на распространеніе въ Малороссіи лютеранства уже въ 1560 г. Текстъ грамоты, очевидно, переводный, мѣстами неясенъ; къ тому же издатель не совсѣмъ удачно разставилъ знаки препинанія. Этотъ документъ, конечно, не замедлитъ привлечь вниманіе специалистовъ.

Не касаясь другихъ отдѣльныхъ извѣстій (напримѣръ, о разныхъ оналахъ), отмѣчу еще подробный разказъ о полоцкомъ походѣ. Если въ основѣ его и лежитъ, по всей вѣроятности, разрядъ этого похода,

то разказъ, все-таки, развитъ въ цѣлое отдѣльное сказаніе, интересное наглядностью описаній, характерными подробностями, а главное общей тенденціей.

Полоцкому походу приданъ религіозный характеръ: царь пошелъ на Сигизмунда за многія его неправды, но наипаче, какъ заступникъ вѣры, горя сердцемъ о святыхъ иконахъ и храмахъ, такъ какъ безбожная Литва отвергла поклоненіе святымъ иконамъ, много ихъ уничтожила, разоряла церкви, поправъ христіанскую вѣру и восприявъ лютерство.

Любопытно свидѣтельство, что многіе люди греческаго закона, и не только мірскіе люди, но попы, дьяконы, игумены и чернецы приняли лютеранство, и что оставшіеся вѣрными православію скрывали иконы, боясь ихъ поруганія. Въ сказаніи эти религіозные мотивы тенденціозно выставляются на первый планъ, а причины политическія отмѣчаются на второмъ мѣстѣ. Сообразно съ такой точкой зрѣнія описана и обстановка похода; выступленію предшествуютъ торжественныя молебны, прощаніе съ чудотворцами и гробами прародителей. И въ походъ царь взялъ съ собой нѣсколько чудотворныхъ иконъ, а изъ царской казны Полоцкій крестъ, на которомъ стояла надпись: „Здѣланъ снѣ крестъ в Полотцску повелѣниемъ княжны Евросини и поставленъ въ церкви Всемилостиваго Спаса; да не износить его ис тоѣ церкви никто же; егда же кто его из церкви изнесетъ, да приметъ съ тѣмъ судъ въ день судный“. Крестъ этотъ смоляне взяли въ Полоцкѣ войною и привезли въ Смоленскъ, а когда Василій Ивановичъ взялъ Смоленскъ, то перевезъ крестъ въ Москву; теперь же Грозный взялъ его съ собой подъ Полоцкѣ. Подробное описаніе самаго похода, труднаго и продолжительнаго, интересно тѣмъ, что оно на первый планъ выдвигаетъ личную распорядительность царя, какъ во время пути по лѣсной и пустынной мѣстности, такъ и во время осады. Описаніемъ взятія Полоцка и царской радости по этому случаю оканчивается лѣтопись А. Н. Лебедева. Непосредственнымъ, безъ всякаго пробѣла, продолженіемъ ея служить отрывокъ изъ „Александро-Невской“ лѣтописи, напечатанный въ III т. Русской Исторической Библіотеки.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе рукописи А. Н. Лебедева и ея положеніе среди другихъ списковъ московскихъ лѣтописей. Издана только послѣдняя, четвертая, часть ея. Объ этомъ изданіи придется сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Текстъ своей лѣтописи, то-есть, IV ея тома, А. Н. Лебедевъ напечаталъ цѣликомъ, присое-

днннвѣ къ изданію сличеніе этого текста съ V томомъ лѣтописи Львова и V книгой Татищева. Все, что въ текстѣ рукописи оказалось излишнимъ противъ сличавшихся изданій, набрано курсивомъ; варианты печатныхъ текстовъ Львова и Татищева отмѣчены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Никоновская лѣтопись къ изданію привлечена не была. Въ результатѣ получилось слѣдующее: 1) сходство большей части изданнаго текста (до 1558 г.) съ Никоновской лѣтописью осталось незамѣченнымъ; 2) курсивомъ въ текстѣ напечатаны варианты, не составляющіе, за исключеніемъ разказа о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго и весьма немногихъ другихъ, особенности издаваемой редакціи лѣтописнаго свода, а находящіеся въ обычномъ текстѣ такъ называемой Никоновской лѣтописи; 3) подъ строкой приведены, подъ видомъ варианта, многія ошибки и неудачныя чтенія Львова и Татищева. Ограничившись сличеніемъ своей рукописи съ названными изданіями, А. Н. Лебедевъ ввелъ себя въ нѣкоторое заблужденіе: онъ пришелъ къ заключенію о близкомъ родствѣ своей лѣтописи именно съ Львовскимъ лѣтописцемъ. Повидному, этимъ объясняется и заглавіе изданія: „Лѣтописецъ русскій“ (такъ озаглавлено изданіе Львова), и второе заглавіе: „Лѣтописецъ русскій“. Продолженіе повѣстей временныхъ лѣтъ“, взятое у Львова. И нѣкоторыя изъ частныхъ заглавій лѣтописнаго текста издатель отмѣчаетъ, какъ взятія изъ лѣтописи Львовской и внесенныя въ текстъ, хотя въ рукописи ихъ и нѣтъ. V томъ Львовскаго лѣтописца дѣйствительно по редакціи очень близокъ къ изданному А. Н. Лебедевымъ тексту, но происходитъ это отъ того, что въ пятой части Львовская лѣтопись только повторяетъ основной текстъ большаго (официальнаго) Московскаго лѣтописнаго свода, всего полнѣе сохранившагося въ лицевыхъ рукописяхъ¹⁾. Если можно говорить о Львовской лѣтописи, какъ особенной редакціи Московскаго лѣтописнаго свода, то никакъ не на основаніи V тома: сходство съ V томомъ Львовской лѣтописи есть сходство съ соответствующей частью официальной лѣтописи, основнымъ текстомъ которой у насъ принято считать Никоновскую.

А. Н. Лебедевъ самъ отмѣчаетъ это въ предисловіи, говоря: „рукопись наша есть часть цѣлаго, то-есть, большаго лѣтописнаго свода“, и приводя объ этомъ сводѣ слова Бодянскаго; къ сожалѣнію, вѣрное замѣчаніе не повліяло на планъ изданія и не заставило издателя заглянуть въ Никоновскую лѣтопись.

¹⁾ См. „Царств. книга, ея составъ и происхожденіе“, стр. 25.

Всѣ высказанныя замѣчанія, конечно, второстепенны и нисколько не умаляют цѣнности изданія; если изданъ отчасти текстъ, уже извѣстный, то эта лишняя трата искупается тѣмъ новымъ, что даетъ „Лѣтописецъ русскій“ А. Н. Лебедева.

Въ заключеніе отмѣчу еще два недосмотра, допущенныхъ при изданіи. Въ числѣ вариантовъ есть приведенные изъ „рукописи № 1“ и „рукописи № 2“ (стр. 9, 10, 12, 13), а что это за рукописи—остается неизвѣстнымъ. Затѣмъ, въ предисловіи сказано: „цифры на поляхъ страницъ указываютъ на соотвѣтствующія имъ страницы печатнаго Львовскаго печатнаго лѣтописца (V ч.)“; на поляхъ же никакихъ цифръ нѣтъ, а помѣщены онѣ въ текстѣ, въ скобкахъ, да еще такъ: л. 1, л. 2 и т. д., точно дѣло идетъ о листахъ рукописи, а не о страницахъ печатнаго изданія.

Въ общемъ изданіе исправное и по значенію своему представляетъ несомнѣнно цѣнную новинку.

А. Прѣсняковъ.

**Замѣчаніе Редакціи по поводу статьи профессора Позднѣва:
„Послѣднія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества
на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ“.**

Въ текущемъ маѣ 1895 года редакціею *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* была получена отъ г. завѣдывающаго изданіями на калмыцкомъ языкѣ при Казанской переводческой комиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества, Михаила Бадмаева, статья, подъ заглавіемъ: Необходимое разъясненіе по поводу рецензии проф. А. М. Позднѣва на калмыцкій переводъ „Толковаго Молитвослова“. Такъ какъ статья эта не заключаетъ въ себѣ никакого научнаго разбора или изслѣдованія, то редакція не признаетъ возможнымъ напечатать ее цѣликомъ на страницахъ своего Журнала; но, въ интересахъ дѣла, почитаетъ долгомъ сообщить, что „вполнѣ раздѣляя основательныя возраженія проф. Позднѣва“, г. Бадмаевъ старается „снять“ въ своемъ разъясненіи „незаслуженное обвиненіе Казанской переводческой комиссіи въ неосторожности при изданіи переводовъ на калмыцкій языкъ“. По его словамъ, изданіе перевода „Толковаго Молитвослова“ совершилось не только безъ участія въ этомъ дѣлѣ какъ

завѣдывающаго калмыцкими изданіями комиссіи, такъ и составителя этого перевода, но даже прямо противъ ихъ желанія. Оно было рѣшено и ведено лицомъ, незнающимъ ровно никакого инородческаго языка.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

А. Гауфельдтъ. Основы литературной критики. Одесса. 1895 г. Цѣна 15 к. 36 стр.—Статья А. Гауфельдта представляетъ сжатое, но обстоятельное обзорѣніе богатой исторіи европейской критики за два вѣка ея процвѣтанія. Опредѣляя критику, какъ „оцѣнку произведенія какого-нибудь писателя, притомъ оцѣнку произвольную, а *мотивированную*, имѣющую цѣлью руководить мнѣніемъ публики“, г. Гауфельдтъ свою статью посвящаетъ, главнымъ образомъ, выясненію этихъ мотивовъ. Касаясь мимоходомъ процесса творчества, авторъ говоритъ, что „великіе художники по интуиціи знаютъ законы литературнаго вкуса“. Эта мысль заставляетъ автора стать на сторону лицъ признающихъ зависимость критики отъ литературы, а не наоборотъ: по его мнѣнію, законы прекраснаго и истинны, которыми инстинктивно руководится художникъ, критику сдѣлались знакомы единственно изъ произведеній художника. Авторъ утверждаетъ далѣе, что и опредѣлять эти правила и принципы — дѣло не критики, а философіи; на долю критики остается лишь судъ извѣстнаго произведенія съ точки зрѣнія выработанныхъ принциповъ. Въ проиведеніяхъ великихъ писателей критикъ встрѣчаетъ общечеловѣчскія черты и индивидуальныя, присущія извѣстнымъ историческимъ условіямъ, встрѣчаетъ онъ также картину добра и зла, картину извѣстнымъ образомъ освѣщенную; наконецъ, встрѣчаетъ изображение души человѣческой. Отсюда, изъ различія элементовъ литературнаго произведенія—различіе мотивовъ, которыми руководствуется критика, различіе родовъ самой критики: эстетическая, историческая, моралистическая, психологическая. Сравнительно недавно явился еще новый родъ критики: научно-литературная, лучшими представителями которой авторъ считаетъ Тэна и Брюнетьера. Авторъ подробно выясняетъ роль каждаго изъ этихъ родовъ, опредѣляя точку зрѣнія критика, отношеніе его къ произведенію и автору и указывая слабую сторону каждаго рода критики и взаимоотношеніе ихъ между собой. „Идеальной критикой была бы такая, замѣчаетъ авторъ, которая могла бы соединить все роды ея, которая могла бы указать каждому изъ нихъ его роль и относительное значеніе и сумѣла бы привести къ единому знаменателю, давшая, добытая каждымъ изъ родовъ критики“. Въ заключеніе авторъ указываетъ рядъ фактовъ, явно свидѣтельствующихъ, что современная критика, дѣйствительно, идетъ къ такому соединенію.

Въ теченіе мая въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, за 1895 годъ, книга 2-я. томъ 173-й. Москва. 1895. Содержаніе: Объявленіе

о четвертомъ соисканіи преміи *Г. О. Карпова*.—Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ.—Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ.—Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI вѣка.—Къ исторіи сношеній Россіи со Швеціей при царѣ Иванѣ IV.—Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, *Н. Н. Омолвина*.—Смѣсь.

— *Н. Помяловскій*. Житіе преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго, (по рукописи Московской синодальной бібліотеки).

— *А. Садовъ*. Древне-христіанскій писатель Лѣтанцій. С.-Пб. 1895.

— *А. Соболевскій*. Сворникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій. Часть II. С.-Пб. 1895.

— *А. Н. Ясинскій*. Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вѣка). Кіевъ. 1895.

— Православный Палестинскій Сворникъ. 39-й выпускъ: Путникъ Антонина изъ Палестины конца V вѣка. Издалъ, перевелъ и объяснилъ *Н. Помяловскій*.

— 40-й выпускъ: Краткій разказъ о святыхъ мѣстахъ Іерусалимскихъ, написанный, въ 1253—1254 г., изданный въ первый разъ съ предисловіемъ *А. Пападопуло-Керамевоса* и переведенный *Г. С. Дестунисомъ*.

— Палестинскій Патерикъ. 5-й выпускъ (изданіе Православнаго Палестинскаго общества). Житіе и подвизаніе—Порфирія епископа Газскаго. Перевелъ *Н. Помяловскій*.

— *Дмитріевскій, Алексѣй*. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена русскаго Пантелеймоновскаго монастыря священно-архимандрита Макарія (Сущкина). С.-Пб. 1895.

— *Г. Э. Гинце*. „Дополненіе второе къ подробному систематическому указателю книгъ Д. С. Пономарева, рассмотренныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и одобренныхъ для употребленія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ за 1891—1894 гг.“ Харьковъ. 1895.

— *Стѣфанос*. Сворникъ статей въ честь *Ф. Ф. Соколова*, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, въ 30-тилѣтней годовщину его ученой дѣятельности. Отъ учениковъ и слушателей. С.-Пб. 1895.

— Editionum Collegii Historici Academiae Litterarum Cracovensis, № 51. Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia; t. XIII, continet: Acta capitulorum nec non judiciorum ecclesiasticorum, volumen I. W Cracowie. 1894.

— Idem., № 52, t. XIV, continet: Codicis epistolaris saeculi decimi quinti, tomus III. 1392—1501. W Cracowie. 1894.

— Idem., № 54. Collectanea ex archivo Collegii historici, tomus VII. Archivum Komisji historycznej tom VII. Craców. 1894.

Въ 1895 году, съ 1-го января, Императорскою Академіей Наукъ изданы слѣдующія книги:

— *Каминскій, А.*—Годовой ходъ и географическое распределение влажности воздуха на пространствахъ Россійской Имперіи по наблюденіямъ 1871—1890 гг. Съ 1 таблицей и 10-ю картами. Стр. VI + 118 + 138 + 352 in 4°. Ц. 9 р. 50 к.

— Известія Императорской Академіи Наукъ. Т. II. №№ 1-й (январь 1895 г.), 2-й (февраль), 3-й (мартъ) 4-й (апрѣль) Ц. по 1 р.

— *Nawaschin, S.*—UEBER DIE GEMEINE BIRKE (*Betula alba* L.) UND DIE MORPHOLOGISCHE DEUTUNG DER CHALAZOGAMIE. Съ 6-ю таблицами. Стр. VIII + 40 in 4°. Ц. 1 р. 40 к.

— Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію:

— Т. I, № 5. *Bomberg, H. und Seyboth, I.*—RESULTATE AUS DEN ZONENBEOBSACHTUNGEN AM MERIDIANKREISE DER MOSKAUER STERNWARTE WÄHREND DER JANNE 1858—1869. I. Zone 6° + 4°. Стр. 58 in 4°. Ц. 1 р.

— Т. I, № 6. *Куриловъ, В.*—Разложеніе (диссоціація) химическихъ соединений, образованныхъ поглощеніемъ амміака солями. Стр. 74 in 4°. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. I, № 7. *Чебышевъ, П.* О суммахъ, зависящихъ отъ положительныхъ значеній какой-либо функции. Стр. 77, in 4°. Ц. 40 к.

— Т. I, № 8. *Вильдъ, Г.* Новые нормальныя и пятилѣтнія среднія температуры для Россійской Имперіи. Стр. IV + 118 in 4°. Ц. 1 р. 80 к.

— Т. II, № 1. *Woronin, M. Dr.* DIE SCLEROTIENKREANKEIT DER GEMEINEN TRAUBENKIRSCHBE UND DER EBERESCHE. Съ 5-ю таблицами. Стр. 28 in 4. Цѣна 2 р. 40 к.

— REPERTORIUM FÜR METEOROLOGIE. Band XVII. Съ 18-ю таблицами и 1 картой. Стр. 708 in 4°. Ц. 17 р. 50 к.

— Византійскій Временникъ. Подъ редакціей *В. Г. Васильевскаго* и *Э. В. Ренеля*. Т. I, выпускъ 3-й, in 4°. Стр. 469—798 in 8°. Ц. годовому изданію 5 р.—(подписка въ книжномъ магазинѣ Риккера).

— Сочиненія *М. В. Ломоносова*: съ объяснительными примѣчаніями академика *М. И. Сухолиннова*. Т. III, съ портретомъ. Стр. XI + 567 in 4°. Ц. 3 р. 50 к. (по такой же цѣнѣ продаются отдѣльно и оба первые тома).

— Словарь русскаго языка, составленный II Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вып. 3-й I. (*Да—Дя*). II. Поправки, опечатки и словосокращенія Ц. 65 к.

(Первые выпуски Словаря продаются: I. по 85 к., II. по 75 к.; можно приобрести и томомъ всѣ три выпуска вмѣстѣ (А.—Д.). Ц. 2 р.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ продажа академическихъ изданій производится за наличныя деньги. Наложенымъ платежомъ книги не высылаются. Иностранніе покупатели уступкою не пользуются, но пересылку книгъ Академія беретъ на свой счетъ. Городскіе покупатели, приобретающіе непосредственно изъ склада Академіи, пользуются 25% уступки.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Гай Саллюстий Криспъ. Полное собраніе сочиненій. Перевелъ и объяснилъ В. Рудаковъ. Спб. 1894. Стр. 290+20.

Въ переводѣ г. Рудакова пріятное впечатлѣніе производитъ то обстоятельство, что онъ не ограничилъ своего труда передачей на русскомъ языкѣ Катилины и Югурты, русскіе переводы которыхъ существовали и ранѣе, но къ названнымъ двумъ цѣльнымъ произведеніямъ Саллюстія присоединилъ въ видѣ отдѣльнаго выпуска и переводъ отрывковъ, являющійся у насъ впервые.

Переводъ г. Рудакова не выдается въ ряду другихъ переложеній древнихъ авторовъ ни особыми достоинствами, ни рѣзкими недостатками: съ одной стороны, онъ въ большинствѣ случаевъ вѣрно и точн передаетъ и мысли и выраженія подлинника, но, съ другой — не даетъ понятія объ аффектированномъ стилѣ Саллюстія, объ его искусственности и его лаконизмѣ. Для большей ясности, переводъ снабженъ примѣчаніями, нѣкоторыя детали которыхъ или не точны, или сомнительны. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Стр. 16: „*adolescens* собственно молодой человекъ приблизительно отъ 14 до 25 лѣтъ“. Но ср. стр. 44, гдѣ читаемъ: „*adolescentes* звались у римлянъ всѣ лица до 40 лѣтъ“.

Стр. 23: „голодь и жажду римляне предупреждали по преимуществу рвотой, а также другими средствами: предварительными купаньями, острыми закусками и др.“. Объясненіе невразумительное.

Стр. 26: Кв. Метеллъ Пій ошибочно названъ Кв. Метуломъ Пиемъ.

Стр. 28: говорится о *lex Ciceronis*, вмѣсто болѣе употребительнаго названія: *lex Tullia*.

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

не отдѣлены другъ отъ друга никакимъ знакомъ. Слѣдовало бы между ѣткъ и хелебета поставить или запятую, или еще лучше знакъ вопроса. Сказать мнѣ? Прикажете (то-есть, и я скажу).

Весьма обстоятельное и умѣстное введене есть то самое, которое предпослано и другимъ выпускамъ, и не безъ основанія: выпуски продаются отдѣльно и покупатель какого бы то ни было выпуска вмѣстѣ съ нимъ получить необходимый для пониманія рѣчи общій обзоръ политической обстановки Эллады во время Демосоена и отношеній Аонинской республики къ царю Македонскому.

Luciani Mulleri de viginti et octo latinorum auctorum PLAUTUM ET TERENTIUM LIBRI VII. Accedunt ejusdem auctoris opuscula IV. Editio altera Petropoli et Lipsiae. 1894. pag. XII+651.

Трудъ профессора Л. Миллера, которымъ онъ началъ свою литературную дѣятельность и который нынѣ является во второмъ изданіи, не нуждается въ подробной рецензій. Достаточно сказать, что онъ при первомъ же своемъ появленіи былъ весьма благосклонно стрѣченъ ученой критикой и до сихъ поръ, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ, продолжаетъ служить превосходнымъ пособіемъ при изученіи латинской метрики. Немудрено поэтому, что первое изданіе этого сочиненія давно уже вышло изъ продажи и настала необходимость во второмъ, которое и исполнено почтеннымъ авторомъ въ минувшемъ году. Изданіе это носить на себѣ очевидные слѣды тщательной передѣлки, хотя въ общемъ его основа остается тою-же: авторъ внимательно пересмотрѣлъ всѣ цитаты, провѣрилъ ихъ по новѣйшимъ изданіямъ, разбилъ изложеніе на абзацы, гдѣ потребно исправилъ и вообще сдѣлалъ новое изданіе гораздо болѣе приспособленнымъ для чтенія и пользованія. Заслуживаетъ вниманія та часть предисловія, въ которой авторъ высказываетъ свои взгляды на значеніе классическихъ штудій и на реформу, произведенную въ нашемъ среднемъ образованіи графомъ Д. А. Толстымъ. Подробныя указатели значительно облегчаютъ пользованіе книгой.

Русская хрестоматія для старшихъ классовъ средне-учебныхъ (?) заведеній.

Часть IV. Пособіе при изученіи теорій прозы. Часть V. Пособіе при изученіи теорій поэзіи. Составилъ Н. Покровский. Москва. 1894. Ч. IV. Стр. 748. Цѣна 1 р. 50 к. Ч. V. Стр. 873 + 79. Цѣна 1 р. 60 к.

Первыя три части хрестоматіи г. Покровскаго, предназначенныя одна—для приготовительнаго класса, другая—для двухъ младшихъ

классовъ, третья—для III и IV класса среднихъ учебныхъ заведеній, выдержали уже по нѣскольку изданій....

Часть IV, по словамъ автора, предназначается для *старшихъ классовъ*, именно должна служить и класснымъ пособіемъ при изученіи *прозаическихъ сочиненій*, и необходимою книгою для *домашнихъ самостоятельныхъ работъ*, будетъ ли то составленіе плановъ, или анализъ однопредметныхъ (?) статей, или, наконецъ, развитіе данныхъ для сочиненія темъ.

Какія статьи авторъ называетъ „однопредметными“—не совсѣмъ ясно.

Предисловіе къ *Части V-й* еще болѣе туманно:

„Историко-сравнительный (?) методъ преподаванія теоріи поэзіи опредѣляетъ выборъ образцовъ этой части“—говоритъ г. Покровский. „Положенный въ основу ея методъ раздвинулъ и рамки бытующей (?) теоретической (?) хрестоматіи“...

Какая это „бытующая теоретическая хрестоматія“?...—не выяснено.

Въ IV-й части указаны планы нѣсколькихъ помѣщенныхъ статей; къ V-й, „чтобы освѣтить произведенія, изъ которыхъ взяты образцы“, „приложены статьи объяснительнаго характера“... „Само собою понятно“—прибавляетъ г. Покровскій на своемъ своеобразномъ языкѣ, который за русскій принять трудно,—„что такія статьи даны только тѣмъ литературнымъ произведеніямъ, которыя требуютъ освѣщенія“...

Эти „данныя произведенія статьи“ не принадлежать г. Покровскому. Онѣ всѣ заимствованы, и при томъ поясняютъ „произведенія и выбранные изъ нихъ образцы“ очень недостаточно, много менѣе, напримѣръ, тѣмъ пояснительныя статьи однородной по идеѣ съ хрестоматіей г. Покровскаго извѣстной хрестоматіи А. Г. Филонова.

Кромѣ того, нѣкоторыя статьи снабжены очень недостаточными подстрочными примѣчаніями. Примѣчанія эти такъ ничтожны, что недоумѣваемъ, зачѣмъ составителю понадобилось указывать на источники, къ которымъ ему приходилось прибѣгать для ихъ составленія. Неужели, напримѣръ, нельзя и безъ Любкера пояснить, почему соловья называютъ Филомелой, что подъ „побѣжденною Эдипомъ пѣвицею“ разумѣется сфинксъ, что Атридами назывались потомки Атрея—и т. д? Но разъ понадобилось опереться на авторитеты—возможно ли въ учебникѣ указывать, какъ на источникъ для справокъ, на такіе словари, какъ словари Андреевскаго (вѣрнѣе—1-я и 2-я часть Словаря Брокгауза и Ефрона, изданнаго подъ редакціей покойнаго Андреевскаго) и Березина, переполненные недосмотрами.

Примѣчанія эти во всякомъ случаѣ не только не полны, вполне ничтожны по содержанію, но еще сдѣланы крайне небрежно: то въ нихъ опечатки (напримѣръ „Аріадна“ вмѣсто „Ариадна“), то невозможный языкъ, то путаница. Вотъ, напримѣръ, поясненіе къ стихамъ:

И сфинксовъ и химеръ страшный

(Изъ „Освобожденнаго Іерусалима“; Хрестоматія, стр. 197).

Отъ подати ты насъ освободилъ,

Которую платили мы пѣвицѣ.

(Изъ трагедіи „Эдипъ-Царь“; Хрестоматія, стр. 580).

Зачѣмъ, какъ пѣла здѣсь собака,

Къ спасенію средствъ гражданамъ не открылъ?

(Оттуда же. Хрестоматія, стр. 589).

Последнее двустишіе (стр. 589) прямо пояснено словомъ „Сфинксъ“. Этого бы и достаточно, будь на страницахъ 197 и 580 дано удовлетворительное поясненіе этому слову, и будь на стр. 589 обозначено, гдѣ выше говорено о сфинксѣ. Но ссылки не сдѣлано, а на страницѣ 197 читаемъ:

„Сфинксъ у грек.—крылатое чудовище, съ туловищемъ львицы, и грудью дѣвы“.

(НВ. Сокращеніе „грек.“ и данная пунктуация въ подлинникѣ).

На страницѣ же 580:

„Здѣсь подъ пѣвицей разумѣется чудовище Сфинксъ, жившее на скалѣ возлѣ Фивъ, загадывавшее загадку и убивавшее каждого, кто ее не разгадывалъ. Эдипъ разрѣшилъ загадку, чѣмъ принудилъ Сфинкса броситься со скалы, и въ награду за то получилъ отъ еиванцевъ руку вдовствующей Іокасты и власть надъ городомъ“.

Ссылкою на прежде-данныя объясненія опять никакихъ.

Не проще ли было бы разъ дать удовлетворительное и хорошимъ языкомъ изложенное объясненіе, а затѣмъ сослаться на него? А въ данномъ видѣ ни одно объясненіе никакой цѣны не имѣеть.

Еще болѣе неудовлетворительными покажутся поясненія г. Покровскаго (собственно говоря—единственная самостоятельная работа его въ книгѣ), если задаться вопросомъ: Чѣмъ онъ руководствовался, выбирая что требуетъ, что не требуетъ поясненій, что надо дать въ Хрестоматіи, въ чемъ положиться на учителя?

Возьмемъ хотя бы поясненіе къ отрывку изъ „Эдипа-Царя“ (стр. 579—591).

Разъ преподаватель захочетъ прочесть съ учащимися этотъ отрывокъ и тѣмъ болѣе если онъ вздумаетъ задать имъ работу на тему

изъ него заимствованную, можетъ ли онъ удовольствоваться замѣчаніемъ о сфинксѣ, помѣщеннымъ на страницахъ 580 и 589 и слѣдующими:

Стр. 579: съ вѣтвью
Можетъ ли сойдитесь къ алтарямъ.

Поясненіе: „Тѣ, которые приходили молить боговъ о защитѣ и избавленіи отъ несчастій, держали въ рукахъ масляничныя вѣтви, обвитыя бѣлою шерстью. Садясь у жертвенниковъ, они клали возлѣ себя эти вѣтви и уносили ихъ, если получали просимую помощь; въ противномъ случаѣ оставляли эти вѣтви у жертвенниковъ и уходили“.

Стр. 580: *Народъ пеплъ пророческій Исмена-бога окружилъ толпами.*

Пояснено: „Исменій—эпитетъ Аполлона у еивянъ, храмъ котораго стоялъ на рѣкѣ Исменѣ, за воротами Эивъ. Предсказанія дѣлались по сжигаемымъ жертвамъ, поэтому жрецъ и говоритъ о пеплѣ пророческомъ“.

Стр. 581: онъ съ радостью идетъ;
Когда бъ не такъ—откинуть главу свою
Не сталъ бы онъ лавровыми вѣтвями.

Пояснено: „Возвращавшіеся отъ дельфійскаго оракула съ благопріятнымъ отвѣтомъ украшали свою голову лавровыми вѣтвями.“

Стр. 584: *„Изъ Ливона“* пояснено „Изъ Дельфъ“.
„О делосскій Пеанъ“

пояснено: „Пеаномъ называется Аполлонъ какъ цѣлитель болѣзней“.

Стр. 585: *„Помѣжь Лабдака. смѣхъ“*

Пояснено: „Лай, отецъ Эдипа“. Выше имя Лая встрѣчалось, но поясненій не вызвало.

Стр. 590: *„Я Локсію служу“*

Пояснено: „Аполлону“.

Другихъ поясненій къ отрывку въ 13 страницъ (въ два столбца каждая) не дано... А между тѣмъ я взялъ именно одинъ изъ отрывковъ, къ поясненію которыхъ г. Покровский приложилъ особенную заботливость. Онъ, по поводу великой трагедіи Софокла, указываетъ на большую статью Кудрявцева въ IV-й части Хрестоматіи (самый отрывокъ изъ трагедіи помѣщенъ въ части V-й).

Приведенныхъ поясненій, очевидно, недостаточно. Статья Ку-

дрявцева—статья критическая, комментаріями не занимается. Кто же даст недостающіе комментаріи?... Преподаватель?...

А разъ рассчитывать на преподавателя — половина примѣчаній, помѣщенныхъ г. Покровскимъ, окажется ненужною.

Важіе этихъ недостатковъ, однако, полная непригодность хрестоматіи г. Покровскаго къ учебнымъ планамъ нашихъ гимназій.

Старшіе классы отъ V до VII включительно нуждаются развѣ въ хрестоматіи по исторіи русской словесности, пожалуй съ небольшимъ дополненіемъ для самостоятельныхъ работъ по составленію плановъ для сочиненій; но никакъ не въ двухъ чрезвычайно объемистыхъ томахъ, почти вовсе не касающихся изученія памятниковъ русской литературы, указанныхъ въ программахъ; въ томахъ, которые,—къ тому же—не даютъ и всѣхъ образцовъ, нужныхъ для пополненія въ VIII классѣ матеріала, скопленного въ предыдущихъ классахъ для заключительнаго курса теоріи словесности...

Последнія двѣ части Хрестоматіи г. Покровскаго непригодны для *учебныхъ* цѣлей; но въ виду множества помѣщенныхъ въ нихъ статей и отрывковъ несомнѣнно просвѣтительнаго содержанія, а также въ виду дешевой цѣны, за нихъ назначенной, онѣ все-таки окажутся не бесполезными для учительскихъ семинарій и библиотекъ городскихъ училищъ.

II. Бракетеймеръ. Грамматика древне (церковно)-славянскаго языка для средне учебныхъ заведеній. Изданіе 5-е. Одесса. 1894. Стр. 60.

Въ іюльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 годъ было сдѣлано много указаній на научную несостоятельность этого учебника, при чемъ высказывалась полная надежда на то, что авторъ приметъ ихъ къ свѣдѣнію и постарается исправить недостатки своей книги. Что же сдѣлалъ авторъ въ новомъ, 5-мъ изданіи своего учебника?

Опъ, видимо, прочелъ отзывъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, но вмѣсто исправленія, просто выпустилъ изъ книги извѣстныя строки и вообще все то, что признавалось за недостатки, не позаботившись произвести соответственныя измѣненія въ другихъ мѣстахъ книги. Въ результатѣ получилась прежняя несостоятельность книги въ научномъ отношеніи, неосновательность, неточность грамматическихъ положеній и нерѣдко даже противорѣчіе ихъ одного другому.

Такъ, по поводу 3-го изданія книги было замѣчено, что допущеніе въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ гласныхъ по количеству *краткихъ* и *долгихъ* ненаучно и невѣрно. Въ 5-мъ изданіи грамматики г. Бракенгеймеръ о подобномъ дѣленіи гласныхъ по количеству въ параграфахъ 8—10 прямо не упоминаетъ; но за то 1) оставшееся въ этихъ параграфахъ дѣленіе гласныхъ ни на чемъ не основывается и 2) прежнее ученіе о долготѣ и краткости гласныхъ звуковъ проскальзываетъ въ § 11, въ названіи *э* и *ь* краткими и глухими. Прежнее дѣленіе гласныхъ по количеству на долгіе и краткіе отражается и въ § 14 (стр. 15), гдѣ *ъ* и *ы* прямо называются *долгими двогласными* звуками. Такимъ образомъ г. Бракенгеймеръ никакъ не рѣшается признать, что ни церковно-славянскому, ни русскому языку не свойственна долгота или краткость гласнаго звука, что въ этихъ языкахъ можно говорить только объ относительной силѣ или слабости извѣстнаго гласнаго звука, о степени гласности, но не о протяжимости звука. Продолжая учить о долготѣ и краткости гласныхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, г. Бракенгеймеръ противорѣчитъ тому общезвѣстному факту, что, если бы въ церковно-славянскомъ языкѣ, а равно и въ русскомъ, были гласные долгіе и короткіе, то попытка Мелетія Смотрицкаго ввести у насъ метрическое стихосложеніе увѣнчалась бы успѣхомъ. Между тѣмъ противъ этой долготы и краткости гласныхъ звуковъ, обозначаемыхъ латинскою азбукою, а не кириллицею, говорить всякая, самая элементарная теорія словесности въ ученіи о русскомъ стихосложеніи.

Г. Бракенгеймеру было указано на неумѣстное въ учебникѣ древняго церковно-славянскаго языка русское начертаніе многихъ изучаемыхъ словъ. Въ 5-мъ изданіи грамматики авторъ вмѣсто надлежащаго начертанія замѣченныхъ словъ, опустилъ ихъ всѣ; въ большинствѣ же оставшихся, правда, возстановилъ древнее начертаніе, но не во всѣхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 17 неправильно написано *вдохновение* вмѣсто *въдохновение*; на стр. 22 выдается за церковно-славянское слово русское—*своротка*. Этотъ, такъ сказать, русизмъ замѣчается и на стр. 6 въ исключеніи изъ азбуки церковно-славянскаго языка буквы *ѣ*, въ насчитываніи (стр. 10, § 9) 17 гласныхъ звуковъ, тогда какъ ихъ только 12, потому что *ѣ*, *ѥ*, *ѧ* и др. не звуки, а йотированныя (по Буславеву облеченные *і*) гласныя буквы. Судя по § 9-му легко замѣтить, что г. Бракенгеймеръ смѣшиваетъ *звуки съ буквами*; на стр. 19 онъ по прежнему *ѣ* и *ѧ* называетъ и

вставными и придыханіями. Чему же изъ всего этого научится пользующійся учебникомъ?

По поводу 3-го изданія было замѣчено невѣрное включеніе авторомъ *шипящихъ* и *свистящихъ* въ члены дѣленія согласныхъ по органамъ произношенія. Въ 5-мъ изданіи, въ § 17-мъ, авторъ, дѣля буквы, ничего не говоритъ о дѣленіи ихъ по органамъ произношенія; но въ § 18-мъ, рѣчь идетъ по прежнему о гортанныхъ, зубныхъ, какъ о чемъ то уже извѣстномъ и установленномъ. Оставшееся въ § 17-мъ дѣленіе согласныхъ, какъ и подраздѣленіе въ § 10-мъ гласныхъ, ни на чемъ не основывается.

По поводу 3-го изданія говорилось, что некстати встрѣчаются въ грамматикахъ для средне-учебныхъ заведеній научные, въ большинствѣ случаевъ малопонятные ученику термины, выраженія и объясненія. Въ 5-мъ изданіи выпущены указанная слова: *консонантизмъ*, *ринизмъ*, выпущено приложение А, отличавшееся нѣкоторымъ знакомствомъ съ санскритомъ, но всего учебника авторъ не пересмотрѣлъ съ цѣлью очистить его отъ излишняго и труднаго для ученика средне-учебнаго заведенія. Такъ, на стр. 13-й по поводу слова гась приводится санскритскій корень этого слова; на стр. 15-й ѣ, зы, оу называются *двузвучными*; буквъ ѣ приписывается *двутривзвучность*; на стр. 33-й мѣстоименія называются *безродовыми* и *родовыми*, вмѣсто болѣе или менѣе принятаго названія *членныя* и *безчленныя*; на стр. 14-й считается доступнымъ для ученика намекъ на правописаніе по-славянски слова *мною* чрезъ сопоставленіе его съ латинскимъ *multum*, а слова *будень*—чрезъ такое указаніе: „будень = $\sqrt{\text{бѣд} + \text{дѣн}}$ “ (стр. 19). Все это и подобное неосновательно, безцѣльно и трудно для ученика среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ замѣчаніяхъ на 3-е изданіе грамматики г. Бракенгеймера было высказано сожалѣніе, что авторъ многое изъ необходимаго ученику грамматическаго матеріала перенесъ почему то въ подстрочныя примѣчанія, напримѣръ, окончанія и самыя склоненія причастій. Но и въ новомъ изданіи г. Бракенгеймеръ не задался цѣлью пополнить, что было, такъ сказать, недоговорено. На стр. 30-й по прежнему не ясны слова: „Сравнительная степень прилагательныхъ склоняется по образцу положительной съ конечнымъ шипящимъ“, потому что раньше нигдѣ, даже и въ примѣчаніяхъ не указано никакого образца склоненія положительной степени. То-же самое приходится сказать и о дальнѣйшихъ словахъ на стр. 31-й: „по образцу сравнительной сте-

пени именъ прилагательныхъ склоняются безъ всякаго отступленія и причастія настоящего и прошедшаго времени дѣйствительнаго залога⁴, такъ какъ никакого образца склоненія сравнительной степени нигдѣ не приведено. Недоговореннымъ можно считать положеніе на стр. 26: къ сложному склоненію принадлежать 1) имена прилагательныя полныя и причастія и 2) числительныя порядковыя, такъ какъ по сложному склоненію склоняются и мѣстоименія: *мы, вы, всаки, самы*.

Выпуская, даже изъ подстрочныхъ примѣчаній, все то, чего коснулись замѣчанія на 3-е изданіе грамматики и не касаясь того, что связано съ выпущеннымъ, г. Бракенгеймеръ естественно впалъ въ противорѣчія самому себѣ. Такъ, на стр. 18 буквы *ѣ, ѓ, оу, ѡ* называются составными, тогда какъ на стр. 11 въ § 10-мъ, въ общей группировкѣ гласныхъ, такого названія этимъ буквамъ не дано. На стр. 15, въ 10 строкъ сверху, говорится, что смѣшеніе *ѣ* съ *е* замѣчается уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ русскихъ XI вѣка, а въ подстрочномъ примѣчаніи на этой же страницѣ читаемъ: „Двутривзвучностью (*sic*) *ѣ* можно объяснить *всегда* правильное употребленіе *ѣ* необразованными писцами древнѣйшей поры“. Поверхностной передѣлкѣ учебника слѣдуетъ приписать и то, что въ § 19 стр. 23 особенность древне-церковно-славянскаго языка подъ буквою *ѣ* представляетъ одно и то же съ особенностью *а*; что на стр. 46 въ главнѣйшихъ особенностяхъ синтаксиса сказано, будто бы „въ придаточномъ дополнительномъ предложеніи вмѣсто личнаго глагола встрѣчается причастіе“. На самомъ дѣлѣ это бываетъ въ главномъ и придаточномъ предложеніи, и приводимый даже примѣръ представляетъ главное, а не придаточное предложеніе „*Бѣ оуча їис.*“. Приведенная особенность по прежнему считается особенностью въ согласованіи. Правда, остальные указанные замѣчаніями въ июльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1893 годъ, случаи смѣшенія согласованія словъ съ словоуправленіемъ устранены. Но, вообще говоря, г. Бракенгеймеръ строго не обдумалъ характера недостатковъ своей книги, не постарался ее очистить отъ этихъ недостатковъ и тѣмъ самымъ не только не оправдалъ довѣрія къ исправленію книги, но даже ухудшилъ учебникъ, допустивъ въ немъ вышеуказанные недостатки и сверхъ того выбросилъ довольно удобные для повторенія, бывшіе въ прежнихъ изданіяхъ выводы и обобщенія въ концѣ большихъ параграфовъ, или отдѣловъ грамматики. Словомъ, если прежнія изданія грамматики древне-славянскаго языка г. Бракенгеймера заставляли желать лучшаго, то 5-е изданіе менѣе

прежнихъ изданій можно считать удовлетворительнымъ учебнымъ руководствомъ или пособіемъ при изученіи церковно-славянскаго языка.

Грамматика современнаго церковно-славянскаго языка съ примѣрами для упражненій и задачами. Составилъ *И. А. Муратовъ*. Для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, для городскихъ и духовныхъ училищъ. Москва. 1894. Стр. 77. Цѣна 45 коп.

Въ грамматикѣ современнаго церковно-славянскаго языка, гдѣ отсутствовали бы архаическія формы и давалось бы лишь пособіе къ уразумѣнію формъ языка нашихъ священныхъ и церковныхъ книгъ, ощущается потребность. Въ учебной литературѣ есть только книга г. Миропольскаго: Краткая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода, 1888 года.

Извѣстный уже авторъ учебника старо-славянскаго языка, г. Муратовъ нынѣ выступаетъ съ учебникомъ новаго славянскаго языка. Въ предисловіи авторъ предлагаетъ „взрослому читателю“ доктрину означеніи славянскаго языка въ исторіи русской жизни и въ исторіи образованія русскаго литературнаго языка. Затѣмъ онъ переходитъ къ значенію церковно-славянскаго языка въ наукѣ славяновѣдѣнія. Авторъ поясняетъ, что ново-славянскій церковный языкъ подчинился вліянію живаго русскаго языка, отчего въ немъ усматривается обиліе и разнообразіе формъ. Это вполне справедливо; но положеніе о томъ, что данный учебникъ даетъ ясное разумѣніе языка Священнаго Писанія, нѣсколько смѣло.

Нѣсколько удивляетъ насъ авторъ, утверждая, что только излишнія подробности и мелочи, не имѣющія практическаго или научаго значенія, не нашли въ его книгѣ мѣста. Мы смѣемъ сказать, что многія подробности, имѣющія научное значеніе, не нашли да и не должны были найти мѣста въ его книгѣ, сообразно самой задачѣ. Взрослому читателю авторъ могъ бы сказать: если желаете познакомиться съ основными законами славянскаго языка, то познакомьтесь съ другимъ моимъ учебникомъ; а здѣсь же, въ новомъ моемъ трудѣ, я дамъ то, что нужно для училищъ, гдѣ не изучается древній церковно-славянскій языкъ.

Но обратимся къ самой книжкѣ. Въ ней, конечно, очень мало излишняго балласта, но лучше бы было, если бы его и совсѣмъ не было. Зачѣмъ вносить въ школы, гдѣ не проходитъ греческій языкъ, терминъ: *аористъ* (стр. 42)? Такъ еще на стр. 31, авторъ не удер-

жался отъ научнаго термина „*гласная основа*“ и совершенно напрасно въ словахъ *жій*—*ка* считаетъ *і* и *а* за гласныя основы.

Какъ практическое неудобство, замѣтили мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ отсутствіе формъ причастія во множественномъ числѣ, на *ше* и *ши*, на *ше* и *ши*, и это при перечисленіи всѣхъ основныхъ формъ по родамъ (стр. 47 и на стр. 49 § 76). Наконецъ, есть и еще недосмотръ или ошибка. На стр. 16 авторъ говоритъ объ окончаніи *іе*, будто оно встрѣчается въ именахъ означающихъ званіе, должность или состояніе, напримѣръ, *царіе*, *мытаріе*, *пастыріе*, а между тѣмъ, стоитъ перевернуть страницу, чтобы видѣть приведенные авторомъ (и совершенно правильно) примѣры, противорѣчащіе тому, что окончаніе *іе* встрѣчается въ именахъ означающихъ званіе, должность или состояніе—*людіе*, *дѣлателіе*, *мужіе*, *братіе*.

Вотъ все, что можно указать, какъ недостатки. Все остальное: звуки и буквы, составъ словъ, склоненія, спряженія, неизмѣняемая части рѣчи и, особенно, церковно-славянскаго синтаксиса изложены ясно и общедоступно; учебникъ г. Муратова кратокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полнъ для уразумѣнія грамматическихъ формъ церковно-славянскаго языка.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Почему въ учебникѣ, гдѣ новый церковно-славянскій языкъ можетъ быть сравниваемъ съ живымъ русскимъ языкомъ, не дать нища, матеріала къ этому сравненію? Здѣсь то именно и слѣдуетъ сопоставить смягченія *двѣ* $\frac{жд}{ж}$ и привести слова: *надежда*, *одежда* рядомъ съ словами: *одѣжа* и *надѣжа-юсударь*; здѣсь кстати и даже очень кстати разъяснить полногласіе русскаго языка и сказать, что мы книжное и славянское слово *прахъ* употребляемъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ слово наше народное *порохъ* и затѣмъ сопоставить слова *градъ* и *преграда* со словами *юродъ* и *зиюродка*, *млатъ* и *младъ* — съ словами *молотъ* и *молодъ*, *лава* и *юлова* и т. д. Не къ архангелскому языку, а къ живому нашему языку совѣтывали бы мы обращаться въ учебникѣ для низшихъ классовъ, и дѣти сумѣли бы посредствомъ недолгаго упражненія въ любой современной книгѣ подчеркивать слова церковно славянскаго происхожденія (напримѣръ, предопредѣленіе, призваніе, нарицательный и т. п.).

Творія сочиненій съ хрестоматіей. П. Житецкаго. Кіевъ. 1895. Стр. 192. Цѣна 1 рубль.

Въ предисловіи авторъ свидѣтельствуетъ о единствѣ идеи, отъ которой книга его должна получить логическую и дидактическую

цѣнность. Съ практической стороны онъ не говоритъ о своей книгѣ, какъ о руководствѣ для извѣстнаго класса гимназій. По планамъ 1890 года въ VIII классѣ проходитъ краткій курсъ теоріи слога (стилистики), прозы и поэзіи. Очевидно, опытный преподаватель и задумалъ отвѣтить на эту задачу нашихъ плановъ.

Книга раздѣляется на три части. Первая часть: слово и мысль—состоитъ изъ трехъ главъ: 1) слово и представленіе; 2) слово—сужденіе и понятіе; 3) предложеніе и логическое сужденіе.

Объясняя *представленіе*, авторъ отирается отъ ощущеній ребенка и младенческаго лепета: противъ этого нечего сказать, кромѣ того, что къ этимъ выводамъ и поясненіямъ необходимо было прибавить, какъ представленіе выражается въ наименованіяхъ всякаго предмета,—какъ это изложено въ 140 § II части исторической грамматики Булаева. Статьѣ г. Житецкаго о представленіяхъ и объ ассоціаціи представленій и внутренней смежности недостаетъ живыхъ примѣровъ, которыми лучше и полнѣе изобразилось бы изложенное имъ ученіе. То же можно сказать и о второй главѣ (слово—сужденіе и понятіе). Говоря о существенныхъ признакахъ предмета, надо было бы, не скупясь, почерпнуть примѣры изъ живой народной рѣчи и не только взять для примѣра имена, но и глаголы (птица летитъ—конкретное понятіе, и птица летаетъ—абстрактное или общее). Въ живыхъ примѣрахъ и ихъ большемъ числѣ особенно нуждается страница 9-я, гдѣ совершенно хорошо поясняется утрачиванье первоначальнаго значенія и роль слова, какъ условнаго знака понятія. 3-я статья: „предложеніе и логическое сужденіе“ не вызываетъ никакихъ замѣчаній, а лишь признаніе за ней выработанной и желательной въ учебной книгѣ краткости.

Вторая часть книги г. Житецкаго посвящена ученію о рѣчи, какъ словесномъ матеріалѣ сочиненія.

Понятіе о языкѣ, какъ орудіи сочиненій, изложено правильно, но, по обычаю автора, не снабжено примѣрами. Слѣдующія главы: *ритмъ рѣчи*, куда входитъ ученіе о періодической рѣчи и рѣчи стихотворной, *художественная рѣчь*, *литературная рѣчь* и *стиль или слогъ сочиненія* изложены очень хорошо и обильно снабжены примѣрами.

Третья часть книги озаглавлена: „формы сочиненія“ и заключаетъ 8 главъ: „*внутренняя связь между основными формами сочиненія, разные виды описательныхъ и повѣствовательныхъ сочиненій, логическое построеніе разсужденія, разсужденіе въ ораторскомъ искусствѣ и рассу-*

жденіе въ науку“ Такимъ образомъ, книга г. Житецкаго вмѣщаетъ въ себѣ основанія логики, теорію прозы и стилистику, и не превышаетъ мѣры того, что надобно знать оканчивающему курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи ¹⁾). Теорія сочиненій органически связана съ научнымъ понятіемъ о словѣ и о языкѣ. Книга снабжена хрестоматіей и удачнымъ выборомъ самыхъ характерныхъ образцовъ. Въ ряду извѣстныхъ руководствъ по этому предмету она безспорно должна занять видное мѣсто.

Опытъ аналитико-историческаго курса теории словесности съ присоединеніемъ образцовъ. Составилъ примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Соколовъ. Выпускъ I-й — до поэзіи лирической. (Курсъ перваго класса духовныхъ семинарій). Тула. 1894. Стр. 498+VI. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Одинъ выпускъ учебника по теории словесности въ 500 страницъ убористой печати... На первый разъ

Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Къ счастью, при ближайшемъ разсмотрѣніи книги, первое впечатлѣніе, произведенное ея объемомъ, нѣсколько смягчается. Около 300 страницъ занимаютъ въ ней образцы; учебникъ воспринялъ въ нѣдра свои цѣлую хрестоматію.

Въ томъ, повидимому, и состоитъ *аналитическій* методъ автора, что онъ даетъ образецъ, и тутъ же, вмѣстѣ съ читателемъ, выводитъ изъ него извѣстныя положенія. Что въ его методѣ *историческаго*, почему курсъ названъ *аналитико-историческимъ* — не совѣмъ ясно.

Какъ бы то ни было, передъ нами хрестоматія въ триста, и курсъ теории словесности въ двѣсти страницъ. Курсъ обнимаетъ общую часть, теорію прозы и теорію поэзіи эпической. Въ хрестоматіи даны соответствующіе образцы... Какой объемъ предполагаетъ г. Соколовъ дать выпуску 2-му неизвѣстно, но, увы, двумястами страницъ курсъ его не ограничивается...

Такой объемъ отнюдь не обусловленъ количествомъ сообщаемыхъ свѣдѣній, а именно желаніемъ составителя изобразить въ своей книгѣ чуть ли не полный ходъ каждаго урока, полный ходъ „аналитической“ работы преподавателя съ учениками въ классѣ.

¹⁾ Въ книгѣ г. Житецкаго читатель найдетъ поясненіе всѣмъ терминамъ реторики и стилистики; стхосложение и періодическая рѣчь изложены съ точнымъ опредѣленіемъ видовыхъ понятій. Виды описательныхъ и повѣствовательныхъ сочиненій представлены и опредѣлены также въ должной полнотѣ. Логическое построеніе разсужденій, какъ и строй ораторской рѣчи, тоже удовлетворительно изложены.

Аналитическій методъ отнюдь не новъ, даже — можно сказать — легъ въ основу учебнаго плана словесности въ нашихъ гимназіяхъ, но не въ стѣснительной формѣ, предложенной г. Соколовымъ. Преподаватель знаетъ, какія произведенія знакомы ученикамъ изъ предыдущихъ классовъ; знаетъ, какими образцами дополнить матеріалъ, изъ котораго должны быть выработаны теоретическія положенія; заимствуетъ ихъ изъ хрестоматіи, предоставляющей ему довольно широкій выборъ; а затѣмъ въ рукахъ учащихся долженъ быть небольшой учебникъ, сжато и ясно формулирующій выводы. Зачѣмъ ему стѣсняться именно выборомъ образцовъ, излюбленныхъ г. Соколовымъ? Зачѣмъ вести учениковъ къ намѣченнымъ положеніямъ именно по нимъ, и путемъ, указаннымъ авторомъ? Отчего не предпослать теоретическаго положенія его разработкѣ? Иногда можетъ оказаться удобнымъ и это.

Опытъ г. Соколова въ ряду учебниковъ по теоріи словесности въ значительной степени напоминаетъ такъ называемыя „практическія грамматикѣ“ въ ряду учебниковъ по грамматикѣ; въ этомъ первое его неудобство.

Для учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія онъ, сверхъ того, неудобенъ и потому, что не приуроченъ къ его учебнымъ планамъ: составителю какъ-бы совсѣмъ незнакомъ запасъ данныхъ, которыми ученикъ гимназіи долженъ быть обязательно снабженъ при переводѣ въ VIII классъ, гдѣ теорія словесности преподается, составляя какъ-бы синтезъ словесныхъ занятій. На это, впрочемъ, прямо и указано г. Соколовымъ, предназначающимъ свою книгу для перваго класса духовныхъ семинарій.

Обратимъ еще вниманіе на неуклюжій слогъ, которымъ книга г. Соколова поражаетъ на первыхъ же двухъ-трехъ страницахъ, а также на весьма широкое мѣсто, отведенное въ ней *пересказу содержания* эпическихъ произведеній (Иліады, Одиссеи, Энеиды, Божественной Комедіи, Нейстоваго Роланда, Освобожденнаго Іерусалима...). Могутъ ли такіе пересказы имѣть для учащихся какое либо образовательное значеніе?..

Leçons choisies annotées par M-me Koschikine, institutrice au gymnase Alexandre, à l'usage des classes supérieures des Instituts et des Gymnases. St.-Petersbourg, 1894, pages 103 in 12°. Цѣна 40 к.

Озаглавленная книжка г-жи Кошкиной составляетъ маленькій сборникъ цѣльныхъ статей и отрывковъ изъ сочиненій новѣйшихъ писа-

телей и назначается составительницей для чтенія въ старшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній. Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ два цѣлыхъ эпизода: 1) Sixte-Quint (par M-me Eugénie Foa) и 2) Wood'stown, conte fantastique (par Alphonse Daudet) и два отрывка: 1) Jack изъ сочиненія Альфонса Додэ подь этимъ же названіемъ и 2) Jean Valjean изъ сочиненія Виктора Гюгò „Les Misérables“.

Въ своемъ предисловіи г-жа Кошкина заявляетъ, что каждая статья ея сборничка, представляя тщательно выбранный текстъ для чтенія, въ то же время предлагаетъ назидательные примѣры добродѣтели, человѣколюбія и религіознаго благочестія, и что, для облегченія пониманія текста, она снабдила его объясненіями, которыя опираются, главнымъ образомъ, на сравненіи языка французскаго съ отечественнымъ.

Прочитавъ книжку г-жи Кошкиной, надо придти къ заключенію, что приложенное къ разсматриваемому сборнику предисловіе, вѣроятно, назначалось къ какому-нибудь другому изданію, потому что оно не соотвѣтствуетъ содержанію текста. Что касается до сравненія французскаго языка съ отечественнымъ языкомъ русскихъ учащихся, то такового нѣтъ и слѣда въ сборникѣ г-жи Кошкиной, такъ какъ вокабулы, указывающія дословное значеніе французскихъ словъ по-русски, не могутъ считаться сравненіемъ этихъ языковъ между собою. Въ первой статьѣ, Sixte-Quint, гдѣ разказывается о томъ, какъ маленькій свинопасъ Félix Peretti достигъ папской тиары, назидательнаго мало. Въ отрывкѣ изъ сочиненія Додэ „Jack“ назидательнаго также мало, какъ и въ первой статьѣ. Въ третьей статьѣ „Wood'stown“ (conte fantastique) содержаніе самое невѣроятное: группа американцевъ, заручившись разрѣшеніемъ Вашингтонскаго правительства, вырубилъ лѣсъ при устьѣ Красной рѣки и принялась строить городъ; лѣсъ ожесточился противъ строителей и изъ оставшихся въ землѣ корней сталъ пускать ростки, быстро превращавшіеся въ деревья, которыя напоромъ снизу разрушали возводимыя стѣны; въ свою очередь строители ожесточились противъ разрушительной растительности и подожгли ее: дымъ окуталъ городъ и лѣсъ, въ которомъ вѣковыя деревья горѣли какъ свѣчи; настала зима, глубокій снѣгъ покрылъ выгорѣвшее пространство, растительность замерла, а строительная работа снова закипѣла и возникъ громадный деревянный городъ; съ окружающихъ холмовъ, лѣсъ, затаивъ злобу, пылалъ жаждой мести къ надменному городу;

шока была зима, все было спокойно, но съ весной мебель, стѣны домовъ, двери, полъ и потолки—все стало бухнуть, вздуться, трескаться и давать большія разщелины; наконецъ, лѣтомъ, послѣ бури и грозы, весь городъ снаружи и всѣ предметы внутри домовъ очутились покрытыми зеленоватою пылью вродѣ плѣсени, изъ которой видимо для глазъ стали выростать деревья на мебели, на стѣнахъ и вездѣ; въ то же время лѣсъ сталъ съ грознымъ видомъ быстро придвигаться къ городу съ авангардомъ изъ лианъ и шиновника; жители взялись за косы, бѣроны, топоры и всякія сокрушительныя орудія. хотѣли даже прибѣгнуть къ огню, но побоялись сжечь и самый городъ; на четвертый день всякая борьба была признана невозможной: лѣсъ совершенно заполонилъ городъ, жители бросились спасаться на корабляхъ, стоявшихъ на рѣкѣ, на которыхъ даже мачты превратились въ деревья, покрытыя зеленой листвою; скоро пробивающіеся изъ земли стволы, напоромъ растительной силы, разрушили всѣ дома; надъ опустѣлымъ мѣстомъ закружились тучи бѣлыхъ бабочекъ и отъ пышнаго города Вудстоуна не осталось и слѣда. Изъ этого краткаго пересказа невѣроятнаго содержанія статьи видно, что въ ней нѣтъ ничего поучительнаго въ смыслѣ добродѣтели, человѣколюбія и религіознаго благочестія, каковыя качества г-жа Кошкина выставляетъ на видъ въ своемъ предисловіи. Изъ сорока слишкомъ сказокъ въ сборникѣ Альфонса Додэ, въ большинствѣ прелестныхъ, г-жѣ Кошкиной удалось выбрать самую неудачную во всѣхъ отношеніяхъ. Четвертая и послѣдняя статья, содержитъ извѣстный эпизодъ изъ романа „Les misérables“: Jean Valjean обкрадываетъ епископа Bienvenu, оказавшаго ему гостепрѣимство. Всѣ четыре статьи очень интересны для чтенія, написаны мастерски, за что рѣшаются имена ихъ авторовъ; но онѣ не заключаютъ въ себѣ того, чѣмъ рекламируетъ свой сборникъ г-жа Кошкина въ предисловіи. Отрывки подъ заглавіемъ „Jack“ и „Jean Valjean“ взяты г-жей Кошкиной цѣликомъ изъ хрестоматіи Анслаха, что доказывается полнымъ совпаденіемъ какъ сдѣланныхъ сокращеній подлинниковъ, такъ и пересказа своими словами содержанія пропущенныхъ мѣстъ. Объясненія къ тексту, которыми г-жа Кошкина снабдила свой сборникъ, составляютъ наиболѣе слабую его сторону, если разсматривать этотъ трудъ съ точки зрѣнія, указанной составительницею въ предисловіи. Въ этихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ въ выноскахъ внизу страницъ, встрѣчается масса невѣрныхъ или, по меньшей мѣрѣ, не точныхъ переводовъ, масса совершенно лишнихъ опредѣленій на французскомъ языкѣ такихъ словъ, которыя вполнѣ ясно

опредѣляются русскимъ переводнымъ словомъ, и недостатокъ необходимыхъ указаній для точнаго пониманія и вѣрнаго перевода многихъ словъ, выраженій и цѣлыхъ фразъ. Укажемъ по нѣскольку примѣровъ всѣхъ трехъ категорій недостатковъ: къ первой могутъ быть отнесены переводы или объясненія слѣдующихъ словъ: *gouvernante* (стр. 6), *mollement* (стр. 7), *religieux* (стр. 8), *assent* (стр. 9), *câlin* (стр. 15), *l'ex-berger* (стр. 16), *mi-chagrin* (тамъ же), *péripétie* (стр. 25), *farouche* (стр. 40), *indifférence* (стр. 41) и проч. и проч.; ко второй, наиболѣе обильной примѣрами, относятся слова: *porcher* (стр. 5), *déguenillé* (стр. 6), *parcelle* (стр. 7), *raupière* (7), *la Dalmatie* (9), *piéton* (17), *interlocuteur* (20), *saisi* (21), *armoiries* (24), *réclame*, *mulâtre* (26), *dortoir* (27), *amulette* (29), *ivoire* (31), *dalles*, *natte* (31), *le prisme de l'absence*, *Marseille* (33), *culotte* (39), *abritée*, *embouchure* (43) и проч. и проч.; къ третьей категоріи принадлежатъ пропуски указаній для перевода выраженій и словъ въ родѣ: *se prendre à une amorce* (26), *la porte ornée par un bourrelet de neige* (27), *rayon* (въ значеніи сотъ меду; 49), *le chef* (въ значеніи *поваръ*; 56) и проч. и проч. Однимъ словомъ, объясненія г-жи Кошкиной подлежатъ совершенной переработкѣ, если составительница желаетъ, чтобы они могли быть полезны учащимся.

Cours progressif de langue française divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des instituts et des gymnases, par N. Koschkine, institutrice au gymnase Alexandre. Quatrième année. St.-Petersbourg, 1894. Стр. 218 in 8°. Цѣна 90 коп.

Четвертая часть учебника г-жи Кошкиной заключаетъ 29 параграфовъ упражненій на связномъ текстѣ, частью заимствованномъ и приспособленномъ, частью нарочито составленномъ для изученія грамматики въ ея обыкновенной системѣ по частямъ рѣчи. Къ этому отдѣлу приложены объясненія по грамматикѣ и вокабулы къ тексту упражненій; объясненія и правила въ нѣкоторыхъ параграфахъ написаны по-французски и по-русски, въ другихъ же только на одномъ французскомъ языкѣ. Далѣе слѣдуетъ подборъ одиннадцати довольно крупныхъ статей, для перевода и для другихъ практическихъ упражненій, и десять стихотвореній для заучиванія наизусть; какъ для прозаическихъ статей, такъ и для стихотвореній приложены вокабулы. Книжка заканчивается двумя довольно крупными статьями (1. *Le turban blanc* и 2. *Le diamant*), назначенными для прочтенія во время лѣтнихъ вакацій и для пересказа ихъ содержанія по возвращеніи къ

школьнымъ занятіямъ; для этихъ статей нѣтъ отдѣльныхъ вокабулъ, но значеніе нѣкоторыхъ словъ указано въ выноскахъ внизу страницъ. Весь связный текстъ методической части курса приспособленъ хорошо; также подборъ подлинныхъ статей изъ писателей, а равно и выборъ стихотвореній заслуживаютъ одобренія; но множество какографическихъ упражненій на глагольныя формы, въ видѣ отдѣльныхъ фразъ, значительно понижаетъ достоинство разсматриваемаго труда въ смыслѣ его употребленія какъ учебнаго руководства: г-жа Кошкина поступила бы благоразумно и значительно улучшила бы свой учебникъ, если бы при послѣдующемъ его воспроизведеніи отказалась, во всѣхъ его частяхъ, отъ приема, всѣми признаннаго не только не пригоднымъ, но даже вреднымъ въ преподаваніи иностранныхъ языковъ.

Что касается до объясненій по грамматикѣ, то они въ общемъ удовлетворительны; слѣдовало бы только форму неопредѣленнаго члена во множественномъ числѣ *des* исключить изъ числа формъ частичнаго члена (стр. 68, § 3), дать преимущество мѣстоименіямъ вопросительнымъ (какъ употребляющимся въ главныхъ предложеніяхъ) передъ относительными (употребляемыми въ предложеніяхъ второстепенныхъ; стр. 76, § 8, примѣчаніе) и точнѣе изложить правило о постановкѣ предлоговъ при именахъ городовъ, странъ и частей свѣта на вопросы: *идтъ? и куда?*

1. Французскій языкъ. Пособіе къ усвоенію спряженія глаголовъ. Составилъ В. Каннъ, преподаватель 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса. Москва. 1894. Стр. 46. Цѣна 25 коп.
2. Французскій языкъ. Синтаксическое изложеніе правилъ употребленія времени и наклоненій. Составилъ В. Каннъ. Москва. 1894. Стр. 60. Цѣна 35 коп.

Въ первой изъ этихъ двухъ брошюръ г. Каннъ задался цѣлью сгруппировать по возможности все, относящееся къ основательному изученію спряженія французскихъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Пособіе это предназначается для среднихъ и старшихъ классовъ и должно до возможной степени облегчить толковое изученіе этого труднаго отдѣла французской грамматики при помощи болѣе естественной систематизаціи формъ, чѣмъ это обыкновенно дѣлается въ элементарныхъ руководствахъ и въ систематической грамматикѣ. Г. Каннъ ведетъ изученіе спряженія параллельно по двумъ системамъ: 1) по соотвѣтствію сложныхъ формъ съ простыми, изъ кото-

рыхъ онѣ составляются, и 2) по порядку образованія формъ производныхъ отъ первообразныхъ. Изучивъ глаголы *avoir* и *être* въ такой системѣ, учащійся вполне усвоиваетъ ее для правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и готовится къ болѣе легкому пониманію и усвоенію синтаксическихъ правилъ употребленія временъ и наклоненій, во многихъ случаяхъ основывающихся на соответствіи формъ временъ между собою. Изученію правильныхъ спряженій предпослано изложеніе правилъ образованія временъ производныхъ; жаль только, что въ эту систему введено и 3-е спряженіе, которое при каждомъ времени требуетъ оговорки относительно особенности въ его составленіи. На страницѣ 18 въ пунктѣ IV замѣчается у г. Канна странная нерѣшительность на счетъ того, считать ли глаголы съ окончаніемъ *avoir* (*recevoir, devoir*) правильными или неправильными? Вопросъ этотъ давно уже рѣшенъ научно и никакихъ колебаній тутъ быть не можетъ: они одни изъ самыхъ неправильныхъ, ибо въ нихъ нѣтъ ни одного времени, кромѣ *imparfait de l'indicatif*, которое образовалось бы сходно съ общими правилами.

Неправильные глаголы въ пособіи г. Канна изучаются въ каждомъ спряженіи, кромѣ перваго, по группамъ, имѣющимъ одинакіе признаки неправильности; за группами слѣдуетъ, въ каждомъ спряженіи, перечень составныхъ глаголовъ, то-есть, сложныхъ съ какимъ-нибудь префиксомъ, какъ напримѣръ, глаголы *contenir, obtenir, retenir, soutenir* и проч., составные изъ глагола *tenir* и различныхъ приставокъ. Указаній исторической грамматики о происхожденіи французскихъ глаголовъ и формъ временъ вообще и неправильныхъ глаголовъ въ частности, а равно объ употребленіи этихъ послѣднихъ въ особыхъ случаяхъ и съ особенными условными значеніями, въ разсматриваемой брошюрѣ вовсе нѣтъ, что въ значительной степени понижаетъ достоинство труда г. Канна, лишая его научной серьезности; по этой причинѣ онъ не можетъ выдержать сравненія съ однороднымъ трудомъ г. Пашалери (*Pachalery*). Собственно говоря, тотъ приемъ изученія спряженія, для котораго г. Каннъ нашелъ нужнымъ издать особое пособіе, легко можетъ быть употребленъ каждымъ преподавателемъ при существующихъ учебныхъ руководствахъ, лишь бы только онъ пожелалъ взять на себя трудъ воспользоваться этимъ приемомъ. Впрочемъ, въ нашей учебной литературѣ есть даже элементарныя руководства, въ которыхъ уже давно проведена система, предлагаемая теперь г. Канномъ, какъ нѣчто новое, особенное; не лишне замѣтить, что въ этихъ руководствахъ объяснены особен-

ности французскихъ спряженій при помощи научныхъ данныхъ, введенныхъ до пониманія учащихся среднихъ классовъ, что особенно помогаетъ вполне осмысленному изученію глагольныхъ формъ и чего, какъ сказано выше, совѣмъ нѣтъ въ трудѣ г. Канна.

Вторая брошюра г. Канна посвящена вопросу болѣе трудному и менѣе обработанному въ нашей учебной литературѣ, именно—объясненію значенія временъ и наклоненій и систематическому изложенію правилъ надлежащаго, свойственнаго духу французскаго языка, употребленія тѣхъ и другихъ. Указавъ въ предисловіи на то, что русскіе виды, выражая *кратность* или *продолженность* дѣйствія, не могутъ служить помощью къ правильному употребленію французскихъ временъ и наклоненій, выражающихъ преимущественно *преемственность* дѣйствій, и зависящихъ, кромѣ того, еще отъ *формы изложенія* и отъ *точки зрѣнія* говорящаго, г. Каннъ на многихъ примѣрахъ показываетъ, какъ, съ измѣненіемъ извѣстныхъ условій рѣчи, измѣняется и выборъ времени и наклоненія, для выраженія различныхъ оттѣнковъ мысли. Затѣмъ онъ съ большою обстоятельностью, подтверждая все многочисленными примѣрами, рассматриваетъ общіе и частные (то-есть, особенные) случаи употребленія всѣхъ простыхъ временъ во всѣхъ наклоненіяхъ по-парно съ соответствующими имъ по составу сложными, то-есть, *présent* съ *passé indéfini*, *imparfait* съ *plus-que-parfait*, *futur simple* съ *futur antérieur* и т. д. Однимъ словомъ, брошюра эта исчерпываетъ, въ своихъ шести отдѣлахъ, все дѣйствительно важное и необходимое для полнаго пониманія и сознательнаго усвоенія особенностей рассматриваемаго вопроса, весьма сложнаго и труднаго для всѣхъ, кто изучаетъ французскій языкъ какъ иностранный и желаетъ на немъ выразаться вполне правильно. Ни въ методическихъ руководствахъ, назначаемыхъ для низшаго курса, ни въ теоретическихъ грамматикахъ, составляемыхъ для школьнаго употребленія, слѣдовательно, краткихъ, заключающихъ только главнѣйшія положенія во всѣхъ отдѣлахъ, вопросъ объ употребленіи французскихъ временъ и наклоненій не можетъ быть доведенъ до степени такого развитія, какъ это сдѣлано въ монографіи г. Канна. Мы считаемъ рассматриваемую брошюру самымъ обстоятельнымъ трудомъ по этому отдѣлу французской грамматики, послѣ исторической грамматики г. Бастэна (*grammaire philologique*, 2 vol.), гдѣ этотъ вопросъ обработанъ еще съ болѣею подробностью и рассмотрѣнъ съ точки зрѣнія исторія языка; но трудъ г. Бастэна написанъ по-французски и такъ наполненъ цитатами изъ историческихъ памятниковъ, что

пользоваться имъ для классныхъ объясненій невозможно; трудъ же г. Канна, по незначительности объема и по богатству примѣровъ изъ современнаго языка, вполне удобенъ для пользованія при объясненіи читаемыхъ въ классѣ текстовъ и вообще при изученіи синтаксиса; въ особенности же онъ полезенъ тѣмъ преподавателямъ иностранцамъ, которые недостаточно владѣютъ русскимъ языкомъ, чтобы свободно, правильно и точно выразиться на немъ.

SCHILLER. Sein Leben, seine Werke und seine litterarische Bedeutung. Шиллеръ.

Его жизнь, сочиненія и литературное значеніе. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ примѣчаніями и построчнымъ словаремъ составилъ *Артуръ Экк*, преподаватель Ростовской-на-Дону гимназіи. Москва. 1894. Стр. 34. Цѣна 20 коп.

Книжка г. Экка состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ сообщаются самыя необходимыя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Шиллера. Во второмъ перечисляются главнѣйшія его сочиненія и даются краткія указанія на ихъ содержаніе и литературное значеніе. Третій, наконецъ, заключаетъ въ себѣ примѣчанія и построчный словарь. Главнѣйшее достоинство разсматриваемой книжки заключается въ ея краткости: сообщаются въ ней только такія свѣдѣнія, которыя, въ самомъ дѣлѣ, желательно знать каждому ученику высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, когда онъ приступаетъ къ чтенію и переводу сочиненій Шиллера. Свѣдѣнія, сообщенныя въ краткомъ біографическомъ очеркѣ, составляющемъ первый отдѣлъ книжки, а также и критическія замѣчанія, вошедшія во второй отдѣлъ, заимствованы авторомъ изъ сочиненій извѣстныхъ современныхъ писателей, специально занимавшихся какъ составленіемъ біографіи Шиллера, такъ и разборомъ и оцѣнкою его произведеній.

Тѣ и другія написаны живо и интересно; примѣчанія, помѣщенные въ третьемъ отдѣлѣ, большею частью историческаго содержанія и относятся къ сочиненіямъ, перечисленнымъ во второмъ отдѣлѣ. Примѣчанія эти написаны весьма дѣльно и принесутъ ученикамъ не мало пользы при чтеніи тѣхъ сочиненій Шиллера, къ которымъ они относятся. Книжка г. Экка вообще составлена старательно и хорошо; типографская ея сторона вполне безукоризненна: шрифтъ довольно крупный, бумага хороша. Трудъ г. Экка можетъ быть съ пользою употребляемъ, какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Для употребленія же въ

заведеніяхъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ книжка г. Экка не годится, такъ какъ она написана весьма высокимъ слогомъ, вслѣдствіе чего языкъ для русскихъ учениковъ непрѣнно окажется слишкомъ труднымъ. Трудность эта значительно увеличится большою скудостью приложеннаго къ книгѣ построчнаго словаря и полнымъ отсутствіемъ такого къ примѣчаніямъ, составляющимъ весьма существенную ея часть. Такая трудность языка для учениковъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній проявляется почти на каждой страницѣ. Примѣрами могутъ служить слѣдующія мѣста: стр. 5 отъ словъ „...ihn mit Göthe in ein näheres Verhältniss zu bringen... до zur Poesie zurückgeführt“. Далѣе на той же стр.: Und von nun entwickelte er и т. д. На стр. 6: все, что сказано въ первыхъ 15 строчкахъ. На стр. 7: первая 9 строкъ. Въ примѣчаніяхъ (къ которымъ въ книгѣ не имѣется словаря): на стр. 20—все сказанное подъ 10, 6; на стр. 21—все примѣчаніе подъ 11, 26; на стр. 22—примѣчаніе 14, 5 и т. д. и т. д.

DEUTSCHE SPRACH-ÜBUNGEN für mittlere und obere Klassen der weiblichen und männlichen Lehranstalten. Eine Ergänzung zu jeder deutschen Grammatik. Практическія упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ для среднихъ и высшихъ классовъ женскихъ и мужскихъ средне-учебныхъ заведеній. Дополненіе къ любой нѣмецкой грамматикѣ. Я. Мессеръ. Стр. VI + 96. С.-Пб. Цѣна 50 коп.

Вмѣсто предисловія г. Мессеръ предпослалъ своимъ „Практическимъ упражненіямъ“ нѣкоторыя указанія для преподавателей, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ пользоваться предлагаемымъ учебникомъ. Въ этихъ указаніяхъ, напечатанныхъ на 2-й и 3-й страницахъ обложки, читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Самыя упражненія состоятъ въ разнообразнѣйшей переработкѣ данныхъ статей, а именно: въ измѣненіи конструкции, въ замѣнѣ одного лица другимъ, единственнаго числа множественнымъ, прошедшаго времени настоящимъ или будущимъ, дѣйствительнаго залога страдательнымъ, изъявительнаго наклоненія сослагательнымъ, прямой рѣчи косвенною, и наоборотъ; далѣе, въ превращеніи главныхъ предложеній въ придаточныя, въ составленіи разнаго рода сложныхъ предложеній изъ даннаго числа простыхъ“ и т. д. Все это, въ самомъ дѣлѣ, прекраснѣйшія упражненія; при ихъ помощи учащіеся наловчатся въ употребленіи изучаемаго ими языка и вникаютъ въ своеобразность его построенія; нельзя отрицать, что при такихъ упражненіяхъ въ учащихся не возбуждается

самодѣтельность и любовь къ труду и они начинаютъ интересоваться не только результатомъ ученія, но и самымъ его процессомъ. Однако, тѣмъ не менѣе, не можемъ понять, по какой причинѣ для веденія рекомендуемыхъ г. Мессеромъ упражненій можетъ оказаться необходимымъ именно его же, г. Мессера, учебникъ. Вѣдь указанныя выше упражненія практиковались, сколько намъ извѣстно, съ достаточнымъ успѣхомъ и до появленія труда г. Мессера—всеми болѣе или менѣе опытными преподавателями нѣмецкаго языка, практиковались и нынѣ еще практикуются безъ помощи учебника г. Мессера надъ какими угодно статьями любой хрестоматіи, находящейся въ рукахъ учащихся. Самъ авторъ говоритъ, что для того, чтобы довести учащихся до возможнаго, при классномъ преподаваніи, навыка, какъ въ пониманіи нѣмецкаго языка, такъ и въ устномъ и письменномъ его употребленіи,—грамматическія правила слѣдуетъ выяснитъ почти исключительно на *связныхъ статьяхъ*. Но эти связныя статьи и даетъ каждая хрестоматія и въ нихъ богатѣйшій матеріалъ для какихъ угодно практическихъ упражненій съ цѣлью выяснитъ грамматическія правила и вмѣстѣ съ тѣмъ упражнять учениковъ въ устномъ и письменномъ употребленіи нѣмецкаго языка. И самъ г. Мессеръ требуетъ, чтобы въ рукахъ учениковъ, при изученіи ими нѣмецкаго языка, находилась нѣмецкая хрестоматія или, какъ онъ говоритъ, книга для чтенія. Въ самомъ началѣ своихъ „указаній“ для преподавателей читаемъ: „Помощью этого руководства (т. е. предлагаемыхъ „Практическихъ упражненій“), которое полагается употреблять *рядомъ съ книгою для чтенія и краткой систематической грамматикой* и т. д.“; а далѣе онъ говоритъ: „На ряду съ этими упражненіями должны идти и *переводы съ русскаго*, требующіе тѣхъ же грамматическихъ правилъ“. Такимъ образомъ, если вести преподаваніе нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ согласно желанію г. Мессера, то ученикамъ необходимо будетъ приобрести по названному предмету, кромѣ отдѣльныхъ сочиненій нѣкоторыхъ нѣмецкихъ классиковъ, еще *пять* учебныхъ книгъ; а именно: систематическую нѣмецкую грамматику, нѣмецкую хрестоматію, книгу для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, учебникъ г. Мессера, и для пользованія послѣднимъ еще нѣмецко-русскій словарь, такъ какъ приложенный къ учебнику г. Мессера построчный словарь слишкомъ не полонъ. Всего этого нельзя упускать изъ виду; но тѣмъ не менѣе предлагаемый учебникъ вообще составленъ весьма тщательно, свидѣтельствуетъ о прекрасныхъ знаніяхъ по нѣмецкому языку и

большой опытности автора, напечатанъ вполне безукоризненно; къ тому же онъ заключаетъ въ себѣ до 76 хорошо набранныхъ и большею частью интересно написанныхъ статей, представляющихъ не только богатый матеріалъ для пракческаго выясненія главнѣйшихъ правилъ грамматики и разныхъ особенностей нѣмецкаго языка, но и для упражненія учениковъ въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Къ сожалѣнію въ немъ недостаетъ массы словъ и выраженій, которыя едва-ли извѣстны ученикамъ младшихъ и среднихъ классовъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, или, по крайней мѣрѣ, незнакомы въ томъ значеніи, въ которомъ встрѣчаются въ отдѣльныхъ статьяхъ книги; такъ, напримѣръ, на одной только 38-й страницѣ можно указать не менѣе 19-ти словъ и выраженій, которыя или вовсе не вошли въ словарь, или же невѣрно переведены; къ нимъ относятся слѣдующія: *wird die Zeit zu lang; angaffen; zu nichts Lust haben; eine Arbeit vornehmen; getrost; verstimmtes; kommt heraus; fasse Muth; Hofhund; hinstarren; gedrückt werden; gesteht; Gram spricht aus dem Geisicht; wenig von etwas halten* и нѣкоторыя другія.

Избранныя педагогическія сочиненія Яна Амоса Коменскаго. Часть II. Мелкія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго *Андрея Адольфа* и *Сергія Любоудрова*. Москва. 1894. Стр. 278. Цѣна 1 р. 50 к.

Учебный магазинъ К. И. Тихомирова въ Москвѣ предпринялъ изданіе, извѣстное подъ названіемъ „Педагогической бібліотеки“, въ которую должны войти сочиненія замѣчательныхъ педагоговъ. Первый выпускъ бібліотеки, вышедшій въ 1893 году, заключаетъ въ себѣ „Великую дидактику Амоса Коменскаго“, переведенную съ латинскаго языка. Въ истекшемъ 1894 году вышелъ II томъ этой бібліотеки, въ которомъ нашли мѣсто другія сочиненія Коменскаго болѣе мелкія и переведенныя съ нѣмецкаго. Сочиненія эти числомъ 8, находятся въ большей или меньшей связи съ „Великою дидактикою“, составляя дополненіе и развитіе ея мыслей. О содержаніи 7-ми изъ этихъ сочиненій можно судить по оглавленію, а именно:

- 1) „Школа дѣтства, или наставленіе относительно разумнаго воспитанія юношества въ первое шестилѣтіе“.
- 2) „Рѣчь о точной номенклатурѣ вещей“, то-есть, о параллельномъ изученіи вещей и именъ.
- 3) „Воскресшій Форцій, или объ изгнанія лѣности изъ школъ“.

4) „Правила доброй нравственности“. предназначаемыя для юношества.

5) „Законы благоустроенной школы“.

6) „Очеркъ пансофической школы“, въ которомъ Коменскій изображаетъ типъ общеобразовательной средней школы.

7) „Выходъ изъ схоластическаго лабиринта“. Въ этомъ послѣднемъ по времени сочиненіи Коменскій разъясняетъ на основаніи господствовавшихъ тогда психологическихъ понятій учебный методъ, который съ вѣрностью и точностью машины обезпечивалъ бы учебный успѣхъ школы.

Сверхъ того, въ этотъ II томъ составители внесли краткое сообщеніе Амоса Коменскаго, что онъ предполагалъ издать для 6-ти классовъ народной чешской школы известное количество книгъ, но такъ какъ учрежденіе этой школы не состоялось, то и книги не были изданы, и самъ авторъ ограничился только тѣмъ, что привелъ заглавіе книгъ для народной школы.

Переводъ сдѣланъ хорошо и читается легко. Къ концу книжки приложено 76 примѣчаній, правда, краткихъ, но толковыхъ и полезныхъ.

Въ общемъ, хотя вышепоименованныя сочиненія Коменскаго не могутъ представить современнымъ педагогамъ такого интереса, какой заключается въ „Великой дидактикѣ“; но во всякомъ случаѣ, они имѣютъ большую цѣну особенно по подробностямъ, заключающимся въ „Пансофической школѣ“ и въ „Выходѣ изъ схоластическаго лабиринта“, которыя не потеряли своей поучительности до настоящаго времени.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1894 ГОДУ.

18-го марта текущаго года состоялось годичное засѣданіе Общества, въ коемъ секретаремъ его Е. В. Барсовымъ былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Общества въ 1894 году.

Скорбнымъ листомъ должны мы начать лѣтопись нашего Общества за 1894 годъ. Въ лицѣ въ Божѣ почившаго Царя Александра III Общество лишилось Высокаго Покровителя, который даже въ послѣдній годъ Своей жизни внутренне интересовался его трудами и нашелъ нужнымъ восполнить личную свою бібліотеку недостающими книгами „Чтеній“. Мы уже не говоримъ о томъ, что матеріальными средствами оно обязано Его щедротамъ, давшимъ возможность не только продолжать изданіе своихъ работъ во всей ихъ полнотѣ, но и улучшить его даже съ внѣшней стороны.

До какой степени Онъ любилъ русскую мысль, русское слово и русское искусство, рано или поздно разъяснить это тѣ ученые и литераторы, кои имѣли счастье Ему представляться. Мы знаемъ лицо, коему Онъ высказалъ, что ничто такъ не воспитываетъ національнаго самоуваженія и ничто такъ не можетъ заставить уважать насъ другихъ, какъ самостоятельная разработка русской старины и русской народной поэзіи. Не даромъ, конечно, русская пѣсня едва ли не впервые при Немъ, въ присутствіи всей Августѣйшей семьи, часто оглашала собою Царскіе чертоги. Что касается древне-русскаго ис-

куства, то достаточно замѣтить; что Онъ не только любилъ приобрѣтать древне-русскія иконы, но и украсилъ ими храмъ Анничкова Дворца и приколотилъ ихъ къ стѣнамъ собственными Своими руками.

Взглядъ Его на Москву раскрываетъ предъ нами все Его нравственное существо и ярко характеризуетъ внутреннее Его воззрѣніе на русскій народъ и Русскую землю. Стоя на площадкѣ Кремлевскаго Дворца, Онъ сказалъ: „люблю Я смотрѣть на Москву съ этого мѣста: Москва—это храмъ Россіи; а Кремль—это алтарь ея“.

Нѣтъ сомнѣнія, что это изреченіе станетъ навсегда историческимъ и послужитъ лучемъ, наиболѣе озаряющимъ сокровенныя думы и тайники сердца этого истинно-русскаго Царя, подобнаго которому не знаетъ новѣйшая русская исторія.

Кончина Его потрясла весь міръ, и искренняя печаль о Немъ сказалась у всѣхъ народовъ.

Общество наше не осталось нѣмо и глухо къ этой не только все-россійской, но и мировой скорби, и въ первомъ же засѣданіи, по кончинѣ Царя Миротворца, устами искренно чтимаго г. предсѣдателя выразило историческія думы и чувства, вызванныя Его безпримѣрнымъ государственнымъ служеніемъ, такъ возвеличившимъ и прославившимъ Россію среди всего Европейскаго міра. Вѣчная память Царю Миротворцу!

Составъ должностныхъ лицъ Общества въ минувшемъ году былъ тотъ же, что и въ предыдущій годъ. За отсутствіемъ г. предсѣдателя съ конца декабря мѣсяца 1894 года по мартъ 1895 года должность его исправлялъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ.

Изъ дѣйствительныхъ членовъ скончались: Дмитрій Ѳеодоровичъ Масловскій и архіепископъ донской, высокопреосвященный Макарій. Вновь избранъ въ дѣйствительные члены профессоръ С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскій. Къ избранію въ дѣйствительные члены предложены также: Александръ Александровичъ Голубевъ и проф. Кіевской Духовной Академіи Стефанъ Тимофеевичъ Голубевъ. Въ члены-соревнователи въ минувшемъ году избраны: Василій Николаевичъ Сторожевъ и Василій Михайловичъ Истриякъ.

Ученая дѣятельность Общества выражалась, какъ и въ предыдущіе годы, въ засѣданіяхъ Общества и изданіи „Чтеній“.

Всѣхъ засѣданій было 10; изъ нихъ одно годовое и одно чрезвычайное, для объявленія о присужденіи преміи Г. Ѳ. Карнова.

Въ засѣданіяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, обсуждались и ученые

доклады, кои со времени нынѣшняго предсѣдателя стали необходимою и существенною частью всѣхъ засѣданій.

Въ минувшемъ году дѣлали ученые сообщенія слѣдующіе гг. члены:

- а) *Е. В. Барсовъ*—Что значить имя Кіева и названіе его *сарватасъ*?
 б) *Онъ же*— Два новыхъ документа по крѣпостному хозяйству.
 в) *С. А. Бѣлокурова*—О найденномъ имъ подлинномъ дѣяніи Московскаго церковнаго собора 1649 г. г) *Онъ же*—Сказаніе объ Успеніи Пресвятой Богородицы, правленное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. д) *А. А. Голубева*—Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволожѣ. е) *Н. Ѳ. Каптеревъ*—Объ участіи грековъ въ дѣлѣ осужденія патріарха Никона. ж) *В. О. Ключевскій*—О Д. Ѳ. Масловскомъ († 3-го ноября 1894 года). з) *М. И. Соколовъ*—Объ эсхатологическомъ рукописномъ сборникѣ изъ собранія Е. В. Барсова. и) *В. Н. Сторожева*—Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтовыхъ. і) *В. А. Уляницкій*—О положеніи русскихъ верховскихъ князей и въ частности князей Мосальскихъ въ Литовскомъ государствѣ въ XV вѣкѣ. к) *В. О. Эйгорнъ*—О распространеніи въ Москвѣ въ третью четверть XVIII вѣка книгъ Кіевской и Львовской печати и о найденныхъ имъ малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 года.

Въ четырехъ книгахъ *Чтеній* за минувшій годъ помѣщены работы слѣдующихъ лицъ: 1) Ник. Ник. Оглоблина; 2) Вас. Ник. Сторожева; 3) Ром. Ѳеод. Брандта; 4) Мих. Нестор. Сперанскаго; 5) Вас. Мих. Истрина; 6) Сер. Алекс. Бѣлокурова; 7) Вл. Ант. Уляницкаго; 8) Алек. Ник. Зерцалова; 9) Алек. Алек. Голубева; 10) Вик. Осип. Эйгорна; 11) Вас. Ив. Холмогорова; 12) А. Чумикова; 13) В. О. Ключевского; 14) И. И. Лаппо; 15) Александра Прозоровскаго; 16) члена-соревнователя Ю. Ник. Щербачева; 17) дѣйствительнаго члена И. А. Голышева.

Работа *Н. Н. Оглоблина*: „Къ біографіи Владиміра Атласова“, кромѣ данныхъ, имъ уже обнародованныхъ, впервые излагаетъ дѣло „объ ограбленіи Атласовымъ съ товарищи Мих. Бѣлозерова“. Это подлинное розыскное дѣло, впервые открытое авторомъ, точно разъясняетъ все то, что было извѣстно лишь по преданію объ этомъ незаурядномъ чловѣкѣ.

Работа *В. Н. Сторожева*: „Командировка Стольника Н. М. Олфимова“ 1) даетъ сохранившійся полностью образчикъ дѣлопроизводства приказа тайныхъ дѣлъ; 2) представляетъ новыя данныя для исторіи сельско-хозяйственнаго быта Ипатьевского и Богоявленскаго мона-

стырей и, наконецъ, 3) характеризуетъ порядокъ отписки монастырскихъ хлѣбовъ на Государя и отправки ихъ по назначенію.

Капитальный трудъ *Р. Ѡ. Брандта* носить заглавіе: „Григоровичевъ паремейникъ въ сличеніи съ другими паремейниками“. Трудъ представляетъ разночтенія 14 списковъ, XII, XIII и XIV вѣковъ; изъ нихъ два: Григоровичевъ и Лобковский—болгарскаго перевода, остальные—русскаго. Всѣ рукописи пергаменные, за исключеніемъ Ляпуновскаго 1511 года, который писанъ на бумагѣ. Мало того, разночтенія приводятся и изъ печатнаго паремейника и изъ новой Библии 1862 г.

Для греческихъ параллелей служила издателю Московская печатная Библия 1821 года.—Τὰ Βιβλία... Ἐν Μόσχῃ, ἔτα φωκῆ, которая, однако, дополняется вариантами изъ оксфордскаго изданія Ветхаго Завѣта, Роберта Гольмса: *Vetus Testamentum cum varlis lectionibus edidit Robertus Holmes*, а также изъ рукописнаго Севастьяновскаго паремейника, IX—X вѣка. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводятся и еврейскія чтенія. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ—незамѣнимый для исторіи библейскихъ переводовъ, такъ какъ въ паремейникѣ входятъ въ отрывкахъ наибольшая часть книгъ Ветхаго Завѣта. По значенію же своему для интересовъ славянскаго языковѣдѣнія послужить драгоценнымъ вкладомъ въ исторію славянской науки.

Работа *Мих. Нест. Сперанскаго*: „Рукописи Павла Юсифа Шафарика“, представляетъ полный объемъ содержанія небольшой его книгописной коллекціи и, кромѣ того, указываетъ литературу, относящуюся къ каждой данной рукописи. Работа представляетъ насущный интересъ для всѣхъ занимающихся славяно-русской литературой; избавляетъ ихъ не только отъ необходимости дѣйствовать въ разысканіи матеріаловъ на удачу, но и служить указкою въ литературномъ пользованіи тою или другою рукописью Шафарика.

Огромный трудъ *В. М. Истрина*: „Александрія Русскихъ хронографовъ“, не только представляетъ изданіе текста памятника въ разныхъ его переводахъ, но и обстоятельное изслѣдованіе. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми частными мнѣніями автора, но сличеніе русскаго текста съ греческимъ оригиналомъ, обширное знакомство съ литературой предмета, изученіе разныхъ списковъ—дѣлаютъ этотъ трудъ весьма цѣннымъ вкладомъ въ исторію древне-русской литературы.

Трудъ *С. А. Блокурова*: „Сочиненія Арсенія Суханова“, обра-

щаетъ на себя вниманіе новыми разысканіями и полнотою новыхъ разночтеній. „Статейный списокъ Суханова“ до сихъ поръ былъ извѣстенъ въ одномъ только списокѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Автору удалось открыть новый неизвѣстный списокъ этого сочиненія въ г. Городцѣ, Нижегородской губерніи въ частномъ собраніи Ведерникова. Издавая этотъ памятникъ по официальному архивному документу, онъ снабдилъ его разночтеніями и вновь открытаго списка.

„Прѣдніе съ греками о вѣрѣ“ издано имъ при пользованіи списками, изъ коихъ пять вновь открыты имъ въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ; всего же онъ имѣлъ въ виду 21 списокъ. Въ предисловіи всѣ эти списки подведены подъ особыя группы. Кромѣ того, отмѣчены всѣ особенности такъ называемаго старообрядческаго извода съ нѣкоторыми весьма характерными дополненіями.

Вообще изданіе этихъ памятниковъ отличается такою полнотою, что едва ли какая нибудь находка новаго списка можетъ прибавить что либо новое къ этому изданію.

Драгоценный вкладъ въ историческую науку представляетъ изслѣдованіе *Н. А. Соловьева* „о Сарайской и Крутицкой епархіи“, какъ потому, что эта исчезнувшая епархія донинѣ не была предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, такъ особенно потому, что трудъ автора основанъ исключительно на архивныхъ документахъ, считавшихся донинѣ утраченными.

Изслѣдованіе *г. Лапто*: „Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ“, основанное на изученіи писцовыхъ книгъ, представляетъ образцовый трудъ для изученія древне-русскаго землевладѣнія.

„*Сильвестра Медвѣдева. Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 7191 и 7192, въ нихъ-же что содѣяся во гражданствѣ*“, снабжено предисловіемъ и примѣчаніями Александра Прозоровскаго. Авторъ предисловія твердо установилъ принадлежность этого памятника Сильвестру Медвѣдеву, обстоятельства, его вызвавшія, и самое время его составленія.

„Объѣзжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ“, сообщенныя дѣйствительнымъ членомъ *А. Н. Зерцаловымъ*, представляютъ интересъ не только для исторіи Москвы, но и вообще для русскихъ полицейскихъ порядковъ въ былое время, вѣдавшихся въ Разрядѣ.

Не могутъ также не обратить на себя вниманія изданныя: „Стихъ о злой травѣ шихъ“ и подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича въ фототипическихъ снимкахъ.

Я не буду касаться ученыхъ работъ, напечатанныхъ въ органѣ

Общества за минувшій годъ, кои были предметомъ живого доклада Обществу.

Не буду останавливаться также и на интересномъ отдѣлѣ „Смѣси“, составленномъ изъ мелкихъ сообщений Вл. Ант. Уляницкаго, А. Н. Зерцалова, В. И. Холмогорова, С. А. Бѣлокурова и А. Чумикова.

Заключу свой отчетъ напоминаніемъ, что въ минувшемъ году состоялось второе присужденіе преміи имени Геннадія Фодоровича Карпова. Увѣнчанъ былъ ею М. К. Любавскій за изслѣдованіе: „Областное дѣленіе и мѣстное управление литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута“; а рецензентъ этого сочиненія профессоръ Кіевской Духовной Академіи Степанъ Тимофеевичъ Голубевъ удостоенъ золотой медалію.

Помощникомъ бібліотекаря Общества Е. М. Соколовымъ былъ представленъ слѣдующій отчетъ о состояніи бібліотеки Общества:

Въ теченіе отчетнаго года (съ 18-го марта 1894 г. по 18-е марта 1895 г.) въ бібліотеку Общества поступило книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій всего 157 названій въ 287 томахъ и 34 тетрадяхъ. Изъ нихъ продолженій получавшихся изданій 78 названій въ 204 томахъ и 33 тетрадяхъ. Кромѣ этихъ поступленій, принесены въ даръ одна рукопись, 49 столбцевъ и въ память совершившагося (15-го августа 1894 г.) пятисотлѣтняго юбілея Успенскаго Желтикова монастыря, Тверской епархіи, фотографическій видъ этого монастыря и небольшой образокъ, писанный масляными красками, св. Арсенія, епископа тверскаго, основателя Желтикова монастыря.

Дѣйствительнымъ членомъ Общества И. А. Голышевымъ подарена рукопись: Стихъ о злой травѣ шихъ, XVII вѣка, на 17 листахъ. Этотъ любопытный памятникъ, представляющій народную русскую передѣлку славянскихъ поученій о злыхъ женахъ, напечатанъ съ краткимъ предисловіемъ въ III-й книгѣ *Чтеній* 1894 г.

Столбцы, подаренные членомъ-соревнователемъ А. А. Голубевымъ въ количествѣ 29-ти полныхъ и 20-ти въ отрывкахъ, разнообразнаго содержанія. Всѣ полные документы 2-й половины XVII вѣка и только одинъ изъ нихъ 1649 г. Многіе изъ документовъ относятся къ г. Вязьмѣ Смоленской губерніи. Перечисляю только полные документы:

1) Списокъ съ выписи отказныхъ книгъ 1662 г.—объ отказѣ галичанина Ильи Лукьянова сына, Сипягина, галичанину Микитѣ Борисову сыну, Шигорину, въ Галицкомъ уѣздѣ трети деревни Куракина съ пустошами.

2) Ссудная порядная запись Данилки Микифорова съ товарищемъ Еремкою Лоріоновымъ на крестьянство въ отчину Ивана Матвѣевича Милюкова, въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Тверской половинѣ, въ Покровскомъ Поддубномъ погостѣ. (7174) 1666 г. (ссуда берется деньгами, хлѣбомъ, скотиною и проч.).

3) Списокъ съ заемной кабалы на деньги, въ суммѣ 4 рублей съ полтиною, срокомъ на одинъ мѣсяць, съ 20-го іюня по 20-е іюля (7175) 1667 г. Вяземскаго происхожденія.

4) Докладная выпись о помѣстныхъ и вотчинныхъ дачахъ стольника Михаила Самарина, находившихся въ Московскомъ уѣздѣ въ Горстовѣ стану, 1669 г.

5) Родословная роспись Евстаѳія Нелидова съ указаніемъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ въ Галицкомъ уѣздѣ, 1673 г.

6) Выпись съ отдѣльныхъ книгъ, данная отдѣльщикомъ Ржевской приказной избы подьячимъ Тимошкою Ѳедоровымъ, (7187) 1679 г.

7) Межевая память о смежныхъ владѣніяхъ крестьянъ деревни Слабѣевой и Лопухинскихъ крестьянъ, находившихся во владѣніи домоваго патриарха Московскаго Іоакима Воскресенскаго, что въ Череповцѣ, монастыря, (7189) 1681 г.

8) Выпись съ Галицкихъ переписныхъ книгъ переписи Андрея Сонина да подьячаго Бориса Протопопова, (7191) 1683 г.

9) Память головамъ Зарайской таможи и Кружечнаго двора Стевкѣ Ирошникову да Гришкѣ Сыромятникову, касательно сборныхъ денегъ, объ употребленіи ихъ на разные расходы и о „приложеніи“ этихъ расходовъ къ винному куренью, къ пивнымъ варямъ и къ медовымъ ставкамъ, (7193) 1685 г.

10—11) Два списка съ данныхъ: а) воеводы Ивана Васильевича Бутурлина да дьяка Исаи Нефедова вяземскому казаку Одреевы станицы Сахарова Тимошкѣ Григорьеву сыну Карташеву, на дворовое и огородное мѣста въ Вязьмѣ, на посадѣ, въ Козмодемьянскомъ приходѣ, на Смоленской сторонѣ, (7160) 1652 г. и б) вдовы Микулинской жены Наумовой Анны Тихоновой дочери съ своими дѣтьми дѣтямъ Мурашевымъ на дворовое и огородное мѣста и хоромное имущество въ Вязьмѣ, на посадѣ, въ томъ же приходѣ, (7191) 1683 г.

12) Списокъ съ данной Вяземскаго Предтечева монастыря деревни Срокиной крестьянину Гаврилкѣ Матвѣеву сыну Плетникову, на купленную отца его оброчную лавку въ Вязьмѣ, 1684 г.

13) Отписка боярина Петра Васильевича Шереметева (7197) 1689 г.—о посылкѣ въ Московской Судный приказъ показаній свидѣ-

телей Макара да Герасима Хрипуновыхъ, Ивана Тулубьева и Андрея Безобразова, по дѣлу о примиреніи Леонтія Жеребцова и Микифора Пузикова, нанесшихъ другъ другу безчестья въ Москвѣ у Микола Гастунскаго въ трапезѣ.

14—21) Восемь сказокъ объ имущественныхъ владѣніяхъ и семейномъ положеніи, данныхъ передъ писцами Ѳедоромъ Богдановичемъ Михайловымъ да передъ подьячимъ Аеонасьемъ Петелинымъ вяземскими посадскими людьми: 14) Левкою Васильевымъ, 15) Иваномъ Алексѣевымъ Гайдуковымъ, 16) Сергѣемъ Лукьяновымъ сыномъ Хохловымъ, 17) Алексѣемъ Леонтьевымъ сыномъ Гайдуковымъ, 18) Родіономъ Ивановымъ сыномъ Шуплинымъ, 19) Иваномъ Семеновымъ сыномъ Суховымъ, 20) вяземскимъ рейтарскимъ недорослемъ Терентіемъ Ивановымъ Высоцкимъ и 21) вяземскою посадскою вдовою Дарьицею Васильевою дочерью Кузнецовою. Первая сказка 1685 г., остальные 1686 г. Сказки давались „по святей непорочной евангельской заповѣди Господни, еже ей-ей“.

22—25) Списки съ купчихъ „слово въ слово“ на имущества частныхъ лицъ, числомъ четыре: 22) вязьмитина иноземца Ивана Васильева на проданный дворъ его отца съ хоромами и со всеѣмъ угодьемъ рейтару Харитону Михайлову сыну Шишову, 1674 г.; 23) вяземской посадской вдовы Ѳедосьи Исаевой на проданный дворъ ея мужа вязьмитину Якову Лукьянову, 1675 г.; 24) вдовы вязьмитина посадскаго человѣка, Дмитріевской жены Татьяны Ивановой на проданные дворъ и огородное мѣсто вязьмитину посадскому человѣку Ивану Лукьянову сыну Хохлову, 1677 г., и 25) вяземскаго Предтечева монастыря подмонастырской слободки крестьянина Марка Иванова сына Воронкова, на продажу лавки въ Вязьмѣ, 1686 г.

26—29) Четыре челобитныхъ: 26) шуйскаго земскаго старосты Левки Иванова сына Пупкова съ шуйскими посадскими людьми, съ жалобою на князя Митрофана, князя Ѳедорова сына, Щетинина, „въ увѣчи и безчестьи Сенки Севостьянова и въ крестьянскихъ животахъ Сенки Огаонова да сына его Ѳедки въ тринадцати рублехъ въ двадцети во шти алтыняхъ, 1649 г.; 27) церковнаго пономаря Исаи Моисеева саратовской государевой вотчины, села Мологина, о кражѣ у него лошади крестьяниномъ Аеонькой Ивановымъ, 1680 г.; 28) Лукашки Ларіонова сына Линева, на брата его Тихона, касательно раздѣла земель, оставшихся послѣ смерти ихъ отца, 1682 г., и 29) крестьянъ Московскаго уѣзда дворцоваго села Павловскаго деревни Мжилковой, о сложеніи съ нихъ штрафа въ размѣрѣ одного

рубля, „доправленнаго на нихъ безвинно“ за украденное сѣдло съ епанчею у стаднаго конюха Ивашки Савельева, 1682 г.

Библиотекою пользовались 16 лицъ. Было вытребовано 7 рукописей (одна изъ нихъ въ Московскую Духовную Академію), одна старопечатная церковно-славянская книга и 40 названій разныхъ книгъ и періодическихъ изданій.

Сверхъ текущихъ работъ по каталогизаціи вновь постулившихъ книгъ и разныхъ періодическихъ изданій, лѣтомъ 1894 г. была окончена провѣрка той части библиотеки, книжныя приращенія которой поступили послѣ составленнаго и напечатаннаго П. М. Строевымъ каталога библиотеки Общества въ 1846 г. Вся указанная часть библиотеки установлена по общепринятой форматной системѣ. Разобраны и приведены въ порядокъ накопившіяся въ большомъ числѣ за тотъ же періодъ времени, періодическія изданія и газеты. Между послѣдними заслуживаетъ вниманія коллекція, къ сожалѣнію, далеко неполная, Губернскихъ Вѣдомостей, въ числѣ 46 названій, 40-хъ, 50-хъ и частью 60-хъ годовъ. Общаго количества названнаго книжнаго собранія и журналовъ я пока не указываю, потому что не приведены еще въ извѣстность старопечатныя церковно-славянскія книги и изданія Петровскаго времени.

Всѣ указанныя книги и періодическія изданія были провѣрены по имѣвшемуся въ библиотекѣ старому карточному каталогу, въ которомъ пришлось сдѣлать много разныхъ исправленій, дополненій и вставокъ. Въ виду неудобства обращаться съ такимъ каталогомъ, оказалось необходимымъ переписать его на новыхъ карточкахъ, за что и было уплачено изъ суммъ Общества 51 р. 45 коп.

Изъ библиографическихъ работъ продолжалось описаніе рукописей, разнымъ путемъ приобретенныхъ библиотекою послѣ 1846 г. Описание это въ недалекомъ будущемъ будетъ закончено. Остановлюсь на нѣкоторыхъ описанныхъ рукописяхъ.

Опредѣленія артиллерійской конторы, состоявшіяся по разнаго рода доношеніямъ, репортамъ, челобитнымъ и другимъ бумагамъ, поступившимъ въ контору отъ разныхъ учреждений и лицъ въ мѣсяцъ 1725 г., писана приказною скорописью, разныхъ почерковъ, на 134 листахъ. Даръ А. А. Майкова.

Подлинникъ, со скрѣпою по листамъ секретаря Макара Лутошкина. Каждое опредѣленіе скрѣплено подписями Алексѣя Инехова и F. Gunther'a. Затѣмъ подъ каждымъ опредѣленіемъ значатся подписи лицъ, взявшихъ копіи съ настоящихъ опредѣленій. (Опредѣленія, состоявшіяся на 1-е и 2-е мая, утрачены).

Въ бумагахъ, поступившихъ въ артиллерійскую контору, находимъ множество свѣдѣній, касающихся разныхъ частей нашей артиллеріи, какъ-то: строевой, хозяйственной, медицинской, судебной и др., устройства артиллерійской администраціи (нестроевой), административныхъ распоряженій по управленію конторою и проч. Остальные бумаги разнаго содержанія; такъ одна изъ нихъ (л. 34) касается частной промышленности селитроваренія, другая (л. 113) участія Николаевского Перервинскаго монастыря въ поставкѣ подводъ для перевозки свинца изъ Петербурга въ Москву.

Изъ бумагъ съ разнымъ содержаніемъ, имѣющихъ мѣстное происхожденіе (Московское), одну, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ конторы, привожу цѣликомъ: *Объ освидѣтельствованіи въ Московскомъ Знаменскомъ монастырѣ палаты, въ которой былъ сложенъ порохъ* ¹⁾.

Листъ 15, № 383. По челобитію поданному Знаменскаго монастыря архимандрита Серапіона ²⁾ мая 4-го дня, въ которомъ объявлено, что въ прошломъ 722 году во ономъ монастырѣ посадкой человекъ Василей Прокопьевъ нанялъ монастырскую кладовую полату и с того числа и доннынѣ въ монастырь не явился, а нынѣ де оныи архимандритъ увѣдомился того монастыря отъ казначея Кирилла, что будто въ той полатѣ поставленъ порохъ и дабы тое полату распечатать, а что въ ней поставлено свидѣтельствовать и описать, и ежели такой товаръ найдется и тое полату числить; того ради монастыря у стряпчего или у кого надлежитъ взять скаски, вышереченной посадкой человекъ Василей Прокопьевъ тое кладовую полату, что въ ней ему жить ли, или подъ какую кладь нанялъ, и есть ли по немъ въ томъ поручная записъ, и до отдачи той палаты оному Прокопьеву не было ли въ томъ монастырѣ отъ иного кого положено показаннаго пороха, и в томъ во отвѣтствіи(и) написать імянно сугверженіемъ, и показанную онымъ челобитьемъ полату распечатать и освидѣтельствовать при постороннихъ людехъ и при еискале, и ежели в ней какой порохъ найдется, тогда оной осмотрѣвъ и описавъ, взять во артиллерію и звѣся записать въ книгу, а оного Прокопьева сыскать и учиня пункты допросить о всемъ с подлинною очискою, а ежели

¹⁾ Въ приводимомъ документѣ удерживается орфографія подлинника.

²⁾ Серапіонъ Новосильцовъ, архим. съ 9-го ноября 1712 г. изъ чудовскихъ іеромонаховъ; † 31-го декабря 1731 г.; *Строевъ*, Службн. иерарх. и настоят. монастырей российской церкви, С.-Пб., 1877, стр. 192.

его несыщета, то по записи сыскать въ поставкѣ поручиковъ его, кто въ наймъ оной полаты по немъ ручался. Подписи: Алексѣй Инеховъ, F. Günther. С сего опредѣленія копию взялъ Ѳеодоръ Мезенцовъ.

Сборникъ наказовъ дворцовыхъ и вотчинниковыхъ имѣній съ выписками новоуказныхъ статей о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, для руководства при судѣ прикащиковъ надъ крестьянами, скоронись разныхъ почерковъ, Петровскаго времени, въ листъ, на 85 листахъ.

Въ этомъ Сборникѣ находится очень любопытный наказъ князя Михаила Григорьевича (фамиліи не означено), посланный въ 1704 г. въ его Елифанскую вотчину и прерывающійся 42-ю статьею. Въ статьяхъ подробно изложены инструкціи, касающіяся движимаго и недвижимаго имущества, вотчиннаго обихода, крестьянскихъ повинностей, суда надъ крестьянами и проч. Наказъ этотъ приведенъ въ описаніи сполна.

Liber encyclicarum sub Fortunatissimo Prioratu A(ugusti) R(everendissimi) S(anctae) T(heologiae) P(raesignati) Dominici Siwiski comparatus Anno Domini 1790 die 13 novembris, скоронисью конца XVIII и первой половины XIX вѣка разныхъ почерковъ, въ листъ, на 94 листахъ.

Энциклики (въ копіяхъ) касаются внутренней жизни монастырей Доминиканскаго ордена.

По времени онѣ относятся къ 1790 — 1832 годамъ. По мѣсту энциклики касаются Литовской и Бѣлорусской провинцій.

Такъ какъ орденъ доминиканцевъ, какъ и другіе монашескіе ордена, управлялся на основаніи своихъ правилъ, подъ властью провинціаловъ, или монастырскихъ начальниковъ, не касаясь власти епископовъ, то и энциклики исходили или отъ самыхъ провинціаловъ — магистровъ ордена, или же отъ ихъ викаріевъ. О самостоятельномъ управленіи монашескихъ орденовъ см. въ II. С. З., т. XXVII, № 21033, т. XXVIII, №№ 21160 и 21193.

Энциклики касаются административнаго устройства ордена, учрежденія капитула, правъ и обязанностей магистра, избранія новыхъ викаріевъ, выборныхъ депутатовъ, правилъ веденія дѣлъ на выборахъ, извѣщеній о состоявшихся выборахъ извѣстныхъ лицъ по монастырямъ ордена, о бенефіціяхъ, касательно учебныхъ заведеній ордена и др.

Затѣмъ энциклики имѣютъ непосредственное отношеніе къ жизни монашествующихъ, ярко обрисовывая упадокъ монашеской субординаціи и нравственную распушенность.

Биографія архимандрита Фотія (Спасскаго), написанная его со-

временникомъ, подъ названіемъ: *Начертаніе жизни, дѣяній и подвиговъ въ Бозѣ почившаго настоятеля Новгородскаго первокласснаго Юрьева общежительнаго монастыря, священно-архимандрита Фотія, списокъ новѣйшаго письма, въ листъ, на 91 листъ.*

Издатель автобіографіи Фотія, ббльшая часть которой напечатана въ *Русской Старинѣ*, за 1894 годъ, указавъ въ предисловіи разныя изданныя монографіи объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ жизни архимандрита Фотія, перечисливъ журнальныя статьи о Фотіѣ и сказавъ о подлинникѣ и спискахъ Фотіевой автобіографіи, упоминаетъ и о біографіи Фотія, написанной однимъ изъ современниковъ въ его защиту. При этомъ издатель Фотіевой автобіографіи замѣчаетъ: „Это сочиненіе сохранилось въ рукописи и находилось въ числѣ бумагъ священника М. Я. Морошкина. Къ сожалѣнію, прибавляетъ издатель, ни о подробномъ содержаніи рукописи, ни объ ея мѣстонахожденіи въ настоящее время не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній“ (*Русская Старина*, 1894 года, мартъ, стр. 139).

Списокъ искомой рукописи оказался въ нашей бібліотекѣ, и я сообщаю слѣдующія общія свѣдѣнія.

Біографія Фотія была написана, шесть лѣтъ спустя по его кончинѣ (въ 1844 году). Объ этомъ біографъ пишетъ: „Вотъ уже шесть лѣтъ протекло по кончинѣ его (Фотія), а любовь и благоговѣнное уваженіе къ почившему не уменьшается, а возрастаетъ и укрѣпляется, вотъ уже шесть лѣтъ, а обитель, въ коей онъ почиваетъ, не сокращаетъ, а расширяетъ свои предѣлы“... (л. 89 об.).

Біографъ былъ современникомъ Фотія и былъ близокъ къ нему; такъ онъ говоритъ, что „сыздѣтства лично зналъ Фотія, нерѣдко съ услажденіемъ внималъ благочестивымъ его бесѣдамъ въ храмахъ св. обители Юрьевской, выслушивалъ келейныя его наставленія братіи, роднымъ и всѣмъ, кто удостоивался устной его бесѣды“.

Во введеніи, предшествующемъ „Начертанію житія архимандрита Фотія“, авторъ высказываетъ цѣль написанной біографіи — „чтобы снять, хотя нѣсколько, завѣсу съ тайной подвижнической жизни почившаго, явить міру въ наши скудныя вѣрою и благочестіемъ времена ту истину, что не оскуде преподобный, и оправдать человека, котораго молва людская огласила и нерѣдко оглашаетъ доселѣ тяжкими для благоговѣннаго сердца слухами. Это единственная и достойная благочестиваго чувства и вниманія цѣль единственно и выражается въ благоговѣнномъ уваженіи одной христіански преданной души къ памяти въ Бозѣ почившаго“.

Описывая жизнь Фотія, авторъ искалъ назиданія, „какое благочестивыя души могутъ почерпать какъ вообще изъ подвижнической и богоугодной жизни въ Бозѣ почившаго настоятеля Юрьевской обители, такъ въ частности изъ добродѣтельной и обильной важными уроками жизни въ Бозѣ почившаго настоятеля Юрьевской обители священно-архимандрита Фотія, памятной для многихъ“.

Далѣе авторъ говоритъ, что ему „въ первый разъ суждено сдѣлать опытъ начертанія такой жизни и подвиговъ, какимъ онъ способенъ только удивляться, а не раскрывать таинственныя ихъ причины, сокровенныя побужденія и благія послѣдствія; онъ богатъ однимъ усердіемъ къ сему святому дѣлу, вполне чтить лице, здѣсь описываемое, ищетъ себѣ назиданія“...

Обращаясь къ читателю своего труда, біографъ пишетъ: „Благочестивый читатель пусть единственно обращаетъ и свое вниманіе и свое чувство на самую жизнь подвижника Христова, а не на красоту слога, плавность мыслей и искусство оборотовъ въ рѣчи, о чемъ много мы не старались. Неискусно строено духовное зданіе, неискусно и украшено, но оно строено изъ вещества прочнаго, украшено маргаритами и золотомъ“.

Заканчивается предисловіе такъ: „Все, что ни сказано въ семъ начертаніи о почившемъ, сказано вѣрно, по совѣсти, безъ преувеличеній, безъ пристрастія, сказано даже менѣе, чѣмъ найдено по смерти въ собственныхъ запискахъ почившаго“.

Жизнеописаніе составлено исключительно почти по автобіографіи Фотія, только съ значительными сокращеніями. Въ расположеніи біографическаго матеріала авторъ слѣдуетъ такому же почти порядку, какой находимъ въ автобіографіи Фотія. Лишь по мѣстамъ авторъ вводитъ свои разсужденія, касающіяся подвижничества Фотія, святости его подвиговъ и того значенія, какое онъ имѣлъ для современнаго общества.

Кромѣ собственныхъ указанныхъ разсужденій, біографъ сообщаетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и частью въ текстѣ нѣсколько позднѣйшихъ дополненій. Такъ, говоря объ особенной любви маленькаго Петра (впослѣдствіи архимандрита Фотія) къ своей покойной матери, біографъ замѣчаетъ, что Фотій „до самой смерти воспоминалъ о ласкахъ своей матери съ сердечными вздохами сожалѣнія и любви. Въ 1843 г. положено (Фотіемъ) въ сохранную казну на вѣчное обращеніе 5.000 рублей ассигн. на содержаніе процентами съ сего капитала неугасимой лампы, устроенной еще при жизни почившаго

надъ гробомъ его матери Евѳиміи, а равно и въ пользу священно-церковно-служителей села Спасскаго за служенія въ годъ трехъ заупокойныхъ литургій, во дни—рожденія, тезоименитства и кончины Евѳиміи“ (л. 4—5).

Семинарскій курсъ, добавляетъ біографъ, Петръ Спасскій прошелъ съ большимъ успѣхомъ, „а особенно уразумѣлъ языкъ греческій, которымъ впоследствии воспользовался для повѣрки Библіи LXX толковниковъ съ переводомъ Вульгаты и еврейскимъ подлинникомъ, раздѣляя трудъ сей съ великимъ и благочестиво образованнымъ мужемъ“. Въ подстрочномъ примѣчаніи имя и фамилія этого сотрудника обозначены только начальными буквами: І. А. въ мірѣ К. С. А. Ш. Ш. ¹⁾ (л. 16 и на об.).

Изъ послѣдующей жизни Фотія, въ бытность его настоятелемъ Деревяницкаго и затѣмъ Юрьевскаго монастыря, сообщаются краткія отрывочныя свѣдѣнія о пожертвованіяхъ разными лицами на эти обители (л. 39 и на об.).

Изъ постороннихъ источниковъ авторъ пользуется указами святѣйшаго синода и дѣлаетъ на нихъ ссылки тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о наградахъ и производствѣ Фотія въ іеромонаха, игумена и архимандрита. Другіе официальные документы біографъ приводитъ сплошн, а именно: а) Высочайшій указъ на имя бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Г. К. ²⁾, о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ въ Россіи, 1-го августа 1822 г. (л. 50 об. — 52) и б) письмо къ архимандриту Фотію Г. А. А. А. ³⁾, отъ 1-го августа 1824 г. о желаніи Государя Александра І-го видѣть у себя лично архимандрита Фотія (л. 54 и на об.).

Такимъ образомъ, біографъ при составленіи своего труда пользовался 1) автобіографіею Фотія, изъ которой онъ беретъ самыя главныя обстоятельства и моменты изъ жизни Фотія, второстепенныя же опускаетъ, 2) упомянутыми синодальными указами и письмами и 3) дополняетъ біографію своими односторонними разсужденіями, касающимися святости жизни и духовныхъ подвиговъ Фотія.

Изложеніе сочиненія отличается напыщенностью, и во всемъ сочиненіи проглядываетъ рабски благочестивый тонъ. Благодаря витѣватости, которой не чуждъ авторъ, встрѣчается довольно общихъ

¹⁾ Іеромонахъ Анникія, въ мірѣ князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ.

²⁾ Графъ Кочубей.

³⁾ Графъ Алексѣй Андреевичъ Аравчевъ.

выраженій. Говоря о дѣйствующихъ историческихъ лицахъ, биографъ не называетъ ихъ полнымъ именемъ, а отмѣчаетъ только начальныя литеры званій, должностей, именъ и фамилій, а то и вовсе не означаетъ; такъ Орлову-Чесменскую называетъ „одною благородною дѣвицею“, благодаря этому, читатель, малознакомый или совсѣмъ незнакомый съ временемъ Фотія, не можетъ знать объ этихъ лицахъ, если только не сдѣлаетъ разнаго рода справокъ.

Въ заключеніе остановлюсь на памфлетѣ, направленномъ на графа М. М. Сперанскаго, послѣ его паденія, написанномъ его современникомъ Гавріиломъ Петровичемъ Ермоловымъ. Этотъ послѣдній служилъ нѣкогда при графѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ ¹⁾, скончался въ 1829 году. Биографическія черты Г. П. Ермолова разбросаны въ его письмахъ и бумагахъ (въ копіяхъ), имѣющихся въ нашей библиотекѣ ²⁾. Письма и мелкія статейки Ермолова касаются русскихъ событій 1812—1815 гг. и въ частности русскаго быта и разныхъ семейныхъ обстоятельствъ Ермолова. Всѣ письма и статьи его отличаются патріотическимъ характеромъ и дышатъ искреннею любовію къ Государю. Въ статьѣ „Скромность истиннаго героя“, напечатанной въ *Синь Отечества* (1813, № XXIX, стр. 123—128), въ которой говорится о подвигахъ князя Голенищева-Кутузова, между прочимъ, читаемъ: „Въ то время, когда злобный врагъ бѣжалъ изъ предѣловъ російскихъ, гонимый гнѣвомъ Божиимъ въ лицѣ князя Смоленскаго, и удивленный міръ едва вѣрилъ очамъ своимъ, и благодарная Россія не могла найти словъ, для выраженія всѣхъ своихъ чувствій, одинъ почтенный сынъ русскаго отечества (Гавріилъ Петровичъ Ермоловъ) обратился къ нему съ просьбою о доставленіи ему своего изображенія. Письмо, въ которомъ заключалась просьба сія, дышало чувствованіями истиннаго уваженія и благодарности къ спасителю Россіи“. Въ помѣщаемомъ вслѣдъ за этимъ отвѣтѣ на просьбу Ермолова князь Смоленскій писалъ: „Примите искреннѣйшую мою благодарность, Милостивый Государь мой Гавріилъ Петровичъ, за письмо Ваше отъ 24-го декабря, мною полученное. Участіе, пріемлемое Вами

¹⁾ Зубовъ, князь П. А., генералъ отъ инфантеріи (19-го октября 1793 г.) 1803 г. членъ государственнаго совѣта, шефъ 1 вадетскаго корпуса, род. 15-го ноября 1767 г. † 7-го апрѣля 1822 г. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей, для русскаго биографическаго словаря. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 60 (1887).

²⁾ Письма и бумаги Г. П. Ермолова, подробно нами описанныя, заключаются въ двухъ переплетахъ, въ листъ, на 100 стр. и 59 листахъ.

во всемъ, касающемся до любезнѣйшаго нашего Отечества, доказываетъ мнѣ, что Вы истинный сынъ Россіи. Сердце мое, вмѣстѣ съ Вашимъ, радуется той славѣ, каковою увѣнчаны войны, ополчившіеся противъ врага цѣлой Европы, мечтавшаго попрасть все для насъ священное“ и проч. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1814—1815 гг. напечатаны четыре письма Г. П. Ермолова: а) къ Михаилу Алексѣевичу Изъѣдинову (1814, кн. 4, стр. 10 — 15), б) къ помѣщику Н. М. Колячитскому (1814, кн. 12, стр. 6—8), с) къ супругѣ покойнаго генерала Дорохова и здѣсь же приложено письмо къ дочери (1815, кн. 15, стр. 73—77).

Памфлетъ на графа Сперанскаго написанъ Ермоловымъ, конечно, подъ влияніемъ тѣхъ подметныхъ писемъ на Сперанскаго, которыя во множествѣ списковъ разошлись по Петербургу и Москвѣ. Ермоловъ, какъ увидимъ, держался наиболѣе господствовавшаго въ Россіи мнѣнія, что Сперанскій былъ приверженцемъ Наполеона и былъ низвергнуть и удаленъ за измѣну.

Вотъ этотъ памфлетъ:

Сперанскій! Скажи, чего желаешь ты? Богатства?—было въ твоемъ распоряженіи. Чины?—награжденъ ими. Отличія?—ты знаками оныхъ пользовался. Уваженія?—ты его имѣлъ. Властолюбія?—удовлетворялъ его. Чего еще недоставало ненасытной, гордой душѣ твоей? Сперанскій! Скажи, въ свободные часы отъ дѣлъ государственныхъ, сидя ты въ кабинетѣ своемъ, принадлежа токмо самому себѣ, не входилъ въ себя самъ? Неужели въ эти минуты ни сердце, ни совѣсть твои не говорили, чѣмъ ты обязанъ своему государю и благодѣтелю, не по заслугамъ, а по милости возведшему тебя на степень великости. Неужели признаніе, благодарность къ довѣренности великодушнаго монарха, не сказала тебѣ нисколько въ его пользу и славу? Объ отечествѣ твоемъ я не говорю ни слова, ибо воспитаніе твое не могло образовать душу твою и дать ей благородное благочестивое направленіе, узнать, что такое есть отчизна и любить ее. Неужели никогда не вопрошалъ ты себя, кто былъ твой отецъ? и что ты былъ самъ? Неужели столь неизмѣримое пространство и различіе, которыя находились между первобытнымъ и послѣдующимъ затѣмъ состояніемъ твоимъ, не удовлетворили твоего тщеславія, корыстолюбія и славолюбія? Сперанскій! Скажи, что хотѣлъ ты дѣлать? и чѣмъ быть? Если ты думалъ подражать злодѣямъ, убійцамъ благодѣтельныхъ государей своихъ, могъ ли ты это исполнить у насъ? тогда, когда монархъ нашъ, охраняемый подданными своими, яко отецъ дѣтьми, всегда

окруженъ ими. Если ты думалъ произвестъ возмущеніе въ землѣ Русской, перемѣнить образъ правленія, могъ ли ты надѣяться это исполнить, безумный! въ такомъ народѣ, который за славу и честь свою поставляетъ умирать за своихъ царей, который привержень всегда былъ и есть къ вѣрѣ и закону Божію. Если ты хотѣлъ продать за деньги и за общаемую тебѣ великость измѣническимъ образомъ нашу землю въ руки безбожнаго и кровожаждущаго иноплеменика, дерзновенный! могъ ли ты надѣяться этого достигнуть со всѣми подобными тебѣ товарищами? Неужели ты такъ простъ, что не зналъ народнаго здѣсь духа, честолюбія дворянъ и всѣхъ сословій русскихъ, общей ихъ твердости, неустрашимости, единодушія и привязанности, воспламеняемыхъ усердіемъ къ престолу царей своихъ. Развѣ тебѣ исторія народа русскаго не указала тѣхъ временъ и тѣхъ происшествій, намѣренію твоему подобныхъ, что дѣлали въ такихъ случаяхъ русскіе и чѣмъ такія оканчивались предпріятія? Но положимъ, еслибы и достигнулъ сего злодѣйскаго намѣренія, что тѣмъ выигралъ? Развѣ мало тебѣ примѣровъ было видѣть, какъ поступилъ этотъ извергъ съ подобными тебѣ измѣнниками, чѣмъ онъ награждалъ за тѣ жертвы, которыя они ему приносили? Развѣ тебѣ не говорилъ умъ твой, что поступки измѣнника бесполезны, а самъ измѣнникъ въ глазахъ обольстителя презрителенъ, могъ ли ты чего надѣяться получить отъ него великаго и прочнаго; могъ ли ты быть увѣреннымъ, чтобы онъ довѣрялъ тебѣ когда либо, видя уже разъ прельщеннаго корыстолюбіемъ, тщеславіемъ, къ измѣнѣ своему народному государю и отечеству? Развѣ поступки сего жестокаго и властолюбиваго тирана съ землями, которыя ему преклонились безъ обороны, повѣря его слову сограждане, которые возвели его на степень столь блестящую, даже самые его родные, его друзья, споспѣшествовавшіе укорениться ему въ владычествѣ своемъ, не показали тебѣ, что отъ него претерпѣли земля разореніе, опустошенія, всякаго рода злодѣянія; граждане, друзья и братья отлученіе отъ должностей, лишеніе имѣній или въ заточеніе въ ссылку и наконецъ неизбѣжно и самую смерть. Ты чего думалъ ожидать отъ него лучшаго? Сперанскій! Ты вѣрно учился греческому и латинскому языкамъ, ты вѣрно долженъ былъ читать исторіи тѣхъ народовъ, развѣ не запримѣтилъ ты, что такіе перевороты въ могущественныхъ республикахъ и монархіяхъ предпринимали ачужіе тщеславіемъ и самолюбіемъ, такіе люди, которые или породю, или достоинствами, или заслугами приобрѣли довѣренность, содѣлались въ отечествахъ своихъ знаменитыми, почи-

таемыми и любимыми. Но ты Сперанскій развѣ не зналъ, что у насъ ты значилъ? Отечество въ тебѣ видѣло полова сына, отданнаго въ семинарію учиться и быть хорошимъ священникомъ, счастье послужило тебѣ, ты сдѣлался извѣстнымъ по способности писать манифесты и тому подобныя государственныя бумаги, счастье твое повело тебя далѣе, чѣмъ же ты тогда себя показалъ намъ?—лицемѣрнымъ, ядовитымъ, честолюбивымъ и во зло довѣренность государя своего обращающимъ подданнымъ, никто тебя не любилъ, потому что не за что, никто тебя не почиталъ, потому что некого, никто тебѣ не довѣрялъ, потому что нечему.

Сперанскій! Приверженцы твои прославили умъ твой, но гдѣ онъ? Еслибы ты его имѣлъ, онъ бы показалъ тебѣ славную, благородную и возвышающую тебя стезю, по которой шедши, ты безъ нарушенія совѣсти содѣлался бы знаменитымъ не породю, но дѣлами твоими въ отечествѣ; ты былъ бы любимъ государемъ, любимъ и почитаемъ дворянами, любимъ и уважаемъ народомъ; дѣла бы твои и служеніе вездѣ-бъ говорили о себѣ, и ты могъ бы содѣлаться полезнымъ гражданиномъ земли Русской и прославить родъ свой. Исторіи Пожарскаго, Минина и тому подобныхъ преданныхъ сыновъ родинѣ своей, развѣ не лежали предъ глазами твоими, развѣ не могли воспламенить въ тебѣ благороднѣйшаго честолюбія, соревновенія къ славѣ ихъ безсмертной,—развѣ эти великія и потомство изумляющія дѣла казались для тебя недостойными и маловажными, гдѣ сердце и разумъ твой? Сперанскій! вмѣсто той славы, которую бы ты могъ имѣть, вмѣсто того блаженства, которымъ бы ты могъ наслаждаться, посмотри, что ты теперь въ глазахъ нашихъ? Корыстолюбивый измѣнникъ, жестокій предатель, врагъ отечества, злодѣй своему государю и благодѣтелю, проклинаемый преступникъ, въ отдаленныя страны суровой Сибири сосланный, жестокій отецъ, разлученный съ дочерью, или съ собой заставившій ее раздѣлять бѣдственную часть судьбы своей, оставившій горестное ей наслѣдство, позоръ и презрѣніе отца, преслѣдуемые до гроба; сынъ—убійца матери своей, которая по старости лѣтъ, можетъ, не перенесла сію горькую съ тобой разлуку. Презрѣнный повсюду и всѣми сословіями, готовыми растерзать тебя на части, истребить съ лица земли своей прахъ твой, вотъ тебѣ награда за твои беззаконія, злодѣянія, которыя уготовлялъ ты Россіи, а божеское наказаніе еще впереди ожидаетъ тебя, яко изверга, посягнувшаго на вся Ему угодное и Его святое.

П. В. ПАВЛОВЪ.

(некрологъ).

28-го апрѣля скончался въ Петербургѣ бывший профессоръ университетовъ св. Владиміра и С.-Петербургскаго, докторъ историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, Платовъ Васильевичъ Павловъ.

П. В. Павловъ родился 7-го сентября 1823 года въ семьѣ помѣщика Нижегородскаго уѣзда П. Ѳ. Козлова и послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія учился въ Петербургѣ въ пансіонѣ Дешуданса, въ третьей гимназіи и въ главномъ педагогическомъ институтѣ, въ которомъ и окончилъ курсъ, съ серебряною медалью, въ 1844 году и былъ оставленъ при институтѣ. Въ 1847 году онъ получалъ степень магистра греческой словесности за разсужденіе „*Quaestiones quaedam Atheniensium drama antiquum cultoresque ejus respicientes*“ и въ то же время былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1849 году онъ получилъ отъ Московскаго университета степень доктора за сочиненіе „Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова“; диссертация эта была для своего времени очень замѣтнымъ ученымъ трудомъ и привлекла вниманіе критики и спеціалистовъ (въ 1863 году она была перепечатана). Въ 1852 году Павловъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ; въ 1858—1859 г. прочелъ въ университетѣ необязательный курсъ „исторія пластическихъ искусствъ въ связи съ исторіей культуры“; въ 1859 году учредилъ, съ разрѣшенія попечителя Н. И. Пирогова, въ Кіевѣ воскресныя школы и былъ главнымъ руководителемъ ихъ. Въ томъ же 1859 году переведенъ былъ на службу въ Петербургъ, членомъ Археографиче-

ской Коммисіи и въ Петербургѣ тогда же положилъ начало воскреснымъ школамъ. Въ 1861 году онъ избранъ былъ профессоромъ русской исторіи въ Петербургскій университетъ, но не прочелъ въ немъ ни одной лекціи, потому что сначала былъ въ отпуску, затѣмъ послѣдовало временное закрытіе университета и въ то же время П. В. Павловъ былъ высланъ въ Ветлугу. Въ 1869 году по ходатайству министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, П. В. Павловъ былъ возвращенъ въ Петербургъ и поступилъ преподавателемъ въ Константиновское военное училище, Еленинскій институтъ и юнкерское училище; онъ преподавалъ русскую и всеобщую исторію и статистику. Въ 1870 году онъ снова опредѣленъ былъ на службу въ Археографическую Коммисію, въ 1875 году вновь избранъ профессоромъ въ университетъ св. Владиміра, на кафедру исторіи искусства. Въ 1885 году, по выслугѣ 30-ти лѣтняго срока въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, вышелъ въ отставку съ полной пенсіей. Послѣдніе годы онъ жилъ въ Петербургѣ; слабость здоровья заставила его покинуть всякія ученыя занятія.

П. В. Павловъ началъ свою литературную дѣятельность еще во время студенчества переводами въ „Отечественныхъ Запискахъ“; онъ и въ послѣдствіи участвовалъ различными статьями, касавшимися ви́шней политики и исторіи искусствъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Современникѣ“, „Пчелѣ“, „Петербургскихъ“ и „Московскихъ“ вѣдомостяхъ, въ „Костромскихъ вѣдомостяхъ“, въ „Художественныхъ вѣдомостяхъ“ и въ „Кіевлянинѣ“. По русской исторіи имъ напечатаны статьи: „О земскихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1866) и „Тысячелѣтіе Россіи“ (въ Академическомъ Мѣсяцесловѣ“ за 1862 годъ и отдѣльно въ 1863 году), затѣмъ „Опытъ введенія въ исторію“ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1874 года) и нѣсколько статей по исторіи и теоріи искусствъ. Въ Археографической Коммисіи онъ принималъ участіе въ приготовленіи къ изданію „Сибирскихъ лѣтописей“.

*dem praeterea dIE · DEDICATIONis statuae
imp. remiss. decuR · ET AVG HS · XX et
sportulas, populo HS · VIII DIVIDI · Iussit.
annia fortunatA · FILIA EX TEST · POS*

Размѣры обѣихъ лакунъ болѣе или менѣе точно опредѣляются на основаніи послѣдней строки.

Въ транскрипціи надпись гласить: [D(is) M(anibus) s(acrum). M(arco) Annio ¹⁾] M(arci) [l(iberto) ²⁾] Armodio [August(alt) Aecian(ensi). Hic anno] suo HS III (milia) dis[cumb(entibus) dec(urionibus) et Aug(ustalibus), epul]um populo de[dit, atque ob statuae] honorem s[ibi ab ampl(issimo) ordine decur(ionum) obl]a[t(um)], qui eid[em etiam bisse]ll(ium) decreverunt, te]st(amento) HS L (milia) lega[vit, ut ex usuris ipso capite] servato [d]iv[is]i(ones) fierent. Idem praeterea d[i]e[dedication]is statuae imp(ensa) remiss(a) decu[r]i(onibus) e[st] Aug(ustalibus) HS XX (milia) [et sportulas, populo] HS VIII (milia) divid[i] iussit. Annia Fortunat]a filia ex test(amento) pos(uit).

Для 3—6 строкъ мыслимо и такое дополненіе:

de[dit ob || Augustalitat]is honorem s[ibi ab ord(ine) || decur(ionum) gratis del]a[t(um)], qui eid[em stat(uam) || ob munif(icentiam) decrever(unt)].

Но вообще нельзя не признать болѣе вѣроятнымъ перваго дополненія, по поводу котораго можно сопоставить слѣдующій недавно найденный, новый ³⁾, „карт ex testamento“ петелийца Манія Мегонія ⁴⁾ Леона (*Notizie degli scavi*, 1894, p. 21): Reip(ublicae) municipum meorum, si mihi statua pedestris in foro superiore solia (!) lapidea, basi marmorea ad exemplum basis, quam mihi Augustales posuerunt, prope eam, quam mihi municipes posuerunt, posita fuerit,

¹⁾ Это родовое имя поставлено нами, конечно, лишь для примѣра, какъ и [Annia Fortunat]a въ началѣ послѣдней строки.

²⁾ На камнѣ ML могли быть соединены въ монограмму.

³⁾ Другой карт ex testamento того же Мегонія Леона былъ извѣстенъ уже давно: С. I. L. X 114.

⁴⁾ Проф. Барвабен, издавшій нижеприводимую надпись въ *Notizie*, констатируетъ I. с., p. 22, на основаніи собственной проверки памятниковъ Мегонія, что во всѣхъ его надписяхъ (С. I. L. X 113. 114 и др.) читается именно MEGONIO, а не MECONIO, какъ даютъ это имя другіе издатели.

HS C m(ilia) n(umum), quae eis me vivo pollictus sum, dari volo. Ea autem condicione HS C m. n., q(uae) s(upra) s(cripta) sunt dari volo, ut ex usuris semissibus eius pecuniae omnibus annis die natalis mei, qui est X kal(endas) April(es) distributio fiat decurionibus epulantibus (denariorum) CCC, deducto ex his sumptu strationis; reliqui inter eos, qui praesentes ea hora erunt, dividantur. Item Augustalibus eadem condicione (denarios) CL dari volo et municipibus Petelinis utriusque sexus ex more loci (denarios) I (= *singulos*) omnibus annis dari volo, item in cena parentalia (denarios) L et hoc amplius sumptum hostiae, prout locatio publica fuerit, dari volo, и проч. Надпись эта — любопытная между прочимъ и въ томъ отношеніи, что позволяетъ приблизительно опредѣлить число членовъ августальскаго сословія (ordo Augustalium) въ Петелинъ въ данную эпоху, — относится ко времени Антонина Пія (sacratissimi principis Antonini Augusti Pii, v. 14 sq.).

Въ 9 строкѣ Моммзенъ, какъ мы уже говорили, дополняетъ [se]r(is) et Aug(ustalibus). Если онъ правъ, то и Экланъ слѣдуетъ отнести къ числу общинъ, въ которыхъ простой сеvirъ отличался отъ августальства ¹⁾. Но, думается намъ, наше дополненіе [desu]r(ionibus) гораздо правдоподобнѣе.

26. C. I. L. IX 1195. Надпись изъ того же Эклана. Оригиналъ тоже пропалъ, а изъ копій самая надежная принадлежитъ Витали, который даетъ слѣдующее:

C EPIVIS C L IVCVNDVS
ET TV AVG · SIBI ET
CALPVRNIAE O L MODERATAE ET
MAEVIAE FORTVNATAE VXORI

Во второй строкѣ вмѣсто ET TV AVG копія Луполи даетъ явно ошибочное чтеніе (быть можетъ, не безъ примѣся и интерполціи) EPIVIAE. Въ прочихъ копіяхъ упомянутыя слова совсѣмъ пропущены. Ошибочнымъ считаетъ Моммзенъ и виталиевское чтеніе ET TV, замѣняя послѣднее собственною эмендаціей IIIII VIR, въ справедливости которой онъ, судя по Corp., p. 775 col. 2, вполне увѣренъ.

На нашъ взглядъ, однако, чтеніе Витали является совершенно правильнымъ и потому не требующимъ никакихъ эмендацій: оно даетъ

¹⁾ Ср. наше изслѣд. „Августалы и сакральное магистерство“, стр. 14 сл.

намъ одну изъ обычныхъ формулъ, нерѣдко сопровождающихъ надгробныя надписи: et tu! ¹⁾). Упрекнуть Витали можно лишь за то, что онъ слишкомъ придвинулъ эту формулу къ тексту самой надписи.

Итакъ, восстанавливаемъ данную надпись слѣдующимъ образомъ:

C. Eppius C. l(ibertus) Iucundus
Aug(ustalis) sibi et

Et tu!

Calpurniae (mulieris) l(ibertae) Moderatae et
Maeviae Fortunatae uxori[bus] ²⁾).

Et tu! или Et tibi! могло стоять и по правую руку, какъ это видимъ въ аналогичныхъ по содержанию надписяхъ, напримѣръ, С. I. L. IX 3403; ib. V 552 и т. д., — но употреблять на эту формулу и другое et (въ концѣ второй строки), конечно, нѣтъ никакой надобности.

27. С. I. L. IX 1554. Надпись изъ Беневента. Чтеніе провѣрено Дресселемъ.

L · VINICIO Q · LA
IVS C VARI · DEN
MAG C · VARI · C · L
PHIL PAMPHĬA · D · S P

Въ PHIL и PAMPHĬA буквы PH соединены въ монограмму.

Въ Corpus'ѣ дается слѣдующая транскрипція: L. Vinicio, Q. La[ronio co(n)s(ulibus)] ³⁾ ius(su) C. Vari Den(tionis) mag(ister) C. Vari C. l(iberti) Phil(ippi?) Pamphila d(e) s(ua) p(ecunia).

„Quod commendat Garruccius“, говоритъ Моммзенъ въ примѣчаніи къ надписи, „Dent(ionis) mag(istri) C. Vari(us) C. l. Phil(ippus) Pamphil(ianus) La(ribus) d(e) s(uo) p(osuit) et propter duplex cognomen liberti et ob alias causas displicet, et quamquam verum est contiguatione h (sic enim in lapide esse et Garruccius ait et confirmavit Dresselius) non recte significari litteras IL, litterae tres ILL multo minus hoc modo contignantur“.

Намъ думается, что въ PAMPHĬA надо видѣть не совсѣмъ грамотно написанное имя PAMPHĬA, греч. Παμφαία, ср. Παμφαίος и Παμφάης у Pape-Benseler'a *Wörterb. der griech. Eigennamen*.

¹⁾ Ср. наши *Эпиграфическіе этюды*, гл. II, п. 19.

²⁾ Или, напримѣръ, VXOR(ibus) F(ecit).

³⁾ Консулы 83 года до Р. Хр. (= а. у. с. 721).

Кромѣ того послѣ консульскихъ именъ могло быть въ данной надписи воть что:

*ius(su) C. Vari Den(tionis) mag(istri), C. Vari C. l. Phil(ippi)
Pamphaea d(e) s(ua) p(ecunia),*

причемъ Памфѣя обращается въ жену или рабу Варія Филиппа. По поводу постановки именъ послѣдняго впереди, ср., напримѣръ, илиберрскую надпись С. I. L. II 2093 L. Valeri Laeti, M. Valeri Vetusti libertus Verna, M. Valeri Vetusti Prima Vernae ux(or) v(otum) s(oluerunt) l(ibentes) m(erito) Saluti. Posita k(alendis) Mart(is) Cn. Cornelio Gaetulico, C. Calvisio Sabino co(n)s(ulibus) (=26 г. по Р. X.), а также С. I. L. XII 4069 Lúnae et Isid(i) Aug(ustae) sacr(um) C. Octávii Pedónis lib(ertus) Trophímio sévir Aug(ustalis) v(otum) s(olvit).

28. С. I. L. IX 4212. Надпись изъ Амьтерна, списана была Моммзенемъ, а потомъ ея чтеніе провѣрилъ Дрессель.

A · L ·
A MA ·
FE
III · VIR.
5 AEDILIS ·
MATRI ·
ET · SIB
IN · F ·

„Tresviri“, говоритъ Моммзенъ въ примѣчаніи къ надписи, „cum nulli innotuerint praeter Augustales libertos neque appareat quomodo hi item aedilitate fungi potuerint, videntur duo munera v. 4. 5 non ad eundem hominem pertinuisse, ad hoc exemplum:

[*Mariae*] A. l. [*Maximae*] A. Ma[rius A. l.] Fe[lix] IIIvir [*coniugi et Fronto*] aedilis..... matri etc.“

Предлагая только что приведенное дополненіе, противъ котораго между прочимъ говорятъ и размѣры лакуны ¹⁾, Моммзенъ, очевидно,

¹⁾ Тутъ мы имѣемъ въ виду дополненіе 4 строки, гдѣ кромѣ того довольно страннымъ является это голое *Fronto* безъ рацемена и помен gentilicium.

исходить изъ уже отмѣченнаго нами выше ¹⁾ собственнаго предвзятаго убѣжденія, что всѣ августалы вообще, а въ частности и амнтерскіе *tresviri Augustales*, принадлежали къ сословію вольноотпущенниковъ.

Отсюда видно, какъ гадательно его возстановленіе надписи даже и помимо внѣшней неудовлетворительности послѣдняго.

Мы предлагаемъ дополнять слѣдующимъ образомъ:

[*Mariae*] || *A(uli) Libertae* [*Maximae*] || *A. Ma[rius]*
P(ublii) f(ilius)] || *Fel[ix]* || *Vir* [*Aug(ustalis)*, ||
aedilis [*Amit(erni)*] || *matri* [*plissimae*] ||
et sib[is] v(ivus) f(ecit)] || *in* [*r(ontem) p(edes)* . . . ||
in agr(um) p(edes) . . .]

Прямимъ шрифтомъ отмѣчены дополненія, поставленныя лишь для примѣра; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ читатель видитъ, взяты нами у Моммзена.

29. С. I. L. IX 4549. Надпись изъ Нурсіи (*Nursia*). Отъ оригинала уцѣлѣла только лѣвая половина; остальное (отмѣченное у насъ мелкимъ шрифтомъ) сохранилось въ копіи, найденной въ такъ называемой Сабинской рукописи (*liber Sabinensis*).

. . .
 VIII. VIR · AED · Potest
 SEFITIO SOcortali
 MAGISTRO iuvenum
 CONVOCATO vii vir
 QVINQVENNALi sentis nurs
 VIXIT Ann. xliiii

Q. LVVIANO q. l. romulo

Q. LVVIANO · Q. l. cinnamo vivir

Есть основаніе думать, что вышеупомянутая рукопись сообщаетъ лигоріевскія копіи надписей и это бросаетъ тѣнь на правую половину ея копіи только что приведенной надписи. Но въ то же время нельзя не видѣть, что лѣвая половина читается въ этой подозрительной копіи совершенно такъ же, какъ даетъ ее уцѣлѣвшая часть оригинала. „Там ассигате“, говорить по этому поводу Моммзенъ, „Ligorianae

¹⁾ С. I. L. III 3497—см. выше подъ п. 12.

lectioni respondent quae supersunt et tam mira etiam superstes fragmentum proponit, ut incertus haeream, quid de titulo statuam⁴.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ возстановленія данной надписи можно пойти двумя путями: или выбросить за бортъ всю правую половину сабинской копии, какъ интерполяторскія дополненія, выдаваемые авторомъ копій за текстъ оригинала, или признать ея подлинность, памятуя, что вѣдь и Лигорій не всегда занимался только поддѣлками и интерполированіемъ.

Избирая второй путь, который намъ кажется болѣе подходящимъ и справедливымъ именно вслѣдствіе этихъ „tam mira“ сохранившагося обломка надписи, мы предложили бы слѣдующее возстановленіе:

VIIvir(o) aed(siliciae) potest(at)is,
sefitio s(enati) [c(onsulto)] cur[ri]ali, magistro iu-
venum con-
vocato(rum), VII[I]vir(o) quinquennal[i] sen[ati]
s(ententia) Nurs(iae), vixit ann(os) XXIII,
Q. Luviano Q. l(iberto) Romulo,
Q. Luviano Q. l. Cinnamo VIvir(o)—или VIvir(is).

Въ загадочномъ SEFITIO SOCVRTALI обыкновенно видятъ обозначеніе какой то неизвѣстной мѣстной муниципальной должности: не то жречества ¹⁾, не то чего то другаго. Мы, прибѣгая къ чуть замѣтнымъ исправленіямъ, видимъ здѣсь SEFITIO · S · C · CVRIALI, то-есть, какъ уже пояснили въ транскрипціи, sefitio s(enati) ²⁾ c(onsulto) curiali,—куріальнаго sefitius, избраннаго по постановленію нурсійскаго муниципального совѣта. Слово sefitius безъ особенной натяжки можетъ быть объяснено какъ мѣстный нурсійскій вариантъ слова suffitor (Plin. N. H. 34, 79): стало быть, тутъ мы знакомимся съ сакральнымъ „окуривателемъ“, ср. Paul. Fest. epit., p. 3, 1 funus prosecuti ignem supergradiebantur aqua aspersi, quod purgationis genus vocabant suffitionem; ibid., p. 117, 14 laurum omnibus suffitionibus adhiberi solitum erat. Arnob. adv. nation. 7, 44, p. 277, 28 Reiffersch. (dli) cyatho uno sanguinis et thuris suffitione molliti; ib., 5, 3, p. 175, 31 sq. mola salsa, thus, sanguis, verbenarum suffitio.

¹⁾ Ср. наше изслѣдованіе „Римскіе муниципальные жрецы“ стр. 51, § 56.

²⁾ Въ виду sen[ati] s(ententia) пятой строки, гдѣ, впрочемъ, вмѣсто S(ententia) мыслимо чтеніе и C(onsulto), мы предпочитаемъ дополнять и здѣсь s(enati), а не s(enatus).

31. С. I. L. X 141. Надпись из Потенции. Оригинал пропалъ. Въ *Comus*'ѣ читается слѣдующимъ образомъ:

[Potenti]nus dec(urionum) l(ibertus)
 Dignus || [ob hon]orem [b]isel[li] et Au-
 g(ustalitatis), || [culus de]dica[ti]o[n]e dedit
 singu[li]s || dec(urionibus) HS). Aug(us-
 talibus) [HS] XII, populo [H]S I: ORF ||
 PANGA . . . . N · WLIVS · AVGVSTVS

Въ копию Кома (*Comus*) послѣ *populo* читается *MISIOR · F* (что Момзенъ и передѣлалъ въ *HS · I · ORF*), а далѣе—такъ, какъ приведено въ транскрипціи. Въ другой копию—Виджано (*Viggiano*), дается *POPULO || MIS . . . . LIVS || AVGVSTVS . . . .*

Мы предложили бы читать въ послѣднихъ строкахъ вотъ какъ:

*populo HS IS (=1½). DEDIC(atum) || Pan[s]a [et Aviola
 co(n)s(ulibus)] KALENDIS August[is],*

ли: *populo HS IS VIR: T(im), || Pan[s]a [et Aviola co(n)s(ulibus)]
 KALENDIS August[is].*

Консульство Пансы и Авіолы указываетъ на 122 годъ нашей эры.

Прежде мы думали объ *ORFito et PRISCO* (= а. 149) или *PRISCINO* (= а. 110) *cos.* . *KALENDAS August[is]*, но первое возстановленіе предпочтительнѣе, такъ какъ ближе къ преданію.

32. С. I. L. X 451. Надпись изъ Эбура (*Eburum*). Оригиналъ уцѣлѣлъ, и чтеніе было провѣрено Момзеномъ, которому принадлежать почти всѣ я дополненія.

L(ocus) d(atus) d(ecreto) d(ecurionum).
 T(ito) Fl(avio) T(iti) f(ilio) Fab(ia tribu) Silvano
 patr(ono mun(icipi) Ebur(ini). Pvir(o) II q(uin-
 q(uennali), quest(ori) (!) ark(ae), cur(atori) rei
 frum(entariae). Huc coll(egium) dendrophorr.¹⁾
 ob exsimitam erga se benivolentiam et spem
 perpetuam statuam dignissimo patrouo posu-
 erunt. Cuius sta[t]uae honore contentus obtulit
 coll(egio) s(upra) s(cripto) HS VIII m(illa) n(um-
 mum), ut quodannis natali eius die III iduum

¹⁾ То-есть, *dendrophor(um)* или *dendrophor(orum)*.

Decembr(tum) confrequentent V /// B statuae
 d[e]dicationem col[l(egii) s(upra) s(cripti) patr(onis) sing(ulis)]
 HS XX n(ummos) et q(uit)q(uennalictis), Pvi-
 r(alictis), aedilic(iis) S /// / / / / / \ n(ummos) et
 ceteris condec(urionibus) sing(ulis) HS /// / / / / ISS
 Augu[s]talib(us) HS XII n(ummos), coll(egii) den-
 d[r]ophor(or)um et fab(rum) sing(ulis) HS millenos
 n(ummos) et epulum, plebeis sing(ulis) HS /// / / /
 n(ummos) et viscerationem.

Въ 12 строкѣ (V /// B), гдѣ, по замѣчанію Моммзена, „non plus quattuor litterae deficiunt“, онъ дополняетъ u[t et o]b; мы же думаемъ, что можно было бы читать и [t]u[m o]b, предполагая или похустершуюся впоследствии лигатуру TV, или ошибку рѣзчика, пропустившаго T подъ влияніемъ конца предшествующаго слова (confrequentent).

Въ 13 строкѣ Моммзень сопровождаетъ (собственное же) дополненіе col[l(egii)] совершенно излишнимъ вопросительнымъ знакомъ; излишенъ послѣдній потому, что какъ съ вѣншей стороны ¹⁾, такъ и съ внутренней упомянутое чтеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго и можетъ быть по справедливости названо несомнѣннымъ. Послѣ этого coll(egii) вставить еще s(upra) s(cripti) заблагоразсудили мы, въ виду стоящаго выше coll(egio) s(upra) s(cripti) и дѣлаемаго ниже упоминанія другой коллегин.

Въ 14 строкѣ послѣ aedilic(iis) Моммзень дополняетъ s[ing(ulis)] HS X]X, чего, однако, повидимому, не вполне достаточно для заполнения лакуны. Кромѣ того—и это возраженіе серьезнѣе перваго— вмѣсто XX слѣдуетъ ожидать обозначенія другой, *меньшей*, цифры, такъ какъ по 20 сестерціевъ Флавій Сильванъ, какъ видно изъ предыдущей строки, назначилъ другимъ лицамъ. Предлагаемъ поэтому читать въ данномъ мѣстѣ

s[ing(ulis)] HS XII]X—или [XI]X.

Далѣе по поводу лакуны слѣдующей, 15-й, строки Моммзень замѣчаетъ: „idem legimus Kaibel et ego; *singul*ISS Henzen 7145, ego antea [Inscr. Neapol. 189] *proposueram sev*irISS. Quod infra (то-есть, въ транскрипціи) dedi, et ipsum parum certum est“. А въ транскрип-

¹⁾ Въ оригиналѣ читается COLI.

цин онъ даетъ вотъ что: *HS [n(ummos) XVII]IS (=18^{1/2}), s(ingulis) Augu[s]talib(us)* и проч. Такъ какъ трудно допустить, чтобы такіе опытные эпиграфисты, какъ Моммзэнъ, Генценъ и Кайбель, одинъ за другимъ ошиблись въ чтеніи буквъ, стоящихъ передъ *Augustalibus*, то-есть, чтобы они приняли за *ISS*, напримѣръ, *sING(ulis)* или *s:NG(ulis)*, то нельзя не признать, что второе дополненіе, предложенное Моммзеномъ, весьма правдоподобно. Съ внѣшней стороны, однако, оно нуждается въ усовершенствованіи: именно можно *SS* принять за сокращеніе слова *singulis* ¹⁾, а стоящую передъ этими буквами вертикальную черту за остатокъ буквы *N*, то-есть, *n(ummos)*. Такимъ образомъ, поставимъ это *n(ummos)* и здѣсь *послѣ* цифры, какъ и въ другихъ мѣстахъ той же надписи.

Итакъ, будемъ читать въ разбираемомъ мѣстѣ:

*ceteris condec(urionibus) sing(ulis) HS
[XVII n(ummos)], ss. (=singulis) Augu[s]-
talib(us) HS XII n(ummos).*

33. С. I. L. X 544. Надпись изъ Салерна. За утратой оригинала сохранилась только въ копіи Бонджанелли.

- ..... [quo honore]
contentus sumptus rei p(ublicae) [remisit],
impensam statuae de sua [pec(unia) ded(it) et]
ob honorem delatum sibi [epulum et divi-]
5. sionem dedit decurioni[b(us) sing(ulis) HS n(ummos)],
Augustalib(us) sing(ulis) HS XII n., co[lontis sing. HS n.],
item ob dedicationem [e]i[us statuae nov-
am divisione(m) dedit de[c(urionibus) sing.]
HS XII n., Aug(ustalibus) sing. HS VIII n.
10. L(ocus) d(atus) d(ecurionum) d(ecreto).

Курсивомъ отмѣчены наши дополненія. Въ 7 строкѣ въ копіи читается передъ лакуной *TV*; мы эмендировали это въ *EIVs*.

34. С. I. L. X 4591. Надпись изъ Кайація (Salatia), сохранилась только въ копіяхъ Мелькюри (Melchiori) и Гуарани, или, точнѣе, только въ одной первой, такъ какъ, по мнѣнію Моммзена, гуарниевская копія восходитъ къ копіи того же Мелькюри.

¹⁾ Ср. выше *dendrophorr*.

P(ublius) Servilius P(ublii) l(ibertus) Successus
 Aug(ustalis) || gratis Ca[i]atia, magister
 П · ALIA · R || sibi et . . . . . || contub[ernali],
 и проч.

На САІАТІА во 2. строкѣ Моммзенъ переправиль САLATІА копій,—и, повидному, не безъ основанія, хотя не невозможно бы было, собственно говоря, оставить и *Calatia*: дѣло въ томъ, что неподалеку отъ Каїаціи существовалъ тоже городокъ съ именемъ Калаціи.

Въ концѣ той же строки Моммзенъ склоненъ видѣть *mag(ister) MERC(urialis)*, сопоставляя изъ той же общины С. X 4589 M. Ofilius M(arcii), (Ofiliae) l(ibertus) Tertius mag(ister) Merc(urialis). Мы думаемъ, однако, что гораздо ближе къ преданію будетъ чтеніе

mag(ister) II, AERAR(ius)

или

mag(ister) II, AERAR(ius) F(ecit).

Ср. напримѣръ флорентійскую надпись С. I. L. XI 1616 Q. Vibius L. f(ilius) Sca(ptica tribu) Maximus Smintius, aegarius, sexvir.

35. С. I. L. X 8067, 11. Надпись сдѣлана на античномъ десятифунтовикѣ (decempondium), найденномъ въ Помпеяхъ. Списана Моммзеномъ и Дресселемъ.

L. Hatilius Felix MAG · MAR d(e) s(uo) d(edit).

Двѣ первыхъ буквы въ словѣ MAG и всѣ три въ слѣдующемъ соединены въ монограммы. „Mihi“ говоритъ Моммзенъ, „de puncto dubitanti, visum est significari *magnar(ius)*“¹⁾, id est μαγαλέμπορος; contra Dressellius proposuit *mag(ister) mar . . .* quod praestat, quamquam ita alterum vocabulum quomodo explendum sit, non perspicitur“.

Намъ остается только удивляться этому (частному) затмѣнію великаго свѣтила исторіи, юриспруденціи и филологіи съ эпиграфикою²⁾: чего ужъ кажется проще чтенія

L. Hatilius Felix mag(ister) Mar(tialis)

— или *Mar(ti) — d(e) s(uo) d(edit).*

36. С. I. L. XI 3259—см. выше подъ н. 1, 7.

37. С. I. L. XI 3723. Надпись изъ древняго Альсія (Alsium).

¹⁾ Надо замѣтить, что вторую монограмму можно принять и за NAR.

²⁾ Говоримъ это безо всякой ироніи, pietatis pleni.

Оригинал исчезъ. Имѣется только слѣдующая копія, сохраненная Суарези (Suaresius).

VS AD FAM
 puBLICAM II
 EM AETIAM P
 VIIS · DECVRIONibus
 5 VIIS · AVGVSTalibus
 VIIS · IVVENibus
 VIIS · AETIAM II
 MVNICIPIIS PISSIMA
 MVNIFICENTISSIMA
 10 PVBLICAE
 D E D I C A T A
 SEVERO ET . . . . . cos.

Борманъ, ограничившійся лишь пятью элементарнѣйшими дополненіями, которыя отмѣчены у насъ курсивомъ, замѣчаетъ по поводу VIIS, читающагося въ началѣ 4—7 строкъ: „probabilius intellegendum esse VHS=quinos sestertios, quod mihi et aliis in mentem venit, quam VII s(emis)“ и еще по поводу MVNICIPIIS въ 8-й строкѣ: „coniectum est municipi[b(us)]“.

Ни одною изъ этихъ эмендацій мы не намѣрены воспользоваться. По поводу бормановскихъ *quinos sestertios*, равно какъ и *VII s(emis)*, нельзя не замѣтить, что странно было бы упоминаніе *одной и той же суммы* въ четырехъ строкахъ, когда дѣло, очевидно, идетъ о раздѣлѣ разнымъ сословіямъ или корпораціямъ.

Мы думаемъ, что въ разбираемой надписи рѣчь шла о посвященіи гражданами Альсія статуи въ честь одной своей щедрой соотечественницы, и восстанавливаемъ эту надпись слѣдующимъ образомъ:

*quae honore contenta impensam
 omnem rei publ(icae) remisit et hoc
 ampliVS AD · EAM ¹⁾ tuenda(m) hs in ar-
 cam puBLICAM INTulit, ob eius dedi-
 cationEM AETIAM · ePulum dedit
 et singVLIS · DECVRIONibus hs n(ummos),
 sing VLIS · AVGVSTalibus hs n(ummos),*

¹⁾ То-есть, *statuam*.

*sing*VLIS IVVENIbus *hs* *n*(*ummos*),
*sing*VLIS·AETIAM·PL*e*beis *hs* *n*(*ummos*) *div*(*isit*),
*com*MVNICIPES PISSIM*Ae* *erga se civi*
et MVNIFICENTISSIM*Ae*, *patronae*
rei PVBLICAE *posuerunt*.
 DEDICATA . . . . .
 SEVERO · ET *cos*.

Случая вышеприведенную копию Суарези съ нашимъ возстановленіемъ надписи, читатель видитъ, что наши уклоненія отъ копій крайне несложны и немногочисленны: EAM вмѣсто FAM въ первой строкѣ, IN вмѣсто II во второй, VLIS вмѣсто VHS въ 4—7 строкахъ, PL вмѣсто II въ седьмой и наконецъ, MVNICIPES вмѣсто MVNICIPIS въ девятой. Последнее чтеніе можно впрочемъ и удержатъ безъ измѣненій, читая напримѣръ:

[*com*]municipi s(*uae*) piissima[*e erga se et omnium*] munificentissima[*e ordo populusque rei*] publicae [*Alsienium posuerunt*],

ИЛИ

[*com*]municipi s(*uae*) ----- munificentis-
 sima[*e ordo populusque*] || publicae [*posu-
 erunt*],

гдѣ *publicae* = *publice* въ pendant къ *aetiam* въ 3-й и 7-й строкахъ.

По поводу послѣднихъ дополненій можно сопоставить, напримѣръ, С. III 3355 Aur[el(tae)] Decclae contug(1) et munic[ri] piissimae et feminae rarissim[ae] ac pudicissimae.

Что касается даты надписи, то она за сравнительною многочисленностью консуловъ Северовъ остается неопредѣленною: посвященіе статуи могло состояться и въ 120 году нашей эры (тогда послѣ *et* надо дополнить *Antonino*), и въ 141 (*Stloga* или *Priscino*), и въ 155 (*Rufino* или *Sabiniano*), и въ 171 (*Herenniano*) и въ 173 (*Pompeiano*), и въ 200 (*Victorino*), и въ 235 (*Quintiano*), и наконецъ, въ 323 году (*Rufino*). Надо замѣтить при этомъ, что консульства императора Севера мы оставили въ сторонѣ за отсутствіемъ помѣтки Aug(usto) при Severo.

Послѣ *dedicata* въ предпоследней строкѣ было что нибудь въ родѣ *kalendis Mart(iis)*.

38. C. I. L. XI 3931. Надпись изъ древней Капенны (Carpēna), была списана де Росси, копія котораго даетъ слѣдующее:

.....VS C·CL·EVTICVS·MAG
.....APRIADEOAD·FAC·COERAVER

Во второй строкѣ отъ А послѣ DEO уцѣлѣла только нижняя половина. „V. 2 in. quae litterae fuerint Rossius ex reliquis non certo cognovit, neque coniectura assequor“, добавляетъ Борманъ въ примѣчаніи къ надписи.

Мы дополняемъ слѣдующимъ образомъ:

us ¹⁾, C. Cl(audius) Euthicus mag(istri)
[Mercuriales] mun(icipii) c]APENA(tium) deo
AeD(em) fac(iundam) coeraver(e)

Mercuriales мы дополнили только для примѣра: могло стоять тутъ и что-нибудь другое, напримѣръ, *Martiales*, *Hercul(is)* и т. п. ²⁾. Въмѣсто *Carpēna(tium)* можно было бы читать и *Carpēna[t(ium)]*, то-есть, предполагая монограмму АТ. Менѣе удовлетворительнымъ кажется намъ чтеніе [mun(icipio) C]арēна просто, хотя и оно возможно, ср. напримѣръ, C. I. L. XI 3935 Dis Manib(us) Ti(berii) Mollī Clementis sevīri municipio Carpenat(i) или Carpenat(ium). Въ словѣ AED(em) буквы АЕ, безъ сомнѣнія, соединены были въ монограмму ³⁾.

Остается замѣтить, что въ противоположность де Росси, который видѣлъ въ данной надписи „magistros vicī alienius Carpenatium“ ⁴⁾, мы относимъ Евтиха съ его товарищемъ къ области сакрального магистерства.

39. C. I. L. XII 3073. Надпись изъ древняго Немауза (нынѣшній Nîmes); списана съ оригинала Борманомъ.

I·N·P·
VERVS
V·S·L·M

¹⁾ Остатокъ cognominis товарища Клаудія Евтиха.

²⁾ Только не *Augustales*, такъ какъ для императорскаго культа разбираемая надпись, судя по арханческой орфографіи (coeravere), является слишкомъ древнею.

³⁾ Ср. выше п. 12.

⁴⁾ Слова Бормана (въ *Corpus*'ѣ ad l.).

„V(ersus) l litterarum singularium explicatio incerta“, замѣчаетъ О. Гиршфельдъ ¹⁾. Мы думаемъ, что проще всего дополнять вотъ какъ:

I(ovi), N(eptuno), P(lutoni)
Verus v(otum) s(olvit) Źibens m(erito) ²⁾.

40. С. I. L. XII 5774. Надпись изъ древнихъ Aquae Sextiae (нынѣ Aix). Оригиналъ исчезъ. Имѣется только слѣдующая копія Бюрля (Burle).

.....R SILVAN.....
 AVSA QVI E .
 DEM DEO D.....

Первая строка вырѣзана болѣе крупными буквами, чѣмъ остальные. *Silvan[us?]* дополняетъ въ ней Гиршфельдъ, не безъ основанія сопровождая это дополнение знакомъ вопроса. Не менѣе умѣстенъ тотъ же знакъ и при возстановленіи второй строки, предлагаемомъ тѣмъ же ученымъ:

[sevir] Au[g(ustalis)] Aqvi[s] e[t]..

Излишенъ вопросительный знакъ только при *aeDEM*, въ послѣдней строкѣ.

Мы дополняемъ вѣскольکو иначе, а именно:

sacR(um) SILVANO augusto.
arAVSA QVI Et felix
aeDEM DEO Dicavi,

при чемъ неожиданно получаютъ даже стихи. Кельтлонберійское имя *Agausa*, дополненное нами во второй строкѣ, встрѣчаемъ въ такъ называемомъ *foedus Zoelagum*, С. I. L. II 2633 v. 10 *Arausa Blecaeni (filius)*. По поводу номенклатуры *Agausa qui et Felix* („Арауза, Феликъ тожь“) можно указать, напримѣръ, С. I. L. IX 41 *Julia Cleopatra quae et Lezbis*: ib. 1766 D(is) M(anibus) Beneventano cui et Aqvi[l]ae; С. I. L. XII 684 D(is) M(anibus) Liciniaе Magnae quae Matronae и много другихъ аналогичныхъ надписей.

Что касается метрической оболочки посвященія, то на сопоста-

¹⁾ Ср. также ind. p. 946 col. 1.

²⁾ Или, скорѣе, *m(eritis)?*.

вление съ этой надписью напрашивается ламбэзское посвященіе
Wilm. 149:

Alfeno Fortunato
Visus dicere somno
Leiber Pater bimatus,
Iovis e fulmine natus.
Basis hanc novationem
Genio domus sacrandam.
Votum deo dicavi
Praef(ectus) ipse castris и проч.

Наконецъ, если кого даже и въ стихотвореніи будетъ почитать постановка *sacrum* впереди имени божества, тому укажемъ, напримѣръ, виватійскую надпись C. I. L. II 3335 *Sacrum Iovi C. Flavius C. Fl(avii) Fausti lib(ertus) Corydon ob honorem (VI)viratus d(omi)ni d(at)*.

41. C. I. L. XIV 340. Обломокъ эпистилія, находящійся теперь въ Римѣ „in claustro coenobii S. Pauli via Ostiensis“. По провѣркѣ Дессау надпись гласитъ слѣдующее:

| P · CORNELIVS · STATIVS · XX · VIR · N A H · S · |
| ILIVS · GAMALA VIR · N · A · H · S · P · II · VIR · LOCVM · EI · D |

Въ первой строкѣ черта излома проходитъ черезъ P. Въ началѣ второй дополняютъ [Luc]ilius.

„Titulus nondum recte intellectus est“, замѣчаетъ Дессау. „Ceterum ex dispositione litterarum patet duos esse titulos, alterum vigintivirorum h. a. h. s. p. duorum, alterum Lucilli Gamalae duoviri; hunc (именно ILIVS GAMALA и II VIR · LOCVM · EI · D) expressi typis inclinatis. — Vigintiviri h. a. h. s. p. aliunde non innotuerunt“; ср. его же замѣчаніе въ C. XIV p. 4 col. 2: „de XXviris h. a. h. s. p. memoratis n. 340 non liquet utrum fuerint magistratus coloniae Ostiensis an populi Romani, nec quid significetur litteris illis singularibus“.

Изъ какого „расположенія буквъ“ для Дессау „явствуетъ“, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ одной только, а съ двумя надписями, этого кромѣ самого Дессау, вѣроятно, никто не вѣдаетъ. Что же касается N A H · S P, то Дессау лишь повторяетъ мнѣніе своихъ предшественниковъ, которые, подобно ему, дополняютъ p. и

въ концѣ первой строки ¹⁾ и относятся эти загадочныя сокращения къ непосредственно предшествующей титулатурѣ XXvir. Моммзенъ сопоставляетъ съ „этими vigintiviri h. a. h. s. p.“ извѣстныхъ помпейскихъ дуовировъ или эдиловъ V · A · S · P PROC(urandis) ²⁾, придерживаясь еще авеллиновскаго толкованія послѣднихъ сокращеній (*urbi annonae solemnibus publice procurandis*), а Омоля (Hommel) оставляя вопросъ о значеніи сокращеній h. a. h. s. открытымъ, предлагаетъ весьма остроумное, и не лишнее нѣкоторой почвы, объясненіе даннаго вигинтивирата. „Sans prétendre à interpréter ce sigle dont on n'a pas la clef“, говоритъ онъ ³⁾, „je ne sais si l'on ne doit pas considérer ce vigintivirat comme une commission extraordinaire chargée pour une raison qui nous échappe de remplacer les duumvirs. „XXviri h. a. h. s. p(ro) duumviris“ ⁴⁾. Une commission analogue est mentionnée dans une inscription de Falérie Henzen 7129 [=C. I. L. XI 3119]: C. Aconius L. f. Porrus q(uaestor), Xvir s(enatus) c(onsulto) pro IIIIvir(is)“ ⁵⁾.

Не мудрствуя лукаво, однако, можно придать загадочнымъ h. a. h. s. p. совершенно иное значеніе и обойтись безъ предположенія особой комиссіи дуовирскихъ замѣстителей. Напоминаая читателю, что разбираемая надпись вырѣзана была на эпистилѣ, мы предлагаемъ читать вотъ какъ:

P. Cornelius Staius (viginti)vir H(erculaneus) A(ugustalis) h(oc) s(acellum) [v(ovit), ||.. Luc]ilius Gamala [?XX]-vir H(erculaneus) A(ugustalis) h(oc) s(acellum) p(osuit).

PIvir(i) locum ei d(ederunt).

При этомъ дополненіи П. Корнелій Стацій является vigintivir'омъ Herculaneus Augustalis, то-есть обращается въ сакрального магистра культа Геркулеса и Августа. Къ области такого же магистерства

¹⁾ За исключеніемъ только Омоля (см. ниже).

²⁾ *Berichte über die Verhandl. der sächs. Gesellsch. der Wiss. Philol.-histor. Classe* 1849, p. 298.

³⁾ *Revue archéol.* N. S. XXXIV (1877), p. 311.

⁴⁾ Потому и въ надписи онъ читаетъ: P. Cornelius Staius XXvir h. a. h. s., [P. Luc]ilius Gamala [XX]vir. h. a. h. s. p(ro) Pivir(is) locum ei d(ederunt)?.

⁵⁾ Аналогичною надписью является C. I. L. XI 3121 P. Annio P. f. Senicio-[ni] Xvir(o) e[х] a. c. pro III vir(is)].

относится при томъ же чтеніи и Луцилій Гамала, но былъ ли послѣдній именно *вигинтивиромъ* *Nerculaneus Augustalis*, за это поручиться нельзя: число членовъ этой магистерской коллегіи могло ко времени Гамалы и уменьшиться или быть нарочно уменьшено по постановленію декуріоновъ¹⁾, и потому прежніе *XXvir* Н. А. могли обратиться въ *Xvir* Н. А. или *Vvir* Н. А. Послѣдняя цифра въ палеографическомъ отношеніи особенно вѣроятна, такъ какъ рѣзчикъ скорѣе могъ ошибиться, вырѣзавъ *VIR* вмѣсто *VIVIR*, чѣмъ, напримѣръ, вмѣсто *XXVIR*.

Можно, однако, и разорвать связь между этимъ вигинтивиромъ и Н. А.,—или отдѣляя запятой *XXvir* отъ *N(erculaneus) A(ugustalis)*, или же видя въ этихъ сокращеніяхъ—*N(erculi) A(ugusto)*, дополнение къ *[v(ovit)]* и *[rosuit]*. И въ этомъ случаѣ мы предпочли бы относить (простой) вигинтивиратъ къ области сакрального магистерства, а не муниципальной или иной магистратуры, именно въ виду упоминанія въ этой же надписи дуовирата.

Если въ концѣ первой строки дѣйствительно стояло *p.* какъ это думаетъ Моммзенъ, Дессау и другіе, то оно могло значить *p(romisit)*.

Nerculane! Augustales, какъ сакральныхъ магистровъ, мы находимъ въ Тибурѣ, гдѣ искони процвѣтала культъ Геркулеса. Поэтому, если правильно предлагаемое нами чтеніе *N(erculaneus) A(ugustalis)* въ вышеприведенной надписи, то оно проливаетъ свѣтъ и на темный вопросъ о томъ, къ какой общинѣ эта надпись относится. Обыкновенно, вслѣдъ за Марини, относятъ ее къ Остіи, находя нѣкоторую точку опоры въ упоминаемомъ здѣсь Луцилій Гамалѣ: послѣдній является представителемъ рода, члены котораго, судя по надписямъ, процвѣтали въ Остіи. При нашемъ чтеніи *N(erculaneus) A(ugustalis)* естественнѣе всего относить данную надпись къ Тибуру, гдѣ попадаются аналогичные примѣры обозначенія того же магистерства просто инициалами *H. A.*, ср., напримѣръ, *C. I. L. XIV 3561 P. Flavius Palestricus N(erculaneus) A(ugustalis)*, *M. Trebienus Tiburtinus N(erculaneus) A(ugustalis)*.

42. *C. I. L. XIV 2096*. Надпись изъ древняго Ланувія; была списана съ оригинала Генценомъ, чтеніе котораго впоследствии провѣрилъ Гюльзенъ.

¹⁾ Ср. *lex. colon. Genetivae* с. 64 съ нашимъ комментариемъ (*Римскіе муниципальные жрецы*, стр. 93 сл. и 112).

DIVI AVGVS.
 XIMO COS VI I
                   EX
           VI VIRI
 5 OS · P TET · TIV
 YMENEVS · L · SICINIV .
 VM · POPVLO · DEDERVNT · K.

Дессау ограничивается дополненіями Augus[ti] въ первой строкѣ, [pontifici ma]ximo во второй, ex [decreto] въ третьей, [H]umeneus и Siciniu[s] въ шестой и, наконецъ, [mulsum et crustul]um въ началѣ послѣдней. Сверхъ того по поводу *co(n)s(uli) VI* (во 2-й строкѣ) онъ замѣчаетъ: „*quadratarius erraverit necesse est (de lectione dubitare nos vetuit inspecto lapide Huelsenus), nam ex posteris divi Augusti consulatum sextum nemo gessit*“.

Намъ кажется, однако, что кромѣ рѣзчика надписи ошибся и самъ Дессау, отыскивая ошибку перваго не въ той строкѣ, гдѣ бы слѣдовало искать. Оставляя цифру консульства (VI) въ покоѣ, мы думаемъ, что *разбираемая надпись была посвящена самому Августу*, а не кому либо изъ его ближайшихъ преемниковъ, какъ полагаютъ наши предшественники, основываясь на словахъ DIVI AVGVS читаемыхъ въ первой строкѣ. Дѣло въ томъ, что въ AVGVS . мы видимъ *Augus[to]*, а не *Augus[ti]*, какъ Дессау и другіе, а послѣ DIVI вставляемъ еще *F(ilio)*. въ предположеніи, что это F или пропущено по ошибкѣ рѣзчикомъ (что могло очень легко случиться именно подъ влияніемъ сосѣдняго DIVI), или совсѣмъ стерлось съ камня уже ко времени Генцена, или, наконецъ, — что, пожалуй, вѣроятнѣе всего — кроется въ послѣдней буквѣ слова DIVI, то-есть, иными словами, что вмѣсто этого DIVI надо читать DIV(1) F(ilio). А то не стояло ли въ концептѣ. съ котораго списывалъ рѣзчикъ, DIVI IVLI FIL (ср. Klein, *Fasti consulares*, p. 6 sq.)?

Принимая во вниманіе симметричность распредѣленія словъ надписи по отдѣльнымъ строкамъ, возстановляемъ ее слѣдующимъ образомъ:

imperator i caesari
 DIVI f. AVGVSto pontifici ma-
 XIMO COS VI Imper. VI p.p.
                   EX s. c.
 VI VIRI a u g u s t.

.....OS P TET TIVs

hYMENEVS L · SICINIVs .....

d. s. p. p. et ob dedication. epulVM · POPVLO · DEDERVNT · Kalendis augustis,

то-есть:

[Imperator] Caesar] divi [f(ilio)] Augus[to pontifici ma]ximo, co(n)-
s(uli) VI, i[mper(ator) VI, p(atri) p(atriciae)], ex [s(enatus) c(onsul-
to)] Viviri [August(ales): ?Ant]er]os, P. Tettiu[s] . .

H[ymeneus, L. Siciniu[s]
d(e) s(ua) p(ecunia) p(osuerunt) et
ob dedication(em) epul]um populo dederunt k[alendis Augustis].

Шестое консульство Августа указывает на 28 годъ до Р. Хр.
(а. у. с. 726).

Точкѣ въ 5 строкѣ между TET и TIV мы, какъ и Дессау,
не придаемъ особаго значенія, приписывая появленіе ея случайной
опискѣ рѣзчика, и читаемъ P. Tettiu[s] ¹⁾, а не что-нибудь
въ родѣ P. Tet(tius) Tiv[ur]tinus].

43. С. I. L. XIV 2847. Надпись изъ древней Превесты (нынѣш-
няя Палестрина). Оригиналъ уцѣлѣлъ, но въ обломанномъ видѣ. Вотъ
что нашелъ на немъ Дессау:

APOLIO . .
METILIO
MAGISTERE
CORAVERON

Буквы P и L имѣютъ архаическую форму. Изломъ камня коснулся
и второй строки, такъ что въ концѣ ея могла пропасть одна буква.
„Versus 3.4 in fine integri mihi esse videbantur“, замѣчаетъ Дес-
сау. Въ четвертой строкѣ линія излома проходитъ по всѣмъ буквамъ
кромѣ только N.

Задолго до Дессау видѣлъ оригиналъ Чеккони, жившій въ сере-
динѣ прошлаго столѣтія и заставшій камень въ нѣсколько болѣе
полномъ видѣ. Копія его даетъ слѣдующее:

APOLON . . . .
METILIO
MAGISTER . . .

¹⁾ Ср. С. XIV p. 525, col. 3.

CORAVERO...
C ANICIO L·S^r...
RIANDO.

Возстановленіе всей надписи вообще, а въ особенности обѣихъ послѣднихъ строкъ ея, сохраненныхъ только Чеккони, надѣлало таки не мало хлопотъ нашимъ предшественникамъ, безрезультатно потратившимъ на это *et oleum et oreganum*. Одно филологическое свѣтило послѣ тщетной попытки удовлетворительно возстановить эту надпись въ концѣ концовъ предпочло совсѣмъ отвернуться отъ нея, предварительно высказавъ совершенно безпочвенное подозрѣніе въ ея подлинности. Другаго рода „тихое убѣжище“ отъ интерпретаціи или эмендаціи загадочнаго конца надписи обрѣлъ Дессау: „*valde vereor, — говорить онъ въ примѣчаніи къ надписи, — „ne errore hi versus (то есть 5 и 6) a Cecconio cum vv. 1—4 coniuncti sint; explicavit adhuc eos nemo“*. Такъ какъ на это замѣчаніе ничего не возражаетъ Моммзенъ, подъ главною редакціей котораго выходятъ весь *Corpus Inscr. Latinae*, то нужно предположить *ex silentio*, что и царь латинской эпиграфики не нашель никакихъ подходящихъ объясненій для упомянутыхъ строкъ и что онъ же не удовлетворяется своими прежними дополненіями этой надписи.

Надо замѣтить, что до личнаго знакомства съ оригиналомъ надписи Моммзенъ находилъ, что „*legendum fortasse Apollon[e M(arcus)] Metilio(s) [M(arci) f(ilius)] magister [dat]. Coravero[nt] C. Anicio(s) L. S . . . .*“. присовокупляя: „*versus extremus continuit opinor secundi curatoris nomen; quale tamen lateat gentilicium in litteris Cecconio visis RIANDO non assequor*“ (C. I. L. I 73, p. 28), а послѣ того сталъ дополнять по другому, а именно: *Apollon[i Putio?] || Metilio . . . . || magistere[s] . . . . || coraveron[t]. || C. Anicio L. S[auicio] || [prob]a[ver]o[nt]*, поясняя при этомъ, что „*cum ex emendato vel potius expleto versu tertio efficiatur versu secundo extremo alterius magistri nomen intercidisse, praeterea probabile est versu sexto in litteris, quas dimidiatas opinor Cecconius sic excepit RIANDO, latere BAVERO ex probaveront*“ (C. I. L. I p. 554).

Крайне неудачное возстановленіе предложилъ Ричль, который почему то былъ слишкомъ увѣренъ въ непогрѣшимости копіи Чеккони. Впрочемъ онъ вскорѣ самъ же полуотрекся отъ своихъ дополненій, находя, однако, болѣе умѣстнымъ оставить надпись подъ подозрѣніемъ, чѣмъ примкнуть къ возстановленію, на которомъ остано-

вился Моммзенъ. Вотъ домыслы великаго филолога: въ своемъ *Priscae latinit. epigraph. suppl. II* (Bonn. 1863) p. VII = *Opusc. IV* p. 512 онъ предлагаетъ читать: Apolon[e(i) Tutelare(1) || S.] Metilio [S. f., M. Opio M. f.] || magistere(is) [factund.] || coraveron[t de conl(egi) s(ententia)]. || C. Anicio L. St. [l(ibertus) Apela va] || riando [praefuit]. А это *variando* онъ мотивируетъ и поясняетъ слѣдующимъ образомъ: „quodsi, quid Aniciorum libertus ille Gaius egerit, quaeris, in promptu est probabiliter respondere. Sive enim recte legisse Ceconium RIANDO credideris (et in reliquis certe fidem ille minime destituit), seu forte RTANDO potius scriptum fuisse conieceris (quam lectionem non excludit saltem dispescendi vocabuli ratio insolentior, ullum quod quidem huc quadret verbum Latinam linguam praestare negandum est praeter unum *variando*: id quod pro se ipse, quicumque experiri volet, cognoscere poterit (vix enim inventum iri opinamur qui velut ST || RIANDO · EXORNAVIT vel aliquid simile commendet argutiore mehercule quam subtiliore commento). *Variando* autem illud haud cunctanter interpretabimur vel *coloribus distinguendo* vel fortasse *opere picturato* sive *tectorio* aut *tessellato* males, *variiegando*“ и проч. ¹⁾. А въ *Prisc. latin. epigr. suppl. III* p. XIII sq. = *Opusc. IV* p. 531 онъ уже замѣчаетъ, что „hunc . . . lapidem ipse Henzenus peramicis litteris me admonuit tam suspectum esse, ut prope sine errandi periculo ad falsorum sordes relegetur. Ergo valeat *Tutelar*is ille quamquam precario tantum admissus, locumque de iure sive PVTIO Mommseniano sive alii cuilibet cedat“. Затѣмъ, упомянувъ о возможности дополнять въ 4-й строкъ и *de stipe* вмѣсто *de conl(egi) s(ententia)*, говоритъ въ заключеніе: „Quamquam vel sic aliquid dubitationis relictum esse fateor a dirempto inter duos versus VA || RIANDO vocabulo: quale disctidum ab antiquioribus titulis esse alienum solet. Quae tamen dubitatio haudquaquam eam vim habet ut cum Mommseno Add. p. 554 in litteris a Ceconio exceptis RIANDO latere posse PROBAVERO nobis persuadeamus meroque errore $\overset{T}{S}$ positum pro S.“

Отъ „aliquid dubitationis“, остающагося въ концѣ концовъ у Ричля, мы могли бы и освободить великаго филолога, указавъ на M || AGISTRIS новокараеагенской надписи С. П 3433 (см. выше п. 7), несомнѣнно, относящейся къ очень древней эпохѣ. Но съ его возстановленіемъ данной надписи все-таки не соглашаемся, находя его VARIANDO черезчуръ натянутымъ и сомнительнымъ.

¹⁾ *Prisc. lat. epigr. suppl. II* p. VIII sq.

А ларчикъ то просто открывается! Мы открываемъ его вотъ какъ:

Apolon[i] || Metilio(s) [d(at)]¹⁾ ||
Magistere²⁾ || coraveron(t): || C. Anicio(s) L(uci) F(eilius) || BLando(s),
³⁾.

или въ концѣ:

C. Anicio(s) L. [f(eilius)],
 [Bl]ando(s) [M(arci) l(eibertus)],

гдѣ M(arci) l(eibertus) дополнено только для примѣра.

Второе возстановленіе именъ магистровъ, пожалуй, будетъ предпочтительнѣе, именно въ виду того обстоятельства, что въ копіи Чеккони послѣ строки, содержащей RIANDO... не помѣчается лакуны. Впрочемъ особенной важности этому можно и не придавать.

Изъ аналогичныхъ по содержанию и формѣ надписей можно указать, напримѣръ, C. I. L. IX 3907 (Alba Fucens): *Herculei d(onium) [d(ant)] mlites Africa[ni] Caecilianis⁴⁾, mag(ister) curavit C. Saltorius C(at) f(ilius)*; C. I. L. XI 2630, 3078; X 1589 и др.

44. C. I. L. XIV 2918. Надпись изъ той же Прзенесты. Была списана Генценомъ и другими.

. L · TRYPHO	L · ВАЕВ . . .
. . . M · CISPI	TR · PL . . . . .
G AEDIT · AED · C · P	
CVL · M · AD · M · PRAEN	
. AMANS · SVORVM	

Марка Циспія, имя котораго стоитъ во второй строкѣ, Генценъ считаетъ патрономъ Трифона (v. 1), но не поясняетъ, какимъ путемъ связана была первая строка со второю. Если этотъ Трифонъ дѣйствительно былъ вольноотпущенникомъ М. Циспія, то въ первыхъ строкахъ было приблизительно слѣдующее:

[M. Cispius M.] l(eibertus) Trypho, ||
 [accens(us)] M. Cispi || [patr(oni)].

¹⁾ Этого [d(at)] могло и не быть на камнѣ (см. выше).

²⁾ То-есть, *magister(ei) = magistri*.

³⁾ Здѣсь стояло имя втораго магистра.

⁴⁾ То-есть, изъ *Castra Caeciliana*.

Можно, однако, обратить Трифона и въ раба М. Циспія,—читая:

[V(ivus) s(ibl)] l(ocavit). T(rypho)
M. C(isp)í.

По поводу формулы *vivus locavit*, кое гдѣ встрѣчающейся въ качествѣ варианта обычныхъ *vivus fecit* или *vivus posuit*, ср. С. I. L. V 6909 и ib. XI 1065 съ нашимъ комментариемъ въ первой главѣ *Эпиграфическихъ этюдовъ* ¹⁾. Что разбираемая надпись является эпитафіей Трифона, это видно изъ послѣдней строки ея: *amañs suorum*.

Далѣе въ 3 строкѣ Гарруччи ²⁾ весьма правдоподобно дополняетъ

[ma]g(ister) aedit(uom) aed(is) C(astoris) P(ollucis),

сопоставляя С. I. L. XIV 2637 M. Tusculáño Amiantho mag(istro) aeditu(om) Castoris Polluc(is) Augustalium h. f. и ib. 2639 *permissu aedituum Castoris et Pollucis*. Но возможно и иное чтеніе, а именно:

[Au]g(ustalis) aedit(uns) aedis C. P..

ср. ib. 2620 *Augustales aeditui [aedis Castoris e]t Pollucis* и только что приведенную выше надпись ib. 2637.

Въ началѣ предпослѣдней строки тотъ же ученый дополняетъ [municip(ii) Tus]cul(ani), что слѣдуетъ соединять съ предшествующей титулатурой, а далѣе въ той же строкѣ—

m(agister) ad M(artem) Praen(estinum),

при чемъ сопоставляетъ остійскую надпись С. I. L. XIV 309 *magistro ad Marte (!) Ficanum Aug(ustum)*.

Мыслимо, однако, и такое чтеніе 3 и 4 строкъ:

[ma]g(ister) aedit(uom) aed(is) C(astoris) P(ollucis) ||
[Aug(ustalium) Tus]cul(i), m(agister) ad M(artis)
Praen(este).

Если же остановиться на чтеніи въ первыхъ двухъ строкахъ [V. s.] l. T(rypho) || M. C(isp)í, то симметричность распредѣленія словъ по отдѣльнымъ строкамъ потребуесть въ началѣ 4 строки дополненія только [Tus]cul(i).

¹⁾ Подъ п. 5; стр. 5 и слѣд.

²⁾ *Bullettino dell'Institut. di corrisp. archeol.* 1861, p. 8 и *Revue archéol.* 1862, p. 98.

Наибольше вѣроятнымъ является, на нашъ взглядъ, слѣдующее чтеніе данной надписи:

[M. Cispius M.] i. Trypho || [? accens(us)] M. Cispi ||
 [patr(oni), ma]g(ister) aedit(uom) aedis C(astoris)
 P(ollucis) || [Aug(ustalium) Tus]cul(i), m(agister)
 ad M(artis) Praen(este), || amans suorum.

45. C. I. L. XIV 3006. Надпись изъ той же Пренесты. Оригиналъ уцѣлѣлъ, хотя и въ довольно пострадавшемъ отъ времени или людей видѣ, и чтеніе проверено было Борманомъ. Даемъ эту надпись въ транскрипціи, отмѣчая курсивомъ наши собственныя дополненія.

D(is) [M(anibus) || S]ulpiciae Sergi fil(iae) . . .
 . . . || magistrae Matr[is Matutae Praen(este), ||
 o]biato publice ei sepultur[ae loco ob merita decreto]
 || decurionum. Ob honorem ei [ab re publica) Prae-
 n(estinorum) decretum || et] quod sola novo exem-
 plo hono[r]is post mortem aucta est, || U]lpia M(arci)
 f(ilia) Sabina mater adempt[o (то-есть, *прикупуеъ*)
omni spatio maceria || in]cluso ab eadem
 re publica Pr[ae]nestinorum HS . . . m(ilibus) n(ummum)
 || hoc monumentum a solo cum aedificiis et t[er]-
 bernis . . . || c]ircundatum (!) testamento fieri
 praes[er]it Ser(gio) Sulpicio] marito suo и проч.

Здѣсь обращаетъ на себя „addendum lexicis Latinis“ глаголь *adimo*, употребленный въ смыслѣ „*прикупать*“. До сихъ поръ всѣ латинскіе словари знаютъ только *adimo* „отнимать“.

46. C. I. L. XIV 3657. Надпись изъ древняго Тибура (нын. Тиволи). Списана Дессау; имѣются и старинныя копія.

CLAVDIAE · RVFINAE
 IVLI · HERACLAE
 ALLECTAE · AB · ORDINE
 IND /// AVGVSTAL
 Senat. POPVLVSQ
 tibVRS
 l DSC

„Mirus est titulus n. 3657“, взумляется Дессау въ *Corpus*'ѣ р. 367 col. 2, — „quo mulier aliqua dicitur adlecta esse ab ordine id

est ut puto a decurionibus Tiburtium, in d . . . . Augustal.“⁴ „Versu 4 quid fuerit incertum est“, замѣчаетъ онъ же ad locum.

Обращаясь за помощью къ стариннымъ копіямъ, авторамъ которыхъ могло посчастливиться застать оригиналъ въ менѣе стертомъ видѣ, видимъ въ 4 строкѣ передъ AVGVSTAL

у Зидера (Sieder) и Брунеллески INVICTIS,
у Пига (Pighius) IN · DEC,
у Сирмонди IN C

Данныя лигоріевской копіи (INFRA) и копіи Метелла (IN · AED · HERC) оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ они припахиваютъ интерполяторствомъ.

Комбинируя показанія вышеприведенныхъ благонадежныхъ авторовъ, мы восстанавливаемъ въ началѣ разбираемой строки

IN · DEC · II · C,

а всю надпись читаемъ и дополняемъ вотъ какъ:

Claudiae Rufinae, Iuli Heraclae
(подраз. coniugi), *allectae ab ordine*
in dec(uriam) II c(orporis)—или
c(ollegii)—Augustal(ium), s[enatus]
populusq(ue) [Tib]urs. [L(ocus)] d(atus)
s(enatus) c(onsulto).

47. C. I. L. XIV 3690. Надпись изъ того же Тибура. Оригиналъ исчезъ, а копіи даютъ вотъ что:

.. CVR
AED · VRB · IV · VIR
HERC · AVG
TIBVR · PATRONO
S · C

Дессау въ ind. p. 577 col. 1 цитуетъ изъ этой надписи *IVvir*'а, и кто вѣрить въ непогрѣшимость автора только что приведенной копіи, будучи по натурѣ или по чему другому склоненъ къ консерватизму, тотъ можетъ успокоиться на *cur[atori] aed(ium) urb(anarum), IVvir(o)*. Но мы предпочли бы восстановить начало данной надписи вотъ какъ:

..... CVRatori
AED · cVR · F · H · VIC,

а всю надпись читать слѣдующимъ образомъ:

... cur[ator] aed(ium), [c]ur[ator] [f(ani)
H(erculis)] Vi[c(toris)], Herc(ulane) Aug(ustales)
Tibur(tes) patrono. [L(ocus) d(atus)] s(enatus)
c(onsulto).

48. С. I. L. XIV 4014. Надпись изъ древней Фикулен. Оригиналъ сохранился, но въ очень жалкомъ видѣ: всего лишь въ одномъ обломкѣ (а), списанномъ де Росси. Копія трехъ другихъ обломковъ (b, c, d) нашлись въ бумагахъ извѣстнаго Гаэтано Марини. Вотъ эти фрагменты.

a

.. ΛΙ
aDORNATAm ..
poRTICVM · LONGam .....

eT · DECVRIONVM et .
. RVM · ET · LIBERTIⁿorum
inGENVORVM
cerINTHI PATris
iN · CONSVLAT .....

FNT IΛ .....

b

. porTICVM
sua impensA · FÉCIT · PII .
seviRVM · AVGVSTÁLIVM · ET · INCOLarum
iuVENVM · ET · PVERÓRYM · ET puellarum?
V R A / ET
aCCENSI Velati
C A\.

c

AEBAN
VIIBVS I

d

LI
ÁLEM
T

Курсивъ въ вышеприведенныхъ копіяхъ отмѣчаетъ дополненія, читаемыя въ *Corpus*'ѣ. Въ *b*, 2 Моммзенъ предложилъ р[*l*arium *ludum*], что, на нашъ взглядъ, едва ли подходитъ къ контексту.

„Vv. 1—3, говорятъ Дессау, *agitur de opere publico, quod dedicavit Cerinthi eius, cuius sunt n. 4012—4013, filius. — — — Deinde recensentur corpora vel genera hominum quae cum opus dedicaretur vel epulo vel sportulis honorata sunt. Agnoscuntur decuriones, seviri Augustales, incolae, corpus libertinorum, corpus iuvenum; in fine videntur fuisse utriusque sexus pueri ingenui*“.

Мы представляемъ себѣ содержаніе надписи въ нѣсколько иномъ видѣ и думаемъ, что наше возстановленіе будетъ предпочтительнѣе въ виду разбираемой въ самомъ концѣ надписи формулы *honore contentus impensam remisit*, незамѣченной Дессау и другими. На нашъ взглядъ, тутъ рѣчь идетъ о постановкѣ всякими сословіями и корпораціями Фигулен, перечисляемыми въ довольно фантастическомъ порядкѣ, статуи въ честь сына Консія Керинта за то, что тотъ украсилъ общину разными новыми зданіями.

Въ началѣ было приблизительно слѣдующее:

M(arco) Consio qui praeter aedem Augusti ob seviratus honorem novis status ac picturis a)dornata[m etiam por]ticum [Veterem restituit, item po]rticum Long[am pecunia su]a fecit,

а далѣе —

PO[sita ex stipe communi] et decurionu[m et sexvi]rum Augustalium et incol[arum et mulierum et liberti]norum et iu[venum] et puerorum et. . . [et ingenuorum [omnium, c]ura et [studio M. Consii Cerinthi pat[ris ipsius, a]ccensi v[elati] . . . consulis in] consulat[ui eius II. Hi]c au[tem M. Consius] . . honore cont] ENT(us) IM[pensam omnem remisit] ¹⁾.

Фрагменты *c* и *d* мы предпочли оставить въ сторонѣ, во первыхъ, вслѣдствіе ихъ отрывочности, а во вторыхъ, потому, что еще не доказана положительно ихъ принадлежность къ вышеразобранной надписи ²⁾.

¹⁾ Послѣ этого надписи могла еще продолжаться, напримѣръ, въ такомъ родѣ: *et hoc amplius ob dedicationem* и т. д.

²⁾ См. замѣчаніе Дессау по этому поводу.

Между прочимъ слова *in consulatu* ставить въ тупикъ Дессау (и Моммзена?): „fortasse, говорится о нихъ въ *Corpus*’ѣ, *ad eandem rem pertinebant ad quam verba aequae obscura inscriptionis n. 4013 condentibus consulibus*“. По поводу нашего дополненія ср., напримѣръ, С. I. L. II 4536 = suppl. 6148 L. Licinio Secundo, accenso patron(o) suo L. Licin(io) Surae primo, secundo, tertio consulatu eius.

Что же касается только что упомянутой надписи С. I. L. XIV 4013, отъ которой сохранилось только четыре обломка, то, повидимому, проще всего думать о слѣдующемъ возстановленіи, при которомъ получаютъ удовлетворительное объясненіе и упомянутыя „verba aequae obscura“:

*M. Consius Ce[ri]nthus ac[census velatus
consulum in consulatu eius
secundo et in consulatu eius
primo, hic situs est, corpus ipsius] con-
dentibus consulibus s(upra) s(criptis).*

Дессау въ примѣчаніи къ этой надписи говоритъ: „verba *condentibus consulibus* plane obscura sunt. Mommsenus monuit *condere in aerario* adhibitum de legibus reperiri apud Suetonium Caes. 28 et apud scholiastam Bob., p. 310, item fortasse apud Ciceronem de leg. 3, 4, 11, si recte verba tradita emendata sunt, ipse tamen num hic haec locutio fuerit dubitat“.

М. Крашенинниковъ.

ФОРИННА.

Въ 26-й книгѣ Т. Ливія (гл. 25), при разказѣ о походѣ Филиппа, сына Димитрія, во Фракію, упоминается взятый имъ городъ Медовъ—*Iamphogynna* ¹⁾.

Благодаря недавно ²⁾ вышедшей книгѣ Soltau (*Livius' Quellen in der III Dekade*) мы знаемъ, что Т. Ливій пользовался Поливіемъ и въ 3-й декадѣ. Въ 26-й книгѣ своей исторіи онъ, между прочимъ, пользовался 9-й книгой Поливія ³⁾. Къ сожалѣнію, эта книга дошла до насъ въ отрывкахъ. Въ главѣ 45-й послѣдній издатель Поливія (Биттнеръ-Ворбегъ) помѣстилъ, по примѣру другихъ (Hultsch), списокъ городовъ, упоминаемыхъ въ 9-й книгѣ Поливіемъ. Города эти заимствованы изъ лексиконовъ, гдѣ они приводятся съ указаніемъ не только писателя, но и той книги, въ которой они встрѣчаются. Въ пунктѣ 5-мъ мы читаемъ: *Φόρουνα, πόλις Θράκης. Πολύβιος ἐνάτω* (изъ лексикона Стефана Византійскаго).

Если сопоставить имя этого города съ словами Т. Ливія: *ipse (Philippus)... in Thraciam exercitum ad Maedon duxit* ⁴⁾ и признать пользованіе Т. Ливія Поливіемъ, то несомнѣнно придется согласиться, что *Iamphogynna* и *Φόρουνα* одно и то же.

---

¹⁾ T. Livi ab urbe condita libri, ed. Aug. Luchsi. Vol. IV. 1888. Вейссенборнъ въ своемъ изданіи Т. Ливія принялъ чтеніе *Iamphogynna* (одно n)—Vol. V, S. 266, ed. III. 1871.

²⁾ Berlin, 1894.

³⁾ *Soltau*, о. с., стр. 133.

⁴⁾ *Liv.* XXVI, 25, 6.

Поэтому мы предлагаем читать §§ 8 и 15 главы 25-й двадцать шестой книги Т. Ливия слѣдующимъ образомъ:

§ 8. Ad frangendos (Maedos) igitur vastare agros et urbem iam *Phorynnam*, caput arcemque Maedicae, oppugnare coepit (Philippus).

§ 15. Omittere Philippum id, quod in manibus erat, coegerunt (Acaernanes) bellum iam *Phorynna* per deditionem recepta et prospero alio successu rerum.

В. Западскій-Краснопольскій.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

C. VIII 9060: d. m. s. | titulus Ita | monis Itu | veri (f.) ex p(ro-
vincia) | G(ermania) S(uperiore) n(umeri) Mele | nuens(tum) st(ipen-
diorum) XIII | concibones | f(ecerunt) et d(e)d(ica)verunt). Скрѣпа:
„descripsit Wilmanns et esturum fecit“—хорошая гарантія въ вѣр-
ности издаваемого текста. Довольно рѣдкая формула: *titulus illius*
послѣ *d. m. s.*, варварскія собственныя имена сына и отца—застав-
ляютъ издателей относиться подозрительно и къ формѣ *concibones*:
„*concibones utrum nomen sit (?), an barbari illi ita cives significarint,*
nescimus“. Mommsen ad tit. Но вполне по содержанию и формѣ ла-
тинское слово не заслужило такого подозрѣнія. Положимъ оно *ἄπει-*
εἰρημένον—только въ данной надписи, но оно защищено хорошо съ
одной стороны такой же формацией *commilitones* (*cum* + именная
основа; внаго рода *combibones*, гдѣ основа глагольная, и подобныя
condecoriones и *contirones* чисто механическія сложенія), съ другой—
по мысли—надписью изъ Фано, Orelli 4073: *loc(us) sep(ulturae) con-*
victor(um), qui unā epulo vesci solent, in fr. p. .... in agr. p. XX,
гдѣ въ другой только формѣ являются въ сущности тѣ же „сотра-
пезники“, *concibones*, какъ и поставившіе нашу надпись своему
коллегѣ.

C. VIII 9642:

*transgrediens paulumper qua[e]so resi(s)ste, viator
atque lege, quae sine fletu reticere nequibus:
hic enim postus loculo taceo infelicissimus ipse, etc.*

дальше надпись переходитъ изъ плохихъ стиховъ въ ритмическую
прозу, какая въ Африкѣ—не рѣдкость, ср. Bücheler, Anthol. Lips. 1896

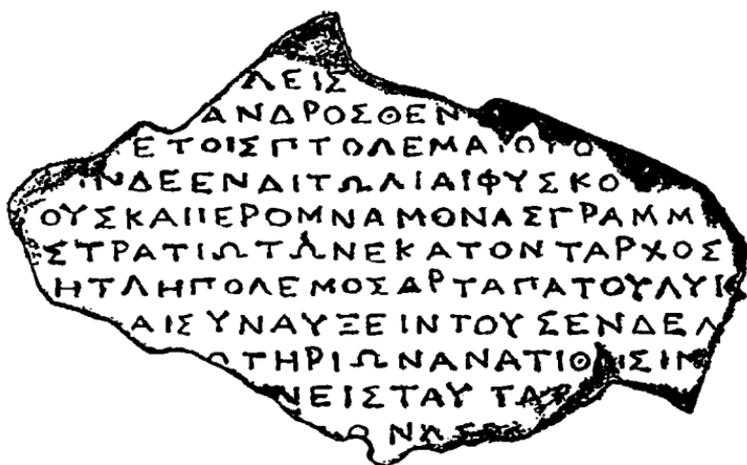
ad p. 116. Въ чтеніи *reticere* нѣтъ повода сомнѣваться („sic“ издатель и помѣтка: *descripsit Wilmanns et esturum fecit*), но издателемъ слѣдовало бы пояснить это странное выраженіе, подобнаго которому мы не встрѣчали ни въ одной надгробной латинской надписи. Шаблонная надпись (усопшій къ путнику) приглашаетъ путника *читать* (Bücheler l. c. pp. 73, 77, 118, 125 etc. etc.) и иногда *плакать* (*ibid.* p. 82) при *вторичномъ прочтеніи* горестнаго текста (*hospes — litteras nostras lege — titulam intueri — infunde lacrimas*, p. 82), но нигдѣ не видали мы упоминанія объ *умолчаніи* о прочтенномъ со стороны путника. Мы не колеблемся поэтому признать ошибку квадратора, вырѣзавшаго *RETICERE* вм. *RELIGERE*, ср. Hübner. Eux. p. 430 sq. (образцы *scripturae pictae*, которая могла употребляться и въ сходахъ, даваемыхъ рѣзчикамъ).

С. I 32; VI 1287; Schneider dial. eix. p. 89 β и др. Вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о знаменитомъ надгробіи Люція Сципіона, сына Барбата, говорится, что камень хранится „in aditu bibliothecae Barberinae“. Дѣйствительно, при подъемѣ въ верхній этажъ, почти у самой двери въ библіотеку, по правой рукѣ посѣтитель видитъ прикрѣпленную къ стѣнѣ сѣро-пепельнаго цвѣта плиту съ упомянутымъ текстомъ. Нѣкоторая подозрительная гладкость ея поверхности заставила насъ навести о ней справки у администраціи библіотеки; въ отвѣтъ на нашъ вопросъ, *i padri soprastanti* намъ объяснили категорически, что плита у двери—только „una copia laterizia“ съ оригинальнаго камня (въ чемъ мы и убѣдились лично, пощупавъ эту плиту въ разныхъ мѣстахъ перочиннымъ ножомъ: это глина, подмалеванная лишь подъ сѣрый камень), а что камень этотъ (почему, намъ не объяснили) находится „nei gerositi“ Латеранскаго музея. Копія сдѣлана артистически, но все же это не „lapis“, и для всякаго эпиграфиста сообщаемое нами, конечно, не безразлично.

И. Холодильнѣ.

ТЛИПОЛЕМЪ АРТАПАТОВЪ ЛИКІЙСКІЙ.

(Θ. Θ. Соколову по поводу 13-го мая 1895 г.).

Издаваемая мною здѣсь надпись принадлежитъ къ числу находившихся въ дельфійскомъ музеѣ еще до начала новыхъ французскихъ раскопокъ. Копія и эстампажъ съ нея сняты мною во время послѣдней поѣздки въ Дельфы (лѣтомъ 1892 г.). Она вырѣзана на обломанномъ со всѣхъ сторонъ кускѣ сѣраго мрамора. Высота записанной стороны 0,15, ширина 0,25. Средняя высота буквъ 0,007, а вмѣстѣ съ междустрочіемъ 0,013. Прилагаемая копія сдѣлана по за-
полненному карандашомъ эстампажу въ $\frac{1}{3}$ дѣйствительной величины.

Въ надписи мы читаемъ довольно ясно слѣдующее:

— — — — — λεισ — — — — —
 — — — — — 'Ανδροσθεν — — — — —
 — — — — — — α τοῖς Πτολεμαίου Ο — — — — —
 — — — — — τη?]ν δὲ ἐν Αἰτωλίαι Φύσκο[ν? — — — — —
 5. — — — — — οὐς καὶ ἱερομνάμονας γραμμ[ατ — — — — —
 — — — — — στρατιωτῶν ἑκατόνταρχος — — — — —
 — — — — — η Τληπόλεμος 'Αρταπάτου Δύ[χιος — — — — —
 — — — — — [ἐπαγγέλλεται?]αὶ συναύξειν τοὺς ἐν Δελ[φοῖς ἀγῶνας? — — — — —
 — — — — — τῶν τε Πυθίων καὶ Σω]τηρίων ἀνατίθ[η]σαν — — — — —
 10. — — — — — — εἰς ταῦτα — — — — —
 — — — — — — νασ — — — — —

Надпись, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ числу историческихкихъ; къ сожалѣнію, она дошла въ такомъ фрагментарномъ видѣ, что нельзя не только возстановить контекстъ, но даже приблизительно опредѣлить длину строкъ и рѣшить, имѣемъ ли мы здѣсь амфиктіоновскій декретъ, или этолійскій, или дельфійскій. Съ перваго взгляда, правда, кажется, что между стр. 7 и 8, а также между 8 и 9 утрачено сравнительно немного, но при незначительныхъ лакунахъ трудно было бы объяснить утрату контекста предшествующихъ строкъ, такъ что лучше отказаться здѣсь отъ правила *proliciscendum semper ab eo, quod maxime simplex est, ut pauca deesse putemus* ¹⁾). Можетъ быть, новыя дельфійскія открытія дадутъ возможность путемъ сравненія опредѣлить, по крайней мѣрѣ, общую формулировку нашей надписи ²⁾, при наличномъ же матеріалѣ послѣдняя не имѣетъ аналогій. Отказываясь даже отъ приблизительнаго возстановленія документа, я всетаки представляю себѣ содержаніе ея въ слѣдующемъ видѣ: по видимому, настоящій декретъ (вѣроятноѣ, амфиктіоновскій или этолійскій, чѣмъ специально дельфійскій) является слѣдствіемъ посольства или письма (или того и другаго) къ дельфійской амфиктіоніи или главенствовавшимъ въ ней этолійцамъ и обѣщаній со стороны Тлиполема Артапатова Ликійскаго лично или чрезъ его посредство со стороны одного изъ египетскиххъ Птолемеевъ, помимо прежде

¹⁾ *G. Hermann*, *Opuscula* VII, p. 177, ср. *W. Dittenberger*, *Histor. u. philol. Aufsätze* E. Curtius zu seinem 70. Geburtstage gewidmet, Berlin, 1884, p. 293.

²⁾ Ср. напр., изъ самыхъ послѣднихъ публикацій амфиктіоновскій декретъ *Bul. de corr. hell* XVIII, p. 235, значительно отличающійся по изложенію отъ всѣхъ прежде извѣстныххъ.

оказанныхъ услугъ, и въ будущемъ содѣйствовать пышности дельфійскихъ агоневъ, можетъ быть, денежнымъ приношеніемъ ¹⁾. При такомъ опредѣленіи содержанія я почти не выхожу за предѣлы того, что дается сохранившимся текстомъ или почти несомнѣнными дополненіями его. Къ послѣднимъ я отношу въ стр. 7 Λύ[χιος] (слѣды божьихъ приставокъ буквы К отчасти еще видны), въ 8 τοῖς ἐν Δελ[φοῖς ἰγῶνας] и, конечно, Σφ]ηρίωνъ въ 9. Что касается Πτολεμαίου въ 3, то въ виду предшествующаго τοῖς едва ли можно допустить, что идетъ рѣчь не объ египетскомъ царѣ; впрочемъ, здѣсь я скорѣе предвосхищаю выводъ изъ послѣдующихъ соображеній. По шрифту надпись должна быть отнесена къ самому концу 3-го вѣка или къ началу или первой половинѣ 2-го до Р. X. ²⁾.

Я назвалъ надпись исторической потому, что не сомнѣваюсь въ тождествѣ нашего Тлиполема съ государственнымъ дѣятелемъ египетской исторіи, о которомъ говоритъ Поливій въ XV и XVI кн. Первые упоминанія о дѣятельности его относятся къ періоду борьбы министровъ-регентовъ послѣ смерти Птолея IV Филопатора (204) и во время малолѣтства Птолея V Эпифана. Въ то смутное время регентство на первыхъ порахъ было въ рукахъ Сосивія и Агаокла; заправительствомъ послѣдняго, старавшагося устранить съ дороги всѣхъ вліятельныхъ лицъ, вскорѣ было вызвано всеобщее недовольство, такъ что единственная надежда оставалась на Тлиполема— ἐτι μίαν ἐλπίδα παραδοχούτες τὴν κατὰ τὸν Τληπόλεμον καὶ ταύτῃ προστρέχοντες (XV, 25, 25). Послѣдній, „пока былъ живъ царь [Птолемей IV], велъ частную жизнь“—τὰ καθ'αὐτὸν ἔπραττεν. Это первыя слова Поливія о Тлиполемѣ въ отрывкахъ его исторіи. И самый характеръ разказа и членъ при имени Тлиполема свидѣтельствуютъ, что въ несохранившихся предшествовавшихъ частяхъ, можетъ быть, въ концѣ XIV книги, уже была рѣчь объ этомъ Тлиполемѣ. Совершенно, слѣдовательно, естественно, что здѣсь не названъ отецъ его и не указано происхожденіе. Въ томъ, что въ Египтѣ готовятся играть важную роль *μικτεῖα*, какъ выходитъ при моемъ отождествле-

¹⁾ О подобныхъ пожертвованіяхъ съ опредѣленною сакральною цѣлью, какъ извѣстно, говорится ἀνατιθέναι, ср. *Wescher et Foucart*, *Inscriptions de Delphes*, n° 436 (18^{3/4} до Р. X.): ἐπι τοῖσδε ἀνέθηκε Ἀλέξανδρος Βουθήρα Καλοθάμιος τῷ θεῷ καὶ τῷ πόλει τῶ Δελφῶν χρυσοῦς ἑκατὸν τριάκοντα κτέ.

²⁾ См. о дельфійскомъ шрифтѣ этого времени *H. Pomtow*, *Rheinisch. Mus.* 1894, p. 583 сл., и ср. прекрасныя копіи дельфійскихъ надписей его же въ *N. Jahrb. f. Phil.* 1894, Tafel I и II.

ніи, нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ тамъ среди вліятельныхъ дѣятелей того времени было не мало выходцевъ отовсюду (Скопа изъ Этоліи, Аристомень изъ Акарнаніи и др.). Изъ современной исторіи Ликии мы знаемъ, что она „уже, вѣроятно, до 276 года перешла къ Птолемею II Филадельфу и оставалась лѣтъ восемьдесятъ подъ египетскимъ владычествомъ, а тотчасъ послѣ смерти Птолемея IV (204) на нее посягаютъ Антиохъ III сирійскій и Филиппъ македонскій“¹⁾. Возможно, что Тлиполемъ принадлежалъ къ одной изъ вліятельныхъ ликійскихъ фамилій, переселившихся въ Египеть, вѣроятно, не совсѣмъ добровольно. Извѣстіе Поливія, что Агаоокль, какъ увидимъ ниже, распространялъ слухъ о томъ, что Тлиполемъ играетъ въ руку Антиоху III, становится совершенно понятнымъ: такой слухъ при посягательствѣ на Ликию Антиоха и знатномъ происхожденіи Тлиполема могъ найти вѣру весьма легко. Во всякомъ случаѣ, даже при объясненіи выше отрывочности перваго упоминанія о Тлиполемѣ въ нашемъ текстѣ Поливія все таки чувствуется, что онъ или по самому происхожденію, или по юношескимъ (см. ниже) задаткамъ представлялъ собою личность, на которую можно было возлагать надежды. Павсаний (V, 8, 11) сообщаетъ намъ объ олимпійской побѣдѣ нѣкоего Тлиполема изъ Ликии въ ол. 131—256 до Р. X.; во второй половинѣ статьи я постараюсь сдѣлать вѣроятнымъ, что и тутъ рѣчь о нашемъ Тлиполемѣ, а здѣсь сошлюсь только на Трейбера (l. l. p. 149), который, не отождествляя, конечно, обоихъ Тлиполемовъ, приводитъ эту побѣду въ видѣ свидѣтельства, что въ 3-мъ вѣкѣ *die Spitzen* ликійскаго общества были вполнѣ эллинизованы, слѣдовательно, онъ причисляетъ этого Тлиполема къ верхамъ общества. Имя Тлиполемъ изрѣдка уже встрѣчалось въ ликійскихъ надписяхъ²⁾. Въ знатныхъ родахъ, возводившихъ свое происхожденіе обыкновенно къ полубогамъ, нерѣдко въ самыхъ именахъ повторяется, въ той или другой формѣ, намекъ на этихъ полубоговъ, и сообразно съ этимъ въ греческихъ колоніяхъ нерѣдко встрѣчается имя миенческаго архигета³⁾. Можетъ быть, и въ употребленіи даннаго имени въ Ликии слѣдуетъ

¹⁾ Treuber, Geschichte der Lykier, p. 148, 150.

²⁾ См. напр. SIG III 4224 d и, можетъ быть, 4224 b. Къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ рукой изданія *Reisen im Südwestlichen Kleinasien*, Bd. I von O. Benndorf und G. Niemann, Bd. II von E. Petersen und F. Luschan, Wien, 1884 и 1889.

³⁾ Ср. на Хиосѣ Ἄρφηλος, Οἰονίσιον, Οἰνεσίδη; см. мою статью о Хиосѣ, въ *Ath. Mitt.* XIX, p. 198.

видѣть вліяніе греческой колонизаціи чрезъ посредство Родоса, колонизація котораго связана съ именемъ Тлиполема ¹⁾). Что же касается имени отца нашего Тлиполема, то 'Αρταπάτης, вѣроятно, тождественно съ 'Αρταβάτης, а послѣднее имя принадлежитъ съ древнихъ временъ лицамъ, занимавшимъ болѣе или менѣе высокое положеніе въ Персіи ²⁾, хотя и нѣтъ слѣдовъ связи его съ Ликіей.

Возвратимся однако къ Поливію послѣ этого отступленія, относящагося къ происхожденію Тлиполема. „Тотчасъ по смерти царя, то-есть, Птолема IV, онъ успокоиваетъ массы и снова становится командующимъ войсками въ мѣстностяхъ около Пелусія“ (στρατηγὸς τῶν κατὰ Πηλοῦσιον τόπων). Разъ онъ снова занимаетъ высокій постъ, очевидно, что онъ уже не первой молодости, очевидно, его частная жизнь явилась результатомъ какихъ-либо пертурбацій конца прошлаго царствованія, можетъ быть, и столкновенія съ партией Агаеокла (XV, 25, 28 и 20). Сначала онъ дѣйствуетъ въ интересахъ малолѣтняго царя, но потомъ, замѣтивъ своекорыстныя и тиранническія стремленія Агаеокла, старается обезпечить свое положеніе, собирая для этой цѣли войска и деньги, и разчитываетъ уже самъ замѣстить Агаеокла, такъ какъ, будучи по собственному убѣжденію ἀξιοχρῆστος, онъ видитъ, что на него возлагаютъ надежды и его собственныя войска, и александрійскія. На попойкахъ и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старается усилить недовольство Агаеокломъ, особенно въ военномъ кругу. Вражда вскорѣ становится открытой. Агаеоклъ можетъ уже со ссылкой на свидѣтелей утверждать, что Тлиполемъ готовится возложить на себя діадему и зоветь въ Египетъ Антиоха. Но даже „македонцы“ не хотятъ оставаться на сторонѣ ненавистнаго Агаеокла, имѣя въ виду между прочимъ и то, что во власти Тлиполема находится ввозъ въ Александрію. Слѣдуетъ бунтъ, сверженіе Агаеокла и смерть его (Pol. XV, 25 — 36). Послѣ перерыва въ разказѣ Поливія, въ слѣдующемъ году мы видимъ Тлиполема уже

¹⁾ У авторовъ Тлиполемъ является почти исключительно родосскимъ героемъ; убивъ своего дядю Ливимпія, онъ бѣжитъ изъ Тиринеа на Родосъ; здѣсь онъ основываетъ три города, зовется царемъ, отсюда идетъ подъ Трою, гдѣ его убиваетъ Сарнидонъ; Родосъ называли землей Тлиполема. О вліяніи греческой колонизаціи на Ликію въ древнѣйшее время говорятъ исторія письма, см. G. Hirsch, Griech. Epigraphik въ Handbuch *Jw. Müller's* I, p. 385 и W. Larfeld, *ibid.* I, p. 498 sq.

²⁾ См. Herodot. VI, 65; Xenoph. Сугор. VIII, 3, 18 и 6, ср. Anab. I, 6, 11 и 8, 28; Aelian. Н. А. VI, 25 и др.

у власти верховной—ὁ τὰ τῆς βασιλείας τῶν Αἰγυπτίων πράγματα μεταχειρίζομενος ¹⁾). Молодой человекъ, заносчивый и славолубивый, постоянно жившій солдатской жизнью и потому мужественный и добрый военный товарищъ, онъ, забравъ въ свои руки казну, продолжаетъ заниматься сφαιρομαχία и военными состязаніями, а затѣмъ слѣдуютъ попойки. Если онъ и находятъ время для аудіенцій, то только раздастъ—μᾶλλον δὲ διαρίπτει—царскія деньги прибывающимъ изъ Греціи посланцѣ и дѣонисовскимъ артистамъ; онъ даетъ все, что есть подъ рукой, τῷ πρὸς χάριν οὐκ ἔσται. Его слабостью пользуется всякій, его славятъ за щедрость, и онъ восхищается и гордится подобными похвалами, застольными тостами—ἐτι δὲ τὰς ἐπιγραφὰς καὶ τὰ διὰ τῶν ἀχροαμάτων εἰς αὐτὸν ἄδόμενα καίματα и становится еще болѣе щедрымъ для иностранцевъ и войска. Сосивій (младшій, сынъ Сосивія), состоящій у „царской печати и тѣла“, возбуждаетъ удивленіе придворныхъ какъ разъ противоположными качествами—разумной умѣренностью и умѣнемъ держать себя. Недовольный тѣмъ, что около Сосивія начинаетъ группироваться враждебная партія, Тлиполема отбираетъ у него печать и уже по собственному произволу править дѣлами (XVI, 21). Дальнѣйшей судьбы Тлиполема мы не знаемъ, но чрезъ нѣсколько лѣтъ мы уже видимъ при управленіи египетскими дѣлами Аристомена изъ Акарнаніи (Pol. XVIII, 53, въ 196 г. до Р. Хр.). Все это въ высшей степени подходит по характеру къ нашей надписи, такъ что она при данномъ мною толкованіи, можно сказать, документально подтверждаетъ общую характеристику Тлиполема у Поливія, сообщая совершенно подходящій отдѣльный фактъ изъ дельфійской жизни и отношеній Тлиполема къ Дельфамъ. Дельфійцы, совершенно въ духѣ своей вѣковой практики, воспользовались, вѣроятно, и положеніемъ Тлиполема въ Египтѣ, и слабой чертой его характера для своихъ выгодъ ²⁾). Если же, что для меня вѣроятнѣе,

¹⁾ Отрывокъ, XVI, 21, къ которому мы теперь переходимъ, дошелъ среди константиновскихъ извлеченій, такъ что приведенное выраженіе, стоящее въ началѣ извлеченія (ὅτι ὁ Τληπόλεμος ὁ τὰ τῆς χτέ.), принадлежитъ, можетъ быть, не самому Поливію, а автору выдержекъ περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας—eclogarius. Изъ того, что то же выраженіе, какъ и половина всего отрывка, почти буквально повторяется у Свида (в. в. Τληπόλεμος), еще нельзя заключать о подлинности его, такъ какъ Свидя самъ пользовался уже не полнымъ текстомъ Поливія, а извлеченіями Константина.

²⁾ Припомнимъ изъ глубокой древности грандіозныя пожертвованія Креза, а лѣтъ на пятьдесятъ позднеѣ нашего документа дельфійцы пользуются вступле-

мы имѣемъ фрагментъ этолійско-амфиктіоновскаго декрета, то сущность дѣла въ отношеніи къ дельфійскимъ агонамъ въ это время сводится къ одному и тому же, и нѣтъ нужды искать еще особыхъ объясненій. Отмѣтимъ впрочемъ, что этоліецъ Скопа около этого времени дѣйствуетъ въ Египтѣ и до поры пользуется большимъ вліяніемъ, а этолійскія посольства навѣщаютъ Египетъ, и не безъ результатовъ (Pol., XVIII, 54 sq.). Нашъ документъ приходится, такимъ образомъ, отнести ко времени наибольшей силы Глиполема, то-есть, къ промежутку между 202 и 196 г., и скорѣе къ первой половинѣ его. Въ крайнемъ случаѣ можно было бы думать о времени дѣятельности Глиполема еще при Птоломееѣ IV (ср. выше „*οπλιτῆς*“ — *κάλιν*), но это представляется мнѣ менѣе вѣроятнымъ, хотя, конечно, слова Поливія: *νέος κατὰ τὴν ἡλικίαν* подъ ол. 144,3=202/1 ¹⁾, необходимо понимать не слишкомъ буквально, а скорѣе *sensu praecipiti* — молодъ для той роли, которую ему привелось играть въ Египтѣ.

Не такъ легко отождествленіе нашего Глиполема съ упоминаемымъ у Павсанія. У него (V, 8, 11) мы читаемъ, что на первомъ олимпійскомъ состязаніи *κάλω καλήτι*, то-есть, на скаковомъ жеребенкѣ, въ 131-ю олимпиаду=256 до Р. Хр. (*ἐπὶ τῆς πρώτης καὶ τριακοστῆς τε καὶ ἑκατοστῆς Ὀλυμπιάδος*) одержалъ побѣду *Τληπόλεμος Λύκιος*. Какъ выше мы имѣли основаніе для отождествленія въ соотвѣтствіи по характеристикѣ, отношенію къ Египту и времени, такъ здѣсь встрѣчаемъ тожество происхожденія (отчества Глиполема Павсаній не сообщаетъ) и, въ параллель къ отношенію документальнаго Глиполема къ дельфійскимъ агонамъ, связь одноименнаго ликійца съ нововведеніями въ олимпійскихъ состязаніяхъ,—можно было бы и относительно послѣднихъ сказать *συναύξαι τοὺς ἀγῶνας*. Мы знаемъ, что одни и тѣже искатели побѣдъ на состязаніяхъ часто выступали какъ въ Олимпіи, такъ и въ Дельфахъ и въ другихъ мѣстахъ ²⁾, и можно было бы

ниемъ на пергамскій престолъ Аттала II, отправляютъ къ нему два посольства и получаютъ отъ него 21 тысячу драхмъ *εἰς τὰν τῶν παιδῶν διασκευαλίαν* и *εἰς τὰς τιμὰς καὶ θυσίας*, см. *Bull. de corr. hell.*, V, p. 162, вѣроятно 159—158 года до Р. Хр.

¹⁾ См. таблицу къ исторіи Поливія въ изданіи *Hultsch'a*, vol. IV, p. 80.

²⁾ Ср. довольно многочисленныхъ такъ называемыхъ *περιοδικῶν*, о которыхъ сообщаетъ и олимпійская хроника, и Павсаній, и надписи Въ новѣйшемъ трудѣ объ олимпіоникахъ—*H. Förster Die Sieger in den olympischen Spielen* (двѣ программы, *Zwischen*, I, 1891, II, 1892), дающемъ наиболѣе полный сводъ извѣстій о нихъ, имена всѣхъ періодониковъ въ алфавитномъ спискѣ побѣдителей напечатаны жирнымъ шрифтомъ,—ихъ около 50.

vice versa предположить, что и сношенія съ Дельфами у Глиполема явились вслѣдствіе его побѣды на пиеійскихъ состязаніяхъ въ томъ же πῶλος κέλῃς, существовавшемъ тамъ, по Павсанію (X, 7, 8), уже съ 63-й пиеіады (Ол. 110, 3) ¹⁾. Но здѣсь намъ приходится имѣть дѣло съ весьма существеннымъ затрудненіемъ, которое, вѣроятно, и препятствовало отождествлять ликійскаго Глиполема съ египетскимъ ²⁾, съ затрудненіемъ хронологическимъ: какъ бы мы ни уменьшали возрастъ Глиполема при его олимпійской побѣдѣ ³⁾, во всякомъ случаѣ побѣдитель 131-й олимпиады не могъ быть названъ νῖος въ ол. 144, 3, то-есть, спустя 52 — 53 года. При первой справкѣ у Павсанія мнѣ казалось, что затрудненіе это легко устранить простымъ исправленіемъ текста. Въ приведенной выше датѣ обращаетъ на себя вниманіе употребленіе τε (хотя, впрочемъ, у меня здѣсь мало матеріала для сравненія); затѣмъ здѣсь имѣется рѣдкій и, можетъ быть, единственный у Павсанія случай сопоставленія *τρεῶν* порядковыхъ числительныхъ, тогда какъ обыкновенно при трехзначныхъ числахъ онъ прибѣгаетъ къ описательнымъ выраженіямъ съ предлогами (ср. V, 8 и 21 *passim*); ὀλυμπιάδι ἐκὶ ταῖς διακοσίαις ὀδοῦ τε καὶ δεκάτῃ въ V, 21, 2 къ нашему мѣсту не вполне подходитъ. Порча въ числахъ вообще встрѣчается часто, особенно при цифровыхъ обозначеніяхъ. Наконецъ, и τριακοστῆς, да еще при сомнительномъ отчасти τε, весьма

¹⁾ Указанное мѣсто въ текстѣ Павсанія несомнѣнно испорчено: παγκράτιον δὲ ἐν πασι καὶ συνωρίδα τε πῶλων καὶ πῶλων κέλῃτα πολλοῖς ἐταῖρον ὕστερον κатеδείσαντο (то-есть, дельфійскіе амфитіоны) Ἰηλείων, именно παγκράτιον въ 61 пиеіаду, πῶλων κέλῃτα въ 63 и πῶλων συνωρίδα въ 69. Здѣсь нужно или съ *I. H. Krause*, *Die Pythien, Nemeen und Isthmien*, p. 27., читать πρότερον вѣсто ὕστερον, или съ *Kalkmann*'омъ, *Pausanias der Perieget*, p. 110., считать Ἰηλείων позднѣйшей вставкой, вызванной тѣмъ, что въ предшествующей исторіи пиеійскихъ агоней Павсаній, дѣйствительно, проводитъ сопоставленіе ихъ съ олимпійскими.

²⁾ Я не встрѣчалъ попытки отождествленія, да для нея и не было повода до появленія связующаго звена въ Λύκιος нашей надписи.

³⁾ Мы могли бы, напримѣръ, предположить дѣтскій возрастъ, такъ какъ можно считать доказаннымъ, что въ Олимпіи не различали ἴππος κέλῃς παιδῶν отъ ἀνδρῶν: *Kindscher* въ *N. Jahrb. f. Phil. Suppl.-Bd.*, XI, p. 489 sq., правильно указалъ, что въ Олимпіи дѣйствительно иногда κῆκος παιδῆς въ конныхъ состязаніяхъ, но не ἐν πασι или не παιδῆς, напримѣръ, *Paus.* VI, 2, 8 и 13, 10, ср. *Rutgers*, *Sexti Iulii Africani Ὀλυμπιάδων ἀναγραφὴ*, Lugd. Batav., 1862, p. 28 и 148 sqq. Состязаній ἀγνεῖων, какъ отличныхъ отъ παιδῶν и ἀνδρῶν, въ Олимпіи вовсе не было: *Kindscher*, *ibid.*, p. 487. См. также, *F. Mic*, *Quaestiones agonisticae imprimis ad Olympia pertinentes*, Rostochii, 1888, p. 19 sqq. и 49, sqq.

похоже на τετταρακοστής¹⁾). Итакъ, казалось бы, нужно только ввести въ текстъ 141 олимпиаду вмѣсто 131 (PMA вмѣсто PAA), и тогда разница съ Полиемъ уменьшится на 40 лѣтъ и ничто не будетъ мѣшать отождествленію Тлиполемовъ: одержавшій побѣду на скачкахъ въ 141 ол. (даже не παῖς) легко могъ быть названъ νέος спустя лѣтъ 12—18, да весьма юный возрастъ, какъ мы видѣли, трудно допустить и въ виду одного Поливіа. Но легкое, по видимому, исправленіе даты Павсанія оказывается однако невозможнымъ. Прежде всего, въ контекстѣ у него читается слѣдующее: „позднѣе элейцы прибавили καὶ συναρίδα πῶλων καὶ πῶλον κέλητα. ἐπὶ μὲν δὴ τῇ συναρίδι Βελιστίχην ἐκ Μακεδονίας τῆς ἐπὶ θαλάσῃ γυναῖκα, Τληπόλεμον δὲ Λύκιον ἀναγορευθῆναι λέγουσιν ἐπὶ τῷ κέλῃτι, τοῦτον μὲν ἐπὶ τῆς π. κ. τ. τε καὶ ε. ὀλ., τῆς δὲ Βελιστίχης τὴν συναρίδα ὀλυμπιάδι πρὸ ταύτης τρίτη“²⁾. Здѣсь, какъ и вообще въ данной главѣ, Павсаній, излагая исторію олимпійскихъ агоней, указываетъ время введенія каждаго новаго агона и называетъ перваго побѣдителя. При существующемъ текстѣ побѣда Велистихи падаетъ на ол. 129 = 264 до Р. Хр. или 128 = 268³⁾, а при допущеніи поправки—на 224 или 228 до Р. Хр. Последнее невозможно, потому что Велистиха извѣстна какъ любовница Птолемея II Филадельфа, умершаго не позже 246 года, и связь ихъ засвидѣтельствована весьма прочно, такъ какъ Аэиней (XIII, 576 с) ссылается по этому поводу на мемуары одного изъ представителей египетской династїи, Птолемея Евергета II, и то же подтверждается другими показаніями³⁾. Необходимость оставить побѣду Велистихи подъ ол. 129 вытекаетъ также изъ сопоставленія Павсанія съ другимъ важнѣйшимъ источникомъ нашимъ для исторіи олимпійскихъ агоней — Секстомъ Юліемъ Африканомъ, такъ какъ онъ

¹⁾ Павсаній самъ, конечно, сказалъ бы τετταρακοστής.

²⁾ Прежде, конечно, всегда думали о 128-й, см. напримѣръ, *Corsini, Fasti Attici*, IV, p. 87, *Dodwell, De cyclis*, p. 765, *Krause, Pythien*, p. 27, *K. F. Hermann, Lehrbuch*, II², § 50, 7 и др.; теперь *P. Stengel, Griech. Sakralalter*, у *Müller'a*, V, p. 132, говоритъ объ ол. 128=268 до Р. Хр., а p. 139 о 264-мъ годѣ до Р. Хр., то-есть, ол. 129-й, *Fr. Mic, l. l.*, p. 18, приводитъ эту 128 олимпиаду Павсанія какъ одинъ изъ пунктовъ разногласія съ Африканомъ (129 ол.), ср. p. 19. Кажется, что въ виду Африкана нужно окончательно остановиться на 129-й, хотя при этомъ придется вѣсколько условно объяснять τρίτη у Павсанія.

³⁾ Они собраны у *Müller, F. H. G.* III, p. 186 sq., ср. *Rutgers, l. l.*, p. 70, *C. Häberlin, в Philologus* L, p. 699. Незначительныя различія въ формѣ рѣдкаго имени (Φλιστίχη, Βλιστίχη, Βλιστίχη) объясняются и порчей текста, и македонскимъ произношеніемъ и въ расчетъ не принимаются.

также помѣщаетъ введеніе *συφορίς πάλων* и побѣду „Филистіаха“ подъ ол. 129-й ¹⁾). Дальнѣйшимъ сличеніемъ тѣхъ же источниковъ обнаруживается ихъ согласіе и относительно введенія *πωλικός κέλης* въ ол. 131, слѣдовательно этотъ фактъ можно считать прочно установленнымъ, но въ имени перваго побѣдителя оказывается весьма интересное для насъ разногласіе: у Павсанія, какъ мы сказали, это непригодный для насъ по времени Тлиполемъ изъ Ликии, у Африкана же—Иппократъ изъ Фессалии ²⁾). Самое имя Тлиполемъ у Африкана не только по сосѣдству, но и вообще во всей *ἀναγραφῆ*, въ существующемъ видѣ послѣдней, вовсе не встрѣчается. О порчѣ текста въ одномъ изъ источниковъ, конечно, невозможно и думать при отсутствіи малѣйшаго сходства какъ въ имени, такъ и въ происхожденіи названныхъ олимпіониковъ. *H Förster* (l. l., II, p. 7) прямо отказывается объяснить указанное противорѣчіе источниковъ, потому что оба они опредѣленно называютъ одну и ту же олимпиаду. Теперь, когда при моемъ отождествленіи всѣхъ трехъ Тлиполемовъ является основаніе заподозрить правильность показанія Павсанія, можно кажется, уже съ предвзятой мыслью рѣшать вопросъ, кто изъ двухъ авторовъ правъ, и въ сущности дѣло сводится только къ объясненію происхожденія разногласія. Самъ Павсаній даетъ намъ право не особенно полагаться на сообщаемыя имъ извѣстія о побѣдахъ Вели-

¹⁾ Въ греческихъ извлеченіяхъ изъ Евсевія (cod. Parisin.) отмѣчено только нововведеніе, а въ армянскомъ переводѣ Евсевія сверхъ того и первый побѣдитель въ новомъ составіаніи: *et vincebat Philistiakhus Maceti (filius)*, по Петершпигу въ *Eusebi Chronis.* ed. *A. Schöne*, I, p. 207 (также по Ancher'у, а Lohrab даетъ менѣе точно *Macedii*, см. *Rutgers*, l. l., p. 70), ср. слѣд. примѣч. Отсюда *Rutgers* возстановилъ у Африкана: *καὶ ἐνίκα Φιλιστιᾶχῃ Μακεδονίς*, а еще ближе къ армянскому тексту было бы *Μαχέτις*, ср., напримѣръ, *Lucian.* *Alex.* 6 (въ дельфійскихъ надписяхъ при обозначеніи происхожденія рабынь вѣсто этой формы не разъ встрѣчается *Μάχετα*, напримѣръ, *Wescher et Foucart*, n° 207, 260, 275, 417—*Μάχετα ἐξ Ὀρωπῶν*).

²⁾ *Καὶ ἐνίκα Ἰπποκράτης Θεσσαλός* возстановилъ *Rutgers*, l. l., p. 71 по армянскому переводу: *et vincebat Hippocrates filius Thessali*. Здѣсь, какъ и выше (см. предш. примѣч.), побѣдитель названъ только въ армянскомъ переводѣ. Хотя въ извѣстіяхъ объ олимпійскихъ нововведеніяхъ пропускъ имени перваго побѣдителя въ cod. Paris. встрѣчается только въ этихъ двухъ случаяхъ, при полномъ совпаденіи съ армянскимъ переводомъ въ остальныхъ, тѣмъ не менѣе въ этомъ должно видѣть только простую случайность, виновникомъ которой былъ греческій *eclogarius*, и мы имѣемъ полное право возстановлять здѣсь греческій текстъ по армянскому, который и вообще помогаетъ дополнять лакуны cod. Parisini (о послѣднемъ см. *Rutgers*, p. IV sq.).

стихи (Фялестихи) и Глиполема, такъ какъ о всѣхъ прочихъ нововведеніяхъ и первыхъ побѣдителяхъ онъ говоритъ, какъ о фактахъ, прочно хронологически установленныхъ (даже о *δίαυλος* од. 14, *δόλιχος* од. 15, *πένταθλον* и *κάλη* од. 18), здѣсь же — только здѣсь — онъ ссылается на чьи-то λόγοι (*ἀναγορευθῆναι λέγουσιν*), такъ что можно допустить, что или онъ самъ не вполне увѣренъ въ извѣстіяхъ, или онъ сообщаетъ здѣсь уже по другому источнику ¹⁾.

Африканъ, Павсаній и Филостратъ ²⁾, какъ извѣстно, наши главные источники для исторіи олимпійской агонистики. Первый изъ нихъ въ своей *ἀναγραφῇ*, единственномъ полномъ спискѣ стадіониковъ, дошедшемъ до насъ черезъ Евсевія, сообразно съ хронологическими цѣлями, повидимому, ограничился одними *стадіониками*, съ присоединеніемъ лишь отдѣльныхъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ другихъ замѣчательныхъ олимпіоникахъ, указаніемъ нововведеній и нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ ³⁾. Павсаній, наоборотъ, даетъ въ разныхъ частяхъ своего труда большею частью отрывочныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ олимпіоникахъ то того, то другаго состязанія, и въ хронологическомъ порядкѣ сообщаетъ только о нововведеніяхъ (V, 8 и 9). Такимъ образомъ, не смотря на кажущееся обиліе матеріала у того и у другаго писателя, мы имѣемъ ясныхъ и опредѣленныхъ пунктовъ для сравненія ихъ традицій значительно меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Если взять извѣстія о нововведеніяхъ, какъ наиболѣе доступныя для сравненія, то, за исключеніемъ интересующаго насъ разногласія въ имени перваго побѣдителя *πῶλφ κέλητι* и, можетъ быть, только кажущагося въ хронологіи *πολιτῆ συνωρίς*, остальные различія сводятся къ тому, что Павсаній не сообщаетъ о вве-

¹⁾ Не исключается, конечно, возможность, что *λέγουσιν* съ неоконч. накл. только фразеологическій приемъ писателя, но въ данномъ случаѣ я все-таки нахожу возможнымъ отмѣтить это *λέγουσιν*, потому что зависящая отъ него инфинитивная конструкция выдается среди индикативныхъ извѣстій о прочихъ побѣдителяхъ (12 разъ раньше и 1 разъ послѣ въ той же 8-й главѣ, ср. также начало слѣдующей главы). Разумѣется, изъ употребленія *λέγουσιν* и т. п. у Павсанія еще нельзя съ увѣренностью заключать, говоритъ ли онъ на основаніи устнаго или на основаніи письменнаго источника. См. статистику подобныхъ выраженій, преимущественно изъ первой книги Павсанія, у *W. Gurlitt*, *Über Pausanias*, Graz, 1890, p. 91 sq., особенно, p. 94.

²⁾ Послѣдній въ сочиненіи *κατὰ γένεσιν*. При обработкѣ статьи, въ которой я касаюсь его только мимоходомъ, я имѣлъ возможность пользоваться только извлеченіями изъ него въ издавіи Африкана *Rutgers'a* и цитатами у *Förster'a*.

³⁾ Ср. *Busolt*. Griech. Geschichte, I¹, p. 585.

деніи *σαλπικητής* и *κῆρος* (ол. 96), а у Африкана въ свою очередь нѣтъ извѣстій объ эфемерныхъ нововведеніяхъ ἀπὴνῆ (ол. 70) и κάλλι (ол. 71), хотя не мѣшаетъ отмѣтить, что и у Павсанія рѣчь о послѣднихъ выдѣлена изъ хронологической исторіи агоней: онъ говоритъ о нихъ не въ *προσθήκαι* V, 8, 5—11, а въ *κατάλοισι* V, 9, 1—2)¹⁾. Все прочее *mutatis mutandis* легко согласуется до мелочей, такъ какъ представляетъ только рукописную порчу именъ²⁾. Нѣсколько различій, хотя также не особенно много, принимая во вниманіе количество матеріала, есть и въ прочихъ извѣстіяхъ объ олимпіоникахъ; и здѣсь большинство ихъ явилось вслѣдствіе рукописной порчи³⁾; къ существеннымъ можно отнести, вмѣстѣ съ *Mie* (р. 17 sq.), почти только одно: подъ ол. 160 *Διοδόρος Σικωῖνος*—*Ἀγυόδορος* (*Anodorus*, *Ἀνώδορος*) *Κοζικηνός*; приводимыя у него кромѣ того *Ξενοδόχος*—*Ξενοκλῆς* (ол. 9), *Χίονις*—*Χάρμις* (ол. 28) и *Γλοκίσις*—*Γλόκων* (ол. 48) менѣе убѣдительно. Такимъ образомъ, только различіе въ нѣкоторыхъ частностяхъ традицій Павсанія и Африкана необходимо признать несомнѣннымъ.

Совпаденіе огромнаго большинства свѣдѣній при незначительномъ количествѣ существенныхъ различій объясняется, конечно, тѣмъ, что въ основѣ всѣхъ литературныхъ ἀναγραφαί лежала одна общая ἀναγραφή, составленная на основаніи первыхъ источниковъ⁴⁾. Авторы позднѣйшихъ литературныхъ обработокъ олимпійской ἀναγραφῆ, бозѣ сомнѣнія, не передѣлывали заново труда предшественниковъ по источникамъ и, можетъ быть, только въ рѣдкихъ, сомнительныхъ случаяхъ

¹⁾ См. перечень новыхъ агоней по источникамъ у *Fr. Mie. Quaest. agoniast.*, р. 17—19 и подъ соответствующими олимпіадами у *Rutgers* и *Förster*.

²⁾ Самымъ нагляднымъ примѣромъ послѣдней служитъ сравненіе имени перваго побѣдителя въ *τέφριπλον πωλικόν* (ол. 99): *Εὐρύβατος* (cod. Paris.) и *Euribatos* (арм. пер.) у Африкана, *Συβαριάδης* у Павсанія, а правильная форма *Εὐρυβαΐδης* является только въ аттическомъ обломкѣ списка военныхъ олимпіониковъ, которому былъ предпосланъ перечень нововведеній въ агоняхъ, *C. I. A. II* 978 (эта надпись была вырѣзана незадолго до 129-й олимпіады, ср. *Mie*, р. 19.).

³⁾ Ср. ол. 14 *Förster*, n° 14, *Paus. Δάσμων*, *Afric. Δέσμων*, ол. 25, n° 31, *Παγώνδας*—*Πάτων* или *Ραγον*, ол. 27, n° 35 *Εὐρύβοτος*—*Εὐροβος*, ол. 38, n° 52 *Κροξίδας*—*Κραξίλας*, ол. 41, n° 69, *Φιλίτας*—*Φιλώτας* (*C. I. A. II*, 978 *Φιλώτας*) и т. д.

⁴⁾ Вѣроятноѣе, что это былъ перечень Аристотеля, чѣмъ софиста Иппія; объ ихъ анаграфической дѣятельности, а также о Филохорѣ, потомъ Эратосенѣ, еще пойдѣе Флегонтѣ изъ Траалл см. *G. Gilbert, De anagrarhis Olympiis commentatio*, Gothae, 1875, р. 2 sqq.

обращались за справкой къ послѣднимъ и вводили по нимъ исправленія и дополненія, но, конечно, они продолжали дальше ἀναγραφῆ по тѣмъ же источникамъ и весьма возможно, что продолженіе это послѣ Аристотеля шло нѣсколькими отдѣльными литературными путями; въслѣдствіи та или другая литературная обработка перечня упрощалась или сокращалась, а иногда комментировалась въ томъ или другомъ отношеніи, сообразно съ специальными цѣлями отдѣльныхъ авторовъ; хронографы и историки, безъ сомнѣнія, пользовались уже только литературными источниками, не прибѣгая къ документамъ ¹⁾. Какой характеръ имѣли древнѣйшія собственно ἀναγραφαί, мы можемъ только приблизительно видѣть по единственному дошедшему до насъ полному перечню побѣдъ одной (177) олімпіады одного изъ позднихъ продолжателей—Флегонта изъ Траллъ (у Фотія cod. 97, см. F. H. G. III, p. 606) и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя изъ нихъ черпались. Въ нихъ кромѣ полныхъ перечней побѣдителей заключалось, то въ томъ, то въ другомъ объемѣ или изложеніи, много свѣдѣній и объ исторіи агоневъ, и объ отдѣльныхъ олімпіоникахъ—свѣдѣній, попадавшихъ туда, можетъ быть, иногда уже изъ устной или литературной традиціи. По нимъ можно было когда угодно сдѣлать самыя разнообразныя справки относительно олімпійской агонистики, но не всегда, вѣроятно, легко, и при массѣ матеріала, да еще при scriptura continua, отсутствіе необходимой тщательности при справкѣ могло повести къ ошибкамъ, напримѣръ, вмѣсто имени побѣдителя πάλην можно было выхватить побѣдителя πούτην, или κλῆς вмѣсто ἀνῆρ и т. п., а иногда и сбиться въ числѣ олімпіады. Такимъ образомъ, разногласія, различныя версіи и противорѣчія какъ въ отдѣльныхъ цитатахъ, такъ и въ объемистыхъ передѣлкахъ или дополненныхъ и исправленныхъ изданіяхъ, получавшихъ уже новое имя, могли возникать нѣсколькими путями: или вслѣдствіе сознательной поправки продолжателя, основанной на справкѣ или какихъ-либо соображеніяхъ, или вслѣдствіе того, что продолженіе древнѣйшей ἀναγραφῆ шло отдѣльными путями, или вслѣдствіе дополненій на основаніи устной традиціи, или вслѣдствіе безсознательныхъ недосмотровъ и ошибокъ и т. п.; можно допустить также что иногда не оставалась безъ вліянія и тенденція мѣстнаго патриотизма, особенно въ случаѣ спорности самой побѣды.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало остатковъ, строго приуро-

¹⁾ См. G. Gilbert l. l., p. 8, H. Gelzer, Sextus Julius Africanus und die Byzantinische Chronographie, I, p. 167.

ченнаго къ опредѣленнымъ болѣе древнимъ ἀναγραφαί, и они въ большинствѣ случаевъ такъ незначительны, что при опредѣленіи характера и древнѣйшей ἀναγραφῆ, и послѣдовавшихъ литературныхъ развѣтвленій, и при распредѣленіи между ними дошедшаго до насъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ матеріала, приходится вращаться только въ области болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, иногда апріорныхъ. Возможно, впрочемъ, кажется, что новая попытка распредѣлить обширный въ общемъ матеріалъ (Förster даетъ въ своемъ перечнѣ извѣстія о 843 олимпіоникахъ) еще приведетъ къ болѣе опредѣленнымъ результатамъ и тогда точнѣе можно будетъ рѣшать вопросы о кроющихся въ источникахъ причинахъ различія между дошедшими до насъ агонистическими извѣстіями. Въ настоящее время едва ли подлежитъ сомнѣнію только то, что въ источникахъ Африкана, Павсанія, и Филострата первоначальный каталогъ является въ трехъ развѣтвленіяхъ ¹⁾. Въ частности относительно перваго *G. Gilbert* сдѣлалъ весьма вѣроятнымъ, что его древнѣйшая основа сводится къ Эратосѣену (περὶ χρονογραφῶν): основаніемъ служить сравненіе *Afric. ol. 48* съ *Eratosth. fr. 8*—*Diog. Laert. VIII 47* (о Пивагорѣ) и интересъ хроника Африкана къ Египту (*ol. 114*). Конечно, Эратосѣенъ только продолжатель древнѣйшей ἀναγραφῆ, по всей вѣроятности Аристотеля: о томъ, что онъ пользовался „олимпіониками“ послѣдняго, говорятъ *Arist. fr. 263*, *F. H. G. II*, p. 183. Если въ виду этихъ точекъ опоры, обратить вниманіе еще на лексикальныя особенности составныхъ частей хроника Африкана, то становится вѣроятнымъ, что до *ol. 114* она принадлежитъ Аристотелю, съ *114—145* Эратосѣену, а дальше слѣдуетъ позднѣйшій продолжатель, которымъ не былъ Флегонтъ (въ виду разногласія его съ Африканомъ относительно стадіоника *177 ol.*) и едва ли былъ самъ Африканъ за весь остающійся періодъ болѣе четырехсотъ лѣтъ; послѣдній черпалъ самъ свои слишкомъ старыя извлеченія или передавалъ уже сдѣланныя раньше изъ послѣдовавшаго за Эратосѣеномъ продолжателя, намъ по имени неизвѣстнаго ²⁾. Для насъ въ частности важно здѣсь то, что у Африкана отдѣлъ приблизительно *ol. 114—145* сводится къ Эратосѣену.

Менѣе опредѣленно можно говорить объ источникѣ или источникахъ агонистическихъ свѣдѣній Павсанія, такъ какъ съ одной стороны трудъ его болѣе, чѣмъ должно, разбитъ на перигитическіе,

¹⁾ См. *F. Mie* I. I., p. 17 sq., *Busolt* Gr. Gesch., p. 586.

²⁾ См. *Gilbert*, p. 8, *Butgers*, p. III, *Gelzer*, p. 167.

антикварные, географическіе, археологическіе и мифологическіе источники Калькманомъ (*Pausanias der Perieget*, Berlin, 1886), а съ другой—блестящая въ общемъ защита его у Гурлитта (*Über Pausanias*, Graz, 1890), признающая, конечно, также обширное пользованіе источниками литературными (для Олимпіа, р. 382), но отводящая въ области перигисы главное мѣсто αὐτοφία и разказамъ мѣстныхъ эсхигитовъ, въ частностихъ не всегда можетъ считаться убѣдительною. Новыя дельфійскія раскопки, повидимому, доказываютъ, что болѣе правъ послѣдній, такъ какъ *H. Pomtow*, наилучшій знатокъ дельфійскихъ древностей до новыхъ раскопокъ, который сначала говорилъ объ αὐτοφία относительно Дельфъ, а потомъ сталъ сводить описаніе Дельфъ у Павсанія къ литературному источнику (Полеону), теперь при новыхъ открытіяхъ рѣшительно становится на сторону αὐτοφία¹⁾. Въ частности агонистическія данныя Павсанія Калькманъ дробить на древнѣйшія (полеоновскія), границу которыхъ помѣщаетъ между ол. 147 и 154,—главнымъ образомъ это интересующая насъ исторія агоневъ въ V, 8—9, не заходящая далѣе 145 олимпіады, извѣстія объ олимпіоникахъ изъ болѣе поздняго перечня ихъ, сообщаемыя въ V и VI книгахъ (*jüngere Quelle*), и извѣстія о нихъ же по другому источнику въ VII книгѣ (ср. р. 72, 75 sq. 79—81, 103, 130 sq.). Нѣкоторое совпаденіе хронологическаго термина первыхъ (ол. 145) съ отмѣченнымъ выше для эратосѣеновскаго отдѣла у Африкана съ перваго взгляда очень заманчиво, но и по Калькману это еще не крайній пунктъ для нихъ, хотя онъ въ разборѣ Олимпіа Павсанія и начинается именно съ исторіи агона и позднѣе къ ней возвращается, слѣдовательно, видятъ здѣсь главнѣйшую точку опоры. Онъ ссылается на то, что Павсаній въ 8 и 9 главахъ не сообщаетъ ничего о реформахъ агоневъ позднѣе 145 олимпіады (παῦρατίων καίδων). Но вѣдь въ сущности и въ заходящемъ на сто четыре олимпіады дальше перечнѣ Африкана о нихъ также нѣтъ извѣстій (упоминается только

¹⁾ См. его Beiträge zur Topographie von Delphi, Berlin, 1889 (1888), р. 43, статью Ein arkadisches Weihgeschenk zu Delphi въ *Ath. Mittheilungen* XIV (1889), р. 27 и 32 sq. (ср. по этому поводу *Gurlitt* l. l., р. 463 и 473: „auch er stösst in die Polemontrompete“), и теперь докладъ въ Берлинскомъ археологическомъ обществѣ (ноябрь 1894): *Berl. Philol. Wochenschr.* 1895, n° 7, р. 220 sq. = *Wochenschr. für kl. Philologie*, 1895, n° 2, р. 49 sq., ср. *Kalkmann*, *ibid.*, n° 3, р. 8). Новымъ изслѣдованіемъ *R. Heberdey* Die Reisen des Paus. in Griechenland, Wien, 1894 (въ *Abhandlungen des archäol.-epigraph. Seminars zu Wien*, X) и еще не могъ воспользоваться.

дважды объ ἀναθέσει ἱππῶν δρόμου ol. 199 и 222, безъ предварительныхъ упоминаній о его καταλόσι, и о случайныхъ измѣненіяхъ при Сулѣ, ol. 175. и при Неронѣ, ol. 211, 3), да и въ полномъ перечнѣ отдѣльныхъ побѣдъ 177 олимпиады у Флегонта указаны только тѣ состязанія, введеніе которыхъ отмѣчено Павсаніемъ до 146 олимпиады (см. ниже). Очевидно, что позднѣйшія реформы или видоизмѣненія агоневъ, или не представляли постоянныхъ установленій, или играли слишкомъ незначительную роль въ исторіи олимпійскихъ игръ, такъ что даже трудно было бы ожидать отдѣльныхъ упоминаній о нихъ въ краткомъ экскурсѣ у Павсанія. Правда, Кальманъ, кромѣ отмѣченныхъ мною выше несущественныхъ измѣненій по Африкану, указываетъ еще на олимпійскую надпись *Agch. Zeit.* 1879, p. 133, n° 261, позволяющую, по Диттенбергеру, заключать о существованіи въ Олимпіи разнообразныхъ сценическихъ и музыкальных агоневъ въ императорское время; отсутствие извѣстія о нихъ у Павсанія, дѣйствительно, было бы странно, если принять во вниманіе, что на чрезвычайность подобныхъ агоневъ въ ol. 211, 3 (при Неронѣ) указываютъ не только Африканъ, но и Светоній и Филостратъ ¹⁾. Но здѣсь дѣло объясняется проще: *Mie*, на мой взглядъ, вполне убѣдительно доказалъ, что эта надпись говоритъ вовсе не объ олимпійскихъ агоняхъ, а представляетъ собою выставленный въ Олимпіи экземпляръ *ordinis ludorum* Неаполя (въ Кампаніи) ²⁾. Такимъ образомъ падаетъ самое главное основаніе для различенія *ältere* и *jüngere Quelle V* и *VI* книги Павсанія. Для Кальмана важно было это различіе, потому что оно давало возможность точно приурочить древнѣйшій источникъ (8 и 9 гл.) къ Полеону. Ему безспорно удалось доказать, что здѣсь есть *Polemonisches Gut*, именно въ свѣдѣніяхъ о *προσθήκαι* и особенно *κατάλοσις κάλης* и *ἀπλήης* ³⁾, такъ что въ этомъ пунктѣ онъ встрѣчаетъ признаніе и со стороны Гурлетта (p. 165 sq., ср. p. 385), хотя послѣдній, повидимому, правильнѣе думаетъ о *непрямомъ* заимствованіи (p. 398). Если дѣйствительно съ одной стороны мы видимъ въ агонистическихъ извѣстіяхъ слѣды Полеона, съ другой—нѣтъ

¹⁾ *Suet. Nero* 23, *Philostr. Vita Apoll. V*, 7, см. у *Rutgers*, p. 88.

²⁾ *Mie*, *Quaest. Agonist.*, p. 22—26.

³⁾ p. 79 sq. на основаніи сравненія *Paus. V*, 9, 1 съ *Polem. fr.* 23 *Preller* (=Sch. *Vet. Pind. ol. V inser.*) и *Plut. Qu. Conv. V*, 2, 9, ср. *Rutgers*, p. 29, *Mie*, p. 19.

надобности дробить первыя на древнѣйшія и позднѣйшія, то вѣроятно, что Павсаній только пользовался такимъ литературнымъ перечнемъ, который зависѣлъ отъ Полемона, и слѣдовательно разногласія съ Эратосееномъ-Африканомъ должно приписывать этому позднѣйшему перечню. Я не могу согласиться съ Калькманомъ, что въ подобномъ перечнѣ Павсаній не могъ встрѣтить такихъ вещей, какъ отличительныя особенности ἀπύνη и κάλλιη, измѣненія жертвенныхъ обрядовъ, порядка агоневъ и т. п. (*Kalkmann* p. 79 sq.), потому что если даже допустить, что рѣчь о подобныхъ вещахъ не находилась въ общемъ перечнѣ, все-таки она могла быть въ предисловіи къ ἀναγραφῇ въ видѣ общаго историческаго и антикварнаго обзора. При избранномъ мною взглядѣ на агонистическій источникъ Павсанія, конечно, въ сущности переносится только на другое мѣсто центръ тяжести, но это именно, мнѣ кажется, и важно для специально интересующаго насъ пункта. Если мы оставимъ всю исторію реформъ агона у Павсанія непосредственно за Полемономъ, то на долю послѣдняго должно пасть и разногласіе Τηλοπόλεμος—Ἰπποκράτης, а я бы не рѣшился обвинить въ этомъ στήλοκόπαν. Продолжалъ ли Полемонъ ἀναγραφῇ Аристотеля, мы рѣшительно не знаемъ; хотя такой трудъ вполне въ характерѣ этого писателя, все-таки отсутствіе извѣстій о немъ было бы странно, если бы онъ существовалъ. Есть, правда, намекъ у Исихія s. v. Ἐφωδίων: Ἐρατοθένης διὰ τοῦ τῆ Εφωτίων ἀναγράφει, Μαινάλιον περιοδικὴν κατχρατιαστὴν, ὁ δὲ Πολέμων διὰ τοῦ δ (Polem. fr. 52, p. 94 Preller), ср. Arist. Vesp. 1191 и схолия, но съ одной стороны нельзя утверждать, что здѣсь ссылка на περί χρονογραφίων Эратосеена, а скорѣе, можетъ быть, объ этомъ Эфодіонѣ была у него рѣчь въ περί τῆς ἀρχαίας κομφιδίας, съ другой—Полемонъ могъ сдѣлать эту поправку въ τὰ πρὸς Ἐρατοθένην,—въ данномъ случаѣ безразлично, будемъ ли мы считать ихъ за отдѣльное критическое сочиненіе или за часть другаго (περί τῆς Ἀθηνῶν Ἐρατοθένοιο ἐπιδημίας, см. Polem. fr. 48, p. 87 и p. 85 sq.). Неизвѣстно, далѣе, въ какомъ трудѣ и въ какомъ объемѣ писалъ Полемонъ объ Олимпіи (см. *Gurlitt*, p. 398 и 165 sq.) и гдѣ, въ какой связи и по какому поводу онъ говорилъ о προσῆλαι—κατάλοισι; рѣчь объ этомъ была бы уместна и при сравненіи, напримѣръ, съ пифійскими агонями, и здѣсь можно было бы указать на то, что весьма важное въ Полемоновскомъ вопросѣ мѣсто Plut. Qu. Conu. V, 2 приводится именно Плутархомъ, преимущественнымъ знатокомъ *дельфійскихъ* древно-

стей¹⁾, въ діалогѣ, касающемся главнымъ образомъ дельфійскихъ агоневъ и происходившемъ ἐν Πυθίαις, и притомъ непосредственно вслѣдъ за прямой ссылкой на περί τῶν ἐν Δελφοῖς ἠγαστῶν Πολεμόνα; припомнимъ, что и у Павсанія въ исторіи дельфійскихъ агоневъ сказывается стремленіе сопоставлять ихъ хронологически съ олимпійскими. Если теперь при перенесеніи центра тяжести на продолженіе ἀναγραφῆ, которымъ пользуется Павсаній, мы не будемъ смотрѣть на полемоновскія свѣдѣнія, вошедшія въ такое продолженіе въ видѣ составной части, какъ на специальное изслѣдованіе или, по крайней мѣрѣ, экскурсъ объ олимпійскихъ агонахъ, то весьма возможно, что Полемонъ перечислилъ только тѣ проσθηται и καταλόγεις, для которыхъ матеріалъ былъ данъ въ „Олимпіоникахъ“ Аристотеля, а то, что въ исторіи агоневъ у Павсанія переходитъ за предѣлы труда Аристотеля (ол. 114), принадлежитъ уже не Полемону, а продолжателю, отличному отъ Эратосеена-Африкана. Обратимся теперь къ приведеннымъ выше различіямъ между Павсаніемъ и Африканомъ: существенными оказываются только Τηπόλεμος—Ἰπποκράτης для ол. 131, Διόδωρος—Ἐκχώνιος;—Ἀγνόδωρος Κυζικηνός; ол. 160 и, можетъ быть, время побѣды Филастихи ол. 128—129. Все это падаетъ на время послѣ Аристотеля, здѣсь только есть отмѣченное выше λέγουσιν Павсанія, и все это должно принадлежать продолжателю Аристотеля, отличному отъ Эратосеена. Можетъ быть, удалось бы провести и еще больше различій, начиная съ указаннаго времени, если бы мы захотѣли привлечь агонистическій матеріалъ изъ другихъ авторовъ. Я отмѣчу только, что мнѣ показанія Эратосеена—Африкана кажутся болѣе надежными, чѣмъ неизвѣстнаго продолжателя у Павсанія²⁾. Кто не настаиваетъ на тождествѣ Глиполема Павсанія и Поливія, тотъ разницу подъ ол. 131 можетъ объяснять тѣмъ, что продолжатель экскурса объ исторіи агоневъ допустилъ по aberratio oculorum ошибку, въ предѣлахъ списка побѣдителей той же олимпиады, взявъ, напримѣръ, имя побѣдителя Ἰππφ κέλῃτι вмѣсто πάλφ κέλῃτι. При моей точкѣ зрѣнія это имя или ошибочно взято изъ ол. 141 (или около

¹⁾ Онъ былъ однимъ изъ дельфійскихъ жрецовъ, см. *H. Pomtow, N. Jahrb. f. Phil.* 1889, p. 551—554.

²⁾ Ср. при этомъ *Rutgers*, p. 10 sq. о χάρις и Μίε, p. 18 и 15; *Rutgers*, p. 105, еще о Paus. VI, 16, 8 (ο Νεολαίδης): aut in ἀναγραφῇ error latet, aut Pausanias falsus est: fortasse puerilem victoriam pro virili habuit.

нея) вмѣсто 131, или оно сообщено автору мѣстными эсигитами. Последніе легко могли допустить ошибку, особенно если принять во вниманіе, что побѣда нашего Тлиполема $\alpha\omega\lambda\phi\ \kappa\acute{\alpha}\lambda\eta\tau\iota$ въ концѣ III вѣка отличалась какой-либо особой пышностью, была побѣдой *кат' ἔξοχὴν* въ этомъ родѣ состязанія. Прибавлю еще, что Птолемей IV обнаруживалъ особенный интересъ къ олимпійскимъ играмъ: слава египтянина кулачнаго бойца Клитомеха побудила его выслать въ ол. 142 съ своей стороны Аристоника на состязаніе $\pi\omega\gamma\mu\eta\eta\upsilon$ ¹⁾. У Филострата въ разказѣ о введеніи $\kappa\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\tau\iota\omega\upsilon\ \tau\alpha\iota\delta\omega\upsilon$ = ол. 145 въ несомнѣнно испорченномъ текстѣ мы, между прочимъ, читаемъ: $\delta\phi\epsilon\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \tau\omega\upsilon\ \delta\omega\lambda\mu\pi\acute{\alpha}\delta\omega\upsilon\ \text{A}\iota\gamma\iota\omega\kappa\tau\omega\upsilon\ \eta\delta\eta\ \sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\omega\mu\epsilon\eta\eta\varsigma\ \eta\rho\epsilon\alpha\tau\omega$ ²⁾. Конечно, нѣтъ необходимости ставить побѣду Тлиполема непременно послѣ смерти Птолемея IV ³⁾.

Итакъ, значеніе публикуемаго мною документа я вижу, кромѣ указаннаго выше относительно Поливія, въ томъ, что онъ даетъ намъ поводъ отождествить двухъ литературныхъ Тлиполемовъ и чрезъ то наводитъ насъ на нѣкоторыя соображенія объ источникахъ исторіи агоневъ у Павсанія. Намъ остается подождать, не принесутъ ли дельфійскія агонистическія надписи чего-нибудь подтверждающаго

¹⁾ *Polyb.* XXVII, 9 (7a), см. *Rutgers*, p. 73 sq., *Förster*, II, p. 8.

²⁾ У *Rutgers*, p. 75, настаивать на этой замѣткѣ впрочемъ нельзя, потому что побѣдители — *Ἀλεξανδρείς* (хотя и неизвѣстно, изъ какой Александріи) были уже въ ол. 127, 131, 135, 138, 140 (?).

³⁾ При объясненіи разногласія у Павсанія и Африкана мнѣ приходило въ голову, не связано ли было въ Олимпіи съ именемъ Тлиполема какое-нибудь другое нововведеніе (см. выше о *σφαιρομαχία* у *Polyb.* XVI, 21, 6), но отъ такого предположенія нужно отказаться, потому что такое нововведеніе должно было бы относиться ко времени до 145 ол., а мы имѣемъ и у Павсанія и у Африкана здѣсь полныя указанія, въ которыхъ не прибавляетъ ничего новаго и 177-я олимпиада Флегонта. Правда, у послѣдняго при отсутствіи $\chi\eta\rho\acute{\alpha}\varsigma$ и $\sigma\alpha\lambda\pi\iota\kappa\tau\eta\varsigma$ (ихъ нѣтъ и у Павсанія, хотя они существовали и позднѣе, *Міе.* p. 20 и 22) дважды называется $\delta\acute{\omicron}\lambda\mu\chi\omega\varsigma$, но послѣ неудовлетворительныхъ попытокъ объяснить второй $\delta\acute{\omicron}\lambda\mu\chi\omega\varsigma$ у *Corsini*, *Meier*'s и *Krause* (см. *Förster*, II, p. 12), кажется, нужно вмѣстѣ съ *Міе.* p. 20, признать, что здѣсь кроется какая-то порча, такъ какъ онъ правильно указываетъ, что побѣдителемъ во второмъ $\delta\acute{\omicron}\lambda\mu\chi\omega\varsigma$ названъ $\Gamma\acute{\alpha}\iota\omega\varsigma$ *Ρωφραίων*, а это даже не имя. Едва ли можно и думать о существованіи $\delta\epsilon\kappa\iota\tau\omega\lambda\omega\upsilon$; оно упоминается только однажды, какъ нѣчто чрезвычайное, въ ол. 211,3 при Неронѣ, который и былъ конечно, признанъ побѣдителемъ, хотя состязаніе было далеко не удачно, см. *Rutgers* и *Förster*.

высказанныя мною предположенія. Что касается олимпійскихъ надписей, то я напрасно искалъ въ нихъ подходящаго къ разбираемому вопросу: древнѣйшія изъ нихъ о *συνωρίς πολική* и о *κῶλος κέλης*, по видимому, не заходятъ въ III вѣкъ ¹⁾, имена же Тлиполема и Артапата вовсе не встрѣчаются ²⁾.

А. Шмидтскій.

¹⁾ См. сопоставленіе ихъ у *Hirschfeld*'а въ *Arch. Zeit.* 1882, р. 107, гдѣ надпись п^о 370 о *συνωρίς πολική* приблизительно отнесена ко 2-му вѣку (*Dittenberger* при наданіи ея, *Arch. Zeit.* 1880, р. 166, говоритъ по шрифту о *первой* половинѣ 3-го или *второй* половинѣ 2-го (?), то же повторяетъ *Förster*, II р. 9), а п^о 121 о *κῶλος κέλης* по 2 или 1 вѣку.

²⁾ Нѣсколько отдѣльныхъ замѣтокъ къ нашей надписи. Въ стр. 2 *Ἀνδροσθέν* — напоминаетъ *Ἀνδροσθένιδας*, имя одного изъ этолійскихъ іеронимонновъ въ архонтство Калліа въ Дельфахъ, см. *Bull. de corr. hell.* VII, р. 417 = *Pomilio, Jahrb. f. Phil.* 1894, р. 535, или *Ἀνδροσθένης*, вессалійскаго стратега 187 года, называемаго Евсевіемъ, см. *Euseb. Schöne*, I, р. 276. Ср. еще *Polyb.* XI, 34, 12. Можетъ быть, имя посла или изъ перечня іеронимонновъ. Въ стр. 4 *Φύσχος* — городъ западной Локриды, входившей въ разбираемое время въ составъ Этоліи; манумиссіи жителей Фиска въ началѣ II вѣка датируются по этолійскому стратигу. См. *C. Salveti, Ricerche storiche intorno alla lega Etolica* въ *Studi di Storia antica Beloch*'а, II р. 116 и 124. Въ стр. 5 *ὑραμματ* — рѣчь или о *ὑραμματ*а или о *ὑραμματεὸς* амфиктіоновъ. Въ стр. 6 сл., можетъ быть, были и титулы Тлиполема, но ничего подходящаго для несомнѣннаго восстановленія я не нашелъ (ср. объ египетской магистратурѣ *Franz* въ *SIG.* III, р. 290 sq.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(май и іюнь 1895 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (13-го декабря 1894 года). О присвоеніи Краснокутскому двух-классному городскому училищу наименованія „Краснокутское городское Герасима Дашкевича училище“	3
2. (6-го февраля 1895 года). О продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу	3
3. (20-го февраля 1895 года). Объ увеличеніи кредита на хозяйственные расходы Императорскаго Россійскаго историческаго музея.	—
4. (20-го февраля 1895 года). О назначеніи пособія Уральскому Обществу любителей естествознанія.	5
5. (10-го марта 1895 года). Объ опубликованіи во всеобщее свѣдѣніе Высочайшихъ отмѣтокъ на отчетахъ Волынскаго и Тургайской области губернаторовъ .	6
6. (8-го февраля 1895 года). О переводѣ учрежденной при упраздненной Краснослободской прогимназии стипендіи въ память священнаго коронованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны въ Краснослободское городское четырехклассное училище	39

7. (8-го февраля 1895 года). Обь учрежденіи при Оренбургской женской гимназіи двухъ стипендіи Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Алексанеры Феодоровны . 39
8. (8-го февраля 1895 года). Обь учрежденіи при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра III . 40
9. (8-го февраля 1895 года). Обь учрежденіи при Одесской второй гимназіи стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра III —
10. (8-го февраля 1895 года). О введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ положенія и штата Императорскаго Московскаго технического училища —
11. (8-го февраля 1895 года). Обь учрежденіи стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра III при Ялтинской женской прогимназіи. —
12. (8-го февраля 1895 года). О присвоеніи Александровской гимназіи смоленскаго земства въ г. Вязмѣ наименованія: „Вяземская Императора Александра III гимназія смоленскаго земства“ 41
13. (8-го февраля 1895 года). Обь учрежденіи при Пятигорскомъ трехклассномъ училищѣ вспомогательнаго капитала Имени Государыни Великой Княгини Ксеніи Александровны —
14. (8-го февраля 1895 года) Обь учрежденіи при Оренбургской женской гимназіи стипендіи Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. —
15. (20-го марта 1895 года). О преобразованіи Одесской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ 42
16. (20-го марта 1895 года). Обь учрежденіи въ городѣ С.-Петербурѣ трехкласснаго городскаго училища 43
17. (27-го марта 1895 года). Обь окладахъ пенсій профессоромъ, доцента и преподавателей специальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ —

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

15-го марта 1895 года .	7
24-го марта 1895 года .	11
30-го марта 1895 года .	14
21-го апрѣля 1895 года	44
25-го апрѣля 1895 года	55
4-го мая 1895 года	57
11-го мая 1895 года	59

МИНИСТЕРСКИЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (11-го марта 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени коллежскаго секретаря Наполеона Николаевича Антоновича при Шавельской гимназіи. 26

2. (11-го марта 1895 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина кяхтинскаго 1-я гильдіи купца Михаила Андреевича Хаминова при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ . 27
3. (15-го марта 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Андреевича Хаминова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ . 28
4. (18-го марта 1895 года) Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Никитича Генешина въ слесарно-ремесленномъ училищѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній . 29
5. (23-го марта 1895 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго одесскаго городского головы, тайнаго совѣтника Николая Александровича Новосельскаго при Императорскомъ Новорисійскомъ университетѣ 30
6. (31-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Пензенской гервой гимназій 31
7. (7-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени Густава Фридриховича Кребса, бывшаго смотрителя втораго Рижскаго уѣзднаго училища, преобразованнаго въ реальное училище Императора Петра I. 32
8. (23-го февраля 1895 года). Положеніе о стипендіи при Новохоперскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ имени генераль-маіора Михаила Николаевича Раевского . 61
9. (23-го февраля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени умершей жены статскаго совѣтника Екатерины Матвѣевны Сташевской, урожденной Муравьевой, при первой Тифлисской Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназій —
10. (24-го февраля 1895 года). Положеніе о стипендіи Имени Императора Александра III при Иваново-Вознесенской женской гимназій 63
11. (31-го марта 1895 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Фаддея Осиповича Бобровскаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра 64
12. (9-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Семена Трофимовича и Маріи Трофимовны Красноглазовыхъ и тульскаго купца Дмитрія Яковлевича Ванькина при Тульскомъ ремесленномъ училищѣ 65
13. (16-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени полковника Ивана Петровича Хондажевскаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 66
14. (18-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго кяхтинскаго 1-я гильдіи купца, потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Андреевича Хаминова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ . 67
15. (18-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Александра Григорьевича Ещенкова при Семипалатинской мужской четырехклассной прогимназій 68

16. (20-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова при Вологодской гимназій	69
17. (21-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ	70
18. (23-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Алексѣя Григорьевича Бѣлокопытова при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	71
19. (24-го апрѣля 1895 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ефимовича Владимірова при Кузгурскомъ техническомъ, имени Губкина, училищѣ	72

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ**

34 и 73

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ**

77

Официальныя извѣщенія	80
Открытіе училищъ	36 и 86
Семнадцатое и восемнадцатое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1

ОТДѢЛЪ НАУБЪ.

М. А. Дьяконовъ. Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ	1
Ромуальда Бодуэнъ де-Куртенэ. Записки Львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 года въ Москвѣ	62
С. В. Рождественскій. Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI вѣкѣ	70
А. И. Соболевскій. Забѣтки по славянской грамматикѣ	84
Д. В. Айналовъ. Мозаики IV и V вѣковъ (продолженіе)	94
И. П. Филевичъ. Очеркъ Карпатской территоріи и населенія (продолженіе)	156
В. Рудаковъ. Василій Васильевичъ Крестининъ	219
А. Н. Веселовскій. Молитва св. Сисинія и Верзилово коло	226
П. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработкы	251
В. И. Модестовъ. Древнѣйшій періодъ Рима	292
П. В. Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской словесности (продолженіе)	324

Н. Я. Марръ. Персидская национальная тенденція въ грузинскомъ романѣ „Амирандареджаніани“	352
Проф. Ф. П. Леотовичъ. Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины	366
П. А. Кулаковскій. Павелъ Юсифъ Шафарикъ	404

КРИТИКА И ВЪСПЛОГРАФІА.

А. Д. Липовскій. Путевыя письма Измаила Ивановича Срезневскаго изъ Славянскихъ земель (1839—1842). С.-Пб. 1895 . . .	235
А. К. <i>Максимъ Ковалевскій</i> . Происхожденіе современной демократіи. Томъ I. Москва. 1895 . . .	238
Д. М. Позднѣевъ. Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства Средняго имперіи и военнаго значенія пограничной съ Россіею полосы. (Съ XVI чертежами). Генеральнаго Штаба полковникъ <i>Д. В. Путья</i> . С.-Пб. 1895.	448
А. Е. Прѣсняковъ. Новыя данныя для изученія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ . . .	466
Замѣчаніе редакціи по поводу статьи профессора Позднѣева: „Последнія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ“	475
Книжныя новости	241 и 476

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Н. Е. Скворцовъ. Органическій недугъ современной гимназій. Наша учебная литература (разборъ 15 изданій и книгъ).	1 37
--	---------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорское Русское Историческое Общество . . .	1
Наши учебныя заведенія: Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ 1894 году. . .	30
Е. Т. Письмо изъ Рима . . .	39
Императорское общество исторій и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1894 году	57
П. В. Павловъ (<i>мекрологъ</i>)	75

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Ѳ. Эманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>продолженіе</i>).	17.
М. П. Крашенинниковъ. Эпиграфическіе этюды (<i>продолженіе</i>).	55
И. И. Холоднякъ. Эпиграфическія замѣтки .	112
А. В. Никитскій. Типологическія Арташатавъ Ливійскій.	114

